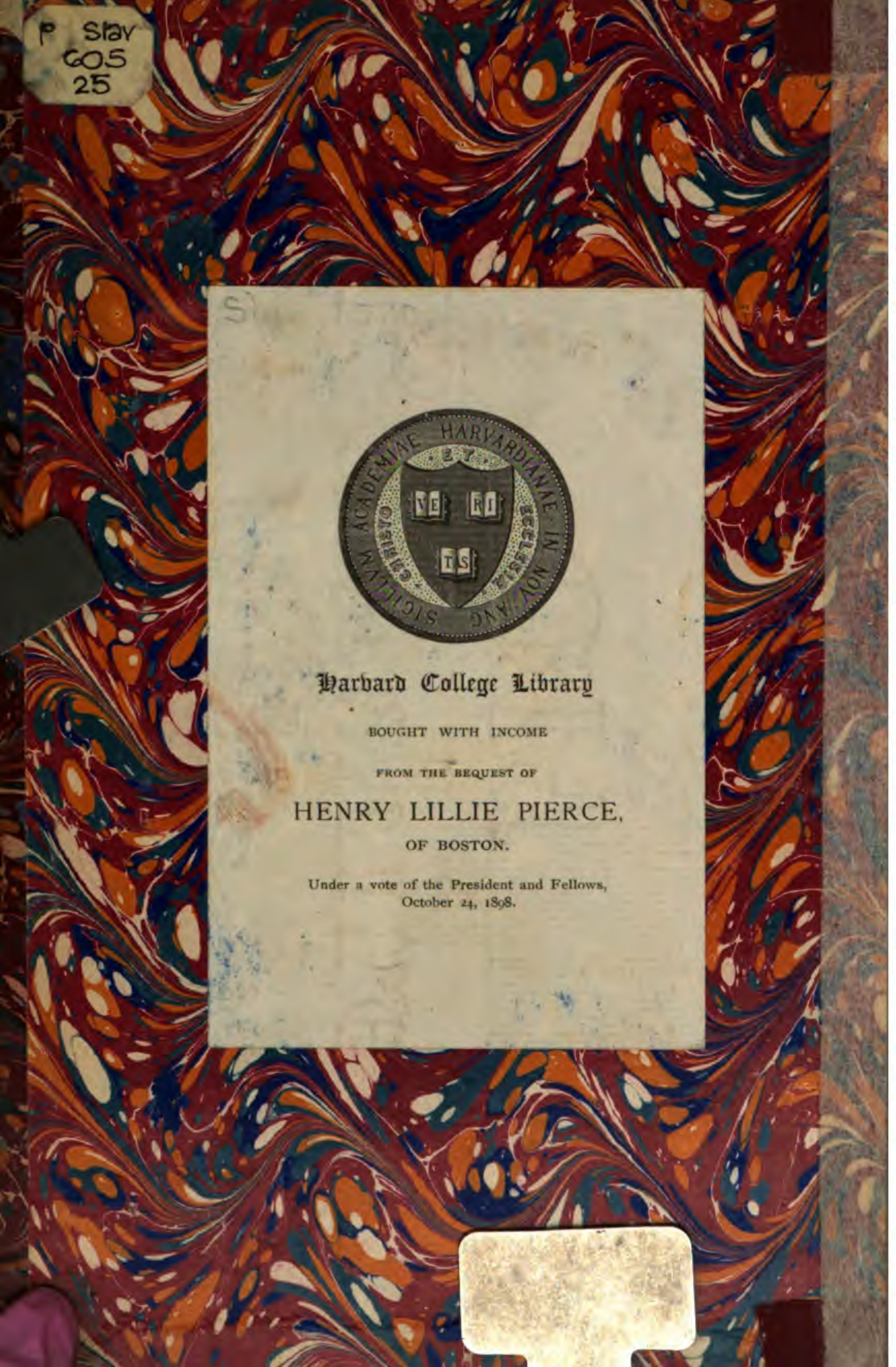

P Slav 605 25
CHRISTO ET ECCLESIAE
SIGILLUM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
VE RI TAS

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXIII-й. ЯНВАРЬ. 1902 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза",
Большая Подьяческая, № 39.
1902.

1-я книга „Русской Старины" вышла 1-го января 1902 года.

Библіографическій листокъ.

А. Луговой. „Pollice Verso — Добей его". Параллели.

Въ книгѣ этой, весьма роскошно изданной Марксомъ, помѣщено 87 художественныхъ рисунковъ, исполненныхъ А. Маковскимъ. Какъ по интересному содержанію, такъ и роскошному изданію книга эта заслуживаетъ полнаго вниманія читателей.

И. Божеряновъ. „Невскій проспектъ 1703 — 1903". Культурно - историческій очеркъ двухвѣковой жизни С.-Петербурга. Изданіе А. И. Вильборга, поставщика Двора Его Императорскаго Величества. Выпускъ I.

Роскошное изданіе фирмы Вильборга вполнѣ заслуживаетъ вниманія читателей, какъ по интересу разсказа, такъ и по художественности исполненныхъ портретовъ, гравюръ, видовъ и плановъ города. Надо желать, чтобы изданіе было доведено до конца какъ можно скорѣе.

Къ столѣтію присоединенія Грузіи. Кавказъ и его герои. Составилъ И. Н. Захарьинъ (Якунинъ). С.-Петербургъ. 1902 г. Цѣна 1 р. 50 к.

16-го февраля 1801 года жители Тифлиса, собранные въ Софійскій соборъ, присягнули на вѣрность своему новому государю, императору Павлу Петровичу, а 12-го апрѣля 1802 г., въ великую субботу, былъ обнародованъ въ Тифлисѣ и самый манифестъ о присоединеніи Грузіи къ Россійскому государству. Этотъ день и можетъ быть правильно названъ временемъ фактическаго вступленія Россіи во владѣніе царствомъ Грузинскимъ,—говоритъ г. Захарьинъ въ своемъ предисловіи. Однако, несмотря на это, повидимому, добровольное присоединеніе Грузіи, просившей защиты и покровительства Россіи противъ постоянно нападавшихъ и разорявшихъ ее персіанъ и турокъ,—намъ пришлось все-таки заплатить дорогою цѣною за обладаніе этимъ царствомъ: сотни тысячъ жизней и сотни милліоновъ рублей довелось затратить Россіи ради окончательнаго закрѣпленія за собою Кавказа и ради его умиротворенія. Да и нельзя было поступить иначе,—замѣчаетъ авторъ,—потому что, во-первыхъ, въ центрѣ Кавказа находилось православное Грузинское царство, существованію котораго постоянно угрожали два сильныхъ и воинственныхъ народа, исповѣдывавшихъ религію Магомета,—турки и персы; во-вторыхъ, потому, что эти самые народы, находясь по сосѣдству съ Кавказомъ, постоянно угрожали также и намъ и, при помощи воинственныхъ и хищныхъ горскихъ племенъ, ютившихся въ Кавказскихъ горахъ, причиняли намъ часто вредъ и насилія, и держали въ великомъ страхѣ пограничное русское населеніе. И вотъ пришлось намъ, волей-неволей, воевать; война эта тянулась 60 съ лишкомъ лѣтъ, окончившись въ царствованіе императора Александра II, съ плѣненіемъ Шамиля. Во время этой продолжительной войны проявилось съ обѣихъ сторонъ не мало истинныхъ героевъ, отличившихся разными доблестями и беззавѣтною храбростью. Для русскихъ военныхъ людей Кавказъ былъ школою, гдѣ воспитывались и закалялись военные таланты, а равно и характеры многихъ даровитыхъ людей, посвятившихъ себя военному дѣлу.

Подвиги этихъ героевъ и описываетъ г. Захарьинъ въ своей книгѣ.

Трудъ г. Захарьина, составленный на основаніи выдающихся сочиненій о Кавказѣ и изъ отдѣльныхъ о немъ статей, — состоитъ изъ двухъ книгъ: 1) святыни, богатства и народы, и 2) герои Кавказа, подраздѣляющихся каждая на двѣ части.

Въ первой части первой книги авторъ, задавшись цѣлью—дать въ доступномъ изложеніи возможно сжатые и краткіе очерки Кавказа, описываетъ главныя святыни и богатства этого края.

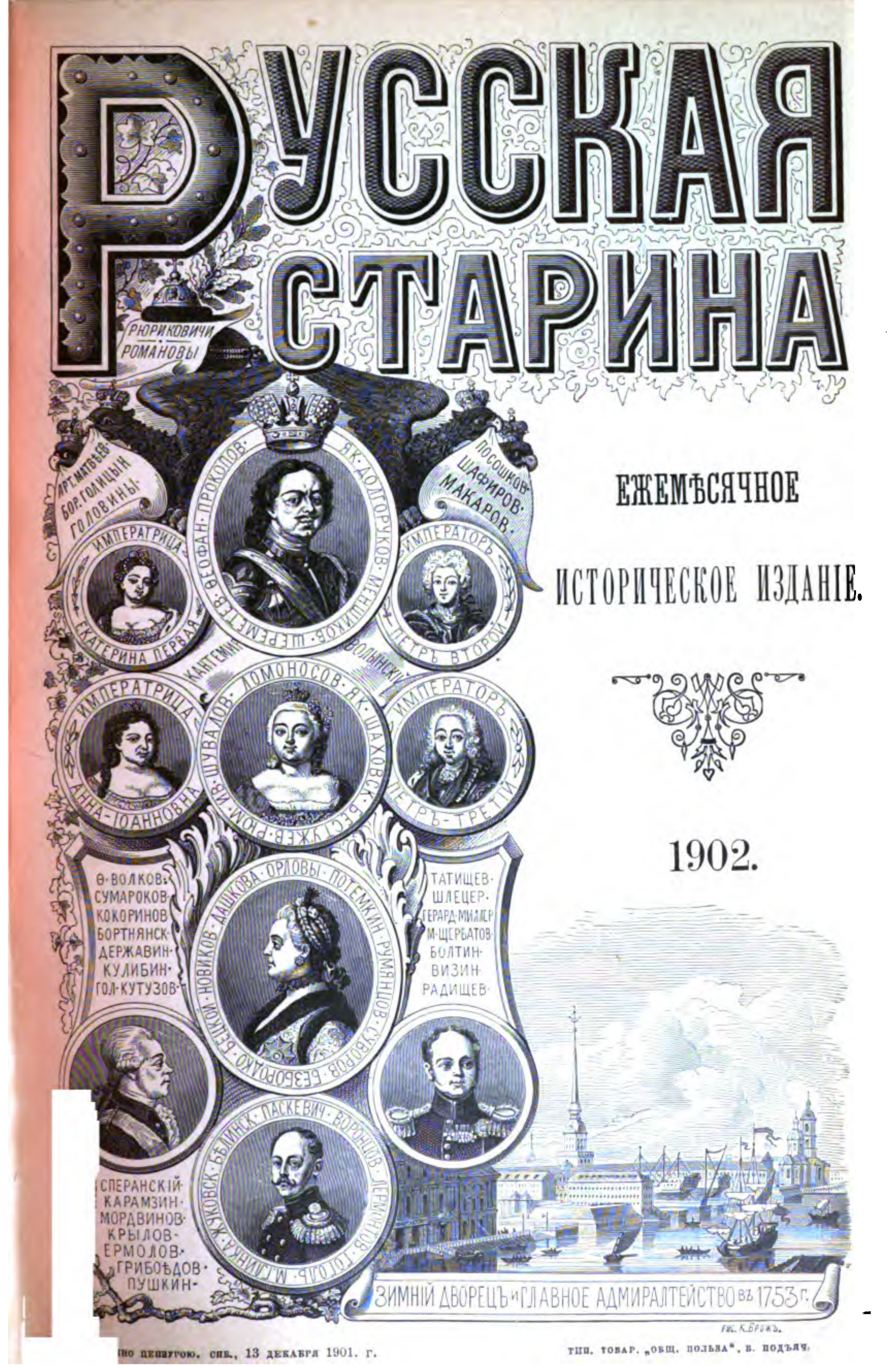
Свое изложеніе начинаетъ г. Захарьинъ съ жизнеописанія Св. Нины, съ именемъ которой связано навѣки упроченіе христіанства въ Грузіи; далѣе онъ описываетъ церковь Св. Давида въ Тифлисѣ, монастыри и древнія церкви близъ Ахалцыха; потомъ приводитъ историческую справку о Кавказѣ до Петра I; говоритъ объ основаніи Тифлиса и присоединеніи Грузіи.

Перепечатавъ описаніе Военно-Грузинской дороги изъ «Путешествія въ Арзрумъ» А. С. Пушкина, авторъ помѣстилъ описаніе этой дороги изъ книги Н. И. Ковалевскаго «Абастуманъ».

Вслѣдъ за свѣдѣніями о Баку и объ его нефтяныхъ источникахъ, въ книгѣ г. Захарьина мы находимъ описаніе Кавказскихъ минеральныхъ водъ (группы Сѣвернаго Кавказа, Боржомъ, Абастуманъ), затѣмъ—свѣдѣнія о виноградаріи и шелководствѣ на Кавказѣ. Шелководство на Кавказѣ,—по словамъ автора,—насчитываетъ болѣе 10 вѣковъ существованія. Оно перешло къ его населенію изъ сопредѣльной Персіи, почему естественно проглядываетъ связь между закавказскимъ и персидскимъ шелководствомъ. Всѣ пріемы и снаряды, которые мы встрѣчаемъ у шелководовъ-крестьянъ, являются въ огромномъ большинствѣ случаевъ отголоскомъ давно прошедшихъ временъ.

Сообщивъ краткую, но очень печальную повѣсть о кавказскихъ каменноугольныхъ богатствахъ, открытыхъ за послѣднее время, г. Захарьинъ болѣе подробно останавливается на Кавказскомъ побережьи Чернаго моря, этой «Русской Ривьерѣ», «Русской Колхидѣ», и приводитъ цѣликомъ свою статью о восточномъ побережьи Чернаго моря, первоначально напечатанную въ майской книгѣ «Историческаго Вѣстника» 1901 года.

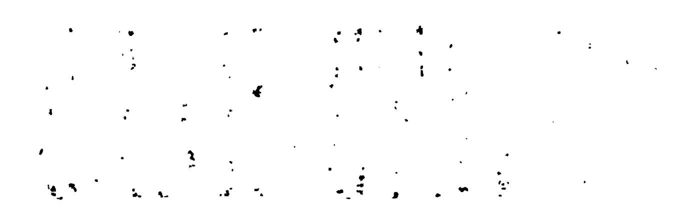
Во второй части первой книги авторъ знакомитъ читателя съ народонаселеніемъ Кавказа. здѣсь помѣщены свѣдѣнія изъ очень интересной и обратившей на себя всеобщее

РУССКАЯ СТАРИНА
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.
1902.
РЮРИКОВИЧИ
РОМАНОВЫ
АРТ. МАТВѢЕВ
БОР. ГОЛИЦЫН
ГОЛОВИНЫ
ПОСОШКОВ
ШАФИРОВ
МАКАРОВ
ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА ПЕРВАЯ
ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ ВТОРОЙ
ИМПЕРАТРИЦА АННА-ІОАННОВНА
ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ ТРЕТІЙ
Ѳ. ВОЛКОВ
СУМАРОКОВ
КОКОРИНОВ
БОРТНЯНСК
ДЕРЖАВИН
КУЛИБИН
ГОЛ. КУТУЗОВ
ТАТИЩЕВ
ШЛЕЦЕР
ГЕРАРД-МИЛЛЕР
М. ЩЕРБАТОВ
БОЛТИН
ВИЗИН
РАДИЩЕВ
СПЕРАНСКІЙ
КАРАМЗИН
МОРДВИНОВ
КРЫЛОВ
ЕРМОЛОВ
ГРИБОѢДОВ
ПУШКИН
ЗИМНІЙ ДВОРЕЦЪ и ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО въ 1753 г.
рис. К. Брожъ.
...но цензурою. Спб., 13 декабря 1901. г.
Тип. Товар. „Общ. Польза“, В. Подъяч.

ИГУМЕНЬЯ МИТРОФАНІЯ.

(Урожденная баронесса Розенъ).

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

основанное 1-го января 1870 г.

1902.

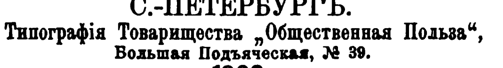
ЯНВАРЬ.—ФЕВРАЛЬ.—МАРТЪ.

ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

ТОМЪ СТО ДЕВЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, № 39.
1902.

Pierce fund.

Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка.

XVI [1]).

Варшавское общество любителей наукъ и его политическое значеніе.—Ѳаддей Чацкій.—Кн. Адамъ Чарторыйскій и его отношенія къ императору Александру.—Образованіе Виленскаго учебнаго округа.—Назначеніе кн. Чарторыйскаго его попечителемъ.—Актъ учрежденія Виленскаго университета.—Министръ народнаго просвѣщенія графъ Завадовскій и его отношенія къ полякамъ.—Его содѣйствіе князю Чарторыйскому въ ополяченіи края.—Главные сотрудники князя Чарторыйскаго: ксендзъ Дмоховскій и Гуго Колонтай.—Основаніе Кременецкой гимназіи.—Участіе Варшавскаго общества любителей наукъ въ дѣятельности Виленскаго университета.—Политическая дѣятельность Общества.

После раздѣла Польши, поляки не переставали мечтать о возстановленіи своего отечества. Эмигранты ихъ, жившіе въ Парижѣ, обращали свои взоры къ Франціи и къ возвышавшемуся тогда генералу Бонапарту. Еще во время похода въ Италію, Наполеонъ говорилъ своему адъютанту Суликовскому:

— Когда я окончу эту войну, то двинусь во главѣ французовъ для освобожденія вашей родины. Скажите вашимъ соотечественникамъ, чтобы они вооружались, стараясь въ то же время поддерживать общеніе между раздѣленными частями страны своей.

Поляки послѣдовали совѣту Наполеона и центромъ взаимныхъ сношеній разрозненныхъ частей Польши явилось «Варшавское общество любителей наукъ» (Towarzystwo Przyjacioł. Nauk

[1]) См. „Русскую Старину“ декабрь 1901 г.

или Towarzystwo uczonych), основаніе котораго относится къ ноябрю 1800 года [1]).

Гуманный прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ, подъ управленіемъ котораго находилась эта часть Польши, смотрѣвъ сквозь пальцы на существованіе Общества, но долгое время не давалъ ему оффиціальной утвердительной граматы, и только спустя нѣсколько лѣтъ, рескриптами отъ 1-го іюля 1802 г. и 5-го ноября 1804 г. на имя предсѣдателя зенопольскаго епископа Албертранди, призналъ существованіе этого Общества.

Тѣмъ не менѣе Общество открыло свои дѣйствія и до этого признанія. 8-го (20-го) мая 1801 года Варшавское общество имѣло первое публичное засѣданіе въ домѣ своего предсѣдателя или президента, привѣтствовавшаго собравшихся особою рѣчью.

— Распространеніе истиннаго просвѣщенія, — сказалъ Албертранди [2]),—есть величайшее средство изъ всѣхъ благотвореній, какія только можно оказать человѣческому роду. Кто побѣждаетъ ложныя мнѣнія, разгоняетъ предразсудки, посрамляетъ заблужденія, тотъ очищаетъ путь къ истинѣ, которая, озаряя умы спасительнымъ свѣтомъ, направляетъ сердца къ добродѣтели, ибо порокъ, хотя иногда рождаютъ его страсти, по большей части бываетъ послѣдствіемъ ложнаго разсужденія о вещахъ. При томъ, первая честь всякаго народа основывается на томъ, когда онъ славится науками и знаніями. Усовершенствованіе въ нихъ есть плодъ благороднѣйшей части—разума.

Албертранди указывалъ на то, что всѣ великіе государи, министры и благоразумные правители, сознавая эту истину, прилагали ревностное стараніе къ распространенію сколь возможно болѣе просвѣщенія, будучи увѣрены, что оно даетъ имъ единое средство къ насажденію въ ихъ владѣніяхъ добрыхъ нравовъ и къ пріобрѣтенію народомъ славы.

— Сигизмундъ I и Сигизмундъ-Августъ,—говорилъ ораторъ,—знаменитые короли изъ рода Ягеллоновъ—сохраняли эти правила, и въ царствованіе ихъ народъ польскій почитался просвѣщеннѣйшимъ. Послѣ того несогласія, родившіяся отъ разстроеннаго правленія, и са-

---

[1]) 23-го ноября 1800 г. собрались для обсужденія вопроса о цѣли и дѣятельности Общества слѣдующія лица: епископъ Албертранди, тайный совѣтникъ Ѳаддей Чацкій, графъ Станиславъ Грабовскій, Станиславъ Клокоцкій, Ѳаддей Матусевичъ, ксендзъ Іосифъ Осинскій, графъ Станиславъ Потоцкій, ксендзъ Андрей Рептовскій, графъ Станиславъ Солтыкъ, Христофоръ Веселовскій, Михаилъ Валицкій, Иванъ Вылежинскій, ксендзъ Игнатій Заборовскій, ксендзъ Францискъ Дмоховскій.

[2]) „Мысль о пособіи воспитанію юношества", журналъ, „Улей" на 1812 г., ч. III, стр. 313.

мое безначаліе, проистекшія отъ недостатка просвѣщенія, помрачили страну сію (Польшу) непроницаемою мглою. Еще не болѣе полувѣка протекло, какъ она стала вновь озаряться. Коммиссія народнаго воспитанія, преобразованіе училищъ и академій, изданіе разныхъ сочиненій, изъ коихъ не малое число сулило писателямъ и народу безсмертную славу—все подавало надежду, что науки пріобрѣтутъ у насъ прежнее свое уваженіе. Но свершился послѣдній жребій, предопредѣленный сей странѣ судьбою! Жители оной думали, что, съ перемѣною политическаго бытія, должны будутъ отрещись отъ наукъ и даже отъ природнаго языка своего.

Указавъ, что такое мнѣніе влечетъ за собою вредныя послѣдствія, что оно обидно для народной чести, что Общество можетъ достигнуть истиннаго просвѣщенія только на природномъ языкѣ, Албертранди такъ закончилъ свою рѣчь.

— Мы видимъ примѣры,—сказалъ онъ,—что природный языкъ, несмотря на всѣ послѣдовавшія перемѣны въ правленіи, многіе вѣка оставался почти не нарушенъ въ народѣ. Невозможность совершеннаго истребленія народнаго языка показываетъ, сколь нужно пріобрѣтать просвѣщеніе на природномъ. Это привело къ тому, что нѣкоторыя особы предприняли намѣреніе составить въ Варшавѣ «Общество любителей наукъ». Первые соединившіеся члены положили въ устроеніи семъ ненарушимое правило, что всѣ политическіе предметы, относящіеся къ нынѣшнимъ правленіямъ, оставляютъ они съ тѣмъ, чтобы не вмѣшиваться въ дѣла такого рода, но предполагаютъ себѣ единственную цѣль—заниматься возращеніемъ наукъ и искусствъ. Откровенный и искренній поступокъ пріобрѣтетъ себѣ по справедливости довѣренность. Особы, положившія начало и связь Обществу, просили правительство, дабы подъ его защитою позволено имъ было трудиться въ наукахъ, будучи увѣрены, что столь полезное намѣреніе заслужитъ благосклонный пріемъ. Они не ошиблись въ своей надеждѣ и получили явственное и совершенное позволеніе.

По первоначальному уставу, представленному на утвержденіе, въ предметъ занятій Общества входило: 1) сохраненіе чистоты польскаго языка; 2) распространеніе на томъ же языкѣ полезныхъ знаній; 3) изданіе разсужденій о предметахъ полезныхъ государству и наукамъ; 4) переводы лучшихъ иностранныхъ писателей; 5) оцѣнка сочиненій, присылаемыхъ для изданія ихъ отъ имени Общества; 6) удешевленіе изданій сочиненій, заслуживающихъ вниманія, и 7) сохраненіе въ памяти потомства выдающихся умершихъ поляковъ при помощи рѣчей, біографическихъ очерковъ и т. п.

Въ концѣ устава было сказано, что Общество «воспрещаетъ

себѣ разсуждать» о предметахъ противныхъ христіанской вѣрѣ, настоящему правленію и обычаямъ».

Такимъ образомъ Общество, казалось, отклоняло отъ себя всякое подозрѣніе въ соединеніи ученой цѣли съ какими-либо политическими видами и вмѣшательство въ нихъ. А между тѣмъ въ самомъ началѣ учрежденія Общества проглядывала уже затаенная цѣль, которую можно было угадывать по картинѣ, повѣшенной на самомъ видномъ мѣстѣ въ залѣ собранія Общества. На картинѣ было изображено покореніе королевичемъ Владиславомъ г. Смоленска. Владиславъ изображенъ былъ сидящимъ на гордомъ конѣ, попирающемъ русскія знамена, а возлѣ нихъ были видны раболѣпно повергшіеся на землю русскіе люди, подносящіе Владиславу ключи Смоленска [1]).

Въ засѣданіи Общества 12-го ноября 1802 года епископъ Коссаковскій заявилъ, что Главное литовское училище (Виленскій университетъ) продолжаетъ распространять просвѣщеніе по уставамъ и учебнымъ книгамъ, изданнымъ бывшею во время польскаго управленія коммиссіею народнаго просвѣщенія, и что такой способъ воспитанія юношества нынѣ нельзя признать удовлетворительнымъ. Заявленіе Коссаковскаго привело Общество къ рѣшенію вмѣшаться въ это дѣло и войти въ сношеніе съ литовскимъ училищемъ. Общество успѣло испросить на это дозволеніе русскаго правительства, и съ 1803 года сношенія эти начались.

Не довольствуясь этимъ, Общество любителей наукъ открыло впослѣдствіи сношенія и съ Харьковскимъ университетомъ. Пользуясь тѣмъ, что попечителемъ этого университета былъ сенаторъ русской службы Северинъ Потоцкій [2]), Общество избрало его въ свои члены, при чемъ предсѣдатель Албертранди, 26-го апрѣля 1805 г., писалъ ему, что Общество гордится тѣмъ, что подъ его управленіемъ состоятъ обширныя области, «ознаменованныя нѣкогда польскимъ оружіемъ (?) и славящіяся въ исторіи рода человѣческаго» [3]).

Преслѣдуя съ самаго начала своего существованія политическія цѣли, Варшавское общество наукъ старалось завести связи съ ино-

---

[1]) Старческія воспоминанія Авдія Востокова, „Вѣстникъ Юго-Западной и Западной Россіи“ 1864 г. № 2, Отдѣлъ II, стр. 54.

[2]) Северинъ Потоцкій былъ сенаторомъ III департамента Сената, въ которомъ разсматривались дѣла, такъ называвшихся тогда „Польскихъ провинцій“.

[3]) Взглядъ на дѣйствія бывшаго Варшавскаго сбщества любителей чаукъ (рукопись).

странными государствами и съ этою цѣлью отправило Нѣмцевича въ Америку [1]), а Мальчевскаго въ Парижъ [2]).

Все это дѣлалось тайно и скрывалось на столько, что въ напечатанныхъ въ 1802 и 1803 годахъ уставахъ Общества рѣшительно исключено было все, относящееся до вѣры, правительства и политическаго состоянія края,—но въ уставѣ Общества, изданномъ въ 1805 году, уже не упоминалось, что преимущественными занятіями его будетъ исторія Польши, польская словесность и польскій языкъ.—Напротивъ, въ уставъ этотъ введенъ былъ новый предметъ—правовѣдѣніе, къ которому принадлежала и политика.—Первое литературное приношеніе, сдѣланное Обществу въ 1800 году, было отъ помѣщика Волынской губерніи, находившагося въ русской службѣ тайнаго совѣтника Ѳаддея Чацкаго, вся дѣятельность котораго была направлена къ возстановленію Польши.

Чацкій родился въ 1765 году въ мѣстечкѣ Порицкѣ Владимірскаго уѣзда, Волынской губерніи, населенной сплошнымъ русскимъ племенемъ; нѣсколько пановъ и поляковъ-помѣщиковъ не составляли тамъ народа; но Чацкаго ополячилъ его воспитатель іезуитъ Фаустинъ Гродзинскій, возбудившій въ немъ съ раннихъ лѣтъ польскія чувства и любовь къ наукамъ. Изучая польскую исторію, Чацкій проникся чувствомъ историческаго уваженія къ Польшѣ и жадно розыскивалъ памятники польской старины. «Древніе и польскіе писатели сдѣлались для него необходимостью, а польская этнографія—любимымъ занятіемъ. Онъ не жалѣлъ средствъ на пріобрѣтеніе старой польской книжки... Любовь къ отечеству отождествлялась у него съ любовью къ наукѣ, и торжество послѣдней стало для него цѣлью жизни» [3]).

Такой человѣкъ не могъ смотрѣть равнодушно на политическую смерть мнимаго своего отечества и въ 1794 году Игельстромъ донесъ русскому правительству о дѣятельномъ участіи Чацкаго [4]) въ польскомъ

---

[1]) Изъ письменной инструкціи, данной Нѣмцевичу 12-го іюля 1803 года, видно, что Варшавское общество обязывалось сохранять и распространять права и памятники славы польскаго народа и что оно желало избрать въ свои члены бывшаго тогда президента Сѣверо-Американскихъ штатовъ Джеферсона и еще двухъ ученыхъ американцевъ.

[2]) Мальчевскій былъ корреспондентомъ Варшавскаго общества съ 1802 г. по 1828 г.; жилъ долго въ Парижѣ и впослѣдствіи сдѣлался французскимъ гражданиномъ. Какое именно порученіе было ему дано, въ точности не извѣстно, но несомнѣнно, что онъ имѣлъ сношенія съ Наполеономъ. Въ 1832 году Мальчевскій напечаталъ въ Парижѣ, противъ Россіи, Австріи и Пруссіи свое сочиненіе „Essai historique et politique sur la Pologne".

[3]) Ѳ. Кудринскій, „Ѳаддей Чацкій", „Кіевская Старина", 1893 г. Т. 40 № 2, стр. 323 и 325.

[4]) Онъ былъ въ то время подскарбіемъ или государственнымъ казначеемъ.

мятежѣ, начавшемся въ Краковѣ въ 1793 году.—Чацкій подвергся преслѣдованію, и два его имѣнія—Брусиловское и Острожское—были конфискованы и розданы по частямъ, въ видѣ бенефицій, помѣщикамъ заслужившимъ довѣріе русскаго правительства.—Чацкій, конечно, не могъ примириться съ такою утратою и отправился въ Петербургъ хлопотать о возвращеніи ему секвестрованныхъ имѣній. Часть послѣднихъ была ему возвращена подъ условіемъ, чтобы онъ въ теченіе двухъ лѣтъ продалъ ихъ и самъ выѣхалъ изъ предѣловъ Россіи. Онъ думалъ поселиться въ Краковѣ, но съ кончиною императрицы Екатерины II и со вступленіемъ на престолъ императора Павла обстоятельства измѣнились. Чацкому не только было разрѣшено остаться въ Россіи, но онъ явился на коронацію императора въ Москву депутатомъ отъ дворянства Кіевской губерніи. Пользуясь расположеніемъ государя къ полякамъ, выразившимся освобожденіемъ Косцюшки, Чацкому и его товарищамъ-депутатамъ удалось, среди московскихъ празднествъ, выхлопотать черезъ князя Куракина всеобщее прощеніе политическимъ преступникамъ-полякамъ, жившимъ въ губерніяхъ Кіевской, Волынской и Подольской, выхлопотать учрежденіе «Главнаго суда», для тѣхъ же губерній, подобнаго тому, какой существовалъ для Литвы, и дозволеніе избирать предводителей дворянства и исправниковъ изъ мѣстныхъ дворянъ-поляковъ. Упоминая объ этихъ милостяхъ императора, даже и такой истый полякъ, какимъ былъ ксендзъ Осинскій, не могъ не замѣтить въ своей книгѣ, что «когда полякамъ дозволено было употреблять польскій языкъ въ присутственныхъ мѣстахъ (русскихъ губерній), на дворянскихъ выборахъ и въ школахъ, тогда поляки, отошедшіе по раздѣлу подъ власть другихъ государей, вовсе не имѣли этого утѣшенія» [1]). Галиція, напримѣръ, въ сравненіи съ Волыніею и Подоліею, казалась полякамъ «трупомъ, издыхающимъ въ агоніи страдальца, въ гнилыхъ ранахъ коего безчисленные рои червей производятъ зудъ, мучительнѣе смертельныхъ болѣзней...» [2]).

При такомъ направленіи русскаго правительства, Чацкій успѣлъ пріобрѣсти расположеніе императора Павла, который пожаловалъ ему чинъ тайнаго совѣтника и предложилъ мѣсто сенатора. Чинъ онъ принялъ, а отъ сенаторства отказался подъ предлогомъ бѣдности и невозможности жить въ Петербургѣ.

«Съ этого времени,—говоритъ его біографъ,—въ характерѣ дѣятельности Чацкаго настала перемѣна. Онъ отказался отъ рѣшительнаго

---

[1]) Воспоминанія о Волыни. И. Кульжинскаго, „Вѣстникъ Западной Россіи" 1865—1866 гг., № 2, отд. IV, стр. 128.

[2]) Старческія воспоминанія Авдія Востокова, „Вѣстникъ Юго-Западной и Западной Россіи" 1864 г., № 2, отд. II, стр. 55.

образа дѣйствій въ столь трудномъ дѣлѣ, какъ пробужденіе политической Польши послѣ ея раздѣловъ. Чацкій убѣдился, что возстановить Польшу путемъ прямыхъ радикальныхъ предпріятій невозможно. Оставалось примириться съ фактомъ и дѣйствовать съ другой стороны,—невидимой для русскаго правительства—путемъ подъема національнаго самосознанія черезъ распространеніе въ краѣ низшаго и средняго образованія въ строго-польскомъ направленіи». На этомъ поприщѣ его дѣятельности мы встрѣтимся съ нимъ, когда будемъ говорить о немъ какъ о визитаторѣ училищъ, а теперь скажемъ, что въ 1800 г. онъ представилъ Варшавскому обществу любителей наукъ свое сочиненіе о литовскихъ и польскихъ законахъ, а вслѣдъ затѣмъ въ 1801 г. принялъ на себя трудъ составить исторію польскаго права и исторію польскаго народа.

Изъ этого можно видѣть, что если не всѣ, то по крайней мѣрѣ значительнѣйшіе члены Варшавскаго общества наукъ простирали свои виды далѣе цѣли, опредѣленной въ первоначальномъ уставѣ. Такъ оно и оказалось въ дѣйствительности.

Послѣ предложенія Чацкаго составить исторію польскаго народа Варшавское общество наукъ рѣшило, для поддержанія народности и просвѣщенія между поляками-простолюдинами, издавать учебныя книги, при чемъ обращать особенное вниманіе на просвѣщеніе не только тѣхъ поляковъ, которые были прусскими подданными, но и на жителей провинцій, присоединенныхъ къ Австріи и въ особенности къ Россіи. Тѣмъ временемъ императоръ Павелъ I скончался, и на престолъ вступилъ Александръ I. Вступленіе это было принято поляками какъ свѣтлая денница или какъ животворное солнце на мрачномъ горизонтѣ Польши.

Посѣщая Литву вообще и Вильну въ особенности, Александръ своею доступностью, привѣтливымъ обращеніемъ, щедрыми дарами и милостями, приводилъ въ восхищеніе литовскихъ жителей и привлекъ къ себѣ сердца большинства населенія.

Хотя въ поведеніи Александра I не было ничего опредѣленнаго, но его обѣщанія привлекали вниманіе многихъ. Въ первые годы его царствованія были между поляками люди, которые искали возстановленія Польши въ полномъ ея составѣ и прежнихъ предѣлахъ. То были лица, близкія къ Александру I, друзья его юности; другіе же, какъ напримѣръ магнаты, находившіеся уже подъ властью Россіи, надѣялись, что русскій императоръ возстановитъ «Литовское княжество», бывшее только въ союзѣ съ Польскимъ королевствомъ, но никогда не сливавшееся съ нимъ въ одно цѣлое. Во главѣ такихъ лицъ стоялъ графъ Михаилъ Огинскій, а сторонникомъ возстановленія всей Польши былъ князь Адамъ Чарторыйскій.

Послѣдній вмѣстѣ съ Александромъ, въ дни ихъ юности, скорбѣли

о Польшѣ, оплакивали ея судьбу, осуждали императрицу Екатерину, еще при ея жизни, въ несправедливости раздѣла Польши, приписывали ей починъ въ этомъ дѣлѣ, и оба съ горькимъ чувствомъ смотрѣли на медаль, вычеканенную по ея приказанію послѣ втораго раздѣла и имѣвшую надпись «Отторженная возвратихъ».

Александръ дѣлалъ это по увлеченію, по незнанію прошлаго Россіи и по стремленію къ чему-то высшему и отвлеченному, которыхъ онъ самъ себѣ объяснить не могъ, а Чарторыйскій поступалъ по убѣжденію и чувству, какъ плѣнникъ, какъ заложникъ, ненавидѣвшій Россію.

Послѣ паденія Польши имѣнія князей Чарторыйскихъ были конфискованы, и императрица Екатерина II согласилась снять конфискацію съ тѣмъ условіемъ, чтобы двое молодыхъ братьевъ Чарторыйскихъ, Адамъ и Константинъ, были отправлены родителями ихъ въ Петербургъ. Здѣсь князь Адамъ былъ назначенъ адъютантомъ къ великому князю Александру Павловичу, и съ тѣхъ поръ началось ихъ сближеніе, обратившееся впослѣдствіи въ дружбу. Несмотря на это, оба брата Чарторыйскіе питали чувство отвращенія ко всему русскому, и пребываніе въ Петербургѣ было для нихъ мученіемъ. Они считали себя плѣнниками въ чужой имъ странѣ или въ непріятельскомъ лагерѣ. Понятно, что князь Адамъ употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы поддержать увлеченіе Александра и вызвать его сочувствіе къ Польшѣ. Онъ надѣялся получить изъ рукъ Александра польскую корону и, по словамъ В. Мицкевича, помощью Россіи создать наслѣдственный польскій престолъ съ династіей Чарторыйскихъ. Казалось, что всѣ обстоятельства вначалѣ благопріятствовали этому.

Великій князь Александръ вполнѣ сочувствовалъ національнымъ стремленіямъ поляковъ, и Косцюшко въ его глазахъ являлся однимъ изъ величайшихъ героевъ, боровшихся за отечество. Александръ мечталъ тогда о равенствѣ, братствѣ и счастіи народовъ; общій миръ и союзъ между ними увлекали его и казались легко осуществимыми; отвлеченные планы замѣняли ему дѣйствительность жизни. Такимъ онъ былъ и въ первые годы своего царствованія, когда мечталъ о томъ, чего не въ силахъ былъ осуществить на дѣлѣ.

Еще при Павлѣ I въ Западной Россіи, какъ мы видѣли, былъ возстановленъ Литовскій статутъ; католическому духовенству были возвращены старинныя льготы; почти всѣ должности, даже и высшія въ администраціи и судахъ были заняты поляками, и можно было толковать такъ, что это въ сущности польскія земли, какъ бы случайно подпавшія подъ русское владычество. Поляки не признавали русской національности большинства населенія Западной Россіи и считали этотъ край польскимъ, потому только, что господствующій классъ дворянъ и помѣ-

щиковъ были поляки. Александръ былъ такого же мнѣнія и готовъ былъ слѣдовать внушеніямъ Адама Чарторыйскаго и его партіи.

Великій князь,—говоритъ послѣдній, —находился тогда подъ обаяніемъ «расцвѣтшей молодости, которая создаетъ себѣ радужныя фантазіи, упивается ими, не обращая вниманія на то, можно или нѣтъ осуществить ихъ, и не останавливается передъ самыми смѣлыми проектами для будущаго, которое кажется ей безконечнымъ».

Вступивъ на престолъ, императоръ Александръ возвратилъ изъ Сибири поляковъ, сосланныхъ туда при Екатеринѣ и Павлѣ, возвратилъ имъ конфискованныя имѣнія; эмигранты, служившіе во Франціи и въ польскихъ легіонахъ, получили дозволеніе возвратиться на родину. «Личныя добродѣтели сего монарха,—говоритъ Нѣмцевичъ [1]),—столь заняли сердца поляковъ, что начали сомнѣваться въ томъ, чего отъ Франціи ожидали, и прежнюю свою надежду перемѣнили въ желаніе, дабы раздѣленныя области были соединены подъ скиптромъ сего государя. Сіе обнаружилось не только въ россійскихъ, но прусскихъ и австрійскихъ подданныхъ». Императоръ входилъ даже въ положеніе заграничныхъ поляковъ, и по его приказанію графъ Кочубей ходатайствовалъ объ облегченіи участи австрійскихъ ихъ соотечественниковъ, заключенныхъ и томившихся въ крѣпостяхъ. Въ провинціяхъ, находившихся во власти Россіи, было обращено вниманіе на улучшеніе администраціи и правосудія. Всякія преслѣдованія, политическія дѣла, секвестры и конфискаціи, мѣры предосторожности, недовѣрія и подозрѣнія прекратились, и на нѣкоторое время установилось общее спокойствіе, довѣріе и довольство. Но,—говоритъ Чарторыйскій,—хотя всѣ эти распоряженія возбуждали благодарность поляковъ, все-таки «далеко не соотвѣтствовали тому, что составляло любимый предметъ нашихъ юношескихъ разговоровъ».

Скоро князь Чарторыйскій принужденъ былъ еще болѣе разочароваться въ искренности расположенія Александра къ Польшѣ. По конвенціи, заключенной Дюрокомъ, Франція и Россія обязались не покровительствовать политическимъ эмигрантамъ, въ томъ числѣ и полякамъ. Чарторыйскій указалъ на это Александру, который, нѣсколько смутившись, отвѣчалъ ему, что конвенція не имѣетъ никакого значенія, что необходимо было принять эту статью, предложенную Наполеономъ, что это пустая формальность и что судьба Польши была и будетъ всегда близка его сердцу. «Нѣтъ сомнѣнія,—замѣчаетъ князь Чарторыйскій въ своей автобіографіи [2]),—что изъ тогдашнихъ государей только одинъ Александръ интересовался Польшею. Вся Европа и во главѣ ея Франція

---

[1]) Въ запискѣ 14 іюля 1807 г. Арх. Государственнаго Совѣта, дѣло Комитета 1826 г. № 240.

[2]) Alexandre I et le prince Czartoryski par C. de-Mazade т. I, р. 286—288.

окончательно забыли о ней. Императоръ (Александръ) по личному великодушному побужденію и чтобы засвидѣтельствовать, что его чувства и убѣжденія неизмѣнны, старался помогать полякамъ въ ихъ частныхъ дѣлахъ и оказывать возможныя облегченія жителямъ подвластныхъ ему польскихъ провинцій. Это ободряло и поддерживало меня».

Иначе смотрѣли на это дѣло многіе изъ его соотечественниковъ.

Вообще поляки дѣлились тогда на два лагеря. Одни возлагали надежды на Наполеона, другіе, предвидя, что отъ Наполеона ничего не пріобрѣтешь, надѣялись лично на Александра. «По всему вѣроятію,—говоритъ Огинскій въ своихъ запискахъ,—если бы даже Наполеонъ успѣлъ въ своихъ замыслахъ, то никогда не сдѣлалъ бы онъ Польшу обширнымъ, могущественнымъ и независимымъ государствомъ». То, чего не ожидала эта партія поляковъ отъ Наполеона, того ожидала она отъ Александра, но, несмотря на различіе воззрѣній, обѣ партіи сходились относительно цѣли, и потому между ними было полное согласіе. Разница состояла въ томъ, что тѣ поляки, которые служили Франціи, дѣйствительно сочувствовали этой странѣ, сражались вмѣстѣ съ французскими войсками, радовались успѣхамъ Наполеона и обольщались его славою. Тѣ же поляки, которые искали опоры въ Александрѣ, занимали разныя важныя административныя должности, все-таки ненавидѣли Россію. Разница была еще и та, что Наполеонъ, сознавая, что поляки, сами погубившіе свое отечество, неспособны къ самостоятельному политическому существованію, въ дѣйствительности никогда не думалъ о безкорыстномъ съ своей стороны возстановленіи Польши; императоръ же Александръ, хотя и зналъ о всѣхъ безпорядкахъ стариннаго устройства Польши, увлекался мыслію быть творцомъ этого государства. Если бы Наполеонъ согласился и счелъ возможнымъ исполнить то, чего домогались отъ него поляки, Польша сдѣлалась бы навсегда вассальнымъ государствомъ Франціи и слѣпо служила бы интересамъ ея политики; достигнувъ же своихъ цѣлей съ нашею помощью, она никогда не забыла бы, какъ и обнаружилось это впослѣдствіи, своей вѣковой къ намъ вражды» [1]).

Это чувство сохранилъ и князь Адамъ Чарторыйскій во всю свою жизнь. «Я не имѣлъ,—говоритъ онъ въ своей автобіографіи [2]),—никакого желанія участвовать въ русскихъ дѣлахъ. Я очутился, совершенно необыкновеннымъ и случайнымъ образомъ, въ положеніи экзотическаго растенія, на чужой почвѣ, съ чувствами, которыя не могли вполнѣ гармонировать съ чувствами моихъ случайныхъ (русскихъ) товарищей. Бездѣйствіе тяготило меня, и я часто горевалъ по родинѣ и роднымъ, пла-

---

[1]) Польскія интриги въ первой четверти нынѣшняго (XIX) столѣтія, „Русскій Вѣстникъ" 1865 г. № 7 стр. 17 и 18.

[2]) Мазадъ, т. I, стр. 278 и 279.

менно желалъ возвратиться домой и не разставаться со счастіемъ, къ которому я стремился всею душою.

«Только привязанность къ императору и надежда принести пользу моему отечеству удерживали меня на русской службѣ. Такое положеніе было крайне для меня тягостно; я только и думалъ о томъ, какъ бы совсѣмъ уѣхать изъ Петербурга». Но обстоятельства сложились такъ, что Чарторыйскій призналъ необходимымъ свое присутствіе въ русской столицѣ. «Къ величайшей радости,—говоритъ онъ,—мнѣ сдѣлали другое новое предложеніе».

Въ 1802 году вмѣстѣ съ образованіемъ министерствъ было учреждено министерство народнаго просвѣщенія, съ шестью учебными округами. Всѣ губерніи, присоединенныя отъ Польши, т. е. та часть коренныхъ литовско-русскихъ областей, которая была захвачена въ XVI вѣкѣ Польшею и возвращена Россіи императрицею Екатериною II,—была отнесена въ учебномъ отношеніи къ Виленскому учебному округу, попечителемъ котораго былъ назначенъ князь Адамъ Чарторыйскій. Онъ охотно принялъ эту должность и званіе куратора Виленскаго университета, образованнаго изъ прежней Виленской іезуитской академіи, носившей потомъ названіе главной школы великаго княжества Литовскаго и, наконецъ, 6-го февраля 1797 года, по рескрипту императора Павла, данному управлявшему тогда Литовскою губерніею князю Н. В. Репнину, переименованной въ Виленскій университетъ.

Университетъ этотъ скоро сталъ во главѣ всѣхъ учебныхъ заведеній Западной Россіи и держалъ въ своихъ рукахъ всѣ нити не только народнаго образованія, но и политической жизни края. Для поляковъ было очевидно, что будущность всего края будетъ зависѣть отъ того, насколько удастся воспитать юное поколѣніе въ духѣ полонизма, а это сдѣлать было не трудно. Во главѣ народнаго образованія сталъ теперь человѣкъ, облеченный полнымъ довѣріемъ и даже дружбою императора, поддерживавшаго его своимъ авторитетомъ. Человѣкъ этотъ мечталъ о возстановленіи Польши по Днѣпръ и искренно ненавидѣлъ Россію. Князь Чарторыйскій сознавалъ, что русское общество относится къ нему съ полнымъ недовѣріемъ, но не смущался этимъ и заботился лишь о томъ, чтобы не потерять довѣрія поляковъ и доказать имъ свою готовность служить сокровеннымъ и истиннымъ цѣлямъ видѣть свое отечество возстановленнымъ. Онъ имѣлъ постоянно въ виду только интересы Польши и, разсказывая въ своей автобіографіи о той ненависти, которую питали къ Россіи его родители, князь Адамъ спрашиваетъ самого себя: «Возможно ли, чтобы ихъ сынъ, который также не скрываетъ своего польскаго патріотизма, открыто имъ гордится и доказываетъ это на дѣлѣ, *давая рѣшительное національное направленіе народ-*

ному образованію въ подчиненныхъ ему училищахъ— возможно ли, чтобы подобный человѣкъ нравился русскимъ?»

Среднія училища въ восьми губерніяхъ, на которыя раздѣлены были тогда Литва, Бѣлоруссія, Волынь, Подолія и Украйна, находились по большей части въ завѣдываніи католическаго духовенства, и съ этихъ поръ Западный край былъ прочно въ рукахъ поляковъ.

Если политическая министерская дѣятельность князя Чарторыйскаго въ Петербургѣ [1]) не имѣла желаемаго имъ успѣха, то онъ могъ имѣть его какъ попечитель Виленскаго учебнаго округа и съ успѣхомъ ополячивать край, ввѣренный его попеченію. По его плану, фактическому возстановленію Польши въ предѣлахъ 1772 года должно было предшествовать нравственное соединеніе всѣхъ раздѣленныхъ частей бывшей Рѣчи Посполитой. Такого соединенія можно было достигнуть воспитаніемъ юношества, въ томъ числѣ и русскаго, въ польскомъ духѣ и на польскомъ языкѣ, словомъ, ополячить его такъ, чтобы населеніе русско-литовскихъ областей само признало бы себя поляками и вся Западная Россія представляла собою несомнѣнную часть, несправедливо оторванную отъ Польши. Князь Чарторыйскій дорожилъ такою дѣятельностью и широко пользовался покровительствомъ и довѣріемъ къ нему Александра.

Изучивъ характеръ послѣдняго, зная его неустойчивость, желаніе сохранить за собою имя либеральнаго дѣятеля и друга человѣчества, князь Чарторыйскій умѣлъ воспользоваться этими качествами. «Императоръ,—говоритъ онъ,—очень увлекался такъ называемыми красивыми фразами и, чѣмъ онѣ были неопредѣленнѣе, тѣмъ болѣе ему нравились потому, что онъ могъ удобнѣе приноравливать ихъ къ своимъ мечтамъ, которыя также отличались неопредѣленностью. Ему нравились рѣзкія либеральныя выраженія и даже лесть подъ личиною служенія благу человѣчества».

На этой стрункѣ и игралъ князь Чарторыйскій. Императоръ,—говоритъ онъ,—«охотно пользовался моею полною готовностью искренно ему служить (?) и признавалъ вполнѣ справедливымъ вознаградить меня за мою къ нему преданность предоставленіемъ мнѣ нѣкоторой свободы дѣйствовать по моему усмотрѣнію въ находящихся въ его власти польскихъ провинціяхъ. Само собою разумѣется, что я воспользовался счастливымъ расположеніемъ государя и главное мое усиліе направилъ на народное образованіе, которому я далъ національный характеръ и которое я преобразовалъ на болѣе широкихъ и соотвѣтственныхъ современнымъ потребностямъ основаніяхъ».

Когда въ 1803 году открылась должность помощника попечителя

---

[1]) Онъ былъ тогда товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ.

Виленскаго округа, то князь Чарторыйскій испросилъ назначеніе на нее Ѳаддея Чацкаго, человѣка несомнѣнно очень умнаго, съ большимъ образованіемъ и, какъ мы уже сказали, отчаяннаго польскаго патріота.

Назначенный вслѣдъ за тѣмъ генеральнымъ визитаторомъ (инспекторомъ или наблюдателемъ) училищъ Кіевской, Волынской и Подольской губерній, Чацкій посвятилъ себя исключительно школамъ. — Человѣкъ энергичный, онъ былъ «неукротимъ въ своихъ прожектахъ и дѣятеленъ до дерзости въ исполненіи ихъ». При такихъ качествахъ визитатора, ополяченіе края шло быстрыми шагами.—Чацкій легко подчинилъ своему вліянію князя Адама Чарторыйскаго и, прикрываясь его авторитетомъ и дружбою, отстранилъ отъ себя всякое подозрѣніе со стороны русскаго правительства.—Онъ пригласилъ себѣ въ сотрудники Гуго Колонтая, бывшаго ректоромъ Краковскаго университета, а князь Чарторыйскій—Стройновскаго, бывшаго ректора Виленскаго университета, а потомъ замѣнившаго его Яна Снядецкаго.

Всѣ приглашенные къ дѣятельности были поляки, «вполнѣ соотвѣтствовавшіе видамъ постепенно пробуждавшихся польскихъ мечтаній о политической жизни Польши». — Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ Колонтай, послѣ разбитія Косцюшки бѣжавшій въ Австрію, но тамъ схваченный и находившійся въ заключеніи съ 11-го февраля 1795 г. до конца 1802 г. Освобожденный, благодаря ходатайству кн. Адама Чарторыйскаго, императоромъ Александромъ, подъ обязательствомъ не принимать никакого участія въ общественныхъ дѣлахъ, Колонтай прибылъ въ Варшаву, а оттуда въ январѣ 1803 г. на Волынь, и здѣсь жилъ сначала въ Кременцѣ, а потомъ не далеко отъ него, въ Столпцѣ, небольшомъ селѣ, которое онъ взялъ въ аренду.

Не принимая никакого оффиціальнаго участія въ томъ, что предпринималось въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія въ Юго-Западномъ краѣ, Колонтай былъ однако же душею всѣхъ преобразованій.

Это была подпольная машина, которая «приводила въ движеніе всѣ рычаги и всѣ колеса. Безъ него, безъ его совѣта не дѣлалось почти ничего: онъ руководилъ дѣятельностью Чацкаго и другихъ лицъ въ ихъ сношеніяхъ съ правительствомъ; онъ рекомендовалъ профессоровъ для Виленскаго университета, а равно и другихъ лицъ, предназначавшихся на тѣ или иныя мѣста въ Виленскомъ учебномъ округѣ; онъ составлялъ проекты преобразованія учебной части въ этомъ округѣ въ болѣе желательномъ для поляковъ смыслѣ; онъ писалъ даже рѣчи, предназначенныя для произнесенія на торжественныхъ актахъ въ учебныхъ заведеніяхъ и т. д. И все это въ виду того, что онъ былъ связанъ подпиской не принимать никакого участія въ общественныхъ дѣлахъ, дѣ-

лалось тайно, тихо, такъ что никто изъ постороннихъ ничего не замѣчалъ» [1]).

Болѣе всѣхъ пользовался совѣтами Колонтая Чацкій, около котораго группировались всѣ польскія силы, стремившіяся къ возстановленію Польши. Онѣ работали дружно, и учебное дѣло Виленскаго округа пошло въ желаемомъ направленіи.

Будучи членомъ Варшавскаго общества любителей наукъ, Ѳ. Чацкій, 31-го января 1802 года, писалъ ему, что хотя дѣла и обязанности службы заставили его удалиться изъ Варшавы, но его всегда оживлялъ духъ Общества; что вся Кіевская губернія «показала отличное уваженіе къ трудамъ сего Общества», собравъ до 100 тыс. рублей на народное образованіе, съ тѣмъ, чтобы въ школахъ былъ сохраненъ польскій языкъ и на немъ читались всѣ науки, преподаваемыя ученикамъ. — Чацкій сообщалъ Варшавскому обществу, что ксендзъ Тышкевичъ отказалъ все свое имѣніе на училища съ тѣмъ, чтобы въ нихъ обучали наукамъ такимъ способомъ, «какой предписанъ будетъ Варшавскимъ обществомъ, отъ котораго весь народъ (польскій) ожидаетъ обильныхъ плодовъ».

Такимъ образомъ въ самомъ началѣ XIX вѣка западная окраина нашего государства, отъ Двины до Буга, представляла странное явленіе. — Начала обрусѣнія, о которыхъ такъ заботилась императрица Екатерина II, были покинуты, и князь Адамъ Чарторыйскій неутомимо трудился надъ ополяченіемъ края.—«Цѣлью всей его жизни,—пишетъ Мазадъ,—было обрѣсти ойчизну и снова вызвать ее къ жизни.—Сами русскіе дѣлали князю честь, говоря и даже заявляя печатно, что онъ на-полвѣка отдалилъ окончательное обрусѣніе польскихъ областей Имперіи».

4-го апрѣля 1803 года, императоръ Александръ утвердилъ «Актъ учрежденія для университета въ Вильнѣ» [2]), а 25-го мая,—Уставъ или общія постановленія для Виленскаго университета и училищъ его округа».

«Желая,—сказано было въ «Актѣ»,—утвердить благоденствіе всѣхъ областей Имперіи нашей на просвѣщеніи народномъ, яко естественномъ основаніи онаго, мы признали за истинное, что первый и самый благонадежный шагъ въ семъ пространномъ поприщѣ есть попеченіе объ устроеніи новыхъ и исправленіи существующихъ уже заведеній для воспитанія юношества, коихъ польза доказана многолѣтнимъ опытомъ.—И потому за благо разсудили мы симъ «Актомъ» нашимъ обезпе-

---

[1]) О. Крыжановскій, „Учебно-воспитательное дѣло въ Польшѣ наканунѣ послѣдней реформы Виленскаго университета“ (1803 г.) С.-Петерб. изд. 1899 г. стр. XXXVI.

[2]) Полн. Собр. Закон., т. XXVII № 20701.—См. тоже Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, т. II, стр. 158

чить навсегда существованіе древняго университета Виленскаго, основаннаго въ 1578 году, а въ 1781 возобновленнаго сообразно настоящей степени познаній у просвѣщенныхъ народовъ Европы. — А дабы университетъ сей, огражденный въ своей неприкосновенности, имѣлъ всѣ способы достигнуть до важнаго своего предмета,—образованія полезныхъ гражданъ для всѣхъ состояній и всѣхъ родовъ государственной службы, то мы соизволили императорскимъ нашимъ словомъ, за насъ, и за преемниковъ нашихъ, постановить слѣдующее».

Университету предоставлено избраніе профессоровъ, наблюденіе за всѣми типографіями и цензура всѣхъ сочиненій, выходящихъ въ предѣлахъ округа.—Университетъ уполномоченъ былъ управлять всѣми учебными заведеніями въ округѣ, не исключая духовнаго вѣдомства и содержимыхъ католическими монастырями.

Университетъ опредѣлялъ и увольнялъ отъ службы директоровъ гимназій, смотрителей училищъ и учителей.—Въ его завѣдываніи находилась семинарія, для образованія учителей и Главная семинарія, для высшаго образованія ксендзовъ.

Во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ университетъ былъ отвѣтственъ только передъ попечителемъ округа. — По ходатайству князя А. Чарторыйскаго, императоръ Александръ пожаловалъ университету значительныя суммы [1]) и взывалъ къ частой благотворительности.

«Такъ утвердивъ навсегда,—сказано было въ концѣ «Акта»,—существованіе Виленскаго университета и обогативъ нашими щедротами, поручаемъ его высокому благоволенію преемниковъ нашихъ.—Ожидая отъ сего храма наукъ полезнаго вліянія на просвѣщеніе народное и на благо всей Имперіи, убѣждаемъ его начальство и членовъ ревностно содѣйствовать къ исполненію нашихъ намѣреній, и объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ сихъ областей, что въ истинную заслугу вмѣнено имъ будетъ вспомоществованіе сему университету».

Заручившись словомъ императора за себя и своихъ преемниковъ сохранить университетъ въ полной неприкосновенности и поручить его благоволенію преемниковъ, князь Чарторыйскій почувствовалъ себя полнымъ хозяиномъ и распорядителемъ всего Западнаго края.—Къ сожалѣнію, особое вниманіе Александра къ Виленскому университету отразилось и на ближайшихъ его сотрудникахъ.

Примѣру государя слѣдовалъ и тогдашній министръ народнаго про-

---

[1]) На пополненіе библіотеки, учрежденіе клиники и расширеніе физическаго кабинета было пожаловано 40.000 руб. и 30.000 руб. на потребности училищъ, учрежденныхъ въ Виленскомъ учебномъ округѣ.

*

свѣщенія графъ Завадовскій, очутившійся всецѣло въ рукахъ поляковъ и не видавшій того, что дѣлалось въ Виленскомъ учебномъ округѣ.

По словамъ кн. Чарторыйскаго, графъ Завадовскій былъ человѣкъ «хорошихъ качествъ, немного неуклюжій въ обращеніи, но справедливый (?) и доброжелательный (?). Его умъ, такъ же, какъ и его фигура, были неповоротливы, онъ съ трудомъ постигалъ мысль и не могъ уловить всѣхъ ея тонкостей; но онъ старался показать, что умѣетъ понимать и цѣнить всѣ новыя идеи, и хотѣлъ, чтобъ его не смѣшивали съ тѣми отсталыми людьми, которые ничего новаго не хотятъ знать и ничего не забываютъ.—Это впрочемъ не мѣшало тому, что онъ сохранялъ чрезвычайно строго самыя характерныя черты русскаго администратора: слѣпое послушаніе и глубокое подобострастіе ко всему, исходящему изъ высшихъ сферъ.—Онъ любилъ восторгаться классическими писателями и говорить затверженные на память отрывки. По странному случаю, онъ воспитывался въ польскихъ іезуитскихъ школахъ и научился тамъ латинскому языку.— Онъ не забылъ польскаго языка, щеголялъ имъ и говорилъ съ восхищеніемъ о нашемъ старинномъ поэтѣ Янѣ Кохановскомъ, котораго многіе стихи зналъ наизусть. Все это особенно располагало его къ Польшѣ и полякамъ; даже за его обѣдами угощали гостей непремѣнно польскими кушаньями. Между тѣмъ, какъ другіе попечители часто встрѣчали затрудненіе со стороны министра, не всегда соглашавшагося съ ихъ представленіями о новыхъ преобразованіяхъ и улучшеніяхъ, я никогда не имѣлъ повода на него жаловаться, и онъ постоянно оказывалъ мнѣ совершенное довѣріе. Мнѣ стоило только обратиться къ нему съ какимъ-нибудь предположеніемъ, и онъ всегда съ величайшею готовностью и доброжелательствомъ меня поддерживалъ».

При такихъ условіяхъ не удивительно, что ксендзъ Францискъ Дмоховскій писалъ Колонтаю, что «подъ русскимъ владычествомъ намъ (полякамъ) открываются самые благопріятные виды» [1]).

Лишь только получено было на мѣстѣ воззваніе императора къ благотворительности населенія для устройства школъ, какъ князь Чарторыйскій писалъ графу Завадовскому [2]):

«Тайный совѣтникъ Чацкій, увѣдомляя меня о пріемлемыхъ имъ мѣрахъ къ благоуспѣшнѣйшему обозрѣнію училищъ Виленскаго округа въ Подольской, Волынской и Кіевской губерніяхъ, пишетъ объ испрошеніи отъ вашего сіятельства препоручительныхъ писемъ къ гг. губер-

---

[1]) Сотрудники кн. Чарторыйскаго и проч., Ю. Крачковскаго, „Русское Обозрѣніе“ 1898 г., т. 50, № 3, стр. 201.

[2]) Отъ 10-го іюля 1803 г. № 16. Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, т. II, 217.

наторамъ, дворянскимъ предводителямъ тѣхъ губерній, также къ преосвященнымъ: митрополиту кіевскому, епископамъ подольскому и волынскому-житомірскому. Въ разсужденіи первыхъ Чацкій изъясняется, что хотя онъ имѣетъ съ ними нѣкоторое знакомство, но подъ особымъ вліяніемъ вышняго начальства смѣлѣе приступитъ сдѣлать свои предложенія знатнѣйшимъ обывателямъ объ усердномъ вспомоществованіи недостаточнымъ, или вовсе не снабдѣннымъ, нужнѣйшими учебными пособіями училищамъ, равно и къ доброхотнымъ пожертвованіямъ на уѣздныя и приходскія, гдѣ по обстоятельствамъ представится надобность въ скорѣйшемъ ихъ заведеніи. Я, надѣясь, что сіи намѣренія г. Чацкаго возымѣютъ желаемый и полезный успѣхъ, покорнѣйше прошу ваше сіятельство не оставить отнестись къ упомянутымъ лицамъ, дабы, въ случаѣ надобности, по отзывамъ и личнымъ его изъясненіямъ, оказывалась ему зависящая отъ нихъ помощь, равно и отъ преосвященныхъ подаваемы были совѣты и внушенія ввѣреннымъ имъ паствамъ объ общеполезномъ содѣйствіи по сему же предмету. Касательно жъ духовныхъ особъ римско-католическаго исповѣданія, если угодно будетъ вамъ, я, отъ себя сдѣлавъ отношенія, отправлю ихъ вмѣстѣ съ тѣми, кои увѣряю себя (надѣюсь) получить отъ вашего сіятельства».

Графъ Завадовскій съ особою предупредительностью исполнилъ желаніе Чарторыйскаго и недѣлю спустя писалъ православному духовенству [1]:

«Тайный совѣтникъ Чацкій принялъ на себя трудъ обозрѣть училища по округу Виленскаго университета. Въ семъ подвигѣ могутъ предстать случаи, въ которыхъ возымѣетъ нужду прибѣгать къ совѣтамъ и вспомоществованію отъ вашего высокопреосвященства, со стороны вашихъ пастырскихъ внушеній обывателямъ, дабы содѣйствовали своему благу возможнымъ доброхотнымъ пособіемъ уже существующимъ или вновь устрояемымъ училищамъ. Руководствуясь волею государя императора, назидающаго просвѣщеніе къ великому блаженству народа, я тѣмъ надежнѣе препоручаю благоволенію вашего высокопреосвященства усердныя старанія г. Чацкаго, чѣмъ больше увѣренъ, что вы сами найдете то утѣшеніемъ своему сердцу, чтобы вознести блаженство своей паствѣ, изливая на оную всеполезное просвѣщеніе».

Министръ народнаго просвѣщенія не замѣтилъ устроенной ему ловушки, не замѣтилъ того, что его призывали къ содѣйствію, чтобы православное духовенство и русское населеніе края было привлечено къ пожертвованіямъ на польскія школы и, воспитывая въ нихъ своихъ

[1]) Въ циркулярномъ письмѣ отъ 17-го іюля 1803 г. митрополиту кіевскому, епископамъ подольскому и волынскому-житомірскому. То же самое онъ писалъ и губернаторамъ.

дѣтей, постепенно ополячивалось. Эта цѣль заставляла князя Чарторыйскаго, занимавшаго въ то время должность товарища министра иностранныхъ дѣлъ, сохранять это званіе и оставаться въ Петербургѣ, чтобы не удаляться отъ государя и его сподвижниковъ, подобныхъ графу Завадовскому, и имѣть личное на нихъ вліяніе. Для Чарторыйскаго пребываніе въ Петербургѣ было гораздо важнѣе, чѣмъ пребываніе въ Вильнѣ, гдѣ у него были надежные и вѣрные сотрудники. Съ энергіей и надо сказать съ полнымъ знаніемъ дѣла принялись они за переустройство старыхъ и учрежденіе новыхъ заведеній на національно-польскихъ началахъ.

Въ ожиданіи благихъ результатовъ отъ такого направленія воспитанія, польское дворянство и духовенство, призванное самимъ императоромъ, жертвовали капиталы, а ученые несли свои знанія какъ жертву на алтарь отечества. Съ этихъ поръ западныя и юго-западныя губерніи Россіи сдѣлались разсадникомъ польскихъ революціонныхъ идей. Въ первоначальной дѣятельности реформаторовъ не было полнаго согласія, но это повело къ тому, что они строго слѣдили другъ за другомъ и во-время исправляли ошибки. Такъ, когда Стройновскій допустилъ въ уставѣ Виленскаго университета возможность приглашенія на каѳедры иностранцевъ, то противъ него возстали всѣ крайніе патріоты.

«Виленскій университетъ, — писалъ Колонтаю, ксендзъ Дмоховскій, членъ Варшавскаго общества любителей наукъ,—наполняется чужеземцами; будутъ тамъ нѣмцы, французы, италіанцы, англичане—словомъ, вавилонское столпотвореніе. Принято за систему ни къ чему не допускать поляковъ, какъ неспособныхъ. Должно быть тѣ, которые схватились за это правило, почерпнули его изъ личнаго своего опыта. Послѣ паденія народа трудно наносить ему большее оскорбленіе, какъ смотрѣть на него такими глазами, и Виленская академія, никогда не пользовавшаяся хорошей репутаціей, теперь окончательно покрылась позоромъ. И что тамъ были за профессора? Они не умѣли воспитать для себя преемниковъ, а это преемство не сопряжено съ особыми трудностями. Объ этомъ можно только сожалѣть—исправить трудно. Гдѣ мы закладывали гнѣздо польскаго языка и польской литературы,— тамъ будетъ сѣдалище нѣмецкихъ трансценденталистовъ и Вильна сдѣлается колоніей чужеземцевъ».

«Заклинаю тебя благомъ народа,—писалъ Колонтай Стройновскому[1]), — для котораго работаешь, отдай преимущество польскому языку при преподаваніи всѣхъ предметовъ; всѣми мѣрами старайся отклонить при-

[1]) Отъ 6-го октября 1803 г. „Сотрудники князя Чарторыйскаго", Ю. Крачковскаго. «Русское Обозрѣніе» 1898 г. т. 50, № 3, стр. 197 и 198. Крыжановскій, «Учебно-просвѣтительное дѣло въ Польшѣ», изд. 1899 г., стр. 66.

глашеніе иностранцевъ на университетскія каѳедры [1]). Ты долженъ обдумать способы, какъ бы избавиться даже отъ тѣхъ иностранцевъ, которыхъ во время ὀно такъ неосмотрительно вызвали въ Вильну. И было бы лучше придумать для нихъ почетныя награды, чѣмъ посредствомъ ихъ вызова и удержанія препятствовать распространенію общественнаго просвѣщенія и усовершенствованію нашего (польскаго) языка. На минуту забудь о конкурсахъ и старайся замѣстить всѣ каѳедры способными земляками. Будетъ даже лучше временно не открывать какой-нибудь каѳедры и выслать для подготовки за границу молодыхъ ученыхъ (изъ поляковъ), нежели спѣшить съ окончаніемъ всего дѣла и заполнить каѳедры людьми чужими».

Колонтай настаивалъ на уничтоженіи каѳедры русскаго языка въ университетѣ, увѣряя, что исторіи русской литературы, какъ науки, не существуетъ, потому что нѣтъ самой литературы.

«Твои замѣчанія,—писалъ Колонтаю ксендзъ Дмоховскій [2]),—касательно настоящаго и будущаго положенія нашей литературы въ здѣшнемъ краѣ весьма справедливы. При всемъ томъ только организація общественнаго просвѣщенія съ выборами для учительства способныхъ соотечественниковъ рѣшитъ, чего можно ожидать на этомъ пути. Если мѣста будутъ предоставлены иностранцамъ, мы должны проститься съ отечественными науками, и вообще просвѣщеніе края понесетъ на этомъ громадную потерю. Обучая на чужомъ языкѣ, можно создать извѣстное количество ученыхъ; но безъ отечественнаго языка нельзя распространить просвѣщеніе въ массѣ народа. А вѣдь эту именно цѣль имѣетъ въ виду государь императоръ, сдѣлавшій для просвѣщенія столько, сколько не сдѣлало никакое другое правительство...

«Тебѣ долженъ признаться, что если бы я принялъ въ Виленскомъ университетѣ какую-нибудь должность... то сдѣлалъ бы это исключительно для того, чтобы хоть въ малой долѣ принять участіе въ усиліяхъ соотечественниковъ и, насколько возможно, потрудиться вмѣстѣ для охраненія языка и отечественныхъ наукъ» [3]).

Такимъ образомъ все русское систематически изгонялось и замѣнялось польскимъ.

Осмотрѣвъ нѣсколько училищъ, Чацкій нашелъ ихъ, съ своей точки зрѣнія, въ самомъ неудовлетворительномъ видѣ.

«Съ присоединеніемъ края къ Россіи,—доносилъ онъ [4]),—правитель-

---

[1]) Къ иностранцамъ причислялись и русскіе.

[2]) Отъ 4-го октября 1803 г.

[3]) „Русское Обозрѣніе" 1898 г., т. 50, № 3, стр. 208. См. также „Русскій Арх." 1874 г. Т. I, стр. 1150.

[4]) Отъ 10-го января 1804 г. О. Крыжановскій, „Учебно-просвѣтительное дѣло въ Польшѣ". С.-Петербургъ, изд. 1899 г. стр. LXVII.

ство забавляло насъ одними только развлеченіями. Всякія излишества, танцы и другіе способы отрыванія отъ работъ стали обязательными признаками вѣжливости и уваженія; казалось, что всѣ недостатки присоединеннаго и присоединившаго народовъ соединились вмѣстѣ». По его словамъ, учителя мало уважались, и школы были отданы на произволъ судьбы. Мѣстный священникъ и губернаторъ распоряжались школьнымъ помѣщеніемъ, какъ хотѣли, и «ученикъ не имѣлъ въ городѣ свободнаго пристанища; сообщество же и совмѣстное пребываніе съ солдатами не споспѣшествовали ни работѣ, ни сохраненію (добрыхъ) обычаевъ. Поэтому, благодаря собственнымъ и правительственныхъ чиновниковъ ошибкамъ, воспитаніе въ нашихъ провинціяхъ приняло плачевный видъ. Русской исторіи учатъ, а польская народная исторія почти нигдѣ не преподается, такъ какъ воображаютъ, что правительство требуетъ, чтобы ученикъ не зналъ собственной исторіи и чтобы онъ привязывался къ новому режиму чрезъ презрительное игнорированіе собственнаго края и своихъ предковъ.

«Торопливое апостольство (со стороны русскихъ православныхъ) слишкомъ быстро вызвало желанную для русскаго правительства перемѣну вѣры. Въ нынѣшнихъ церквяхъ отправляютъ лишь богослуженія, христіанская же проповѣдь мало слышится. Народъ, опять погрузившійся въ грубое невѣжество, не получаетъ отъ религіи утѣшенія, и она не дѣлается лучше».

Для полонизаціи края необходимо было все это измѣнить и какъ можно скорѣе изгнать русскихъ учителей и замѣнить ихъ польскими. «Учителя русскаго языка въ Луцкѣ,—писалъ Колонтай Чацкому [1]),—и въ Кременцѣ одинаково вездѣ жалуются, что ты не любишь русскихъ, что ищешь только предлога, чтобы выключить ихъ изъ педагогическаго состава, подъ видомъ неспособности, а въ дѣйствительности, потому что поляковъ желаешь помѣстить по школамъ. Они похвалялись, что будутъ искать защиты, у кого слѣдуетъ. Не такого визитатора, говорили они, слѣдовало прислать въ здѣшнія школы, а природнаго русскаго; иначе правительство не узнаетъ истиннаго положенія дѣла, и русскіе будутъ обижены».

Но съ польской точки зрѣнія дѣятельность Ѳ. Чацкаго была, конечно, похвальна и весьма желательна. «Нужно быть безучастнымъ къ благу человѣчества,—писалъ тотъ же Колонтай,—и не понимать возвышенныхъ твоихъ видовъ, съ которыми связано будущее счастіе теперь несчастнаго народа, чтобы не умилиться передъ тѣмъ, что милостивое Провидѣніе еще даровало намъ подобнаго тебѣ человѣка. Не отступая ни передъ

---

[1]) Отъ 17-го сентября 1803 г. Крыжановскій. „Учебно-просвѣтительное дѣло въ Польшѣ“, стр. 64.

какими трудностями, ты имѣешь смѣлость работать для общественнаго блага въ то время, когда почти всѣ наши соотечественники потеряли къ этому охоту и желаніе» [1]).

Чацкаго не было надобности ободрять, онъ самъ шелъ быстрыми шагами къ намѣченной имъ цѣли и встрѣчалъ полное содѣйствіе со стороны князя Чарторыйскаго. Послѣдній стремился къ тому, чтобы дать Виленскому университету самоуправленіе, облечь его обширною властью надъ учебными заведеніями Западнаго края, возвысить въ обществѣ его нравственное обаяніе и блескъ, чтобы онъ могъ служить польской политической идеѣ, польской культурѣ и воспитывать въ ея духѣ учащуюся молодежь [2]).

Чарторыйскій достигъ этого въ самомъ непродолжительномъ времени и съ полнымъ самодовольствомъ писалъ въ своей автобіографіи: «Виленскій университетъ былъ въ полномъ смыслѣ польскимъ и для польскихъ провинцій. Я скажу о немъ впослѣдствіи, а теперь замѣчу, что нѣсколько лѣтъ спустя вся Польша (русская) наполнилась училищами, въ которыхъ польское національное чувство могло совершенно свободно развиваться. Данное мною направленіе никого тогда не поражало; только впослѣдствіи оно возбудило противъ себя негодованіе русскаго общества; но тогда императоръ великодушно ему (направленію) покровительствовалъ».

Подъ такимъ покровительствомъ было значительно увеличено число монастырскихъ и начальныхъ школъ, получившихъ польскую организацію. Всѣ онѣ отдавались подъ непосредственный надзоръ ксендзовъ, при чемъ каждому желающему поляку-помѣщику дозволялось основывать школы и въ своихъ имѣніяхъ. Но ополячивать простой народъ Чацкому было очень трудно: пришлось устраивать такъ называемыя парафіальныя школки. Простой народъ упорно сохранялъ память о русскомъ происхожденіи и всегда называлъ себя руськимъ. Для разубѣжденія его въ этомъ и совращенія въ вѣрѣ поступали слѣдующимъ образомъ. Среди православнаго села или мѣстечка, имѣвшаго православную церковь, панъ-полякъ или миссіонеръ какого-нибудь латинскаго ордена строилъ костелъ и при немъ непремѣнно школу. Прихожанами костела были панъ и его семейство. Если прислуга ихъ была православнаго исповѣданія, то обязывалась отправлять своихъ дѣтей учиться не къ дьячку своей православной церкви, а къ «бакаляру» при-костельной школы, и тамъ дѣти непремѣнно дѣлались католиками.

---

[1]) Письмо Колонтая Ѳ. Чацкому 3-го октября 1803 г. Тамъ же. стр. 207 и 208.

[2]) И. П. Корниловъ, „Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи", изд. 1897 г. Т. II, стр. XLVIII.

Совокупностью такихъ безконтрольныхъ мѣръ было то, что въ самомъ непродолжительномъ времени Волынь оказалась дотого ополяченною, что всѣ русскіе чиновники, тамъ служившіе, говорили и писали по-польски. Даже въ семействахъ православныхъ священниковъ польскій языкъ считался моднымъ и служилъ признакомъ образованности. Пріѣзжающій на службу русскій чиновникъ, незамѣтно для него, поступалъ на воспитаніе польскихъ дамъ и если являлся неспособнымъ къ изученію польскаго языка или отказывался говорить по-польски, то съ нимъ говорили по-французски, но отнюдь не по-русски. Русскій языкъ носилъ названіе хлопскаго и оставался лишь въ устахъ простаго народа.

Говоря о дѣятельности князя А. Чарторыйскаго и Чацкаго, невольно приходятъ на память двѣ басни И. А. Крылова «Крестьянинъ и змѣя» [1]), просившаяся въ няньки къ его дѣтямъ. Благоразумный мужикъ рѣшилъ, что ему принять ее нельзя:

Когда примѣръ такой
У насъ полюбятъ,
Тогда вползутъ сюда за доброю змѣей,
Одной,
Сто злыхъ, и всѣхъ дѣтей здѣсь перегубятъ.
Да, кажется, голубушка моя,
И потому съ тобой мнѣ не ужиться,
Что лучшая змѣя,
По мнѣ, ни къ чорту не годится.

Повидимому, у насъ не раздѣляли этого взгляда и даже не признавали того, что

Когда почтенъ быть хочешь у людей—
Съ разборомъ заводи знакомство и друзей!
Мужикъ съ змѣею подружился.—
Извѣстно, что змѣя умна:
Такъ вкралась къ мужику она.—

Такой вкрадчивости не замѣтилъ графъ Завадовскій и припустилъ къ школьному дѣлу сразу нѣсколько змѣй, «которыя всѣ обвились вокругъ здороваго тѣла Западной Россіи и немилосердно высасывали изъ него русскую кровь, отравляя все тѣло папско-польскимъ ядомъ». Полякъ былъ попечитель русскаго университета и русскаго учебнаго округа, полякъ былъ визитаторомъ русскихъ училищъ, поляки были директоры и учители школъ [2]).

Прежнія училища въ Западныхъ губерніяхъ, по словамъ митропо-

[1]) Басни И. А. Крылова. Изданіе Суворина 1896 г., стр. 111 и 188.
[2]) Воспоминанія о Волыни И. Кульжинскаго, „Вѣстникъ Западной Россіи“ 1865—1866 г.г. № 1, отд. IV, стр. 2—4.

лита Іосифа Сѣмашко, «имѣли болѣе римское, религіозное, нежели польское патріотическое направленіе и занимались болѣе изученіемъ латинскаго, нежели польскаго языка. Но Чарторыйскій и Чацкій преобразовали прежнія училища и завели множество новыхъ, въ которыхъ всѣ науки преподавались на польскомъ языкѣ».

Такъ Немировская гимназія, въ которой учился Сѣмашко, по словамъ Г. Я. Кипріановича [1]), была чисто польскимъ учебнымъ заведеніемъ. Большая часть гимназистовъ были католики, и въ одномъ классѣ съ Іосифомъ Сѣмашко училось всего шесть уніатовъ-поповичей; православные ученики встрѣчались еще рѣже; но тѣ и другіе въ подобномъ учебномъ заведеніи скоро теряли свои природныя національныя черты. «За неимѣніемъ православнаго законоучителя, ученики уніатскаго и православнаго вѣроисповѣданій нерѣдко слушали католическіе уроки Закона Божія и ходили съ товарищами-католиками къ обѣднѣ въ костелъ. Учителями въ школахъ были тогда поляки, особенно католическіе монахи различныхъ орденовъ, или уніаты. Чтобы устранить изъ состава учителей лицъ русскаго происхожденія, преподаваніе русскаго языка поручали кому-нибудь изъ учителей другихъ предметовъ, разумѣется изъ поляковъ или уніатовъ, а деньги, которыя отпускались на этотъ предметъ, обращаемы были на другія потребности. Языкъ преподаванія для всѣхъ предметовъ, въ томъ числѣ и для русскаго языка, во всѣхъ среднихъ и низшихъ училищахъ былъ польскій».

Но Чацкому и этого было мало. По его плану учебное дѣло должно было нравственно соединить въ одно цѣлое всѣ части разрозненной Польши, и онъ пришелъ къ мысли о необходимости устроить съ этою цѣлью гимназію въ Кременцѣ на Волыни. Кременецъ былъ близокъ къ границѣ Галиціи, Малой Польши и отчасти къ Познани и могъ явиться средоточіемъ польской національности и польскихъ стремленій. Ходатайство Чацкаго увѣнчалось успѣхомъ, и 1-го октября 1805 года была торжественно открыта Кременецкая гимназія—«колонія Виленскаго университета», какъ тогда ее называли. Гимназія стала любимымъ дѣтищемъ Чацкаго и разсадникомъ польскаго патріотизма. На торжество открытія ея съѣхались поляки съ разныхъ сторонъ, присутствовалъ волынскій губернаторъ князь Волконскій и прибылъ представитель отъ Варшавскаго общества любителей наукъ, принимавшаго самое дѣятельное участіе въ воспитаніи юношества нашихъ Западныхъ губерній и зорко слѣдившаго за всѣмъ происходившимъ въ нихъ.

Общество наукъ, съ самаго начала своей дѣятельности, старалось оживить въ умахъ соотечественниковъ ученую славу предковъ. Въ

---

[1]) Жизнь Іосифа Сѣмашко, митрополита литовскаго и виленскаго. Изд. 1893 г., стр. 8.

рѣчи, произнесенной 16-го октября 1803 года, епископъ Албертранди призывалъ своихъ соотечественниковъ къ труду и возбуждалъ въ нихъ сѣтованіе о прошедшемъ и пламенное желаніе объ улучшеніи будущаго, чтобы слава, пріобрѣтенная учеными трудами предковъ, не была погребена въ одной могилѣ съ политическимъ существованіемъ Польши. Извѣстный польскій генералъ графъ Викентій Красинскій, выбранный въ члены Общества въ 1804 году, въ іюнѣ того же года назначилъ золотую медаль въ 100 червонцевъ тому, кто составитъ географическо-историческій словарь всѣхъ бывшихъ польскихъ городовъ и селеній, съ присовокупленіемъ свѣдѣній о достопримѣчательныхъ событіяхъ и біографій нѣкоторыхъ прославившихся поляковъ.

— Откроемъ пути,—сказалъ при этомъ Красинскій,—ознаменованные подвигами нашихъ героевъ, и мѣста, устланныя трупами нашихъ непріятелей. Да укажутся стези, по которымъ посланники москаля приносили свои короны (?) и повергали ихъ къ ногамъ нашимъ. Представимъ изумленнымъ соотчичамъ нашимъ столбы предѣловъ нашихъ на Одерѣ и Эльбѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ Волгу съ Пруссіею, приносящихъ дань Польшѣ, и наше оружіе, давшее датчанамъ королей или возвратившее венгерцамъ вольность.

Подобными словами и учрежденіемъ премій всего легче было возбудить воспоминанія объ утраченной политической самобытности Польши и возродить мечты о возстановленіи отечества. Зная характеръ народа, Варшавское общество наукъ скоро стало руководить польскимъ обществомъ и обнаружило, что не науки составляютъ цѣль его учрежденія, а возстановленіе политическаго бытія Польши. Направленіе Общества стало проявляться вскорѣ послѣ его основанія, о немъ заговорили, и предсѣдатель принужденъ былъ опровергнуть ходившіе слухи и прикрыть истинную цѣль дѣйствій. Въ своемъ отчетѣ за первые четыре года существованія Общества, т. е. въ 1805 году, Албертранди хвалилъ осторожность членовъ Общества; но въ частныхъ засѣданіяхъ одобрялись и поощрялись такія сочиненія, которыя само Общество воспрещало читать въ публичныхъ собраніяхъ [1]).

Дальнѣйшія дѣйствія Общества подтверждали догадку, что оно преслѣдуетъ исключительно политическія цѣли. Такъ ксендзъ Сташицъ, бывшій впослѣдствіи предсѣдателемъ Общества, предложилъ въ апрѣлѣ 1806 г. своимъ сочленамъ заняться составленіемъ польской исторіи съ искусствомъ и плѣнительнымъ краснорѣчіемъ, «чтобы чтеніе оной

---

[1]) Таково сочиненіе Воронича, автора исторической поэмы Сивилла, въ которой представлена польская исторія въ патріотическомъ духѣ съ выраженіями оскорбительными для Россіи и союзныхъ съ нею державъ. Въ этой же поэмѣ Суворовъ изображенъ чудовищемъ.

могло восхищать польскихъ юношей и заблаговременно дѣлать въ умѣ и чувствахъ ихъ глубокое впечатлѣніе; чтобы каждый, читая воспоминанія о дѣлахъ своихъ предковъ, пріобрѣталъ къ нимъ и къ самому себѣ уваженіе и чувствовалъ честь называться полякомъ».

Сташицъ предлагалъ Обществу наукъ составить народную книжку изъ стихотворныхъ описаній главнѣйшихъ военныхъ и гражданскихъ подвиговъ поляковъ, ихъ добродѣтелей въ общественной и домашней жизни. Въ образцы такихъ стихотвореній онъ ставилъ поэму Воронича «Сивилла» и Нѣмцевича «Думу Жолкевскаго». Сташицъ желалъ, чтобы къ историческимъ пѣснямъ присоединены были картинки и музыкальныя ноты, ожидая, что такая книжка «заставитъ даже и матерей въ разговорахъ, чтеніи, пѣсняхъ и играхъ безпрестанно твердить дѣтямъ о славныхъ дѣяніяхъ ихъ предковъ».

Нѣсколько позже Общество любителей наукъ приступило къ изданію элементарныхъ книгъ и руководствъ, въ которыхъ каждая страница внушала учащимся довѣріе къ собственнымъ силамъ и храбрости поляковъ, подтрунивала надъ трусостью и безсиліемъ русскихъ и пророчила неизбѣжную гибель Россіи. Такъ грамматика французскаго языка Ломонда, изданная въ переводѣ на польскій языкъ, была вся наполнена прославленіемъ поляковъ и униженіемъ русскихъ. «Въ ней спряженіе, напримѣръ, глагола battre (бить) черезъ всѣ наклоненія и времена проведено было съ такимъ переводомъ: ja biję moskala, ty bijesz moskala, każdy polak bije moskala и пр. [1]).

При распространеніи этихъ книжекъ имѣлось, конечно, въ виду населеніе Галиціи и губерній, присоединенныхъ къ Россіи, жители которыхъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за тѣмъ, что происходило въ Варшавѣ, и за дѣятельностью Варшавскаго общества наукъ. Съ своей стороны послѣднее употребляло всѣ усилія къ тому, чтобы возбудить патріотизмъ поляковъ, жившихъ въ Россіи, слить ихъ съ собою и заставить идти къ одной общей цѣли.

Лишь только въ Варшавѣ узнали о предстоящемъ открытіи Кременецкой гимназіи, какъ Общество любителей наукъ отправило туда депутатомъ Яна Лернета, говорившаго тамъ рѣчь отъ имени Общества. Но самою блестящею была рѣчь Чацкаго, исправленная Колонтаемъ, которая дотого воспламенила присутствовавшихъ на открытіи гимназіи, что они, а впослѣдствіи и все польское общество своими пожертвованіями много содѣйствовали благосостоянію гимназіи.

---

[1]) Я бью москаля, ты бьешь москаля, каждый полякъ бьетъ москаля и проч. См. Старческія воспоминанія Авдія Востокова, „Вѣстникъ Юго-Западной и Западной Россіи“, 1864 г. № 2, Отд. II, стр. 63.

Приведемъ болѣе характерныя мѣста этой рѣчи [1]).

— Рѣдко бываетъ,—сказалъ Чацкій,—такое важное и для всѣхъ пріятное торжество, какъ нынѣшнее. Отцы семействъ единодушно приносятъ пожеланія и прочныя жертвы для счастья потомковъ. Молодежь признаетъ настоящій день за праздникъ надежды для себя и благодарности къ дѣятелямъ будущаго ихъ совершенствованія. Учители, записанные въ число государственныхъ чиновниковъ, усиливаютъ свои обязанности по отношенію къ краю, который становится для нихъ благодѣтельнымъ отечествомъ и мѣстопребываніемъ наукъ. Уважаемый пастырь среди соработниковъ воскуряетъ жертвенное кадило Господу силъ, чтобы религія и нравственность—эти первыя основанія нашихъ установленій, несмотря на смѣну поколѣній, остались постояннымъ наслѣдіемъ народнаго и семейнаго общежитій. Государь, милостиво обратившись къ народу съ искреннимъ словомъ о необходимости хорошаго воспитанія, изъявляетъ теперь благодарность (?) за то, что его старанія превратились въ общественную попечительность, и дѣло царя стало общимъ дѣломъ монарха и народа. Я счастливъ, что, совершая торжественный обрядъ открытія Волынской гимназіи, могу однимъ представленіемъ цѣлей наияснѣйшаго Александра I отдать долгъ его просвѣщенной доблести и вмѣстѣ съ отцами семействъ присутствующей молодежи показать, что постоянное пребываніе въ добродѣтели и расширеніе способности ума создаютъ и сохраняютъ истинное благосостояніе смертныхъ.

Обращаясь къ присутствовавшимъ, Чацкій говорилъ имъ:

— Собравшіеся соотечественники! Почти всѣ вы родились на этой землѣ, имя которой, столько вѣковъ извѣстное міру, вычеркнуто нынѣ изъ числа названій народовъ. На обычной и часто заслуженной дорогѣ судьбы, наши предки испытывали счастье и несчастье; храмъ знаній стоялъ рядомъ со святыней славы во время пребыванія на тронѣ послѣдняго Пяста и рода Ягеллоновъ. Крѣпко стояло хорошее правительство; крѣпко стояли науки... На тронѣ польскомъ угасъ почтенный родъ Ягеллоновъ. Въ періодическихъ потрясеніяхъ мертвѣло правительство... Открылась могила отечества; надъ нею поднялся курганъ. Наши руки не осквернились его насыпкой. Присоединенные къ славянскому народу Екатериной II, великой для Россіи, мы не вѣрили, чтобы заглажено было наше имя. Проходили годы; намъ было обѣщано усовершенствованіе воспитанія, потому что все государство требовало новаго устройства этого дѣла. При Павлѣ I, мы испытали благодѣтель-

---

[1]) О. Крыжановскій „Учебно-просвѣтительное дѣло въ Польшѣ наканунѣ послѣдней реформы Виленскаго университета“ (1803 г.). С.-Петерб., изд. 1899 г., стр. CX—CXXI.

ность: въ дѣлахъ судебныхъ онъ обезпечилъ нашъ языкъ и права нашихъ отцовъ... Но Александръ обратился съ благодѣтельнымъ словомъ къ народу, что онъ хочетъ удержать власть закона и власть просвѣщенія. Государство, составленное изъ разнородныхъ народовъ, вслѣдствіе установленія по дѣламъ образованія единаго правительства, составило нѣкоторымъ образомъ союзъ во имя наукъ и общественной нужды. Среди множества помѣхъ, поднялось Общество друзей наукъ въ Варшавѣ. Оно осмѣлилось высказаться за удержаніе языка въ его чистотѣ и обратилось къ землякамъ: однимъ оно выставляло необходимость совершенствованія, другихъ заохочивало къ тому, чтобы они принесли плоды своей работы. Народъ уже имѣетъ произведенія, которыя принялъ съ уваженіемъ. Тѣмъ болѣе любезны будутъ для насъ связи съ вами, ученые мужи, что ихъ поддержало общее основаніе и общая помощь. Достойные делегаты являются свидѣтелями нашего чувства и распространятъ его среди участниковъ славы. Едва наияснѣйшій монархъ возсѣлъ на тронъ, какъ обратилъ вниманіе на важную сторону воспитанія, обнародовалъ основы просвѣщенія. Установляя распредѣленіе обязанностей министровъ, онъ учредилъ министерство народнаго просвѣщенія и ввѣрилъ его графу Завадовскому, мужу, который занималъ много разныхъ должностей и со множествомъ знаній, которыя пріобрѣлъ, соединяетъ обширныя свѣдѣнія по нашей литературѣ и въ совершенствѣ владѣетъ польскимъ языкомъ.

Не велики выставленныя заслуги графа Завадовскаго, но и эти слова Чацкаго обольстили министра.

«1-го октября я открылъ Волынскую гимназію,—писалъ Ѳ. Чацкій графу Завадовскому [1]). Собравшіеся епископы (латинскіе), опаты (архимандриты), различные по іерархическому чиноположенію священники, губернаторы, предводители дворянства и обыватели двухъ губерній (Волынской и Подольской), участвовали въ настоящемъ великомъ торжествѣ. Всеобщая радость, выраженіе живой признательности, надежда, что наши дѣти достигнутъ высокаго усовершенствованія въ наукахъ, все это вмѣстѣ дѣлало настоящее торжество многознаменательнымъ и для всѣхъ одинаково пріятнымъ. Въ произнесенной мною рѣчи я отдалъ должное просвѣщеннымъ заботамъ вашего сіятельства. Между важнѣйшими, благопріятными условіями для развитія общественнаго просвѣщенія, я поставилъ руководительство вами дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія. Для нашихъ учрежденій вы изволили оказать свое милостивое содѣйствіе. Позвольте же мнѣ, какъ представителю учебнаго вѣдомства, какъ обывателю этой губерніи (Волынской), выра-

---

[1]) Въ письмѣ отъ 10 октября 1805 г., „Русское Обозрѣніе“, 1898 г., т. 50, № 4, стр. 630 и 631.

зить вамъ нашу просьбу прислать для Волынской гимназіи свой портретъ. Благодарный ученикъ, даже въ грядущей смѣнѣ поколѣній, пускай взираетъ на образъ министра, котораго имя записано въ дѣяніяхъ Россійскаго государства и въ дѣяніяхъ просвѣщенія Европы».

Русскій министръ народнаго просвѣщенія отвѣчалъ Чацкому, что въ Кременцѣ онъ насадилъ сѣмена будущихъ Аѳинъ, сравнивалъ рѣчь его съ рѣчами Геродота, называлъ Чацкаго геніемъ, «который на польскомъ Парнасѣ воскрешаетъ музы, умершія въ Аттикѣ», и прибавлялъ: «теките по своему поприщу, посѣвая науки, благотворительныя человѣческому роду. Дѣлателю уже близокъ предѣлъ, дабы сказать: jam opus exegi (дѣло совершилъ), и услышать къ себѣ общій отголосокъ, который повторитъ позднее потомство nomenque erit indelibile vestrum (имя твое будетъ неизгладимо, незабвенно)».

Обѣщая послать свой портретъ, гр. Завадовскій просилъ, чтобы онъ былъ поставленъ подъ портретомъ Чацкаго, «коимъ подобаетъ украшать храмы наукъ въ этомъ отношеніи: et de plenitudine ejus nos omnes accepimus (и отъ полноты его мы всѣ восприняли)».

Такимъ образомъ Гомеръ и геній сдѣлали свое дѣло и, читая рѣчь Чацкаго, графъ Завадовскій не видѣлъ, что визитаторъ, прославляя Польшу, хваля Александра и его, въ то же время укорялъ Россію, что она убила Польшу и уничтожила науки. Завадовскій не видѣлъ, что дѣятельность Чацкаго направлена исключительно къ тому, чтобы, подъ покровительствомъ науки, полонизировать край и подготовить въ будущемъ политическихъ дѣятелей къ возстановленію Польши. Отвѣчая на лесть лестью, гр. Завадовскій прикрылъ своимъ именемъ Чацкаго и благословилъ дальнѣйшую его дѣятельность въ этомъ направленіи.

Основатель Кременецкой гимназіи не жалѣлъ ни силъ, ни средствъ для ея процвѣтанія. Онъ собиралъ пожертвованія, приглашалъ лучшихъ преподавателей, образъ мыслей которыхъ давалъ ему увѣренность на возможность осуществленія его видовъ. Самъ Чацкій пожертвовалъ гимназіи свою обширную библіотеку и купилъ для нея библіотеку короля Станислава Августа за 7.500 червонныхъ злотыхъ [1]). Сверхъ того, онъ успѣлъ выпросить у императора Александра субсидію на содержаніе гимназіи и доходы съ Кременецкаго староства, бывшаго до того въ пожизненномъ владѣніи князя Сангушки. Наконецъ, русскіе монахи (уніаты-базиліане) должны были отдать для помѣщенія гимназіи весь свой монастырь въ Кременцѣ, а сами помѣстились въ монастырѣ ксенд-

[1]) Еще до раздѣла Польши, въ письмѣ бывшему польскому королю Станиславу Августу, Чацкій выразилъ свое желаніе быть исторіографомъ Польши и выпросилъ у короля драгоцѣнное собраніе рукописей, относившихся къ исторіи Польши и стоившихъ (по словамъ Осинскаго) королю болѣе 30.000 червонныхъ злотыхъ.

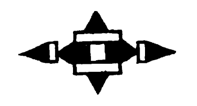
зовъ реформаторовъ [1]). Для училищъ Виленскаго учебнаго округа Чацкій успѣлъ выхлопотать, изъ доходовъ и процентовъ поіезутскихъ имѣній и капиталовъ, фундушъ въ 2.350.000 польскихъ злотыхъ, или 352.500 руб.

Приготовивъ книгу для записыванія пожертвованій на Кременецкую гимназію, Чацкій явился въ дворянское собраніе и произнесъ горячую патріотическую рѣчь, въ которой высказалъ, что собираетъ деньги «для сохраненія дорогаго наслѣдства — языка своихъ единоплеменниковъ». Еще ранѣе, а именно 20-го октября 1803 года, онъ явился на съѣздъ духовенства въ Луцкѣ съ такою же рѣчью и приглашеніемъ къ пожертвованіямъ. Они сыпались щедрою рукою, и въ короткое время Чацкій собралъ 415.720 польскихъ злотыхъ или 62.358 рублей.

При помощи пожертвованій и щедротъ монарха, учебныя заведенія Виленскаго округа благоденствовали, тогда какъ русскія гимназіи нуждались во многомъ. Къ сожалѣнію, отпускаемыя средства шли на учрежденія, открыто служившія польскимъ интересамъ и польскому дѣлу.

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

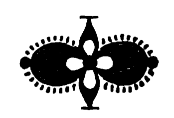
[1]) Воспоминанія о Волыни. И. Кульжинскій. «Вѣстникъ Западной Россіи». 1865—1866 г. № 2. Отд. IV, стр. 131.

Извѣтъ на „Московскій Вѣстникъ" и его сотрудниковъ [1]).

30-го декабря 1827 г.

Въ С.-Петербургъ прибылъ изъ Москвы издатель «Московскаго Вѣстника» Погодинъ. Онъ только по имени издатель, на что въ доказательство имѣются собственноручныя его письма. Главные начальники сей редакціи суть: Соболевскій, Титовъ, Мальцовъ, Полторацкій, Шевыревъ, Рагозинъ и еще нѣсколько истинно бѣшеныхъ либераловъ. Нѣкоторые изъ нихъ (Мальцовъ и Соболевскій) дали деньги на поддержаніе журнала и платятъ Пушкину за стихи. Главная ихъ цѣль состоитъ въ томъ, чтобъ ввести политику въ этотъ журналъ. На 1828 годъ они намѣревались издавать политическую газету, но какъ ни одинъ изъ нихъ не могъ представить своихъ сочиненій, какъ повелѣно цензурнымъ уставомъ, то они выписали сюда Погодина, чтобы онъ снова отъ своего имени просилъ позволенія ввести политику.

Погодинъ человѣкъ чрезвычайно искательный. Онъ, переводя сочиненія Круга и восхваляя его, попалъ въ корреспонденты Академіи Наукъ и теперь покровительствомъ Уварова надѣется получить желаемое позволеніе на помѣщеніе политики въ своемъ журналѣ, которую намѣренъ редижировать Титовъ и Полторацкій. Погодинъ не имѣетъ вліянія на сихъ молодыхъ людей и состоитъ у нихъ въ зависимости, потому что они богаты и смѣлы, а онъ бѣденъ, безъ имени и робокъ. Сіи юноши не пишутъ ничего литературнаго, почитая сіе недостойнымъ себя, и занимаются однѣми политическими науками. Образъ мыслей ихъ, рѣчи и сужденія отзываются самымъ явнымъ карбонаризмомъ. Соболевскій и Титовъ (служащій въ Иностранной Коллегіи) суть самые худшіе изъ нихъ. Собираются они у князя Владиміра Одоевскаго, который слыветъ между ими философомъ, и у Мальцова.

[1]) Записка, писанная рукою фонъ-Фока, но безъ подписи.

Записки баронессы Прасковьи Григорьевны Розенъ, въ монашествѣ Митрофаніи.

Превратность судьбы игуменьи Митрофаніи, сначала блестящее свѣтское положеніе, потомъ подвиги молитвы и благотворительности и наконецъ заключеніе ея подъ стражу въ свое время возбудили большой интересъ и разнорѣчивые толки въ обществѣ. Тѣмъ интереснѣе читателямъ ознакомиться съ ея записками, которыя она не желала печатать при своей жизни и окончила за два дня до смерти.

I.

Родители.—Дѣтство и отрочество.—Назначеніе генерала барона Г. В. Розена главнокомандующимъ на Кавказѣ.—Жизнь въ Тифлисѣ.—Императоръ Николай I на Кавказѣ.—Лишеніе князя Дадіана званія флигель-адъютанта и отправленіе его въ Бобруйскую крѣпость.—Назначеніе барона Розена сенаторомъ въ Москву.—Его кончина.

Въ 1812 году, 18-го февраля, отецъ мой баронъ Григорій Владиміровичъ Розенъ I, любимецъ императора Павла Петровича, женился на матери моей фрейлинѣ Елисаветѣ Дмитріевнѣ, урожденной графинѣ Зубовой. Вѣнчаніе ихъ совершалось въ Малой Дворцовой церкви. Посаженнымъ отцомъ былъ самъ государь, а посаженною матерью лично сама императрица. До меня было у родителей моихъ два сына и три дочери. Старшаго, Александра, крестилъ въ декабрѣ 1812 года государь, втораго, Дмитрія, крестила императрица Марія Θеодоровна, старшую сестру, Лидію, крестилъ лично также на квартирѣ моихъ родителей

императоръ Александръ I. Послѣ того отецъ уже не жилъ постоянно въ С.-Петербургѣ [1]); служебныя его обязанности требовали разъѣздовъ, и вотъ по этой причинѣ, я родилась 15-го ноября 1825 года въ Москвѣ, въ бывшемъ домѣ Дмитріева, противъ Страстнаго монастыря, за три дня до кончины императора Александра I.

Въ то время отецъ мой былъ генералъ-адъютантъ [2]), а мать моя кавалерственною дамою ордена Св. Екатерины малаго креста. Тотъ и другая были любимцами въ бозѣ почившаго императора Александра I и императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Въ 1826 году, отецъ мой получилъ назначеніе въ городъ Митаву [3]), куда и перевезъ свое семейство. Я въ то время была еще у кормилицы, и моя странническая жизнь началась съ самыхъ пеленокъ. Въ концѣ 1827 года отецъ получилъ новое назначеніе [4]), и мы переѣхали въ Бѣлостокъ, гдѣ помѣщеніе было дано намъ во дворцѣ великаго князя Константина Павловича. Во время пребыванія нашего въ Бѣлостокѣ, мать сама начала учить меня грамотѣ по-русски. Жила я отдѣльно отъ сестеръ, и кормилица моя оставлена была при мнѣ няней. Куколъ я не любила и играла съ ними только по приказанію матери; мнѣ было гораздо веселѣй играть въ другія какія-либо игры, бѣгать въ саду, кормить лебедей и т. п. Жизнь нашу въ Бѣлостокѣ я помню хорошо, помню дѣда моего графа Дмитрія Александровича Зубова, въ то время жившаго съ нами, помню его ласку и баловство.

Такъ провела я первые четыре года моей жизни. Въ началѣ 1830 года, мы пріѣхали въ С.-Петербургъ и жили въ Таврическомъ дворцѣ. Къ матери моей много разъ пріѣзжалъ императоръ Николай Павловичъ, часто присылалъ ей фрукты и цвѣты изъ оранжереи того дворца; помню, какъ не разъ монархъ бралъ меня на руки, сажалъ на плечо, ласкалъ и игралъ со мной. Мать моя возила насъ во дворецъ играть съ великими княжнами, Маріей, Ольгой и Александрой Николаевнами. Въ то время была въ С.-Петербургѣ холера, и я помню нашу общую радость, когда мы выѣхали изъ С.-Петербурга. Отецъ мой былъ назначенъ въ то время главнокомандующимъ войсками на Кавказѣ [5]). По пути въ Тифлисъ останавливались на короткое время во всѣхъ городахъ. Въ Воронежѣ,

---

[1]) 11-го мая 1821 года баронъ Г. В. Розенъ былъ назначенъ начальникомъ 15-ой пѣхотной дивизіи. Ред.

[2]) Назначенъ генералъ-адъютантомъ 20-го февраля 1818 г. Ред.

[3]) 22-го августа 1826 года баронъ Розенъ былъ назначенъ командиромъ 6-го пѣхотнаго корпуса и произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи. Ред.

[4]) 27-го октября 1827 года баронъ Г. В. Розенъ былъ назначенъ командиромъ отдѣльнаго Литовскаго корпуса. Ред.

[5]) 13-го сентября 1831 г. баронъ Г. В. Розенъ назначенъ командиромъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, управляющимъ гражданскою частью и пограничными дѣлами Грузіи и Армянской области. Ред.

ѣздили въ Митрофаніевъ монастырь поклониться гробу св. Митрофанія, мощи котораго тогда еще не были открыты; посѣтили съ матерью преосвященнаго Антонія, въ то время бывшаго архіепископомъ воронежскимъ.

10-го ноября мы были на вершинахъ величественныхъ Кавказскихъ горъ. Оказалось, что ѣхать дальше было невозможно: наканунѣ нашего пріѣзда въ мѣстечкѣ Коби произошелъ снѣжный обвалъ, и для проѣзда нужно было расчищать дорогу. Другаго помѣщенія, кромѣ горской сакли для насъ и всей свиты не было. Десять дней пробыли мы тамъ, ѣли пловъ и шашлыкъ, приготовленные грузинами, слушали грузинскія пѣсни, любовались на величественную природу. 15-го ноября, день моего рожденія, мы праздновали въ Коби, и это празднество навсегда осталось въ моей памяти. Я очень плакала, что не было съ нами отца, котораго очень любила и который меня всегда баловалъ. 20-го мы выѣхали далѣе, благополучно переѣхали черезъ хребетъ Кавказскихъ горъ и 23-го числа пріѣхали въ Тифлисъ. Съ этого времени я росла уже подъ кавказскимъ синеголубымъ небомъ, наслаждаясь великолѣпною природою и всевозможною роскошью растительнаго царства на Кавказѣ.

Мы жили въ такъ называемомъ дворцѣ, помѣщенія или комнаты котораго были великолѣпны, какъ по громадности зданія, такъ и по роскошной, совершенно европейской отдѣлкѣ комнатъ. Изъ оконъ дворца видны были Эльбрусъ и Казбекъ,—ледяныя вершины которыхъ рѣзко отдѣлялись отъ синеголубаго, всегда почти безоблачнаго неба. Вокругъ дворца была устроена великолѣпная терраса, украшенная цвѣтниками и виноградными бесѣдками. На этой террасѣ въ часы отдохновенія отецъ мой приходилъ посидѣть съ нами. Другаго отдыха онъ никогда не искалъ и любилъ насъ дѣтей до того, что не могъ никогда выпить чашку чаю безъ того, чтобы кого-нибудь изъ насъ не было бы съ нимъ. Неутомимые его труды всегда поражали меня, и я съ дѣтства съ любопытствомъ слѣдила за всѣми его служебными дѣйствіями. Въ часы неклассные, я вмѣсто разныхъ игръ, которыя мнѣ предлагались, спѣшила въ кабинетъ отца, садилась около него и засыпала пескомъ бумаги, имъ подписываемыя, или приводила въ порядокъ его письменные столы; все это дѣлала я очень аккуратно, и потому отецъ не препятствовалъ мнѣ въ томъ. Когда передъ обѣдомъ онъ ложился отдыхать, моею обязанностію было разбудить его, подать сюртукъ и выйти съ нимъ къ обѣду, къ которому всегда собирались кромѣ нашей многочисленной семьи человѣкъ двадцать изъ служащихъ. Послѣ обѣда и весь вечеръ проводила я съ матерью, которая въ свою очередь очень любила меня. Сестры мои занимались разными рукодѣліями, а меня всѣ и всегда видѣли только съ карандашемъ въ рукѣ. Съ 7-ми лѣтняго возраста, самоучкой, я писала карандашемъ портреты всѣхъ посѣтителей и такъ удачно, что тогда

же для меня взяли учителя рисованія. Съ тѣхъ поръ это занятіе было для меня самое пріятное и впослѣдствіи оказалось мнѣ болѣе чѣмъ полезнымъ.

Кавказъ, этотъ чудный край, эта роскошная природа, этотъ народъ, въ то время еще далеко неразвитой, но честный, любящій правду и отчизну, были какъ-бы моими воспитателями. Я росла подъ этимъ небосклономъ, и какъ душевныя, такъ равно и физическія силы развивались во мнѣ быстрѣй, чѣмъ у жителей сѣвера. Четырнадцати лѣтъ я была болѣе развита, нежели развилась бы на сѣверѣ въ 18-ть. Я такъ свыклась съ Кавказомъ, что онъ сдѣлался для меня второю родиной.

По пôсту, который занималъ отецъ, мы имѣли лучшихъ учителей и учительницъ, преимущественно изъ Швейцаріи. Законоучителемъ моимъ былъ ректоръ Тифлисской духовной семинаріи, архимандритъ Сергій, прочіе учители были также изъ людей высшаго образованія.

Всѣмъ извѣстна обстановка дворца намѣстника Кавказа. При всѣхъ входахъ и выходахъ стояли часовые, которые смѣнялись, въ самый жаръ, когда знойное кавказское солнце заставляетъ всѣхъ укрываться въ своихъ домахъ, закрывать ставни и сидѣть въ полумракѣ, лишь бы только укрыться отъ лучей его. Въ эти самые часы отъ 12-ти до 2-хъ отецъ мой выходилъ изъ дворца и, остановившись у перваго часоваго, своими руками разстегивалъ мундиръ и приказывалъ ему передать слѣдующему, чтобы и тотъ сдѣлалъ то же. Больныхъ, не только офицеровъ, но и солдатъ онъ посѣщалъ очень часто въ госпиталяхъ. Съ каждымъ бывало поговоритъ, каждаго утѣшитъ, спроситъ, нѣтъ ли у него какихъ нуждъ, гдѣ его родные и т. п. Неимущимъ давалъ потихоньку деньги для отправки въ Россію, женѣ или дѣтямъ. Офицеры имѣли къ нему всегда прямой доступъ, и его кошелекъ былъ открытъ для каждаго изъ нуждающихся. Дѣлами собственными онъ пренебрегалъ, родовое имѣніе свое въ Орловской губерніи совершенно оставилъ безъ наблюденія и радъ былъ, что мужички поправляются. Онъ былъ добръ до чрезвычайности, и никогда я не слыхала изъ устъ родителей ни одного браннаго слова. Отецъ мой и къ слугамъ обращался съ ласковою просьбою и въ то время иначе не говорилъ имъ, какъ: «другъ мой, прошу тебя, сдѣлай то-то или то-то».

Мать моя съ своей стороны также любила творить тайную милостыню и трудиться собственноручно для украшенія св. храмовъ. Ни одинъ воскресный или праздничный день не оставался безъ хожденія въ св. храмъ. Во дворцѣ мать моя устроила домовую церковь и вышила собственноручно всю ризницу; св. иконы писала моя старшая сестра Лидія, впослѣдствіи вышедшая замужъ за князя Дадіана [1]); хоръ пѣвчихъ со-

[1]) Князь Александръ Леоновичъ Дадіани родился въ 1801 г. въ Сенгилеевскомъ уѣздѣ Симбирской губерніи. Начавъ службу въ Преображенскомъ

ставленъ былъ изъ черноморскихъ казаковъ и настолько былъ строенъ, что и доселѣ звучитъ въ ушахъ моихъ ихъ чудный напѣвъ и голоса. Любимый псаломъ матери моей былъ: «Боже, во имя Твое спаси мя». Этотъ псаломъ часто заставляла она пѣть нашихъ пѣвчихъ. Почетный караулъ главнокомандующаго состоялъ изъ линейныхъ и черноморскихъ казаковъ и князей разныхъ грузинскихъ фамилій; всѣ они верхомъ сопровождали парадные выѣзды наши. Нѣсколько араповъ въ турецкихъ костюмахъ составляли также не малое украшеніе свиты. Описываю все это, ибо эта обстановка немаловажна въ отношеніи и къ моей жизни.

Боевыя и административныя заслуги отца вызвали зависть главнѣйше со стороны министровъ, передъ честолюбіемъ которыхъ онъ не преклонялся. Онъ отказался исполнить предложеніе военнаго министра графа Чернышева воспользоваться Сальянскими рыбными откупами и дѣлиться съ нимъ.

— Я служу царю и отечеству,—сказалъ отецъ посреднику Чернышева,—а не его министрамъ, самъ не пользуюсь и другимъ не позволю.

Въ 1835 году отецъ повезъ государю самъ въ Петербургъ свой отчетъ по управленію краемъ и одновременно пригласилъ его посѣтить Кавказъ, достаточно уже покоренный.

Императоръ Николай I былъ такъ доволенъ отчетомъ, что приказалъ разослать его всѣмъ министрамъ и велѣлъ имъ явиться къ отцу какъ главнокомандующему, хотя многіе были старше его по службѣ. Обиженные дѣйствіями государя, они начали ему мстить и временемъ къ тому избрали путешествіе императора на Кавказъ.

Подъ видомъ необходимо нужной подготовки для пріема его величества, для осмотра войскъ и проч., была, по предложенію графа Чернышева, назначена коммиссія и послана къ отцу какъ бы для помощи, а между тѣмъ этой коммиссіи дана была тайная инструкція съ направленіемъ на шпіонство.

Мѣсяцевъ за шесть до пріѣзда государя пріѣхалъ въ Тифлисъ флигель-адъютантъ Катенинъ и сенаторъ баронъ Ганъ. Принятые у насъ какъ родные, они постоянно говорили, насколько государь будетъ восхищенъ краемъ, порядкомъ и войсками. Послѣ каждаго ученія Катенинъ приходилъ въ восхищеніе. Онъ былъ по службѣ товарищемъ мужа сестры, князя Дадіана, такъ какъ оба служили въ Преображенскомъ полку, которымъ командовалъ въ 1820-хъ годахъ мой отецъ, и оба

полку въ 1817 г., онъ въ чинѣ поручика назначенъ былъ адъютантомъ къ графу Паскевичу, при которомъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ 1826—1829 гг., а также находился въ экспедиціяхъ 1830—1832 гг. противъ горцевъ. Въ 1829 году Дадіани былъ произведенъ въ полковники, назначенъ флигель-адъютантомъ и въ томъ же году командиромъ Эриванскаго карабинернаго полка. Ред.

были флигель-адъютантами. Этотъ-то Катенинъ и былъ орудіемъ несчастія нашей семьи.

Въ 1837 году государь прибылъ на Кавказъ. Отецъ выѣзжалъ къ нему на встрѣчу на самую границу края, и послѣ переправы черезъ Кавказскія горы пріѣхалъ въ Тифлисъ впередъ для приготовленія и встрѣчи императора. Государь не хотѣлъ заѣзжать въ Сіонскій соборъ, встрѣчи за городомъ не дозволилъ, а назначилъ ее въ домѣ главнокомандующаго, такъ называемомъ «Дворцѣ».—Выходя изъ коляски, онъ обнялъ отца и сказалъ:

— Я не хотѣлъ заѣзжать въ соборъ, но заѣхалъ, чтобы поблагодарить Господа за то, что я у тебя встрѣтилъ. Скажи женѣ твоей, что черезъ часъ буду у нея.

Вотъ первый привѣтъ монарха, вотъ впечатлѣніе, произведенное на него при въѣздѣ въ Тифлисъ. На другой день былъ назначенъ парадъ нѣсколькимъ полкамъ, и въ томъ числѣ Эриванскому князя Паскевича полку, которымъ командовалъ князь Дадіанъ, мужъ сестры моей. Тутъ-то и пошла въ дѣйствіе тайная работа шпіоновъ, присланныхъ, чтобы потопить отца. Въ день пріѣзда государя ему сдѣланъ былъ доносъ о злоупотребленіяхъ, будто бы со стороны моей матери, относительно гордаго обхожденія и вмѣшательства въ дѣла по управленію, чрезъ что̀, конечно, веселое и доброе расположеніе царя помрачилось [1]). Передъ самымъ парадомъ, та же коммиссія донесла, что будто бы князь Дадіанъ злоупотребляетъ въ свою пользу солдатами Эриванскаго карабинернаго полка и что онъ для нихъ представляется тиранномъ. Государь въ такомъ настроеніи духа выѣхалъ на парадъ. Между тѣмъ тѣ же доносчики, будто бы по дружбѣ, предупредили моего зятя и дали дружескій совѣтъ сказаться больнымъ и на парадъ не являться. Отецъ ничего не зналъ, былъ увѣренъ, что зять получитъ благодарность, ибо это былъ лучшій въ Грузіи полкъ. Царь выѣхалъ на парадъ. Ему доложили о болѣзни князя Дадіана, но государь приказалъ его привезти. Когда князь явился, то государь въ порывѣ гнѣва и въ глазахъ моего отца приказалъ губернатору генералу Брайко снять съ Дадіана эксельбантъ, а самого его отправить въ Бобруйскую крѣпость для производства слѣдствія. Въ то же время и тотъ же эксельбантъ государь надѣлъ собственноручно на старшаго брата моего Александра, пріѣхавшаго въ отпускъ изъ Петербурга.

— Гдѣ гнѣвъ,—сказалъ государь,—тамъ и милость. Это будетъ мой новый рекрутъ.

Возвратившись во дворецъ, онъ сейчасъ же прислалъ моей сестрѣ Софьѣ, генеральшѣ Аладьиной, тогда еще дѣвицѣ, фрейлинскій вензель.

---

[1]) Срав. „Русскую Старину“ 1884 г., № 8, стр. 391—395.

Описывать, какъ были приняты и встрѣчены эти двѣ одновременныя милости, нечего. Отецъ мой былъ убитъ этимъ случаемъ; неожиданность онаго была причиной ранней его могилы. Сестра, бывшая только два года замужемъ, осталась одна, князя увезли съ фельдъегеремъ въ тотъ же день. Мать наша была убита, и вся семья была въ слезахъ, но вечеромъ былъ назначенъ во дворцѣ у насъ балъ, который открылъ государь съ маменькой, потомъ прошелъ польскій съ двумя моими незамужними сестрами, у которыхъ глаза были распухши отъ слезъ. Нѣсколько дней, проведенныхъ государемъ въ Тифлисѣ, сопровождались празднествами, отравленными вышеописаннымъ случаемъ, потому что весь край любилъ отца моего, и горе семьи ясно отражалось на всѣхъ жителяхъ Тифлиса [1]).

---

[1]) Достовѣрность этого семейнаго преданія остается конечно по отвѣтственности игуменьи Митрофаніи, но редакція не можетъ не упомянуть, что въ „Русской Старинѣ" 1884 г, № 8, стр. 391—395, событіе это разсказано нѣсколько иначе, а именно:

„Съ перваго дня вступленія на почву Закавказья императоръ Николай относился къ барону Розену вполнѣ благосклонно и милостиво, но съ пріѣздомъ въ Тифлисъ судьба его была рѣшена. Причиною царскаго гнѣва былъ сенаторъ баронъ Ганъ, прибывшій на Кавказъ въ качествѣ предсѣдателя высочайше учрежденной коммиссіи по образованію мѣстныхъ гражданскихъ учрежденій и, какъ гласила народная молва, добивавшійся быть переименованнымъ въ военный чинъ для полученія званія корпуснаго командира. Онъ сдѣлалъ доносъ государю на вопіющія злоупотребленія зятя барона Розена, флигель-адъютанта полковника кн. Дадіани, въ то время командира Эриванскаго карабинернаго полка.

„Выслушавъ сенатора Гана, государь обратился къ присутствовавшему при докладѣ барону Розену и сказалъ: „поступи съ Дадіани какъ родственникъ и начальникъ". Когда же Розенъ призналъ весь докладъ сенатора клеветою, то Ганъ вынулъ изъ портфеля и представилъ его величеству подлинный всеподданнѣйшій отчетъ кн. Палавандова съ исправленіями и помарками барона, какъ краснорѣчивое свидѣтельство, что губернаторъ лишенъ правъ доносить истину своему государю.

„Государь взялъ отчетъ и, обращаясь къ Розену, спросилъ:

— Почеркъ твой?

„Розенъ поблѣднѣлъ и сознался.

— Ну, произнесъ императоръ, этого я не прощу.

„Между тѣмъ въ тотъ же день былъ назначенъ разводъ отъ 1-го баталіона Эриванскаго карабинернаго полка. Онъ происходилъ на Мадатовской площади, на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ впослѣдствіи кн. Барятинскимъ былъ устроенъ Александровскій садъ—одно изъ лучшихъ украшеній города. Еще съ ранняго утра жители густыми массами начали стекаться къ площади, чтобы быть личными свидѣтелями готовившагося зрѣлища. Семейства же барона Розена и князя Дадіани помѣстились на балконѣ выходившаго фасадомъ на площадь дома полковника Беглярова, главнаго переводчика при корпусномъ командирѣ.

„Но вотъ вдали показался государь императоръ, окруженный большою

Проводивши государя до границы, мой отецъ подалъ прошеніе объ отставкѣ. Государь принялъ, но былъ очень недоволенъ. Возвратившись въ Петербургъ, онъ отставки ему не далъ, но до поправленія здоровья назначилъ его сенаторомъ въ Москву, приказавъ управлять краемъ до новаго назначенія и пріѣзда преемника. Тутъ, съ того именно дня отецъ получилъ легенькій ударъ, т. е. въ день разжалованія мужа моей сестры, но это прошло очень скоро, онъ почувствовалъ головокруженіе, и принятыя во-время средства на время отстранили болѣзнь, которая впослѣдствіи развилась на столько, что въ Москвѣ онъ былъ разбитъ параличемъ и до самой смерти не владѣлъ ни рукою, ни ногою. Не помогли ему и царскіе врачи, присылаемые государемъ для наблюденія за его здоровьемъ. Сестра моя, на третій день послѣ увоза мужа, поѣхала за нимъ и жила въ Бобруйскѣ два года во время слѣдствія и суда. Князь Дадіанъ былъ осужденъ, разжалованъ и сосланъ

свитою и быстро приближавшійся къ площади. Еще нѣсколько минутъ, и громкое, восторженное „ура" разнеслось по площади, въ отвѣтъ на милостивое царское привѣтствіе.

„Когда все смолкло, государь могучимъ повелѣвающимъ голосомъ произнесъ:

— Розенъ!..

„При этомъ словѣ толпа вдругъ отхлынула отъ площади и вмигъ разсыпалась по ближайшимъ улицамъ, откуда нѣсколько спустя, опять, хотя и боязливо, начала собираться къ прежнему мѣсту. Причиною обуявшей всѣхъ зрителей паники было то, что имъ вмѣсто Розенъ послышалось розогъ.

„Розенъ приблизился къ государю. Вслѣдъ за нимъ его величество потребовалъ кн. Дадіани. Окинувъ его грознымъ величественнымъ взоромъ, императоръ въ самыхъ сильныхъ и строгихъ выраженіяхъ началъ высказывать противъ него свое крайнее неудовольствіе, упомянувъ, что флигель-адъютанты обращаются въ подрядчиковъ, эксплоататоровъ, что они не поддерживаютъ царскаго къ нимъ довѣрія, унижая свое высокое званіе, и кончилъ тѣмъ, что приказалъ генералъ-лейтенанту Брайко снять съ кн. Дадіани эксельбанты и передать ихъ молодому Розену. Вмѣстѣ съ Розеномъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ баронъ Врангель, впослѣдствіи столь видный кавказскій дѣятель. Затѣмъ, обратившись снова къ Дадіани, государь грозно произнесъ: „Въ Бобруйскъ". Осужденный тотчасъ же былъ посаженъ на заранѣе приготовленную для него тройку и въ сопровожденіи жандарма отправленъ по назначенію. Ему разрѣшили только проститься съ женою, которую онъ засталъ въ обморочномъ состояніи, вслѣдствіе сильнаго потрясенія отъ всего случившагося.

„Во все время этой раздирающей сцены престарѣлый и убитый горемъ Розенъ стоялъ около императора и, прильнувъ головой къ царской груди, обливался горькими слезами.

„Когда все было кончено, государь пропустилъ баталіонъ церемоніальнымъ маршемъ, простился съ солдатами и, сѣвъ въ коляску, поѣхалъ въ военный госпиталь.

въ Вятку [1]), но во вниманіе заслугъ отца изъ Вятки возвращенъ черезъ два мѣсяца съ разрѣшеніемъ жить въ имѣніи отца, для чего и куплена была подмосковная [2]), гдѣ семья его и онъ прожили до восшествія на престолъ императора Александра Николаевича, который въ день священнаго коронованія въ 1856 году возвратилъ князю Дадіану чинъ полковника, ордена и княжество, а его сыновей пожаловалъ пажами. Это было въ 1855 году, а отецъ мой скончался въ 1841 году 20 августа [3]), не дождавшись въ моментъ разжалованія милости.

По внимательному расположенію императора Николая мы жили въ Петровскомъ дворцѣ, гдѣ отецъ мой и умеръ, какъ истинный христіанинъ, лишенный послѣдніе дни владѣнія языкомъ. Онъ мирно и сознательно перешелъ въ вѣчность. Трогательно было видѣть сочувствіе къ нему всѣхъ старыхъ сослуживцевъ, проживавшихъ въ Москвѣ. Одни вспоминали его заслуги на поляхъ Бородинскихъ, Кульмскихъ и подъ Краснымъ; другіе—подъ Варшавою, Ромарино, третьи—его подвиги на Кавказѣ и проч. и проч. Старые преображенскіе солдаты, которые служили съ нимъ во время командованія полкомъ, дежурили у гроба. Сопровождавшая его тѣло толпа была многочисленна и состояла изъ нищихъ, бѣдныхъ и старыхъ инвалидовъ. Передъ погребеніемъ тѣла отца священникомъ того прихода, гдѣ его отпѣвали, отцомъ Стефаномъ было сказано прочувствованное слово.

Послѣ погребенія болѣе 6-ти недѣль на его могилѣ дежурилъ іеромонахъ, такъ какъ весьма часто приходили и пріѣзжали посторонніе лица для поклоненія его праху и служенія о немъ панихидъ. Вотъ памятникъ, который послѣ себя оставилъ доблестный герой 1812 года и любвеобильный отецъ, какъ своей семьи, такъ и всѣхъ бѣдныхъ. Послѣ 45-ти-лѣтняго служенія своего, онъ ничего другаго не пріобрѣлъ, какъ доброе и честное имя, оставивъ до 200 т. рублей долгу. Императоръ Николай приказалъ уплатить всѣ долги отца, пожаловалъ матери моей 5 т. рублей пенсіи, а я была назначена фрейлиною высочайшаго двора. Даниловъ монастырь, гдѣ погребенъ былъ отецъ, сталъ любимымъ нашимъ прибѣжищемъ, и могила отца привлекала всѣхъ насъ къ себѣ. Такъ провели мы первый траурный годъ, но память его и доселѣ живетъ въ насъ, и благословеніе его не оставляетъ семью нашу.

---

[1]) По высочайше утвержденной конфирмаціи Дадіани былъ лишенъ орденовъ, чиновъ, княжескаго и дворянскаго достоинствъ и, вмѣнивъ ему трехлѣтнее содержаніе въ казематѣ въ наказаніе, отправленъ на безвыѣздное пребываніе въ Вятку.

[2]) Срав. „Русскую Старину" 1884 г., № 8, стр. 391—395.

[3]) Въ формулярномъ спискѣ показано, что баронъ Г. В. Розенъ скончался 6-го августа 1841 г. Ред.

II.

Свѣтская жизнь въ Москвѣ.—Поѣздки въ Воронежъ.—Епископъ Антоній.—Посѣщенія старицъ и монахинь.—Писаніе иконъ.—Митрополитъ Филаретъ и его характеристика. — Посѣщеніе тюремъ. — Поступленіе въ Алексѣевскій монастырь.

Не прошло трехъ мѣсяцевъ послѣ смерти отца, какъ братъ Александръ женился, а послѣ окончанія траурнаго года, т. е. 1842 года сентября 8-го, вышла замужъ сестра моя Софія за генерала Аладьина. Лѣтомъ 1842 года нанимали мы дачу въ селѣ Останкинѣ подъ Москвою, и въ это время я видѣла странный сонъ—именно двухъ ангеловъ въ облакахъ съ золотыми кудрями, дивной красоты, въ бѣлыхъ одеждахъ, препоясанныхъ голубыми орарями и держащихъ надъ собою икону Тихвинской Богоматери. Сонъ этотъ меня поразилъ. Проснувшись, я услышала благовѣстъ. Это былъ воскресный день, и я пошла подъ благотворнымъ вліяніемъ этого сна къ обѣднѣ. Входя въ храмъ, вижу именно надъ входною дверью то самое изображеніе, которое видѣла во снѣ, но только ангелы не имѣли той дивной небесной красоты.

Послѣ свадьбы сестры моей, мы остались у матери въ домѣ двое, именно сестра моя Аделаида и я. Жена брата Александра умерла, онъ отправился служить на Кавказъ, братъ Дмитрій вышелъ въ отставку. Старшая сестра моя любила жизнь уединенную, всѣ свѣтскія удовольствія были ей въ тягость; меня же напротивъ все занимало, и я пользовалась всѣми удовольствіями, которыя свойственны были моимъ лѣтамъ и положенію въ свѣтѣ. Лѣто проводили мы всегда или въ Петровскомъ паркѣ, гдѣ имѣли свою собственную дачу, или ѣздили въ имѣніе матери въ Ковенской губерніи, которое она наслѣдовала послѣ отца ея графа Дмитрія Александровича Зубова, роднаго брата князя и графа Зубовыхъ, извѣстныхъ бояръ временъ Екатерины II-ой. Богатство ихъ перешло все братьямъ ихъ, дѣду моему и брату его графу Николаю Александровичу Зубову, женившемуся на дочери князя Суворова. Эта графиня Наталья Александровна Зубова была моей крестной матерью, и такъ какъ меня особенно любила, то передала матери моей капиталъ какъ приданое при выходѣ моемъ замужъ. Такъ какъ я отъ брачной жизни отказалась, то этотъ капиталъ передала мнѣ мать моя, въ то время, когда убѣдилась въ непреклонномъ моемъ желаніи окончить дни жизни моей въ монастырѣ. Но объ оставленномъ мнѣ капиталѣ мать скрывала, до времени, и дала мнѣ заповѣдь не объявлять о немъ, потому что такова была воля въ то время уже умершей моей крестной матери.

Зимою бывали мы въ Петербургѣ и приглашаемы были всегда на придворные вечера, въ Зимнемъ дворцѣ, въ Царскомъ Селѣ и Пе-

тергофѣ; равно приглашаемы были къ великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ, которая всегда любила при встрѣчѣ съ нами вспоминать о дѣтствѣ нашемъ. Императоръ всегда вспоминалъ о заслугахъ отца моего и съ участіемъ относился ко всему нашему семейству. Когда царская фамилія пріѣзжала въ Москву, то я всегда была въ числѣ фрейлинъ, дежурившихъ при императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, которая особенно милостиво относилась ко мнѣ. Я помню, что не разъ приходилось мнѣ играть въ лото и другія игры съ великими князьями Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами, когда они были еще молодыми.

Такъ прошло 6-ть лѣтъ. Болѣзни и старость лишили мать мою возможности сопровождать меня на всѣ выѣзды, и я, бывши очень дружна съ дочерьми князя Николая Ивановича Трубецкаго, а въ особенности съ дочерью его Всеволожскою, выѣзжала вмѣстѣ съ ними. Но, несмотря на свѣтскую жизнь и на то, что мать моя для моего утѣшенія принимала у себя и давала часто рауты и балы, на которыхъ бывало все аристократическое общество Москвы, мы находили время ежегодно ѣздить съ нею на богомолье въ Троицкую лавру и въ Воронежъ на поклоненіе св. мощамъ святителя Митрофанія и бесѣдовать съ великимъ іерархомъ церкви нашей, преосвященнымъ епископомъ Антоніемъ. Назидательное его слово дѣйствовало всегда благотворно на всѣхъ насъ. Онъ скончался въ 1848 году 20-го декабря. Вѣсть о кончинѣ его была для всего семейства нашего великою скорбію. Онъ любилъ насъ, какъ дѣтей своихъ, а мы чтили его, какъ отца, и руководились его наставленіемъ. Его святительскому руководству обязана я тѣмъ, что, пользуясь свѣтскими удовольствіями, я не увлекалась ими, но находила время для посѣщенія храма Божія во всѣ праздники, субботніе и воскресные дни. Примѣръ сестры моей, ея набожность и высокія христіанскія добродѣтели имѣли также на меня вліяніе. Я всегда думала объ исполненіи моихъ обязанностей въ отношеніи къ матери болѣе, чѣмъ объ увеселеніяхъ свѣтскихъ, любила серьезныя занятія, чтеніе и въ свободное время занималась живописью. Я была любимою ученицею извѣстнаго мариниста Айвазовскаго, посѣщала его мастерскую, и онъ посѣщалъ меня часто.

Такого рода занятія конечно возвышали душу, и мірскія пустыя мечты не имѣли мѣста въ тогда еще юной головѣ моей. Я не была противъ замужества, но не искала его, а была разборчива въ выборѣ, потому что сознавала всю святость брака, всю высокую и отрадную обязанность матери и жены; я не раздѣляла мнѣнія, что дѣвицѣ нужно непремѣнно выйти замужъ, но была того убѣжденія, что, разъ давши обѣтъ передъ алтаремъ, нужно быть не клятвопреступницей, а вѣрною исполнительницей данныхъ предъ Богомъ обѣщаній, быть другомъ мужа и посвятить себя своему семейству. При такихъ условіяхъ, не находя

человѣка мнѣ по сердцу, я не соглашалась ни на какія предложенія и занималась живописью все болѣе и болѣе съ увлеченіемъ. Любимымъ удовольствіемъ моимъ была также верховая ѣзда, лѣтомъ въ окрестностяхъ Москвы, а зимою въ манежѣ.

Въ то время братъ мой Александръ возвратился съ Кавказа и женился на княжнѣ Четвертинской, а братъ Дмитрій—на вдовѣ Львовой, урожденной Ладыженской. Всѣ мы жили дружно, но съ сестрой шли путями совершенно разными: она любила принимать монашествующихъ, т. е. сборщиковъ, а я ихъ чуждалась, потому, что всегда занятая серьезными занятіями находила это бездѣльемъ. Вообще я всегда не любила слушать пустыя рѣчи сборщиковъ и сборщицъ, и мнѣ всегда казалось, что они своей пользы ради разсказываютъ много небылицъ, и что выслушивать ихъ есть потеря времени. Сестра сердилась на меня за это, но я любила только настоящее монашество, ведущее жизнь уединенную, созерцательную, или монашество ученое, а пустоплетовъ, признаюсь, не любила. Такъ однажды, помню зимою въ 1848 году, уже послѣ извѣстія о смерти незабвеннаго архіепископа Антонія воронежскаго, я, пріѣхавши изъ манежа, вошла въ комнату маменьки, не переодѣвшись, въ амазонкѣ и съ хлыстикомъ въ рукѣ, съ распущенными отъ верховой ѣзды локонами, въ круглой мужской шляпѣ.

Въ это время у нея сидѣла сборщица; я поклонилась монахинѣ, которая была прислана къ намъ съ рекомендательнымъ письмомъ отъ боголюбивой Анны Александровны Небольсиной, урожденной Писемской, поклонилась и ушла. Раздѣвшись по обычаю своему, взялась за кисть и сѣла за мольбертъ; палитра моя была всегда готова, и ничто не могло меня оторвать отъ этого любимаго моего занятія. Въ этотъ разъ я сама оставила свою кисть и пошла къ сестрѣ. Она пила чай и съ нею монашенка, которую я видѣла у матери.

— А я сейчасъ,—сказала сестра, обращаясь ко мнѣ,—говорила матушкѣ Вѣрѣ Ивановнѣ, что ты постоянно или скачешь верхомъ, или мажешь кистью и ничего путнаго не выходитъ. Связалась съ Айвазовскимъ и дѣломъ не занимаешься.

Посмѣявшись этимъ словамъ, я присѣла и просила налить мнѣ чашку чая; затѣмъ я спросила монахиню, изъ какого она монастыря?

— Изъ Тихвинскаго Богородицкаго-Кирсановскаго монастыря,— отвѣчала она.

Тутъ я вспомнила въ первый разъ о снѣ моемъ въ бытность нашу въ селѣ Останкинѣ, стала разспрашивать подробно о монастырѣ и его нуждахъ. При этомъ во всемъ моемъ существѣ совершилось что-то странное, необычайное. Въ разговорѣ монахиня упомянула, что у нихъ строится храмъ, во имя Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, что ни-

чего еще у нихъ для этого храма не заказано, что средствъ заказать они и въ виду не имѣютъ.

— Ну, матушка,—сказала я, водимая какимъ-то чувствомъ свыше,— и не трудитесь сбирать подаянія. Я раздѣлю вашъ трудъ и не только беру на себя написать для этой церкви всѣ св. иконы, но представлю, вамъ и золоченный иконостасъ и всю утварь церковную, всю ризницу для этого храма.

Монахиня въ радости кинулась мнѣ въ ноги, а изумленная сестра спросила меня, на какія же суммы я разсчитываю для этого пожертвованія.

— Собирать пойду,—отвѣчала я,—но сдѣлаю.

Въ это время совершенно неожиданно вошла моя мать.

— Она, кажется, помѣшалась,—сказала про меня сестра матери,— дѣлаетъ обѣщанія несбыточныя; у нея всего 25 руб., а обѣщаетъ пожертвованія на тысячи.

Разспросивъ меня, въ чемъ дѣло, мать отвѣчала:

— Вотъ тебѣ моя первая тысяча, да послужитъ она успѣхомъ для этого сбора.

Я кинулась ей на шею, цѣловала, благодарила ее и просила на другой день свезти меня къ митрополиту Филарету за благословеніемъ. Я была внѣ себя отъ радости, дала себѣ слово начать писать иконы и заняться только духовною историческою живописью.

Надо сказать, что мы знали митрополита Филарета съ 1837 года, когда послѣ выѣзда изъ Тифлиса поселились въ Москвѣ. Онъ посѣщалъ больнаго родителя моего, и съ тѣхъ поръ сердце мое привыкло чтить его, какъ мужа праведнаго. Когда на другой день мы пріѣхали съ матерью и сестрою Аделаидой къ митрополиту Филарету, онъ принялъ насъ съ обычною ему отеческою милостью. При входѣ къ нему, когда я увидала его свѣтлое лицо и прозорливый взглядъ, я пала ему въ ноги и высказала причины, побуждающія меня къ избранію новаго рода живописи, и съ вѣрой, просила его молитвъ, да поможетъ мнѣ и благословитъ меня удостоиться изучить искусство иконописанія. Святитель съ отеческою любовію выслушалъ меня, благословилъ мое намѣреніе и приказалъ при начатіи каждой иконы привозить къ нему предварительно эскизъ. Съ того дня я не была уже болѣе въ манежѣ, верховую ѣзду бросила; ни въ театры, ни на балы не ѣздила, оставила занятія съ Айвазовскимъ, взяла себѣ учителя для духовной живописи и стала ежедневно ходить въ церковь. Постепенно оставляя міръ, я прекратила всѣ выѣзды, сохранила только частое и потомъ ежедневное общеніе съ семьей князя Трубецкаго и генеральши Анны Борисовны Нейдгартъ, съ которыми мы были всегда дружны, и другими немногими близкими семействами.

Съ этихъ поръ никто и ничто не могло возвратить меня къ свѣт-

ской жизни, и посѣщенія мои митрополита Филарета стали весьма часты. Подъ руководствомъ его я написала прежде всего икону Тихвинской Богоматери, а за тѣмъ въ теченіе года было написано мною до 20 большихъ и малыхъ иконъ. Къ концу 1849 года я отправила въ тотъ монастырь цѣлый обозъ стоимостью въ нѣсколько тысячъ рублей серебромъ, за что̀ и доселѣ въ томъ храмѣ имя мое на церковной молитвѣ поминается всякій день. Митрополитъ Филаретъ любилъ говорить со мною о церковной живописи; иногда приносилъ Библію, прочитывалъ мнѣ нѣкоторыя мѣста изъ пророчествъ или апокалипсиса, которыя онъ желалъ, чтобъ были мною изображены. Такъ, напримѣръ, съ его словъ и по его указанію были написаны мною апокалипсическія изображенія, помѣщенныя въ залѣ Троицы-архіерейскаго подворья въ Москвѣ, и съ сочиненныхъ мною эскизовъ изъ пророчествъ Іезекіиля написаны картины въ Воскресенской церкви въ Гевсиманскомъ скиту.

Въ то же время я познакомилась съ святой жизни монахиней Аполлинаріей изъ рода Колычевыхъ, т. е. Филиппа, митрополита московскаго. Переписка съ нею подготовила меня къ иноческой жизни. Я стала ежедневно посѣщать Московскій Зачатіевскій женскій монастырь и келію монахини Вѣры, въ міру Львовой, урожденной Головиной, впослѣдствіи игуменьи Хатькова, Никитскаго и Новодѣвичьяго монастырей. Общеніе съ этими старицами назидало меня. Лѣтомъ я вмѣстѣ съ сестрою ходили пѣшкомъ за Москву на богомолье въ разные монастыри и пустынныя обители, посѣщали и Московскій Алексѣевскій монастырь, ѣздили съ матерью и въ Воронежъ. У гроба Святителя Митрофанія дала я впервые обѣтъ вступить въ монастырь. Съ этими мыслями поѣхала въ Кіевъ и тамъ повѣдала свою тайну схимонаху Порфирію, извѣстному по святости его жизни. Онъ благословилъ меня, но далъ совѣтъ не оставлять матери и послужить ей еще, доколѣ Господь укажетъ. Это было въ 1849 году.

Мать моя была очень благотворительная женщина, любила помогать сиротамъ и бѣднымъ. Временами домъ нашъ былъ пристанищемъ для многихъ безпріютныхъ. Она не забывала и узниковъ, въ темницахъ заключенныхъ, давала мнѣ денегъ и посылала отъ имени неизвѣстной раздавать въ тюрьмѣ тѣмъ, которые нуждались. По этому случаю я узнала, какъ содержатся несчастные, посѣщала ихъ, по ея приказанію, находила пути, чтобы переговорить съ невиновными, и старалась объ облегченіи ихъ участи, но не себѣ приписываю эту добродѣтель,—я это дѣлала изъ послушанія къ престарѣлой моей матери. Признаюсь, жутко и страшно было мнѣ ѣхать въ первый разъ на извозчикѣ, какъ бы украдкой, дабы не быть никѣмъ видимой и узнанной, съ карманомъ, полнымъ денегъ, въ Московскій тюремный за̀мокъ. Пока всѣ эти двери подъ запорами и замками откры-

вались передо мной и сейчасъ же за мной запирались, пока я дошла до канцеляріи и смотрителя, испросила дозволенія быть допущенной къ рѣшеткѣ, для раздачи милостыни по рукамъ, все сердце мое изболѣло, всѣ нервы мои были въ напряженномъ состояніи. Потомъ ѣзжала я къ обѣднѣ въ тюремную церковь и съ утѣшеніемъ слушала составленный изъ узниковъ стройный хоръ. Мать посылала меня отыскивать и бѣдныхъ на чердакахъ, или въ подвалахъ помѣщающихся, когда получала отъ нихъ письма съ просьбою о помощи. Она никому не довѣряла этихъ порученій, и они остались и доселѣ тайною для всѣхъ. Одинъ митрополитъ Филаретъ зналъ все то, что она мнѣ довѣряла, и приказывалъ строго хранить тайну, повѣренную родительницей; несохраненіе тайны считалъ онъ преступленіемъ равнымъ кражѣ.

— Сокровище,—говорилъ онъ,—которое тщательно храните, должно быть сохраняемо и тѣмъ, кому вы довѣрили его хранить. Если онъ укажетъ вору, гдѣ оно лежитъ, онъ дѣлается пособникомъ въ кражѣ. Такъ и тайна, довѣренная вамъ, тѣмъ паче родительницей, должна быть сохраняема вами, доколѣ открытіе оной не будетъ потребно для прославленія имени ея, или же для нѣкой другой нужды.

Совѣты великаго іерарха церкви нашей митрополита Филарета я старалась помнить всегда не въ отношеніи одной моей матери, но и въ отношеніи всѣхъ довѣрявшихъ мнѣ впослѣдствіи свои дѣла или тайны душевныя.

Такъ прошли еще три года. Въ 1852 году я рѣшилась вступить въ монастырь, но когда именно, я того не могла опредѣлить. Волею Божіею открылся мнѣ путь помимо моей воли къ поступленію въ Московскій Алексѣевскій монастырь тогда, когда я стремилась поступить въ Тихвинскій-Кирсановскій. Сестра моя мнѣ заявила, что если я соглашусь поступить въ Московскій Алексѣевскій, то она будетъ содѣйствовать мнѣ къ полученію благословенія матери. Я покорилась и имѣла тайные переговоры съ митрополитомъ Филаретомъ и игуменьей Алексѣевскаго монастыря Паисіей, также и съ моимъ духовникомъ, протоіереемъ Сергіемъ Григорьевичемъ Терновскимъ, извѣстнымъ нищелюбцемъ. Игуменья Паисія на случай обѣщала имѣть для меня готовую въ монастырѣ келлію, но время поступленія было опредѣлить мнѣ невозможно, и я намѣревалась приготовить все и оставить мое предположеніе до конца 1852 г., чтобы подготовить мать къ мысли о разлукѣ со мной. Душа моя стремилась къ жизни монашеской, все мірское было мнѣ въ тягость. Всякій день, во вьюгу или дождь, бывала я зимою, осенью и весною въ 4-мъ часу утра у воротъ Зачатейскаго дѣвичьяго монастыря и меня первую впускали въ св. ворота, при первомъ ударѣ въ колоколъ къ утренѣ. Ни ревматизмъ, которымъ я страдала, ни другія какія причины не могли меня удержать отъ посѣщенія св. храма. Но Господь судилъ ина-

че: 4-го іюня меня лошади такъ страшно несли и били, что я, видя свою неизбѣжную смерть, рѣшилась дать обѣтъ Богу, что если буду спасена, немедленно вступлю въ Алексѣевскій монастырь, который, какъ я узнала, къ моему удивленію, былъ посвященъ, какъ и Кирсановскій, Тихвинской Богоматери и по всѣмъ актамъ именуется Крестовоздвиженскимъ Тихвинскимъ Алексѣевскимъ монастыремъ. Давши этотъ обѣтъ, я почувствовала вдругъ толчекъ, кони наскочили на телѣгу, ѣхавшую впереди, и остановились. Я вышла изъ экипажа невредимою и тогда уже стала просить всѣхъ близкихъ приготовить мою мать, и, получивши благословеніе митрополита Филарета, стала говѣть и въ день причастія, ѣхавши къ духовнику къ исповѣди и св. причащенію, надѣла черное платье, чтобы его болѣе никогда не снимать. Это было 16-го іюня 1852 г., въ день св. Тихона.

Ко времени возвращенія моего отъ причастія на нашу дачу, были собраны нѣкоторые изъ родныхъ: кн. Дадіанъ, семейство Лачиновыхъ и наконецъ пріѣхалъ и нашъ духовникъ. Послѣ многихъ убѣжденій,въ 5 часовъ вечера я была позвана къ матери, кинулась въ слезахъ къ ней въ ноги и просила благословить меня поступить въ обитель, давши ей слово не оставлять ее моею помощію во время пребыванія моего въ монастырѣ. Наконецъ, она рѣшилась дать согласіе и спросила икону, чтобъ меня благословить. Ей подали икону св. Митрофанія. Съ этою иконою, простившись съ матерью и родными и домашними въ 5 $^{1}/_{2}$ часовъ, т. е. черезъ $^{1}/_{2}$ послѣ даннаго благословенія, я была уже въ экипажѣ, и зять мой, князь Дадіанъ, повезъ меня въ Алексѣевскій монастырь, гдѣ я была встрѣчена другою Богомъ данною мнѣ матерью, игуменью Паисіею, которая приняла меня въ свои объятія и не оставляла своею любовію и назидательнымъ словомъ до самой кончины ея, послѣдовавшей въ декабрѣ 1870 года.

III.

Кончина матери и сестры.—Митрополитъ Филаретъ.—Жизнь въ Алексѣевскомъ монастырѣ.—Переходъ въ Серпуховскій-Владычевскій монастырь.—Назначеніе игуменьей.

На другой день по вступленіи въ монастырь, мы поѣхали вмѣстѣ съ игуменьею Паисіею къ моей родительницѣ, и Господь милосердіемъ Своимъ подкрѣпилъ ее въ ея тяжкой по мнѣ скорби, а меня на новомъ крестномъ пути моей жизни, избранномъ мною по внушенію свыше. Слово мое я сдержала и, вопреки всѣмъ трудностямъ, я удо-

стоилась служить моей матери до самой кончины, ея послѣдовавшей въ 1862 году февраля 9-го. Скончалась она на моихъ рукахъ и при кончинѣ удостоила меня своимъ благословеніемъ.

— Прощай,—сказала она,—благодарю тебя. Ты покоила мать твою до конца ея жизни, а потому тебѣ будетъ всегда на душѣ весело и отрадно. Мое родительское благословеніе да будетъ съ тобою во всѣхъ путяхъ твоей жизни.

Предъ самой кончиной она была по большей части въ безсознательномъ состояніи, но когда приходила въ себя, то просила насъ всѣхъ братьевъ и сестеръ жить дружно до конца нашей жизни. Кончина ея была праведная и назидательная не для насъ, дѣтей ея только, но и для ея духовника, протоіерея Григорія Петровича Смирнова-Платонова.

— Благословенъ путь,—сказалъ онъ въ своемъ словѣ въ день погребенія,—«въ онь-же идеши днесь, душе, яко уготовише тебѣ мѣсто упокоенія». Таково утѣшительное обѣтованіе вѣры, обращенное нынѣ церковію къ новопреставленной рабѣ Божіей Елизаветѣ. Прошедши путь земной жизни и испытавши суету міра, его печали, скорби и болѣзни, она идетъ теперь въ новый путь—путь по истинѣ блаженный, ведущій на мѣсто упокоенія. Не будемъ осуждать и возбранять естественнаго чувства скорби. Тяжело видѣть смерть и тлѣніе близкихъ намъ людей, прискорбно чувствовать, какъ разрушаются ударами смерти живыя связи родства и пріязни. Христіанинъ, ходящій во свѣтѣ вѣры Христовой, живетъ надеждою блаженнаго безсмертія, христіанинъ, подкрѣпляемый руководствомъ церкви Христовой, которая съ молитвами препровождаетъ душу отъ путей земныхъ въ вѣчныя обители, имѣетъ утѣшеніе, что путь усопшихъ въ надеждѣ живота вѣчнаго блаженъ, безъ всякаго сравненія съ путями земной жизни. На землѣ нѣтъ счастія безъ скорби, нѣтъ радости безъ горя, нѣтъ здоровья безъ болѣзни, нѣтъ пріобрѣтенія безъ потери, нѣтъ жизни безъ смерти. Но на небесахъ, въ вѣчныхъ обителяхъ Отца Небеснаго, уготованы вѣрнымъ послѣдователямъ Христовымъ радости нескончаемыя, наслажденія безпечальныя, блаженство безмятежное, жизнь безконечная. О Господѣ жила, по Господѣ скончалась, раба Божія Елизавета. Послѣ долголѣтней благочестивой жизни, прошедши очистительный подвигъ тяжкой болѣзни, она призвана нынѣ въ жизнь новую, лучшую. Съ упованіемъ и молитвою провождая усопшую рабу свою Елизавету въ путь жизни новой, къ нашему общему назиданію и утѣшенію желаемъ воспомянуть пути ея земной жизни. Графское происхожденіе, знаменитое супружество, почести и богатства открывали для нея широкій путь земнаго счастія. Поставленная въ положеніе, полное многихъ искушеній, не забыла однакожъ она спасительнаго пути жизни вѣчной. Твердая вѣра, памятованіе о Богѣ, смиреніе духа, готовность всегда и все принимать отъ Бога образовали въ ней то молитвенное настроеніе души, въ кото-

ромъ провела она многіе годы своей жизни. Посѣщеніе храма Божія составляло ея всегдашнее утѣшеніе, любовь къ храму Божію всегда располагала ее къ устроенію благолѣпія храмовъ: она содѣйствовала тѣмъ духовному назиданію многихъ. И въ настоящемъ храмѣ сохранится вѣчная память благотвореній приснопамятной рабы Божіей Елизаветы. Такая любовь къ благолѣпію дома Божія сколько назидательна для насъ, столько же и утѣшительна: отданное Богу не останется безъ возмездія, и жертвы на домъ Божій будутъ вѣчными молитвами за усопшую предъ престоломъ Божіимъ. Поучительно было въ жизни усопшей строгое соблюденіе установленій Православной церкви. Не можемъ умолчать о святомъ обычаѣ ея—говѣть и пріобщаться св. тайнъ Христовыхъ въ каждый изъ четырехъ постовъ, установленныхъ церковію, а въ теченіе великой четыредесятницы говѣть и пріобщаться три раза. Это воспоминаніе особенно утѣшительно нынѣ, при видѣ бренныхъ останковъ усопшей. Надъ этимъ прахомъ слышатся намъ теперь животворные гласы Христа Спасителя. Всѣ знавшіе покойную хорошо знали ея душевную простоту, ея незлобіе, христіанскую любовь къ людямъ и благотворительность. Она считала своею постоянною обязанностію отдавать извѣстную часть на вспоможеніе нуждающимся; многіе получали отъ нея постоянно пособія. Эти многіе несутъ теперь тяжкую утрату, со слезами и молитвами провождаютъ усопшую, благословляя ея память. Назидательны и утѣшительны эти дѣла христіанскаго общенія и благотворенія, которыхъ никогда не забывала усопшая. Поучительна и трогательна была кончина усопшей. Когда по устроенію Божію посѣтила ее тяжкая болѣзнь, она съ тихою покорностію приняла и съ христіанскимъ терпѣніемъ несла посланныя ей страданія.

Въ 1860 году октября 7-го скончалась на моихъ рукахъ сестра моя Аделаида, поступившая въ 1859 году въ Зачатейскій монастырь. Съ благословенія митрополита Филарета, она постриглась тайно еще въ 1854 году съ наименованіемъ Алексіей. Обрядъ постриженія совершенъ архимандритомъ Чудова монастыря Веніаминомъ, въ присутствіи игуменіи Паисіи, при мнѣ и при монахинѣ того монастыря Флавіанѣ, нынѣ игуменіи Виленскаго монастыря. Совершено постриженіе въ моей келліи, во время тяжкой ея болѣзни. Тайна сохранялась всѣми нами до самой ея кончины.

Митрополитъ благословилъ облачить тѣло ея въ монашескую одежду и самъ отпѣвалъ ее. Скажу нѣсколько словъ о святителѣ.

Былъ одинъ случай весьма замѣчательный, доказывающій любовь святителя къ ввѣренной ему паствѣ и готовность его служить всѣмъ до самозабвенія. Это было въ 1851 году. Узнала я достовѣрно, что одинъ молодой человѣкъ, поспорившій съ другимъ, предложилъ выйти на дуэль, и день и мѣсто и часъ были назначены; я знала это семейство хорошо,

жалѣла его старушку-мать, и, не говоря никому ни слова, въ 9 часу вечера поѣхала къ святителю. Онъ въ то время говѣлъ, готовился на другой день пріобщаться св. Таинъ и былъ у всенощной. Когда келейникъ, узнавъ отъ меня, что я имѣю необходимость видѣть святителя немедленно, тотчасъ же къ нему пошелъ съ докладомъ, архипастырь, всегда готовый принять истинно нуждающагося его совѣта и слова, сейчасъ же вышелъ въ гостиную. Я передала ему все, и онъ тотчасъ же написалъ письмо къ графу Закревскому, а на другой день послѣ литургіи самъ къ нему поѣхалъ. Такимъ образомъ при его содѣйствіи преступленіе было остановлено и предупреждено во́-время.

Въ томъ же 1851 году митрополитъ былъ боленъ, не выходилъ даже изъ своей внутренней келліи, когда я пріѣхала къ нему съ цѣлію просить молитвъ о болящей княжнѣ Н. С. Трубецкой, которую я душевно чтила и уважала. Желая знать подробности болѣзни, онъ призвалъ меня и, узнавъ, что болящая очень слаба и что нѣтъ надежды на выздоровленіе, онъ сейчасъ же велѣлъ заложить карету и вслѣдъ за мной пріѣхалъ къ болящей княжнѣ. При немъ и по его предложенію было совершено надъ больной таинство елеосвященія, во время котораго онъ стоялъ у ея одра, благословлялъ ее, подкрѣплялъ мощнымъ словомъ утѣшенія. Часа черезъ полтора послѣ этой бесѣды страдалица мирно и тихо скончалась.

Владыка всегда спѣшилъ на помощь скорбнымъ и больнымъ, съ особенною радостію благословлялъ онъ и другихъ на служеніе больнымъ, благословлялъ принимать странниковъ и странницъ, покоить убогихъ, доставлять пищу и одежду неимущимъ, и радовался, когда это было дѣлано не отъ избытка, но отъ чистаго сердца. Знаю нѣкоторыхъ особъ совершенно бѣднаго и простаго состоянія, которыя всегда пользовались его отеческими милостями и милостынею, подаваемою въ тайнѣ. Я грѣшная часто безпокоила его о семъ, просила его молитвъ о больныхъ мнѣ извѣстныхъ. Бывало, вынетъ изъ кармана свой бумажникъ и запишетъ имя болящаго, сказавъ: «скажите страждущему, чтобъ онъ призвалъ въ помощь Матерь Божію или преподобнаго Сергія». Часто выслушивая разсказъ о скорбныхъ обстоятельствахъ какого-либо семейства, я видѣла у него слезы на глазахъ. Многосторонній его умъ, свѣтлый, проницательный взоръ, удивительная память, святость жизни,—все это вызывало къ нему особенное довѣріе. Съ подчиненными при третьемъ лицѣ онъ держалъ себя начальникомъ, но наединѣ онъ былъ отцемъ: признаніе въ своей ошибкѣ было достаточно, чтобы онъ простилъ вину. Все здѣсь сказанное было испытано собственно мною. Считаю долгомъ оставить письменный памятникъ, могущій принести пользу и тѣмъ, кто не зналъ его и не пользовался его святительскою бесѣдою.

Такъ какъ я была фрейлиной, то для поступленія въ число сестеръ

обители нужно было высочайшее соизволеніе, которое и послѣдовало въ началѣ іюля.

«По всеподданнѣйшему докладу моему,—писалъ князь Волконскій [1]),— письма вашего превосходительства отъ 22-го сего іюня, ихъ императорскія величества высочайше соизволяютъ на вступленіе дочери вашей Прасковьи Григорьевны въ монастырь. При семъ государь императоръ всемилостивѣйше изволилъ пожаловать ей на уплату за келлію и на обзаведеніе въ монастырѣ 3.428 руб.».

На эти средства я построила келлію, обзавелась нужными вещами и устроила у себя мастерскую живописи. Высокопреосвященнѣйшій Филаретъ тотчасъ же предписалъ консисторіи опредѣлить меня въ число сестеръ Алексѣевскаго монастыря, 28-го іюля лично объявилъ мнѣ о томъ, благословилъ своими четками и приказалъ настоятельницѣ облечь въ монастырское одѣяніе, что̀ и было исполнено 2-го августа. Первое монастырское послушаніе, которое было назначено мнѣ—это присмотръ за постройками храма, во имя преподобнаго Алексѣя, человѣка Божія, такъ какъ еще до поступленія въ монастырь я принимала участіе въ начавшейся постройкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ игуменьею предложенъ былъ мнѣ уходъ за больными сестрами обители. По желанію настоятельницы я пригласила для оказанія помощи больнымъ профессора К. Я. Младзіевскаго, доктора моей матери. Корнилій Яковлевичъ очень уважалъ нашу семью и принялъ мое предложеніе, но потомъ когда занятія его расширились, его мѣсто занялъ докторъ Гинзбургъ. Два раза въ недѣлю, въ условленные часы пріѣзжалъ докторъ,—въ мою келлію приходили больные, какъ монастырскіе, такъ и близъ монастыря живущіе, и пріемъ продолжался иногда три и четыре часа. Я помогала доктору при перевязкахъ, записывала въ рецептурную книгу всѣ предписанныя лѣкарства и по уходѣ врача приготовляла ихъ, для раздачи всѣмъ больнымъ безплатно. Вѣрными моими помощницами были мои келейницы, съ точностію исполнявшія то, что было нужно. Съ трехъ часовъ утра я вставала. Въ зимнее время надѣвала высокіе сапоги, черную барашковую въ родѣ тулупа шубу и принимала матеріалы, для постройки храма. Въ свободное время я занималась чтеніемъ книгъ, или же проводила вечеръ у игуменьи Паисіи, гдѣ читала старушкѣ житіе святыхъ.

Въ 1854 году игуменья Паисія была переведена въ Новодѣвичій монастырь, а на ея мѣсто поступила игуменья Серпуховскаго Владычнаго монастыря Илларія. Постройка теплаго храма была окончена. Этимъ временемъ, по совѣту митрополита Филарета, я поѣхала на богомолье въ Кіевъ и простилась навсегда съ митрополитомъ Филаретомъ кіевскимъ, а равно и съ духовникомъ моимъ іеро-схимонахомъ Парфеніемъ. Отрадные дни провела я въ Кіевѣ: болѣе трехъ недѣль я почти

[1]) Моей матери, отъ 13-го іюля 1852 г. № 2617.

ежедневно пользовалась духовною бесѣдою отца Парфенія и посѣщала митрополита. Путешествіе мое началось посѣщеніемъ Серпуховскаго Владычнаго монастыря, по желанію игуменьи Илларіи, и казалось, само Провидѣніе вело меня къ этой обители. По возвращеніи въ Москву, всѣ тѣ же самыя послушанія, которыя я исполняла до того времени, были опять на меня возложены.

Въ 1854 году 25-го сентября, я по благословенію митрополита Филарета была облачена въ рясофоръ и названа Митрофаніей, въ память событія, бывшаго со мною 4-го іюня 1852 г. Помню, я сильно простудилась и была очень близка къ полученію чахотки. Другъ семейства нашего, докторъ Оверъ, совѣтовалъ для спасенія здоровья покинуть Москву и предпринять лѣченіе, при постоянномъ пребываніи въ сосновомъ бору. Я избрала для этого лѣченія Серпуховскій-Владычный монастырь, въ которомъ я такъ много нашла отраднаго. Тамъ подъ наблюденіемъ доктора П. А. Кубасова, я могла исполнить въ точности всѣ предписанія доктора А. И. Овера. Своевременное лѣченіе и жизнь въ сосновомъ бору помогли мнѣ возстановить свое здоровье. Еще въ 1856 году я желала перейти въ ту обитель на жительство, но, до освященія Крестовоздвиженскаго храма, митрополитъ Филаретъ мнѣ на то благословенія не давалъ. Освящая возобновленный храмъ 15-го сентября въ Даниловомъ монастырѣ, Филаретъ благословилъ меня подать прошеніе о переходѣ въ другую обитель, и 14-го ноября 1857 года я уже была въ Серпуховскомъ-Владычномъ монастырѣ, куда давно уже стремилась. Я помѣстилась временно въ келліи рясофорной послушницы Зинаиды и занималась уходомъ за больными сестрами обители; отъ всѣхъ же прочихъ занятій я была освобождена. Такимъ образомъ жизнь моя текла вполнѣ согласно съ стремленіемъ души моей. Молитва въ церкви смѣнялась занятіями по лѣченію больныхъ и приготовленіемъ для нихъ лѣкарствъ или иконописаніемъ. Заботъ по хозяйству не было, трапезою пользовалась общею, монастырскою. Такъ прошли четыре года, и наконецъ въ 1861 году митрополитъ Филаретъ разрѣшилъ мнѣ постричься въ мантію. Я подписала прошеніе, а сама стала готовиться къ великому сему таинству. Передъ постригомъ моимъ была я въ Москвѣ, пріѣзжала къ митрополиту за словомъ назиданія. Долго говорилъ онъ со мной объ обѣтахъ монашества, требовалъ смиренія и любви ко всѣмъ.

Прошло лишь шесть недѣль со времени постриженія, и 8-го августа того же года Филаретъ удостоилъ меня посвященія въ игуменьи Серпуховскаго же Владычнаго монастыря. Назначеніе это имъ сдѣлано безъ предварительнаго моего согласія. Святитель зналъ, что его слово, его воля были святы для меня,—и потому онъ, не предваривъ меня о семъ, прямо послалъ указъ о моемъ назначеніи. Вручая мнѣ игуменскій посохъ, онъ сказалъ:

— Въ недавнемъ еще времени призвана ты на поприще послушанія и, волею Божіею, уже теперь вручается тебѣ жезлъ управленія—и, какъ мать, должна ты блюсти сестеръ, тебѣ нынѣ ввѣренныхъ. Понимаю, что мысль твоя волнуется, что со страхомъ и не безъ смущенія принимаешь на себя эту великую обязанность, но подкрѣпляй себя тѣмъ, что ты избрана на поприще этого служенія не мною, но самимъ Богомъ.

Со дня моего посвященія во игуменьи, стала я часто обращаться къ митрополиту за совѣтами и за молитвами. Въ началѣ моего настоятельства, я встрѣтила много скорбей; испытующій меня Господь послалъ на мою долю цѣлый рядъ огорченій. Мудрый пастырь не оставлялъ меня совѣтами, и всякое мельчайшее мое затрудненіе въ дѣлахъ управленія было разрѣшаемо имъ и исполнено согласно его святительскому слову и волѣ. Когда я приняла правленіе, то въ монастырѣ было 210 сестеръ, а въ кассѣ монастырской—денегъ не оказалось, кромѣ неприкосновеннаго капитала, полученія процентовъ съ котораго нужно было ждать до ноября мѣсяца. Несмотря на то, я прекратила сборъ по Москвѣ и другимъ мѣстностямъ въ пользу обители, усматривая изъ этого одно нареканіе на монашество, и всѣ запасы произвела на собственныя средства; прекратила также и сборъ, изстари производимый монастыремъ, за перевозъ черезъ Оку, на берегу которой, въ шалашѣ, проживала старушка-сборщица изъ монашествующихъ сестеръ обители. Взамѣнъ этого сбора я просила гражданъ г. Серпухова объ уступкѣ монастырю нѣсколькихъ саженъ городской земли, на выѣздѣ города, и выстроила каменную часовню съ приличнымъ при ней помѣщеніемъ, оградивъ ее каменною оградою съ трехъ сторонъ. Тутъ же была устроена книжная лавка, съ цѣлью распространенія слова Божія, которая дала возможность бѣднымъ жителямъ г. Серпухова за дешевую цѣну пріобрѣтать молитвенники и духовнаго содержанія книги. Имѣя въ виду не однихъ монашествующихъ, но и окрестныхъ жителей, я вырыла при той часовнѣ колодезь, который снабжаетъ и теперь жителей хорошею водою. Въ то же время я просила въ С.-Петербургѣ о надѣленіи монастыря землями, и, по высочайшему повелѣнію, обитель была надѣлена дачами близъ г. Серпухова на берегу рѣки Нары. Монастырская рыбная ловля давала незначительный доходъ и производилась работниками монастыря, подъ присмотромъ сестеръ. Такъ какъ озеро находилось въ полуверстѣ отъ обители, то, чтобы облегчить трудъ сестеръ, я предоставила ловлю рыбы сосѣднимъ рыбакамъ, на половинныхъ началахъ

Сообщилъ кн. А. Дадіанъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АЛЬБЕРТО ВИМИНА.

Сношенія Венеціи съ Украйною и Москвою.

1650—1663.

Въ научной литературѣ труды Альберта Вимины пользуются нѣкоторою извѣстностью. Гораздо менѣе вниманія обращалось на его личную, политическую дѣятельность. Знаютъ, что онъ посѣтилъ Московію, хотя и не доѣхалъ до Кремля; но до сихъ поръ никто еще ни словомъ не обмолвился объ его переговорахъ съ Богданомъ Хмѣльницкимъ. А это едва-ли не самая интересная страничка въ его жизни, ярко освѣщающая неутомимую предпріимчивость Синьоріи и двуличіе казацкаго гетмана. Относящіяся до этого свѣдѣнія хранятся въ богатѣйшемъ Венеціанскомъ архивѣ, откуда и были мною почерпнуты.

I.

Около половины XVII-го столѣтія нѣкто Микеле Біанки, поселившись въ Римѣ, велъ тамъ свою скромную жизнь [1]). Былъ онъ родомъ венеціанецъ и происходилъ изъ почтеннаго семейства города Беллуно. Одинъ изъ его братьевъ состоялъ протоіереемъ въ Тарзо, а другой, покинувъ канцелярскую службу, жилъ безбѣдно съ своимъ семействомъ въ

[1]) Для настоящаго очерка послужили: Pellegrini, Michele Bianchi (Studi Bellunesi, 1897, № 9); A. Buzzati, Bibliografia Bellunese, стр. 75.—Многія свѣдѣнія были мнѣ доставлены G. C. Buzzeit, которому и приношу должную благодарность.

Чеведѣ. Самъ Микеле, передъ отъѣздомъ въ Римъ, исправлялъ должность приходскаго священника въ Болзано. Невыясненное еще происшествіе вывело его изъ обычной колеи, принудивъ его даже измѣнить свое имя: онъ сталъ называться Альберто Вимина, и это прозвище осталось ему на всегда. По этому поводу нельзя, кажется, взводить на него позорныхъ упрековъ. Онъ откровенно сознается въ ошибкѣ, но открещивается отъ вины и ссылается, для своего оправданія, на епископа Чеиеды Пизани и на близкаго себѣ доктора Санфіоре. При всемъ томъ, дѣло было однакожъ довольно важное, ибо венеціанскій посолъ въ Римѣ, Фоскарини, тайно увѣдомилъ Вимину, что его жизнь въ опасности, и совѣтовалъ удалиться [1]). Несчастный повиновался безпрекословно: уѣхалъ сперва въ Неаполь, а оттуда отправился въ Вѣну и, наконецъ, въ Варшаву, гдѣ немедленно пристроился къ папской нунціатурѣ.

Появленіе его въ Польшѣ должно отнести приблизительно къ 1648-му году. Въ томъ же году скончался Владиславъ IV. Наступило пресловутое «bezkrólewie». Оба брата усопшаго короля выступили кандидатами на тронъ. Сеймъ выбралъ Яна II Казиміра. Бывшій іезуитъ, бывшій кардиналъ, отрѣшенный отъ своихъ обѣтовъ, новый король женился на вдовѣ своего брата, Маріи Гонзаго, и придворная жизнь закипѣла по-прежнему. Немного лѣтъ передъ тѣмъ, при своемъ прибытіи въ Варшаву, прямо изъ Парижа, королева привезла съ собою цѣлый штатъ очаровательныхъ женщинъ. И безъ того не скучный зàмокъ оживился еще болѣе и повеселѣлъ. Беззавѣтно храбрые въ битвахъ, поляки тѣмъ легче поддавались обаянію безусловной красоты. А между тѣмъ вдали уже слышалось зловѣщее бряцаніе казацкихъ сабель, Украйна волновалась, и Петръ Скарга пророчилъ неизбѣжный раздѣлъ Польши.

По своему положенію Вимина имѣлъ доступъ въ высшее общество; но онъ не вдался въ водоворотъ свѣтскихъ интригъ и пустыхъ забавъ. Талантливый, неутомимо дѣятельный, въ цвѣтѣ лѣтъ [2]), любящій науку, имѣя бойкое перо, онъ сталъ всматриваться въ общественные порядки и писать свою исторію польскихъ междоусобныхъ войнъ. Она была напечатана только послѣ его смерти, но вѣроятно вращалась уже прежде въ отборномъ кругу. Положительно извѣстно, что Вимина читывалъ выдержки своего труда канцлеру Оссолинскому. Они такъ понравились послѣднему, что при появленіи направленной противъ него латинской бро-

---

[1]) Венеція, Государственный архивъ, Dispacci Germania, 98, f. 105, Vimina a Sagredo, 1650, 19 margo.

[2]) Вимина родился 1-го марта 1603 года, какъ значится въ Registro dei nati соборной церкви въ Беллуна.

шюры, онъ тайно обратился къ ихъ автору для отвѣта и защиты, что̀ и было немедленно и успѣшно выполнено [1]).

Вступленіе Вимины на венеціанскую службу произошло при слѣдующей обстановкѣ [2]). Въ ожесточенной борьбѣ съ Турціею, кончившейся впослѣдствіи геройскимъ паденіемъ Кандіи, Синьорія искала повсюду союзниковъ. Дошла до нея молва о «генералѣ Хмѣльницкомъ»; опустошительные набѣги «господъ казаковъ» до самыхъ стѣнъ Константинополя были ей давно извѣстны. И вотъ назрѣла въ сенатѣ мысль сблизиться съ этими отважными наѣздниками и пустить ихъ на ненавистнаго врага. Первая попытка какъ-то не удалась. Дѣло сложилось гораздо благополучнѣе въ 1650 году.

За него взялся венеціанскій посолъ въ Вѣнѣ, Николо Сагредо, и вступилъ въ сношенія съ папскимъ нунціемъ въ Польшѣ, Джіованни Торресомъ. Начали издалека. Сперва хлопотали только о томъ, какъ бы получить достовѣрныя свѣдѣнія объ Украйнѣ, выславъ туда ловкаго нарочнаго. Вполнѣ сочувствуя этой мѣрѣ, Торресъ однакожъ сознался, что на поляковъ полагаться нельзя, и отрекомендовалъ Вимину, какъ человѣка способнаго, надежнаго, искренно преданнаго своему отечеству. Съ своей стороны Вимина охотно вызвался на исполненіе какихъ-либо порученій въ самыхъ отдаленныхъ странахъ и увѣрялъ, что за усердіемъ дѣло не станетъ.

26-го марта послѣдовало оффиціальное рѣшеніе сената, одобряющее посылку Вимины въ Украйну. Сагредо составилъ инструкцію, написалъ письмо Хмѣльницкому и выслалъ 500 талеровъ. На эти средства Вимина обзавелся коляской, лошадьми, кучеромъ, съѣстными припасами и торопился выѣхать.

Между тѣмъ, въ теченіе апрѣля мѣсяца, нунцій Торресъ счелъ нужнымъ увѣдомить короля и канцлера о поѣздкѣ своего гостя. Дѣло было деликатное: казацкій вопросъ превратился послѣ Зборовскаго договора въ сущую злобу дня. Хотя поляки сами желали отвлечь своихъ грозныхъ подданныхъ къ Черному морю и еще дальше, но заискиваніе со стороны Венеціи могло вскружить голову Хмѣльницкому, который и безъ того самовольничалъ и держалъ себя гордо. Однакожъ, ни король, ни канцлеръ не сдѣлали никакихъ возраженій. Оба согласились, совѣ-

---

[1]) Kochovski, Annalium Polonia... Climacter primus, стр. 166.—Венеція, Государственный архивъ, Dispacci Germania, 98, f. 239, Vimina a Sagredo, 1650, 29 aprile.—Въ предисловіи къ сочиненіямъ Вимины говорится, что онъ писалъ также драмы для вѣнскаго театра, о чемъ, впрочемъ, другихъ слѣдовъ не имѣется.

[2]) Всѣ подробности о поѣздкѣ Вимины въ Украйну находятся въ Венеціи въ Государственномъ архивѣ: Dispacci Germania, 97, 98, 99; Dispacci Polonia, 6, ann. 1650—1652; Senato Deliberazioni, Corti, ann. 1650.

товали только переодѣться и не выступать католическимъ священникомъ.

Вимина все-таки порядочно перепугался. Ничего добраго не ожидая отъ такого сообщенія, онъ особенно недоумѣвалъ на счетъ Оссолинскаго и остался при своемъ убѣжденіи, что канцлеръ ему противодѣйствовалъ. Первымъ слѣдствіемъ этихъ переговоровъ была отсрочка отъѣзда: только въ началѣ мая Вимина пустился въ путь черезъ Львовъ.

Счастіе ему повезло. Никакихъ задержекъ не было. На казацкой границѣ онъ выдалъ себя за венеціанскаго посланца, и всѣ догадались, что онъ ѣдетъ съ порученіями о турецкихъ дѣлахъ. Нашлись проводники. Повсюду его ласково привѣтствовали, только въ одной мѣстности ему надѣлали грубостей, за что̀ виновные были потомъ жестоко наказаны.

Та же предупредительность проявилась и у Хмѣльницкаго, въ Чигиринѣ. Окруженный полковниками и старшинами, гетманъ принялъ посланца, если не торжественно, то внушительно, съ полнымъ сознаніемъ своей силы. По казацкому обычаю, немедленно подали горѣлку, стали пить и разсуждать. Вимина представилъ вѣрительную итальянскую грамоту въ латинскомъ переводѣ. Это произведеніе Сагредо изобиловало лестными выраженіями. Цѣлуя заочно руку «его превосходительства», посолъ щедро расточалъ всевозможныя похвалы, говорилъ о недосягаемой доблести, о всемірной славѣ и особенно объ упованіи и надеждахъ всего христіанства: Хмѣльницкому видимо предлагалась роль какого-то искупителя съ обѣщаніемъ искренней благодарности.

Завязались переговоры. Главною цѣлью Вимины было устроить походъ противъ турокъ или, по крайней мѣрѣ, набѣгъ запорожцевъ, и, если возможно, втянуть въ то же дѣло крымскихъ татаръ. Для побужденія Хмѣльницкаго на этотъ подвигъ, слѣдовало, по указанію инструкціи, распространиться о слабости Турціи, подвластной малолѣтнему султану да еще погруженной въ междоусобицы, о военныхъ успѣхахъ венеціанцевъ, которые цѣлые двадцать два мѣсяца держали Дарданеллы въ своихъ рукахъ. Такимъ образомъ, Оттоманская имперія представлялась, какъ легкая добыча, которая пала бы на долю казачества; а это стяжало бы побѣдителю полумѣсяца безсмертное имя въ памяти христіанскихъ народовъ. На счетъ денежныхъ пособій существовала большая сдержанность: Вимина долженъ былъ ограничиться неопредѣленными, общими намеками. Наконецъ, ему предписывалось подробно освѣдомиться о планахъ и намѣреніяхъ казаковъ, объ ихъ отношеніяхъ къ полякамъ и татарамъ, къ Молдавіи и Валахіи.

Удостоившись двухъ аудіенцій, Вимина имѣлъ возможность изъяснить всѣ свои соображенія. Онъ даже проговорился, откровенно сознавшись, что Польша въ плачевномъ состояніи: безъ денегъ и безъ войска. Сло-

воохотливый Хмѣльницкій не остался у него въ долгу: онъ просто закидалъ своего собесѣдника разными рѣчами. Въ сущности онѣ сводились къ тому, что казаки смертельно ненавидятъ басурмана и всегда готовы бороться за вѣру и правду, надо только условиться и сговориться. Трудно было при этомъ обойтись безъ жалобы на поляковъ: Хмѣльницкій обратился къ прошлому, къ своимъ воспоминаніямъ, къ впечатлѣніямъ, вынесеннымъ изъ Варшавы. Покойнаго короля онъ держалъ въ большомъ почетѣ. Когда-то Владиславъ отпустилъ 18.000 флориновъ на турецкій походъ; запорожцы встрепенулись, надѣлали чаекъ, которыя такъ и стоятъ себѣ на Днѣпрѣ, потому, что паны побоялись войны и затормозили предпріятіе. Всѣ эти польскіе магнаты были гетману бѣльмомъ въ глазу, онъ относился къ нимъ съ крайнею подозрительностью. Къ тому же условія Зборовскаго мира еще не были выполнены, пожалуй, также по ихъ винѣ. Несмотря на эти выходки и ни слова не роняя о слабости Польши, Хмѣльницкій обѣщалъ посовѣтоваться съ радой и устроилъ все къ лучшему.

Дѣйствительно, венеціанскія предложенія обсуждались въ казацкомъ кругу, и отвѣтъ былъ таковъ: воевать турокъ можно, только для того требуется соизволеніе польскаго короля и содѣйствіе татаръ. Намёки на эти условія Хмѣльницкій дѣлалъ еще прежде; теперь же онъ ихъ намѣренно подчеркивалъ, предоставляя венеціанцамъ заботу о ходатайствахъ: пусть-де сговорятся съ Ордою и съ Польшею, а тамъ казаки уже съумѣютъ расправиться съ басурманомъ.

Всеобщее настроеніе противъ турокъ придавало этимъ словамъ особое значеніе. Турецкая война казалась у всѣхъ завѣтною, задушевною мечтою. Вимина всего чаще сходился съ гетманскимъ «секретаремъ» и съ артиллерійскимъ генераломъ [1]). Оба только о томъ и разсуждали, какъ бы сразиться съ невѣрнымъ и стереть его съ лица земли. Артиллерійскій генералъ къ тому же отличался своею истинно казацкою любезностью: онъ повелъ Вимину въ кабакъ, потребовалъ горѣлки, устроилъ музыку, затѣмъ пляски и сталъ угощать проходящихъ молодцовъ. Непривычному итальянцу все это показалось грубо, дико и несносно. Однакожъ, несмотря на эти неудобства, онъ остался довольнымъ. Его отпустили со всѣми знаками почтенія, одарили оружіемъ, снабдили припасами, да прибавили «на горѣлку» шесть талеровъ. Хмѣльницкій вручилъ ему отвѣтное письмо на грамоту Сагредо съ обычными жалобами на поляковъ и съ изъявленіемъ готовности воевать противъ турокъ подъ приведенными выше условіями.

Возвратившись благополучно во Львовъ, Вимина поспѣшилъ напи-

---

[1]) Вѣроятно, здѣсь разумѣются писарь Иванъ Виговскій и обозный Ѳедоръ Коробка.

сать обстоятельные доклады, помѣченные 28-мъ іюня 1650 года, о которыхъ Сагредо отозвался съ восхищеніемъ, препровождая ихъ въ сенатъ, хотя судить о нихъ, при отсутствіи провѣрочныхъ средствъ, было преждевременно. Окруженный роскошью и блескомъ, Хмѣльницкій сдѣлалъ на Вимину впечатлѣніе человѣка способнаго и хитраго, объ его военномъ искусствѣ говорилось очень многое, въ твердости его характера и сомнѣваться было нечего. Осторожный венеціанецъ старательно уклонялся отъ всякихъ пререканій подъ тѣмъ предлогомъ, что съ «варваромъ» разсуждать неудобно, и что «великіе тираны» не терпятъ противорѣчія. На счетъ отношеній къ Польшѣ онъ не ошибся, замѣтивъ, что они натянуты, что Яна Казиміра не долюбливаютъ. Впрочемъ, на Украйнѣ это и не всегда скрывалось. Однажды, за обѣдомъ, Хмѣльницкій, поднявъ чашу за здравіе короля, взглянулъ украдкой на свою жену, которая отвѣсила ему сейчасъ же насмѣшливый и вовсе не двусмысленный поклонъ.

Вимина убѣдился также, что съ пустыми руками являться въ Чигиринъ не ловко. Онъ совѣтовалъ не только адресовать письмо Хмѣльницкому отъ имени Синьоріи, но поднести ему и войсковымъ старшинамъ подарки, какъ-то: бархатныя и шелковыя матеріи, разнаго рода оружіе, аугсбургскіе часы, стѣнные и карманные, и цѣлыя десятки банокъ съ знаменитой въ то время «teriaca». На Украйнѣ очень дорожили этимъ заморскимъ продуктомъ. Его приправляли горѣлкой и употребляли вмѣсто лекарства. Какъ человѣкъ практичный, Вимина внушалъ сенату назначить опредѣленную сумму на походъ и вручить ее немедленно. Въ возможности самаго похода противъ турокъ онъ былъ увѣренъ, даже предлагалъ свои услуги для поѣздки въ Крымъ, чтобы устроить, по мысли Хмѣльницкаго, общее, единовременное наступленіе, казацкое и татарское, на злѣйшаго врага всѣхъ христіанъ [1]).

Вопреки своей прославленной мудрости, венеціанскій сенатъ пошелъ также на удочку лукаваго гетмана. Онъ отнесся очень серьезно къ докладамъ Вимины и съ обычною энергіею приступилъ, не мѣшкая, къ исполненію намѣченныхъ мѣропріятій. Секретарь графъ Жироламо Кавацци очень кстати находился тогда безъ спѣшнаго дѣла въ Баваріи. Ему поручили ѣхать въ Варшаву для воздѣйствія на короля и попутно закупить подарки для будущихъ союзниковъ. Кавацци прискакалъ въ Вѣну, съ помощью Сагредо добылъ всякаго добра на 1.628 талеровъ и, уложивъ его въ два огромные ящика, отправился въ Польшу по дурнымъ дорогамъ и при еще болѣе дурной, дождливой погодѣ.

[1]) Изъ депешъ видно, что Вимина написалъ особый докладъ о казацкомъ бытѣ, гдѣ было кое-что и о Хмѣльницкомъ. Этого доклада не имѣется на лицо.

Переговоры съ татарами выпали на долю Вимины, мечтавшаго о посѣщеніи дальняго и незнакомаго края. Не упустилъ сенатъ приготовить грамоты, помѣченныя 30-мъ іюля 1650 года, на имя Хмѣльницкаго и крымскаго хана, Исламъ-Гирея, съ должными любезностями. А плодовитый Сагредо сочинилъ новую инструкцію для Вимины. Ему предписывалось заѣхать въ Чигиринъ, осыпать «господина генерала» похвалами за благія намѣренія «господъ казаковъ», обѣщать денежное пособіе, потомъ, при содѣйствіи Хмѣльницкаго, добраться до Крыма и уговорить татаръ идти войной на Полумѣсяцъ. Настаивая на слабости турокъ, Сагредо доходилъ до того, что предлагалъ казакамъ завоевать въ четыре дня всю Оттоманскую имперію, съ помощью, конечно, венеціанцевъ, которые наступали бы со стороны Дарданеллъ.

Такимъ образомъ, все казалось устроено къ лучшему; но подобнаго рода иллюзіи долго просуществовать не могли. Польша не уживалась съ Украйною; готовилось новое казацкое возстаніе; паны чуяли недоброе и вооружались. Уже въ августѣ мѣсяцѣ 1650 года Вимина предупредилъ Сагреда, что положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось, что нельзя разсчитывать ни на Хмѣльницкаго, ни на татаръ. Вскорѣ послѣ того получились извѣстія, которыя совершенно разрушили венеціанскіе планы. 13-го сентября, королевскій секретарь Дони, охотившійся съ Яномъ Казиміромъ въ литовскихъ дремучихъ лѣсахъ, писалъ оттуда Сагреду слѣдующее: король узналъ, что турецкій султанъ посылалъ къ Хмѣльницкому довѣренное лицо съ такими порученіями: поздравить гетмана съ побѣдою надъ поляками, требовать прекращенія набѣговъ вдоль Чернаго моря, удостовѣрить въ покровительствѣ Порты, которое испрашивали казацкіе посланцы, совѣтовать войну съ Польшею и обѣщать подкрѣпленіе въ 100.000 человѣкъ. Далѣе утверждалось, что Хмѣльницкій согласился на эти условія и принялъ турецкую помощь.

Доставленныя поляками свѣдѣнія совершенно согласны съ тѣми, которыя Н. И. Костомаровъ извлекъ изъ турецкихъ грамотъ, впервые обративъ на нихъ вниманіе историковъ [1]). По этимъ источникамъ видно, что казаки уже давно заискивали въ Константинополѣ; окончательно же установились ихъ добрыя отношенія къ Портѣ въ концѣ 1650 года. Хмѣльницкій призналъ себя данникомъ султана Мехмета, который въ знакъ согласія прислалъ ему дорогой кафтанъ. Отъ своего подчиненія гетманъ ожидалъ большихъ выгодъ: турки и татары становились его союзниками противъ Польши. Такимъ данникомъ Порты Хмѣльницкій остался и послѣ переяславскаго договора 1654 года, въ силу котораго онъ поступилъ съ Запорожскимъ войскомъ и со всею Малороссіею въ

---

[1]) Богданъ Хмѣльницкій данникъ Оттоманской Порты.—«Вѣстникъ Европы», 1878, т. VI, стр. 806.

подданство Московскаго царя Алексѣя Михайловича, обязуясь, по 14-ой статьѣ договора, «съ турскимъ салтаномъ и польскимъ королемъ безъ государева указа не ссылаться» [1]).

Турецкія извѣстія были вѣроятно недоступны для венеціанцевъ; но того, чтò они узнали отъ поляковъ, уже было достаточно для прозорливыхъ дипломатовъ. Сенатъ пріостановилъ предписанныя мѣропріятія впредь до новыхъ распоряженій. Сагредо очень жалѣлъ о такой внезапной перемѣнѣ. Кавацци занялся сбереженіемъ уже никому не нужныхъ подарковъ. Вимина сталъ думать о возвращеніи въ Италію. Его заслуги были признаны и оцѣнены: Синьорія выдала ему золотую цѣпь въ 300 дукатовъ, и, вернувшись на родину, онъ получилъ около 1652 года прибыльную бенефицію въ Альпаго, гдѣ и вступилъ въ должность приходскаго священника. Его сношенія съ Хмѣльницкимъ доказываютъ, до какой степени изворотливый малороссъ умѣлъ хитрить и какъ это ему удавалось.

II.

Въ 1653 году новое поприще открылось для дѣятельности Вимины. Синьорія послала его въ Швецію, но съ какими именно порученіями остается неизвѣстно. Ни въ Венеціи, ни въ Стокгольмѣ не сохранилось никакихъ слѣдовъ этихъ переговоровъ.

Болѣе свѣдѣній имѣется о дипломатической миссіи въ Москвѣ [2]). Она состоялась по рѣшенію высшаго начальства.

Не сговорившись съ Запорожскими казаками, Синьорія задумала обратиться къ Донскимъ и поставила Виминѣ соотвѣтствующій запросъ. 9-го ноября 1654 года онъ отвѣтилъ докладомъ, гдѣ проводилъ мысль, что, прежде всего, слѣдуетъ заручиться согласіемъ и содѣйствіемъ московскаго царя, а то вмѣсто похода будетъ, пожалуй, только безцѣльный набѣгъ.

Сенатъ одобрилъ это мнѣніе и уполномочилъ самого же Вимину отправиться къ Алексѣю Михайловичу, снабдивъ его, на всякій случай, письмомъ для Хмѣльницкаго. Вимина выѣхалъ въ Москву въ началѣ 1655 года. До тѣхъ поръ онъ только однажды имѣлъ случай сбли-

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, ч. I, стр. 77, прим. 323.

[2]) Венеція, Государственный архивъ, Senato Corti, Reg. 31, 32, 33; Senato Rettori, filza 40; Dispacci Germania, filza 104, 105, 106, 107.—Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи, т. X, ст. 809—930.—Бантышъ-Каменскій, Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи, ч. II, стр. 207, 262.

зиться съ московскими людьми. Въ 1650 году, въ бытность его въ Варшавѣ, туда пріѣхало посольство, состоявшее изъ боярина Гаврилы Пушкина, окольничаго Степана Пушкина и дьяка Леонтьева [1]). Переговоры шли главнымъ образомъ о царскомъ титулѣ, неполно и неправильно написанномъ, и о книгахъ, напечатанныхъ въ Польшѣ и оскорбительныхъ для Алексѣя Михайловича. Вимина слѣдилъ за преніями, доносилъ о нихъ Сагреду и вынесъ лично такое впечатлѣніе, что московскіе послы съ виду величавы, а на самомъ дѣлѣ грубы и необтесаны. Теперь ему предстояло болѣе короткое знакомство съ русскимъ міромъ.

Въ Вѣнѣ онъ свидѣлся съ венеціанскимъ посломъ Баттистою Нани, который руководилъ московскими дѣлами, и, съ его согласія, уѣхалъ въ Гамбургъ, гдѣ надѣялся вскорѣ получить дорожныя деньги. Къ несчастію, вслѣдствіе недоразумѣній, ему пришлось просидѣть тамъ цѣлыхъ пять или шесть недѣль. Здѣсь сказался его живой, итальянскій характеръ. Онъ ужасно скучалъ отъ бездѣйствія и пустому мѣшканію предпочелъ бы всякаго рода путевыя опасности. Наконецъ, устроивъ коекакъ свои дѣла, онъ отправился въ Ревель и прибылъ туда 5-го іюня 1655 года. Въ концѣ мѣсяца онъ былъ во Псковѣ, гдѣ начались новыя мытарства.

Между Москвою и Польшею велась война. Алексѣй Михайловичъ неоднократно выѣзжалъ, какъ тогда говорилось, «въ станъ», оставляя столицу и царское семейство на попеченіе патріарха Никона. Въ томъ же 1655 году появилась моровая язва въ Москвѣ. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такихъ осложненій были частыя перемѣны правительственныхъ распоряженій. Вимину направили сперва прямо въ Москву, но дорогой свернули въ Смоленскъ, оттуда его повезли въ Шкловъ и, наконецъ, доставили обратно въ Смоленскъ, гдѣ и обѣщалась царская аудіенція.

Дѣйствительно, 21-го (11-го) ноября Алексѣй Михайловичъ прибылъ въ недавно отвоеванную отъ Польши крѣпость; Вимина же очень не кстати заболѣлъ и долженъ былъ слечь въ постель. Чтобъ не терять времени, онъ письменно просилъ «Его Императорское Величество» принять вѣрительную грамоту отъ имени дожа Франческо Молины и назначить третье лицо для переговоровъ [2]).

Эта просьба была уважена, и дьякъ Перфильевъ, котораго Вимина величаетъ вице-канцлеромъ [3]), явился «допрашивать» венеціан-

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. X, стр. 265. — Венеція, Государственный архивъ, Dispacci Germania, 98, f. 105, депеши Вимины 19-го и 26-го марта 1650 года.

[2]) Итальянскій текстъ письма Вимины напечатанъ въ Пам. дипл. снош., т. X, ст. 907, съ изумительною небрежностью.

[3]) Онъ былъ дьякъ приказа Казанскаго дворца.

скаго посла и «отбирать отвѣтныя статьи». Не обошлось конечно безъ пререканій о слишкомъ скромномъ титулѣ. Но вскорѣ приступили къ главному, къ турецкому вопросу. Вимина затянулъ избитую пѣсенку о побѣдахъ Венеціи и о слабости Оттоманской имперіи, убѣдительно доказывая, что Москва въ полномъ правѣ воевать турокъ, посылавшихъ татаръ на помощь полякамъ. Наговоривъ очень много по этому поводу, онъ выступилъ съ предложеніемъ о Донскихъ казакахъ, настаивая на томъ, что такой походъ былъ бы чрезвычайно полезенъ для самой Москвы.

Вѣроятно, онъ былъ нѣсколько смущенъ, когда, вмѣсто подходящаго отвѣта, Перфильевъ, вынувъ изъ-за пазухи бумажечку, принялся за свой допросъ: съ какихъ поръ Венеція воюетъ съ турками? Какіе у ней союзники? Зоветъ ли дожъ другихъ князей своими друзьями или братьями? Считается ли Молина царемъ? Каковъ его титулъ? Сколько у Венеціи войска? Каково протяженіе страны? Какіе у ней союзники? Въ дружбѣ ли она съ Цезаремъ? Какіе вообще у ней недруги и съ кѣмъ она въ войнѣ?

Вимина воспользовался случаемъ, чтобъ расхвалить Венецію, ея несмѣтное богатство и непобѣдимое войско. На счетъ титула, онъ осторожно замѣтилъ, что, хотя дожъ и не именуется королемъ, однакожъ, Венеціи подвластно не одно королевство, какъ-то Кандія и Далмація. Изъ его рѣчей оставалось заключить, что любаго короля дожъ можетъ заткнуть за поясъ.

Зашла также рѣчь и о торговлѣ, которая обѣимъ странамъ обѣщала большія выгоды. Венеціанцы привозили бы шелкъ и шерсть и закупали бы соболи, икру, сало, кожи и всякое сырье. Складочные пункты предполагалось устроить на Днѣпрѣ и въ Архангельскѣ: отважные моряки не постращились бы поплыть и въ Бѣлое море.

Перфильевъ почтительно выслушалъ своего собесѣдника и ушелъ, ничего ему не сообщивъ, кромѣ оффиціальныхъ порученій. Затѣмъ, онъ возвратился съ угощеніемъ, а въ другой разъ съ новостями о московскихъ побѣдахъ надъ Польшею. 28-го ноября дошла очередь до отвѣта, а онъ былъ таковъ: положительнаго рѣшенія царь покуда постановить не можетъ, имѣя на рукахъ войну съ Польшею; что же касается до крымскихъ татаръ, то ихъ ожидаетъ та же участь, какъ астраханскихъ и казанскихъ; а когда и какъ они будутъ наказаны, это знаютъ Богъ и Божія Матерь. Впрочемъ, царь посовѣтуется съ своими боярами и вышлетъ въ Венецію своего уполномоченнаго.

Такой уклончивый отвѣтъ никакъ не могъ удовлетворить Вимину, тѣмъ болѣе, что о туркахъ и помина не было. Онъ всячески старался разузнать, по крайней мѣрѣ, царское настроеніе и ходячія мнѣнія при дворѣ; но Перфильевъ упорно отмалчивался, какъ будто онъ вдругъ

онѣмѣлъ. Онъ обѣщалъ только, что вскорѣ послѣдуетъ новое сообщеніе будетъ и дана возможность отъѣхать.

Вечеромъ того же 28-го ноября пришелъ навѣстить и утѣшить больнаго венеціанца царскій переводчикъ, вѣроятно, Иванъ Ѳанъ Делдинъ. По его мнѣнію, отвѣтъ Перфильева совершенно согласовался съ данными обстоятельствами. Не упоминая ни словомъ о туркахъ, онъ увѣрялъ, что всѣ безъ исключенія желали бы отмстить татарамъ за ихъ набѣги, но войнѣ препятствуетъ не Польша, какъ говорилъ Перфильевъ, а Швеція, которая дерзко предъявляетъ грозныя требованія.

Вимина не долго покоился на этихъ словахъ. Нѣсколько дней спустя, 4-го декабря, вице-канцлеръ, то-есть опять-таки Перфильевъ, принесъ отвѣтную грамоту Алексѣя Михайловича, запечатанную государственною большою печатью на красномъ воску «подъ кустодіею» и вложенную въ червчатую тафту [1]). Итальянскій переводъ грамоты тутъ же былъ сообщенъ Виминѣ и возбудилъ его неудовольствіе: слишкомъ много говорилось о торговлѣ и слишкомъ мало о татарахъ. Московскій царь—писалъ венеціанскій посланецъ—скорѣе отличный купецъ, чѣмъ великій государь. Всѣ сдѣланныя предложенія, очевидно, отлагались до поѣздки въ Венецію московскаго повѣреннаго. Такимъ образомъ, при русскомъ дворѣ, какъ въ Чигиринѣ, у Хмѣльницкаго, успѣхъ Вимины былъ чисто отрицательный.

На другой день послѣ выдачи грамоты Алексѣй Михайловичъ выѣхалъ въ Москву, а 6-го декабря 1655 года Вимина, несмотря на лихорадку, покинулъ также Смоленскъ, не представившись лично царю. Пошатнувшееся его здоровье окрѣпло дорогой, чему онъ не мало удивлялся. Однакожъ, медленно передвигаясь, онъ только въ маѣ слѣдующаго года прибылъ въ Вѣну, да къ тому же въ такомъ плохомъ видѣ, что посолъ Нани сжалился надъ нимъ и задержалъ его у себя нѣсколько дней на покоѣ. Самъ Вимина, въ письмѣ изъ Медлинга къ пріятелю, сѣтовалъ на то, что напрасно потерялъ много времени въ Смоленскѣ, и заболѣлъ не отъ работы, а отъ удручающей неподвижности [2]).

По возвращеніи въ Италію, Вимина занялся своимъ приходомъ въ Альпаго, и его жизнь потекла обычной чередой. Какъ и чѣмъ на сей разъ его отблагодарила Синьорія неизвѣстно, но благосклонность правительства къ нему не измѣнилась, при случаѣ за него даже стояли

---

[1]) Венеція, Государственный архивъ, Czar di Moscovia, 1655—1740. Пам. дипл. снош., т. X, стр. 918.

[2]) Письмо Вимины къ аббату Перзико, 5-го мая 1656 года, находится въ Беллуно и принадлежитъ Г. Буццати. Напечатано въ Lettere inedite del secolo XVII, Belluno, 1842.

*

горой [1]). Такъ, еще во время путешествія въ Швецію, новый епископъ Беллуно потребовалъ, подъ угрозою каноническихъ наказаній, чтобы онъ возвратился въ Альпаго, давъ ему на это пятнадцатидневный срокъ. Немедленно за него вступился сенатъ и объяснилъ епископу, что для исполненія такого приказанія едва-ли хватитъ шести мѣсяцевъ. Другія непріятности возникли впослѣдствіи съ тѣмъ же епископомъ, когда Вимина бѣдствовалъ въ Россіи, и сенатъ снова его выручилъ, усердно за него ратуя. Наконецъ, что̀ особенно было для него почетно, это то, что, при появленіи московскихъ посланцевъ, Вимина вызывался въ Венецію для участія въ переговорахъ. Это случилось два раза.

Алексѣй Михайловичъ сдержалъ данное слово [2]). Въ январѣ 1657 г. прибылъ въ Венецію стольникъ Иванъ Ивановичъ Чемодановъ съ дьякомъ Алексѣемъ Постниковымъ. Своими требованіями они удивили венеціанцевъ, запрашивая очень много и ничѣмъ не поступаясь. Такъ, они объявили, что посылать Донскихъ казаковъ противъ турокъ нельзя изъ опасенія Польши и Швеціи. Сами же они домогались займа «золотыхъ и ефимковъ, сколько мочно», для ратнаго дѣла. Предложеніе о взаимной торговлѣ было еще безцеремоннѣе: Чемодановъ желалъ купить безпошлинно въ Венеціи «аксамитовъ и бархатовъ», за что̀ венеціанцамъ дозволили бы «всякіе въ Россіи покупать и мѣнять товары съ платежемъ указной пошлины». Такъ проявлялась уже тогда свирѣпствующая нынѣ тарифная борьба. Венеціанцы, ничего для себя не добившись, въ свою очередь, учтиво отклонили московскія просьбы.

Для насъ интересъ сосредоточивается на степени участія при этомъ Вимины. Ему было поручено привѣтствовать посольство и состоять при немъ. По выраженію Чемоданова, онъ былъ ихъ «приставомъ», и, какъ видно, исполнялъ свою обязанность съ большимъ усердіемъ. На его долю выпало также улаживаніе обычныхъ недоразумѣній при представленіи посольства дожу, передачѣ грамотъ и посѣщеніи другихъ пословъ. Чемодановъ былъ въ этомъ отношеніи такъ же чувствителенъ и чутокъ, какъ и всѣ его товарищи.

Этими формальностями и ограничилось вмѣшательство Вимины; собственно политику ему не удалось затронуть. При первой попыткѣ онъ получилъ такой отвѣтъ: «съ повелѣнія его царскаго величества посольскія дѣла слѣдуетъ объявить «думнымъ людемъ», а не вамъ». А въ другой разъ, когда Вимина спросилъ: «за то ль государь у насъ проситъ казны, что хочетъ намъ помочи дать на турокъ?» Чемодановъ возра-

---

[1]) Венеція, Государственный архивъ, Senato, III, Secreti, Belluno, 1653—1656; Senato, Terra, filza 599, 613; Dispacci Germania, filza 105, f. 172, 174.

[2]) Памятники дипл. снош., т. X, ст. 1002—1096. Бантышъ-Каменскій, Обзоръ, т. II, стр. 207, 163. Венеція, Государственный архивъ, Ceremoniali, III, f. 140 verso; Esposizioni Principi, filza 70.

зилъ съ негодованіемъ: «ты, Альбертусъ, говоришь непристойныя слова, простыя... а то, ты тѣ слова говоришь бездѣльныя».

Взаимныя отношенія, однакожъ, не пострадали отъ этихъ выходокъ. Какъ съ самаго начала Вимина пилъ чашу «про государское многолѣтное здравье», такъ и на послѣдокъ онъ поднесъ миро св. Николая Барскаго, съ просьбою передать его Алексѣю Михайловичу, на что послы охотно согласились. Другое предложеніе было ими отвергнуто безъ всякаго колебанія. Вимина доложилъ имъ однажды, что папа Александръ VII прислалъ нарочно гонца и велѣлъ провѣдать, будутъ ли посланники къ нему въ Римъ? А онъ, папа, велѣлъ въ городахъ и заставахъ пути отпереть, и кормы довольные, и подводы, и встрѣчи въ городахъ изготовить. На это лестное приглашеніе Чемодановъ отвѣтилъ, что ѣхать въ Римъ у нихъ указу нѣтъ, «а безъ его государскаго повелѣнія и указу его государевымъ посланникомъ ѣхать невозможно, и то дѣло не сбыточное». Вимина не обидѣлся, не настаивалъ и, при отъѣздѣ, проводилъ пословъ до Тріента.

Другое московское посольство появилось въ Венеціи въ 1663 г. [1]). Главнымъ лицомъ былъ Иванъ Аѳанасьевичъ Желябужскій. Ему сопутствовалъ дьякъ Иванъ Давыдовъ. Въ статейномъ спискѣ упоминается также Вимина, но только дважды и какъ бы мимоходомъ. Въ венеціанскихъ документахъ его имя даже совершенно отсутствуетъ. Значитъ, на этотъ разъ ему не пришлось часто и дѣятельно выступать. Тѣмъ и заканчиваются его сношенія съ Москвою.

Вимина скончался 11-го января 1667 года въ Альпаго и былъ похороненъ въ мѣстной приходской церкви [2]). Надгробная надпись, которая приводится въ его посмертныхъ запискахъ, теперь болѣе не существуетъ. Можетъ быть, она погибла при перестройкѣ церкви, жестоко пострадавшей отъ землетрясенія 29-го іюля 1873 года.

Нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Альберта Вимины, въ 1671 году, вышли въ свѣтъ его записки о Польшѣ, Московіи и Швеціи [3]). Издателями являются братъ усопшаго, Леонардо Вимина, и юристъ Джіованни Баттиста Казотти. Надо признаться, что большого значенія этимъ запискамъ придавать нельзя, главнымъ образомъ, потому, что авторъ не указываетъ на свои источники, а значительная часть его матеріала

---

[1]) Памятники дипл. снош., т. X, ст. 671—802. Бантышъ-Каменскій, Обзоръ, т. II, стр. 208, 263. Венеція, Государственный архивъ, Ceremoniali, III, f. 151 verso. Въ запискахъ Желябужскаго (1682—1709) объ этомъ посольствѣ не упоминается.

[2]) Такъ значится въ Registro morti di Pieve d'Alpago.

[3]) Historia delle Guerre civili di Polonia, Divisa in cinque libri. Progressi dill'Armi moscovite contro Polacchi. Relatione della Moscovia e Svetia e loro Governi. Di Don Alberto Vimina, Bellunese. In Venetia, M DC LXXI.

очевидно заимствована изъ вторыхъ и третьихъ рукъ. Свою поѣздку къ Хмѣльницкому и вообще сношенія Венеціи съ Украйною онъ совершенно замалчиваетъ, вслѣдствіе, конечно, политическихъ соображеній. Между тѣмъ, личныя его наблюденія и замѣтки были бы для насъ самымъ цѣннымъ вкладомъ.

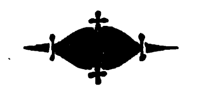
Въ частности, что касается до Московіи, то онъ могъ имѣть лишь мало непосредственныхъ свѣдѣній, пробывъ только нѣсколько недѣль въ Смоленскѣ, да къ тому же въ полномъ бездѣйствіи и болѣзненномъ состояніи. При составленіи своей записки, онъ имѣлъ въ виду описать положеніе Россіи, ея климатъ, нравы, религію, правленіе, силы и богатство. Обширную задачу авторъ исполнилъ въ скромныхъ размѣрахъ. Замѣтно на него вліяніе Герберштейна и Поссевина, къ мнѣнію которыхъ онъ часто примыкаетъ, хотя ссылается на нихъ всего на всего одинъ разъ. Впрочемъ, ничего особенно выдающагося по новизнѣ или важности у него не встрѣчается. Его наблюденія сводятся къ замѣткамъ болѣе или менѣе достовѣрнымъ и правдивымъ, которыя по плечу всякому образованному путешественнику.

Всего интереснѣе описаніе личности Алексѣя Михайловича, хотя и сдѣланное, безъ сомнѣнія, по наслышкѣ [1]). Вимина изображаетъ московскаго царя какъ человѣка набожнаго и благочестиваго, преданнаго молитвѣ и постничеству, чуждаго празднымъ увеселеніямъ, характера тихаго и мягкаго, но съ проблесками жестокости.

Главный упрекъ, взводимый на царя, состоитъ въ ненасытной алчности. Ради пополненія своей казны, онъ будто бы прибѣгалъ, безъ зазрѣнія совѣсти, къ самымъ беззаконнымъ и даже позорнымъ мѣрамъ.

На этомъ описаніи обрывается записка о Московіи.

П. Пирлингъ.

[1]) Historia, стр. 321.

Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина [1]).

I.

Назначеніе въ 1855 году В. И. Назимова виленскимъ генералъ-губернаторомъ.—Прибытіе его въ Вильну.—Его характеристика.—Балъ въ Вильнѣ.—Вечеръ у генералъ-губернатора.—Вильна при В. И. Назимовѣ.—Дворянскій клубъ.—Назначеніе Никотина чиновникомъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ.—Поѣздка въ Москву на коронацію.—Записки В. И. Назимова объ освобожденіи крестьянъ.—Прощеніе политическихъ преступниковъ.—Коронаціонныя торжества.

21-го февраля 1856 года, въ 10 часовъ по полудни, прибылъ въ Вильну ожидаемый съ такимъ нетерпѣніемъ генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Владиміръ Ивановичъ Назимовъ, занимавшій передъ тѣмъ постъ попечителя Московскаго учебнаго округа и назначенный сюда 10-го декабря 1855 года. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали: М. И. Похвисневъ, впослѣдствіи виленскій губернаторъ, племянникъ

[1]) Подлинныя записки принесены дочерьми Ивана Акимовича въ даръ музею графа М. Н. Муравьева въ Вильнѣ. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ со степенью кандидата И. А., 19-го августа 1846 г. поступилъ на службу въ канцелярію московскаго губернатора, съ января 1847 по январь 1850 года былъ помощникомъ правителя канцеляріи калужскаго губернатора, а затѣмъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при томъ же губернаторѣ. Въ іюлѣ 1851 года онъ былъ переведенъ тѣмъ же званіемъ къ начальнику Виленской губерніи, а 12-го іюля 1856 года назначенъ штатнымъ чиновникомъ особыхъ порученій при виленскомъ, гродненскомъ и ковенскомъ генералъ-губернаторѣ. Въ 1863 году, во время польскаго мятежа, И. А. былъ неоднократно командируемъ гр. М. Н. Муравьевымъ съ разными порученіями. Такъ, одно время, онъ состоялъ при отрядѣ генералъ-лейтенанта Бакланова въ Августовской губерніи, для введенія въ дѣйствіе военно-гражданскаго управленія и для подготовительныхъ работъ

его, правовѣдъ В. А. Тырковъ, назначенный вскорѣ чиновникомъ особыхъ порученій, и молодой докторъ Макеевъ, какъ кандидатъ на должность инспектора врачебной управы, которую занималъ тогда статскій совѣтникъ Поветанскій, и которую затѣмъ получилъ полякъ Бартошевичъ, докторъ же обратно уѣхалъ въ Москву. Семейство генералъ-губернатора осталось въ Москвѣ до весны, такъ какъ къ тому времени надѣялись устроить заново квартиру. На третій день послѣ пріѣзда оповѣщенъ былъ общій пріемъ служащихъ, въ десять часовъ утра. Къ назначенному времени всѣ вѣдомства были уже въ сборѣ и размѣстились, каждое отдѣльно, кругомъ стѣнъ, въ большой залѣ верхняго помѣщенія дворца, такъ что по серединѣ комнаты образовалось довольно обширное пространство. Въ началѣ одиннадцатаго часа вышелъ въ залъ вновь прибывшій начальникъ края, въ сопровожденіи виленскаго губернатора А. О. Россета и губернскаго предводителя дворянства Пусловскаго.

Съ первыхъ же пріемовъ при представленіи обнаружилось, что, несмотря на суровую наружность, неограниченная доброта составляла отличительную черту характера Владиміра Ивановича. Какъ оказалось, край былъ знакомъ ему еще съ 1840 года, когда онъ былъ присланъ въ Вильну въ званіи флигель-адъютанта, по одному политическому дѣлу, императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Увидѣвъ доктора Велька, который по этому дѣлу содержался подъ арестомъ, онъ расцѣловался съ нимъ и разговаривалъ про грустное былое время минутъ 15, если не болѣе. Поцѣлуи генералъ-губернатора съ представлявшимися дворянами повторялись очень часто,такъ какъ оказалось, что между ними было множество старыхъ его знакомыхъ. Подойдя къ чинамъ палаты государственныхъ имуществъ, которою управлялъ тогда не водившій знакомства съ генералъ-губернаторскими секретарями, статскій совѣтникъ М. К. Веприцкій, вполнѣ русскій человѣкъ, новый начальникъ края

по устройству быта крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Въ 1864 г. И. А. Никотинъ былъ назначенъ управляющимъ отдѣленіемъ по крестьянскимъ дѣламъ, учрежденнымъ въ Вильнѣ, въ апрѣлѣ того же года— членомъ виленской Археографической коммиссіи и въ іюлѣ—управляющимъ особой канцеляріи, въ которой сосредоточены были дѣла по устройству края послѣ усмиренія мятяжа. Съ высочайшаго соизволенія въ апрѣлѣ 1865 года И. А. былъ откомандированъ въ распоряженіе графа М. Н. Муравьева для составленія отчета по управленію Сѣверо-Западнымъ краемъ и записокъ. Въ 1866 году Никотинъ былъ назначенъ членомъ ревизіонной коммиссіи по дѣламъ римско-католическаго духовенства, и въ декабрѣ 1868 г.—минскимъ губернаторомъ. Спустя два года, онъ былъ причисленъ къ государственному контролю и съ іюня 1870 г. разновременно управлялъ контрольными палатами люблинскою, лифляндскою и минскою. Онъ скончался 4-го апрѣля 1890 г.

поднялъ такой крикъ, который давно не приходилось мнѣ слышать на службѣ. Ну, подумалось мнѣ невольно, вотъ гроза-то, а какимъ смиренникомъ прикинулся вначалѣ; значитъ, нужно держать ухо востро! И чего, чего не пришлось выслушать про это министерство: «воровство, подъ судъ»—такъ и лилось одно за другимъ изъ устъ разсерженнаго представителя высшей власти. Бѣдный управляющій не смѣлъ рта раскрыть въ свое оправданіе и совершенно растерялся. Впослѣдствіи онъ былъ смѣщенъ, и бѣдняку пришлось чуть не умирать съ голоду, живя въ Петербургѣ въ отставкѣ, гдѣ-то въ глуши. Онъ самъ пилилъ себѣ дрова, въ чинѣ статскаго совѣтника, а иные генералъ-губернаторскіе секретари проигрывали въ карты по двѣ тысячи рублей въ вечеръ и въ усъ себѣ не дули. Жалко было намъ очень добраго Марка Клементьевича и его гостепріемную и радушную семью, которая принимала насъ, русскихъ, отъ души, чѣмъ Богъ послалъ. Жилъ онъ въ Вильнѣ очень скромно, и ничего дурнаго про него не было слышно.

Но вотъ, наконецъ, дошла очередь и до меня; какъ стучало тогда въ груди моей молодое, ретивое сердце, даже духъ захватывало... Едва только губернаторъ сказалъ: «мой старшій чиновникъ особыхъ порученій Никотинъ»—какъ Владиміръ Ивановичъ спросилъ меня: «сынъ Акима Максимовича?» На мой утвердительный отвѣтъ, онъ подалъ мнѣ руку:

— Очень радъ васъ видѣть,—сказалъ онъ,—и съ вами познакомиться. Получили ли вы письмо отъ вашего батюшки, которое я привезъ вамъ отъ него?

Я отвѣчалъ отрицательно, и тогда В. И. Назимовъ обратился къ чиновнику особыхъ порученій маіору А. Д. Михневу.

— Какъ вамъ не стыдно, Андрей Дмитріевичъ,—сказалъ онъ,—пріѣхали мы уже два дня, сынъ ждетъ письма отъ отца, а вы до сихъ поръ ему еще не отдали... Гдѣ письмо?

— Оставилъ у себя дома, ваше высокопревосходительство.

— Поѣзжайте сейчасъ же и привезите поскорѣе...

— Прошу васъ не забывать мой домъ,—продолжалъ Владиміръ Ивановичъ, снова подавая мнѣ руку. Вашего батюшку я знаю давно; люблю его и уважаю; мы съ нимъ вмѣстѣ служили въ Москвѣ, въ шестомъ корпусѣ; надѣюсь, что вы будете служить хорошо.

Минутъ сорокъ спустя, мнѣ вручено было самимъ Владиміромъ Ивановичемъ письмо, въ которомъ отецъ прислалъ мнѣ въ подарокъ четыре серіи.

Общій пріемъ представлявшихся въ тотъ день продолжался болѣе трехъ часовъ, но, какъ всякому дѣлу бываетъ конецъ, такъ было и тутъ; въ началѣ втораго часа по полудни мы разошлись по домамъ. Всѣ присутствовавшіе, въ особенности поляки, были въ восторгѣ отъ радушія

новаго начальника, толкамъ и ликованіямъ ихъ не было конца... Возвратясь домой, я тотчасъ же написалъ письмо въ Москву къ отцу, въ которомъ, поблагодаривъ его за подарокъ, убѣдительно просилъ его — похлопотать у Владиміра Ивановича, чтобы онъ перевелъ меня къ себѣ чиновникомъ особыхъ порученій. Оставаться при губернаторѣ мнѣ не было никакого разсчета; при томъ между нами болѣе года длились натянутыя отношенія; хотя я и жилъ съ нимъ вмѣстѣ по-прежнему на одной квартирѣ, но видѣлся только по службѣ. Холодный и капризный эгоизмъ его сильно мнѣ опротивѣлъ; при томъ онъ имѣлъ намѣреніе оставить Вильну, которая крайне ему надоѣла. Желаніе мое, какъ увидимъ ниже, скоро и осуществилось.

Недѣли три спустя, послѣ пріѣзда генералъ-губернатора, надѣвши мундиръ, я отправился къ Владиміру Ивановичу съ шестью томами своихъ пятилѣтнихъ трудовъ, по историко-статистическому описанію Виленской губерніи, намѣреваясь попросить у него разрѣшенія—посвятить ему мои записки. Засталъ его въ верхнемъ помѣщеніи дворца, въ красной гостиной. Онъ смотрѣлъ на смѣну караула дворцовой гауптвахты, помѣщающейся на обширномъ дворѣ, прямо противъ дворца. Увидѣвши меня въ полной парадной формѣ, онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— По какому случаю вы сегодня въ мундирѣ?

— По принятому порядку при предмѣстникѣ вашего высокопревосходительства, служащіе иначе не являлись къ нему, какъ въ такой формѣ.

— Ну, при мнѣ этого не будетъ, на службѣ вицъ-мундиръ, а въ остальное время—сюртукъ, пиджакъ, совершенно запросто. Мундиръ же берегите на высокоторжественные дни... А это что у васъ за фоліанты?

— Мои пятилѣтніе труды, ваше высокопревосходительство,—историческое описаніе вѣроисповѣданія Литвы и Виленской губерніи,—отвѣчалъ я ему, подавая одинъ томъ, а тутъ — статистическое описаніе губерніи,—торговые пути Литвы.

— Прекрасно,—отвѣчалъ Владиміръ Ивановичъ, перелистывая толстую тетрадь въ 380 страницъ убористаго письма,—что̀ же вы хотите?

— Посвятить ихъ вашему имени, и, если возможно, напечатать ихъ на счетъ суммъ, состоящихъ въ распоряженіи вашего высокопревосходительства.

— Я дамъ разсмотрѣть вашъ, повидимому, прекрасный трудъ, и очень радъ буду исполнить ваше желаніе, если онъ будетъ одобренъ.

Передавши затѣмъ и остальныя пять тетрадей моихъ записокъ Владиміру Ивановичу, который, перелиставши ихъ и похваливши мою любо-

знательность, положилъ ихъ на стоявшій между двумя окнами столъ-шкафъ, прибавивъ затѣмъ: «не забывайте меня и приходите почаще».

Послѣ этого представленія, я сталъ бывать во дворцѣ чуть не каждый день и близко сошелся съ В. А. Тырковымъ, моимъ будущимъ сотоварищемъ по службѣ. Вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Вильну, несмотря на восторженныя оваціи поляковъ, Владиміръ Ивановичъ очень скучалъ по своей семьѣ и торопилъ отдѣлку квартиры; по вечерамъ, отъ нечего дѣлать, онъ со всѣми своими пріѣзжими часто посѣщалъ театръ и постоянно бралъ и меня съ собою, когда заставалъ у нихъ въ гостяхъ.

Наступившій великій постъ сдѣлалъ временную пріостановку въ этомъ невинномъ развлеченіи. Въ этотъ промежутокъ я имѣлъ неоднократный случай убѣдиться въ высокой добротѣ Владиміра Ивановича: онъ не умѣлъ отказать никому и ни въ чемъ и, при малѣйшей возможности, старался сдѣлать добро каждому, чѣмъ впрочемъ пользовались часто и недостойные люди; но это уже не его вина.

Наступила наконецъ и столь давно ожидаемая весна. Роскошный май мѣсяцъ одѣлъ въ чудную свѣжую зелень Вильну съ ея живописными окрестностями; все повеселѣло въ природѣ, отлегло на сердцѣ и у достойнѣйшаго Владиміра Ивановича: квартира была готова, и къ нему наконецъ пріѣхало столь давно ожидаемое семейство. Семья состояла: изъ жены Анастасіи Александровны, сына и трехъ дочерей, изъ который старшей было 14 лѣтъ, и воспитанницы Э. А. Гауке; при дочеряхъ находились три гувернантки: француженка Леронъ, нѣмка Генрихсенъ, и для англійскаго языка—Козакевичъ; при сынѣ былъ воспитатель—швейцарецъ М. Н. Падренъ-де-Карне, личность во всѣхъ отношеніяхъ святая и достойная любви и уваженія; онъ былъ вскорѣ назначенъ директоромъ Виленскаго дворянскаго института. Старушка Елизавета Григорьевна, пріѣхавшая съ ними, завѣдывала хозяйствомъ цѣлаго дома; впослѣдствіи большую часть этого труда сумѣлъ присвоить себѣ французъ Розенштейнъ, имѣвшій ферму подъ Вильною. Старушка эта никогда не могла переварить подобнаго распоряженія Владиміра Ивановича и постоянно называла новаго распорядителя—жидокъ или болванчикъ. Любившій пошутить въ семейномъ кругу, Владиміръ Ивановичъ часто пользовался этою ненавистью старушки, ссорилъ ихъ между собою, и тогда выходили уморительныя сцены, тѣмъ болѣе, что она не понимала ни слова по-французски, а Розенштейнъ не зналъ ничего по-русски.

Вскорѣ послѣ пріѣзда генералъ-губернаторскаго семейства въ Вильну, сдѣлалось извѣстно, что на 27-е мая дворянство трехъ губерній: Виленской, Гродненской и Ковенской—розослало по городу приглашенія на балъ. Этимъ празднествомъ оно хотѣло привѣтствовать новаго своего

начальника, «въ назначеніи котораго въ настоящую должность цѣлый край съ благоговѣніемъ и глубокою признательностію видѣлъ доказательство отеческаго милосердія всемилостивѣйшаго государя нашего, который любовь и правду, эти два священнѣйшія знаменія власти, происходящей отъ Бога, избралъ знаменіемъ своего царствованія, и олицетворенныя въ намѣстникѣ его, видимо поставилъ надъ нами» [1].

Балъ назначенъ былъ въ домѣ Миллеровъ, на Нѣмецкой улицѣ, наискось отъ Европейской гостиницы: помѣщеніе довольно скудное, но избрано было только по причинѣ большой залы, единственной въ Вильнѣ послѣ дворцовой. Но, вѣдь «не красна изба углами, а красна пирогами», говоритъ пословица, и она на этотъ разъ оправдалась вполнѣ. Описать великолѣпіе этого празднества не достанетъ у меня ни умѣнья, ни силъ; надо было присутствовать тамъ, чтобы понять тотъ восторгъ, который воодушевлялъ всѣхъ присутствовавшихъ, и ту пышность и богатство дамскихъ нарядовъ, усиливавшихъ еще болѣе граціозность, красоту и блескъ. Это былъ воистину царскій пріемъ, оказанный дворянствомъ генералъ-губернатору, присланному въ несчастный край, дабы уврачевать, какъ говорили тогда, его тяжелыя раны...

На этомъ вечерѣ находились всѣ представители знаменитѣйшихъ и древнѣйшихъ литовскихъ родовъ—князей Четверинскихъ, Радзивилловъ, Гедройцей, графовъ Плятеровъ, Тышкевичей, Хрептовичей, Чапскихъ и другихъ старинныхъ дворянскихъ фамилій, наводнившихъ собою всю Вильну, которая избрана была ими мѣстомъ жительства на зимній сезонъ въ слѣдующіе годы. Должно сознаться, что, по словамъ самихъ поляковъ, супругѣ В. И. Назимова, Анастасіи Александровнѣ, во истину, принадлежала пальма первенства на этомъ блестящемъ вечерѣ. Она была одарена отъ природы красотой и необыкновенно добрымъ сердцемъ, которое проявлялось въ каждомъ взглядѣ и въ каждомъ движеніи. Хотя она была и не первой молодости, но своимъ игривымъ умомъ и изяществомъ манеры, съ перваго же раза, одержала надъ всѣми полнѣйшую побѣду. Всѣ присутствовавшіе на балу были отъ нея въ полнѣйшемъ восторгѣ и не находили словъ къ ея похваламъ. Вообще всѣ были убѣждены, что нельзя было сдѣлать лучшаго выбора для проведенія примирительной политики съ поляками, какъ назначеніе въ Вильну В. И. Назимова. Въ первый разъ, послѣ пятилѣтняго пребыванія моего въ этомъ городѣ, мнѣ пришлось видѣть подобное торжество и подобныя оваціи представителю высшей власти въ краѣ; въ недавнее прошлое оно было даже и немыслимо. На задушевный тостъ дворянства, за роскошнымъ ужиномъ, гдѣ шампанское лилось рѣкою, генералъ-губернаторъ съ чувствомъ отвѣтилъ:

---

[1]) Изданіе Виленской Археологической коммиссіи, стр. 13.

— Свято исполняя волю всемилостивѣйшаго государя, я единственною цѣлію трудовъ своихъ поставляю благополучіе и счастіе ввѣреннаго мнѣ края.

Что послѣдовало за этими словами, описать трудно; у многихъ присутствовавшихъ невольно катились крупныя слезы радости, слезы восторга. На этомъ же балу Владиміръ Ивановичъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ присутствовавшихъ на вечеръ 29-го мая, на дачу, въ «Звѣринецъ», а на другой день были разосланы и пригласительные билеты.

Тамъ, на правомъ берегу быстрой Виліи, гдѣ она дѣлаетъ крутой поворотъ, огибая великолѣпную сосновую Закретскую рощу, расположенную по лѣвой сторонѣ ея теченія и составляющую принадлежность генералъ-губернаторскаго дома, устроено лѣтнее мѣстопребываніе для главнаго начальника края, носящее названіе «Звѣринецъ», такъ какъ при немъ, въ огороженной частоколомъ сосновой рощѣ, жили дикія козы и даже два зубра изъ Бѣловѣжской пущи. Прежде «Звѣринецъ» принадлежалъ Радзивилламъ, а потомъ князю Витгенштейну. Мѣстность эта по истинѣ очаровательная. Если выйти на террасу при домѣ и смотрѣть оттуда на рѣку, быстро катящую свои серебристыя струи въ объятія Нѣмана, то прямо передъ наблюдателемъ поднимается на противоположномъ высокомъ песчаномъ берегу сосновая роща, любимое мѣсто прогулокъ виленскихъ жителей; направо, противъ самаго поворота рѣки, возвышается берегъ, поросшій различнаго рода деревьями и кустарниками, открывающій на вершинѣ своей, среди яркой зелени, небольшую загородную корчму «Королинку», куда, бывало, ѣзжали мы верхами— пить свѣжее молоко или густыя сливки; налѣво, черезъ Закретскую рощу, расчищена была длинная просѣка, съ цѣлію расширить видъ на могильную часовню, въ которой въ 1796 году была похоронена княгиня Репнина, супруга перваго литовскаго генералъ-губернатора. Затѣмъ, по обѣимъ сторонамъ рѣки, вверхъ по ея теченію, разбросаны небольшіе домики мѣстныхъ прибрежныхъ жителей.

Съ самаго переѣзда туда на лѣто генералъ-губернатора съ семействомъ, это мѣсто, почти въ теченіе пяти мѣсяцевъ, дѣлалось ежегодно средоточіемъ широкаго русскаго гостепріимства нашего добрѣйшаго начальника; каждый день тамъ собиралось общество, а по воскресеньямъ число посѣтителей простиралось далеко за сотню; на званомъ же вечерѣ 29-го мая число гостей превышало триста человѣкъ. Тѣ же самыя сцены всеобщаго увлеченія и восторга повторились и здѣсь. Этотъ праздникъ былъ еще оживленнѣе, такъ какъ здѣсь встрѣтились уже знакомыя лица. Въ этихъ двухъ балахъ всѣ видѣли тогда особенную многознаменательность и придавали имъ необыкновенное политическое значеніе, ожидая новой счастливой жизни для цѣлаго края. И дѣйствительно, неограниченная доброта Назимова, душевная теплота и радушіе

милаго его семейства—открывали новую эру въ мѣстной жизни не только Вильны, но и всей западной окраины. Двери генералъ-губернаторскаго гостепріимнаго дома широко растворились настежь, и каждый посѣтитель встрѣчалъ въ немъ радушный привѣтъ, генералъ-губернаторскій титулъ не стѣснялъ никого. 15-го іюля, въ день именинъ Владиміра Ивановича, число гостей считалось обыкновенно сотнями, а 12-го февраля, въ день рожденія Анастасіи Александровны, число приглашенныхъ на балъ доходило до 900 человѣкъ; всѣ они оставались ужинать, и шампанское лилось рѣкою. Можно смѣло сказать, что съ мая мѣсяца 1856 года по февраль 1861 года нѣкогда древняя столица Литвы сдѣлалась средоточіемъ лучшаго польскаго общества, которое стало проводить цѣлую зиму въ Вильнѣ. Всѣ дни бывали разобраны; баламъ, любительскимъ спектаклямъ, обѣдамъ, пикникамъ и тому подобнымъ удовольствіямъ не было конца; одно веселье смѣняло другое. Торговля оживилась; стали открываться новые магазины; однимъ словомъ, Вильна сдѣлалась такимъ городомъ, въ которомъ скука была изгнана изъ обыденной жизни ея жителей; картежная игра на вечерахъ польской интеллигенціи кончалась нерѣдко десятками тысячъ; даже ремесленники имѣли свои общественные вечера—шпицъ-балики, за Острыми воротами, въ домѣ Кособуцкаго. Вообще первыя пять лѣтъ, послѣ пріѣзда Назимовыхъ, можно назвать положительно золотымъ вѣкомъ Вильны.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1856 года былъ открытъ въ Вильнѣ дворянскій клубъ, къ учрежденію котораго было приступлено дворянствомъ по приглашенію Владиміра Ивановича, вскорѣ послѣ знаменитыхъ майскихъ баловъ. Мнѣ, однако, не суждено было сдѣлаться его членомъ и вотъ по какой причинѣ. Для осуществленія мысли объ устройствѣ дворянскаго клуба, весьма сочувственно принятой дворянствомъ, такъ какъ въ Вильнѣ до той поры не было дома для общественныхъ собраній, открыта была подписка, и на первый годъ плата за билетъ назначена въ 30 руб., въ виду предстоявшихъ расходовъ на обзаведеніе. Всѣ внесшіе сказанную плату въ срокъ считались членами-учредителями и поступали въ члены клуба безъ баллотировки. Случилось такъ, что, записавшись въ члены, я ѣздилъ въ командировку въ Гродненскую губернію, откуда возвратился нѣсколько дней спустя, по истеченіи назначеннаго для взноса денегъ срока. Сознаюсь откровенно, хоть мнѣ и очень было жаль пожертвовать тридцать рублей на клубъ, до котораго вообще я былъ не большой охотникъ, но, скрѣпя сердце, понесъ я тотчасъ по пріѣздѣ свою лепту на признанное обществомъ полезное дѣло. Прихожу въ комитетъ; представляю презрѣнный металлъ (тогда водилось еще у насъ золото), и вдругъ получаю въ отвѣтъ: вы должны баллотироваться.

— Помилуйте, господа, моя фамилія стоитъ въ спискѣ учредителей, служебная отлучка—законная причина пропуска срока...

— Но вы сознаетесь, что все таки срокъ пропущенъ вами.

— И такъ, по вашему мнѣнію безъ баллотировки, вы не признаете возможнымъ допустить меня въ члены-учредители клуба?

— Невозможно... Но васъ непремѣнно выберутъ.

— Благодарю за честь, господа, и затѣмъ прощайте,—отвѣчалъ я имъ, кладя въ кошелекъ полуимперіалы.

Знакомые мои стали подтрунивать надо мною по этому случаю; оказалось, однако, на повѣрку, что я выдержалъ характеръ и членомъ Виленскаго клуба не былъ,—жалѣть объ этомъ не пришлось.

Четыре раза въ недѣлю шли представленія въ театрѣ, труппа была отличная, и спектакли посѣщались обществомъ очень охотно; самъ генералъ-губернаторъ подавалъ къ тому примѣръ; а я и безъ того питалъ особую страсть къ театру и не пропускалъ ни одного представленія. Кромѣ того въ зимній сезонъ обыкновенно бывали маскарады по субботамъ, въ залѣ Миллера, съ платою по 60 коп. за входъ, которые очень нравились виленской публикѣ.

18-го іюля 1856 года исполнилось мое пламенное желаніе: въ этотъ день министръ внутреннихъ дѣлъ назначилъ меня чиновникомъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ. Въ первое за тѣмъ воскресеніе, во время виста, за который усадили меня послѣ обѣда въ «Звѣринцѣ», подошелъ къ нашему столу Владиміръ Ивановичъ и спросилъ меня: счастливо ли я играю?

— Одинъ роберъ кончили, и я выигралъ; но, вѣдь, конецъ вѣнчаетъ дѣло, ваше высокопревосходительство.

— Желаю успѣха; вамъ нужны теперь деньги, — продолжалъ онъ, отходя отъ стола, въ самомъ веселомъ настроеніи духа.

Подошедшій вслѣдъ за нимъ правитель генералъ-губернаторской канцеляріи Э. А. де-Роберти, съ которымъ я жилъ очень дружно, попросилъ меня, по окончаніи робера, на пару словъ. Кончивши игру, я отправился за нимъ на поиски и нашелъ его въ малой гостиной. Сидя на диванѣ въ ожиданіи меня, онъ перелистывалъ какую-то книгу.

— Присядьте-ка сюда, мнѣ нужно васъ поразспросить кой о чемъ,— сказалъ онъ мнѣ, указывая на диванъ.—Знаете вы дорогу въ Минскъ?

— Нѣсколько разъ ѣздилъ по ней.

— Ну, а на Смоленскъ? Вамъ предстоитъ командировка...

— По этой дорогѣ я ѣзжалъ изъ Москвы...

— Ну, а въ Москву?—продолжалъ онъ, разсмѣявшись.—Васъ беретъ съ собою Владиміръ Ивановичъ на коронацію.

Мысль побывать въ дорогой Москвѣ, нашей матушкѣ-Бѣлокаменной, гдѣ я воспитывался и началъ службу, посмотрѣть на великое торжество русскаго народа, повидаться съ отцомъ, съ родными, которыхъ я не видѣлъ уже три года, несказанно меня обрадовала. Картина былаго

счастія студенческой жизни, дружное товарищество, все, все дорогое— живо воскресло въ моей памяти. Молча пожавши крѣпко руку Эмилію Адольфовичу, подъ вліяніемъ волновавшихъ меня чувствъ, я пошелъ поблагодарить В. И. Назимова за сообщенную мнѣ новость. Моя радость, видимо, порадовала и начальника, съ домомъ котораго связано у меня столько дорогихъ воспоминаній.

Въ первыхъ числахъ августа мѣсяца я получилъ курьерскую подорожную съ предписаніемъ ѣхать въ Москву къ Владиміру Ивановичу, который еще въ іюлѣ уѣхалъ въ Петербургъ.

Въ Москвѣ я остановился у отца въ Хамовникахъ, а В. И. Назимовъ квартировалъ у Страстнаго монастыря, у своего брата Александра Ивановича, который завѣдывалъ университетскою типографіею.

Однажды, за нѣсколько дней до коронаціи, вошедши въ послѣобѣденное время въ переднюю квартиры В. И. Назимова, я услыхалъ необыкновенный крикъ его,—признакъ, что онъ сердился. Войдя въ залъ, я увидѣлъ слѣдующую картину: за столомъ, направо отъ дверей, сидѣлъ за перепискою какой-то бумаги военный писарь; генералъ-губернаторъ, держа въ рукахъ до половины переписанный листъ, сердился ужасно... Замѣтивши мой приходъ, онъ тотчасъ же обратился ко мнѣ.

— Слава Богу, что вы хоть зашли сюда, а то всѣ мои разбѣжались и оставили меня одного; вотъ седьмой листъ ужъ портитъ эта каналья, а я черезъ два часа долженъ отнести эту записку къ государю.

— Позвольте, я ее перепишу, ваше высокопревосходительство; это дѣло мнѣ не ново... Посмотрите, писарь совершенно растерялся... ему нужно успокоиться.

Владиміръ Ивановичъ очень обрадовался моему предложенію. Я усѣлся за работу и, часъ спустя, всеподданнѣйшая записка была готова. Генералъ-губернаторъ доводилъ въ ней до высочайшаго свѣдѣнія готовность дворянства Виленской, Гродненской и Ковенской губерній, выраженную губернскими предводителями дворянства, содѣйствовать намѣренію государя освободить крестьянъ изъ крѣпостной зависимости. Прочитавши записку и похваливши мой почеркъ, Владиміръ Ивановичъ добавилъ:

— Смотрите, никому ни слова про эту записку, это государственный и самый строгій секретъ.

Передъ самымъ отъѣздомъ во дворецъ Владиміръ Ивановичъ передалъ мнѣ секретные списки политическихъ преступниковъ, сосланныхъ въ Сибирь изъ Виленской, Гродненской и Ковенской губерній, которымъ даровано было всемилостивѣйшее прощеніе ко дню коронаціи, съ правомъ возврата на родину, и поручилъ мнѣ составить изъ нихъ, на завтра, къ 10 чамъ утра, три отдѣльныхъ списка по губерніямъ, чтобы можно было ихъ немедленно отправить къ губернаторамъ, для

опубликованія на мѣстахъ въ день священнаго коронованія. Съ какимъ наслажденіемъ принялся я, по приходѣ домой, за эту пріятную работу; сколько послѣдуетъ благословеній и сколько радостныхъ слезъ, думалось мнѣ, будетъ пролито при вѣсти объ освобожденіи тѣхъ, кто тяжелою неволею и кровавымъ трудомъ искупалъ грѣхи своей молодости или преступнаго увлеченія.

Былъ уже третій часъ за полночь, когда я переписалъ набѣло третій списокъ. Провѣряя затѣмъ общій итогъ сосланныхъ, которыхъ по министерскому списку значилось 282, я замѣтилъ, что по тремъ отдѣльнымъ мною составленнымъ спискамъ — ихъ выходило однимъ больше. Меня обдало какъ варомъ. Принимаюсь снова провѣрять и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣжу по фамиліямъ; повидимому, все переписано вѣрно, а ошибка не находится. Бужу наконецъ двоюроднаго брата, который спалъ въ комнатѣ, гдѣ я занимался, и прошу его помочь моему горю. Принимаемся вдвоемъ за провѣрку, описки нѣтъ, а одинъ арестантъ по моимъ спискамъ все-таки выходитъ лишній; просматриваемъ на нихъ нумерацію—все вѣрно, наконецъ я сталъ считать лицъ, помѣщенныхъ на министерскомъ спискѣ; оказалось, что внизу третьяго листа и въ началѣ четвертаго повторена была два раза одна и та же цифра. Былъ уже седьмой часъ, когда я сдѣлалъ это открытіе, спать было некогда. Напившись чаю въ восемь часовъ утра, я поѣхалъ къ моему начальнику. Могъ ли я думать тогда, что въ недалекомъ будущемъ за дарованныя милости будетъ отплачено кровавымъ мятежемъ?

Описывать коронаціонныя торжества я не стану; это превыше моихъ силъ; да я думаю, что и никто не будетъ въ состояніи передать во всей подробности величіе этихъ народныхъ торжествъ, слѣдовавшихъ непрерывно одно за другимъ въ теченіе почти цѣлаго мѣсяца и напоминавшихъ собою разсказы Шехерезады изъ 1001 ночи. Ѣхавши въ Москву, я ожидалъ увидѣть много величественнаго, но видѣнное мною торжество далеко превзошло всѣ мои смѣлыя ожиданія. Разскажу здѣсь только нѣкоторые эпизоды.

Въ то самое время, когда идея освобожденія крестьянъ, зародившаяся въ добромъ сердцѣ государя, начинала уже, хотя и подъ большимъ секретомъ, пробиваться наружу, народъ уже ожидалъ золотой волюшки. Объ этомъ ходили неясные толки по Москвѣ между дворовыми людьми. Въ тотъ день, когда герольды, объявляя по столицѣ о предстоявшемъ торжествѣ коронаціи, разбрасывали въ народъ хромолитографированныя объявленія, можно было замѣтить, съ какимъ увлеченіемъ подхватывались эти листки толпою, между которою была масса прислуги, отпросившейся у господъ поглядѣть на церемонію, или ушедшей туда и безъ спросу; всѣ они были увѣрены, какъ разсказывали потомъ сами, что, доставъ грамоту, они тѣмъ самымъ надѣялись полу-

чить себѣ свободу. Какъ ни велико потомъ было ихъ разочарованіе, но не было ни одного примѣра неповиновенія помѣщичьей власти.

Воскресный день 26-го августа выдался самый безукоризненный: солнце сіяло полнымъ блескомъ, съ минуты появленія своего на небосклонъ и до заката, какъ бы желая содѣйствовать величію предстоявшаго торжества. Съ самаго ранняго утра народныя волны одна за другою поминутно приливали въ Кремль; всюду встрѣчались радостныя лица, всѣ спѣшили взглянуть на батюшку-царя, котораго Господь благословилъ такимъ свѣтлымъ денькомъ. Вдвоемъ съ братомъ, служившимъ въ секретномъ отдѣленіи канцеляріи московскаго генералъ-губернатора, отправился и я въ Кремль, часу въ седьмомъ утра, чтобы заранѣе пробраться на мѣста, которыя мы имѣли въ первомъ ряду на эстрадѣ, около Успенскаго собора. Придя туда, мы убѣдились, что тамъ будетъ отлично видна процессія только при шествіи ея въ соборъ, а затѣмъ ея возвращенія мы не увидимъ. Оставивъ брата на мѣстѣ, я пошелъ попытать счастія вдоль возвышенія, покрытаго краснымъ сукномъ съ золочеными перилами по обѣимъ сторонамъ, по которому должно было совершиться шествіе отъ Краснаго крыльца въ соборъ. На всемъ его протяженіи разставлялись кавалергарды или конногвардейцы, точно сказать не умѣю; преображенцы, между которыми у меня было много знакомыхъ по Вильнѣ, занимали караулъ на гауптвахтѣ около Краснаго крыльца. Когда я подошелъ къ ней шаговъ на пятьдесятъ, знакомый голосъ полковника Карпова спросилъ меня, что я тутъ дѣлаю?

— Да вотъ ищу мѣстечка получше, чтобы посмотрѣть на торжество.

— Давайте сюда ваши руки,—отвѣчалъ онъ мнѣ,—перегибаясь черезъ перила, и затѣмъ въ одну секунду, приподнявши меня, пересадилъ черезъ балюстраду.

— Ну, теперь пойдемте на гауптвахту,—сказалъ онъ;—тамъ готова закуска. Посидите подъ арестомъ до тѣхъ поръ, пока часовой ударитъ вызовъ, и когда построится караулъ, вы выходите смѣло и становитесь вотъ здѣсь, на барьеръ за будкою часоваго, около столба, за который можете держаться. Оттуда васъ никто не тронетъ, и вы все увидите, какъ на ладони; будете сходить подлѣ самаго Краснаго крыльца.

Благодаря его любезности, нежданно-негаданно я видѣлъ всѣ приготовленія къ торжеству и все коронаціонное шествіе не далѣе какъ въ шести шагахъ отъ себя.

Никогда не забуду то впечатлѣніе, которое вынесъ я въ этотъ день изъ священнаго Кремля; оно запечатлѣлось навѣки и въ моемъ сердцѣ, и въ моей памяти. Тутъ только я понялъ вполнѣ ту неразрывную связь, которая существуетъ у насъ на Руси между царемъ и народомъ и которая, какъ могучая сила, выбивалась наружу въ народныхъ ликова-

ніяхъ насмѣтной толпы и въ восторженныхъ ея кликахъ, обращаемыхъ къ верховному вождю и повелителю.

Возвращеніе царственной коронованной семьи во дворецъ представляло такое ослѣпительное зрѣлище, что французскій и англійскій послы, пораженные великолѣпіемъ картины, пріостановясь на мѣстѣ и закрывъ глаза рукою отъ блеска солнца, стали озираться кругомъ и чуть-чуть не задержали шествія; но, благодаря во-время сдѣланному имъ напоминанію церемоніймейстеромъ, они ускорили шаги, такъ что разомкнувшаяся было цѣпь шествовавшихъ снова сомкнулась. Возвращаясь домой изъ Кремля, я узналъ, что при первомъ ударѣ въ большой колоколъ на Иванѣ Великомъ, призывавшемъ своимъ благовѣстомъ къ принесенію вѣрноподданнической присяги нынѣ благополучно вѣнчанному на царство государю, онъ оторвался съ подвязей и полетѣлъ внизъ, и придавилъ собою своды колокольни. Народъ, толкуя про случившуюся бѣду, видѣлъ въ этомъ случаѣ предзнаменованіе чего-то недобраго, а митрополитъ московскій Филаретъ, услыхавши объ этомъ, осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и молилъ Господа силъ, да помилуетъ Онъ государя отъ всѣхъ враговъ его видимыхъ и невидимыхъ.

Вечеромъ того дня отправился я съ братомъ и нѣсколькими близкими намъ лицами посмотрѣть на иллюминацію, которая представляла собою, что-то волшебное, невообразимо хорошее.

Домъ Римскаго-Корсакова, около Страстнаго монастыря, гдѣ квартировалъ французскій посолъ, иллюминованъ былъ въ два свѣта—зелеными и лиловыми шкаликами; дома прусскаго, англійскаго и австрійскаго пословъ, а также домъ генералъ-губернатора и графа Шереметева горѣли разноцвѣтными бриліантовыми огнями; вообще, куда ни оглянись, все видимое пространство залито было моремъ свѣта. Надъ всею Москвою стояло зарево отъ милліоновъ огней; на улицахъ было свѣтло, какъ днемъ. Государь и государыня, а также и вся царская фамилія катались по городу и были восторженно привѣтствуемы народомъ: многіе вскакивали на подножку коляски и цѣловали экипажъ государя; нескончаемое «ура!» волнами разливалось по стогнамъ ликующей первопрестольной столицы. Изъ всѣхъ коронаціонныхъ торжествъ не вполнѣ удались—народное гулянье на Ходынскомъ полѣ и фейерверкъ на полѣ передъ кадетскимъ корпусомъ. Главною причиною неудачи этихъ двухъ празднествъ была погода: перемежающе-дождливая въ первый и сырая во второй; впрочемъ, народному празднику помѣшало еще и другое обстоятельство. Для угощенія народа, въ нарочно-устроенныхъ въ землѣ печахъ, жарились цѣлые быки, бараны и т. п. Само-собою разумѣется, что при такой массѣ невозможно было углѣдить за совершеннымъ прожариваніемъ мяса; убранство же яствами и разными угощеніями столовъ производилось дня за два, за три до назначеннаго празд-

*

нества. Непрожаренныя части животныхъ стали гнить, и подъ конецъ распространяли такое зловоніе, что непріятно было близко подойти. Для устраненія неудачи придумали такую уловку: печатными объявленіями оповѣщено было заблаговременно народу, чтобы онъ стоялъ смирно и ожидалъ подъема царскаго флага, а затѣмъ можетъ свободно ѣсть, пить, гулять и брать, что угодно. Пріѣздъ государя на праздникъ ожидали въ полдень; между тѣмъ въ десятомъ часу утра, нарочно подняли флагъ, а затѣмъ объяснили, что хотѣли только попробовать, не зацѣпился ли онъ? Народъ, увидѣвши съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемый сигналъ, бросился на столы и, не прошло затѣмъ десяти минутъ, какъ все было разобрано по рукамъ. Ѣхавши съ братомъ изъ Хамовниковъ на Ходынку въ одиннадцатомъ часу, мы повстрѣчали уже подъ Новинскимъ массу людей, возвращавшихся оттуда съ разною ношею: кто получилъ ногу барана, кто гуся, кто шапку. Сначала мы не могли понять, что̀ это значило, когда же пріѣхали на мѣсто, то увидѣли, что остались нетронутыми одни только фонтаны съ виномъ, водкой, пивомъ и медомъ. Всѣ эти лакомыя мѣста зорко охранялись казаками и полиціею, а кругомъ ихъ массами толпился народъ, и паръ отъ нетерпѣливаго дыханія ожидавшихъ стоялъ столбомъ въ воздухѣ.

По пріѣздѣ на поле, государь, несмотря на начавшійся дождь, сѣлъ верхомъ и въ одномъ мундирѣ, окруженный блестящею свитою, поѣхалъ среди ликующаго народа. По случаю перемѣнчивой погоды въ этотъ день я надѣлъ дорожную, сѣраго сукна, ватную шинель и фуражку. Въ ожиданіи пріѣзда государя, стоялъ я съ братомъ вблизи второй эстрады отъ царскаго павильона, въ которой мы имѣли два мѣста въ первомъ ряду. При видѣ роскошныхъ дамскихъ нарядовъ присутствовавшихъ тамъ лицъ, мы порѣшили не забираться туда, а остаться на мѣстѣ. Въ это время около насъ разыгралась слѣдующая сцена. Какой-то господинъ, среднихъ лѣтъ, провожалъ двухъ изящно-одѣтыхъ молодыхъ дамъ; одна изъ нихъ была писанная красавица. Увидѣвши, что по ихъ билетамъ имъ придется сидѣть въ дальнемъ ряду, красавица стала выговаривать своему кавалеру, повидимому мужу, какъ не стыдно ему было не достать билетовъ въ первомъ ряду.

— Всѣ билеты были уже разобраны, увѣряю тебя,—отвѣчалъ онъ сильно взволнованной барынѣ.

— Неугодно ли посмотрѣть,—сказала она;—вонъ два мѣста остаются свободными до настоящей минуты.

Мѣста эти были наши.

Желая доставить удовольствіе посидѣть въ первомъ ряду крайне огорченной встрѣченною неудачею разряженной въ пухъ и прахъ барынѣ, я подошелъ къ ней и, попросивъ извиненія, что, не будучи знакомъ, предложилъ два билета въ первомъ ряду. Незнакомка моя

мгновенно оживилась; взявши очень охотно билеты, она поручила мужу по-французски спросить меня, сколько слѣдуетъ заплатить за нихъ?

— Я буду очень счастливъ, если могу услужить вамъ этою бездѣлицею,—поторопился я отвѣтить;—билеты мнѣ не нужны, такъ какъ костюмъ мой, дающій поводъ принять меня за барышника, служитъ лучшимъ подтвержденіемъ, что мнѣ не приходится сидѣть въ такой шинели посреди столь блестящаго общества.

Смѣшно было смотрѣть, какъ переконфузилась модная барыня послѣ моихъ словъ; разсыпавшіеся въ благодарностяхъ и извиненіяхъ ея спутники положили конецъ этой смѣшной сценѣ.

Вечеръ, 8-го сентября, назначенный для фейерверка, былъ довольно теплый и совершенно тихій; но осенній воздухъ давалъ чувствовать сырость, которая и была главною причиною неудачи блистательнаго зрѣлища. На устройство фейерверка, — по словамъ стоустой молвы,—было отпущено до пятисотъ тысячъ рублей. Во весь путь, начиная отъ Кремля и до самаго кадетскаго корпуса, по улицамъ не было зажжено ни одного фонаря, по всему этому протяженію, на разстояніи нѣсколькихъ саженъ другъ-отъ-друга, разставлены были шесты съ бенгальскими огнями; при каждомъ находился солдатъ съ фитилемъ, огни зажигались впереди царскихъ экипажей, по мѣрѣ ихъ слѣдованія и эффектно освѣщали дорогу. Фейерверкъ былъ установленъ на площади, передъ самымъ зданіемъ кадетскаго корпуса, подъ подъѣздомъ котораго находился царскій павильонъ, а входъ въ него былъ устроенъ изъ залы въ окно. Масса публики размѣстилась на нарочно выстроенныхъ эстрадахъ, даже на крышѣ кадетскаго корпуса были зрители. Я досталъ себѣ за рубль скамейку отъ швейцара, съ которою и путешествовалъ по полю съ мѣста на мѣсто; оказалось, на дѣлѣ, что выдумка моя была очень практична. Благодаря знакомству съ жандармскими офицерами, къ крыльцу корпуса подошелъ я чуть не ощупью; совершенный мракъ царствовалъ внизу; только народный говоръ показывалъ ясно, что число собравшихся зрителей считалось десятками тысячъ. Но вотъ отдаленное «ура!» возвѣстило, наконецъ, приближеніе царскаго поѣзда, и вслѣдъ затѣмъ вся мѣстность передъ корпусомъ освѣтилась 120 воздушными люстрами изъ бенгальскихъ огней; стало свѣтло, какъ днемъ, раздались звуки народнаго гимна, исполненнаго двумя тысячами пѣвчихъ и музыкантами всѣхъ полковъ, расположенныхъ тогда въ Москвѣ; вмѣсто турецкихъ барабановъ дѣйствовали пушки. Это была такая потрясающая до глубины души минута восторга, которую передать на бумагѣ невозможно. Гимнъ повторенъ былъ нѣсколько разъ при несмолкаемыхъ крикахъ «ура!». Наконецъ, послѣдовалъ сигнальный выстрѣлъ; вся площадь мгновенно смолкла и обратилась въ одно ожиданіе. И вотъ отъ царскаго павильона медленно полетѣла, въ горизонтальномъ направленіи, бабочка съ

брилліантовымъ хвостомъ и малиновымъ огонькомъ изо рта; минуту спустя, отъ ея прикосновенія, появилась блестящая декорація, представлявшая рѣшотку сада, за которою росли, поднимаясь все выше и выше, разноцвѣтныя Даліи;—игра цвѣтовъ была поразительная; снопъ ракетъ съ брилліантовымъ дождемъ и разноцвѣтными звѣздочками былъ ея заключеніемъ. Вслѣдъ затѣмъ появилось вензелевое изображеніе имени ихъ величествъ, въ нѣсколько переливовъ, встрѣченное громогласнымъ «ура!», которое замолкло при взлетѣвшемъ фугасѣ изъ нѣсколькихъ тысячъ цвѣтныхъ звѣздъ. Съ послѣднею угасшею звѣздочкой, послѣдовательно открылись тріумфальныя ворота и памятникъ Ивана Сусанина, съ перемѣнами въ два свѣта. Дальнѣйшій ходъ фейерверка сидѣвшая на эстрадѣ публика не могла видѣть, такъ какъ дымъ, при бывшемъ тогда безвѣтріи, густою массою налегъ на землю и совершенно застлалъ ее собою, такъ что сорокатысячный марсовъ огонь, римскія свѣчи, капризы, разноцвѣтныя ракеты и тому подобныя чудеса пиротехники публика могла только слышать, да нюхать. Сидѣвшая на эстрадѣ съ правой стороны корпуса публика, куда тянуло дымъ, была не только закопчена, но съ трудомъ могла дышать отъ вредныхъ газовъ и спѣшила оставить свои дорого оплаченныя мѣста. Люди, случайно находившіеся версты за двѣ отъ фейерверка, видѣли прекрасно звѣзды римскихъ свѣчей, ракетъ, бураковъ; даже въ Хамовникахъ видны были нѣкоторыя ракеты. Простоявши на полѣ болѣе двухъ съ половиною часовъ, мнѣ пришлось еще и пропутешествовать пѣшкомъ до самыхъ Пречистенскихъ воротъ, то-есть minimum верстъ восемь, такъ какъ масса шедшей впереди публики захватывала встрѣчавшихся по пути извозчиковъ и наперерывъ платила бѣшеныя деньги. Сильно утомленный этою прогулкою, далеко за полночь, вернулся я домой и все-таки былъ несказанно радъ, что мнѣ удалось видѣть этотъ небывалый, я думаю, въ цѣломъ мірѣ фейерверкъ, которымъ и заключились коронаціонныя празднества.

Прогостивши затѣмъ еще около двухъ недѣль у отца, я снова долженъ былъ испытать грустное чувство разлуки съ нимъ и съ дорогою Москвою. Свыше пятинедѣльное пребываніе мое въ столицѣ показалось мнѣ какимъ-то отраднымъ сновидѣніемъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ записокъ стараго офицера [1].

(К. Мартенса).

I.

Дѣтство и отрочество.—Отецъ и дѣдъ.—Рижское училище (Domschule).—Республиканскія игры.—Императрица Екатерина II.—Императоръ Павелъ I въ Ригѣ.—Страхъ отца.—Преобразованія въ училищѣ.—Смерть дѣда.—Печальныя послѣдствія моего образованія.—Беклешовъ.—Основаніе Дерптскаго университета.—Мое поступленіе въ университетъ.—Фридрихъ Парротъ.—Преобразованіе университета.—Мои занятія.—Императоръ Александръ въ Дерптѣ.—Дуэль.—Сцены изъ студенческой жизни.—Поѣздка въ Петербургъ.—Двѣ залы Зимняго дворца.

Мой отецъ былъ человѣкъ не заурядный. Вслѣдствіе стеченія неблагопріятныхъ обстоятельствъ, онъ не получилъ правильнаго образованія, но былъ обязанъ всему тому, чего онъ достигъ въ жизни, своимъ природнымъ дарованіямъ и опытности. Онъ обладалъ обширнымъ и проницательнымъ умомъ и твердымъ непоколебимымъ характеромъ, но главною его чертою была неподкупная честность. Такъ, напр., онъ потерялъ въ одномъ процессѣ капиталъ въ 200 тысячъ рублей серебромъ только потому, что не хотѣлъ дать судьямъ взятку въ десять тысячъ рублей. Когда друзья убѣждали его пожертвовать этой суммой, онъ воскликнулъ съ величайшимъ гнѣвомъ:

— Какъ! я унижусь до подкупа! Никогда! Скорѣе потеряю все состояніе!

---

[1]) Denkwürdigkeiten aus dem Kriegerischen und politischen Leben eines Offiziers. Ein Beitrag zur Geschichte der 1800—1848 Jahre von C. v. Martens.

Благодаря этой честности, онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ, хотя подчиненные скорѣе боялись, нежели любили его за суровый нравъ.

Въ нашей провинціи (Курляндіи) существовало издавна двоякаго рода управленіе: правительственное и городовое.

Когда Курляндія была завоевана меченосцами, то они захватили себѣ всѣ земли, поработили въ самомъ худшемъ смыслѣ этого слова несчастныхъ мѣстныхъ жителей: латышей, ливовъ, эстовъ и выработали мало по малу систему управленія, основанную на привилегіяхъ дворянства, которое носитъ до сихъ поръ названіе рыцарства Ritterschaft. Рядомъ съ дворянствомъ, во вновь возникшихъ городахъ образовалось сословіе мѣщанъ, которые, обогатившись торговлею, освободились вскорѣ отъ вліянія дворянъ и выработали свое собственное управленіе. Это государственное устройство подтверждалось каждымъ изъ новыхъ покровителей Курляндіи, королями польскими, шведскими и русскими царями. Такъ продолжалось до царствованія Екатерины II.

Съ учрежденіемъ ею городоваго положенія, и городъ Рига сталъ управляться магистратомъ, который раздѣлялся на три суда: гражданскій, коммерческій и уголовный. Во главѣ каждаго изъ нихъ стоялъ бургомистръ; въ собраніяхъ предсѣдательствовалъ президентъ гражданскаго суда, онъ же завѣдывалъ городскимъ имуществомъ и всѣми прочими доходами. Всѣ эти должностныя лица были выборные и избирались на три года. Мой отецъ, благодаря довѣрію своихъ согражданъ, занималъ этотъ высокій постъ въ теченіе 18-ти лѣтъ. Когда онъ вступилъ въ управленіе, городское имущество было разорено и городъ былъ обремененъ большими долгами. Когда же онъ сложилъ съ себя свои обязанности, то городское имущество находилось въ цвѣтущемъ состояніи, доходы поступали правильно, и онъ передалъ своему преемнику полмилліона альбертсталеровъ.

Отецъ былъ характера гордаго и повелительнаго, онъ былъ холоденъ и недоступенъ, въ его домашнемъ обиходѣ величайшая роскошь уживалась вмѣстѣ со скаредностью. Въ удовлетвореніи своихъ желаній онъ былъ нерѣдко расточителенъ, а иной разъ былъ скупъ въ самомъ необходимомъ. О моемъ образованіи онъ вовсе не заботился. Учителей у меня было много, онъ платилъ имъ большія деньги, но я ничему не научился. Только благодаря заботливости моего дѣда съ материнской стороны я сталъ посѣщать на восьмомъ году жизни училище Domschule, которое было въ то время прекрасно обставлено. Въ немъ воспитались многіе выдающіеся люди: Гердеръ, Лодеръ, Шторхъ и другіе. Училище было раздѣлено на пять классовъ, въ которыхъ постепенно проходились древніе и новые языки, исторія, географія, логика, метафизика, математика и естественная исторія.

Всѣ учители, занимавшіеся въ этомъ училищѣ, отличались большимъ

свободомысліемъ. Мы слышали въ школѣ обо всѣхъ выдающихся событіяхъ, происходившихъ въ то время во Франціи, и учители часами бесѣдовали съ нами, стараясь разъяснить намъ смыслъ совершавшихся событій. Весьма любопытно, что, несмотря на то, что вездѣ было множество соглядатаевъ и шпіоновъ, наши маленькія бесѣды остались тайною для всѣхъ. Два раза въ недѣлю въ училищѣ не было послѣобѣденныхъ уроковъ. Тогда всѣ ученики отправлялись за городъ въ большой садъ. Тамъ мы изображали конвентъ, говорили рѣчи, издавали законы, формировали войско и раздѣлялись на два отряда: на австрійскій и французскій. Въ первый выбирали самыхъ лѣнивыхъ и глупыхъ мальчиковъ, которыхъ нещадно избивали.

Кончина императрицы Екатерины II и вступленіе на престолъ Павла I измѣнили все въ нашей провинціи, въ моей семьѣ и въ моей личной жизни.

Ненависть, съ какою императоръ Павелъ I относился ко всѣмъ учрежденіямъ и нововведеніямъ своей матери, побудила его разрушить насильственно все то, что было ею создано.

Городовое положеніе въ Ригѣ было отмѣнено, и введенъ устарѣлый способъ управленія со всѣми его злоупотребленіями. Находившіеся въ живыхъ чины прежняго управленія съ ихъ креатурами вошли въ составъ новой администраціи; моему отцу было предложено занять въ ней видное мѣсто, но онъ отвѣчалъ на это предложеніе рѣшительнымъ отказомъ. Когда насталъ день, въ который онъ долженъ былъ сдать въ публичномъ собраніи магистрата должность своему преемнику, то онъ произнесъ рѣчь, въ которой изложилъ благодѣтельныя послѣдствія, какія имѣло для Курляндіи введеніе городоваго положенія. Тщетно предостерегали его друзья и хотѣли удержать отъ намѣренія высказать эти мысли во всеуслышаніе, ибо кнутъ и Сибирь могли быть естественнымъ послѣдствіемъ этихъ искреннихъ словъ. Отецъ стоялъ на своемъ. Уваженіе, которое питалъ къ нему генералъ-губернаторъ, спасло его отъ опасности.

Императоръ Павелъ I, совершивъ вскорѣ по вступленіи на престолъ путешествіе по Россіи, посѣтилъ между прочимъ Ригу. Ему предшествовалъ страхъ и трепетъ. Мѣстное войско было наскоро обмундировано по прусскому образцу, солдаты должны были напудрить волосы, носить косу и букли. Изъ оконъ моего дома я каждый день былъ свидѣтелемъ того, какъ несчастныхъ солдатъ били, обучая къ пріѣзду императора; нерѣдко случалось, что инаго уносили безъ признаковъ, жизни. Наконецъ насталъ давно ожидаемый день. Въ домѣ моего дѣда были поставлены на квартиру двѣнадцать гренадеръ.

Наканунѣ они были завиты, при чемъ ихъ нещадно угощали тумаками и тычками. По окончаніи этой сложной процедуры они должны

были натянуть на себя мундиръ и лосиныя брюки, смоченныя въ водѣ, и затѣмъ всю ночь сушиться у огня, чтобы на одеждѣ не было замѣтно ни малѣйшей складочки.

Рано утромъ всѣ четыре полка, составлявшіе рижскій гарнизонъ, были выстроены для смотра императоромъ на гласисѣ. Я находился въ числѣ зрителей. Вездѣ царствовала мертвая тишина. Императоръ, въ сопровожденіи великихъ князей Александра и Константина, прошелъ по фронту, распоряжаясь своей тростью направо и налѣво. Я вскрикнулъ отъ ужаса. Въ тотъ же моментъ одинъ изъ бюргеровъ схватилъ меня и потащилъ за толпу.

— Проклятый молокососъ,—сказалъ онъ,—ты хочешь всѣхъ насъ погубить?!

Меня принесли домой безъ чувствъ. Прійдя въ себя, я разсказалъ отцу видѣнную мною отвратительную сцену.

— Ради Бога молчи!—воскликнулъ онъ дрожащимъ отъ страха голосомъ,—иначе намъ всѣмъ придется отправиться сегодня же въ Сибирь.

Двери нашего дома были заперты. Никто не смѣлъ шелохнуться. Вечеромъ окна нашего большаго дома были блестяще иллюминованы.

Всѣ общественныя собранія прекратились. Было дано только нѣсколько баловъ въ клубахъ и у генералъ-губернатора. Въ городѣ царствовало мрачное безмолвіе. Сосѣдъ боялся сосѣда, другъ опасался друга. Мой отецъ уѣхалъ изъ города и поселился въ своемъ отдаленномъ отъ Риги имѣніи, гдѣ усердно занялся сельскимъ хозяйствомъ.

Наше училище было совершенно преобразовано. Свободомысленныя бесѣды и дѣтскія игры прекратились. Учители сдѣлались робки и молчаливы, и въ классахъ сталъ появляться ежедневно наблюдатель.

Отсутствіе отца и кончина дѣда имѣли послѣдствіемъ, что я былъ вполнѣ предоставленъ самому себѣ, такъ какъ моя слабохарактерная мать и тетки не имѣли на меня ни малѣйшаго вліянія. Занятія въ школѣ стали тяготить меня. Я мало по малу пересталъ посѣщать ее и совершенно одичалъ.

Отецъ не стѣснялъ меня деньгами, а его лошади и экипажи были къ моимъ услугамъ. Тринадцати лѣтъ отъ роду я былъ вполнѣ предоставленъ самому себѣ; не мудрено, что я вскорѣ попалъ въ общество болѣе пожилыхъ лицъ, офицеровъ, разныхъ искателей приключеній и игроковъ. Я игралъ, танцовалъ, катался верхомъ и охотился сколько душѣ угодно.

Такая жизнь продолжалась нѣсколько лѣтъ, до восшествія на престолъ Александра I. Нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ мнѣ представился случай сдѣлать блестящую дипломатическую карьеру. Старый пріятель моего отца, бывшій министръ Беклешовъ, который находился

уже въ отставкѣ, но пользовался еще въ Петербургѣ значеніемъ и вліяніемъ, пригласилъ меня однажды къ себѣ и просилъ написать отцу, чтобы онъ продалъ ему голландскую корову, которую онъ хотѣлъ подарить одной высокопоставленной дамѣ. Отецъ незадолго передъ тѣмъ выписалъ изъ Голландіи стоившія ему огромныхъ денегъ двѣнадцать прекрасныхъ коровъ и двухъ быковъ, для улучшенія породы мѣстнаго рогатаго скота. Отецъ отвѣчалъ, что онъ коровъ не продаетъ, но что ему будетъ весьма пріятно въ знакъ своей дружбы къ Беклешову предложить ему на выборъ одну изъ коровъ, и поэтому онъ проситъ его посѣтить его имѣніе. Беклешовъ былъ въ восторгѣ. Мы отправились къ отцу въ сопровожденіи вышеупомянутой дамы, и она выбрала себѣ корову. Этотъ случай привелъ меня въ соприкосновеніе съ этими двумя вліятельными лицами. Несмотря на мою юность, Беклешовъ предложилъ мнѣ вступить въ коллегію иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ, что̀ было особенно легко, такъ какъ я владѣлъ нѣсколькими европейскими языками. Я былъ внѣ себя отъ радости, такъ какъ мой образъ жизни уже наскучилъ мнѣ. Беклешовъ самъ предложилъ это моему отцу, но тотъ отказался дать на это свое согласіе подъ предлогомъ, что столь блестящая карьера потребуетъ слишкомъ большихъ расходовъ. Отецъ не зналъ, что я въ Ригѣ тратилъ попусту гораздо больше, чѣмъ потребовалось бы для того, чтобы вступить на поприще, гдѣ я могъ бы служить съ пользою и честью.

Вступленіе на престолъ Александра I оживило страну новыми надеждами. Какъ по мановенію волшебнаго жезла появилось множество новыхъ благодѣтельныхъ учрежденій. Между прочимъ расцвѣлъ и возобновленный Дерптскій (нынѣ Юрьевскій) университетъ.

Въ Дерптѣ уже двѣсти лѣтъ тому назадъ существовалъ университетъ[1]), но онъ современемъ заглохъ. Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II и въ правленіе Павла I возникъ планъ основанія университета въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Необходимость учрежденія въ этомъ краѣ высшаго учебнаго заведенія вызывалась слѣдующими соображеніями. Во-первыхъ, юноши, оканчивавшіе курсъ въ среднихъ школахъ и желавшіе получить высшее образованіе, были вынуждены посѣщать иностранные университеты, гдѣ они не могли научиться ни законамъ, ни обычаямъ страны, ни родному языку. Возвратясь на родину и занявъ мѣста юристовъ, врачей или священно-служителей, они были совершенно чужды странѣ, и имъ приходилось много лѣтъ занимать свои должности прежде, нежели они получали возможность приносить дѣйствительную пользу. Вторая причина заключалась въ томъ,

[1]) Основанъ въ 1632 г.

что страна теряла такимъ образомъ ежегодно довольно большую сумму денегъ, которую учащаяся молодежь тратила за границею.

Первая причина имѣла однако главное значеніе въ глазахъ всѣхъ благомыслящихъ людей, которые, ратуя за учрежденіе въ краѣ университета, имѣли главнымъ образомъ въ виду создать центръ, изъ котораго можно было бы вліять на умственное и нравственное развитіе мѣстнаго населенія, находившееся въ самомъ приниженномъ состояніи. Но это именно обстоятельство было причиною противодѣйствія, которое мысль объ учрежденіи университета встрѣтила со стороны лицъ, которыя со страхомъ и трепетомъ думали о возможности поднять нравственный уровень угнетеннаго ими народа и о подготовленіи его къ освобожденію отъ крѣпостнаго ига.

Къ этимъ помѣхамъ и проволочкамъ, тормозившимъ учрежденіе университета, присоединилось еще соперничество трехъ Прибалтійскихъ губерній. Лифляндцы хотѣли имѣть университетъ въ Дерптѣ, эстляндцы въ Ревелѣ, а курляндцы въ Митавѣ. Послѣ многочисленныхъ интригъ и споровъ вопросъ, при вступленіи на престолъ Александра I, былъ рѣшенъ въ пользу Дерпта, который находится приблизительно въ центрѣ трехъ губерній.

Дворяне Прибалтійскаго края выработали основныя правила управленія университетомъ. Изъ среды ихъ избирались три куратора, которые въ свою очередь избирали профессоровъ, имѣли высшій надзоръ за студентами, назначали всѣхъ служащихъ и завѣдывали денежными средствами университета. Это управленіе было чисто аристократически-деспотическое и совершенно не соотвѣтствовало истиннымъ интересамъ науки. Профессоры были въ высшей степени недовольны подобнымъ положеніемъ дѣлъ. Профессоръ физики, Фридрихъ Парротъ, человѣкъ выдающагося ума, рѣшилъ поставить дѣло на болѣе раціональныхъ началахъ. По происхожденію французъ, онъ покинулъ во время революціи Францію, чтобы избѣгнуть гильотины. Парротъ былъ ревностный республиканецъ и человѣкъ дѣйствительно ученый. Онъ много лѣтъ занимался преподаваніемъ въ Ригѣ и своею честностью снискалъ всеобщее уваженіе. Когда въ Ригѣ было получено извѣстіе о смерти Людовика XVI, то онъ былъ заключенъ въ тюрьму за вырвавшееся у него неосторожное выраженіе; впрочемъ благодаря заступничеству его многочисленныхъ друзей онъ былъ вскорѣ освобожденъ.

Парротъ выработалъ новый университетскій уставъ, въ силу котораго всѣми дѣлами университета долженъ былъ завѣдывать совѣтъ профессоровъ. Набросавъ этотъ планъ, онъ отправился съ нимъ въ Петербургъ. Александръ I увлекался въ то время своими преобразованіями, и приближенные раздѣляли его энтузіазмъ. Въ числѣ ихъ однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ лицъ былъ Новосильцевъ. Парротъ, со свой-

ственной французамъ ловкостью и благодаря знанію принятаго при дворѣ французскаго языка, получилъ доступъ къ самымъ высокопоставленнымъ лицамъ. Новосильцевъ представилъ его государю, который одобрилъ планъ и повелѣлъ ему немедленно ѣхать обратно въ Дерптъ и какъ можно скорѣе прислать на его утвержденіе новый университетскій уставъ, чтò и было исполнено Парротомъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Но это возстановило противъ него дворянство, и противъ Паррота велись много лѣтъ самыя гнусныя интриги.

Какъ только университетъ былъ учрежденъ, въ него стали стекаться со всѣхъ сторонъ молодые люди, въ числѣ которыхъ находился и я. Всѣ профессорскія каѳедры, за весьма немногими исключеніями, были заняты вполнѣ достойными людьми. Первое время я посѣщалъ лекціи безъ всякаго разбора, но затѣмъ занялся исключительно изученіемъ военныхъ наукъ, кои читалъ подполковникъ баронъ Эльснеръ, впослѣдствіи генералъ и директоръ кадетскаго корпуса въ Петербургѣ. Онъ читалъ сухо, скучно и мало интересно, ограничиваясь по большей части изложеніемъ того, чтò можно было найти во всѣхъ справочныхъ книгахъ по военнымъ наукамъ. Но такъ какъ я рѣшилъ посвятить себя военной службѣ, то усердно посѣщалъ его лекціи. Духъ студентовъ былъ крайне либеральный, и даже большинство молодыхъ дворянъ примкнуло къ этой прогрессивной партіи. Я имѣлъ вскорѣ случай ближе познакомиться съ Парротомъ. Хотя онъ вполнѣ владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ, но все же весьма естественно сближался скорѣе съ тѣми молодыми людьми, которые говорили по-французски. Сойдясь съ нимъ ближе, я былъ поставленъ однако же въ весьма двусмысленное положеніе. По семейнымъ связямъ мнѣ приходилось вращаться въ аристократическихъ кружкахъ, въ которыхъ имя Паррота произносилось съ озлобленіемъ. Въ этихъ кружкахъ всѣ нововведенія, вызванныя духомъ времени, считались великимъ преступленіемъ. Приписывая всѣ ужасы, сопровождавшіе французскую революцію, провозглашенному ею принципу—свободы, дворянство видѣло въ этомъ посягательство на права аристократіи и необходимость поддержанія крѣпостнаго права.

Хотя я былъ самымъ младшимъ въ нашей партіи, но товарищи во многихъ случаяхъ избирали меня своимъ представителемъ. Такъ напримѣръ, когда у проректора Бока родился сынъ, то онъ пригласилъ студентовъ быть воспреемниками его ребенка. Большинствомъ голосовъ я былъ избранъ представителемъ студентовъ. Когда хоронили съ большой торжественностью одного студента, то я также долженъ былъ идти во главѣ процессіи. Когда императоръ Александръ посѣтилъ Дерптъ, и у его дома была поставлена почетная стража изъ студентовъ, то я былъ назначенъ командовать ею и привѣтствовать монарха рѣчью. Эти и нѣкоторые другіе случаи въ томъ же родѣ возбудили ко мнѣ

ненависть. Естественнымъ послѣдствіемъ этого было то, что мнѣ пришлось драться нѣсколько разъ на дуэли; и только благодаря счастливой случайности это не имѣло для меня печальныхъ послѣдствій, такъ какъ въ общемъ я былъ довольно слабаго тѣлосложенія и далеко не мастеръ владѣть оружіемъ.

Наскучивъ жизнью въ Дерптѣ, я поѣхалъ по совѣту родныхъ съ однимъ товарищемъ въ Петербургъ.

Въ числѣ достопримѣчательностей, осмотрѣнныхъ нами въ столицѣ, былъ, разумѣется, Зимній дворецъ. Упомяну только о двухъ залахъ, представлявшихъ особый интересъ съ точки зрѣнія исторіи и морали, и которые были уничтожены пожаромъ, испепелившимъ этотъ дворецъ. Они примыкали ко внутреннимъ аппартаментамъ императрицы Екатерины II. Стѣны одного изъ нихъ были увѣшаны небольшими миніатюрами, изображавшими портреты всѣхъ лицъ, бывшихъ въ случаѣ при императрицѣ или особенно нравившихся ей. Другой залъ былъ также увѣшанъ миніатюрами, изображавшими различныя сцены не совсѣмъ обыкновенныя. Всѣ эти миніатюры были написаны прекраснымъ художникомъ и оправлены въ золотые медальоны.

Въ то время, когда я возвратился въ Дерптъ, съ моимъ достойнымъ учителемъ и другомъ, профессоромъ Парротомъ случилась пренепріятная исторія. Во время пребыванія въ Дерптѣ императора Александра онъ произнесъ публично рѣчь и между прочимъ сказалъ въ ней слѣдующее:

— Ваше величество! Надежды великой Имперіи, которой суждено имѣть рѣшающее вліяніе на судьбы всего человѣчества, находятся въ вашихъ рукахъ. Не забудьте при вашихъ великодушныхъ преобразованіяхъ призвать къ общественной жизни несчастный народъ, пользующійся до нынѣ только призрачнымъ существованіемъ.

Императоръ выслушалъ эту рѣчь доброжелательно и отвѣчалъ съ добротою:

— Повѣрьте мнѣ, я думаю объ этомъ, я работаю надъ этимъ и надѣюсь осуществить это дѣло. Возложите надежды на будущее.

Мѣстное дворянство пришло въ величайшее негодованіе отъ этой рѣчи. Оно избрало коммиссію подъ предсѣдательствомъ нѣкоего маіора фонъ-Шернгельма, который подалъ на профессора Паррота въ сенатъ жалобу, обвиняя его въ возбужденіи народа и революціонныхъ тенденціяхъ. Но когда объ этомъ дѣлѣ дошло до свѣдѣнія императора, то оно было немедленно прекращено.

II.

Поступленіе на русскую службу.—Барклай-де-Толли.—Его супруга.—Коленкуръ.—Мое отчаяніе. — Генералъ Бауеръ. — Совѣтъ, данный Потаповымъ.—Аудіенція у великаго князя.—Семейство Нарышкиныхъ.—Гадалка.—Порядки въ домѣ военнаго министра.—Конфискація англійскихъ судовъ.—Отправленіе въ полкъ.

Въ 1811 году я рѣшилъ возвратиться въ отечество [1]), но къ этому существовало двоякаго рода препятствіе. Во-первыхъ, я опасался, чтобы мнѣ не повредила моя самовольная, продолжительная отлучка изъ Россіи.

Я обратился по этому поводу къ находившемуся тогда въ Берлинѣ князю Куракину, ѣхавшему изъ Парижа въ Петербургъ. Онъ отрекомендовалъ меня секретарю русскаго посольства Убри, отъ котораго я получилъ надлежащій паспортъ. Впослѣдствіи я слышалъ, что существовало тайное приказаніе о задержаніи меня и моего товарища поручика Нацмера, бывшаго также долгое время за границею.

По пути въ Россію, я познакомился въ Мемелѣ съ однимъ молодымъ человѣкомъ, изъ великаго герцогства Баденскаго, по фамиліи Вагнеръ. Онъ воспитывался на средства маркграфини баденской Амаліи и ѣхалъ въ Петербургъ, съ письмомъ отъ нея, къ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, чтобы получить мѣсто. Такъ какъ онъ былъ очень стѣсненъ деньгами, то я предложилъ ему мѣсто въ моей почтовой каретѣ, и мы доѣхали вмѣстѣ до Риги. Прибывъ въ Петербургъ, онъ отправился въ Зимній дворецъ, чтобы передать свое рекомендательное письмо императрицѣ. Придворные лакеи взяли у него письмо, а самого прогнали. Не имѣя въ городѣ ни души знакомыхъ, онъ страшно бѣдствовалъ и окончилъ жизнь самоубійствомъ. Его тѣло нашли въ конюшнѣ; въ карманѣ у него было письмо на имя маркграфини Амаліи, въ которомъ онъ сообщалъ ей объ испытанныхъ имъ бѣдствіяхъ.

Пробывъ нѣкоторое время въ Ригѣ у родныхъ, я поспѣшилъ въ Петербургъ, куда пріѣхалъ въ началѣ 1811 г. съ намѣреніемъ поступить на русскую службу.

Военнымъ министромъ былъ въ то время генералъ Барклай-де-

---

[1]) 1805—1811 г.г. проведены авторомъ настоящихъ записокъ за границею, въ Германіи, гдѣ онъ слушалъ вначалѣ лекціи въ Берлинѣ, а затѣмъ поступилъ въ прусскую военную службу и совершилъ въ рядахъ прусской арміи походы 1805—1806 г. Описанію этихъ походовъ посвящены многія страницы его записокъ, которыя здѣсь опускаются, какъ не имѣющія отношенія къ Россіи.

Когда стали носиться слухи о готовившейся войнѣ Россіи съ Франціей, то Мартенсъ, въ числѣ многихъ другихъ молодыхъ людей, пожелалъ вступить въ русскую службу.

Толли. Такъ какъ я имѣлъ къ нему рекомендательныя письма и ѣхалъ изъ Дерпта въ Петербургъ вмѣстѣ съ однимъ изъ его адъютантовъ, то весьма естественно, что, по пріѣздѣ въ столицу, я представился ему первому. Онъ принялъ меня весьма любезно, долго бесѣдовалъ о настроеніи умовъ въ Германіи, обѣщалъ въ скоромъ времени опредѣлить меня на службу и спросилъ, желаю ли я быть представленнымъ императору. Разумѣется, я съ радостью принялъ это предложеніе. Онъ пригласилъ меня какъ можно чаще бывать у него въ домѣ.

Мой второй визитъ былъ къ супругѣ Барклая. Если представить себѣ толстую, неуклюжую деревенскую бабу, то мы получимъ вѣрный портретъ супруги будущаго фельдмаршала. Для вѣрности изображенія къ этому надобно еще прибавить значительную долю гордости, надменности, напускную важность и полнѣйшее невѣжество. Родившись въ лифляндской деревнѣ, она не получила никакого образованія и, въ самомъ юномъ возрастѣ, вышла замужъ за бѣднаго егерскаго офицера, который сдѣлалъ карьеру, благодаря своей храбрости и въ особенности благодаря своимъ способностямъ.

Госпожа Барклай, будучи теперь уже женою министра, должна была играть роль въ обществѣ и дѣлать пріемы. Поэтому не мудрено, что ея собранія были предметомъ всевозможныхъ насмѣшекъ въ высшемъ обществѣ и что о ней разсказывали тысячу анекдотовъ.

Когда я потребовалъ, чтобы обо мнѣ доложили, то въ пріемной никого не было. Время отъ время, по залу пробѣгала, разиня ротъ, растрепанная дѣвушка-лифляндка и исчезала. Наконецъ появился парикмахеръ, который спросилъ меня, что мнѣ нужно, и провелъ въ другое зало, гдѣ ея превосходительство приняла меня, сидя на обтрепанномъ диванѣ. Я поклонился и произнесъ обычное привѣтствіе. Она важно кивнула мнѣ головой и продолжала молчать, вытаращивъ на меня глаза. Тщетно старался я завязать разговоръ; она не произнесла ни слова. Но въ ея глазахъ можно было прочесть: «этотъ человѣкъ мнѣ противенъ». Въ моихъ глазахъ она вѣроятно также могла прочесть: «а эта особа мнѣ противна!» Наконецъ она позвала дѣвушку и когда та появилась, то спросила, готовъ ли кофе, встала и удалилась, не сказавъ мнѣ ни слова. Этотъ пріемъ чрезвычайно насмѣшилъ меня и обѣщалъ много комичныхъ сценъ въ этомъ домѣ въ будущемъ, но я не подозрѣвалъ, какое значеніе будетъ имѣть эта толстая особа въ моей дальнѣйшей судьбѣ.

Военный министръ и его супруга были окружены почти исключительно лифляндцами и по большей части близкими родными. Ихъ домъ кишѣлъ подростками, кузинами и кузенами, которые жили тутъ, въ чаяніи мѣстъ, наградъ и орденовъ. Г-жа Барклай была ихъ царицей, ихъ кумиромъ. Многочисленные адъютанты министра были почти всѣ

безъ исключенія ея родственники. Въ обществѣ говорили шутя, что между министромъ и его супругой существуетъ нѣкоторое сродство душъ, такъ какъ она выбираетъ себѣ въ прислуги самыхъ безобразныхъ дѣвушекъ, чтобы быть въ домѣ самой красивой женщиной, а онъ беретъ въ адъютанты самыхъ глупыхъ офицеровъ, чтобы быть самымъ умнымъ человѣкомъ въ министерствѣ. Тотъ, кто знаетъ Петербургъ и аристократическій тонъ его высшаго общества, легко пойметъ, что, посѣщая г-жу Барклай, всѣ насмѣхались надъ нею. Военному министру справедливо ставили въ упрекъ, что онъ не могъ отказать своей супругѣ ни въ чемъ и что самыя несправедливыя производства и награды дѣлались по ея просьбѣ. Въ обществѣ называли генерала въ насмѣшку тетка Барклай. Императоръ Александръ прекрасно зналъ это, но онъ былъ этимъ доволенъ, такъ какъ всегда придерживался правила соблюдать «Divide et impera» и любилъ быть окруженнымъ людьми, которые принадлежали бы къ аристократической оппозиціи.

Тѣмъ не менѣе, порядки, соблюдавшіеся въ домѣ военнаго министра, были далеки отъ благоустройства. Въ комнатахъ все было запущено, не чисто, и по нимъ то и дѣло бѣгали растрепанныя горничныя. Родственники-адъютанты дѣлали, что хотѣли, и ихъ рѣдко можно было найти въ пріемной. Такъ напримѣръ, однажды къ министру пріѣхалъ французскій посланникъ Коленкуръ. Никѣмъ не встрѣченный, онъ поднялся по лѣстницѣ и вошелъ въ залъ, гдѣ я сидѣлъ одинъ и читалъ книгу. Спросивъ, не я ли дежурный адъютантъ, онъ попросилъ доложить о немъ министру. Я подалъ ему кресло и поспѣшилъ въ кабинетъ Барклая, который немедленно вышелъ и повелъ посланника къ себѣ. Когда онъ уѣзжалъ, то я проводилъ его до кареты. Министръ поблагодарилъ меня и спросилъ, пожавъ плечами:

— Такъ ни одного изъ моихъ адъютантовъ не было тутъ?

Нѣсколько дней спустя, я встрѣтилъ Коленкура у госпожи Нарышкиной, которой я разсказалъ эту сцену, и мы, разумѣется, отъ души посмѣялись.

Во время моего пребыванія въ Петербургѣ, я былъ однажды въ нѣмецкомъ театрѣ, гдѣ давали пьесу «Der Wald von Harmannstadt». Г-жа Барклай сидѣла въ ложѣ возлѣ моего кресла. Во время той сцены, когда разбойники собираются убить принцессу Элизину, жена министра громко зарыдала и не отнимала платокъ отъ глазъ. Тогда я обратился къ одной дамѣ, сидѣвшей позади меня, и попросилъ ее одолжить мнѣ ея зонтикъ, который я и раскрылъ. Всѣ начали смѣяться. Дежурный плацъ-маіоръ подошелъ ко мнѣ и улыбаясь попросилъ меня прекратить шутку.

— Боже мой,—сказалъ я, указывая на г-жу Барклай,—развѣ вы не видите, что идетъ дождь, а моя одежда стоитъ не дешево!

Эта юношеская легкомысленная продѣлка была причиною того, что я подвергся съ тѣхъ поръ систематическому преслѣдованію со стороны г-жи Барклай. Одна дама, весьма близкая ко двору, разсказала этотъ анекдотъ императору, который много смѣялся. Великій князь также очень потѣшался этимъ разсказомъ.

Представившись генералу Барклаю, я отправился къ прусскому подполковнику, фонъ-Шёлеру, который находился въ Петербургѣ, подъ предлогомъ ознакомленія съ новой организаціей русскихъ гвардейскихъ полковъ. Настоящей же цѣлью его пребыванія въ Россіи были тайные переговоры, которые онъ велъ съ императоромъ Александромъ отъ имени короля прусскаго. Прусскимъ посланникомъ былъ въ то время генералъ-лейтенантъ, графъ фонъ-Шладеръ, человѣкъ ничтожный, способный только вести текущія дѣла. Шёлеръ, пользовавшійся величайшимъ довѣріемъ короля прусскаго, снискалъ таковое же и со стороны русскаго монарха. Онъ подробно познакомилъ императора Александра съ тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ въ Германіи, съ настроеніемъ нѣмецкаго общества и народа и съ тѣмъ, насколько императоръ могъ на нихъ разсчитывать, въ случаѣ войны съ Франціей. Шёлеръ настаивалъ на томъ, чтобы русскія войска были двинуты къ Нѣману, чтобы ихъ можно было, въ случаѣ надобности, передвинуть поспѣшно къ Одеру и Эльбѣ и чтобы, подъ ихъ защитою, могъ сформироваться отрядъ пруссаковъ въ 300.000 (?) человѣкъ. Но русскаго императора не удалось побудить ни къ какому рѣшительному шагу. Несмотря на свое искреннее расположеніе къ королю прусскому, онъ опасался двусмысленной политики прусскаго кабинета и былъ правъ; ибо въ то же самое время, когда Шёлеръ дѣлалъ ему вышеупомянутыя предложенія, которыя исходили, такъ сказать, изъ сердца короля, прусское правительство предложило, въ мартѣ и августѣ мѣсяцѣ 1811 г., Наполеону заключить съ нимъ союзъ противъ Россіи, если Пруссіи будетъ за это обѣщано возвращеніе нѣкоторыхъ земель. Но Наполеонъ, также не довѣрявшій этимъ предложеніямъ, отклонилъ ихъ, прекрасно зная, что, въ случаѣ войны съ Россіей, онъ могъ всегда навязать Пруссіи союзъ съ нимъ, если бы это соотвѣтствовало его цѣлямъ, что̀ дѣйствительно и случилось.

Шёлеръ принялъ меня съ распростертыми объятіями и на другой же день отдалъ мнѣ визитъ, но я сразу увидѣлъ, что я не могъ на него разсчитывать, такъ какъ мы были съ нимъ люди совершенно иныхъ взглядовъ. Я уже понялъ въ то время, что люди, у власти стоящіе, не заботятся о благѣ народовъ и что ихъ дѣятельностью руководитъ исключительно честолюбіе и эгоизмъ.

Черезъ недѣлю по пріѣздѣ въ Петербургъ, мнѣ было предложено явиться въ канцелярію военнаго министра. Директоръ канцеляріи сообщилъ мнѣ, что императоръ повелѣлъ принять меня на службу и пре-

доставилъ мнѣ выборъ того рода оружія, въ которомъ я хочу служить. Я избралъ гвардейскій гусарскій полкъ, потому что офицеры гвардіи имѣютъ передъ армейскими преимущество двухъ чиновъ.

Директоръ канцеляріи, выслушавъ мой отвѣтъ, взглянулъ на меня и сказалъ, улыбаясь: «посмотримъ».

Прошло четыре недѣли, а я все не получалъ никакого извѣщенія. Наконецъ однажды ко мнѣ зашли вечеромъ два адъютанта военнаго министра, молодые гвардейскіе офицеры.

— Боже мой, что вы надѣлали?—воскликнули они,—вы зачислены поручикомъ въ И—ій гусарскій полкъ.

Они показали мнѣ печатный приказъ. Я былъ пораженъ.

На другой же день я явился къ военному министру и изложилъ ему дѣло. Онъ выразилъ мнѣ свое искреннее сожалѣніе по поводу происшедшаго недоразумѣнія, но замѣтилъ, что приказъ, подписанный императоромъ, не можетъ быть измѣненъ. При этомъ онъ просилъ меня успокоиться и обѣщалъ, что я вскорѣ буду произведенъ въ слѣдующій чинъ и прибавилъ:

— Война не за горами; намъ нужны такіе офицеры, какъ вы. Успокойтесь, положитесь на меня!

Я былъ обязанъ этимъ назначеніемъ г-жѣ Барклай, которой директоръ канцеляріи хотѣлъ этимъ сдѣлать пріятное. До тѣхъ поръ я не имѣлъ никакого понятія о внутреннемъ управленіи арміи. Какъ только стало извѣстно о моемъ назначеніи въ И—ій полкъ, ко мнѣ зашелъ одинъ изъ офицеровъ этого полка, бывшій въ Петербургѣ, чтобы познакомиться съ новымъ товарищемъ. Когда я разсказалъ ему объ оказанной мнѣ несправедливости, то онъ замѣтилъ, что главное начальство надъ кавалеріей принадлежитъ великому князю Константину Павловичу, и отъ него зависятъ зачисленіе въ кавалерію и производства, и такъ какъ онъ находится постоянно въ контрахъ съ военнымъ министромъ, то я напрасно обратился къ министру, возстановивъ этимъ противъ себя великаго князя; но что еще есть возможность поправить дѣло, и что, быть можетъ, великій князь вступится за меня, чтобы сдѣлать на зло Барклаю. Послѣдовавъ совѣту этого офицера, я заручился рекомендаціей человѣка, имѣвшаго доступъ къ генералу Бауеру (Bauer), старшему адъютанту и довѣренному лицу великаго князя, и съ его письмомъ въ карманѣ поѣхалъ въ Стрѣльну.

Генералъ Бауеръ принялъ меня, сидя за столомъ съ другимъ генераломъ, съ которымъ онъ пилъ пуншъ. Онъ не предложилъ мнѣ сѣсть и спросилъ по-русски, что мнѣ нужно. Когда я передалъ ему рекомендательное письмо, то онъ расхохотался и воскликнулъ:

— Право же, онъ дуракъ, а вы сумашедшій! Вы возстановили противъ себя великаго князя, а я долженъ за васъ хлопотать и подставлять

*

свой лобъ! Ступайте къ Барклаю! Да убирайтесь-ка отсюда скорѣе; если великій князь увидитъ васъ не въ формѣ, тогда какъ вы уже зачислены въ полкъ, то онъ васъ разжалуетъ въ солдаты и сошлетъ въ отдаленный гарнизонъ.

Я возвратился въ Петербургъ взбѣшенный, мною овладѣло отчаяніе. Мысль, что я буду служить поручикомъ въ полку, угнетала меня. Я четыре дня ничего не ѣлъ и не пилъ, расхаживалъ взадъ и впередъ по комнатѣ, или лежалъ, не смыкая глазъ, на постели. Прислуга, привезенная мною изъ Риги, испугалась, видя меня въ такомъ состояніи, такъ какъ я ничего не отвѣчалъ на ихъ вопросы. Они посовѣтовались съ хозяиномъ дома, въ которомъ я жилъ, и онъ послалъ за докторомъ Бартоломеемъ. По случайному стеченію обстоятельствъ, это оказался лейбъ-медикъ великаго князя, съ которымъ я встрѣчался въ обществѣ; онъ сразу понялъ, что моя болѣзнь была нравственнаго свойства, заставилъ меня поѣсть и, узнавъ о томъ, что довело меня до такого состоянія, посовѣтовалъ мнѣ обратиться къ адъютанту великаго князя, полковнику Потапову. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обѣщалъ при первой же возможности поговорить обо мнѣ съ самимъ великимъ княземъ. Полковникъ Потаповъ былъ дальній родственникъ нашей семьи и при проѣздѣ своемъ черезъ Ригу пользовался гостепріимствомъ моего отца, но лично я его не зналъ. Я поспѣшилъ къ нему. Онъ принялъ меня весьма радушно, и я провелъ у него весь вечеръ въ бесѣдѣ за чайнымъ столомъ. Результатомъ этой бесѣды было то, что онъ обѣщалъ устроить мнѣ аудіенцію у великаго князя, но предупредилъ, чтобы я ни на что не жаловался цесаревичу, а только сказалъ бы, что я просилъ аудіенціи, чтобы просить у его высочества прощенія въ томъ, что я по невѣдѣнію поступилъ не такъ, какъ слѣдуетъ, за что̀ я строго наказанъ пониженіемъ по службѣ.

Но прежде всего полковникъ строго на строго велѣлъ мнѣ заказать немедленно полную форму и обѣщалъ научить меня, какъ слѣдовало являться великому князю, чтобы заслужить его одобреніе. Хотя я не надѣялся на успѣхъ, но все же былъ вынужденъ истратиться на форму.

Насталъ день моего представленія. Отворились двери въ аудіенцъ-залу, и я предсталъ передъ великимъ княземъ, который осмотрѣлъ меня съ головы до ногъ и при этомъ потиралъ руки, что̀ было признакомъ его удовольствія. Затѣмъ онъ сказалъ, смѣясь:

— Ты ѣздилъ въ Пруссію, чтобы научиться прусскимъ поклонамъ.

Кровь бросилась мнѣ въ лицо, но я сдержался и отвѣчалъ:

— Я пріѣхалъ сюда, чтобы отучиться отъ нихъ.

Онъ помолчалъ съ минуту, а затѣмъ сказалъ очень вѣжливо по-французски:

— Вы обязаны своей неудачей военному министру. Обратитесь къ нему. Онъ лишилъ васъ двухъ чиновъ. Пусть онъ попробуетъ вернуть

ихъ вамъ,—я тутъ ни при чемъ. Я васъ не знаю. Но совѣтую вамъ тотчасъ отправиться къ вашему полку. Ступайте!

Потаповъ обучилъ меня, какъ попугая. Я отступилъ по всѣмъ правиламъ. Великій князь позвалъ меня обратно, и я подошелъ къ нему снова на вытяжку.

— Гдѣ вы научились службѣ?—спросилъ онъ, что есть мочи потирая себѣ руки.

— Я имѣлъ случай видѣть ученье вашего полка.

— Хорошо, хорошо!—воскликнулъ великій князь уже по-русски и, обратясь къ Потапову сказалъ, смѣясь:

— Жаль, что тетка Баркай перехватила его.

Съ этими словами онъ вышелъ изъ зала. Потаповъ сказалъ, что мнѣ нечего ожидать отъ великаго князя, но нѣтъ причины и опасаться его. Это такъ и оказалось, какъ будетъ видно изъ моего дальнѣйшаго разсказа.

У генерала Барклая каждое воскресенье были гости и танцы. Онъ выходилъ обыкновенно къ гостямъ въ 10 часовъ вечера и оставался въ залѣ не болѣе получаса; я видѣлъ его и разговаривалъ съ нимъ каждый разъ, но такъ какъ онъ посвящалъ эти полчаса отдохновенію, то я не имѣлъ случая говорить съ нимъ о моемъ дѣлѣ.

Послѣ неудавшейся попытки у великаго князя я отправился однажды къ министру въ полной парадной формѣ просить объ увольненіи меня въ отставку. Генералъ спокойно выслушалъ меня и также спокойно отвѣчалъ:

— Начальникъ кавалеріи великій князь. Вы теперь служите въ кавалеріи. Ваше увольненіе зависитъ всецѣло отъ великаго князя. Вы должны поспѣшно отправиться въ полкъ и подать прошеніе объ отставкѣ по начальству, которое препроводитъ его въ порядкѣ службы великому князю. Это единственно возможный для васъ путь. Но я совѣтую вамъ не дѣлать этого, такъ какъ вы можете навлечь на себя большія непріятности. Лучше повремените. Война не за горами. На нашей службѣ нетрудно схватить парочку чиновъ. Если вы останетесь въ сферѣ моего вліянія, то я васъ не забуду; вы будете мною довольны.

Съ этими словами онъ отпустилъ меня.

Нѣсколько дней спустя меня посѣтилъ одинъ изъ моихъ сотоварищей по службѣ въ Шлезвигѣ, маіоръ фонъ-Рейхмейстеръ. Оставивъ полкъ, въ которомъ онъ служилъ, по какимъ-то непріятностямъ, онъ явился послѣ многихъ злоключеній съ рекомендательнымъ письмомъ къ генералъ-адъютанту князя Трубецкому въ Петербургъ, по ходатайству котораго былъ зачисленъ маіоромъ въ Уфимскій пѣхотный полкъ.

Рейхмейстеръ сказалъ, что мнѣ не на что разсчитывать, что я состою

на счету человѣка самыхъ демократическихъ убѣжденій и что поэтому меня посылаютъ въ полкъ, чтобы сдѣлать меня безопаснымъ.

Я рѣшилъ идти на проломъ; сталъ умышленно бывать въ обществѣ, показывался публично то въ статскомъ, то въ военномъ платьѣ, но одѣтымъ не по формѣ. Всѣ предостерегали меня, но я только посмѣивался, не дорожа жизнью: мнѣ нравилось бравировать тамъ, гдѣ всѣ трепетали. Я нѣсколько разъ встрѣчалъ великаго князя, который дѣлалъ видъ, будто не замѣчаетъ меня, но его лицо искажалось саркастической улыбкой.

Изъ домовъ, посѣщаемыхъ мною, наиболѣе интересными были безспорно домъ обергофмаршала Александра Нарышкина и оберъегермейстера Дмитрія Нарышкина; къ нимъ съѣжалось все, что было выдающагося въ Петербургѣ.

Обергофмаршалъ былъ человѣкъ весьма оригинальный. Огромное состояніе давало ему возможность жить по-царски, но онъ былъ такъ расточителенъ, что долги превышали его состояніе. Его векселя котировались на биржѣ. Однажды онъ далъ блестящій балъ, на которомъ присутствовалъ государь.

— Скажите, любезный другъ,—спросилъ его императоръ,—что стоилъ вамъ этотъ балъ?

— Тридцать пять рублей,—отвѣчалъ Нарышкинъ.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Да, ваше величество, тридцать пять рублей, которые мнѣ пришлось вамъ уплатить.

— Какимъ образомъ?

— Я заплатилъ тридцать пять рублей за гербовую бумагу, на которой написанъ вексель.

— А! — воскликнулъ императоръ, смѣясь, — такъ не мудрено, что ваши векселя стоятъ такъ низко.

— Простите, ваше величество, мои векселя стоятъ лучше вашихъ; за нихъ даютъ 40%, а за ваши векселя даютъ всего 25%.

По случаю волненій, происходившихъ въ Греціи, императору представлялось прибывшее въ Петербургъ турецкое посольство. Когда открылись двери аудіенцъ-зала, послышался легкій скрипъ.

— Что это такое?—спросилъ съ неудовольствіемъ императоръ.

— Rien, Sire! la Porte demande la Grèce! (demande la graisse)[1],— отвѣчалъ обергофмаршалъ.

Когда Коленкуръ былъ отозванъ и замѣненъ Лористономъ, котораго звали Батистъ, и императоръ спросилъ Нарышкина, что онъ думаетъ о Лористонѣ, то онъ отвѣчалъ:

[1]) Французскій каламбуръ: ничего, ваше величество, дверь требуетъ смазки; иначе: Порта требуетъ Грецію.

— О, ваше величество,—батистъ тоньше коленкора.

Его братъ былъ точно такъ же расточителенъ, но гораздо менѣе любезный и интересный собесѣдникъ. Тѣмъ интереснѣе его супруга Марія Антоновна, рожденная княжна Четвертинская. Эта любезная и остроумная женщина была душою всѣхъ петербургскихъ собраній. Она была первою любовью Александра, который даже (будучи великимъ княземъ) хотѣлъ тайно обвѣнчаться съ нею. Императрица Екатерина, узнавъ объ этомъ, помѣшала осуществленію этого плана; но сердечныя чувства, связавшія Александра съ г-жею Нарышкиной, никогда не были порваны.

Въ 1811 г. она пользовалась наибольшимъ вліяніемъ. Когда французскій посланникъ Коленкуръ былъ отозванъ и Марія Антоновна отклонила его посѣщеніе, сказавъ, что «она не можетъ болѣе принять французскаго посланника, но что посѣщеніе Коленкура всегда будетъ ей пріятно», то всѣ были увѣрены въ скоромъ объявленіи войны, такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что голосъ этой женщины выражалъ сокровенныя мысли императора.

Въ Петербургѣ проживала въ то время, одна особа по фамиліи Кирхгофъ, по профессіи модистка. Кромѣ того, она гадала на картахъ и, какъ гадалка, пользовалась большою извѣстностью. Она видала меня въ Пруссіи и, узнавъ о моемъ пріѣздѣ въ Петербургъ, посѣтила меня. Ея тайная профессія была мнѣ неизвѣстна, и я былъ радъ всякому знакомству съ лицами, коихъ я знавалъ въ Германіи. Однажды вечеромъ, я находился у этой дамы, когда у дверей ея квартиры раздался звонокъ, а затѣмъ въ комнату вбѣжала служанка и прошептала: «императоръ!»

— Ради Бога, спрячьтесь въ этомъ кабинетѣ,—сказала мнѣ въ полголоса г-жа Кирхгофъ,—если императоръ увидитъ васъ со мною, то вы погибли.

Я исполнилъ ея совѣтъ, но черезъ отверстія, продѣланныя въ дверяхъ, вѣроятно, нарочно, могъ видѣть все, что происходило въ залѣ. Императоръ вошелъ въ комнату въ сопровожденіи генералъ-адъютанта Уварова. Они были оба въ статскомъ платьѣ и по тому, какъ императоръ поздоровался, можно было понять, что онъ надѣялся быть неузнаннымъ. Г-жа Кирхгофъ стала гадать ему; хотя она говорила очень тихо, но я могъ все-таки слышать.

— Вы не то, чѣмъ вы кажетесь,—сказала она и за кого вы себя выдаете;—но я не вижу по картамъ, кто вы такой. Вы находитесь въ двусмысленномъ, очень трудномъ, очень опасномъ положеніи. Вы не знаете, на чтò рѣшиться. Ваши дѣла пойдутъ блестяще, если вы будете дѣйствовать смѣло и энергично. Въ началѣ вы испытаете большое несчастье, но, вооружившись твердостью и рѣшимостью, преодолѣете бѣдствіе. Вамъ предстоитъ блестящее будущее.

Въ то время, какъ она говорила, императоръ сидѣлъ, склонивъ голову на руку, и пристально смотрѣлъ на карты.

При послѣднихъ словахъ, онъ вскочилъ и воскликнулъ: «довольно», бросилъ на столъ сторублевую бумажку и сказалъ Уварову:

— Пойдемъ, братъ, и уѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ саняхъ.

Это былъ первый и послѣдній разъ, что онъ посѣтилъ г-жу Кирхгофъ; насколько мнѣ извѣстно, онъ болѣе у нея не былъ [1]).

Въ исходѣ 1811 г. и въ началѣ 1812 г. Александръ находился дѣйствительно въ высшей степени въ затруднительномъ положеніи. Онъ не желалъ войны, но понималъ, что ему будетъ невозможно сохранить миръ съ Наполеономъ.

Онъ зналъ, что его армія была одушевлена самыми прекрасными чувствами, страстно желала войны, но не довѣряла генераламъ нѣмецкаго происхожденія и была убѣждена, что французы непремѣнно будутъ побиты, если императоръ назначитъ главнокомандующимъ русскаго генерала. Общественное мнѣніе намѣтило Багратіона, но Александръ вручилъ начальство надъ арміей Барклаю-де-Толли.

Какъ легкомысленно относились къ дѣламъ въ военномъ министерствѣ, доказываетъ слѣдующій случай.

Я уже упоминалъ о томъ, что у меня бывали два адъютанта военнаго министра, молодые офицеры гвардіи. Такъ какъ въ домѣ генерала царствовалъ вездѣ величайшій безпорядокъ, то и кабинетъ, въ которомъ онъ работалъ, оставался обыкновенно незапертымъ и, когда министръ отсутствовалъ, то всѣ могли свободно входить въ него.

Его адъютанты воспользовались этимъ и не только прочитали операціонные планы, составленные на всякій случай Барклаемъ и снабженные замѣтками, которыя были продиктованы императоромъ, но даже сняли съ нихъ копіи, которыя они, по своему легкомыслію, показывали мнѣ. Изъ этихъ копій я увидѣлъ, что вслѣдствіе предложеній, сдѣланныхъ Пруссіей, существовалъ планъ сосредоточить въ тайнѣ войско на берегу Нѣмана и двинуть его двумя отдѣльными корпусами, каждый въ 120.000 человѣкъ, на Берлинъ и Бреславль. Слѣдовательно, въ то время не существовало еще хитро задуманнаго плана отступленія въ глубь страны [2]).

Русское правительство все еще играло такую роль, какъ будто оно поощряло континентальную систему. Такимъ образомъ въ 1810 году двадцать три англійскихъ судна, нагруженныя англійскими колоніальными товарами и пришедшія въ Ригу съ фальшивыми бумагами, яко бы

---

[1]) Александръ неоднократно прибѣгалъ къ гаданіямъ и предсказаніямъ. Такъ, въ 1805 г., онъ былъ съ этою цѣлью у скопца Селиванова. См. статью „Наши мистики-сектанты“, „Русск. Старина“ 1895 г., № 10, стр. 36. Ред.

[2]) Авторъ пишетъ по слухамъ и потому не совсѣмъ точно. Ред.

изъ Тенерифа, были конфискованы по доносу одного матроса, озлобленнаго на капитана за дурное обращеніе съ нимъ. Цѣнность груза была опредѣлена, разумѣется, по весьма низкой оцѣнкѣ, въ шестьдесятъ милліоновъ рублей. Объ этомъ случаѣ постарались раструбить, чтобы пустить французскому посольству пыль въ глаза, но между тѣмъ въ тайнѣ велись переговоры съ тѣми торговыми домами, коимъ былъ присланъ этотъ товаръ и которые согласились уплатить за возвращенный имъ грузъ всего пятнадцать милліоновъ рублей. Когда генералъ Барклай сообщилъ императору о результатѣ этой финансовой операціи, то, возвратясь домой, онъ разсказывалъ въ моемъ присутствіи, что императоръ сталъ танцовать по комнатѣ, приговаривая: «Ха, ха, пятнадцать милліоновъ, это не дурно, не дурно!»

Въ это время было арестовано много лицъ, обвинявшихся въ дѣланіи въ Москвѣ фальшивыхъ кредитныхъ бумажекъ. Дѣйствительно, въ обращеніи было множество фальшивыхъ денегъ. По секрету говорили, будто эти бумажки фабриковались въ Парижѣ съ вѣдома французскаго правительства и посылались въ огромномъ количествѣ въ Вильну и Москву.

Я провелъ канунъ Рождества 1811 года весьма пріятно въ домѣ дежурнаго генерала Фока, гдѣ я часто бывалъ.

Было уже одиннадцать часовъ вечера, и я собирался откланяться, какъ вдругъ генералъ получилъ бумагу, коей приказывалось немедленно арестовать меня и отправить подъ конвоемъ двухъ жандармовъ къ моему полку въ Лиду.

— Вотъ, прочтите!—сказалъ генералъ съ изумленіемъ,—до чего вы себя довели! Я сейчасъ дамъ вамъ предписаніе немедленно отправиться въ полкъ; дайте мнѣ честное слово, что черезъ часъ васъ не будетъ въ городѣ. Тогда я донесу, что вы уѣхали до полученія этого приказа.

Противъ этого нечего было возражать; не прошло и часа, какъ курьерскія лошади умчали меня въ Лиду.

III.

Генералъ Дороховъ и подполковникъ графъ д'Олоннъ.—Состояніе полка.—Анекдотъ.—Объявленіе войны.—Аванпосты у Олиты.—Отступленіе русской арміи.—Блужданіе нашего корпуса по Минскимъ болотамъ.—Рекогносцировка.—Встрѣча съ великимъ княземъ.—Въ Смоленскѣ.—Дѣло при Лѣсной.—На берегу Днѣпра.—Генералъ Корфъ.—Генералы Тучковъ и Ермоловъ и сэръ Робертъ Вильсонъ.

Въ Лидѣ шефъ полка генералъ Дороховъ принялъ меня весьма любезно.

Это былъ человѣкъ добродушный, но мало образованный, грубый и вспыльчивый; страстный игрокъ и любитель женскаго пола. По этой причинѣ въ его полку царствовалъ большой безпорядокъ. Большая часть полковыхъ денегъ проматывалась командиромъ, въ полку недоставало много лошадей, а фуражъ вымогался у крестьянъ и евреевъ. Когда полку былъ произведенъ нѣсколько времени спустя смотръ въ Гродно, то генералъ былъ принужденъ взять на время у офицеровъ и у сосѣднихъ помѣщиковъ лошадей и укомплектовать ими полкъ. Эти прекрасныя лошади были поставлены на флангахъ и прикрыли собою полковыхъ клячъ. Полкъ былъ найденъ въ прекрасномъ состояніи, и генералъ получилъ благодарность.

Сабли у солдатъ были такъ плохи, что при сильномъ ударѣ клинки отваливались отъ рукоятки.

Въ довершеніе бѣды, великій князь ввелъ во всѣ гусарскіе полки копья. Для легкой кавалеріи копье составляетъ безспорно превосходное оружіе, но для того, чтобы владѣть имъ цѣлесообразно, требуется большой навыкъ и долгая практика. Ввести же это оружіе за два мѣсяца до начала похода было величайшей безсмыслицей; копье въ рукахъ человѣка, не умѣющаго имъ, владѣть составляетъ только помѣху.

Поэтому гусары, ловко дѣйствовавшіе саблею, были въ высшей степени недовольны копьями и въ самомъ началѣ похода переломали и выбросили ихъ.

Обмундированіе полка вызвало сожалѣніе. Интендантскіе чиновники продавали большими партіями сукно, которое отпускалось изъ складовъ для обмундированія полка. Посредниками и покупщиками, въ этомъ случаѣ, были по обыкновенію евреи. Правительствомъ былъ изданъ строгій указъ, въ силу котораго полковой командиръ, виновный въ растратѣ казеннаго имущества, подлежалъ разжалованію въ солдаты, а посредникъ или покупщикъ—наказанію кнутомъ, конфискаціи имущества и ссылкѣ въ рудники въ Сибирь.

По этому поводу я долженъ разсказать слѣдующій уморительный случай.

Одинъ изъ молодыхъ офицеровъ нашего полка снискалъ своимъ поведеніемъ, ревностнымъ отношеніемъ къ службѣ и веселымъ нравомъ любовь и расположеніе товарищей и уваженіе начальства. Его особенно любили гусары его роты. Такъ какъ этотъ офицеръ былъ очень бѣденъ, но любилъ покутить, то у него было много долговъ. Евреи требовали уплаты, жаловались на офицера генералу, и ему даже пришлось однажды отсидѣть нѣсколько дней подъ арестомъ. У одного изъ его кредиторовъ, очень богатаго еврея, Мордаха, торговавшаго виномъ и колоніальными товарами, квартировали унтеръ-офицеръ и два гусара его роты.

Однажды ночью они подмѣтили, что къ дому подвезли нѣсколько большихъ тюковъ и пронесли тайкомъ въ погребъ. Гусары доложили объ этомъ офицеру, который поручилъ имъ разузнать, въ чемъ дѣло. Пробравшись въ погребъ, они увидѣли, что въ тюкахъ было не что иное, какъ тюки сукна изъ складовъ.

Они отрѣзали отъ каждаго по маленькому кусочку и представили ихъ офицеру въ доказательство своихъ словъ, а онъ пригласилъ въ тотъ же день всѣхъ своихъ товарищей на завтракъ къ Мордаху. Мы всѣ смѣялись этому, такъ какъ прекрасно знали, что у него не было ни кредита, ни денегъ, но все же явились въ назначенный часъ.

Нашъ товарищъ приказалъ еврею подать превосходный завтракъ и всевозможные сорта винъ. Еврей отвѣчалъ, что онъ не дастъ ничего ни на грошъ, до тѣхъ поръ, когда деньги не будутъ выложены на столъ. Тогда офицеръ вынулъ изъ кармана маленькій пакетикъ, показалъ его потихоньку отъ насъ еврею и сказалъ ему на ухо нѣсколько словъ.

Задорный израелитъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, поспѣшно вышелъ изъ комнаты, и завтракъ мигомъ былъ поданъ.

Когда стемнѣло и всѣ изрядно угостились, то офицеръ приказалъ еврею приготовить такой же завтракъ и на слѣдующій день. Такъ продолжалось дней десять, пока мы не выступили изъ Лиды въ Гродно. При выступленіи полка, каждый офицеръ долженъ былъ представить удостовѣреніе въ томъ, что на него нѣтъ никакихъ взысканій. Нашъ другъ представилъ таковое, такъ какъ Мордахъ уплатилъ его долги.

Само собою разумѣется, что мы никакъ не могли объяснить себѣ все это до тѣхъ поръ, пока товарищъ не далъ намъ ключа къ разгадкѣ.

Участь еврея и самаго генерала была въ его рукахъ. Еслибы онъ заявилъ о хищеніи сукна, то одному изъ нихъ не миновать бы Сибири, а другой былъ бы разжалованъ.

Нашимъ полковымъ командиромъ былъ подполковникъ графъ д'Олоннъ, французскій эмигрантъ, служившій раньше въ пѣхотномъ егерскомъ полку и получившій нашъ полкъ по протекціи герцога Ришелье, потому что его супругѣ, богатой дамѣ, очень нравился гусарскій мундиръ.

Графъ былъ не только страшный бурбонъ, но и отъявленный пьяница; все занятіе его состояло въ питьѣ водки и пошлыхъ, хвастливыхъ разсказахъ о блаженной памяти корпусѣ принца Конде. Онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о службѣ легкой кавалеріи, не умѣлъ даже ѣздить верхомъ и на полѣ битвы былъ величайшій трусъ; въ чемъ нельзя было обвинить нашего генерала, который отличался личной храбростью.

Таково было состояніе нашего полка наканунѣ войны, и въ такомъ

же состояніи находились и многіе другіе полки. Наконецъ война была объявлена. Такъ какъ я не намѣренъ писать ни исторію моего времени, ни достопамятнаго похода 1812 года, то я ограничусь изложеніемъ только того, что мнѣ пришлось испытать лично.

Нашъ полкъ входилъ въ составъ четвертаго армейскаго корпуса первой арміи, коей командовалъ генералъ графъ Шуваловъ, типъ царедворца, но совершенный невѣжда въ военномъ дѣлѣ. Корпусъ двинулся по дорогѣ изъ Лиды въ Олиту. Въ авангардѣ его шелъ полкъ егерей, нашъ гусарскій полкъ и шесть орудій, подъ командою нашего генерала Дорохова, главная квартира котораго находилась въ разстояніи 8 часовъ отъ Олиты. Въ четырехъ часовомъ разстояніи отъ этого мѣстечка, стоялъ подполковникъ графъ д'Олоннъ, съ тремя эскадронами гусаръ; самое мѣстечко Олита было занято однимъ эскадрономъ гусаръ, при которомъ находился и я.

Этимъ эскадрономъ командовалъ ротмистръ Нарышкинъ, сынъ упомянутаго выше обергофмаршала. Нарышкинъ, еще мальчикомъ, былъ произведенъ императоромъ Павломъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и дѣйствительные камергеры и увѣшанъ орденами. Въ царствованіе императора Александра онъ вступилъ ротмистромъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ. Любовь, которую онъ питалъ къ своей теткѣ, побудила его тайно оставить полкъ и уѣхать вслѣдъ за нею изъ Россіи въ Карлсбадъ.

Это навлекло на него гнѣвъ императора, и онъ былъ исключенъ изъ службы.

Когда началась война, то онъ просилъ позволенія принять участіе въ походѣ и былъ зачисленъ ротмистромъ въ нашъ полкъ. Это былъ весьма благородный, привѣтливый и храбрый молодой человѣкъ, но онъ не имѣлъ ни малѣйшей опытности въ военномъ дѣлѣ. Поэтому онъ возложилъ на меня нести всѣ обязанности форпостной службы въ этотъ важный моментъ.

Мѣстечко Олита раздѣляется Нѣманомъ на двѣ части, изъ коихъ одна, лежащая на правомъ берегу—русская, а другая, лежащая на лѣвомъ берегу—польская. Русская сторона лежала на плоскомъ берегу, а на польскомъ, болѣе высокомъ берегу, возвышалась гора, на вершинѣ которой стояла церковь. Возлѣ самой церкви, французы поставили четыре орудія; вдоль берега разъѣзжали ихъ патрули. Между 18-мъ и 21-мъ іюня, мы увидѣли, что непріятель совершалъ большую рекогносцировку. Я различилъ совершенно ясно императора Наполеона, который, въ сопровожденіи нѣсколькихъ генераловъ и отряда уланъ осматривалъ берегъ и смотрѣлъ съ горы въ подзорную трубу въ нашу сторону. Говорили, будто онъ совершилъ рекогносцировку по берегу Нѣмана переодѣтымъ. Генералъ графъ Сегюръ оспариваетъ это предположеніе

въ своемъ сочиненіи: Historie de la grande armée et de Napoléon dans la campagne de 1812 г. Я могу подтвердить, что я видѣлъ императора Наполеона, производившаго рекогносцировку этой мѣстности въ бѣломъ уланскомъ мундирѣ; его можно было узнать только по его шляпѣ и манерамъ. Черты его лица можно было разсмотрѣть только въ подзорную трубу.

Приказанія, полученныя нами, были такого рода, что мы должны были прятаться отъ непріятеля и не стрѣлять даже въ томъ случаѣ, если съ противуположнаго берега были бы сдѣланы по насъ выстрѣлы. Но какъ только непріятель сталъ бы переправляться черезъ рѣку, то намъ было приказано обороняться, отступая къ нашему авангарду. Но непріятель стоялъ спокойно и даже убралъ свои четыре орудія. 24-го іюня ко мнѣ явился еврей съ извѣстіемъ, что главныя силы французской арміи, подъ командою Наполеона, переправились черезъ Нѣманъ у Ковны и шли къ Вильнѣ.

Я послалъ его съ этимъ извѣстіемъ въ главную квартиру генерала Дорохова. Вскорѣ послѣ этого одинъ гусаръ принесъ незапечатанную записку, на которой генераломъ Дороховымъ было написано по-русски:

«Графъ д'Олоннъ! Наша армія быта принуждена отступить передъ превосходными силами. Французы въ Вильнѣ. Я отрѣзанъ и не знаю, гдѣ нашъ корпусъ и наша армія. Я не могу терять времени и попытаюсь присоединиться къ арміи Багратіона, но боюсь быть взятымъ въ плѣнъ. Поступайте, какъ знаете; я не могу дать вамъ ни приказанія, ни совѣта. Дороховъ».

На этой записочкѣ д'Олоннъ написалъ по-французски:

«И я также не могу дать вамъ ни приказаній, ни совѣта, поступайте, какъ знаете».

Мы немедленно выступили и въ ту же ночь соединились съ остальными нашими тремя эскадронами. Проблуждавъ два дня и двѣ ночи, мы нашли генерала Дорохова въ болотахъ Минской губерніи. Добрый старикъ совсѣмъ потерялъ голову и не имѣлъ понятія о томъ, гдѣ онъ находится, такъ какъ ни у него, ни у поручика генеральнаго штаба Юнга, состоявшаго при немъ, не было карты. Лошади и орудія утопали въ болотѣ. При этомъ лилъ проливной дождь, бревенчатая мостовая, устраиваемая на топкихъ мѣстахъ, была вся подъ водою. У насъ не было ни съѣстныхъ припасовъ, ни фуража, и нельзя было достать проводника, такъ какъ все населеніе рѣдкихъ въ этой мѣстности и бѣдныхъ деревушекъ спряталось въ лѣсахъ. Мы блуждали такимъ образомъ нѣсколько дней; надобно было во что бы то ни стало найти выходъ изъ этого положенія; мы уже думали, что намъ придется сдаться въ плѣнъ непріятелю. Генералъ поручилъ мнѣ съ нѣсколькими гусарами произвести рекогносцировку и разузнать, гдѣ мы находимся и не было ли намъ

возможности укрыться въ Бобруйскѣ. Блужданіе нашего корпуса по Минскимъ болотамъ дало непріятелю поводъ думать, что имъ была отрѣзана армія Дохтурова, который отступилъ между тѣмъ съ остальными войсками. Французы были введены въ заблужденіе созвучіемъ именъ нашихъ генераловъ: Дорохова и Дохтурова, и эта ошибка со словъ французскихъ бюллетеней вкралась во всѣ французскія сочиненія о походѣ 1812 года.

Я отправился съ десятью гусарами и однимъ унтеръ-офицеромъ, чтобы исполнить данное мнѣ грустное приказаніе. Радость моя была неописанная, когда, проблуждавъ нѣсколько часовъ, я увидѣлъ вдали еврея, который при нашемъ появленіи сталъ удирать что есть мочи; мы его скоро нагнали и допросили. Отъ него я узналъ, что мы находились всего въ разстояніи шести часовъ отъ деревни Борисовщизны, откуда часовъ шесть до Бобруйска и что дороги были довольно сносны. Мы поспѣшили въ Борисовщизну, и я послалъ двухъ гусаръ съ евреемъ обратно къ генералу. Доѣхавъ до небольшаго мостика, перекинутаго черезъ рукавъ Березины, я увидѣлъ, что на разстояніи приблизительно тысячи шаговъ, по обѣ стороны большой дороги, ведущей въ Бобруйскъ, расположился отрядъ непріятельской конницы численностью приблизительно въ 1.500 человѣкъ, которые спѣшились и были заняты варкою пищи. Завидѣвъ красные мундиры моихъ гусаръ, они вскочили съ мѣстъ и укрылись въ сторону отъ дороги; я подумалъ, что это былъ отрядъ, принадлежавшій къ арміи короля Іеронима, который переправился черезъ Нѣманъ близъ Гродно и гналъ передъ собою атамана Платова съ его казаками. Движеніе этого отряда не могло имѣть иной цѣли, какъ помѣшать соединенію князя Багратіона съ генераломъ Барклаемъ; было ясно, что князь со своей арміей находился по близости. Я не ошибся. Не прошло и четверти часа, какъ я увидѣлъ приближавшагося къ намъ казачьяго офицера, съ десятью казаками посланнаго разузнать, свободна ли дорога въ Бобруйскъ. Отъ него я узналъ, что князь находился всего въ разстояніи двухъ переходовъ и что Платовъ также долженъ былъ находиться по близости или подъ стѣнами Бобруйска. Увидавъ со мною нѣсколько человѣкъ гусаръ, французы подумали вѣроятно, что мы составляли голову авангарда Багратіона, и поэтому они поспѣшно ретировались. Мнѣ едва удалось убѣдить казачьяго офицера послать казака съ моимъ донесеніемъ къ князю Багратіону, а между тѣмъ было весьма важно увѣдомить его о приближеніи нашего корпуса. Казачій офицеръ, не умѣвшій ни читать, ни писать, не хотѣлъ сначала ничего слушать. Но бутылка водки, которую я имѣлъ при себѣ, помогла мнѣ убѣдить его. Я послалъ также немедленно донесеніе генералу Дорохову, который поспѣшилъ къ намъ форсированнымъ маршемъ. Мы достигли Бобруйска и соединились съ

Платовымъ. Послѣ этого соединеніе Багратіона съ Барклаемъ было обезпечено. Мы пошли къ Смоленску, гдѣ сосредоточились всѣ наши войска.

Мы простояли четырнадцать дней лагеремъ подъ Смоленскомъ. Великій князь Константинъ Павловичъ все еще находился при арміи, несмотря на то, что генералъ Барклай настоятельно требовалъ, чтобы онъ былъ отозванъ. Однажды я поѣхалъ въ Смоленскъ, чтобы немного развлечься. Я ѣхалъ по дорогѣ, перекинувъ черезъ плечо казацкую нагайку, что было совершенно противно правиламъ, и преспокойно покуривалъ трубку, какъ вдругъ я увидѣлъ передъ собою великаго князя Константина Павловича съ небольшой свитой. Одинъ изъ его адъютантовъ, молодой 18-ти лѣтній гвардейскій офицеръ, примѣтилъ меня издали и поскакалъ ко мнѣ, крича: «уѣзжайте скорѣе прочь; если его высочество увидитъ васъ съ ногайкой и трубкой, вы пропали!»

— Оставьте меня въ покоѣ, другъ мой, и заботьтесь о своей собственной шкурѣ,—возразилъ я и поѣхалъ дальше.

Почти въ тотъ же самый моментъ великій князь и его свита свернули вправо и стали у самой дороги за канавкой, обозрѣвая мѣстность. Проѣзжая мимо великаго князя, я взялъ трубку въ лѣвую руку, а правой отдалъ честь. Великій князь подозвалъ меня; перепрыгнувъ черезъ канаву, я остановился подлѣ него.

— Ты все еще не оставилъ твоихъ прусскихъ привычекъ,?—сказалъ онъ, смѣясь, указывая на мою трубку и ногайку.

— Я окуренъ пороховымъ дымомъ, ваше императорское высочество,—отвѣчалъ я.

Великій князь обернулся къ своей свитѣ и сказалъ очень серьезно:

— Этотъ человѣкъ неисправимъ, онъ до смерти сохранитъ свои прусскія привычки.

Затѣмъ онъ улыбнулся благосклонно и сказалъ по-французски: bonjour, mon ami!» [1]).

Въ Смоленскѣ я нашелъ въ одной большой гостиницѣ множество офицеровъ. Велика была моя радость, когда я встрѣтился тутъ съ моимъ шлезвигскимъ пріятелемъ, маіоромъ Рейхмейстеромъ, и другимъ прусскимъ товарищемъ, поручикомъ Тресковымъ. Мы пили, смѣялись и плакали отъ радости. Съ разгоряченными головами мы сѣли за карты и проиграли всѣ бывшія съ нами деньги. Мнѣ пришлось продать хозяину часы, чтобы заплатить за выпитое вино; остальныя деньги въ ту же ночь были проиграны. Я болѣе не видѣлъ моего милаго Трескова; онъ палъ въ первомъ же бою.

10-го августа мы имѣли при Лѣсной жаркое дѣло съ французской кавалеріей. Это сраженіе оставило во мнѣ самое тяжелое воспомина-

---

[1]) Здравствуйте, другъ мой.

ніе. Нашъ полкъ наткнулся на отрядъ прусскихъ уланъ втораго шлезвигскаго полка. Стычка была тѣмъ ужаснѣе, что на дорогѣ стояла пыль столбомъ, и мы сшиблись, не видя другъ друга. Мы потеряли трехъ офицеровъ и много солдатъ. Пруссаки также потеряли не мало людей. Этотъ уланскій полкъ, коимъ командовалъ маіоръ фонъ-Блокъ, былъ единственный прусскій полкъ, находившійся при великой арміи. Я зналъ лично почти всѣхъ офицеровъ этого полка. Можно себѣ представить, что я испыталъ, очутившись лицомъ къ лицу съ моими бывшими товарищами. Печальная обязанность убивать ни въ чемъ неповинныхъ людей и подставлять имъ свой лобъ!

Послѣ сраженія подъ Смоленскомъ мы отступили по дорогѣ въ Москву. Участіе кавалеріи въ этомъ сраженіи было незначительно. Днѣпръ дѣлаетъ у Смоленска много излучинъ, и броды благопріятствовали нашей переправѣ. Генералъ Барклай призвалъ меня къ себѣ и, давъ мнѣ отрядъ въ 120 гусаръ, взятыхъ изо всѣхъ эскадроновъ нашего полка, приказалъ мнѣ произвести рекогносцировку вдоль лѣваго берега Днѣпра, чтобы удостовѣриться, существуютъ ли въ извилинахъ рѣки броды, настолько неглубокіе, что непріятель могъ бы воспользоваться, чтобы напасть на насъ съ тыла.

Старикъ-крестьянинъ, котораго мнѣ къ счастью удалось задержать, показалъ мнѣ броды, которые были такъ мелки, что по нимъ легко могла пройти даже артиллерія. Хотя берега въ этомъ мѣстѣ очень высоки и круты, но они такъ песчаны, что не трудно устроить переправу. Я узналъ отъ крестьянина, что на другомъ берегу рѣки, позади лѣсочка, въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ берега находился непріятель. Приказавъ моему отряду стать поодаль, я перешелъ съ двумя гусарами рѣку въ бродъ, прокрался къ опушкѣ лѣса и увидѣлъ совсѣмъ вблизи большой отрядъ непріятеля, состоявшій изъ пѣхоты, кавалеріи и многочисленной артиллеріи. Но когда я хотѣлъ вернуться назадъ, то оказалось, что броды были уже заняты французами, и мнѣ ничего не оставалось, какъ спрыгнуть съ крутаго берега и переплыть рѣку, что̀ мнѣ и удалось, хотя непріятель послалъ намъ въ догонку нѣсколько пуль. Вслѣдъ затѣмъ весь непріятельскій отрядъ пришелъ въ движеніе, показалась кавалерія, а вдоль берега стали стрѣлки. Возвратившійся отъ него гусаръ привезъ мнѣ извѣстіе, что армія находится въ полномъ отступленіи, и передалъ мнѣ приказаніе генерала Барклая возвратиться къ моему полку. Но гдѣ же былъ полкъ? Я встрѣтилъ по пути корпусъ генерала Корфа. Онъ спросилъ, меня откуда я явился, сказалъ мнѣ, что онъ боится быть отрѣзаннымъ, и просилъ, если мнѣ удастся благополучно добраться до арміи, чтобы я тотчасъ прислалъ ему гусара сказать о томъ. Онъ говорилъ это такъ равнодушно, какъ вещь самую обыкновенную, съ апетитомъ продолжая уписывать курицу. Адъютанты и окружавшіе

его штабные офицеры смѣялись и пили, и весь отрядъ былъ такъ невозмутимо спокоенъ, какъ будто вблизи не было непріятеля; генераломъ не были соблюдены даже самыя обыкновенныя мѣры предосторожности.

Мои лошади и люди были въ высшей степени утомлены, поэтому я выбралъ десять самыхъ лучшихъ лошадей и отправился на поиски арміи, приказавъ остальнымъ гусарамъ, отдохнувъ, слѣдовать за мною. Проѣхавъ часа два, я встрѣтилъ полковника, которому было приказано препроводить къ арміи паркъ тяжелыхъ орудій, принадлежавшихъ къ корпусу генерала Багговута. Полковникъ сбился съ пути и шелъ по дорогѣ, по которой онъ попалъ бы прямо въ руки непріятеля. Мнѣ едва удалось доказать ему его ошибку и заставить его вернуться и послѣдовать за мною. Я ѣхалъ впереди его рысью и часъ спустя увидѣлъ нашу армію на высотахъ по дорогѣ отъ Смоленска въ Москву, въ разстояніи трехъ нѣмецкихъ миль отъ Смоленска. На противоположныхъ высотахъ стояла въ боевомъ порядкѣ французская армія.

На одной горѣ я увидѣлъ группу генераловъ, осматривавшихъ позицію въ подзорныя трубы. Мнѣ сказали, что это генералы Тучковъ и Ермоловъ, изъ коихъ первый командовалъ лѣвымъ флангомъ арміи. Я оставилъ своихъ гусаръ у подошвы горы, поскакалъ на гору и отрапортовалъ генералу.

— Ужь этотъ Корфъ,—воскликнулъ онъ;—поспѣшите къ нему обратно и скажите, чтобы онъ скорѣе явился со своимъ отрядомъ сюда и что теперь не время для прогулокъ.

Я заявилъ генералу, что мнѣ приказано отправиться къ полку.

— Ну хорошо! Въ такомъ случаѣ объясните моимъ адъютантамъ, гдѣ найти Корфа. Господи, если бы скорѣе подошла артиллерія Багговута! У насъ нѣтъ тяжелыхъ орудій; что мы станемъ дѣлать, если непріятель атакуетъ насъ?

Я замѣтилъ, что артиллерія должна подойти черезъ четверть часа.

— Это невозможно,—воскликнулъ Ермоловъ,—она находится еще почти въ часовомъ разстояніи отсюда!

Когда я разсказалъ случившееся съ артиллерійскимъ полковникомъ, то я услышалъ, какъ какой-то господинъ, въ англійскомъ генеральскомъ мундирѣ, сказалъ генералу Тучкову по-англійски:

— Этотъ офицеръ подозрителенъ мнѣ, онъ похожъ на француза.

Я засмѣялся и отвѣчалъ ему по-англійски:

— Такъ же мало, какъ вы, генералъ!

На это Тучковъ спросилъ меня:

— Но вѣдь вы не русскій?

— Нѣтъ, я лифляндецъ.

— Какого полка?

— И-го гусарскаго полка: тамъ, подъ горой стоятъ вахмистръ и десять гусаръ моего отряда.

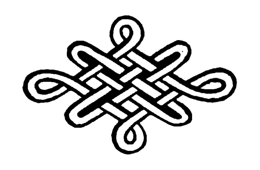
Тучковъ подозвалъ вахмистра и также спросилъ его, какого онъ полка. Выслушавъ его отвѣтъ, генералъ обратился ко мнѣ и сказалъ по-французски:

— Простите мою осторожность, я слышалъ по вашему выговору, что вы не русскій.

Англійскій генералъ былъ извѣстный сэръ Робертъ Вильсонъ, впослѣдствіи губернаторъ Гибралтара, а въ то время служившій волонтеромъ въ русской арміи.

Армія наша отступала спокойно и въ полномъ порядкѣ; только кавалеріи, находившейся въ арьергардѣ, приходилось дѣйствовать съ ранняго утра, часовъ съ трехъ, до наступленія ночи. Мы потеряли весьма мало людей, но у насъ пало много лошадей, вслѣдствіе того, что онѣ оставались безъ пищи и въ сильную жару не имѣли воды для питья. Когда мы останавливались на ночь, то лошадей приходилось нерѣдко посылать на водопой часа за два или за три отъ мѣста стоянки.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Императоръ Николай I и его сподвижники.

(Воспоминанія графа Оттона де-Брэ, 1849—1852) [1].

I.

Графъ Оттонъ де-Брэ родился 17-го мая 1807. Отецъ его былъ женатъ на дѣвицѣ Левенштернъ, и графъ Оттонъ провелъ дѣтство въ Лифляндскихъ помѣстьяхъ своего дѣда по матери Левенштерна и въ Петербургѣ, куда его отецъ былъ перемѣщенъ въ 1808 г., и гдѣ онъ провелъ четырнадцать лѣтъ (съ небольшимъ перерывомъ, вызваннымъ войною 1812 г.) въ званіи баварскаго посланника. Графъ Оттонъ де-Брэ началъ службу подъ начальствомъ своего отца въ Вѣнѣ при баварскомъ посольствѣ. По смерти отца онъ былъ временно перемѣщенъ въ Мюнхенъ, гдѣ состоялъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, а въ іюлѣ мѣсяцѣ 1833 г., 26 лѣтній дипломатъ отправился совѣтникомъ посольства въ Петербургъ.

«Его двухлѣтнее пребываніе въ русской столицѣ,—пишетъ Гейгель,—

---

[1]) Тогда какъ въ сосѣднихъ съ Германіей странахъ, преимущественно въ Россіи, Даніи и Греціи, лица нѣмецкаго происхожденія встрѣчаются на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ служебной и административной дѣятельности, гдѣ они достигали зачастую виднаго положенія и вліянія, въ Германіи иностранцы рѣдко играли сколько-нибудь видную роль въ государственной и общественной жизни. Если не считать потомковъ французскихъ эмигрантовъ, то въ Пруссіи едва-ли можно насчитать съ десятокъ иностранныхъ фамилій, оставившихъ какой-либо слѣдъ въ исторіи нѣмецкаго народа.

Къ числу этихъ немногихъ лицъ принадлежатъ потомки стариннаго Нормандскаго дворянскаго рода графовъ де-Брэ (de Bray), которые, въ лицѣ своихъ представителей, принадлежавшихъ къ тремъ послѣдовательнымъ по-

совпало со второй, наиболѣе блестящей половиной царствованія Николая I, съ тѣмъ нынѣ уже полумиѳическимъ временемъ, когда огромныя состоянія русскаго дворянства (употребляя классическое выраженіе) еще не были проѣдены, когда старый строй русской жизни, основанный на крѣпостномъ правѣ, считался незыблемымъ, а свиданіе монарховъ въ Мюнхенгрецѣ и смотръ русскихъ и прусскихъ войскъ въ Калишѣ казались залогомъ ненарушимости священнаго союза.

«Въ то время, какъ графъ Нессельроде руководилъ внѣшней политикой Россіи въ духѣ Меттерниха, а графъ Канкринъ доводилъ свою строго покровительственную таможенную систему чуть не до системы запретительной, жизнь Петербургскаго двора текла шумно и разнообразно, а безконечный рядъ блестящихъ празднествъ заставлялъ иностранца, попавшаго на берега Невы, чувствовать себя какъ бы въ какомъ-то волшебномъ мірѣ».

Совершенно инаго рода были впечатлѣнія, охватившія графа де-Брэ, когда онъ прибылъ въ Парижъ, куда былъ перемѣщенъ въ 1836 г., попавъ въ водоворотъ бурной политической жизни французской столицы, и когда ему въ первые же мѣсяцы по вступленіи въ новую должность пришлось извѣщать свой дворъ о тревожныхъ событіяхъ, сопровождавшихъ отставку министерства Тьера, сформированіе кабинета Моле-Гизо, неудавшуюся попытку Людовика-Наполеона захватить престолъ и покушеніе 27-го декабря 1836 г.

Также тревожно въ политическомъ отношеніи протекли для Франціи и послѣдующіе годы пребыванія де-Брэ, въ Парижѣ.

Весною 1840 г. онъ возвратился въ Мюнхенъ но, пробывъ тамъ всего десять мѣсяцевъ, былъ назначенъ 21-го марта 1841 г. резидентомъ въ Аѳины, гдѣ король Оттонъ I велъ въ то время ожесточенную борьбу противъ вмѣшательства въ дѣла Греціи трехъ соперничавшихъ между собою и покровительствовавшихъ этому государству державъ: Россіи, Ан-

---

колѣніямъ, играли видную роль въ государственной жизни Баваріи и Германіи.

Одинъ изъ членовъ этой семьи, графъ Оттонъ де-Брэ, въ свое время выдающійся государственный дѣятель Баваріи, былъ въ теченіе долгихъ лѣтъ (1833—1862 г.г.) съ небольшими перерывами, дипломатическимъ представителемъ Баварскаго королевства въ Россіи и оставилъ весьма любопытныя воспоминанія и обширную переписку, на основаніи которыхъ, въ концѣ истекшаго года появился въ Германіи очеркъ его жизни и дѣятельности, составленный профессоромъ Мюнхенскаго университета, К. фонъ Гейгелемъ (Graf Otto von Bray-Steinburg. Denkwürdigkeiten aus seinem Leben. Von Professor Dr. K. Th. von Heigel in München. Leipzig. 1901.) Извлеченіе изъ этой книги, заключающей не мало крайне любопытныхъ данныхъ для характеристики нашихъ дѣятелей въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, мы приводимъ на страницахъ „Русской Старины“. В. Т.

гліи и Франціи. Де-Брэ пріѣхалъ въ греческую столицу въ самый разгаръ этой борьбы. Греціи едва удалось избѣжать опасности и не быть вовлеченной въ восточную политику Тьера и въ войну съ Турціей. Въ то же почти время существованію династіи угрожалъ заговоръ, составленный Каподистріей и Стамматопуло; происки такъ называемой папистской партіи, которую поддерживалъ русскій посланникъ Катакази, угрожали порядку внутри государства. Несмотря на это, баварскій министръ-резидентъ нашелъ королевскую чету въ такомъ настроеніи и въ такой спокойной увѣренности, которая совершенно не оправдывалась событіями. Король Оттонъ носился съ несбыточными проектами подъема сельско-хозяйственныхъ силъ обѣднѣвшей страны; королева ожидала рожденія сына, который долженъ былъ упрочить династію и которому молодая королева заранѣе давала многознаменательное имя Константинъ.

Хотя графъ де-Брэ провелъ въ Греціи всего три года, но онъ имѣлъ за это время полную возможность убѣдиться въ непрочности существовавшаго порядка и въ безсиліи тамошняго правительства.

«Я пережилъ важный моментъ въ новѣйшей исторіи Греческаго королевства,—записалъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Сэръ Стратфордъ Каннингъ пріѣхалъ въ Аѳины, съ цѣлью убѣдить короля принять совѣтъ Англіи и ввести конституціонный образъ правленія. Мы имѣли съ нимъ нѣсколько совѣщаній и выработали совмѣстно проектъ, въ силу котораго для надзора за финансами долженъ былъ быть учрежденъ Совѣтъ, частью изъ членовъ по назначенію короля, частью по избранію народа. Этимъ греческому правительству была бы обезпечена поддержка Англіи, и король вѣроятно избѣжалъ бы навязанной ему нѣсколько лѣтъ спустя конституціи. Къ сожалѣнію, другія лица отсовѣтовали королю принять вышеупомянутыя умѣренныя предложенія, и такимъ образомъ это дѣло не состоялось».

Кто были эти «другія» лица, помѣшавшія выполненію плана, и когда именно происходили вышеупомянутые переговоры, объ этомъ де-Брэ умалчиваетъ. По всей вѣроятности, рѣчь идетъ о русскомъ посланникѣ Катакази, которому де-Брэ отводитъ первое мѣсто, описывая тогдашній составъ дипломатическаго корпуса въ Аѳинахъ. «Представителемъ Россіи былъ статскій совѣтникъ Катакази, Австріи—Прокешъ, Пруссіи—Брассье»,—пишетъ онъ.

«Я бы охотно согласился дѣйствовать совмѣстно съ двумя послѣдними, если бы они дѣйствовали единодушно въ интересахъ Греческаго королевства. Но они постоянно враждовали между собою, такъ что поддерживать съ обоими дружескія отношенія было дѣломъ не легкимъ. Брассье осмѣивалъ Прокеша въ своей дѣловой перепискѣ. Такъ, напримѣръ, въ иллюстрированныхъ частныхъ письмахъ къ королю Фридриху

Вильгельму IV, имъ изображалась греческая государственная карета, запряженная лошадью (самъ Брассье) и страусомъ (Прокешъ), которые тянули ее въ разныя стороны.

«Каждый изъ представителей трехъ покровительствующихъ державъ, Россіи, Англіи и Франціи имѣетъ здѣсь свою партію, въ пользу которой онъ старается дѣйствовать; въ этомъ именно и заключалась величайшая трудность для правительства, установленнаго этими державами, и для короля. Мнѣ велѣно было быть посредникомъ между этими враждебными элементами; благодаря счастливой случайности, пробывъ два года въ Аѳинахъ, я былъ отозванъ прежде, нежели это невыносимое положеніе разрѣшилось тѣмъ печальнымъ кризисомъ, который вынудилъ короля Оттона принять конституцію въ ночь съ 14-го на 15-е сентября 1843 г.».

Въ февралѣ мѣсяцѣ того же 1843 года, де-Брэ былъ снова назначенъ въ Петербургъ, которому суждено было сдѣлаться какъ бы его вторымъ отечествомъ, точно такъ же, какъ оно было имъ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ для его отца. Императоръ Николай по-прежнему занималъ то блестящее положеніе, въ которомъ вновь назначенный баварскій посланникъ оставилъ его десять лѣтъ передъ тѣмъ. «Его слово было самое вѣское въ совѣтѣ европейскихъ монарховъ, его дворъ былъ блестящій, его наружность внушала уваженіе». Впрочемъ, де-Брэ не отзывается уже объ императорѣ съ тѣмъ безусловнымъ благоговѣніемъ и преклоненіемъ, какія государь вызвалъ десять лѣтъ передъ тѣмъ въ юномъ секретарѣ баварскаго посольства. Говоря, что русскій императоръ обладалъ благороднымъ характеромъ и былъ чуждъ всего низскаго, де-Брэ отмѣчаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ былъ «суровъ и непреклоненъ».

Тотъ фактъ, что императоръ былъ противникомъ конституціонной монархіи и какихъ бы то ни было сдѣлокъ между народомъ и монархомъ и признавалъ только двѣ формы правленія, неограниченную монархію и республику, не могъ быть для безпристрастнаго наблюдателя доказательствомъ особенной широты его взглядовъ. А графъ де-Брэ доказалъ неоднократно, что онъ могъ быть не только безпристрастнымъ наблюдателемъ, но подчасъ и весьма остроумнымъ критикомъ. Записка, составленная имъ нѣсколько лѣтъ спустя о русскомъ дворѣ и министрахъ императора Николая I, можетъ быть отнесена къ числу самыхъ выдающихся страницъ, когда-либо написанныхъ объ этомъ предметѣ; съ этой запиской можно сравнить только извѣстное мѣсто въ дневникѣ генерала Фридриха фонъ-Гагерна, веденнаго въ 1839 году.

Де-Брэ, въ первое время своего пребыванія въ Петербургѣ, былъ точно также какъ и Гагернъ, подкупленъ блестящей стороною жизни русскаго общества и той обворожительной любезностью, съ какой оно

относилось къ иностранцамъ. Сообразно духу времени, интересы общественные и литературные до такой степени заполоняли всеобщее вниманіе, что постороннему наблюдателю было довольно трудно дать себѣ отчетъ въ томъ, что происходило за кулисами, за показной стороной жизни, текшей на берегахъ Невы, и что составляетъ между тѣмъ самую сущность государственнаго и народнаго существованія.

Съ знаменитостями литературнаго міра тогдашняго времени въ Россіи де-Брэ познакомился еще во время своего перваго пребыванія въ Петербургѣ и между прочимъ былъ свидѣтелемъ тѣхъ запутанныхъ отношеній, которыя вызвали трагическую кончину Пушкина; онъ сохранилъ, разумѣется, свои связи съ бывшимъ кружкомъ знаменитаго поэта и во вторичный свой пріѣздъ въ Россію въ 1843—1846 г.г. Изъ числа лицъ, съ коими онъ сошелся тогда особенно близко, де-Брэ называетъ вдову и сыновей историка Карамзина, салонъ которыхъ посѣщался петербургскимъ обществомъ весьма охотно, князя П. А. Вяземскаго и двухъ братьевъ Віельгорскихъ. Вяземскій, бывшій въ то время вице-директоромъ департамента иностранной торговли, говорилъ о себѣ, что онъ служитъ живымъ доказательствомъ того, что «Господь милуетъ невинныхъ», такъ какъ его невинность въ дѣлахъ финансовъ была безупречна.

Этотъ умный и высокообразованный человѣкъ,—говоритъ о немъ де-Брэ,—былъ обязанъ той ролью, которую онъ игралъ въ обществѣ, главнымъ образомъ своему поэтическому таланту и любезному обхожденію. Онъ задавалъ тонъ въ литературѣ; а въ музыкальномъ мірѣ имѣли авторитетный голосъ оберъ-шенкъ императорскаго двора графъ Михаилъ Віельгорскій и его братъ, гофмейстеръ великаго князя Михаила Павловича, графъ Матвѣй Віельгорскій; пасынокъ старшаго изъ двухъ братьевъ, графъ Соллогубъ считался въ то время самымъ талантливымъ изъ русскихъ романистовъ и приводилъ и стараго и малаго изъ своихъ великосвѣтскихъ читателей въ восторгъ своими очерками, озаглавленными «На сонъ грядущимъ». Утонченное наслажденіе жизнью, увлеченіе новѣйшими произведеніями французской литературы, нѣмецкой и итальянской музыкой, дотого поглощали представителей большаго свѣта, что они интересовались своими служебными занятіями и политическимъ положеніемъ страны только въ свободную минуту, такъ сказать, между дѣломъ или въ случаѣ какихъ-либо чрезвычайныхъ событій, когда обнаруживалось, напр., какое-нибудь вопіющее злоупотребленіе въ администраціи или грандіозное хищеніе.

Князь Вяземскій, самая видная личность этого, въ своемъ родѣ, выдающагося кружка, говорилъ о себѣ, что онъ всегда плылъ «по теченію».

— Въ молодости я увлекался либеральными идеями того времени, говорилъ онъ,—въ зрѣлыхъ лѣтахъ мною руководили требованія госу-

дарственной службы, а подъ старость меня поглощаютъ заботы и недуги старческаго возраста.

Эта именно «беззаботность», эта милая готовность жертвовать собою и другими ради минутнаго удовольствія придавала особую, своеобразную прелесть жизни петербургскаго большаго свѣта, и онъ какъ будто бы старался доказать справедливость изреченія: «если относиться къ жизни слишкомъ серьезно, то въ ней не будетъ ничего привлекательнаго».

Пребываніе графа де-Брэ въ Петербургѣ было прервано въ 1846 г. его назначеніемъ главою баварскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, что было связано съ тогдашними тревожными событіями во внутренней жизни Баваріи. Не взирая на личное благоволеніе къ де-Брэ баварскаго короля, между ними вскорѣ произошло столкновеніе изъ-за извѣстной Лолы Монтесъ, когда министръ отказался скрѣпить своею подписью пожалованное ей званіе графини. Результатомъ этого столкновенія была отставка де-Брэ, но непродолжительная, такъ какъ король вскорѣ предложилъ ему занять снова оставленный имъ постъ въ Петербургѣ.

Прибывъ въ Россію лѣтомъ 1847 г., всего послѣ шестнадцати мѣсячнаго отсутствія, де-Брэ не нашелъ въ русской столицѣ почти никакихъ перемѣнъ, но онъ былъ свидѣтелемъ того впечатлѣнія, какое происшествія 1848 г. произвели на императора Николая I, который, не предвидя событій, подготовлявшихся на западѣ, былъ занятъ въ то время мыслію объ улучшеніи крестьянскаго быта, побуждаемый къ тому министромъ государственныхъ имуществъ графомъ Киселевымъ, единственнымъ изъ тогдашнихъ сановниковъ, пользовавшимся славою либерала. Извѣстно, что Николай I не могъ подавить въ себѣ чувства нѣкотораго удовлетворенія при извѣстіи, что лично ему несимпатичный «мѣщанскій король» Людовикъ-Филиппъ былъ наказанъ судьбою за свою «измѣну» (въ 1830 г.), и что извѣстія о революціи, вспыхнувшей во Франціи, и о мартовскихъ событіяхъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ вызвали въ императорѣ взрывъ негодованія, который едва не привелъ къ походу противъ «западныхъ народовъ».

Но эта мысль, точно такъ же, какъ и планы крестьянскихъ реформъ была вскорѣ оставлена.

Изо всѣхъ континентальныхъ державъ только одна Россія не была объята лихорадкой, охватившей въ то время цивилизованный міръ, хотя въ Петербургѣ уже не относились къ событіямъ съ прежнимъ спокойствіемъ и увѣренностью, и ни для кого не было тайною, что императоръ Николай I слѣдилъ за событіями, совершавшимися въ сосѣднихъ странахъ, съ такимъ волненіемъ, которое не соотвѣтствовало его обыкновенно столь твердому характеру.

При ближайшемъ наблюденіи оказалось, что событія революціоннаго

года не прошли для Россіи и для ея монарха такъ безслѣдно, какъ могло показаться на первый взглядъ.

По отзыву приближенныхъ, императоръ Николай, полный до тѣхъ поръ юношескихъ силъ, возвратился съ Варшавскихъ празднествъ, слѣдовавшихъ за умиротвореніемъ Венгріи, если не старикомъ, то во всякомъ случаѣ сильно постарѣвшимъ. Радость по поводу одержанной побѣды была для него во многихъ отношеніяхъ омрачена. Дѣйствія русской арміи, посланной для усмиренія венгерскаго возстанія, не были столь успѣшны, какъ можно было ожидать. Кампанія, предпринятая для спасенія австрійской монархіи, не встрѣтила одобренія даже въ тѣхъ кругахъ, на сочувствіе которыхъ императоръ особенно разсчитывалъ; между прочимъ въ Москвѣ объявленіе войны вызвало явное неодобреніе. Кромѣ того, монарху, привыкшему къ безусловному и молчаливому повиновенію, пришлось быть свидѣтелемъ того, что весьма многіе изъ его офицеровъ нисколько не скрывали своей антипатіи къ нѣмецкимъ «бѣлоштанникамъ», съ которыми имъ приходилось дѣйствовать совмѣстно, и своего сочувствія къ венгерскимъ мятежникамъ, для умиротворенія которыхъ они были посланы. Къ жалобамъ на нетоварищеское отношеніе русскихъ офицеровъ къ австрійцамъ присоединились жалобы Вѣнскаго двора на высокомѣріе и самовластіе престарѣлаго фельдмаршала Паскевича, основательность которыхъ была признана справедливымъ монархомъ.

Авторъ всѣмъ извѣстной знаменитой телеграммы «L'Hongrie est aux pieds de Votre Majesté» [1]) со свойственнымъ ему самомнѣніемъ приписалъ себѣ всю заслугу побѣды надъ Гергеемъ и отрицалъ участіе въ этомъ дѣлѣ ненавистнаго ему фельдцейхмейстера Гайнау. Наконецъ, императоръ былъ глубоко опечаленъ послѣдовавшей внезапно 25-го сентября въ Варшавѣ кончиной товарища его дѣтства и единственнаго оставшагося въ живыхъ брата великаго князя Михаила Павловича, которому было всего пятьдесятъ три года. Государь возвратился въ Петербургъ поздней осенью 1849 г., посѣдѣвши, и его веселое настроеніе, казалось, пропало навсегда.

По словамъ приближенныхъ, по окончаніи венгерскаго похода онъ сдѣлался еще строже и недоступнѣе, чѣмъ прежде, и при этомъ былъ твердо убѣжденъ, что для поддержанія существующаго порядка необходимо было усилить репрессивныя мѣры. Отставка министра народнаго просвѣщенія графа Уварова и назначеніе на его мѣсто князя Ширинскаго-Шихматова, пользовавшагося славою «гасителя», сопоставлялись съ ограниченіемъ правъ поступленія въ университеты и свободы преподаванія, съ учрежденіемъ главнаго цензурнаго комитета и запреще-

---

1) Венгрія у ногъ вашего величества.

ніемъ большинства заграничныхъ газетъ. Всѣ эти мѣры вызывали критику даже въ близкихъ ко двору кружкахъ. Совокупности этихъ фактовъ было вполнѣ достаточно для того, чтобы зима, слѣдовавшая за венгерской кампаніей, могла быть причислена къ числу скучнѣйшихъ, какія переживала жизнерадостная обыкновенно русская столица. По случаю кончины великаго князя Михаила Павловича о придворныхъ празднествахъ, само собою разумѣется, не могло быть и рѣчи. Печальное настроеніе двора усугублялось опасеніями за здоровье зятя императора, герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго, скончавшагося нѣсколько лѣтъ спустя отъ недуга, первые симптомы котораго проявились зимою 1849—1850 г.г.

Баварскій посланникъ графъ де-Брэ внимательно слѣдилъ за всѣмъ, что̀ происходило вокругъ него. Несмотря на его искреннюю преданность особѣ монарха, въ лицѣ котораго онъ видѣлъ главную опору консервативной Европы, онъ не могъ не замѣтить, что струны политики, которой держался этотъ монархъ, были чрезвычайно натянуты. Наблюденія свои де-Брэ изложилъ въ особой запискѣ, написанной имъ въ ноябрѣ 1852 г. и представляющей высокій интересъ для русскаго читателя.

II.

«Когда говорятъ о Россіи, то при этомъ говорятъ объ императорѣ Николаѣ». Такъ писалъ въ свое время князь Меттернихъ австрійскому посланнику въ Петербургѣ графу Фикельмонту и такъ какъ эти слова вполнѣ справедливы, то, приступая къ описанію лицъ, стоявшихъ у власти въ Россіи, слѣдовало бы начать съ характеристики ея монарха. Но подобная характеристика не входитъ въ рамки и цѣли предстоящаго очерка. Вполнѣ справедливое и безпристрастное сужденіе о правительствѣ Николая I можетъ быть высказано только исторіей. Современники, стоящіе въ непосредственной близи событій и возбуждаемыхъ ими толковъ, не могутъ произнести о нихъ безпристрастнаго сужденія, такъ какъ за подробностями они легко могутъ упустить изъ вида цѣлое. Подобно тому, какъ нельзя составить себѣ вѣрнаго представленія о размѣрахъ стремящагося въ высь готическаго собора, если смотрѣть на него вблизи, точно такъ же и о личности монарховъ, которые играли въ свое время выдающуюся роль, можно судить только на извѣстномъ отдаленіи.

Авторъ настоящей записки не имѣетъ притязанія сказать послѣднее

слово о правленіи нынѣ царствующаго въ Россіи монарха, но ему придется неоднократно возвращаться къ нему, дѣлая характеристику тѣхъ лицъ, которыя являлись исполнителями его воли и орудіями его администраціи и политики. Ибо таковыми только являются всѣ государственные сановники въ глазахъ этого монарха, который охотно принимаетъ совѣты тогда, когда онъ ихъ спрашиваетъ, но который по своему характеру почти не доступенъ постороннему вліянію. Обладая огромной и несомнѣнной энергіей, императоръ Николай до такой степени преисполненъ сознаніемъ своей власти, что ему трудно представить себѣ, чтобы какіе бы то ни было люди или событія могли оказать ему сопротивленіе. Быть приближеннымъ къ такому монарху равносильно необходимости отказаться, до извѣстной степени, отъ своей собственной личности, отъ своего я и усвоить себѣ извѣстный обликъ. Сообразно съ этимъ въ высшихъ сановникахъ русскаго монарха можно наблюдать только различныя степени проявленія покорности и услужливости. Тѣмъ не менѣе въ этомъ однообразномъ, строго замкнутомъ кругу встрѣчаются различныя степени дарованія. Хотя всѣ одинаково исполняютъ только волю монарха, но между сановниками есть лица, дѣйствующія въ интересахъ общественной пользы и такія, которыя дѣйствуютъ во вредъ государству. Наблюдателю-иностранцу подобаетъ начать эту портретную галлерею изображеніемъ того государственнаго дѣятеля, который руководитъ по волѣ монарха внѣшней политикой Россіи.

Графъ Карлъ-Робертъ фонъ-Нессельроде, сынъ русскаго посланника въ Берлинѣ екатерининскихъ временъ, родился въ 1780 г., на англійскомъ военномъ суднѣ и, будучи крещенъ по обряду англиканской церкви, принадлежитъ къ ней и ежегодно, на Пасхѣ, посѣщаетъ здѣшнюю англиканскую церковь, пріобщаясь въ ней св. тайнъ. Перейдя изъ военной службы на дипломатическое поприще, графъ женился въ 1811 году на дочери тогдашняго министра финансовъ графа Гурьева [1]) и, уже два года спустя, сопровождалъ императора Александра I въ его путешествіяхъ, редактировалъ бо̀льшую часть дипломатическихъ актовъ, заключенныхъ въ то время, и принималъ участіе во всѣхъ выдающихся событіяхъ европейской политики. Онъ присутствовалъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, подписалъ конвенцію, заключенную въ Шомонѣ (1-го марта 1814 г.), и мирный договоръ, заключенный 1-го мая 1814 г., вступилъ вмѣстѣ съ союзными войсками въ Парижъ и участвовалъ въ Аахенскомъ (1818), Троппаускомъ (1820), Лайбахскомъ (1821) и Веронскомъ

---

[1]) Гурьевъ, управлявшій министерствомъ финансовъ съ 1810—1823 гг. и оставившій его въ разстроенномъ состояніи, считался одною изъ самыхъ неспособныхъ личностей, когда-либо занимавшихъ въ Россіи этотъ важный постъ.

(1822) конгрессахъ. Управляя въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, совмѣстно съ графомъ Каподистрія, онъ сдѣлался въ 1821 г. преемникомъ своего коллеги, въ то время, когда послѣдній оставилъ Россію, промѣнявъ въ скоромъ времени свой высокій постъ на званіе президента Греціи. Самъ ли Нессельроде, со свойственной ему ловкостью былъ, какъ говорили, причиною удаленія Каподистрія, или же эта перемѣна была вызвана поворотомъ въ политикѣ Александра I и личнымъ честолюбіемъ благороднаго корфіота, этого я не берусь рѣшить; достаточно сказать, что побѣда осталась на сторонѣ Нессельроде. Николай I, по вступленіи на престолъ, утвердилъ графа въ занимаемой имъ должности и пожаловалъ ему, въ 1828 году, званіе вице-канцлера, а въ 1845 г. сдѣлалъ его канцлеромъ—высшее званіе, какого можетъ достигнуть русскій подданный, равняющееся званію фельдмаршала.

Принявъ во вниманіе быстроту, съ какою Нессельроде сдѣлалъ свою блестящую политическую карьеру, участіе, которое онъ принималъ въ великихъ событіяхъ того времени, и то, что ему посчастливилось снискать довѣріе двухъ, по уму и характеру, столь различныхъ монарховъ, какъ Александръ I и Николай I, естественно будетъ представить себѣ этого министра человѣкомъ блестящаго ума, характера повелительнаго, съ сильной и энергической волею.

Между тѣмъ самые горячіе поклонники Нессельроде должны признать, что онъ не обладалъ въ сколько-нибудь значительной степени ни однимъ изъ этихъ качествъ. Ни личныя свойства, ни умъ графа Нессельроде не представляютъ ничего выдающагося. Несмотря на то, что онъ вращался въ теченіе пятидесяти лѣтъ постоянно среди наиболѣе выдающихся личностей Европы, въ немъ замѣтна въ дѣлахъ нѣкоторая робость и нетерпѣливость, какъ-будто противорѣчащія факту многолѣтней дѣятельности на самомъ обширномъ поприщѣ, какое только можно себѣ представить. Достойно вниманія, что эти именно недостатки были поставлены этому сановнику въ величайшую заслугу, и что его необычайная ловкость и присущая ему слабость характера, которая повредила бы всякому иному, послужила ему на пользу. Робость, свойственная характеру канцлера, служитъ для него защитою во всѣхъ представляющихся ему затруднительныхъ случаяхъ.

Состоя при монархѣ съ твердымъ и подчасъ вспыльчивымъ характеромъ, онъ по неволѣ долженъ былъ оставаться нѣсколько въ тѣни и съумѣлъ это сдѣлать въ совершенствѣ. По наружности онъ является всегда только вѣрнымъ исполнителемъ высочайшей воли и этимъ придаетъ всегда особое значеніе тѣмъ немногимъ словамъ, которыя говоритъ государь. Такимъ образомъ онъ имѣетъ возможность оградиться отъ непріятныхъ для него требованій и желаній, противупоставляя имъ

волю императора. Это совпаденіе его личныхъ качествъ съ особенными условіями его положенія выработало изъ него государственнаго дѣятеля, совершенно, такъ сказать, неуловимаго. Къ этому присоединяется одно обстоятельство, дающее ему большое преимущество въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не можетъ осадить кого-нибудь, сославшись на волю монарха; онъ обладаетъ вѣрнымъ взглядомъ и рѣдкимъ умѣніемъ никогда не дѣйствовать слишкомъ поспѣшно. Спокойный и осторожный, онъ не терпитъ суетливыхъ людей. По извѣстному рецепту Талейрана онъ старается всегда сдержать избытокъ рвенія своихъ подчиненныхъ, но это только создаетъ обыкновенно затрудненія его собственному правительству.

Своей самоотверженной готовностью стушеваться и подчинить свою волю волѣ монарха, а равно своею многолѣтней преданной службой графъ Нессельроде пріобрѣлъ довѣріе императора и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторое вліяніе, чего при данныхъ обстоятельствахъ ему никогда не удалось бы достигнуть въ томъ случаѣ, если бы онъ держалъ себя болѣе самостоятельно. Въ отношеніи къ другимъ Нессельроде—вѣжливъ и доброжелателенъ; немногіе сановники умѣютъ заслужить въ такой степени расположеніе тѣхъ лицъ, кои находятся съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ по службѣ. Графъ въ значительной степени обязанъ достигнутымъ имъ успѣхамъ той настойчивости, съ какою онъ съумѣлъ провести вполнѣ соотвѣтствующую его характеру роль «умѣряющаго элемента» (modérateur), и тому искусству, съ какимъ онъ примѣнилъ къ своему характеру систему «осмотрительности»; этимъ онъ пріобрѣлъ права на признательность своихъ современниковъ. Европа неоднократно была обязана ему сохраненіемъ мира: такъ было въ 1829 году и въ 1830 году, когда положеніе дѣлъ было таково, что одной искры было достаточно, чтобы возгорѣлась всеобщая война. Графъ сохранилъ попрежнему свое вліяніе и послѣ 1848 года, и безъ сомнѣнія не мало содѣйствовалъ тому, что изреченіе: «умѣренность въ силѣ», характеризующее правленіе Николая I, осталось въ почетѣ.

Двѣ энергичныя мѣры: вступленіе въ Венгрію съ 200.000 человѣкъ и угрожающее положеніе, принятое по отношенію къ Пруссіи, въ ноябрѣ 1850 г., слѣдуетъ отнести во всякомъ случаѣ къ личной иниціативѣ императора. Но императору и его министру одинаково слѣдуетъ воздать должное за то, что русская политика доказала своею честностью и достигнутыми ею успѣхами, что самая честная политика есть вмѣстѣ съ тѣмъ и наилучшая.

Для полноты картины слѣдуетъ упомянуть о вліяніи, какое имѣетъ на своего супруга графиня Нессельроде. Приданое этой дамы составило основу того громаднаго состоянія, какимъ владѣетъ въ настоящее время графъ, а ея обширное родство немало способствовало тому, что ея

мужу не повредило его иностранное происхожденіе. Во всемъ остальномъ супруги какъ нельзя болѣе несходны. Графиня имѣетъ, повидимому, всѣ преимущества и недостатки, какихъ нѣтъ у графа; по складу ума и въ обхожденіи она надменна и повелительна, имѣетъ обо всемъ свое собственное вполнѣ опредѣленное мнѣніе и подчиняется своимъ симпатіямъ и антипатіямъ. Въ этомъ отношеніи супруги удивительно дополняютъ другъ друга. Полагаясь на здравый умъ графини, канцлеръ имѣетъ обыкновеніе не только бесѣдовать съ нею о дѣлахъ политики, но, какъ говорятъ, даже зачастую совѣтуется съ нею. Впрочемъ, ея вліяніе проявляется болѣе относительно личностей, нежели относительно событій [1]).

Хотя графу Нессельроде уже семьдесятъ два года, но онъ производитъ впечатлѣніе свѣжаго и дѣятельнаго старика, котораго время еще не сокрушило. Музыка и наслажденіе природою (онъ большой любитель цвѣтовъ и имѣетъ прекрасныя оранжереи) составляютъ его отдохновеніе послѣ неутомимыхъ трудовъ за письменнымъ столомъ; онъ охотно ходитъ пѣшкомъ и большой любитель быстрыхъ путешествій.

Канцлеръ, съ соизволенія императора, передалъ, приблизительно годъ тому назадъ, часть своихъ обязанностей тайному совѣтнику Синявину, который, неся званіе его помощника, завѣдуетъ дѣлопроизводствомъ министерства. Этотъ господинъ, предложенный на эту должность самимъ Нессельроде, соединяетъ въ своемъ лицѣ два преимущества, весьма удобныя для его начальника. Какъ человѣкъ съ русской фамиліей, онъ пріятенъ старо-русской партіи, которая никогда не могла вполнѣ простить канцлеру его нѣмецкаго происхожденія, а какъ чиновникъ, довольствующійся при жизни Нессельроде ролью его перваго помощника, онъ вполнѣ на своемъ мѣстѣ. Г. Синявинъ ведетъ почти одинъ всѣ текущія дѣла и замѣщаетъ канцлера при веденіи дипломатическихъ переговоровъ во время его отсутствія. Это—человѣкъ спокойнаго, ровнаго характера, въ которомъ подъ грубой наружностью скрывается тонкій умъ.

Хотя графъ Нессельроде замѣчательно владѣетъ перомъ, но онъ отказался редактировать депеши и возложилъ эту обязанность на нѣсколькихъ чиновниковъ, изъ коихъ первое мѣсто занимаетъ тайный совѣтникъ Ксаверій Лабенскій. Такъ какъ этотъ господинъ владѣетъ французскимъ языкомъ въ такомъ совершенствѣ, какъ природный французскій писатель, то ему поручается обыкновенно составленіе тѣхъ министерскихъ бумагъ, которыя предназначаются для опубликованія во всеобщее свѣдѣніе, и къ его заслугѣ слѣдуетъ отнести то обстоятельство,

---

[1]) Скончавшаяся въ 1849 г., графиня Нессельроде не отличалась ни радушіемъ, ни любезностью.

что онъ пользуется въ дипломатическомъ мірѣ большимъ значеніемъ. При сношеніяхъ съ нѣмецкимъ правительствомъ, какъ редакторъ бумагъ извѣстенъ баронъ Остенъ-Сакенъ, пользующійся славою осторожнаго и тонкаго стилиста и человѣка, основательно знакомаго съ положеніемъ дѣлъ въ Германіи. Директоромъ азіатскаго (восточнаго) департамента состоитъ бывшій генеральный консулъ при дунайскихъ княжествахъ Дашковъ; греческими дѣлами завѣдуетъ бывшій посланникъ въ Аѳинахъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Катакази, извѣстный въ дипломатическомъ мірѣ по своей предъидущей дѣятельности. Проведя нѣсколько лѣтъ въ Греціи, онъ вполнѣ заслуженно оставилъ въ этой странѣ о себѣ добрую память [1]). Нѣкоторые изъ этихъ господъ, въ числѣ которыхъ слѣдуетъ упомянуть еще тайнаго совѣтника Мальцова, состоятъ также членами Совѣта министерства иностранныхъ дѣлъ, который созывается государственнымъ канцлеромъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ желаетъ получить болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о предметахъ, о которыхъ ему предстоитъ докладывать императору.

Помимо оффиціальной дипломатіи, руководимой графомъ Нессельроде, существуетъ еще тайная политическая администрація, въ которой служатъ особые агенты, главное назначеніе которой составляетъ наблюденіе; но это управленіе имѣетъ нерѣдко рѣшающее значеніе въ самыхъ важныхъ политическихъ дѣлахъ.

Графъ Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ смѣнилъ графа Бенкендорфа въ управленіи обширнымъ вѣдомствомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ курпуса жандармовъ, которое представляетъ собою настоящее министерство полиціи. Оно состоитъ изъ жандармскихъ офицеровъ, разсѣянныхъ по всей Имперіи, которые наблюдаютъ за внутреннимъ управленіемъ и независимы отъ его органовъ. Но кромѣ того къ нему принадлежитъ значительное число агентовъ тайной полиціи, живущихъ въ Россіи и за границей и подчиненныхъ непосредственно графу Орлову. При посредствѣ этихъ лицъ, Орлову извѣстны самыя сокровенныя тайны отдѣльныхъ лицъ и семействъ, и ему приходится, на основаніи доставляемыхъ ими свѣдѣній, исполнять весьма нелегкія и щекотливыя порученія, которыя, смотря по обстоятельствамъ, могутъ угрожать нѣкоторымъ лицамъ бѣдствіемъ или предохранить ихъ отъ таковыхъ. О предшественникѣ Орлова, Бенкендорфѣ, во многихъ семействахъ вспо-

---

[1]) Одинъ изъ сыновей этого сановника (воспитанный поэтомъ Эммануиломъ Гейбель) былъ въ свое время русскимъ посланникомъ въ Вашингтонѣ и заставилъ много говорить о себѣ по поводу тѣхъ столкновеній, которыя онъ имѣлъ съ тамошнимъ правительствомъ. Катакази-отецъ также заставилъ много говорить о себѣ, когда онъ защищалъ русскіе интересы на Востокѣ и выступилъ противникомъ той партіи, которая желала введенія въ Греціи конституціи.

минаютъ до сихъ поръ съ уваженіемъ, тогда какъ вступленіе въ эту должность Орлова возбудило во многихъ не оправдавшіяся, впрочемъ, со временемъ опасенія. Во всякомъ случаѣ, въ характерѣ этихъ двухъ лицъ существуетъ большая разница. Энергія и честность болѣе присущи нынѣшнему начальнику тайной полиціи, нежели терпѣніе и кротость.

Императоръ называетъ графа Орлова своимъ другомъ, относится къ нему, какъ къ таковому, и сообщаетъ ему самыя сокровенныя свои намѣренія, коихъ графъ является вмѣстѣ съ тѣмъ исполнителемъ. Хотя Орловъ дѣйствуетъ въ этихъ случаяхъ съ большею ловкостью и ему сопутствуетъ всегда удача, но все же онъ,—скорѣе хорошій исполнитель, нежели совѣтникъ, и, какъ исполнитель, оказалъ своему монарху самыя важныя услуги.

Благодаря его энергичному образу дѣйствій, былъ подавленъ въ самомъ зародышѣ вспыхнувшій въ 1831 году бунтъ въ военныхъ поселеніяхъ. Съ тѣхъ поръ русскій народъ связываетъ съ именемъ Орлова суевѣрный страхъ (?). Дипломатическій успѣхъ, достигнутый имъ въ Константинополѣ, и ункіаръ-скелесскій договоръ, заключенный имъ въ 1832 году, ждутъ еще приговора исторіи. Къ отличительнымъ свойствамъ его характера принадлежитъ лѣнь, которая заставляетъ его избѣгать важныхъ порученій, а не искать ихъ. Орловъ любитъ держаться въ сторонѣ и появляется только тамъ, гдѣ его присутствіе необходимо. Какъ человѣкъ тактичный, онъ рѣдко пользуется своей привилегіей говорить съ императоромъ свободно и откровенно, прибѣгая къ этому только въ случаѣ настоятельной необходимости, но когда осторожность того требуетъ. Онъ умѣетъ жертвовать откровенностью требованіямъ своего положенія или того дѣла, которому онъ служитъ. Текущими дѣлами вѣдомства, коимъ управляетъ Орловъ, завѣдуетъ генералъ Дуббельтъ, хорошо знакомый съ дѣлами, коими онъ руководилъ почти самостоятельно въ послѣдніе годы управленія III отдѣленіемъ Бенкендорфомъ. Положеніе генерала Дуббельта, всѣми нелюбимаго, по причинамъ, тѣсно связаннымъ съ его служебными обязанностями, считалось весьма ненадежнымъ во время вступленія въ должность А. Ѳ. Орлова; полагали даже, что онъ долго не удержится.

Но Орловъ, по свойственной ему лѣни и нелюбви къ труду, болѣе, чѣмъ кто-либо, нуждался въ помощникѣ, который отличается ловкостью, дѣятельностью и знаніемъ дѣла. Поэтому Дуббельтъ не утратилъ своего прежняго вліянія. Генералъ - адъютантъ и графъ съ 1825 года, А. Ѳ. Орловъ исполняетъ, кромѣ вышеупомянутыхъ главныхъ своихъ служебныхъ обязанностей, должность начальника императорской главной квартиры и разныя другія почетныя должности.

Всѣмъ извѣстно и не разъ доказано словами и поступками импе-

ратора Николая I, что этотъ монархъ не придаетъ ни малѣйшаго значенія силѣ идей и убѣжденій, а вѣритъ только во всемогущество физической силы. Этимъ объясняются его исключительныя заботы объ арміи и флотѣ, этимъ объясняются тѣ неимовѣрные расходы, коими обременено казначейство, которому приходится отдавать половину доходовъ на военныя издержки; этимъ объясняется тягота, которую несетъ населеніе въ видѣ то и дѣло повторяющихся рекрутскихъ наборовъ; этимъ объясняются, наконецъ, преимущества, коими пользуются военные сравнительно съ служащими на всѣхъ остальныхъ поприщахъ общественной дѣятельности. Военное министерство, по волѣ императора и данной этому вѣдомству организаціи, представляетъ собою и въ мирное время важнѣйшее изъ всѣхъ министерствъ. Къ управленію имъ былъ призванъ около двадцати четырехъ лѣтъ тому назадъ князь Чернышевъ, оправдавшій возложенное на него императоромъ довѣріе, пріучивъ своихъ подчиненныхъ къ правильной работѣ, подавая имъ къ тому примѣръ своимъ собственнымъ неутомимымъ трудолюбіемъ и преданностью. На князя Чернышева, обладающаго скорѣе способностью администратора, нежели полководца, возложена (употребляя выраженіе, ставшее историческимъ) обязанность организовать побѣду. Обладая превосходной памятью и точнымъ знаніемъ всѣхъ мелочей службы, онъ съумѣлъ ввести образцовый порядокъ въ управленіе своимъ министерствомъ, которое, помимо всѣхъ прочихъ многочисленныхъ задачъ, завѣдуетъ продовольствіемъ и обмундированіемъ болѣе чѣмъ милліона солдатъ. Для характеристики административныхъ способностей военнаго министра весьма знаменательно, что перемѣщеніе отдѣльныхъ частей войска нерѣдко съ одного конца Имперіи на другой, наборъ и распредѣленіе рекрутъ, а равно обмундированіе и продовольствіе столь огромнаго числа людей производится безо всякой суеты; впрочемъ, послѣднее, т. е. продовольствіе, несмотря на всѣ дѣлаемыя попытки къ улучшенію его, находится по-прежнему въ печальномъ состояніи. Чернышеву не посчастливилось съ его проектами стратегическихъ операцій, и поэтому не удивительно, что князь до сихъ поръ любитъ вспоминать о быстромъ и блестящемъ походѣ, совершенномъ имъ въ 1813 г. въ Кассель, и равнымъ образомъ охотно говоритъ о первыхъ блестящихъ годахъ своей карьеры, когда онъ, 24-лѣтнимъ юношею, былъ временно представителемъ русскаго монарха въ Парижѣ и выразителемъ тѣхъ восторженныхъ чувствъ, какія Александръ I питалъ одно время къ Наполеону. Состоя при главномъ штабѣ французской арміи, онъ привезъ въ Россію извѣстіе объ исходѣ сраженія при Ваграмѣ. Когда, нѣсколько лѣтъ спустя, отношенія между обоими государствами измѣнились, то Чернышевъ хотѣлъ воспользоваться связями, какія онъ пріобрѣлъ въ Парижѣ, для подготовленія

крававой драмы, которой суждено было вскорѣ разыграться. Его миссія окончилась, какъ извѣстно, тѣмъ, что онъ долженъ былъ поспѣшно оставить Парижъ въ 1811 г., и что Михель, чиновникъ французскаго военнаго министерства, передавшій ему планъ кампаніи, составленный французами, былъ разстрѣлянъ по повелѣнію Наполеона военно-полевымъ судомъ.

Чернышевъ имѣетъ дѣльнаго и дѣятельнаго помощника въ лицѣ своего адъютанта, князя Долгорукова [1]). Въ его распоряженіи находится сверхъ того цѣлая стая адъютантовъ, изъ коихъ многіе въ чинѣ полковника.

Директоромъ канцеляріи Чернышева (военнаго министерства) состоитъ генералъ баронъ Вревскій [2]). Здоровье Чернышева уже значительно пошатнулось; изъ числа нѣсколькихъ бывшихъ съ нимъ ударовъ два случились въ кабинетѣ государя. До сихъ поръ онъ поддерживалъ свое здоровье при помощи киссингенскихъ водъ, и нѣтъ никакого основанія думать, чтобы онъ помышлялъ о сложеніи съ себя обязанностей, къ которымъ присоединилось съ 1848 года еще предсѣдательствованіе въ Государственномъ Совѣтѣ. Вліяніе его вслѣдствіе этого еще болѣе возросло.

Морскими силами Россіи управляетъ князь Меншиковъ, на лицѣ котораго постоянно написана злая усмѣшка и который всѣмъ извѣстенъ своей склонностью къ сатирѣ и ѣдкимъ словечкамъ, которыя онъ любитъ отпускать и которыя ему приписываются. Меншиковъ получилъ серьезное образованіе и помимо богатыхъ умственныхъ дарованій обладаетъ особой способностью къ точнымъ наукамъ.

Это дало ему возможность стать во главѣ морскаго вѣдомства, съ которымъ во время своей предъидущей дѣятельности онъ не имѣлъ ничего общаго.

Онъ началъ свою карьеру въ качествѣ дипломата, затѣмъ служилъ въ артиллеріи и по всей вѣроятности вступилъ впервые на палубу военнаго судна, уже будучи морскимъ министромъ. Онъ съумѣлъ возмѣстить отсутствіе опытности своимъ умомъ и проницательностью и съ успѣхомъ управляетъ морскимъ министерствомъ, хотя онъ былъ бы въ большомъ затрудненіи, если бы ему пришлось командовать самымъ маленькимъ судномъ. Несмотря на затрату массы труда и денегъ, достоинство русскаго флота — исключая черноморской и каспійской эскадры—весьма спорно. Возможно, что Меншиковъ, какъ бывшій сухопутный офицеръ, тратитъ слишкомъ много времени на военную выправку матросовъ, и что отъ этихъ несчастныхъ, у которыхъ множе-

---

[1]) Князь Долгорукій сдѣлался, со временемъ, преемникомъ Чернышева.
[2]) Побочный сынъ министра внутреннихъ дѣлъ, князя Куракина.

ство другихъ обязанностей, требуется такое совершенство въ выполненіи полковыхъ и батальонныхъ ученій, какое вообще необходимо только пѣхотнымъ солдатамъ, не имѣющимъ иныхъ обязанностей и инаго дѣла.

Во главѣ министерства государственныхъ имуществъ стоитъ графъ Киселевъ, для котораго эта отрасль управленія была отдѣлена отъ министерства финансовъ. Заботы о двадцати милліонахъ крестьянъ удѣльнаго вѣдомства и огромное протяженіе казенныхъ земель поглощаютъ дѣйствительно дѣятельность цѣлаго министерства. Графъ Киселевъ является во внутреннемъ управленіи Имперіи представителемъ прогресса и движенія впередъ, если эти слова вообще примѣнимы въ этой странѣ. Онъ убѣжденный противникъ крѣпостнаго права и, какъ таковой, принималъ главное участіе въ изданіи знаменитаго указа 1842 г., коимъ разрѣшено заключеніе сдѣлокъ между помѣщиками и крестьянами. Графъ Киселевъ выказалъ себя талантливымъ администраторомъ при организаціи Дунайскихъ княжествъ, но при этомъ, разумѣется, долженъ былъ заплатить извѣстную дань современнымъ теоріямъ государственнаго управленія. Въ Россіи онъ исполняетъ только обязанности администратора и поэтому не принимаетъ участія въ настоящей политической дѣятельности, хотя старается осуществить при управленіи удѣльными имѣніями идеи, съ успѣхомъ примѣненныя въ другихъ странахъ. Къ сожалѣнію, ему недостаетъ — какъ вездѣ въ Россіи — надежныхъ и честныхъ подчиненныхъ. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что крестьяне относятся съ недовѣріемъ ко всѣмъ нововведеніямъ Киселева и нигдѣ не оказываютъ содѣйствія осуществленію его плановъ. Особенно тягостными и стѣснительными кажутся крестьянамъ новыя правила лѣсоохраненія, въ которыхъ чувствовалась настоятельная необходимость вслѣдствіе возрастающаго опустошенія лѣсовъ и расчищенія ихъ подъ пашни; удѣльные крестьяне, отпущенные правительствомъ на волю, зачастую говорятъ, что имъ живется хуже, нежели помѣщичьимъ крестьянамъ. Поэтому графъ Киселевъ не пользуется любовью подвѣдомственныхъ ему крестьянъ. Помѣщики и крестьяне относятся къ его преобразованіямъ одинаково недоброжелательно. Быть можетъ, о немъ будутъ судить справедливѣе, когда начатое имъ дѣло будетъ доведено до конца, быть можетъ, министръ, положившій начало этимъ преобразованіямъ, будетъ считаться со временемъ благодѣтелемъ сельскаго населенія. Но и въ настоящее время всѣ признаютъ, что графъ Киселевъ человѣкъ умный, обладающій быстрымъ соображеніемъ, большимъ трудолюбіемъ и честностью. Большинство же не признаетъ его планы достаточно зрѣлыми и основательными.

Управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ послѣ графа Строганова, стоявшаго во главѣ его весьма короткое время, перешло къ

*

графу Перовскому. Это одинъ изъ многочисленныхъ побочныхъ сыновей графа Алексѣя Разумовскаго. При отсутствіи въ Россіи родовитой аристократіи, весьма знаменательно, что знатнѣйшіе придворные лица и сановники (за весьма немногими исключеніями) суть либо выскочки [1]), либо побочныя дѣти. Послѣднихъ особенно много.

Теперешній министръ внутреннихъ дѣлъ усердный работникъ, вѣжливъ въ частной жизни и умѣренъ въ своихъ привычкахъ. Состоя въ генеральномъ штабѣ, онъ дослужился до чина полковника, но занялъ выдающееся положеніе только тогда, когда съ переходомъ въ гражданскую службу онъ былъ назначенъ министромъ удѣловъ. Благодаря его старанію, удѣльные крестьяне были обставлены въ Россіи лучше всѣхъ остальныхъ. Этимъ Перовскій обратилъ на себя вниманіе императора, который ввѣрилъ ему, нѣкоторое время спустя, управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, коимъ онъ руководитъ съ безспорнымъ искусствомъ.

Министромъ народнаго просвѣщенія состоитъ нынѣ князь Ширинскій-Шихматовъ, бывшій помощникъ и временный замѣститель графа Уварова, котораго этотъ сановникъ предложилъ себѣ въ преемники. По своимъ способностямъ Шихматовъ не отличается отъ заряднаго директора канцеляріи. Его научное значеніе ничтожно, образованіе чрезвычайно поверхностное, а взгляды—рутинера, долгое время занимавшаго второстепенное положеніе. Какъ человѣкъ, имя котораго неизвѣстно писателямъ и ученымъ, князь такъ мало подходитъ къ занимаемому имъ посту, что о немъ можно сказать только, что онъ честный человѣкъ и весьма посредственный министръ. Его предшественникъ, графъ Уваровъ былъ такъ долго министромъ и имя его столь извѣстно въ Германіи, что о немъ нельзя не сказать нѣсколько словъ [2]).

Въ послѣдніе годы, Уваровъ сдѣлался горячимъ поборникомъ узкаго славянофильства. Это тѣмъ болѣе удивительно, что этотъ министръ большой поклонникъ иностранной литературы и съ успѣхомъ печаталъ свои статьи въ нѣмецкихъ и французскихъ журналахъ, но по-русски

---

[1]) Недовѣріе императора Николая I къ высшей русской аристократіи зависѣло отъ того, что многіе ея члены принимали участіе въ возмущеніи 14-го декабря 1825 г. и были заподозрѣны въ либеральныхъ и конституціонныхъ стремленіяхъ. Примѣчаніе де-Брэ.

[2]) Графъ Уваровъ занималъ постъ министра просвѣщенія съ 1832 по 1848 г. и съ того же 1832 г. до своей кончины, послѣдовавшей въ 1855 г., былъ президентомъ Академіи наукъ. Его отставка была вызвана тѣми ограниченіями, коимъ подверглись университеты, послѣ того какъ императоръ Николай, подъ впечатлѣніемъ событій революціоннаго 1848 г., учредилъ коммиссію для пересмотра устава высшихъ учебныхъ заведеній, въ коей министръ не принималъ участія.

писалъ очень мало. Приходится допустить, что онъ усвоилъ съ теченіемъ времени это новое направленіе не по своему собственному убѣжденію, а изъ желанія примѣниться къ той системѣ, которая пользовалась покровительствомъ. Тѣмъ не менѣе онъ является ревностнымъ поборникомъ этой системы; этотъ восторженный поклонникъ великаго поэта—Гёте, которому онъ отдалъ дань въ своемъ замѣчательномъ «Notice sur Goethe» и посвященіемъ ему своей «Nonnos von Panopolis,—поставилъ себѣ, повидимому, задачей искоренить изъ прибалтійскихъ губерній нѣмецкую науку и нѣмецкій языкъ и довести до упадка Дерптскій университетъ, достигшій высшей степени процвѣтанія, благодаря нѣмецкой образованности и щедрости русскаго правительства. Если не считать этихъ дѣйствій, совпавшихъ съ послѣдними годами управленія министерствомъ Уваровымъ, то надобно признать его человѣкомъ умнымъ и съ тонко развитымъ вкусомъ. Онъ тонкій знатокъ и любитель искусства, приверженецъ классицизма и употребилъ свое весьма значительное состояніе на то, чтобы окружить себя образцовыми произведеніями древнихъ временъ. Несмотря на занимаемое имъ высокое положеніе, онъ очень чувствителенъ къ похвалѣ со стороны иностранныхъ ученыхъ и обладаетъ тщеславіемъ писателя и ученаго; само собою разумѣется, ему воскуряютъ въ этомъ отношеніи ѳиміамъ. Изъ сочиненій Уварова особенный успѣхъ имѣла статья объ «Элевзинскихъ тайнахъ». Это сочиненіе, изданное въ 1872 г. и свидѣтельствующіе о трудолюбіи и образованности его автора, выдержало нѣсколько изданій.

Вѣдомствомъ путей сообщенія и публичныхъ зданій управляетъ генералъ-адъютантъ графъ Клейнмихель. Отецъ графа былъ въ царствованіе Фридриха Великаго простымъ гусаромъ, затѣмъ поступилъ въ служеніе къ русскому генералу Апраксину былъ зачисленъ въ Воронежскій гусарскій полкъ и позднѣе въ Гатчинскій отрядъ великаго князя Павла Петровича. Отличаясь искусствомъ фехтованія и точнымъ знакомствомъ съ прусскимъ регламентомъ, онъ съумѣлъ обратить на себя вниманіе великаго князя съ такой выгодной стороны, что быстро подвинулся по службѣ и при вступленіи Павла I на престолъ былъ уже маіоромъ гатчинскихъ войскъ и, какъ таковой, получилъ въ подарокъ тысячу душъ крестьянъ. Черезъ шесть мѣсяцевъ онъ уже былъ генераломъ, а нѣсколько времени спустя—директоромъ кадетскаго корпуса. Своему сыну, принятому въ этотъ корпусъ, онъ далъ чисто-военное образованіе, въ которомъ основательность познаній и ученость не играли никакой роли, а главное мѣсто занимали послушаніе, пунктуальность и дѣятельность. Этими качествами молодой Клейнмихель съумѣлъ обратить на себя вниманіе всесильнаго въ послѣдніе годы царствованія Александра I графа Аракчеева, который приблизилъ его къ себѣ. Клейнмихель, въ то время уже генералъ-маіоръ, былъ назначенъ

начальникомъ штаба военныхъ поселеній. Императоръ Николай оцѣнилъ въ немъ человѣка, отличавшагося неутомимой дѣятельностью, горячимъ рвеніемъ къ службѣ и поручилъ ему завѣдываніе работами по постройкѣ сгорѣвшаго Зимняго дворца. Поразительная быстрота, съ какою была окончена эта постройка, въ теченіе одного года, доставила генералу титулъ графа и нѣсколько времени спустя министерскій портфель [1]). Графъ Клейнмихель остался тѣмъ, чѣмъ онъ былъ по природнымъ способностямъ и воспитанію. Дѣятельный, безпощадный и неумолимый въ выборѣ средствъ, онъ не признаетъ трудностей и какъ будто хочетъ доказать, что на свѣтѣ нѣтъ ничего невозможнаго. Онъ относится къ людямъ, какъ къ орудіямъ и машинамъ, не зная состраданія. Имѣя въ своемъ распоряженіи огромныя суммы и неограниченную власть, Клейнмихель возвелъ, во исполненіе императорскихъ приказаній большія и полезныя, зданія. Его ненавидятъ и презираютъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что можно было бы достигнуть тѣхъ же результатовъ, дѣйствуя съ большею кротостью и меньшей поспѣшностью, не истощая средствъ казны, не разоряя подрядчиковъ и не жертвуя множествомъ человѣческихъ жизней.

Изъ министровъ самый старшій лѣтами и первый по положенію есть министръ императорскаго двора, князь Петръ Волконскій. Состоя при императорѣ Александрѣ I начальникомъ Главнаго штаба, Волконскій принималъ видное участіе въ крупныхъ военныхъ побѣдахъ, имѣвшихъ результатомъ вступленіе русскихъ войскъ въ Парижъ. Вскорѣ по восшествіи на престолъ императора Николая I, онъ промѣнялъ военную карьеру на болѣе мирный, но требующій не менѣе труда постъ министра императорскаго двора, въ каковомъ званіи ему приходится завѣдывать многочисленными подвѣдомственными ему учрежденіями. Князь сохранилъ и въ занимаемой имъ нынѣ должности свои привычки: чрезвычайно холодный въ обращеніи и склонный къ бережливости среди расточительнаго общества, онъ отвѣчаетъ обыкновенно отказомъ на всякую просьбу и почти всегда бываетъ пасмуренъ и нахмуренъ. Его называютъ «Prince de pierre» [2]); только благодѣтельному страху, который онъ распространяетъ вокругъ себя, надобно приписать то обстоятельство, что ему удалось ограничить до нѣкоторой степени злоупотребленія и мошенничества, которыя мелкіе чиновники и лакеи съумѣли вездѣ ввести и упрочить. Онъ обремененъ годами и безчисленными наградами, къ которымъ присоединился пожалованный ему нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ фельдмаршальскій жезлъ—единственное отличіе, котораго честолюбіе заставляло его желать. Въ придворномъ

---

[1]) Авторъ несовсѣмъ точенъ въ своихъ словахъ. Ред.

[2]) Каменный князь.

кругу давно уже надѣялись, что ему придется отказаться отъ своихъ многочисленныхъ должностей и передать ихъ другимъ лицамъ, но крѣпкая натура Волконскаго побѣдила всѣ приступы его болѣзни. Онъ по-прежнему пользуется довѣріемъ императора, который цѣнитъ въ немъ преданнаго, энергичнаго и честнаго, хотя подчасъ не вполнѣ покладистаго слугу.

Министромъ финансовъ все еще состоитъ графъ Вронченко, который, какъ помощникъ Канкрина, весьма естественно, былъ избранъ ему въ преемники. Канкринъ довелъ покровительственную таможенную систему, введенную имъ для поощренія отечественной промышленности, до чудовищныхъ размѣровъ и поддерживалъ ее цѣною огромныхъ жертвъ. Послужитъ ли созданная этимъ русская промышленность къ пользѣ или къ вреду государства, покажетъ будущее. Съ какой бы точки зрѣнія ни судить о заслугахъ графа Канкрина, все же надобно признать, что его преемникъ въ нихъ не причастенъ и не обладаетъ необходимыми способностями для исполненія тѣхъ важныхъ обязанностей, какія на него возложены. Вронченко не имѣетъ ни одного изъ тѣхъ качествъ, какія необходимы въ занимаемой имъ должности. Его познанія равняются познаніямъ сборщика податей; главное средство, къ которому онъ прибѣгаетъ, это выпускъ все новыхъ и новыхъ ассигнацій. Честность, преданность и беззаботность, съ какою онъ приноситъ будущее въ жертву требованіямъ минуты, снискали ему расположеніе монарха, который съ трепетомъ ожидаетъ той минуты, когда тяжелая болѣзнь, какою страдаетъ Вронченко, сдѣлаетъ необходимымъ избрать ему преемника. Его помощникъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Брокъ, считается человѣкомъ, знающимъ свое дѣло и самымъ выдающимся, дѣльнымъ и способнымъ финансистомъ Россіи, но всеобщимъ и наибольшимъ уваженіемъ пользуется тайный совѣтникъ Тенгоборскій, пріобрѣтшій извѣстность своимъ сочиненіемъ о финансахъ Австріи. Несмотря на свою даровитость, этотъ выдающійся человѣкъ не имѣетъ ни малѣйшей надежды стать когда-либо во главѣ министерства финансовъ, но въ Государственномъ Совѣтѣ, членомъ коего онъ состоитъ, нерѣдко обращаются къ нему за совѣтомъ.

Управленіе почтовымъ вѣдомствомъ, образовавшимъ отдѣльное министерство, находится въ вѣдѣніи генералъ-адъютанта графа Адлерберга. Какъ сынъ начальницы института благородныхъ дѣвицъ, графини Адлербергъ, связанной съ императрицей Маріей Ѳеодоровной узами дружбы, молодой Адлербергъ воспитывался вмѣстѣ съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ и поэтому съ дѣтства пользовался его дружбою. Адлербергъ, человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ достойный, оправдываетъ довѣріе, оказываемое ему монархомъ, котораго онъ сопровождаетъ во всѣхъ путешествіяхъ, исполняя во время поѣздокъ обязан-

ности директора военно-походной канцеляріи и замѣняя такимъ образомъ отсутствующаго военнаго министра. И онъ, подобно большинству министровъ и высшихъ сановниковъ, получилъ въ настоящее царствованіе титулъ графа. Адлербергъ принадлежитъ къ числу немногихъ интимныхъ друзей монарха, которые образуютъ небольшой кружокъ его приближенныхъ; къ числу ихъ принадлежитъ графъ Орловъ, и въ нѣкоторомъ отношеніи, графъ Киселевъ, а также графъ Перовскій, который, состоя оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ, не теряетъ надежды повторить походъ въ Хиву.

Къ числу самыхъ выдающихся изъ приближенныхъ императора принадлежитъ, наконецъ, генералъ баронъ Вильгельмъ Ливенъ, извѣстный своей честностью, основательнымъ образованіемъ и свѣтлымъ умомъ. Изъ числа разнообразныхъ трудныхъ порученій, съ успѣхомъ имъ исполняемыхъ, болѣе всего обратили на себя вниманіе переговоры, благодаря которымъ было остановлено движеніе Ибрагима-паши къ Константинополю. Находясь всегда въ свитѣ императора, Ливенъ, человѣкъ еще довольно молодой, будетъ вѣроятно еще долго играть видную роль. Происходя изъ дворянскаго рода Курляндіи, баронъ—преданный слуга Россіи, но не забываетъ однако своего нѣмецкаго происхожденія.

Во главѣ министерства юстиціи стоитъ графъ Панинъ. Это человѣкъ образованный и доброжелательный, но ввѣренное ему вѣдомство составляетъ самую жалкую отрасль администраціи, а между тѣмъ министръ не можетъ ничего измѣнить. Панинъ ограничивается исполненіемъ своихъ служебныхъ обязанностей, не имѣя внѣ этой сферы сколько-нибудь значительнаго вліянія. Подчиненные не любятъ холоднаго, мало доступнаго графа.

Директоромъ (втораго отдѣленія) канцеляріи его величества и руководителемъ данной ей законодательной власти состоитъ графъ Блудовъ; это какъ бы второй министръ юстиціи. По уму и образованію графъ одинъ изъ выдающихся дѣятелей Россіи. Онъ представитель старой классической школы и отличается любезностью въ обхожденіи и остроуміемъ. Вступивъ въ исполненіе своихъ теперешнихъ обязанностей въ 1847 г., онъ принималъ значительное и весьма благотворное участіе въ упорядоченіи дѣлъ католической церкви.

При описаніи приближенныхъ императора, нельзя пройти молчаніемъ принадлежащихъ къ двору дамъ. Императрица пользуется всеобщимъ уваженіемъ и преданностью. Супруга императора Николая I въ теченіе 34 лѣтъ оказывала постоянно благодѣтельное вліяніе на окружающихъ. Среди развлеченій довольно легкомысленнаго, хотя въ послѣднее время сдѣлавшагося нѣсколько серьезнѣе двора, императрица была всегда одинаково добра. Послѣ смерти своей ближайшей подруги баронессы Фредериксъ, она оказываетъ особое расположеніе и довѣріе

графинѣ Барановой и Екатеринѣ Тизенгаузенъ. Графиня Баранова, сестра Адлерберга, была нѣкогда воспитательницей царскихъ дѣтей, нынѣ же исполняетъ обязанности обергофмейстерины; она обладаетъ такими же качествами, какъ и ея братъ. Графиня Тизенгаузенъ, невѣстка бывшаго австрійскаго посланника въ Петербургѣ, графа Фикельмонта, только фрейлина, но, какъ всегдашняя спутница императрицы и ея довѣренное лицо, занимаетъ исключительное положеніе

Въ числѣ приближенныхъ императора нѣтъ болѣе сколько-нибудь выдающихся лицъ. Обергофмаршалъ графъ Шуваловъ—неутомимый и аскусный управитель дворца и благодаря этимъ качествамъ умѣетъ удержаться на своемъ посту; обергофмейстеръ Рибопьеръ—любезный болтунъ и, какъ таковой, приглашается обыкновенно на вечернія собранія императрицы и часто исполняетъ обязанность чтеца ея величества. Художественный элементъ имѣетъ своего представителя въ придворномъ кругу въ лицѣ графа Віельгорскаго. Высказываемыя имъ сужденія о новѣйшихъ музыкальныхъ произведеніяхъ и объ иностранныхъ артистахъ, выступающихъ въ Петербургѣ, считаются авторитетными. Блестящій умъ и фантазія этого умнаго и любезнаго эпикурейца такъ неистощимы, что ради нихъ не обращаютъ вниманія на маленькія увлеченія, которыя случаются иногда съ этимъ усерднымъ поклонникомъ Бахуса.

Какъ извѣстно, съ объявленіемъ Крымской войны, въ исторіи Россіи и императора Николая началась новая эпоха, и 1852-й годъ былъ послѣднимъ спокойнымъ годомъ въ исторіи этого монарха. Записка, составленная графомъ де-Брэ въ ноябрѣ мѣсяцѣ этого года, характеризуетъ высшее развитіе той системы, которой придерживались въ Россіи съ 1825 г. и окончанія которой въ то время еще не предвидѣли. Вслѣдствіе случайнаго стеченія обстоятельствъ, графъ де-Брэ уѣхалъ изъ Петербурга весною 1853 г., когда Николай I велъ столь чреватые послѣдствіями переговоры съ сэромъ Гамильтономъ Зейманомъ. Въ это время де-Брэ былъ посланъ своимъ дворомъ съ дипломатическимъ порученіемъ въ Стокгольмъ.

Воспользовавшись, по исполненіи этого порученія, кратковременнымъ отпускомъ и совершивъ въ это время небольшое путешествіе во Францію, Италіи и Германіи, Брэ возвратился въ Петербургъ только въ ноябрѣ мѣсяцѣ и нашелъ въ немъ большія перемѣны. Во время его отъѣзда изъ Россіи въ мартѣ мѣсяцѣ, въ Петербургѣ всѣ были увѣрены въ томъ, что Турція, уступивъ русскимъ требованіямъ, прекратитъ натянутое положеніе, волновавшее Европу съ тѣхъ поръ, какъ между нею и Россіей возникли несогласія изъ за «Святыхъ мѣстъ». Въ этомъ

смыслѣ де-Брэ писалъ баварскому министру-президенту Пфордтену въ своей послѣдней депешѣ передъ отъѣздомъ изъ Петербурга и при этомъ замѣтилъ, что и въ Петербургѣ надѣются на сохраненіе мира. Между тѣмъ вызывающее поведеніе Меншикова въ Константинополѣ и совѣты французскаго и англійскаго посланниковъ побудили султана отклонить требованіе Россіи и дѣйствовать столь рѣшительно, что императоръ Николай счелъ нужнымъ отвѣтить на это занятіемъ Дунайскихъ княжествъ.

Когда де-Брэ возвратился въ Петербургъ въ свою квартиру въ домѣ Лазарева, то на Дунаѣ уже начались непріязненныя дѣйствія, и появленіе англо-французскаго флота въ Безикской бухтѣ свидѣтельствовало неопровержимо объ участіи, какое западныя державы принимали въ судьбѣ «больнаго человѣка».

Въ силу всего этого зима 1853—54 г. была не изъ веселыхъ. Печальныя извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій смѣнялись извѣстіями о неблагопріятномъ ходѣ конференціи, происходившей въ Вѣнѣ, и къ началу весны выяснилось, что Россіи придется воевать съ западными державами, не ожидая поддержки со стороны Берлинскаго кабинета, на которую въ Петербургѣ до тѣхъ поръ твердо разсчитывали. Что касалось Австріи, то можно было даже предполагать, что эта держава станетъ на сторону союзниковъ.

Само собою разумѣется, что баварскій посланникъ былъ только посторроннимъ наблюдателемъ какъ этихъ, такъ и послѣдующихъ событій. Но они пріобрѣли и для него нѣкоторое значеніе, когда, съ отозваніемъ съ той и съ другой стороны посланниковъ, окончательный разрывъ съ западными державами сталъ совершившимся фактомъ. «По порученію французскаго посланника [1]), съ которымъ я состоялъ въ дружескихъ отношеніяхъ»,—пишетъ де-Брэ въ своихъ воспоминаніяхъ,—«мнѣ было предложено заботиться о безопасности французскихъ, а впослѣдствіи и сардинскихъ подданныхъ въ Россіи и быть представителемъ ихъ интересовъ. Со стороны русскаго правительства на это послѣдовало полное согласіе, такъ что личные интересы всѣхъ проживавшихъ въ Россіи французовъ и сардинцевъ были такъ же точно обезпечены, какъ и въ мирное время».

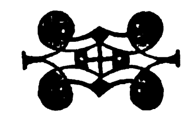
Само собою понятно, что тотъ фактъ, что посланникъ второстепенной державы явился представителемъ французскихъ интересовъ, былъ отличіемъ довольно необычайнымъ. На немъ лежали такимъ образомъ большія, не всегда удобныя и при томъ весьма отвѣтственныя хлопоты и заботы, которыя продолжались цѣлыхъ два года и прекратились только

---

[1]) Французскимъ посланникомъ въ Петербургѣ въ моментъ объявленія войны былъ генералъ Кастельбажакъ.

съ назначеніемъ, послѣ заключенія Парижскаго мира, къ русскому двору новаго французскаго посланника, графа, впослѣдствіи герцога де-Морни.

Этотъ разъ де-Брэ провелъ въ Петербургѣ въ званіи дипломатическаго представителя Баваріи около девяти лѣтъ. Когда онъ былъ наконецъ отозванъ (въ мартѣ мѣсяцѣ 1859 г.), то Россія вступила на путь либеральныхъ реформъ, отъ которыхъ монархъ и народъ ожидали обновленія русской государственной и общественной жизни. Разлука со столицею обширной Имперіи, въ которой закипала новая жизнь, должна была показаться графу де-Брэ тѣмъ болѣе тяжелою, что Берлинъ, куда онъ былъ перемѣщенъ, представлялъ въ то время весьма мало привлекательнаго. Впрочемъ, де-Брэ пробылъ тамъ всего одинъ годъ. 27-го марта 1860 г. онъ былъ назначенъ посланникомъ въ Вѣну на мѣсто скончавшагося графа Лерхенфельда и пробылъ на этомъ посту десять лѣтъ.

ранскій не въ однихъ блестящихъ его качествахъ и дѣйствіяхъ, но и въ превратностяхъ и слабостяхъ, свойственныхъ всякому земнородному. Намъ нужна исторія—вѣрная, точная, неумолимая въ истинѣ,—а не панегирикъ. Задача большая и трудная, но, надѣюсь, не невозможная».

Работа шла у Корфа успѣшно. Уже много матеріала для біографіи Сперанскаго было имъ собрано изъ бумагъ, разсказовъ, собственныхъ воспоминаній. Но чѣмъ болѣе матеріала набиралось у Корфа, тѣмъ болѣе онъ видѣлъ, сколь многаго у него еще не доставало. «Корыстолюбіе человѣческое ненасытно, и богатому всегда хочется быть еще богаче»,—писалъ онъ, и съ этою цѣлью онъ входилъ въ сношенія со всѣми, въ комъ онъ надѣялся встрѣтить содѣйствіе задуманному предпріятію. Къ имѣющимся уже въ печати свѣдѣніямъ [1]) можемъ добавить слѣдующее не безъинтересное письмо, полученное Корфомъ въ 1846 году отъ архіепископа владимірскаго Парѳенія Черткова († въ 1853 году архіепископомъ воронежскимъ):

«Ваше превосходительство милостивый государь!

Простите моей медленности, что доселѣ не отвѣчалъ на почтеннѣйшее письмо вашего превосходительства о доставленіи свѣдѣній касательно происхожденія, молодости, воспитанія и ученія государственнаго сановника, блаженной памяти Михаила Михайловича Сперанскаго. Знаменитыя заслуги его и блистательныя достоинства, ваше благородное побужденіе и священное чувство признательности, собственное мое глубокое уваженіе—сильные двигатели моей многоболѣзненной старости къ содѣйствію вашему благому предпріятію. Это заставило меня хлопотать, и время длилось. Было предписано сдѣлать выправку по Владимірской консисторіи, Владимірской семинаріи, Суздальской бывой консисторіи и Суздальской семинаріи. Вызывалъ роднаго зятя, села Черкутина протоіерея Михаила Ѳеодорова, заступившаго мѣсто родителя покойнаго графа; относился къ чиновнику Лаврову, соученику Михаила Михайловича. Спрашивалъ и другихъ, знавшихъ его. Къ сожалѣнію, поискъ оказался скуденъ. По архивамъ Суздальской и Владимірской консисторій и семинарій Суздальской и Владимірской ничего не найдено; по Владимірской консисторіи сдѣлана выписка изъ исповѣдныхъ росписей о семействѣ и родѣ. Отъ отца протоіерея Михаила Ѳеодорова, зятя, представлена записка не безъ интереса; доставлена копія съ письма покойнаго къ несчастному по семинаріи, кажется, соученику и пріятелю. Болѣе матеріаловъ нѣтъ. Копію съ прописанныхъ матеріаловъ честь имѣю при семъ препроводить, а также записку отъ

---

[1]) См. Н. Барсуковъ, „Жизнь и труды М. П. Погодина“, книга девятая, Спб. 1895, стр. 171—173; „Русская Старина“, 1899 года, декабрь, стр. 666.

зятя двоюродной сестры, у которой жилъ Михаилъ Михайловичъ, учась въ семинаріи.

Слышалъ я, что Прасковья Михайловна [1]) выдала очеркъ жизни своего родителя на французскомъ языкѣ, ничего не упомянувъ о его происхожденіи. Онъ тѣмъ и высокъ, что съ низу восходилъ въ верхъ, безъ подпоръ, и подымался собственною энергіею, своими талантами и достоинствомъ.

Я совѣтовалъ роднымъ, чтобы для ознаменованія памяти на мѣстѣ рожденія поставили памятникъ, т. е. прислали бы въ церковь села Черкутина образъ ангела Михаила Михайловича, въ приличномъ окладѣ и рамѣ, въ низу бы котораго на мѣдной доскѣ вычеканить краткое жизнеописаніе. Родный племянникъ Михаила Михайловича, надворный совѣтникъ Сперанскій изъявилъ согласіе. А чтобы упрочить поминовеніе, взнесли бы какую-нибудь сумму. Призывая на васъ Божіе благословеніе и поручая себя вашему милостивому расположенію, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою Пареерій, архіепископъ владимірскій.

Не взыщите на дряхломъ и многоболѣзненномъ старикѣ, что намаралъ и напуталъ».

Іюля 9 дня 1846 г.

Матеріалы, и въ томъ числѣ драгоцѣнные, получались Корфомъ со всѣхъ концовъ Россіи. Съ 1846-го же года Корфъ приступилъ къ обработкѣ нѣкоторыхъ частей біографіи Сперанскаго, и въ слѣдующемъ, 1847-мъ году имъ были кончены отдѣлы: Дѣятельность Сперанскаго при лицѣ императора Александра (1808—1812 гг.); Заточеніе; Пребываніе въ Пензѣ и Сибири. Созрѣвала обширная часть: Сперанскій до Александра. Изъ другихъ частей готовы были лишь нѣкоторыя отдѣльныя главы. «Но все это, и готовое, и неготовое,—писалъ Корфъ въ 1847 г.,—требуетъ еще многихъ дополненій по безпрестанно вновь приходящимъ матеріаламъ, пересмотра, очистки, исправленій. Если я говорю: готово—значитъ вчернѣ. Въ смыслѣ готоваго къ печати (хотя она, разумѣется, и въ голову мнѣ не приходитъ) нѣтъ еще ничего».

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть о томъ дѣятельномъ участіи, которое Корфъ встрѣтилъ тогда при своей работѣ въ Козьмѣ Григорьевичѣ Рѣпинскомъ († въ 1876 г., въ званіи сенатора), въ теченіе долгихъ лѣтъ близко стоявшемъ къ Сперанскому и столь же благоговѣвшемъ предъ его личностью и дѣятельностью, какъ и авторъ «Жизни графа Сперанскаго». К. Г. Рѣпинскій былъ существенно полезенъ для труда Корфа какъ до-

[1]) Единственную дочь Сперанскаго, бывшую замужемъ за А. А. Фроловымъ-Багрѣевымъ, звали, какъ извѣстно, Елизаветою, а не Прасковьею.

ставленіемъ принадлежавшихъ ему драгоцѣнныхъ бумагъ Сперанскаго [1]), такъ и своими замѣчаніями и указаніями, какъ участникъ въ трудахъ Сперанскаго и свидѣтель его многообразной дѣятельности. И Корфу, сообщавшему К. Г. Рѣпинскому на просмотръ черновыя тетради своего труда, приходилось по его поправкамъ и дополненіямъ совершенно передѣлывать нѣкоторыя части біографіи Сперанскаго.

Продолжая свои занятія надъ жизнеописаніемъ Сперанскаго, баронъ Корфъ напечаталъ въ 1848 году небольшую, но цѣнную статью «О воспоминаніяхъ г. Булгарина касательно графа М. М. Сперанскаго [2])», а въ 1853 году думалъ даже испросить высочайшее соизволеніе на напечатаніе одной главы изъ своего труда, которую онъ считалъ доступною гласности.

Лѣто 1856 года баронъ Корфъ проводилъ въ Висбаденѣ; туда нарочно пріѣхала для свиданія съ нимъ дочь Сперанскаго, Е. М. Фролова-Багрѣева. «Въ это свиданіе—пишетъ Корфъ,—она, давно уже знавъ, что я занимаюсь біографіею ея отца, рѣшилась передать мнѣ оставшіяся послѣ него бумаги и письма, а я заявилъ ей, что сложу ихъ въ Публичную Библіотеку. Все это и было затѣмъ исполнено,—къ счастью, потому что г-жа Багрѣева умерла не болѣе, какъ черезъ полгода послѣ того».

Тогда же Е. М. Фролова-Багрѣева выразила желаніе, чтобы всѣ письма къ ней отца были изданы, по возможности, вполнѣ. Приступивъ къ подготовительнымъ работамъ по изданію въ свѣтъ этихъ писемъ, баронъ Корфъ убѣдился, «что печатать ихъ безъ біографическихъ, историческихъ и другихъ объяснительныхъ примѣчаній, значило бы погрузить читателя въ совершенной хаосъ темныхъ загадокъ и непонятныхъ намековъ» [3]). Это побудило его заняться составленіемъ такихъ примѣчаній, извлеченныхъ изъ собранныхъ имъ матеріаловъ для біографіи Сперанскаго. Примѣчанія эти онъ думалъ размѣщать подъ текстомъ писемъ. «Но нѣсколько попытокъ такого рода, исполненныхъ по разнымъ планамъ, скоро удостовѣрили Корфа, что безпрестанныя выноски, часто очень обширныя, развлекая ежеминутно вниманіе читающаго, все же, по самой своей отрывочности и разрозненности, не дали бы ему полнаго и яснаго понятія о событіяхъ и лицахъ, упомянутыхъ въ письмахъ, во многихъ же случаяхъ мало помогли бы ему и къ самому ихъ пониманію» [4]).

---

[1]) Нынѣ составляютъ собственность Императорской Публичной Библіотеки, которой были принесены въ даръ сенаторомъ Г. К. Рѣпинскимъ.

[2]) См. „Русскій Инвалидъ“ 1848 года, № 138; затѣмъ перепечатано въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1848 года, № 144.

[3]) „Жизнь графа Сперанскаго“, т. I. Спб. 1861, предисловіе, стр. I—II.

[4]) Тамъ же, стр. II—III.

Тогда Корфъ пришелъ къ рѣшенію свести уже бывшія написанными части біографіи Сперанскаго и всѣ отдѣльныя замѣтки въ одно цѣлое, т. е. въ послѣдовательный разсказъ, который служилъ бы введеніемъ и ключемъ къ содержанію писемъ. Но необходимо было повѣрить результаты прежнихъ изысканій и дополнить ихъ новыми данными, въ особенности тѣми, которыя могли найтись въ бумагахъ Сперанскаго, пожертвованныхъ Публичной Библіотекѣ его дочерью. Тутъ баронъ Корфъ встрѣтилъ дѣятельнаго и ближайшаго сотрудника въ А. Ѳ. Бычковѣ, тогдашнемъ старшемъ библіотекарѣ и хранителѣ рукописей Библіотеки (впослѣдствіи ея директорѣ). Какъ въ былые годы К. Г. Рѣпинскому, такъ теперь А. Ѳ. Бычкову сообщалъ Корфъ на просмотръ черновыя тетради своего труда, прося критики и замѣчаній какъ относительно редакціи, такъ и самаго плана, а въ особенности дополненій на основаніи вышепомянутыхъ бумагъ Сперанскаго. Текстъ біографіи Сперанскаго посылался также и К. Г. Рѣпинскому, продолжавшему относиться къ труду Корфа съ прежнимъ вниманіемъ и любовью и сообщать цѣнныя на него замѣчанія.

Наконецъ Корфъ испросилъ высочайшее соизволеніе издать «Жизнь графа Сперанскаго», въ той степени, въ какой она тогда была возможна. При этомъ сочиненіе Корфа, какъ извѣстно, прошло предварительно въ полномъ составѣ черезъ цензуру графа Д. Н. Блудова, а въ важнѣйшихъ частяхъ черезъ собственную цензуру императора Александра II [1]).

Приступивъ къ печатанію «Жизни графа Сперанскаго», баронъ Корфъ привлекъ къ этому дѣлу и А. Ѳ. Бычкова, и К. Г. Рѣпинскаго. Планъ, котораго рѣшено было держаться при печатаніи, былъ слѣдующій: корректурные листы изъ типографіи доставлялись барону Корфу, К. Г. Рѣпинскому и А. Ѳ. Бычкову; въ случаѣ сомнѣній и поправокъ въ самомъ текстѣ А. Ѳ. Бычковъ и К. Г. Рѣпинскій присылали просмотрѣнные ими листы къ барону Корфу, если же были находимы однѣ типографскія поправки, то листы, для исправленія, посылались ими прямо въ типографію; исправленные типографіею листы снова присылались барону Корфу, а затѣмъ все на окончательный просмотръ передавалось Корфомъ А. Ѳ. Бычкову. Эту процедуру самъ баронъ Корфъ находилъ длинноватою, но за то полагалъ, что она болѣе всякой другой обезпечитъ вѣрность изданія и внутреннее его достоинство.

Въ срединѣ сентября 1861 года печатаніе книги было кончено. «Не знаю, какая участь ожидаетъ мою книгу и со стороны будущихъ ея

[1]) См. біографическій очеркъ графа М. А. Корфа, написанный А. Ѳ. Бычковымъ и напечатанный въ журналѣ „Древняя и Новая Россія“ 1876 г., (т. I, стр. 334).

читателей (если такіе найдутся), и со стороны критики, особенно при нынѣшнемъ ея направленіи и тонѣ; точно также недоумѣваю и о томъ, что̀ ожидаетъ автора, сколько онъ ни старался оградить себя всевозможными гарантіями—писалъ Корфъ;—но по крайней мѣрѣ въ собственныхъ моихъ глазахъ, написавъ и издавъ эту книгу, я прожилъ на свѣтѣ не совсѣмъ безполезно и, думаю, совершилъ вмѣстѣ и подвигъ гражданскаго мужества, ибо легко себѣ представить, какъ возопіютъ камарилла и длинный ея хвостъ. «Каменіемъ побіютъ»—какъ говаривалъ Сперанскій. А передовая партія всетаки тоже будетъ недовольна—за умолчанія и за выставку на показъ императора Николая... Остается только желать, чтобъ, при назначеніи, данномъ отъ меня моей книгѣ [1]), ее какъ можно болѣе читали, т. е. какъ можно болѣе раскупали на пользу дорогой нашей Библіотеки».

Дѣйствительно, по выходѣ въ свѣтъ «Жизни графа Сперанскаго» ея автору пришлось даже вступать съ нѣкоторыми лицами въ полемику, частью печатную, частью рукописную, а вслѣдствіе указанныхъ печатью нѣкоторыхъ ошибокъ и неточностей въ его книгѣ, было сочтено необходимымъ исправить эти погрѣшности и выпустить въ декабрѣ 1861 года исправленное ея изданіе. Въ обоихъ случаяхъ баронъ Корфъ также пользовался ближайшимъ содѣйствіемъ А. Ѳ. Бычкова.

Кромѣ писемъ и записокъ барона Корфа къ А. Ѳ. Бычкову, имѣющихъ отношеніе къ «Жизни графа Сперанскаго», мы помѣщаемъ здѣсь, по тѣсной съ ними связи, рукописную полемику барона Корфа съ А. А. Краевскимъ и письмо Корфа къ В. И. Пестелю, а также «Мысли» автора «Жизни графа Сперанскаго», которыя онъ хотѣлъ видѣть внесенными въ предисловіе къ его книгѣ, если бы когда-либо послѣдовало новое ея изданіе.

И. Бычковъ.

1.

12-го декабря 1858 г.

Завтра, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, я надѣюсь представить вамъ часть моей работы по замышленному вами плану, а между тѣмъ прочтите прилагаемую тетрадь. Едва ли исторія какого-нибудь государства представляетъ что-нибудь подобное, и не знаю, возможенъ ли будетъ тотъ трудъ, за который гр(афъ) Аракчеевъ назначилъ милліонъ, безъ помощи такихъ и имъ подобныхъ матеріаловъ.

---

[1]) Деньги, вырученныя отъ продажи экземпляровъ „Жизни графа Сперанскаго", были пожертвованы барономъ Корфомъ въ пользу Императорской Публичной Библіотеки.

2.

26-го декабря 1858 г.

Вотъ, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, первые листы моей работы. Прошу убѣдительно критики самой строгой, даже придирчивой, во всѣхъ отношеніяхъ, т. е. ясности, точности и слога. Для меня гораздо менѣе важности въ томъ, что тутъ мое имя, сколько въ самомъ предназначеніи работы: жить для потомства. Гдѣ вы найдете только переставить слова, перемѣнить выраженія и т. п., тамъ прошу отмѣчать предлагаемую вами перемѣну, не теряя времени на мотивированіе. Остальное стану пересылать къ вамъ, по мѣрѣ какъ будетъ поспѣвать. Впередъ приношу вамъ искреннюю благодарность за пріязненное содѣйствіе въ этомъ важномъ трудѣ.

3.

(1859 г.)

Вотъ, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, глава, отдѣланная мною еще до болѣзни моей дорогой малютки [1]) и теперь перебѣленная. По всему вижу, что вы меня завлекли въ настоящую біографію, что̀, можетъ статься, и не худо, лишь бы позволили напечатать.

У меня все плохо и сердце совсѣмъ изныло.

4.

9-го марта 1859 г.

Въ 1848 г(оду), по случаю помѣщенныхъ мною въ «Инвалидѣ» замѣтокъ на воспоминанія Булгарина о гр(афѣ) Сперанскомъ, Погодинъ напечаталъ въ «Москвитянинѣ» статью съ разными анекдотами о послѣднемъ [2]). Потрудитесь, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, доставить мнѣ книжку «Москвит(янина)», гдѣ напечатана эта статья.

5.

13-го марта 1859 г.

Сданы ли намъ, въ числѣ прочихъ бумагъ, Бесѣды Спер(анскаго) съ государемъ наслѣдникомъ [3])? Если да, то прошу васъ, любезный Аѳа-

[1]) Малолѣтной дочери барона М. А. Корфа, Елены Модестовны.

[2]) Статья М. П. Погодина „Нѣсколько словъ по поводу статьи барона М. А. Корфа о Сперанскомъ", напечатана въ № 8 „Москвитянина" за 1848 г

[3]) Изданы А. Ѳ. Бычковымъ въ „Сборникѣ Императ. Русскаго Историч. Общества", т. XXX, Спб. 1881, стр. 323—490.

*

насій Өедоровичъ, мнѣ ихъ прислать. Вообще я просилъ бы васъ доставить мнѣ все, что̀ найдется между рукописями интереснаго объ эпохѣ послѣ 1826-го года, о которой я болѣе богатъ воспоминаніями, нежели документами.

6.

10-го апрѣля 1859 г.

Не поскучайте, ради Бога, любезный Аөанасій Өедоровичъ, еще разъ внимательно пересмотрѣть наше предисловіе: эта передовая статья чрезвычайно важна для успѣха всей работы. Въ прилагаемой редакціи я старался съ благодарностію воспользоваться и вашими замѣчаніями, и нѣкоторыми замѣтками князя В(ладиміра) Ѳ(едоровича) [1]).

7.

5-го іюля 1859 г.

Конецъ и Богу слава, а вамъ, любезный Аөанасій Өедоровичъ, искреннее мое спасибо, и за все прошлое и за предстоящее еще. Завтра надѣюсь представить вамъ и предисловіе.

8.

7-го декабря 1860 г.

Позвольте, любезный Аөанасій Өедоровичъ, утрудить васъ новою работою и новою просьбою, именно просмотрѣть внимательно—не только въ редакціи, но и въ сущности мыслей и въ планѣ—прилагаемыя двѣ пьесы. Это предисловіе и окончательное заключеніе моего Сперанскаго, заново передѣланныя. Одно важно какъ фронтисписъ, другое—какъ букетъ, заканчивающій фейерверкъ. Надѣюсь на ваше обязательное содѣйствіе.

9.

27-го февраля 1861 г.

Завтра мы переговоримъ о дѣлѣ печатанія біографіи Сперанскаго, которое рѣшено благопріятно.

10.

22-го марта 1861 г.

Вотъ, любезный Аөанасій Өедоровичъ, первый день, или первый листъ моего дѣтища, которое поручаю вашему доброму покровительству. Въ случаѣ какихъ-нибудь сомнѣній, мы можемъ объясниться завтра по пріѣздѣ моемъ въ Б(ибліоте)ку.

---

[1]) Одоевскаго.

11.

10-го апрѣля 1861 г.

Принимая давича отъ васъ мою книгу, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, я былъ въ мысли, что вы отмѣтили въ ней тѣ перемѣны, которыя признаете нужными сдѣлать; но какъ я нашелъ въ ней только закладки, вѣроятно на тѣхъ мѣстахъ, по которымъ вы хотѣли со мною лично объясниться, а такое объясненіе могло бы быть только въ середу (завтра мнѣ никакъ нельзя быть въ Библіотеку), а между тѣмъ типографія не будетъ имѣть оригиналъ, то я просилъ бы васъ покорно принять трудъ означить карандашемъ, на подлинномъ экземплярѣ или на особыхъ листахъ, тѣ измѣненія, выпуски и пр., которые вамъ представляются необходимыми, и въ такомъ видѣ мнѣ снова прислать.

12.

11-го апрѣля 1861 г.

Вновь благодаря васъ, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, за теплое ваше содѣйствіе и добрые совѣты, думаю, что для того, чтобы не останавливать набора, мы можемъ прямо перейти къ III-й части, которою начнется новый томъ, а слѣдственно и новая нумерація страницъ. Тогда намъ можно будетъ еще ближе и не торопясь обдумать сомнительныя мѣста II-го и даже представить ихъ сперва его величеству.

На случай, что вы согласитесь съ моею мыслію, прилагаю здѣсь III-й томъ.

13.

12-го мая 1861 г.

Когда дойдетъ до записки Филимонова о высылкѣ Сперанскаго изъ Нижняго, надо будетъ, по извѣстной вамъ причинѣ, прибавить въ выноскѣ нѣчто въ родѣ слѣдующаго: «По просьбѣ покойнаго генерала Михайловскаго-Данилевскаго, мы нѣкогда сообщали ему эту записку, которая, какъ намъ извѣстно, разошлась отъ него потомъ по рукамъ, но съ разными прибавками и прикрасами» [1]).

14.

18-го мая 1861 г.

Наконецъ я получилъ отъ Г. С. Батенкова [2]) обратно IV и V части съ разными замѣтками и дополненіями, которыми очень не лишнее бу-

[1]) См. „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 68.

[2]) Декабриста Гавріила Степановича Батенкова († 1863), служившаго въ Сибири при Сперанскомъ.

детъ заимствоваться,—особенно за Сибирскій періодъ. Языкъ его напыщенный, вычурный и, какъ самъ онъ сознается, не клеется къ тону нашего разсказа; но факты имѣютъ свою цѣну. Впрочемъ и изъ нихъ многіе мнѣ были извѣстны, даже подробнѣе его; но ни прежде я не рѣшался, ни теперь не рѣшусь вводить ихъ въ мою книгу. Мало ли что интересно!

Между тѣмъ вамъ, любезный мой сотрудникъ, вѣрно интересно будетъ взглянуть на замѣтки, которыя онъ сдѣлалъ на первые 4, тогда же отосланные мною къ нему листа. На двѣ или три вы найдете тутъ и мои отвѣты. Впрочемъ заимствоваться, для перепечатки вновь, изъ нихъ, кажется, нечѣмъ.

15.

21-го мая 1861 г.

Наконецъ, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, возвратилась наша глава, съ надписью: «Можно напечатать, кромѣ зачеркнутыхъ словъ». Къ счастію, пропускъ этихъ словъ ничего не измѣняетъ и не портитъ.

При всемъ томъ, я еще вамъ не посылаю ее, потому что мнѣ надобно сперва нѣсколько исправить и дополнить предъидущую ей, которая у васъ, или въ типографіи. Не помню, набрана ли уже она, но, во всякомъ случаѣ, вѣрно еще не оттиснута. Вы очень обязали бы меня доставленіемъ ее завтра, въ понедѣльникъ: тогда я очень скоро вышлю вамъ обѣ, и потомъ дѣло пойдетъ уже какъ по маслу.

16.

9-го іюня 1861 г.

Вотъ, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, просмотрѣнные уже вами листы—съ корректурами, еще не бывшими у васъ въ виду, К. Г. Рѣпинскаго. Предаю ихъ на ваше усмотрѣніе. Кое-что, показавшееся мнѣ въ нихъ довольно уважительнымъ, я подчеркнулъ краснымъ карандашемъ.

Вчера продержали насъ въ Совѣтѣ до половины 6-го, а сегодня опять туда собираютъ.

Графъ Строгановъ [1]) сказывалъ мнѣ вчера, что встрѣчалъ у Сперанскаго Пушкина и присутствовалъ при ихъ обоюдныхъ толкахъ объ «Исторіи Пугачевскаго бунта». Хорошо было бы знать, бывали ли у него, въ Петербургѣ, другіе литераторы и ученые той эпохи. Не сообщитъ ли намъ что-либо Косьма Григорьевичъ [2])?

---

[1]) Графъ Сергѣй Григорьевичъ, членъ Государственнаго Совѣта, бывшій попечитель Московскаго учебнаго округа.

[2]) Рѣпинскій.

17.

10-го іюня 1861 г.

Можно ли и прилично ли будетъ гдѣ-нибудь, въ текстѣ или въ выноскѣ, упомянуть, что Сперанскій нерѣдко посмѣивался надъ номинальными, неосуществленными должностію титулами, точно такъ же, какъ и надъ пѣшими «кавалерами»?

Вчерашнія мои передѣлки (о томъ, какъ бы былъ принятъ и понятъ общій планъ преобразованій) необходимо требуютъ, опять и снова, самаго тщательнаго пересмотра. Бѣда да и только съ этимъ Прокрустовымъ ложемъ, гдѣ, къ соображенію о правильности мысли, всегда присоединяется еще и другое—о томъ, какъ она будетъ истолкована и коментирована! А тутъ еще постоянный, страшный спѣхъ, отъ громадныхъ занятій по Госуд(арственному) Совѣту и отъ раздѣляющихъ насъ разстояній [1]). Во вторникъ разсчитываю, если Богъ дастъ, на личное свиданіе, а тутъ въ среду—опять таки Совѣтъ!

18.

15-го іюня 1861 г.

Изъ вчерашней «Сѣверной Пчелы» вижу, что «Военный Сборникъ» началъ печатать біографію Аракчеева, Рача [2]). Примите трудъ мнѣ ее прислать, по совершенной необходимости взглянуть на нее прежде представленія государю моей статьи.

Мюнстеръ [3]) требуетъ у меня подписи Сперанскаго къ портрету его писанному въ 1823 году. Есть ли она у насъ за этотъ или близкій къ нему годъ?

19.

16-го іюня 1861 г.

Статья г. Ратча необходимо потребовала особой замѣтки и въ нашей. Вслѣдствіе того покорно прошу васъ, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, взглянуть на мою приписку и потомъ велѣть все вновь неотложно переписать г. Казакову, такъ какъ Козловъ теперь занятъ другимъ.

Возобновляю просьбу о присылкѣ мнѣ подписи Сперанскаго за 1823 годъ.

---

[1]) Баронъ Корфъ проводилъ лѣто въ Царскомъ Селѣ.

[2]) Статья В. Ѳ. Ратча „Воспоминанія о графѣ А. А. Аракчеевѣ“ напечатана въ „Военномъ Сборникѣ“ 1861 года, №№ 5 и 12.

[3]) Литографъ.

20.

26-го іюня 1861 г.

Государь императоръ, уѣзжая вчера изъ Ц(арскаго) Села въ Петергофъ (до августа), изволилъ мнѣ сказать, что никакъ не успѣлъ еще удосужиться прочесть мои тетради, но надѣется сдѣлать это на наступившей недѣлѣ. Вслѣдствіе того препровождаю къ вамъ, покамѣстъ, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, черновую нашу главу, хотя нисколько не увѣренъ, чтобы она не подверглась большимъ перемѣнамъ, а можетъ быть и совершенному исключенію.

Надѣюсь, что изъ возвращаемыхъ у сего листовъ (все, что у меня было) 9-ый еще не отпечатанъ: въ немъ есть нѣсколько грѣшковъ, необходимо требующихъ исправленія.

Въ возвращаемой книжкѣ «Военнаго Сборника» ничего для насъ не нашлось, но остается еще просмотрѣть статью о военныхъ поселеніяхъ въ іюньскихъ «Отечественныхъ Запискахъ», которыхъ у меня нѣтъ.

21.

29-го іюня 1861 г.

Вскрываю мою записку [1]), чтобы сказать вамъ, что государь сейчасъ возвратилъ мнѣ мои три статьи. Его величество пишетъ, что прочелъ все съ любопытствомъ и не встрѣчаетъ никакого препятствія къ напечатанію, кромѣ двухъ небольшихъ выносокъ въ статьѣ объ Аракчеевѣ [2]), которыя приказываетъ исключить. Эти двѣ выноски суть пер-

---

[1]) Ранѣе, въ этой же запискѣ, рѣчь идетъ о дѣлахъ по Публичной Библіотекѣ.

[2]) См. „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 113 и 114.

На указанныхъ страницахъ были въ рукописи двѣ выноски:

Первая—противъ словъ: частію и военной администраціи: „Говорятъ,—тогда же (19-го января 1816 года) писалъ Карамзинъ своему брату—что у насъ теперь только одинъ вельможа: графъ Аракчеевъ. Богъ съ нимъ и со всѣми! Не будетъ ничего безъ воли Провидѣнія“.

Вторая—противъ словъ: „Девизъ, который былъ пожалованъ въ гербъ Аракчееву, еще въ его молодости, императоромъ Павломъ“: „Русскій безпощадный сарказмъ уже тогда, перемѣною двухъ буквъ (вмѣсто „безъ“—„бѣсъ“) далъ другой смыслъ этому девизу, никогда не оправданному дѣйствіями хитраго честолюбца“.

Государь императоръ противъ этихъ выносокъ отмѣтилъ (въ Петергофѣ 29-го іюня 1861 г.): „Два эти примѣчанія совершенно излишнія и ихъ печатать не слѣдуетъ“.

Вслѣдствіе того обѣ выноски были исключены изъ книги.

Въ дополнительныхъ матеріалахъ къ „Жизни графа Сперанскаго“, пере-

выя во всей статьѣ: одна—письмо Карамзина къ его брату; другая—о сарказмѣ «бѣсъ» вмѣсто «безъ». Ихъ исключить очень легко.

Надѣюсь, что теперь типографское дѣло пойдетъ уже безостановочно и живѣе, чѣмъ донынѣ, о чемъ и прошу подтвердить г. Веселовскому [1]).

22.

2-го іюля 1861 г.

Отсылая къ его величеству послѣднюю мою главу, я взялъ осторожность написать прилагаемую у сего докладную записку, и вамъ, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, вѣрно пріятно будетъ увидѣть, съ какими надписями она возвратилась [2]).

Вчера я предварилъ г. Веселовскаго (и въ очень строгомъ тонѣ), что, по самымъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, корректурные листы выдаются изъ типографіи въ чтеніе постороннимъ лицамъ, которыя, въ свою очередь, одолжаютъ ими своихъ пріятелей. Вмѣстѣ съ тѣмъ я просилъ его: 1) строже смотрѣть за вѣрностью поправокъ, дѣлаемыхъ по нашимъ исправленіямъ и 2) вообще ускорить ходъ печатанія.

23.

25-го іюля 1861 г.

Искренно обрадовался я, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, получивъ снова отъ васъ корректурные листы—какъ доказательство, что вы опять въ силахъ работать; но не слишкомъ ли вы много взяли на себя, такъ

данныхъ впослѣдствіи барономъ Корфомъ А. Ѳ. Бычкову, находится еще слѣдующая замѣтка объ Аракчеевѣ:

По вступленіи на престолъ императора Николая, съ которымъ звѣзда Аракчеева померкла, онъ, изъ Грузинскаго своего (добровольнаго) заточенія, не переставалъ присылать новому государю поздравительныя письма кo днямъ рожденія, именинъ, новаго года и т. п. Въ одномъ изъ такихъ писемъ (25-го іюня 1831 г.), упрашивая императора беречь свое здоровье, онъ прибавлялъ: „Ваше величество простите сію просьбу старику вѣрноподданному, которому покойный родитель вашъ, еще въ молодости его, написалъ собственною своею рукою въ гербѣ: „безъ лести преданъ“.

Въ публикѣ, всегда и горько ненавидѣвшей Аракчеева, ходила, между множествомъ на него эпиграммъ, и слѣдующая:

Девизъ твой говоритъ, что преданъ ты безъ лести;
Скажи же и кому? Коварству, злобѣ, мести.

[1]) Петру Ефимовичу, директору типографіи II-го Отдѣленія, въ которой печаталась „Жизнь графа Сперанскаго“.

[2]) Императоръ Александръ II написалъ (въ Петергофѣ 1-го іюля 1861 г.) слѣдующее:«Характеристику Сперанскаго нахожу весьма безпристрастною и справедливою».

ускоривъ возвращеніемъ къ труду, и не преждевременно ли увлеклись ретивою вашею добросовѣстностію? Ради Бога пощадите себя и для вашей семьи, и для вашихъ друзей, и не работайте черезъ силу.

Сколько я помню, за вашею болѣзнью, листы 4—14 присланы были мнѣ только въ одной корректурѣ, и послѣ я уже ихъ не видалъ. Развѣ они не будутъ мнѣ вновь доставлены, или я уже получу ихъ только изъ машинной? [Сбоку приписано: «Получены послѣ написанія этой записки»].

Василій Ивановичъ [1]) сказывалъ мнѣ, что отъѣздъ вашъ въ деревню предназначается на 20-е августа, и въ такомъ случаѣ я не сомнѣваюсь, что, при теперешнемъ ходѣ работы, все до тѣхъ поръ у насъ поспѣетъ. Но вотъ въ чемъ вопросъ. Тревожныя извѣстія о здоровьи моего брата настоятельно нудятъ меня въ нему съѣздить, и такая поѣздка, съ путемъ туда и назадъ, все же возьметъ дней пять. Думаете ли вы, что, при такой отлучкѣ, дѣло наше все-таки можетъ окончиться до 20-го августа: ибо безъ вашего просмотра я ни за какія блага не рѣшусь пустить въ свѣтъ ни одного листка.

Мнѣ очень хотѣлось бы на заглавномъ листѣ выставить два или три эпиграфа: русскій, французскій и нѣмецкій. Чтò скажете вы о слѣдующемъ французскомъ:

«On doit des égards aux vivants, on ne doit aux morts que la vérité» (Voltaire, lettre sur Oedipe).

И не примете ли трудъ пріискать какой-нибудь хорошенькій русскій?

24.

28-го іюля 1861 г.

Отъѣзжая сейчасъ въ Москву, прощаюсь съ вами, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, до середы утра, въ надеждѣ, что найду васъ тогда уже совсѣмъ здоровыми и что отлучка моя не слишкомъ задержитъ наше дѣло.

Между тѣмъ препровождаю къ вамъ 1-ю и 2-ю части съ замѣченными мною опечатками. Разсудите, чтò изъ этихъ листковъ надо будетъ вновь перепечатать. Для одной какой-либо черточки или запятой дѣлать этого, конечно, не нужно; но на стр(аницахъ), напримѣръ, 152, 248, 282 и 283 это совершенно, кажется, необходимо. Можетъ статься можно бы это сдѣлать во время моего отсутствія. Къ счастію, листки все почти средніе.

Въ 3-й части опечатокъ нѣтъ.

---

[1]) Собольщиковъ, библіотекарь Императорской Публичной Библіотеки.

25.

3-го августа 1861 г.

Никакъ не успѣвъ отвѣчать вамъ вчера, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, спѣшу сдѣлать это сегодня—благодарностію за ваше участіе въ моихъ семейныхъ тревогахъ. Брата моего я нашелъ въ положеніи хотя и очень страждущемъ, но гораздо лучшемъ и, особенно, гораздо менѣе опаснѣйшемъ, чѣмъ доходили до меня слухи. Меня самого пятидневный полетъ съ двумя безсонными ночами (я не умѣю спать въ дорогѣ) чрезвычайно утомилъ.

Объ эпиграфѣ поговоримъ при свиданіи, возможность къ которому, къ сожалѣнію, не предвижу прежде понедѣльника.

Меня крайне тревожитъ медленность типографіи—не для самого дѣла, но по случаю сближающагося вашего отъѣзда. Сегодня я ожидалъ получить цѣлый ворохъ корректуры и не получилъ—ни одного листка.

26.

9-го августа 1861 г.

Вотъ, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, то, что нашъ пьяненькій старичокъ [1]) назвалъ своими «Воспоминаніями» и своимъ «сочиненіемъ». Тутъ же вы найдете переданную мнѣ просьбу его и проектъ моего письма къ «сочинителю», исправленіемъ котораго не только въ редакціи, но и въ существѣ, если признаете то нужнымъ, вы много бы меня обязали.

Можетъ быть, въ слѣдствіе этой непріятной исторіи, намъ придется перепечатать стр. 84 и 85 тома I-го, ибо въ 1-хъ, М(асальскій) иначе показываетъ происхожденіе связи своего отца [2]) съ Сп(еранскимъ), нежели у меня (уже не помню по какимъ источникамъ) означено; во 2-хъ, мнѣ хотѣлось бы исключить слово «афферистъ» и въ 3-хъ, надо бы сказать, что письма переданы мнѣ сыномъ, какъ упомянуто о томъ при Батеньковѣ, Полѣновѣ и пр. Но вотъ бѣда: какъ всѣ эти перемѣны и исправленія размѣстить такъ, чтобы не пришлось перепечатывать цѣлаго листа?

Въ проектѣ моего письма мнѣ не нравится одно: сперва какъ бы раздраженіе, а потомъ жалость и снисхожденіе—безъ достаточнаго объясненія причины, отъ чего я вдругъ перехожу изъ одного тона въ другой.

---

[1]) К. П. Масальскій.

[2]) П. Г. Масальскаго.

27.

11-го августа 1861 г.

По вашему доброму совѣту, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, я опять сократилъ и упростилъ предисловіе и воспользовался вашими поправками. Вотъ оно въ окончательномъ видѣ—впредь до новыхъ исправленій въ корректурѣ. Думаю, что прямо съ этого можно отдать и въ наборъ, съ тѣмъ, чтобы: 1) шрифтъ былъ крупнѣе, нежели въ текстѣ книги; 2) чтобы начать съ половины страницы, и 3) чтобы никакого заглавія здѣсь не выставлять.

Затѣмъ останутся еще два заглавные листа (т. е. къ двумъ томамъ), съ эпиграфами (или безъ нихъ?) и общее оглавленіе обоихъ томовъ, которое я думаю помѣстить въ первомъ, вслѣдъ за предисловіемъ, и которое здѣсь прилагаю, кромѣ къ 5-й части, которой у меня нѣтъ.

Но какъ мы размѣстимъ портреты? Или тоже всѣ три сплошь въ I-мъ томѣ, передъ заглавіемъ, чтобы сдѣлать этотъ томъ потолще?

Искренно благодарю за совершенно удовлетворительную редакцію извѣстнаго письма. Я теперь же обращаю его въ переписку.

28.

Записка А. Ѳ. Бычкова.

17-го августа 1861 г.

Архіепископъ оренбургскій (а не ярославскій) Августинъ и учитель Александроневской академіи Сахаровъ (Михаилъ) одно и тоже лицо; слѣдовательно въ замѣткахъ о Масальскомъ мѣсто о рекомендаціи его Сперанскому слѣдуетъ изложить такъ [1]):...... былъ рекомендованъ Сперанскому прежнимъ его соученикомъ и другомъ, впослѣдствіи товарищемъ въ званіи учителя Александроневской академіи, переведеннымъ туда изъ Ярославля, Михаиломъ Сахаровымъ [2]). Въ 1798 году...

Не ошибка ли въ хронологическихъ данныхъ: въ 1798-мъ году Масальскій перешелъ въ вспомогательный банкъ, а въ 1800-мъ былъ опредѣленъ уѣзднымъ судьею въ Ярославль.

(Сбоку этого мѣста карандашемъ написано рукою барона М. А. Корфа: «Такъ показано у сына, по формуляру»).

Имѣю честь возвратить вашему высокопревосходительству дѣло о употребленіи Свода законовъ и листы съ поправками г. Рѣпинскаго между которыми есть нѣсколько очень дѣльныхъ.

---

[1]) См. „Жизнь графа Сперанскаго", томъ I, стр. 84.

[2]) Этотъ Сахаровъ въ 1797 г. былъ вызванъ изъ Ярославля и постриженъ въ монашество съ именемъ Августина, а въ 1806 году посвященъ въ епископа оренбургскаго.

29.

17-го августа 1861 г.

Вчера, едва я написалъ къ вамъ, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, ко мнѣ явился г. Масальскій. Подтвердивъ, что письма его отца отданы имъ были въ полное мое распоряженіе и я могъ дѣлать съ ними, что̀ хотѣлъ, и сознавшись, что мнимыя его «воспоминанія» выбраны изъ Бантыша-Каменскаго, онъ изъявилъ безусловную готовность покориться всему, что̀ я положу, въ слѣдствіе чего мы остановились на слѣдующемъ:

1) Для изданія его книжки обождать появленія нашей, дабы взаимно сообразить ихъ содержаніе, и потомъ пустить ее, какъ онъ выразился, въ видѣ аріергарда.

2) Подвергнуть ее предварительному моему просмотру и исключить все, что я признаю нужнымъ.

3) Въ такомъ видѣ разрѣшить ее къ печатанію подъ другимъ, болѣе соотвѣтственнымъ заглавіемъ, которое здѣсь прилагается [1]).

4) Представленный имъ портретъ передать въ Эрмитажъ (?), а ему, за предоставленіе его въ собственность правительства, испросить подарокъ (онъ крайне нуждается въ деньгахъ).

Не угодно ли будетъ приказать заготовить въ этомъ смыслѣ отвѣтное отношеніе гр(афу) Адлербергу [2]), сказавъ, что я приглашалъ г. Масальскаго къ себѣ для личнаго объясненія и онъ на все это согласился—разумѣется, кромѣ подарка.

Но вотъ, что, при этомъ объясненіи, открылось и что опять потребуетъ передѣлки страницы о старикѣ Масальскомъ. Сахаровъ и архіерей Августинъ—не два лица, а одно и то же; прежній учитель Невской семинаріи постригся въ монашество, въ Толгскомъ (въ Ярославской губерніи) монастырѣ, и, постепенно, достигъ епископскаго сана. Слѣдственно, тутъ не два преданія, а одно и то же. Еще въ выноскѣ я забылъ упомянуть, что сообщеніемъ переписки Масальскаго съ Спер(анскимъ) мы обязаны сыну перваго. Онъ, т. е. отецъ, умеръ въ томъ же 1839 г., какъ и Спер(анскій), но въ октябрѣ.

Нельзя ли прислать мнѣ ту книжку журнала «Министерства Юстиціи», въ которой было предсказано появленіе нашей біографіи.

Для любопытства вашего прилагаю здѣсь сдѣланную мною общую выборку всѣхъ матеріаловъ, которыми я пользовался при моей компи-

---

[1]) Книжка издана въ 1862 году подъ такимъ заглавіемъ: „Дружескія письма графа М. М. Сперанскаго къ П. Г. Масальскому, писанныя съ 1798 по 1819 годъ, съ историческими поясненіями, составленными К. Масальскимъ, и нѣкоторыя сочиненія первой молодости графа М. М. Сперанскаго“.

[2]) Графу Владиміру Ѳедоровичу, министру Императорскаго Двора.

ляціи. Можетъ статься, что-нибудь еще пропущено, но, кажется, и этого не мало.

По прочтеніи этой записки вы увидите, что она была написана до полученія вашей [1]); извините, если, за недосугомъ, не переписываю вновь.

30.

24-го августа 1861 г.

Мнѣ кажется удобнѣе, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, не означать подъ эпиграфами сочиненій, изъ которыхъ они взяты, а удовольствоваться одними именами авторовъ. Это будетъ лучше и для архитектуры заглавнаго листа, который, признаюсь, мнѣ очень не по вкусу.

Здѣсь—все полученное мною вчера.

31.

31-го августа 1861 г.

Спѣшу просить васъ, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, не принимать труда пріѣзжать въ пятницу въ Царское Село. Я самъ буду въ городѣ и надѣюсь послѣ засѣданія Главнаго Правленія училищъ, т. е. часу въ 3-мъ, увидѣться съ вами въ Библіотекѣ—если вы до тѣхъ поръ не уѣдете въ Ярославль.

Какая досада съ этою типографіею! А я надѣялся все сегодняшнее послѣ-обѣда посвятить корректурѣ и завтра всю пропустить черезъ ваши руки, такъ чтобы ни одна строка не попала въ печать безъ вашего просмотра.

32.

2-го сентября 1861 г.

Я успѣлъ дочитать только до стр. 379 [2]). Ради Бога, кончите остальное. Боюсь задержать. Сердечно желаю счастливаго пути и полнаго успѣха.

33.

28-го октября 1861 г.

Г-жа Масальская, по требованію моему, прислала мнѣ, вмѣсто своего сына (живущаго въ Новгородскомъ корпусѣ по службѣ тамъ), своего зятя, генеральнаго штаба полковника Полторацкаго, которымъ я остался, во всѣхъ отношеніяхъ, чрезвычайно доволенъ. Онъ не только согласенъ

---

[1]) См. предыдущій нумеръ.

[2]) Во второмъ томѣ „Жизни графа Сперанскаго“ всего 388 страницъ.

на всѣ перемѣны и на исключеніе вполнѣ Пермскаго письма, но и чувствуетъ, что, для успѣха ихъ книги, необходимо во всей точности согласить ее съ нашею, какъ пріобрѣтшею уже нѣкоторый авторитетъ. Словомъ, онъ внушилъ мнѣ такое довѣріе, что я безъ всякаго затрудненія ввѣрилъ ему записку съ вашими замѣтками, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ. Затѣмъ г. Полторацкій, отозвавшись мнѣ, что имѣетъ честь быть лично вамъ извѣстенъ, обѣщалъ мнѣ исправить ихъ рукопись во всемъ сообразно съ вашими указаніями, и когда это будетъ имъ окончено, представить ее на ваше усмотрѣніе, для окончательнаго между нами соглашенія. При толковитости и податливости его, дѣло на этомъ основаніи устроится, кажется, и легко, и хорошо, и даже, можетъ быть, съ нѣкоторою выгодою для этого бѣднаго семейства, чего я бы искренно желалъ.

Ежедневныя засѣданія въ моихъ разнообразныхъ вѣдомствахъ совсѣмъ не пускаютъ меня въ любезную нашу Библіотеку. Третьяго дня я былъ во Владимірской думѣ, вчера въ особой коммиссіи у принца Ольденбургскаго, сегодня ѣду въ соединенное засѣданіе департаментовъ законовъ и экономіи.

34.

9-го ноября 1861 г.

Вотъ, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, моя полемика съ г. Краевскимъ, покамѣстъ еще рукописная,—по крайней мѣрѣ въ своей развязкѣ. Благоволите взглянуть на эти акты и сказать мнѣ ваше мнѣніе о томъ: давать ли дѣлу дальнѣйшій ходъ, и въ какомъ видѣ, т. е. сообщить ли самому г. Краевскому, или напечатать въ газетахъ, или же все это—просто бросить?

Вотъ эта полемика барона Корфа съ А. А. Краевскимъ.

30-го октября 1861 г.

Въ рецензіи на мою книгу, помѣщенной въ октябрьской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» сказано, между прочимъ: «Напрасно авторъ обвиняетъ нашу литературу, что она молчала о графѣ Сперанскомъ. Она молчала потому, что баронъ Корфъ готовилъ свой трудъ, и всѣ статьи, относящіяся до графа Сперанскаго, сообщались ему». Не сомнѣваясь въ томъ, что настоящая рецензія написана съ полною увѣренностію въ истинѣ всѣхъ высказываемыхъ въ ней фактовъ, а также и въ томъ, что редакція «Отечественныхъ Записокъ» раздѣляетъ эту увѣренность, покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь Андрей Александровичъ, благоволить придти на помощь моей памяти указаніемъ не только на всѣ, относящіяся до графа

Сперанскаго статьи, но хотя и на одну изъ нихъ, которая была бы мнѣ сообщена.—Примите свидѣтельство совершеннаго моего почтенія и преданности. Баронъ М. Корфъ.

Милостивый государь баронъ Модестъ Андреевичъ.

Нѣсколько строкъ въ началѣ статьи о «Жизни графа Сперанскаго» («Отечественныя Записки» 1861, октябрь, отд. III, стр. 72), возбудившія вопросъ со стороны вашего высокопревосходительства, допущены мною въ журналѣ на томъ основаніи, что еще въ 1855 году г. цензоръ Фрейгангъ [1]) объявилъ мнѣ формально, что онъ получилъ выговоръ за дозволеніе въ майской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» того же года нѣсколькихъ словъ по поводу помѣщенной въ «Москвитянинѣ» статьи г. Савваитова [2]) «Матеріалы для біографіи графа Сперанскаго». При этомъ г. Фрейгангъ прибавилъ, что выговоръ этотъ основывался на повелѣніи покойнаго государя не дозволять ничего печатать о Сперанскомъ, и всѣ представляемыя въ цензуру о немъ статьи отсылать къ вашему высокопревосходительству. Полагаю, что въ бумагахъ Цензурнаго комитета того времени долженъ находиться письменный актъ объ этомъ распоряженіи.

Я же, съ своей стороны, помѣщая статью о «Жизни графа Сперанскаго», желалъ снять съ русской литературы незаслуженный упрекъ въ равнодушіи къ такой замѣчательной личности, какъ Сперанскій, и если въ сказанныхъ мною словахъ есть что-нибудь неосторожное, рѣзкое, прошу ваше высокопревосходительство извинить мое неумѣнье.

Покорнѣйше прошу принять увѣреніе и проч.

10-го ноября 1861 г.

Милостивый государь Андрей Александровичъ.

Вслѣдствіе письма, которымъ вамъ угодно было почтить меня, честь имѣю препроводить у сего оффиціальный мнѣ отвѣтъ г. председателя С.-Петербургскаго ценсурнаго комитета, которымъ опровергается отзывъ бывшаго г. ценсора Фрейганга, а слѣдственно и выводъ, извлеченный изъ него редакціею «Отечественныхъ Записокъ». Вы весьма обяжете меня возвращеніемъ этой бумаги по ея прочтеніи.

Покорнѣйше прошу принять свидѣтельство совершеннаго моего почтенія и преданности. Баронъ М. Корфъ.

---

[1]) Андрей Ивановичъ.

[2]) Археографа Павла Ивановича Савваитова († 1895). Его статья напечатана въ № 3 „Москвитянина“ за 1855 годъ, стр. 89—96.

Милостивый государь баронъ Модестъ Андреевичъ.

Прочитавъ доставленный вашему высокопревосходительству отвѣтъ г. предсѣдателя С.-Петербургскаго цензурнаго комитета, отъ 2-го ноября сего года, я могъ только подивиться смѣлости г. цензора Фрейганга, выдумавшаго повелѣніе, которое на самомъ дѣлѣ никогда не существовало.

Для оправданія словъ, сказанныхъ въ статьѣ «Отечественныхъ Записокъ» о «Жизни графа Сперанскаго», слѣдовало бы теперь разсказать печатно, во всеуслышаніе, поступокъ г. Фрейганга; но я не надѣюсь, чтобъ цензура дозволила это.

Итакъ мнѣ остается только просить извиненія у вашего высокопревосходительства въ опрометчивомъ извѣщеніи, которому поводомъ послужило, какъ вы изволите видѣть, изобрѣтеніе г. Фрейганга. Лишенные возможности читать распоряженія цензурнаго вѣдомства, по непонятной причинѣ никогда не сообщающаго намъ письменно получаемыхъ имъ повелѣній, мы по неволѣ должны полагаться на словесныя объявленія г.г. цензоровъ, которые, вѣроятно, отъ излишней трусости или по другимъ причинамъ изобрѣтаютъ различныя запрещенія, чтобъ отдалить отъ себя всякую возможность отвѣтственности. Такъ устроено у насъ цензурное дѣло, и, конечно, не одна дѣльная статья пропадетъ отъ подобнаго устройства.

Возвращая при семъ подлинный отвѣтъ барона Медема [1]), прошу и пр.

35.

16-го ноября 1861 г.

Такъ какъ я желалъ бы, когда получу отъ г. Молчанова обратно извѣстную статью, тотчасъ отправить ее въ газеты [2]), то я просилъ бы васъ, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, принять трудъ теперь формулировать, для включенія въ нее, поправки, полученныя отъ г.г. Греча и Чижева. О нихъ можно бы, кажется, сказать въ заключеніи статьи такъ:

Слѣдуя тому же правилу, я пользуюсь настоящимъ случаемъ для исправленія слѣдующихъ еще, указанныхъ мнѣ въ моей книгѣ ошибокъ:

Томъ I, стр. 65, и т. д.

---

[1]) Предсѣдателя С.-Петербургскаго цензурнаго комитета, генералъ-лейтенанта барона Николая Васильевича Медема († 1870).

[2]) Эта статья барона Корфа, содержащая въ себѣ исправленія невѣрностей о сослуживцѣ Сперанскаго, Миронѣ Филипповичѣ Молчановѣ, на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ его сыномъ А. М. Молчановымъ, напечатана въ № 262 „Сѣверной Пчелы“ 1861 г. (отъ 23-го ноября) и затѣмъ перепечатана въ № 263 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, отъ 26-го ноября 1861 года.

36.

28-го ноября 1861 г.

Вотъ, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, какъ я полагалъ бы переиначить наше второе [1]) изданіе, для избѣжанія всякихъ новыхъ пакостей. Но какъ нумерація страницъ, бумага, шрифтъ и пр. останутся тѣ же самые, то не подымутъ ли насъ на смѣхъ, и что-нибудь еще болѣе, за это мнимое второе изданіе? Я старался избѣжать этого маленькою оговоркою въ концѣ новаго предисловія; но чтобы отнять и послѣдній поводъ къ укору, то не включить ли въ публикацію, что всякой, купившій первое изданіе, можетъ перемѣнить его, въ Библіотекѣ, на экземпляръ втораго. Это, конечно, убавитъ наши выгоды, но за то отстранитъ уже окончательно всякую укоризну, особенно если бы кому-нибудь вздумалось купить оба изданія и потомъ онъ удостовѣрился, что онъ заплатилъ лишнихъ 3 р(убля) за нѣсколько вновь перепечатанныхъ страницъ.

37.

5-го декабря 1861 года.

Возвращая вамъ у сего, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, корректуру, покорно прошу принять трудъ составить проектъ газетной статьи, т. е. объявленія, о новомъ изданіи. Но мнѣ все-таки, для избѣжанія упрека въ обманѣ, казалось бы и удобнѣйшимъ и достойнѣйшимъ сказать въ этомъ объявленіи, что всякому предоставляется обмѣнивать старое изданіе на новое—по крайней мѣрѣ въ П(етер)бургѣ, въ самой Библіотекѣ, такъ какъ переписка и разсчеты, въ отношеніи къ иногороднымъ, очень затруднили бы это дѣло.

Не нужно ли бы, послѣ прежняго оглавленія, вклеить слѣдующій листокъ:

Страницы, перепечатанныя вновь въ исправленномъ изданіи: 3, 4, 9 и т. д. Впрочемъ, предоставляю это на ваше усмотрѣніе.

38.

24-го декабря 1861 г.

Весьма благодаренъ вамъ, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, за отрадный часъ, который вы мнѣ доставили. Среди теперешнихъ моихъ занятій, требующихъ безпрестанно напряженнаго вниманія, мнѣ истинно

---

[1]) Рѣчь идетъ объ исправленномъ изданіи „Жизни графа Сперанскаго“ (о чемъ см. въ предисловной замѣткѣ).

пріятно было отдохнуть за этими милыми письмами [1]), хотя главный ихъ интересъ еще впереди—во вторую Пензенскую эпоху.

Я сдѣлалъ мѣстами нѣкоторыя пояснительныя выноски, а принадлежащія самому автору означилъ такъ (*С*), о чемъ надо будетъ также сказать въ предисловіи. Сверхъ того нѣкоторыя фамиліи я предпочелъ означить одпѣми заглавными буквами, а нѣкоторыя, впрочемъ, очень немногія мѣста, совсѣмъ исключить. Но кто такіе «Софья Ивановна» и тотъ «страдалецъ», болѣзнь и смерть котораго задержали отправленіе Е. М. [2]) въ Пензу? Это надо бы тоже пояснить, а между тѣмъ память моя не приходитъ мнѣ здѣсь на помощь. Можетъ быть, пособитъ намъ Косьма Григорьевичъ.

Во всякомъ случаѣ печатаніе едва ли можно будетъ начать прежде 1862 года [3]), потому во 1-хъ, что теперь начинаются праздники, и во 2-хъ, что, несмотря на то, типографія завалена работою. Это замедленіе мы постараемся вознаградить бо́льшею поспѣшностію въ работѣ.

39.

29-го декабря 1861 г.

Вы говорили мнѣ какъ-то, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, что Н. В. Калачовъ располагаетъ разослать къ подписчикамъ на «Юридическій Вѣстникъ» «Жизнь Сперанскаго», если на экземляры ея ему будетъ сдѣлана уступка въ цѣнѣ, на что̀ я тогда и согласился.

Между тѣмъ изъ объявленія въ сегодняшнихъ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» я вижу, что онъ обѣщаетъ своимъ подписчикамъ, въ приложеніи, «Ирландскую тюремную систему» Гольцендорфа.

Бывъ поставленъ этимъ въ недоумѣніе, покорнѣйше прошу васъ принять трудъ узнать у г. Калачова, остается ли онъ при прежнемъ своемъ намѣреніи, или же его перемѣнилъ?

40.

Среда, 24-го января 1862 г.

Позвольте опять обезпокоить васъ новою просьбою, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, а именно взглянуть на прилагаемыя здѣсь: 1) го-

---

[1]) Рѣчь идетъ о подготовлявшихся къ печати письмахъ Сперанскаго къ его дочери.

[2]) Т. е. Елизаветы Михайловны, дочери Сперанскаго.

[3]) Въ 1862 г. не было приступлено къ печатанію этихъ писемъ; впослѣдствіи А. Ѳ. Бычковъ издалъ ихъ въ „Русскомъ Архивѣ" 1868 года (столб. 1103--1212 и 1681—1811). Вышли они и отдѣльною книжкою. (Москва 1860).

*

товящуюся противъ меня діатрибу г. Величко [1]), 2) проектъ моего отвѣта и 3) отзывъ по этому предмету К. Г. Рѣпинскаго. Мой отвѣтъ могъ бы быть гораздо злѣе, но — лежачаго не бьютъ. Впрочемъ, потрудитесь — и въ этомъ-то и просьба моя — исправить его, дополнить и пр. по вашему усмотрѣнію. Не знаю, полезна ли будетъ предлагаемая К(осьмою) Г(ригорьевичемъ) приписка: не повела бы она къ новой полемикѣ?

Весьма обязать бы меня изволили, возвративъ все это завтра утромъ поранѣе.

41.

29-го января 1862 г.

Я, кажется, не имѣлъ случая сказывать вамъ, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, что посреди безпрестанныхъ дрязгъ, навлекаемыхъ мнѣ моею книгою (я и прежде уже говорилъ вамъ, что мнѣ надо бы умереть на другой день послѣ ея изданія), у меня завелась и пространная переписка съ сыномъ Пестеля [2]), московскимъ сенаторомъ [3]), сначала очень кроткая, но теперь перешедшая, съ его стороны, почти въ ругательства и остановившаяся теперь, покамѣстъ, на томъ, что онъ прислалъ мнѣ, въ доказательство невинности и чистоты его отца, оставленные имъ мемуары [4]). Позвольте мнѣ передать вамъ всѣ эти бумаги (въ томъ числѣ и двѣ записки К. Г. Рѣпинскаго), въ хронологическомъ порядкѣ, съ просьбою сообщить мнѣ ваше мнѣніе — болѣе хладнокровное и обдуманное, чѣмъ то, къ какому я теперь способенъ, — о приличномъ и удобнѣйшемъ средствѣ положить единожды навсегда конецъ этому дѣлу, въ которомъ всякой уклончивый съ моей стороны отвѣтъ только поведетъ къ новымъ перестрѣлкамъ. Истинно обязали бы меня, если бъ, зрѣло обмысливъ всѣ шансы, приняли бы трудъ набросать и самый проектъ отвѣта. Точно такъ же вы извлекли меня и изъ непріятности съ Масальскимъ.

Съ моей стороны замѣчу лишь:

1) что примѣръ Молчанова, на который ссылается мой противникъ (подъ именемъ Мельгунова), сюда совсѣмъ не идетъ. Тамъ мнѣ, въ

---

[1]) Статья А. П. Величко (бывшаго управляющаго дѣлами прежняго „Сибирскаго Комитета") была напечатана, подъ заглавіемъ „Нѣсколько словъ по поводу книги „Жизнь графа Сперанскаго", въ № 24 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" 1861 года (отъ 31-го января). Отвѣтъ барона Корфа на эту статью появился въ № 25-мъ той же газеты, отъ 1-го февраля.

[2]) Ивана Борисовича, бывшаго сибирскимъ генералъ-губернаторомъ до Сперанскаго.

[3]) Генералъ-лейтенантомъ Владиміромъ Ивановичемъ Пестелемъ, сенаторомъ седьмаго департамента.

[4]) См. „Русскій Архивъ" 1875 года, книга первая стр. 370—406.

опроверженіе слышанныхъ мною частныхъ разсказовъ, представили оффиціальные документы, а здѣсь оффиціальные документы опровергаются частнымъ разсказомъ (т. е. мемуарами) самого обвиненнаго.

2) Одно, что̀ взято мною не изъ актовъ и чѣмъ Пестель, говорятъ, болѣе всего обижается, есть показаніе о покровительствѣ его отцу со стороны Пукаловой. Это я слышалъ, частью, отъ самого Сперанскаго, но еще гораздо утвердительнѣе отъ многолѣтняго приближеннаго Аракчеева, Самбурскаго. Сверхъ того и выдано у меня не за непреложную истину, а съ прибавкою «кажется».

3) Не я первый заклеймилъ Пестеля передъ публикою. Почти все то же (не говоря о рескриптѣ Александра Сперанскому, какъ оставшемся неоглашеннымъ) было напечатано въ общее свѣдѣніе въ указѣ 1822 г., здѣсь же прилагаемомъ. Уже не упоминаю о томъ, что поступки и образъ дѣйствія его памятны всѣмъ современникамъ и цѣлой Сибири.

Сверхъ того, замѣчательно еще одно. Сынъ, въ первомъ своемъ письмѣ, говоритъ, что отецъ неоднократно просился къ своему посту но былъ удерживаемъ государемъ; а самъ отецъ въ своихъ мемуарахъ говоритъ напротивъ, что ни за что не хотѣлъ ѣхать назадъ въ Сибирь. Это противорѣчіе необходимо бы, кажется, указать; но, прочитывая мемуары, я упустилъ особо отмѣтить относящіяся къ тому мѣста, что̀ вамъ легко будетъ сдѣлать при чтеніи.

Нѣкоторыя мѣста въ мемуарахъ отчеркнуты мною, какъ очень щекотливыя для напечатанія. Это сдѣлано было мною подъ дѣйствіемъ первой моей мысли: испросить у государя разрѣшеніе Пестелю изданія мемуаровъ, съ исключеніемъ или смягченіемъ этихъ мѣстъ. Но послѣ я опять отошелъ отъ этой мысли: какая мнѣ стать вмѣшиваться въ семейныя самовосхваленія!

Я слышалъ, что вы были нездоровы, но, въ теперешнемъ нашемъ отдаленіи, эта вѣсть дошла до меня вмѣстѣ съ другою, радостною, что ваше нездоровье уже опять благополучно миновалось.

42.

1-го февраля 1862 г.

Примите трудъ, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, еще разъ пройти наше письмо съ моими прибавками, къ которому прилагаю также отзывъ К. Г. Рѣпинскаго и новое, вчера мною полученное письмо П(естеля).

Не одинъ Молчановъ и не одинъ Величко гнѣвались на насъ за свѣдѣнія, помѣщенныя въ нашей книгѣ — писалъ впослѣдствіи баронъ Корфъ. — Она вовлекла насъ въ довольно жестокую полемику, хотя

только рукописную, еще и съ сыномъ бывшаго передъ Сперанскимъ сибирскаго генералъ-губернатора Пестеля, сенаторомъ Владиміромъ Ивановичемъ.

Сначала, вѣроятно, по прочтеніи одной только какой-нибудь журнальной статьи, а еще не самой книги, онъ огорчился тѣмъ, что жена иркутскаго губернатора Трескина, описанная тутъ въ весьма невыгодныхъ краскахъ, названа «дочерью прежняго его начальника и благодѣтеля», — чтò, писалъ онъ, совершенная ошибка, потому что Трескинъ никогда не былъ женатъ на дочери отца его, Пестеля. На это намъ легко было отвѣчать тѣмъ, что тутъ—одно только личное его недоразумѣніе, потому что, въ описываемое нами время, отецъ Пестель былъ не прежнимъ, а еще настоящимъ начальникомъ Трескина, и что здѣсь разумѣлся совсѣмъ другой человѣкъ, именно Ключаревъ, который точно въ прежнее время, т. е. еще до сибирской службы Трескина, былъ его начальникомъ. Впрочемъ, въ «исправленномъ» изданіи нашей книги, эта фраза совершенно исключена. Но потомъ г. Пестель оскорбился и всѣми вообще отзывами нашей книги объ его отцѣ (въ особенности упомянутымъ въ ней покровительствомъ ему со стороны любовницы Аракчеева Пукаловой (стр. 172 и 173), и сообщивъ намъ переводъ части оставленныхъ его отцомъ мемуаровъ (на нѣмецкомъ языкѣ), требовалъ, чтобы мы очистили, соотвѣтственно ихъ содержанію, память бывшаго сибирскаго генералъ-губернатора, по примѣру того, какъ сдѣлали это въ отношеніи къ отцу Молчанова.

Присланная намъ, въ русскомъ переводѣ, выписка изъ мемуаровъ старика Пестеля оказалась благочестивѣйшею до приторности и, въ этомъ смыслѣ, наполненною ханжества и явнаго усилія выставить себя героемъ и мученикомъ, а всѣ начальствовавшія въ то время лица своими несправедливыми преслѣдователями и злобными врагами.

Вотъ отвѣтъ Корфа В. И. Пестелю, отъ 3-го февраля 1862 года.

«Я имѣлъ честь получить письмо вашего превосходительства, отъ 24-го января, съ приложеніемъ копіи съ Записокъ, оставленныхъ вашимъ родителемъ, и, по внимательномъ ихъ прочтеніи, поспѣшаю моимъ отвѣтомъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти Записки, какъ лично для васъ, такъ и для всѣхъ вашихъ родныхъ, имѣютъ немаловажное значеніе; но правдивый и нелицепріятный историкъ едва ли рѣшится назвать ихъ источникомъ совершенно точнымъ и неоспоримымъ, имѣя въ виду, что до сихъ поръ въ исторической литературѣ не являлось ни однихъ мемуаровъ, которые, поставивъ себѣ цѣлію оправданіе ихъ автора, могли бы выдержать даже снисходительную критику во всѣхъ своихъ подробностяхъ, въ особенности же, когда такіе мемуары были

писаны не для публики, а исключительно для семейства. Поэтому документы оффиціальные еще долго будутъ служить главнымъ и достовѣрнымъ матеріаломъ для историческихъ изслѣдованій. И я, въ моемъ разсказѣ о томъ положеніи, въ которомъ графъ Сперанскій засталъ управленіе Сибирью, точно также преимущественно пользовался подлинными дѣлами, въ существѣ же не сообщилъ публикѣ даже и ничего новаго, или ей неизвѣстнаго, потому что все, мною сказанное, уже было напечатано въ высочайшемъ указѣ 26-го января 1822 года, тогда же обнародованномъ Правительствующимъ Сенатомъ въ общее свѣдѣніе.

Помимо личныхъ чувствъ къ людямъ намъ близкимъ и дорогимъ, чувствъ, столь благородныхъ и достойныхъ уваженія, позвольте мнѣ представить на безпристрастное обсужденіе вашего превосходительства слѣдующій вопросъ: которому изъ двухъ документовъ, если бы дѣло шло о постороннемъ человѣкѣ, вы сами отдали бы предпочтеніе: частнымъ ли, такъ сказать домашнимъ запискамъ лицà обвиняемаго, или высочайшему указу, произносящему объ административной дѣятельности этого лица рѣшительный приговоръ?

Смѣю думать, что вы, какъ членъ нашего верховнаго судилища, не затруднитесь здѣсь въ отвѣтѣ; а между тѣмъ меня, за это же самое, вы обвиняете въ непрочности основаній, послужившихъ мнѣ для выводовъ о характерѣ управленія Сибирью за періодъ времени съ 1806 по 1819 годъ, несмотря даже на то, что и самъ родитель вашъ въ своихъ Запискахъ (4-я стр. 11-го листа) выразился о себѣ такъ: «Всеобщее мнѣніе было, что я человѣкъ суровый, жестокой, властолюбивый и безпокойный».

Во всемъ моемъ разсказѣ, касающемся, въ томъ или другомъ отношеніи, покойнаго Ивана Борисовича, есть лишь одно показаніе, которое, бывъ извлечено не изъ оффиціальныхъ актовъ, основано на словахъ Сперанскаго и, еще болѣе, Самбурскаго, бывшаго, въ теченіе многихъ лѣтъ, лицомъ близкимъ къ Аракчееву, а также на тогдашней общей молвѣ, именно—о покровительствѣ четы Пукаловыхъ. Но вы, конечно, изволите обратить вниманіе на то, что этому обстоятельству я не придалъ въ моей книгѣ значенія непреложной исторической истины и, напротивъ, словомъ: «кажется», выразилъ даже сомнѣніе, или, по крайней мѣрѣ, личную мою неувѣренность въ его дѣйствительности. Что же касается Записокъ Дмитріева, бывшаго, въ то время, министромъ юстиціи, то онѣ содержатъ въ себѣ одни факты, которые также извлечены имъ изъ дѣлъ, проходившихъ, по его званію, черезъ его руки.

Въ какой степени вообще слѣдуетъ быть осторожнымъ относительно частныхъ сообщеній,—чѣмъ, впрочемъ, я постоянно и руководился въ моемъ трудѣ,—тому лучшимъ доказательствомъ можетъ служить слѣдующее, хотя само по себѣ второстепенное, обстоятельство. Въ письмѣ отъ

5-го декабря 1861 года ваше превосходительство упомянули, что вашъ родитель «неоднократно просилъ императора Александра Павловича позволить ему возвратиться къ мѣсту своему (т. е. въ Сибирь), но его величеству угодно было отлагать этотъ отъѣздъ»; а между тѣмъ въ его Запискахъ не только ни слова о томъ не упомянуто, но, напротивъ, говорится: «и такъ я принялъ (вскорѣ послѣ пріѣзда въ Петербургъ) непоколебимое намѣреніе ни подъ какимъ условіемъ не возвращаться въ Сибирь, хотя бы мнѣ должно было совсѣмъ оставить службу, не имѣвъ насущнаго хлѣба». Далѣе въ тѣхъ же Запискахъ приведенъ еще слѣдующій отзывъ покойнаго Ивана Борисовича графу Аракчееву: «Ежели я неизбѣжно долженъ возвратиться къ моему посту сибирскаго генералъ-губернатора, то прошу убѣдительно дать мнѣ ту инструкцію, о которой я прошу съ 1809 года и безъ которой я ни подъ какимъ условіемъ не возвращусь въ Сибирь».

При такомъ характерѣ свѣдѣній, передаваемыхъ частными лицами, заслуживающими, казалось бы, полнаго довѣрія, вы сами согласитесь, что, несмотря на всю внимательность при повѣркѣ фактовъ, трудно мнѣ иногда было избѣжать ошибокъ, въ которыхъ я, однако, всегда охотно приносилъ сознаніе, лишь только удостовѣрялся, что свѣдѣнія, заимствованныя изъ частныхъ разсказовъ, опровергаются подлинными актами (какъ напримѣръ въ дѣлѣ Молчанова); но поступить наоборотъ, т. е. опровергать акты частными разсказами, значило бы нарушать и обязанность и права̀ историческаго писателя.

Въ заключеніе позволю себѣ, со всею откровенностію и самоотверженіемъ благороднаго человѣка, ставящаго выше всего истину, за которую, безъ сомнѣнія, вы и сами постоянно стоите, изъяснить, что, по моему мнѣнію, весьма желательно было бы, чтобъ ваше превосходительство огласили Записки покойнаго вашего родителя посредствомъ изданія ихъ въ свѣтъ, въ видѣ особой книжки. Быть можетъ, обнародованіе ихъ заставитъ многихъ взглянуть съ другой точки зрѣнія на оффиціальные документы и вызоветъ въ печать воспоминанія еще живыхъ современниковъ той эпохи, чѣмъ и освѣтятся, какъ слѣдуетъ, на судѣ публики, факты, признаваемые вами въ моей книгѣ невѣрными.

Возвращая доставленныя вами мнѣ Записки, имѣю честь и пр».

На это письмо Пестель отвѣчалъ (8-го февраля), что онъ Записки своего отца обратно получилъ, а совѣтъ Корфа предать ихъ гласности «проситъ позволенія пройти молчаніемъ».

Этимъ и окончилась полемика Корфа съ Пестелемъ.

Въ дополнительныхъ матеріалахъ къ «Жизни графа Сперанскаго», о которыхъ упомянуто выше, нашлась еще слѣдующая замѣтка барона Корфа относительно И. Б. Пестеля:

Въ то время ходила по рукамъ въ Петербургѣ сатирическая коллекція,

составленная изъ заглавныхъ стиховъ русскихъ пѣсенъ, настоящихъ и вымышленныхъ, на разныхъ нашихъ государственныхъ людей, съ полными ихъ именами. Противъ Пестеля выставлено было: «Попаду ли я въ Сибирь!» Стихъ противъ Сперанскаго былъ еще злѣе: «Измѣнилъ я, признаюся».—А вотъ еще анекдотъ, относящійся къ тому же предмету [1]). Императрица Марія Ѳеодоровна какъ-то разъ жаловалась, что начинаетъ очень худо видѣть. Извѣстный тогдашній острякъ Александръ Львовичъ Нарышкинъ безъ улыбки отвѣчалъ, что у Пестеля есть чудесные очки (онъ, дѣйствительно, всегда ходилъ въ очкахъ), подобныхъ которымъ ни у кого въ мірѣ нѣтъ. Императрица, не подозрѣвая тутъ ничего двусмысленнаго, послала попросить у Пестеля очковъ, и, уже только поглядѣвъ въ нихъ, догадалась, въ чемъ состоялъ особенный фокусъ ихъ, расхваленный Нарышкинымъ: Сибирскій генералъ-губернаторъ видѣлъ изъ Петербурга все, что дѣлалось въ Сибири!

43.

9-го февраля 1862. г.

Вотъ, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ, лебединая, кажется, пѣснь нашего московскаго пріятеля [1]). Кто сличитъ ее съ моимъ письмомъ, тому не трудно, я думаю, будетъ убѣдиться, на чьей сторонѣ тутъ правда, и по совѣсти, и по исторіи. Что касается таинственной послѣдней фразы, то, вѣроятно, онъ хотѣлъ намекнуть ею будто бы на цензуру и, подъ этимъ намекомъ, скрыть свое внутреннее убѣжденіе въ маломъ авторитетѣ своихъ Записокъ.

По прочтеніи примите трудъ мнѣ возвратить.

44.

(1863 г.).

Когда-нибудь, любезный Аѳанасій Ѳедоровичъ,—едва ли скоро и, конечно, уже не черезъ мои руки,—выйдетъ новое изданіе «Жизни графа Сперанскаго», которое можетъ быть и дополнено, и исправлено. Я желалъ бы при этомъ одного, чтобы въ предисловіе къ этому изданію введены были набросанныя мною мысли. Посылаю ихъ вамъ на память о нашей совмѣстной работѣ.

---

[1]) Отъ князя А. Н. Голицына.

[1]) Т. е. письмо В. И. Пестеля, отъ 8-го февраля 1862 г. (см. выше).

Издавая «Жизнь графа Сперанскаго», я имѣлъ ясно передъ глазами всѣ опасности такого предпріятія [1]). Независимо отъ возможности, что книга не удастся по недостаткамъ ея содержанія, плана, обработки, языка и пр., для возбужденія моихъ опасеній уже довольно было двухъ обстоятельствъ: во 1-хъ, при настоящемъ настроеніи умовъ въ Россіи, стоитъ только занимать высокій государственный постъ и принадлежать къ высшему обществу, чтобы имѣть противъ себя, по этой одной причинѣ, всю массу и, особенно, всю пишущую у насъ братью. Къ тому мишурному и часто ребяческому прогрессу, въ дешевую тогу котораго эти господа облекаются, принадлежитъ и особаго рода хвастанье тѣмъ, когда имъ удастся «отдѣлать» вельможу, особенно же если онъ отважится стать, или, по ихъ мнѣнію, «возвыситься» въ ихъ ряды. «Покажемъ же—думаютъ они и, вѣроятно, и говорятъ въ своихъ кружкахъ,— что̀ мы передъ этимъ министромъ, передъ этимъ членомъ Государственнаго Совѣта и пр.; покажемъ и ему и всѣмъ, какъ ничтожны въ нашихъ глазахъ эти внѣшнія, пустыя отлички, которыми онъ украшается, и какъ, въ дѣйствительности, мы стоимъ неизмѣримо выше его; во 2-хъ, кромѣ послѣдствій этого общаго принципа надо было ожидать еще бо̀льшаго вооруженія именно противъ меня, не только потому, что каждый человѣкъ, давно дѣйствующій на общественномъ поприщѣ, когда онъ не совсѣмъ рядовый, всегда и вездѣ имѣетъ много недоброжелателей, но и потому, что, при модной теперешней ненависти къ прошлому царствованію, число личныхъ моихъ враговъ значительно еще прибавилось черезъ изданіе съ моимъ именемъ «Восшествія на престолъ императора Николая I-го», и того клеветническаго памфлета, который излился, по этому случаю, изъ желчнаго пера Герцена [2]). Къ этимъ двумъ обстоятельствамъ присоединялось еще то, что новая моя книга затрогивала и разныя современныя личности, и множество живо-трепещущихъ общественныхъ вопросовъ, которыхъ, однако, ни нынѣшнія обстоятельства, ни положеніе мое въ государственномъ строѣ, ни самая фирма, подъ которою выходило въ свѣтъ мое сочиненіе («напечатано съ высочайшаго соизволенія»), не позволяли вполнѣ исчерпать, ни даже вполнѣ раскрыть. Наконецъ, хотя все сочиненіе въ полномъ его составѣ прошло, по высочайшей волѣ, черезъ цензуру графа Блудова, а въ важнѣйшихъ его частяхъ и черезъ собственную цензуру государя, но ни той, ни другой я отнюдь не считалъ достаточнымъ

---

[1]) Нѣкоторыя выдержки изъ этихъ „Мыслей“ барона Корфа были напечатаны А. Ѳ. Бычковымъ въ составленномъ имъ біографическомъ очеркѣ графа М. А. Корфа (см. „Древняя и Новая Россія“, 1876 г., т. I, стр. 334—335).

[2]) Былъ изданъ въ Лондонѣ, въ 1858 году, подъ заглавіемъ: „14-го декабря 1825 г. и императоръ Николай. По поводу книги барона Корфа“.

огражденіемъ противъ тайныхъ наговоровъ и интригъ реакціонерной партія, которая еще очень многочисленна и сильна въ нашей высшей администраци и которой даже самый фактъ выпуска на Божій свѣтъ такой книги долженъ былъ показаться ужасающею неосторожностію, со стороны нашего правительства и самымъ зловреднымъ дѣйствіемъ съ моей.

Словомъ, съ какой точки я ни смотрѣлъ на это дѣло, оно, во внутреннемъ сознаніи, представлялось мнѣ чѣмъ-то въ родѣ—подвига гражданскаго мужества, на который можно было отважиться только съ большимъ самоотверженіемъ. И я, однако, не остановился на него отважиться...

Событія только отчасти оправдали мои ожиданія.

Книга моя была прочтена всѣми, кто только читаетъ въ Россіи, и, можно сказать, съ увлеченіемъ, чему, конечно, способствовали извѣстность ея героя, таинственность его судебъ, множество оглашенныхъ мною новыхъ подробностей какъ о немъ самомъ, такъ и объ эпохѣ его въ государственной нашей жизни, наконецъ, можетъ быть, самая популярность изложенія. «Жизни графа Сперанскаго» выпала довольно рѣдкая, для сочиненій на русскомъ языкѣ, участь: быть прочтенною и въ высшемъ обществѣ, и даже всѣми, такъ называемыми государственными нашими людьми. Несмотря на то, она, наперекоръ моимъ ожиданіямъ, имѣла счастіе избѣгнуть ихъ остракизма, по крайней мѣрѣ видимыхъ и явныхъ ихъ стрѣлъ, и въ этомъ отношеніи все обошлось благополучно.

Но что̀ сдѣлала съ своей стороны наша литературная критика?

Начну съ того, что не было ни одной газеты, большой или мелкой, какъ и ни одного толстаго журнала, которые не поспѣшили бы заявить свое мнѣніе о «Жизни графа Сперанскаго»; всѣ эти журнальные отзывы сложены у меня вмѣстѣ, въ одной особой оберткѣ. Но эти мнѣнія *были*, большею частію, совершенно разноцвѣтны. Рядомъ съ безусловно хвалебными, даже восторженными статьями, шли другія, сдержанныя, холодныя, наконецъ, и такія, сквозь которыя явно проглядывала, съ одной стороны, досада негодованія, что человѣкъ, занимающій высокій государственный постъ, могъ написать что-нибудь не совсѣмъ обыкновенное, съ другой—усильное стараніе, всячески унизивъ его трудъ, доказать, что должно и можно было сдѣлать несравненно лучше, но что для этого нуженъ былъ—другой талантъ. Одни выдавали меня за пристрастнаго сторонника Сперанскаго, который, по ихъ увѣренію, совсѣмъ и не стоитъ біографіи; другіе называли—врагомъ его, не довольно признающимъ достоинства единственнаго нашего государствен-

наго человѣка; тѣ утверждали, что цѣлью моею было возвести его на незаслуженный пьедесталъ, эти—что я хлопочу только о томъ, какъ бы свергнуть его съ пьедестала. Были и такіе, которымъ хотѣлось увѣрить, что публика ничуть не больше узнаетъ Сперанскаго послѣ моей біографіи, чѣмъ прежде, и которые, съ преднамѣренною безтактностію, корили меня за то, что я еще гораздо больше въ ней скрылъ, нежели высказалъ, какъ будто бы не понимали (хотя понимали очень хорошо), что, выговори я все, мнѣ извѣстное, то книга совсѣмъ и не могла бы явиться въ свѣтъ. Разумѣется, что, посреди всѣхъ этихъ разнорѣчивыхъ толковъ и пересудовъ, наши псевдо-передовые люди старались провести, подъ шумокъ, и нѣкоторыя изъ любимыхъ своихъ идеекъ, пытаясь восполнить мои пропуски разными неудачными своими догадками; вообще же обличили въ этомъ дѣлѣ и глубокое, свойственное большей ихъ части, невѣдѣніе, и узкость своихъ мнимо-государственныхъ взглядовъ, не приведя ни одного такого факта, не выразивъ ни одной такой мысли, которыми можно было бы сколько-нибудь воспользоваться для исправленія или усовершенствованія разобраннаго ими труда. Вездѣ видны были тутъ не благородныя стремленія къ пользѣ науки и къ исторической истинѣ, а одни, упомянутые выше, темные мотивы и вліяніе заранѣе предрѣшеннаго образа дѣйствія, хотя бы книга оказалась написанною съ искусствомъ самого Тацита или Плутарха.

Я не отвѣчалъ ни на одну изъ этихъ рецензій, потому что почти каждая изъ нихъ самымъ своимъ содержаніемъ произносила справедливѣйшій себѣ приговоръ, а вступать въ полемику съ невѣжествомъ или злонамѣренностію у меня не было никакой охоты. Но одинъ упрекъ, на которомъ эти передовые органы нашей періодической прессы съ особеннымъ злорадствомъ настаивали, именно о разныхъ умолчаніяхъ въ «Жизни графа Сперанскаго», я охотно на себя принимаю, въ увѣренности, что никакой разсудительный человѣкъ не вмѣнитъ мнѣ ихъ въ вину. Дѣйствительно, могъ ли я, въ общественномъ моемъ положеніи и въ моей истинной, а не гоняющейся за модными эффектами любви къ Россіи, проводить и воскрешать передъ ея глазами—именно въ настоящую минуту, когда вся наша атмосфера наполнена несбыточными конституціонными мечтами—утопическіе планы, которыми тѣшились въ этомъ кругѣ идей, полвѣка тому назадъ, Александръ и Сперанскій?. Могъ ли я, не нарушивъ всякаго уваженія къ чувствамъ, къ приличію и къ самому простому такту, въ книгѣ, вышедшей подъ эгидою роднаго племянника и преемника на престолѣ, незатаенно обличать характеръ и дѣйствія дяди и предшественника, въ томъ печальномъ свѣтѣ, какой бросали на нихъ, для меня, мои изысканія? Могъ ли высказать что-нибудь болѣе того, что напечатано въ книгѣ о причи-

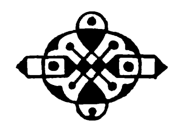
нахъ и подробностяхъ катастрофы Сперанскаго, когда все прочее точно также,—хотя, въ прибавку, еще гораздо менѣе достовѣрно,—набрасываетъ самую мрачную тѣнь на память Александра, или же представляется, очевидно, однимъ сплетеніемъ досужихъ выдумокъ, коммеражей. прикрасъ и явной лжи, пригодной, можетъ быть, для историческаго романа, но уже отнюдь не для правдивой, строгой исторіи? Могъ ли я, наконецъ, пускаться въ полную характеристику и оцѣнку дѣятелей этой катастрофы и вообще государственныхъ людей той эпохи, когда прахъ ихъ еще едва остылъ и вся Россія наполнена ихъ потомствомъ, и когда и нѣсколькихъ замѣтокъ о людяхъ, задолго до меня оглашенныхъ на весь свѣтъ (Пестель, Молчановъ, Величко и пр.), достаточно было, чтобъ навлечь мнѣ столько рекламацій и неудовольствій?

Но здѣсь, въ этихъ сокровенныхъ листахъ, всѣ эти уваженія исчезаютъ. Упомянутыя укоризны,—изъ какого бы онѣ ни истекали источника и какъ бы ни малоосновательны были въ отношеніи къ книгѣ, напечатанной для читателей всѣхъ разрядовъ,—указываютъ мнѣ долгъ, который я, впрочемъ, сознавалъ еще и прежде, сохранить, по крайней мѣрѣ для потомства, тò, чего, вѣроятно, никому уже не удастся, или не станетъ терпѣнія собрать послѣ меня. Въ нижеслѣдующія дополненія включено все то, что я успѣлъ отыскать и узнать прикосновеннагó къ моему предмету, но что, по совѣсти и крайнему разумѣнію, я почелъ обязанностію умолчать въ моей книгѣ. Тутъ восполнены, впрочемъ, теперь и нѣкоторые такіе пропуски, которые произошли въ ней, очевидно, только по одному простому упущенію съ моей стороны и которые пополнить можно бы было, безъ всякаго неудобства, и въ печати. Читатель этихъ дополнительныхъ матеріаловъ,—если когда-нибудь, едва ли скоро и, конечно, уже не черезъ мои руки, можно будетъ огласить ихъ для публики,—легко увидитъ, и безъ дальнѣйшихъ моихъ объясненій, отъ чего они не вошли въ самую книгу. Нѣкоторыя изъ прилагаемыхъ здѣсь статей были написаны еще въ 1847 году, и даже прежде; другія теперь только выбраны и приведены въ порядокъ изъ прежнихъ разсѣянныхъ моихъ замѣтокъ. Всѣ требуютъ еще окончательной редакціи, для которой, въ настоящее время, у меня нѣтъ досуга, и, вслѣдствіе такого недостатка, послѣдняго просмотра; мѣстами вѣрно встрѣтятся повторенія, иногда, можетъ быть, и несоглашенныя противорѣчія. Въ свѣтъ все это могло бы быть выпущено, когда наступитъ къ тому пора, во всякомъ случаѣ не иначе, какъ послѣ тщательной новой обработки, и если иные изъ этихъ матеріаловъ съ удобствомъ обратятся прямо въ дополненіе къ напечатанному тексту, то другіе можно будетъ слить съ нимъ только по взаимной передѣлкѣ того и другаго. Впрочемъ, для облегченія справокъ, всѣ настоящія дополненія

разложены по частямъ и главамъ печатнаго текста и почти при каждомъ указана и та страница, къ которой оно относится.

Кончу тѣмъ, что здѣсь нѣтъ уже никакихъ умолчаній. Я высказалъ все, что знаю. Искренно желаю, чтобы послѣ меня нашелся человѣкъ, которому удалось бы узнать—еще болѣе.

Сообщилъ **И. А. Бычковъ**.

Первоначальная просьба Пезаровіуса о разрѣшеніи ему издавать еженедѣльный журналъ.

Письмо С. С. Уварова—графу Алексѣю Кирилловичу Разумовскому

29-го ноября 1812 № 651.

Коллежскій совѣтникъ Пезаровіусъ представилъ мнѣ при семъ въ подлинникѣ прилагаемое начертаніе періодическаго сочиненія подъ названіемъ: «Общенародныхъ россійскихъ извѣстій», предпринимаемаго имъ въ намѣреніи обращать прибыль отъ того въ пользу инвалидовъ, солдатскихъ вдовъ и сиротъ. Долгомъ моимъ счелъ представить на благоусмотрѣніе вашего сіятельства сей новый проектъ и испрашиваю вашего, милостивый государь, разрѣшенія.

Начертаніе періодическаго сочиненія, которое имѣетъ издаваться подъ названіемъ «Общенародныхъ россійскихъ извѣстій».

Цѣль сего періодическаго изданія есть двоякая:

Во-первыхъ, питаніе священнаго пламени любви къ отечеству и монарху, отцу единаго изъ многихъ милліоновъ состоящаго семейства и распространеніе между всѣми сословіями народа достовѣрныхъ свѣдѣній о происшествіяхъ нынѣшняго времени и о томъ великомъ духѣ, которымъ всѣ россіяне въ сію достопамятную эпоху отличаются.

По сему цѣна сего изданія полагается самая умѣренная, дабы сколько можно большее число людей могли пользоваться онымъ.

Во-вторыхъ. Особенное назначеніе прибыли, отъ изданія сего произойти имѣющей. Издатель, отрицаясь отъ всякой личной выгоды за свой трудъ, намѣренъ весь остатокъ, за вычетомъ издержекъ нужныхъ для напечатанія, употребить на вспомоществованіе инвалидамъ, солдатскимъ вдовамъ и сиротамъ.

Публика каждый мѣсяцъ извѣщена будетъ о именахъ получившихъ вспоможеніе, о суммахъ, выданныхъ единовременно или въ пенсію и о количествѣ денегъ, на лицо состоящихъ.

Въ періодическомъ семъ изданіи помѣщаемы будутъ статьи слѣдующаго содержанія:

1) Сужденія о военныхъ происшествіяхъ.

2) Черты любви къ отечеству и храбрости изъ древней россійской исторіи.

3) Такія же черты изъ всеобщей исторіи.

4) Всѣ славныя дѣянія, продолженіе сей войны знаменующія и особенную храбрость, отважную рѣшительность и личное пожертвованіе для блага общаго доказывающія.

5) Направленіе общаго мнѣнія о нынѣшнихъ происшествіяхъ къ настоящей цѣли [1]).

Подписка открывается на цѣлый годъ. Каждое воскресенье будетъ выходить одинъ нумеръ. Цѣна за весь годъ, здѣсь въ С.-Петербургѣ—10 р., а въ другихъ городахъ—13 р.

Подписавшійся имѣетъ право извѣщать о раненыхъ и увѣченныхъ воинахъ въ нынѣшнюю войну, также о вдовахъ и дѣтяхъ для доставленія имъ нужныхъ пособій.

Любезные соотечественники! Будьте благосклонны къ трудамъ моимъ. Только соединенными силами можно совершенно достигнуть предположенной нами цѣли. Еще повторяю, что не личныя какія-либо выгоды побуждаютъ меня къ предпріятію труда сего, но единственно священная признательность къ героямъ, сражавшимся за наше спокойствіе и независимость, и желаніе содѣйствовать, по возможности моей, къ облегченію участи вдовъ и дѣтей храбрыхъ воиновъ, падшихъ на полѣ чести за любезное отечество.

Предпріятіе—благонамѣренное, средства — позволенныя, да увѣнчается исполненіе онаго желаемымъ успѣхомъ!

Министръ народнаго просвѣщенія изъявилъ согласіе на изданіе; но, какъ извѣстно, Пезаровіусъ измѣнилъ свое предположеніе и сталъ издавать газету «Русскій Инвалидъ».

[1]) Цѣль сей статьи есть то, чтобы внушить народу непоколебимую довѣренность къ мѣрамъ, предпринимаемымъ правительствомъ, и утвердить въ немъ убѣжденіе, что оно съ неусыпною ревностью и отеческимъ попеченіемъ бдитъ о благѣ общемъ.

М. В. Буташевичъ-Петрашевскій въ Сибири.

I.

Когда амнистія 1856 года замѣнила петрашевцамъ каторгу поселеніемъ, Петрашевскій былъ приписанъ къ Оекской волости Иркутской губерніи. Мѣсто его водворенія находилось въ 35 верстахъ отъ Иркутска. Ему, какъ и нѣкоторымъ его товарищамъ, тогда же разрѣшено было поселиться въ Иркутскѣ, что онъ и сдѣлалъ въ 1858 году. Вмѣстѣ съ нимъ переселились сюда два другихъ его товарища: Н. А. Спѣшневъ и Ѳ. Н. Львовъ. Оба послѣдніе вскорѣ послѣ этого были прощены и вернулись въ Россію, гдѣ Спѣшневъ безвыѣздно поселился въ своей деревнѣ, кажется Новгородской губерніи, и тамъ немного времени спустя умеръ. Львовъ впослѣдствіи сталъ извѣстенъ какъ одинъ изъ учредителей Техническаго Общества въ Петербургѣ и, сдѣлавшись постояннымъ секретаремъ его, отдалъ всю остальную свою жизнь на организацію и служеніе этому Обществу. Участь самого Петрашевскаго была гораздо печальнѣе, потому что каторга не могла сломить его упорной натуры и заставить его съ меньшею горячностью относиться къ убѣжденіямъ своей юности. Сначала онъ служилъ по найму въ одномъ присутственномъ мѣстѣ и считался въ числѣ людей близкихъ къ тогдашнему иркутскому генералъ-губернатору Н. Н. Муравьеву-Амурскому. Ветеранъ сибирской областной печати, М. В. Загоскинъ, передавалъ мнѣ о жизни Петрашевскаго слѣдующее:

Какъ и гдѣ покойный провелъ годы каторги,—объ этомъ Петрашевскій не говаривалъ. Въ Иркутскѣ они жили всегда втроемъ: Петрашевскій, Н. А. Спѣшневъ и Ѳ. Н. Львовъ. Я познакомился съ ними вскорѣ по изданіи первыхъ нумеровъ «Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», редакторомъ которыхъ первое время былъ Спѣшневъ. Когда я принесъ

къ Спѣшневу свою первую статью, всѣ они приняли меня хорошо. Вскорѣ они поселились около меня на Большой улицѣ, и здѣсь мы видались часто. Муравьевъ тогда былъ въ угарѣ либерализма и приблизилъ ихъ къ себѣ. Послѣ нѣсколькихъ моихъ статей въ «Губ. Вѣд.» Муравьевъ пожелалъ познакомиться со мной,—и мы (не помню со Спѣшневымъ или Петрашевскимъ) отправились къ генералъ-губернатору. У Муравьева въ кабинетѣ цѣлый уголъ былъ заваленъ заграничными изданіями о Россіи, и онъ тутъ же предложилъ пользоваться этими книгами всѣмъ намъ. Вскорѣ онъ поѣхалъ на Амуръ и Спѣшнева взялъ съ собою въ правители путевой канцеляріи, а мнѣ предложилъ взять на себя редактированіе «Губернскихъ Вѣдомостей». Въ эти «Вѣдомости» Петрашевскій ничего не писалъ [1]), а писалъ Львовъ (о минеральныхъ ключахъ и т. п.). Тогда же у насъ съ Петрашевскимъ и И. С. Сельскимъ (членъ Совѣта и правитель дѣлъ отдѣла Географическаго Общества) завелась рѣчь объ изданіи частнаго органа. По возвращеніи Муравьева съ торжествъ по случаю Айгунскаго договора, онъ былъ готовъ все сдѣлать, и въ 1859 г. пошло ходатайство о разрѣшеніи издавать частную газету «Амуръ». На изданіе газеты дали средства трое молодыхъ людей, купеческихъ дѣтей: Ст. Ст. Поповъ, Ив. Ив. Пиленковъ и Андр. Андр. Бѣлоголовый, братъ извѣстнаго доктора-литератора.

Весной въ 1859 г. въ Иркутскѣ большаго шуму надѣлала дуэль между двумя чиновниками особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ—Беклемишевымъ и Неклюдовымъ, закончившаяся смертью послѣдняго. Мѣстное общество, враждебно относившееся къ генералъ-губернаторской партіи, къ которой принадлежалъ Беклемишевъ, открыто стало говорить, что это была не дуэль, а простое убійство, такъ какъ при ней не были соблюдены нѣкоторыя правила, установленныя обычаемъ, и будто бы секунданты Неклюдова не были выбраны имъ самимъ, а навязаны ему противникомъ. Общественное мнѣніе прямо требовало строгаго слѣдствія и суда надъ виновникомъ. Исторія этой дуэли была описана Н. А. Бѣлоголовымъ (судя по посмертнымъ сочиненіямъ послѣдняго) въ приложеніи къ «Колоколу» Герцена (№ 2, «Подъ судъ»). Не совсѣмъ безпристрастное опроверженіе этой статьи, напечатанное по просьбѣ А. М. Бакунина, появилось въ томъ же журналѣ зимой 1860—61 г.г. Генералъ-губернаторъ, очень любившій Беклемишева, страшно раздражался всѣми этими толками и пересудами и, давъ волю

---

[1]) Вопреки этому сообщенію Вс. И. Вагинъ, знатокъ исторіи сибирской областной печати, считаетъ Петрашевскаго сотрудникомъ „Ирк. Губ. Вѣд.“ того времени. Онъ даже называетъ одну его крупную статью „Объ Амурской компаніи“, направленную, кажется, противъ введенія откуповъ въ Амурскомъ краѣ и напечатанную въ „Губ. Вѣд.“ за 1857 г.

своей обычной горячности, началъ рвать и метать. Этимъ онъ еще болѣе осложнилъ дѣло. О горячности его въ данномъ случаѣ можно судить, напримѣръ, по слѣдующему: узнавши, что особенно оживленные разговоры о дуэли ведутся въ частной библіотекѣ Шестунова, онъ распорядился немедленно закрыть ее, а самого Шестунова выслалъ административнымъ порядкомъ за Байкалъ.

«Петрашевскій,—разсказываетъ М. В. Загоскинъ въ письмѣ къ пишущему настоящія строки,—принялъ горячее участіе въ волненіи, произведенномъ въ городѣ этимъ событіемъ, а равно и въ похоронахъ убитаго Неклюдова. Примкнувъ къ оппозиціи, онъ громко говорилъ о неправильностяхъ, сопрождавшихъ дуэль. Обо всемъ этомъ донесено было Муравьеву на Амуръ, и мы всѣ (молодежь-учители гимназіи и болѣе молодые изъ чиновниковъ главнаго управленія) представлены были, какъ участники городскихъ волненій. А и всѣ-то волненія состояли въ томъ, что на похороны Неклюдова собралась масса народа (была Пасха) и молчаливо проводила покойника до могилы. Въ «Губ. Вѣд.» Львовъ помѣстилъ статейку о дуэли, съ выраженіемъ сожалѣнія о «молодыхъ людяхъ—любимцахъ Муравьева», вмѣсто дѣла занимавшихся взаимными дрязгами. По возвращеніи съ Амура, Муравьевъ уже не приглашалъ къ себѣ ни Петрашевскаго, ни Львова. Меня, какъ будущаго редактора «Амура», онъ позвалъ особо, накричалъ, какъ подобаетъ николаевскому генералу, но затѣмъ смирился и просилъ только въ новой газетѣ «не марать Амура», т. е. его амурскихъ распоряженій. Съ тѣхъ поръ до своего выѣзда изъ Сибири онъ остался болѣе или менѣе благосклоннымъ и къ «Амуру», и ко мнѣ. За Муравьева остался въ Иркутскѣ Корсаковъ и вскорѣ распорядился выслать Петрашевскаго въ Минусинскъ. Сдѣлано это было такъ, что мы даже не узнали въ свое время объ его отправкѣ».

Н. А. Бѣлоголовый, въ своихъ воспоминаніяхъ о декабристахъ, упоминаетъ мимоходомъ и о Петрашевскомъ и говоритъ, что онъ былъ высланъ изъ Иркутска за то, что въ дѣлѣ о дуэли примкнулъ къ оппозиціи и рѣзко порицалъ сопровождавшія дуэль неправильности. В. И. Вагинъ, въ письмѣ ко мнѣ, объясняетъ высылку Петрашевскаго тою же причиной, прибавляя, что вообще «онъ не стѣснялся въ выраженіи своихъ мнѣній о мѣстныхъ событіяхъ». Впрочемъ, г. Вагинъ не зналъ Петрашевскаго лично, такъ какъ его не было въ Иркутскѣ во время пребыванія здѣсь послѣдняго, и потому онъ говоритъ о Петрашевскомъ лишь со словъ другихъ. «Амуръ», въ возникновеніи котораго принималъ Петрашевскій дѣятельное участіе, просуществовалъ недолго, по крайней мѣрѣ при своей первоначальной редакціи. Редакція газеты, какъ разсказываетъ В. И. Вагинъ, была обставлена очень серьезно. «Мѣстное обозрѣніе принялъ на себя Петрашевскій, общее

*

внутреннее—М. П. Шестуновъ (онъ же управлялъ и конторой изданія), иностранное—П. А. Горбуновъ, бывшій воспитатель Трубецкихъ, человѣкъ весьма образованный и страстный политикъ. Кромѣ того ближайшимъ сотрудникомъ газеты былъ Ѳ. Н. Львовъ, впослѣдствіи секретарь Техническаго Общества. Графъ Муравьевъ-Амурскій сочувственно отнесся къ новому изданію; начальникъ его штаба, Кукель, и бывшій посланникъ въ Китаѣ, г. Бютцовъ, обѣщались быть сотрудниками газеты и дѣйствительно доставили ей нѣсколько сообщеній. Цензорами газеты были генералъ-губернаторы—сначала Муравьевъ, а потомъ Корсаковъ. Прежнія связи г. Загоскина по редакціи «Губернскихъ Вѣдомостей» дали ему возможность съ самаго начала привлечь въ «Амуръ» нѣсколько дѣльныхъ корреспондентовъ. Затѣмъ явились и новые корреспонденты и сотрудники... «Амуръ» печатался въ довольно порядочной мѣстной военной типографіи и на очень порядочной бумагѣ.

«Муравьевъ, повидимому, вполнѣ довѣрялъ редакціи газеты, такъ что подписывалъ цензурные листы не читая. Но это только повидимому, потому что стоило появиться не совсѣмъ благосклонной замѣткѣ объ Амурскомъ краѣ и о любимцахъ графа—разной лицейской молодежи,—какъ на авторовъ и редактора сыпались уже угрозы. Еще за напечатаніе въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» статьи по поводу дуэли между Беклемишевымъ и Неклюдовымъ редактору сдѣлано было замѣчаніе. Бывали выговоры и за замѣтки въ «Амурѣ». Одинъ чиновникъ за такую замѣтку былъ даже лишенъ мѣста въ Благовѣщенскѣ. Со вступленіемъ въ должность генералъ-губернатора Корсакова дѣла газеты пошли хуже. Случалось, что цѣлые нумера надо было перепечатывать вновь! Вмѣсто того, приходилось печатать то, что, по мнѣнію редакціи, противорѣчило ея воззрѣніямъ. Извѣстно, какое сильное впечатлѣніе производили статьи Дмитрія Завалишина, раскрывавшія закулисную сторону занятія Амура. Статьи эти страшно бѣсили Н. Н. Муравьева и его преемника Корсакова. Послѣдній поручилъ одному изъ своихъ приближенныхъ написать опроверженіе на нихъ. Это опроверженіе разрослось въ нѣсколько печатныхъ листовъ. Оно было прислано въ редакцію «Амура» съ собственноручной запиской, въ которой приказывалось «напечатать!» его въ ближайшемъ номерѣ. Пришлось разбирать набранный уже номеръ газеты, печатать опроверженіе и задержать выходъ номера. Распоряженіе о напечатаніи его было явнымъ вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла совершенно частнаго изданія и покушеніемъ вліять на его направленіе, вопреки мнѣніямъ редакціи, которыя были гораздо болѣе солидарны съ мнѣніями Завалишина, чѣмъ автора опроверженія. Издатели оскорбились такимъ

вмѣшательствомъ и рѣшили закрыть газету. Редакторъ М. В. Загоскинъ доложилъ объ этомъ М. С. Корсакову.

— Газета должна существовать, сказалъ Корсаковъ.

«Г. Загоскинъ возразилъ, что, за отказомъ издателей и по малочисленности подписчиковъ, газета не будетъ окупать издержекъ, и потому существованіе ея немыслимо. Корсаковъ обѣщалъ помочь газетѣ, лишь бы она не прекращалась. И дѣйствительно, газетѣ было ассигновано пособіе изъ амурскихъ суммъ (заглавіе ея тутъ пришлось очень кстати) по 800 руб. въ годъ. Такимъ образомъ «Амуръ» сдѣлался субсидируемой газетой. Это, однакожъ, не измѣнило ея направленія. Самолюбію Корсакова и Муравьева было пріятно, что въ ихъ краѣ издается газета, да еще и либеральная. Но объемъ газеты сильно уменьшился. Вмѣсто двухъ большихъ листовъ сталъ выходить только одинъ маленькій. Всѣ прежніе члены редакціи отстали отъ газеты, и весь трудъ редакціи остался на одномъ Загоскинѣ».

Всего «Амуръ» просуществовалъ около двухъ лѣтъ и закрылся въ апрѣлѣ 1862 года. О значеніи его для края можно судить потому уже, что, благодаря его разоблаченіямъ, въ короткое время было смѣщено 20 засѣдателей и 8 исправниковъ [1]).

Участіе въ «Амурѣ» Петрашевскаго было незначительно. По словамъ редактора газеты М. В. Загоскина, онъ «написалъ 2—3 передовыхъ статьи, но такихъ длинныхъ, что ихъ нельзя было помѣстить въ одномъ нумерѣ, а пришлось разбить на части. Вообще Петрашевскій, какъ сотрудникъ газеты, оказался неудобнымъ,—говоритъ Загоскинъ въ цитированномъ выше письмѣ;—писалъ онъ многословно и противоцензурно, стараясь задѣть людей близкихъ къ генералъ-губернатору. О дѣлахъ общественныхъ вовсе не писалъ, да и мало интересовался ими. Онъ велъ безконечный процессъ о своемъ осужденіи, якобы незаконномъ. Прошеніе его на 35 листахъ всѣ читали. Оно переполнено было юридическими тонкостями, доказывавшими, что при судебномъ разбирательствѣ его дѣла нарушены были всѣ законныя правила. Прошеніе начиналось такъ: «Мнимаго поселенца Оекской волости, потомственнаго дворянина М. В. Петрашевскаго—прошеніе». Какой былъ ближайшій поводъ высылки Петрашевскаго,—не знаю, вѣроятно хожденіе его по всѣмъ знакомымъ и толки о Муравьевскихъ дѣлахъ».

«Кромѣ того онъ занимался адвокатурой. Помню, онъ потребовалъ у суда возстановить по одному дѣлу «судъ по формѣ». Я былъ на этомъ судѣ: выступилъ Петрашевскій и его соперникъ и, ставъ у дверей суда, читали по тетрадямъ взаимные доводы,—выходило даже

---

[1]) И. И. П—въ. „Михаилъ Васильевичъ Загоскинъ", юбилейная статья въ „Вост. Обозр." за 1898 г.

смѣшно... Зрителемъ былъ одинъ я. А Петрашевскій видѣлъ въ этой штукѣ прототипъ гласнаго суда.

«Больше всего повредило Петрашевскому то, что въ начавшемся слѣдствіи о дуэли и въ судѣ надъ дуэлистами онъ тоже принялъ горячее участіе. И онъ и судьи, присудившіе дуэлистовъ къ каторжной работѣ,—сами отданы были подъ судъ, и одинъ изъ судей даже зарѣзался...

«Спѣшнева Муравьевъ увезъ съ собою въ Петербургъ, даже не испросивъ ему разрѣшенія. Вообще Спѣшневъ изъ всѣхъ ихъ былъ самый развитой, многознающій и выдержанный человѣкъ.

О фурьеризмѣ и коммунизмѣ мало говорилось въ ихъ средѣ. Высказывались иногда воспоминанія о товарищахъ по дѣлу, но ничего интереснаго въ нихъ не было. Помню отзывъ Петрашевскаго о Достоевскомъ, котораго онъ считалъ весьма слабымъ по убѣжденіямъ и по характеру. Съ Бакунинымъ они всѣ трое не сходились, такъ какъ Бакунинъ помѣстилъ въ «Амурѣ» 2—3 статьи и исчезъ, надувъ Муравьева и Корсакова».

Не сходился, кажется, Петрашевскій и съ декабристами. По крайней мѣрѣ Н. А. Бѣлоголовый въ своихъ воспоминаніяхъ о декабристѣ А. В. Поджіо говоритъ, что послѣдній не могъ сблизиться съ Петрашевскимъ. Объясняетъ онъ это тѣмъ, что Поджіо былъ чистокровный либералъ, тогда какъ политическія стремленія Петрашевскаго шли гораздо дальше.

II.

О дальнѣйшей судьбѣ Петрашевскаго свѣдѣнія находятся въ моемъ распоряженіи крайне неполныя и отрывочныя. Сначала онъ жилъ въ Минусинскѣ, затѣмъ былъ переведенъ въ село Шушу, Минусинскаго округа.

Шуша—село глухое, лежащее въ сторонѣ отъ тракта. Но и здѣсь, по словамъ Н. А. Бѣлоголоваго, Петрашевскій не угомонился. Сойдясь съ своими новыми односельцами, онъ сдѣлался ихъ адвокатомъ и отъ ихъ имени сталъ осаждать мѣстныя власти безпрестанными прошеніями на разныя утѣсненія и неправды. Прошенія эти доводились до свѣдѣнія гр. Муравьева и постоянно поддерживали его раздраженіе. Одинъ старожилъ передавалъ мнѣ, со словъ самого Петрашевскаго, что въ Шушѣ изгнанникъ подвергался даже наказанію розгами.

Вскорѣ мы видимъ Петрашевскаго уже переведеннымъ въ село

Бѣльское, Енисейскаго уѣзда. Этотъ переводъ тоже являлся наказаніемъ за недоразумѣнія съ начальствомъ. Бѣльское и въ настоящее время производитъ самое угнетающее впечатлѣніе на всякаго культурнаго человѣка, случайно попавшаго сюда. Оно представляетъ сотню жалкихъ домишекъ, въ безпорядкѣ разбросанныхъ по двумъ оврагамъ, вблизи небольшой, заросшей травою рѣчки. Тайга точно кольцомъ охватила село, придвинулась къ самымъ дворамъ и тянется во всѣ стороны почти сплошь на сотни и тысячи верстъ. Лѣтомъ онъ нея по селу кишитъ страшная мошка и медвѣди нерѣдко задираютъ скотину подъ самымъ селомъ; волки зимою не боятся даже заходить въ село. Населеніе живетъ довольно бѣдно, почти наполовину состоитъ изъ ссыльно-поселенцевъ. Никакихъ промысловъ жители не знаютъ и живутъ почти исключительно земледѣліемъ, при чемъ собственнаго хлѣба имъ хватаетъ на содержаніе далеко не каждый годъ. Селеній по близости нѣтъ вовсе. Въ культурномъ отношеніи это и теперь почти не початой уголъ. Несмотря на то, что школа существуетъ здѣсь уже нѣсколько десятковъ лѣтъ, грамотныхъ крестьянъ почти нѣтъ. Иные совсѣмъ уже забыли все, чему учились въ школѣ, другіе—близки къ этому. Это, конечно, вполнѣ естественно, потому что книгъ въ селѣ никакихъ нѣтъ, покупать ихъ не на что, да и негдѣ, читать некогда. Ближе гор. Енисейска, отстоящаго отъ Бѣльскаго на 100 верстъ (версты «Екатерининскія» семисотъ-саженныя), негдѣ купить не только печатнаго листка бумаги, но даже пузырька чернилъ. Въ Енисейскѣ же и ближайшая почтово-телеграфная контора. Если таково культурное положеніе села въ настоящее время, то можно представить, каково оно было въ 60-хъ гг., когда здѣсь жилъ Петрашевскій. Старуха «Конюриха», у которой квартировалъ и въ домѣ которой умеръ Петрашевскій, разсказываетъ, что въ Бѣльскомъ всѣ его боялись, думали, что онъ знается съ чертомъ. Заключеніе это сдѣлали изъ того, что онъ въ церковь не ходилъ, поповъ не любилъ и вообще жилъ нелюдимомъ.

Чтобы яснѣе представить себѣ тягость положенія Петрашевскаго, нужно добавить, что некультурность населенія не сопровождается здѣсь тѣми симпатичными первобытными нравами, которыми у насъ принято надѣлять захолустья деревни. Ссылка и разгулъ золотопромышленниковъ и пріисковыхъ рабочихъ не обошли заброшенныхъ среди лѣсовъ селъ и способствовали здѣсь, какъ и вездѣ въ Сибири, развитію жажды къ наживѣ и развращенію нравовъ. Вмѣстѣ съ чѣмъ суровая природа и угрюмая обстановка содѣйствовали здѣсь сильному развитію несимпатичныхъ чертъ сибиряка: угрюмости, нелюдимости, эгоизма и безчувственности. Нѣтъ сомнѣнія, что Петрашевскому не разъ приходилось наталкиваться на эти туземныя черты характера. Одинъ мѣстный

крестьянинъ разсказывалъ мнѣ, что однажды ребятишки своими ѣн смѣшками и передразниваніями довели Петрашевскаго до слезъ и затѣмъ чуть не до слезъ же тронулъ его этотъ крестьянинъ, заступившійся за него предъ ребятишками.

Въ селѣ Бѣльскомъ Петрашевскій провелъ года два. Енисейскій врачъ А. И. Вицинъ, близко знавшій Петрашевскаго въ этотъ періодъ его жизни, разсказывалъ мнѣ, что Петрашевскій былъ присланъ сюда «за сопротивленіе властямъ». Немногіе помнятъ Петрашевскаго въ Бѣльскомъ и изъ разсказовъ этихъ немногихъ очень немногое можно почерпнуть для его характеристики. О наружности Петрашевскаго въ это время разсказываютъ слѣдующее. Онъ былъ высокаго роста, съ лохматой русой головой, длинной бородой и удивительно проницательными голубыми глазами, въ которые было смотрѣть страшно. Крестьянамъ врѣзалось еще въ память, что онъ носилъ на рукахъ длинные ногти. Жилъ Петрашевскій въ простой крестьянской избѣ, которая сохранилась до сихъ поръ. Не было у него здѣсь ни родныхъ, ни товарищей, ни мало-мальски близкихъ знакомыхъ. Крестьяне его не долюбливали за его нелюдимость, но смотрѣли на него, какъ на очень важное лицо, потому что онъ очень независимо держалъ себя по отношенію къ мѣстнымъ властямъ и постоянно враждовалъ съ ними. Ходили къ нему только бѣдные крестьяне; онъ писалъ имъ разныя прошенія и жалобы, помогалъ совѣтами и лѣчилъ ихъ. Разсказываютъ, что онъ посылалъ въ газеты какія-то статьи, отправляя ихъ на почту потихоньку отъ волостнаго начальства, при оказіяхъ въ городъ. Съ городскимъ начальствомъ Петрашевскій былъ въ большой враждѣ, выводилъ, по разсказамъ старожиловъ, на свѣжую воду всѣ ихъ грѣхи, писалъ на нихъ жалобы и этимъ навлекъ на себя ихъ общую ненависть. Однажды онъ ѣздилъ въ Енисейскъ изъ-за какихъ-то столкновеній съ начальствомъ. Возвратился оттуда бодрымъ и здоровымъ, поужиналъ, а на утро его нашли въ постели мертвымъ. Народная молва приписала его скоропостижную смерть отравленію, которое будто бы было произведено въ городѣ по подкупу начальства, ненавидѣвшаго покойнаго. Въ селѣ сохранилась цѣлая легенда объ этомъ отравленіи. На самомъ дѣлѣ Петрашевскій умеръ отъ апоплексіи мозга, какъ это было установлено вскрытіемъ. Анатомировавшій его врачъ А. И. Вицинъ разсказывалъ мнѣ, что у покойнаго оказался необыкновенно большой и замѣчательно хорошо развитый мозгъ.

По справкамъ въ Благовѣщенской церкви с. Бѣльскаго оказалось слѣдующее: въ 1867 году въ третьей части объ умершихъ, подъ № 4 муж. п., записанъ «политическій преступникъ Михаилъ Васильевичъ Буташевичъ-Петрашевскій, умершій скоропостижно». Днемъ его смерти значится 7 декабря 1866 года, а днемъ погребенія 12 февраля 1867 г.

Такимъ образомъ покойный ждалъ погребенія болѣе двухъ мѣсяцевъ, находясь все это время въ мѣстномъ «холодникѣ». Хоронили Петрашевскаго на средства волостнаго правленія, и ни одна душа не проводила его до кладбища, кромѣ могильщиковъ. Какъ человѣкъ умершій безъ покаянія, онъ былъ зарытъ внѣ кладбища.

Безъ церковнаго пѣнья, безъ ладона,
Безъ всего, чѣмъ могила крѣпка...

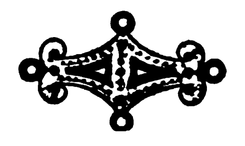
Лѣтъ пятнадцать стояла могила Петрашевскаго совершенно одинокой, всѣми забытой, не отмѣченной даже простымъ камнемъ. Рядомъ съ нею въ такомъ же забросѣ находилась другая могила мѣстной учительницы Киселевой, окончившей жизнь самоубійствомъ. Наконецъ нашлись добрые люди «скитальцы съ западной страны», какъ выразился польскій поэтъ, воспѣвшій эти двѣ могилы. Они подновили эти могилы, насыпали надъ ними бугры земли и поставили надъ могилой Петрашевскаго деревянный столбъ, а надъ могилой Киселевой—крестъ. И тотъ и другой были сдѣланы ими собственноручно. Въ день поправки могилъ они устроили даже товарищескій вечеръ въ память покойныхъ и впослѣдствіи часто приходили на эти могилы. Но прошло нѣсколько лѣтъ, эти случайные люди разсѣялись, и опять остались могилы совершенно заброшенными, опять некому стало придти сюда и вспомянуть покойныхъ.

Я посѣтилъ эти могилы зимою прошлаго года. Кладбище находится на задахъ села, почти около самаго лѣса. Это небольшое и бѣдное кладбище. Нѣтъ на немъ ни одного памятника, деревянные кресты на могилахъ по большей части поломаны: заплотъ полуразрушенъ и около него растутъ кой-гдѣ молодыя елки и березки. Съ трудомъ, чуть не по поясъ увязая въ снѣгу, добрался я до уголка, гдѣ похоронены отверженные, но могилъ ихъ не могъ найти. Я еще думалъ, что крестъ и столбъ, о которыхъ мнѣ разсказывали, свалились, но это оказалось вѣрнымъ лишь на половину. Во второе посѣщеніе я нашелъ обѣ эти могилы. Креста на могилѣ Киселевой дѣйствительно уже не было, но старый почернѣвшій столбъ на могилѣ Петрашевскаго еще стоялъ. Незамѣтно пріютился онъ передъ небольшою елкою, прячась въ ея зеленыхъ вѣтвяхъ. Нѣтъ на немъ никакой надписи, да повидимому и раньше не было. Только нѣсколько дробинъ торчали въ немъ: кто-то, видимо, стрѣлялъ въ цѣль. Ничего отсюда не видно кромѣ угрюмой тайги, да покосившагося «холодника» съ выбитыми окнами и полуразрушенной крышей. Это тотъ «холодникъ», который давалъ Петрашевскому послѣдній пріютъ въ теченіе болѣе, чѣмъ двухъ мѣсяцевъ. Даже села не видно съ могилы Петрашевскаго: оно скрывается за кладбищемъ.

Черезъ нѣсколько дней я побывалъ и въ бывшей квартирѣ Петра-

шевскаго. Она находилась всего черезъ домъ отъ моей собственной, и я еще раньше не разъ обращалъ вниманіе на эту большую, дряхлую и страшно покосившуюся избу—пятистѣнку съ заколоченными окнами. Она давно уже пустовала. Старуха, которой изба эта принадлежала и у которой квартировалъ Петрашевскій, уѣхала въ Енисейскъ, продавши избу мѣстному крестьянину. Квартирантовъ у послѣдняго почему-то долго не находилось, и лишь за нѣсколько дней до моего посѣщенія ту половину, гдѣ когда-то жилъ Петрашевскій, занялъ какой-то пьяница—поселенецъ съ семьею. Съ трудомъ взобрался я по оледенѣвшимъ ступенькамъ крыльца въ темныя сѣни, загроможденныя дровами и разнымъ хламомъ, и кое-какъ нащупалъ дверь въ избу. Хозяина не было дома,—онъ гдѣ-то другой уже день пьянствовалъ, хозяйка съ ребятишками сидѣла безъ огня, хотя было уже темно. При моемъ приходѣ зажгли лампу, и я затѣялъ разговоръ, чтобы выгадать время и успѣть осмотрѣть комнату. Это была обыкновенная крестьянская изба, довольно просторная, хотя и не особенно высокая. Все здѣсь было страшно грязно, бѣдно и не уютно. Никакихъ украшеній на стѣнахъ, никакой мебели, кромѣ деревяннаго диванчика да стола. Около половины избы занимала большая русская печь и «куть» [1]), отдѣленный деревянною раскрашенною «казенкою», или перегородкою. Въ этомъ-то «кутѣ», въ углу, занятомъ теперь кухонною посудою и лоханью съ помоями, и умеръ Петрашевскій.

В. Арефьевъ.

¹) „Куть"—часть комнаты, предназначенная для стряпни. Отъ чистой половины куть отдѣляется занавѣскою или казенкою, т. е. перегородкою.

Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева.

XXVI [1]).

Изысканіе дороги отъ Харькова до Одессы и до Ѳеодосіи.—Собираніе статистическихъ свѣдѣній.—Отъѣздъ въ Харьковъ и встрѣча съ генераломъ Мельниковымъ—Вызовъ въ Петербургъ.—Знакомство съ Чевкинымъ.—Отъѣздъ на изысканія.—Бытъ малоросійскаго помѣщика.—Съѣздъ овцеводовъ въ имѣніи г. Абазы.—Поѣздка въ Луганскій заводъ и Грушевскій рудникъ.—Осмотръ каменно-угольныхъ копей.—Жизнь въ Славянскѣ.—Праздникъ въ Святогорскомъ монастырѣ.—Возвращеніе въ Петербургъ.

Когда я былъ назначенъ начальникомъ отдѣленія для производства изысканій, къ генералу Мельникову, я переѣхалъ въ Петербургъ. Это было весною; ѣхать на работы было рано. Надо было распорядиться копировкою планшетовъ со съемокъ, производившихся топографами Главнаго штаба, пріобрѣсти инструменты, дождаться назначенія дистанціонныхъ офицеровъ и проч. Въ это время, я часто заходилъ къ моему начальнику Мельникову. Однажды, пришедши къ нему, я увидалъ на столѣ два дѣла, толщиною, каждое стопы въ двѣ.

— Эти дѣла Государственнаго Совѣта прислалъ мнѣ графъ Клейнмихель,—сказалъ Мельниковъ:—одно по поводу проекта проведенія желѣзной дороги отъ Харькова до Одессы, а другое отъ Харькова до Ѳеодосіи. Ѣхать теперь еще рано, такъ ознакомьтесь съ ними и обратите мое вниманіе на то, что окажется мнѣ нужнымъ,

Я взялъ эти дѣла и въ теченіе недѣли читалъ ихъ. Я нашелъ

---

[1]) См. „Русскую Старину“ ноябрь 1901 г.

лишь переписываніе однихъ журналовъ въ другіе, однихъ докладовъ въ другіе и кое-какія статистическія свѣдѣнія, которыя ничего существеннаго не выясняли, и были ниже критики. Я былъ пораженъ ничтожностью этихъ свѣдѣній, на которыхъ долженъ былъ рѣшаться вопросъ о направленіи дорогъ. Возвративъ эти дѣла Мельникову, я сказалъ, что ни на что не могу обратить такого его вниманія, которое заслуживало бы труда чтенія.

Между тѣмъ, въ это время возбужденъ былъ вопросъ, въ главномъ управленіи путей сообщенія, о составленіи сѣти желѣзныхъ дорогъ по Европейской Россіи, въ которомъ принималъ участіе и Мельниковъ.

— Не можете ли вы,—сказалъ онъ мнѣ однажды,—составить какой-либо разсчетъ о передвиженіи грузовъ на предполагаемой дорогѣ отъ Москвы въ Ѳеодосію, изысканіе которой мнѣ поручено.

— Я думалъ уже объ этомъ,—отвѣчалъ я,—но пришелъ къ убѣжденію, что это дѣло немыслимо безъ изслѣдованія передвиженія грузовъ по всей Европейской Россіи, для чего потребуется громадное время, а одному это не сдѣлать.

Въ это время находился тоже у Мельникова мой товарищъ по службѣ, инженеръ Кипріяновъ, который сказалъ, что онъ готовъ пристать къ этому дѣлу и можетъ пригласить хорошаго знакомаго Ламанскаго, находившагося тогда секретаремъ Географическаго общества.

Дѣйствительно, онъ пригласилъ Ламанскаго, и мы собирались два раза у Кипріянова. Но послѣ двухъ такихъ бесѣдъ, Ламанскій отказался, заявляя, что эта задача, по отсутствію статистическихъ данныхъ, представляется невыполнимой. Вслѣдъ за Ламанскимъ, отказался и Кипріяновъ, такъ что я остался одинъ. Между тѣмъ Мельниковъ, имѣя открытый доступъ во всѣ министерства по вопросу объ изысканіяхъ, вытребовалъ уже изъ Главнаго штаба военнаго министерства статистическія описанія по всѣмъ губерніямъ, составлявшіяся офицерами этого штаба.

Я не оставилъ мысли втунѣ, потому что вопросъ заинтересовалъ уже меня лично. Въ это самое время, мой близкій знакомый Алексѣй Кусаковъ, о которомъ будетъ говорено ниже, вышелъ въ отставку изъ министерства государственныхъ имуществъ и занялся частнымъ дѣломъ. Я разсказалъ ему о моемъ намѣреніи и спросилъ его— не войдетъ ли онъ въ компанію? Это предложеніе сильно ему понравилось, и мы установили планъ нашихъ занятій.

Мы пріобрѣли рѣшительно всѣ сочиненія по статистикѣ: Тенгоборскаго, Арсеньева, Небольсина, Фундуклея, Крюкова, Соловьева, Скальковскаго, изслѣдованіе пеньковой и льняной промышленности и разныя другія, и имѣли уже статистическія описанія по каждой губерніи, которыя, какъ сказано выше, пріобрѣлъ Мельниковъ и передалъ намъ.

Съ этимъ запасомъ, мы приступили къ дѣлу, но ни одно сочиненіе не давало возможности къ разрѣшенію задачи, которая была нужна.

Кусаковъ принялся за составленіе таблицъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, а я въ началѣ августа, окончивъ копировку планшетовъ, поѣхалъ на изысканія и тѣмъ временемъ собиралъ нѣкоторыя частныя свѣдѣнія на югѣ и отчасти въ центрѣ Россіи.

Возвратившись къ зимѣ въ Петербургъ, я нашелъ у Кусакова таблицы грузовъ: хлѣба, соли, желѣза, пеньки и льна, и сала.

Условившись съ нимъ и установивъ планъ предстоящаго труда, и дождавшись разрѣшенія отъ бремени жены, мнѣ было уже крайне необходимо ѣхать на прямое мое дѣло, производство изысканій. Всѣ начальники отдѣленій еще въ концѣ мая уѣхали съ тою же цѣлью. Начальникъ нашъ генералъ-лейтенантъ Мельниковъ уѣхалъ тоже на линію въ половинѣ іюля и видимо былъ недоволенъ, что я сижу еще въ Петербургѣ. Но я работалъ по его частному приглашенію для опредѣленія будущаго движенія, могущаго быть по южной дорогѣ, а также снятіемъ копій съ планшетовъ, ибо трехверстныхъ картъ тогда еще не было. По инструкціи было назначено запастись предъ изысканіями картами въ ширину 5 верстъ, въ каждую сторону отъ назначенной магистрали. По моему участку не было назначено магистрали и никакихъ пунктовъ. Надо было запастись картами на огромномъ пространствѣ, потому я и запасался копіями съ планшетовъ.

Мельникова я засталъ въ Харьковѣ. Онъ встрѣтилъ меня словами, въ которыхъ слышался упрекъ.

— Наконецъ-съ мы дождались васъ! Пора-съ, пора приняться за изысканія въ полѣ; ваши товарищи уже болѣе половины сдѣлали дѣла!

— Я сидѣлъ въ Петербургѣ не сложа руки, и сейчасъ покажу вамъ мою подготовку къ полевымъ изысканіямъ,—отвѣтилъ я.

Изъ копій съ сотни планшетовъ, которые были сняты у меня въ Петербургѣ, я образовалъ карту въ масштабѣ одной версты въ дюймѣ. Эту карту по величинѣ ея можно было разложить только на полу въ большой залѣ гостиницы. Я приготовилъ это, а также и возвышеніе, поставивъ столъ на столъ, для возможности обозрѣнія карты такъ, что вся огромная площадь въ 400 верстъ въ длину и 250 въ ширину, по которой мнѣ предстояло дѣлать изысканія, являлась рельефно выраженной [1]).

Когда я позвалъ Мельникова посмотрѣть на карту, то онъ поразился и пришелъ въ восторгъ.

---

[1]) Въ главѣ XX. См. „Русскую Старину“ 1901 г. № 7 стр. 50.

— Видите ли, Павелъ Петровичъ, что я подготовился серьезно для изысканій, а не ограничился полосой въ 10 верстъ по неопредѣленной магистрали.

— Теперь я вижу-съ, что дѣло, главнымъ образомъ, меня озабочивающее, по вѣтви Донецкаго бассейна будетъ слажено при помощи этихъ картъ. Да вы этими картами можете помочь еще Семичеву, который дѣлаетъ теперь изысканія отъ Харькова къ Екатеринославлю.

На другой день Мельниковъ уѣхалъ въ Москву и просилъ меня увѣдомлять о ходѣ дѣла по возможности чаще. Изъ Харькова я отправился въ объѣздъ мѣстности, назначивъ моимъ четыремъ помощникамъ, молодымъ офицерамъ, никогда еще не производившимъ изысканія, съѣхаться съ ними въ Екатеринославлѣ. Но вскорѣ послѣ того Мельниковъ вызвалъ меня въ Петербургъ.

По пріѣздѣ въ столицу, я усерднѣйшимъ образомъ принялся за мой статистическій трудъ съ товарищемъ Алексѣемъ Кусаковымъ. Въ то же время, я удѣлилъ время для написанія большой брошюры подъ заглавіемъ: «О бездѣйствующемъ избыткѣ производительныхъ силъ», гдѣ выяснилъ, что по недостатку въ Россіи наличныхъ капиталовъ надлежитъ призвать къ осуществленію желѣзныхъ дорогъ бездѣйствующіе избытки производительныхъ силъ.

Эта брошюра и статистическій трудъ и были причиной моего знакомства и сближенія съ главноуправляющимъ путями сообщенія Чевкинымъ, который въ это время былъ назначенъ вмѣсто графа Клейнмихеля.

Чевкинъ, освѣдомляясь о ходѣ дѣла по изысканіямъ, спросилъ о томъ, что дѣлаютъ теперь зимой начальники участковъ. Мельниковъ сказалъ ему, что всѣ находятся въ Харьковѣ и приводятъ въ порядокъ изысканія, но что онъ вызвалъ Панаева сюда для труда по статистическому вопросу, относящемуся до Южной дороги. Я не зналъ, что Мельниковъ обнаружилъ мое присутствіе въ Петербургѣ, такъ какъ онъ сказалъ мнѣ, чтобы я не являлся къ главноуправляющему, и что онъ вызвалъ меня инкогнито. Вдругъ является ко мнѣ курьеръ и объявляетъ, что главноуправляющій проситъ явиться къ нему завтрашній день.

Я отправился и сталъ извиняться, что я не на мѣстѣ служенія, гдѣ находятся всѣ прочіе начальники участковъ.

— Я знаю, что Мельниковъ позволилъ вамъ пріѣхать въ Петербургъ, и что вы занимаетесь теперь статистическимъ трудомъ. Скажите мнѣ, что это за трудъ?

Я объяснилъ ему въ общихъ чертахъ цѣль и характеръ труда.

— Привезите и покажите мнѣ вашъ трудъ.

— Онъ у меня вчернѣ и еще не оконченъ.

— Привезите въ томъ видѣ, въ какомъ есть.

Я привезъ черновикъ, и Чевкинъ такъ заинтересовался имъ, что три утра подрядъ я разсказывалъ ему всѣ пріемы, употребленные мною для достиженія возможно вѣрныхъ результатовъ.

— Прошу васъ привести въ возможный порядокъ вашъ трудъ, и до тѣхъ поръ не уѣзжайте на изысканія.

Это было въ началѣ апрѣля 1856 года.

— Всѣ мои сотоварищи уже на работахъ по изысканіямъ, — сказалъ я.

— Я вамъ говорю, что до приведенія вашего труда въ порядокъ не уѣзжайте; онъ мнѣ нуженъ, и я скажу объ этомъ Павлу Петровичу Мельникову.

Когда, въ половинѣ мая, я изобразилъ весь мой трудъ въ цифрахъ на картахъ и составилъ краткую пояснительную записку, то свезъ все Чевкину. Онъ очень поблагодарилъ меня и отпустилъ на изысканія.

Въ половинѣ мая, я отправился на продолженіе изысканій, начатыхъ осенью прошедшаго года.

При моихъ поѣздкахъ для обзора мѣстности на протяженіи 500 верстъ въ длину и 300 верстъ въ ширину, мнѣ преимущественно приходилось ѣздить по проселочнымъ дорогамъ, а иногда и по степи безъ дороги. Натурально, что долженъ былъ встрѣчать множество разнообразныхъ лицъ, и нѣкоторыя остались въ моей памяти.

При этихъ разъѣздахъ надо было пользоваться обывательскими или земскими лошадьми. Въ Екатеринославской и южной части Харьковской губерній не было тогда у крестьянъ обывательскихъ лошадей, а были только волы, и земскую повинность сообщенія исполняли владѣльцы или помѣщики. Поэтому на каждомъ пунктѣ смѣны лошадей, меня везли прямо въ такъ называемую экономію или въ усадьбу помѣщика. Въ это-то время я и насмотрѣлся на разнородныхъ субъектовъ. Можно сказать, что мои разъѣзды уподоблялись путешествію Чичикова по помѣщикамъ.

Забравшись однажды въ глухую степь къ одному изъ помѣщиковъ, я узналъ, что у него нѣтъ, для исполненія земской повинности, лошадей, а есть только двѣ лошади, измученныя весною, которыя отхаживаются въ степи, и что онъ отправитъ меня на волахъ до пункта, гдѣ у помѣщика есть много лошадей.

— А сколько верстъ до этого пункта?

— Мы считаемъ верстъ 15 или поболѣе.

— Во сколько времени могутъ привезти волы?

— Часовъ 8 или 10, потому надо покормить дорогой воловъ.

— А скоро ли могутъ отыскать вашу пару лошадей въ степи?

— Да Богъ знаетъ; вотъ уже двѣ недѣли, какъ онѣ бродятъ, и гдѣ ихъ сыскать—не знаю.

— Нѣтъ, я лучше подожду, когда разыщутъ лошадей.

Этимъ временемъ я хотѣлъ воспользоваться для собранія разныхъ свѣдѣній по хозяйству, которыя были нужны для моего статистическаго труда.

Помѣщикъ былъ молодъ, одѣтъ въ казинетовое засаленное пальто, надѣтое на грязноватую холщевую рубашку, и безъ галстука; и видимо онъ не получилъ никакого образованія. Въ это время подала мнѣ стаканъ чаю молодая дѣвушка съ босыми ногами. Эта дѣвушка оказалась сестра хозяина.

— Скажите мнѣ пожалуйста, — спросилъ я помѣщика,—у васъ ведется трехпольное хозяйство?

— Нѣтъ, мы засѣваемъ то, что требуется въ порты: въ Таганрогъ, въ Маріуполь, въ Бердянскъ или въ Ростовъ. На этотъ годъ я посѣялъ одинъ ленъ, 500 десятинъ.

— Какъ такъ: ни пшеницы, ни ржи, ни овса?—спросилъ я.

— Ничего другаго — теперь льняное сѣмя требуется за границу; цѣна на него высокая, я заработаю на немъ рублей по 20 съ десятины, а нѣтъ и болѣе, коли самъ свезу въ портъ; а то купцы забираютъ у насъ въ амбарѣ на мѣстѣ.

— Какой же еще доходъ вы имѣете отъ хозяйства?

— Мы держимъ немного барановъ, до 2.000 головъ. Шерсти каждый баранъ даетъ по рублю, продаемъ тоже шкуры павшихъ барановъ, рубля по $1\frac{1}{2}$; да старыхъ воловъ продаемъ рублей по 30.

На повѣрку выходило, что этотъ помѣщикъ могъ получать по меньшей мѣрѣ до 15.000 руб. дохода и жилъ между тѣмъ, можно сказать, при нищенской обстановкѣ.

Часа черезъ три мнѣ подали тройку прекрасныхъ лошадей. Очевидно, помѣщикъ, ссылаясь на то, что у него заморенныя лошади бродятъ гдѣ-то неизвѣстно, въ степи, жалѣлъ дать ихъ и хотѣлъ отдѣлаться волами; но, убѣдившись, что я буду ждать лошадей, счелъ за лучшее избавиться отъ непрошеннаго гостя. Для разъѣздовъ я имѣлъ открытый листъ съ платою за прогоны.

Большею частью помѣщики звали къ себѣ пообѣдать, пока изготовятъ лошадей, и кончалась исторія тѣмъ, что надо было оставаться ночевать. Разспросамъ о томъ, что̀ такое желѣзная дорога или чугунка, не было конца.

— Значитъ, — говорили многіе, — вмѣсто камня, будутъ устилать дорогу чугунными плитами и тому подобное.

Мнѣ до крайности надоѣдали мои странствованія по помѣщикамъ. Но въ одномъ мѣстѣ, я наткнулся на отставнаго гусарскаго генерала

Лошкарева. Онъ зналъ въ Петербургѣ моего отца и мою мать. Лошкаревы оставили меня ночевать, и я провелъ тамъ слѣдующій день и отвелъ нѣсколько душу въ захолустной степи.

Вслѣдъ затѣмъ, я попалъ къ помѣщику довольно богатому, у котораго пришлось тоже ночевать. Это былъ господинъ въ родѣ Собакевича и надоѣлъ мнѣ разспросами, какую можно извлечь выгоду отъ работъ при постройкѣ желѣзной дороги. Отъ этого помѣщика привезли меня въ усадьбу, гдѣ былъ прекрасный двухъэтажный домъ. Мнѣ не хотѣлось выходить изъ своего тарантаса, и я послалъ моего человѣка Аѳанасія (о которомъ будетъ сказано нѣсколько словъ ниже) съ открытымъ листомъ къ помѣщику, просить его запречь мнѣ лошадей; дѣло было къ вечеру, Аѳанасій вернулся съ человѣкомъ помѣщика, который передалъ мнѣ приглашеніе пожаловать въ домъ. Дѣлать было нечего, и я пошелъ скрѣпя сердце, ожидая опять разныхъ пытаній и безконечныхъ разспросовъ. Но къ удивленію моему меня встрѣтила молодая прелестная особа съ распущенной косой.

— Извините меня,—сказала молоденькая дама,—я сейчасъ пришла изъ бани, и волосы еще не просохли.

Мой костюмъ былъ тоже не совсѣмъ въ порядкѣ: я былъ въ толстомъ рабочемъ сюртукѣ, но главное, при разъѣздахъ, я не брился недѣли три, и это меня особенно конфузило.

— Извините тоже меня, что я являюсь къ вамъ въ такомъ неаккуратномъ видѣ.

— Это понятно, вы въ дорогѣ,—отвѣтила прелестная особа.—Мой мужъ уѣхалъ въ Бахмутъ и пріѣдетъ завтра.

— Позвольте мнѣ переодѣться и приформиться,—сказалъ я.

— Не безпокойтесь. — Теперь холодно, вы, вѣроятно, озябли и желаете чаю, я сейчасъ прикажу подать самоваръ.

Такая неожиданная встрѣча, конечно, была пріятна и обѣщала доставить особое удовольствіе. Вскорѣ сервировали столъ для чая; принесли самоваръ и разныя закуски. Прелестная особа оказалась веселой, разговорчивой особой нѣсколько съ малороссійскимъ выговоромъ и вообще очень милой.

Во время чая, она сказала мнѣ:

— Я отвела вамъ комнату рядомъ съ залой, въ кабинетѣ мужа, пожалуйте взглянуть, удобно ли вамъ будетъ? — и повела показать комнату.

Тамъ стояла уже постель, прикрытая атласнымъ одѣяломъ, и были приготовлены всѣ принадлежности туалета, разныя свѣжія щеточки и проч. Я поблагодарилъ за такую предупредительность, замѣтивъ, что всѣ туалетныя принадлежности вожу съ собой.

Я пробесѣдовалъ съ пріятнѣйшей дамой до полуночи; откланявшись,

я отправился въ назначенную мнѣ комнату, утонулъ въ пуховикахъ и проспалъ очень долго. Утромъ я выбрился и какъ слѣдуетъ приформился.

Хозяйка встрѣтила меня въ прекрасномъ пеньюарѣ, обшитомъ кружевами.

— Мой мужъ не пріѣхалъ еще; но онъ будетъ къ обѣду. Я васъ не отпущу и хочу, чтобы онъ познакомился съ вами. Не хотите ли почитать, мы выписываемъ нѣсколько журналовъ, а я немного поиграю на фортопіано.

Подошло время къ обѣду, мы пообѣдали, но мужъ еще не пріѣзжалъ. Послѣ обѣда я попросилъ лошадей.

— Оставайтесь,—мужъ непремѣнно пріѣдетъ сегодня, и мнѣ будетъ очень досадно, если онъ не познакомится съ вами.

Хотя мнѣ было очень пріятно проводить время съ милѣйшей дамой, но пришлось бы ночевать во второй разъ. Мнѣ было совѣстно; скрѣпя сердце, я попросилъ приказать запрягать лошадей. Въ слѣдующемъ году, я встрѣтилъ эту прелестную даму на водахъ въ Славянскѣ, и много разъ танцовалъ съ нею на вечерахъ тамошняго курзала.

Въ скоромъ времени, я добрался до Павлограда и оставался тамъ болѣе двухъ недѣль.

Въ двухъ верстахъ отъ Павлограда проживалъ богатый помѣщикъ Ростиславъ Лихачевъ [1]). Узнавъ о моемъ пріѣздѣ, онъ самъ пріѣхалъ познакомиться со мною. Этотъ человѣкъ оказался весьма образованнымъ и пріятнымъ собесѣдникомъ. Мы скоро сошлись съ нимъ, и я часто посѣщалъ его, гдѣ встрѣчалъ тоже интеллигентную болѣе или менѣе среду помѣщиковъ, пріѣзжавшихъ къ нему изъ Екатеринославля. Спустя нѣ-

---

[1]) У Лихачева было два брата, одинъ былъ артиллерійскій генералъ-лейтенантъ, директоръ канцеляріи военнаго министерства, а другой братъ, помѣщикъ, проживающій верстахъ 70, ближе къ Харькову. Въ 1865 году, мнѣ пришлось, при дальнѣйшихъ изысканіяхъ, обратиться къ этому Лихачеву за полученіемъ лошадей. Когда я вошелъ въ его домъ, то засталъ Лихачева въ большой комнатѣ, окруженнаго 10-ю или 15-ю мальчиками. Въ этой комнатѣ стояло нѣсколько большихъ чернымъ досокъ, какія бываютъ въ классахъ. На одной доскѣ писалъ что-то мѣломъ одинъ мальчикъ; я взглянулъ и увидалъ геометрическія фигуры и за тѣмъ дефференціалы и интегралы.

— Я обучаю своихъ мальчиковъ математикѣ, и вотъ они дошли до дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія. Этого мальчика вы застали за вычисленіемъ объема шара путемъ интегральнаго исчисленія.

Меня это все крайне заинтересовало, и я сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ, на которые мальчикъ отвѣтилъ видимо сознательно. Я не знаю въ точности дальнѣйшей участи ни мальчиковъ, ни самого Лихачева. Кто-то говорилъ, что его впослѣдствіи признали помѣшаннымъ. Не менѣе того, я провелъ у него вечеръ очень пріятно.

которое время, мнѣ приходилось ѣхать изъ Павлограда, для осмотра линіи на Харьковъ. Я поѣхалъ къ Лихачеву, чтобы сообщить ему о предстоящей мнѣ экскурсіи.

— Мнѣ нужно ѣхать въ ту же сторону на съѣздъ овцеводовъ, который будетъ у знаменитаго въ здѣшнемъ краѣ заводчика только племенныхъ барановъ и овецъ Абазы. Поѣдемте вмѣстѣ, вы тамъ увидите всѣхъ нашихъ большихъ овцеводовъ.

Въ то время распространеніе овцеводства было въ большомъ ходу, и такъ какъ я собиралъ матеріалы для моего статистическаго труда, то я охотно принялъ его предложеніе.

Мы отправились съ Лихачевымъ къ Абазѣ вмѣстѣ. Туда поѣхала куча овцеводовъ. Стали приводить громадныхъ разнородныхъ барановъ и матокъ, расчесанныхъ и убранныхъ лентами, ставили ихъ для осмотра на столъ, и овцеводы любовались то тѣми, то другими и опредѣляли количество шерсти, которое они могутъ дать въ годъ. Не было ни одного экземпляра менѣе 100 руб. За тѣмъ сѣли обѣдать, и послѣ хозяинъ угощалъ насъ сигарами съ его плантаціи. Сигары были свернуты изъ сыраго не размоченнаго табаку и потому уподоблялись настоящимъ гаванскимъ и возможны для куренія; но были необыкновенно крѣпки, и хозяинъ поднесъ мнѣ цѣлый ящикъ этихъ сигаръ.

Отсюда я отправился въ Луганскій заводъ, начальникомъ котораго былъ горный инженеръ полковникъ Летуновскій, старожилъ края и хорошо ознакомившійся съ каменноугольнымъ Донецкимъ бассейномъ.

Въ это время нѣсколько семействъ пріѣхали изъ Таганрога, Керчи и даже изъ Одессы, которые были бомбардированы англо-французами. Каждый день у Летуновскаго собиралось большое общество, и неминуемо каждый день танцы. Изъ числа семействъ, пріѣхавшихъ изъ Керчи, было семейство Гурьевыхъ. Онъ былъ полковникъ горнаго вѣдомства, состоявшій по особымъ порученіямъ при князя Воронцовѣ. Сама же Гурьева была изъ высшаго круга и, несмотря на зрѣлыя лѣта, была очень не дурна собой. Она была умна, весьма образована и пріятная собесѣдница. Я провелъ въ Луганскомъ заводѣ дней 5—6 полезно и весело. Послѣ того, я поѣхалъ на Грушевскій рудникъ, гдѣ было нѣсколько шахтъ въ плачевномъ состояніи, которыхъ глубина доходила только отъ 10 до 20 саженъ. Я опускался въ нихъ въ бадьѣ, отталкиваясь выпущенной наружу ногой отъ стѣнъ шахты. Не менѣе того, я убѣдился въ богатствѣ рудника, гдѣ пласты антрацита имѣли самый небольшой уклонъ. Оттуда я осмотрѣлъ антрацитовыя залежи Краснаго Кута, гдѣ антрацитъ заключалъ однако примѣсь сѣраго колчедана, стало быть, мало годный, потомъ Александровскія копи и увидалъ пластъ жирнаго превосходнаго угля толщиною въ 7 футъ; Никитскія копи, хотя и богатыя по количеству пластовъ, но онѣ круто падали въ глубь. Тамъ мнѣ

пришлось спуститься даже не въ бадьѣ, а на палкѣ верхомъ, привязанной за средину веревкой, которая навертывалась тоже на толстую палку, вращающуюся на двухъ козлахъ изъ толстыхъ жердей. Надо было осмотрѣть тоже Лисичанскій рудникъ, гдѣ производилась прежде правильная казенная разработка, и наконецъ Петровское мѣсторожденіе, ближайшее къ Харькову. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ разработокъ въ то время не производилось, и шахты были заброшены.

Наконецъ, я возвратился въ Харьковъ, гдѣ и нашелъ письмо Мельникова, вызывающаго меня въ Петербургъ.

Когда Чевкинъ отпустилъ меня на изысканія, я поѣхалъ туда съ женой и тремя дѣтьми, и избралъ мѣстомъ центральный пунктъ моего каменноугольнаго участка Славянскъ, который славился цѣлебнымъ свойствомъ воды. Оттуда я разъѣзжалъ въ Ростовъ, Екатеринославль и Харьковъ.

Въ этотъ сезонъ Славянскъ былъ запруженъ съѣхавшимися на воды. Миръ тогда былъ заключенъ, и войска, возвращаясь изъ Крыма въ Воронежскую, Харьковскую, Курскую, Московскую и другія губерніи, избрали этапомъ Славянскъ. Это была главная причина огромнаго съѣзда помѣщиковъ съ семействами. Офицеры оставались по нѣсколько дней, а иные совсѣмъ тамъ застревали; происходили разные романы, и къ концу сезона обнаружилось не мало невѣстъ и жениховъ.

Въ одномъ мѣстѣ, на главной улицѣ стояли два дома на большомъ дворѣ одной хозяйки. Одинъ домъ занимала моя семья, а въ другомъ большое семейство Ш—скихъ, людей довольно богатыхъ. Въ семействѣ Ш—скихъ была одна; молодая барышня, гдѣ не замедлилъ появиться молодой отставной гусарскій корнетъ, князь Имеретинскій, помѣщикъ Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи. Онъ привелъ съ собою 12 лошадей и привезъ десятокъ сѣделъ дамскихъ и мужскихъ, для устройства кавалькадъ на Славянскихъ водахъ. Это былъ живой, милый малый, и мы скоро сошлись съ нимъ. Онъ былъ женихъ изъ завидныхъ, потому что сверхъ своего состоянія получалъ 10.000 пенсіи отъ казны, за свой титулъ бывшаго владѣтельнаго князя.

Хотя дѣвица Ш—ская была молода, но собой не красива, не менѣе того, Имеретинскій сталъ сильно ухаживать за ней. Онъ устраивалъ для нея кавалькады и пикники. Между тѣмъ въ Святогорскомъ монастырѣ, находящемся въ 20 верстахъ отъ Славянска, подошелъ праздникъ, на который собирается богомольцевъ до 25.000 человѣкъ. Святогорскій монастырь находится въ необыкновенно живописной мѣстности на самомъ высокомъ берегу рѣки Донца, покрытомъ густымъ сосновымъ лѣсомъ. Изъ горы выдвигаются пять бѣлыхъ мѣловыхъ узкихъ конусовъ, достигавшихъ вершинъ лѣса. Въ этихъ конусахъ на-

ходятся пещеры, въ которыхъ скрывались христіане. Эти конусы сошлись въ вершинѣ, образовавъ площадку, на которой поставлена небольшая церковь и въ которую можно попадать только по ступенямъ, выбитымъ въ мѣловыхъ конусахъ.

Имеретинскій устроилъ туда partie de plaisir для Ш—ской и пригласилъ ѣхать меня съ женой. У меня былъ дормезъ, который я взялъ въ Москвѣ у знакомаго и купилъ тамъ новую небольшую легонькую коляску, въ которыхъ мы и пріѣхали въ Славянскъ. Имеретинскій попросилъ у меня коляску и явился съ шестеркой великолѣпныхъ лошадей, самъ кучеромъ, въ красной рубахѣ и бархатной поддевкѣ, а форейторомъ сидѣлъ меньшой братъ дѣвицы Ш—ской, въ такомъ же костюмѣ. Жену и меня просилъ сѣсть въ эту коляску вмѣстѣ съ Ш—ской. Для дормеза же прислалъ тоже шестерку своихъ лошадей.

Пріѣхавъ въ монастырь подъ вечеръ, мы не нашли помѣщенія въ гостиницахъ монастыря. Богомольцы въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ народу расположились на обширной зеленой площади, на луговой сторонѣ Донца лагеремъ. Безчисленная куча экипажей, въ которыхъ пріѣхали богомольцы, не нашедшіе тоже мѣста въ гостиницѣ, образовали тоже лагерь, среди громадныхъ тополей. Иные ночевали въ экипажѣ, другіе подъ экипажами, а третьи раскинули палатки изъ простыней и проч. Повсюду загорѣлись костры, надъ которыми висѣли чайники для кипяченія воды, и такимъ образомъ явилась весьма оживленная картина. Это было дѣствительно: partie de plaisir.

На другой день былъ назначенъ крестный ходъ изъ монастыря въ скитъ, въ трехъ верстахъ разстоянія. Скитъ помѣщался въ горѣ и сообщался съ монастыремъ черезъ рѣку паромомъ, устроеннымъ на двухъ небольшихъ лодкахъ. Крестный ходъ шелъ по противоположной луговой сторонѣ, сопровождаемый тысячами народа, и долженъ былъ на паромѣ переѣхать въ скитъ. До берега доѣхали хоругвеносцы благополучно; но едва архимандритъ съ причтомъ и нѣсколькими образами сошли съ парома и облегчили тѣмъ переднюю его часть, какъ паромъ перекачнулся на заднюю часть, вода хлынула въ лодки, и паромъ сталъ тонуть. На паромѣ оставалось еще человѣкъ 20 монаховъ съ хоругвями. Я успѣлъ выйти съ архимандритомъ. При паромѣ оказался одинъ каюкъ; я бросился въ него и вытащилъ двухъ монаховъ; но, къ счастью, нѣсколько богомольцевъ сопровождали крестный ходъ, шедшій по луговому берегу, въ лодкахъ. Они тоже стали вытаскивать монаховъ, и такимъ образомъ всѣ были спасены. Архимандритъ стоялъ на берегу неподвижно и по окончаніи катастрофы пошелъ въ скитъ и совершилъ тамъ назначенное молебствіе.

Вернувшись со Святыхъ горъ, Имеретинскій сказалъ мнѣ, что онъ рѣшился посвататься за дѣвицу Ш—скую. Въ это время, мнѣ нужно

было ѣхать въ Ростовъ; я проѣздилъ недѣли двѣ и, возвратившись въ Славянскъ, въ тотъ же день поѣхалъ въ курзалъ. Тамъ я увидѣлъ вновь пріѣхавшую дѣвушку, только что вышедшую изъ Смольнаго монастыря, и очень хорошенькую собой. Я протанцовалъ съ ней нѣсколько туровъ вальса. Вечера въ курзалѣ были почти каждый день. Слѣдующіе разы, я тоже танцовалъ съ этой дѣвушкой и, какъ прежде, ни съ кѣмъ болѣе.

Дня черезъ три пріѣзжаетъ ко мнѣ Имеретинскій.

— Почему, — спрашиваетъ онъ меня, — вы танцовали только съ одной дѣвицей Рубецъ?

— Потому, что она мнѣ кажется красивѣе и граціознѣе всѣхъ. Если вы видѣли, что я, во время сезона, танцовалъ еще съ одной молоденькой дамой, то потому, что я былъ, въ прошедшемъ году, въ ея домѣ, и она приняла меня очень любезно и радушно.

— Такъ вы находите, что M-elle Рубецъ лучше M-elle Ш—ской?

— Вы спрашиваете моего мнѣнія, и я по правдѣ скажу, хотя, быть можетъ, вамъ это и не понравится, что тутъ сравненія быть не можетъ.

Имеретинскій задумался и потомъ сказалъ:

— Знаете ли что, я положусь на вашъ вкусъ и перестану ухаживать за Ш—ской.

— Какъ знаете, но я еще повторю вамъ, что тутъ не можетъ быть и сравненія.

Черезъ двѣ недѣли Имеретинскій былъ объявленъ женихомъ M-elle Рубецъ.

Въ скоромъ времени, я съ семействомъ переѣхалъ въ Бахмутъ, а вслѣдъ затѣмъ переѣхала M-me Шахова, тетка дѣвицы Рубецъ, у которой она жила. Понятно, что появился ея нареченный женихъ Имеретинскій. Онъ сталъ приставать ко мнѣ продать ему мою коляску, которая очень нравится его невѣстѣ, а также и моихъ лошадей.

— Въ настоящую минуту я продать не могу, мнѣ то и другое нужно, пока я буду въ Бахмутѣ.

— Я понимаю,—сказалъ я,—что коляска можетъ нравиться, но у васъ столько лошадей—зачѣмъ вамъ лошади, хотя лошади большія и красивыя, но онѣ совсѣмъ старыя.

— Моя невѣста непремѣнно хочетъ имѣть вашу коляску и вашихъ лошадей.

— Я заплатилъ 450 руб. за коляску и 250 руб. за лошадей.

Въ отвѣтъ на это Имеретинскій вынулъ 700 руб. и сказалъ: коляска и лошади за мной, я пришлю за ними, когда вы соберетесь уѣхать изъ Бахмута.

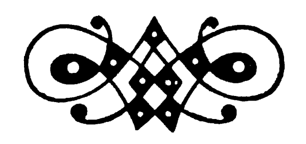
При моихъ безпрерывныхъ разъѣздахъ по Россіи, мнѣ множество

разъ приходилось продавать за отъѣздомъ экипажи и лошадей, и всегда за безцѣнокъ. На этотъ единственный разъ, я продалъ за ту же цѣну, какъ купилъ, благодаря милой дѣвицѣ Рубецъ.

Данное мнѣ оригинальное приказомъ порученіе графа Клейнмихеля было исполнено, т. е. сдѣлать изысканія для желѣзной дороги безъ обозначенія начальнаго и конечнаго пунктовъ, и которое способствовало бы развитію каменноугольной промышленности въ Донецкомъ бассейнѣ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, я написалъ статью о результатахъ моихъ изысканій, послѣдствія которыхъ оправдались блестящимъ образомъ. Тамъ, гдѣ на единственно дѣйствовавшемъ плачевномъ Грушевскомъ рудникѣ, гдѣ добывалось всего до 3.000.000 англійскаго антрацита, теперь добывается до 200.000.000. Тамъ, гдѣ не было ни одного частнаго завода, а существовалъ одинъ Луганскій литейно-чугунный заводъ, явилось теперь множество желѣзодѣлательныхъ заводовъ, съ населеніемъ, какъ напримѣръ, на Юзовскомъ заводѣ, близъ Александровскихъ копей, до 20.000 жителей. Ни тогдашніе мои труды для разъясненія дѣла, ни послѣдущіе направленные на Донецкій бассейнъ, значитъ, не пропали безслѣдно.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Собственноручное письмо Барклая-де-Толли—графу Аракчееву о чиновникѣ Львовѣ, распускавшемъ ложные слухи.

8-го октября 1812 г. Володимiръ.

Во время прiѣзда моего сюда узналъ я, что нѣкоторый Львовъ, чиновникъ иностранной коллегiи (ѣдущiй, какъ онъ сказывалъ, съ важными депешами въ армiю), въ Рязани публично разсказывалъ, что въ Курляндiи непрiятелемъ совершенно истребленъ восьми-тысячный нашъ корпусъ; тоже что и государь императоръ приготовляется выѣхать въ Англiю.—Этакой негодяй заслуживаетъ въ примѣръ другимъ быть разстрѣляннымъ, или, по крайней мѣрѣ, вѣчно посаженъ въ сумасшедшiй домъ. Я поспѣшаю о семъ увѣдомить ваше сiятельство для донесенiя государю. Я бы не преминулъ объ этомъ увѣдомить и князя Кутузова, но это было бы безполезно, ибо этакой пострѣлъ, каковъ Львовъ, найдетъ въ главной квартирѣ его сiятельства много себѣ подобныхъ, кои его возьмутъ въ свою протекцiю.—Я не понимаю, какъ земская полицiя могла этакой поступокъ оставить безъ замѣчанiя.

О себѣ вашему сiятельству скажу, что я до крайности боленъ, какъ душевно, такъ и тѣлесно, и я проклинаю судьбу мою, которая отнимаетъ у меня средства и способы быть въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ полезнымъ государю и отечеству.

Съ истиннымъ высокопочитанiемъ, честь имѣю быть и проч.

P. S. Этотъ Львовъ имѣлъ подорожную изъ Новгорода не на курьерскiя, но на обыкновенныя почтовыя лошади.

Графъ Аракчеевъ—М. Б. Барклаю-де-Толли.

18-го октября 1812 г.

Своеручное вашего высокопревосходительства письмо изъ Владимiра отъ 8-го октября я имѣлъ честь получить, и въ то же время представлялъ его императорскому величеству въ оригиналѣ, по коему какой послѣдовалъ сего числа на имя фельдмаршала кн. Кутузова рескриптъ [1], съ онаго имѣю честь при семъ препроводить копiю, пребывая съ истиннымъ почтенiемъ и проч.

---

[1]) Отъ 18-го октября, за № 219

БЫЛОЕ.

Изъ воспоминаній о пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ.

XII [1]).

Моя поѣздка въ Малороссію въ 1863 г.—Два дорожныхъ спутника.—Ѣзда въ дилижансѣ.—Мои харьковскіе пріятели.—К. К. Гаттенбергеръ.

Весною 1863 г. я поѣхалъ въ имѣніе бабушки, въ Полтавскую губернію. Въ это время желѣзная дорога изъ Петербурга доходила только до Москвы, а оттуда надо было ѣхать на Харьковъ либо на почтовыхъ, либо въ дилижансѣ, съ тѣмъ, чтобы на почтовыхъ или «на долгихъ» сдѣлать еще 120 верстъ въ сторону до того уѣзда Полтавской губерніи, гдѣ жила моя бабушка. Я тронулся въ путь въ гордомъ сознаніи своей самостоятельности и на желѣзнодорожныхъ станціяхъ подходилъ къ буфету съ видомъ хотя и молодого, но уже видавшаго виды человѣка. Въ глубинѣ души я испытывалъ радость по поводу того, что снова увижу мѣста, гдѣ такъ весело жилось мнѣ въ раннемъ дѣтствѣ, и бабушку, которая рисовалась въ моемъ воображеніи совершенно такою же, какою она была тогда. Но петербургская сутолока уже успѣла наложить на меня свою печать: я даже самъ передъ собою становился на ходули, не сознавая того, и отгонялъ отъ себя радостное настроеніе ни для чего не нужною въ данномъ случаѣ серьезностью. Пока поѣздъ медленно тащился до Москвы, я старался направить мои мысли на «политическія» темы. Надо будетъ какъ слѣдуетъ позондировать въ Малороссіи почву, чтобы сообщить потомъ въ Петербургѣ,

---

[1]) См. „Русскую Старину", декабрь 1901 г.

какъ приступить къ «поднятію» юга, когда это будетъ рѣшено. Я и карту Россіи—хотя дешевенькую—прихватилъ съ собою, чтобы лучше можно было оріентироваться, и нѣсколько разъ принимался разсматривать ее въ вагонѣ. А въ свободное отъ соображеній время я бесѣдовалъ съ моимъ случайнымъ сосѣдомъ, отъ времени до времени вставляя фразы, разсчитанныя на то, чтобы «развить» его (успѣха, къ сожалѣнію, не было). То былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, повидимому торговаго класса, степенный и сдержанный; а по тому, какъ онъ относился къ нѣкоторымъ моимъ заявленіямъ, я не могъ не замѣтить, что онъ «консерваторъ». Доводовъ моихъ онъ не опровергалъ и ни малѣйшаго раздраженія по ихъ поводу не проявлялъ; но, молча выслушавъ меня, только поднималъ брови и какъ-то странно, точно насмѣшливо произносилъ: «Тэкъ-съ». Я ясно видѣлъ, что это человѣкъ не «моего» лагеря, и понималъ, что по правиламъ партійной тактики мнѣ слѣдовало бы «наплевать» на него (Мы были тогда до крайности нетерпимы къ воззрѣніямъ, несогласнымъ съ нашими, и—сторонники свободы—не допускали только важнѣйшаго изъ всѣхъ ея видовъ, свободы мнѣній. А сами возмущались тѣмъ, что наши собственныя мнѣнія встрѣчаютъ препоны). Но въ этомъ человѣкѣ, при всемъ его «консерватизмѣ», было что-то привлекательное для меня. Въ немъ чувствовалась личность цѣльная, твердо стоящая на превосходно изученной имъ почвѣ. Кромѣ того, поражала меня въ немъ масса разнообразнѣйшихъ житейскихъ познаній, которыми онъ обладалъ. Онъ говорилъ и о торговлѣ, и о земледѣліи, и о провинціальной администраціи, и о лѣсномъ и иныхъ промыслахъ—и я видѣлъ, что все это онъ зналъ обстоятельно и твердо. Я слушалъ его съ величайшимъ интересомъ и уже за Чудовомъ отложилъ всякое попеченіе объ его «развитіи», а въ душу мою начинало закрадываться сомнѣніе въ собственной авторитетности. Правда, онъ не получилъ даже и средняго образованія, и навѣрное не зналъ тѣхъ «предметовъ», которымъ меня научили, такъ что я могъ бы по праву смотрѣть на него сверху внизъ; но внутренній голосъ говорилъ мнѣ другое. Невольно напрашивалось сравненіе между его живыми знаніями, съ которыми онъ могъ быть полезенъ во всякомъ мѣстѣ, и моими тепличными свѣдѣніями, обрекавшими меня на роль бѣлоручки. Положимъ, весьма пріятно знать «Энеиду» Виргилія, начало второй пѣсни которой я и до сихъ поръ помню:

«Conticuere omnes, intentique ora tenebant.
Inde toro pater Aeneas sic orsus ab alto" и т. д.

Одинъ стихъ ея: «Votum pro reditu simulant, ea fama vagatur» мы даже пѣвали въ гимназіи хоромъ, на голосъ «Славься». Но тогда, въ вагонѣ, я охотно отдалъ бы всю латынь, съ прибавкою кое-какихъ

другихъ «предметовъ», хотя-бы за часть тѣхъ свѣдѣній, которыми располагалъ мой дорожный собесѣдникъ. Я понялъ, что не былъ бы годенъ даже на какую-нибудь маленькую должность въ провинціи, потому что имѣлъ лишь самыя сбивчивыя представленія о сельской администраціи и условіяхъ обывательскаго быта. Признаться, знакомство съ этимъ спутникомъ сбило-таки съ меня спеси, но я не безъ сожалѣнія разстался съ нимъ въ Москвѣ, гдѣ мы сходили вмѣстѣ въ какой-то плохенькій трактиръ распить на прощаніе порцію чая.

Въ Москвѣ мнѣ пришлось провести болѣе сутокъ, такъ какъ мѣста въ дилижансахъ, отходившихъ только по одному въ день, были разобраны. Въ дилижансѣ помѣщалось, сколько мнѣ помнится, четверо пассажировъ внутри и двое снаружи, въ подобіи кибитки, устроенной впереди кареты, сейчасъ за козлами. Я взялъ наружное мѣсто, стоившее дешевле; въ сосѣди судьба послала мнѣ на этотъ разъ молодого офицера. Мнѣ это показалось непріятнымъ: въ нашихъ кружкахъ не долюбливали тогда военныхъ, считая ихъ отчасти грубыми «бурбонами», отчасти пустыми паркетными шаркунами; исключеніе дѣлалось только для тѣхъ офицеровъ, которые бывали на либеральныхъ вечеринкахъ и потому признавались «хорошими людьми». Недовольство мое оказалось, однако, безосновательнымъ: въ спутникѣ я нашелъ человѣка, хорошо образованнаго, еще лучше воспитаннаго и во всѣхъ отношеніяхъ пріятнаго. Онъ былъ старше меня годами и на многое смотрѣлъ иначе, чѣмъ я, но, послѣ урока, полученнаго мною отъ попутчика на желѣзной дорогѣ, я уже не горячился по поводу его возраженій на нѣкоторыя изъ моихъ разсужденій, хотя внутри у меня что-то ныло всякій разъ, когда онъ спокойно опровергалъ мои построенія.

Дилижансъ, запряженный шестеркою почтовыхъ лошадей (четверка въ рядъ и пара на выносъ, съ мальчикомъ-форрейторомъ верхомъ на одной изъ нихъ), бойко катился по московско-курскому шоссе, вскачь взбираясь на частые и длинные подъемы (Извѣстно, что варварскій пріемъ этотъ—гнать лошадей во весь духъ, именно на крутизнахъ, гдѣ имъ слѣдовало бы идти шагомъ—до сихъ поръ не вывелся у нашихъ возницъ). Уплата прогоновъ производилась на станціяхъ ѣхавшимъ съ нами на козлахъ кондукторомъ; онъ же уплачивалъ и шоссейный сборъ въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ существовали заставы. У тѣхъ изъ заставъ, которыя дилижансу приходилось проѣзжать въ ночную пору, кондукторъ останавливалъ на минуту ямщика, выносная пара отпрягалась и форрейторъ («фалеторъ», какъ его называли) тайкомъ отправлялся съ ними въ объѣздъ шлагбаума, чтобы миновать заставный пунктъ. Благодаря этому, кондукторъ получалъ возможность платить шоссейный сборъ всего только за четверку лошадей, что̂ составляло одинъ изъ его

«безгрѣшныхъ доходовъ». По ночамъ, когда прочіе пассажиры спали, а мнѣ почему-нибудь не спалось, мнѣ случалось замѣчать, что и на станціяхъ намъ запрягали не шестерку, а только четверку. А такъ какъ, по окончаніи поѣздки, кондукторъ получалъ на чай еще и отъ пассажировъ, то можно думать, что, съѣздивъ въ два конца, онъ всякій разъ привозилъ домой кое-что «ребятишкамъ на молочишко». Вотъ бы отличный для меня случай разъяснить ему, что лучше жить въ нуждѣ, оставаясь честнымъ, чѣмъ пользоваться чужимъ и испытывать угрызенія совѣсти! Къ сожалѣнію, присутствіе офицера стѣсняло меня, и случай этотъ былъ мною упущенъ, къ явному ущербу кондуктора.

Остановка на нѣсколько дней въ Харьковѣ памятна мнѣ особенно тѣмъ, что настроеніе молодежи я засталъ тамъ совершенно непохожимъ на то, которое господствовало въ Петербургѣ. Я остановился у двоихъ моихъ товарищей по гимназіи, поступившихъ, по выходѣ оттуда, въ Харьковскій университетъ, чтобы не потерять времени въ ожиданіи, пока возобновятся лекціи въ университетѣ Петербургскомъ. Черезъ нихъ я познакомился съ нѣсколькими мѣстными студентами, причемъ былъ отчасти озадаченъ отсутствіемъ въ ихъ средѣ той «политической» суетни и шумихи, къ которой привыкъ въ Петербургѣ. Они тоже сходились, но въ собраніяхъ ихъ господствовалъ совершенно другой тонъ, чѣмъ на столичныхъ вечеринкахъ. Въ ихъ товарищескихъ бесѣдахъ чаще всего затрогивались университетскія дѣла, дебатировались, конечно, и отвлеченные вопросы, но, рядомъ съ этимъ, велись и самые заурядные разговоры, съ шутками, смѣхомъ и молодымъ весельемъ. «Политики» касались здѣсь лишь попутно, если это приходилось кстати, причемъ никто не пытался придать себѣ такой видъ, будто «политика» составляетъ главную его заботу. Меня пріятно поражало отсутствіе ходульности на этихъ сходбищахъ, бывавшихъ, притомъ, не въ опредѣленные дни, а случайно, когда придется и когда явится охота поболтать и весело провести время. Молодые люди дѣлились не по окраскѣ ихъ «политическихъ» мнѣній, а по темпераментамъ, почему не было здѣсь тупой «партійной» нетерпимости между естественно слагавшимися группами. Какой-нибудь юный щеголь и жуиръ отнюдь не оказывался изгоемъ въ кружкѣ серьезно работавшихъ студентовъ, такъ какъ, рядомъ съ наклонностью къ жуирству и щегольству, въ немъ не могло не быть другихъ, симпатичныхъ качествъ, дававшихъ ему право на расположеніе товарищей. Въ Петербургѣ же достаточно было юношѣ одѣться пофрантовитѣе, быть уличеннымъ въ ношеніи перчатокъ и т. п., чтобы товарищи отнесли его къ числу безнадежно-пустыхъ фатовъ. Въ кружкѣ харьковскихъ студентовъ присутствующій не испытывалъ того нѣсколько угнетающаго чувства, кото-

рое одолѣваетъ всякаго нравственно-здороваго юношу въ обществѣ людей, тщательно старающихся выказать какъ можно больше ума или порисоваться силою характера. Простота и естественность моихъ новыхъ знакомыхъ прямо подкупала меня и наводила на сравненія, невыгодныя для петербуржцевъ. Здѣсь чувствовалось вѣяніе молодой, не заѣденной рефлексіею жизни, тамъ царила вызванная обстоятельствами взвинченность, неестественность, несознаваемая молодежью фальшь, а виною тому была преимущественно напряженность тогдашняго петербургскаго настроенія, впослѣдствіи распространившаяся и на провинцію.

Считаю умѣстнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ одномъ изъ моихъ двухъ товарищей, у которыхъ я остановился тогда въ Харьковѣ—о Константинѣ Константиновичѣ Гаттенбергерѣ, оставившемъ по себѣ добрую память въ харьковскихъ студентахъ. Въ гимназіи (гдѣ онъ почему-то носилъ прозвище «Катьки») онъ однимъ изъ первыхъ сталъ подражателемъ тургеневскаго Базарова (какъ онъ его понялъ). Нельзя сказать, чтобы оригиналъ скопированъ былъ имъ вѣрно: онъ сталъ держать себя просто чудакомъ—вѣроятно, ему представлялось, что человѣку базаровскаго типа непремѣнно должно быть свойственно одѣваться неряшливо, обладать угловатыми манерами и вообще походить на полусумасшедшаго. Деликатный и застѣнчивый по природѣ, Гаттенбергеръ въ послѣднемъ классѣ гимназіи принялъ на себя обличіе циника: пересталъ причесывать волосы, неохотно умывался и усвоилъ странную походку—какъ-то бокомъ, опустивъ одно плечо ниже другого. Я готовъ думать, что этою несуразною манерой онъ пытался прикрыть свою застѣнчивость, которая его тяготила. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ, подобно Базарову, началъ «отрицать» все, «даже и...», какъ выражено у Тургенева. Естественныхъ наукъ онъ, однако, изучать не сталъ и, кажется, до конца жизни оставался весьма малосвѣдущъ въ нихъ. Зато его потянуло къ философіи. Когда въ нашемъ классѣ возникло было предположеніе заняться выпускомъ подпольнаго изданія, Гаттенбергеръ настаивалъ на необходимости перевести и напечатать нѣмецкую книжку подъ заглавіемъ «Was ist die Philosophie?», которую онъ досталъ у какого-то своего знакомаго, «свободнаго мыслителя». Задумавъ основательно заняться философіей, онъ началъ усердно изучать иностранные языки и хотя они давались ему съ трудомъ, дѣлалъ большіе успѣхи. Чтобы пополнить свои знанія въ латинскомъ языкѣ, онъ взялъ на себя египетскій трудъ: проштудировать отъ доски до доски громадный словарь Кронеберга, которымъ, какъ извѣстно, можно убить человѣка наповалъ, если хватить по темени. И, кажется, при своемъ поразительномъ трудолюбіи и изумительной настойчивости, онъ осилилъ его. Потомъ онъ уѣхалъ въ Харьковъ, и цѣлый годъ о немъ не было ни слуха, ни духа.

Я засталъ его въ Харьковѣ такимъ же оригиналомъ, какимъ онъ

оставилъ гимназію. Вмѣстѣ съ другимъ нашимъ товарищемъ, онъ занималъ двѣ дешевыя комнатки съ плохою мебелью неподалеку отъ университета и велъ весьма своеобразную жизнь. Проснувшись поутру, онъ не вставалъ съ постели, а только потягивался минуты двѣ, потомъ, повернувшись къ стоявшему у кровати столику, закуривалъ вчерашній окурокъ копеечной сигары, бралъ оставленную съ вечера книгу и принимался читать ее лежа. Поданный стаканъ чая съ кускомъ бѣлаго хлѣба онъ проглатывалъ, не отрываясь отъ чтенія. Вставалъ, умывался и одѣвался онъ только къ тому времени, когда надо было идти на лекцію, а если лекцій не было, то поднимался къ обѣду, который приносила своимъ квартирантамъ хозяйка. Ни въ какихъ удобствахъ онъ не нуждался и никакихъ прихотей, кромѣ куренія сигаръ по рублю за сотню, не имѣлъ; ѣлъ безпрекословно, что̀ ни подадутъ, и ничуть не интересовался блюдами. А послѣ обѣда снова ложился на кровать и возобновлялъ чтеніе. Бывало окликнешь его, и онъ, оторвавъ глаза отъ книги посмотритъ тебѣ въ лицо сосредоточеннымъ взоромъ, какъ-бы еще повторяя мысленно послѣднюю прочитанную фразу; поговоритъ— и опять за книгу. Казалось, изъ него долженъ былъ выработаться сухой и маловоспріимчивый «гелертеръ», однако нѣтъ: въ свободные часы онъ бывалъ отзывчивымъ, пріятнымъ собесѣдникомъ, готовымъ, при случаѣ, и посмѣяться, и побалагурить. Неряшливость въ одеждѣ успѣла уже войти у него въ привычку: костюмъ свой онъ обновлялъ только тогда, когда все изнашивалось до послѣдней степени, и притомъ никогда не заказывалъ новыхъ вещей, а покупалъ только подержанныя. Сынъ эконома въ одномъ изъ петербургскихъ женскихъ институтовъ, онъ ежемѣсячно получалъ отъ родителей достаточную для прожитія сумму; сверхъ того, любящая мать присылала ему порою бѣлье. Но посылки подолгу валялись у сына подъ кроватью нераспакованными. Однажды ему присланы были новыя брюки, но онъ рѣшился надѣть ихъ лишь послѣ того, какъ они были, по его просьбѣ, «обношены» (а въ сущности заношены) однимъ изъ товарищей; вѣроятно, онъ стыдился показаться щеголемъ. По части искусствъ, единственною страстью его была музыка: онъ недурно игралъ на скрипкѣ, чѣмъ услаждалъ свои досуги, но при посторонних играть отказывался. Женскаго общества онъ чрезвычайно дичился и въ присутствіи особъ прекраснаго пола дѣлалъ неловкія попытки скрыться куда-нибудь. Мнѣ вспоминается забавный случай: къ его сожителю пришла знакомая бойкая молодая дѣвушка, какъ разъ въ то время, когда мы втроемъ сидѣли за вечернимъ чаемъ. При ея появленіи, Гаттенбергеръ сильно смутился и, по обыкновенію, хотѣлъ улизнуть; но такъ какъ его задержали, то онъ поневолѣ сѣлъ снова за столъ и, краснѣя до испарины, заслонился самоваромъ. Всякій разъ, когда дѣвушка, желая вовлечь его въ общій разговоръ, заглядывала къ нему съ одной стороны

самовара, онъ отклонялся въ другую, точно играя въ прятки. Казалось, непріятный визитъ причинялъ ему истинное мученіе, и нѣсколько времени потомъ онъ пребывалъ не въ духѣ.

По натурѣ это былъ прямой и безусловно честный человѣкъ, неспособный входить въ сдѣлки съ совѣстью и совершенно чуждый стремленія къ фразамъ и позировкѣ. Недаромъ всѣ знавшіе его относились къ нему съ полною симпатіей, хотя и подтрунивали порою надъ его странностями. Онъ былъ незлобивъ и никогда не принималъ къ сердцу товарищескихъ насмѣшекъ, добродушно оставляя ихъ втунѣ и ничуть не заботясь объ устраненіи поводовъ къ нимъ. Онъ работалъ упорно, поглощая книгу за книгою, и доработался до того, что, по окончаніи курса, сталъ профессоромъ въ пріютившемъ его университетѣ, гдѣ занялъ каѳедру сперва полицейскаго права, а потомъ (если не ошибаюсь) политической экономіи. Со своими слушателями онъ находился въ постоянномъ товарищескомъ общеніи и пользовался ихъ любовью. Къ сожалѣнію, постоянное нарушеніе элементарныхъ правилъ гигіены не прошло ему даромъ: уже въ среднемъ возрастѣ у него развилась чахотка, которая и свела его вскорѣ въ могилу.

XIII.

Провинціальный уголокъ въ 1863 г.—Бытовыя картинки.—Уѣздный городъ.—Поклонникъ Каткова.—Мои отношенія къ дворнѣ.

Бабушка моя жила въ одномъ изъ мѣстечекъ Полтавской губерніи, въ 25 верстахъ отъ уѣзднаго города. Въ годъ моего пріѣзда къ ней, дѣда моего уже не было въ живыхъ, и она одна управлялась въ своемъ не особенно обширномъ хозяйствѣ. По тогдашнимъ понятіямъ, она считалась въ округѣ очень образованною женщиной, такъ какъ была грамотна и умѣла держать себя въ обществѣ. При этомъ усадьба ея была значительно обширнѣе и благоустроеннѣе ближайшихъ помѣщичьихъ жилищъ, мало чѣмъ отличавшихся отъ домовъ однодворцевъ и достаточно зажиточныхъ людей изъ казаковъ, а потому неудивительно, что за нею установилась репутація мѣстной аристократки, чему, впрочемъ, отчасти содѣйствовала и ея представительная наружность. Бывать у нея мѣстные жители считали за честь, но нѣкоторые изъ живших въ мѣстечкѣ помѣщиковъ стѣснялись посѣщать ея домъ, гдѣ полы были выкрашены подъ цвѣтной паркетъ, окна были высокія, съ чистыми стеклами, а ея кабинетъ даже оклеенъ обоями, что являлось тогда въ провинціи безумною роскошью. Обыкновенно у помѣщиковъ средней руки (я говорю только о нашемъ мѣстечкѣ), дома были маленькіе, съ некрашенными или даже просто глинобитными полами и съ выбѣленными по глинѣ стѣнами, причемъ и меблировка соотвѣт-

ствовала общему характеру жилья, состоя изъ деревянныхъ крашенныхъ дивановъ, такихъ же стульевъ и шкаповъ—все «своей», крѣпостной работы. Мебельнаго магазина не было ни въ уѣздномъ городѣ, ни даже въ самой Полтавѣ, до которой, притомъ, отъ мѣстечка надо было ѣхать за 60 верстъ.

Прежде всего, меня, конечно, поразила непривычная для меня внѣшность мѣстныхъ жителей. Обычное одѣяніе хохловъ изъ простолюдиновъ состояло изъ бѣлой рубахи, заправленной въ бѣлые же холщевые штаны, которые, въ свою очередь, были заправлены въ сапоги. Въ такомъ видѣ человѣкъ представлялся вставшимъ прямо съ постели въ нижнемъ бѣльѣ, къ которому такъ не пристала традиціонная хохлацкая баранья шапка. Костюмъ иногда скрашивался сѣрою свиткой съ длинными рукавами, обшитыми у кистей рукъ кожей. Помѣщики носили, большею частью, выгорѣвшіе отъ солнца нанковые сюртуки (нельзя сказать, чтобы красиваго покроя), картузы и грубо стачанную обувь, надѣвавшуюся обыкновенно на босу-ногу. Бабушка разсказывала, что десятка за два лѣтъ передъ тѣмъ, когда она перебралась съ мужемъ сюда изъ Кишинева, гдѣ служилъ мой дѣдъ, у помѣщиковъ не водилось даже носовыхъ платковъ, и что дѣду моему нерѣдко приходилось дѣлать гостямъ серьезныя внушенія за ихъ неопрятное поведеніе въ его домѣ. Но въ годъ моего пріѣзда цивилизація уже успѣла проникнуть въ этотъ уголокъ на столько, что у большинства помѣщиковъ заведены были клѣтчатые коленкоровые платки, которыми они и пользовались при посторонникъ. Помѣстныя дамы носили ситцевыя платья городского покроя, но, говоря по совѣсти, много выиграли бы, еслибы предпочли живописный костюмъ казачекъ. Увидѣвъ первую помѣщицу, я было принялъ ее по манерѣ и разговору за кухарку; къ тому же и платье сидѣло на ней совершенно такъ, какъ оно обыкновенно сидитъ на дамахъ, принадлежащихъ къ классу кухарокъ, дворничихъ и мелкихъ лавочницъ. Дѣти помѣщичьи, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить, почти ничѣмъ не отличались отъ крестьянскихъ. При видѣ посторонняго они дичились, засовывали большой палецъ въ ротъ и смотрѣли исподлобья, не отвѣчая на обращаемые къ нимъ вопросы. Большой наклонности къ умственнымъ занятіямъ въ мѣстной помѣщичьей средѣ не замѣчалось. Только одинъ изъ помѣщиковъ мѣстечка, когда-то бывшій чиновникомъ, выписывалъ «Сынъ Отечества»; за газетою онъ посылалъ разъ въ недѣлю пѣшаго человѣка за 25 верстъ въ уѣздный городъ и никому изъ сосѣдей читать ея не давалъ. Бабушка моя получала тотъ же органъ, но къ ней рѣдко обращались съ просьбами дать его почитать—развѣ только въ тѣхъ случаяхъ, если внезапно разнесется слухъ, что гдѣ-то родился ребенокъ съ волчьей головой или случилось землетрясеніе. Впрочемъ, изъ уѣзднаго города иногда заносились въ мѣстечко «Московскія Вѣдомости», съ очень авторитетными въ то время въ про-

винціи статьями Каткова по поводу польскаго возстанія. Статьи эти читались со вниманіемъ, такъ какъ существовало опасеніе, какъ бы въ мѣстечко не нагрянули грѣхомъ повстанцы или «инсурхэнты», какъ ихъ называли помѣщики. Книгъ же во всемъ мѣстечкѣ не было ни у кого, кромѣ моей бабушки, которой онѣ были ранѣе присылаемы отцомъ изъ Петербурга. Изъ нихъ бабушка чаще всего пользовалась лѣчебникомъ князя Енгалычева, при помощи котораго и врачевала, какъ умѣла, обращавшихся къ ней за медицинскою помощью крестьянъ, къ великой досадѣ проживавшей въ мѣстечкѣ «шептухи». Не будь бабушки, мѣстнымъ жителямъ и лѣчиться было бы не у кого. Было это безъ малаго сорокъ лѣтъ тому назадъ, но, кто же не знаетъ, что и теперь еще есть у насъ немало уголковъ въ провинціи, въ которыхъ врача никогда въ глаза не видывали.

Хотя я былъ еще мальчишкой, помѣщики, съ которыми мнѣ случилось познакомиться, видимо немножко подтягивались передо мной, не желая уронить себя передъ «столичною штучкой»; а можетъ быть, они хотѣли понравиться мнѣ, чтобы сдѣлать пріятное бабушкѣ, пользовавшейся общимъ уваженіемъ. Со мной старались заводить разговоры о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе; спрашивали про Петербургъ и освѣдомлялись, знакомъ ли я съ тѣмъ или другимъ сановникомъ, имя котораго было извѣстно въ мѣстечкѣ изъ газетъ или по слухамъ. Одинъ молодой человѣкъ, отличавшійся похвальною любознательностью, нѣсколько разъ допытывался у меня, дѣйствительно ли гора Араратъ такъ высока, какъ онъ слыхивалъ. Разспрашивали меня также на счетъ желѣзной дороги, которую, впрочемъ, называли на малороссійскій ладъ «залізною». Какъ я уже говорилъ ранѣе, одинъ помѣщикъ (кстати, мой опекунъ на-ряду съ бабушкой) никакъ не хотѣлъ повѣрить, чтобы поѣзда могли ходить сами, безъ лошадей. Онъ познакомилъ меня со своею женой, которая оказалась простою бабой. Въ минуты семейныхъ ссоръ, случавшихся въ ихъ домѣ по весьма ничтожнымъ поводамъ, она выходила изъ себя и, стоя посреди двора, кричала мужу на малороссійскомъ нарѣчіи: «Пошлі мині, Господи, статы удовою!» (т. е. овдовѣть); а онъ, въ отвѣтъ на это, обзывалъ ее «скаженою (бѣшеной) собакой» и грозилъ съ крыльца кулакомъ. При такихъ размолвкахъ супруговъ сосѣди подходили къ плетню ихъ усадьбы и съ интересомъ слѣдили за ходомъ дѣла.

Лучшею, послѣ бабушкиной, была усадьба довольно богатаго помѣщика, бывшаго (какъ говорили) ученика одного изъ привилегированныхъ учебныхъ заведеній въ Петербургѣ. Ко времени посѣщенія мною мѣстечка, онъ уже успѣлъ совершенно опуститься: сильно пьянствовалъ, совершенно запустилъ усадьбу и имѣніе, изрѣшетилъ стѣны своего дома ружейными пулями, гарцовалъ по мѣстечку въ казачьемъ одѣ-

яніи верхомъ на конѣ, котораго, вмѣсто нагайки, сѣкъ шашкою, травилъ еврея-шинкаря собаками и вообще производилъ всевозможныя безчинства. Все это сходило ему съ рукъ, благодаря вліянію въ уѣздѣ его отца, жившаго въ благоустроенномъ, богатомъ имѣніи, верстахъ въ пятнадцати отъ нашего мѣстечка. Безумствамъ его положенъ былъ конецъ лишь года три спустя, когда возникло дѣло, которое трудно было замять: въ пьяномъ видѣ онъ нанесъ своей любовницѣ изъ казачекъ страшныя раны на груди. Къ этому времени и отецъ, кажется, отступился отъ него, и дѣло кончилось ссылкою бѣшенаго помѣщика въ Сибирь.

Вообще же помѣщики жили тихо и смирно, обходясь даже безъ общественныхъ развлеченій и рѣдко посѣщая другъ друга. Болѣе общительности проявляли однодворцы и разжившіеся казаки; у тѣхъ былъ хоть клубъ, и клубомъ этимъ служила баня—единственная (кромѣ бабушкиной) во всемъ мѣстечкѣ и принадлежавшая одному изъ казаковъ. Туда ѣздили и нѣкоторые изъ помѣщиковъ попроще; однажды получилъ приглашеніе и я. Когда я подъѣхалъ къ воротамъ двора, гдѣ помѣщались домъ хозяина и баня, я засталъ нѣсколькихъ женщинъ и дѣвушекъ, сидѣвшихъ на крыльцѣ дома, въ ожиданіи очереди, пока мылись мужчины. Присутствіе ихъ не помѣшало, однако, хозяину выйти нагишомъ изъ бани, чтобы привѣтствовать новоприбывшаго гостя. А послѣ бани былъ балъ. Танцовали въ тѣсной хатѣ подъ звуки скрипки, сильно шаркая сапогами по некрашенному полу; мужчины выпивали и закусывали черезъ приличные промежутки времени, а дамъ и дѣвицъ хозяйка обносила вареньемъ, выложеннымъ на тарелку, въ которой лежала чайная ложечка. Каждая гостья, отвѣдавъ варенья, вѣжливо благодарила и клала облизанную ложку обратно на тарелку. Хозяйка непремѣнно хотѣла угостить и меня, но я, со всевозможною учтивостью, отказался, поклявшись, что никогда не ѣмъ варенья, такъ какъ оно мнѣ вредно.

Ѣзжалъ я также и въ уѣздный городъ, частью за покупками, частью за бабушкиной пенсіей, за лѣкарствами для ея аптечки и на почту. Не знаю, каковъ этотъ городъ теперь, но тогда, въ 1863 г., онъ почти ничѣмъ не отличался отъ большого малороссійскаго села. То же обиліе мазанокъ, крытыхъ соломой; тѣ же немощеныя, пыльныя улицы, засоренныя соломою и всякимъ мусоромъ. Базарная площадь была грязна и имѣла видъ заброшеннаго пустыря; по одну сторону ея стоялъ рядъ деревянныхъ лавокъ первобытнаго устройства, по другую—постоялый дворъ и зданіе присутственныхъ мѣстъ довольно унылаго вида. У въѣзда въ городъ, находился, конечно, острогъ, а на другомъ концѣ соборъ, подъ колокольней котораго помѣщалась почему-то еврейская фуражечная лавка. Въ городѣ господствовала почти деревенская тишина; развѣ продребезжатъ порою дрожки исправника, ѣдущаго въ острогъ или въ полицейское

управленіе съ видомъ Юпитера, ежеминутно готоваго метнуть молніею. Или проѣдетъ кто-нибудь изъ помѣщиковъ, имѣющій надобность въ городѣ, а можетъ быть уже возвращающійся оттуда домой. Городовой врачъ, большею частью, находился въ отъѣздѣ, гдѣ-нибудь въ помѣщичьемъ имѣніи, а зайдешь въ аптеку—аптекарь либо на охотѣ, либо пошелъ рыбу ловить и неизвѣстно когда вернется; оставленная же имъ въ аптекѣ баба не рѣшается безъ хозяина отпустить даже касторового масла, хотя ей показываешь: вотъ оно!

— Нэ смію я, панычу, нэ смію!—упорно твердитъ она на всѣ доводы.

Само собою разумѣется, что книжной лавки въ городѣ не было. Не было также ни театра, ни клуба, ни городского сада. Развлеченія ограничивались тѣмъ, что люди хаживали другъ къ другу поиграть въ карты и выпить по рюмочкѣ, или же ходили вечеркомъ на новый мостъ, строившійся на почтовой дорогѣ черезъ канаву близъ города, разсаживались на бревнахъ и, перекидываясь словами, ждали, не проѣдетъ ли кто по тракту.

Когда у меня завелись въ городѣ кое-какія знакомства, я имѣлъ случай побывать въ присутственныхъ мѣстахъ, тогда еще старыхъ и живо напомнившихъ мнѣ гоголевское ихъ описаніе. Обстановка была до того незатѣйлива, что прямо поражала непривычнаго зрителя. Писцы и канцелярскіе служители видомъ своимъ походили на людей, мѣсто которымъ, скорѣе, на постояломъ дворѣ. Въ дворянской опекѣ, гдѣ меня познакомили съ уѣзднымъ предводителемъ дворянства (онъ же и предсѣдатель опеки), мебель и покрывавшее столъ сукно имѣли такой подержанный видъ, что смотрѣть на нихъ было скучно. Но зато самъ предводитель оказался премилымъ старичкомъ, когда-то знавшимъ моего отца, и потому отнесся ко мнѣ чрезвычайно ласково. Онъ былъ горячимъ поклонникомъ Каткова и вскорѣ перевелъ рѣчь на него, причемъ, одушевившись, нѣсколько разъ поднималъ указательный палецъ высоко надъ головою, восклицая:

— Катковъ? О! Голова! Государственный умъ!

При этомъ онъ прищуривалъ глаза и потрясалъ головой, закидывая ее немного назадъ.

Положеніе мое у бабушки казалось мнѣ нѣсколько неловкимъ, въ виду тѣхъ странныхъ отношеній, которыя установились между мною и ея дворовыми людьми. Они уже не были крѣпостными, а назывались «временно-обязанными», но, повидимому, недостаточно понимали значеніе этой перемѣны. Едва я пріѣхалъ, они бросились-было цѣловать мнѣ руку, чѣмъ страшно смутили меня; я не зналъ, чтò сказать, и насилу отъ нихъ отбился. Бабушка слегка пожурила меня за это, говоря, что люди могутъ принять это за гордость съ моей стороны и обидѣться.

*

Я же, конечно, не могъ взять въ толкъ такого заключенія и, въ противность бабушкиному желанію, рѣшилъ держать себя съ прислугою какъ равный съ равными. Я обращался съ нею на вы, ничего отъ нея не требовалъ и, при случаѣ, вступалъ и съ женщинами, и съ мужчинами въ разговоры. Едва-ли они много понимали изъ того, что я говорилъ, такъ какъ русскій языкъ былъ хорошо знакомъ только бабушкиной горничной, а остальные объяснялись лишь по-хохлацки, почему и я понималъ ихъ мало. Но по лицамъ ихъ я, во всякомъ случаѣ, видѣлъ, что они относятся ко мнѣ съ добрымъ чувствомъ, и радовался тому. Болѣе другихъ мнѣ понравился кучеръ, молодой парень съ хорошимъ, симпатичнымъ смѣхомъ и смышлеными глазами; я, конечно, вознамѣрился просвѣтить его кое-какими свѣдѣніями, начавъ съ объясненія планетной системы. Но онъ едва-ли не думалъ, что я хочу его одурачить, и иногда смѣялся, иногда спорилъ. Помнится, мнѣ такъ и не удалось въ то лѣто убѣдить его въ ошибочности его представленія насчетъ причины наступленія ночи. Въ движеніе земли вокругъ солнца онъ рѣшительно отказался вѣрить, наступленіе же темноты объяснялъ тѣмъ, что послѣ захода солнца ангелы задергиваютъ небо темною занавѣской. Звѣзды же онъ принималъ за дыры въ этой занавѣскѣ, чрезъ которыя и просвѣчиваетъ небо. Я весьма скоро убѣдился, что безъ знанія мѣстнаго нарѣчія не могу годиться ни въ наставники, ни тѣмъ менѣе въ эмиссары для «поднятія юга». И если ужъ говорить откровенно (а лукавить я не хочу), близость къ природѣ и незыблемо стоящему на землѣ сельскому быту заставляла меня противъ воли на каждомъ шагу сознаваться передъ самимъ собою въ ложности тѣхъ представленій о народѣ, которыя казались столь неопровержимыми въ шумихѣ петербургской «политической» болтовни юнцовъ. Я всѣмъ существомъ своимъ ощущалъ, что подъ чарующимъ вліяніемъ полей, рѣки, черешневыхъ садовъ и этой благодатной, здоровой тишины подъ палящими лучами солнца, я становлюсь проще и естественнѣе, какъ человѣкъ, сошедшій съ театральныхъ подмостковъ и спокойно усѣвшійся у себя дома.

XIV.

Усиленіе вліянія „Московскихъ Вѣдомостей" къ зимѣ 1863—64 года.—Различныя теченія въ кружкахъ. — Неудачныя попытки интеллигенціи на поприщѣ предпринимательства. — „Охранители". — Возобновленіе лекцій въ С.-Петербургскомъ университетѣ.

По возвращеніи въ Петербургъ осенью 1863 г., я снова попалъ въ полную возбужденія среду, отъ которой началъ было отвыкать среди деревенскаго затишья. Нѣсколько мѣсяцевъ пребыванія въ провинціи повліяли на мою восторженность отчасти охлаждающимъ образомъ. Наблюдая воочію медленное, тягучее, однообразное теченіе захолуст-

ной жизни, въ то время еще сытой и спокойной, я начиналъ убѣждаться, что въ теоретическихъ соображеніяхъ моихъ и моихъ сверстниковъ на счетъ немедленнаго обновленія всего строя общественныхъ отношеній какъ будто есть существенный изъянъ. Чувствовалось, хотя еще и смутно, что построенія наши кое-въ-чемъ похожи на зданіе, возводимое на пескѣ, и что идеаламъ правды и справедливости, пожалуй, и не восторжествовать такъ скоро, какъ мы предполагали. Вмѣстѣ съ такою перемѣной въ моихъ воззрѣніяхъ, которую я замѣтилъ и кое-въ-комъ изъ товарищей, естественно явилась у насъ потребность въ критической расцѣнкѣ словъ и поступковъ людей, въ которыхъ мы до тѣхъ поръ вѣрили съ чужого голоса. И какъ только началось такимъ образомъ наше умственное раскрѣпощеніе, недавшіе кумиры стали падать одинъ за другимъ. Оказалось, что кружковая репутація многихъ «хорошихъ» людей далеко не оправдывалась обстоятельствами. Да и дѣла начали уже понемногу склоняться не совсѣмъ въ ту сторону, какъ мы ожидали, а въ замѣнъ того все чаще начинали попадаться люди, уже сопровождавшіе свои прежнія либеральныя фразы различными оговорками; и въ оговоркахъ этихъ, дѣлавшихся пока осторожно, съ отблескомъ смущенія въ глазахъ говорившаго, чувствовалось что-то похожее на отреченіе отъ прежнихъ взглядовъ. Не имѣя мужества собственнаго убѣжденія, le courage de son opinion, какъ говорятъ французы, люди лукавили передъ другими, а можетъ быть и передъ самими собою. Будь я въ то время болѣе догадливъ, я понялъ бы, что подобныя перемѣны произошли не спроста, что онѣ являлись однимъ изъ признаковъ начинавшагося охлажденія интеллигентной «толпы» къ освободительнымъ началамъ, увлекшимъ ее въ началѣ, какъ новинка. Недаромъ все чаще и громче произносилось въ разговорахъ имя Каткова, быстро занявшаго позицію представителя цѣлаго направленія, впослѣдствіи такъ твердо установившагося на десятки лѣтъ и принесшаго немало горькихъ плодовъ.

Въ возникновеніи этого направленія, конечно, еще не было бы бѣды: нельзя требовать, чтобы въ человѣческомъ обществѣ всѣ смотрѣли на вещи одинаково. Но бѣда—и бѣда большая— была въ тѣхъ исключительныхъ условіяхъ, въ которыхъ вскорѣ очутился вдохновитель «Московскихъ Вѣдомостей». Ядъ выражавшагося ими направленія заключался въ беззастѣнчивомъ заподозрѣваніи всякаго противнаго мнѣнія, въ приравниваніи всякой мысли съ освободительнымъ оттѣнкомъ къ преступленію. Надо отдать справедливость талантливому московскому публицисту: онъ зналъ свою публику и умѣлъ дисциплинировать ее. При вынужденномъ безмолвіи противниковъ, ему нетрудно было наложить на либеральную печать клеймо безсилія и тѣмъ способствовать разстройству партіи, которую онъ громилъ. Но именно это обстоятельство не свидѣтельствовало ли о томъ, что въ ту пору либе-

рализмъ не имѣлъ характера органической общественной силы? Последующіе годы еще болѣе ярко доказали это. Чѣмъ иначе объяснить такое, повидимому, непостижимое явленіе, какъ захуданіе на долгіе годы той самой партіи, на знамени которой начертаны были принципы правительственныхъ реформъ, тогда какъ именно противники этихъ реформъ пріобрѣли вѣсъ и значеніе, въ качествѣ «охранителей»? Что̀ охраняли они? Старый режимъ, которому сама власть стремилась положить конецъ? Но въ такомъ случаѣ рѣчь должна бы идти не объ охранѣ, а о противодѣйствіи и внесеніи въ общество смуты.

Въ той средѣ, въ которой я тогда вращался, помимо вышеуказанныхъ уклоненій отъ прежнихъ безпримѣсныхъ мнѣній, можно было замѣтить въ зиму 1863 — 64 г. нѣсколько неодинаковыхъ теченій. Одни, наименѣе знакомые съ родною дѣйствительностью, склонялись къ такъ-называемому «хожденію въ народъ», въ надеждѣ помочь просвѣтленію массы внесеніемъ въ нее свѣдѣній, которыми она нисколько не интересовалась. Другіе, настроенные не столь идеально, бросались въ практическія предпріятія, хотя, въ большинствѣ, не въ видахъ наживы, а съ цѣлью «поставить промышленность на здравую основу». Никакой подготовки къ такому дѣлу у нихъ, конечно, не было, а всѣ разсчеты основывались на томъ соображеніи, что въ рукахъ развитого человѣка всякое дѣло должно пойти блестяще. Третьи, люди — какъ говорится—«себѣ на умѣ», прикрывались либеральнымъ флагомъ только для видимости, а въ сущности были искателями личной выгоды. Были еще и такіе, которыхъ можно бы назвать статистами; такихъ насчитывалось немало. Съ насупленнымъ, мрачнымъ видомъ, они обыкновенно безмолвствовали въ собраніяхъ единомышленниковъ, пощипывали себѣ пробивавшійся на подбородкѣ пушокъ и сардонически улыбались, слушая разсказы о тѣхъ или другихъ поступкахъ «реаковъ». Статисты эти отличались особенною страстью къ запрещеннымъ произведеніямъ печати, охотно списывали ихъ въ тетрадку и постоянно носили при себѣ. Въ сущности, это были самые безобидные люди, но смотрѣли прямо карбонарами и, въ случаѣ заарестованія (что̀ бывало тогда часто), мужественно гибли ни за понюшку табаку, въ увѣренности, что гибнутъ за «общее дѣло».

Люди, искавшіе новыхъ формъ жизни въ устройствѣ промышленныхъ заведеній на «разумно-коммерческихъ началахъ», обыкновенно очень скоро убѣждались въ своей полной непригодности для дѣла, требующаго «купецкой» сноровки и изворотливости, или же обращались въ заправскихъ кулаковъ, смотря по темпераменту. Они заводили разнаго рода мастерскія, которыя обыкновенно скоро закрывались либо за отсутствіемъ заказовъ, либо вслѣдствіе постояннаго превышенія расходовъ надъ доходомъ, и переходили въ руки профессіоналовъ, у которыхъ тотчасъ же и начинали давать выгоду. Вспоминается мнѣ,

между прочимъ, открывшаяся было на нынѣшней Казанской (а тогда Большой Мѣщанской) улицѣ мелочная лавочка, подъ вывѣскою «Лавка дворянки (имя рекъ)». Владѣлицею лавки была недавняя институтка. Такъ какъ всѣ ея познанія въ торговлѣ ограничивались представленіемъ о выгодности этого дѣла, то завѣдываніе лавкою она вынуждена была поручить прикащику-профессіоналу, въ «хорошихъ» убѣжденіяхъ котораго не сомнѣвалась. А кончилось тѣмъ, что прикащикъ съ хорошими убѣжденіями вскорѣ сдѣлался хозяиномъ лавки, къ великому ущербу прежней владѣлицы. Заводились также молочныя фермы, въ выгодности которыхъ тоже не существовало ни малѣйшаго сомнѣнія, ибо кто же не знаетъ, что молоко всякому нужно? Но и фермамъ въ интеллигентныхъ рукахъ не везло: то коровы даютъ до безстыдства мало молока, то молоко почему-то все киснетъ, коровы тощаютъ и не наклевывается покупателей. Одинъ мой знакомый выписалъ было особую печь для искусственнаго высиживанія цыплятъ, о которой прочелъ въ какомъ-то техническомъ журналѣ очень хорошій отзывъ. Онъ возлагалъ на нее большія надежды, которымъ, однако, не было суждено осуществиться: печь хотя и высиживала иногда цыплятъ, но такъ рѣдко, что казалось, будто она дѣлала это единственно изъ одолженія; притомъ, каждый цыпленокъ обходился хозяину рублей въ пятнадцать. По такой цѣнѣ трудно было продать его на рынкѣ съ особеннымъ барышомъ.

Подобныя затѣи дѣлались не только молодежью, но и взрослыми ея современниками; и если въ обоихъ случаяхъ дѣло завершалось неудачей, это только свидѣтельствуетъ, что обѣ стороны были въ то время бѣлоручками, непригодными къ практическимъ дѣламъ. Это показываетъ также, что ни мы, тогдашняя молодежь, ни тогдашніе взрослые, не обладали умѣніемъ правильно оцѣнивать собственныя силы. Отсюда множество увлеченій, вызывающихъ теперь улыбку.

Но въ ту пору всѣ эти затѣи встрѣчались далеко не улыбками, особенно со стороны «охранителей».

— То-ли еще будетъ!—злорадно шипѣли они. Да «они» все на свѣтѣ вверхъ дномъ перевернутъ!

Наивность этихъ начинаній не мѣшала, однако, «охранителямъ» вопить противъ всего, что̀ шло въ разрѣзъ съ до-реформенными воззрѣніями и нравами. Они вели травлю противъ всѣхъ проявленій новаго духа, и на нихъ, съ ихъ злобнымъ стремленіемъ посѣять въ обществѣ разладъ и подозрительность, должна пасть большая доля отвѣтственности за прискорбныя явленія двухъ послѣдующихъ десятилѣтій.

Съ усердіемъ, заслуживавшимъ лучшаго приложенія, они указывали на молодежь, какъ на опасный элементъ. Но выше сдѣлана была мною попытка обрисовать стремленія и настроеніе тогдашней молодежи, и въ этой картинѣ едва-ли найдутся устрашающія черты. И если впослѣдствіи часть молодежи вступила на ложный путь и дошла до по-

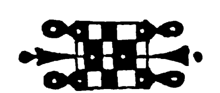
трясающихъ преступленій, то виною тому была именно посѣянная мнимыми охранителями смута. Будущій бытописатель той свѣтлой эпохи, таившей однако въ себѣ зародышъ столькихъ бѣдствій, конечно, приметъ во вниманіе эту подробность. Опасность была не въ молодежи, по свойственной ей чуткости втянувшейся въ общее движеніе, а въ томъ, что не нашлось тогда среди властныхъ людей человѣка, который съумѣлъ бы направить юныя силы въ легальное русло и не усматривалъ бы нужды въ одностороннемъ стѣсненіи печатной полемики между органами двухъ противныхъ теченій. Но такова уже судьба эпохъ, въ которыя совершается переломъ въ общественной жизни: люди теряютъ чувство мѣры и спокойствіе сужденія.

Взять хотя бы такое простое дѣло, какъ открытіе Петербургскаго университета осенью 1863 г. Въ теченіе года онъ оставался закрытымъ вслѣдствіе предшествовавшихъ студенческихъ волненій, а теперь въ немъ возобновлялось чтеніе лекцій. Къ открытію университета относились съ нѣкоторою опаской. Не трудно понять, съ какими чувствами вступали мы, юнцы, въ учебное заведеніе, встрѣчавшее насъ съ недовѣріемъ и плохо замаскированною подозрительностью. Обаяніе тогдашняго университета было для молодежи весьма невелико. Въ первый годъ студенты посѣщали лекціи неохотно, замѣняя ихъ обильнымъ чтеніемъ на дому всякихъ книгъ, преимущественно по естественнымъ наукамъ, которыя тогда особенно были любимы. Все это проглатывалось хотя и на̀-скоро, безпорядочно, однако все же не безъ пользы. Были примѣры того, что юноши безъ сожалѣнія покидали университетъ, не оканчивая курса. Несомнѣнно, учащееся юношество много выиграло бы, еслибы при университетѣ допущены были періодическія собранія студентовъ, при участіи профессоровъ; но такихъ собраній не было—вѣроятно, тоже вслѣдствіе какихъ-нибудь опасеній. Не было поэтому и желательной внутренней связи между университетомъ и студентами.

По обстоятельствамъ того времени, побѣдѣ суждено было остаться за направленіемъ, выразителемъ котораго являлись «Московскія Вѣдомости».

Въ заключеніе этихъ бѣглыхъ замѣтокъ, я долженъ сказать, что самъ вижу пробѣлы, которыми онѣ страдаютъ. Опущены многія явленія общественной жизни начала шестидесятыхъ годовъ. Но эти явленія заслуживали бы отдѣльнаго описанія, подкрѣпленнаго болѣе обстоятельными фактическими данными, чѣмъ тѣ, которыя сохранились въ моей памяти.

Р.

Пять собственноручныхъ писемъ императора Александра I

въ 1812 году [1]).

1.

Рескриптъ императора Александра—графу Ростопчину.

Вильна, 24-го мая 1812 г.

Необходимость щадить фельдмаршала [2]) была причиною того, что ваше назначеніе ему въ преемники нѣсколько замедлилось. Я выразилъ ему желаніе, чтобы онъ пріѣхалъ въ Петербургъ засѣдать въ совѣтѣ. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что онъ слишкомъ разбитъ и слишкомъ старъ, и просилъ уволить его въ отставку. Я изъявилъ на это свое согласіе, и ваше назначеніе состоялось тотчасъ. Я разсчитываю на васъ и вѣрю, что вы оправдаете мое довѣріе. Я видѣлъ сегодня вашего сына; онъ красивый молодой человѣкъ и повидимому обѣщаетъ быть хорошимъ слугою государства. Перехожу теперь къ предмету, требующему всей вашей скромности, такъ какъ относительно этого должна быть соблюдена величайшая тайна. Нѣсколько времени тому назадъ, ко мнѣ былъ присланъ искусный механикъ съ изобрѣтеніемъ [3]), которое можетъ имѣть самыя важныя послѣдствія. Во Франціи прилагались всевозможныя старанія, чтобы добиться открытія, которое удалось повидимому

[1]) Переводъ съ французскаго.

[2]) Графа Гудовича.

[3]) Извѣстный Францъ Леппихъ. О немъ и его аэростатѣ см. „Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Собственной Его Величества канцеляріи“. Выпуски I и II.

сдѣлать этому человѣку. Для того чтобы убѣдиться въ этомъ, надобно однако произвести всѣ предлагаемые имъ опыты; дѣло безъ сомнѣнія стоитъ этого. Такъ какъ этого человѣка надобно послать въ Москву и такъ какъ я желаю, чтобы его работа была для всѣхъ рѣшительно тайною, то я не хотѣлъ, чтобы это дѣло шло чрезъ фельдмаршала, изъ боязни, чтобы о немъ тотчасъ не провѣдалъ его доктор ъ. Поэтому я адресовалъ всѣ бумаги губернатору г. Обрескову. Нынѣ я пишу ему, что такъ какъ съ вашимъ назначеніемъ нѣтъ болѣе надобности соблюдать тайну по отношенію къ генералъ-губернатору, то я предписываю ему доставить вамъ всѣ бумаги, касающіяся этого дѣла и имѣющіяся у него въ рукахъ. Изъ этихъ бумагъ вы узнаете все обстоятельно. Чтобы не увеличивать число лицъ, посвященныхъ въ это дѣло, я желаю, чтобы вы воспользовались Обресковымъ, которому все уже извѣстно, для того чтобы пустить дѣло въ ходъ. Я желаю также, чтобы эта личность не появлялась въ вашемъ домѣ, но чтобы вы видѣлись съ нимъ въ болѣе укромномъ мѣстѣ. Поручаю его вамъ и прошу васъ оказать ему содѣйствіе и сдѣлать все отъ васъ зависящее для того, чтобы облегчить ему выполненіе этого дѣла и устранить могущія при этомъ возникнуть препятствія. Фельдъегерь, который передастъ вамъ это письмо, привезетъ съ собою семерыхъ рабочихъ, пріѣхавшихъ вмѣстѣ съ механикомъ. Ему приказано оставить ихъ за городомъ до тѣхъ поръ, пока вы не переговорите съ Обресковымъ, не просмотрите всѣхъ бумагъ и не укажете ему, куда онъ долженъ отвести ихъ. Преданный вамъ.

2.

Письмо императора Александра I—адмиралу Чичагову.

Вильна, 13-го іюня 1812 г.

Спѣшу увѣдомить васъ, что непріязненныя дѣйствія начались; насъ атаковали со стороны Ковно. Теперь вамъ развязаны руки для вашей диверсіи, если только вамъ удастся условиться на счетъ ея съ Портою. Замедленіе въ полученіи отъ васъ извѣстій и ратификаціи великаго визиря нѣсколько тревожитъ меня. По причинѣ, мною вамъ высказанной, слѣдуетъ пощадить Австрію, чтобы не создать себѣ изъ нея врага, болѣе опаснаго сравнительно съ тѣмъ, какимъ она представляется въ настоящее время, когда она рѣшила повидимому дѣйствовать только со своимъ вспомогательнымъ 30.000 корпусомъ. Этотъ корпусъ уже двинулся въ герцогство Варшавское; такимъ образомъ на границѣ Галиціи насъ не будутъ тревожить нѣкоторое время. Мнѣ кажется даже, что образъ дѣйствій Австріи не вредитъ нашимъ дѣламъ, ибо, благодаря

этому, вы можете быть спокойны со стороны Трансильваніи и Венгріи. Если вы будете сами руководить диверсіей по направленію къ Далмаціи, то надобно хорошенько обсудить вопросъ, не могли ли бы войска, которыя вы оставите въ виду Буковины, быть употреблены съ бо̀льшею пользою, будучи двинуты къ Могилеву на Днѣстрѣ, чтобы дѣйствовать на лѣвомъ флангѣ совмѣстно съ генераломъ Тормасовымъ, или на Хотинъ и Каменецъ, съ тою же цѣлью, если генералу удастся удержать свою позицію ближе къ нашимъ границамъ. Предоставляю это на ваше собственное благоусмотрѣніе. Но для того, чтобы предпринять все это, надобно быть болѣе увѣреннымъ, нежели я, въ окончательномъ рѣшеніи, которое будетъ принято турками. Я боюсь, какъ бы пріѣздъ Андреоси не повредилъ нашимъ стараніямъ ратификовать миръ. Ожидаю съ нетерпѣніемъ вашихъ извѣстій. Буду сообщать вамъ о томъ, что произойдетъ здѣсь. Преданный вамъ.

3.

Письмо императора Александра I—адмиралу Чичагову.

Замоша, 24-го іюня 1812 г.

Я получилъ вчера, послѣ полудня, ваше письмо отъ 16-го числа; спѣшу отправить курьера сегодня обратно.

Я нахожу полезнымъ, чтобы вы приступили теперь же къ обмѣну ратификацій заключеннаго договора, написавъ визирю, что я приказалъ вамъ доказать Портѣ мое желаніе возстановить существовавшія между нами узы дружбы, обмѣнявшись ратификаціей заключеннаго договора, долженствующаго упрочить между нами миръ. Впослѣдствіи можно будетъ приступить къ обсужденію отдѣльныхъ и секретныхъ статей договора и, по желанію, увеличить ихъ число, что̀ довершитъ дѣло умиротворенія. Постарайтесь войти въ сношенія съ Листономъ, чтобы узнать содержаніе данныхъ ему инструкцій и сообразовать съ этимъ вашъ образъ дѣйствій.

Мнѣ кажется, что для насъ не было̀ бы особенно неудобно отказаться окончательно отъ этихъ секретныхъ статей, въ особенности, ежели мы сохранимъ черезъ это въ неприкосновенности крѣпости Килію и Измаилъ.

У насъ все благополучно. Наполеонъ разсчитывалъ раздавить насъ, сосредоточивъ свои силы около Вильны, но согласно принятой нами системы дѣйствій, было рѣшено не подвергать себя опасности, вступая въ бой съ превосходными силами, а дѣйствовать медленно и выжидательно. Поэтому мы отступаемъ шагъ за шагомъ, между тѣмъ какъ ки. Багратіонъ со своей арміей подвигается къ правому флангу не-

пріятеля. Въ скоромъ времени мы надѣемся перейти въ наступленіе. Дѣлайте, со своей стороны, все возможное и не упускайте случая добиваться великой цѣли—нанести врагу какъ можно болѣе вреда. Преданный вамъ.

4.

Письмо императора Александра I—адмиралу Чичагову.

Захово, въ окрестностяхъ Полоцка 6-го іюля 1812 г.

Я только что собирался отправить вамъ отвѣтъ на письмо отъ 26-го іюня, какъ получилось ваше письмо, помѣченное 29-мъ числомъ. Я хотѣлъ всецѣло одобрить рѣшенія, принятыя вами до 26-го числа, и уполномочить васъ дѣйствовать впредь по вашему благоусмотрѣнію. Ваше письмо отъ 29-го числа поставило меня, признаюсь, въ затрудненіе относительно того, какое рѣшеніе мнѣ надлежитъ сообщить вамъ. Вашъ планъ очень смѣлъ и обширенъ; но кто можетъ поручиться за его удачу, а тѣмъ временемъ мы лишаемся впечатлѣнія, какое ваша диверсія должна была произвести на непріятеля, и, вообще, лишаемся на довольно долгое время содѣйствія всѣхъ войскъ, находящихся подъ вашимъ начальствомъ, если они будутъ двинуты къ Константинополю, не говоря уже объ общественномъ мнѣніи какъ нашихъ соотечественниковъ, такъ и нашихъ союзниковъ англичанъ и шведовъ, коихъ мы возстановимъ противъ себя. Принявъ подобное рѣшеніе, не увеличимъ ли мы этимъ безъ всякаго повода наше затруднительное положеніе? Австрійцы, выставившіе въ настоящее время въ поле всего 30.000 человѣкъ, видя, что Оттоманской имперіи угрожаетъ серьезная опасность, будутъ принуждены, если не по собственному желанію, то несомнѣнно по желанію императора Наполеона, выставить всѣ свои силы, чтобы предупредить эту опасность. Вступивъ въ такомъ случаѣ въ Молдавію и Валахію, они поставятъ вашъ тылъ и даже войска, съ коими вы пойдете на Константинополь, въ самое затруднительное положеніе. Если диверсія, которую, какъ можно было понять по вашему письму отъ 26-го числа, вы твердо рѣшили тогда предпринять, будетъ сопряжена нынѣ, по вашему мнѣнію, съ такими препятствіями, то быть можетъ возможно было бы принять гораздо болѣе благоразумное рѣшеніе, которое могло бы дать не менѣе полезные результаты. А именно, обмѣнявшись ратификаціями, удовольствоваться пока этимъ миромъ, не требуя настоятельно заключенія союза, и направить всѣ находящіяся подъ вашимъ начальствомъ силы на Хотинъ и Каменецъ по направленію къ Дубно, гдѣ васъ поддержитъ армія Тормасова, коему я прикажу передать вамъ командованіе оною, повелѣвъ ему самому принять начальство надъ войсками въ Кіевѣ; а затѣмъ идти съ этой значительной арміей, которая будетъ состоять изъ 8—9-ти

дивизій на встрѣчу всему, что̀ попадется вамъ по направленію къ Варшавѣ, и произвести такимъ образомъ диверсію весьма полезную для двухъ первыхъ армій, которымъ угрожаютъ превосходныя силы. Я полагаю, что не можетъ быть инаго выбора, какъ выполненіе одного изъ этихъ двухъ плановъ: надобно либо произвести диверсію по направленію къ Далматіи и Адріатическому морю, либо на Подолію по направленію къ Варшавѣ. Исторію съ Константинополемъ можно будетъ продѣлать впослѣдствіи; если наши дѣла съ Наполеономъ пойдутъ хорошо, то мы можемъ немедленно выполнить нашъ планъ относительно турокъ и провозгласить либо Славянскую, либо Греческую имперію. Но заниматься этимъ въ настоящую минуту, когда намъ приходится и безъ того бороться со столькими затрудненіями и со столь многочисленными силами, кажется мнѣ рискованнымъ и неблагоразумнымъ. Предположите, что мы овладѣемъ Константинополемъ; это не увеличитъ нашихъ силъ. У насъ будутъ все тѣ же 40.000, кои будутъ въ вашемъ распоряженіи въ Константинополѣ точно такъ же, какъ въ Бухарестѣ; согласитесь съ тѣмъ, что они будутъ дальше и слѣдовательно менѣе будутъ имѣть возможность дѣйствовать противъ нашего великаго врага. Намъ надобно обратить все наше вниманіе на его тылъ, либо чрезъ Адріатическое море приближаясь къ Тиролю и Швейцаріи и слѣдовательно къ центру Германіи и даже къ границамъ Франціи, либо идя прямѣе, черезъ герцогство Варшавское, уничтожая все то, что непріятель тамъ организуетъ и лишая его тѣхъ средствъ, какія доставляетъ ему тылъ его арміи. Обсудивъ этотъ вопросъ, вы согласитесь, безъ сомнѣнія, съ моими доводами.

Двинувшись на Константинополь, вы отдалитесь отъ настоящаго операціоннаго пункта, который составляетъ тылъ арміи Наполеона.

Такимъ образомъ я предоставляю вамъ сдѣлать выборъ и остановиться на одномъ изъ двухъ рѣшеній. Я пишу Ришелье, чтобы онъ сообразовался во всемъ съ тѣмъ, что будетъ рѣшено вами.

Что касается здѣшнихъ событій, то, вотъ уже мѣсяцъ, какъ началась война, а Наполеону еще не удалось нанести намъ ни одного удара, что̀ случалось во всѣхъ предъидущихъ кампаніяхъ на 4-й и даже на 3-й день.

Наши силы еще непочаты, и во всѣхъ частныхъ стычкахъ мы одерживали побѣды надъ его отрядами. Мы дѣйствуемъ выжидательно, ибо, имѣя дѣло съ превосходными силами и при методѣ Наполеона не затягивать войну, только это и можетъ дать намъ надежду на успѣхъ. Въ виду отъѣзда г. де-Сенъ-Жульенъ изъ Петербурга, австрійскій консулъ можетъ выѣхать изъ Бухареста, но вообще, будьте любезны съ этими господами, чтобы безъ надобности не увеличивать число нашихъ враговъ. Миръ съ Англіей скоро будетъ подписанъ, а съ Швеціей мы находимся въ самомъ тѣсномъ союзѣ. Преданный вамъ.

5.

Письмо императора Александра I—адмиралу Чичагову.

Москва, 18-го іюля 1812 г.

Рѣшивъ вести войну до послѣдней крайности, мнѣ давно уже пришлось подумать о сформированіи новыхъ резервовъ. Для достиженія этой цѣли, я долженъ былъ отправиться на нѣсколько дней во внутреннія губерніи Имперіи, чтобы наэлектризовать умы и подготовить ихъ къ новымъ жертвамъ ради священнаго дѣла, за которое мы сражаемся. Послѣдствія этого превзошли мои ожиданія. Смоленскъ предложилъ мнѣ 1.500 чел., Москва 80.000, Калуга 23.000; ожидаю съ часу на часъ донесенія изъ другихъ губерній; пока наши арміи еще не тронуты.

Я получилъ ваши ратификаціи въ Смоленскѣ; я настаиваю болѣе, чѣмъ когда-либо, на томъ, о чемъ я писалъ вамъ въ моемъ послѣднемъ письмѣ. Повременимъ съ проектами относительно Порты и употребимъ всѣ наши силы противъ великаго врага, съ которымъ намъ приходится бороться. Прилагаю при семъ шифрованную депешу Штакельберга. Судя по ней, можно думать, что выполнить вашу диверсію становится все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Если это такъ, займитесь выполненіемъ другаго плана, намѣченнаго мною, и ведите всѣ наши силы со всевозможной поспѣшностью къ Днѣстру и оттуда къ Дубно. Вы будете усилены тамъ арміей Тормасова (который лично получитъ иное назначеніе) и корпусомъ Ришелье; это составитъ армію въ 8—9 пѣхотныхъ дивизій и 4—5 кавалерійскихъ дивизій, и вы будете тогда въ состояніи перейти въ наступленіе и дѣйствовать на Пинскъ, или Люблинъ и Варшаву. Таковое движеніе поставитъ императора Наполеона, надвигающагося на насъ, въ затруднительное положеніе и можетъ придать совершенно иной оборотъ дѣламъ. Обдумайте серьезно то, что я вамъ говорю. Это чрезвычайно важно. Покуда, по отношенію къ туркамъ, будетъ казаться, что мы добросовѣстно исполняемъ условія договора. А что касается славянъ и валаховъ, то велите передать имъ секретно, что все это дѣлается временно, что, покончивъ съ Наполеономъ, мы тотчасъ вернемся обратно, но на этотъ разъ уже для того, чтобы создать Славянскую имперію; что касается австрійцевъ, то надобно будетъ не трогать ихъ до тѣхъ поръ, пока они сами не дадутъ на это права своимъ поведеніемъ.

Что касается корпуса Шварценберга, то къ нему надобно относиться какъ къ настоящему врагу и колотить его вездѣ, гдѣ бы мы его ни встрѣтили. Я уѣзжаю сегодня на нѣсколько дней въ Петербургъ, а оттуда, смотря по обстоятельствамъ, или вернусь сюда, или отправлюсь къ арміи. Преданный вамъ.

Императоръ Николай I въ Новгородѣ.

Николай Павловичъ любилъ новгородцевъ. По крайней мѣрѣ, это извѣстно со словъ новгородскаго городскаго головы А. Кузнецова, который во главѣ депутаціи ѣздилъ поздравлять государя съ восшествіемъ на престолъ. Вернувшись изъ столицы, голова объявилъ Думѣ, что депутація «весьма благосклонно была допущена къ рукѣ государыни и удостоилась получить изустный государя отзывъ, что его величество новгородцевъ любитъ и любить будетъ» [1]).

Въ первый же годъ царствованія, въ іюлѣ 1826 г., Николай Павловичъ съ супругой удостоилъ Новгородъ своимъ посѣщеніемъ, прибывъ на пароходѣ изъ округовъ военнаго поселенія. Пароходъ съ ихъ величествами долженъ былъ остановиться у моста, откуда вела кратчайшая дорога въ Кремль и Софійскій соборъ. На мѣстѣ пристани тогдашній губернаторъ Жеребцовъ задумалъ поставить помостъ и его, а равно и переходъ покрыть свѣтлозеленымъ сукномъ. Чрезъ начальника штаба поселеннаго корпуса губернаторъ выхлопоталъ безплатно изъ округовъ деревянный матеріалъ и военно-рабочихъ людей, но за сукномъ обратился въ Думу, прося ее пріискать самое сукно и употребить на него городскія средства. Измѣрили помостъ, дорожку къ собору и опредѣлили, что сукна потребуется 348 аршинъ. Пріискать сукно Дума поручила гласному Дербушеву. Конечно, въ такомъ небольшомъ городѣ, какъ Новгородъ, трудно было найти зеленаго сукна и тѣмъ болѣе въ такомъ количествѣ. Спрашивалъ Дербушевъ и въ суконномъ ряду, и въ отдѣльныхъ магазинахъ, но ему отвѣчали, что зеленаго нѣтъ, а есть сѣрое и синяго цвѣта. О тщетныхъ поискахъ своего гласнаго Дума

---

[1]) Изъ архивнаго дѣла управы 1825 г.

написала губернатору и рекомендовала сукно, предлагаемое магазинами, но губернаторъ и слышать не хотѣлъ. «Предлагаю,—писалъ онъ,—не уклоняясь ненахожденіемъ и замѣной инымъ сукномъ, сколько можно поспѣшнѣе, купить свѣтлозеленаго сукна и непремѣнно въ размѣрѣ не менѣе 350 аршинъ». Снова послѣдовало порученіе Дербушеву и на этотъ разъ строжайшее, чтобы онъ исходилъ всѣ лавки и вообще всѣ мѣста, гдѣ могло бы оказаться 350 аршинъ обязательно зеленаго сукна. Не мало потрудился Дербушевъ въ поискахъ за сукномъ и нашелъ его гдѣ-то въ цейхгаузѣ инвалиднаго баталіона; тамъ ему обѣщались продать по 2 р. 25 к. за аршинъ. Но опять бѣда: часть сукна оказалась темнѣе. Дума не рѣшилась купить, а сообщила губернатору, какъ ему понравится, потому что оно было двухсортное. Командировали того же Дербушева взять сукно, но въ батальонѣ потребовали деньги впередъ. Объ этомъ донесли губернатору. Послѣдній предложилъ заплатить за сукно, «дабы сіе было сохранено и употреблено послѣ на казенныя надобности».

По употребленіи, сукно вычистили и положили въ кладовую, впредь до особой нужды. Долго оно тамъ лежало. Наконецъ, о немъ узнала строительная коммиссія и попросила Думу продать его для полицейской команды. Коммиссія не поскупилась, и Дума объявила за сукно свою цѣну, но съ платой поступила не такъ, какъ въ батальонѣ—плату оставила на благоусмотрѣніе покупателя. Городовыхъ, какъ попугаевъ нарядили въ свѣтлозеленыя шинели, но онѣ носились не долго потому, что матеріалъ былъ не проченъ по цвѣту и главнымъ образомъ прогнилъ въ кладовой. Все-таки коммиссія не понесла убытковъ, такъ какъ уплатила незначительную часть денегъ, да и ту Дума еле-еле вытребовала.

На пристани царя и царицу, разумѣется, встрѣчали мѣстное духовенство и власти. Огромная толпа народа запружала весь берегъ, лежащій противъ Кремля.

Царскій пароходъ тихо привалилъ къ пристани утромъ, въ хорошій солнечный день. Встрѣча была торжественная. Толпа волновалась, кричала «ура» и бросала вверхъ шапки. Съ пристани государь и государыня прослѣдовали прямо въ Софійскій соборъ. Когда высочайшая чета вступила внутрь Кремля, волна народа хлынула за нею, и во входной аркѣ образовался страшный заторъ. Съ одними дѣлалось дурно, другіе кричали о помощи. Натискъ толпы сдерживала цѣпь полиціи, но недолго. Толпа прорвала цѣпь, многіе попадали и получили увѣчья. Всѣ стремились къ собору. Въ это время императоръ Николай съ супругой прикладывались къ мощамъ новгородскихъ угодниковъ. Выйдя изъ собора, они снова были встрѣчены энтузіазмомъ народа, который бѣжалъ сзади коляски вплоть до путеваго дворца, гдѣ для ихъ величествъ былъ назна-

ченъ отдыхъ. На другой день государь, какъ любившій новгородцевъ, первыми принималъ представителей города. Тутъ были и бѣдные мѣщане [1]), и богатые купцы [2]). Принявъ отъ нихъ хлѣбъ-соль, государь говорилъ, что въ скоромъ времени Новгородъ обогатится новыми казарменными корпусами, войска въ городѣ будетъ больше, а потому подвинется впередъ промышленность и торговля. За городскими представителями слѣдовали чиновники въ своихъ характерныхъ, съ высокими воротниками, мундирахъ, стряпчіе, совѣстные и уѣздные судьи, члены земскаго суда, почтмейстеръ, дворяне, разные предсѣдатели.

Пробывъ въ Новгородѣ два дня, государь и государыня отбыли въ Петербургъ въ особомъ дилижансѣ.

Второй разъ императоръ Николай I пріѣзжалъ въ Новгородъ въ 1831 году, тоже лѣтомъ, когда вспыхнулъ холерный бунтъ среди военныхъ поселянъ. Государь прежде всего осматривалъ холерные бараки. Ему доложили, что бараки устроены Думой, куда больныхъ привозятъ уличные старосты, а послѣдніе ходятъ подъ окнами и стучатъ палкою, спрашивая: «всѣ ли здоровы?» Не остаются также безъ вниманія вдовы и сироты послѣ умершихъ кормильцевъ отъ холеры. Дѣйствительно, Дума собирала пожертвованія и призывала въ свое помѣщеніе несчастныхъ для раздачи помощи. По поводу розданныхъ пожертвованій расклеивались объявленія, которыя начинались именами бѣдныхъ и оканчивались такъ: «Засимъ Дума не считаетъ за нужное извѣщать, сколько вдовы и сироты пролили отъ радости благодарныхъ слезъ, получивъ сіе неожиданное вознагражденіе. Благотворительныя души найдутъ сами въ себѣ награду, а любопытные пусть сами научатся дѣлать добро; тогда узнаютъ, какъ всякая копѣйка дорога лишеннымъ всей надежды, кромѣ одного Бога» [3]).

Тогда же государь получилъ секретныя свѣдѣнія о томъ, что губернаторъ Денферъ не принималъ никакихъ мѣръ противъ могущаго быть среди городскихъ обывателей волненія. Да и могъ ли что-нибудь предпринять по своему характеру Денферъ? Это былъ маленькаго роста старичекъ, слабый, мягкій въ своихъ распоряженіяхъ, страшный трусъ. Во время бунта Денферъ самъ выходилъ изъ дома съ заряженнымъ пистолетомъ въ карманѣ. Онъ даже чуть не убилъ доктора Европеуса, когда тотъ прибѣжалъ въ городъ отъ бунтовщиковъ въ солдатской шинели и съ радостнымъ крикомъ бросился къ нему. Единственно спасло доктора то, что онъ назвалъ свое имя, когда трусливый губернаторъ второпяхъ навелъ на него пистолетъ. А для умаленія начальническихъ

---

[1]) К. Тимохинъ и И. Сонкинъ.
[2]) А. Кузнецовъ, И. Дербушевъ, Д. Шавровъ, К. Егоровъ.
[3]) Изъ архивнаго дѣла городской управы.

распоряженій у чиновниковъ была извѣстная сноровка. Денферъ любилъ до страсти нюхать табакъ и всякій могъ пользоваться его расположеніемъ, если имѣлъ при себѣ табакерку. Губернаторъ не соглашался, возставалъ и непремѣнно спрашивалъ у противника: «а какой нюхаете?». Хорошій табакъ приводилъ губернатора въ восторгъ и большею частью смягчалъ его возраженія. Трусость у Денфера была развита въ высшей степени. Онъ совсѣмъ растерялся, когда ему доложили, что въ Новгородъ направляются мятежники, вооруженные кольями, и желаютъ видѣть государя, чтобы высказать ему упрекъ за отравленіе поселянъ начальствомъ. Губернаторъ поспѣшилъ къ городскому головѣ Кузнецову, просилъ, умолялъ его изыскать какія-нибудь средства противъ вторженія шайки. Голова былъ уже тоже старичекъ, но далеко не трусливаго десятка. Онъ предложилъ губернатору отправиться за городъ и уговорить мятежниковъ, чтобы они не ходили въ Новгородъ. Денферъ побоялся это сдѣлать, отговорившись тѣмъ, что ему будто-бы надо быть безотлучно въ своемъ домѣ. Кузнецовъ поѣхалъ одинъ и дѣйствительно на 7-й верстѣ по петербургскому тракту встрѣтилъ толпу поселянъ, которая была вооружена дубинами, косами и отчасти ружьями. Голова остановилъ толпу, какъ-бы не зная о ея намѣреніи, встрѣтивъ ее случайно, и спросилъ, куда она идетъ.

— Въ городъ,—отозвались поселяне,—сказываютъ, царь батюшка пріѣхалъ.

Кузнецовъ не сробѣлъ и спросилъ, за чѣмъ идутъ.

— Правды искать, зачѣмъ души наши губятъ, зельемъ травятъ.

Голова сталъ ихъ усовѣщевать; доказывалъ всю несообразность ихъ намѣренія. Онъ говорилъ, что въ городѣ никто ихъ не знаетъ и не окажетъ имъ поддержки, такъ какъ населеніе городское вполнѣ мирное и довольное своей судьбой. Кузнецовъ говорилъ, что они, напротивъ, прогнѣваютъ государя, зачѣмъ обратились къ нему въ чужомъ мѣстѣ, а не въ своихъ поселеніяхъ. Мятежники недоумѣвали и колебались. Умный старичекъ воспользовался этимъ и далъ имъ совѣтъ, что, какъ слышно, государь изъ Новгорода поѣдетъ по всѣмъ поселеніямъ, то имъ гораздо разумнѣе вернуться домой и тамъ заявить ему свои жалобы. Шайка бунтовщиковъ одобрила рѣчи и слова головы, поговорила, потолковала и повернула назадъ. За такой подвигъ, легко могшій стоить Кузнецову жизни, императоръ Николай пожаловалъ ему въ награду, внѣ орденскаго статута, золотую медаль, украшенную драгоцѣнными камнями.

Денферъ, несомнѣнно, окончательно доказалъ свою трусость и нераспорядительность. Уѣзжая въ Старую Руссу, государь много высказалъ ему непріятностей и оставилъ по себѣ у губернатора такое впечатлѣніе, послѣ котораго трудно было разсчитывать на продолженіе службы.

Однако Денферъ скоро нашелъ оригинальную лазейку къ милости государя чрезъ юрьевскаго архимандрита Фотія. Онъ сталъ часто ѣздить въ монастырь подъ предлогомъ, что онъ ему понравился; хвалилъ его устройство и украшенія. Все устройство было дѣломъ рукъ и измышленій Фотія. Хваля такимъ образомъ Фотія, Денферъ не забывалъ и себя; онъ тутъ же просилъ архимандрита, чтобы замолвилъ словечко предъ государемъ; просьбы его дотого повторялись часто, отличались такою настойчивостью, что архимандритъ даже прозвалъ губернатора «слёзкой». Посѣщенія монастыря оказались удачными. Фотій просилъ за Денфера графиню, а послѣдняя обращалась къ графу А. Орлову, который былъ близокъ къ государю. Все сваливалось на трусость, врожденную, неизлѣчимую, съ которою человѣкъ никакъ не можетъ совладать.

Небезъинтересно также посѣщеніе императоромъ Николаемъ Новгорода осенью въ 1843 году. Мѣстная администрація заранѣе знала, что государь пріѣдетъ дѣлать инспекторскій смотръ гренадерскому корпусу. Вдругъ, по пріѣздѣ, царь объявилъ, что онъ желаетъ посмотрѣть яхту, на которой Екатерина II плавала въ Боровичскихъ порогахъ и потомъ подарила ее на память новгородскому дворянству. Это было какъ снѣгъ на голову для всѣхъ. Яхта, обнесенная каменнымъ зданіемъ, находилась въ страшномъ запустѣніи. Губернаторъ Зуровъ послалъ полиціймейстера обслѣдовать этотъ историческій памятникъ и привести въ порядокъ. Но полиціймейстеръ донесъ [1]) губернатору, что яхта во многихъ мѣстахъ разломана, ободрана, заросла слоями грязи, загажена разными нечистотами и вообще имѣетъ омерзительный видъ; даже подходя къ зданію, видно, что въ окнахъ нѣтъ рамъ, а тамъ, гдѣ онѣ сохранились, выбиты всѣ стекла. По мнѣнію командированнаго чиновника, къ завтрашнему дню возможно только обмыть и вычистить яхту, но мусоръ останется по-прежнему и развалины будутъ крайне неприглядны. Губернаторъ сначала растерялся, а потомъ его осѣнила свѣтлая мысль свалить безпорядочное содержаніе яхты на губернскаго предводителя. Онъ сейчасъ же составилъ бумагу, изложилъ все дѣло и прибавилъ, что вина ложится на предводителя, какъ представителя дворянства, которому подарена яхта. Предводитель отвѣчалъ, что яхта находится въ городѣ и слѣдить за ней должно городское управленіе. Дума писала губернатору, что на содержаніе яхты она никакихъ суммъ не имѣетъ, дѣломъ этимъ никогда не занималась и полагала, что средства отпускаются изъ казны, такъ и завѣдываніе яхтой должно быть сосредоточено у губернскаго начальства. Такимъ образомъ, выдумка губернатора обошла учрежденія и снова вернулась къ нему. Что было дѣлать губер-

[1]) Изъ подлиннаго донесенія.

натору? Не показывать же памятникъ въ такомъ безобразномъ состояніи. Оставалось отклонить осмотръ, но доложить о томъ государю рискованно, да и нѣтъ подходящихъ причинъ. Наконецъ, губернаторъ, посовѣтовавшись со своими сотрудниками, придумалъ такое средство. Государь остановился въ митрополичьихъ покояхъ. Отсюда надо ѣхать къ яхтѣ или кругомъ по бульварной дорогѣ, чрезъ Кремль и Сѣнную площадь, или берегомъ, гдѣ тогда держалась невылазная грязь. Приказано было подать возокъ какъ можно массивнѣе. Государь отправился съ Зуровымъ. Ямщику ранѣе было сказано ѣхать берегомъ. Едва возокъ достигъ берега, какъ началъ тонуть въ грязи. Губернаторъ осмѣлился предупредить государя, что дальше они рискуютъ совсѣмъ увязнуть. Разсерженный императоръ обрушился на Зурова и велѣлъ ѣхать назадъ. Губернаторъ оправдывался, обвинялъ Думу, что она виновна въ этой грязи и вообще безпечна къ городскимъ путямъ. Государь приказалъ, чтобы по этому берегу былъ проведенъ бульваръ. Губернаторъ высчиталъ сумму на поднятіе берега насыпью и составилъ смѣту, которую отослалъ предводителю, съ прибавленіемъ, что императоръ, проѣзжая берегомъ, вслѣдствіе вязкой грязи, не могъ попасть на екатерининскую яхту, сильно разгнѣвался и приказалъ устроить бульваръ. Этотъ вопросъ обсуждался дворянами въ общемъ собраніи и былъ разрѣшенъ отрицательно. Затраты по устройству бульвара должны были вызвать подушный сборъ съ помѣщичьихъ крестьянъ, которые и безъ того уже находились въ нуждѣ отъ неурожаевъ, продолжавшихся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Зуровъ усмотрѣлъ въ такомъ рѣшеніи уклончивость дворянъ и доказывалъ предводителю, что крестьяне ничуть не обѣднѣютъ, если для бульвара необходима такая сумма, которая по раскладкѣ достигнетъ не болѣе 5 коп. съ каждой ревизской души. Предводитель ничего не отвѣтилъ губернатору, а сообщилъ Думѣ, чтобы она озаботилась этимъ сооруженіемъ, такъ какъ «устройство бульвара относится къ украшенію города».

Вопросъ о бульварѣ былъ положенъ Думою подъ сукно и вылеживался тамъ очень долго. Только недавно, лѣтъ пять назадъ, городская управа замостила берегъ булыжникомъ, а бульвара и до сихъ поръ нѣтъ.

А. Слезскинскій.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

описаніе книги ген.-лейт. И. Д. Попки [*]) о черноморскихъ казакахъ-кубанцахъ и пластунахъ; изъ книги К. К. Абазы «Казаки»—свѣдѣнія о терскихъ казакахъ. Далѣе г. Захарьинъ говоритъ о бракѣ и разводѣ у чеченцевъ. Разводы у нихъ—явленіе весьма обыкновенное и происходятъ во время сбора винограда и выдѣлки вина. Горецъ, разгоряченный спиртными парами или подъ вліяніемъ своего раздражительнаго характера, не задумываясь, трижды произносилъ роковое для женщины слово т а л а к ъ (разводъ), а потомъ, придя въ нормальное состояніе, хотя и видѣлъ, что поставилъ и себя, и жену, и весь свой домашній бытъ въ самое затруднительное положеніе, но дѣло было уже непоправимо, потому что произнесенное при свидѣтеляхъ слово т а л а к ъ имѣло всю силу законнаго акта.

Въ качествѣ вѣрнаго этнографическаго очерка внутренняго быта терскихъ казаковъ стараго—военнаго—времени, г. Захарьинъ помѣстилъ въ своей книгѣ отрывокъ изъ повѣсти гр. Л. Н. Толстаго «Казаки»; вслѣдъ за нимъ напечатанъ изъ «Героя нашего времени», М. Ю. Лермонтова—отрывокъ «Максимъ Максимычъ». Для ознакомленія съ Дагестаномъ за послѣдніе годы, перепечатанъ отрывокъ изъ описанія путешествія по этой области В. С. Кривенко. Заканчивается в т о р а я часть п е р в о й книги описаніемъ: «Какъ жили и живутъ горцы Кавказа», взятымъ изъ брошюры «Кавказъ», С. Меча, составленной на основаніи сочиненій о Кавказѣ: Н. Ѳ. Дубровина, Е. Л. Маркова, гг.: М. Богданова, И. Костенецкаго, Н. Дункель-Веллинга и др.

П е р в а я часть в т о р о й книги: Д о с м ѣ р т и Е р м о л о в а—заключаетъ въ себѣ описаніе начала войны съ чеченцами, краткую біографію А. П. Ермолова, описаніе подвиговъ: Мистрюкова, Карягина, Котляревскаго, Щербины и Овечкина; далѣе сообщаются свѣдѣнія о жизни и дѣятельности генераловъ: М. Г. Власова и Ю. И. Кацырева. «Главныя правила Кацырева въ походахъ,—читаемъ мы въ книгѣ г. Захарьина,—были скрытность сбора, секретные марши, внезапность нападенія и ударъ рѣшительный. Онъ никогда не держалъ войска въ виду; бо̀льшая часть ихъ была расположена по квартирамъ въ ближайшихъ селеніяхъ; нѣкоторыя части стояли лагеремъ гдѣ-нибудь въ секретныхъ мѣстахъ и тотчасъ перемѣняли стоянку, если Кацыревъ замѣчалъ, что черкесы узнавали о ней. Самъ же онъ не жалѣлъ средствъ на лазутчиковъ и заранѣе узнавалъ рѣшительно все, что затѣвалось у черкесовъ».

Сказавъ о дѣятельности капитана Якубовича и полковника Подпрядова, г. Захарьинъ приводитъ изъ сочиненія В. А. Потто «Кавказская война» описаніе Черноморья подъ управленіемъ ген. Власова и заканчиваетъ первую часть второй книги выдержками изъ «Исторіи войны и владычества русскихъ на Кавказѣ», Н. Ѳ. Дубровина,—объ увольненіи А. П. Ермолова.

Описаніемъ быта татаръ, взятымъ изъ упомянутаго сочиненія Н. Ѳ. Дубровина, начинается в т о р а я часть в т о р о й книги; затѣмъ отведено мѣсто описанію мюридизма—ученія, породившаго въ горцахъ глубокую ненависть къ русскимъ и тормозившаго окончательное завоеваніе и умиротвореніе Кавказа.

Приведя изъ сочиненія В. А. Потто («Кавказская война») выдержки о покореніи карачаевцевъ и о Койсубулинской экспедиціи, г. Захарьинъ помѣстилъ изъ книги Н. Ѳ. Дубровина описаніе геройскаго подвига рядового Тенгинскаго полка Архипа Осипова; за описаніемъ подвиговъ генерала Засса слѣдуетъ кавказская быль: «Смерть Слѣпцова»,—разсказъ Н. Д. Ахшарумова; далѣе напечатано стихотвореніе Лермонтова «Валерикъ»; изъ газеты «Кавказъ» помѣщена статья «Три безвѣстныхъ героя», повѣствующая о подвигѣ юнкера Чаевскаго, унтеръ-офицера Невѣрова и рядового Семенова, взорвавшихъ мину и погибшихъ вмѣстѣ съ непріятелемъ при штурмѣ Гергебиля; потомъ приведено описаніе мужественной защиты укрѣпленія Ахты въ 1848 г.—изъ «Чтенія для солдатъ» и подвига кн. Андроникова—изъ журнала «Художественный Вѣстникъ».

Описанію отважныхъ подвиговъ Хаджи-Мурата авторъ предпосылаетъ слѣдующее вступленіе: «Во время бывшей Кавказской войны не мало истинныхъ героевъ появлялось и среди храбрыхъ горцевъ. Преданія, легенды и даже пѣсни, сложенныя про многихъ изъ таковыхъ героевъ, еще и до сихъ поръ живутъ среди жителей въ аулахъ Дагестана. Одно изъ первыхъ мѣстъ въ этихъ легендарныхъ разсказахъ занимаетъ, безспорно, Хаджи-Муратъ, одинъ изъ аварскихъ наибовъ, соединившій въ лицѣ своемъ почти все, что долженъ былъ имѣть, по понятію горцевъ, истинный герой: высокій ростъ и громадную физическую силу, красоту лица, беззавѣтную храбрость и отвагу, сильное самолюбіе и не менѣе сильное чувство мести». Статья: «Въ плѣну у черкесовъ»—составляетъ отрывокъ изъ повѣсти гр. Л. Н. Толстаго «Кавказскій плѣнникъ»; вслѣдъ за нею перепечатана изъ «Энциклопедическаго Словаря» Брокгауза и Эфрона біографія кн. А. И. Барятинскаго.

Главнымъ и самымъ энергичнымъ виновникомъ окончанія войны на Кавказѣ былъ генералъ Н. И. Евдокимовъ. Сообщивъ главнѣйшіе моменты изъ жизни этого выдающагося генерала, г. Захарьинъ заканчиваетъ свой сборникъ (иначе и нельзя назвать его книгу) перепечаткою своихъ статей: «Шамиль въ русскомъ плѣну»—изъ статьи: «Поѣздка къ Шамилю въ Калугу въ 1860 г.», напечатанной въ «Вѣстникѣ Европы», августъ 1898 г. и «Встрѣча съ сыномъ Шамиля и его разсказъ объ отцѣ», напечатанной въ августовской книгѣ нашего журнала за прошлый, 1901 годъ.

Таково содержаніе новой книги г. Захарьина.

Н. К-ш-ъ

*) «Кавказская война въ отдѣльныхъ очеркахъ, эпизодахъ, легендахъ и біографіяхъ».

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1902 г.

ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1901 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **безплатно**.

Издатель **С. Зыковъ**. Редакторъ **Н. Дубровинъ**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXIII-й. ФЕВРАЛЬ. 1902 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневники В. А. Жуковскаго. Сообщилъ И. А. Бычковъ.
2) Портретъ Николая Васильевича Гоголя. Грав. И. И. Хелмицкій.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1902 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ въ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Большая Подьяческая, № 39.
1902.

II-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го февраля 1902 года.

Библіографическій листокъ.

Письма Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шенрока. Въ четырехъ томахъ. Спб. Изд. А. Ф. Маркса.

В. И. Шенрокъ, составившій себѣ извѣстность трудами, касающимися жизни Гоголя и его твореній, выпустилъ подъ своею редакціею рассматриваемые нами четыре тома писемъ нашего знаменитаго писателя.

Это изданіе, хотя и заключаетъ въ себѣ всѣ до сихъ поръ опубликованныя письма Н. В. Гоголя, но все-таки не можетъ быть названо безусловно полнымъ, такъ какъ возможно, что нѣкоторыя письма и понынѣ продолжаютъ оставаться подъ спудомъ; во всякомъ случаѣ собраніе г. Шенрока должно быть признано самымъ полнымъ изъ существующихъ.

Что касается самаго текста писемъ, то г. Шенрокъ отнесся къ своей работѣ съ обычной ему добросовѣстностью и не пожалѣлъ труда для провѣрки писемъ по подлинникамъ, хотя и выполнилъ это не безусловно отчасти потому, что подлинники нѣкоторыхъ писемъ утрачены, отчасти вслѣдствіе продолжительнаго закрытія Румянцовскаго музея и по нѣкоторымъ другимъ причинамъ: такъ В. И. Шенрокъ выражаетъ въ своемъ предисловіи крайнее сожалѣніе по поводу того, что покойная княгиня А. В. Голицына, въ силу страннаго завѣщанія графини А. Е. Толстой, отказала ему въ провѣркѣ по подлинникамъ писемъ Гоголя къ Толстымъ [1].

Порядокъ въ изданіи писемъ принятъ строго хронологическій, какъ единственный удовлетворяющій требованіямъ научныхъ изслѣдованій, для которыхъ и предназначается это собраніе. Извѣстно, что въ числѣ писемъ Гоголя встрѣчается значительное количество не имѣющихъ годовой, а иногда и вовсе какой бы то ни было даты; эта сторона работы потребовала упорныхъ усилій, при чемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ особенности въ отношеніи небольшихъ записокъ и короткихъ мало содержательныхъ писемъ, не имѣющихъ въ себѣ никакихъ опредѣленныхъ указаній, г. Шенрокъ даетъ лишь приблизительное опредѣленіе времени, къ которому они должны быть отнесены. При разнорѣчіи текста писемъ, редакторомъ приведены варіанты.

Не давая описанія формата писемъ, указанія цвѣта бумаги и прочихъ мелочей, касающихся внѣшности писемъ, г. Шенрокъ отвергаетъ и якобы Гоголевское «правописаніе», котораго въ сущности и не было, и только въ нѣкоторыхъ, и то немногихъ мѣстахъ, отмѣчаетъ выдающіяся странности.

---

[1]) Г-жа Голицына ссылалась въ своемъ отказѣ на то, что она была не совсѣмъ согласна и на первоначальное напечатаніе писемъ въ «Сборникѣ въ память Юрьева» и въ «Русской Старинѣ» и не желала повторить свою «ошибку» еще разъ.

Первый томъ заключаетъ въ себѣ: I. Полтавскія и нѣжинскія письма. Дѣтскія письма Гоголя отъ 1820 г. до марта 1825 г. отличаются, какъ и естественно, крайней элементарностью содержанія: въ нихъ Гоголь проситъ у родителей денегъ, книгъ, полотна для театра; сообщаетъ о своихъ успѣхахъ въ рисованіи; освѣдомляется о томъ, когда родители пріѣдутъ навѣстить его. Послѣ смерти отца, весной 1825 г., характеръ и содержаніе писемъ совершенно измѣняются: замѣтно, что въ душѣ юноши произошелъ переломъ, и онъ начинаетъ быстро созрѣвать. II. Петербургскія письма 1829—36 годовъ. Извѣстно, что въ Петербургъ Гоголь ѣхалъ съ надеждами, въ которыхъ ему пришлось разочароваться. Неудовлетворенный въ самыхъ задушевныхъ и горячихъ мечтахъ, онъ вскорѣ увлекается новымъ юношескимъ порывомъ и, взявъ деньги, присланныя матерью въ Опекунскій совѣтъ, отправляется за границу; здѣсь снова повторяется въ душѣ Гоголя то же, что испыталъ онъ недавно въ Петербургѣ: также пришлось спуститься съ облаковъ на землю; въ самомъ тяжеломъ настроеніи духа Гоголь интересуется иностранными обычаями, искусствомъ и просто будничнымъ теченіемъ жизни. Но приходится возвратиться въ Петербургъ, терпѣть снова гнетъ безпощадныхъ житейскихъ заботъ, принимать не особенно охотно оказываемую помощь со стороны дяди А. А. Трощинскаго. Наконецъ, должность получена, но самое незначительное жалованье не вознаграждаетъ за трудъ мертвящій и отнимающій много времени. Познакомившись съ Дельвигомъ и ставъ сотрудникомъ его «Литературной Газеты», Гоголь знакомится съ Жуковскимъ, Плетневымъ, Пушкинымъ и изъ душнаго департамента переносится въ свѣтлый міръ мысли и чувства, вступивъ въ дружеское общеніе съ первоклассными представителями литературы. Со вступленіемъ въ литературный кругъ, въ Н. В. совершается знаменательный переломъ, отражающійся въ письмахъ явнымъ подъемомъ духа. Въ письмахъ 1831 года чувствуется тонъ увѣренности въ себѣ,—тонъ человѣка опытнаго и по праву пользующагося разнообразными успѣхами. Не безъ гордости онъ сообщаетъ уѣхавшему на Кавказъ другу своему Данилевскому: «все лѣто прожилъ я въ Павловскѣ и Царскомъ Селѣ. Почти каждый вечеръ собирались мы: Жуковскій, Пушкинъ и я». «Вечера на хуторѣ» доставляютъ ему первое упоеніе большаго успѣха.

Хлопоты о занятіи каѳедръ (вмѣстѣ съ Максимовичемъ) во вновь открытомъ Кіевскомъ университетѣ Св. Владиміра даютъ главное содержаніе письмамъ 1834 года. Потерявъ надежду на каѳедру въ Кіевѣ и устроившись въ Петербургскомъ университетѣ, Гоголь продолжаетъ нѣкоторое время переписываться съ Максимовичемъ, получившимъ каѳедру въ Кіевѣ, давая ему совѣты и прося протекціи для

Н. Гоголь

...ъ началѣ XIX в...

...деи,
...хъ отъ
...Вильнѣ
...личности,
...были поляки,

[1]) См. „Русскую Старину“, январь 1902 г.

Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка.

XVII [1]).

Броженіе умовъ въ Западныхъ губерніяхъ.—Характеристика населенія Литвы: шляхта и ея значеніе.—Командированіе М. Л. Магницкаго въ Вильну.—Инструкція, ему данная.—Газета „Литовскій курьеръ".—Отношеніе Виленскаго университета къ печати и цензурѣ.—Состояніе общества.—Поклоненіе Наполеону и его отношенія къ полякамъ.—Предложеніе кн. Чарторыйскаго императору Александру I возстановить Польшу и объявить себя королемъ.—Участіе императора Александра въ созданіи герцогства Варшавскаго.—Записка Нѣмцевича.—Внутреннее устройство герцогства.—Дѣятельность Варшавскаго Общества любителей наукъ.

Дѣятельность князя Чарторыйскаго, Ѳ. Чацкаго, Колонтая и компаніи по воспитанію юношества и покровительство тому императора Александра давало полякамъ поводъ предполагать, что государь пойдетъ и далѣе по пути политическаго ихъ освобожденія.—Надо было воспользоваться этимъ, надо было помочь осуществленію этой великой идеи, и въ концѣ 1803 года въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, стало замѣчаться нѣкоторое броженіе. Въ Вильнѣ появились заграничные эмиссары, разныя подозрительныя личности, распространялись брошюры и листки, авторами которыхъ были поляки,

[1]) См. „Русскую Старину", январь 1902 г.

жившіе въ Парижѣ и смущавшіе своихъ соотечественниковъ «разными химерическими воображеніями» [1]).

На сдѣланный по этому поводу запросъ, литовскій военный губернаторъ Л. Л. Беннигсенъ отвѣчалъ министру внутреннихъ дѣлъ, что возникшіе въ Вильнѣ объ этомъ слухи справедливы только отчасти. Въ октябрѣ 1803 г. варшавскій губернаторъ Келлеръ увѣдомилъ Беннигсена, что въ Варшаву прислано изъ Парижа болѣе 20 пакетовъ, адресованныхъ къ разнымъ лицамъ, живущимъ въ Литвѣ и другихъ губерніяхъ. Когда одинъ изъ пакетовъ былъ вскрытъ, то въ немъ оказалось печатное сочиненіе на польскомъ языкѣ, въ которомъ выхвалялись поступки Закревскаго, бывшаго въ послѣднюю польскую революцію президентомъ г. Варшавы, «и нелѣпыя ругательства россіянъ и даже на священную особу блаженной памяти государыни императрицы Екатерины Алексѣевны» [2]).

Полученные отъ Келлера конверты Беннигсенъ оставилъ у себя, но не ручался за то, что подобныя брошюры могли проходить и иными путями. «При этомъ случаѣ,—писалъ Беннигсенъ,—позвольте мнѣ, ваше сіятельство, изъявить вамъ мнѣніе, какое имѣю я о характерѣ обывателей литовскихъ, коихъ разсмотрѣть вблизи имѣлъ довольно времени и случаевъ, будучи нѣсколько лѣтъ по воинской и гражданской службѣ въ семъ краѣ.

«Жители Литвы, а особливо дворяне, любятъ новости до чрезвычайности, и едва-ли есть бо́льшее для нихъ удовольствіе какъ слышать вѣсть и пересказывать ее другимъ, хотя бы оная была самая нелѣпая; и какъ въ Вильнѣ всегда, а особливо зимою, находится много дворянъ живущихъ безъ всякаго дѣла, то не проходитъ почти день, чтобы не разнеслась по городу какая новость, которая, переходя отъ одного къ другому, увеличивается до безконечности, поелику всякій къ слышанному прибавляетъ еще отъ себя что-нибудь; словомъ, иногда пронесутся вѣсти о такихъ происшествіяхъ, какихъ по порядку въ натурѣ вещей быть не можетъ.

«Сіи новости есть забавою и такъ сказать пищею праздныхъ людей, въ Вильнѣ живущихъ. Но, поелику въ числѣ оныхъ не разносилось еще ничего такого, что̀ бы оскорбляло правительство, или означало мысли склонныя къ нарушенію спокойствія, то я и не видѣлъ надобности за пустыя сказки поступать съ кѣмъ-либо строго, зная, что подобныя бредни обыкновенно сами собою на другой, а по крайней мѣрѣ на третій день уничтожаются.

«Впрочемъ,—прибавлялъ Беннигсенъ,—я не упускаю ни одного сред-

[1]) Отношеніе гр. Кочубея Беннигсену 12-го декабря 1803 г. Арх. деп. полиціи д. № 2.

[2]) Отношеніе Беннигсена гр. Кочубею 31-го декабря 1803 г. тамъ же.

ства, могущаго открыть мнѣ заблаговременно какое-либо предпріятіе и даже мысль къ оному, и если бы оказался хотя видъ дурнаго предначинанія, то не медля ни минуты приказалъ бы я арестовать подозрительныхъ, изыскалъ виновныхъ и предпріемлемый умыселъ постарался всѣми силами истребить при самомъ его порожденіи».

Такому заявленію и обѣщаніямъ не вѣрили въ Петербургѣ, такъ какъ извѣстно было, что многіе литовскіе помѣщики имѣли имѣнія въ Пруссіи и постоянно поддерживали сношеніе съ Варшавою и своими соотечественниками разными путями. Въ числѣ ихъ былъ и виленскій губернскій маршалъ Бржостовскій. Не спрося разрѣшенія, онъ издалъ печатныя публикаціи, въ которыхъ приглашалъ своихъ соотечественниковъ къ пожертвованіямъ на выкупъ польскихъ плѣнныхъ, оставшихся въ разныхъ мѣстахъ Сибири, еще съ Барской конфедераціи, бывшей въ 1768 г. [1]). Такое странное поведеніе маршала обратило на себя вниманіе русскаго правительства, старавшагося разузнать истинное положеніе дѣлъ въ Западныхъ губерніяхъ Россіи и вообще ознакомиться съ положеніемъ края. Собранныя свѣдѣнія указывали, что присоединенныя отъ Польши области населены: Литва—литовскимъ племенемъ, Бѣлоруссія—большею частію великороссіянами, а польская украйна—малороссами.

«Виленская и Гродненская губерніи,—сказано въ одной запискѣ [2]), по единоплеменству жителей, по единству языка и вѣры, болѣе прочихъ устраняются отъ сближенія съ Россіею; въ губерніяхъ Бѣлорусскихъ, особливо въ Витебской, нравы начинаютъ измѣняться, почему и можно надѣяться, что оные и вовсе обрусѣютъ; губерніи же Кіевская, Волынская и Подольская, хотя и населены большею частію чистыми малороссіянами грекороссійскаго исповѣданія, но показываютъ нѣкоторые слѣды польскаго недоброхотства къ Россіи.

«Сіе недоброхотство, сія ненависть къ русскимъ, во всей Польшѣ замѣчаемыя, проистекаютъ однако не отъ коренныхъ жителей, во многихъ мѣстахъ соединенныхъ съ нами и вѣрою и единокровіемъ и близкимъ между собою нарѣчіемъ. Источникъ сей ненависти должно искать въ польскихъ семействахъ,—потомкахъ древнихъ завоевателей Россіи».

Эти потомки, постепенно бѣднѣя, образовали тотъ классъ, который извѣстенъ подъ именемъ шляхты, явившейся непримиримымъ врагомъ Россіи. Не отбывая никакихъ повинностей, шляхта жила или на своихъ земляхъ цѣлыми селеніями или на земляхъ помѣщиковъ изъ платежа чинша, или, наконецъ, служила въ домахъ помѣщиковъ за жа-

---

[1]) Письмо Д. Ланскаго гр. В. П. Кочубею 30-го декабря 1803 г. Арх. деп. полиціи 1803 г. д. № 2.

[2]) Арх. канцеляріи Воен. министерства. Св. 44 дѣло № 176.

*

лованье. Въ прежнее время знатные помѣщики употребляли этихъ людей, для пріобрѣтенія большинства голосовъ на сеймахъ, а нерѣдко и для поддержанія какого-либо возмущенія или предпріятія противъ правительства. Мелкая шляхта всегда была орудіемъ вредныхъ покушеній, на что̀ легко и охотно склонялась, будучи обольщаема деньгами и «видами предоставленными имъ дворянствомъ»[1]). Къ этому надо прибавить, что къ шляхтѣ присоединялись въ значительномъ числѣ разночинцы и крещенные евреи, получившіе шляхетство отъ польскихъ королей. «Наконецъ, бродяги и бѣглые стали безбоязненно принимать званіе шляхтичей и еще болѣе умножили число оныхъ».

Опредѣлить число шляхтичей въ польскихъ губерніяхъ было невозможно[2]); но если принять во вниманіе, что шляхтичи были арендаторами, экономами, слугами въ богатыхъ домахъ польскихъ магнатовъ; что ими были заселены цѣлыя деревни, что многія тысячи жили на земляхъ помѣщиковъ, которымъ платили оброкъ или чиншъ, то число ихъ было весьма значительно. Сословіе это имѣло большое вліяніе на политическое положеніе края. При всякомъ движеніи, клонящемся къ отдѣленію польскихъ провинцій отъ Россіи, шляхта была лучшимъ проводникомъ и становилась во главѣ противниковъ русскаго правительства. Къ содѣйствію ея обращались всѣ коноводы возмущенія и заграничные эмиссары.

Въ 1805 году до Петербурга дошли слухи, что французское правительство, въ намѣреніи возмутить наши польскія провинціи, избрало къ тому своими агентами графа Октавія Потоцкаго, графа Шуазёля-Гуфье и литовскаго помѣщика Володкевича, пріѣхавшаго подъ именемъ генерала Ганри, съ адъютантомъ его Ларошемъ.

Для повѣрки этихъ слуховъ и разслѣдованія дѣла былъ отправленъ по высочайшему повелѣнію въ Вильну коллежскій совѣтникъ М. Л. Магницкій. Ему поручено было арестовать Ганри и Лароша, забрать всѣ бумаги и отправить ихъ самихъ въ Петропавловскую крѣпость. Магницкому предписано было разузнать, дѣйствительно ли графы Потоцкій и Шуазёль-Гуфье состоятъ агентами Наполеона, и если это окажется справедливымъ, то ихъ также арестовать и отправить въ Петербургъ, для содержанія въ крѣпости.

---

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ волынскаго губернатора Комбурлея 20-го февраля 1810 г. № 10.

[2]) Антонъ Марцинкевичъ въ своей запискѣ 16-го апрѣля 1807 года о шляхтѣ говоритъ, что въ одной Могилевской губерніи было 13.515 мужчинъ и 12.054 женщины. (Арх. минис. внутрен. дѣлъ департ. общихъ дѣлъ, дѣло № 95). Въ 1810 году въ Волынской губерніи считалось шляхты до 33 т. душъ.

«Прибывъ въ Вильну,—писалъ графъ Кочубей Магницкому[1]), вы остановитесь въ трактирѣ и по содержанію подорожной вашей вы о себѣ сказать можете, что вы отправляетесь за границу и именно къ арміи генерала Михельсона».

Устроившись такимъ образомъ, Магницкій долженъ былъ обратиться къ губернатору Рикману, передать ему письмо гр. Кочубея и просить содѣйствія въ исполненію порученнаго ему дѣла и получить отъ него свѣдѣнія «о расположеніи умовъ въ губерніи, ему ввѣренной».

При этомъ министръ внутреннихъ дѣлъ обращалъ вниманіе Магницкаго на то, что виленская полиція подозрѣвается въ неблагонадежности и въ случаѣ, если это окажется справедливымъ, то ему поручено было требовать отъ губернатора, чтобы люди подозрительные были удалены немедленно.

Еще до отъѣзда Магницкаго, было получено донесеніе Михельсона, что совѣтникъ Баумъ присланъ отъ австрійскаго правительства въ Вильну, для открытія слѣдовъ «вредныхъ замысловъ» агентовъ Наполеона. Поэтому Магницкому поручено было войти въ сношеніе съ Баумомъ и дѣйствовать съ нимъ заодно.

Прибывъ 12-го ноября въ Вильну, Магницкій не нашелъ тамъ указываемыхъ ему лицъ. О графѣ Октавіѣ Потоцкомъ губернаторъ совсѣмъ ничего не зналъ. Оказалось, что Потоцкій, Шуазёль и братъ его Рауль жили въ своихъ имѣніяхъ въ четырехъ миляхъ отъ Вильны, а Володкевичъ уѣхалъ въ свое имѣніе въ Минской губерніи. Сдѣлавъ распоряженія объ арестованіи Володкевича и доставленіи его въ Вильну со всѣми бумагами, Магницкій и губернаторъ Рикманъ поручили исправнику наблюдать за Шуазёлемъ и доставлять имъ ежедневно свѣдѣнія объ его поведеніи и образѣ жизни.

Въ ожиданіи результатовъ своихъ распоряженій, Магницкій обратилъ вниманіе на положеніе края и его жителей.

«Цензура, университету присвоенная,—доносилъ онъ [2]),—представляетъ, по моему мнѣнію, неудобство. Здѣсь печатается газета, на польскомъ языкѣ издаваемая и называемая «Литовскій курьеръ». Она выходитъ безъ вѣдома полиціи. И въ то время какъ здѣшній почтамтъ имѣетъ предписаніе удерживать газеты чужестранныя, огорчительными для народа извѣстіями наполненныя,—собственная наша газета «Литовскій курьеръ» провозглашаетъ побѣды французовъ, съ невѣроятнымъ увеличеніемъ исчисляетъ потери и бѣдствія нашихъ союзниковъ и однимъ словомъ не прямо, не открыто, но довольно ясно обѣщаетъ

---

[1]) Секретное предписаніе гр. Кочубея Магницкому, 4-го ноября 1805 г. Арх. департ. полиціи, 1-й экспедиціи дѣло № 6.

[2]) Секретное собственноручное донесеніе Магницкаго графу Кочубею, 14 го ноября 1805 г. Тамъ же.

здѣшнему краю скорое приближеніе французовъ. И отъ одного конца губерніи до другаго ничего не слышно, кромѣ сихъ извѣстій. На почтахъ, въ селеніяхъ, въ трактирахъ, вездѣ, гдѣ въ проѣздъ мой ни спрашивалъ я о новостяхъ, меня увѣряли, что Бонапарте находится уже за четыре почты отъ Вильны».

Каждый печаталъ все, что хотѣлъ: ябеды, статьи, направленныя противъ личности или правительства. Если губернаторъ замѣчалъ какую-нибудь вредную книгу, то, чтобы задержать ее, онъ долженъ былъ сноситься съ цензурнымъ комитетомъ и пока получалъ онъ него отвѣтъ, то тысячи экземпляровъ сочиненія успѣвали быть распроданными.

«Монастыри,—писалъ Магницкій,—всегда бывшіе въ Польшѣ гнѣздомъ заговоровъ,—имѣютъ свои типографіи и печатаютъ все съ дозволенія университетской цензуры. Между прочимъ, монастырь такъ называемый Піяристовъ, напечаталъ однажды, по отношенію секретаря дворянскаго собранія, переводъ новоизданнаго тогда положенія о земскихъ повинностяхъ. Губернаторъ принужденъ былъ запретить оный и послать отобрать напечатанные экземпляры; ибо если типографіи присвоятъ себѣ право обнародовать акты правительства, то могутъ, при случаѣ, издать и ложный, или какого-либо рода прокламацію.

«Основываясь на сихъ положительныхъ уваженіяхъ, утвердительно, кажется, заключить можно, что здѣшняя цензура должна быть подчинена губернатору. Не лишая университета правъ его, можно ему оставить всю ученую часть, поруча губернатору всѣ прочія книги и разнаго рода изданія, ибо иначе какимъ образомъ можетъ губернаторъ отвѣтствовать за вредныя разглашенія газетъ, за опасное распространеніе противу общественныхъ мнѣній и проч. Съ другой стороны цензура университета, обыкновенно составленная изъ нѣсколькихъ человѣкъ, совершенно удаленныхъ отъ общества, ни духа правительства, ни приличія не знающихъ, какимъ образомъ можетъ догадываться, въ какомъ смыслѣ хочетъ правительство направлять духъ народный; къ чему намѣрено оно готовить общее мнѣніе? Каждый губернаторъ, по ближайшимъ сношеніямъ его съ центральнымъ правительствомъ, по внушеніямъ, ему дѣлаемымъ отъ министерства, и вообще по обширнѣйшему кругу гражданскаго бытія его, конечно, просвѣщеннѣе всякаго профессора въ семъ отношеніи».

Стараясь собрать свѣдѣнія о краѣ, Магницкій велъ разсѣянную жизнь въ Вильнѣ, заводилъ знакомства и увѣрялъ всѣхъ, что, въ продолжительную бытность его во Франціи, онъ имѣлъ связи съ поляками, тамъ живущими, и пользовался ихъ довѣріемъ. Въ Вильнѣ же онъ поставилъ себѣ правиломъ «все слушать и ничего не говорить» [1]). Та-

[1]) Собственноручная секретная записка Магницкаго, отъ 29-го ноября 1805 г. Арх. департамента полиціи д. 1805 г. № 6.

кимъ путемъ онъ узналъ, что полиціи не было извѣстно кто живетъ въ городѣ, наполненномъ людьми безпаспортными, и что разбойники были пойманы съ паспортами военнаго губернатора. Въ такъ называемыхъ казино или клубахъ пили за здоровье Наполеона, разсказывали разныя непозволительныя мнѣнія о наслѣдіи русскаго престола, и большинство относилось недоброжелательно къ русскому правительству. Но все это, по замѣчанію одного лица, долго жившаго въ Вильнѣ, могло повести лишь къ частнымъ вспышкамъ, но не ко всеобщему возстанію.

«Въ присоединенныхъ отъ Польши областяхъ,—писало это лицо [1]),—не можно ожидать всеобщаго возмущенія безъ сильнаго посторонняго пособія.

«Предшествовавшія послѣдней революціи обстоятельства за то ручаются. Гдѣ нѣтъ согласія между двумя семействами; гдѣ каждый хочетъ управлять, а не повиноваться; гдѣ собственность всегда приносилась на жертву исканіямъ и тщеславію, а не на оборону публичныхъ дѣлъ и общаго благосостоянія, тамъ не можетъ быть общей рѣшимости на предпріятіе важное и опасное.

«Трудно привести въ дѣйство заговоръ частный. Много приготовленій, долгое время, движеніе большихъ капиталовъ на сіе потребно.

«Сварливость, непостоянство и нескромность народнаго характера всякому тайному предпріятію вредить будутъ. Полякъ свободенъ и дерзокъ на словахъ, но робокъ въ дѣйствіи. Рѣчи вольныя, разговоры краснорѣчивые и его увлекающіе сильно дѣйствуютъ на его воображеніе и воспламеняютъ оное, но не на долго.

«Есть нѣкоторая часть націи довольная и благомыслящая, но она малочисленна. Правосудіемъ и порядкомъ можно ее умножить.

«Есть большая часть людей недовольныхъ и не благопріятствующихъ правительству.

«Трудно исчислить причины ихъ побужденій, но вѣроятнѣйшими полагать можно: нѣкоторую неопредѣлительность въ понятіи о благѣ общественномъ и старинную привязанность къ власти и своевольству.

«Они до нынѣ сѣтуютъ, что прошли тѣ времена, когда управлялись они сами собою; когда сильному можно было придти, разорить слабаго сосѣда и сжечь домъ его, сказавъ: пришелъ мнѣ позывъ. Праздность и политическая ничтожность внутренно ихъ уничтожаютъ.

«Имъ прегражденъ, по ихъ мнѣнію, путь къ славѣ и отличіямъ; ибо генераловичъ (т. е. сынъ генерала), воеводовичъ, полковниковичъ и пр. не хочетъ начать службы съ сержантскаго чина, остается въ своемъ кругу въ прежнемъ званіи и часто съ прискорбіемъ чувствуетъ ничто-

[1]) Выписка изъ замѣчаній одного наблюдателя духа и свойствъ польскаго народа. Тамъ же.

жность онаго, въ сравненіи съ россійскими чиновниками. Ничтожность стараются они облагородствовать богатствомъ и всѣ силы, всѣ способы направляютъ на пріобрѣтеніе онаго.

«Нельзя ручаться, чтобы не было частнаго возстанія. Праздная и развратная толпа молодыхъ людей, кои наводняютъ здѣшнія губерніи, легко увлекается палестринтами (адвокатами), коихъ во всей Польшѣ множество и которые всегда подстрекали недовольныхъ и воспламеняли умы.

«Мѣстное начальство видѣть, предупреждать и уничтожать предпріятія сіи можетъ. Но оно не имѣетъ достаточныхъ способовъ, надлежащихъ свѣдѣній и чрезмѣрно слабо».

Сообщая всѣ эти свѣдѣнія министру внутреннихъ дѣлъ, Магницкій долженъ былъ сознать, что цѣль командированія его въ Вильну не увѣнчалась успѣхомъ. Посланный арестовать Володкевича не нашелъ его въ имѣніи: онъ уѣхалъ во Францію и поступилъ въ армію Наполеона, а Шуазёль-Гуфье переѣхалъ на жительство въ Вильну, живъ скромно и тихо. По наблюденіямъ самого Магницкаго, это былъ человѣкъ «весьма тихій, робкій, слабый, довольно, какъ кажется, благомыслящій, управляемый женою и совершенно ничтожный».

Въ общемъ Магницкій вывезъ изъ Вильны впечатлѣніе о всеобщемъ недовольствѣ. «При первомъ взглядѣ,—говоритъ онъ,—пріѣхавшій изъ Россіи въ Польшу поражается великимъ числомъ недовольныхъ». Злоупотребленія, вкравшіяся въ сію губернію, насилія и притѣсненія, отъ слабости управленія происходящія, и наконецъ нѣкоторая надежда на обѣщанія Франціи, поддерживаемая выѣзжающими оттуда поляками, и разные слухи изъ Галиціи и Прусской Польши, въ частыхъ перепискахъ къ нимъ доходящіе волновали поляковъ. Мысль о возстановленіи Польши укрѣпилась успѣхами французовъ. «Вся варшавская переписка наполнена сею надеждою и разными о томъ предположеніями».

Въ Вильнѣ проживало много лицъ, обращавшихъ на себя вниманіе правительства, какъ по прежнимъ своимъ поступкамъ, враждебнымъ Россіи, такъ и по вредному ихъ вліянію на дѣла губерніи [1]). Такія

[1]) Таковыми, по мнѣнію Магницкаго, были: префектъ стараго казино Томашевскій, извѣстный злодѣяніями своими, во время революціи, осквернявшій храмы и публично ратовавшій противъ таинствъ религіи. Хорунжій Варвецкій, избранный, по взятіи Костюшки, его преемникомъ; человѣкъ умный, имѣющій большую довѣренность въ народѣ и даже называемый польскимъ богомъ. Генералъ-маіоръ Каховскій, извѣстный дерзостью своею на счетъ всѣхъ дѣйствій правительства и его представителей; адвокатъ всѣхъ недовольныхъ. Уѣздный маршалъ Антоній Ляхницкій, засѣдавшій нѣкогда въ томъ революціонномъ комитетѣ, который приговорилъ къ смерти Коссаковскаго, подписавшій приговоръ и бывшій при его казни, но умѣвшій не только избѣгнуть

лица, дѣйствуя въ одномъ направленіи, обнаруживали свое недоброжелательство къ тогдашнему порядку вещей, при всякомъ случаѣ показывали пренебреженіе къ дѣйствіямъ правительства, осмѣивали его, распускали разные вредные слухи и тѣмъ угождали обществу. Они дѣлали это тѣмъ безнаказаннѣе, что русская власть не знала ничего, что̀ происходило въ городѣ и краѣ. Прокламаціи и разнаго рода листки распространялись открыто и всегда были написаны въ пользу Наполеона, отъ котораго большинство поляковъ ожидало возстановленія своего отечества.

Еще до Аустерлицкаго сраженія, въ Варшавѣ явился тайный агентъ Наполеона, который старался подготовить населеніе въ пользу императора Франціи, заявленіемъ, что въ ближайшемъ будущемъ онъ имѣетъ намѣреніе возстановить Польшу.

Составивъ себѣ оплотъ противъ Австріи, въ лицѣ италіанскихъ королевствъ и республикъ, противъ Германіи—образованіемъ Рейнскаго союза, Наполеонъ думалъ сдѣлать изъ Польши то же самое относительно Россіи. Если, въ дѣйствительности, возстановленіе Польши въ ближайшемъ будущемъ было дѣломъ несбыточнымъ, или по крайней мѣрѣ очень труднымъ, то все-таки имѣть на своей сторонѣ поляковъ и пользоваться ихъ услугами было конечно выгодно.

Употребляя лесть и давая обѣщанія, питавшія желанія поляковъ, Наполеонъ пріобрѣлъ себѣ въ нихъ преданнѣйшихъ слугъ. Надежды поляковъ на Наполеона были искренни, и они толпами спѣшили въ ряды французской арміи, проливали кровь и грудью отстаивали интересы Франціи. Польскіе легіоны участвовали почти во всѣхъ побѣдахъ и завоеваніяхъ Наполеона и отличались своею храбростью.

Съ своей стороны императоръ Франціи поступалъ съ ними совершенно беззастѣнчиво: во время войны онъ пользовался услугами и храбростью поляковъ, а во время мира распоряжался польскими легіонами, какъ своею собственностію. Одну часть ихъ онъ подарилъ королевѣ Этрусской, другую послалъ неаполитанскому королю, а третью переправилъ на островъ Санъ-Доминго. Поляки слѣпо повиновались своему деспоту, не видѣли обмана и самаго грубаго неиспол-

---

наказанія, которому правительство наше подвергало всѣхъ его сообщниковъ, но и сохранить имѣніе, быть всегда дружнымъ со всѣми нашими здѣсь начальниками и сдѣлаться маршаломъ. Онъ чрезвычайно хитеръ, скрытенъ и опасенъ. Въ Польшѣ называютъ его польскимъ Сіесомъ. Соболевъ—человѣкъ публично обезчещенный, выкинутый изъ службы, съ повелѣніемъ никуда и никогда не опредѣлять, разграбившій цѣлую губернію въ бытность свою правителемъ канцеляріи при Кутузовѣ, купившій изъ ничего недавно деревню въ 40.000 червонныхъ; правая рука Бржостовскаго, писавшій всѣ его бумаги и безпрестанно тяжбы и ябеды заводящій.

ненія обѣщаній. Въ 1806 году, во время войны Наполеона съ Пруссіею, лишь только французскія войска подошли къ границамъ польскихъ областей, принадлежавшихъ Пруссіи, какъ поляки поднялись противъ пруссаковъ: они прогоняли прусскихъ чиновниковъ, устраивали временное народное правительство, собирали ополченіе. Познань отправила въ Берлинъ депутацію къ Наполеону, которая привѣтствуя его, какъ освободителя Польши, просила его помощи и покровительства.

По мѣрѣ того какъ французскія войска подвигались въ глубь страны, народонаселеніе встрѣчало ихъ съ восторгомъ, но, несмотря на это, съ каждымъ движеніемъ впередъ Наполеонъ и его войска все болѣе и болѣе разочаровывались въ полякахъ и не находили того, чего ожидали.

«Берлинскіе жители,—говоритъ одинъ изъ участниковъ похода [1],—устрашали насъ своими разсказами о Польшѣ. По словамъ ихъ, насъ ожидали лишенія, бѣдность и стужа въ странахъ мало образованныхъ, лишенныхъ всѣхъ удобствъ жизни, населенныхъ бѣднымъ народомъ и неопрятными жидами.

«Еще не доходя Познани, чувствуешь уже, что образованность постепенно уменьшается. Непроходимыя дороги, жалкія хижины, увязшія въ грязи; сухощавые поселяне съ дикими лицами, съ длинными усами, одѣтые въ овчинные шубы—вотъ все, что мы встрѣчали».

Позенъ (Познань), черезъ который проходили французы, состоялъ изъ полуразвалившихся лачугъ и мрачныхъ монастырей среднихъ вѣковъ, посреди коихъ, мѣстами, встрѣчались красивые домы, построенные подъ прусскимъ правленіемъ. Лежавшіе на пути города едва заслуживали названія городовъ. «Здѣсь вы видите однѣ хижины, покрытыя соломою, низкіе шалаши, какъ бы случайно соединенные посреди дикой пустыни».

Хотя, по прибытіи 15-го (27-го) ноября 1806 г. въ Познань Наполеонъ и проѣхалъ подъ сооруженными для него тріумфальными воротами, на которыхъ было написано: «освободителю Польши», но онъ не думалъ объ этомъ и вообще былъ не особенно доволенъ поляками. Онъ ожидалъ не того, что оказалась въ дѣйствительности. Онъ разсчитывалъ на открытое и полное возстаніе поляковъ, выписалъ къ себѣ Домбровскаго, какъ начальника всѣхъ его польскихъ войскъ, потребовалъ изъ Парижа Костюшку и, не ожидая его пріѣзда, приказалъ напечатать отъ его имени подложное воззваніе, приглашавшее поляковъ къ возстанію. «Мониторъ» и другіе французскіе журналы порицали и называли преступными дѣйствія трехъ державъ, раздѣлившихъ Польшу, столь необходимую, по ихъ словамъ, для благоденствія всей Европы, о которомъ такъ заботился императоръ Наполеонъ. Къ удивленію послѣд-

[1]) Польша въ 1806 и 1831 годахъ, „Русскій Инвалидъ“ 1831 г. №№ 272 и 273.

няго, Костюшко не согласился нарушить слова, даннаго императору Павлу I, не сражаться противъ Россіи, остался въ Парижѣ и объявилъ фальшивымъ воззваніе къ полякамъ, публикованное отъ его имени. «Костюшко сумасшедшій,—писалъ взбѣшенный Наполеонъ своему министру полиціи Фуше,—онъ вовсе не пользуется такимъ значеніемъ между поляками, какъ предполагаетъ».

Эта неудача заставила императора французовъ перемѣнить нѣсколько свое поведеніе: лаская поляковъ, онъ говорилъ депутаціи, что Франція никогда не соглашалась на раздѣлъ Польши, но что для ея возрожденія нужна кровь, кровь и еще кровь; что полякамъ необходимо имѣть 30 или 40 тысячъ своихъ войскъ [1]), и тогда онъ провозгласитъ ихъ независимость въ Варшавѣ.

Но и изъ этого центра польскаго патріотизма были получены не совсѣмъ успокоительныя извѣстія. Моршалъ Даву писалъ Бертье, что хотя общее настроеніе въ Варшавѣ и хорошо, но что лица вліятельныя стараются охладить восторгъ среднихъ классовъ; что ихъ пугаетъ неизвѣстность будущаго и что они не могутъ стать открыто на сторону Франціи, пока Польша не будетъ фактически возстановлена и обезпечена ея независимость. То же самое писалъ Мюратъ самому Наполеону. «Поляки, которые выражаютъ такую осторожность,—отвѣчалъ онъ Мюрату [2]),—и требуютъ обезпеченій для того, чтобы стать на нашу сторону,—эгоисты, которыхъ не воодушевляетъ любовь къ отечеству.

«Я хорошо знаю людей,—прибавлялъ Наполеонъ самонадѣянно и рѣзко. Мое величіе основано не на помощи нѣсколькихъ тысячъ поляковъ. Они должны бы были съ восторгомъ воспользоваться настоящими обстоятельствами, а не мнѣ дѣлать первый шагъ. Пусть они выкажутъ твердую рѣшимость сдѣлаться независимыми, пусть обяжутся поддерживать короля, котораго я имъ дамъ, и тогда я увижу, что надо будетъ дѣлать. Дайте имъ хорошо почувствовать, что я не пришелъ вымаливать престолъ для кого-либо изъ своихъ, у меня нѣтъ недостатка въ престолахъ для моихъ родственниковъ».

Желая образумить и подбодрить поляковъ, Наполеонъ перемѣнилъ тонъ и сталъ ихъ пугать. Бюллетень изъ арміи (№ 36) спрашивалъ: «будетъ ли возстановленъ польскій престолъ? Этотъ великій народъ возникнетъ ли къ новой жизни и независимости? Воскреснетъ ли изъ гроба? Только Богъ, въ рукахъ Котораго судьба вселенной, можетъ рѣшить эту великую политическую задачу». Пока она разрѣшится, Наполеону

---

[1]) Онъ, впрочемъ, не объяснилъ того, какимъ путемъ поляки, бывшіе подъ властью трехъ державъ, могли сформировать такую сильную армію и вооружить ее.

[2]) Вопросъ польскій. А. Н. Поповъ „Русская Старина“ 1893 г. № 3, стр. 678.

все-таки было выгодно и необходимо ласкать поляковъ, чтобы они не перешли на сторону Россіи, и потому въ томъ же бюллетенѣ прибавлялось, что съ возстановленіемъ Польши никогда не было бы событія болѣе достопамятнаго, болѣе достойнаго вниманія. Когда въ бытность императора Франціи въ Познани явилась къ нему депутація изъ Галиціи, то онъ принялъ ее сначала очень сухо, а потомъ такъ польстилъ, что прибывшіе остались въ восторгѣ. Сначала онъ выразилъ удивленіе, что депутаты прибыли къ нему тогда, когда съ Австріею онъ въ мирѣ и добромъ согласіи. Но потомъ среди разговора онъ спросилъ ихъ предводителя дворянства:

— А сколько у васъ на лошадяхъ? Будетъ ли у васъ пѣхота? Запаслись ли вы оружіемъ?

— Государь! у насъ есть руки!—восторженно воскликнулъ спрошенный.

Этотъ отвѣтъ понравился Наполеону, но не увлекъ его. Относясь вообще недовѣрчиво къ польскому энтузіазму и патріотизму, Наполеонъ считалъ все-таки не лишнимъ подогрѣвать то и другое.

— Вижу,—сказалъ онъ депутатамъ,—что не такъ легко погубить цѣлый народъ. Столь постоянная любовь къ отечеству меня приводитъ въ изумленіе. То, что̀ я дѣлаю, дѣлается на половину для васъ, на половину для меня. Но, не будь вашего одушевленія, я не подумалъ бы о васъ. Нужно драться; нужно, чтобы каждый дворянинъ сѣлъ на коня. Отечество ваше требуетъ сабли и крови. Вамъ надо завоевать вновь независимость. Эта война благородная и святая. Погибшій съ оружіемъ въ рукахъ пойдетъ прямо въ рай... Впрочемъ, духовенство ваше станетъ проповѣдывать то же самое. Можетъ быть, ваши несчастія обратятся вамъ во благо. У васъ никогда не было хорошаго правительства. Теперь вы устроитесь мудро и прочно. Это будетъ настоящее воскресеніе мертвыхъ [1]).

Эти слова вызвали всеобщій восторгъ и распространились среди всего польскаго населенія. Закинувъ удочку и среди галиційскихъ поляковъ, Наполеонъ 6-го (18-го) декабря 1806 г. прибылъ въ Варшаву, которая не очаровала его ни своимъ поведеніемъ, ни внѣшностью.

Варшава въ то время представляла смѣсь великолѣпныхъ чертоговъ съ хижинами; площади были немощеныя, предмѣстья тонули въ грязи. Улицы кривыя и узкія, дома, почернѣвшіе отъ времени, съ низкими воротами и толстыми желѣзными рѣшетками въ окнахъ, не могли понравиться жителю Парижа. Не было ни красивыхъ широкихъ улицъ, ни шоссе, ни загородныхъ дачъ, напоминающихъ о близости большаго го-

---

[1]) Изъ воспоминаній барона Баранта «Русскій Арх.» 1890 г. № 10 стр. 223.

рода. Населеніе столицы Польши было также весьма разнообразно. Когда французы вступили въ Варшаву, то дворянство надѣло національный костюмъ и устраивало всевозможныя оваціи императору. Портретъ Наполеона, передъ которымъ преклонялось польское дворянство, какъ передъ идоломъ, красовался на всѣхъ транспарантахъ и иллюминаціяхъ; въ кантатахъ его называли божествомъ (bóstwo polakow) и были вполнѣ увѣрены, что наступилъ часъ возстановленія Польши. Въ этой увѣренности, поляки съ полнымъ радушіемъ доставляли французской арміи обильное продовольствіе и ухаживали за Наполеономъ, не смотря на то, что въ его прокламаціяхъ, которыя отъ его имени составлялъ польскій литераторъ Выбицкій, поляки не находили ничего опредѣленнаго на счетъ судьбы своего отечества. Необходимо замѣтить, что всѣ оваціи исходили исключительно отъ дворянства; шляхтичи же, пользуясь случаемъ, только весело потягивали водку и пили подогрѣтое пиво, а простой народъ оставался безучастнымъ зрителемъ того, что происходило вокругъ его. «Подъ властію дворянъ,—говоритъ участникъ похода [1]),—состоитъ, изнуренный жидами, народъ, коего бѣдность и невѣжество превосходятъ всякое понятіе».

Наполеонъ пробылъ въ Варшавѣ всего пять дней, принялъ знаменитостей «одряхлѣвшей Польши» не какъ собраніе политическихъ дѣятелей, а какъ польскихъ пановъ, пришедшихъ поклониться величію давно уже не виданнаго ими двора [2]).

Ни вопросовъ со стороны пришедшихъ, ни отвѣтовъ со стороны ихъ принявшаго, ни просьбъ со стороны поляковъ, ни обнадеживаній со стороны Наполеона не было, и депутаты приходили для того, чтобы только поклониться «великому и непобѣдимому Наполеону».

Единственнымъ послѣдствіемъ пребыванія послѣдняго въ Варшавѣ былъ призывъ поляковъ къ оружію и народному ополченію. Въ изданномъ по этому поводу воззваніи было сказано, чтобы владѣльцы населенныхъ имѣній явились въ армію, каждый въ сопровожденіи вооруженнаго слуги; престарѣлые должны были выслать кого-либо изъ своихъ родственниковъ; вдовы-помѣщицы—нанять и снарядить одного годнаго для военной службы. Шляхта должна была вооружить по одному человѣку съ десяти сельскихъ домовъ, города—доставить солдатъ къ арміи, снабдивъ ихъ жизненными припасами.

Такимъ образомъ Варшавскій округъ выставилъ 5.000 человѣкъ и 1.200 лошадей. Въ самой Варшавѣ вербовщики ходили съ музыкой

[1]) Польша въ 1806 и 1831 гг. „Русскій Инвалидъ" 1831 г. № 272 и 273.
[2]) Нилъ Поповъ „Варшавское герцогство". „Русскій Вѣстникъ" 1866 г., № 1 стр. 13.

по улицамъ, приглашая охотниковъ поступить въ солдаты, и такимъ путемъ набрали до 600 человѣкъ. Они шли въ армію Наполеона съ энтузіазмомъ, съ музыкою, пѣніемъ и вѣрили, что французскій императоръ дастъ имъ самобытность.

«Да какъ было и не вѣрить этому,—говоритъ Нѣмцевичъ[1]),—когда поляки были поддерживаемы прокламаціями, рапортами министра Талейрана Наполеону, посланіями сего послѣдняго къ блюстительному Сенату и новыми картами Европы, на которыхъ было обозначено царство Польское, какъ самостоятельное государство. Являлся только вопросъ, кто будетъ управлять имъ».

Пользуясь происходившими военными дѣйствіями Франціи съ Пруссіею, Варшавское общество любителей наукъ самовольно отложилось отъ подданства королю прусскому и отправило депутацію къ Мюрату, съ просьбой принять Общество подъ покровительство счастливаго и великаго завоевателя. Такой поступокъ показывалъ ясно стремленіе Общества служить видамъ Наполеона и польскимъ патріотамъ. Служеніе это выразилось политическими трудами Общества, поднимавшими народный духъ и патріотическое чувство поляковъ. Въ Варшавѣ появилась рукопись: «Статистическія свѣдѣнія о Польшѣ, нужныя какъ для тѣхъ, которые захотятъ освобождать Польшу, такъ и для тѣхъ, которые будутъ управлять ею». Этотъ послѣдній вопросъ ожидалъ своего рѣшенія, а между тѣмъ Наполеонъ одержалъ побѣду надъ русскими войсками подъ Фридландомъ и въ рукахъ его были всѣ земли, населенныя поляками, находившимися во власти Пруссіи. Надежды поляковъ на самобытность значительно усилились, и волненія охватили наши Западныя губерніи. Императоръ Александръ поручилъ митрополиту римскихъ церквей въ Россіи Станиславу Сестренцевичу обратиться къ своимъ единовѣрцамъ съ воззваніемъ и успокоить ихъ.

«Поляки!—писалъ онъ. Въ то время, когда вы вкушаете сладость мира при безопасномъ огнищѣ, пользуясь свободно въ служеніи Богу по правиламъ святой нашей вѣры, и даже свободнѣе, нежели въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она именуется господствующею, васъ пробуждаетъ шумъ брани, вы смущаетесь и ищете вокругъ себя оружія. Будьте спокойны! Это свои ратники, стерегущіе главы ваши, и шествующіе для охраненія границъ. Положитесь на прозорливое попеченіе и защиту всепресвѣтлѣйшаго монарха Александра. Уповайте на права и могущество его! Воздадите «кесарева кесареви» (Мат. 22, 21). Оружіе въ рукахъ не умѣющаго имъ владѣть не защи-

---

[1]) Записка Нѣмцевича 14-го іюля 1807 г. Арх. Госуд. Совѣта, дѣла Комитета 1826 г. д. № 240.

тить его, а исторгнутое изъ рукъ гражданина, не воина по предназначенію, послужить противъ него же самого на отомщеніе и смерть его. «Всѣ поднявшіе мечъ мечемъ погибнутъ» (Мат. 26, 52). Вы присягнули нашему государю на вѣрность и повиновеніе. Если данное слово, или письменное обязательство считается въ цѣломъ свѣтѣ залогомъ точнаго исполненія, то во сколько кратъ важнѣе принятыя нами на себя обязанности, во свидѣтельство ненарушимости коихъ мы призываемъ имя Божіе? Вѣроломство было бы омерзительнымъ святотатствомъ передъ Богомъ и людьми. Нарушитель такой присяги солгалъ бы не человѣку, но Богу (Дѣян. Апост. 54).

«Ваши пастыри и духовные учители объясняютъ вамъ безпрерывно эту истину и своимъ примѣромъ вѣрности (?) и преданности (?) стараются побудить васъ къ кротости и повиновенію государю и законамъ. Монархъ надѣется на васъ, что въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ вы постараетесь въ особенности показать любовь и усердіе къ общественному благу, что, не внимая неосновательнымъ навѣтамъ, безбоязненно и мужественно будете шествовать по тому пути, на которомъ до сихъ поръ, подъ сѣнію закона и кроткаго правленія, вы находили покой, неприкосновенность собственности и были участниками благословеннаго счастія Россійскаго государства. Будемъ же служить нашему монарху съ благодарностью, нелицемѣрно и благодаря Бога за всякое благо, ниспосланное намъ черезъ его помазанника. Будемъ молиться за него! «Да будутъ дни его яко дни небесные на землѣ, да поживемъ подъ сѣнію его и послужимъ ему многіе дни, и обрящемъ милость въ очахъ его» [1]).

Воззваніе это, обнародованное въ Вильнѣ 1-го января 1807 года, не оказало желаемаго дѣйствія. Литовское дворянство стало укрывать запасы хлѣба, чтобы сберечь его для ожидаемаго прихода французовъ, и русскія войска терпѣли недостатокъ въ продовольствіи. Въ одной Вильнѣ было закуплено и скрыто въ монастыряхъ до 80 т. четвертей. Въ іюлѣ 1807 года въ Вильнѣ были разсѣяны на польскомъ языкѣ пункты перемирія, будто-бы заключеннаго между Россіею и Франціею, по которымъ граница Россіи отодвигалась за Двину и Днѣпръ, а вслѣдъ затѣмъ былъ распущенъ слухъ, что въ Вильну прибыли два французскихъ генерала съ коммиссарами, для принятія въ свое вѣдомство виленскаго арсенала и коммиссаріата [2]).

Послѣ неудачи нашей подъ Фридландомъ литовско-польскіе патріоты стали открыто выражать нерасположеніе къ Россіи и можетъ быть рѣ-

---

[1]) Историческія замѣтки Павла Кукольника.—„Вѣстникъ Западной Россіи“ 1864 г. № 6 стр. 91 и 92.

[2]) Арх. Государствен. Совѣта, дѣла Комитета 1807 г. дѣло № 57.

шились бы на какое-либо открытое движеніе въ пользу Наполеона, если бы не прослышали о скоромъ заключеніи мира. Двое изъ литовскихъ помѣщиковъ, а именно: Платеръ и Сераковскій отправились въ Тильзитъ, чтобы слѣдить за ходомъ переговоровъ. Они узнали тамъ, что по заключенному мирному трактату только часть польскихъ земель отошла отъ Пруссіи [1]) и получила названіе «Герцогства Варшавскаго», отданнаго во владѣніе королю Саксонскому.

Среди такого хода политическихъ событій князь Чарторыйскій, 5-го декабря 1806 года, писалъ императору Александру:

«Польша, при настоящихъ обстоятельствахъ, главнѣйшимъ образомъ обращаетъ на себя вниманіе двухъ имперій, но совершенно съ различныхъ точекъ зрѣнія. Французы увѣрены въ сочувствіи къ нимъ Польши, она составляетъ для нихъ цѣль, которая возбуждаетъ ихъ мужество, поддерживаетъ упорное стремленіе къ ея достиженію. Въ Польшѣ Бонапартъ найдетъ точку опоры, чтобы побѣдить Россію и проникнуть до самыхъ ея границъ. Удаляясь болѣе и болѣе отъ средоточія своихъ дѣйствій, онъ долженъ бы ослаблять себя; но Польша доставитъ его прозорливому генію, его неутомимой дѣятельности такія же средства, какъ и Франція: народонаселеніе, которое легко возмутить и которое привычно къ оружію, храбрыхъ и опытныхъ офицеровъ, деньги, продовольствіе, любовь къ своей родинѣ, ея чести и свободѣ. Эти чувства способны довести до величайшаго возбужденія, которое, проистекая изъ чистаго источника, не можетъ быть иначе побѣждено, какъ только тою же нравственною силою.

«Для Россіи, напротивъ, поляки составляютъ предметъ безпокойства и постоянныхъ подозрѣній, это—оружіе, которымъ Бонапартъ издали, но постоянно угрожалъ державамъ, раздѣлившимъ между собою владѣнія Польши. Теперь, когда наступило время употребить въ дѣло это оружіе, онъ съ безпокойствомъ относится къ своимъ подданнымъ полякамъ. Напрасно Польша представляетъ всѣ способы для успѣшной войны въ защиту русскаго престола, русское правительство опасается ими воспользоваться; чтобы не возбудить неудовольствія въ народонаселеніи, оно боится употребить въ дѣло своихъ подданныхъ, чтобы они не обратились противъ него, и эта страна обречена ожидать вторженія въ нее французовъ, чтобы Бонапартъ воспользовался ея средствами.

«При настоящемъ положеніи дѣлъ, Польша настолько уменьшаетъ могущество Россіи, ея физическія и нравственныя силы, насколько увеличиваетъ могущество и силы Франціи.

---

[1]) Другая менѣе значительная часть, подъ названіемъ Бѣлостокской области, была присоединена къ Россіи, „для поставленія между нею и герцогствомъ Варшавскимъ сколько возможно естественныхъ границъ“.

«Если благоразумная политика предписываетъ увеличивать свои собственныя средства и уменьшать средства врага, то, безъ сомнѣнія, необходимо измѣнить такое положеніе дѣлъ и установить совершенно противоположныя отношенія Польши какъ къ Франціи, такъ и къ Россіи. Для того, чтобы этого достигнуть, представляется только одно средство: торжественно объявить возстановленіе Польши и себя ея королемъ, на вѣчно со всѣми своими преемниками.

«Послѣдствія этого поступка, столь же великодушнаго, сколько и мудраго политически, были бы неисчислимы. Онъ возбудитъ всеобщій восторгъ въ сердцахъ всѣхъ поляковъ, которые только того и желаютъ,—благодарность и любовь за исполненіе ихъ желаній соединить вокругъ престола всѣ ихъ чувства и всѣ ихъ силы. Вмѣсто того, чтобы предоставлять наши области дѣйствію происковъ и соблазна Наполеона, мы увидимъ прусскія, возставшія за насъ спасительной преградой для врага, лишь только будетъ провозглашено возстановленіе Польши. Вмѣсто того, чтобы подозрительно наблюдать за нашими областями и не пользоваться ихъ средствами, оказалось бы, что сами онѣ, съ ревностью вновь призваннаго къ жизни народа, возстали бы въ защиту своего прочнаго и законнаго существованія, противъ самозванца, который льститъ имъ временными и опасными обѣщаніями. Наконецъ, вмѣсто того, чтобы соприкасаться непосредственно къ огромной Французской имперіи границами безконечныхъ протяженій, Россія, соединивъ съ собою Польшу, устроила бы передовую цѣпь, за которою она оставалась бы спокойною со всѣми своими силами,—цѣпь способную противостоять всякому нападенію извнѣ, а въ то же время эта цѣпь могла бы послужить началомъ для Россіи тѣхъ связей, которыя впослѣдствіи соединяли бы вокругъ нея всѣ отрасли старой славянской семьи. Тогда, какъ всякое подозрѣніе со стороны Россіи, что въ случаѣ войны она не можетъ надѣяться на преданность части своихъ подданныхъ, такъ и всякій разсчетъ на это обстоятельство со стороны непріятеля устранились бы окончательно. Какое важное пріобрѣтеніе для внутренняго блага, спокойствія и силы Имперіи!

«Можетъ быть, скажутъ, что это повлечетъ отдѣленіе отъ Имперіи нѣсколькихъ губерній; но это отдѣленіе будетъ только кажущееся. Корона польская будетъ безусловно соединена съ русскимъ престоломъ. Имперія вмѣсто того, чтобы потерять, пріобрѣтетъ еще всѣ другія части Польши... Но скажутъ, для того, чтобы съ успѣхомъ привести въ исполненіе эту мѣру, возбудить восторгъ въ полякахъ, необходимо будетъ дать имъ правительство, соотвѣтствующее ихъ желаніямъ и прежнимъ ихъ законамъ. Безъ сомнѣнія; въ противномъ случаѣ, это была бы полумѣра, она вовсе не доставила бы тѣхъ выгодъ, которыхъ слѣдуетъ ожи-

дать. Необходимо, чтобы благодѣянія императора превосходили обѣщанія и соблазны Бонапарта. Но эти самыя благодѣянія установятъ болѣе тѣсныя и неразрывныя связи между Имперіею и польскимъ народомъ. Не слѣдуетъ забывать, что чѣмъ болѣе народъ управляется согласно съ его желаніями, его характеромъ и привычками, тѣмъ болѣе онъ бываетъ преданъ своимъ государямъ».

Итакъ, князь Чарторыйскій желалъ возстановленія Польши въ старинныхъ предѣлахъ и дарованія ей отдѣльнаго самоуправленія. Могъ ли согласиться на это императоръ Александръ, при тогдашнихъ политическихъ обстоятельствахъ и враждебныхъ отношеніяхъ къ Наполеону? Могъ ли онъ разсчитывать на добровольную и мирную уступку Пруссіею и Австріею своихъ польскихъ провинцій въ пользу Россіи? Очевидно, что, въ случаѣ слѣдованія совѣтамъ князя Чарторыйскаго, императоръ пріобрѣталъ новыхъ враговъ въ лицѣ Австріи и Пруссіи, и могъ быть увѣренъ, что Наполеонъ воспользуется такимъ поступкомъ русскаго государя, чтобы при помощи этихъ державъ разгромить и Россію, чего онъ искренно желалъ.

Князь Чарторыйскій полагалъ, что обѣщаніями богатыхъ вознагражденій за уступленныя польскія области можно привлечь на нашу сторону Австрію и Пруссію; но всѣмъ было извѣстно, что русскій императоръ не располагаетъ такими областями или провинціями, которыя онъ могъ бы передать произвольно и безнаказанно другимъ державамъ. Александръ не могъ соединить съ Польшею и кореннаго русскаго населенія западныхъ губерній, безъ опасеній возбудить неудовольствія всей Россіи и вызвать тѣмъ серьезныя послѣдствія. Все это заставило его отказаться отъ предложенія князя Чарторыйскаго.

«Я получилъ бумагу,—отвѣчалъ ему императоръ,—которую вы сочли нужнымъ мнѣ сообщить. Вы желаете поговорить о ней,—я готовъ доставить вамъ случай; но не могу вамъ не выразить моей увѣренности, что эти разговоры ни къ чему не поведутъ, потому, что основанія нашихъ взглядовъ діаметрально противоположны между собой».

Это заявленіе послужило Чарторыйскому новымъ доказательствомъ, что императоръ Александръ не имѣетъ рѣшительныхъ намѣреній возстановить Польшу, что онъ поведетъ дѣло сообразно обстоятельствамъ и что всѣ его заботы будутъ заключаться въ томъ, чтобы не допустить Наполеона сдѣлать это и не дать ему усилиться на счетъ Польши. Императоръ Александръ заводилъ иногда съ княземъ Чарторыйскимъ разговоры по этому щекотливому вопросу, но эти разговоры становились все рѣже и рѣже.

«Замѣчая,—говоритъ Чарторыйскій,—мое грустное, безнадежное настроеніе, онъ возобновлялъ свои бесѣды, но уже не такъ, какъ прежде. Онъ успокоивалъ неопредѣленными обѣщаніями, или совсѣмъ не вы-

сказывался о предметѣ, служившемъ единственною цѣлью моей съ нимъ связи. Избѣгая рѣшительныхъ объясненій, онъ хотѣлъ, однако, чтобы, какъ по этому предмету, такъ и по многимъ другимъ, меня занимавшимъ, я не сомнѣвался въ неизмѣнности его намѣреній и чувствъ» [1]).

Этого было мало для кн. Чарторыйскаго и для поляковъ; они потеряли вѣру въ Александра и не ожидали отъ него осуществленія своихъ желаній, какъ вдругъ обстоятельства пришли на помощь русскому императору, и ему удалось, хотя и втайнѣ, осуществить частицу желаній поляковъ.

Во время тильзитскихъ переговоровъ Наполеонъ, желая облегчить заключеніе мира, готовъ былъ идти на многія уступки и въ числѣ ихъ отказаться отъ возстановленія Польши. Когда, послѣ Фридландскаго сраженія, начались переговоры, то Наполеонъ самъ предложилъ признать Вислу истинною и естественною границею Россіи, но императоръ Александръ не согласился на это, потому что мечталъ о другомъ—объ исправленіи мнимой несправедливости, совершенной Екатериною II.

Мы видѣли, что Александръ съ юныхъ лѣтъ мечталъ о возстановленіи Польши и затруднялся только исполненіемъ. Онъ не признавалъ возможнымъ принять на себя починъ въ этомъ дѣлѣ, требовавшемъ отнятія отъ Австріи и въ особенности отъ Пруссіи, его давнишней союзницы, коренныхъ польскихъ областей. «Совершить самолично ампутацію монархіи Фридриха Великаго представлялось для императора Александра I столь щекотливымъ дѣломъ, что онъ никогда не рѣшился бы его исполнить; онъ даже упорно отвергалъ, по этимъ соображеніямъ, предложенный ему правый берегъ Вислы, а затѣмъ и правый берегъ Нѣмана. Но въ Тильзитѣ представился прекрасный способъ для разрѣшенія этого, близкаго его сердцу, вопроса: стоило рукою Наполеона отторгнуть отъ Пруссіи ея польскія области, создать хотя и скромное, но самостоятельное польское государство, предоставляя всемогущему времени сдѣлать остальное, и создать благопріятную почву для будущихъ политическихъ комбинацій» [2]).

Наполеонъ поспѣшилъ на помощь Александру тѣмъ болѣе, что въ образованіи герцогства Варшавскаго онъ создавалъ себѣ удобный базисъ на случай враждебнаго положенія Александра относительно Франціи. Мало того, Наполеону пришлось сдерживать Александра, предлагавшаго посадить на престолъ Саксоніи и Варшавы брата Напо-

[1]) Alexandre I et le prince Czartoryski par C. de-Mazade, т. I, 278 и 279.

[2]) Н. К. Шильдеръ. „Россія въ ея отношеніяхъ къ Европѣ". «Русская Старина» 1889 г. № 1 стр. 14.

*

леона принца Іеронима. Императоръ Франціи отказался отъ этого, доказывая, что такое назначеніе могло привести къ столкновенію между Россіею и Франціею. «Политика императора Наполеона,—сказано въ одной запискѣ, препровожденной 22-го іюня (4-го іюля) Наполеономъ къ императору Александру [1]), состоитъ въ томъ, чтобы не распространять своего прямаго вліянія на Эльбу; онъ усвоилъ эту политику, потому что она представляетъ единственное средство, могущее согласоваться съ искреннею и прочною дружбою, которую онъ намѣренъ заключить съ великою Имперіею сѣвера.

«Такимъ образомъ земли, лежащія между Нѣманомъ и Эльбою, послужатъ преградою, раздѣляющей обѣ великія имперіи и притупляющей булавочные уколы, которые между народами предшествуютъ пушечнымъ выстрѣламъ».

Все выше изложенное указываетъ несомнѣнно, что истиннымъ создателемъ Варшавскаго герцогства былъ императоръ Александръ [2]), видѣвшій въ этомъ исполненіе частички своихъ завѣтныхъ и давнишнихъ желаній. Поляки не знали, конечно, всѣхъ подробностей переговоровъ и приписывали образованіе герцогства Наполеону. Они жаловались только на то, что новое герцогство названо Варшавскимъ, а не Польскимъ; названіе это, по ихъ словамъ, разрывало всѣ историческія преданія и для болѣе дальновидныхъ патріотовъ не подавало никакой надежды на возстановленіе въ будущемъ самостоятельности всей Польши. На большинство же поляковъ тильзитскій трактатъ подѣйствовалъ благотворно. «Провинціи, отъ которыхъ отказался прусскій король,—сказано было въ трактатѣ,—будутъ управляемы по конституціи, обезпечивающей вольности и привилегіи народонаселенія этого герцогства и согласной съ спокойствіемъ сосѣднихъ государствъ».

Трактатъ былъ подписанъ 25-го іюня (7-го іюля) 1807 года и ратификованъ 27-го іюня (9-го іюля). Съ этого времени и началась политическая жизнь Варшавскаго герцогства. Оно привлекало къ себѣ вниманіе всѣхъ поляковъ, жившихъ въ Австріи и въ западныхъ нашихъ губерніяхъ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 16.

[2]) „Въ черновомъ тильзитскомъ трактатѣ,—говоритъ Н. К. Шильдеръ,—съ собственноручными поправками императоровъ Александра и Наполеона, проскользнулъ даже намекъ на это обстоятельство. Пятая статья, касающаяся образованія герцогства Варшавскаго, начиналась словами: „Вслѣдствіе желанія, изъявленнаго въ предъидущей статьѣ (соединить узами дружбы обѣ имперіи), императоръ Наполеонъ согласенъ, чтобы... „Не хотѣлъ ли Наполеонъ сохранить въ договорѣ слѣдъ, кому принадлежитъ инціатива въ дѣлѣ образованія герцогства? Эти слова были, однако, вычеркнуты императоромъ Александромъ“.

«Нѣтъ сомнѣнія, — писалъ Нѣмцевичъ [1], — что саксонскій король, принявъ во владѣніе Варшавское княжество (герцогство), возвратитъ оному правленіе, если не во всемъ сходное съ конституціею 3-го мая, то по крайней мѣрѣ согласное съ предписанными въ оной правилами. И тогда поляки, состоящіе подъ владѣніемъ Россіи, имѣя въ томъ краю родственниковъ, имѣнія и всегдашнія, по поводу коммерціи, сношенія съ тамошнимъ княжествомъ (герцогствомъ), видя возвращенную столицу къ прежнему состоянію, начнутъ жаловаться на жребій, что не предоставлено имъ жить подъ тѣми правами, которыя они нѣкогда совокупно возстановляли и которыя отыскать (найти) жителямъ только тамошнихъ провинцій дозволило Провидѣніе. Такъ разсуждать будетъ дворянинъ, такъ и еврей, который въ скоромъ времени увидитъ въ Варшавѣ отрасли парижскаго сангедрина, такъ, наконецъ, крестьянинъ, который вскорѣ освѣдомится объ артикулѣ конституціи 3-го мая, въ коемъ сказано: «Кто станетъ ногою на польской землѣ, тотъ содѣлывается свободнымъ».

«Изъ сего образа мыслей вынесется общее мнѣніе, что нѣтъ для польской націи счастливѣйшаго событія, какъ подъ владѣніемъ саксонца, коего предки столь милостиво царствовали въ Польшѣ. А потому россійское правительство должно заблаговременно употребить все благоразуміе свое къ отвращенію противнаго мнѣнія, которое обыкновенно возрастаетъ съ новостями и обратить оное къ своей пользѣ тѣми же самыми средствами, которыя тамъ предприняты будутъ».

Хотя, по словамъ Нѣмцевича, русское правительство постоянно обращало вниманіе на состояніе польскихъ областей и принимало мѣры къ облегченію ихъ положенія, но какъ «самыя превосходныя намѣренія часто не столько дѣйствуютъ на умы человѣческіе», сколько распоряженія, сообразныя съ прежнимъ «обрядомъ жителей», то Нѣмцевичъ и предлагалъ образовать особый комитетъ, составленный изъ сенаторовъ-поляковъ, присутствующихъ въ Петербургѣ, и депутатовъ по одному изъ каждой губерніи для выработки проекта объ управленіи провинціями, присоединенными къ Россіи отъ Польши.

«Когда симъ образомъ, — говорилъ онъ, — предложенные комитетомъ проекты представлены будутъ, то монархъ съ своей стороны приступилъ бы къ оказанію польской націи новыхъ благодѣяній, къ отвращенію многихъ злоупотребленій и къ исправленію всего того, что̀ до сего времени могло выдти изъ своихъ предѣловъ. Нельзя думать, чтобы таковыя милостивыя намѣренія, равняющіяся съ тѣми, которыхъ ожидаютъ жители Варшавскаго княжества (герцогства), не увѣряли

[1] Въ запискѣ отъ 14-го іюля 1807 г. Архивъ Государствен. Совѣта, дѣла Комитета 1826 г. 9. № 240.

всякаго изъ нихъ, что несравненно вѣрнѣе и существеннѣе (будетъ) благо большей части Польши, присоединенной къ столь сильной Имперіи, нежели той, которая бывъ раздѣлена и окружена сильнѣйшими сосѣдями, сдѣлалась отдаленнымъ аванпостомъ французскаго правительства».

Нѣмцевичъ увѣрялъ, что при такомъ дѣйствіи русскаго правительства, «въ областяхъ, не состоящихъ подъ владѣніемъ Россіи, возродится новое завидованіе, новое желаніе переселиться съ своими капиталами въ Россію, такъ какъ сіе до сего времени нерѣдко случалось».

Въ то самое время, когда Нѣмцевичъ писалъ свою записку, въ Дрезденѣ была утверждена Наполеономъ, 10-го (22-го) іюля 1807 г., конституція для герцогства Варшавскаго. Правителемъ герцогства былъ назначенъ саксонскій король, тронъ котораго объявленъ наслѣдственнымъ. Во главѣ управленія поставленъ государственный совѣтъ, рѣшенія котораго имѣли силу только послѣ утвержденія короля саксонскаго, герцога Варшавскаго. Черезъ каждые два года долженъ былъ собираться сеймъ, состоявшій изъ двухъ палатъ: сенатской и депутатской. Обсужденію сейма подлежали проекты законовъ, выработанные въ государственномъ совѣтѣ. Въ административномъ отношеніи все герцогство дѣлилось на шесть округовъ и управлялось по французскому образцу: префектами, подпрефектами, бургомистрами и совѣтами. Судоустройство производилось по кодексу Наполеона. Военная сила герцогства должна была состоять изъ 30.000 человѣкъ, не считая національной гвардіи. При господствѣ въ странѣ католичества, конституція объявила свободу вѣроисповѣданія; личное крѣпостное право было отмѣнено, и всѣ граждане объявлены равными передъ закономъ.

Такимъ образомъ на картѣ Европы появилось новое государство совершенно независимое и лишь только подъ наблюденіемъ, если можно такъ выразиться, саксонскаго короля. Вся же верховная власть принадлежала Наполеону: онъ утвердилъ конституцію, распоряжался устройствомъ и образованіемъ польскихъ войскъ, распоряжался финансами герцогства и проч.

«Весь гражданскій порядокъ, прусскимъ правительствомъ устроенный, уничтоженъ,—сказано въ запискѣ, сохранившейся въ бумагахъ М. Сперанскаго и поднесенной имъ императору Александру [1]),—и чиновники, разныя мѣста занимавшіе, выгнаны за границу, но не замѣнены другими.

«Въ семъ положеніи совершенной анархіи начались обѣщанія о возстановленіи Польши; но когда пришла необходимость требовать де-

---

[1]) Записка безъ года, мѣсяца, числа и кѣмъ писана, трудно опредѣлить

негъ и продовольствія французской арміи и составлять польскія войска, тогда почувствовали, что написанныя токмо конституція и прокламаціи недостаточны. Начали составлять правительство или, лучше сказать, набирать его. Дѣло сіе поручено французскому министру при саксонскомъ дворѣ Серра. Можно себѣ представить, на кого палъ сей выборъ. Іосифъ Понятовскій самимъ императоромъ Наполеономъ принужденъ былъ принять мѣсто военнаго министра. Такимъ же образомъ опредѣленъ былъ умершій нынѣ предсѣдатель варшавскаго совѣта Малаховскій, извѣстный по участію своему въ конституціи 3-го мая 1791 года. Министромъ юстиціи опредѣленъ Любенскій, бывшій адвокатъ, человѣкъ весьма корыстолюбивый, но остроумный и способный, непримиримый врагъ Пруссіи и Австріи и ни мало не преданный Франціи. По внутреннему убѣжденію его въ пользѣ, которая бы могла быть для Польши подъ покровительствомъ Россіи, онъ можетъ быть легко склоненъ на сторону ея; для сего нужно токмо удостовѣреніе, что Польша будетъ возстановлена и что онъ сохранитъ важное въ правительствѣ мѣсто, и приличное предложеніе ему денегъ. Онъ въ ссорѣ со всѣми прочими министрами, ибо пользуется отличнымъ покровительствомъ Серра и имѣетъ большое вліяніе въ совѣтѣ. Сынъ его служитъ въ польской гвардіи и женатъ на дочери графа Осолинскаго, который, имѣя деревни въ Австріи, въ княжествѣ Варшавскомъ и въ Бѣлостокской области, живетъ нынѣ въ сей послѣдней.

«Министромъ внутреннихъ дѣлъ опредѣленъ Лущевскій, бывшій также адвокатомъ, но человѣкъ простой и добрый. Онъ весьма недоволенъ французскимъ правительствомъ, но оставляется въ настоящемъ мѣстѣ потому, что пользуется большою довѣренностію и уваженіемъ своихъ сограждань.

«На мѣсто графа Дембовскаго опредѣленъ министромъ финансовъ Венглинскій. Онъ былъ адвокатомъ въ Австріи, нажилъ себѣ довольно большое имѣніе разными непозволенными способами; въ 1805 году по уголовному дѣлу осужденъ на смерть, бѣжалъ въ Пруссію и опредѣлился управителемъ въ Бѣлостокской области къ графу Яну Потоцкому, въ мѣстечко его Боцки, подъ именемъ Будзинскаго. Въ 1807 году уѣхалъ въ Варшаву, гдѣ разными пронырствами получилъ мѣсто министра финансовъ. Главною причиною сей удачи его полагаютъ то, что по смерти Дембовскаго, который опредѣленъ былъ насильственно, никто не хотѣлъ занять мѣста по разстройству финансовъ, весьма опаснаго и въ которомъ должно быть бичемъ своихъ согражданъ. Венглинскій же принялъ сіе званіе въ награду за дѣятельное участіе его въ возмущеніи Галиціи. Венглинскій есть человѣкъ весьма несвѣдущій, но искательный и совершенно преданный министру Серра, который употребляетъ его главнымъ орудіемъ всѣхъ своихъ грабительствъ.

«Министръ полиціи—графъ Александръ Потоцкій, извѣстный другъ умершаго Игнатія Потоцкаго, участвовавшаго въ конституціи 3-го мая. Онъ человѣкъ самый развратный и неспособный. Ему нынѣ 60 лѣтъ, окруженъ весьма дурно и исполняетъ только приказанія Серра.

«Военный министръ Понятовскій есть человѣкъ весьма недѣятельный и роскошный. Онъ сохраняетъ мѣсто свое для защиты токмо своихъ согражданъ отъ вліянія польскихъ пришельцевъ, партіи Домбровскаго и Заіончека составляющихъ, и кои принесли съ собою развратъ, духъ безбожія и грабительства революціонныхъ войскъ. При Понятовскомъ находился генералъ бригады, произведенный нынѣ въ дивизіонные начальники, Фишеръ, бывшій адъютантомъ у Косцюшки, человѣкъ весьма знающій въ военномъ искусствѣ, расторопный и добрыхъ нравовъ.

«Государственный совѣтъ составленъ изъ весьма малаго числа людей именитыхъ, а большей частью служившихъ въ польскихъ легіонахъ [1]) и извѣстныхъ порочными нравами и корыстолюбіемъ. Предсѣдатель совѣта Гутаковскій человѣкъ простой и добрый. Онъ опредѣленъ въ сіе званіе по причинѣ богатаго его состоянія и добраго имени, но противъ его воли. Генеральный секретарь совѣта есть извѣстный Юліанъ Нѣмцевичъ, бывшій секретаремъ Косцюшки и находившійся, вмѣстѣ съ Фишеромъ, въ 1794 году плѣннымъ въ Россіи. Онъ человѣкъ весьма острый и извѣстный въ польской литературѣ стихотвореніями и сатирами своими противъ Россіи. Совѣтъ никакой не имѣетъ власти на самомъ дѣлѣ. Онъ есть орудіе французскаго министра.

«Сенатъ составленъ по принужденію изъ людей, участвовавшихъ въ сеймѣ 1789 г. Сенатъ недоволенъ правительствомъ.

«Министръ Серра есть истинный король Варшавскаго герцогства. Ни одно дѣло не проходитъ безъ его утвержденія. Министръ юстиціи есть его секретарь. Всѣ министры даютъ ему отчетъ въ дѣлахъ своихъ; министръ же финансовъ состоитъ въ точной его подчиненности. Ни одно мѣсто въ правительствѣ варшавскомъ, ниже въ канцеляріяхъ министровъ, не можетъ быть дано безъ его утвержденія. Онъ предпочтительно употребляетъ въ разныя званія французовъ, поляковъ, въ легіонахъ служившихъ, и нѣкоторыхъ бывшихъ прусскихъ чиновниковъ, кои потому необходимы, что одни въ дѣлахъ сего края свѣдущи».

Вообще, правительство варшавское было въ самомъ разстроенномъ состояніи, и министры присягали не конституціи, а королю-герцогу. 21-го ноября 1807 года Фридрихъ-Августъ саксонскій прибылъ въ Вар-

---

[1]) Польскіе легіоны составлены были въ Италіи изъ остатковъ польскихъ войскъ 1794 года, бѣглыхъ изъ Польши и австрійскихъ плѣнныхъ, навербованныхъ въ Галиціи.

шаву и былъ встрѣченъ съ большимъ энтузіазмомъ. Первымъ дѣломъ герцога было переименованіе Медовой улицы въ улицу Наполеона и прибитіе досокъ по угламъ ея. Торжество это было отправлено съ особою пышностію, и доски прибивалъ самъ министръ полиціи. Вслѣдъ за тѣмъ послѣдовалъ рядъ декретовъ герцога, имѣвшихъ цѣлію провести конституцію въ жизнь. Декреты эти относились до введенія гражданскаго и уголовнаго судопроизводства, организаціи сената, военнаго управленія, раздѣленія герцогства на департаменты, округи и общины. Далѣе говорилось объ организаніи государственнаго совѣта, совѣта министровъ, установленіи военнаго ордена, уничтоженіи крѣпостнаго состоянія и опредѣленіи, кто долженъ считаться гражданиномъ герцогства.

«Уложеніе Наполеона,—сказано было въ выше приведенной нами запискѣ,—конституція герцогства и разныя постановленія, подъ именемъ короля саксонскаго изданныя, суть токмо призраки порядка и на самомъ дѣлѣ не существуютъ, ибо и суммъ, на поддержаніе оныхъ нужныхъ, нѣтъ въ распоряженіи правительства».

Тѣмъ не менѣе «люди стараго поколѣнія, пережившаго столько тревогъ и невзгодъ въ послѣднія десятилѣтія прежней Рѣчи Посполитой, возвратившись теперь большею частію изъ эмиграціи, съ гордостью помышляли, въ качествѣ политическихъ мучениковъ, о своихъ заслугахъ на пользу отечества и хотѣли возстановленія давнихъ формъ жизни. Люди, помнившіе старую Польшу только въ годы ея раздѣла и подчинившіеся идеямъ, разнесеннымъ по всей Европѣ французскою революціей, должны были сдѣлать надъ собой усиліе, чтобъ отъ составленныхъ ими идеаловъ спокойно перейти къ той скудной дѣйствительности, которую представило имъ урѣзанное въ своихъ границахъ Варшавское герцогство. Поколѣніе, только-что вступившее въ жизнь, способно было на всѣ пожертвованія, которыя потребовались бы отъ него въ случаѣ войны, но не могло еще служить оплотомъ для жизни общественной. Таково было положеніе лицъ, входившихъ въ составъ высшей и средней шляхты; за то шляхта мелкая и безземельная, но важная по численности своей, натерпѣвшаяся всякихъ лишеній во время прусскаго владычества, которое постоянно устраняло ее отъ дѣлъ, должна была смотрѣть на Варшавское герцогство, какъ на обѣтованную землю, гдѣ ей представлялась возможность кой-чего добиться, ничего при этомъ не теряя» [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Варшавскомъ герцогствѣ было не мало людей, которые относились къ нему враждебно—это нѣмецкое или скорѣе прусское населеніе, довольно многочисленное, въ рукахъ котораго была передъ тѣмъ вся администрація края и потому имѣвшее большое вліяніе.

---

¹) „Русскій Вѣстникъ“ 1866 г., № 1, стр. 15—23.

Новая же администрація, введенная Наполеономъ, не была ни польскою, ни прусскою, а была подражаніемъ французской системѣ, и злые языки того времени называли торжество обнародованія кодекса Наполеона погребальнымъ шествіемъ польскаго права.

И дѣйствительно во вновь образованномъ герцогствѣ приходилось согласовать старинные польскіе уставы съ прусскимъ земскимъ правомъ, дѣйствовавшимъ уже болѣе десяти лѣтъ, и наконецъ съ правами вновь вводимаго французскаго кодекса. Для устраненія всѣхъ этихъ неурядицъ прибѣгли къ изученію старинныхъ порядковъ Польши и къ изученію ея исторіи.

Еще въ 1806 году Варшавское общество любителей наукъ просило генерала Коссецкаго поспѣшить окончаніемъ исторіи послѣднихъ временъ Польши. Въ началѣ 1807 года Общество составило особый комитетъ [1]), которому было поручено изложить слѣдующіе отдѣлы изъ исторіи Польши: 1) возстановленіе и упадокъ конституціи 3-го мая 1791 г.; 2) возстаніе Польши подъ начальствомъ Косцюшки, до совершеннаго ея раздѣленія; 3) исторію польскихъ легіоновъ; 4) труды Варшавскаго общества любителей наукъ и другія народныя событія до той, по выраженію Общества счастливой эпохи, когда Наполеонъ великій, пригласивъ къ себѣ Выбицкаго и генерала Домбровскаго, вступилъ съ войскомъ въ предѣлы Польши, и наконецъ, 5) новѣйшія событія въ Польшѣ.

На этотъ послѣдній отдѣлъ было обращено особенное вниманіе, и составитель его, сенаторъ Гутаковскій, долженъ былъ изложить похвалы польскимъ легіонамъ, воинскому духу, всеобщему усердію и пожертвованіямъ поляковъ для возстановленія своего отечества. Отъ Гутаковскаго требовали разъясненія возникавшихъ при разныхъ политическихъ переворотахъ въ Европѣ надеждъ поляковъ на возрожденіе Польши, при чемъ историкъ долженъ былъ высказать укоризны прусскому правительству за то, что оно устраняло поляковъ отъ административныхъ должностей, опредѣляло на нихъ нѣмцевъ и повелѣло, чтобы всѣ гражданскія, тяжебныя и другія дѣла производились на нѣмецкомъ языкѣ.

Патріотическая дѣятельность Общества любителей наукъ высоко цѣнилась поляками, и 30-го апрѣля 1808 г., по ходатайству графа Феликса Лубенскаго, король саксонскій и герцогъ Варшавскій Фридрихъ Августъ принялъ Общество наукъ подъ свое покровительство, пожаловалъ ему утвердительную грамату и далъ ему наименованіе Королевскаго.

---

[1]) Въ составъ этого Комитета вошли: Дмоховскій, Воронпчъ, Сташицъ, епископъ Албертранди, Станиславъ Потоцкій, Выбицкій, Гадебскій и Городискій.

Благодаря герцога за эту милость, предсѣдатель Общества, епископъ Албертранди, писалъ ему, что въ семъ событіи Общество увидѣло исполненіе надеждъ, которыя оно питало въ себѣ уже семь лѣтъ; что члены его, собравшись подъ священнымъ знаменемъ любви къ отечеству, всегда оживлены были сильнымъ желаніемъ сохранить существованіе онаго, сколько того требовалъ ихъ долгъ, и что въ семъ намѣреніи они предприняли въ началѣ текущаго столѣтія спасти отъ истребленія польскій языкъ, отечественную словесность и народную славу [1]).

Общество постановило, чтобы ежегодно 30-го апрѣля было торжественное собраніе, посвященное изъясненію милостей короля саксонскаго. По этому случаю рѣшено было выбить особую медаль, при чемъ епископъ Прожимовскій принялъ на себя трудъ сдѣлать описаніе какъ этой медали, такъ и другой, выбитой въ 1807 году, въ память образованія герцогства Варшавскаго [2]).

Поощренное правительствомъ, Общество наукъ усилило свою дѣятельность, и въ напечатанной въ 1809 году программѣ «Исторія польскаго народа», между прочимъ, было сказано, что Общество, «имѣя существенною цѣлью собирать и сохранять все, касающееся до отечества поляковъ и въ особенности тѣ предметы, кои могутъ послужить къ оживленію и распространенію между соотчичами любви къ отечеству, не можетъ смотрѣть равнодушно на недостатокъ сильнѣйшей къ тому пружины—полнаго и достаточнаго собранія народной исторіи, къ составленію которой и было немедленно приступлено» [3]).

Послѣдующія событія еще болѣе усилили дѣятельность Общества и надежды поляковъ.

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Въ другомъ проектѣ письмо это было измѣнено такъ: „Собравшись подъ священнымъ знаменемъ любви къ отечеству, одушевленные пламеннымъ желаніемъ противопоставить непреодолимую преграду совершенному истребленію онаго (отечества), мы въ умѣ своемъ положили сохранить нашъ языкъ".

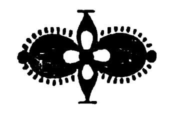
[2]) Сочувствуя успѣхамъ Наполеона и своихъ войскъ, поляки выбивали медали по разнымъ случаямъ. Въ нумизматическомъ кабинетѣ Общества впослѣдствіи оказалось 73 медали, изъ которыхъ 33 были выбиты въ честь Наполеона и 40 въ память походовъ французскихъ и польскихъ войскъ.

[3]) Рѣшено было составить исторію царствованія Казиміра Великаго, Казиміра Ягеллона, Сигизмунда I, Сигизмунда-Августа, Іоанна-Казиміра, Сигизмунда III, Владислава Ягеллона и всего дома Ягеллоновъ. Составленіе этихъ монографій приняли на себя: Дзержковскій, Тарновскій, Осолинскій, князь Чарторыйскій, Краевскій, Нѣмцевичъ, Городискій и Ѳ. Чацкій. Вмѣстѣ съ тѣмъ объявлено, что Нѣмцевичъ собралъ историческія пѣсни и нѣкоторыя лица взялись оказать Обществу содѣйствіе къ ихъ напечатанію съ музыкальными нотами и гравированными картинками. На изданіе этихъ пѣсенъ была открыта подписка въ 1811 году.

Собственноручное письмо великаго князя Николая Павловича Н. М. Сипягину.

8-го мая 1815 г.

Любезный мой Николай Мартьяновичъ! Докладывалъ я матушкѣ, что мнѣ Михаилъ Андреевичъ (Милорадовичъ) сказывалъ, что г.г. офицеры гвардіи хотятъ къ намъ придти проститься.—Приказала вамъ сказать, что какъ они не приходили прощаться къ государю императору передъ отъѣздомъ его въ Вѣну, то она думаетъ, что неприлично бъ было имъ приходить къ намъ; а что г.г. генералы и офицеры нашихъ полковъ, могутъ по обыкновенію придти проститься только pas en corps.—Это слово ей не нравится и боится, чтобъ не понравилось государю, ежели онъ узнаетъ. — Vous voyez que je vous mets au fait de tout. Такъ сдѣлайте одолженіе доложите о томъ Михаилу Андреевичу.— Простите, что васъ тѣмъ утруждаю, вамъ искренно преданный Николай.

Николай Васильевичъ Гоголь.

I.

Н. В. Гоголь и его отношенія къ Петербургу.

1.

Въ одномъ изъ первыхъ петербургскихъ писемъ Гоголя къ матери, никогда еще не бывшей въ столицѣ, мы читаемъ слѣдующія строки: «Разскажу вамъ слова два о Петербургѣ. Вы, казалось мнѣ, всегда интересовались знать его и восхищались имъ» [1]). Едва-ли надо говорить, что въ этомъ заочномъ и, конечно, наивно преувеличенномъ восхищеніи слѣдуетъ видѣть типическую черту, общую провинціаламъ того времени. Петербургъ возбуждалъ въ нихъ робкое благоговѣніе и былъ окруженъ въ ихъ глазахъ волшебной тайной. Понятно, что и Гоголь, еще въ отрочествѣ наслышавшійся чудесъ о Петербургѣ, привыкъ съ его именемъ соединять представленіе о высшей степени благоустройства, блеска и совершенства во всѣхъ отношеніяхъ и, какъ впечатлительный ребенокъ, сильно идеализировалъ его въ своемъ воображеніи. Все лучшее было, если не изъ-за границы, то изъ Петербурга, или же выдавалось за петербургское; всѣ значительные люди, какъ переселившійся на покой въ Украйну заслуженный вельможа Трощинскій, свое славное поприще проходили въ Петербургѣ, такъ что самый звукъ этотъ уже заключалъ въ себѣ что-то внушительное и оказывалъ магическое дѣйствіе. Впослѣдствіи Гоголь живо изображалъ въ своихъ произведеніяхъ обаяніе столицы на провинціаловъ. Тамъ «нѣкоторое поле жизни, сказочная Шехерезада, понимаете, эдакая. Вдругъ какой-нибудь эдакой, можете представить себѣ, Невскій прешпектъ, или тамъ, знаете, какая-нибудь Гороховая, чортъ возьми, или тамъ какая-нибудь эдакая Литейная; тамъ шпицъ эдакой какой-нибудь въ воздухѣ; мосты тамъ висятъ

[1]) „Письма Гоголя“, т. I, стр. 117.

эдакимъ чортомъ, можете представите себѣ, безъ всякаго прикосновенія» [1])...

Гоголь показываетъ намъ, какъ робкіе провинціалы стѣсняются петербургскаго жителя, предполагая въ немъ, какъ въ «столичной штучкѣ», образецъ тонкаго обращенія, а самого Петербурга боятся, потому что тамъ живетъ страшное для нихъ начальство. Если же провинціалъ почувствуетъ въ себѣ отвагу и силы, то онъ и самъ начинаетъ стремиться въ Петербургъ, чтобы играть роль и дѣлать карьеру. Такъ «маіоръ» Ковалевъ пріѣхалъ въ столицу «искать приличнаго по своему званію мѣста, и если удастся, то и вице-губернаторскаго» [2]). Другихъ напротивъ манитъ туда жажда наслажденій. «Захочу поѣхать въ Петербургъ» — говоритъ Ихаревъ,—«поѣду и въ Петербургъ: посмотрю театры, монетный дворъ, пройдусь мимо дворца [3]), по Аглицкой набережной, въ Лѣтній садъ». Дамъ соблазняетъ свѣтскій тонъ столицы.

«Я думаю» —говоритъ Анна Андреевна,—«съ какимъ тамъ вкусомъ и великолѣпіемъ даются балы!» [4]) и «натурально», какъ она выражается, при первой счастливой возможности готова переѣхать въ Петербургъ.

Немало примѣровъ горячаго увлеченія Петербургомъ видѣлъ Гоголь юношей и въ своихъ товарищахъ-лицеистахъ; кто изъ нихъ былъ побойче и поспособнѣе, тотъ уже навѣрно рвался вонъ изъ малороссійской глуши и въ пламенномъ полудѣтскомъ воображеніи рисовалъ себѣ блистательную перспективу будущихъ служебныхъ и всякихъ иныхъ успѣховъ въ столицѣ, и при томъ непремѣнно въ Петербургѣ—Москва какъ-то мало привлекала нѣжинцевъ. Вмѣстѣ съ другими и Гоголь еще въ школьныхъ стѣнахъ началъ пылко и страстно мечтать о волшебной Сѣверной Пальмирѣ, отъ которой ждалъ счастья, славы, почестей и наслажденій. Своему старшему товарищу и другу Г. И. Высоцкому, переселившемуся въ Петербургъ, Гоголь писалъ: «ты живешь уже въ Петербургѣ, уже веселишься жизнью, жадно торопишься пить наслажденія, а мнѣ еще не ближе полутора года видѣть ихъ, и эти полтора года длятся для меня нескончаемымъ вѣкомъ... Пиши мнѣ о своей жизни, знакомствахъ, службѣ и обо всемъ, чтò только напоминаетъ прелесть жизни петербургской» [5]). Наконецъ, въ своемъ заочномъ восторженномъ упоеніи Гоголь доходитъ до слѣдующаго восклицанія: «Я забываю мѣстопребываніе свое и весь міръ, выключая тебя

---

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. III, стр. 200.
[2]) Тамъ же, т. II, стр. 7.
[3]) Тамъ же, стр. 444.
[4]) Тамъ же, стр. 239.
[5]) „Письма Гоголя“, т. I, стр. 55.

съ Петербургомъ» [1]). Но Высоцкій, въ бытность въ Нѣжинѣ увлекавшійся Петербургомъ вмѣстѣ съ Гоголемъ, при личномъ ознакомленіи съ столичною жизнью, нашелъ, что она совсѣмъ ужъ не такъ идеально-очаровательна, какъ ему прежде представлялось, и имѣетъ свои темныя стороны. Онъ нашелъ себя вынужденнымъ въ своемъ отвѣтѣ поумѣрить пылкіе восторги друга. Письмо это, повидимому прочитанное въ товарищескомъ кружкѣ, на мгновеніе «ужаснуло» Гоголя, по его выраженію «чудовищами великихъ препятствій» [2]), а на другихъ его однокашниковъ навело даже панику. Повидимому, авторъ письма выразилъ свои впечатлѣнія очень сильно и съ полной юношеской откровенностью, которая не подлежитъ сомнѣнію уже потому, что онъ недолго оставался потомъ въ Петербургѣ и, не дождавшись туда своего друга, вскорѣ перешелъ на службу въ провинцію. Но на Гоголя его предостереженія не подѣйствовали: его страшило одно, — «чтобы неумолимое веретено судьбы не зашвырнуло его въ самую глушь ничтожности» и не «отвело ему черную квартиру неизвѣстности въ мірѣ» [3]). На неожиданное сообщеніе Высоцкаго, что онъ съ своими новыми, петербургскими, друзьями составилъ планъ заграничнаго путешествія, въ который включилъ и Гоголя, давши за него заранѣе слово,—послѣдній возражаетъ: «Смотри только впередъ не раскаяться! можетъ быть, мнѣ жизнь петербургская такъ понравится, что я и поколеблюсь и вспомню поговорку: «не ищи того за моремъ, что̀ сыщешь ближе» [4]).

2.

Но пробилъ часъ — и юный Гоголь, говоря его же словами объ одномъ изъ его героевъ, «по обычаю всѣхъ честолюбцевъ, понесся въ Петербургъ, куда, какъ извѣстно, стремится отъ всѣхъ концовъ Россіи наша пылкая молодежь» [5]). Впослѣдствіи объ этомъ стихійномъ стремленіи молодежи въ Петербургъ Гоголь выразился такъ: «все полѣзло въ Петербургъ служить» [6]); но это было гораздо позднѣе, а въ ту пору онъ буквально рвался туда. Любимый его товарищъ и обычный спутникъ въ путешествіяхъ, А. С. Данилевскій разсказывалъ намъ, съ какимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, вдыхая морозный воздухъ и любуясь издали вечерними огнями, они съ Гоголемъ жадно ловили

[1]) Тамъ же, стр. 56.
[2]) „Письма", т. I, стр. 74.
[3]) Тамъ же, стр. 78.
[4]) Тамъ же, стр. 75.
[5]) Соч. I., изд. X, т. III, стр. 287.
[6]) Тамъ же, стр. 241.

первыя впечатлѣнія при въѣздѣ въ казавшійся имъ раемъ Петербургъ. Въ одной изъ своихъ повѣстей Гоголь картинно изображаетъ первыя ощущенія столичнаго шума и движенія. «Боже мой! стукъ, громъ, блескъ; по обѣимъ сторонамъ громоздятся четырехъ-этажныя стѣны; стукъ конскихъ копытъ и колесъ отзывался громомъ и отдавался съ четырехъ сторонъ; дома росли и будто подымались изъ земли на каждомъ шагу; мосты дрожали; кареты летали; извозчики, форейторы кричали; снѣгъ свистѣлъ подъ тысячью летящихъ со всѣхъ сторонъ саней; пѣшеходы жались и тѣснились подъ домами, и огромныя тѣни ихъ мелькали по стѣнамъ, достигая головою трубъ и крышъ» [1]...

Но скучная проза жизни не замедлила дать себя почувствовать юному мечтателю: пришлось съ седьмаго неба спуститься на землю. Не говоря о страшной дороговизнѣ и мелкихъ житейскихъ непріятностяхъ, оказалось, что и люди въ Петербургѣ совсѣмъ не таковы, какъ ихъ представлялъ себѣ Гоголь; и если въ Нѣжинѣ онъ возмущался «существователями», то здѣсь поразилъ его тотъ особый разрядъ обывателей, который онъ назвалъ «пепельнымъ». «Кажется», — говорилъ онъ, — «слышишь, перейдя въ коломенскія улицы, какъ оставляютъ тебя молодыя желанья и порывы» [2]. Когда же послѣ многихъ неудачъ онъ поступилъ въ департаментъ, то здѣсь дѣйствительность оказалась совершенно отталкивающей и нисколько не оправдывающей ожиданій. Департаментскія впечатлѣнія Гоголь такъ изображаетъ, говоря о Тентетниковѣ: «ему на время показалось, какъ бы онъ очутился въ какой-то малолѣтней школѣ, затѣмъ, чтобы учиться азбукѣ» и далѣе: «вдругъ ему представлялось, какъ невозвратно-потерянный рай, школьное время его». Но съ другой стороны, подобно Тентетникову же, Гоголь пережилъ въ Петербургѣ, въ своемъ дружескомъ кружкѣ много незабвенныхъ часовъ. Его бывшіе нѣжинскіе товарищи поочередно собирались другъ у друга по вечерамъ, и по этому поводу невольно припоминаются слѣдующія чудныя строки Гоголя: «Гдѣ не бываетъ наслажденій [3]? Живутъ они и въ Петербургѣ, несмотря на суровую, сумрачную его наружность. Трещитъ по улицамъ сердитый тридцатиградусный морозъ, вертитъ отчаяннымъ бѣсомъ вѣдьма-вьюга, но привѣтливо свѣтитъ вверху окошко, гдѣ-нибудь, даже и въ четвертомъ этажѣ; въ уютной комнатѣ, при скромныхъ стеариновыхъ свѣчахъ, подъ шумокъ самовара, ведется согрѣвающій и сердце, и душу разговоръ, читается вдохновенная, свѣтлая страница поэта, какими наградилъ Богъ свою Россію, и возвышенно-пылко трепещетъ молодое сердце юноши».

[1]) Тамъ же, т. I, стр. 132.
[2]) Соч. Гог. изд. X, т. II, стр. 67.
[3]) Тамъ же, т. III, стр. 288.

Въ кругу земляковъ-товарищей Гоголю только и удавалось отводить душу отъ нужды и невзгодъ въ первые два года петербургской жизни, — но вдругъ передъ нимъ загорѣлась свѣтлая заря новыхъ надеждъ, когда, благодаря своему мощному таланту, онъ обратилъ на себя сочувственное вниманіе геніальнѣйшихъ представителей современной литературы.

3.

Въ Петербургѣ Гоголь завязалъ цѣлый рядъ литературныхъ отношеній, начиная отъ первостепенныхъ свѣтилъ литературы, какъ Пушкинъ и Жуковскій, и кончая какимъ-нибудь Александромъ Анеимовичемъ Орловымъ или книгопродавцемъ Смирдинымъ, сдѣлавшимся на нѣкоторое время какъ бы повѣреннымъ его въ дѣлахъ. Въ силу ли соображеній практическаго свойства, или по высокой оцѣнкѣ собственной личности, Гоголь всегда старался составить кругъ своихъ знакомствъ изъ лицъ, занимавшихъ въ какомъ-либо отношеніи первенствующее мѣсто. Теперь, когда на разстояніи многихъ десятковъ лѣтъ, литературное и общественное значеніе прежнихъ дѣятелей окончательно опредѣлилось и многіе, считавшіеся въ свое время крупными величинами, забыты, а другіе напротивъ пріобрѣли болѣе почетную и прочную извѣстность,— теперь это не бросается въ глаза. Могутъ казаться очень далеко стоящими въ литературной іерархіи такіе тузы, какъ Пушкинъ, Жуковскій, кн. Вяземскій и кн. Одоевскій, и какой-нибудь никому теперь невѣдомый редакторъ «Отечественныхъ Записокъ» Свиньинъ; но тогда и онъ былъ своего рода величиной. Тяготѣніе къ крупнымъ людямъ осталось у Гоголя навсегда, и онъ не разъ подвергался за то укоризнамъ, и даже отъ своихъ друзей, но неосновательно, потому, что онъ просто искалъ общенія съ людьми своего роста. Впрочемъ, конечно, Гоголю льстила дружба съ Пушкинымъ или Жуковскимъ, что̀ отразилось даже въ наивныхъ воспоминаніяхъ слуги его, съ гордостью припоминавшаго въ старости, какъ къ его молодому барину приходили запросто «генералъ» Жуковскій и «полковникъ» Плетневъ. Къ сожалѣнію, о дружескихъ отношеніяхъ Гоголя въ Петербургѣ въ началѣ тридцатыхъ годовъ сохранилось очень мало разсказовъ и, по естественнымъ условіямъ переписки, они остаются менѣе разъясненными, чѣмъ отношенія иногородныя. Извѣстно только вообще, что, начиная съ 1831 г., Гоголь вращался въ кругу Пушкина, Жуковскаго, Плетнева и Россетъ. Въ общихъ чертахъ извѣстенъ также характеръ отеческихъ отношеній Пушкина къ Гоголю, за что̀ послѣдній платилъ почти обожаніемъ, начавшимся впрочемъ заочно въ Нѣжинѣ, когда Гоголь еще юношей восхищался произведеніями любимаго поэта. Съ восторженнымъ благо

говѣніемъ пришелъ Гоголь въ первый разъ къ Пушкину и, заставъ его спящимъ, съ изумленіемъ узналъ отъ слуги, что поэтъ всю ночь проигралъ въ карты, а не бесѣдовалъ съ музами, какъ предполагалъ Гоголь.

Такое же чувство глубокаго преклоненія влекло восторженнаго юношу и къ Жуковскому. Современники великихъ писателей не оставили намъ разсказа объ ихъ первыхъ встрѣчахъ, и лишь извѣстныя картины, изъ которыхъ одна изображаетъ Гоголя въ кабинетѣ Жуковскаго, а другая представляетъ его въ бесѣдѣ съ Жуковскимъ, Гнѣдичемъ и Крыловымъ, живо переносятъ насъ въ ихъ отношенія. Но Гоголь самъ сохранилъ нѣсколько, хотя и отрывочныхъ, но чрезвычайно драгоцѣнныхъ воспоминаній. Въ извѣстномъ письмѣ литературнаго содержанія онъ такъ напоминаетъ Жуковскому объ ихъ первой встрѣчѣ. «Вотъ уже скоро двадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я, едва вступавшій въ свѣтъ юноша, пришелъ въ первый разъ къ тебѣ, уже совершившему полдороги на этомъ поприщѣ. Это было въ Шепелевскомъ дворцѣ. Комнаты этой уже нѣтъ. Но я ее вижу какъ теперь, всю до малѣйшей мебели и вещицы. Ты подалъ мнѣ руку и такъ исполнился желаніемъ помочь будущему сподвижнику. Какъ былъ благосклонно любовенъ твой взоръ... Что̀ насъ свело, неравныхъ годами? Искусство. Мы почувствовали родство, сильнѣйшее обыкновеннаго родства. Отъ чего? Отъ того, что чувствовали оба святыню искусства» [1]). Въ этихъ задушевныхъ строкахъ звучитъ чувство человѣка среднихъ лѣтъ, воскрешающаго въ своей памяти дорогія воспоминанія золотой поры жизни.

Какъ Пушкинъ давалъ Гоголю совѣты, просматривалъ его черновыя рукописи и даже уступалъ сюжеты для его произведеній, такимъ же образомъ черновые наброски поступали, вѣроятно, и на судъ Жуковскаго [2]). Въ одномъ изъ первыхъ заграничныхъ писемъ къ послѣднему

---

[1]) Соч. Гог., изд. X, т. IV, стр. 279; „Письма Гоголя", т. IV, стр. 135.

[2]) Какъ въ тридцатыхъ годахъ Гоголь любилъ совѣтоваться о своихъ произведеніяхъ съ Пушкинымъ и Жуковскимъ, такъ впослѣдствіи съ подобными просьбами объ исправленіи слога онъ не разъ обращался къ Прокоповичу и Шевыреву, а на счетъ цензурныхъ исправленій (въ „Перепискѣ съ друзьями")—къ Перовскому, Вяземскому и Віельгорскому.—Пушкину Гоголь писалъ въ исходѣ 1834 г.: „Я посылаю вамъ предисловіе: сдѣлайте милость просмотрите, и если что̀, то поправьте и перемѣните тутъ же чернилами. Я вѣдь, сколько вамъ извѣстно, серьезныхъ предисловій еще не писалъ, и потому въ этомъ дѣлѣ совершенно неопытенъ". („Письма", т. I, стр. 329). Ср. въ письмѣ къ Шевыреву отъ 5-го октября 1846 г. „На дняхъ отправилъ къ Плетневу „Предисловіе къ Мертвымъ Душамъ". Исправь, пожалуйста, слогъ. Я не мастеръ на предисловія: для меня труденъ этотъ приличный языкъ, которымъ долженъ разговаривать авторъ съ нынѣшней публикой, а потому угладь всякое неловкое выраженіе и устрой неуклюжій періодъ". („Письма",

Гоголь говоритъ: «каждую субботу я буду въ вашемъ кабинетѣ вмѣстѣ со всѣми близкими вамъ. Вѣчно вы будете представляться мнѣ слушающимъ васъ читающаго» [1]).

Лѣтомъ 1831 года Пушкинъ, Жуковскій и Гоголь безпрестанно встрѣчаются въ Павловскѣ и въ Царскомъ Селѣ и уже составляютъ своего рода литературный тріумвиратъ; въ письмахъ этого времени Гоголь съ любовью и гордостью преданнаго человѣка говоритъ о свѣжихъ новинкахъ, вышедшихъ изъ подъ пера его друзей.

4.

При всей глубокой привязанности къ Пушкину и Жуковскому, не смотря на значительныя удачи въ Петербургѣ, Гоголь не считалъ однако свою жизненную колею вполнѣ установившеюся и не прочь былъ отъ инаго устройства своей судьбы: онъ охотно оставилъ бы Петербургъ, еслибы ему удалось переселиться въ Украйну. Въ 1833 г. онъ горячо мечталъ о каѳедрѣ въ Кіевѣ. На порогѣ 1834 г. Гоголь пишетъ: «Таинственный, неизъяснимый 1834 г. Гдѣ означу я тебя великими трудами? Среди ли этой кучи набросанныхъ одинъ на другой домовъ, гремящихъ улицъ, кипящей меркантильности—этой безобразной кучи модъ, парадовъ, чиновниковъ, дикихъ сѣверныхъ ночей, блеску и тупой безцвѣтности? Въ моемъ ли прекрасномъ, древнемъ, обѣтованномъ Кіевѣ, увѣнчанномъ многоплодными садами, опоясанномъ моимъ южнымъ, прекраснымъ, чуднымъ небомъ, упоительными ночами, гдѣ гора обсыпана кустарниками, съ своими какъ бы гармоническими порывами и подмывающій ее мой чистый и быстрый, мой Днѣпръ» [2]).

Мы видѣли, что Гоголь, какъ и въ нѣжинскія времена, мечтаетъ о великихъ трудахъ, но уже не въ Петербургѣ, и на первомъ планѣ для него теперь не характеръ и содержаніе его будущей дѣятельности, а роскошная картина поэтическаго юга, влекущая къ себѣ его завѣтные помыслы; въ немъ говоритъ то самое чувство, которое вскорѣ на многіе годы удержитъ его въ Италіи. Когда мечта о Кіевѣ не сбылась и Гоголь былъ принужденъ остаться на неопредѣленное время въ Петербургѣ, отклонивъ въ сторону пока свое влеченіе къ югу, онъ нашелъ примиреніе съ своей неудачей въ дорогихъ для него отношеніяхъ.

Къ сожалѣнію, увлеченные прекраснымъ чувствомъ доброжелательства къ молодому собрату Жуковскій и Пушкинъ зашли черезчуръ да-

---

т. III, стр. 212). Ср. также письмо къ Плетневу отъ 26-го сентября 1846 г. („Письма", т. III, стр. 211).

[1]) „Письма Гоголя", т. I, стр. 383.

[2]) Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 104.

леко, покровительствуя ему уже не на одномъ литературномъ поприщѣ: своимъ вліяніемъ они помогли ему добиться каѳедры въ Петербургскомъ университетѣ, тогда какъ есть извѣстіе о томъ, что, замѣтивъ недостаточную начитанность Гоголя, Пушкинъ отчасти даже сталъ руководить его чтеніемъ. Всѣ они, какъ и самъ Гоголь, возлагали чрезмѣрныя надежды на его природную геніальность, и въ сущности своимъ покровительствомъ оказали плохую услугу какъ университету, такъ и самому Гоголю.

5.

Говоря о жизни Гоголя въ Петербургѣ, необходимо упомянуть объ отношеніяхъ его къ князю Вяземскому и князю Одоевскому.

Въ сообществѣ съ Одоевскимъ и съ Пушкинымъ Гоголь задумалъ альманахъ «Тройчатка или альманахъ въ три этажа», при чемъ Одоевскій взялъ на себя описать гостиную, Гоголь чердакъ, а на долю Бѣлкина, т. е. Пушкина, по шутливому выраженію князя Одоевскаго, оставался погребъ [1]). По свидѣтельству Плетнева, князь Одоевскій также читывалъ Гоголю свои рукописныя произведенія, и въ представленіи членовъ ближайшаго кружка образовалась тѣсная связь между Пушкинымъ, Гоголемъ и княземъ Одоевскимъ. Эти три имени дружно мелькаютъ и на страницахъ переписки Плетнева. Такъ 17-го февраля 1833 года Плетневъ пишетъ Жуковскому: «Одоевскій еще не напечаталъ своихъ сказокъ, которыя называются «пестрыми съ краснымъ словцомъ». У Пушкина ничего нѣтъ, у Гоголя—тоже» [2]). Въ другомъ письмѣ онъ же сообщаетъ Жуковскому: «Гоголь мнѣ сказывалъ, что князь Одоевскій (съ которымъ я не видался больше полгода) готовитъ собраніе своихъ повѣстей подъ названіемъ: «Домъ сумасшедшихъ». Нѣкоторыя прочитывалъ онъ съ Гоголемъ: онѣ ему такъ нравятся, что онъ ихъ предпочитаетъ напечатаннымъ, какъ напр. «Послѣдній концертъ Бетговена» [3]). О той же повѣсти Гоголь съ свойственными ему восторгомъ и гордостью, когда онъ говорилъ объ успѣхахъ дорогихъ ему людей, сообщалъ и въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву [4]). Такимъ образомъ между Гоголемъ и Одоевскимъ устанавливались тѣсныя дружескія отношенія, ослабленныя вскорѣ отъѣздомъ перваго за границу. Если между ними не завязалась переписка, то это еще вовсе не говоритъ противъ зна-

[1]) Конечно, это могла быть просто шутка, но для характеристики отношеній она имѣетъ равносильное значеніе.

[2]) Соч. Плетнева, т. III, стр. 528.

[3]) Соч. Плетнева, т. III, стр. 229.

[4]) „Письма“ т. I, стр. 228.

чительной близости ихъ отношеній, выразившейся впослѣдствіи въ томъ, что они стали говорить другъ другу т ы: вѣдь Гоголь въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не собрался написать ни одного письма къ Пушкину и до 1840 г. почти не переписывался съ Плетневымъ. Но въ первомъ же письмѣ къ Одоевскому мы видимъ слѣды теплой привязанности и непринужденныхъ отношеній. 15-го марта 1838 г. Гоголь пишетъ Одоевскому: «Любитъ ли меня князь Одоевскій такъ же, какъ прежде? вспоминаетъ ли онъ обо мнѣ? Я его люблю и вспоминаю. Воспоминаніе о немъ заключено въ талисманъ, который ношу на груди своей. Талисманъ составленъ изъ немногихъ сладкихъ для сердца именъ,—именъ, унесенныхъ изъ родины» [1]... Далѣе Гоголь продолжаетъ: «Помнятъ ли меня мои родные, соединенные со мною святымъ союзомъ музъ?» и жалуется, что никто изъ нихъ къ нему не пишетъ. Не писалъ къ нему и другой сильно расположенный къ нему петербургскій литераторъ, князь Вяземскій, одинъ изъ немногихъ пріѣхавшій на пароходъ сказать ему послѣднее «прости», когда въ 1836 г. Гоголь надолго оставлялъ Россію.

6.

Съ княземъ Вяземскимъ Гоголь былъ не менѣе близокъ, чѣмъ съ Одоевскимъ; но и ему только черезъ два года по выѣздѣ за границу (и также по случайному поводу), написалъ письмо, проникнутое глубокимъ задушевнымъ чувствомъ и свидѣтельствующее объ искренности и близости ихъ отношеній. «Уже прошло болѣе двухъ лѣтъ съ тѣхъ поръ—говоритъ Гоголь,—какъ я имѣлъ удовольствіе видѣть и слышать васъ, князь. Но я помню такъ, какъ бы это было вчера, и буду помнить долго еще вашу доброту, вашъ прощальный поцѣлуй, данный мнѣ уже на пароходѣ, ваши рекомендательныя письма, которыя пріобрѣли мнѣ благосклонный пріемъ отъ тѣхъ, кому были вручены. Живя въ Римѣ, я припомнилъ все то, что вы говорили о немъ» [2].

Какой прекрасной поэзіей, какой задушевной искренностью дышатъ слѣдующія строки письма къ Вяземскому: «Еще не такъ давно былъ я вмѣстѣ съ княгиней З. А. Волконской на знакомой и близкой вашему сердцу могилѣ (въ Римѣ была похоронена дочь Вяземскаго, княжна Прасковья Петровна). Кусты розъ и кипарисы растутъ; между ними прокрались какіе-то незнакомые два-три цвѣтка. Я уважаю тѣ цвѣты, которые вырастаютъ сами собой на могилѣ. Мнѣ все кажется, что это рѣчи усопшаго къ намъ, но мы глядимъ, силимся и не можемъ по-

[1]) „Письма Гоголя", т. III, стр. 480—481.
[2]) „Письма Гоголя", т. I, стр. 513.

нять ихъ». Такія чувства волновали Гоголя при взглядѣ на могилу безвременно угасшей на чужбинѣ молодой дѣвушки, мало ему знакомой, но близкой по сердечной пріязни къ ея отцу. Что иначе могло привести его къ подножію гроба этого чистаго существа, какъ бы награжденнаго за раннюю разлуку съ жизнью мѣстомъ вѣчнаго упокоенія въ такой дивной, поэтической странѣ? «Я былъ еще разъ—продолжалъ Гоголь—съ однимъ москвичемъ, знающимъ васъ,—и вновь увѣрился, что могила эта не сирота: въ Италіи нельзя быть сиротою ни живущему, ни усопшему».

И тотчасъ, затѣмъ: «Дождемся ли мы васъ подъ наше роскошное небо, хотя на нѣсколько дней отогрѣть душу, безъ сомнѣнія уставшую отъ жесткихъ ласкъ сѣвера, хотя и родственныхъ». И конечно, если бы судьба привела въ Римъ князя Вяземскаго въ то время, когда тамъ жилъ Гоголь, что было бы возможно въ виду оставшагося въ этомъ городѣ дорогаго для него залога, то на почвѣ общихъ эстетическихъ упоеній сильнѣе вспыхнула бы прежняя взаимная пріязнь, и жизнь Гоголя была бы, можетъ быть, тѣснѣе связана съ княземъ Вяземскимъ, въ письмѣ къ которому слышенъ голосъ сердца, чѣмъ съ прозаическими Погодинымъ и Шевыревымъ. Замѣчательно, что въ письмахъ Гоголя къ послѣднему нигдѣ не промелькнула искра воодушевленія, нигдѣ нѣтъ той поэзіи искренняго чувства, которая такимъ свѣтлымъ огонькомъ сверкнула въ приведенныхъ строкахъ письма къ князю Вяземскому. Или задушевный лиризмъ стыдливо прячется при встрѣчѣ съ обыденной натурой и душа художника открывается вполнѣ, только когда она чувствуетъ отзвукъ въ родственной душѣ?

7.

Въ послѣдній годъ петербургской жизни на Гоголя обрушился цѣлый рядъ оскорбительныхъ неудачъ, начиная отъ потери занимаемыхъ имъ должностей до ожесточеннаго пріема публикой «Ревизора», и, какъ извѣстно, все это подѣйствовало на Гоголя такъ, что для освѣженія и отдыха онъ рѣшился ѣхать за границу.

Съ какимъ же чувствомъ Гоголь разставался съ Петербургомъ [1])?

---

[1]) Много было у Гоголя въ петербургское время отношеній и внѣ литературной сферы, но то были отношенія чисто оффиціальныя: ему приходилось иногда обращаться по разнымъ дѣламъ къ министру Уварову, къ петербургскому попечителю Дондукову-Корсакову, къ редактору „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія" Сербиновичу. Онъ знакомъ былъ также съ директоромъ почтоваго департамента, опекунскаго совѣта и наконецъ были у него разныя пріятельскія отношенія: съ Віельгорскими, Балабиными,

Когда за два года передъ тѣмъ Максимовичъ совѣтовалъ Гоголю, вмѣсто уже занятой другимъ каѳедры всеобщей исторіи въ Кіевѣ, взять каѳедру русской, это вызвало живую досаду въ Гоголѣ: «Мнѣ оставить Петербургъ,—говорилъ онъ,—не то, что тебѣ Москву: здѣсь все, что̀ дорого, что̀ было мило моему сердцу, люди, съ которыми сдружился и которыхъ алчетъ душа, все, что̀ привычка сдѣлала еще драгоцѣннѣйшимъ» [1]). И, безъ сомнѣнія, слова эти были вполнѣ искренни. Теперь не то: молодость влечетъ его въ заманчивую даль, и обаяніе юга воскресаетъ съ новой силой въ его душѣ. Переворотъ былъ быстрый и рѣшительный. Передъ отъѣздомъ за границу Гоголь весь былъ поглощенъ заботами о постановкѣ «Ревизора», его сильно захватывали журнальные и литературные интересы; онъ вполнѣ жилъ петербургскими злобами дня. Но въ мигъ порвалась цѣпь, связывавшая его съ угрюмымъ городомъ сѣвера, и вольной птицей легко и безпечно помчался онъ въ волшебные края европейскаго юга, не предугадывая близости великой утраты въ лицѣ Пушкина. «Весело,—говорилъ онъ,—презрѣть сидячую жизнь и постоянство и помышлять о дальней дорогѣ подъ другія небеса, въ южныя зеленыя рощи, въ страны новаго и свѣжаго воздуха» [2]). Упоительная волна жизни и молодости подхватила Гоголя и понесла съ неоглядной быстротой. Какъ юные козаки въ «Тарасѣ Бульбѣ», онъ могъ бы сказать: «прощайте, и юность, и друзья, и вся и все» [3])...

Воспоминанія о Петербургѣ и объ оставленныхъ друзьяхъ живо чувствуются особенно въ первомъ заграничномъ письмѣ къ Жуковскому; Гоголь проситъ его о передачѣ поклоновъ и затѣмъ прибавляетъ: «Даже съ Пушкинымъ я не успѣлъ и не могъ проститься; впрочемъ, онъ въ этомъ виноватъ. Плетневу скажите, что я буду писать къ нему изъ Ахена и что я очень сильно жму его руку» [4]). Спустя два мѣсяца онъ писалъ Прокоповичу: «для меня теперь Петербургъ остается чѣмъ-то пріятнымъ» [5]), а черезъ годъ онъ говорилъ: «признаюсь, часто, когда вспомню ваньку, тащащаго меня на трясскихъ дрогахъ въ Свѣчной переулокъ, то очень бы хотѣлось мнѣ въ Петербургъ» [6]). Жуковскому онъ сообщалъ однажды, что ему сдѣлалось такъ

Репниными, Логиновыми, Васильчиковыми. Съ тремя первыми семействами онъ былъ потомъ связанъ истинной дружбой на всю жизнь; но эти отношенія упрочились и сдѣлались глубже, главнымъ образомъ, позднѣе.

[1]) „Письма Гоголя", т. I, стр. 303.

[2]) Соч. Гог., изд. X, т. V, стр. 521.

[3]) Тамъ же, т. I, стр.

[4]) „Письма Гоголя", т. I, стр. 385–386.

[5]) „Письма", т. I, стр. 444.

[6]) Тамъ же, стр. 400.

тяжело при воспоминаніи о Петербургѣ, что онъ даже не въ силахъ былъ продолжать «Мертвыя Души». «Мнѣ представился Петербургъ, писалъ онъ, наши теплые домы; мнѣ живѣе представлялись тогда вы, вы въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ встрѣчали меня, приходившаго къ вамъ, и брали меня за руку, и были рады моему приходу» [1]).

8.

На чужбинѣ Гоголь сначала испытывалъ временами приливы тоски по родинѣ и чувство нравственнаго одиночества, особенно когда съ нимъ не было его друга Данилевскаго и никого изъ тѣхъ, чье общество способно было скрашивать для него всѣ житейскія невзгоды, наприм. Репниныхъ, Балабиныхъ и проч.

Смерть Пушкина, налетѣвшая нежданной грозой, все перемѣнила: исчезла сразу и навсегда главная притягательная сила на родинѣ и ярче выступило все, чтò отъ нея отталкивало. «Когда я вспомню,— писалъ онъ Погодину, — нашихъ судей, ученыхъ умниковъ, благородное наше аристократство, сердце мое содрогается при одной мысли. Ѣхать выносить надменную гордость безмозглаго класса людей, которые будутъ передо мной дуться и даже мнѣ пакостить,—нѣтъ, слуга покорный» [2]).

По смерти Пушкина Россія стала представляться Гоголю «могилою, безжалостно похитившею все, чтò есть драгоцѣннаго для сердца» [3]). Возвращаясь на родину въ 1839 году, Гоголь писалъ Плетневу: «Какъ странно! Боже, какъ странно! Россія безъ Пушкина! Я пріѣду въ Петербургъ — и Пушкина нѣтъ! Я увижу васъ — Пушкина нѣтъ! Зачѣмъ вамъ теперь ваши милыя прежнія привычки, ваша прежняя жизнь? Бросьте все и ѣдемъ въ Римъ! О, еслибъ вы знали, какой тамъ пріютъ для того, чье сердце испытало утраты» [4]). Хотя Гоголь и говорилъ, что смерть Пушкина отняла отъ всего «половину того, чтò могло бы развлекать», но страстное упоеніе Италіей въ значительной степени заглушало и сердечную тоску и физическія страданія, доводившія его до жалобъ, что какой-то дьяволъ сидитъ въ желудкѣ. «Мысль о тебѣ, да мысль о двухъ-трехъ дорогихъ для сердца душахъ, пребывающихъ въ Петербургѣ,—писалъ онъ Прокоповичу,— иногда согрѣваетъ меня, но уже не столько, какъ прежде, отъ того, что я слишкомъ часто и неумѣренно предаюсь ей» [5]). Но была здѣсь

---

[1]) Тамъ же, стр. 414.
[2]) „Письма Гоголя", т. I, стр. 434—435.
[3]) Тамъ же, стр. 436.
[4]) Тамъ же, т. II, стр. 12.
[5]) Тамъ же, т. I, стр. 254.

и другая причина: Римъ, по словамъ Гоголя, «околдовалъ» его и дарилъ его такими райскими наслажденіями, какія доступны только душѣ художника; забывая все, Гоголь отдался беззавѣтному восторгу и не могъ оторваться отъ чаши блаженства. Въ началѣ 1838 года онъ получилъ отъ матери цѣлый рядъ умоляющихъ писемъ, въ которыхъ она призывала его на родину, а онъ въ это самое время просилъ Прокоповича переслать ему книги и рукописи, располагаясь надолго въ Римѣ: онъ очарованъ, и не манитъ его теперь ни Петербургъ, ни Украйна.

Съ тѣхъ поръ, по мѣрѣ того, какъ получались изъ Россіи извѣстія о дорогихъ покойникахъ, въ душѣ Гоголя накоплялся все больше горькій осадокъ отчужденія; каждое такое извѣстіе отдаляло отъ него и родину и прошлое. Въ маѣ 1838 г. онъ писалъ Данилевскому: «Итакъ добрая мать твоя не существуетъ! Въ твоей матери я потерялъ все близкое къ тебѣ и, стало-быть, близкое ко мнѣ, и я вспомнилъ при этомъ Семереньки, Толстое, и наши поѣздки, и тѣ счастливыя три версты разстоянія между нашими бывалыми жилищами, и мнѣ стало грустно... Съ каждымъ годомъ, съ каждымъ мѣсяцемъ разрываются болѣе и болѣе узы, связывающія меня съ нашимъ холоднымъ отечествомъ» [1]). Такъ, наслаждаясь Италіей, Гоголь порой предавался горькимъ, щемящимъ воспоминаніямъ о родинѣ, и пока онъ срывалъ розы счастья въ своемъ «прекрасномъ далекѣ», душа его сиротѣла отъ невознаградимыхъ потерь; поэтому въ его письмахъ иной разъ звучитъ задумчивая нота тоски о быломъ, невозвратномъ...

Прошло еще нѣсколько лѣтъ—и Жуковскій оставилъ Петербургъ... Мало-по-малу порвались прежнія связи Гоголя съ этимъ городомъ, тѣмъ болѣе, что съ Плетневымъ и Прокоповичемъ у него произошли вскорѣ,— правда временныя, недоразумѣнія,—и Петербургъ уже мало говорилъ его сердцу и сталъ понемногу для него почти совсѣмъ чужимъ...

II.

Кто былъ родоначальникомъ реальнаго направленія въ нашей литературѣ, Гоголь или Пушкинъ.

Съ приближеніемъ полувѣковой годовщины со дня смерти Гоголя, естественно выступаетъ вопросъ, вполнѣ ли выяснилось его историко-литературное значеніе. Вопросъ этотъ касается, конечно, не общепризнан-

---

[1]) „Письма Гоголя", т. I, стр. 510.

наго и великаго достоинства его произведеній, а степени его вліянія на послѣдующую литературу.

Очень недавно Гоголя единодушно признавали главой натуральной школы и отцомъ современной литературы. Такое значеніе приписывали ему еще при жизни, хотя и въ разныхъ смыслахъ, люди далеко не одинаковыхъ взглядовъ и направленій. Съ одной стороны Бѣлинскій, восторженно привѣтствовавшій появленіе натуральной школы, а съ другой хотя бы князь Вяземскій, находившій, что «самъ по себѣ и самъ за себя Гоголь дарованіе необыкновенное и занимаетъ свѣтлое и высокое мѣсто въ литературѣ нашей», но что «вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ родоначальникъ школы, онъ былъ не только не у мѣста, но даже вреденъ». При полной противоположности взглядовъ на новое направленіе, оба писателя безусловно сходились въ признаніи рѣшительнаго вліянія Гоголя на литературу, и это впечатлѣніе современниковъ непремѣнно должно быть принято во вниманіе. Спустя три года по смерти великаго писателя появилась извѣстная книга, уже прямо названная «Очерками Гоголевскаго періода русской литературы». Съ тѣхъ поръ всю новѣйшую литературу всегда связывали съ именемъ Гоголя, и указанное мнѣніе сдѣлалось общепринятымъ. Но вотъ въ прошедшее десятилѣтіе сначала г. Скабичевскій, а затѣмъ, по его слѣдамъ, П. Д. Боборыкинъ высказались въ томъ смыслѣ, что, по ихъ мнѣнію, отнюдь не Гоголя, а Пушкина слѣдуетъ признать родоначальникомъ и основателемъ господствующаго донынѣ въ литературѣ направленія. Наконецъ весьма авторитетнымъ писателемъ было высказано и третье мнѣніе,—хотя и мимоходомъ, но совершенно положительно,—«что отъ Пушкина и Гоголя никуда не уйдешь въ русской литературѣ». Каждое изъ этихъ мнѣній имѣетъ свою дозу правды и можетъ, при извѣстной группировкѣ доказательствъ, казаться вѣскимъ и основательнымъ, и потому мы считаемъ не лишнимъ высказать по этому поводу нѣсколько соображеній.

1.

Для того, чтобы разобраться въ этомъ вопросѣ, слѣдуетъ прежде всего обратить вниманіе на то, что, признавая Пушкина или Гоголя родоначальникомъ реальнаго направленія, мы должны подъ этимъ подразумѣвать не то, кто изъ нихъ первый сталъ изображать дѣйствительную жизнь, но кто своими произведеніями увлекъ за собой и направилъ на путь реализма другихъ писателей. Поэтому мы совершенно оставимъ въ сторонѣ не разъ затронутый вопросъ о томъ, чьи повѣсти—Гоголя или Пушкина—раньше появились въ печати. Считаемъ впрочемъ необходимымъ оговориться, что мы не пренебрегаемъ подоб-

ными разысканіями, но рѣшительно не придаемъ имъ значенія въ данномъ случаѣ.

Затѣмъ необходимо нѣсколько остановиться на понятіи реализма въ литературѣ.

Намъ важно взглянуть на реализмъ какъ на противоположность всякой фальши, ненатуральности, ложнымъ эффектамъ и мелодрамѣ. Но при этомъ надо сдѣлать одну существенную оговорку, именно, что, при несомнѣнной и очевидной противоположности реализма фантастикѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда фантастическое является лишь внѣшней рамкой, оно можетъ, какъ бы ни показалось страннымъ съ перваго взгляда, не мѣшать признанію произведенія иногда даже высоко реальнымъ. Достаточно вспомнить, что въ самомъ фантастическомъ сюжетѣ писатель можетъ оставаться глубоко реальнымъ живописцемъ нравовъ и характеровъ. Такъ у величайшаго реалиста Шекспира мы сплошь и рядомъ встрѣчаемъ фантастическое и не менѣе у другого міроваго генія и также несомнѣннѣйшаго реалиста Сервантеса: совершенно невѣроятныя недоразумѣнія Донъ-Кихота никогда и никому не давали права и повода считать это произведеніе чуждымъ реализма. А сколько фантастическаго въ «Бурѣ» и въ «Снѣ въ лѣтнюю ночь» и въ то же время какъ много живой дѣйствительности! Не говорю уже о видѣніяхъ Макбета Гамлета и проч. То же слѣдуетъ сказать и о «Носѣ» и «Портретѣ» Гоголя и о балладахъ Пушкина, въ которыхъ виденъ художникъ-реалистъ, хотя у Пушкина же нельзя признать реальнымъ такое произведеніе, какъ «Русланъ и Людмила».

Если читатель согласится съ предыдущими соображеніями, то онъ долженъ будетъ признать глубоко-реальнымъ содержаніе многихъ эпизодовъ даже «Одиссеи», гдѣ описывается самый подлинный бытъ древнихъ грековъ. А если бы кто и вздумалъ оспаривать высказанное мнѣніе объ «Одиссеѣ», то напр. относительно «Сиракузянокъ» Өеокрита, гдѣ такъ ярко нарисованы бытовыя картинки изъ древнегреческой жизни, не можетъ уже быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Вообще изображеніе дѣйствительной жизни всегда существовало во всѣхъ литературахъ и въ народной словесности всѣхъ народовъ, а такъ какъ настоящее искусство не можетъ быть въ разладѣ съ истиной, то въ случаѣ фальши въ самой основѣ сюжета произведеніе можетъ быть признано художественнымъ только со стороны внѣшней формы, какъ напр. «Энеида» Виргилія, но всегда, въ самые далекіе отъ истиннаго реализма періоды, даже подчиняясь во многомъ господствующему въ данный моментъ ложному направленію, талантъ даровитаго художника непремѣнно возьметъ свое и восторжествуетъ надъ условными традиціями вѣка. Такъ Державинъ въ эпоху самаго ходульнаго и фальшиваго ложноклассицизма возвышается до реализма въ «Фелицѣ» и во многихъ

другихъ своихъ лучшихъ произведеніяхъ и находитъ въ себѣ силы въ яркихъ картинахъ, хотя и съ внѣшней стороны, изобразить время Екатерины II. Поэтому фантастическія произведенія Гоголя и Тургенева могутъ быть названы реальными, тогда какъ большая часть сочиненій Марлинскаго не заслуживаютъ этого названія.

Еще нѣсколько примѣровъ. Пѣвецъ «Слова о полку Игоревѣ», не имѣя никакого теоретическаго представленія о реализмѣ въ искусствѣ, былъ настоящимъ художникомъ-реалистомъ, тогда какъ его бездарные подражатели, рабски копируя его и перефразируя многія его выраженія, не могли удержаться на высотѣ реализма: все жизненное и прекрасное ускользнуло изъ ихъ писаній. Фонвизинъ, при всей склонности къ карикатурѣ, неподражаемо рисовалъ дѣйствительную жизнь и современные ему типы, а Сумароковъ въ своихъ блѣдныхъ копіяхъ иностранныхъ образцовъ не умѣлъ уловить дыханіе жизни. Жуковскій былъ архиромантикъ и постоянно стремился подальше отъ земли и жизненной прозы, и все-таки онъ является истиннымъ реалистомъ напр. въ «Сельскомъ кладбищѣ».

Разъясняя сущность романтизма и полагая его въ изображеніи внутренняго міра человѣческой души, Бѣлинскій, не смущаясь внѣшними затрудненіями не усомнился указывать проявленія романтизма и въ древности, хотя романтизмъ, какъ опредѣленное направленіе, возникъ лишь въ средніе вѣка. И онъ былъ глубоко правъ. Такъ слѣдуетъ отнестись и къ понятію реализма, такъ какъ иначе придется не разъ назвать черное бѣлымъ и наоборотъ.

2.

Такимъ образомъ, если искать не главнаго, а единственнаго родоначальника реальной школы въ нашей литературѣ, то ясно, что самая постановка вопроса въ этомъ смыслѣ совершенно праздная и основана на безусловномъ недоразумѣніи. Въ этомъ впрочемъ нисколько неповинны Бѣлинскій, Чернышевскій и другіе писатели, признавшіе главой реализма у насъ Гоголя, такъ какъ нельзя предполагать, чтобы они упускали изъ вида только что разъясненное, но ихъ оппоненты — дѣло другое. Уже не только Фонвизинъ, Крыловъ и Грибоѣдовъ, но даже по мѣткому указанію проф. Алексѣя Николаевича Веселовскаго, авторъ «Слова о полку Игоревѣ», должны быть признаны, конечно въ разной степени, піонерами нашего литературнаго реализма. «Множество современныхъ типовъ» — говоритъ Гончаровъ, этотъ скромный, но проницательный и въ высшей степени дѣльный критикъ, умѣвшій безхитростно, но необыкновенно просто и вѣрно обсуждать литературные

факты—«типовъ вродѣ Чичикова, Хлестакова, Собакевича и Ноздрева, окажутся разновидностями развѣтвившагося генеалогическаго дерева Митрофанушекъ и Скотининыхъ». «Фонвизинъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь»—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ—«стремились къ правдѣ, находили ее въ природѣ, въ жизни и вносили ее въ свои произведенія». Въ этомъ бѣгломъ перечнѣ Гончаровъ, конечно, лишь случайно пропустилъ Грибоѣдова и Крылова; но случайность эта не безъ причины и очень характерна. Крыловъ своей безыскусственной и высоко-художественной простотой, несомнѣнно, очень и очень облегчилъ торжество реализма, но только косвеннымъ образомъ, воспитывая вкусъ и показывая образцы языка и слога. Можно было бы, пожалуй, не назвать и Лермонтова, этого третьяго колосса нашей литературы. Но Пушкина и Гоголя ни въ какомъ случаѣ невозможно было бы пропустить, какъ главнѣйшихъ и центральныхъ представителей нашей литературы, имѣвшихъ рѣшительное вліяніе на всю ея дальнѣйшую судьбу.

Указавъ приведенныя мнѣнія Гончарова, позволимъ себѣ напомнить сказанныя еще раньше слова покойнаго профессора О. Ѳ. Миллера, который очень сжато, но тѣмъ не менѣе достаточно обстоятельно, сдѣлалъ обзоръ отдѣльныхъ проявленій реализма до окончательнаго торжества этого направленія въ литературѣ. Строки эти находятся въ самомъ началѣ извѣстной книги «Русскіе писатели послѣ Гоголя». Къ обзору Ореста Миллера приведенныя слова Гончарова по существу относятся какъ часть къ цѣлому въ отношеніи объема разсматриваемаго вопроса, превосходя ихъ въ то же время мѣткостью и глубиною. Вотъ что говоритъ Орестъ Миллеръ: «Издавна (въ литературѣ) начинаетъ просачиваться струя жизненная, правдивая. Она сказывается во многихъ мѣстахъ нашей лѣтописи, запечатлѣнныхъ свѣжестью красокъ нашей родной дѣйствительности, въ горячо затрогивающей современность чисто христіанской проповѣди нѣкоторыхъ духовныхъ писателей, въ стремленіи пѣвца Игорева пѣть «по былинамъ своего времени», въ его глубокомъ горѣ о розни въ родной землѣ; она сказывается въ яркой прямотѣ посланія Вассіана къ Іоанну III и писемъ Курбскаго къ Грозному, въ прямо христіанскомъ духѣ посланія заволжскихъ старцевъ къ одному изъ столповъ нашего византійствующаго фанатизма. Позже мы видимъ ту же струю,—и въ той вѣрной картинѣ нашихъ до-Петровскихъ порядковъ, которую рисуетъ смѣлое перо самоучки Посошкова, и въ различныхъ запискахъ по современнымъ вопросамъ великаго Ломоносова. Та же струя сказывается въ сатирѣ Кантемира, Фонвизина и Новикова, въ лирическомъ сатиризмѣ Державина, неожиданно и пріятно изумившемъ тогдашнюю публику, утомившуюся отъ прежнихъ надутыхъ одъ. Въ XIX вѣкѣ струя эта расширяется въ комедіи Грибоѣдова, въ басняхъ Крылова, въ полныхъ жизненной правды картинахъ русскаго

быта у Пушкина и Лермонтова. Но окончательно пробивается эта струя и становится цѣлымъ могучимъ потокомъ, захватывающимъ почти всю нашу литературу,—уже со временъ Гоголя».

Но не ошибался ли покойный Миллеръ? не повторялъ ли онъ безъ критики прежде установившееся мнѣніе? Прежде чѣмъ говорить объ этомъ, мы должны оговориться, что мы несогласны лишь съ слѣдующимъ замѣчаніемъ его о Пушкинѣ. «У Пушкина, этого великаго провозвѣстника новаго направленія»—говоритъ Миллеръ,—«направленія жизненнаго и правдиваго, даже и у него старая закваска порою сказывается еще въ видѣ того художническаго квіэтизма, который запирался въ своемъ самодовольномъ «я» и среди этой привольной пустыни не хотѣлъ уже знать ничего о «житейскихъ волненіяхъ». Въ этихъ строкахъ слишкомъ явно слышится отголосокъ того времени, когда онѣ были писаны, т. е. начала семидесятыхъ годовъ. Здѣсь Миллеръ несправедливо умаляетъ значеніе Пушкина. Впрочемъ, не станемъ повторять того, что много разъ разъяснялось потомъ,—именно что Пушкинъ въ сущности совсѣмъ не такъ относился къ дѣйствительной жизни, что слова эти были клеветой на самого себя подъ вліяніемъ досады и что въ «памятникѣ» онъ напротивъ главной заслугой своей считаетъ свое живое отношеніе къ людямъ и къ ихъ нуждамъ и интересамъ. Эту оговорку мы только потому считаемъ необходимой, что она имѣетъ самое прямое отношеніе къ занимающему насъ вопросу.

Пушкинъ, напротивъ, лично былъ глубоко реаленъ во всемъ почти объемѣ своей литературной дѣятельности, не исключая балладъ. Онъ реаленъ въ своей чрезвычайно жизненной и правдивой лирикѣ, въ своихъ эпическихъ произведеніяхъ, начиная съ «Евгенія Онѣгина», въ повѣстяхъ въ прозѣ, впрочемъ съ нѣкоторыми оговорками, напр. въ отношеніи «Барышни-крестьянки» и отчасти «Дубровскаго», въ которомъ нельзя отрицать нѣкотораго мелодраматизма на-ряду съ реальнѣйшимъ изображеніемъ Троекурова, подъячихъ и проч.,—и наконецъ въ такихъ высоко-художественныхъ созданіяхъ Пушкинскаго генія въ области драмы, какъ «Скупой Рыцарь», «Каменный Гость», «Моцартъ и Сальери».

Но дѣло все-таки въ томъ, что въ значительномъ большинствѣ случаевъ не Пушкинъ, а Гоголь проложилъ широкій путь своимъ продолжателямъ и именно благодаря ему та струя реализма, о которой говоритъ Миллеръ въ выше приведенныхъ строкахъ, обратилась въ потокъ, наводнившій всю русскую литературу,—уже потому, что онъ ближе подошелъ къ изображенію повседневной дѣйствительности.

Гоголь живѣе и глубже всѣхъ чувствовалъ жизненность реализма и

необходимость почерпать сюжеты изъ окружающей жизни. Онъ не разъ поражалъ въ своихъ сочиненіяхъ своей необычайной способностью схватывать живьемъ обыденные типы самого Пушкина, который не могъ такъ проникать въ мелочи жизни, какъ Гоголь, такъ что, слушая его чтеніе и узнавая въ его рельефномъ изображеніи многое такое, чего онъ раньше не замѣчалъ, онъ съ глубокой грустью воскликнулъ однажды: «Боже, какъ грустна наша Россія»! Аксакова, опытнаго и умнаго литератора Гоголь просто ошеломилъ вѣрнымъ замѣчаніемъ о томъ, что «комизмъ кроется вездѣ, что, живя посреди него, мы его не видимъ; но что если художникъ перенесетъ его въ искусство, на сцену, то мы же сами надъ собой будемъ валяться со смѣху и будемъ дивиться, что прежде не замѣчали его». Въ этихъ словахъ для того времени заключалось цѣлое откровеніе, и его-то Гоголь сообщилъ С. Т. Аксакову непосредственно, а другимъ писателямъ—своими произведеніями. Извѣстно далѣе, что лучшія свои произведенія Аксаковъ создалъ благодаря вліянію Гоголя. Пушкинъ и Лермонтовъ имѣли еще пристрастіе къ героическимъ личностямъ и сюжетамъ, и если подъ ихъ перомъ создавались чудные перлы поэзіи, то въ значительной степени излюбленная сфера ихъ творчества оставалась удѣломъ только ихъ самихъ.—«Кавказскій Плѣнникъ», «Бахчисарайскій фонтанъ», «Демонъ», «Хаджи Абрекъ», безспорно, геніальныя вещи, но къ послѣдующей литературѣ они имѣютъ самое слабое отношеніе. При всемъ глубокомъ реализмѣ такихъ лицъ, какъ «Скупой баронъ» или «Донъ-Жуанъ», созданіе подобныхъ характеровъ по плечу только такому же художнику, какъ Пушкинъ. Конечно, это отнюдь не укоръ; вѣдь и по слѣдамъ Шекспира создавать не легко. Какая чудная вещь «Моцартъ и Сальери»; но какое отношеніе имѣетъ эта драма къ послѣдующей литературѣ?

Слѣдовать въ творчествѣ Гоголю по самому характеру изображаемыхъ имъ типовъ было несравненно доступнѣе для его преемниковъ. Создавать поэмы вродѣ «Полтавы» или «Мѣднаго Всадника» и драмы вродѣ «Каменнаго Гостя» послѣ Пушкина никому еще не удавалось,—это фактъ, и дать что-нибудь цѣнное въ этомъ родѣ, что не было бы карикатурой на названныя произведенія, весьма и весьма трудно, хотя то же можно сказать о «Тарасѣ Бульбѣ» Гоголя. Напротивъ повѣсти Пушкина и Гоголя и комедіи послѣдняго положительно открыли путь другимъ, и напр. совершенно не подлежитъ сомнѣнію, что именно пьесы Гоголя послужили надежной путеводной звѣздой для Островскаго и въ значительной степени создали современный репертуаръ. Но если относительно бытовыхъ драматурговъ справедливо только-что сказанное замѣчаніе, что съ другой стороны Пушкинъ своимъ «Борисомъ Годуновымъ» показалъ, какъ слѣдуетъ писать историческія хроники.

Но и тутъ есть еще другой вѣчный образецъ—Шекспиръ, который сильно оспариваетъ въ данномъ случаѣ монополію вліянія Пушкина, тогда какъ нельзя того же сказать въ равной степени о соперничествѣ съ Гоголемъ иностранныхъ драматурговъ соотвѣтствующей области. Также и въ романѣ и повѣсти вліяніе разсказовъ Бѣлкина только неисправимо предубѣжденный человѣкъ могъ бы поставить на-ряду съ вліяніемъ Гоголевскихъ произведеній, хотя въ историческомъ романѣ напротивъ, можетъ быть, чаще можно найти слѣды «Арапа Петра Великаго» и «Капитанской дочки», нежели «Тараса Бульбы».

Мнѣ могутъ возразить, что все это понятно само собой и всѣмъ извѣстно; но вѣдь высказываются же подобныя оспариваемымъ мною мнѣнія такими почтенными и высоко образованными людьми, какъ П. Д. Боборыкинъ! Оговоримся впрочемъ, что мы не столько навзглядъ стаиваемъ на подробностяхъ, сколько стараемся разъяснить нашъ общій.

Къ сказанному прибавимъ, что намъ кажется болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ, предположеніе извѣстнаго взаимновліянія въ творчествѣ обоихъ нашихъ величайшихъ корифеевъ, и если Бѣлинскій, объясняя отношеніе Пушкина къ предшествующей литературѣ, сравниваетъ его съ рѣкой, поглощающей въ себя множество большихъ и малыхъ притоковъ, то трудно думать, что его художественная воспріимчивость на этомъ и застыла и ограничивалась лишь раннимъ возрастомъ и предшественниками. Но, разумѣется, мы понимаемъ возможность обратнаго вліянія Гоголя на Пушкина не въ грубомъ смыслѣ, а въ томъ, что Гоголь, въ свою очередь, могъ и долженъ былъ облегчить Пушкину вступленіе на путь реализма или, точнѣе, помочь дальнѣйшимъ успѣхамъ его въ данномъ направленіи. Думаемъ, что если бы Пушкинъ прожилъ долѣе, то это взаимновліяніе могло бы обозначиться замѣтнѣе. Вспомнимъ, что вѣдь и о сюжетахъ, переданныхъ Пушкинымъ Гоголю, мы узнаемъ не изъ самыхъ произведеній послѣдняго, а изъ непосредственныхъ признаній самого Гоголя. Вообще же Пушкинъ, Гоголь, Крыловъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ трудились на одной нивѣ, на которой имѣли предшественниковъ и, въ свою очередь, всѣ болѣе или менѣе приняли участіе въ образованіи новыхъ талантовъ.

Возвращаясь къ Пушкину, мы должны сказать еще, что не только по особенностямъ своего таланта, какъ обыкновенно думаютъ, но и по условіямъ своего круга и воспитанія, Пушкинъ стоялъ дальше отъ мелкой дѣйствительности, а, съ другой стороны, захваченная его творчествомъ сфера далеко выходила за предѣлы національной жизни. Но его послѣдніе романы и повѣсти, несомнѣнно, показываютъ, что онъ все болѣе вступалъ на путь реализма или, точнѣе, расширялъ его сферу въ своихъ произведеніяхъ. Такъ какъ, между прочимъ, онъ все болѣе склонялся въ послѣдніе годы также къ изображенію житейской прозы,

то мы, съ большимъ основаніемъ, имѣемъ право предполагать, что впослѣдствіи все шире и разностороннѣе онъ захватывалъ бы изображеніе русской дѣйствительности. За это ручается его живая отзывчивость, совершенно исключающая возможность замкнуться въ художественномъ квіэтизмѣ, отзывчивость, которою полна вся его поэзія, и тѣ мѣткія характеристики и драгоцѣнные критическіе перлы, при всей своей простотѣ блещущіе силой необыкновеннаго ума, которые такъ щедро разсѣяны въ его письмахъ.

Въ Лермонтовѣ также, по выраженію Гоголя, «готовился будущій великій живописецъ русскаго быта». Наконецъ, поразительнѣе всего видна была побѣда разума на критической дѣятельности Бѣлинскаго. Очевидно, въ поступательномъ движеніи русской литературы совершался общій процессъ, которому неизбѣжно поддавались всѣ лучшія силы, и Гоголь былъ въ самомъ центрѣ этого процесса, заключавшагося въ возмужаніи русской литературы и въ торжествѣ свойственныхъ порѣ зрѣлости реализма и критическаго направленія.

3.

Гончаровъ, не вдаваясь въ сравнительную оцѣнку вліянія Пушкина и Гоголя на послѣдующую литературу, въ общемъ замѣчательно мѣтко и вѣрно, съ свойственной ему проницательностью и уравновѣшенностью сужденія, охарактеризовалъ мимоходомъ и взаимное отношеніе обоихъ главныхъ корифеевъ нашей литературы и значеніе каждаго изъ нихъ. «Школа Пушкино-Гоголевская»,— говорилъ онъ,— «продолжается доселѣ, и всѣ беллетристы только разработываютъ завѣщанный ими матеріалъ». Въ настоящее время эти слова должны быть, впрочемъ, приняты съ нѣкоторой оговоркой въ отношеніи народниковъ и одного новѣйшаго оригинальнаго писателя, но за этимъ исключеніемъ они сохраняютъ и по сію пору всю свою силу. Далѣе, признавая Пушкина «родоначальникомъ русскаго искусства», онъ прибавляетъ: «въ Пушкинѣ кроются всѣ сѣмена и задатки, изъ которыхъ родились потомъ всѣ роды и виды искусства во всѣхъ нашихъ художникахъ», и не забываетъ указать также на то, что у Пушкина и Гоголя «прелесть, строгость и чистота формы – та же; вся разница въ бытѣ, обстановкѣ и сферѣ дѣйствій, а творческій духъ одинъ, у Гоголя весь перешедшій въ отрицаніе». Но о Гоголѣ онъ прибавляетъ, что ни у кого «не найдешь больше правды въ образахъ».

Къ этимъ, безусловно вѣрнымъ замѣчаніямъ, мы прибавили бы, въ интересахъ занимающаго насъ сравненія, что въ существѣ духовной природы Пушкина, въ этой замѣчательно разносторонней и богато ода-

ренной личности были также несомнѣнные задатки критическаго направленія мысли и творчества, и мы должны въ немъ цѣнить не одно артистическое совершенство формы его художественныхъ созданій, но всѣ въ нераздѣльности проявленія его мыслящаго и творческаго духа, потому что работа мысли и критическая способность всегда и во всѣхъ случаяхъ составляетъ величайшее преимущество человѣка, высшее торжество его безсмертной природы. И оспаривая ближайшее и преимущественное вліяніе Пушкина на нашу реальную школу, мы охотно готовы признать за нимъ не менѣе важное значеніе въ исторіи нашей литературы, приблизительно то, которое указано Гончаровымъ.

Отъ Пушкина ведетъ свое начало все. Какъ Ломоносовъ, говоря о Петрѣ Великомъ, затрудняется найти ему равнаго; какъ Неплюевъ сказалъ о немъ въ своихъ запискахъ: «на что ни взгляни въ Россіи, все его началомъ имѣетъ, и что́ бы впередъ ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ»; такъ и Пушкину навѣки принадлежитъ самое почетное и центральное мѣсто въ русской литературѣ (наравнѣ, конечно, съ Гоголемъ). Все, что̀ предшествовало Пушкину, было временемъ роста, когда не окрѣпшій еще организмъ только формировался и набиралъ силы, а духовное развитіе нуждалось въ постороннемъ руководительствѣ и въ подражаніи иностраннымъ образцамъ. Все, что̀ было свѣтлаго, талантливаго и выдающагося послѣ, также обязано Пушкину и Гоголю. Въ критическихъ отзывахъ о Пушкинѣ мы можемъ смѣло видѣть пробный камень вкуса и дарованія самихъ критиковъ. Правда, была одна талантливая филиппика противъ Пушкина, но и на нее можно было бы отвѣтить словами другого поэта:

„Спаситель Пушкинъ! Вотъ страница:
Прочти и перестань корить“.

Но все же припомнимъ опять слова Гончарова о Гоголѣ: «ни у кого не найдешь больше правды въ образахъ», и все же самое существенное вліяніе ихъ на новѣйшую литературу принадлежитъ именно ему.

Укажемъ теперь нѣсколько отдѣльныхъ примѣровъ вліянія Пушкина и Гоголя, частью засвидѣтельствованнаго самими авторами. Мы уже говорили о вліяніи Гоголя на Аксакова. Въ своей статьѣ «Лучше поздно, чѣмъ никогда» Гончаровъ прямо заявилъ, что ему могли бы замѣтить, что еще задолго до «Обломова» и «Обрыва» отношенія между героями и героинями, подобныя изображеннымъ у него, встрѣчаются въ романѣ Пушкина «Евгеній Онѣгинъ». Съ другой стороны, едва ли онъ могъ бы отрицать многія сходныя черты въ описаніи Обломовки съ изображеніемъ быта старосвѣтскихъ помѣщиковъ, а въ Обломовѣ то маниловщину, то робкую и застѣнчивую нерѣшительность

Шпоньки и Подколесина (въ отношенія брака), то, наконецъ, безплодную, но задающуюся огромными планами, нравственную распущенность, свойственную Тентетникову и Манилову. Далѣе, развѣ въ Тарантьевѣ Гончарова и «Нашихъ Безобразникахъ» мы не находимъ нѣкоторыхъ ноздревскихъ чертъ, а въ Штольцѣ и Тушинѣ—отголосковъ тенденціозной и ходульной идеализаціи Костанжогло и другихъ героевъ второго тома «Мертвыхъ Душъ»? Въ Тушинѣ, напримѣръ, по словамъ Гончарова, «крылась безсознательная, природная почти непогрѣшительная система жизни и дѣятельности».

Вообще у каждаго писателя мы можемъ найти съ одной стороны слѣды вліянія унаслѣдованной отъ предшественниковъ сокровищницы наблюденій и художественныхъ образовъ, а съ другой стороны—вліянія среды и впечатлѣній личной жизни. Никакой геніальный художникъ, даже самъ Шекспиръ, не въ состояніи былъ обойтись безъ заимствованныхъ, но творчески переработанныхъ сюжетовъ. Но кромѣ того, у большинства писателей замѣчается нѣкоторая повторяемость типовъ, сходныхъ картинъ и даже мелкихъ подробностей. Мы не разъ указывали это въ отношеніи произведеній Гоголя. У Лермонтова бросается въ глаза пристрастіе къ немногимъ избраннымъ характерамъ и даже къ одной часто повторяющейся у него фамиліи. У Льва Толстого очень замѣтно сродство между матерью Николеньки и Маріей Болконской и есть сходныя черты въ Иртеньевѣ, Неклюдовѣ, Оленинѣ и Левинѣ (какъ полагаютъ, это изображенія самого Толстого въ разные періоды его жизни) и наконецъ также пристрастіе къ одной излюбленной фамиліи. У Алексѣя Толстого въ его драмахъ оказываются необыкновенно сходными добродѣтельныя лица, какъ Захарьинъ-Юрьевъ и Иванъ Петровичъ Шуйскій. Гончаровъ самъ говоритъ, что Ольга въ «Обломовѣ» та же Наденька «Обыкновенной Исторіи» и даже сливалъ ихъ въ одну личность, называя ихъ въ очеркѣ «Лучше поздно, чѣмъ никогда» двойнымъ именемъ: «Наденька-Ольга». Въ подобныхъ излюбленныхъ типахъ и мелкихъ аксессуарахъ творчества особенно ярко отражается индивидуальность автора, а съ другой стороны во многомъ иномъ чувствуется вліяніе предшествующихъ образцовыхъ писателей. Иногда же оба эти элемента перепутываются и сливаются вмѣстѣ. Такъ въ «Обрывѣ» въ личности Райскаго мы узнаемъ общія черты съ Александромъ Адуевымъ, и особенно поразительно сходство въ наклонности обоихъ быстро и безпрестанно перескакивать отъ одного предмета увлеченія къ другому и вмѣстѣ съ тѣмъ у обоихъ много общаго съ Тентенниковымъ въ отношеніи ихъ первоначальныхъ служебныхъ впечатлѣній; наконецъ, у всѣхъ трехъ, какъ давно указалъ Добролюбовъ, есть несомнѣнное сходство съ Обломовымъ въ ихъ безрезультатной талантливости.

*

Разобрать и разграничить всѣ эти элементы въ произведеніяхъ каждаго крупнаго писателя и привести нѣкоторыя частности въ связь съ біографіями самихъ писателей—дѣло будущаго. Это могла бы быть интересная и благодарнѣйшая задача для историко-литературнаго изслѣдованія, но мы, конечно, можемъ здѣсь лишь вскользь указать на нее.

4.

Все согласно свидѣтельствуетъ о необычайной жизненной мощи и капитальномъ значеніи двухъ нашихъ величайшихъ геніевъ; ихъ дѣятельность и эпоха долго будутъ давать обильный матеріалъ для интереснѣйшихъ страницъ въ исторіи нашей литературы: до такой степени все это ярко и живо, до такой степени дышетъ волшебной силой жизни и такъ драгоцѣнно въ отношеніи послѣдующей литературы. Время показало, что въ признаніи ихъ великаго значенія не ошиблись современники, и если иногда и теперь случайно промелькнетъ въ печати хула на нихъ, то она совершенно безсильна. Лѣтъ десять тому назадъ нашелся одинъ второстепенный критикъ, позволившій въ никѣмъ не замѣченной статьѣ себѣ съ осужденіемъ говорить, что или прямо сатира «Мертвыхъ Душъ» и «Ревизора», или изображеніе горькихъ, жалкихъ и болѣзненныхъ явленій нашей жизни, некрасиваго трагизма нашихъ будней въ «Шинели», «Невскомъ Проспектѣ» и «Запискахъ Сумасшедшаго», оставляли сильный, глубокій и до сихъ поръ трудно изгладимый слѣдъ на послѣдующей литературѣ» и что «можно даже позволить себѣ сказать прямо, что изъ двухъ-трехъ петербургскихъ повѣстей Гоголя вышелъ и развился почти весь болѣзненный и односторонній талантъ Достоевскаго, точно такъ же, какъ почти весь Салтыковъ вышелъ изъ «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ». Авторъ приведенныхъ строкъ хотѣлъ сказать порицаніе и невольно для себя сказалъ похвалу, признавъ могущественное вліяніе Гоголя на такихъ тузовъ литературы, какъ Салтыковъ и Достоевскій. Но онъ по недоразумѣнію противополагалъ Гоголя Пушкину, забывая, что Пушкинъ былъ «крестнымъ отцомъ» названныхъ произведеній по сугубой чести для себя и къ великой славѣ для русской литературы и вообще далъ какъ бы благословеніе дѣятельности Гоголя, чего онъ не могъ бы сдѣлать, если бы всегда послѣдовательно держался мнѣнія, что писатели созданы исключительно «для звуковъ сладкихъ и молитвъ», потому что только слѣпой и недальновидный судья, а никакъ не Пушкинъ, могъ проглядѣть великое общественное значеніе Гоголевской сатиры и то критическое направленіе, которымъ насквозь проникнуты его лучшія созданія. Да вѣдь и самъ Пушкинъ былъ авторомъ «Деревни», «Анчара» и проч.

и, безъ сомнѣнія, авторъ стихотворенія «Деревня» восторженно привѣтствовалъ бы автора повѣсти того же названія и прекрасную тенденціозность «Записокъ Охотника», тенденціозность не въ художественномъ, а въ идейномъ смыслѣ. Могъ ли Пушкинъ, сказавшій: «да здравствуетъ разумъ! да скроется тьма!» отречься отъ такихъ преемниковъ въ идейномъ смыслѣ, какъ Бѣлинскій, Некрасовъ, Достоевскій, Салтыковъ, душу свою полагавшихъ за честную борьбу съ невѣжествомъ и зломъ? И не признавали ли его всѣ позднѣйшіе писатели вмѣстѣ съ Гоголемъ своими первыми и лучшими вождями? Не пора ли, наконецъ оставить ненужныя противопоставленія ихъ другъ другу, тогда какъ сами они были совершенно чужды борьбы и соревнованія и потомство увѣнчало ихъ равной славой?

Въ скоромъ времени будетъ воздвигнутъ памятникъ Гоголю, и нельзя не пожалѣть, что по условіямъ мѣста ихъ памятники не могутъ находиться близко одинъ отъ другого. Пожелаемъ, чтобы памятникъ Гоголю вышелъ такъ же удачно, какъ памятникъ Пушкину.

Если въ жизни и творчествѣ Пушкина есть что-то даже пророческое, какъ утверждаетъ Достоевскій, что это великое и таинственное чувствуется не только въ его произведеніяхъ, но даже въ самомъ его внѣшнемъ обликѣ есть что-то глубоко знаменательное; въ нихъ чувствуется возвышенный, благородный духъ, украшенный всѣми аттрибутами царственнаго величія, духъ свѣтлый, могучій и свободный. Въ его памятникѣ на Тверскомъ бульварѣ въ Москвѣ передъ нами возвышается фигура гордая, величавая, съ печатью глубокой думы на геніальномъ челѣ; отъ всей фигуры такъ и вѣетъ спокойнымъ торжествомъ мысли и какой-то вѣчной красотой свободы и сознанія собственнаго достоинства. Невольно чувствуешь величайшее благоговѣніе при видѣ этого высокаго благородства, этой чудной мощи духа, а особенно этого мирнаго торжества и владычества генія, котораго слава по праву побѣждаетъ и затмеваетъ всякое призрачное, временное и условное величіе, и наполняетъ душу великими надеждами на будущія завоеванія человѣка въ области духовнаго совершенствованія. При взглядѣ на памятникъ Пушкина, видишь что-то царственное въ лучшемъ значеніи слова, властное, возвышенное, но вмѣстѣ съ тѣмъ не подавляющее своимъ величіемъ, а какъ все истинно великое, воодушевляющее и бодрящее. Въ этой осанкѣ, въ этихъ благородныхъ очертаніяхъ есть что-то вдохновенное и чарующее. Спокойно, съ торжественнымъ безмолвіемъ смотритъ великій геній съ своего громаднаго пьедестала на суетныя мимо идущія поколѣнія, передавая имъ какой-то чудный, вѣковѣчный завѣтъ...

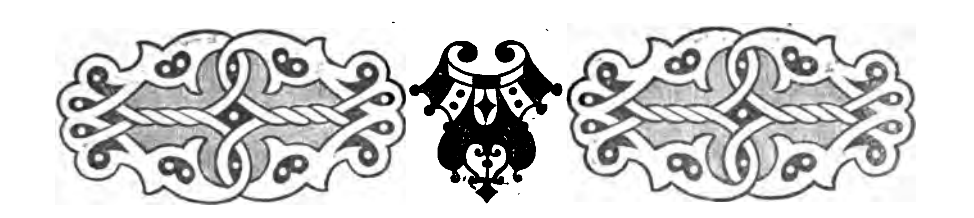
Что̀ же намъ желать въ отношеніи памятника Гоголю?

Трудно, но не невозможно будущему творцу памятника Гоголя

уловить и выразить его тонко-проницательный взоръ и дать почувствовать его глубокую задушевную скорбь при видѣ «мелочей опутавшихъ нашу повседневную жизнь, всей глубиной холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная, подчасъ горькая и скучная дорога!» Чѣмъ живѣе будетъ выражена и передана тоска пораженнаго пошлостью обыденной прозы наблюдателя, чѣмъ онъ ближе будетъ казаться къ вѣчно смѣняющимся передъ его фигурой картинамъ мелкой житейской суеты, тѣмъ памятникъ выйдетъ удачнѣе, и кажется, что сидячая фигура будетъ здѣсь больше у мѣста. Необходимо затѣмъ, кромѣ глубокаго раздумья, дать зрителю намекъ на только-что происходившую въ драмѣ Гоголя борьбу чувствъ, окончившуюся побѣдой грусти надъ миновавшимъ свѣтлымъ настроеніемъ, неразлучнымъ съ юморомъ и чарами творчества,—словомъ, выразить то, что̀ геніальный критикъ, говоря о повѣстяхъ Гоголя, называетъ «комическимъ воодушевленіемъ, всегда побѣждаемымъ глубокимъ чувствомъ грусти и унынія» и за что̀ Пушкинъ прозвалъ своего младшаго собрата «великимъ меланхоликомъ». Но въ грусти сердечной, глубокой и сосредоточенной, не должно быть признаковъ подавленнаго и безнадежнаго унынія и во взорѣ должна свѣтиться геніальная мысль. Самоуглубленный взоръ Гоголя долженъ говорить и о жгучей, мучительной потребности идеала въ послѣднюю пору его жизни и о высокомъ духовномъ подъемѣ. Трудна эта задача, но велика была бы хвала художнику, который сумѣлъ бы это выразить.

Владиміръ Шенрокъ.

Къ біографіи графа М. М. Сперанскаго.

Матеріалы.—Замѣтки барона М. А. Корфа.

(Изъ бумагъ академика А. Ѳ. Бычкова).

1.

Проповѣдь, произнесенная Сперанскимъ въ 1791 году.

Баронъ М. А. Корфъ, разсказывая въ «Жизни графа Сперанскаго» о пребываніи его въ Александроневской семинаріи, упоминаетъ о нѣсколькихъ проповѣдяхъ, или словахъ, произнесенныхъ Сперанскимъ въ бытность его семинаристомъ. Къ сожалѣнію, барону Корфу не удалось ихъ отыскать, за исключеніемъ лишь проповѣди, сказанной въ 1791 г. въ недѣлю 18-ю по Пятидесятницѣ [1]). Въ 1862 году на страницахъ «Ярославскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» были изданы три слова Сперанскаго, относящіяся ко времени пребыванія его въ Александроневской семинаріи, въ томъ числѣ и слово, говоренное въ 1791 году въ недѣлю мясопустную [2]), указаніе на которое помѣщено въ книгѣ

---

[1]) Жизнь графа Сперанскаго, т. I, стр. 28—29.

[2]) См. „Ярославскія Епарх. Вѣдомости" 1862 г., часть неоффиц., № 6, стр. 59—65. Другія два слова, напечатанныя въ тѣхъ же „Вѣдомостяхъ" 1862 г., слѣдующія: Слово на день усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи (№ 13, стр. 127—131) и на день св. Іоанна Златоустаго (№ 25, стр. 235—240). Всѣ три „слова" были сообщены бывшимъ учителемъ Ярославскаго духовнаго училища А. П. Петровымъ, отецъ котораго былъ сверстникъ Сперанскаго. Не такъ давно, въ 1892 и 1893 гг., два изъ этихъ словъ снова были напечатаны Н. Н. Корсунскимъ въ „Ярославскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ", именно: слово въ недѣлю мясопустную 1791 г. въ № 4 за 1893 г. (есть и отдѣльный оттискъ, Ярославль, 1893, 8°, 2 ненум. и 10 стр.), а слово

барона Корфа. Проповѣдь, произнесенную Сперанскимъ въ недѣлю 18-ю по Пятидесятницѣ того же 1791 года, баронъ Корфъ имѣлъ подъ руками, но въ книгѣ своей не помѣстилъ. Между тѣмъ эта проповѣдь имѣетъ такую же цѣну для тогдашней характеристики Сперанскаго, какъ и извѣстный календарикъ 1788 года[1]). «Расположеніе, слогъ, картины, вообще внѣшняя обстановка, хоть все это было тоже выше своего времени, здѣсь—на второмъ планѣ, замѣчаетъ баронъ Корфъ.— Гораздо важнѣе—общее направленіе проповѣди, общій ея духъ, возбуждавшіе невольно мысль, что автору суждено быть, въ будущемъ, не смиреннымъ служителемъ церкви, а государственнымъ дѣятелемъ. Во всей проповѣди—и это тоже своего рода особенность—нѣтъ ни одного церковнаго текста, кромѣ поставленнаго въ самомъ ея заглавіи. Но всего замѣчательнѣе одно мѣсто, одна такая вспышка, которая поражаетъ совершенною неожиданностью въ 19-лѣтнемъ юношѣ-затворникѣ». Это-то мѣсто и остановило Корфа напечатать проповѣдь въ его книгѣ. Въ дополнительныхъ матеріалахъ къ «Жизни графа Сперанскаго» [2]) сохранился полный списокъ этой проповѣди.

Проповѣдь, говоренная Сперанскимъ въ недѣлю осьмуюнадесять, 8-ю[3]) октября 1791 года въ Александроневской лаврѣ.

„Не бойся, отселѣ будеши человѣки ловя".
(Луки, гл. 5, ст. 10).

Въ чтенномъ нынѣ евангеліи мы находимъ одно изъ важнѣйшихъ приключеній въ исторіи христіанства. Шествуя по слѣдамъ его отъ самаго его рожденія, мы вездѣ встрѣчаемъ превосходства; вездѣ находимъ пути простые, начала малыя, событія чрезвычайныя. Званіе Петра на степень апостола есть одно изъ такихъ явленій. Рыбарь, отъ юности, человѣкъ безъ просвѣщенія, безъ воспитанія, безъ знанія свѣта и сердецъ, воззывается Христомъ къ дѣлу проповѣданія. Судя по обыкновенному, нельзя было вѣрнѣе повредить своимъ намѣреніямъ; нельзя было, для столь великаго конца, избрать худшія средства. Но въ досаду мнимому просвѣщенію, въ укоризну мудрованію свѣта, Петръ невѣже-

въ день усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи въ № 20 за 1892 г. (есть и отдѣльный оттискъ, 8°, 8 стр.).

[1]) Этотъ календарикъ напечатанъ въ „Жизни графа Сперанскаго", т. I, стр. 18—24.

[2]) См. „Русскую Старину" 1902 г., январь, стр. 152—153.

[3]) Такъ стоитъ въ спискѣ (снятомъ съ подлинника, находившагося въ бумагахъ Самборскаго, о чемъ см. „Жизнь графа Сперанскаго", т. I, стр.). Но это, очевидно, описка; слѣдуетъ читать 5 октября, на которое падала въ 1791 году недѣля 18-я по Пятидесятницѣ.

ствующій назначается въ учители мудрымъ, предпоставляется къ плѣненію сердецъ въ послушаніе вѣры. «Не бойся, рекъ ему Христосъ, отселѣ будеши человѣки ловя».

Мудрецы свѣта! васъ природа, кажется, предопредѣлила къ тому, чтобъ просвѣщать человѣковъ, сообщая наилучшіе свои дары; она отверзла предъ вами святилище своихъ дѣяній; вы были наперсниками ея тайнъ; для васъ она, кажется, отступила отъ собственныхъ своихъ путей; для всѣхъ другихъ сокровенна, вамъ однимъ явилась она безъ покрывала. Она подняла васъ на высоту, съ которой, озирая родъ человѣческій, вы смѣялись бы, или, лучше, жалѣли бы о его заблужденіи; она раскрыла предъ вами сокровеннѣйшіе исходы человѣческаго сердца, указала вамъ, собственною своею рукою, первыя движущія его начала. Вамъ свѣдомы, такъ сказать, стихіи нашихъ дѣлъ, нашихъ намѣреній, нашихъ мыслей. Но зрите, васъ забываетъ Богъ, когда избираетъ орудія Своего слова. Исторія человѣческаго разума прославляетъ васъ, яко героевъ истины и проповѣдниковъ просвѣщенія; но о васъ молчитъ исторія вѣры: ея герои суть рыбари и простолюдины. Имъ говорятъ: не бойтеся, отселѣ будете человѣки ловя; а вы вводитесь тамъ только для того, чтобъ посрамить въ лицѣ вашемъ мудрость человѣческую и обнажить всю ея тщету.

Буія міра избра Богъ, да посрамитъ мудрыя. Сіе изображеніе Божіе прилагаетъ печать достовѣрности къ той истинѣ, что мудрость безъ праводушія, безъ сего младенческаго смиренія и простоты, есть только слабое отраженіе истиннаго свѣта. Разсмотримъ сію истину въ трехъ главныхъ ея отношеніяхъ: къ обществу, къ себѣ и къ нашему концу.

Тѣ, кои безпристрастно разсматривали начала нашего просвѣщенія и дерзали нисходить до перваго, такъ сказать, звена, гдѣ сія необъятная почти цѣпь начинается, имѣли причину опредѣлить его через составъ наилучшихъ мыслей во всякомъ родѣ, чрезъ собраніе множества опытовъ, чрезъ соображеніе частныхъ случаевъ и чрезъ приведеніе ихъ къ общимъ понятіямъ. А посему частное каждаго просвѣщеніе не есть, собственно говоря, плодъ единаго ума, сколько бы, впрочемъ, онъ ни казался выходящимъ изъ круга умовъ обыкновенныхъ. Сія высота, на которой онъ стоитъ, не есть собственная его; онъ на нее восходилъ по степенямъ, еще прежде него положеннымъ, и все его достоинство состоитъ только въ томъ, что онъ пришелъ туда—позже другихъ. Сія громада совершенствъ не есть опытъ обыкновенныхъ силъ его: она есть трудъ вѣковъ, усиліе дарованій, отъ начала свѣта до временъ его существовавшихъ. Они пріуготовили матерію его мыслямъ, отверзли источникъ изобрѣтательной его силѣ, отворили богатую жилу его трудамъ, и на собственномъ величіи своемъ соорудили храмъ его славы. Мы отдаемъ всю справедливость благодѣтельной природѣ. Но сія нѣж-

ная мать не можетъ ничего сообщить чадамъ, наиболѣе любимымъ ею, какъ только одни начала, одни изящныя сѣмена просвѣщенія; возрастить и усовершить ихъ предоставлено человѣкамъ.

Но человѣки, если бъ не предполагали въ семъ новорожденномъ умѣ того рвенія къ общей пользѣ, которое ихъ воодушевляло, если бъ они не почитали его нѣкоторымъ родомъ провода, коимъ знаніе ихъ будетъ непримѣтными пучинами кругообращаться въ обществѣ и прольется, наконецъ, къ ихъ потомкамъ: какое бы могли взять участіе въ его усовершеніи? Какая выгода скрывать знанія свои—цѣну толикихъ трудовъ и безпокойствій—въ такое влагалище, которое для всѣхъ закрыто? На что возжигать свѣтильникъ и поставлять его подъ спудомъ? Это бы значило дѣлать вѣчно первый только шагъ къ просвѣщенію, вѣчно начинать и не поступать далѣе. Итакъ корень нашего просвѣщенія утвержденъ на добродушіи тѣхъ, кои его намъ сообщили. Питательная влага, возраставшая сіе древо, подъ коимъ самолюбіе наше съ толикимъ удовольствіемъ покоится, есть доброта сердца, правота намѣреній, презрѣніе выгодъ человѣчества: слѣдственно предполагать въ просвѣщеніи безъ нравовъ нѣчто существеннѣйшее, нежели призракъ совершенства, есть знать, что имъ оно одолжено и самымъ бытіемъ своимъ.

Съ другой стороны, если оно не есть наше собственное стяжаніе, то мы не иначе на него взирать можемъ, какъ на залогъ, ввѣренный намъ для того, чтобы мы съ избыткомъ возвратили его обществу, какъ родъ долга, который мы, занявъ у нашихъ предшественниковъ, должны возвратить съ лихвою нашимъ потомкамъ. Но сія жертва, сколько она ни велика кажется, можетъ ли одна, безъ всякаго участія со стороны нашего сердца, удостовѣрить общество въ нашемъ къ нему усердіи? Просвѣщеніе безъ праводушія входитъ ли въ существенныя основанія о Божествѣ? Крѣпитъ ли ихъ? Содѣйствуетъ ли благу человѣковъ?

Отдаленіе времени и различіе обстоятельствъ сколько ни закрываетъ отъ насъ начала обществъ, между тѣмъ, однакожъ, сіе остается неоспоримо, что какого бы рода ни предполагаемы были побужденія собраться людямъ во-едино, первая ихъ основа всегда должна лежать на взаимныхъ выгодахъ; но сіи выгоды безъ довѣрія, а довѣріе безъ доброты сердца существовать не могутъ. Разумъ дастъ наилучшій чертежъ для образованія общества, напишетъ наилучшіе законы, предусмотритъ неудобства, ограничитъ силу властей, проведетъ черту порядка и подчиненія и напередъ разрѣшитъ могущія встрѣтиться затрудненія; но, имѣя развращенное сердце, онъ первый въ жизни своей покажетъ примѣръ разстройства, первый введетъ замѣшательство и безначаліе, первый розорветъ тѣ священныя узы, коими связуются выгоды сочле-

новъ, и, словомъ, первый готовъ будетъ разрушить собственное свое произведеніе. Пружина, дающая ходъ системѣ общества, очень проста: люби твоихъ собратій, помогай имъ—вотъ все таинство ея дѣйствій! Множество законовъ, сплетеніе правъ, трудность сообразить преимущества каждаго съ выгодами всѣхъ доказываютъ только развращеніе нашего сердца, разнообразіе нашихъ страстей, недостатокъ единства въ желаніяхъ, нимало не вводя ихъ въ существенное общества состояніе. Они возникли уже въ позднія времена устроенія обществъ и едва ли не тогда, какъ расширеніе круга наукъ отверзло новые пути нашимъ желаніямъ, умножило наши нужды, утончивъ наши страсти, и, удаливъ отъ простоты естества, заставило искать удовольствій далеко отъ себя, въ поддѣланномъ искусствѣ. Это правда, что сообщать блескъ наружной славы, дать обществу видъ величія одно только можетъ просвѣщеніе. Но будь премудрый государь, поставь престолъ свой на столбахъ твердѣйшей политики, призови къ поддержанію его превосходныя дарованія, блистай съ него умомъ твоимъ въ концы вселенныя, заставь славу возглашать немолчною трубою твое знаніе, твои высокіе таланты—тебѣ будетъ удивляться свѣтъ; но если ты не будешь на тронѣ человѣкъ; если сердце твое не познаетъ обязательствъ человѣчества; если не сдѣлаешь ему любезными милость и миръ, не низойдешь съ престола для отренія слезъ послѣдняго изъ твоихъ подданныхъ; если твои знанія будутъ только пролагать пути твоему властолюбію; если ты употребишь ихъ только къ тому, чтобъ искуснѣе позлатить цѣпи рабства, чтобъ непримѣтнѣе наложить ихъ на человѣковъ и чтобъ умѣть казать любовь къ народу и, изъ подъ занавѣсы великодушія, искуснѣе похищать его стяжаніе на прихоти твоего сластолюбія и твоихъ любимцевъ, чтобъ поддержать всеобщее заблужденіе, чтобъ изгладить совершенно понятіе свободы, чтобъ сокровеннѣйшими путями провесть къ себѣ всѣ собственности твоихъ подданныхъ, дать чувствовать имъ тяжесть твоея десницы и страхомъ увѣрить ихъ, что ты болѣе, нежели человѣкъ: тогда, со всѣми твоими дарованіями, со всѣмъ симъ блескомъ, ты будешь только—счастливый злодѣй; твои ласкатели внесутъ имя твое золотыми буквами въ списокъ умовъ величайшихъ, но поздняя исторія черною кистію прибавитъ, что ты былъ тираннъ твоего отечества [1]). Будь судья и наилучшій правовѣдецъ; открой истинный разумъ

---

[1]) Къ этому мѣсту проповѣди (со словъ: „но если ты не будешь на тронѣ человѣкъ") баронъ Корфъ сдѣлалъ слѣдующее примѣчаніе, при чемъ впослѣдствіи приписалъ, что эта выноска написана была имъ въ царствованіе императора Николая I-го: „Вся вышеизложенная картина чрезвычайно примѣчательна, и въ двоякомъ отношеніи. Съ одной стороны, откуда у 19-тилѣтняго юноши, не видавшаго ничего, кромѣ сельской хаты своихъ родителей, стѣнъ семинаріи и монастырскихъ келій, взялись такія умныя, живыя и

законовъ; выведи изъ существа дѣла ихъ употребленіе; умѣй развязать узелъ дѣлъ, наиболѣе сплетенныхъ; найди самое тончайшее различіе между порокомъ и порокомъ, между казнію и казнію; упражняйся чрезъ всю твою жизнь въ исторіи человѣческихъ заблужденій и пронырствъ; знай, какимъ образомъ согласить строгость съ милосердіемъ и, въ одномъ и томъ же преступленіи, наказать порокъ, отпустить неосторожность: все сіе знаніе, если не будетъ сопровождаться праводушіемъ, не воспрепятствуетъ тебѣ, при первомъ перевѣсѣ корысти, наклонить вѣсы пра́ва въ пользу виновнаго, быть слѣпу къ невинности, осудить добродѣтельнаго на смерть. Твое свѣдѣніе въ законахъ послужитъ только къ тому, чтобъ извинять строгостію оныхъ твои корыстолюбивые виды, заставить ихъ говорить сообразно твоимъ страстямъ, прикрыть справедливостью ужаснѣйшія злодѣянія и, отклонивъ отъ себя всякое подозрѣніе, исторгнуть у невиннаго и послѣднее его утѣшеніе,—надежду твоея погибели. Пройдите такимъ образомъ всѣ роды состояній, изберите въ нихъ людей со всѣми достоинствами ума, съ глубокимъ свѣдѣніемъ во всѣхъ частяхъ ихъ должности; но отнимите только отъ нихъ добродѣтель, вы, желая подкрѣпить сими столпами общество, поколеблете и тѣ, на коихъ оно прежде стояло. Это суть враги его тѣмъ опаснѣйшіе, что они враги просвѣщенные. Духъ возмущенія и раздора, испровергнувшій толико государствъ, всегда является въ образѣ

тонкія краски для очертанія предмета, изучаемаго только долговременною, высшею опытностію? Не обращаясь къ тяжести и отчасти неправильности языка, впрочемъ мѣткаго и выразительнаго, при чтеніи этой энергической выходки слышишь, кажется, мечущаго съ каѳедры громы свои Боссюэта. Съ другой стороны—и это еще любопытнѣе—какъ дерзнулъ молодой мальчикъ, публично, въ храмѣ, передъ налоемъ, въ стихарѣ служителя церкви, произнести такую отважную филиппику и какъ дерзнуло духовное начальство дозволить ему это? Было ли тутъ сокровенное порицаніе царствованія императрицы Екатерины, или, напротивъ, доказательство, что народъ думалъ и мыслилъ о ней совсѣмъ иначе и что ни одинъ изъ упрековъ проповѣдника не могъ приложиться къ тому образу, который создало себѣ о ней общее мнѣніе, или, по крайней мѣрѣ, мнѣніе огромнаго большинства? По нѣкоторымъ чертамъ картины можно бы почти остановиться на первомъ, но, помышляя о томъ, кто и въ какомъ положеніи написалъ и говорилъ то, что намъ, теперь, кажется столь дерзкимъ, о строгости нашей духовной цензуры, объ умѣ и тонкомъ тактѣ митрополита Гавріила и о другихъ окружавшихъ обстоятельствахъ,—должно, не колеблясь, далеко отвергнуть эту мысль. Сперанскій теоретически начерталъ себѣ обликъ умнаго, но злаго монарха, угадавъ, въ высшемъ прозрѣніи, черты его, какъ впослѣдствіи угадывалъ и многое другое, и начальство его безбоязненно допустило этотъ обликъ, не видя въ немъ никакой примѣнимости къ настоящему. Это не умаляетъ, однакоже, примѣчательности самаго факта, и, конечно, ни въ одно изъ послѣдующихъ царствованій, ни отъ одного изъ нашихъ проповѣдниковъ, не слышалось уже подобныхъ разборовъ въ церкви".

сихъ великихъ умовъ. Вселенная содрогалась при единомъ слухѣ ихъ именъ. Во всѣхъ ужасна будетъ память Александровъ (Великихъ).

Но если бѣдствія отечества—необходимое почти слѣдствіе просвѣщенія безъ нравовъ—не довольно еще обезсиливаютъ довѣренность къ умамъ таковаго рода, вопросимъ собственное ихъ сердце, вопросимъ его о природѣ его удовольствій и его покоя, который, кажется, написанъ на челѣ ихъ.

Взойти до самыхъ отдаленныхъ началъ вещей; раскрыть вещество ихъ и употребленіе; быть любимцемъ природы и хранителемъ ея тайнъ, и въ кругѣ просвѣщенія занимать мѣсто средоточія, куда стекаются и гдѣ кончатся всѣ линіи затрудненій; быть судьею умовъ и учителемъ добраго вкуса; извлечь изъ современниковъ всеобщее признаніе своихъ дарованій и обѣщать себѣ въ потомствѣ великолѣпныя изваянія, къ коимъ вѣчно будетъ благоговѣть разумъ: участь таковая есть нѣчто столь для человѣка лестное, столь ослѣпляющее, что нѣтъ ничего легче, какъ принять его за истинное изображеніе верховнаго блаженства. Но сіе изображеніе будетъ неестественно и съ подлинникомъ своимъ несходно, если доброта сердца не будетъ дѣлать на немъ главнаго вида; оно будетъ мертво въ глазахъ истиннаго знатока счастія, если та же самая кисть не воодушевитъ его праводушіемъ, не поставитъ тамо добродѣтели въ полномъ ея свѣтѣ. Между сердцемъ и умомъ проведена извѣстная черта раздѣла; не всегда свѣтъ проливается въ первое, не всегда и правота его доказываетъ правоту втораго, и, слѣдовательно, не всегда чувствія счастія отъ перваго сообщаются второму; и, имѣя наилучшій разумъ, почерпая изъ него всѣ выгоды, можно имѣть въ сердцѣ ядъ, ихъ отравляющій. Въ составъ истиннаго счастія разумъ входитъ только побочно; наиболѣе чувствительно, одно сердце имѣетъ столь нѣжное чувствіе, что можетъ измѣрять наималѣйшія его повышенія или пониженія. Мысли, разрѣшай, дроби, составляй, вникай чрезъ всю твою жизнь, будь преобразителемъ системы человѣческихъ знаній; выдержи всѣ громы предразсудковъ; утверди престолъ истины между человѣками и нарекись первымъ ея поборникомъ; но безъ праводушія твой адъ всегда будетъ съ тобою; онъ будетъ въ твоемъ сердцѣ; блистательный твой разумъ освѣтитъ только яснѣе ту бездну, надъ которою ты стоишь; сильнѣе изобразитъ бѣдственное твое положеніе; представитъ всѣ ужасы порока, который тобою обладаетъ, и дастъ совѣсти твоей новыя жала къ твоему уязвленію. Здѣсь нѣтъ мѣста покою, бѣжитъ отсюда счастіе; его прибѣжище есть душа чистая; съ невинностію оно живетъ и въ незазорной совѣсти обитаетъ; дарованія великія или посредственныя, умъ высокій или обыкновенный, для него все равно: его мѣрило сердце.

Но если настоящее наше счастіе не есть наслѣдіе просвѣщенія безъ

добродѣтели, то какіе ужасы для души развращенной отворяетъ будущее!

Трепещетъ самая чистѣйшая непорочность, когда представитъ себѣ тотъ великій часъ, егда Богъ со славою и ангелы Своими пріидетъ судити человѣковъ. Не вопроситъ Онъ насъ: Испытали ли вы таинственные пути Мои? Извѣстенъ ли вамъ ходъ природы? Открыли ли вы ея законы? Проникли ли въ образъ ея дѣйствій? Опредѣлили ли пространство небесъ? Познали ли естество сихъ повѣшенныхъ надъ вами огненныхъ шаровъ?—Нѣтъ, не вопроситъ Онъ о семъ. Онъ потребуетъ у насъ знаковъ благоговѣнія къ Нему болѣе существенныхъ, нежели сіи. Онъ вопроситъ: Извѣстны ли сердцу вашему сіи чистыя изліянія любви и приверженности къ вашему Создателю и Отцу? Раздирались ли жалостію при видѣ несчастнаго, коему вы не могли помочь? Сострадали ли вы бѣднымъ? Они были въ темницѣ, посѣтили ли вы ихъ? Они терпѣли наготу, одѣли ли? Они несли жажду, напоили ли? Теперь здѣсь предо Мною явите плоды вашей жизни. Вы мнѣ кажете ваше просвѣщеніе; но это есть только свидѣтельство на ваше самолюбіе. Я требую добродѣтелей, не представляйте мнѣ сихъ безплодныхъ изобрѣтеній, сихъ сухихъ правилъ, сихъ знаній, что̀ вы называете глубокими: они капля предъ мудростію Моею, они прахъ предо Мною: это суть мелкія забавы, коими доселѣ позволялъ Я вашему мелкому уму заниматься. Теперь покажите вѣру вашу отъ дѣлъ вашихъ; не умъ, раскройте сердце предо Мною. Мы, которые, при толикомъ ревніи къ просвѣщенію, толико нерадимъ о нравственномъ своемъ характерѣ, что̀ тогда отвѣчать будемъ? Неблагодарные, речетъ Богъ, Я далъ вамъ малое количество разума, но довольное къ тому, чтобы вы были счастливы; его тѣсными предѣлами давалъ вамъ разумѣть, чтобы вы не терялись съ нимъ въ безполезныхъ изысканіяхъ. Я напутствовалъ васъ симъ свѣтильникомъ для того, чтобъ вы освѣщали имъ пути своей жизни, чтобъ сердце ваше слѣдовало за нимъ неотступно. Я связалъ ихъ тѣснымъ между собою союзомъ; но вы разорвали сей священный узелъ, вы положили преграду между сердцемъ и умомъ, вы предписали каждому свои законы; вашъ умъ свѣтъ, дѣла ваши тьма. Вы назвали просвѣщеніемъ буйство; простотою мудрость. Сокройтесь отъ взора Моего, рабы невѣрные; не дѣти вы Мои—сынове гнѣва. Молнія и громъ скончаютъ словеса сіи.

Гнѣвъ Трясущаго вселенную изъ ея основаній неужели не подѣйствуетъ надъ нами? Еще ли продолжится сей сонъ, сіе обаяніе нашего самолюбія? Всегда, всегда ли душа наша будетъ жить среди сихъ лестныхъ мечтаній, или никогда не сойдемъ мы съ сей мнимой высоты нашего воображенія къ достоинствамъ болѣе существеннымъ, къ достоинствамъ нашего сердца? Всегда ли мы будемъ усовершать составъ

нашихъ знаній и разстроивать наши дѣла. Всегда ли будемъ мыслить превосходно и жить развращенно? О человѣки! Если вы не хотите согласить сего въ себѣ противурѣчія, отженяте себя отъ общества, идите съ вашимъ просвѣщеніемъ скитаться по горамъ, откажитесь отъ вашего счастія, презрите гласъ Бога, дерзайте на все, когда смѣли забыть, что верхъ всего—добродѣтель! Аминь.

2.

Замѣтки барона М. А. Корфа о генералъ-прокурорахъ, при которыхъ служилъ Сперанскій [1]).

Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, при Екатеринѣ управляющій третьею экспедиціею для свидѣтельства государственныхъ счетовъ; при Павлѣ, въ началѣ, генералъ-прокуроръ, министръ удѣловъ, казначей орденовъ, главный директоръ банковъ, нѣкоторое время на высокой степени милости и довѣрія; при Александрѣ малороссійскій генералъ-губернаторъ и потомъ министръ внутреннихъ дѣлъ; наконецъ, при Николаѣ предсѣдатель департамента экономіи Государственнаго Совѣта и орденскій канцлеръ († 30-го декабря 1829 года),—Куракинъ, по свидѣтельству всѣхъ его знавшихъ, былъ типъ самаго закоснѣлаго придворнаго, вся жизнь котораго имѣла одну лишь цѣль: исканіе милости и почестей. Одинъ изъ людей, очень ему близкихъ въ позднѣйшую эпоху, Н. И. Тургеневъ (онъ исправлялъ должность статсъ-секретаря въ томъ департаментѣ, котораго Куракинъ былъ предсѣдателемъ) говоритъ [2]), что если Куракину и случалось когда-нибудь сдѣлать какое добро, то единственно развѣ для придворной выслуги. Ему, въ бытность его генералъ-прокуроромъ, Россія обязана была и тѣмъ несчастнымъ закономъ, который, на кратковременное царствованіе Павла, лишилъ дворянство прежней привилегіи—свободы отъ тѣлеснаго наказанія. «Стòитъ только сперва виноватаго лишить дворянства»—сказалъ онъ своему государю, неутомимо изыскивая средства быть ему угоднымъ; и дѣйствительно, это антилогическое начало, подвергавшее дворянина, за одно и то же преступленіе, вдругъ двумъ жесточайшимъ изъ наказаній: лишенію дворянства и кнуту, было выражено въ самомъ указѣ (Полн. Собр. Зак., № 17.916, отъ 13-го апрѣля 1797 года).

---

[1]) Онѣ служатъ добавленіемъ къ сказанному на стр. 40—55 перваго тома „Жизни графа Сперанскаго“.

[2]) La Russie et les Russes, I, 159. Нѣчто подобное есть и у Шницлера въ Histoire intime de la Russie sous Alexandre et Nicolas, II, 232.

Сынъ Куракина [1]), въ доставленной намъ запискѣ, приводитъ слово, сказанное ему, касательно его отца, самимъ Сперанскимъ лѣтъ тридцать позже: «Comment, mon cher prince, vous en êtes encore là; vous ne savez pas que votre père est un courtisan enragé, donc un trembleur».—18-го января 1825 года князь (тогда еще графъ) Кочубей писалъ Сперанскому: «Когда что-нибудь особое въ Совѣтѣ хотятъ сдѣлать, то князю Куракину дѣлается откровенно внушеніе, и онъ тотчасъ, словесно или письменно, означаетъ свое мнѣніе, которое утверждается, не смотря на то, что оно есть единственное; говорятъ, что князь также и усиленіемъ наказаній графу Аракчееву угождать хочетъ, а у Канкрина (министра финансовъ), какъ вѣрная собака, у ногъ лежитъ».—Другой современникъ, извѣстный нѣкогда А. Ѳ. Воейковъ, въ Запискахъ своихъ говоритъ о Куракинѣ: «Его развратная жизнь, мотовство, хлопотливость безъ пользы, проекты неисполнимые и пустые, недостатокъ образованія, хотя при умѣ отъ природы остромъ, дѣлали его тяжелымъ для подчиненныхъ и несправедливымъ, при благородномъ стремленіи къ правосудію».—Однимъ изъ преобладавшихъ свойствъ князя, послѣ придворной угодливости, былъ самый бюрократическій формализмъ, и онъ всегда ставилъ внѣшнее выше внутренняго, форму выше существа. «Все тотъ же квартальный надзиратель или слѣдственный приставъ»—записалъ Сперанскій въ 1823 году, послѣ одного дѣловаго совѣщанія съ Куракинымъ.

Куракинъ былъ смѣненъ, въ званіи генералъ-прокурора, 8-го августа 1798-го года, княземъ П. В. Лопухинымъ. Потомъ, 21-го сентября, онъ былъ уволенъ и отъ всѣхъ прочихъ мѣстъ и должностей, съ приказаніемъ ѣхать въ свои деревни. Къ опалѣ его было столь же мало основанія, какъ, прежде, ко взысканію его милостію. По словамъ Дмитрія Прокофьевича Позняка [2]), въ то время сенатскаго секретаря, въ городѣ говорили, будто Павелъ огорчился тѣмъ, что Куракинъ взялъ въ привычку, неся къ нему докладъ, заходить сперва къ императрицѣ и къ Екатеринѣ Ивановнѣ Нелидовой. Подозрительный императоръ вообразилъ себѣ, что подносимыя ему бумаги представляются туда на предварительную аппробацію. Въ запискахъ другаго современника (впослѣдствіи александровскаго генералъ-адъютанта), графа Евграфа Ѳедотовича Комаровскаго, мы читаемъ слѣдующее: «Въ 1798 году начались гоненія на многихъ придворныхъ, а особливо на тѣхъ, къ коимъ императрица Марія была благосклонна, и, въ числѣ ихъ, князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, бывшій генералъ-прокуроръ, отставленъ. Причиною сихъ гоненій и перемѣнъ полагали начинавшіеся

---

[1]) Сенаторъ князь Борисъ Алексѣевичъ Куракинъ († 1850 г.).

[2]) Умеръ въ 1851 году, въ чинѣ тайнаго совѣтника.

фавёръ Кутайсова, а вмѣстѣ съ тѣмъ родившуюся страсть къ дочери Лопухина, котораго другая дочь скоро выдана была за сына Кутайсова, и тѣмъ составилась партія, которая не могла быть въ духѣ императрицы Маріи» [1]).—Какъ бы то ни было, но милость къ Куракину уже не возвращалась до конца царствованія Павла, и онъ оставался постоянно въ удаленіи отъ двора. Въ генералъ-прокурорскомъ архивѣ мы нашли, относительно его, двѣ бумаги, дающія любопытное прозрѣніе на духъ этого царствованія. Гнѣвъ Павла почти всегда сопровождался и мрачными подозрѣніями; вотъ доказательство: 13-го октября 1798 года орловскій губернаторъ донесъ—слѣдственно имѣлъ приказаніе о томъ доносить,—что Куракинъ прибылъ въ принадлежащее ему, той губерніи, село Преображенское (Дѣло № 792). Потомъ, въ 1799 году, Куракинъ испрашивалъ «высочайшей милости» дозволить ему, для воспитанія своихъ дѣтей, жить въ Москвѣ. Первый порывъ въ Павлѣ тогда уже испарился. 21-го апрѣля Лопухинъ отвѣчалъ своему предмѣстнику, что ему высочайше дозволяется жить «въ Москвѣ, или гдѣ онъ пожелаетъ». Переписка эта въ генералъ-прокурорской канцеляріи производилась именно по экспедиціи Сперанскаго, и черновой отпускъ отвѣта, въ подлинномъ дѣлѣ, весь его руки.

Много лѣтъ тому назадъ, сынъ Куракина засталъ отца бросающимъ въ каминъ нѣсколько толстыхъ связокъ. «Это—сказалъ онъ—письма ко мнѣ Сперанскаго. Если ты будешь когда-нибудь въ моемъ положеніи, то совѣтую тебѣ поступать такимъ же образомъ. Одни мертвые не говорятъ, а письмо обращается въ мертвеца тогда только, когда оно сожжено».

Въ самомъ началѣ царствованія Екатерины, при посѣщеніи ею Риги, стоялъ тамъ на караулѣ у дверей ея кабинета молодой сержантъ гвардіи Преображенскаго полка, замѣчательный красотою и статностію [2]). Герцогъ Биронъ, ожидая тутъ, съ другими, выхода императрицы, увидѣлъ нашего красавца, заговорилъ съ нимъ по-нѣмецки и спросилъ его фамилію. Юноша, стоявшій прежде съ своимъ полкомъ въ Лифляндіи, имѣлъ порядочный нѣмецкій выговоръ; онъ понравился своими отвѣтами, и герцогъ представилъ его императрицѣ, которая тутъ же пожаловала его въ офицеры гвардіи [3]). Это былъ—Петръ Васильевичъ

---

[1]) См. Записки графа Е. Ѳ. Комаровскаго, напеч. въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1897 года, т. 69, стр. 351—352.

[2]) Записки барона Г. А. Розенкампфа.

[3]) Въ „Словарѣ достопамятныхъ людей Русской земли“ Бантыша-Каменскаго, показанія котораго, впрочемъ, часто невѣрны, говорится, что Лопухинъ поступилъ въ дѣйствительную службу (въ 1769 году) только тогда, когда пожалованъ прапорщикомъ,—что̀ не совсѣмъ отвѣчало бы анекдоту Розенкампфа. Въ дальнѣйшемъ показанія ихъ между собою сходны.

Лопухинъ, потомокъ, въ боковой линіи, того рода, изъ котораго Петръ Великій избралъ нѣкогда первую свою супругу, мать несчастнаго Алексѣя Петровича [1]). Дослужась до полковника, Лопухинъ сдѣлалъ богатую партію и вышелъ въ отставку бригадиромъ; но потомъ снова былъ опредѣленъ въ службу, сперва с.-петербургскимъ оберъ-полицій-мейстеромъ, а потомъ губернаторомъ въ Москву. Вдругъ на него пало особаго рода подозрѣніе, кончившееся, впрочемъ, для его лица счастливѣе, чѣмъ для многихъ другихъ. Назначивъ въ 1790-мъ году князя А. А. Прозоровскаго главнымъ начальникомъ московской столицы, Екатерина написала ему (19-го февраля), между прочимъ: «Дошли здѣсь слухи, что извѣстная шайка людей, обществу вредныхъ, подъ именемъ мартинистовъ, умножается, и что губернаторъ московскій, генералъ-маіоръ Лопухинъ самъ въ числѣ таковыхъ суевѣрныхъ и заблужденныхъ людей находится. Сообщая сіе для собственнаго знанія вашего, поручаю вамъ дать совѣтъ помянутому губернатору, чтобъ онъ чрезъ посредство ваше прислалъ прошеніе объ увольненіи его отъ настоящей должности, для опредѣленія къ другимъ дѣламъ. Вы можете ему внушить, что гораздо приличнѣе для него просить о томъ, нежели безъ просьбы быть уволену отъ мѣста» [2]).—Вслѣдствіе того Лопухинъ былъ переведенъ генералъ-губернаторомъ въ Ярославль, а послѣ коронаціи Павла, плѣнившагося въ Москвѣ прелестями его дочери, послѣ извѣстной княгини Гагариной († 1805), вызванъ въ Петербургъ, пожалованъ сперва графомъ, потомъ княземъ, портретомъ императора и значительными помѣстьями, пока, наконецъ, 8-го августа 1798-го года смѣнилъ Куракина въ званіи генералъ-прокурора.

Въ царствованіе Павла, онъ, съ своими способностями и тонкимъ умомъ и при тѣхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, въ которыя его поставила фортуна, могъ быть и полезнѣе, и смѣлѣе всякаго другаго; но лѣнивый, какъ настоящій русскій баринъ, сластолюбивый, охотникъ до собакъ и шутовъ, болѣе же всего искательный царедворецъ, Лопухинъ нимало не гонялся за ролью какого-нибудь князя Я. Ѳ. Долгорукова, какъ и Павелъ, съ своей стороны, едва ли когда думалъ брать себѣ въ образецъ Петра Великаго [3]). Кто-то изъ современниковъ (кажется, Вигель) сказалъ про Лопухина, что онъ былъ всегда самымъ строгимъ исполнителемъ. При Екатеринѣ требовали, чтобы каждый исправно дѣлалъ свое дѣло, и онъ былъ—прекраснымъ губернаторомъ; при Павлѣ потребовали отъ него иныхъ послугъ, и онъ—

---

[1]) Послѣднимъ потомкомъ главной линіи былъ московскій сенаторъ, извѣстный Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ.

[2]) Это письмо императрицы Екатерины къ князю Прозоровскому напечатано полностью въ „Русскомъ Архивѣ“ 1872 года, столб. 533—534.

[3]) Записки А. Ѳ. Воейкова.

пожертвовалъ и женою своею и дочерью; наконецъ, при Александрѣ потребовали, чтобъ онъ ничего не дѣлалъ, и онъ, при самыхъ громкихъ титулахъ, потщился въ точности исполнять и эту высочайшую волю.

7-го іюля 1799 года Лопухинъ былъ замѣщенъ Александромъ Андреевичемъ Беклешовымъ.

Беклешовъ [1]) принадлежалъ къ числу государственныхъ людей, образованныхъ Екатериною, къ тому драгоцѣннѣйшему изъ наслѣдствъ ея, которое она оставила своему сыну. Окончивъ воспитаніе въ кадетскомъ корпусѣ въ такое время, когда тамъ учили нѣмецкому языку болѣе, нежели французскому, онъ былъ опредѣленъ губернаторомъ въ Ригу, съ тайнымъ порученіемъ отъ императрицы—стараться ознакомить нѣмцевъ съ нашимъ языкомъ и пріучить ихъ къ нашимъ законамъ, обычаямъ и нравамъ. Несмотря на наружное безобразіе, Беклешовъ былъ человѣкъ плѣнительный. Твердость воли и что-то откровенное въ обхожденіи внушали къ нему довѣріе, а благодарность за добро, которое онъ никогда не отказывалъ дѣлать, кому только могъ, обращала потомъ это чувство въ привязанность. Онъ не былъ чуждъ русской хитрости, но не тратилъ ея ни на мелочи, ни для собственныхъ успѣховъ при дворѣ, а употреблялъ только для видовъ государственной пользы. Изъ Риги его назначили генералъ-губернаторомъ орловскимъ и курскимъ; но здѣсь одно дворское, казалось бы совершенно ничтожное, обстоятельство навсегда лишило его, за нѣсколько лѣтъ до кончины Екатерины, добраго ея расположенія. Однажды императрица чесалась въ своей уборной, въ утреннемъ, самомъ глубокомъ неглижѐ. Вдругъ камердинеръ Зотовъ докладываетъ: «Александръ Андреевичъ».— «Пустить».—И вмѣсто жданнаго, привычнаго Безбородко, является соименный ему, совсѣмъ не такъ къ ней близкій—Беклешовъ. Въ испугѣ и досадѣ, что человѣкъ почти чужой засталъ ее въ такомъ расплохѣ, Екатерина велѣла ему тотчасъ выйти отъ нея и съ тѣхъ поръ, въ женскомъ своемъ тщеславіи, уже никогда не жаловала его по-прежнему. Павелъ издавна зналъ Беклешова и, въ бытность свою великимъ княземъ, очень его любилъ; но потомъ вознегодовалъ на него за то, что, еще командуя Выборгскимъ полкомъ, Беклешовъ покушался соблазнить жену тамошняго губернатора Энгельгардта. Впослѣдствіи, однако, когда, по вступленіи на престолъ, Павлу понадобились люди, это неудовольствіе было забыто, и онъ послалъ Беклешова управлять сперва Подоліею и Волынью, а потомъ, въ прибавокъ, Малороссіею, къ чему, наконецъ, присоединилъ еще Кіевъ и Минскую губернію, гдѣ

---

[1]) Записки Вигеля.—Разсказы близкаго къ Беклешову Павла Ивановича Зверина и другихъ современниковъ.

новый генералъ-губернаторъ умѣлъ такъ же обворожить поляковъ, какъ прежде, въ Ригѣ, нѣмцевъ. Вдругъ, въ іюнѣ 1799-го года, онъ получилъ указъ, предписывавшій сдать ввѣренныя ему губерніи губернаторамъ, а Кіевъ коменданту, самому же немедленно явиться въ Петербургъ.—«Имѣю вамъ важное порученіе сдѣлать»—приписывалъ собственноручно Павелъ, и это порученіе оказалось—генералъ-прокурорскимъ постомъ.

Увольненіе Беклешова отъ этой важной должности, съ не большимъ черезъ полгода послѣ назначенія въ нее [1]), было дѣломъ людей, уже тогда втайнѣ составлявшихъ заговоръ и не надѣявшихся въ томъ на содѣйствіе Беклешова. Тутъ нуженъ былъ человѣкъ попроще, котораго можно было бы если не вовлечь въ участіе, то по крайней мѣрѣ провести, и—выбрали Петра Хрисанѳовича Обольянинова.

Обольяниновъ—пишетъ въ своихъ Запискахъ Воейковъ—могъ бы быть порядочнымъ уѣзднымъ судьею; но трудная и многосложная должность генералъ-прокурора его задавила.

Лѣто 1800 года Павелъ расположился прожить все въ Гатчинѣ [2]). При немъ велѣно было находиться тамъ и Обольянинову, съ дозволеніемъ пріѣзжать въ Петербургъ только разъ въ недѣлю (по вторникамъ). На спросъ генералъ-прокурора, кого бы взять съ собою въ Гатчину, не только способнаго, но и честнаго, умѣющаго, при надобности, хранить тайну, Ильинскій указалъ на Сперанскаго, какъ на «ученаго, знающаго языки и удаленнаго отъ приказнаго крючкотворства», а для переписки бумагъ начисто предложилъ своего сына. Обольяниновъ, послушавшись его, къ этимъ двумъ прибавилъ еще, изъ генералъ-прокурорской канцеляріи, Павла Ивановича Аверина (брата прежняго его правителя) и изъ генералъ-провіантмейстерской части Василія Кирилловича Безроднаго († въ сентябрѣ 1847 года дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ и членомъ коммиссіи прошеній). Всѣ они перебрались на постоянныя квартиры въ Гатчину, гдѣ жили на всемъ готовомъ отъ двора и откуда по вторникамъ слѣдовали за своимъ начальникомъ въ Петербургъ, въ придворной каретѣ, въ которой, впрочемъ, помѣщались еще и собачки генералъ-прокурорской супруги, большой до нихъ охотницы. Между тѣмъ [3]) тогда существовало правило, что каждый, пріѣзжавшій въ Гатчину, долженъ былъ прописываться, у заставы, званіемъ и фамиліею, и эти списки ежедневно подносились государю. Увидѣвъ тутъ, однажды, памятное ему отъ рекомендацій прежнихъ генералъ-

---

[1]) 2-го февраля 1800 года.

[2]) Записки Н. С. Ильинскаго (см. „Русскій Архивъ“ 1879 г., книга третья, стр. 391).

[3]) Разсказъ В. К. Безроднаго.

прокуроровъ имя Сперанскаго, онъ накинулся на Обольянинова: «Это что, у тебя школьникъ Сперанскій—Куракинскій, Беклешовскій? Вонъ его сейчасъ!»—Обольянинову удалось смирить этотъ порывъ и сохранить Сперанскаго только отзывомъ, что онъ, Обольяниновъ, «держитъ его въ ежевыхъ рукавицахъ».—Какъ-то вскорѣ послѣ того Павлу попался на встрѣчу въ гатчинскомъ саду Безродный, котораго онъ зналъ, съ другимъ, неизвѣстнымъ ему человѣкомъ. «Это кто съ тобою?»—спросилъ государь Безроднаго. «Нашъ чиновникъ Сперанскій».—И Павелъ отвернулся съ видомъ крайняго негодованія, не сказавъ ни слова и закинувъ голову назадъ, отдуваясь—обычный жестъ его неудовольствія.

Въ подтвержденіе того, до какой степени Обольяниновъ былъ безграмотенъ, довольно сослаться на письмо его къ Павлу Ивановичу Аверину, напечатанное сестрою послѣдняго въ 275-мъ № «Московскихъ Вѣдомостей» 1861 года (стр. 2237). Но изъ прибавленнаго тутъ же анекдота видна и добрая натура этого человѣка. Что касается возраженія г-жи Авериной (въ той же статьѣ) противъ сказаннаго въ нашей книгѣ, что послѣ Беклешова одинъ только Сперанскій не былъ исключенъ изъ генералъ-прокурорской канцеляріи,—тогда какъ, по ея увѣренію, въ ней были и два ея брата: то наше показаніе основано на Запискахъ Ильинскаго и на разсказѣ Безроднаго. Разрѣшить этотъ вопросъ,—если игра стоитъ свѣчъ,—можно бы только по формулярамъ обоихъ Авериныхъ.

Наканунѣ 12-го марта 1801 г. Обольяниновъ, по словамъ Записокъ Ильинскаго, еще съ вечера отвезенъ былъ заговорщиками подъ арестъ въ ордонансъ-гаузъ, гдѣ его продержали до утра; къ дому же приставили караулъ. Ильинскій разсказываетъ далѣе, что на третій или четвертый послѣ того день Обольянинова отправили въ Москву, и что тамъ, пока не узнали ближе его качествъ, онъ много терпѣлъ уничиженія и упрековъ, «ибо все непріятное, происходившее при Павлѣ, относимо было къ его винѣ».—Извѣстно, впрочемъ, что, впослѣдствіи, общее мнѣніе съ нимъ примирилось, и даже до такой степени, что онъ былъ избранъ московскимъ дворянствомъ въ губернскіе предводители, а отъ Александра I-го получилъ владимирскую ленту [1].—Императоръ Николай, заставшій его еще въ живыхъ, также оказывалъ ему особое уваженіе и нерѣдко бесѣдовалъ съ нимъ о царствованіи своего родителя и о дѣлахъ и людяхъ того времени. (Слышано отъ самого императора Николая Павловича).

---

[1]) См. Записки Н. С. Ильинскаго („Русскій Архивъ“ 1879 г., книга тре тр. 406—407).

3.

Юмористическое описаніе одного изъ засѣданій Государственнаго Совѣта.

Для наблюдательнаго ума Сперанскаго уже и въ молодые годы ничего не пропадало. Въ доказательство, вотъ копія съ листка собственной его руки, въ которомъ онъ юмористически описываетъ одно изъ засѣданій учрежденнаго 30-го марта 1801 года Государственнаго Совѣта, при которомъ былъ тогда статсъ-секретаремъ (экспедиторомъ канцеляріи Совѣта). Нѣтъ сомнѣнія, что въ лицѣ «секретаря» является тутъ онъ самъ.

Разсужденіе Совѣта о возстановленіи въ Ковнѣ складки товаровъ [1]).

Секретарь. Примѣчаніе барона Бенигсена о возстановленіи складочной пристани для россійскихъ товаровъ въ Ковнѣ. Баронъ Бенигсенъ представляетъ, что...

Графъ Сергѣй Румянцовъ. Пожалуйте... остановитесь... Но знаете ли (обращаясь къ Беклешову)—я увѣренъ, что сихъ подробностей не знаютъ здѣсь—знаете ли, что и въ Ригѣ существуютъ тѣ же самыя притѣсненія, какія здѣсь описаны въ Мемелѣ и Кенигсбергѣ. У меня есть исчисленіе всѣхъ отяготительныхъ правъ, какія тамъ взимаются, и если угодно...

Беклешовъ. Ничего не угодно, потому что они есть и печатныя; но я самъ разскажу, какъ это было по хронологическому порядку. Вамъ извѣстно, что первая торговля въ Ригѣ производима была рыцарями Тевтоническаго ордена, которые...

Графъ С. Румянцовъ. Извините, Александръ Андреевичъ; сіи рыцари не первые были учредители въ Ригѣ промысловъ...

Графъ Воронцовъ. Вѣдь это тѣ рыцари, что иначе у насъ называются крыжаками.

Князь Куракинъ. Самая истина. Это названіе воспріяли они отъ слова croisades. Вашему сіятельству извѣстно, что бо̀льшая часть европейскихъ орденовъ въ сихъ, если можно такъ сказать, кроазадахъ получили свое рожденіе.

Правитель канцеляріи. Кроазады, ваше сіятельство, на русскомъ языкѣ именуются крестными походами. Ихъ начало...

Графъ С. Румянцовъ. Но чтобъ возвратиться къ вопросу, я разскажу вамъ, что слышалъ я, такъ сказать, своими ушами, отъ нѣ-

---

[1]) Засѣданіе Государственнаго Совѣта по этому дѣлу происходило 23-го іюня 1802 года (см. Архивъ Госуд. Совѣта, т. III, ч. 2 (Спб. 1878), столб. 781—784.

которыхъ малороссійскихъ дворянъ и торговцевъ, кои торгуютъ въ Кенигсбергѣ. Вамъ извѣстно, что послѣ покойнаго батюшки лучшая часть имѣній, на мою часть доставшихся, лежитъ въ Малороссіи.

Князь Лопухинъ. Справедливо, удивительныя деревни! удивительное устройство! Проѣзжая въ мои новыя деревни, что покойный государь мнѣ жаловалъ, я имѣлъ удовольствіе видѣть деревни графа Сергѣя Петровича.

Графъ Васильевъ. О да! вашъ покойный графъ Петръ Александровичъ былъ великій хозяинъ. (Сказано съ тонкою улыбкою, чтобъ означить, что онъ былъ скупъ).

Графъ С. Румянцовъ. Дозвольте же мнѣ окончить. (Разсказываетъ то, что разсказывали ему малороссійскіе дворяне о торговлѣ въ Кенигсбергѣ.

А между тѣмъ на другомъ концѣ стола разсуждаютъ):

Графъ Воронцовъ. Мнѣ помнится, графъ Николай Петровичъ, что лучшая часть нашей торговли въ томъ краю есть отпускъ хлѣбный.

Графъ Н. Румянцовъ. Пенькою, ваше сіятельство, пшеницею и лѣсомъ.

Графъ Завадовскій. Король прусскій часто подсылалъ закупать и лошадей.

Графъ Воронцовъ. Да знаете ли вы, я скажу вамъ, что въ Пруссіи лошади наши очень уважаются, и не худо бы было учредить на сію статью извѣстную мѣру торговли, дабы пресѣчь контрабанду.

Беклешовъ. Но какъ пресѣчь контрабанду? Тамъ жиды провозятъ во всемъ, даже и въ сапогахъ.

Графъ Н. Румянцовъ. Какъ? Провозятъ лошадей въ сапогахъ?

Беклешовъ. Какихъ лошадей? Мы здѣсь говорили о товарахъ полотняныхъ, провозимыхъ изъ Пруссіи къ намъ.

Графъ Н. Румянцовъ. А мы здѣсь говорили о лошадяхъ. (Общій смѣхъ и минута молчанія).

Секретарь. Баронъ Бенигсенъ представляетъ, что возстановленіе въ Ковнѣ складки товарамъ можетъ имѣть слѣдующія выгоды: первое...

Графъ С. Румянцовъ. Изъ того, что я имѣлъ честь донести, видно, что въ Кенигсбергѣ не только нѣтъ притѣсненія нашимъ купцамъ...

Трощинскій. Но не угодно ли прежде выслушать представленіе, а потомъ уже разсуждать.

Графъ Воронцовъ. Это основательно примѣчено, и при покойной императрицѣ всегда въ Совѣтѣ прежде читали бумаги, а потомъ же разсуждали.

Трощинскій даетъ знаки секретарю, чтобъ онъ читалъ, несмотря на разговоры.

Секретарь читаетъ. Тихой разговоръ членовъ прерывается движеніемъ двухъ стульевъ. Слышенъ звукъ барабана. Большая часть двинулась смотрѣть на разводъ.

Секретарь продолжаетъ...

4.

Письмо Сперанскаго къ О. П. Козодавлеву о духоборцахъ [1]).

Въ числѣ важнѣйшихъ распоряженій, или, лучше сказать, предположеній Сперанскаго по Пензенской губерніи были относившіяся до секты духоборцевъ. Вотъ любопытное письмо его по этому предмету къ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ Осипу Петровичу Козодавлеву, отъ 8-го марта 1817 года [2]).

«Прежде служебной переписки о духоборцахъ ваше превосходительство почтили меня довѣреннымъ сообщеніемъ послѣднихъ о нихъ указовъ. Не признательно было бы съ моей стороны ограничить себя въ семъ дѣлѣ одними служебными донесеніями; присовокупляю въ откровенности слѣдующее:

Ересь, расколъ или толкъ духоборцовъ (ибо не опредѣлено еще, какое имъ свойственно имя) никакъ нельзя смѣшивать съ обыкновенными расколами. Здѣсь дѣло идетъ не о бородѣ, не о старыхъ книгахъ или сложеніи перстовъ, но о самыхъ существенныхъ догматахъ вѣры. Важность послѣдствій также весьма различна. Послѣдствія обыкновенныхъ расколовъ почти ничтожны: но ученіе духоборцовъ столь смежно съ духомъ вольности и гражданскаго равенства, что малѣйшая кривизна или уклоненіе влѣво отъ той линіи, гдѣ нынѣ они еще стоятъ, можетъ произвести самое сильное въ народѣ потрясеніе. Такъ взирала на сію ересь императрица Екатерина, не суевѣрная, конечно, и не робкая;

---

[1]) Нѣкоторыя данныя о пензенскихъ духоборцахъ и отношеніи къ нимъ Сперанскаго см. въ статьѣ С. Пономарева „Изъ исторіи сектантства въ Пензенской епархіи“, напеч. въ „Пензенск. Епарх. Вѣдомостяхъ“ 1888 г., часть неоффиц., № 20, стр. 17—25, и въ статьѣ Н. Евграфова „Пензенскіе духоборцы въ 1816 году“ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1889 года, книга вторая, стр. 389—395.

[2]) Въ двѣнадцатой тетради „Русскаго Архива“ за минувшій 1901 годъ, стр. 473—476, письмо это было напечатано г. Кунцевичемъ, но по неисправной копіи, находящейся въ одномъ рукописномъ сборникѣ изъ собранія П. И. Саввантова и, по всей видимости, снятой съ черноваго отпуска письма Сперанскаго.

такъ взирали на нее и при покойномъ государѣ. И въ слѣдствіе сего преслѣдовали духоборцовъ ссылками, переселеніями, заточеніями и пр.

«Все утихло съ восшествіемъ на престолъ государя. Не только престало гоненіе, но и самая точка зрѣнія, съ коей прежде смотрѣли на сей расколъ, перемѣнилась. Покойный Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ нашелъ въ духоборцахъ самыхъ кроткихъ поклонниковъ духомъ и истиною. По донесенію его состоялся извѣстный 1801 года рескриптъ, основавшій впослѣдствіи все поведеніе правительства въ отношеніи къ сему расколу.

«Никакія гоненія въ настоящемъ царствованіи не могутъ имѣть мѣста. Сія часть дѣла рѣшена, въ самомъ ея основаніи, въ сердцѣ и разумѣ государя. Но вопросъ о существѣ сего раскола, о склоненіи его и послѣдствіяхъ и слѣдовательно, о истинныхъ мѣрахъ, кои должно принять къ укрощенію его, остался еще нерѣшеннымъ. Одно мнѣніе сенатора Лопухина, очевидно, къ сему недостаточно. Онъ смотрѣлъ на все въ свое стекло, и нельзя сказать, чтобъ стекло сіе было всегда вѣрно. Къ основательному рѣшенію надлежало, сообразивъ всѣ свѣдѣнія о сей ереси, взойти къ ея началу, открыть ея источники, обозрѣть послѣдствія ея изъ самыхъ происшествій. Въ семъ намѣреніи, во время службы моей въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, поручено было г-ну Кайсарову[7]) составить изъ дѣлъ полную исторію о духоборцахъ[8]). Работа сія доведена имъ была до нарочитаго совершенства и теперь должна находиться въ архивѣ бывшаго департамента полиціи. Пройти сію исторію, а, можетъ быть, и дополнить ее новыми свѣдѣніями, необходимо нужно, чтобъ принять на сей предметъ правила твердыя и безопасныя. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ казалось, когда дѣла сіи въ большомъ количествѣ стекались въ департаментъ, мною управляемый. Обстоятельства, уносившія меня изъ одного рода дѣлъ въ другой, не дозволили мнѣ привести мысль сію въ нѣкоторую зрѣлость. Но сіе необходимо: ибо тѣ правила, на коихъ доселѣ дѣла сіи учреждались и нынѣ еще учреждаются, откровенно скажу, кажутся мнѣ недостаточны. Это суть правила равнодушія, съ нѣкоторою оттѣнкою покровительства. Они могутъ

---

[7]) Петру Сергѣевичу Кайсарову (р. 1777 † 1854, въ званіи сенатора и въ чинѣ дѣйств. тайн. совѣтника). Во время службы Сперанскаго въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ П. С. Кайсаровъ занималъ должность начальника стола въ 3-мъ отдѣленіи департамента этого министерства, а затѣмъ состоялъ „у исправленія дѣлъ“ при товарищѣ министра внутреннихъ дѣлъ.—Предположеніе П. И. Бартенева, будто „Исторія о духоборцахъ“ была написана Андреемъ Сергѣевичемъ Кайсаровымъ (см. „Русскій Архивъ“ 1901 г., декабрь, стр. 472, примѣчаніе), неосновательно: А. С. Кайсаровъ не служилъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

[8]) Этотъ обширный трудъ П. С. Кайсарова будетъ изданъ на страницахъ „Русской Старины“.

быть приложены съ пользою къ простымъ, грубымъ расколамъ, но не къ духоборству, къ болѣзни, которую должно врачевать, а не переносить только въ молчаніи. Уединеніе или переселеніе сихъ людей на Молочныя воды есть сущее поощреніе. Какая разность въ землѣ, въ податяхъ, въ псвинностяхъ! Храни Богъ, если наши крестьяне, а особливо помѣщичьи, узнаютъ сію разность, а узнать ее не долго!

«Въ духоборствѣ, такъ, какъ и во всѣхъ другихъ сектахъ, есть своя ѳеорія и своя практика. Ѳеорія, или система ученія, въ началѣ своемъ, вѣроятно, была не что другое, какъ внутреннее христіанство, т. е. церковь, движимая и управляемая живою вѣрою. Разныя дѣланы были предположенія о томъ, какимъ образомъ сіе ученіе проникло въ Россію и разсѣялось между простымъ народомъ. Есть о семъ мнѣніе, довольно вѣроятное, покойнаго новгородскаго митрополита Гавріила (см. «Исторію о духоборцахъ» [1]). Но нѣкоторыя соображенія привели меня къ другой мысли. Въ XVI-мъ или XVII-мъ вѣкѣ появились въ Болгаріи, между славянскими племенами, такъ называемые Богомилы (Histoire ecclésiastique de Mosheim): ученіе ихъ весьма сходно съ ученіемъ духоборцовъ. Оттуда оно легко могло перейти въ наши южныя губерніи и мало-по-малу разсѣяться даже до Саратова. Невинно, а можетъ быть и почтенно въ своемъ началѣ, оно впослѣдствіи, по мѣрѣ расширенія своего, искажалось устными преданіями и раздроблялось на разные толки, такъ что теперь едва почти можно узнать первыя, основныя его черты. Статьи сего ученія въ разныхъ губерніяхъ весьма разнообразны; самыя именованія духоборцовъ измѣнились; въ одномъ мѣстѣ называются они молоканами, въ другомъ—субботниками, и пр. Индѣ есть у нихъ нѣкоторые обряды и пѣсни; въ другихъ мѣстахъ нѣтъ никакихъ. Вообще нѣтъ ни связи, ни ясности въ понятіяхъ. Для любопытства прилагаю при семъ статьи ученія здѣшнихъ [2]) духоборцовъ, сообщенныя мнѣ здѣшнимъ преосвященнымъ [3]). Ваше превосходительство не безъ огорченія, конечно, примѣтить изъ нихъ изволите въ особенности и при томъ вспомните, что всякъ духъ, иже не исповѣдуетъ Христа во плоти пришедша, нѣсть отъ Бога.

«Практика духоборцовъ также разнообразна. Изъ дѣлъ, въ прошедшія два царствованія производившихся, видно, что они были строптивы, и сіе простиралось до того, что отрицались отъ податей, отъ рекрутства и отъ всякаго повиновенія власти. Сенаторъ Лопухинъ представлялъ ихъ самыми кроткими агнцами. Саратовскій губернаторъ Бѣ-

---

[1]) Составленную П. С. Кайсаровымъ.

[2]) Т. е. пензенскихъ.

[3]) Статьи ученія духоборцевъ см. ниже, въ приложеніи къ этому письму. Пензенскимъ епископомъ былъ въ то время преосвященный Аѳанасій Корчановъ († 1825).

ляковъ доносилъ то же. Нынѣ здѣсь я слышу, что, бывъ сами терпимы, не терпятъ они другихъ, называютъ иконы лопатами, посмѣиваются надъ священниками, порицаютъ прихожанъ идолопоклонниками, и пр. и пр. Въ Саратовѣ, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, ведутъ они себя еще хуже. Вообще уличаютъ ихъ въ трехъ общихъ порокахъ: 1) въ дерзкомъ посмѣяніи церковныхъ обрядовъ, 2) въ пристанодержательствѣ, 3) въ побѣгѣ рекрутъ, изъ селеній ихъ отданныхъ. Я не знаю еще, чему вѣрить. Если половина того, что разносятъ о нихъ худаго, справедлива: то они могутъ быть даже и опасны. Но какъ винить людей по слухамъ? Для сего-то и рѣшился я видѣть и вникнуть во все лично. У духовныхъ могутъ быть свои пристрастія, а о земской полиціи и говорить нечего. Въ одномъ могу васъ удостовѣрить, что не допущу я въ семъ дѣлѣ никакой опрометчивости и не дозволю себѣ осуждать мысли, когда найду дѣла добрыми.

«Примите свидѣтельство душевной моей благодарности за письмо ваше, истинно христіанское. Оно много меня утѣшило среди окружающихъ меня по службѣ затрудненій».

Статьи ученія духоборцевъ [1].

§ 1.

Взирающи мы на начальника и совершителя Іисуса, и вѣруемъ во единаго Бога,что Онъ пребываетъ въ тріехъ лицахъ: Отецъ, и Сынъ, и Святый Духъ, и свидѣтельство наше ко спасенію душъ нашихъ пріемлемъ по двумъ завѣтамъ, пророчество, евангеліе и апостольство. Но Сына и Святаго Духа почитаемъ меньшими Отца, Сына рожденнаго и Святаго Духа отъ Отца происходящаго во времени.

§ 2.

Сына Божія во плоти пришедша не признаемъ; Онъ имѣлъ плоть мечтательную, какову имѣли ангели, явившіеся въ разныя времена.

§ 3.

О почитаніи святыхъ.

Никому изъ святыхъ, бывшихъ во плоти, и изъ ангеловъ не воздаемъ почитанія, и въ помощь не призываемъ, кромѣ Бога, въ Троицѣ почитаемаго.

§ 4.

О иконахъ, или образахъ.

Образовъ никакихъ не пріемлемъ и не дѣлаемъ предъ ними поклоненія. Образъ имѣемъ неоцѣненный, по свидѣтельству апостола Павла къ Колоссаемъ: Иже есть образъ Бога невидимаго, перворожденъ всея твари, яко Тѣмъ создана быша всяческая. Но какъ Христосъ избралъ себѣ образовъ апостоловъ, къ Римляномъ, гл. 8, ст. 29: И предустави сообразныхъ быти образу Сына Своего, и въ Петровомъ пишетъ. Зане Христосъ пострада по насъ, намъ

---

[1]) Этихъ статей при копіи съ письма Сперанскаго, напечатанной въ „Русскомъ Архивѣ“, не оказалось.

оставль образъ, да послѣдуемъ стопами Его; къ Филипсіемъ писано въ 3-й главѣ: якоже имате образъ насъ, и во второмъ къ Тимоѳею написано: образъ имѣй здравыхъ словесъ: тѣмъ и мы образамъ подражаемъ, а не рукотвореннымъ. Угодниковъ Божіихъ почитаемъ, и вѣруемъ, что были.

§ 5.

О крестѣ и крестномъ знаменіи.

Креста не почитаемъ, и крестнаго знаменія не употребляемъ. Мы знаменаемся духомъ обѣтованія святымъ, къ Ефесеемъ, гл. 1, ст. 13, то есть, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь; то есть, крестъ намъ по приказу Христа апостоломъ: шедше убо научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа.

§ 6.

О преданіяхъ.

Одному Священному Писанію вѣруемъ, а преданій святыхъ апостоловъ и святыхъ отецъ не признаемъ.

§ 7.

О соборахъ.

Соборовъ святыхъ отецъ, поелику они вѣру противную преданной отъ Господа нашего Іисуса Христа основали, не пріемлемъ.

§ 8.

О крещеніи.

Крещеніе наше состоитъ: 1) въ покаяніи и во оставленіи грѣховъ, по свидѣтельству Евангелія, Марка, гл. 1, ст. 4: Бысть Іоаннъ крестяй въ пустыни, и проповѣдуя крещеніе покаянія во отпущеніе грѣховъ; 2) въ вѣрѣ, тогожъ Евангелія въ 16 главѣ свидѣтельствуетъ: Иже вѣру иметъ, и крестится, той спасенъ будетъ, а иже не иметъ вѣры, осужденъ будетъ; 3) въ словѣ, свидѣтельствуетъ въ посланіи къ Коринѳяномъ, главѣ 1: Слово бо крестное погибающимъ убо юродство есть, а спасаемымъ намъ сила Божія есть; 4) крещеніе есть ученіе.

§ 9.

О причащеніи.

О причастіи разсуждаемъ: причаститься Божественнымъ и животворящимъ тайнамъ; аще кто боится Бога и хранитъ заповѣди Его, той и причастникъ, по свидѣтельству Давида, 118 псаломъ: Причастникъ азъ есмь боящимся Тебе и хранящимъ заповѣди Твоя; и ко Евреемъ пишетъ: и причастниковъ бывшихъ Духа Святаго и добраго вкусившихъ Божія глагола; и какъ брашно Его и плоть полагаемъ, что Христосъ сказалъ: хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь, но и еще глаголетъ: Азъ есмь хлѣбъ сшедый съ небесе, то есть Божественныя словеса, по свидѣтельству Моисея 5 книги въ 8 главѣ: яко не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ; такъ и Давидъ рече: вкусите и видите, яко благъ Господь; то мы самое пріемлемъ хлѣбъ сей, понеже и Слово плоть бысть, какъ и причастники тому.

§ 10.

О священствѣ.

Священника и архіерея имѣемъ единаго, иже сѣдитъ одесную Бога: то есть Сына Божія, по свидѣтельству апостола ко Евреемъ главы 4, 7 и 8.

Но какъ апостолы подражатели Ему были, посвященные отъ Духа, по свидѣтельству Дѣяній во 20 главѣ: васъ же епископы постави Духъ Святый, пасти церковь Господа нашего Іисуса Христа, но еще написанные по свидѣтельству апостола къ Ефесеемъ: овы убо апостолы, овы же пророки, овы же благовѣстники, овы же пастыри, овы же учители, на которыхъ и мы утверждаемся. Такъ же нынѣ и въ нашей сектѣ во образъ оныхъ именуемъ у себя быть праведныхъ мужей или старцевъ, по свидѣтельству Сирахову въ 37 главѣ: Но токмо съ мужемъ благоговѣйнымъ буди, егоже аще познаеши соблюдающа заповѣди Господни; и Іеремій писалъ въ 5 главѣ: аще обрящете мужа творящаго судъ, ищуща вѣры, и милосердъ буду ему. Того же Іеремія въ главѣ 9 значитъ: Кто мужъ мудръ, и уразумѣетъ сіе, къ немуже слово устъ Господнихъ; и къ Тимоѳею посланіе свидѣтельствуетъ: хощу убо, да молитвы творятъ мужіе на всякомъ мѣстѣ. Но о старцахъ свидѣтельствуетъ въ Петровомъ посланіи въ 5 главѣ: Старцы, иже въ васъ, молю, пасите, еже въ васъ стадо Божіе, посѣщающе не нуждею, но волею и по Бозѣ; въ томъ себѣ подражаемъ.

§ 11.

О исповѣданіи.

Исповѣданіе считаемъ по свидѣтельству Давида: Исповѣмся Тебѣ, Господи, всѣмъ сердцемъ моимъ въ совѣтѣ правыхъ и въ сонмѣ. При томъ же исповѣдуемъ другъ другу согрѣшеніе наше, и покаяніе приносимъ въ тайнѣ предъ мужемъ, или старцемъ своимъ, которые и ходатая имѣютъ къ Отцу небесному, по свидѣтельству Іоанна: И аще кто согрѣшилъ, ходатая имамы къ Отцу Іисуса Христа праведника: и Той очищеніе есть о грѣсѣхъ нашихъ.

§ 12.

О бракѣ.

О бракѣ сочетавшихся зримъ на преждереченныхъ пророкъ и апостолъ. Когда Товія женился, и рече Рагуилъ къ Товіи: яждь, пій и благодушествуй, тебѣ бо достоитъ дѣтище мое взяти; и рече: пойми ю отнынѣ по обычаю; и призва Сарру дщерь свою, и емь руку ея, и предаде Товіи въ жену, и рече, по закону Моисееву пойми ю и отведи ко отцу твоему; и по свидѣтельству апостола Павла: привязался женѣ, не ищи разрѣшенія, такожде и женѣ отъ мужа; равно также и у насъ разсуждается по сочетанію: къ совокупленію брака предстанутъ въ церкви въ собраніи людей женихъ и невѣста по любви, и между ихъ полагается клятвенное обѣщаніе; женихъ будетъ клятися: проклятъ я буду предъ Богомъ, аще еще пойму жену; также и невѣста будетъ клятися: проклята я буду передъ Богомъ, аще еще пойму мужа; и засвидѣтельствуется всей братіи, что познается мужъ и жена.

§ 13.

О нареченіи младенцамъ именъ.

Рожденіе младенцевъ и въ нареченіи имъ имянъ полагаемъ по свидѣтельству Евангелія отъ Луки въ нарожденіи Іоанна: пріидоша обрѣзати отроча, и нарицаху е именемъ отца его Захаріею, и отвѣщавъ рече мати его: ни, но да речется Іоаннъ; на томъ утверждаемся, что въ которыя числа родятся, отцы нарекаютъ имена.

§ 14.

О храмахъ.

Церковь у насъ почитается людское собраніе, по свидѣтельству апостола; 2-е къ Коринѳяномъ въ 6 главѣ пишетъ: вы бо есте церкви Бога жива, и въ Дѣяніяхъ въ 7-й главѣ написано: но Вышній не въ рукотворенныхъ живетъ; и въ первомъ къ Коринѳяномъ въ 14 главѣ написано: аще убо снидется церковь вся вкупѣ. Въ той же главѣ свидѣтельствуетъ: когда сходитеся, кійждо васъ псаломъ имать, ученіе имать, откровеніе имать, сказаніе имать; какъ и Павелъ апостолъ въ Дѣяній 20 главѣ бесѣдова простерши слово до полунощи въ горницѣ, идѣже бѣхомъ собрани, и бесѣдова даже до зари: то и мы образъ имѣемъ, собираемся и бесѣдуемъ, и препровождаемъ всю нощь въ собраніи, мужи, и жены, и дѣвы, въ пѣніи псалмовъ и въ разсужденіи пророческихъ и апостольскихъ словесъ, а наконецъ производимъ моленіе.

§ 15.

О молитвѣ.

Моленіе наше состоитъ въ пророческихъ молитвахъ, по приказанію Сына Божія ученикамъ: сице убо молитеся вы: Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, и отъ Луки 11 главы: рече же Іисусъ: егда молитеся, глаголите: Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ; и къ Ефесеемъ пишетъ: всякою молитвою и моленіемъ молящеся на всяко время духомъ; но что мы собираемся и молимся оными молитвами духомъ, и когда молимся въ собраніи въ церкви нашей, стоимъ всѣ другъ ко другу лицемъ къ лицу, съ колѣнопреклоненіемъ; какъ и Христосъ и апостолъ Павелъ съ колѣнопреклоненіемъ молились, такъ и мы молимся, и поклоняемся Богу небесному невидимому.

§ 16.

О царской власти.

Царя и властей почитаемъ, по свидѣтельству Притчей Соломоновыхъ 8 главы, что премудрость рекла: мною царіе царствуютъ, и сильніи пишутъ правду, и мною вельможи величаются, и властители мною держатъ землю; по свидѣтельству апостола: всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется, нѣсть бо власть, аще не отъ Бога, сущія же власти отъ Бога учинени суть, и противляяйся власти Божію противленію противляется, и моленіе наше за царя и за власти о всемирномъ житіи и долгоденствіи въ молитвахъ молимся и просимъ.

§ 17.

О постѣ.

Постъ содержимъ по преждереченнымъ Сына Божія, пророкъ и апостолъ. Постившійся Сынъ Божій сорокъ дней не пилъ и не ѣлъ, такожде Моисей и Илія, постившіеся по 40 дней, не пили и не ѣли, Ездра три седмицы, но и прочіе такожде постилися, по свидѣтельству пророка Іоиля, онъ написалъ: Обратитеся ко Мнѣ всѣмъ сердцемъ вашимъ въ постѣ, и въ плачи, и въ рыданіи. Но и пророка Захаріи 8 главы въ постахъ, постъ 4, 5, 7 и постъ 10-й. Поэтому и въ нашей сектѣ таковые же посты содержатъ; есть по двѣ седмицы избираются, постятся, а иные по седмицѣ, и по 4 дни, другіе по 5 дней хлѣба не вкушаютъ и воды не піютъ.

Сообщилъ **И. А. Бычковъ.**

И. С. Тургеневъ и Ѳ. М. Достоевскій.

Достоевскій познакомился съ Тургеневымъ у Бѣлинскаго въ первыхъ числахъ ноября 1845 г., когда Иванъ Сергѣевичъ только-что возвратился изъ своей лѣтней поѣздки во Францію. Переживая въ тѣ дни крупный успѣхъ своего перваго романа «Бѣдные люди», находясь въ счастливѣйшемъ настроеніи духа, Достоевскій такъ отзывался о своемъ новомъ знакомствѣ въ письмѣ къ брату отъ 16-го ноября. «Надняхъ воротился изъ Парижа поэтъ Тургеневъ (ты, вѣрно, слыхалъ) и съ перваго раза привязался ко мнѣ такою привязанностью, такою дружбой, что Бѣлинскій объясняетъ ее тѣмъ, что Тургеневъ влюбился въ меня. Но, братъ, что это за человѣкъ! Я то же едва-ль не влюбился въ него. Поэтъ, талантъ, аристократъ, красавецъ, богачъ, уменъ, образованъ, 25 лѣтъ,—я не знаю, въ чемъ природа отказала ему? Наконецъ, характеръ неистощимо прямой, прекрасный, выработанный въ доброй школѣ» [1]).

Но эта «влюбленность» продолжалась недолго. Слишкомъ сильное самомнѣніе Достоевскаго, сказавшееся, какъ при успѣхѣ перваго его романа, такъ и при неудачахъ послѣдующихъ произведеній, непріятно подѣйствовало на весь кружокъ Бѣлинскаго. Вмѣстѣ съ разочарованіемъ въ литературномъ мастерствѣ начинающаго писателя явилось недовольство и нравственнымъ обликомъ послѣдняго. Дѣйствительно, самомнѣніе Достоевскаго выходило слишкомъ рѣзкимъ, болѣзненнымъ и даже грубымъ среди той литературной скромности, господствовавшей въ кружкѣ великаго критика, которая составляла одно изъ лучшихъ украшеній «людей сороковыхъ годовъ». По поводу успѣха «Бѣдныхъ

---

[1]) Полн. собр. сочин. Достоевскаго, изд. 1883 г., I, 42.

людей» Достоевскій писалъ, напримѣръ, брату: «Всюду почтеніе неимовѣрное, любопытство насчетъ меня страшное. Я познакомился съ бездной народу самаго порядочнаго. Князь Одоевскій просилъ меня осчастливить его своимъ посѣщеніемъ, а графъ С. рветъ на себѣ волосы отъ отчаянія. Панаевъ объявилъ ему, что есть талантъ, который ихъ всѣхъ въ грязь втопчетъ. С. обѣгалъ всѣхъ и, зашедши къ Краевскому, вдругъ спросилъ его: Кто этотъ Достоевскій? Гдѣ мнѣ достать Достоевскаго? Краевскій, который никому и въ усъ не дуетъ и рѣжетъ всѣхъ напропалую, отвѣчаетъ ему, что Достоевскій не захочетъ вамъ сдѣлать чести осчастливить васъ своимъ посѣщеніемъ. Оно и дѣйствительно такъ: аристократишка теперь становится на ходули и думаетъ, что уничтожитъ величіемъ своей ласки. Всѣ меня принимаютъ, какъ чудо... У меня бездна идей; и нельзя мнѣ разсказать что-нибудь изъ нихъ хоть Тургеневу, напримѣръ, чтобы назавтра почти во всѣхъ углахъ Петербурга не знали, что Достоевскій пишетъ вотъ то-то и то-то. Ну, братъ, если бы я сталъ исчислять тебѣ всѣ успѣхи мои, то бумаги не нашлось бы столько». По поводу же недоброжелательныхъ критиковъ онъ писалъ: «Сунулъ же я имъ всѣмъ собачью кость! Пусть грызутся— мнѣ славу, дурачье, строятъ» [1]).

Неуспѣхъ слѣдующей повѣсти Достоевскаго «Двойникъ», которая, какъ онъ надѣялся, должна была превзойти даже «Мертвыя души» Гоголя, сильно задѣлъ самолюбіе Ѳедора Михайловича, но онъ продолжалъ быть о себѣ слишкомъ высокаго мнѣнія. «Явилась цѣлая тьма новыхъ писателей,—сообщалъ онъ брату 1-го апрѣля 1846 г.,—иные мои соперники. Изъ нихъ особенно замѣчателенъ Герценъ и Гончаровъ. Первый—печатался, второй—начинающій и не печатавшійся нигдѣ. Ихъ ужасно хвалятъ. Первенство остается за мною покамѣстъ и надѣюсь, что навсегда» [2]). Въ своихъ отношеніяхъ къ Бѣлинскому и его друзьямъ Достоевскій долженъ былъ измѣниться. У него явилось раздраженіе противъ прежнихъ поклонниковъ, явилось страстное желаніе «утереть имъ носъ» новыми произведеніями, которыя, однако, при появленіи своемъ встрѣчали болѣе чѣмъ холодность со стороны кружка Бѣлинскаго. Григоровичъ, хорошо знавшій Достоевскаго въ то время, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Неожиданность перехода отъ поклоненія и возвышенія автора «Бѣдныхъ людей» чуть ли не на степень генія къ безнадежному отрицанію въ немъ литературнаго дарованія могла сокрушить и не такого впечатлительнаго и самолюбиваго человѣка, какимъ былъ Достоевскій. Онъ сталъ избѣгать лицъ изъ кружка Бѣлинскаго, замкнулся весь въ себя еще больше прежняго и сдѣлался

[1]) Полн. собр. сочин. Достоевскаго, изд. 1883 г., I, 41, 42, 43.

[2]) Полн. собр. сочин. Достоевскаго, изд. 1883 г., I, 47.

раздражительнымъ до послѣдней степени. При встрѣчѣ съ Тургеневымъ, принадлежавшимъ къ кружку Бѣлинскаго, Достоевскій, къ сожалѣнію, не могъ сдержаться и далъ полную волю накипѣвшему въ немъ негодованію, сказавъ, что никто изъ нихъ ему не страшенъ, что дай только время, онъ всѣхъ ихъ въ грязь затопчетъ. Не помню, что послужило поводомъ къ такой выходкѣ; рѣчь между ними шла, кажется, о Гоголѣ. Во всякомъ случаѣ, я увѣренъ, вина была на сторонѣ Достоевскаго. Характеръ Тургенева отличался полнымъ отсутствіемъ задора; его скорѣе можно было упрекнуть въ крайней мягкости и уступчивости. Послѣ сцены съ Тургеневымъ произошелъ окончательный разрывъ между кружкомъ Бѣлинскаго и Достоевскимъ; онъ больше въ него не заглядывалъ. На него посыпались остроты, ѣдкія эпиграммы, его обвиняли въ чудовищномъ самолюбіи, въ зависти къ Гоголю, которому онъ долженъ бы былъ въ ножки кланяться, потому что въ самыхъ хваленыхъ «Бѣдныхъ людяхъ» чувствовалось на каждой страницѣ вліяніе Гоголя»[1]).

Увлеченный общимъ теченіемъ, и Тургеневъ принялъ участіе въ нападкахъ на Достоевскаго. Вмѣстѣ съ Некрасовымъ онъ сочинилъ слѣдующую эпиграмму на Ѳедора Михайловича:

Витязь горестной фигуры,
Достоевскій милый пыщъ,
На носу литературы
Рдѣешь ты, какъ новый прыщъ.
    Хоть ты юный литераторъ,
    Но въ восторгъ ужъ всѣхъ повергъ:
    Тебя знаетъ императоръ,
    Уважаетъ Лейхтенбергъ,
За тобой султанъ турецкій
Скоро вышлетъ визирей.
Но когда на раутъ свѣтскій
Передъ сонмище князей,
    Ставши миѳомъ и вопросомъ,
    Палъ чухонскою звѣздой
    И моргнулъ курносымъ носомъ
    Передъ русой красотой,
Какъ трагически недвижно
Ты смотрѣлъ на сей предметъ
И чуть-чуть скоропостижно
Не погибъ во цвѣтѣ лѣтъ.
    Съ высоты такой завидной,
    Слухъ къ мольбѣ моей склоня,
    Брось свой взоръ пепеловидный,
    Брось, великій, на меня!

---

[1]) Полн. собр. сочин. Д. В. Григоровича, изд. „Нивы", XII, 274.

Ради будущихъ хваленій
(Крайность, видишь, велика)
Изъ неизданныхъ твореній
Удѣли не „Двойника“.
Буду няньчиться съ тобою,
Поступлю я, какъ подлецъ,
Обведу тебя каймою,
Помѣщу тебя въ конецъ [1]).

Эпиграмма, конечно, вполнѣ соотвѣтствовала болѣзненному самомнѣнію Достоевскаго. «Кайма», о которой упоминается въ концѣ стихотворенія—историческій фактъ: П. В. Анненковъ свидѣтельствуетъ о ней въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующее: «Рѣшаясь отдать романъ свой («Бѣдные люди») въ готовившійся тогда альманахъ, авторъ его совершенно спокойно и какъ условіе, слѣдующее ему по праву, потребовалъ, чтобъ его романъ былъ отличенъ отъ всѣхъ другихъ статей книги особеннымъ типографскимъ знакомъ, напримѣръ—каймой» [2]). Но это желаніе Достоевскаго, однако, не было исполнено.

Порвавъ (въ самомъ началѣ 1847 г.) всѣ сношенія съ кружкомъ Бѣлинскаго, Ѳедоръ Михайловичъ до конца своей жизни не могъ уже простить критику его разочарованія и отзывался о немъ часто съ ненавистью: «Онъ (Бѣлинскій) былъ немощенъ и безсиленъ талантишкомъ». «Это было самое смрадное, тупое и позорное явленіе русской жизни» и т. п. [3]). Объяснялъ же свою нелюбовь къ критику тѣмъ, что будто Бѣлинскій «ругалъ ему Христа» [4]). Въ то время, когда такъ увѣрялъ Достоевскій (въ письмѣ къ Страхову отъ 18-го мая 1871 г.), духовный образъ критика былъ еще не на столько изученъ, чтобы можно было назвать это клеветою. Въ настоящее же время взгляды Бѣлинскаго, его увлеченія и ошибки настолько выяснены, что свидѣтельство Ѳедора Михайловича о «руганіи Христа» можно отнести къ тому же разряду болѣзненныхъ измышленій, какъ и позднѣйшіе его извѣты на Тургенева. Да и письма Достоевскаго за 1845—47 гг. заставляютъ вѣрить лишь тѣмъ изъ позднѣйшихъ свидѣтельствъ Ѳедора Михайловича, гдѣ онъ говоритъ только, что «страстно принялъ тогда все ученіе его—(Бѣлинскаго)» [5]). О. Ѳ. Миллеръ пробуетъ поддержать Достоев-

[1]) Эпиграмма эта, извѣстная до сихъ поръ лишь по небольшому отрывку, напечатанному въ воспоминаніяхъ Я. П. Полонскаго („Нива“ 1884 г.), приводится нами цѣликомъ изъ женевскаго изданія (1892 г.) писемъ Тургенева къ Герцену (стр. 207—208).

[2]) Воспомин. и критич. очерки, III, 139.

[3]) Письма Достоевскаго къ Страхову отъ 23-го апрѣля и 18-го мая 1871 г. (Полн. собр. сочин. Достоевскаго, изд. 1883 г., I, 310, 312).

[4]) Ibid, I, 312 и 77.

[5]) Полн. собр. сочин. Достоевскаго, изд. 1883 г., I, 78.

скаго предположеніемъ, будто Бѣлинскій именно подъ вліяніемъ автора «Бѣдныхъ людей» въ своемъ обзорѣ Русской литературы 1847 г. «восторженно отзывался о нравственномъ вліяніи христіанства въ соціальномъ смыслѣ» [1]). Но такое предположеніе — слишкомъ плохая защита.

Въ 1849 году, Достоевскій, замѣшанный въ дѣло Петрашевскаго, сосланъ былъ въ Сибирь, гдѣ пробылъ 10 лѣтъ, изъ которыхъ 4 года — на каторжныхъ работахъ. Тяжелая кара, постигшая автора «Бѣдныхъ людей», вызвала искреннее сочувствіе къ нему среди русскаго образованнаго общества. Тургеневъ не могъ являться тутъ исключеніемъ, и когда въ 1860 г. Достоевскому было разрѣшено жительство въ Петербургѣ, Иванъ Сергѣевичъ вновь сошелся съ Ѳедоромъ Михайловичемъ, отъ души позабывъ всѣ прошлыя недоразумѣнія. Въ извѣстномъ спектаклѣ въ пользу литературнаго фонда 14-го апрѣля того же года въ домѣ Руадзе оба писателя участвовали въ «Ревизорѣ», Тургеневъ — играя одного изъ купцовъ, Достоевскій — на роли Шпекина (почмейстера). Съ начала же изданія журнала «Время» братьями Достоевскими (январь, 1861 г.) между Иваномъ Сергѣевичемъ и Ѳедоромъ Михайловичемъ устанавливаются даже дружескія отношенія, со стороны Тургенева, по крайней мѣрѣ — дружескія не по одной внѣшности. Иванъ Сергѣевичъ не могъ не сочувствовать появленію новаго журнала, особенно съ независимымъ направленіемъ (славянофильскія тенденціи Достоевскаго тогда еще не обозначились); въ забвеніи непріятнаго прошлаго со стороны Ѳедора Михайловича Тургеневъ не сомнѣвался. Поэтому мы можемъ вполнѣ повѣрить слѣдующимъ строкамъ письма Ивана Сергѣевича къ автору «Бѣдныхъ людей» отъ 3-го октября 1861 года: «Вы не можете сомнѣваться въ искреннемъ участіи, которое я принимаю въ васъ, въ вашемъ журналѣ и во всемъ, что̀ до васъ касается» [2]). Дѣйствительно, въ декабрѣ того же года, напримѣръ, Тургеневъ рекомендуетъ «Время» для сотрудничества Фр. Боденштедту [3]), а въ апрѣлѣ слѣдующаго — хлопочетъ пристроить туда М. А. Марковичъ (Марко-Вовчекъ). Когда «Время» было неожиданно прекращено, Иванъ Сергѣевичъ неоднократно выражалъ искреннее участіе горю Достоевскаго. Такъ, въ письмѣ къ сотруднику «Русскаго Вѣстника» Щербаню (20-го іюня 1863 г.) онъ пишетъ: «Вы еще не прочли въ «Сѣверной Почтѣ» указа о запрещеніи этого журнала («Время») по поводу статьи «Роковой вопросъ» въ апрѣльской книжкѣ? Я эту статью, помнится, пробѣжалъ и не нашелъ въ ней ничего особенно зловреднаго. Это за-

---

[1]) Ibid., I, 77.

[2]) Перв. собр. писемъ И. С. Тургенева, стр. 97.

[3]) „Русск. Стар.“ 1887 г., кн. 5, стр. 474.

*

прещеніе меня поразило—и для Достоевскихъ, у которыхъ оно отняло хлѣбъ, и для правительства, которое не понимаетъ, что оно тѣмъ самымъ бросаетъ тѣнь на искренность патріотическихъ заявленій» [1]). Хорошія отношенія между двумя писателями должны были только упрочиться отъ обмѣна сочувственными отзывами, которые вызваны были съ одной стороны «Отцами и дѣтьми», а съ другой—«Записками изъ мертваго дома», вышедшими въ свѣтъ почти одновременно. Тургеневъ признавался, что вполнѣ поняли его знаменитый романъ (кромѣ Анненкова, конечно) только В. П. Боткинъ, А. Н. Майковъ и Ѳ. М. Достоевскій [2]).

Съ своей стороны Иванъ Сергѣевичъ писалъ послѣднему, что его «Записки изъ мертваго дома» ему очень нравятся; «картина бани—просто Дантовская, и въ вашихъ характеристикахъ разныхъ лицъ (напримѣръ Петрова)—много тонкой и вѣрной психологіи [3]).

Для Достоевскаго Тургеневъ приступилъ къ обработкѣ, начатой имъ еще въ 1856 г., высокохудожественной фантазіи «Призраки», гдѣ такъ оригинально собраны впечатлѣнія, пережитыя имъ на протяженіи 20-ти лѣтъ, начиная со студенчества (гл. XII и XIII). Отложенная въ 1857 г., вещь эта снова попала подъ перо Ивана Сергѣевича осенью 1861 г. и закончена была въ маѣ 1863 г. Пославъ рукопись на просмотръ «первому своему критику», Тургеневъ писалъ шутливо Фету (1-го октября): «я, не смотря на свое бездѣйствіе, угобзился, однако, сочинить и отправить къ Анненкову вещь, которая, вѣроятно, вамъ понравится, ибо не имѣетъ никакого человѣческаго смысла, даже эпиграфъ взятъ у васъ. Вы увидите если не въ печати, то въ рукописи, это замѣчательное произведеніе очепушившейся фантазіи» [4]). Тонъ этихъ строкъ не даетъ, конечно, права заключать, что Иванъ Сергѣевичъ отнесся къ этому разсказу съ меньшей серьезностью, чѣмъ къ другимъ своимъ произведеніямъ. «Призраки» произошли случайно,—говорилъ онъ впослѣдствіи Половцеву [5]),—у меня набрался рядъ картинъ, эскизовъ, пейзажей. Сперва я хотѣлъ сдѣлать картинную галлерею, по которой проходитъ художникъ, разсматривая отдѣльныя картины, но выходило сухо. Поэтому я выбралъ ту форму, въ которой и появились «Призраки». Какъ всегда, Тургеневъ строго отнесся къ каждой строкѣ, къ каждому слову своей фантазіи. На замѣчанія, напримѣръ, Щербаня, особенно по поводу нѣкоторыхъ мѣстъ главы XIX, онъ пишетъ: «за

---

[1]) „Русскій Вѣстникъ“, 1890 г., VIII, 7.

[2]) Перв. собр. пис., стр. 102, 107 и 108.

[3]) Ibid, стр. 98.

[4]) Фетъ. „Мои воспоминанія“, I, 439.

[5]) „Воспоминанія его о Тургеневѣ“, въ календарѣ „Царь-колоколъ“ на 1887 г., стр. 77.

исключеніемъ двухъ-трехъ, я согласенъ со всѣми вашими замѣчаніями; нѣкоторыя очень вѣрны и тонки. Но, напримѣръ, «широкій шорохъ»— мнѣ именно нуженъ, какъ звукоподражательность; Тюльерійскій садъ отдѣленъ отъ частнаго Наполеоновскаго сада—чисто крѣпостнымъ рвомъ; и самъ г. Базанкуръ [1]) сравниваетъ зуавовъ съ тиграми. Настоящій солдатъ таковъ и долженъ быть, но потому-то я и не люблю солдата» [2]).

«Призраки», однако, попали не на страницы журн. «Время», какъ хотѣлъ Тургеневъ, а въ «Эпоху», замѣнившую собою погибшее изданіе Достоевскихъ, и напечатаны были въ 1-й и 2-й книжкахъ журнала за 1864 г. Но Иванъ Сергѣевичъ не думалъ ограничиться этимъ только вкладомъ въ «Эпоху». Въ октябрѣ того же года онъ писалъ Ѳедору Михайловичу: «Начну съ увѣренія, что мои чувства къ вашему журналу нисколько не измѣнились, что я отъ всей души готовъ содѣйствовать его успѣху, по мѣрѣ силъ—и даю вамъ обѣщаніе первую написанную мною вещь помѣстить у васъ; но опредѣлить срокъ, когда эта вещь будетъ написана, мнѣ невозможно потому, что я совершенно облѣнился и болѣе года пера въ руки не беру.... Я часто думалъ объ васъ все это время, обо всѣхъ ударахъ, которые васъ поразили—и искренно радуюсь тому, что вы не дали имъ разбить васъ въ конецъ. Боюсь я только за ваше здоровье, какъ бы оно не пострадало отъ излишнихъ трудовъ» [3]). Но «Эпоха» прекратилась на февральской книжкѣ 1865 г., за недостаткомъ средствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наступило продолжительное затишье въ сношеніяхъ двухъ писателей.

Лѣтомъ 1867 г. затишье это было нарушено самой неожиданной выходкой Достоевскаго, о которой Тургеневъ такъ впослѣдствіи разсказывалъ въ Спасскомъ своимъ деревенскимъ гостямъ, среди которыхъ былъ и Е. Гаршинъ (приводимъ подлинныя слова воспоминаній послѣдняго съ нѣкоторыми лишь пропусками): «Это было въ Баденѣ, когда только-что вышелъ «Дымъ». Въ это время Достоевскій былъ сильно увлеченъ игрой, былъ въ большомъ выигрышѣ, увѣрился, что онъ попалъ на счастливые номера и.... проигралъ все до копѣйки. Находясь въ затруднительномъ положеніи, Достоевскій взялъ въ займы у Тургенева какую-то незначительную сумму денегъ. Вскорѣ затѣмъ онъ отыгрался, пересталъ играть и привезъ Тургеневу свой долгъ. Но, уже отдавъ деньги, Достоевскій все-таки, по замѣчанію Тургенева, чувствовалъ тяжесть своего обязательства относительно человѣка, котораго онъ не любилъ, а тутъ какъ нарочно пищей для этого раздраженія ока-

---

[1]) Извѣстный французскій военный писатель.

[2]) „Русскій Вѣстникъ", 1890 г., VIII, 13.

[3]) Перв. собр. писемъ Тургенева, стр. 116

зался злополучный «Дымъ». Эту книгу надо сжечь рукою палача, сказалъ Достоевскій, взявъ книгу въ руки. Тургеневъ (къ сожалѣнію, вся эта сцена происходило одинъ-на-одинъ) скромно освѣдомился о причинахъ и въ отвѣтъ услышалъ цѣлую обвинительную рѣчь на тему: вы ненавидите Россію, вы не вѣрите въ ея будущее и т. д. Иванъ Сергѣевичъ разсказывалъ, что онъ предпочелъ выслушать все молча и дождался, пока Достоевскій кончитъ и уйдетъ. Такъ дѣйствительно и было сдѣлано. Но, спустя, нѣсколько времени, Иванъ Сергѣевичъ получилъ извѣщеніе отъ издателя «Русскаго Архива», г. Бартенева, что Достоевскій обратился къ нему съ письмомъ, въ которомъ воспроизведенъ вышеупомянутый монологъ, но не какъ обвиненіе противъ Тургенева, а какъ его личная исповѣдь, въ формулѣ: «Я ненавижу Россію» и т. д. При этомъ Достоевскій просилъ опубликовать это его письмо никакъ не ранѣе извѣстнаго срока (сколько помню 10—15-лѣтняго). На вопросъ Бартенева, какъ ему поступить въ данномъ случаѣ, Иванъ Сергѣевичъ отвѣчалъ, что это для него совершенно безразлично» [1]).

Гаршинъ, излагая этотъ разсказъ, сопровождаетъ его оговорками, скрывающими за собою какъ-бы нѣкоторое сомнѣніе въ безусловной правдивости словъ Тургенева. Но, зная незлобивость и скромность Ивана Сергѣевича, можно усумниться въ полной истинности его разсказа развѣ только въ томъ смыслѣ, что Тургеневъ смягчилъ все дѣло въ пользу Достоевскаго. Дѣйствительно, болѣе близкимъ друзьямъ онъ сообщалъ случай этотъ откровеннѣе. Такъ въ письмѣ къ Полонскому отъ 24-го апрѣля 1871 г. читаемъ: «Онъ (Достоевскій) пришелъ ко мнѣ лѣтъ пять тому назадъ въ Баденѣ, не съ тѣмъ, чтобы выплатить мнѣ деньги, которыя у меня занялъ, а обругать меня на чемъ стоитъ—за «Дымъ», который, по его мнѣнію, подлежалъ сожженію отъ руки палача. Я слушалъ молча всю эту филиппику, и что же узнаю? Что будто я ему выразилъ всякія преступныя мнѣнія, которыя онъ поспѣшилъ сообщить Бартеневу (Б. дѣйствительно мнѣ написалъ объ этомъ). Это была бы просто-на-просто клевета, если бы Достоевскій не былъ сумасшедшимъ, въ чемъ я нисколько не сомнѣваюсь. Быть можетъ, ему это все померещилось» [2]). Разсматривая письма Тургенева, относящіяся къ тому времени, когда именно и произошелъ описанный случай, мы находимъ еще болѣе ясные слѣды этой выходки. Въ концѣ декабря 1867 г. Иванъ Сергѣевичъ пишетъ Анненкову: «Ну, однако, удивили вы меня сообщеніемъ извѣстія о письмѣ Достоевскаго (что это онъ—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія!). Вотъ послѣ этого и пускай къ себѣ соотечественниковъ. Молодца! Прилагаемое мое письмо къ Бартеневу можете по благоусмо-

[1]) „Историческій Вѣстникъ", 1883 г., XI, 387.
[2]) Пер. собр. писемъ Тургенева, стр. 194.

тренію переслать. Но больше, кажется, дѣлать нечего» [1]). Въ февралѣ же 1868 г. онъ сообщаетъ тому же Анненкову: «Я получилъ отъ П. И. Бартенева очень вѣжливое письмо, въ которомъ онъ отзывается, какъ слѣдуетъ, о сумасбродномъ извѣтѣ г. Достоевскаго, который, однако, не подписанъ имъ, но, очевидно, проистекаетъ изъ его пера» [2]).

Письмо Ивана Сергѣевича къ Бартеневу, отправленное первоначально къ Анненкову, сохранилось въ копіи (въ Императорской Публичной библіотекѣ); доносъ же Достоевскаго до сихъ поръ неизвѣстенъ. О содержаніи его, однако, можемъ судить на основаніи слѣдующихъ строкъ письма Ѳедора Михайловича къ А. Н. Майкову отъ 16-го (28-го) августа 1867 г., въ которомъ Достоевскій разсказываетъ, между прочимъ, о жестокомъ своемъ проигрышѣ въ Баденѣ: «. . . . Онъ объявилъ мнѣ, что онъ окончательный атеистъ. Но Боже мой! Деизмъ намъ далъ Христа, т. е. до того высокое представленіе человѣка, что его понять нельзя безъ благоговѣнія и нельзя не вѣрить, что это идеалъ человѣчества вѣковѣчный. А что же они-то. . . . . намъ представили! Вмѣсто высочайшей красоты Божіей, на которую они плюютъ, всѣ они до того пакостно самолюбивы, до того безстыдно раздражительны, легкомысленно горды, что просто непонятно, на что они надѣются и кто за ними пойдетъ. Ругалъ онъ Россію и русскихъ безобразно, ужасно. Но вотъ, что я замѣтилъ: всѣ эти либералишки и прогрессисты, преимущественно школы еще Бѣлинскаго, ругать Россію находятъ первымъ своимъ удовольствіемъ и удовлетвореніемъ. Разница въ томъ, что послѣдователи . . . . просто ругаютъ и откровенно желаютъ ей провалиться (преимущественно провалиться!). Эти же отпрыски прибавляютъ, что они любятъ Россію. А между тѣмъ, не только все, что есть въ Россіи чуть-чуть самобытнаго, имъ ненавистно, такъ что они его отрицаютъ и тотчасъ же съ наслажденіемъ обращаютъ въ каррикатуру, но что, еслибъ дѣйствительно представить имъ наконецъ фактъ, который бы ужъ нельзя опровергнуть или въ каррикатурѣ испортить, а съ которымъ надо непремѣнно согласиться, то, мнѣ кажется, они бы были до муки, до боли, до отчаянія несчастны. Замѣтилъ я, что они (равно какъ и всѣ, долго не бывшіе въ Россіи) рѣшительно фактовъ не знаютъ, хотя и читаютъ газеты, и дотого грубо потеряли всякое чутье Россіи, такихъ обыкновенныхъ фактовъ не знаютъ, которые даже нашъ русскій нигилистъ уже не отрицаетъ и только каррикатуритъ по-своему. Между прочимъ, онъ говорилъ, что мы должны ползать передъ нѣмцами, что есть одна общая всѣмъ дорога и неминуемая, это цивилизація,

---

[1]) „Русское Обозрѣніе", 1894 г., ч. I, 28.
[2]) Ibid, II, 489.

и что всѣ попытки руссизма и самостоятельности—свинство и глупость . . . . . . [1]).

Этотъ «онъ», стоящій въ началѣ выписаннаго отрывка и совсѣмъ неожиданно выступающій изъ-за редакторскихъ точекъ печатнаго текста письма, конечно, и есть Тургеневъ, хотя имя его тщательно скрывается издателемъ (Иванъ Сергѣевичъ былъ живъ еще во время печатанія корреспонденціи Достоевскаго). Полное совпаденіе содержанія отрывка съ самой сутью дѣла, какъ послѣднее выясняется изъ писемъ и разсказовъ Тургенева, достаточно говоритъ въ пользу нашего предположенія. Отвѣтъ Ивана Сергѣевича, помѣченный 22-мъ декабря 1867 г., (3-го января 1868 г.), изъ Баденъ-Бадена былъ таковъ:

«Милостивый государь, Петръ Ивановичъ! До свѣдѣнія моего дошло, что въ Чертковскую библіотеку прислано на ваше имя письмо, съ подписью г-на Ѳ. Достоевскаго, и что въ этомъ письмѣ, которое должно явиться въ свѣтъ не ранѣе 1890 года, изложены имъ мнѣнія—возмутительныя и нелѣпыя—о Россіи и русскихъ, которыя онъ приписываетъ мнѣ. Эти мнѣнія, составляющія будто-бы задушевное мое убѣжденіе, были высказаны мною, по увѣренію г-на Ѳ. Достоевскаго, въ его присутствіи, въ Баденѣ, нынѣшнимъ лѣтомъ, во время единственнаго посѣщенія, которымъ онъ меня почтилъ.

«Не говоря уже о томъ, насколько можетъ быть оправдано подобное злоупотребленіе довѣрія, я вынужденнымъ нахожусь объявить съ своей стороны, что выражать свои задушевныя убѣжденія передъ г-номъ Достоевскимъ я уже потому полагалъ бы неумѣстнымъ, что считаю его за человѣка—вслѣдствіе болѣзненныхъ припадковъ и другихъ причинъ не вполнѣ обладающаго собственными умственными способностями; впрочемъ, это мнѣніе мое раздѣляется многими другими лицами. Видѣлся я съ г-номъ Достоевскимъ, какъ уже сказано, всего одинъ разъ. Онъ высидѣлъ у меня не болѣе часа и, облегчивъ свое сердце жестокою бранью противъ нѣмцевъ, противъ меня и моей послѣдней книги, удалился; я почти не имѣлъ времени и никакой охоты возражать ему. Я, повторяю, обращался съ нимъ, какъ съ больнымъ. Вѣроятно разстроенному его воображенію представились тѣ доводы, которые онъ предполагалъ услыхать отъ меня—и онъ написалъ на меня свое... донесеніе потомству.

«Не подлежитъ сомнѣнію, что въ 1890 году и г-нъ Достоевскій и я—мы оба не будемъ обращать на себя вниманіе соотечественниковъ; а если мы и не будемъ совершенно забыты, то судить о насъ станутъ не по одностороннимъ извѣтамъ, а по результатамъ цѣлой жизни и дѣя-

[1]) Полное собр. соч. Ѳ. М. Достоевскаго, 1883 г., ч. I, 172.

тельности; но я все-таки почелъ своею обязанностью теперь же протестовать противъ подобнаго искаженія моего образа мыслей.

«Мнѣ остается просить васъ извинить меня, что я рѣшился обратиться къ вамъ, не имѣя чести быть лично вамъ знакомымъ, а также принять выраженіе совершеннаго уваженія и преданности, съ которыми остаюсь вашимъ покорнѣйшимъ слугою Иванъ Тургеневъ» [1]).

Послѣ своей, дѣйствительно болѣзненной, выходки Достоевскій въ силу уже тѣхъ самыхъ психическихъ процессовъ, которые такъ реально и талантливо изображаются въ его романахъ—не могъ не идти дальше въ своей ненависти.

Злобное чувство, усиливаясь, привело его ко второй некрасивой выходкѣ, совершенной уже публично. Въ «Бѣсахъ», печатавшихся въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1871—1872 гг., «выведены» были Тургеневъ и Грановскій, первый—подъ именемъ Кармазинова.

Собравъ въ одно наиболѣе характерныя черты этого героя, разсѣянныя, такъ сказать, по страницамъ романа, мы получимъ такую фигуру. Одѣвается Кармазиновъ, выходя на воздухъ, примѣняясь къ климату болѣе западной Европы, чѣмъ своей родины, т. е. нѣсколько легко. Но «всѣ мелкія вещицы его костюма: запоночки, воротнички, пуговки, черепаховый лорнетъ на черной тоненькой ленточкѣ, перстенекъ, непремѣнно были такія же, какъ и у людей безукоризненно хорошаго тона». Въ лѣвой рукѣ онъ носитъ «крошечный сакъ»; «впрочемъ это былъ не сакъ, а какая-то коробочка, или, вѣрнѣе, какой-то портфельчикъ, или, еще лучше, ридикюльчикъ, въ родѣ старинныхъ дамскихъ ридикюлей». У себя дома, не въ лѣтнюю пору, Кармазиновъ носитъ «какую-то домашнюю куцавеечку на ватѣ, въ родѣ какъ бы жакеточки съ перламутровыми пуговками, но слишкомъ ужъ коротенькую, что̀ вовсе и не шло къ его довольно сытенькому брюшку». Ноги обертывалъ шерстянымъ клѣтчатымъ пледомъ изъ боязни заболѣть въ «этомъ климатѣ». Въ торжественныхъ случаяхъ, напримѣръ,—выступая на публичныя чтенія, Кармазиновъ, конечно, надѣвалъ фракъ и являлся передъ публикой «съ осанкою пятерыхъ камергеровъ». Голосъ имѣлъ слишкомъ «крикливый, нѣсколько даже женственный, и при томъ съ настоящимъ благороднымъ дворянскимъ присюсюкиваніемъ». Говорилъ не иначе, какъ «жеманясь и тонируя», «нѣжно скандируя каждое слово». Кармазиновъ «дорожитъ связями своими съ сильными людьми и съ обществомъ высшимъ чуть не больше души своей». «Онъ васъ встрѣтитъ, обласкаетъ, прельститъ, обворожитъ своимъ простодушіемъ, особенно если

---

[1]) Оригиналъ этого письма, до сихъ поръ еще не оглашеннаго въ печати, вѣроятно, находится у г. Бартенева. Мы приводимъ текстъ по единственной копіи, хранящейся въ Императорской Публичной библіотекѣ.

вы ему почему-нибудь нужны и, уже разумѣется, если вы предварительно были ему зарекомендованы. Но при первомъ князѣ, при первой графинѣ, при первомъ человѣкѣ, котораго онъ боится, онъ почтетъ священнѣйшимъ долгомъ забыть васъ съ самымъ оскорбительнымъ пренебреженіемъ, какъ щепку, какъ муху, тутъ же, когда вы еще не успѣли отъ него выйти; онъ серьезно считаетъ это самымъ высокимъ и прекраснымъ тономъ». И балуютъ же его эти князья, графини и сильные люди! Они подносятъ ему лавровые вѣнки, ставятъ въ своихъ залахъ мраморныя доски на память объ его чтеніяхъ и проч. Несмотря на это, Кармазиновъ «болѣзненно трепеталъ предъ новѣйшею революціонною молодежью и, воображая по незнанію дѣла, что въ рукахъ ея ключи русской будущности, унизительно къ нимъ подлизывался, главное—потому, что они не обращали на него никакого вниманія».

Незнаніе же дѣла у Кармазинова вполнѣ понятно. Онъ признается, что сидитъ вотъ уже седьмой годъ въ Карлсруэ. «И когда прошлаго года городскимъ совѣтомъ положено было проложить новую водосточную трубу, то я почувствовалъ въ своемъ сердцѣ, что этотъ карлсруйскій водосточный вопросъ милѣе и дороже для меня всѣхъ вопросовъ моего милаго отечества за все время, такъ называемыхъ, здѣшнихъ реформъ». Литературнымъ талантомъ Кармазиновъ обладаетъ небольшимъ «средней руки». Онъ принадлежитъ къ тѣмъ писателямъ, «которыхъ принимаютъ при жизни ихъ чуть не за геніевъ» и которые «не только исчезаютъ чуть не безслѣдно и какъ-то вдругъ изъ памяти людей, когда умираютъ, но случается, что даже и при жизни ихъ, чуть лишь подростетъ новое поколѣніе, смѣняющее то, при которомъ они дѣйствовали—забываются и пренебрегаются всѣми непостижимо скоро». Прежде Кармазиновъ писалъ вещи ничего себѣ, т. е. «хоть обточено, жеманно, но иногда съ остроуміемъ», впослѣдствіи же исписался и обнаруживалъ «такую жидкость и такую крохотность своей основной идейки, что никто даже и не жалѣетъ о томъ, что онъ такъ скоро умѣлъ исписаться». Но самолюбіе такихъ писателей, именно подъ конецъ ихъ поприща «принимаетъ иногда размѣры достойные удивленія. Богъ знаетъ, за кого они начинаютъ принимать себя,—по крайней мѣрѣ за боговъ». Кармазиновъ высказался разъ такъ: «Тамъ, въ Карлсруэ, я закрою глаза свои. Намъ, великимъ людямъ, остается, сдѣлавъ свое дѣло, поскорѣе закрывать глаза, не ища награды. Сдѣлаю такъ и я».

И послѣднія произведенія свои писалъ онъ единственно съ цѣлью выставить себя самого. Таковы пародируемые Достоевскимъ, «Довольно» и «Казнь Тропмана». Въ послѣднемъ разсказѣ, по мнѣнію автора «Бѣсовъ», «такъ и читалось между строками: интересуйтесь мною, смотрите, каковъ я былъ въ эти минуты. Смотрите лучше на меня, какъ я не вынесъ этого зрѣлища и отъ него отвернулся. Вотъ я сталъ спи-

ной; вотъ я въ ужасѣ и не въ силахъ оглянуться назадъ; я жмурю глаза—не правда ли, какъ это интересно?» Понятно, почему Кармазиновъ заготовлялъ всегда по нѣскольку списковъ своихъ еще не напечатанныхъ произведеній и хранилъ «одинъ за границей у нотаріуса, а другой въ Петербургѣ, третій въ Москвѣ».

Впослѣдствіи Тургеневъ имѣлъ полное право сказать по поводу «Бѣсовъ»: «Недобрый онъ (Достоевскій) былъ человѣкъ и не могъ равнодушно относиться къ чужому успѣху. Мало ему было, что онъ меня вывелъ въ Кармазиновѣ, но зачѣмъ было Грановскаго трогать: вѣдь онъ покойникъ!» [1]). По поводу того же романа Иванъ Сергѣевичъ писалъ М. А. Милютиной (3-го декабря 1872 г.): «Поступокъ Ѳ. Достоевскаго не удивилъ меня нисколько; онъ возненавидѣлъ меня уже тогда, когда мы оба были молоды и начинали свою литературную карьеру, хотя я ничѣмъ не заслужилъ этой ненависти. Но безпричинныя страсти, говорятъ, самыя сильныя и продолжительныя... Достоевскій позволилъ себѣ нѣчто худшее, чѣмъ пародію; онъ представилъ меня, подъ именемъ Кармазинова, тайно сочувствующимъ Нечаевской партіи... Мнѣ остается сожалѣть, что онъ употребляетъ свой несомнѣнный талантъ на удовлетвореніе такихъ нехорошихъ чувствъ; видно, онъ мало цѣнитъ его, коли унижаетъ до памфлета» [2]).

Мнѣнія Достоевскаго о литературной дѣятельности Тургенева мы уже видѣли, они вполнѣ подтверждаются и письмами Ѳедора Михайловича. Изложимъ въ заключеніе взглядъ Ивана Сергѣевича на Достоевскаго, какъ на писателя. Признавая его «крупнымъ» писателемъ и «несомнѣннымъ талантомъ», Тургеневъ рѣзко осуждалъ въ немъ неудержимый позывъ къ крайне болѣзненному психологическому анализу, который и называлъ «больничнымъ настроеніемъ», «прѣлымъ самоковыряніемъ», «никому не нужнымъ бормотаньемъ и психологическимъ ковыряньемъ» [3]). Наиболѣе крупными его вещами Иванъ Сергѣевичъ считалъ «Записки изъ мертваго дома» и первую часть «Преступленія и наказанія». Въ общемъ взглядъ Тургенева на литературную дѣятельность Достоевскаго совпадалъ со взглядами Н. К. Михайловскаго, изложенными въ статьѣ послѣдняго «Жестокій талантъ». Въ этомъ критическомъ этюдѣ, какъ извѣстно, доказывается слѣдующая мысль: Достоевскій въ большей части своихъ произведеній стремится не возбудить состраданіе или сочувствіе къ униженнымъ и оскорбленнымъ, а старается помучить героевъ своихъ романовъ изъ простаго желанія раздражать нервы читателей. Не направляя послѣднихъ ни къ какой разумной или гуманной

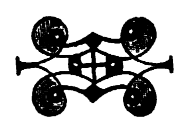
[1]) „Истор. Вѣстн." 1883 г., XI, 387.

[2]) Перв. собр. писемъ, стр. 208.

[3]) „Вѣстн. Европы" 1887 г., кн. 2, стр. 474. Фетъ: „Мои воспомин.", II, 38. Перв. собр. писемъ Тургенева, стр. 272.

цѣли, ни къ какому идеалу, онъ играетъ на нервахъ читателей «такъ», изъ любви къ искусству. Его психологія въ большинствѣ случаевъ не раскрытіе тайниковъ человѣческой души, а наслажденіе тѣми страданіями, которыя проистекаютъ у его героевъ изъ болѣзненныхъ или ложныхъ положеній. Познакомившись съ этой статьей, Тургеневъ писалъ Салтыкову (Щедрину) 24-го сентября 1882 года: «Прочелъ я также статью Михайловскаго о Достоевскомъ. Онъ вѣрно подмѣтилъ основную черту его творчества. Онъ могъ бы вспомнить, что и во французской литературѣ было схожее явленіе, а именно пресловутый Маркизъ де-Садъ. Этотъ даже книгу написалъ: «Tourments et supplices», въ которой онъ съ особеннымъ наслажденіемъ настаиваетъ на развратной нѣгѣ, доставляемой нанесеніемъ изысканныхъ мукъ и страданій. Достоевскій тоже въ одномъ изъ своихъ романовъ тщательно расписываетъ удовольствіе одного любителя... И какъ подумаешь, что по этомъ нашемъ де-Садѣ всѣ россійскіе архіереи совершали панихиды и даже предики читали о вселюбви этого всечеловѣка! По истинѣ, въ странное живемъ мы время!» [1]).

Н. Гутьяръ.

[1]) Перв. собр. писемъ, стр. 496—497.

Паисій Лигаридъ.

Дополнительныя свѣдѣнія изъ римскихъ архивовъ.

Corruptio optimi pessima.

Въ 1673 году, въ Римъ, къ папскому двору, прибылъ посланецъ Алексѣя Михаиловича, маіоръ Павелъ Менезій. Шотландскій выходецъ, образованный и благовоспитанный, представитель православнаго царя былъ католикъ, и даже очень усердный. На престарѣлаго Климента X, на его племянника, кардинала Альтіери, и вообще на всю римскую курію онъ произвелъ самое отрадное впечатлѣніе. Не удивительно, что его словамъ придавалось высокое значеніе. Между прочимъ, рѣчь коснулась и Паисія Лигарида, пребывавшаго тогда въ Москвѣ. Менезій высказалъ мнѣніе, что газскій митрополитъ можетъ доставить много пользы или нанести много вреда католицизму въ Россіи, смотря по тому, придерживается ли онъ истиннаго ученія или же ложнаго [1])?

Вслѣдствіе этого заявленія наведены были справки въ конгрегаціи Пропаганды, отъ которой Лигаридъ нѣкогда зависѣлъ, въ качествѣ миссіонера на Востокѣ. Добытыя такимъ путемъ свѣдѣнія выясняютъ его личность и особенно освѣщаютъ еще мало извѣстную его жизнь до пріѣзда въ Россію.

Долгое время всѣ эти сокровища лежали подъ спудомъ. Только благодаря содѣйствію кардинала Рамполлы, занимавшаго тогда постъ секретаря Пропаганды, удалось ими воспользоваться. Документы, сообщенные мною г. Леграну, были имъ напечатаны въ 1896 году [2]).

---

[1]) Архивъ Пропаганды, Registre di Lèttere, т. LXI, стр. 141.

[2]) Bibliographie Hellénique du dix-septieme siècle, т. IV, стр. 17, 56, 59.

Для составленія своего очерка, тотъ же авторъ имѣлъ доступъ въ римскій архивъ коллегіи св. Аѳанасія.

Однако же, съ тѣхъ поръ нашлось еще кое-что новое. Потому нелишне будетъ, сопоставивъ всѣ римскія свѣдѣнія о Лигаридѣ, представить ихъ въ цѣльномъ видѣ. Ни Горскій, ни Лавровскій не могли этого сдѣлать. Да вообще эти свѣдѣнія, кажется, мало извѣстны въ русской наукѣ. По случаю дѣла Никона всѣмъ историкамъ приходится упоминать о Лигаридѣ. Но даже въ такихъ спеціальныхъ монографіяхъ, какъ изслѣдованіе Гиббенета, дается лишь скудный и отрывочный матеріалъ.

Въ общихъ же исторіяхъ, у Соловьева и другихъ, Лигаридъ и дѣйствующіе заодно съ нимъ восточные патріархи проходятъ предъ читателемъ, какъ китайскія тѣни и мало даютъ знать о себѣ. Замѣтимъ здѣсь, что обширная записка Лигарида о Никонѣ была напечатана въ Лондонѣ. Ее перевелъ на англійскій языкъ незабвенный Вильямъ Пальмеръ [1]).

Нашему очерку не чуждъ и психологическій интересъ. Тонкій разборъ душевныхъ стремленій Лигарида, конечно, не мыслимъ; но поразительно его гнусное корыстолюбіе, неожиданно являющееся послѣ долгаго и честнаго служенія наукѣ и церкви. Врядъ ли можно допустить, что, начиная съ тринадцатилѣтняго возраста, Лигаридъ притворялся и лицемѣрилъ цѣлые десятки лѣтъ, да еще такъ искусно, что самымъ опытнымъ лицамъ не удалось его раскусить. Избитые намеки на іезуитскую гибкость мало что разъясняютъ. Слѣдуетъ вдуматься въ различныя обстановки, въ которыхъ вращался Лигаридъ. Отрицать ихъ вліянія не возможно. Въ этой живой и богато одаренной натурѣ были разнородные зачатки, которые, смотря по обстоятельствамъ, развивались въ противоположныхъ направленіяхъ и доходили до крайностей.

Съ ранняго дѣтства Пантелеймонъ Лигаридъ, уроженецъ острова Хіоса, предназначался для духовнаго званія, и врядъ ли безъ честолюбивыхъ расчетовъ. Уже въ 1623 году получается въ Римѣ просьба, скрѣпленная мѣстнымъ епископомъ, Марко Джустиніани, о принятіи тринадцатилѣтняго мальчика въ коллегію св. Аѳанасія, основанную Григоріемъ XIII для греческихъ уніатовъ [2]).

Просьба была уважена, и Лигаридъ получилъ все свое образованіе въ такъ называемомъ Collegio greco, на папскомъ иждивеніи. Тамъ онъ обучался грамматикѣ и реторикѣ, тамъ же онъ прошелъ трехлѣтній философскій и четырехлѣтній богословскій курсъ подъ опекою іезуи-

---

[1]) The Patriarch and the Tsar, т. III.

[2]) Главнымъ источникомъ для первой части этого очерка послужили вышеупомянутые документы Пропаганды, напечатанные у Леграна.

товъ, которые тогда завѣдывали коллегіею. Ректоромъ былъ отецъ Андрей Евдемонъ, выдающійся богословъ, другъ Беллярмина и въ родствѣ съ Палеологами [1]); а протекторомъ кардиналъ Барберини, которому постоянно докладывали о важнѣйшихъ дѣлахъ и происшествіяхъ. Питомцы св. Аѳанасія обучались отчасти у себя дома, отчасти въ Римской коллегіи, гдѣ преподавали также іезуиты на университетскихъ правахъ.

Успѣхи Лигарида въ наукахъ были такъ блестящи, что его выбрали для публичнаго испытанія или, какъ говорится, для «защиты» всего пройденнаго, высшаго схоластическаго курса. Такого рода «atto pubblico» дѣлался всегда торжественно, въ присутствіи кардиналовъ, знатныхъ особъ, постороннихъ лицъ и учащейся молодежи. Обыкновенно онъ держался въ церкви, какъ бы для нагляднаго доказательства неразрывнаго союза между вѣрою и наукою, и давалъ испытуемому право на степень доктора философіи и богословія. 27-го сентября 1636 года Лигаридъ выступилъ на этомъ поприщѣ въ смежной съ коллегіею церкви св. Аѳанасія [2]). Неизбѣжныя при этомъ издержки покрылъ его соотечественникъ, маркизъ Джустиніани, которому не пришлось каяться въ своей щедрости, ибо молодой докторантъ превосходно разрѣшилъ свою задачу. Съ одинаковою легкостью изъясняясь на латинскомъ и греческомъ языкѣ, онъ мѣткими отвѣтами очаровалъ своихъ слушателей, и школьная лѣтопись записала на свои страницы замѣчательный успѣхъ.

Къ этому времени относится анонимная оцѣнка Лигарида, исходящая отъ его ближайшаго начальства, вѣроятно, отъ самого ректора Евдемона [3]). Въ силу устава, питомцы коллегіи св. Аѳанасія должны были, по окончаніи курса, возвращаться на родину. Между тѣмъ, Лигарида желали задержать на нѣкоторое время, ибо онъ преподавалъ греческій языкъ и замѣнить его было бы не легко. И вотъ представляется записка кардиналу-протектору съ подходящей просьбой, основанной на слѣдующихъ соображеніяхъ.

Уставъ допускаетъ исключеніе въ пользу тѣхъ изъ бывшихъ учениковъ, которые могутъ быть полезными для коллегіи.

Лигаридъ одаренъ всѣми качествами, требуемыми отъ оставляемыхъ при заведеніи: онъ кроткаго нрава, добродѣтеленъ, послушенъ, набоженъ, горячо любитъ латинскую церковь, отлично владѣетъ греческимъ языкомъ, который онъ и преподаетъ около пяти лѣтъ къ общему удовольствію.

---

[1]) Legrand, Bibliographie Hellénique, т. III, стр. 193.

[2]) Она находится въ улицѣ Babuino.

[3]) Эта оцѣнка нашлась между іезуитскими бумагами коллегіи св. Аѳанасія и хранится въ нашемъ собраніи.

Отецъ Лигарида, Иванъ, также желаетъ, чтобы его сынъ вернулся на родину не слишкомъ молодыхъ лѣтъ, а бородатый и представительный, ибо онъ прочитъ свое чадо въ подручники, и пожалуй, въ преемники мѣстнаго епископа. Поэтому заботливый отецъ совѣтуетъ упражняться въ проповѣдничествѣ и заняться изученіемъ каноническаго права, хотя самъ не можетъ доставить средствъ для дальнѣйшаго пребыванія въ Италіи.

Авторъ записки приходитъ къ тому выводу, что оставленіемъ Лигарида въ Римѣ будутъ удовлетворены и желаніе отца и потребности коллегіи. Къ тому же дорожныя деньги для возвращенія на родину еще не высланы, говоритъ тотъ же авторъ, и въ текущемъ году уже не могутъ быть доставлены вò-время, почему, во всякомъ случаѣ, отъѣздъ долженъ быть отложенъ.

Кардиналъ протекторъ безъ сомнѣнія согласился на эту просьбу, ибо Лигаридъ провелъ еще нѣсколько лѣтъ въ коллегіи, и, какъ именно предполагалось, въ качествѣ преподавателя греческаго языка. Въ 1639 году, 31-го декабря, онъ былъ поставленъ въ священники русскимъ уніатскимъ митрополитомъ Рафаиломъ Корсакомъ, который самъ нѣкогда обучался въ коллегіи св. Аѳанасія. Два года спустя, во всеоружіи классическаго и богословскаго образованія, Лигаридъ простился на всегда съ Римомъ и выѣхалъ на Востокъ съ ежегоднымъ пособіемъ отъ Пропаганды въ размѣрѣ 50 скуди. Въ томъ же 1641 году знаменитый впослѣдствіи Юрій Крижаничъ вступилъ въ покидаемую Лигаридомъ коллегію; встрѣтились ли они тамъ, объ этомъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ.

Въ Римѣ отъѣзжающій миссіонеръ оставилъ по себѣ самую лучшую память. Прочувственныя похвалы Петра Аркудія, заклятаго уніата, печатно выраженныя въ 1637 году, достаточно выясняютъ, какимъ идеаломъ онъ тогда задавался и каково было его душевное настроеніе [1]). Дѣйствительно, талантливый, преданный наукѣ, онъ отличался также своимъ усердіемъ въ благочестіи. Нѣсколько лѣтъ подъ рядъ такъ называемая конгрегація Божіей Матери, установленная въ коллегіи св. Аѳанасія, числила его между своими сочленами, и не разъ его выбирали въ префекты, совѣтники или ассистенты. Такая честь иначе не доставалась какъ путемъ безупречности между товарищами и постоянной выдержки, ибо конгрегація была своего рода закрытое братство, гдѣ всего болѣе уважали отличное поведеніе, и гдѣ неизмѣнно примѣнялось выборное начало. А всѣмъ извѣстна чуткость молодежи и какъ она умѣетъ ею пользоваться.

Но не одни товарищи были хорошаго мнѣнія о Лигаридѣ. Выше былъ приведенъ одобрительный отзывъ начальства коллегіи, заинтере-

---

[1]) Palmer, The Patriarch and the Tsar, т. III, стр. 2.

сованнаго въ безпристрастной оцѣнкѣ питомца, предназначеннаго для домашней должности. Не иначе свидѣтельствовалъ Леонъ Аллацій, свѣтлая личность котораго выдается между его сверстниками. Настоящій безсребренникъ, нисколько не тщеславный, всепреданный наукѣ и греческой коллегіи, гдѣ нѣкогда самъ воспитывался, онъ близко зналъ своего соотечественника Лигарида, слѣдилъ за его успѣхами, велъ съ нимъ дружескую переписку, и въ 1645 году такъ его обрисовывалъ: «Умъ проницательный, характеръ твердый, начитанность особенно по церковной части, искусный и изящный ораторъ на греческомъ языкѣ, новомъ и древнемъ, не чуждый классической поэзіи, готовый пролить свою кровь за католическую вѣру» [1]).

Пришедшія годомъ раньше съ Востока извѣстія были того же утѣшительнаго свойства. Лигаридъ развивалъ большую дѣятельность, жаловался на преслѣдованія греческаго духовенства, участвовалъ въ распряхъ латинскаго, побывалъ въ Константинополѣ, сблизился съ французскимъ посломъ при оттоманской Портѣ, Жаномъ de la Haye, который писалъ о немъ въ Римъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Такъ какъ съ другихъ сторонъ поступали тождественные отзывы, то Пропаганда пожелала вознаградить столь усерднаго труженика и повысила его жалованье, назначивъ ему 60 скуди ежегодно на трехлѣтіе.

Такимъ образомъ, нѣкоторое время казалось, будто Лигаридъ оправдываетъ возложенныя на него надежды. По его просьбѣ и вслѣдствіе непріятностей съ константинопольскимъ духовенствомъ, Пропаганда дозволила ему расширить кругъ своей дѣятельности и перейти въ Молдо-Валахію, гдѣ онъ разсчитывалъ на большой успѣхъ, и въ самомъ дѣлѣ, какъ ниже окажется, ему удалось сыграть если не безупречную, то все-таки видную роль.

Началъ онъ съ того, что выказалъ свою ученость и разностороннія способности. Его опредѣлили вмѣстѣ съ Игнатіемъ Петрици преподавателемъ въ Яссахъ [2]); съ тѣмъ же соотечественникомъ онъ занялся переводомъ на румынскій языкъ и изданіемъ «Кормчей», отпечатанной въ 1652 году; кромѣ того, ему хватало еще времени для сочиненія доселѣ неизданныхъ обличеній противъ лютеранъ и кальвинистовъ, ученіе которыхъ быстро распространялось въ придунайскихъ областяхъ. Въ 1650 году, онъ встрѣтился въ Терговищахъ съ Арсеніемъ Сухановымъ, посланнымъ на Востокъ для изученія греческаго чина. 24-го апрѣля, онъ даже участвовалъ, но только мелькомъ, въ преніяхъ о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія. Призванный греками на помощь, и объяснившись съ Арсеніемъ, онъ одобрилъ русскій обычай,

[1]) Allatius, De Ecclesiae occidentalis atque orientalis perpetua consensione, ст. 1654.

[2]) Xénopol, Histoire des Roumains", т. II, стр. 34, 172.

сказавъ: «добро у нихъ, такъ еще и лучше нашего» [1]). Правда, что эти слова передаетъ Сухановъ, и что провѣрка ихъ невозможна.

Однакожъ вскорѣ Лигаридъ отважился на очень двусмысленный шагъ, повліявшій на всю его жизнь. Подружившись съ Паисіемъ, патріархомъ іерусалимскимъ, который чаще бывалъ въ Молдо-Валахіи, чѣмъ Палестинѣ, и доѣзжалъ до Москвы, онъ отправился вмѣстѣ съ нимъ въ Іерусалимъ около 1651 года. Тамъ, 16-го ноября, въ присутствіи Суханова, патріархъ Паисій постригъ Лигарида въ монахи, передавъ ему свое собственное имя Паисія. Затѣмъ предусмотрительный іерархъ отдалъ его на искусъ тому же Суханову, съ порученіемъ, «чтобы онъ держалъ его подъ началомъ крѣпко, какъ держатъ на Москвѣ въ великихъ монастыряхъ» [2]). Искусъ, сколько ни былъ строгъ, что̀, впрочемъ, неизвѣстно, продолжался не долго, по крайней мѣрѣ подъ руководствомъ Суханова, который покинулъ Іерусалимъ 26-го апрѣля слѣдующаго 1652 года.

Съ богословской точки зрѣнія, принятіе Лигаридомъ монашества отъ руки православнаго архіерея (котораго онъ при случаѣ выдавалъ за католика), было не что иное, какъ отпаденіе отъ римской вѣры. Онъ не остановился однакожъ на этой ступени: схима была только средствомъ для достиженія другой цѣли. 14-го сентября 1652 года тотъ же Паисій посвятилъ Лигарида въ митрополиты города Газы, гдѣ новый владыка, вѣроятно, не желалъ, подобно Самсону, похоронить себя живымъ, да врядъ-ли онъ когда-либо самолично и показывался въ своемъ бѣдномъ и заброшенномъ архіерейскомъ городкѣ: его прельщали многолюдныя, блестящія столицы. Для іерусалимскихъ католиковъ посвященіе Лигарида было, по свидѣтельству очевидца, дѣломъ преступнымъ. Они отворачивались съ негодованіемъ отъ непомѣрно честолюбиваго іерарха.

Между тѣмъ вѣсть объ этихъ неблаговидныхъ продѣлкахъ дошла до Рима, до самой Пропаганды. Разнесся слухъ, что, при своемъ посвященія, Лигаридъ топталъ ногами изображеніе папы и кардиналовъ, что онъ въ Іерусалимѣ фактически отрекся отъ католицизма, а въ Константинополѣ даже формально, въ доказательство чего высылалась копія съ его православнаго вѣроисповѣданія. Его характеристика заключалась въ двухъ словахъ: грекъ между греками и латинянинъ между латинянами.

Эти доносы очень огорчали Лигарида и, задѣвая его за живое, надѣлали ему не мало хлопотъ. Они разрушали его хитро задуманный планъ, ибо онъ, дѣйствительно, какъ окажется, желалъ угодить и Риму, и Востоку, и повсюду добиваться почета и щедротъ. Здѣсь ярко и на-

---

[1]) Бѣлокуровъ, Арсеній Сухановъ, ч. I, стр. 210.

[2]) Тамъ же, ч. I, стр. 277, 292.

глядно рисуется двойственность Лигарида, сопряженная съ неизсякаемымъ корыстолюбіемъ. Нельзя сказать, чтобъ это была отличительная черта его характера. Слишкомъ много изъ его соотечественниковъ страдали тѣмъ же недугомъ. Но обстоятельства сложились такъ, что у Лигарида, при его безспорныхъ способностяхъ и высокомъ положеніи, эти порочныя стороны являются особенно жалкими и позорными. По римскимъ документамъ можно прослѣдить его уловки для сохраненія благорасположенія Пропаганды, отъ которой зависѣла выдача пособій.

Уже въ 1654 году, 15-го апрѣля, вслѣдствіе возникшихъ затрудненій, онъ обратился къ Леону Аллацію съ очень колкимъ для Пропаганды письмомъ, помѣченнымъ съ острова Хіоса, откуда онъ снова отправился въ Молдо-Валахію: «Радуюсь, пишетъ на сей разъ уже архіепископъ газскій, что теперь католики выдаются въ Римѣ за еретиковъ, что они исключаются изъ миссіи и считаются врагами и змѣинымъ исчадіемъ, а явные еретики, которые пріобщались съ лютеранами, а съ кальвинистами ἐχρεωφάγησαν τῇ μελάλῃ Παρασκευῇ получаютъ жалованье въ 12 скуди ежемѣсячно отъ священной конгрегаціи Пропанды. Это очень хорошо сдѣлано. Они заслуживаютъ еще больше: для нихъ—опасныя грамоты; для насъ—вѣчная ссылка. Я не думалъ, чтобы возможенъ былъ ens rationis a parte rei, вижу однакожъ, что онъ существуетъ».

«Патріархъ іерусалимскій (котораго я же побудилъ писать) хорошъ и католикъ, и онъ бы заставилъ меня объявляться противъ католиковъ? Кто можетъ этому повѣрить? А между тѣмъ это сказалъ одинъ только Сатурнино, и ему довѣряютъ, какъ будто онъ былъ глашатаемъ истины, Τῶν φρονίμων ὀλίγα, и то, что я написалъ, уже черезъ-чуръ много» [1]).

Изъ этого письма видно, каково было положеніе дѣлъ и какіе именно интересы стояли на очереди. Полагая, что Лигаридъ измѣнилъ католической вѣрѣ и перешелъ въ православіе, Пропаганда прекратила свое пособіе. Въ самомъ дѣлѣ это такъ и было, ибо іерусалимскій патріархъ былъ православнымъ, и не мыслимо, чтобы онъ посвятилъ католика въ архіереи. Но Лигаридъ не могъ примириться съ такимъ чувствительнымъ для него убыткомъ. И вотъ начинается длинный рядъ неустанныхъ просьбъ съ увѣреніями въ преданности, съ оправданіями всякаго рода. Нѣкоторые отголоски этихъ домогательствъ дошли до насъ.

Такъ, въ 1655 году, Лигаридъ, обращаясь къ Пропагандѣ, впервые, кажется, именуетъ себя газскимъ митрополитомъ и проситъ о

---

[1]) Legrand, т. III, стр. 56.—Ens rationis a parte rei есть философская шутка, которая сводится на безсмыслицу.

*

выдачѣ якобы неправильно задержаннаго жалованья. Ему отвѣтили, что Пропаганда никакого газскаго митрополита не признаетъ, а что онъ, Лигаридъ, много странствуетъ и мало работаетъ въ духѣ своего призванія. Нисколько не смущенный, и не отрекаясь отъ своего архіерейства, Лигаридъ заявилъ, что его епархія въ долгахъ, что онъ желаетъ ихъ покрыть, и потому разъѣзжаетъ для изысканія необходимыхъ для этого средствъ

Въ 1658 году, новое письмо къ Пропагандѣ и новая просьба, разумѣется, денежная. Чувствуя, однакожъ, что ему болѣе не довѣряютъ, Лигаридъ заручился свидѣтельствомъ софійскаго архіепископа, Петра Адеодата, вѣдомству котораго подлежали тогда молдо-валахскіе католики. Этотъ духовный сановникъ пишетъ, что Лигаридъ состоитъ при князѣ богословомъ, исповѣдникомъ и проповѣдникомъ. Трудно опредѣлить, какой именно князь здѣсь подразумѣвается, при частыхъ переходахъ дѣйствующихъ лицъ изъ Молдавіи въ Валахію. Далѣе, о Лигаридѣ утверждается, что онъ помнитъ кто его вскормилъ, что, по возможности, служитъ церкви, и, участвуя въ мѣстномъ соборѣ, ратовалъ за введеніе благихъ преобразованій, хотя изъ осторожности и не упоминалъ о соединеніи церквей.

При такомъ похвальномъ отзывѣ легче было защищаться, и за этимъ дѣло не стало. Газскій митрополитъ упорно выдавалъ себя за католика, увѣряя, что никогда не отрекался отъ вѣры, и ссылаясь на гвардіана францисканов въ Іерусалимѣ, отца Малько. Выборъ этого свидѣтеля былъ крайне неудаченъ. Посвященіе Лигарида происходило дѣйствительно предъ его глазами, и, на запросъ Пропаганды, онъ, не запинаясь, отвѣтилъ, что оно было не что иное, какъ величайшій соблазнъ для всего Іерусалима. Вслѣдствіе такой провѣрки, Пропаганда встревожилась, дала объ этомъ знать въ Молдо-Валахію и всячески старалась заманить Лигарида въ Римъ. Вмѣсто того онъ уѣхалъ въ Москву.

II.

Эта поѣздка состоялась при слѣдующей обстановкѣ. Послѣ счастливаго начала много невзгодъ обрушилось на Лигарида въ Молдо-Валахіи. Хотя онъ, по свидѣтельству Павла Алеппскаго, и занимался ученымъ дѣломъ, составилъ даже замысловатую книгу о пророчествахъ, передъ которой благоговѣлъ архіепископъ антіохійскій, Макарій [1]), но вмѣстѣ

[1]) Муркосъ, Путешествіе антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію, вып. 3, стр. 199; вып. 5, стр. 27.—Palmer, т. III, стр. 7.

съ тѣмъ онъ, кажется, вдался въ политику, участвовалъ въ заговорахъ и подвергался неминуемымъ послѣдствіямъ такихъ смѣлыхъ шаговъ. По всему этому можно предположить, что ему было на-руку удалиться изъ Молдо-Валахіи, а Россія была у него намѣчена съ давнихъ временъ.

Еще будучи въ Римѣ, онъ могъ много наслышаться о ней. Одновременно съ нимъ въ коллегіи св. Аѳанасія были малороссы, бѣлоруссы, литовцы. Нѣкоторые изъ нихъ были базиліане, другіе предназначались для бѣлаго духовенства. Между прочими выдавались Гавріилъ Коленда, будущій митрополитъ русскій, Пахомій Оранскій, Андрей Слоти, Алексѣй Дубовица, занявшіе впослѣдствіи высшія духовныя должности. Въ сожитіи съ ними бесѣды о Россіи напрашивались сами собою. Имѣется письмо Лигарида къ Аллацію, гдѣ онъ обстоятельно говоритъ объ Іосафатѣ Кунцевичѣ, тогда еще не причисленномъ къ лику святыхъ, и выказываетъ хорошее знакомство съ уніею [1]).

Іерусалимскій патріархъ, Паисій, бывшій въ личныхъ сношеніяхъ съ московскимъ дворомъ, вѣроятно, еще болѣе возбудилъ его любознательность. Положительно извѣстно, что Лигаридъ говорилъ съ Сухановымъ о Никонѣ, изъявляя желаніе познакомиться и сблизиться съ нимъ. Такое желаніе пришлось Никону по сердцу. Онъ нуждался въ ученыхъ духовнаго званія для исправленія богослужебныхъ книгъ, и 1-го декабря 1657 года письменно обратился къ Лигариду съ приглашеніемъ пріѣхать въ Москву, а къ молдо-валахскимъ властямъ съ просьбою облегчить этотъ отъѣздъ. Но газскій митрополитъ по чему-то тогда не послѣдовалъ лестному приглашенію, и только пять лѣтъ спустя, въ 1662 году, отправился въ Москву при совсѣмъ другихъ обстоятельствахъ.

Нѣкогда всемогучій патріархъ палъ въ немилость у царя. Церковный вопросъ въ Россіи ужасно запутался. Тутъ, званый или незваный, явился Лигаридъ, и, примкнувъ къ боярской партіи и къ сильнымъ міра сего, сталъ злѣйшимъ врагомъ того же Никона, котораго прежде всячески возносилъ.

Въ задачу настоящаго очерка не входитъ не разъ подробно и отлично сдѣланное описаніе участія Лигарида въ осужденіи патріарха всея Руси. Нечего также повторять то, что Каптеревъ, на основаніи греческихъ статейныхъ списковъ, мастерски изложилъ о его корыстолюбіи [2]). Пріѣхавъ въ Москву съ подложными грамотами, газскій митрополитъ вскорѣ добился особаго почета. Если Алексѣй Михаиловичъ его и не слушалъ, «какъ пророка», по выраженію Никона, то, конечно, почти до самаго конца подчинялся его вліянію и слѣдовалъ его совѣ-

---

[1]) Palmer, т. III, стр. 5.

[2]) Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку, стр. 181 и слѣд.

тамъ. А Лигаридъ пользовался своимъ положеніемъ, чтобы выманивать деньги и обогащаться легкою наживою. И къ какимъ только средствамъ не прибѣгалъ этотъ жалкій «богомолецъ»! Онъ не былъ обыкновеннымъ попрошайкою или дилеттантомъ нищенства, а мастеромъ своего дѣла. Оно ведется у него сознательно, систематически, съ какимъ-то художествомъ и какъ бы безъ зазрѣнія совѣсти. Онъ проситъ для себя и для своихъ служекъ, для племянника и для лошадей. Царю приходится выкупать христіанъ отъ турокъ, погашать епархіальные долги, выплачивать султану дань, размѣнивать мѣдныя деньги на серебряныя, снабжать архіепископа одеждою, саккосомъ, митрою и домашнимъ обиходомъ. Поочередно выпрашиваются карета, сани, лошади, кормъ, дрова и соль. И этого еще мало. Лигаридъ торгуетъ соболями, узорочнымъ товаромъ, каменьями, занимается маклерствомъ, беретъ взятки, дѣлаетъ доносы и насилія, чтобы добыть лишнюю копѣйку, хотя онъ и живетъ на царскомъ содержаніи въ 361 рубль ежегодно. Два раза онъ отправляется на Востокъ, ему уплачиваютъ заранѣе путевыя издержки, и каждый разъ онъ не ѣдетъ далѣе Кіева. Новый іерусалимскій патріархъ, Нектарій, дважды его проклинаетъ, Алексѣй Михаиловичъ вступается безустанно за него, и только на послѣдокъ проглядываетъ уже сомнѣніе въ нравственномъ достоинствѣ Лигарида.

Для насъ особенно интересны его отношенія къ Риму во время пребыванія въ Россіи. Страннымъ образомъ Никонъ и Лигаридъ взаимно обвиняли другъ друга въ латинствѣ. Газскій митрополитъ на-яву открещивался отъ папы, а тайкомъ усердно заискивалъ у него.

Денежный бѣсъ не давалъ покоя даровитому греку. Очень скоро послѣ пріѣзда въ Москву, въ 1662 году, онъ обратился къ Пропагандѣ и къ варшавскому нунцію Пиньятелли, который впослѣдствіи былъ папою подъ именемъ Иннокентія XII [1]). Не смотря на царскія милости, Лигаридъ скорбѣлъ о потерѣ римскаго пособія. Узнавъ, какія именно обвиненія взводились на него, онъ спѣшилъ представить соотвѣтствующее оправданіе. Главный упрекъ сводился на его самозванное архіерейство. Объ этомъ онъ предпочиталъ молчать и настаивалъ на обстоятельствахъ своего посвященія, увѣряя, что все происходило по законному восточному обычаю, что онъ топталъ ногами не изображеніе папы и кардиналовъ, а двуглаваго орла въ знакъ неустрашимости предъ царями, когда защищаются права церкви. Впрочемъ, онъ былъ готовъ и на покаяніе въ случаѣ ошибки, а между тѣмъ своихъ клеветниковъ онъ отлучалъ отъ церкви. Послѣ оправданія слѣдовалъ разсказъ о перенесенныхъ трудахъ и всякаго рода гоненіяхъ. А неизбѣж-

[1]) Legrand, т. IV, стр. 57.

нымъ исходомъ такихъ рѣчей была убѣдительная грошевая просьба съ обѣщаніемъ остаться на всегда неизмѣннымъ приверженцемъ Рима.

Слабая сторона Лигаридовыхъ грамотъ слишкомъ ярко бросалась въ глаза, чтобы пройти незамѣченною. Пропаганда подчеркнула ихъ финансовый характеръ. Тѣмъ не менѣе рѣшились навести новыя справки. Самому же Лигариду отвѣтили, что за Пропагандой не станетъ, коль скоро онъ самъ раскается на счетъ прошлаго и будетъ поступать впредь какъ истинный католикъ.

Не смотря на суровую сдержанность этого отвѣта, газскій митрополитъ не унывалъ. Онъ даже такъ выдѣлялся своимъ усердіемъ, что польскій король обратился къ нему по поводу соединенія церквей. Эта новая попытка дѣлалась при довольно странныхъ условіяхъ.

Для подтвержденія андрусовскаго перемирія, два польскихъ посла, Станиславъ Бѣневскій и Кипріанъ Брестовскій, пріѣхали въ Москву въ 1667 году. Довольно неожиданно послѣ тринадцатилѣтней войны изъ-за религіозныхъ цѣлей, приправленныхъ конечно политикою, при заключеніи перемирія, разнесся слухъ о церковномъ сближеніи. Виновниками такихъ иллюзій были, кажется, польскіе послы. Имъ повѣрили на-слово сперва францискане, а потомъ и самъ король Янъ-Казиміръ. Съ той и съ другой стороны рѣшились на нѣкоторыя мѣропріятія.

Одинъ изъ пословъ, глухо называемый польскимъ коммиссаромъ, сообщилъ монаху fra Mario da Lucca самыя утѣшительныя вѣсти о Московіи [1]). По его словамъ, тамъ открывалось широкое поле для духовной дѣятельности. Насильственно перекрещенные охотно бы вернулись, еслибъ имѣли священника для ухода. При томъ дозволенъ проѣздъ въ Персію, а черезъ Персію можно добраться до Тартаріи. Таковы были задатки успѣха для будущаго.

Какъ разъ въ то же время францискане отправляли свой генеральный капитулъ. Польскіе отцы внесли докладъ о Московіи, дошедшій до насъ только въ извлеченіи, гдѣ дѣло представлялось въ еще болѣе привлекательномъ видѣ. Въ немъ утверждалось, между прочимъ, что Алексѣй Михаиловичъ отличается отъ своихъ предшественниковъ бо̀льшею мягкостью, дозволяетъ свободное исполненіе вѣры и возвращеніе литовскихъ монаховъ въ свои монастыри. Въ виду такихъ благопріятныхъ обстоятельствъ, Mario da Lucca предлагалъ Пропагандѣ образовать московскую миссію и назначить миссіонеровъ изъ францисканскаго ордена. Онъ уже выработалъ свой планъ и намѣтилъ своего кандидата. Но Пропаганда не оказала такой поспѣшности и ограничилась тѣмъ, что передала всѣ эти соображенія варшавскому нунцію для свѣдѣнія. Этимъ все и кончилось.

---

[1]) Архивъ Пропаганды, т. 31, Acta, 1667, л. 176, n° 13.

Польскій король, Янъ-Казиміръ, взялся за дѣло гораздо энергичнѣе [1]). Въ январѣ 1668 года, нунцій Пиньятелли передавалъ изъ Варшавы такого рода вѣсти: польскіе послы въ Москвѣ имѣли тайный разговоръ съ Ордыномъ-Нащокинымъ, который предлагалъ сліяніе Россіи съ Польшею подъ условіемъ, чтобъ кандидатомъ на престолъ объединеннаго государства былъ русскій. Завѣтная мысль! О томъ же мечталъ когда-то Иванъ Грозный, и одинаковую мечту Стефанъ Баторій перелагалъ на польскій ладъ. Историческое чутье подсказывало выдающимся дѣятелямъ, что полякамъ и русскимъ вмѣстѣ не ужиться, что настанетъ роковой часъ поглощенія съ той или съ другой стороны.

Алексѣй Михаиловичъ возобновилъ съ послами тотъ же разговоръ и совѣтовалъ переговорить съ восточными іерархами для устраненія вѣроисповѣднаго препятствія.

Два патріарха пребывали тогда въ Москвѣ: Паисій александрійскій и Макарій антіохійскій съ своимъ сыномъ Павломъ Алеппскимъ. Вызванные по извѣстному дѣлу патріарха всея Руси, Никона, который и былъ ими низложенъ, они являлись вѣрными подручниками царя и всецѣло подчинялись вліянію двора.

Въ исполненіе царскаго совѣта послы свидѣлись съ патріархами, которые отнеслись очень одобрительно къ мысли о соединеніи церквей. Свидѣлись они также съ Лигаридомъ или по собственному почину или, что̀ вѣроятнѣе, по указанію свыше. Сначала пословъ нѣсколько озадачило осужденіе Никона, ибо говорилось, что его погубила любовь къ латинству. Но потомъ—если судить по королевскимъ грамотамъ, ибо ихъ доклады намъ неизвѣстны—они какъ-то измѣнили свое мнѣніе и, въ виду хорошихъ расположеній царя и духовенства, надѣялись на успѣхъ.

Янъ-Казиміръ увлекся величіемъ предложеннаго замиренія. Передъ его глазами блеснула картина единой вселенской церкви, умиротворенной его стараніями. Онъ поручилъ епископамъ и сенаторамъ переговорить съ нунціемъ, а самъ, 28-го марта 1668 года, письменно обратился къ восточнымъ патріархамъ, къ Лигариду и къ царю Алексѣю. Вспомнивъ, что онъ когда-то принадлежалъ къ духовному званію, онъ подробно изложилъ свои богословскія соображенія въ письмѣ къ патріархамъ, Лигариду напомнилъ пребываніе въ Римѣ, а царю предложилъ созвать въ Москвѣ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, русскихъ и польскихъ епископовъ для всесторонняго обсужденія вопроса. И не теряя времени, онъ просилъ примаса собрать подходящій матеріалъ, и съ своей стороны извѣстилъ папу Климента IX о своихъ надеждахъ.

---

[1]) Theiner, Monuments historiques, стр. 52 и слѣд., nº XXII, XXIII, XXIX, XXXI, XXXIII.—Vetera Monumenta Poloniae, т. III, стр. 572, nº DLXXIX.

Между тѣмъ нунцій Пиньятелли нѣсколько обидѣлся. Вѣроятно, его сначала обошли, не предупредивъ его во-время. Янъ-Казиміръ, какъ будто задумывалъ новый флорентійскій соборъ на русско-польской подкладкѣ. Въ такой затѣѣ инициатива принадлежала папѣ, а безъ его вѣдома не слѣдовало созывать соборъ. Познакомившись съ письмомъ короля къ царю, нунцій одобрилъ только содержаніе, а не внѣшнюю форму, и чрезъ французскаго посланника Пьера де-Бонзи, епископа Безьера, сильно жаловался королю.

Янъ-Казиміръ сдался на представленія нунція [1]). Немедленно курьеръ былъ отправленъ, чтобъ воротить съ дороги уже высланное въ Москву письмо. Вмѣстѣ съ тѣмъ король заявилъ кардиналу Орсини, протектору Польши, что впредь ничего не будетъ дѣлаться безъ содѣйствія нунція, и что папѣ слѣдуетъ самому освѣдомляться о московскихъ расположеніяхъ. Отвѣчая, вѣроятно, на недосказанныя опасенія, онъ прибавилъ, что если и будетъ самъ заниматься этимъ дѣломъ, то не иначе, какъ съ устраненіемъ политическихъ цѣлей.

Такимъ образомъ Янъ-Казиміръ какъ бы сдавалъ все дѣло на попеченіе папы. Однакожъ письмо его, помѣченное въ новой редакціи 11-мъ апрѣля, все-таки было выслано и дошло до царя Алексѣя Михаиловича [2]). Но въ Москвѣ вовсе не торопились съ отвѣтомъ. Пріѣзжавшіе въ Варшаву послы отмалчивались. Наступало полное затишье.

Напротивъ того, въ Римѣ не желали останавливаться на полпути и бросить дѣло не конченнымъ. Нунцію Пиньятелли дали соотвѣтствующія предписанія, которыя онъ не успѣлъ исполнить и передалъ своему преемнику по должности, Марескотти, архіепископу Коринеа. Обращаться прямо къ русскому правительству было не ловко. Нашелся посредникъ въ лицѣ доминиканца, Лудвига Ширецкаго, бывшаго тринадцать лѣтъ въ московскомъ плѣну, и, по словамъ нунція, въ дружественныхъ сношеніяхъ съ газскимъ митрополитомъ. 20-го іюня 1668 года, секретнымъ путемъ, онъ выслалъ письмо Лигариду съ запросомъ о ходѣ дѣла и съ просьбою о добромъ совѣтѣ. При этомъ дѣлались внушительные намеки на заслуги передъ Богомъ и передъ папою, на дѣятельное участіе нунція, который дѣйствительно доносилъ обо всемъ кардиналу Роспиліози.

Лигаридъ получилъ это письмо въ тяжелое для него время и, надо признаться, отвѣтилъ, 25-го сентября 1668 года, трезво, хотя и не безкорыстно. По его мнѣнію, положеніе было отчаянное. Изъ двухъ,

---

[1]) Архивъ Пропаганды, Scritture referite, Moscovia, т. I, л. 303, n° 11 1668, 11-го апрѣля, Янъ-Казиміръ кардиналу Орсини.

[2]) Бантышъ-Каменскій, Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи, ч. 3, стр. 141.

якобы склонныхъ къ единенію, патріарховъ, одинъ совершенно отступился, а другой приготовлялся къ отъѣзду; самъ же Алексѣй Михайловичъ слишкомъ занятъ другими дѣлами. Вслѣдствіе этого Лигаридъ выдавалъ себя за единственнаго ревнителя и поборника соединенія церкви въ Москвѣ. Къ несчастію, онъ находился тогда подъ анаѳемою іерусалимскаго патріарха, Нектарія, безъ всякой надежды избавиться отъ нея. Поэтому онъ сознается, что затѣянное дѣло не только трудно, но даже невозможно. Тѣмъ не менѣе, неустрашимо возобновляетъ обычную просьбу о денежномъ пособіи. Онъ никакъ не могъ забыть, что когда-то получалъ отъ Пропаганды жалованье.

Такъ, кажется, эта попытка и канула въ воду. Далѣе не имѣется никакихъ слѣдовъ участія Лигарида или Яна-Казиміра въ пресловутомъ соединеніи церквей. Въ 1676 году газскій митрополитъ обратился къ кардиналу Барберини, но ужъ по порученію русскаго правительства и съ совѣтомъ признавать царскій титулъ только что вступившаго на престолъ Ѳеодора Алексѣевича. О томъ же онъ писалъ и архіепископу Грана Георгію Szelepsény [1]). Оба письма находятся въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, но дошли ли они до своего назначенія, остается неизвѣстнымъ.

Въ Римѣ долгое время поминали объ этомъ происшествіи, и даже высказывалось мнѣніе, что пропущенъ былъ удобный случай сближенія съ русскимъ дворомъ. Въ такомъ именно смыслѣ кардиналъ Альбани говорилъ однажды въ Пропагандѣ [2]). 26-го февраля 1697 года, въ своемъ докладѣ о Московіи, онъ утверждалъ, что впавшій въ подозрѣніе Лигаридъ относился однакожъ съ уваженіемъ къ римской Церкви, и потому Альбани сожалѣлъ, что ему не было оказано болѣе предупредительности. Въ связи съ посольствомъ Менезія, онъ даже предполагалъ, что, пожалуй, удалось бы установить постоянныя сношенія съ Москвою и выслать туда папскаго представителя.

Никто не противорѣчилъ словамъ кардинала. Для насъ теперь ясно, что, не смотря на свои дарованія, Лигаридъ ничего полезнаго не создалъ въ Россіи, ничего дѣльнаго по себѣ не оставилъ. Будучи не что иное, какъ орудіе въ рукахъ царя для низложенія Никона, онъ довольствовался своимъ жалкимъ положеніемъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ его корыстолюбивымъ видамъ. Въ пользу Рима онъ также ничего не сдѣ-

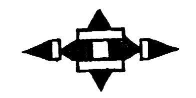
---

[1]) Письмо Лигарида писано на латинскомъ языкѣ. Онъ правильно перевелъ Гранъ - Strigonium и употребилъ латинскую форму Celepsinus. Вмѣсто того, съ легкой руки Бантышъ-Каменскаго, даже у Каптерева (стр. 205) является „стриганійскій архіепископъ Келефино“.

[2]) Архивъ Пропаганды, Act. 1697, л. 36, n⁰ 16, засѣданіе 26-го февраля 1697 года.—Cerri, Etat présent de l'Église romaine“, стр. 52.

лалъ и сдѣлать не могъ. Не говоря о внѣшнихъ препятствіяхъ, ему самому недоставало искренности и твердости. Подъ небомъ Востока, въ удручающей борьбѣ, исчезли мало-по-малу тѣ благіе задатки, которые прежде успѣшно развивались въ коллегіи св. Аѳанасія. Новая среда погубила Лигарида.

П. Пирлингъ.

Распоряженія къ пріѣзду короля прусскаго въ Москву.

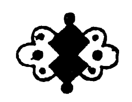
Письмо кн. Волконскаго гр. А. П. Тормасову.

8-го мая 1818 г. Херсонъ.

Дошло до свѣдѣнія его императорскаго величества, что г-нъ оберъ-камергеръ Нарышкинъ приготовляетъ въ подмосковной своей въ Кунцовѣ для принятія его величества короля прусскаго праздникъ и иллюминацію, а какъ государю императору извѣстно, что королю сіе не будетъ угодно, то повелѣваетъ вашему сіятельству объявить о семъ Александру Львовичу, и чтобы вообще никого постороннихъ въ подмосковной не было во время пріѣзда короля, въ томъ случаѣ, ежели вы изволите избрать сей домъ для ночлега королю, тоже самое соблюсти и въ другихъ домахъ, если изберете въ другой, а не Кунцово.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга К. Петръ Волконскій.

P. S. Государь императоръ повелѣть изволилъ приготовить въ Москвѣ квартиру для принца Гомбургскаго съ подполковникомъ Австрійской службы графомъ Кламомъ въ домѣ г-жи Глѣбовой на Никитской, гдѣ жилъ гр. Соболевскій; въ случаѣ же невозможности имѣть сего дома, то приказалъ изготовить на Солянкѣ тотъ, который занималъ статсъ-секретарь Робиндеръ, но его величеству угодно предпочтительнѣе домъ Глѣбовой. Прикажите также приготовить двухъ часовыхъ у воротъ, и по станціямъ Московской губерніи по 15 лошадей, по 6 въ коляску, коихъ съ нимъ двѣ и три для фельдъегера. Принцъ сей ѣдетъ съ нами во 2-мъ отдѣленіи.

Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина [1]).

II.

Похищенные милліоны.—Гродненскій губернаторъ И. А. Шпееръ.—Весенніе праздники въ Вильнѣ въ 1857 году.—Устройство благотворительныхъ заведеній.—Подготовительныя работы по крестьянскому вопросу.—Образованіе комитетовъ.— Пребываніе въ Вильнѣ императора Александра II въ 1858 году.—Закрытіе Виленской слѣдственной коммиссіи.—Полковникъ Галлеръ.—Отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ.—Ложные доносы.—Дѣлатели фальшивыхъ бумажекъ.

Наступившій 1857 годъ принесъ съ собою серьезную для меня работу: 28-го января я поѣхалъ въ Гродненскую губернію для производства слѣдствія о противозаконныхъ поступкахъ помѣщика Леопольда Валицкаго и его повѣреннаго Казиміра Словецкаго, обвиняемыхъ въ похищеніи многомилліоннаго наслѣдства послѣ умершаго графа Валицкаго. Слѣдствіе производилось коммиссіею, при офицерѣ корпуса жандармовъ, и продолжалось болѣе полутора года. Слѣдственное дѣло состояло изъ пяти томовъ, свыше четырехъ тысячъ листовъ; однихъ прикосновенныхъ лицъ по этому дѣлу было допрошено 316 человѣкъ, не считая сотенъ свидѣтелей. Когда я уѣзжалъ въ командировку, мнѣ выданы были суточныя деньги впередъ за четыре мѣсяца, а секретарь канцеляріи генералъ-губернаторъ Маевскій предвѣщалъ, что ему придется еще два раза повторить подобную выдачу, пока я окончу порученное мнѣ слѣдствіе.

---

[1]) См. „Русскую Старину", январь 1902 г.

— Напрасно вы такъ думаете,—отвѣчалъ я ему,—мы увидимся съ вами такъ скоро, какъ вы и не предполагаете.

Увѣренность моя основывалась на слѣдующихъ данныхъ, о которыхъ я никому, до настоящей минуты, не говорилъ. Вскорѣ по возвращеніи изъ Москвы, генералъ-губернаторъ мнѣ объявилъ, что намѣренъ послать меня по этому дѣлу на слѣдствіе, которое было представлено ему гродненскимъ губернаторомъ; при этомъ В. И. Назимовъ прибавилъ, что командировка состоится еще не скоро, такъ какъ нужно предварительно разсмотрѣть въ канцеляріи. Зная по опыту, какъ трудно иногда бываетъ дополнять или переслѣдовать худо веденное дѣло, я попросилъ позволенія ознакомиться съ нимъ предварительно и, получивъ на то разрѣшеніе, бралъ слѣдствіе по томамъ и, не торопясь, составилъ изъ него самое подробное извлеченіе на 32 листахъ.

Ѣхавши въ Гродну, гдѣ губернаторствовалъ тогда Шпееръ, я зналъ отлично, что̀ нужно было мнѣ дѣлать; и дѣйствительно 1-го февраля началось слѣдствіе, а 19-го числа я уже представилъ при рапортѣ все слѣдственное дѣлопроизводство, которое прошло потомъ всѣ высшія судебныя инстанціи, безъ всякаго дополненія. Невинно обвиненные были освобождены, а виновные понесли заслуженное наказаніе.

Въ теченіе двухнедѣльнаго пребыванія моего въ имѣніи Езіорахъ (Озерахъ), я приступалъ къ слѣдствію въ 8 часовъ утра и занимался безъ отдыха до 4 часовъ, то-есть до обѣда; въ 5 часовъ снова садился за работу, которая продолжалась часовъ до двухъ за полночь. Казалось бы, повидимому, это столь быстро оконченное дѣло должно было доставить мнѣ репутацію серьезнаго, дѣловаго чиновника, но вышло наоборотъ: благодаря моимъ завистникамъ, мнѣ досталось въ удѣлъ названіе «скорохвата», «университетской выскочки» и проч.

Не лишнимъ будетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ этомъ интересномъ дѣлѣ, которое началось еще при губернаторѣ баронѣ Ховенѣ. Помѣщикъ Гродненской губерніи, графъ Корнилій Валицкій, бывшій камергеръ Маріи-Антуанетты, получилъ отъ нея, какъ тогда говорили, большія богатства на сохраненіе. Умирая бездѣтнымъ и желая сохранить родъ графовъ Валицкихъ, онъ, съ согласія двухъ своихъ братьевъ, старыхъ, какъ и онъ, холостяковъ, завѣщалъ все свое состояніе родственнику своему Леопольду Валицкому, которому, такимъ образомъ, нежданно-негаданно досталось большое богатство, но при этомъ, по назначенію завѣщателя, онъ обязанъ былъ раздать въ извѣстные сроки сто тысячъ рублей и разныя вещи дальнимъ родственникамъ, прислугѣ и нѣкоторымъ постороннимъ лицамъ. Вступивши въ права наслѣдства, когда наступало время расплаты по завѣщанію, наслѣдникъ, по убѣжденію повѣреннаго Казиміра Словецкаго, подалъ губернатору заявленіе о расхищеніи, въ день кончины Корнилія Валицкаго,

огромныхъ богатствъ, у него бывшихъ, не объяснивъ даже, въ чемъ богатства эти заключались и кто подозрѣвается въ кражѣ.

По этому голословному заявленію наряжена была цѣлая слѣдственная коммиссія, которая, продовольствуясь на счетъ помѣщика, по указаніямъ его и повѣреннаго Словецкаго, привлекла къ слѣдствію большею частью лицъ, одаренныхъ по завѣщанію, при чемъ допускала и разныя противозаконныя дѣйствія: сажала подъ арестъ въ солодовню при винокуренномъ заводѣ, гдѣ доходило до 40° тепла, надѣвала колодки, сдавала въ рекруты и т. п.

Число сданныхъ въ солдаты и затѣмъ возвращенныхъ было за 40 человѣкъ. Когда мнѣ пришлось дѣлать очную ставку Словецкому съ крестьянами, то возбужденіе ихъ было таково, что я вынужденъ былъ поставить въ дверяхъ двухъ жандармовъ и дѣлать этотъ обрядъ, помѣстивши крестьянъ въ одной комнатѣ, а Словецкаго въ другой, иначе они разорвали бы его на клочки.

Имѣніе Езіоры (Озерà) верстахъ въ двадцати пяти отъ Гродны, понравилось мнѣ своимъ мѣстоположеніемъ. Оно расположено вблизи озера, имѣющаго протяженіе въ длину на двадцать семь верстъ и славящагося рыбой, въ особенностями судаками и лещами. При взглядѣ на домовую обстановку стариннаго дома, нельзя было подумать, что тамъ жилъ богачъ; одно, чтò меня поразило—это нѣсколько чашекъ съ королевскою короною и двѣ вазы севрскаго фарфора, стоявшія въ шкапѣ за стекломъ. Показавшій мнѣ дворецкій добавилъ при этомъ, что такого добра у нихъ много попрятано въ сундукахъ, за отсутствіемъ пана, который жилъ тогда въ Гроднѣ и обязанъ былъ подпискою не въѣзжать въ имѣніе.

Въ Гроднѣ я познакомился съ губернаторомъ И. А. Шпееромъ, бывшимъ инспекторомъ студентовъ въ Московскомъ университетѣ; онъ поразилъ меня своею толщиною и крикливымъ обращеніемъ съ чиновниками, которые, впрочемъ, его любили за доброе, хотя и вспыльчивое сердце, но, какъ губернаторъ, онъ былъ ниже всякой критики, хотя Назимовъ очень любилъ его и предоставилъ ему это мѣсто. Молодая губернаторша была страшная охотница до лошадей, такъ что изъ жилаго дома (бывшій королевскій дворецъ) сдѣланъ былъ ходъ въ конюшню, гдѣ она просиживала по цѣлымъ часамъ. Самъ Иванъ Абрамовичъ славился гостепріимствомъ и радушіемъ, семья у него была очень большая, въ то время при немъ жили: двѣ дочери, женатый сынъ и другой сынъ Владиміръ, отставной морякъ, который вскорѣ перешелъ на службу въ Вильну и потомъ женился.

Въ началѣ 1857 года я получилъ назначеніе членомъ въ виленскую слѣдственную коммиссію, засѣданія которой происходили въ грозномъ

для Вильны зданіи № 14 виленской цитадели. Съ должностію этою соединено было добавочное содержаніе.

— Очень радъ,—сказалъ мнѣ В. И. Назимовъ,—что могъ увеличить вамъ содержаніе, но это будетъ только временная прибавка, такъ какъ политическая коммиссія скоро закроется. Давно пора покончить съ нею; она несовременна въ краѣ и оскорбляетъ безъ нужны самолюбіе поляковъ.

Дѣйствительно, съ этого времени въ зданіи № 14, гдѣ содержались прежде политическіе арестанты, были заключены жиды, дѣлатели фальшивыхъ денегъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ этого порученія скоропостижно умеръ правитель генералъ-губернаторской канцеляріи Э. А. Де-Роберти; жаль мнѣ было очень этого добраго человѣка, который жилъ со всѣми нами въ отличныхъ отношеніяхъ. Невольно рождался вопросъ: кто будетъ назначенъ на эту должность? и совершенно нежданно-негаданно для всѣхъ, правителемъ канцеляріи назначенъ былъ дежурный штабъ-офицеръ, подполковникъ В. В. Галлеръ, съ оставленіемъ его и при прежней должности; кромѣ того незадолго передъ тѣмъ онъ получилъ мѣсто предсѣдателя слѣдственной по политическимъ дѣламъ коммиссіи, куда впрочемъ являлся очень рѣдко. Выше было сказано, что В. И. Назимовъ имѣлъ намѣреніе упразднить эту коммиссію и отложилъ приведеніе въ исполненіе своего намѣренія только до окончанія слѣдствія о фальшивыхъ деньгахъ, но дѣла этого рода, какъ на зло, не только не прекращались, но возникали одно за другимъ. Въ одно прекрасное утро узналъ я, что, по инціативѣ новаго правителя канцеляріи, было упразднено секретное политическое отдѣленіе при генералъ-губернаторской канцеляріи и производившіяся тамъ дѣла переданы были въ общую канцелярію, для распредѣленія по отдѣленіямъ. Можно себѣ представить, съ какимъ жаднымъ любопытствомъ накинулись польскіе чиновники, изъ мѣстныхъ уроженцевъ, читать секреты, которые таились столько лѣтъ въ этомъ ненавистномъ для нихъ политическомъ отдѣленіи, въ которомъ служили одни только русскія лица. Вскорѣ послѣ этого безтактнаго распоряженія вышелъ прискорбный скандалъ. Захожу я разъ въ кондитерскую Шпора, неподалеку отъ театра, и встрѣчаю тамъ старшаго чиновника особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ, полковника, графа Ржевускаго, человѣка очень веселаго и остроумнаго, у котораго для разсказа постоянно былъ готовъ какой-нибудь новый анекдотъ, но въ это время онъ не походилъ на самого себя; сильное душевное потрясеніе пробивалось наружу на его выразительномъ лицѣ...

— Что съ вами, графъ? на васъ лица нѣтъ,—обратился я къ нему вмѣсто привѣтствія.

— Окончательно убитъ. Пойдемте въ билліардную, тамъ никого нѣтъ; я вамъ разскажу подлѣйшую исторію, случившуюся со мною.

Когда мы вошли туда, графъ Ржевускій нервно обратился ко мнѣ съ вопросомъ:—Какая цѣль правительству дѣлать подлость?—Видя недоумѣніе, выразившееся на моемъ лицѣ, товарищъ мой по службѣ продолжалъ:

— Слышали вы выходку Галлера? Владиміръ Ивановичъ закрылъ политическое отдѣленіе, а этотъ дурень возьми да и раздай всѣ производившіяся тамъ дѣла въ общую канцелярію. Теперь мнѣ нѣтъ прохода; всѣ тыкаютъ на меня пальцами... Я, какъ честный слуга Россіи, писалъ въ своихъ рапортахъ одну сущую правду, а ихъ понаберется таки порядкомъ за всю мою службу, и не скрывалъ ничего передъ своимъ начальствомъ. За что же мнѣ теперь, подъ старость лѣтъ, приходится сносить негодованіе моихъ собратій? Я обязанъ былъ присягою сообщать правительству голую правду обо всемъ, что̀ мнѣ поручено было дознать; но вѣдь все это хранилось донынѣ въ строгой тайнѣ. Развѣ честный человѣкъ можетъ разглашать чужіе секреты, ему ввѣренные на храненіе? Это такая гнусная выходка, что трудно повѣрить случившемуся... Послѣ этого я не хочу носить этотъ мундиръ; онъ меня душитъ, давитъ... При этихъ словахъ слезы покатились изъ глазъ моего товарища.

— Успокойтесь, графъ,—отвѣчалъ я ему,—вы исполняли долгъ, какъ подобаетъ честному человѣку и вѣрному слугѣ государя... Никто изъ порядочныхъ людей васъ за то не осудитъ.

— Русскіе да, но не поляки... Мнѣ остается одно—уѣхать отсюда и скрыться отъ стыда въ деревенской глуши. Не ожидалъ я подобной выходки.

Вошедшіе въ это время посѣтители прекратили нашъ разговоръ. Графъ Ржевускій исполнилъ свое намѣреніе: подалъ въ отставку и въ ожиданіи ея уѣхалъ въ отпускъ въ свою деревню. Когда Владиміръ Ивановичъ узналъ о случившемся, тотчасъ же далъ приказаніе сдѣлать немедленно разборку дѣлъ и хранить секретныя особо; но, увы! испорченное не поправишь...

Генералъ-губернаторская канцелярія состояла исключительно изъ мѣстныхъ уроженцевъ. Вскорѣ по назначеніи подполковника Галлера правителемъ канцеляріи, поступилъ туда на службу помощникомъ столоначальника кончившій курсъ въ университетѣ Гладкій, православнаго вѣроисповѣданія, молодой человѣкъ, очень способный, но большой оригиналъ и крайне настойчивый. Черезъ нѣсколько дней послѣ поступленія своего на службу, Гладкій обратился съ просьбою къ правителю канцеляріи—предоставить ему возможность представиться главному начальнику.

— Вашъ главный начальникъ я,—послѣдовалъ ему отвѣтъ,—а ему васъ представлять я считаю излишнимъ, вы еще слишкомъ молоды...

Получивши такой категорическій отказъ, Гладкій порѣшилъ представиться самъ, такъ какъ къ Владиміру Ивановичу всѣ желавшіе его видѣть имѣли свободный доступъ. Дождавшись затѣмъ перваго воскресенія, въ бѣломъ галстухѣ и черномъ фракѣ отправился онъ во дворецъ въ пріемную и, вмѣстѣ съ другими посѣтителями, сталъ ожидать выхода В. И. Назимова. На бѣду пришелъ туда и подполковникъ Галлеръ; замѣтивши въ такомъ нарядѣ своего подчиненнаго и догадываясь, въ чемъ дѣло, правитель канцеляріи подошелъ къ нему съ вопросомъ: зачѣмъ онъ пришелъ туда?

— Чтобы имѣть честь представиться его высокопревосходительству... Но, едва успѣлъ Гладкій кончить эту фразу, какъ грозный крикъ вопрошавшаго пронесся по дворцовымъ заламъ...

— Какъ ты смѣлъ явиться сюда, вопреки моего воспрещенія!.. Убирайся вонъ отсюда, мальчишка!..

И бѣдный русскій чиновникъ, опустивши пристыженную свою голову на грудь, поплелся тихимъ шагомъ восвояси... Памятенъ остался ему этотъ денекъ. Мало того, что, поступивъ не деликатно, правитель канцеляріи не чувствовалъ даже всего неприличія подобной выходки, онъ еще, съ видовъ самодовольства, разсказалъ мнѣ, какъ турнулъ изъ дворца непрошеннаго искателя представленія къ начальству. Не смотря на крутой, повидимому, нравъ этого человѣка, онъ все-таки подпалъ въ скоромъ времени всецѣло подъ вліяніе поляковъ-секретарей, которые выдѣлывали съ нимъ, что хотѣли, поддакивая его самолюбію; да иначе и быть не могло. Занимая три должности, нужно было очень усидчиво работать, а между тѣмъ общественная жизнь въ Вильнѣ приносила съ каждымъ днемъ все новыя и новыя развлеченія.

Наступившая ранняя весна 1857 года прибавила виленскому обществу новое мѣсто для загородныхъ увеселеній. 16-го мая назначено было открытіе лѣтняго вокзала въ Закретской рощѣ. Вокзалъ этотъ былъ выстроенъ на высокомъ берегу Виліи, въ лѣсу. Главное деревянное зданіе въ два этажа заключало въ себѣ большую танцовальную залу въ два свѣта, съ ходами по обѣимъ сторонамъ, и затѣмъ нѣсколько комнатъ. Это былъ лѣтній клубъ со всѣми удобствами; кухня, ледникъ и другія хозяйственныя пристройки находились въ сторонѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ главнаго зданія. Въ назначенный день, съ 5 часовъ по полудни, длинная вереница экипажей, извозчики, толпы пѣшеходовъ тянулись по направленію къ Закретской рощѣ; хоръ полковой музыки и военные пѣсельники направлялись туда же. Къ шести часамъ собралось къ вокзалу все лучшее виленское общество, а ровно въ шесть часовъ пріѣхалъ и Владиміръ Ивановичъ съ своимъ семействомъ. По выходѣ изъ

экипажей, генералъ-губернаторъ, взявши княгиню Лопацинскую подъ руку, открылъ праздникъ полонезомъ, затѣмъ потянулось паръ триста гостей. Музыка, пѣсни, оживленный разговоръ слились въ одно общее веселье. Праздникъ вышелъ дѣйствительно на славу.

Когда спокойно на душѣ у человѣка, какъ-то весело и привольно живется ему. Древняя столица Литвы служила тому въ настоящее время примѣромъ. Дѣйствительно, знаменитая нѣкогда Вильна снова какъ бы возстала въ прежнемъ своемъ блескѣ, подъ благотворнымъ направленіемъ примирительной политики новаго генералъ-губернатора. Немногочисленное русское общество, подъ вліяніемъ восторженныхъ овацій, оказываемыхъ поляками В. И. Назимову, и по духу своей широкой славянской натуры, съ полнымъ увлеченіемъ слѣдовало ихъ примѣру. Роскошный май мѣсяцъ прошелъ въ постоянныхъ праздникахъ и торжествахъ, на которыхъ, какъ думалось, русскіе и поляки съ каждымъ днемъ сближались все тѣснѣе и тѣснѣе между собою... Одновременно съ вокзаломъ открыты были въ Вильнѣ, въ первый разъ, конскія скачки, которыя привлекли массу зрителей на поле, по дорогѣ въ Триноптоль (лѣтняя резиденція знаменитаго архипастыря Іосифа).

Среди шумныхъ пиршествъ и всеобщаго веселья, чуткое сердце А. А. Назимовой не забыло и меньшую, страждущую братію, имя которой въ Вильнѣ было легіонъ.

Дѣйствительно, трудно себѣ представить ту массу нуждающихся, которая обнаружилась вслѣдствіе оказываемой ею помощи, по подаваемымъ просьбамъ о пособіи. Въ виду того, что частная помощь и раздача мелкихъ пособій не въ состояніи были прекратить нужду бѣдныхъ людей, Анастасія Александровна устроила въ Вильнѣ школу рукодѣлія для дѣвицъ, съ лавкою при ней, куда бы бѣдные могли доставлять свою работу на продажу, получая впередъ плату. Мысль эта восторженно была принята дворянствомъ трехъ губерній: масса пожертвованій—хлѣбомъ, сельскими произведеніями, деньгами полилась рѣкою, и въ какіе-нибудь два-три мѣсяца число ученицъ достигло почтенной цифры 60-ти человѣкъ. Заказы на разныя работы поступали со всѣхъ сторонъ. Учреждая это заведеніе, кромѣ благотворительной цѣли Анастасія Александровна имѣла и нравственную, чтобы усидчивымъ, но хорошо оплачиваемымъ трудомъ оградить молодыхъ дѣвушекъ отъ сѣтей соблазна, которыя очень хитро и на каждомъ почти шагу разставляются юности жидовскимъ факторствомъ. Вмѣстѣ съ этимъ, по распоряженію Владиміра Ивановича, пустовавшее коммиссіонерское зданіе на Поплавахъ было отведено подъ помѣщеніе бѣдныхъ вдовъ и сиротъ. Въ то же самое время дворянка Домбровская открыла за Зеленымъ мостомъ, въ собственномъ домѣ, пріютъ для бѣдныхъ престарѣлыхъ женщинъ, который удостоился всемилостивѣйшаго вниманія государыни императрицы. Та-

*

кимъ образомъ въ Вильнѣ, кромѣ частной благотворительности, въ довольно почтенныхъ размѣрахъ, находились еще: два дѣтскихъ пріюта, воспитательный домъ «Іисусъ Младенецъ» и виленское человѣколюбивое общество, которые, кромѣ правительственной поддержки, имѣли дома и свои спеціальныя средства на содержаніе.

Возвратившійся лѣтомъ 1858 г. изъ Петербурга генералъ-губернаторъ привезъ съ собою дворянамъ радостную вѣсть: государь императоръ обѣщалъ въ концѣ лѣта посѣтить Вильну и быть на балу у дворянства. Нужно было видѣть тотъ всеобщій восторгъ, съ которымъ принято было это извѣстіе. Тотчасъ же было приступлено къ расширенію зданія клуба, помѣщавшагося въ домѣ князя Огинскаго, фасадомъ на Милліонную улицу, дабы достойно принять дорогаго государя. По проекту архитектора, академика Чагина, увеличили залу, пристройкою къ ней каменной галлереи на столбахъ, въ которой устроенъ былъ фонтанъ, великолѣпно убранный роскошною зеленью; на дворѣ, съ лѣвой стороны, выстроена была деревянная временная столовая, въ которой свободно могли помѣститься человѣкъ пятьсотъ. Столовая приходилась въ уровень съ нижнимъ этажомъ; черезъ обширную, примыкавшую къ галлереѣ, площадку съ перилами, съ открытыхъ ея сторонъ двѣ широкія лѣстницы сводили внизъ; видъ на столовую сверху былъ очаровательный,—особенно при вечернемъ освѣщеніи. Въ самой глубинѣ ея, на особенномъ возвышеніи устроенъ былъ во всю ширину комнаты царскій столъ; прочіе столы помѣщались съ обѣихъ сторонъ вдоль стѣнъ. Болѣе пятнадцати тысячъ рублей ассигновано было на иллюминацію однихъ городскихъ зданій и площадей; въ этихъ послѣднихъ работахъ, производившихся въ манежѣ, принималъ живѣйшее участіе и я, какъ любитель этого искусства.

На всемъ протяженіи городъ, начиная отъ Минской заставы, по главнымъ улицамъ, ведущимъ къ Зеленому мосту и далѣе за нимъ къ Вилкомирской заставѣ, разставлены были высокія мачты съ большими подъемными флагами; по срединѣ этихъ мачтъ находились круглые щиты съ государственнымъ гербомъ, а надъ ними развѣвались по три мелкихъ флага. Всѣ дома по пути ожидаемаго проѣзда государя были декорированы гирляндами, коврами и т. п. На заставахъ Минской, Вилкомирской и на Нѣмецкой улицѣ построены были тріумфальныя ворота черезъ улицу, висѣли огромныя проволочныя люстры со шкаликами, между замковой башней и тремя крестами, иллюминованными шкаликами, весь гребень горы покрытъ былъ огромными смоляными плошками, а по скатамъ горъ размѣщены разноцвѣтные бенгальскіе огни. Въ каждомъ домѣ выставлены были транспаранты съ вензелевыми изображеніями имени ихъ величествъ, портреты, бюсты государя и государыни; однимъ словомъ, всѣ горожане вообще и каждый порознь, богачъ и бѣднякъ, старались наперерывъ перещеголять другъ друга, дабы достой-

нымъ образомъ почтить дорогое посѣщеніе монарха. Государь прибылъ въ Вильно 6-го сентября и пробылъ въ ней три дня (6—8-го числа). Пріемъ, оказанный его величеству мѣстнымъ населеніемъ, былъ восторженный... Волшебную картину представляла тогда древняя столица Литвы... Цѣлый городъ убранъ былъ цвѣтными флагами и коврами, изукрашенъ цвѣточными гирляндами и зеленью, залитъ ночью миріадами разноцвѣтныхъ огней. На каждомъ домѣ красовались транспаранты и вензелевыя изображенія августѣйшаго имени. Въ трехъ мѣстахъ города Вильны воздвигнуты были тріумфальныя арки.

7-го сентября, къ десяти часамъ утра большая верхняя зала Виленскаго дворца была набита биткомъ предводителями дворянства и дворянами сѣверо-западныхъ губерній въ парадныхъ мундирахъ. Общее число представлявшихся въ тотъ день его величеству простиралось до тысячи человѣкъ. Наступила торжественная минута. Государь императоръ, въ сопровожденіи генералъ-губернатора В. И. Назимова и нѣсколькихъ лицъ изъ своей свиты, въ десять часовъ утра, изволилъ выйти изъ внутреннихъ покоевъ въ пріемный залъ и былъ привѣтствованъ восторженными криками троекратнаго «ура!», которое повторилось на дворѣ безчисленнымъ множествомъ дамъ, ожидавшихъ выѣзда государя, и тысячными толпами народа, тѣснившагося въ праздничныхъ одеждахъ вокругъ дворца. Погода стояла великолѣпная, вполнѣ соотвѣтствовавшая величію торжества. Обойдя залъ и осчастлививъ многихъ изъ присутствовавшихъ милостивыми словами, государь императоръ, лицо котораго сіяло величіемъ и добротою, остановясь по срединѣ зала, подалъ знакъ рукою ко вниманію и затѣмъ громкимъ голосомъ произнесъ слѣдующія незабвенныя слова:

— Господа, я пріѣхалъ сюда благодарить васъ за высказанную вами готовность помочь мнѣ въ дѣлѣ крестьянской реформы. Могу ли я на васъ положиться во всемъ? забыто ли вами все прошедшее?..

Голосъ государя задрожалъ отъ внутренняго чувства, и драгоцѣнная слеза заблистала на его рѣсницѣ. Въ то самое мгновеніе, когда всѣ присутствовавшіе съ напряженнымъ еще вниманіемъ благоговѣйно прислушивались къ только что произнесеннымъ словамъ, генералъ-губернаторъ В. И. Назимовъ въ порывѣ восторга, приподнявши руку, громогласно воскликнулъ въ отвѣтъ:

— Государь! клянусь тебѣ моею головою, головами жены и моихъ дѣтей, что это твои самые лучшіе вѣрноподданные!

Громкое, восторженное «ура!», грянувшее по залѣ за этими словами любимаго поляками начальника, снова раскатилось тысячнымъ эхомъ около дворца. Высочайшій пріемъ былъ оконченъ. Императоръ тѣмъ же порядкомъ изволилъ возвратиться во внутренніе покои. Представляв-

шіеся дворяне обезумѣли отъ восторга, пошли обниманія, цѣлованія, поздравленія...

— Вотъ такъ государь! Намъ такого и надобно,—слышалось повсюду, хотя и на польскомъ нарѣчіи.

Казалось, что прежняя слѣпая ненависть поляковъ къ русскимъ навѣки погребена въ этотъ исторически многознаменательный день... но, увы! Это только казалось.

8-го сентября, послѣ ранняго обѣда, государь уѣхалъ изъ Вильны по Вилкомирскому тракту на первую станцію Кержанку, неподалеку отъ которой его величество принялъ охоту, устроенную графомъ Тышкевичемъ-Биржанскимъ и братьями Михаиломъ и Іосифомъ Тышкевичами. За эту охоту Михаилъ Тышкевичъ получилъ званіе камеръ-юнкера, а Іосифъ поступилъ адъютантомъ къ В. И. Назимову и надѣлъ снова военный мундиръ, на который онъ потерялъ право, какъ вышедшій въ отставку при объявленіи турецкой войны 1853 года.

Къ пріѣзду государя издана была виленскою археологическою коммиссіею особая книга: «Въ память пребыванія государя императора Александра II въ Вильнѣ 6-го и 7-го сентября 1858 года». Она была напечатана на трехъ языкахъ—русскомъ, французскомъ и польскомъ. Чтобы дать вѣрное понятіе о томъ восторженномъ настроеніи и польскаго общества, съ которымъ оно ожидало прибытія государя, считаю не лишнимъ указать на нѣкоторыя мѣста изъ этого изданія. Извѣстный виленскій поэтъ Эдвардъ Одынецъ помѣстилъ тамъ польскіе стихи: «Да пріидетъ царствіе Божіе!»

Историкъ Малиновскій перечислилъ всѣ милости, оказанныя Литвѣ, а именно: право свободнаго исповѣданія римско-католической вѣры, замѣщеніе епископскихъ вакансій, улучшеніе семинарій, устройство костеловъ; щедрое награжденіе раненыхъ поляковъ въ Крымскую войну; дозволеніе возвратиться польскимъ выходцамъ на родину, начиная съ 1831 года; упраздненіе обязательной пятилѣтней службы въ Россіи для мѣстныхъ уроженцевъ, принятіе подъ личное покровительство народнаго просвѣщенія и разрѣшеніе преподавать въ школахъ польскій языкъ, дозволеніе въ Литвѣ сочиненій Мицкевича, упраздненіе общественныхъ квартиръ для учениковъ подъ наблюденіемъ училищнаго начальства, что̀ было противно обычаямъ страны и дало возможность родителямъ предоставить надзоръ за дѣтьми тѣмъ людямъ, которымъ они вполнѣ довѣряли; увеличеніе числа гимназій и преобразованіе училищъ; отмѣна ограниченія для поступленія польскихъ уроженцевъ въ университеты. Открытіе въ Вильнѣ музея народныхъ древностей и археологической коммиссіи служило новымъ доводомъ довѣренности. Литва узнала съ радостію, что изученіе прошедшаго ея быта не было ей воспрещено и что отъ нея не требовали разрыва связи съ ея преданіями и предо-

ставляли свободу выработывать свой языкъ, свою исторію, изслѣдовать памятники древняго своего законодательства, собирать и сохранять святые остатки своихъ предковъ. Литовцы, какъ и другіе обитатели западныхъ провинцій, разъ вышедши изъ преисполненнаго безпокойствъ положенія, направили ихъ усилія къ предметамъ болѣе важнымъ и наиболѣе способствовавшимъ къ развитію общественнаго благосостоянія.

Одинъ вопросъ болѣе другихъ озабочивалъ сердце государя—улучшеніе быта поселянъ, и дворянство умоляло монарха дозволить ему обсудить средства къ достиженію этой великой и благородной цѣли. Этотъ вопросъ не былъ новостію для страны; умы были тамъ приготовлены къ нему съ давнихъ поръ; проповѣдники, философы, публицисты и народные поэты поручали совѣсти владѣльцевъ святое дѣло хлѣбопашцевъ... Литва увидѣла, что ея примѣру послѣдовали и другія провинціи...

Игнатій Ходзько, въ небольшой статьѣ на польскомъ языкѣ: «День 6-го и 7-го сентября въ Вильнѣ», въ посѣщеніи государемъ Вильны видитъ «перстъ Божій», указавшій на новую эру жизни для края и восторженно говоритъ, что, хотя помѣщичья власть въ Литвѣ надъ крестьянами была издавна болѣе патріархальная и походила скорѣе на отцовскую опеку надъ дѣтьми, чѣмъ на власть господина надъ рабами,—дворянство литовское, одно изъ первыхъ, слѣдуя великой мысли и намѣреніямъ всемилостивѣйшаго государя, вычеркнуло изъ списка правъ своихъ и собственности право человѣка надъ человѣкомъ и въ знакъ высочайшаго благоволенія и довѣрія монарха получаетъ разрѣшеніе самому же дворянству обсудить и подготовить введеніе правоваго порядка. Описывая всеобщій восторгъ, по случаю посѣщенія государемъ Вильны, г. Ходзько, между прочимъ, говоритъ о возвратившихся на родину изъ ссылки или изгнанія: «Кто изъ нихъ, возвратясь на родину издали и изгнанія, проходя ворота, надъ которыми яснѣетъ чудотворная икона Богоматери, не обратитъ къ ней увлаженнаго слезою ока и горячими мольбами не будетъ просить у этой Покровительницы Литвы долгой и счастливой жизни и царствованія монарху, который дозволилъ имъ снова увидѣть Литву и, погрузивъ въ пропасть забвенія все оскорбительное прошлое, обезпечиваетъ спокойствіе и справедливость достойными своими намѣстниками Литвы. Молитвы такія повторяются ежедневно, такъ какъ каждый день возвращаются съ сѣвера или запада, покрытые пылью, странники на кусокъ роднаго, Богомъ только дарованнаго хлѣба, повторяются языкомъ и словомъ, забытыми почти среди чужцой рѣчи и свято сохраненными только въ душѣ, проникнутой нынѣ благодарностію за дарованное ей дозволеніе снова вложить въ уста этотъ драгоцѣнный даръ.

«Да, много отраднаго, святаго чувства совмѣщаешь въ себѣ, дорогая

моя родина! Какъ сильно бьется сердце мое и донынѣ, не смотря на давнюю разлуку, при одномъ воспоминаніи о тебѣ, матушка Москва-златоглавая, бѣлокаменная!.. Все прошлое, пережитое, даже самое горе, кажется чѣмъ-то дорогимъ, что не промѣнялъ бы его ни на какія утѣхи и радости на дальней чужбинѣ...

«Какой глубокій смыслъ заключаютъ въ себѣ слова: «ibi bene, ubi patria»—слова, надъ которыми глумится такъ наше меркантильное, реальное, изсушающее каждую задушевную мысль время... Современные наши мудрецы, толкующіе о послѣднемъ словѣ науки, а на самомъ дѣлѣ незнакомые даже съ азбукою начала премудрости, думаютъ наоборотъ и находятъ, что только тамъ и отечество, гдѣ можно хорошо грѣть карманъ, да руки, загребать жаръ чужими руками и пускать пыль въ глаза для обмана своего ближняго».

1-го декабря 1858 года я получилъ секретную командировку въ г. Тельши, для производства разслѣдованія по жалобѣ крестьянъ ленного имѣнія Куршаны, въ Шавельскомъ уѣздѣ, на помѣщиковъ-братьевъ Эдуарда и Веспасіана Гружевскихъ, которыхъ они обвиняли въ разныхъ злоупотребленіяхъ помѣщичьей власти, доведшихъ ихъ до нищеты и въ удаленіи ихъ съ поземельныхъ участковъ.

Нужно замѣтить, что еще въ 1857 году было приступлено къ серьезнымъ подготовительнымъ работамъ по крестьянской реформѣ. Для разсмотрѣнія существовавшихъ въ губерніяхъ: Виленской, Гродненской и Ковенской инвентарныхъ правилъ учреждены были въ губернскихъ городахъ особые комитеты изъ предводителей дворянства и другихъ помѣщиковъ. Въ виду благихъ намѣреній, заявленныхъ комитетами относительно помѣщичьихъ крестьянъ тѣхъ губерній, высочайшимъ рескриптомъ на имя виленскаго губернатора 20-го ноября того года, разрѣшено было открыть тамъ по одному подготовительному комитету, а потомъ одну общую коммиссію въ Вильнѣ, для составленія проектовъ положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Членомъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ коммиссію былъ назначенъ дѣйствительный статскій совѣтникъ И. И. Колошинъ, съ братомъ котораго я былъ товарищемъ по университету, а самого засталъ, при поступленіи въ первую московскую гимназію, въ седьмомъ классѣ.

Виленская коммиссія была открыта 19-го февраля 1858 года, въ день восшествія на престолъ государя императора, а затѣмъ по всему здѣшнему краю открыты были комитеты для составленія правилъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, и вотъ съ этого-то времени генералъ-губернаторское управленіе было завалено разными просьбами крестьянъ на помѣщиковъ. Въ прежнее время подобнаго рода просьбы составляли рѣдкое исключеніе, такъ какъ послѣдствія для жалобщиковъ были весьма плачевныя, хотя угнетенное и безвыходное ихъ состояніе

не составляло ни для кого секрета, но что значило для польскихъ пановъ благосостояніе православныхъ крестьянъ, этого быдла (скота), который и существовалъ только для того, чтобы въ потѣ кроваваго труда работать дни и ночи для доставленія разныхъ удовольствій и удобствъ жизни своимъ ясне-вельможнымъ панамъ. Между тѣмъ въ воздухѣ повѣяло новою жизнью свободнаго труда, занималась свѣтлая заря признанія въ крестьянинѣ человѣческой природы. Подъ давленіемъ тяжелой панщины голодные и холодные, они до этого свѣтлаго дня терпѣливо сносили всѣ невзгоды польской помѣщичьей власти, о которыхъ въ нашихъ великороссійскихъ губерніяхъ не могли имѣть даже и понятія... И вотъ вдругъ разнеслась радостная вѣсть по краю о томъ, что по волѣ царя поручено было помѣщикамъ заняться улучшеніемъ быта своихъ крестьянъ. Вскорѣ пошли жалобы на помѣщиковъ, и по всѣмъ этимъ жалобамъ дѣлались самыя подробныя разслѣдованія.

Не смотря на холодную зиму, я былъ очень радъ съѣздить въ Жмудь, которую зналъ только по разсказамъ, да по описаніямъ польскихъ писателей; мнѣ крайне хотѣлось ознакомиться самому съ бытомъ этихъ своеобразныхъ людей, которые, не смотря на всѣ изощренія польской справы, не выучились польскому языку и своимъ стойкимъ упрямствомъ заставили польскихъ пановъ учиться говорить съ ними по-литовски. При отъѣздѣ моемъ въ командировку секретарь генералъ-губернаторской канцеляріи А. Л. Карпинскій, одинъ изъ самыхъ лучшихъ дѣльцовъ, напомнивши мнѣ, что исправникомъ въ Шавляхъ Шабловскій, бывшій его помощникъ, совѣтовалъ мнѣ прямо заѣхать къ нему и при этомъ добавилъ, что онъ уже увѣдомилъ его о скоромъ моемъ пріѣздѣ.

— Вы крайне обидите бывшаго вашего сослуживца, если откажетесь отъ его гостепріимства.

Дѣлать было нечего, volens - nolens нужно было согласиться на подобное приглашеніе, тѣмъ болѣе, что Шабловскаго я зналъ хорошо; онъ былъ единственный православный чиновникъ въ генералъ-губернаторской канцеляріи, что̀ не помѣшало ему, женившись на полькѣ, допустить крестить дѣтей ксендза. Едва успѣлъ я пріѣхать на послѣднюю станцію, какъ содержатель почтовой станціи, само собой разумѣется еврей, объявилъ мнѣ, что исправникъ ожидаетъ меня къ себѣ и далъ приказаніе, чтобы ямщикъ доставилъ меня прямо къ нему на квартиру хотя бы въ самую глухую полночь. Оцѣнить эту любезность можетъ только тотъ, кто знакомъ съ грязною обстановкою заѣзжихъ жидовскихъ домовъ въ здѣшнемъ краѣ. Пріѣдешь бывало на перекладной голодный и иззябшій, велишь ямщику везти себя прямо въ лучшую гостиницу въ городѣ, а тотъ привозитъ тебя въ какой-то грязный хлѣвъ (подобное помѣщеніе иначе и назвать нельзя); про постель и говорить нечего, чистое бѣлье и не спрашивай. Въ комнатѣ стоитъ какой-нибудь

трехногій диванъ, обитый кожею, а въ нѣдрахъ его гнѣздятся миріады клоповъ и всякаго рода жидовской нечистоты. Тутъ о снѣ не могло быть и рѣчи. И ляжешь, бывало, лѣтомъ на телѣгѣ, подъ открытымъ небомъ, такъ какъ и въ сараѣ нельзя найти мало-мальски чистаго мѣстечка.

Встрѣча съ исправникомъ, котораго я не видѣлъ уже около года, была самая дружеская; недавно женатый, онъ познакомилъ меня съ своей молодой женой-полькой, очень милой особой, которая приняла меня и угостила на славу, какъ давнишняго знакомаго своего мужа.

— Ко мнѣ обѣщалъ сегодня заѣхать помѣщикъ Гружевскій,—сказалъ Шабловскій, — освѣдомиться о днѣ вашего пріѣзда къ нему въ имѣніе.

Дѣйствительно часовъ около пяти послѣ полудня заѣхалъ къ исправнику и владѣлецъ имѣнія «Спокойность» Веспасіанъ Гружевскій, мужчина лѣтъ тридцати пяти, очень любезный господинъ, страстный поклонникъ гомеопатіи. Такъ какъ мнѣ предстояла поѣздка въ Тельши, то на вопросъ Гружевскаго о томъ, когда ожидать ему моего пріѣзда въ «Спокойность», я объявилъ ему, что 6-го декабря въ полдень надѣюсь къ нему явиться, о чемъ тогда же и оповѣстилъ письменно всѣхъ членовъ, назначенныхъ въ коммисію. Въ Тельши я прибылъ 4-го декабря въ два часа по-полудни и остановился въ заѣзжемъ домѣ у какого-то нѣмца, который, видя меня перезябшимъ, тотчасъ же предложилъ свои услуги и принесъ мнѣ грѣтое пиво съ молокомъ. Вкуса большаго въ этомъ напиткѣ я не нашелъ, но не успѣлъ выпить и двухъ стакановъ, какъ почувствовалъ пріятную теплоту по всему тѣлу и забылъ совершенно про всѣ дорожныя невзгоды, испытанныя мною во время ночной поѣздки. Отведенная мнѣ комната отличалась чистотою; въ ней стояла простая мебель; чистая постель очень привѣтливо обѣщала мнѣ спокойную ночь, а это большая отрада въ дорогѣ; я благодарилъ судьбу, которая освободила меня отъ жидовской квартиры...

Подкрѣпивши себя обѣдомъ, я отправился пѣшкомъ на квартиру къ городничему, у котораго засталъ цѣлое общество офицеровъ квартировавшаго въ городѣ Драгунскаго полка; играли въ преферансъ на нѣсколькихъ столахъ. Гостепріимный хозяинъ тотчасъ же пригласилъ меня переѣхать къ нему; поблагодаривши его за любезность и объяснивши ему о цѣли моего пріѣзда, я попросилъ его распорядиться приглашеніемъ понятыхъ.

— Позвольте узнать, у кого будетъ обыскъ?

— Дѣло секретное... Когда явятся понятые, мы всѣ вмѣстѣ и отправимся...

— Наступилъ уже шабашъ... Евреи не могутъ подписываться на актѣ...

— Пригласите двухъ христіанъ и двухъ евреевъ, послѣдніе под-

пишутъ актъ по окончаніи шабаша, а вы мнѣ его пришлете въ Шавли къ исправнику. Черезъ полчаса послѣ появленія моего у городничаго мы въ полномъ составѣ лицъ вышли на улицу.

— Куда прикажете вести васъ?—обратился ко мнѣ съ вопросомъ городничій.

— Прошу васъ указать мнѣ квартиру купца Рабиновича.

— Да это два шага отсюда; вонъ—виденъ его домъ. Что-за напасть на него такая? Онъ одинъ изъ лучшихъ городскихъ обывателей и только что вернулся домой изъ торговой поѣздки... Минутъ за пять до вашего прихода былъ у меня.

— Его обвиняютъ въ сбытѣ фальшивыхъ денегъ. Вотъ предписаніе генералъ-губернатора произвести у него строжайшій обыскъ,—отвѣчалъ я городничему, предъявляя ему бумагу.

На квартирѣ Рабиновича мы нашли его съ женою, одну служанку, и спящаго ребенка въ люлькѣ, у дверей въ домѣ поставили солдатъ, съ приказаніемъ не выпускать и не впускать никого. Вся обстановка жилья показывала, что хозяинъ жилъ безбѣдно. Наше внезапное появленіе произвело въ началѣ переполохъ, но когда я объявилъ Рабиновичу о причинѣ моего посѣщенія, онъ мнѣ отвѣтилъ:

— Кажется, я никому не сдѣлалъ зла,—за что же на меня клевещутъ мои враги! Покорнѣйше прошу обыскать у меня цѣлый домъ... Я могу вамъ дать самый подробный отчетъ на каждую заработанную мною копѣйку.

Начался обыскъ, подробности котораго описывать не стану, скажу одно, что около трехъ часовъ провозились мы тамъ и ничего подозрительнаго не нашли... Оказалось по дознанію, что Рабиновичъ около двѣнадцати лѣтъ былъ поставщикомъ фуража и провіанта для Драгунскаго полка; въ комодѣ у него найдены были подробные отчеты за нѣсколько лѣтъ по этому предмету, а множество денежныхъ росписокъ офицеровъ подтверждало, что онъ ссужалъ ихъ деньгами, но, вѣдь, ростовщичество присуще каждому еврею чуть ли не со дня его рожденія, а правильное веденіе дѣла по поставкамъ, засвидѣтельствованное полковымъ командиромъ, приводило къ убѣжденію, что доносъ на него былъ злонамѣренный, какъ предполагалъ и городничій. Впрочемъ, нужно сказать правду, что торговля фальшивыми деньгами, столь прибыльная, постоянно повторяется въ этомъ краѣ; многіе изъ уличныхъ бродягъ-евреевъ сдѣлались богачами отъ этого промысла.

— Не подозрѣваете ли вы кого-нибудь въ злостномъ доносѣ на васъ?—спросилъ я Рабиновича, приступая къ составленію акта.

— Думаю, что мои соперники, которыхъ я устранилъ отъ поставки на полкъ, значительно понизивъ цѣны, но утверждать это съ положительностію не могу,—отвѣтилъ онъ мнѣ.

Догадка Рабиновича не лишена была основанія. Жидовская злоба, по случаю матеріальныхъ убытковъ не знаетъ предѣла... Въ Гоніондзѣ, на границѣ царства Польскаго, мнѣ случилось удостовѣрить присяжными показаніями, что еврею Нейману доносчики зашили въ шапку на сорокъ восемь рублей фальшивыхъ бумажекъ, о которыхъ онъ только узналъ при слѣдствіи.

Окончивши данное мнѣ порученіе, я возвратился на квартиру и послалъ за почтовыми лошадьми. Нежданно, негаданно судьба помогла мнѣ въ Тельшахъ сдѣлать важное открытіе, которое облегчило мнѣ раскрыть истину по порученному мнѣ слѣдствію у Гружевскихъ. Бургомистръ Клайшевичъ явился ко мнѣ съ книгою о городскихъ доходахъ, разсматривая которую, я нашелъ свѣже записанную статью почеркомъ мнѣ очень знакомымъ; но чей онъ былъ, я не могъ дать себѣ отчета, между тѣмъ память у меня въ этомъ отношеніи была замѣчательная.

— Позвольте спросить васъ, чей это почеркъ?—обратился я къ Клайшевичу съ вопросомъ.

— Мой,—отвѣтилъ онъ мнѣ.

Тутъ только я вспомнилъ, что прошеніе, которое подали генералъ-губернатору куршанскіе крестьяне, было написано тѣмъ же самымъ почеркомъ. Вынувши изъ портфеля прошеніе, я наглядно убѣдился въ тожествѣ почерковъ. Не было ни малѣйшаго въ томъ сомнѣнія, что переписчикъ находится предо мною на лицо. А какъ крестьяне упорно обыкновенно скрывали сочинителей и переписчиковъ прошеній, то я повелъ прямо атаку на бургомистра, попросивъ его разсказать мнѣ причину подачи предъявленнаго ему мною прошенія.

Въ началѣ онъ было позамялся, но затѣмъ откровенно сознался, что просьба написана имъ со словъ родственника, вольнаго человѣка, Юрія Пашакариса, проживавшаго на землѣ имѣнія «Спокойность», помѣщика Веспасіана Гружевскаго, прошеніе подписано крѣпостнымъ крестьяниномъ Пашкусемъ, подъ именемъ какого-то Домбровскаго. Довольный этимъ открытіемъ, которое предоставляло мнѣ полную возможность добраться до истины, я обязалъ бургомистра Клайшевича подпискою явиться въ имѣніе «Спокойность» и затѣмъ поѣхалъ обратно. Морозъ при моемъ отъѣздѣ достигъ до двадцати градусовъ; къ счастію, погода стояла очень тихая и ясная. Около полудня въ Николинъ день я уже былъ на почтовой станціи Слободкѣ, отстоявшей не болѣе версты отъ цѣли моего путешествія. Тутъ былъ назначенъ сборный пунктъ членовъ слѣдственной коммиссіи, но вотъ наступилъ полдень, а между тѣмъ никто изъ нихъ еще не явился. Ѣхать одному къ помѣщику Гружевскому мнѣ не хотѣлось, хотя голодъ и давалъ себя знать слишкомъ: со вчерашняго вечера у меня ровно ничего не было во рту. На мою бѣду станція содержалась отвратительно, хотя и принадлежала къ

иминіямъ графа Чапскаго; печь была натоплена донельзя, но выбитое стекло въ окнѣ, не заклеенныя зимнія рамы и щели въ дверяхъ дѣлали дальнѣйшее пребываніе въ этой мерзости положительно невозможнымъ. Скрѣпя сердце приказалъ я заложить почтовую пару и поѣхалъ въ имѣніе «Спокойность» къ Груженскому, который встрѣтилъ меня очень радушно на крыльцѣ, не смотря на холодъ. Новый деревянный домъ, съ тамбурнымъ большимъ входомъ, смотрѣлъ очень привѣтливо, а комнатная теплота и любезный пріемъ хозяина благотворно на меня подѣйствовали. Изъ свѣтлой передней мы вошли съ нимъ въ небольшую пріемную, уставленную по окнамъ цвѣтами, и сѣли на стоявшій тамъ диванъ. Послѣ нѣсколькихъ привѣтственныхъ словъ, хозяинъ быстро удалился изъ комнаты и минуты черезъ двѣ возвратился снова, неся въ рукахъ большую пачку двадцати пяти рублевыхъ кредитныхъ билетовъ. Присѣвши на прежнее свое мѣсто подлѣ меня, онъ предложилъ мнѣ эти деньги...

— Позвольте покорнѣйше просить васъ принять отъ меня этотъ подарокъ, въ возвратъ понесенныхъ вами трудовъ и расходовъ на пріѣздъ сюда по моему дѣлу...

— Позвольте мнѣ поблагодарить васъ за вашу любезность, отвѣтилъ я ему, отклоняя предложеніе. Правительство мнѣ уже выдало на поѣздку деньги... А вотъ не откажите подать рюмку старой водки и что-нибудь закусить, я перезябъ и голоденъ.

Нужно было видѣть конфузъ моего хозяина, который послѣдовалъ за моимъ отвѣтомъ. Онъ окончательно растерялся, началъ извиняться и убѣдительно просилъ никому не говорить про его глупую выходку; затѣмъ, сунувши деньги въ боковой карманъ, опрометью выбѣжалъ вонъ изъ комнаты. Описать впечатлѣніе, которое произвело на меня предложеніе денегъ, будетъ довольно трудно. Мнѣ было и досадно, что человѣкъ, вовсе мнѣ незнакомый, считаетъ меня взяточникомъ, способнымъ за деньги, которыхъ, нужно сознаться, у меня много никогда не бывало, продать свою совѣсть и покривить душою... Было и грустно, что подобныя лица встрѣчаются на бѣломъ свѣтѣ, было, наконецъ, и смѣшно, когда я припоминалъ себѣ то смущеніе, тотъ испугъ, которымъ былъ пораженъ хозяинъ, получивши мой спокойный отказъ.

Минутъ черезъ пять два ливрейные оффиціала внесли въ пріемную комнату, на серебряныхъ подносахъ, всякаго рода закуски, а въ то же самое время раздались на дворѣ звуки почтовыхъ колокольчиковъ; пріѣхали, наконецъ, и запоздавшіе члены коммиссіи, присутствіе которыхъ помогло и мнѣ и сконфуженному хозяину выйти изъ неловкаго положенія. Нѣтъ худа безъ добра, говоритъ пословица, такъ было и здѣсь; мысль, что меня хотѣли подкупить, заставила меня со всею осмотрительностію отнестись къ порученному мнѣ разслѣдованію; мнѣ прихо-

дило даже въ голову, что дѣло помѣщика Гружевскаго было неправое, иначе зачѣмъ же ему было пытаться купить мою совѣсть. Но слѣдствіе раскрыло совершенно противное. Жалобы крестьянъ имѣнія Куршаны заключались въ томъ, что помѣщики Гружевскіе, раздѣливъ вопреки закона доставшееся имъ по наслѣдству ленное имѣніе, обременительною барщиною не только ихъ разорили въ конецъ, но даже обезземеливаютъ хозяевъ, принуждаютъ крестьянъ обработывать особые участки земли, притѣсняютъ разными повинностями и т. п.

При осмотрѣ коммиссіею крестьянскихъ усадьбъ, всѣ мы были поражены ихъ благоустройствомъ; у каждаго изъ жалобщиковъ оказалось отъ четырехъ до шести лошадей и отъ двѣнадцати до восемнадцати штукъ рогатаго скота, кромѣ козъ, овецъ и свиней; при этомъ было удостовѣрено, что число скота въ этомъ году у крестьянъ уменьшилось, такъ какъ они его пораспродали по случаю малокормицы. Закрома въ амбарахъ были переполнены до самаго потолка разнымъ зерномъ; висѣло тамъ копченое мясо разнаго рода и колбасы; стояли большіе сундуки съ разнымъ домашнимъ скарбомъ, и у нѣкоторыхъ было множество перинъ и подушекъ, такъ какъ разныхъ птицъ крестьяне имѣли въ изобиліи. Въ хлѣвахъ настлано было множество соломы; вмѣсто лучины въ избахъ горѣли сальныя свѣчи домашняго приготовленія; хлѣбъ былъ отлично выпеченъ; при осмотрѣ у крестьянъ варилась мясная похлебка съ картофелемъ. Однимъ словомъ, во всемъ видно было полное довольство. Сознаюсь, что я въ первый разъ видѣлъ въ здѣшнемъ краѣ такое благосостояніе крестьянъ; ихъ бытъ напомнилъ мнѣ благословенную Малороссію. Каждая крестьянская осѣдлость была отлично и просторно обстроена, почти передъ каждою избою находился небольшой садъ, даже кутники имѣли по одной лошади и по одной коровѣ. Крестьяне отбывали барщину съ каждаго двора: съ 23-го апрѣля по 1-ое октября, по 4 упряжныхъ и по 4 пѣшихъ женскихъ дня, а въ остальное время года по 3 дня, кромѣ того они обязаны были: обработать особый участокъ земли по два морга подъ озимь для запасныхъ магазиновъ. Уѣздный предводитель дворянства, спрошенный относительно вышеозначенныхъ повинностей, сообщилъ коммиссіи, что земля въ имѣніяхъ «Куршаны» и «Спокойность», по плодородію своему, считается въ первомъ разрядѣ, крестьяне пользуются всѣми удобствами по хозяйству, а потому требуемая помѣщиками Гружевскими барщина съ дополнительными повинностями нисколько для нихъ необременительна; при этомъ добавилъ, что помѣщики эти извѣстны въ Шавельскомъ уѣздѣ по кроткому и справедливому обхожденію съ крестьянами, что̀ подтвердилъ и мѣстный деканъ, живущій въ этой мѣстности болѣе двадцати четырехъ лѣтъ и пользующійся тамъ большимъ вѣсомъ. Въ виду всѣхъ вышеизложенныхъ данныхъ и разнорѣчивыхъ показаній при слѣдствіи, было несо-

мнѣнно, что подача крестьянами коллективной просьбы была дѣломъ подстрекательства неблагонамѣреннаго лица, желавшаго пользоваться карманомъ зажиточныхъ крестьянъ, которые упорно запирались открыть имя сочинителя и переписчика ихъ жалобы; каково же было ихъ удивленіе, а также и всѣхъ членовъ слѣдственной коммиссіи, когда явившійся изъ г. Тельшъ бургомистръ Клайшевичъ сознался въ составленіи и перепискѣ набѣло этого прошенія, которое, какъ оказалось, подписалъ крѣпостной крестьянинъ Пашкусъ, родственникъ его, подъ именемъ какого-то Домбровскаго, вмѣстѣ съ крѣпостнымъ крестьяниномъ Юріемъ Пашакарисомъ и тремя вольными людьми.

Въ первыхъ числахъ января 1859 года генералъ-губернаторъ командировалъ меня въ Свенцянскій уѣздъ для производства слѣдствія, при офицерѣ корпуса жандармовъ, по жалобамъ крестьянъ имѣнія Перванишки, помѣщика Шпицнагеля, на бѣдственное ихъ положеніе и разныя злоупотребленія помѣщичьей власти: дѣло тамъ было довольно серьезное, такъ какъ увѣщанія уѣзднаго предводителя дворянства и мѣстныхъ полицейскихъ властей не имѣли успѣха; бывшія тамъ волненія поутихли только тогда, когда поставили въ деревню военную экзекуцію и послѣ наказанія розгами зачинщика крестьянина Довбара. По разслѣдованію оказалось, что многіе изъ указанныхъ въ просьбѣ крестьянъ ничего не знали о содержаніи поданнаго генералъ-губернатору прошенія; высказанныя ими разныя неудовольствія относились къ умершему ихъ помѣщику, а настоящій владѣлецъ, тихій и спокойный человѣкъ, не болѣе десяти мѣсяцевъ вступилъ въ управленія имѣніемъ, по возвращеніи изъ Персіи, гдѣ жилъ онъ очень долго. Бытъ крестьянъ былъ очень хорошій; хозяева имѣли по 2—3 лошади и по 6—10 штукъ крупнаго рогатаго скота, не считая разной мелочи; курныя хаты устроены были прочно. На подачу просьбы крестьяне подговорены были какимъ-то сельскимъ адвокатомъ, имя котораго они упорно скрывали, и пожертвовали по пятидесяти копѣекъ съ души; при допросѣ крестьяне сами сознались, что подали жалобу единственно съ тою цѣлію, чтобы имъ было еще лучше, и противъ настоящаго владѣльца ничего не имѣютъ.

Ни одна изъ мѣстностей Россіи, какъ мнѣ кажется, не можетъ поспорить съ здѣшнимъ краемъ по фабрикаціи и торговлѣ фальшивыми кредитными билетами. На мою только долю выпало до 15 слѣдствій по этому предмету, да и немудрено... Жидовство въ этомъ отношеніи очень искусно умѣетъ набивать себѣ карманы и хоронить концы... Здѣсь прямо указываютъ на нѣсколькихъ еврейскихъ богачей, которые лѣтъ пять—десять тому назадъ были нищими и умѣли нажить себѣ этимъ промысломъ большія деньги. По освобожденіи изъ острога, они вскорѣ попали въ почетъ и стали разыгрывать роль въ нашемъ испорченномъ

свѣтѣ. Причина частыхъ случаевъ этого преступленія лежитъ не только въ натурѣ еврея, но въ духѣ нашего законодательства, которое даетъ полную возможность пойманному даже съ поличнымъ, при упорномъ запирательствѣ, увернуться или вовсе отъ наказанія или, въ крайнемъ случаѣ, остаться только въ подозрѣніи... Для примѣра разскажу кратко два дѣла о фальшивыхъ кредитныхъ билетахъ и о разительной разности послѣдствій, которыми сопровождалось это преступленіе.

Изъ Витебска присланъ былъ въ Вильну уѣздный исправникъ Фогель, принявшій христіанство, изъ евреевъ, для разысканія виновныхъ въ сбытѣ фальшивыхъ 25-ти рублевыхъ кредитныхъ билетовъ. Почти одновременно съ его пріѣздомъ отставной поручикъ Булгаринъ, ѣхавшій на почтовыхъ лошадяхъ изъ Вильны въ Ковну, размѣнялъ въ Вилкомирѣ у станціоннаго смотрителя 25-ти рублевый билетъ, который оказался фальшивымъ, и оставилъ у него до своего возвращенія сундукъ съ своими вещами. Получивъ объ этомъ свѣдѣніе, генералъ-губернаторъ командировалъ меня въ догонку за Булгаринымъ, поручивъ произвести у него обыскъ и доставить вмѣстѣ съ сундукомъ, въ сопровожденіи жандармовъ въ виленскую цитадель къ коменданту для содержанія подъ арестомъ въ политической тюрьмѣ. Возвратился я изъ поѣздки ни съ чѣмъ, такъ какъ Булгарина простылъ и слѣдъ, привезъ только я съ собою опечатанный сундучекъ его. Между тѣмъ ковенскій губернаторъ сдѣлалъ тотчасъ же распоряженіе о розыскѣ виновнаго и о доставленіи его въ Вильну, подъ арестомъ. Пока это происходило, прибывшій исправникъ, переродившись евреемъ, вошелъ въ знакомство съ евреями: Идомскимъ и Шнейдеромъ-Шрейбергомъ, которые послѣ долгихъ переговоровъ обѣщали ему продать 200 штукъ фальшивыхъ 25-ти рублевыхъ кредитныхъ билетовъ по 8 рублей за каждый и дали ему на образецъ одинъ билетъ. Торговля этимъ товаромъ, какъ оказалось, шла очень бойко, послѣ окончанія Крымской войны. Когда пришло назначенное время полученія обѣщанныхъ фальшивыхъ билетовъ, исправникъ притворился, что опасается быть задержаннымъ въ неизвѣстномъ ему городѣ и, уплативъ имъ девятьсотъ рублей, просилъ ихъ проводить его до Минской заставы, гдѣ ожидаетъ его товарищъ съ лошадьми. Тамъ онъ обѣщалъ уплатить имъ по уговору остальныя деньги и взять купленный у нихъ товаръ. Фальшивыя кредитки были пересчитаны, зашиты въ холстъ и опечатаны, затѣмъ покупатель и два продавца отправились къ заставѣ въ глухую полночь. Ямщикъ и предполагаемый товарищъ были переодѣтые полицейскіе, старшій же полиціймейстеръ Васильевъ съ частнымъ приставомъ и понятыми поджидали ихъ у заставы, скрывшись въ караулку.

Едва только успѣли подойти къ лошадямъ три ожидаемыя лица, какъ цѣлая компанія окружила ихъ. Моментъ былъ самый критическій;

въ это время Идомскій, вынувъ изъ боковаго кармана пачку, бросилъ ее на землю; всѣ присутствовавшіе тотчасъ же замѣтили эту выходку. Въ поднятомъ свертке оказалось двѣсти штукъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, а въ карманѣ одного изъ продавцовъ найдены и перемѣченные 900 руб. Тотчасъ же обо всемъ составленъ былъ актъ, и затѣмъ Идомскій и Шнейдеръ-Шрейбергъ отвезены были въ тюрьму. На первомъ допросѣ въ коммиссіи арестанты пытались запираться, обвиняя въ продѣлкѣ неизвѣстнаго имъ еврея, то-есть исправника, но, заручившись обѣщаніемъ генералъ-губернатора, что они не подвергнутся наказанію, если бы открыли все дѣло и указали главныхъ виновниковъ, Идомскій сознался, что отставной поручикъ Булгаринъ и дворянинъ Юркевичъ, въ сообществѣ съ другими ему неизвѣстными еще лицами, промышляютъ сбытомъ фальшивыхъ 25-ти рублевыхъ кредитныхъ билетовъ.

Вскорѣ были доставлены въ коммиссію подъ арестомъ Булгаринъ и Юркевичъ; впослѣдствіи привлеченъ былъ къ дѣлу и откупщикъ Витебской губерніи Бѣшковичъ и нѣсколько человѣкъ евреевъ. Слѣдствіе тянулось очень долго, благодаря разнымъ жидовскимъ изворотамъ, и затѣмъ Идомскій и Шнейдеръ-Шрейбергъ стали отказываться отъ данныхъ ими показаній, увѣряя, что, по случаю пристрастныхъ допросовъ въ коммиссіи, они ложно оговорили многихъ лицъ, и снова начали утверждать, что подосланный исправникъ выдумалъ всю эту исторію, дабы выслужиться предъ начальствомъ. Отставной поручикъ Булгаринъ, не смотря на размѣнъ фальшиваго билета на станціи и на улики пѣвицы Пташинской, съ которою находился въ связи, упорно запирался въ преступленіи и даже при одной очной ставкѣ съ нею говорилъ ей, что не всегда же онъ будетъ сидѣть подъ арестомъ, и тогда она поплатится жестоко за свою выдумку. Въ концѣ-концовъ, дѣло это окончилось совершенными пустяками. Всю вину свалили на умершаго Идомскаго.

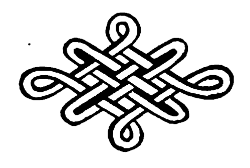
Не таковъ былъ исходъ по другому дѣлу, по которому обвинялся въ сбытѣ фальшивыхъ десятирублевыхъ кредитныхъ билетовъ бельгійскій подданный Сіэсъ, занимавшій мѣсто директора Крайщанской суконной фабрики, въ Вилейскомъ уѣздѣ, Виленской губерніи. На него былъ присланъ доносъ, что онъ промышляетъ этимъ товаромъ и имѣетъ свинцовые номера, которыми онъ самъ печатаетъ нумерацію на бумажкахъ, получаемыхъ изъ-за границы.

Прибывъ на фабрику довольно поздно вечеромъ, я произвелъ у него обыскъ, при становомъ приставѣ и понятыхъ, и нашелъ свинцовыя цыфры, совершенно тождественныя съ тѣми, которыя обыкновенно проставлялись на кредитныхъ билетахъ 10-ти-рублеваго достоинства.

Отосланный въ Вильну въ сопровожденіи двухъ жандармовъ, Сіэсъ, при допросѣ, показалъ, что никогда не занимался торговлею фальши-

выми деньгами, свинцовыя цыфры купилъ за границей для нумераціи суконъ на фабрикѣ и сослался на свое безукоризненное поведеніе, которое было дѣйствительно удостовѣрено владѣльцемъ имѣнія, гдѣ находилась суконная фабрика, и зажиточными помѣщиками, съ которыми онъ былъ знакомъ. Такъ какъ имѣвшіяся въ дѣлѣ свѣдѣнія доказывали, что поддѣлка производилась въ Брюсселѣ, и названъ былъ даже по имени одинъ токарь, съ которымъ Сіэсъ имѣлъ сношеніе, то коммиссія отправила туда подробную записку съ вопросными пунктами и описаніемъ примѣтъ Сіэса, заказывавшаго разнымъ лицамъ формы отдѣльныхъ частей кредитныхъ билетовъ. Вскорѣ изъ-за границы пришло требованіе выслать Сіэса въ Брюссель, такъ какъ есть основанія подозрѣвать его, что онъ именно то лицо, которое заказывало бумагу съ водяными знаками. Когда Сіэсу объявлено было это требованіе, онъ тотчасъ же заявилъ желаніе принять русское подданство и не хотѣлъ ѣхать за границу. Само собой разумѣется, что его выслали туда немедленно вмѣстѣ съ разслѣдованіемъ, въ переводѣ на французскій языкъ; вскорѣ за его высылкою получено было изъ Брюсселя извѣщеніе, что Сіэсъ былъ осужденъ въ каторжную работу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Вѣсти изъ Петербурга въ 1820 и 1821 гг.

(Собственноручныя всеподданнѣйшія письма графа В. П. Кочубея [1]).

1.

Царское Село, 27-го августа 1820 г.

Почитаю долгомъ довести до свѣдѣнія вашего императорскаго величества:

1) Письмо, присланное мнѣ безо всякаго приложенія для передачи его въ собственныя руки вашего императорскаго величества.

2) Донесеніе сибирскаго генералъ-губернатора, извѣщающее о необычайныхъ наводненіяхъ, случившихся въ этой мѣстности и главнымъ образомъ въ Иркутскѣ. Произведенныя ими опустошенія вѣроятно очень велики.

3) Переводъ письма Кокрана, англичанина, путешествующаго якобы пѣшкомъ.

Онъ передалъ тобольскому губернатору шесть писемъ; я совѣтовалъ князю Голицыну приказать перлюстровать ихъ на почтѣ и препроводить вашему величеству то письмо, которое заслуживаетъ по моему мнѣнію нѣкотораго вниманія, въ особенности по взгляду, высказываемому этимъ путешественникомъ о нашихъ раскольникахъ; я передалъ оригиналы этихъ писемъ графу Нессельроде; копіи же находятся у меня; мнѣ

---

[1]) Подлинники писемъ графа Кочубея, на французскомъ языкѣ, напечатаны мною въ XI выпускѣ (стр. 362—378) „Сборника историческихъ матеріаловъ изъ архива Собственной Его Величества канцеляріи". Въ то время императоръ Александръ I уѣхалъ изъ Петербурга: 15-го (27-го) августа онъ пріѣхалъ въ Варшаву, а затѣмъ отправился за границу на конгрессъ въ Троппау и Лайбахъ. Ред.

*

кажется, что ваше величество должны быть избавлены, въ особенности въ настоящее время, отъ чтенія ненужныхъ бумагъ. Такъ какъ Кокранъ намѣренъ провести зиму въ Иркутскѣ, то я написалъ Сперанскому, чтобы онъ внимательно слѣдилъ за нимъ.

Съ тѣхъ поръ какъ я имѣлъ честь писать вашему величеству, въ нашихъ столичныхъ кружкахъ и вообще въ обществѣ очень много говорили о двухъ указахъ вашего величества относительно званія, присвоеннаго княгинѣ Ловичъ, и о пожалованіи ей помѣстья, носящаго это названіе.

Эти указы извѣстны здѣсь изъ «Инвалида», гдѣ они напечатаны на польскомъ языкѣ. О нихъ судятъ вполнѣ правильно, говоря, что они были неизбѣжнымъ послѣдствіемъ бракосочетанія великаго князя, но вмѣстѣ съ тѣмъ передаютъ нѣкоторыя подробности и утверждаютъ, будто маленькій Александровъ получилъ званіе князя Стрѣльнинскаго.

Революція, совершившаяся въ Неаполѣ, составляетъ, по-прежнему, предметъ толковъ и держитъ умы въ напряженіи.

Въ дипломатическомъ мірѣ давно уже поговаривали о свиданіи монарховъ. Газеты подтвердили это извѣстіе. Это породило слухъ, что Австрія введетъ войско въ Неаполитанское королевство, что она займетъ также папскія владѣнія; что папа (который, судя по извѣстіямъ, полученнымъ изъ Варшавы, уже скончался) будетъ послѣднимъ свѣтскимъ владѣтелемъ Папской области; что она достанется во владѣніе Австріи, тогда какъ Галиція будетъ присоединена къ королевству Польскому; что поляки этого хотятъ и добиваются, что ваше величество пошлете отрядъ вспомогательнаго войска въ Италію, что вы обязаны къ этому договоромъ священнаго союза и т. д. Мысль о предстоящей войнѣ, въ которой Россія приметъ участіе, можетъ быть пріятна нѣкоторымъ молодымъ людямъ, желающимъ подвинуться по службѣ, но это не есть повидимому чувства большинства, которое убѣждено, что ваше величество не подпишете такихъ предложеній, которыя могутъ поставить васъ въ затруднительное положеніе. Я не получилъ изъ внутреннихъ губерній никакихъ извѣстій, которыя заслуживали бы вниманія вашего величества, исключая одного, что въ Москвѣ открытъ складъ бумаги, приготовленной для дѣланія новыхъ банковыхъ ассигнацій. Количество бумаги такъ велико, что въ обращеніе могло быть пущено болѣе двухъ милліоновъ рублей. Полиція выказала по этому поводу большую распорядительность. Существуетъ подозрѣніе, что рабочіе петербургской Экспедиціи изготовленія государственныхъ бумагъ продали торговцамъ бѣлую и красную бумагу. Я предупредилъ объ этомъ министра финансовъ, препроводивъ ему нѣсколько листовъ этой бумаги; онъ сказалъ мнѣ, что онъ прикажетъ управляющему Экспедиціей произвести по этому поводу самое строгое разслѣдованіе.

Намъ предстоитъ, ваше величество, праздновать на-дняхъ дорогой для насъ день. Позвольте мнѣ принести вашему императорскому величеству по этому случаю самыя искреннія пожеланія не столько какъ вѣрноподданный, сколько какъ человѣкъ, искренно преданный особѣ вашего величества.

2.

Царское Село, 10-го сентября 1820 г.

До свѣдѣнія вашего императорскаго величества дошло, быть можетъ, что въ городѣ разсказываютъ весьма странную исторію о смерти одного артиллерійскаго офицера въ Новгородѣ, которая оказалась не болѣе, какъ продолжительной летаргіей, о его пробужденіи и сдѣланныхъ имъ предсказаніяхъ.

Я не хотѣлъ сообщать объ этомъ вашему величеству, не убѣдившись предварительно въ томъ, что эта исторія имѣетъ какое-либо основаніе. Поэтому я написалъ новгородскому губернатору въ общихъ выраженіяхъ, не желая, чтобы имя графа Аракчеева было упомянуто въ этомъ письмѣ, такъ какъ это могло подать поводъ къ новой исторіи. Ваше величество найдете въ прилагаемыхъ при семъ трехъ приложеніяхъ все относящееся до этой басни [1]). Весьма возможно также, что до вашего величества дошли слухи о томъ, что говорятъ по поводу революціи, совершившейся въ Неаполѣ, напр. о томъ, будто бы нашимъ газетамъ приказано умалчивать о подробностяхъ, относящихся до этой революціи, въ виду того, что «духъ нашихъ офицеровъ нехорошъ, что съ ними приказано обходиться очень строго» и т. д. и т. д. Нѣкоторые лица, склонныя видѣть все въ мрачномъ свѣтѣ, могли пожалуй усмотрѣть въ ультрамонтанскихъ событіяхъ много для нея неблагопріятнаго, склонность къ подражанію и т. д. Будучи, ваше величество, болѣе чѣмъ когда-либо обязанъ, разузнавать обо всемъ, такъ какъ я служу вамъ въ трудныя времена, и имѣя довольно обширныя связи, я считаю возможнымъ смѣло утверждать, что здѣсь не существуетъ элементовъ, которые могли бы внушить малѣйшее опасеніе.

Болтаютъ много, это правда; но все, что говорятъ, до того смѣшно, нелѣпо, безсвязно, и такъ безпочвенно, что нельзя предположить, чтобы изъ этого могло что-либо выйти кромѣ однихъ словъ. Я говорю вашему величеству то, въ чемъ я убѣжденъ, и никогда не осмѣлился бы изложить вамъ, государь, эти мысли, если бы я не предполагалъ, что до вашего свѣдѣнія могутъ дойти противуположные слухи.

---

[1]) Приложеній этихъ при письмѣ не оказалось.

На-дняхъ, кого-то изъ пріѣхавшихъ изъ Москвы спросили: «что у васъ говорятъ о революціи Неаполитанской, о карбонарахъ?»

— Что-то говорили тогда, въ газетахъ читали, но всѣ въ Москвѣ — и тутошніе, и пріѣзжіе, толковали о худомъ урожаѣ, о цѣнѣ хлѣба, о всходахъ и пр.

Наша страна счастливая, никакое внѣшнее политическое событіе не можетъ еще повліять на нее. Тѣмъ не менѣе, надобно сознаться, что у насъ много недовольныхъ. Это зависитъ отъ мѣстныхъ невзгодъ, объ устраненіи которыхъ ваше величество, безъ сомнѣнія, позаботитесь по возвращеніи своемъ. При вашей силѣ и средствахъ, это легче вашему величеству, нежели какому-либо иному европейскому монарху.

Въ виду того, что масонскія ложи избрали генералъ-лейтенанта, сенатора Кушелева гроссмейстеромъ на мѣсто сенатора Ржевусскаго, онъ писалъ мнѣ, прося аудіенціи. Изъ прилагаемаго при семъ отчета [1]) ваше императорское величество увидите, въ чемъ заключалась сущность упрековъ, которые мною были высказаны ему во исполненіе приказаній, данныхъ мнѣ вашимъ величествомъ.

Крестьяне, приписанные къ рудникамъ Пермской губерніи, числомъ 3.000, открыто возстали противъ своихъ властей. На мѣсто происшествія посланъ вооруженный отрядъ изъ 516 человѣкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ потребовали присылки казаковъ или башкиръ. Я тотчасъ предупредилъ министра финансовъ о необходимости оборониться, настоятельно совѣтуя ему обратить вниманіе на причины, коими эти безпорядки могли быть вызваны. Волненіе конечно будетъ усмирено, но если оно было вызвано какими-либо несправедливыми поступками или притѣсненіями, то правительство должно озаботиться, чтобы они были устранены, ибо иначе волненія могутъ повториться. Повергаю на благоусмотрѣніе вашего императорскаго величества копію съ донесенія временно управляющаго этой губерніей.

Соблаговолите, государь, принять увѣреніе въ моемъ безграничномъ почтеніи и преданности. Графъ Кочубей.

P. S. Слишкомъ извѣстный Санчи, заключенный въ крѣпость за крупную кражу, совершенную имъ въ ломбардѣ, умеръ послѣ продолжительной болѣзни.

3.

С.-Петербургъ, 14-го января 1821 г.

Князь Волконскій передалъ мнѣ приказаніе вашего императорскаго величества вызвать и допросить лично одного поляка по имени Яну-

[1]) Отчета при письмѣ нѣтъ.

шевича. Изъ препровождаемыхъ при семъ приложеній ваше величество увидите, что ваша воля исполнена и узнаете все касающееся этого человѣка, который не заслуживаетъ никакого вниманія.

Въ другой, весьма краткой замѣткѣ, я осмѣлился изложить вашему величеству о нѣкоторыхъ дополнительныхъ мѣрахъ, принятыхъ Комитетомъ министровъ относительно неурожая въ Черниговской губерніи. Я отправлю завтра утромъ курьера съ этимъ извѣстіемъ къ сенатору Гермесу и князю Репнину. Если вѣрить свѣдѣніямъ, сообщаемымъ частными лицами, то въ нѣкоторыхъ уѣздахъ уже существуютъ большія затрудненія относительно продовольствія. Прилагаю при семъ копію съ донесенія, полученнаго мною вчера. Я препровождаю его князю Репнину и вмѣстѣ съ тѣмъ счелъ долгомъ увѣдомить обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ генерала Сакена, чтобы онъ могъ руководствоваться этимъ при выводѣ оттуда войскъ, согласно повелѣнію вашего величества, что составляетъ повидимому все болѣе и болѣе настоятельную необходимость.

Что касается внѣшняго облика столицы, то я могу только подтвердить все то, что уже осмѣлился донести вашему величеству съ послѣднимъ курьеромъ. Духъ населенія все тотъ же, одни довольны, другіе нѣтъ. Духъ войска (насколько это можетъ быть извѣстно человѣку, который, имѣя желаніе узнать истину, можетъ узнать ее только косвеннымъ путемъ), по моему мнѣнію, таковъ же, т. е. средній. Военныя власти могутъ сообщить вашему величеству объ этомъ болѣе точныя свѣдѣнія, и я искренно желаю, чтобы онѣ опровергли мои слова.

Въ послѣднее время между этими властями произошли нѣкоторыя недоразумѣнія. Генералъ Васильчиковъ хотѣлъ, чтобы 13-го числа въ караулѣ стоялъ новый Семеновскій полкъ; графъ Милорадовичъ воспротивился этому, не желая, какъ онъ говоритъ, чтобы была нарушена очередь Преображенскаго полка. Ваше величество узнаете объ этомъ подробно изъ донесеній этихъ генераловъ. Объ этомъ немного поговорили, ибо здѣсь нѣтъ ничего труднѣе, какъ сдѣлать что-либо не разговаривая.

Въ обществѣ также много говорятъ о томъ, что ваше величество возвратитесь только въ мартѣ мѣсяцѣ, что вы непремѣнно поѣдете въ Италію, что въ окрестностяхъ Тревизы состоятся маневры въ присутствіи вашего величества; говорили также, будто неаполитанцы, подстрекаемые господствующей въ Испаніи партіей, примутъ воинственное положеніе и вступятъ въ папскія владѣнія съ намѣреніемъ произвести въ нихъ возстаніе и т. д. и т. д. и что въ такомъ случаѣ здѣсь будетъ получено приказаніе двинуть 70.000 человѣкъ, а возвращеніе императора отложится Богъ вѣсть до какихъ поръ.

Таковы послѣдніе слухи, ходящіе здѣсь, которые я отмѣчаю, дабы вашему величеству было извѣстно все до мельчайшихъ подробностей.

Повергаю къ стопамъ вашего величества изъявленіе моего почтенія и преданности.

4.

28-го января 1821 г.

Я очень сожалѣю о томъ, что я не могъ написать вамъ, съ послѣднимъ курьеромъ.

Сегодня, собравшись съ силами, которыя еще весьма невелики, я хочу выразить мою глубочайшую благодарность за письмо, коимъ вы удостоили меня 8-го числа сего мѣсяца. Письмо вашего величества, въ коемъ вы выразили мнѣ свое участіе по поводу разрѣшенія моей супруги отъ бремени, было для насъ новымъ доказательствомъ вашей къ намъ милости.

Я не упустилъ сообщить графу Милорадовичу замѣчанія, сдѣланныя вашимъ величествомъ по поводу Россина. Я вполнѣ понимаю, что вашему величеству было непонятно все сказанное мною, такъ какъ я предполагалъ, что графъ Милорадовичъ препроводилъ князю Волконскому показанія этого человѣка. Онъ это сдѣлаетъ, по его словамъ, сегодня.

Руководствуясь тѣмъ правиломъ, что во всякомъ затруднительномъ и запутанномъ дѣлѣ, какъ бы оно ни казалось незначительно на первый взглядъ, слѣдуетъ отыскать и постичь самую сущность и обратить особое вниманіе на бумаги Россина (гнуснаго человѣка), ибо, не смотря на всѣ его вздорныя рѣчи, легко было подмѣтить, что все то, что онъ говорилъ, было не плодомъ его ума, но естественнымъ выводомъ изъ того, о чемъ толковали между собою солдаты. Генералъ-губернаторъ увѣрялъ меня, что, не смотря на всѣ убѣжденія открыть, отъ кого онъ слышалъ эти предложенія, Россинъ упорно говорилъ, что онъ слышалъ то, что говорили солдаты и народъ, но не знаетъ именъ говорившихъ. Я не разсчитывалъ, что мнѣ удастся быть счастливѣе графа Милорадовича, но я попрошу у него позволенія повидать Россина (который арестованъ), какъ только здоровье мнѣ позволитъ. До свѣдѣнія вашего величества быть можетъ уже дошло, что послѣдніе двѣнадцать дней здѣсь чрезвычайно интересовались нелѣпымъ слухомъ о мнимомъ возмущеніи Сѣвскаго полка, командиръ котораго былъ взятъ, какъ говорили, въ штыки. Этотъ слухъ переходилъ изъ устъ въ уста, и ни одинъ благомыслящій человѣкъ не вѣрилъ ему. Онъ былъ пущенъ или, по крайней мѣрѣ, былъ распространяемъ людьми злонамѣренными; я говорю по меньшей мѣрѣ распространяемъ потому, что при разслѣдованіи источника этихъ слуховъ я убѣдился, что они были пущены въ Ригѣ въ октябрѣ

мѣсяцѣ. Я сообщилъ эти слухи генералу Закревскому, чтобы онъ провѣрилъ ихъ на мѣстѣ; по моему мнѣнію было бы пріятнѣе, еслибы оказалось, что эти слухи только поддерживались здѣсь, а не были бы вымышлены здѣсь произвольно.

Помимо этого здѣсь былъ распущенъ слухъ о новомъ рекрутскомъ наборѣ, который яко бы предполагалось произвести въ январѣ мѣсяцѣ текущаго года. Въ этомъ случаѣ злой умыселъ былъ для меня еще яснѣе, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что послѣдній наборъ вызвалъ всеобщее недовольство и что подобная мѣра могла произвести лишь крайне неблагопріятное впечатлѣніе. Я писалъ князю Голицыну, опровергая этотъ въ высшей степени нелѣпый слухъ, такъ какъ я слышалъ, что г-жа Апраксина, пріѣхавшая недавно изъ Москвы, передавала, что этотъ слухъ былъ пущенъ и тамъ.

Всѣ по-прежнему говорятъ, что ваше величество возвратитесь не ранѣе марта мѣсяца и что ваше пребываніе за границею можетъ даже продлиться неопредѣленное время, ибо предполагаютъ, что вы пожелаете, быть можетъ, сопровождать австрійскую армію, которая идетъ въ Неаполитанское королевство. Это послѣднее обстоятельство внушаетъ благомыслящимъ людямъ большія опасенія, и, вообще, мысль, что ваше величество можете еще долго быть въ отсутствіи, огорчаетъ всѣхъ самымъ серьезнымъ образомъ.

Вашему величеству, вѣроятно, уже извѣстно, что вступленіе новаго Семеновскаго полка на дѣйствительную службу не подало повода ни къ какимъ неумѣстнымъ толкамъ. Напротивъ того, полкъ находятъ прекраснымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ говорятъ единогласно, что онъ не можетъ сравниться со старымъ полкомъ по красотѣ людей.

Батальонъ стараго полка, посланный во Псковъ, повидимому, велъ себя тамъ дурно. Объ этомъ говорили въ городѣ, но губернаторъ не донесъ мнѣ о томъ; я сдѣлалъ ему выговоръ съ эстафетой и потребовалъ, чтобы онъ прислалъ мнѣ обстоятельное донесеніе. Буду имѣть честь повергнуть отвѣтъ г. Адеркаса на усмотрѣніе вашего величества.

Ваше величество потребовали отъ военнаго губернатора объясненія относительно сборища рабочихъ, происшедшаго передъ моимъ домомъ 12-го декабря. Осмѣливаюсь въ подробности изложить это событіе въ прилагаемой запискѣ, написанной подъ мою диктовку. Вмѣстѣ съ тѣмъ прошу ваше величество отнестись снисходительно къ настоящему письму и къ моему не особенно разборчивому почерку. То и другое носитъ отпечатокъ болѣзненнаго состоянія человѣка, который всегда одушевленъ готовностью служить вашему величеству. Графъ Кочубей.

P. S. Вдовствующая императрица присылала мнѣ вчера вечеромъ Вилламова, чтобы переговорить о предстоящемъ пріѣздѣ наслѣднаго принца Мекленбургскаго и о затрудненіи, въ какомъ находится ея вели-

чество, не зная, сдѣланы ли распоряженія для встрѣчи его на границѣ, такъ какъ до сихъ поръ не назначенъ по обычаю флигель-адъютантъ, который долженъ состоять при принцѣ. Ея величество предполагала назначить къ нему шталмейстера Самарина, въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній вашего величества.

5.

11-го февраля 1821 г.

Я сказалъ г. Вилламову, что всѣ распоряженія касательно пріѣзда принца сдѣланы на границѣ согласно приказаніямъ, даннымъ вашимъ величествомъ на сей предметъ маркизу Паулуччи; что этотъ военный губернаторъ послалъ ему на встрѣчу того же адъютанта, который сопровождалъ въ прошломъ году принца Карла прусскаго и на котораго была возложена обязанность сдѣлать всѣ необходимыя распоряженія, касательно путешествія этого принца, и что съ другой стороны мною и почтовымъ вѣдомствомъ также сдѣланы распоряженія въ этомъ смыслѣ. Что касается выбора лица, которое должно состоять при принцѣ, то я сказалъ, что это будетъ зависѣть всецѣло отъ ея величества, что вы не могли, государь, подумать объ этомъ при вашихъ обширныхъ занятіяхъ, но полагаю, что если императрица, по бывшимъ примѣрамъ, пожелала бы обратиться къ дежурному генералу, поручивъ ему указать флигель-адъютанта, то это не будетъ непріятно вашему величеству. Не знаю, не было ли съ моей стороны слишкомъ большой смѣлостью сказать это. Въ такомъ случаѣ прошу ваше величество извинить меня.

Хотя, въ виду моей болѣзни, я могъ присутствовать только на первыхъ засѣданіяхъ Комитета министровъ, при обсужденіи бюджета на 1821 г., но все же я подробно ознакомился съ нимъ. Я велѣлъ доложить мнѣ всѣ бумаги, касающіяся этого предмета, и такимъ образомъ, ваше величество увидите мою подпись на бумагахъ, препровождаемыхъ вамъ сегодня. Указанныя въ нихъ мѣры необходимы въ виду крайней скудости нашихъ финансовъ. Ваше величество займетесь этимъ вопросомъ, когда Господу будетъ угодно привести васъ сюда.

Прошу ваше величество, принявъ во вниманіе мою слабость, извинить меня за опрометчивость, съ какою я пропустилъ на предъидущемъ листѣ одну страницу, не заполнивъ ее. Я вполнѣ надѣюсь на снисходительность вашего величества. Будучи еще очень слабъ и не имѣя возможности заниматься ничѣмъ послѣдовательно, я былъ вынужденъ предложить Комитету министровъ возложить, впредь до моего выздоровленія, на одного изъ моихъ коллегъ дѣло о неурожаѣ въ Черниговской губерніи, самое неотложное въ настоящую минуту.

Изъ бумагъ, которыя ваше величество получите сегодня прямо изъ Комитета, вы увидите, какія мѣры имъ приняты, исполненіе которыхъ возложено на графа Гурьева. Стеченіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ чрезвычайно затруднило выполненіе тѣхъ мѣръ, которыя могли облегчить участь жителей; первое изъ нихъ, что до 28-го января не было санной дороги, что̀ сдѣлало пути сообщенія непроходимыми; второе— непонятный по истинѣ по своему легкомыслію и неосторожности приказъ, отданный курскимъ губернаторомъ, коимъ воспрещалось вывозить зерновый хлѣбъ изъ его губерніи въ Черниговскую и даже продавать его кому-либо иному кромѣ жителей Курской губерніи.

Комитету, само собою разумѣется, пришлось немедленно отмѣнить распоряженіе столь необдуманное и противорѣчащее всѣмъ прежде бывшимъ указамъ и даже всѣмъ вполнѣ яснымъ повелѣніямъ вашего величества. Комитетъ доноситъ объ этомъ вашему величеству; вчера вечеромъ былъ посланъ къ Кожухову фельдъегерь, съ предписаніемъ не препятствовать свободному обращенію зерноваго хлѣба между ввѣренной ему губерніей и сосѣдними губерніями. Не признаете ли вы умѣстнымъ выразить лично этому губернатору ваше неодобреніе. Графъ Нессельроде препроводилъ мнѣ послѣдніе акты Лайбахскаго конгресса для сообщенія оныхъ тѣмъ же лицамъ, кои были указаны мнѣ при сообщеніи актовъ Троппаускаго конгресса. Не имѣвъ возможности сдѣлать эти сообщенія лично, я возложилъ эту обязанность на сенатора Дивова. Впрочемъ, я послалъ конфиденціальное письмо московскому генералъ-губернатору, извѣщая его въ общихъ чертахъ о положеніи дѣлъ. Прилагаю при семъ для свѣдѣнія вашего величества копію съ моего письма.

Лихорадка, обуявшая столицу, о которой я писалъ вашему величеству въ моемъ послѣднемъ письмѣ, все еще, такъ сказать, усиливается. Люди препираются о дняхъ для баловъ и то и дѣлаютъ, что танцуютъ и веселятся. Занятые этимъ, они не имѣютъ времени подумать о чемъ-либо иномъ; всѣ свѣдѣнія, какія мы имѣемъ объ этихъ собраніяхъ и о спокойствіи умовъ, въ настоящее время вполнѣ удовлетворительны.

Назначеніе генерала Удома командующимъ Семеновскимъ полкомъ, видимо, произвело на всѣхъ благопріятное впечатлѣніе. Говорятъ, что онъ зрѣлыхъ лѣтъ, что онъ внимательно заботился обо всемъ, касавшемся внутренняго управленія Московскаго полка, коимъ онъ командовалъ, и что есть надежда, что онъ не будетъ подчиняться постороннему вліянію.

Позвольте мнѣ, ваше величество, прислушиваясь къ мнѣніямъ, высказываемымъ въ обществѣ относительно вашего путешествія въ Италію, высказать въ краткихъ словахъ мои опасенія. Населеніе этихъ мѣстностей, въ особенности неаполитанцы не могутъ сравниться *ни съ* однимъ изъ тѣхъ народовъ, среди которыхъ ваше величество

такъ часто жили, не питая никакихъ опасеній или, лучше сказать, пренебрегая всѣми опасностями, полагаясь на Провидѣніе, которое всегда покровительствуетъ вашему величеству. Но Провидѣніе, какъ хорошо извѣстно вашему величеству, столь проникнутому божественными истинами, не противится принятію тѣхъ мѣръ, кои предписываются человѣческой осторожностью, оно даже повелѣваетъ принимать ихъ. Умоляю ваше величество не пренебрегать осторожностью, въ особенности въ томъ случаѣ, если бы вамъ пришлось переѣхать въ Неаполитанское королевство. Я высказываю эту мысль, основываясь на моихъ наблюденіяхъ надъ характеромъ и нравами его жителей.

Льщу себя надеждою, что ваше величество не примете мои слова за малодушіе, свойственное больному, и найдете вполнѣ естественнымъ, что я питаю опасенія, которыя, скажу смѣло, раздѣляются многими лицами, видящими спокойствіе и благоденствіе нашего отечества единственно въ сохраненіи особы вашего величества.

P. S. Дѣйствительный тайный совѣтникъ Поповъ окончательно потерялъ зрѣніе; нѣтъ никакой надежды, чтобы оно снова вернулось. Графъ Кочубей.

Копія съ частнаго письма графа Кочубея къ московскому генералъ-губернатору отъ « » февраля 1821 г.

Искренно сожалѣю, ваше сіятельство, о томъ, что болѣзнь, отъ которой я страдалъ послѣднія четыре недѣли, вынудила меня прервать мою частную переписку съ вами. Чрезвычайно ослабѣвъ и страдая до сихъ поръ, я рѣшаюсь прибѣгнуть къ посторонней помощи, чтобы дополнить тѣ свѣдѣнія, которыя я сообщилъ вамъ въ предъидущемъ письмѣ, относительно тѣхъ высшихъ соображеній, которыя заставили его императорское величество продлить свое пребываніе за границею и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы подѣлиться съ вами тѣми свѣдѣніями, какія получены здѣсь послѣднее время, о результатахъ трудовъ Лайбахскаго конгресса.

19-го (31-го) января, въ Неаполь отправленъ курьеръ, съ ультиматумомъ союзныхъ кабинетовъ, которые требуютъ, чтобы событія 2-го и 6-го іюля были признаны какъ бы несуществовавшими, такъ какъ они были вызваны революціоннымъ и анархическимъ движеніемъ; чтобы всѣ мѣры, принятыя послѣ этихъ событій такъ называемымъ конституціоннымъ правительствомъ, были отмѣнены, дабы король, коего власть будетъ вполнѣ и всецѣло возстановлена, могъ даровать вполнѣ самостоятельно и добровольно мудрыя и полезныя учрежденія, кои одни могутъ обезпечить благоденствіе и спокойствіе королевства обѣихъ Си-

цилій и служить прочимъ державамъ гарантіей того, что всеобщее спокойствіе и порядокъ будутъ обезпечены.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Неаполь посланъ его величествомъ королемъ обѣихъ Сицилій герцогъ де-Галло (de Gallo) съ извѣстіемъ о рѣшеніи, принятомъ союзными монархами. Австрійскія войска получили въ то же время приказаніе идти впередъ либо для того, чтобы предложить отъ имени союзниковъ гарантію прочности того порядка вещей, который будетъ установленъ, либо для того чтобы сломить силою оппозицію, которую горсть демагоговъ и фанатиковъ-сектантовъ вздумала бы противупоставить благодѣтельнымъ мѣрамъ, которыя должны положить конецъ анархіи и террору, отъ коихъ страдаетъ эта великолѣпная страна.

Трудно допустить, чтобы вступленіе войскъ могло имѣть эту послѣднюю цѣль. Безпорядки въ Неаполѣ, повидимому, увеличиваются. Между военными и карбонарами произошелъ разладъ. Лучшіе генералы подали въ отставку; такъ называемая конституціонная партія утратила свое вліяніе, и партія, состоящая изъ отъявленныхъ карбонаровъ, въ родѣ тѣхъ якобинцевъ, какихъ мы видѣли въ Парижѣ, и, которая не можетъ быть многочисленна, наводитъ ужасъ на неаполитанскій парламентъ и на жителей столицы.

Всѣ эти факты позволяютъ надѣяться, что императору удастся достигнуть намѣченной имъ важной цѣли поддержать и упрочить миръ и спокойствіе Европы, избѣгнувъ кровопролитія и всѣхъ ужасовъ войны. Дѣло, несомнѣнно, приходитъ къ концу, но нѣтъ возможности опредѣлить въ точности, когда именно императоръ возвратится. Я думаю, что его величество самъ не можетъ пока сказать этого, ибо, какъ главный двигатель всего дѣла, онъ не можетъ оставить его до тѣхъ поръ, пока ему не будетъ сообщено надлежащаго направленія. Мнѣ хотѣлось побесѣдовать объ этомъ съ вашимъ сіятельствомъ потому, что мнѣ извѣстно, что въ Москвѣ ожидаютъ возвращенія императора въ его владѣнія съ такимъ же нетерпѣніемъ, какъ у насъ.

Примите, ваше сіятельство, уваженіе въ моей совершенной преданности.

6.

21-го марта 1821 г.

Не могу выразить вашему императорскому величеству впечатлѣнія, произведеннаго здѣсь извѣстіями, кои доставлены изъ Лайбаха послѣднимъ курьеромъ. Не говоря о томъ, что революція, совершившаяся въ Пьемонтѣ, должна была, сама по себѣ, опечалить всѣхъ благомыслящихъ людей, которые думаютъ не только о настоящемъ, но и о будущемъ,—мысль что пребываніе вашего величества за границею можетъ затянуться на неопредѣленное время, чрезвычайно огорчаетъ всѣхъ тѣхъ, кои убѣждены,

что присутствіе вашего величества было бы полезно здѣсь, и льстили себя надеждою, что вы возвратитесь въ непродолжительномъ времени.

Не скрою, что я принадлежу къ числу лицъ, кои искренно этого желаютъ. Зная, что дѣла Лайбахскаго конгресса окончены, я предполагалъ весьма естественно (какъ и всѣ остальные), что возвращеніе вашего величества отнынѣ не можетъ ничѣмъ быть замедлено. Я рѣшилъ высказать вашему величеству вполнѣ откровенно тѣ крайнія неудобства, какія возникли въ это трудное время въ дѣлахъ управленія, и необходимость установить соотвѣтствующія обстоятельствамъ правила на тотъ случай, если бы мы были еще разъ поставлены въ затруднительное положеніе вашимъ отъѣздомъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могли идти главныя дѣла управленія безъ надлежащихъ инструкцій и полномочій. Въ особенности въ какомъ положеніи должна была находиться ваша столица, съ многочисленнымъ населеніемъ и сильнымъ гарнизономъ, когда существовалъ разладъ между военными и городскими властями; когда онѣ не могли придти къ соглашенію и дѣйствовать сообща. Между ними на каждомъ шагу происходили столкновенія, онѣ не ладили между собою и позволяли себѣ держать нескромныя рѣчи, которыя разносились въ тотъ же день по городу и давали пищу недоброжелателямъ.

Подобный порядокъ вещей, зловредный во всякое время, не можетъ быть терпимъ въ особенности при затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ мы находились и въ какихъ, при случаѣ, мы можемъ очутиться вновь. Что у насъ происходитъ броженіе умовъ, этого никто не можетъ отрицать. Хотя мы видимъ нерѣдко, что въ столицѣ водворяется полнѣйшее спокойствіе послѣ того, какъ она была взволнована какимъ-либо событіемъ, но съ другой стороны мы видимъ также, что умы склонны работать въ томъ же направленіи всякій разъ, какъ какое-либо новое событіе подаетъ къ тому поводъ. Не были ли мы послѣдніе дни свидѣтелями проявленія самой ожесточенной ненависти къ австрійцамъ и самыхъ горячихъ пожеланій успѣха неаполитанскимъ войскамъ? Развѣ мы не видимъ также, что критикуютъ дѣйствія правительства относительно вооруженія и т. д. и т. д.? Я знаю, что многіе говорятъ, будто все это одна болтовня, которая *не можетъ имѣть* никакихъ *послѣдствій*. Я не утверждаю, что въ настоящее время подъ этимъ кроется что-либо кромѣ *пустой болтовни*, и по моему мнѣнію весьма вѣроятно, что все это не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій, но когда число *болтуновъ* возростаетъ до чудовищныхъ размѣровъ, когда помимо этого я знаю, что въ странѣ несомнѣнно существуетъ сильное недовольство, то я говорю, что не слѣдуетъ пренебрегать и *пустой болтовнею*; я говорю, что за нею легко слѣдить, но

что очень трудно обнаружить тайные замыслы, порождаемые недовольствомъ или являющіеся послѣдствіемъ происковъ партій.

Боже упаси, чтобы я хотѣлъ смутить ваше душевное спокойствіе какими-либо опасеніями! Богъ мнѣ свидѣтель, что я далекъ отъ этого, и что моя единственная цѣль — доказать вашему величеству, насколько это возможно въ простомъ письмѣ, что осторожность повелѣваетъ намъ начертать извѣстный планъ дѣйствій и принять сообразныя съ обстоятельствами мѣры. Ваше присутствіе въ Петербургѣ, государь, хотя бы только на три или даже на двѣ недѣли, дало бы вамъ возможность обнять всю совокупность этихъ обстоятельствъ, сдѣлать надлежащія распоряженія и сообщить правительственнымъ властямъ, на время вашего отсутствія, необходимую энергію. Не могли ли бы, ваше величество, отлучиться изъ вашего теперешняго мѣстопребыванія на то время, пока ваши войска не придутъ по назначенію? Не скрою отъ вашего величества, что таково всеобщее желаніе; скажу болѣе, почти всѣ ожидаютъ, что вы пріѣдете сюда на тѣ нѣсколько мѣсяцевъ, которые пройдутъ съ момента отправленія и до прибытія войскъ.

У насъ всѣ были очень заняты греческими дѣлами, въ то время какъ всеобщее вниманіе было отвлечено извѣстіями, полученными изъ Пьемонта. Тѣмъ не менѣе, всѣ слои общества продолжаютъ интересоваться ими, хотя благомыслящіе люди видятъ въ этихъ событіяхъ не что иное, какъ безразсудную выходку, которая только можетъ имѣть прискорбныя послѣдствія для столькихъ несчастныхъ христіанъ. Я сообщалъ вашему величеству о волненіи, овладѣвшемъ одесскими греками. Получивъ извѣстіе о томъ, что таганрогскіе греки также хотятъ выселиться, стараются закупить оружіе и т. д., я написалъ тамошнему губернатору письмо. Ѳеодосійскому губернатору даны подобныя же инструкціи. Повергаю также на благоусмотрѣніе вашего величества копію съ письма князя Ипсиланти къ графу Ланжерону и съ моего къ нему письма, въ коемъ я предостерегалъ его противъ наущеній перваго, и наконецъ сдѣланный въ Москвѣ стихотворный переводъ воинственной пѣсни грековъ [1]).

Изъ этого вы увидите, что московскій генералъ-губернаторъ находится у насъ. Я говорилъ съ нимъ о способахъ надзора, который онъ могъ бы учредить въ Москвѣ. Сознавшись въ томъ, что таковаго не существуетъ, онъ признаетъ его необходимость, и мы рѣшили основательно обсудить этотъ вопросъ въ непродолжительномъ времени совмѣстно и представить на благоусмотрѣніе вашего величества нѣкоторыя мѣры, которыя могутъ быть приняты въ этомъ отношеніи.

Я разспрашивалъ князя Голицына о духѣ, царствующемъ въ перво-

---

[1]) Приложеній этихъ при письмѣ не оказалось

престольной. Онъ сказалъ мнѣ, что «въ Москвѣ гораздо меньше волнуются въ томъ смыслѣ, какъ здѣсь; что тамъ весьма мало интересуются вопросами, касающимися конституціи или тому подобныхъ идей; что это вполнѣ естественно, такъ какъ въ Москвѣ гораздо менѣе молодежи, нежели въ Петербургѣ, и въ особенности тамъ гораздо менѣе военныхъ и составъ ихъ иной. Хотя дѣйствительно тамъ есть извѣстное число лицъ, состоящихъ на замѣчаніи за ихъ образъ мыслей, который называется либеральнымъ, но всѣ они извѣстны; къ тому же эти люди весьма незначительные, и недовольство и жалобы вызываются въ Москвѣ скорѣе недостатками администраціи, злоупотребленіями и прочими изъ сего проистекающими послѣдствіями».

Ваше величество, конечно, помните, что, назначая меня управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, вы соблаговолили сказать мнѣ, что вы не желали бы, чтобы я дѣлалъ представленія въ комитетъ или въ совѣтъ по нѣкоторымъ важнымъ дѣламъ, не предупреждая васъ о томъ, и что вамъ было бы непріятно, если бы вамъ пришлось высказывать мнѣніе несогласное съ моимъ и т. д. Я въ точности сообразовался съ этимъ правиломъ и никогда не хотѣлъ начинать какого-либо дѣла, не предупредивъ о томъ ваше величество. Поэтому я ожидалъ вашего возвращенія, чтобы получить ваши указанія относительно весьма важнаго дѣла о доходахъ, расходахъ и долгахъ города Петербурга, надъ которымъ работалъ комитетъ подъ предсѣдательствомъ генерала Канкрина; нынѣ же я вынужденъ внести это дѣло въ Государственный Совѣтъ въ виду того, что доходы и расходы должны быть опредѣлены на текущій годъ. Я счелъ долгомъ довести объ этомъ обстоятельствѣ до свѣдѣнія вашего величества. Нѣсколько дней тому назадъ сюда пріѣхалъ г. Сперанскій. Я нашелъ его сильно постарѣвшимъ и осунувшимся.

Кончина митрополита Михаила произвела большое впечатлѣніе. Всѣ принимали живѣйшее участіе въ его болѣзни. О немъ всѣ сожалѣютъ, Прошу ваше величество извинить меня за длинное письмо. Моя нескромность была бы очень велика, если бы моя всегдашняя и неизмѣнная преданность не говорила въ мое оправданіе. Графъ Кочубей.

7.

С.-Петербургъ, 8-го апрѣля 1821 г.

Почитаю для себя пріятнымъ долгомъ принести вашему величеству самое искреннее поздравленіе по случаю благополучнаго окончанія неаполитанскихъ дѣлъ и существующаго вѣроятія или, лучше сказать, увѣренности въ томъ, что дѣла Пьемонта окончатся такъ же благополучно. Я вдвойнѣ радуюсь этому благополучному результату благодѣ-

тельнаго вліянія вашего величества на переговоры и на вызванныя ими мѣропріятія; дай Богъ, чтобы добро было всегда удѣломъ вашего величества; это будетъ всегда самымъ искреннимъ моимъ желаніемъ.

Извѣстія, привезенныя курьеромъ изъ Лайбаха 19-го марта, вызвали здѣсь всеобщее удовольствіе и произвели на всѣхъ весьма благотворное впечатлѣніе. Всѣ благомыслящіе и доброжелательные люди въ восторгѣ отъ такого исхода, который примиряетъ великіе интересы Европы съ нашими собственными, такъ какъ мы можемъ отнынѣ поддержать наше преобладающее вліяніе, не объявляя войны и слѣдовательно не тревожа себя. Тѣ же, кои по легкомыслію или инымъ причинамъ, столь частымъ въ наше время, принимали участіе въ неаполитанцахъ, предоставляютъ ихъ мщенію австрійцевъ. Они находятъ ихъ недостойными свободы, называютъ ихъ трусами и желали бы даже, чтобы австрійцы раздавили ихъ, угнетая ихъ десятками лѣтъ.

Таковы, государь, въ короткихъ словахъ, оттѣнки общественнаго мнѣнія по поводу событій въ Италіи.

Исходя изъ совершенно различныхъ принциповъ, общественное мнѣніе сходится въ конечныхъ выводахъ, и всѣ единогласно желаютъ, чтобы войскамъ не пришлось идти за границу. Трудно перечислить всѣ странные слухи, ходившіе по поводу предполагавшагося выступленія войскъ: то говорили, будто Пруссіи угрожаетъ революція, то будто Австрія опасается, чтобы въ Венгріи не вспыхнуло возстаніе и чтобы въ немъ не приняли участія поляки; то говорили о новомъ переворотѣ, угрожавшемъ Франціи. Въ настоящее время всѣ заняты болѣе существеннымъ вопросомъ о выступленіи гвардіи. Ваше величество легко можете себѣ представить, что сестры, матери, тетки и кузины кричатъ изо всѣхъ силъ о трудности похода въ настоящее время года, о расходахъ и проч.Обсуждая цѣль похода гвардейскихъ войскъ, говорятъ, будто ваше величество хотите перемѣстить гвардію потому, что вы ею недовольны, что ваше величество желаете, чтобы этотъ отборный корпусъ войскъ не потерялъ привычки къ большимъ передвиженіямъ, необходимымъ всякому хорошему войску; что вы намѣрены произвести гвардіи смотръ въ Витебскѣ и проч. Эти толки безконечны и составляютъ въ настоящее время главный предметъ разговоровъ.

Нѣсколько времени передъ тѣмъ очень много интересовались г-жею Криднеръ. Говорили о лицахъ, которыя посѣщали ее, или о томъ обществѣ, которое собиралось у нея, и о предсказаніи, что 1821 годъ будетъ ознаменованъ войнами и пролитіемъ человѣческой крови въ бо̀льшемъ количествѣ, чѣмъ когда-либо. Такъ какъ по поводу этого предсказанія много болтали, то я говорилъ о немъ съ княземъ Голицынымъ. Онъ сказалъ мнѣ, и это правда, что у г-жи Криднеръ не бываетъ никакихъ собраній, что она принимаетъ по отдѣльности всѣхъ

тѣхъ, кто желаетъ ее видѣть, что никто не можетъ знать, что она говоритъ въ этихъ частныхъ бесѣдахъ и что она говоритъ всегда то, что приходитъ ей въ голову или, лучше сказать, говоритъ по вдохновенію. Говорятъ, что она уѣдетъ изъ Петербурга, лишь только позволитъ время года. Тогда толки прекратятся сами собою.

Вниманіе нашей публики также было занято сибирскимъ генералъ-губернаторомъ. Его прочили на разныя должности: министра юстиціи и внутреннихъ дѣлъ. Онъ повидимому весьма огорченъ тѣмъ, что онъ пріѣхалъ сюда въ отсутствіе вашего императорскаго величества.

Я не говорю вашему величеству о неурожаѣ, обнаружившемся въ двухъ смежныхъ съ Черниговской губерніей уѣздахъ Смоленской губерніи. Вы узнаете объ этомъ изъ бумагъ Комитета министровъ, равно изъ моего отдѣльнаго мнѣнія по этому поводу; скажу только, что я слышалъ, что когда въ Москвѣ была открыта подписка, о которой ваше величество узнаете также изъ донесенія Комитета, то нѣкоторыя лица, вѣроятно съ цѣлью очернить правительство, пожелали пожертвовать большія суммы и подчеркнуть этимъ его мнимое безучастіе. Князь Дмитрій Голицынъ держалъ себя въ этомъ случаѣ очень умно. Онъ запретилъ публиковать въ Москвѣ объ этой подпискѣ, полагая, что правительство должно само удовлетворить столь настоятельныя нужды, но не препятствовалъ частной благотворительности придти на помощь пострадавшимъ.

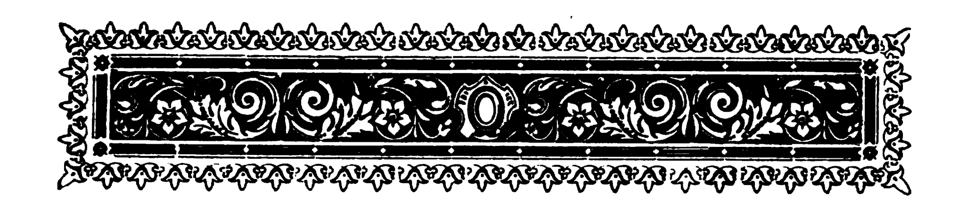
Въ Рославль, одинъ изъ наиболѣе пострадавшихъ уѣздовъ, послано болѣе 30.000 руб. Впрочемъ, какъ доказываетъ примѣръ всѣхъ прочихъ странъ, невозможно, чтобы правительство не выдавало субсидій въ случаѣ особыхъ бѣдствій. Пожаръ, большое наводненіе, голодъ всегда требуютъ чрезвычайныхъ расходовъ казначейства.

Прошу ваше величество позволенія представить на ваше благоусмотрѣніе три замѣтки по поводу замѣщенія губернаторскихъ вакансій. Вамъ извѣстно, какъ труденъ выборъ лицъ способныхъ занять эти мѣста. Я ожидалъ возвращенія вашего величества, чтобы переговорить объ этомъ, но губерніи не могутъ оставаться долго безъ начальника, и мнѣ кажется, что лица, предлагаемыя мною на эти должности, имѣютъ всѣ необходимыя качества. Если бы я могъ найти другихъ кандидатовъ, то я предложилъ бы вашему величеству назначить ихъ на вакантныя мѣста въ четырехъ другихъ губерніяхъ. Графъ С. [1]), желающій оставить Херсонъ, не высказалъ еще своихъ дальнѣйшихъ намѣреній. По смерти отца онъ наслѣдуетъ во Франціи званіе пэра.

Соблаговолите, ваше величество, принять увѣреніе въ моемъ почтеніи и преданности. Графъ Кочубей.

---

[1]) Въ оригиналѣ полная фамилія не обозначена.

Наслѣдіе Петра Великаго [1].

I.

Указавъ, что съ воцареніемъ императрицы Екатерины I въ русской исторіи наступилъ семидесятилѣтній періодъ, въ теченіе котораго престолъ почти безпрерывно занимали императрицы, Валишевскій коснулся значенія женщины въ славянскомъ мірѣ вообще. Отмѣченное «явленіе,—пишетъ онъ,—болѣе чѣмъ естественно для славянскихъ народовъ. Въ Россіи, какъ въ Богеміи и даже

[1]) Подъ такимъ заглавіемъ Валишевскій выпустилъ трудъ, обнимающій собою періодъ русской исторіи съ 1725-го 1741 годъ. К. (Waliszewsky. L'hérttage de Pierre le Grand. Règne des femmes. Gouvernement des favoris). Періодъ этотъ онъ называетъ „царствомъ женщинъ, правленіемъ фаворитовъ". Свою основную точку на это время авторъ объясняетъ въ предисловіи „Громада—великій человѣкъ", приводитъ онъ русскую поговорку и затѣмъ пишетъ: „самъ Петръ I былъ лишь выраженіемъ взаимодѣйствующей массы накопившихся силъ, развитіе которыхъ, послѣ его смерти, не сохранило того же головокружительнаго аллюра, но характеръ и скрытая мощь которыхъ сказалась именно тогда. Поглощая эти элементы своей могучей личностью, онъ сдавливалъ и маскировалъ ихъ. Но (послѣ него) они прорываются наружу, и съ какой рельефностью! Съ точки зрѣнія политическихъ и соціальныхъ теченій, эпоха, которую мы готовимся затронуть, соотвѣтствуетъ одному изъ тѣхъ періодовъ задержки, пожалуй даже движенія назадъ, которые въ развитіи русскаго народа какъ-бы представляютъ собою явленіе постояннаго порядка. Можно было бы даже сказать, что это—возвратъ къ хаосу. Но, тѣмъ не менѣе, жизнь бьется тамъ подъ оболочкой, производящей впечатлѣніе чего-то неяснаго, страннаго, подчасъ чудовищнаго". Исторія Россіи восемнадцатаго вѣка—это какъ-бы „пейзажъ изъ космогоническаго періода. Вы присутствуете при нарожденіи міра. Все тамъ представляется въ видѣ выступовъ, изверженій, рѣзкихъ контрастовъ. Содержаніе чуть-ли не каждой главы этой книги послужило темою для романовъ и драмъ. И было бы ошибкой вводить въ нихъ еще долю вымысла, столь излишняго въ

въ Польшѣ, женщина часто отличалась въ старину свойствами амазонки. Косьма Прагскій разсказываетъ объ основаніи на скалѣ близъ столицы женскаго города Дѣвина. Легендарная Власта мечтала передать власть во всей Богеміи въ руки женщинъ и думала достигнуть этого примѣненіемъ мѣръ крайне жестокихъ. Дѣло шло о томъ, чтобы всѣхъ дѣтей мужскаго пола лишить праваго глаза и двухъ пальцевъ на каждой рукѣ, указательнаго и большаго. Но производство этихъ операцій встрѣтило сопротивленіе, и Власта пала въ борьбѣ. Въ русской былинѣ одинъ изъ героевъ Кіевскаго цикла, Добрыня, становится плѣнникомъ женщины, которая, схвативъ его за рыжіе волосы, приподнимаетъ отъ земли. За эти, частныя, пораженія побѣжденнымъ удается иногда отомстить—любовью. Но только бѣда тогда въ случаѣ измѣны! Даже Илья Муромецъ, самый непобѣдимый изъ богатырей, находитъ себѣ достойнаго противника въ дочери Соловья-разбойника.

Это превосходство не зависитъ исключительно отъ силы или физической ловкости. Старинный славянскій міръ охотно видѣлъ въ женщинѣ волшебницу, состоящую въ сношеніяхъ съ сверхъестественнымъ міромъ и обладающую могущественными чарами. Сама любовь, которую она внушала, представлялась дѣломъ колдовства. Въ самомъ дѣлѣ, первые великіе государи, законодатели, судьи, организаторы славянскихъ земель были женщины: Любуша въ Богеміи, Ольга въ

данномъ случаѣ! Простая дѣйствительность можетъ потягаться тутъ съ воображеніемъ всѣхъ Дюма!"

Книга Валишевскаго, написанная съ присущими ему блескомъ языка и и картинностью, представляетъ несомнѣнный интересъ яркими характеристиками историческихъ лицъ и положеній, своеобразностью, подчасъ, смѣлостью выводовъ, новизною нѣкоторыхъ данныхъ, почерпнутыхъ въ архивахъ.

Полякъ по происхожденію, онъ видимо стремится къ возможному безпристрастію при обсужденіи вопросовъ, затрогивающихъ взаимныя отношенія Россіи и Польши. Мѣстами онъ не останавливается даже передъ несомнѣнно тяжелою ему необходимостью высказывать мнѣнія, непріятныя для польскаго самолюбія.

Но при всѣхъ несомнѣнныхъ достоинствахъ труда автора, при чтеніи его книги невольно рождается вопросъ, насколько она можетъ способствовать распространенію за границей вѣрнаго представленія о Россіи. Утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ представляется болѣе чѣмъ спорнымъ. Авторъ усиленно подчеркиваетъ мощь и торжество русскаго генія, наперекоръ самымъ неблагопріятнымъ условіямъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, рисуемыя имъ темныя стороны русской жизни того времени слишкомъ пересиливаютъ впечатлѣніе, производимое положительными сторонами.

Въ виду безспорнаго значенія труда Валишевскаго, пополняющаго крайне ограниченное число изслѣдованій, которыя обнимали бы собою столь продолжительный періодъ русской исторіи XVIII вѣка, мы позволяемъ себѣ ознакомить читателя съ „Наслѣдіемъ Петра Великаго".

Россіи, великій человѣкъ своего вѣка,—Екатерина Великая [1]).—Національныя традиція теряются лишь подъ вліяніемъ Византіи и татарскаго нашествія. Наконецъ, патріархальная организація нанесла имъ рѣшительный ударъ, создавъ новый порядокъ вещей, смыслъ котораго краснорѣчиво сказался въ народной поговоркѣ.

— Кто долженъ носить воду?

— Жена.

— А кто долженъ быть битъ?

— Жена.

— А почему она должна быть бита?

— Потому что она женщина.

Среди алтайскихъ племенъ презрѣніе къ женщинѣ составляло основу общественнаго строя, а въ странѣ Ольги патріархальный принципъ, несмотря на все предшествовавшее, нашелъ столь благопріятную почву для своего развитія, что въ этомъ отношеніи русское общество XVI и XVII столѣтій представляется родственнымъ Японіи, Китаю или патриціанскому Риму.

Однако, традиціи сохранили глубокіе корни. Въ Новгородѣ, несмотря на вліяніе Византіи, женщины еще появлялись на народныхъ собраніяхъ. Марія Борецкая въ этой республикѣ, Евдокія и Софія—въ Москвѣ, Евдокія и Анастасія—въ Твери, Анна—въ Рязани, Елена—въ Суздалѣ принимали участіе въ общественной жизни, давали аудіенціи посланникамъ, появлялись на пирахъ. Кой-какіе слѣды этого остались даже среди невзгодъ новѣйшаго времени. Избѣгая непріятностей семейнаго очага, женщины XVII столѣтія организовали вооруженныя банды. Женщины-воины былинъ встрѣчаются въ очень близкія времена и пріобрѣтаютъ историческую достовѣрность. Во главѣ одной изъ шаекъ, слѣдовавшихъ за звѣздой Стеньки Разина (1671), Георгій Долгорукій находитъ женщину, которую онъ, не проявляя большой галантности, приказываетъ сжечь.

Съ другой стороны, даже въ теремѣ, до реформы Петра Великаго, русская женщина не носитъ вполнѣ восточнаго характера. Правда, ее содержатъ тамъ взаперти, и ея красоту цѣнятъ на вѣсъ, но любятъ ли ее?—физически, не болѣе. И эта особенность проскальзываетъ даже въ поэтической легендѣ, въ которой грубая чувственность все еще занимаетъ мѣсто отсутствующаго чувства. Тургеневъ высказалъ, что такъ называемая русской эпическая литература одна лишь изъ литературъ Европы и Азіи не дала типичной четы двухъ взаимно любящихъ другъ друга существъ («Дымъ»). Прочтите легенду о князѣ Петрѣ и его женѣ

---

[1]) По-французски непереводимая игра словъ, подчеркиваемая Валишевскимъ.—„Catherine le Grand".

Февроніи. Изгнанные изъ Москвы, они въ лодкѣ спускаются внизъ по рѣкѣ. Одинъ изъ спутниковъ князя осмѣливается волочиться за княгиней. Она проситъ его почерпнуть воды направо, потомъ налѣво и выпить той и другой. Затѣмъ она спрашиваетъ его, развѣ вода съ одной стороны пріятнѣе, чѣмъ съ другой? Получивъ въ отвѣтъ, что она одинакова, княгиня замѣтила, что и женщина одна и та же, гдѣ бы ее ни взять. Но, терзаемая и уничтоженная, женщина долго сохраняетъ владычество въ области домашняго очага. Законъ и обычай сошлись въ томъ, чтобы въ извѣстномъ отношеніи предоставить ей здѣсь совершенно привилегированное положеніе. Она завѣдываетъ всѣмъ домомъ. Совершенно наравнѣ съ мужчиной и съ безусловной независимостью она можетъ владѣть землею, крѣпостными и по-своему располагать ими. Въ силу этихъ обстоятельствъ типъ «барыни-хозяйки» обрисовывается съ особою рельефностью. Этотъ же типъ утверждается въ теченіе отмѣченнаго выше семидесятилѣтняго періода, оканчивающагося лишь на порогѣ XIX столѣтія.

Анна и Елисавета, послѣ Екатерины I, отличались на престолѣ тою же патріархальной простотою, которую проявляла при управленіи своею вотчиною любая дворянка въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Герцогиня Мекленбургская [1]), присутствующая на представленіи трагедіи въ обществѣ иностраннаго дипломата (Бергхольца) и съ улыбкою объявляющая ему среди реплики, что актеръ, играющій короля—ея крѣпостной и передъ выходомъ на сцену получилъ двѣсти ударовъ,—является, по мнѣнію Валишевскаго, яркой иллюстраціей для характеристики того времени.

«Съ сестрою Петра Великаго, Натальей Алексѣевной, появляется новый типъ женщины-артистки, писательницы, служащій предвозвѣстникомъ въ будущемъ типа ученой женщины. И въ томъ быстромъ развитіи этого типа, которое мы наблюдаемъ въ наше время, нельзя, конечно, не признать извѣстной доли историческаго атавизма. Но, въ общемъ, исторія, какъ и обычай, были скорѣе неблагопріятны для развитія въ этой сферѣ чисто интеллектуальныхъ дарованій. На пятьсотъ знаменитостей, начиная съ легендарнаго Баяна, словарь Бантышъ-Каменскаго насчитываетъ только двѣнадцать женщинъ, и то крайне сомнительнаго свойства.

II.

По словамъ французскаго посланника Кампредона, Екатерина Алексѣевна не умѣла ни читать, ни писать, но черезъ три мѣсяца практики прилично подписывала государственныя бумаги.

[1]) Екатерина Іоанновна.

Между прочимъ, Валишевскій дѣлаетъ интересныя сопоставленія выдержекъ изъ книги расходовъ Екатерины за 1722—1725 г.г. «Цѣлый нравственный обликъ выступаетъ оттуда»,—замѣчаетъ онъ.—«Я съ удовольствіемъ вижу тамъ даже денежныя поощренія, оказанныя наукѣ: — пять дукатовъ одному солдату Преображенскаго полка, отправляющемуся въ Амстердамъ учиться, и двадцать дукатовъ автору какой-то французской грамматики. Но это и все. Главнымъ же образомъ щедроты касались дрессировщиковъ собакъ, огородниковъ, производившихъ рѣдкіе салаты, и жонглеровъ. Одинъ изъ послѣднихъ, ходящій на головѣ, получаетъ тридцать дукатовъ, тогда какъ царевна Наталія Алексѣевна получаетъ въ новомъ кошелькѣ—по случаю дня своего тезоименитства—только восемь. Въ мартѣ 1724 года княгиня Голицына удостоилась почти того же, что жонглеръ: двадцать три дуката за то, чтобы она оплакала смерть своей сестры. То здѣсь, то тамъ встрѣчаются проявленія человѣчности и состраданія. Русская женщина XVIII столѣтія благотворитъ и помогаетъ несчастнымъ. Въ этомъ отношеніи характерна набросанная Екатериною II сцена домашней жизни, визитъ племянника къ тетушкѣ, отъ которой онъ ожидаетъ наслѣдства. Чтобы добраться до нея, онъ долженъ перепрыгивать черезъ цѣлую толпу нищихъ, слѣпыхъ, калѣкъ. Переднія Екатерины I представляли подобное же зрѣлище. Туда ежедневно являлись солдаты, матросы, рабочіе, кто для того, чтобы хлопотать о помощи, кто для того, чтобы просить царицу соблаговолить быть крестной матерью его ребенка. Она никогда не отказывала, давала по нѣсколько дукатовъ каждому изъ своихъ крестниковъ. Она надѣляла приданымъ сиротъ, давала пенсіи ветеранамъ шведской войны, подавала священникамъ, монахамъ, приходившимъ славить Рождество Христово. Вотъ два дуката для крестьянина, жаловшагося, что онъ не въ состояніи заплатить подушную; а вотъ десять дукатовъ для другаго, который въ восемьдесятъ четыре года оказался способнымъ вскарабкаться на дерево. Одинъ большой расходъ въ сто тридцать два дуката, уплаченныхъ въ 1724 году (Екатерина располагала въ то время еще очень скромными средствами) за партію данцигской водки. Это указаніе получаетъ краснорѣчивое освѣщеніе на слѣдующихъ страницахъ: 25-го сентября 1725 года, уже послѣ смерти Петра, десять дукатовъ княгинѣ Анастасіи Голицыной (матери-игуменьѣ оргій предшествовавшаго царствованія) за то, что за столомъ ея величества она опорожнила два стакана англійскаго пива; 12-го октября двадцать дукатовъ ей же за то, что она выпила два стакана краснаго вина. Недѣлю спустя, такъ какъ, безъ сомнѣнія, княгиня Голицына уже выдѣлилась обильными возліяніями, ей подаютъ за ужиномъ дополнительный стаканъ съ пятнадцатью дукатами, положенными на днѣ. Она опоражниваетъ стаканъ

и беретъ деньги. Снова кладутъ пять дукатовъ въ другой стаканъ, но на этотъ разъ она отказывается отъ сдѣлки».

По вечерамъ при дворѣ бывали собранія въ самомъ интимномъ кружкѣ. По поводу этихъ собраній Кампредонъ писалъ: «Меншиковъ употребляется теперь только для дѣлъ. Ягужинскій причастенъ ко всему, когда приходитъ его очередь... Баронъ Левенвольде принадлежитъ, повидимому, къ числу лицъ, пользующихся наибольшимъ довѣріемъ... Девьеръ тоже изъ числа выдающихся фаворитовъ... Графъ Сапѣга также занимаетъ свой постъ... Это красивый юноша, хорошо сложенный, въ расцвѣтѣ силъ молодости. Ему часто посылаютъ букеты и драгоцѣнности... Имѣются еще и фавориты втораго класса»...

Екатерина Алексѣевна любила развлекаться, и на Кампредона и на его товарищей ея царствованіе производило впечатлѣніе безпрерывнаго праздника. «Эта государыня,—писалъ Кампредонъ 14-го октября 1725 года, — продолжаетъ предаваться удовольствіямъ нѣсколько чрезмѣрно, такъ что это можетъ отразиться на ея здоровьѣ». «Царица, сообщалъ онъ 22-го декабря 1725 года, — чувствовала себя довольно скверно послѣ дня св. Андрея. Кровопусканіе помогло ей, но такъ какъ она крайне дородна и ведетъ очень неправильную жизнь, то предполагаютъ, что съ ней случится что-либо, что̀ сократитъ ея жизнь».

Кампредонъ мечталъ въ то время о заключеніи франко-русскаго союза и въ своихъ донесеніяхъ говорилъ самымъ лестнымъ образомъ о «талантахъ» и «умѣ» государыни. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ воздавалъ должное храбрости и хладнокровію Екатерины, которой Петръ Великій приписывалъ свое спасеніе во время Прутскаго похода.

«Петръ нашелъ въ Маріенбургской плѣнницѣ подругу, отвѣчавшую его вкусамъ и привычкамъ, но никогда она не была возлѣ него чѣмъ-либо другимъ, какъ растеніемъ, вьющимся по могучему стволу. Дубъ упалъ, упало и оно. Воображая, что Россія послѣдовала бы за нею въ этомъ паденіи, современные наблюдатели заблуждались относительно того, что составляло сущность и величіе предшествующаго царствованія. Запальчивая энергія и героическая мощность реформатора дѣйствовали тогда на организмъ, мощный уже самъ по себѣ и способный существовать и даже развиваться, черпая элементы силы и развитія въ самомъ себѣ. Конечно, побудительная причина, которая заставила страну однимъ прыжкомъ перескочить черезъ стадіи прогресса, требующія въ другихъ мѣстахъ цѣлыхъ столѣтій, эта побудительная причина представлялась теперь отсутствующею. Масса народа, ничего не понявъ въ реформахъ, не имѣла ни желанія, ни возможности сохранить на этомъ пути, конечный пунктъ котораго ускользалъ отъ нея, того темпа, который начиналъ утомлять самого Петра. А для того, чтобы продолжать личное дѣло реформатора, его естественнымъ наслѣдникамъ, съ Мен-

шиковымъ во главѣ, не хватало одновременно ни руководящихъ идей, ни даже техническихъ познаній. Онъ засадилъ ихъ за работу, какъ самъ принялся за нее, безъ приготовленій, не установивъ соотношенія между объемомъ предстоящаго дѣла и способностями, не потрудившись посвятить своихъ сотрудниковъ въ общій планъ зданія, которое онъ предполагалъ воздвигнуть. Большинство не знало ни дѣйствительнаго смысла, ни конечнаго назначенія всѣхъ мелкихъ подробностей, выполненіе которыхъ поручалось имъ. Къ тому же, большинство было авантюристами, видѣвшими въ этомъ дѣлѣ заработокъ хлѣба или средство для возвышенія. Предоставленные самимъ себѣ, они отдались тому, что болѣе всего интересовало ихъ, и въ особенности занялись придворною политикою».

Такимъ образомъ, царствованіе Екатерины обозначало собою перерывъ въ начатой эволюціи. «Но, быть можетъ, это не было худо. Дѣйствительно, своими колоссальными размѣрами и своимъ блескомъ геній Петра какъ бы маскировалъ неспособность страны поддерживать, въ то время, во всемъ объемѣ, цивилизацію, которою подавляли ее. Равнымъ образомъ, при устройствѣ новаго порядка вещей, ускользнули отъ вниманія нѣкоторые недостатки слишкомъ поспѣшно задуманныхъ мѣропріятій, и эти недостатки обнаруживались уже послѣ. Въ этой странѣ заключались,—и ближайшее будущее должно было доказать это,—громадныя средства, но еще не пригодныя для того, чтобы быть утилизированными по научнымъ формуламъ западныхъ экономическихъ теорій; человѣческихъ жизней, какъ матеріала, храбрости и преданности, оказывалось въ избыткѣ, но было мало хорошо набитыхъ кошельковъ, было болѣе людей, готовыхъ пожертвовать своею жизнью для государя, чѣмъ плательщиковъ податей, имѣющихъ возможность внести хоть нѣсколько рублей въ его казну. Твердая вѣра преобразователя въ быстрое развитіе промышленности и торговли подвергалась жестокимъ ударамъ. Вмѣсто того, чтобы возростать, доходы проявляли наклонность къ тревожному паденію. Въ 1725 году доходовъ едва насчитывали до десяти милліоновъ—нищенство для великой европейской державы, которую нужно было поддерживать на извѣстной высотѣ, а въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ суждено было доходамъ спуститься до восьми милліоновъ. Это явленіе объясняется легко, если принять во вниманіе современное распредѣленіе соціальныхъ и экономическихъ силъ. Промышленный и коммерческій элементъ составлялъ въ 1722 году, во время первой ревизіи, лишь 2,9%, т. е. 172.000 на 6.000.000 человѣкъ населенія Великороссіи. Слѣдующій пятилѣтній періодъ ознаменовался лишь незначительнымъ улучшеніемъ, такъ какъ соотвѣтственно цифры возросли до 195.000 и 6.400.000. Въ отношеніи ко всей Имперіи эта статистика, скомбинированная съ данными, собранными современнымъ дипломатомъ, Ваке-

родтомъ, даетъ еще менѣе лестные результаты. Такъ какъ дворянство, чиновничество и духовенсто составляли 3,8%, 1,5% и 2,3% отъ общаго числа жителей въ 15.135.000 человѣкъ, то на податную часть буржуазіи приходится лишь 2,6%. А остальное? Остальное, т. е. около 90%— крестьяне. Этотъ же послѣдній классъ, единственный, дѣйствительно, производительный, какъ разъ и являлся отягощеннымъ новымъ порядкомъ существованія, навязаннымъ странѣ, и оказывался не въ состояніи переносить это бремя. Уже въ 1724 году по части подушной подати былъ недоборъ милліона рублей, т. е. 25%. Административная система, введенная Петромъ I, сама по себѣ должна была сдѣлать болѣе тягостнымъ неравномѣрное бремя, тяготѣвшее надъ этими единственными плательщиками. Въ основѣ этой системы лежали два начала, различныя по происхожденію и достоинству: коллегіальное устройство и призывъ къ содѣйствію мѣстныхъ силъ, явившіеся первое изъ-за границы, второй—результатомъ народныхъ традицій. Первое оказалось на практикѣ безусловно негоднымъ, и, упразднивъ его, наслѣдники великаго человѣка лишь повиновались инстинкту самосохраненія; что касается втораго, то онъ могъ и долженъ былъ дать прекрасные результаты въ будущемъ, но, въ отсутствіе Петра, примѣненіе его, которое пытались дѣлать, представлялось преждевременнымъ. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, реформа безъ реформатора походила на машину, которую лишили бы двигателя.

При своей геніальности, Петръ обладалъ вѣрою, двигающею горы. Чудеса подобнаго рода никогда не бываютъ продолжительны.

У его преемниковъ было довольно правильное сознаніе положенія, наслѣдованнаго ими; принимались мѣры для выясненія внутренняго положенія Россіи, указывались различные недостатки, но, конечно, найти средства для улучшенія было трудно, а искать ихъ не было времени: придворныя интриги, борьба партій поглощали умы. «Боролись за или противъ Меншикова, а въ промежуткѣ, для того, чтобы выйти изъ затрудненій, не придумали ничего другаго, какъ мало похвальный возвратъ къ практикѣ XVII вѣка, когда воеводы являлись въ своихъ провинціяхъ одновременно и администраторами, и судьями, и сборщиками податей. Такъ какъ положеніе не улучшалось, доходы продолжали падать, то покорились необходимости сократить расходы. Не только отказались отъ мысли закончить зданіе по вѣроятному плану геніальнаго архитектора, представлявшаго его себѣ въ мечтахъ, столь величественнымъ, но склонились къ тому, чтобы пожертвовать нѣкоторыми частями, уже возведенными, или для сооруженія которыхъ все было подготовлено. Даже въ области народнаго просвѣщенія, этого краеугольнаго камня цивилизаторскаго зданія, было предрѣшено соблюденіе самой строгой экономіи, и въ октябрѣ 1726 года появился указъ,

предписывавшій сліяніе свѣтскихъ школъ съ духовными семинаріями. Такимъ образомъ, однимъ почеркомъ пера уничтожалось одно изъ существеннѣйшихъ твореній реформы.

«Остался нетронутымъ одинъ лишь фасадъ съ его декоративнымъ видомъ, построенный Петромъ Великимъ нѣсколько на подобіе миража. Въ этомъ отношеніи Екатерина I даже какъ бы оправдывала горделивыя слова, которыми возвѣстила свое царствованіе, сказавъ, что съ Божьей помощью она надѣется окончить все, начатое ея супругомъ. Она покончила съ вопросомъ объ учрежденіи Академіи наукъ, что̀ великимъ человѣкомъ было оставлено въ видѣ проекта, и въ странѣ, въ которой девять десятыхъ обитателей не умѣло читать, озаботилась снаряженіемъ ученой экспедиціи Беринга, предрѣшенной въ предшествовавшее царствованіе. Берингъ былъ датчанинъ, какъ Блюментростъ, президентъ Академіи—нѣмецъ, и извлекая славу изъ ихъ работъ и ихъ подвиговъ, Россія отвлекала тѣ средства, которыхъ не хватало для болѣе неотложныхъ потребностей. Но, повидимому, эксцентричность во всевозможныхъ проявленіяхъ и въ различныхъ направленіяхъ входитъ въ составъ законовъ, управляющихъ развитіемъ этой страны».

Однако, при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ Россія оказывалась способной поддерживать внѣ своихъ предѣловъ политическое наслѣдіе Петра во всей его неприкосновенности. «Товарищи героя по оружію,— пишетъ Валишевскій,—Долгорукій, Матюшкинъ, Левашевъ, отстояли его завоеванія въ Персіи. Голицынъ оберегалъ новыя границы Имперіи со стороны Украйны, Менгденъ—со стороны Австріи, Бухгольцъ со стороны Сибири. Алексѣй Головкинъ въ Берлинѣ, его братъ Иванъ въ Гаагѣ, Куракинъ въ Парижѣ, Ланчинскій въ Вѣнѣ, Головинъ въ Стокгольмѣ, Неплюевъ и Румянцовъ въ Константинополѣ сохранили за только-что народившейся дипломатіей весь престижъ, который она могла пріобрѣсти. Даже въ Китаѣ графъ Савва Владиславовичъ-Рагузинскій успѣшно воздѣйствовалъ на мандариновъ, благодаря іезуитамъ, къ содѣйствію которыхъ онъ не поколебался прибѣгнуть съ той широтою воззрѣній, примѣръ которой подалъ Петръ. Съ другой стороны, съумѣвъ принять на жалованье Россіи несчастнаго царя Грузіи Вахтанга, эта дипломатія обнаружила широту и разнообразіе средствъ, которыми она располагала для разрѣшенія великой восточной задачи. А между тѣмъ и ей Петръ завѣщалъ положеніе, полное трудностей и опасностей».

Интересенъ, основанный на подлинныхъ документахъ, проектъ брака цесаревны Елисаветы Петровны съ королемъ французскимъ Людовикомъ XV.

Озабочиваясь улучшеніемъ взаимныхъ отношеній Россіи и Англіи, оставшихся послѣ смерти Петра Великаго крайне натянутыми (ди-

пломатическія сношенія были прерваны), французскій посланникъ Кампредонъ сталъ работать надъ заключеніемъ франко-русскаго союза, который повлекъ бы за собою и примиреніе Россіи съ Англіей, но это было зданіемъ, сооружавшимся на иллюзіи, такъ какъ Екатерина положила въ основу этого дѣла бракъ Людовика XV съ Елисаветой. Подлинное дѣло объ этихъ переговорахъ, подававшихъ поводъ къ многочисленнымъ недоразумѣніямъ, не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что вопросъ этотъ даже не подвергался въ Версали серьезному обсужденію. 11-го апрѣля 1725 года, давая аудіенцію Кампредону и говоря ему по-шведски, чтобы не быть понятой окружающими, Екатерина объявила французскому посланнику, что «французскіе дружба и союзъ предпочтительнѣе для нея, чѣмъ дружба и союзъ съ прочими державами континента». Такъ какъ императрица отказалась войти тотчасъ же въ болѣе подробныя объясненія, то къ Кампредону отправился Меншиковъ и открыто возбудилъ вопросъ о бракѣ, проявляя большую податливость къ тому, что Елисавета приняла бы католичество. Посланникъ могъ лишь высказать, что онъ крайне польщенъ предложеніемъ, и просилъ отсрочки, чтобы сообщить объ этомъ предложеніи въ Версаль и получить соотвѣтствующія инструкціи. Но прежде чѣмъ его курьеръ вернулся обратно, въ Петербургѣ стали говорить о бракѣ Людовика XV съ англійской принцессой. Это вызвало великое смятеніе, проявившееся готовностью пойти на худшее. На этотъ разъ посредникомъ Екатерины послужилъ герцогъ Гольштинскій, и Кампредонъ былъ увѣдомленъ, что она удовольствовалась бы герцогомъ Орлеанскимъ. Былъ отправленъ новый курьеръ. Отвѣтъ, привезенный имъ изъ Версаля, былъ такого свойства, что долженъ былъ положить конецъ всякимъ надеждамъ. Въ немъ выраженіе безконечной признательности соединялось съ самымъ категорическимъ отказомъ, едва скрашеннымъ нѣсколькими вѣжливыми фразами: опасались «неудобствъ, которыя, быть можетъ, возникли бы для царицы отъ того, что она вынудила бы цесаревну свою дочь на глазахъ всего народа перемѣнить религію».

Проектъ союза оказался похороненнымъ въ тотъ же день, когда въ Петербургѣ узнали смыслъ, если не содержаніе, этой депеши. Уже 8-го ноября 1725 года, посланнику было предписано бросить это дѣло, но такъ какъ онъ все упорствовалъ на своемъ, то въ декабрѣ ему дали знать, что ему рѣшительно нечего дѣлать при дворѣ Екатерины. Русскіе дипломаты старались лишь замаскировать свою неудачу и переговоры, уже завязанные съ Вѣнскимъ дворомъ. Кампредону они не были извѣстны. Ягужинскій открыто говорилъ о нихъ, обѣщая «заставить вскорѣ трепетать англичанъ и ихъ друзей».

Въ январѣ 1726 года, французскій посланникъ сообщилъ своему двору тревожную новость: императрица и Совѣтъ рѣшили напасть на

Данію, какъ только разойдется ледъ. Тогда въ Версали ни минуты не колебались, какъ отнестись къ этой угрозѣ. Тотчасъ же Кампредону, было предписано отвѣтить на нее «самыми сильными представленіями» съ предвареніемъ, что король не можетъ не принять участія во враждебныхъ дѣйствіяхъ, вызванныхъ подобнымъ шагомъ. Кампредонъ просилъ аудіенціи у императрицы, но не могъ добиться ея и, по своему представленію, получилъ приказаніе выѣхать, не откланявшись государынѣ».

III.

Петръ Великій ввелъ Россію въ круговоротъ сложныхъ политическихъ интересовъ Европы. Задача, ложившаяся на наслѣдниковъ великаго человѣка, была трудная, а между тѣмъ непосредственные преемники Петра не обладали всѣми необходимыми для этого данными. Не было у нихъ также ни его развязности, ни его смѣлости, ни его счастья. «Тѣмъ не менѣе,—пишетъ Валишевскій,—не смотря на недочеты съ ихъ стороны, Россія—нельзя отрицать этого—выходила побѣдительницей изъ своего положенія, благодаря сцѣпленію благопріятныхъ условій. Это обстоятельство являлось слѣдствіемъ воздѣйствія крайне естественныхъ причинъ: главнымъ образомъ, непреложной мощи національнаго инстинкта и безудержнаго проявленія силъ, скопившихся въ громадной Имперіи. Вслѣдствіе этого жизненные вопросы, входившіе въ составъ наслѣдства великаго человѣка, оказывались разрѣшенными если не самымъ выгоднымъ образомъ для замѣшанныхъ въ нихъ интересовъ, то, по крайней мѣрѣ, безъ непоправимаго ущерба для нихъ.

Останавливаясь на этомъ фактѣ, являются вопросы: какимъ образомъ это могло произойти? Вмѣшательство какихъ потаенныхъ силъ восполнило собою столь явный недостатокъ средствъ и способностей?

«Я,—пишетъ Валишевскій,—не съумѣю лучше отвѣтить на этотъ вопросъ, какъ войдя въ нѣкоторыя подробности о курляндскомъ дѣлѣ, которое Лефортъ зло назвалъ «бабьей войною», и которое можно считать большимъ дѣломъ царствованія, мало способнаго предпринять что-либо болѣе важное. Пружины, двигавшія внѣшней политикой Екатерины I, обнаруживаются въ немъ со всею ясностью.

«Въ 1698 году умеръ герцогъ Курляндскій, Фридрихъ-Казиміръ, оставившій послѣ себя вдову и шестилѣтняго сына, Фридриха-Вильгельма, опекуномъ котораго состоялъ его дядя, Фердинандъ. Въ 1709 году, при содѣйствіи Петра Великаго, Фридрихъ-Вильгельмъ вступилъ въ управленіе герцогствомъ, но въ слѣдующемъ году умеръ, вскорѣ послѣ

женитьбы на племянницѣ Петра, Аннѣ Іоанновнѣ. Наслѣдство досталось Фердинанду; но старый, отдавшійся набожности и состоявшій въ безпрестанныхъ распряхъ съ курляндскими чинами или съ Польшей, герцогъ жилъ въ Данцигѣ, предоставивъ митавскій дворецъ Аннѣ, а управленіе—тому, кто хотѣлъ или умѣлъ захватить его. Такъ управленіе съ ожесточеніемъ оспаривали польскій король, Рѣчь Посполитая, курляндскій сеймъ и Россія. Послѣдняя пользовалась наибольшимъ вліяніемъ, благодаря Бестужеву, назначенному Петромъ Великимъ гофмаршаломъ Анны Іоанновны. Бестужевъ былъ въ милости у Анны (пока его не смѣнилъ Биронъ) и помогалъ ей, какъ могъ, управлять курляндцами. Что же касается поляковъ, постоянно готовыхъ выпускать добычу въ погонѣ за тѣнью, то они въ особенности учитывали будущее, мечтая о Курляндіи, предлогомъ къ чему могла бы послужить смерть Фердинанда.

«Подобное рѣшеніе не удовлетворило бы ни Россію, ни Пруссію, ни даже короля польскаго, смутно мечтавшаго о герцогствѣ для одного изъ своихъ сыновей. Наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ для этого представлялось вторичное замужество Анны Іоанновны, и такъ какъ она ничего не имѣла противъ этого, то послѣдовательно было выдвинуто нѣсколько различныхъ кандидатовъ. Въ декабрѣ 1717 года Петръ подписалъ даже конвенцію съ Саксонскимъ дворомъ, обезпечивавшую руку герцогини и не принадлежавшее ей наслѣдство за герцогомъ Адольфомъ, Саксенъ-Вейссенфельскимъ. Такъ какъ этотъ проектъ не удался, то въ 1722 году Берлинъ предложилъ принца Карла Прусскаго. Затѣмъ пришла очередь принца Карла-Александра Виртембергскаго, который два года передъ этимъ уже пытался расположить въ свою пользу русскаго посланника въ Вѣнѣ, предложивъ ему дорогой перстень. Этимъ посланникомъ былъ никто иной, какъ Ягужинскій, и претендентъ не могъ выбрать болѣе дурнаго посредника. Постоянно соперничая съ Меншиковымъ и тѣснимый имъ, этотъ авантюристъ, находясь подъ хмѣлькомъ, охотно распространялся на тему, что Россія надоѣла ему: онъ мечталъ обосноваться въ Польшѣ и подготовлялъ себѣ друзей въ Варшавѣ и Дрезденѣ. Онъ сохранилъ перстень и бросилъ дѣло».

Другими кандидатами были принцъ Гессенъ-Гомбургскій и принцъ Ангальтъ-Цербскій, Іоганнъ-Фридрихъ. Что касается кандидатуры Морица Саксонскаго, то мысль объ этомъ зародилась, вѣроятно, въ плодовитомъ умѣ саксонскаго агента въ Петербургѣ, Лефорта. «Незаконный сынъ Августа II и красавицы Авроры Кенигсмаркъ (Морицъ) достигъ къ тому времени двадцати девятилѣтняго возраста и пріобрѣлъ репутацію самаго блестящаго и самаго развратнаго изъ офицеровъ. Ведя въ Парижѣ распутную жизнь, будучи отчаяннымъ игрокомъ, онъ, тѣмъ не менѣе, нашелъ возможность получить полкъ, и,

по тому, какъ онъ командовалъ имъ, въ немъ уже проглядывалъ будущій полководецъ».

Въ сентябрѣ 1725 года Анна Іоанновна находилась въ Петербургѣ, и одна изъ ея подругъ, по наущенію Лефорта, заговорила съ ней о красавцѣ, любовныя похожденія котораго наполняли хронику Парижа и Варшавы. Анна Іоанновна заинтересовалась имъ. Морицъ, увѣдомленный объ этомъ, съ своей стороны, ни минуты не колебался и, вырвавшись изъ объятій Адріенны Лекуврёръ, поспѣшилъ въ Польшу. Онъ уже былъ женатъ однажды, по денежнымъ соображеніямъ, на Викторіи фонъ-Лебенъ, и, послѣ громкаго развода, запутавшись въ долгахъ по уши, мечталъ о другой приданницѣ.

Въ Варшавѣ онъ встрѣтилъ депутацію отъ курляндскаго дворянства, которая, повидимому, уже получила соотвѣтствующія указанія отъ вдовствующей герцогини и немедленно предложила ему корону. Но въ Петербургѣ Лефортъ внезапно перемѣнилъ политику. Какъ разъ въ это время среди приближенныхъ Екатерины были заняты мыслью пріискать мужа для Елисаветы Петровны, и Лефортъ направилъ свои усилія въ эту сторону. Онъ поспѣшилъ послать Морицу портретъ Елисаветы Петровны, присовокупивъ въ видѣ приманки слѣдующія строки: «прекрасно сложена и прекраснаго средняго роста, круглое, очень изящное лицо, цвѣтъ лица прекрасенъ и чудная грудь». Затѣмъ онъ сообщалъ о готовности, съ которою будетъ встрѣчено предложеніе Морица.

Будучи поставленъ между двумя рѣшеніями, одинаково заманчивыми, юный герой очутился сначала въ затруднительномъ положеніи, не зная, на комъ остановить свой выборъ. Въ концѣ концовъ онъ счелъ болѣе вѣрнымъ сначала обосноваться въ Митавѣ при содѣйствіи Анны Іоанновны, а затѣмъ уже сообразить дальнѣйшее. Взглядъ стратега указалъ ему также, что въ данную минуту база предстоящихъ дѣйствій находится скорѣе въ Варшавѣ, чѣмъ въ Петербургѣ, и начало кампаніи какъ-бы оправдало его предположенія.

Въ апрѣлѣ 1726 года совѣтъ саксонскихъ министровъ постановилъ, что слѣдуетъ устроить избраніе Морица помощникомъ престарѣлаго герцога Курляндскаго. Король пошелъ дальше и разрѣшилъ декретомъ созывъ курляндскаго сейма, который долженъ былъ произвести это избраніе. Что касается согласія Россіи, то Морицъ, основываясь на данныхъ Лефорта, не сомнѣвался, что получитъ его, отправившись въ Петербургъ, подъ тѣмъ предлогомъ, найти который бралась его мать, хлопотавшая о нѣкоторыхъ земляхъ въ Эстляндіи.

Сначала, повидимому, все пошло какъ по маслу; одинъ изъ курляндскихъ депутатовъ, состоявшій въ то же время коммиссаромъ въ польской арміи въ Литвѣ и, по приказанію гетмана, разъѣзжавшій между Варшавой и Митавой, далъ самыя благопріятныя свѣдѣнія о

настроенія своихъ соотечественниковъ. Самъ литовскій гетманъ Потѣй, управляемый своей женою, выказалъ готовность оказать полную поддержку этой кандидатурѣ. «Онъ впутался въ это дѣло, какъ Адамъ въ грѣхахъ»—говорилъ о немъ Флеммингъ. Жена короннаго маршала Бѣлинскаго, побочная сестра Морица, тоже проявила большое рвеніе и одолжила графу свою посуду. Вообще, недостатка въ деньгахъ у этого баловня счастья не было. Правда, г-жа Кенигсмаркъ тщетно просила короля польскаго выкупить три большія жемчужины, вѣсившія до двухсотъ гранъ и цѣнившіяся въ двѣнадцать тысячъ экю, изъ которыхъ семь тысячъ она еще оставалась должною ювелиру. У нея не было ничего другаго, что бы она могла предложить сыну! Августъ, который разъ уже платилъ за нихъ, обѣщалъ, однако не сдержалъ слова. Но Андріенна Лекувреръ продала часть своихъ драгоцѣнностей и прислала сорокъ тысячъ ливровъ. Г-жа Потѣй почерпнула изъ шкатулки своего мужа, и Морицъ оказался снаряженнымъ приличнымъ образомъ.

Онъ уже готовился отправиться, какъ вдругъ его отецъ поддался угрызеніямъ совѣсти и опасеніямъ, которыя настроеніе умовъ въ Варшавѣ болѣе чѣмъ оправдывало. Такъ какъ въ дѣло были замѣшаны дамы, Бѣлинская и Потѣй, то предпріятіе не замедлило быть разглашеннымъ. Это вызвало громадное волненіе и всеобщій крикъ негодованія. Говорили, что, не довольствуясь тѣмъ, что онъ ввелъ своихъ незаконныхъ дочерей въ самыя знатныя семьи, Августъ хочетъ еще надѣлить своихъ побочныхъ сыновей кусками, вырванными изъ національнаго достоянія. Стали кричать о воровствѣ. Коронный канцлеръ Шембекъ, отказавшійся приложить свою печать къ декрету о созывѣ сейма, заговорилъ суровымъ образомъ; саксонскіе министры единодушно совѣтовали королю бросить задуманный планъ, и 21-го мая 1726 года, въ день, назначенный для отъѣзда Морица, къ нему явился графъ Мантейфель, изъ сбивчивыхъ словъ котораго вытекало, что король желаетъ, чтобы его сынъ остался въ Варшавѣ.

Снаряженный въ путь, графъ ожидалъ только рекомендательнаго письма къ русской императрицѣ, которое ему обѣщалъ его отецъ.

— Это приказъ?—спросилъ онъ.

— Повидимому, да.

— Я не хочу ослушаться короля, но если я не отправлюсь, все потеряно.

Мантейфель понялъ, что молодой человѣкъ рѣшилъ ослушаться полученнаго приказанія, и поспѣшилъ предупредить объ этомъ короля, который, находясь уже въ постели, не могъ принять его. «Русскіе историки,—замѣчаетъ Валишевскій,—склонны думать, что въ этотъ день Августъ сознательно ускорилъ время своего отправленія ко сну, и, быть можетъ, они правы. Морицъ дѣйствительно отправился ночью, предва-

рительно простившись съ нѣкоторыми дамами, которыхъ онъ увѣрялъ, что «очень прытокъ былъ бы тотъ, который нагналъ бы его». Потѣй далъ ему конвой изъ литовскихъ драгунъ».

Какъ разъ въ это время Кампредонъ покидалъ Россію и, проѣзжая черезъ Митаву, узналъ о пріѣздѣ графа. Ему передавали, что «онъ остановился въ домѣ барона Бера, сосѣднемъ съ домомъ, въ которомъ герцогиня Курляндская проводила лѣто; что онъ уже два раза былъ у нея съ визитомъ, и что его женитьба, какъ равно и избраніе, представляются несомнѣнными».

Дѣйствительно, Морицъ не терялъ времени. Отказавшись на время отъ мысли о Петербургѣ, онъ рѣшилъ быстро покончить съ дѣломъ въ Курляндіи. На деньги Андріенны Лекуврёръ и г-жи Потѣй онъ набралъ милицію; его воинственныя замашки вызвали восторгъ въ дворянствѣ, а развязныя манеры и великолѣпная наружность плѣнили вдовствующую герцогиню. Къ концу іюня онъ уже былъ избранъ преемникомъ герцога Курляндскаго.

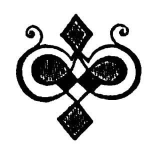
Морицъ воображалъ, что въ Петербургѣ, какъ равно и въ Варшавѣ, примирятся съ совершившимся фактомъ. Однако подъ давленіемъ шляхты, Августъ, котораго его сынъ называлъ непочтительно «королемъ на бумагѣ», былъ вынужденъ послать вслѣдъ за Морицемъ новый декретъ о воспрещеніи созыва сейма. Курляндцы, которые, по утвержденію Морица «столь же горячи, какъ французы», какъ будто намѣревались бросить королевскаго посла въ рѣку, но ихъ усердіе ограничилось однѣми демонстраціями. Въ Петербургѣ дѣла приняли еще худшій оборотъ. Анна Іоанновна поспѣшила написать Меншикову и Остерману относительно разрѣшенія ей выйти замужъ за графа. Въ тѣсномъ дамскомъ кругу, который Лефортъ съумѣлъ привлечь на сторону своего ставленника, это вызвало взрывъ радости. «Наши друзья и, въ особенности, женщины,—писалъ саксонскій агентъ,—не спятъ отъ этого... Если онъ (Морицъ) не явится скоро, то я опасаюсь, какъ бы онѣ не отправились къ нему на встрѣчу».

Однако еще 16-го мая 1726 года Верховный Совѣтъ высказался за другое рѣшеніе, остановивъ выборъ на епископѣ Любекскомъ, Карлѣ-Августѣ Гольштинскомъ, двоюродномъ братѣ мужа Анны Петровны, и вслѣдствіе этого Бестужевъ получилъ предписаніе заранѣе протестовать противъ избранія Морица. Правда, Меншиковъ былъ враждебенъ подобному рѣшенію, но побужденія, руководившія имъ, не имѣли ничего общаго съ интересами графа Саксонскаго. Меншиковъ мечталъ въ это время устроить себѣ какое-нибудь положеніе для будущаго и тайкомъ, при содѣйствіи генерала Ронна, курляндца, находившагося на службѣ Россіи, работалъ въ томъ направленіи, чтобы создать себѣ въ герцогствѣ партію. Его планы, которымъ онъ съумѣлъ снискать одобреніе

Екатерины, обнаружились внезапно въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда въ одинъ прекрасный день Екатерина появилась въ совѣтѣ и объявила, что она измѣнила свое намѣреніе и хочетъ предложить курляндскимъ избирателямъ выбрать самого Меншикова, получившаго приказаніе отправиться въ Митаву вмѣстѣ съ Василіемъ Лукичемъ Долгорукимъ, дипломатомъ Петровской школы, опытнымъ въ исполненіи трудныхъ порученій. Если-бы курляндцы не захотѣли его, то предполагалось предоставить имъ выборъ между Любекскимъ епископомъ и однимъ изъ принцевъ Гессенъ-Гомбургскихъ, находившимся на службѣ Россіи.

П.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Насѣкомыя въ Петропавловской крѣпости.

1.

Отношеніе товарища начальника Главнаго штаба графа Чернышева къ коменданту С.-Петербургской крѣпости, генералъ-адъютанту Сукину.

29-го января 1828 г. № 55.

Дошло до свѣдѣнія, что въ нѣкоторыхъ казематахъ С.-Петербургской крѣпости находится множество мокрицъ, таракановъ, прусаковъ и прочихъ насѣкомыхъ, которыя, кромѣ того, что внушаютъ отвращеніе, могутъ вредить и здоровью содержащихся въ оныхъ.

Сообщая о семъ вашему высокопревосходительству, покорнѣйше прошу приказать принять возможныя мѣры къ очищенію казематовъ отъ сихъ животныхъ.

Поводомъ къ этому отношенію послужило нижеслѣдующее письмо одного изъ поляковъ, заключенныхъ въ крѣпости по дѣлу декабристовъ:

«Мокрицы имѣютъ нынѣ у меня большія преимущества; оныхъ здѣсь есть множество, почти каждая величиною въ палецъ, черныя и мохнатыя. Всякій черный таракамъ напоминаетъ мнѣ ночлегъ вашъ, любезнѣйшая тетушка, на кораблѣ.—Однихъ только прусаковъ я истребляю, потому что они ночью лѣзутъ въ больные мои глаза, которые теперь стали не много лучше.—Я полагаю, что сіе происходитъ отъ мороза, который вытягиваетъ находящуюся сырость въ стѣнахъ и сводахъ моего жилища, которое отъ того дѣлается суше; но все глаза мои еще очень слабы и красны, какъ у кролика. Теперь настаетъ время самое критическое, ибо я полагаю, что скоро участь наша будетъ рѣшена; еще нѣсколько времени, можетъ быть, надежда, столь часто обманчивая и столь часто насъ оживляющая, снова на всегда будетъ потеряна и оную замѣнитъ прискорбіе. Для себя я ничего хорошаго

*

не предвѣщаю, потому что я совершенно спокоенъ, а сколько я могъ замѣтить, то сіе есть самымъ дурнымъ предназнаменованіемъ, хотя, впрочемъ, и силъ у меня недостаетъ для перенесенія несчастія. Бѣдная мать моя должна быть очень больна, что не выходитъ изъ комнаты, притомъ появился у нея и кашель послѣ лихорадки, и рука ея дрожитъ, когда она пишетъ, все сіе безпокоитъ меня. Да укрѣпитъ насъ Богъ для перенесенія бѣдствій нашихъ съ равнодушіемъ. Я думаю, что день вашего Ангела будетъ для васъ горестнымъ воспоминаніемъ, но, любезнѣйшая тетушка, о прошедшемъ нечего и думать, ибо оно болѣе не возвратится; еслибы сіе даже и было возможнымъ, то все-таки предбудущее время должно насъ болѣе занимать. Еслибы отъ рожденія до самой смерти человѣкъ занимался одною только будущностію, то жизнь его была бы предохранена отъ многихъ опасностей, коимъ подвержена наша судьба; впрочемъ, остается еще намъ надежда на милость Божію.

Напослѣдокъ желаю я вамъ успѣха во всѣхъ вашихъ дѣлахъ, но я думаю, что во всѣхъ случаяхъ благоразуміе наше весьма мало значитъ, и полагаю, что все будетъ къ лучшему, коль скоро мы употребляемъ возможное, чтобъ худаго не дѣлать; впрочемъ, надобно болѣе полагаться на Провидѣніе, которое ставитъ наравнѣ атомъ со вселенною. Простите, любезнѣйшая тетушка».

2.

Отношеніе генералъ-адъютанта Сукина—графу Чернышеву.

1-го февраля 1828 г. № 54.

На отношеніе вашего сіятельства ко мнѣ, отъ 29-го минувшаго января № 55, о принятіи возможныхъ мѣръ къ очищенію казематовъ отъ находящихся въ нѣкоторыхъ изъ нихъ множества мокрицъ, тараканов, прусаковъ и прочихъ насѣкомыхъ, которыя кромѣ того, что внушаютъ отвращеніе, могутъ вредить и здоровью содержащихся въ тѣхъ казематахъ, по полученіи нынѣ донесенія отъ плацъ-маіора здѣшней крѣпости полковника Щербинскаго, на предписаніе мое объ ономъ, имѣю честь отвѣтствовать, что не только въ нѣкоторыхъ, но вообще во всѣхъ казематахъ, гдѣ арестанты содержатся, вышеозначенныхъ насѣкомыхъ не видно, а появляются оныя только въ общей арестантской кухнѣ, но и тѣ по возможности истребляются посредствомъ сметанія, что̀ подтвердилось и личнымъ донесеніемъ мнѣ прикомандированнаго къ Санктпетербургской крѣпости штабъ-лѣкаря коллежскаго

совѣтника Элькана, посѣщающаго нерѣдко арестантовъ, требующихъ врачебной помощи. А сверхъ сего, когда и мнѣ случалось быть въ арестантскихъ казематахъ, я никогда не видалъ въ оныхъ помянутыхъ насѣкомыхъ, а слышалъ, что въ лѣтнее время появляются иногда въ нѣкоторыхъ арестантскихъ казематахъ мокрицы, или такъ называемыя стоножки, но рѣдко и не въ большомъ количествѣ; тараканы же и прусаки, какъ донесъ мнѣ плацъ-маіоръ Щербинскій, находятся въ казематахъ, занимаемыхъ квартированіемъ нижнихъ чиновъ, большею частію у женатыхъ и даже у офицеровъ, живущихъ съ семействами, по причинѣ сырости и чрезмѣрной теплоты, происходящей отъ варенія пищи и печенія хлѣбовъ. Совершенно же истребить ихъ въ сихъ послѣднихъ казематахъ весьма затруднительно, но по возможности живущими оные также истребляются.

Оставленіе въ 1812 году Москвы преосвященнымъ Августиномъ.

Письмо гр. Ростопчина—преосвященному Августину.

1-го сентября 1812 г.

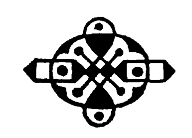
Нечаянное рѣшеніе князя Кутузова оставить Москву злодѣю должно рѣшить и ваше преосвященство отправиться немедля.—Но именемъ государя сообщаю вамъ, чтобы вы Владимірскую, Иверскую и Смоленскую Богоматерей взяли съ собою.—Народъ ночью сего не примѣтитъ, а предлогъ, что имъ хочетъ молиться войско.—Путь вашъ на Владиміръ.

Къ біографіи генералъ-адъютанта графа Остермана-Толстого.

Рескриптъ императора Александра генералу-отъ-инфантеріи барону фонъ-деръ-Остенъ-Сакену 1-му.

29-го апрѣля 1815 г. Вѣна.

Генералъ-адъютантъ графъ Остерманъ-Толстой, пожертвовавшій уже рукою на полѣ брани, въ знаменитомъ Кульмскомъ сраженіи, желаетъ паки, въ настоящую кампанію, быть на службѣ и предпочтительно при войскахъ вамъ ввѣренныхъ. Удовлетворяя столь подражанія достойному усердію сего отличнаго генерала, я отправляю его къ вамъ, дабы вы употребляли его вездѣ, гдѣ съ честію и пользою достоинства сего генерала могутъ новыя услуги отечеству оказать.

Изъ записокъ стараго офицера [1]).

(К. Мартенса).

II [1]).

Москва передъ вступленіемъ французовъ.–Отступленіе нашей арміи и переходъ ея на старую Калужскую дорогу.—Генералъ Винценгероде.—Взятіе его въ плѣнъ.—Переходъ нашей арміи за границу.—Императоръ Александръ въ монастырѣ Гриссау.—Неудачная попытка автора купить имѣніе въ Россіи.—Генералъ-губернаторъ кн. Хованскій.—Голодъ въ Могилевской губерніи въ 1820 году.—Злоупотребленія дворянства.—Слѣдствіе.—Свиданіе автора съ императоромъ Александромъ.—Результаты слѣдствія.—Отъѣздъ автора въ Германію.—Великій князь Константинъ Павловичъ.

При приближеніи французской арміи къ Москвѣ, аристократія покинула столицу. Ея дворцы опустѣли, и въ Москвѣ остались только высшія чиновныя лица, генералъ-губернаторъ графъ Ростопчинъ, гражданскій губернаторъ, у котораго мы остановились, и нѣсколько другихъ властей.

Въ домѣ гражданскаго губернатора съ утра до ночи толпились власти; у него бывалъ также графъ Ростопчинъ. Генералы высчитывали наши силы и силы французовъ; извѣстіе о предстоящемъ сраженіи при Бородинѣ побудило меня покинуть городъ и возвратиться съ своему полку.

Генералъ Дороховъ былъ устраненъ вслѣдствіе столкновеній, которыя онъ имѣлъ съ Платовымъ. Нашъ командиръ, графъ д'Олоннъ, оставилъ полкъ, боясь, какъ эмигрантъ, попасть въ руки французовъ, и полкъ принялъ маіоръ Розенбаумъ.

[1]) См. „Русскую Старину“ январь 1902 г.

Между тѣмъ армія, пройдя Москву, расположилась на высотахъ, окружающихъ городъ, и была подкрѣплена войсками, стянутыми поспѣшно съ разныхъ мѣстъ, и милиціею, которая была весьма плохо обучена и еще того хуже вооружена. Это была толпа ни чего незнающихъ мужиковъ. Кутузовъ понималъ, что въ сраженіи эта милиція будетъ не пригодна къ дѣлу, и потому употреблялъ ее только для прикрытія транспортовъ и охраны плѣнныхъ.

Я получилъ приказаніе состоять при генералъ-лейтенантѣ Панчулидзевѣ.

Армія перешла на старую Калужскую дорогу и послѣ сраженія при Бородино была въ разстроенномъ состояніи. Дивизіи и полки перемѣшались; большія дороги были переполнены отсталыми, телѣгами и повозками. Въ ночь съ 2-го (14-го) на 3-е (15-е) число мы увидѣли, что Москва горитъ. Я просилъ генерала уволить меня въ отпускъ и отправился въ главную квартиру, гдѣ находился фельдмаршалъ кн. Кутузовъ и генералы Беннигсенъ и Барклай-де-Толли. Я встрѣтилъ тамъ случайно ротмистра Нарышкина и ротмистра гвардіи князя Сергѣя Волконскаго, того самаго, который былъ замѣшанъ впослѣдствіи въ дѣлѣ 14-го декабря 1825 г. и сосланъ въ Сибирь.

Князь Волконскій былъ начальникомъ штаба корпуса генералъ-лейтенанта Винценгероде, который, получивъ приказаніе прикрывать дорогу отъ Москвы въ Тверь, перешелъ на нее съ нѣсколькими казачьими полками и съ нашимъ гусарскимъ полкомъ. Главная квартира генерала находилась между Москвою и Клиномъ. Князь Волконскій предложилъ мнѣ сопровождать его туда и остаться въ свитѣ генерала; такъ какъ я былъ очень утомленъ, а намъ приходилось по пути въ Клинъ сдѣлать огромный крюкъ по большой дорогѣ, которая вела во Владиміръ и Ярославль, то я не поѣхалъ съ княземъ, а послѣдовалъ за нимъ на слѣдующій день.

Я добрался благополучно до Клина и явился генералу Винценгероде. Повсюду бродили мародеры и непріятельскіе фуражиры, коихъ мы взяли множество въ плѣнъ. Я подвергся при этомъ большой опасности. Одинъ крестьянинъ сообщилъ мнѣ, что человѣкъ двадцать французовъ грабили сосѣднее село. Я поскакалъ туда съ гусарами. Изъ одного дома выскочило трое французовъ, которые прицѣлились въ меня на разстояніи десяти шаговъ, но всѣ три ружья дали осѣчку, и французы были изрублены.

Крестьяне привели меня къ очень глубокому колодцу и показали, что онъ былъ наполненъ трупами убитыхъ французовъ, которыхъ они туда бросали. Ежедневно приходилось быть свидѣтелемъ подобныхъ сценъ, приводившихъ мало-мальски сострадательнаго человѣка въ ужасъ.

Между тѣмъ прошелъ слухъ, что Наполеонъ оставилъ Москву, чтобы

стать во главѣ арміи, но что онъ очень упалъ духомъ, что здоровье его сильно пострадало и что вслѣдствіе наступившихъ холодовъ онъ почти не въ состояніи былъ ѣздить верхомъ и работать такъ дѣятельно, какъ прежде.

Въ тотъ же день одинъ казачій офицеръ привезъ мнѣ приказаніе генерала Винценгероде передать командованіе отрядомъ этому офицеру, а самому поспѣшить въ его главную квартиру. Генералъ принялъ меня безъ свидѣтелей. Онъ былъ въ одномъ бѣльѣ и долго ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, попыхивая изъ своей трубки и не говоря ни слова.

— Мы должны идти въ Москву,—сказалъ онъ наконецъ.—Наполеонъ оставилъ ее. Тамъ находится еще Мортье съ 1.800 чел. Иловайскій донесъ мнѣ, что онъ занялъ Тверскую заставу со своими казаками. Слѣдуйте за мною, мои дрожки запряжены.

Въ ту минуту, какъ мы садились въ дрожки, подошелъ ротмистръ Нарышкинъ и сталъ умолять генерала взять его съ собою вмѣсто меня; генералъ согласился, и Нарышкинъ поѣхалъ съ нимъ.

Когда они подъѣхали къ Тверской заставѣ, то вмѣсто казаковъ генерала Иловайскаго увидѣли французовъ. Они махали платками, дѣлая видъ, что пріѣхали парламентерами; но, не смотря на это, были взяты въ плѣнъ.

Вскорѣ послѣ этого мы получили извѣстіе, что Москва окончательно очищена отъ непріятеля, а 10-го (22-го) октября мы вступили туда вмѣстѣ съ первыми передовыми отрядами русскихъ войскъ. Городъ былъ почти совершенно пустъ. На улицахъ можно было встрѣтить только нѣмцевъ, французовъ, актеровъ, ремесленниковъ и нѣсколько сотъ человѣкъ простонародья. Всѣ деревянные дома и лачуги, находившіеся между большими каменными палатами, сдѣлались жертвою пламени; но многіе каменные дома уцѣлѣли со всею обстановкой. Генералъ Бенкендорфъ и я, исполнявшій при немъ должность адъютанта, заняли домъ кн. Шаховскаго близъ Тверскаго бульвара.

Въ одномъ изъ полуобгорѣвшихъ дворцовъ мы нашли вполнѣ благоустроенную фабрику фальшивыхъ бумагъ, всѣ нужные для этого машины и инструменты, массу готовыхъ ассигнацій. Онѣ были сдѣланы такъ искусно, что почти не было возможности отличить ихъ отъ настоящихъ.

Получивъ извѣстіе о взятіи въ плѣнъ генерала Винценгероде, князь Кутузовъ приказалъ генералу графу Сенъ-Пріесту принять начальство надъ нашимъ корпусомъ, а императоръ Александръ, получивъ о томъ донесеніе, со своей стороны прислалъ къ намъ съ тою же цѣлью ген.-ад. Кутузова, двоюроднаго брата главнокомандующаго. Оба генерала прибыли въ Москву одновременно, и между ними возникъ споръ,

который по именному приказанію государя былъ рѣшенъ въ пользу Кутузова. Императоръ желалъ, чтобы этимъ корпусомъ командовалъ человѣкъ, коему онъ далъ словесно приказанія относительно сношеній съ Тверью, такъ какъ съ этой стороны онъ видимо не былъ еще покоенъ.

Какъ только въ Петербургъ дошли извѣстія о неудачѣ, постигшей французскую армію и о ея несчастномъ отступленіи, къ намъ тотчасъ полетѣло несмѣтное число камеръ-юнкеровъ, адъютантовъ и другихъ баловней судьбы, желавшихъ пожать плоды похода, поступивъ въ армію маіорами и полковниками. Ихъ назначали командующими казачьими отрядами; они брали въ плѣнъ замерзшихъ французовъ и получали за это награды, забирали застрявшія въ снѣгу орудія и получали за то орденъ св. Георгія.

— Мы покажемъ французамъ, что такое русскіе,—говорили они при каждомъ удобномъ случаѣ, потряхивая эполетами и крестами, полученными за совершенные ими подвиги.

Намъ было приказано оставить Москву и идти къ Вильнѣ. Я не получилъ никакого опредѣленнаго назначенія и слонялся безъ всякаго дѣла въ свитѣ генерала Кутузова, ѣлъ, пилъ и спалъ. Непріятеля нигдѣ не было видно. На занесенныхъ снѣгомъ поляхъ и дорогахъ среди сгорѣвшихъ хижинъ валялись трупы французовъ, погибшихъ отъ холода и голода.

Отморозивъ себѣ ногу, я попросилъ уволить меня въ отпускъ и поѣхалъ для возстановленія своихъ силъ въ Витебскъ, гдѣ узналъ, что генералъ Винценгероде и ротмистръ Нарышкинъ были освобождены.

Въ скоромъ времени Нарышкинъ, ѣздившій въ Петербургъ и произведенный между тѣмъ въ полковники, долженъ былъ отправиться въ Вильно, въ главную квартиру императора Александра.

Послѣ сраженія при Бауценѣ наши войска вступили въ Силезію. Было заключено перемиріе, и начались мирные переговоры въ Прагѣ. Демаркаціонная линія, раздѣлявшая обѣ арміи, тянулась отъ границы Богеміи до Гамбурга. На этой линіи лежалъ монастырь Гриссау (гдѣ я бывалъ неоднократно въ то время, когда жилъ въ Германіи).

Мое здоровье немного поправилось, и я совершилъ маленькую поѣздку въ Гриссау, чтобы посѣтить моихъ старыхъ друзей, монаховъ.

Мое появленіе видимо встревожило обитателей монастыря. Настоятель не вышелъ ко мнѣ; монахи куда-то попрятались. Только одинъ изъ нихъ, съ которымъ я былъ нѣкогда въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ, остался со мною, и мы задушевно бесѣдовали, расхаживая по монастырскому двору. Вдругъ у входной двери зазвонили въ колоколъ, двери отворились, и во дворъ монастыря въѣхала коляска, запряженная четверкою почтовыхъ лошадей, и остановилась у главныхъ дверей монастырскаго зданія. Въ этой коляскѣ сидѣли два

русскихъ офицера въ простыхъ сюртукахъ и фуражкахъ; ихъ сопровождало два денщика. Они выпрыгнули изъ экипажа и поднялись по лѣстницѣ въ большое зало, окна котораго выходили на монастырскій дворъ. Я тотчасъ узналъ въ одномъ изъ офицеровъ императора Александра, а въ другомъ—генералъ-адъютанта князя Волконскаго. Монахъ провелъ меня въ корридоръ, откуда можно было видѣть происходившее въ залѣ. Императора никто не встрѣтилъ, ни игуменъ, ни монахи. Александръ потиралъ нетерпѣливо руки, въ волненіи расхаживалъ взадъ и впередъ по залу и подходилъ ежеминутно къ окну.

Наконецъ, у воротъ снова раздался звонокъ, и во дворъ въѣхала вторая коляска, въ которой сидѣли двѣ дамы. Императоръ протянулъ руки къ окну и привѣтствовалъ ихъ. Дамы поднялись въ залъ; императоръ сердечно обнялъ ихъ Я узналъ великую княгиню Анну Ѳеодоровну, разведенную супругу великаго князя Константина Павловича, и герцогиню де-Саганъ, дочь вдовствующей герцогини курляндской. Они стали оживленно бесѣдовать, и великая княгиня Анна много плакала во время разговора.

Герцогиня де-Саганъ, бывшая въ весьма дружественныхъ отношеніяхъ съ Меттернихомъ, говорила съ императоромъ весьма серьезно. Князь Волконскій вышелъ во дворъ и приказалъ слугамъ вынуть изъ коляски императора нѣсколько маленькихъ, очень тяжелыхъ ящичковъ, которые были положены въ экипажъ герцогини де-Саганъ. Когда это было окончено, высокіе посѣтители обнялись; императоръ поѣхалъ въ Рейхсбахъ, а герцогиня де-Саганъ въ Прагу. Три дня спустя послѣ ея пріѣзда въ этотъ городъ конгрессъ былъ распущенъ, и Австрія объявила себя противъ Франціи.

Недовольный своей службою въ Россіи, Мартенсъ уѣхалъ въ Германію, гдѣ ему не удалось однако устроиться, какъ онъ того желалъ, и онъ снова возвратился послѣ четырехлѣтняго отсутствія въ Петербургъ. Но и тутъ ему нелегко было пристроиться.

«Я скоро убѣдился въ томъ, что мнѣ въ Петербургѣ нечего было ожидать,—читаемъ въ его воспоминаніяхъ. Изъ прежнихъ друзей одни перемерли, другіе разъѣхались; тѣ же, которыхъ я еще встрѣтилъ въ столицѣ, «плыли по теченію», и отъ нихъ мнѣ нечего было ожидать. Тѣмъ не менѣе я рѣшилъ попытать счастья и, написавъ прошеніе на имя императора о принятіи меня снова на службу, отправился съ нимъ въ Царское Село и передалъ его князю Волконскому, но онъ возвратилъ мнѣ прошеніе, сказавъ, что не можетъ подать его государю, такъ какъ о вторичномъ принятіи меня на службу не можетъ быть и рѣчи.

Успѣвъ собрать кое-какія крохи изъ моего состоянія, я рѣшилъ

начать съ этимъ маленькимъ капиталомъ какое-нибудь дѣло. Чрезъ одного пріятеля я познакомился случайно съ г-жею Синявиной, рожденной княжной Мещерской, которая владѣла въ Устюжскомъ уѣздѣ, Тверской губерніи, прекраснымъ имѣніемъ съ 354 душъ крестьянъ и желала его продать. Она сообщила мнѣ свое намѣреніе и просила найти ей покупателя. Цѣна, назначенная ею за имѣніе, была такъ незначительна, что я вскорѣ убѣдился, что эта покупка была очень выгодная и что имѣніе можно было перепродать въ три-дорога. Къ тому же изъ этого имѣнія какъ разъ пріѣхали въ Петербургъ трое крестьянъ, съ которыми помѣщица уполномочила меня переговорить обо всемъ. Когда они услыхали, что г-жа Синявина хочетъ продать ихъ, то сознались мнѣ откровенно, что они очень боятся попасть въ руки ея наслѣдниковъ, весьма суровымъ и безчеловѣчнымъ. Побывавъ у меня нѣсколько разъ, они сдѣлались еще довѣрчивѣе и умоляли меня купить ихъ и отпустить на волю, предлагая мнѣ по 1.000 р. за душу мужскаго пола.

Я рѣшилъ пріобрѣсти имѣніе, заключилъ договоръ съ помѣщицей, далъ ей задатокъ и условился уплатить ей деньги по прошествіи трехъ мѣсяцевъ. Поѣхавъ въ Москву для устройства денежныхъ дѣлъ, я осмотрѣлъ по пути имѣніе и убѣдился въ томъ, что я сдѣлалъ очень выгодное пріобрѣтеніе, какъ вдругъ всѣ мои планы неожиданно рушились.

Однажды утромъ ко мнѣ явился московскій оберъ-полиціймейстеръ, полковникъ Равинскій, въ сопровожденіи своего помощника и двухъ казаковъ и передалъ мнѣ полученное изъ Петербурга московскимъ генералъ-губернаторомъ княземъ Голицынымъ приказаніе потребовать у меня договоръ, заключенный съ г-жею Синявиной, а въ случаѣ отказа съ моей стороны, немедленно арестовать меня и силою взять у меня заключенный договоръ.

Я передалъ договоръ Равинскому, но попросилъ дать мнѣ въ полученіи его росписку, за подписью его и его помощника.

Въ тотъ же день я сообщилъ о случившемся директору канцеляріи генералъ-губернатора, статскому совѣтнику Шафонскому; онъ сказалъ мнѣ, что слухъ о томъ, будто я хочу отпустить крестьянъ на волю, проникъ въ имѣніе г-жи Синявиной; что объ этомъ узнали ея наслѣдники, донесли о томъ въ Петербургъ и выставили въ своемъ донесеніи на видъ, что освобожденіе этихъ крестьянъ будетъ сигналомъ къ возстанію крѣпостныхъ во всемъ уѣздѣ; поэтому правительство потребовало, чтобы г-жа Синявина нарушила заключенный со мною договоръ.

Въ 1823 и 1824 г.г. я совершилъ нѣсколько поѣздокъ во внутреннія губерніи Россіи и прожилъ нѣкоторое время въ губерніяхъ Могилевской и Витебской. Я гостилъ въ имѣніи одного моего пріятеля близъ Могилева, когда получилось извѣстіе о назначеніи генералъ-лейтенанта князя Хованскаго генералъ-губернаторомъ четырехъ губерній: Моги-

левской, Витебской, Смоленской и Калужской. Вскорѣ послѣ этого я получилъ отъ него письменное приглашеніе пріѣхать къ нему въ Витебскъ, который онъ избралъ мѣстомъ своего жительства. Я знавалъ князя лѣтъ 20 тому назадъ въ Ригѣ, Дерптѣ и Москвѣ и считалъ его всегда человѣкомъ справедливымъ и просвѣщеннымъ; поэтому его приглашеніе было мнѣ весьма пріятно.

Князь принялъ меня дружески и послѣ обѣда сообщилъ, что государь повелѣлъ ему какъ можно поспѣшнѣе представить докладъ о состояніи двухъ Бѣлорусскихъ губерній, Могилевской и Витебской, но что онъ вовсе не знакомъ съ этой мѣстностью и поэтому проситъ меня написать это донесеніе. Для меня это не составило никакого труда, такъ какъ я имѣлъ обыкновеніе, пріѣзжая въ какую-либо мѣстность, тотчасъ заняться изученіемъ ея въ торговомъ, сельско-хозяйственномъ, промышленномъ и политическомъ отношеніяхъ. По прошествіи нѣсколькихъ дней я представилъ князю обстоятельное донесеніе. Онъ былъ весьма доволенъ и, облекши его въ подобающую форму, послалъ въ Петербургъ. Въ то же время онъ назначилъ меня состоять при немъ чиновникомъ особыхъ порученій.

Слухъ о моемъ назначеніи вскорѣ сдѣлался извѣстенъ въ губерніи, и нѣсколько дней спустя ко мнѣ явился изъ Могилева одинъ помѣщикъ по имени Мерзіевскій (Mierzievski), съ которымъ я ранѣе былъ знакомъ, и разсказалъ мнѣ о крупномъ злоупотребленіи, учиненнымъ Могилевскимъ губернскимъ правленіемъ съ вѣдома губернатора.

Такъ какъ эта исторія составляетъ любопытную иллюстрацію къ исторіи судебнаго дѣла въ Россіи, то я нахожу нужнымъ изложить ее подробно.

Въ 1820 г. въ Могилевской губерніи былъ большой неурожай, вызвавшій нѣсколько лѣтъ спустя страшный голодъ. Населеніе этой губерніи состоитъ изъ землевладѣльцевъ-дворянъ съ ихъ крѣпостными крестьянами и изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ или шляхтичей, которые представляютъ собою не что иное, какъ свободныхъ крестьянъ. Крѣпостные, шляхтичи и евреи, жившіе въ этой губерніи, буквально умирали тысячами отъ голода. По большимъ дорогамъ бродили мужчины, женщины и дѣти, отыскивая пропитаніе; дороги были усѣяны трупами. Императоръ Александръ, проѣзжая на югъ, былъ свидѣтелемъ этого душу раздирающаго зрѣлища. Глубоко потрясенный, онъ приказалъ представить ему обстоятельное донесеніе о причинахъ голода. Въ донесеніяхъ губернатора и предводителя дворянства говорилось, что причиною голода былъ неурожай, повторявшійся нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, и отсутствіе денегъ на закупку зерна для посѣвовъ. Получивъ это донесеніе, императоръ пожаловалъ нѣсколько милліоновъ рублей и приказалъ распредѣлить ихъ слѣдующимъ образомъ:

1) Деньги должны были раздаваться населенію во всѣхъ уѣздахъ губерніи.

2) Въ каждомъ уѣздѣ повелѣно было учредить коммиссію изъ помѣщиковъ, предводителя дворянства, уѣзднаго полиціймейстера, исправника и прочихъ властей подъ предсѣдательствомъ предводителя дворянства.

3) Эта коммиссія должна была какъ можно скорѣе закупить зерно, устроить склады и роздать нуждающимся хлѣбъ и сѣмена и

4) Все это должно было выдаваться натурою, а отнюдь не деньгами. Зная, какія могли при этомъ возникнуть злоупотребленія, императоръ поставилъ это послѣднее непремѣннымъ условіемъ.

Но какъ только деньги были получены, уѣздные предводители дворянства съ губернскимъ предводителемъ во главѣ предложили губернатору, за извѣстное ими назначенное вознагражденіе, передать деньги прямо въ руки предводителей, на что тотъ и согласился.

Получивъ эти деньги, предводители роздали ихъ помѣщикамъ-дворянамъ. Шляхтичи и крѣпостные ничего не получили. Зерна закуплено не было, склады не были учреждены; голодъ продолжался; болѣе 80-ти тысячъ людей ушли въ сосѣднія губерніи, гдѣ они частью погибли, частью нашли пріютъ у сострадательныхъ помѣщиковъ и крестьянъ. Все это сообщилъ мнѣ Мерзіевскій. Не смотря на поздній часъ, я отправился къ князю Хованскому и передалъ ему слышанное. Хованскій тотчасъ послалъ за Мерзіевскимъ, долго говорилъ съ нимъ и поручилъ мнѣ изложить письменно мнѣніе, какимъ образомъ можно было раскрыть это дѣло. Я предложилъ Мерзіевскому остановиться у меня и приказалъ строго слѣдить за нимъ. Было рѣшено, что онъ поѣдетъ къ двумъ предводителямъ, коихъ онъ считалъ самымъ глупыми, и убѣдить ихъ открыть всю правду. Онъ сказалъ предводителямъ, что правительству все извѣстно, что виновнымъ угрожаетъ кнутъ и Сибирь и что единственное средство спасенія,—это подать письменное заявленіе, въ которомъ они разскажутъ всю правду, и напишутъ, что мучимые угрызеніями совѣсти они рѣшили во всемъ сознаться, и просятъ императора помиловать ихъ.

Предводители, перепуганные, тотчасъ написали показаніе и пріѣхали съ Мерзіевскимъ ко мнѣ въ Витебскъ; это было ночью. Не ожидая разсвѣта, я приказалъ тотчасъ разбудить князя и представилъ ему обоихъ предводителей и подписанное ими показаніе. Между тѣмъ князь имѣлъ неосторожность пригласить къ себѣ оршинскаго предводителя и допросить его. Этотъ хитрый, гордый и энергичный человѣкъ отпирался во всемъ и потребовалъ, чтобы было произведено слѣдствіе и чтобы лживый доносчикъ былъ строго наказанъ. Я настоялъ на томъ, чтобы предводитель былъ немедленно арестованъ, но онъ уже успѣлъ уѣхать

въ Могилевъ и поднялъ тамъ тревогу. Въ эту грязную исторію оказались замѣшанными губернаторъ, все губернское правленіе и всѣ дворяне съ ихъ предводителями. Дѣло осложнялось тѣмъ, что губернаторъ, точно также какъ губернскій предводитель дворянства, были въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ фельдмаршаломъ графомъ Сакеномъ, командовавшимъ первой арміей, главная квартира коего находилась въ Могилевѣ; фельдмаршалъ и князь Хованскій были между собою на ножахъ, а губернскій предводитель дворянства былъ женатъ на русской, родственники которой занимали видное мѣсто при дворѣ и пользовались благоволеніемъ государя. Въ Петербургъ тотчасъ поскакали курьеры и эстафеты.

Дворянство Витебской губерніи, имѣвшее родственныя связи съ дворянствомъ Могилевской губерніи, взволновалось. Большія суммы денегъ были собраны и посланы въ Петербургъ, чтобы предотвратить грозу. Князь Хованскій стоялъ одиноко, не имѣлъ въ провинціи никакихъ связей и могъ положиться единственно на своего друга генерала Дибича, по ходатайству котораго онъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ.

Получивъ открытое предписаніе ко всѣмъ гражданскимъ и военнымъ властямъ, я поѣхалъ немедленно въ сопровожденіи двухъ жандармовъ въ имѣніе губернскаго предводителя, отстоявшее отъ Могилева въ 42 верстахъ. Проѣзжая чрезъ этотъ городъ, я попросилъ послать вслѣдъ за мною какъ можно скорѣе еще шесть жандармовъ. Пріѣхавъ къ предводителю, я потребовалъ, чтобы онъ разослалъ немедленно ко всѣмъ уѣзднымъ предводителямъ эстафеты и пригласилъ бы ихъ явиться къ нему. Когда онъ отвѣчалъ на это съ гордой улыбкой отказомъ, то я показалъ ему данное мнѣ предписаніе и сказалъ, что я тотчасъ арестую его и пошлю подъ конвоемъ жандармовъ въ Витебскъ. Онъ притихъ и разослалъ эстафеты. Предводители съѣхались. Мнѣ пришлось не мало повозиться съ ними. Всѣ они клялись въ томъ, что доносъ не что иное, какъ самая постыдная ложь, и когда я потребовалъ, чтобы каждый изъ нихъ изложилъ письменно, гдѣ именно устроены склады и гдѣ закуплено зерно, то они отказались дать эти показанія подъ предлогомъ, что это оскорбленіе ихъ дворянскаго званія. Мнѣ ничего не оставалось, какъ приказать жандармамъ запречь ихъ сани и объявить предводителямъ, что они должны будутъ ѣхать вмѣстѣ со мною въ Витебскъ. Это подѣйствовало, и они написали требуемыя мною показанія, въ которыхъ не было впрочемъ ни слова правды.

Я возвратился въ Витебскъ черезъ двое сутокъ, но уже не засталъ князя. Тотчасъ послѣ моего отъѣзда онъ получилъ предписаніе немедленно явиться въ Петербургъ и приказалъ мнѣ послать ему туда донесеніе. Такъ какъ я слышалъ въ Могилевѣ отъ одного изъ моихъ пріяте-

лей, что фельдмаршалъ графъ Сакенъ, играя въ вистъ съ губернаторомъ, сказалъ, смѣясь: «Мы отдѣлаемся отъ этого жида (князя Хованскаго)», то, предвидя, что князю угрожала опасность, я рѣшилъ тотчасъ самъ отправиться въ Петербургъ. Съ трудомъ удалось мнѣ получить отъ витебскаго губернатора курьерскую подорожную, безъ которой я не могъ бы получать лошадей безъ задержанія; пришлось даже пустить въ дѣло угрозы; я взялъ съ собою Мерзіевскаго. Пріѣхавъ въ столицу, я узналъ, что императоръ чрезвычайно озлобленъ и приказалъ князю произвести строжайшее слѣдствіе.

Съ этой цѣлью была назначена подъ предсѣдательствомъ смоленскаго губернскаго предводителя дворянства коммиссія, въ составъ которой вошли смоленскій губернскій прокуроръ, Мерзіевскій и я.

Когда всѣ необходимыя формальности были выполнены и день моего отъѣзда назначенъ, я обѣдалъ на прощаньи у князя вмѣстѣ съ генераломъ Сабиромъ и однимъ лицомъ, назвать котораго я не имѣю права. Генералъ былъ закадычнымъ другомъ князя. Онъ служилъ въ вѣдомствѣ путей сообщенія и, пользуясь особымъ покровительствомъ великой княгини Екатерины Павловны, супругъ которой, герцогъ Ольденбургскій, былъ прежде главноуправляющимъ этого вѣдомства, онъ сдѣлалъ быструю и блестящую карьеру. За столомъ подробно обсуждали возложенное на меня порученіе, и князь и его два друга настоятельно совѣтовали мнѣ дѣйствовать какъ можно энергичнѣе и клялись всѣми святыми, что они окажутъ мнѣ всевозможное содѣйствіе. Я былъ настолько добродушенъ и довѣрчивъ, что повѣрилъ имъ. Послѣ обѣда князь поѣхалъ къ генералу Дибичу, чтобы еще разъ переговорить съ нимъ объ этомъ дѣлѣ. Едва успѣлъ онъ уѣхать, какъ появился адъютантъ с.-петербургскаго генералъ-губернатора графа Милорадовича и предложилъ мнѣ немедленно отправиться вмѣстѣ съ нимъ къ графу. Я колебался, не зная, что дѣлать. Однако я рѣшился послѣдовать за адъютантомъ, написавъ предварительно князю нѣсколько словъ. Генералъ Милорадовичъ сказалъ мнѣ, что я долженъ отправиться вмѣстѣ съ его адъютантомъ въ Зимній дворецъ, гдѣ я получу дальнѣйшія приказанія. Мы немедленно отправились туда, и адъютантъ провелъ меня въ зало, смежное съ внутренними покоями императора, гдѣ онъ представилъ меня человѣку, одѣтому въ статское платье и не имѣвшему никакихъ знаковъ отличія. Когда офицеръ удалился, то этотъ человѣкъ сказалъ мнѣ: «вы увидите сейчасъ императора».

Вслѣдъ за тѣмъ онъ открылъ боковую дверь и предложилъ мнѣ войти въ сосѣднюю комнату. Посреди этой комнаты стоялъ государь въ простомъ сюртукѣ.

— Подойдите ближе,—сказалъ онъ.

Я замѣтилъ, что его лицо выражало величайшее неудовольствіе и

заботу; помолчавъ съ минуту и пристально смотря на меня, императоръ сказалъ:

— Вы взяли на себя трудное дѣло и большую отвѣтственность. Я надѣюсь, что вы человѣкъ честный, неподкупный. Хованскій также вполнѣ полагается на васъ. Это грязная исторія, дѣйствуйте энергично. Я васъ не забуду. Это дѣло мнѣ близко къ сердцу; моимъ довѣріемъ позорно злоупотребили. Поѣзжайте съ Богомъ.

Сказавъ это, онъ сдѣлалъ мнѣ знакъ, что я могу идти. Я удалился, сдѣлавъ безмолвный поклонъ. Когда я уже открылъ двери, то государь крикнулъ мнѣ вслѣдъ:

— Никакихъ полумѣръ,—слышите,—никакихъ полумѣръ. И никому не говорите, что вы получили приказаніе отъ меня лично. Понимаете?

Приказаніе было вполнѣ опредѣленное. Поэтому, когда князь спросилъ меня, что хотѣлъ отъ меня генералъ Милорадовичъ, то я сказалъ, что онъ хотѣлъ узнать, что за человѣкъ сопровождалъ меня. Этому можно было повѣрить, такъ какъ наканунѣ по порученію генералъ-губернатора дѣйствительно пріѣзжалъ чиновникъ узнать, кто такой Мерзіевскій и есть ли у него паспортъ.

Я уѣхалъ въ тотъ же вечеръ. Прежде всего я отправился въ Смоленскъ, чтобы сообщить полученное мною приказаніе предводителю и прокурору, и предложилъ имъ, не теряя ни минуты, прибыть въ Оршу, чтобы открыть дѣйствія коммиссіи и начать слѣдствіе. Замѣшанныя въ дѣлѣ лица весьма естественно ожидали съ нетерпѣніемъ, въ какомъ уѣздѣ будетъ начато слѣдствіе, такъ какъ отъ этого зависѣлъ весь ходъ дѣла. Я избралъ Оршу, такъ какъ тамошній предводитель былъ человѣкъ самый ненадежный. Чтобы застигнуть его врасплохъ, я препроводилъ губернатору Веселовскому предписаніе князя и просилъ его немедленно созвать всѣхъ помѣщиковъ Могилевскаго уѣзда и имѣть наготовѣ всѣ бумаги, которыя могли быть истребованы коммиссіей. Поэтому всѣ думали, что коммиссія начнетъ свои дѣйствія въ Могилевѣ. Фельдмаршалъ Сакенъ и вся главная квартира стали дѣйствовать, не теряя времени. Наскоро были сооружены склады, шляхтичамъ было роздано зерно и деньги, и отъ нихъ получены квитанціи, помѣченныя заднимъ числомъ. Приготовившись такимъ образомъ встрѣтить меня, они торжествовали.

Но мы появились какъ Deus ex machina въ Оршѣ. Мѣстные помѣщики и шляхтичи, числомъ всего 350 чел., получили приглашеніе явиться въ коммиссію. Когда дворянамъ было объявлено, что они будутъ приведены къ присягѣ, то одинъ отставной маіоръ подалъ мнѣ заявленіе, подписанное всѣми присутствующими дворянами, которые протестовали противъ назначенія коммиссіи и отказывались дать какія-либо показанія. Положеніе было критическое. Подумавъ съ минуту,

я принялъ поданную мнѣ бумагу и сказалъ, что записка будетъ немедленно послана съ курьеромъ въ Петербургъ князю Хованскому. Но при этомъ я замѣтилъ, что по существующимъ законамъ всякій протестъ или отказъ подчиниться высочайшему повелѣнію, подписанный болѣе нежели однимъ лицомъ, считается дѣйствіемъ противузаконнымъ и заговоромъ и что имъ придется нести всю отвѣтственность за этотъ необдуманный шагъ. Помѣщики встрепенулись и попросили позволенія посовѣтоваться въ сосѣдней комнатѣ. Послѣ короткаго совѣщанія они просили меня возвратить имъ записку, такъ какъ рѣшили написать протестъ каждый отдѣльно. Въ этомъ, само собою разумѣется, имъ было отказано. Тогда они спросили меня, возвращу ли я имъ записку, если они согласятся присягнуть.

— Сначала присягните, а потомъ получите бумагу,—отвѣчалъ я.

Они рѣшились присягнуть. Каждому изъ нихъ были даны чернила, перо и листъ бумаги, на которомъ были написаны вопросные пункты, на кои каждый изъ нихъ долженъ былъ отвѣтить. При этомъ имъ было строго запрещено сговариваться между собою; каждый долженъ былъ отвѣтить на предложенные вопросы по своему собственному разумѣнію. Пока они писали отвѣты, были допрошены полиціймейстеръ, уѣздные начальники и многіе горожане. Изъ крайне противорѣчивыхъ отвѣтовъ дворянъ и не менѣе противорѣчивыхъ показаній служащихъ вытекало ясно, что дѣло было нечисто. Оставалось допросить шляхтичей. Были приглашены православный и католическій священники, и принесена присяга. Всѣ показали единогласно, что складовъ нигдѣ не было устроено, и что во всемъ уѣздѣ никто не получилъ ни хлѣба, ни сѣмянъ.

Мы работали день и ночь; предварительное слѣдствіе было окончено въ теченіе восьми дней; протоколъ и донесеніе были немедленно посланы въ Петербургъ. Точно также было произведено слѣдствіе въ прочихъ уѣздахъ; результатъ былъ одинъ и тотъ же. Послѣднимъ былъ Могилевскій уѣздъ; не смотря на всѣ принятыя мѣры, истину не удалось скрыть и тамъ, ибо когда шляхтичи узнали, что коммиссія назначена по высочайшему повелѣнію, то показали правду.

По окончаніи слѣдствія губернаторъ Веселовскій былъ вызванъ въ Петербургъ, а я возвратился въ Витебскъ, куда уже прибылъ тѣмъ временемъ князь Хованскій. Можно себѣ представить мое изумленіе, когда князь принялъ меня очень холодно и не предложилъ мнѣ даже сѣсть.

— Вы оказали мнѣ дѣйствительно большую услугу, — сказалъ онъ, выслушавъ меня,—но кто втянулъ меня въ эту проклятую исторію? Это дѣло вашихъ рукъ, поэтому вы и должны были распутать его. На васъ со всѣхъ сторонъ слышатся жалобы. Вы дѣйствовали слишкомъ строго,

слишкомъ жестоко. Вы должны были пощадить людей. При томъ, вы забыли главное, «съ волками жить, по-волчьи выть». Ступайте я позову васъ.

Этотъ пріемъ возмутилъ меня; я видѣлъ, что моя пѣсня спѣта. Я не могъ возлагать надежды и на императора, такъ какъ я понималъ, что у меня не было къ нему доступа.

Со времени моего назначенія чиновникомъ особыхъ порученій — я не получалъ отъ князя Хованскаго ни копѣйки и расходовалъ свои собственныя деньги. Затруднительное денежное положеніе, въ которомъ я очутился вслѣдствіе этого, вынудило меня подавить гордость и написать князю письмо, прося его уплатить слѣдуемое мнѣ жалованіе и возмѣстить всѣ произведенные расходы. Онъ прислалъ мнѣ съ адъютантомъ 200 руб. ассигнаціями и велѣлъ передать мнѣ, что ему будетъ пріятно, если я подамъ въ отставку, что̀ я и сдѣлалъ немедленно.

Слѣдственное дѣло, произведенное мною, такъ и осталось нерѣшеннымъ въ архивѣ сената: императоръ не упоминалъ о немъ, князь Хованскій получилъ въ награду за произведенное слѣдствіе два прекрасныхъ помѣстья въ окрестностяхъ Вильны, примирился съ дворянствомъ, а его адъютантъ, изъ бывшихъ жандармовъ, получилъ въ награду два чина, орденъ и 20 тысячъ рублей. Что заработалъ при этомъ князь, мнѣ неизвѣстно, но всѣ знали, что его крайне разстроенныя денежныя дѣла съ тѣхъ поръ не только поправились, но сдѣлались блестящи. Предсѣдатель коммиссіи, смоленскій предводитель Аничковъ, человѣкъ весьма богатый, проигравшій князю не мало денегъ въ вистъ, получилъ орденъ; остальные два члена коммиссіи ничего не получили: прокуроръ не получилъ даже того, что имъ было истрачено, и очутился бы въ самомъ бѣдственномъ положеніи, если бы богатый Аничковъ не возвратилъ ему денегъ изъ своего собственнаго кармана.

Въ началѣ 1825 года одинъ изъ моихъ друзей увѣдомилъ меня письменно о томъ, что состоялось повелѣніе учредить въ Вильнѣ школу высшихъ военныхъ наукъ, а пока пригласить въ университетъ профессора военныхъ наукъ. Пріятель совѣтовалъ мнѣ поспѣшить въ Вильно и хлопотать объ этомъ мѣстѣ. Я тотчасъ отправился и былъ временно опредѣленъ на это мѣсто съ приказаніемъ немедленно начать чтеніе лекцій; мнѣ было обѣщано, что вскорѣ будетъ написанъ докладъ о моемъ зачисленіи на это мѣсто.

Мнѣ велѣно было представить программу моихъ лекцій для просмотра одному находившемуся въ Вильно русскому генералу, что̀ я и исполнилъ.

Въ тотъ день, когда должно было начаться чтеніе лекцій, генералъ возвратилъ мнѣ мою программу, сказавъ:

— Все это глупости, вы говорите объ искусствѣ и искусствѣ, о наукѣ
*

и наукѣ. Если вы хотите просвѣтить молодыхъ поляковъ, вы должны говорить о русскихъ штыкахъ. Все остальное глупости.

Я былъ такъ возмущенъ, что сказалъ собравшимся только короткую рѣчь, сдѣлалъ нѣсколько общихъ замѣчаній о военномъ искусствѣ и прекратилъ лекцію къ великому неудовольствію генерала. На послѣдующихъ моихъ лекціяхъ появлялся каждый разъ полицейскій чиновникъ. Въ университетской библіотекѣ не оказалось сочиненій по военнымъ наукамъ. Мнѣ пришлось выписать ихъ изъ Кёнигсберга, и я составилъ небольшую, но очень полную библіотеку военныхъ наукъ и хотя бы я не сдѣлалъ ничего болѣе для Виленскаго университета, за мною все же остается заслуга, что я положилъ основаніе этой библіотекѣ, составленной изъ лучшихъ нѣмецкихъ и французскихъ сочиненій. Для удовлетворенія самой настоятельной необходимости я составилъ наскоро маленькую справочную книгу военныхъ наукъ для руководства моихъ слушателей и напечаталъ ее у Завадскаго. Но Боже мой, что я долженъ былъ почувствовать, когда ректоръ Пеликанъ, просмотрѣвъ ее, воскликнулъ:

— Вы хотите дѣлать здѣсь нововведенія? У насъ есть старые профессора, которые не написали еще ни одной книги, а вы хотите съ этого начать? Да въ умѣ ли вы?

На подобныя глупости нечего было отвѣчать.

О моемъ окончательномъ назначеніи все еще не было рѣчи, меня все водили за носъ. Между тѣмъ, непріятности, которыя я имѣлъ по поводу моихъ лекцій, дошли до того, что я былъ вынужденъ прекратить ихъ и подать въ отставку. Я не могъ долѣе быть свидѣтелемъ и невольнымъ участникомъ тѣхъ безобразій, какія творились въ университетѣ и въ учебномъ округѣ. Юноши, мальчики, даже дѣти, какъ напр. въ школѣ въ Кейданахъ, сажались подъ арестъ и жестоко наказывались подъ предлогомъ, будто они участвовали въ политическихъ проискахъ. Тюрьмы были переполнены, въ нихъ не хватало мѣста, и несчастныхъ молодыхъ людей заточали въ монастыри; но довольно объ этомъ.

Въ раннемъ дѣтствѣ я имѣлъ случай видѣть въ Ригѣ герцога Александра Виртенбергскаго, брата императрицы Маріи Ѳеодоровны, и часто бывалъ у него. Онъ стоялъ въ то время въ Ригѣ со своимъ полкомъ и такъ какъ онъ обыкновенно нуждался въ деньгахъ, то мой отецъ имѣлъ случай оказывать ему маленькія услуги. Впослѣдствіи я видѣлъ его въ Петербургѣ и въ арміи, и онъ относился ко мнѣ всегда доброжелательно. Я послалъ герцогу мою справочную книгу военныхъ наукъ и попросилъ его принять меня на службу въ вѣдомство путей сообщенія, коего онъ былъ главноуправляющимъ, а самъ уѣхалъ между тѣмъ въ Слонимъ и ожидалъ тамъ отвѣта. Отвѣтъ получился благопріятный,

но мнѣ было поставлено условіемъ, чтобы я выдержалъ экзаменъ, который долженъ былъ быть только пустой формальностью.

Семейныя обстоятельства мои настоятельно требовали, чтобы я уѣхалъ въ Германію, но мнѣ было отказано въ заграничномъ паспортѣ.

Я хотѣлъ тайно переѣхать черезъ границу, но убѣдился вскорѣ, что это было неисполнимо и сопряжено съ большой опасностью. Когда я пріѣхалъ въ предмѣстье Варшавы, въ Прагу, меня тотчасъ встрѣтили два жандарма, отвезли въ гостиницу близъ Пражскаго моста, и мнѣ было приказано немедленно явиться къ коменданту генералу Левицкому. Генералъ приказалъ мнѣ на слѣдующій день быть въ 5 часовъ утра въ Бельведерѣ, у великаго князя. Въ назначенный часъ я былъ въ пріемной, гдѣ никого еще не было. Въ 6 часовъ появился генералъ Левицкій. Къ 7 часамъ слишкомъ двадцать офицеровъ собралось въ томъ залѣ, въ которомъ великій князь принималъ рапорты. Они стояли полукругомъ; адъютантъ поставилъ меня среди нихъ. Вскорѣ появился другой адъютантъ, который указалъ мнѣ мѣсто у боковой двери. Она отворилась, и передо мною появился великій князь. Онъ постоялъ съ минуту и пристально смотрѣлъ на меня. Я смотрѣлъ на него такъ же пристально. Затѣмъ онъ обратился къ стоявшему возлѣ меня офицеру, взялъ у него рапортъ и обошелъ весь кругъ. Потомъ подошелъ снова ко мнѣ.

— Вы голландецъ?—спросилъ онъ.

— Точно такъ, ваше императорское высочество!—отвѣчалъ я, хотя я не могъ понять этого вопроса, такъ какъ великій князь меня зналъ и зналъ прекрасно, что я лифляндецъ.

— Зачѣмъ вы пріѣхали въ Варшаву?

— Просить ваше императорское высочество милостиво дать мнѣ паспортъ.

— Вы хотите ѣхать въ ваше отечество, въ Голландію?

— Да! ваше императорское высочество, если вы разрѣшите мнѣ это.

— Явитесь къ генералу Курутѣ.

Это былъ начальникъ его штаба и довѣренное лицо великаго князя.

Всѣ удалились, а я отправился во флигель, гдѣ засталъ генерала Куруту. Увидавъ меня, онъ сказалъ полковнику барону Засу, курляндцу, который отлично зналъ меня: «Попалась птичка!»

Затѣмъ онъ обратился ко мнѣ и приказалъ являться каждый день въ Бельведеръ въ 5 часовъ утра, такъ какъ великій князь желалъ видѣть меня ежедневно. Я являлся во дворецъ аккуратно каждое утро, великій князь каждый разъ останавливался передо мною и пристально смотрѣлъ на меня, не говоря ни слова. Это продолжалось съ апрѣля мѣсяца все лѣто 1827 года, безъ перерыва.

Находясь въ тревожной неизвѣстности, я тщетно обращался къ генералу Курутѣ. Онъ не принималъ меня. Наконецъ, я встрѣтилъ его

однажды на лѣстницѣ зданія штаба и убѣдительно просилъ его сказать, что отъ меня хотятъ. Онъ посмотрѣлъ на меня, схватилъ меня за руки и сказалъ мягко:

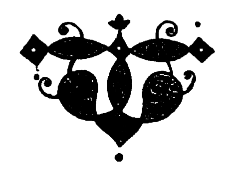
— Вы человѣкъ благоразумный!—Скажите мнѣ, могу ли я сдѣлать васъ китайскимъ императоромъ? Точно также я не могу сказать вамъ, что съ вами будетъ. Обратитесь къ дежурному генералу, быть можетъ, онъ что-либо объяснитъ вамъ.

Я отправился къ дежурному генералу, который принялъ меня грубо.

— Что вы хотите отъ меня? — сказалъ онъ.—Вы съ ума сошли. Какое мнѣ до васъ дѣло? Убирайтесь вонъ, иначе я прикажу васъ арестовать.

Вернувшись домой, я нашелъ у себя записку, съ приглашеніемъ явиться немедленно къ адъютанту великаго князя. Я поспѣшилъ къ нему. Адъютантъ предложилъ мнѣ позавтракать съ нимъ и сказалъ, что великій князь приказалъ выдать мнѣ 200 рублей сер., препроводить мои бумаги къ виленскому генералъ-губернатору для выдачи мнѣ паспорта для возвращенія на родину въ Голландію; что этотъ паспортъ въ скоромъ времени будетъ полученъ, полиціи приказано уже визировать его, что мнѣ нѣтъ болѣе надобности являться по утру въ Бельведеръ; и великій князь приказалъ пожелать мнѣ счастливаго пути.

Дѣйствительно, я получилъ вскорѣ паспортъ и, поспѣшивъ добраться до границы, оставилъ Россію навсегда.

Графъ Джонъ Бёкингхэмширъ

при дворѣ Екатерины II.

(1762—1765 г.г.) [1].

I.

Союза съ Россіей Англія желала, какъ извѣстно, потому, что разсчитывала найти въ ней противовѣсъ преобладающему вліянію своей соперницы на политическомъ и торговомъ поприщѣ, Франціи. Правительство Георга II находило, что интересы Россіи рѣшительно во всемъ противны интересамъ Франціи, которая, помимо своего вліянія въ южной Европѣ, а также въ Швеціи, поддерживала и старалась усилить противъ русскихъ и австрійцевъ Турцію и Польшу. Дѣятельное стремленіе Велико-

[1]) Въ 1793 году въ Англіи въ Норфокскомъ графствѣ, умеръ Джонъ Гобартъ, второй графъ Бёкингхэмширскій, бывшій британскимъ чрезвычайнымъ посломъ въ Петербургѣ въ первые годы царствованія императрицы Екатерины II. Часть оставшихся послѣ него бумагъ была напечатана въ 1900 г. и составила первый томъ книги, озаглавленной: „Депеши и переписка Джона, второго графа Бёкингхэмширскаго, посла при дворѣ императрицы Екатерины II, въ 1762—1765 г.г.“ (The Despatches and Correspondence of John, Second Earl of Buckinghamshire, Ambassador to the Court of Catherine II. of Russia 1762–1765.). Въ этотъ томъ вошли документы, относящіеся ко времени съ сентября 1762 по конецъ февраля 1763 г., т. е. къ тому любопытному году, когда императрица Екатерина II, едва вступивъ на престолъ, дѣлала первые самостоятельные шаги въ политикѣ, постепенно ознакомляя окружающихъ съ особенностями своей выходящей изъ ряда личности. Судя по замѣткамъ, разбросаннымъ въ бумагахъ графа Джона, онъ обладалъ довольно тонкою наблюдательностью; поэтому въ нихъ, особенно же въ письмахъ его къ теткѣ, лэди Сёфокъ (Suffolk), и въ замѣткахъ, дѣланныхъ имъ лично для себя, на память, встрѣчаются небезъинтересныя данныя какъ о самой Екатеринѣ II, такъ и о лицахъ, ее окружавшихъ.

британіи къ союзу съ Россіей начало особенно замѣтно проявляться съ 1739 г., тотчасъ послѣ того, какъ при петербургскомъ дворѣ былъ аккредитованъ Франціею де-ла-Шетарди. Съ этимъ назначеніемъ возобновлялись дипломатическія сношенія между французскимъ и русскимъ дворами, которыя были совершенно прерваны съ 1726 г., т. е. со времени заключенія союза Россія съ Австріей. Такъ какъ въ эту пору впервые понято было Европою, какое важное значеніе имѣетъ Россія для уравновѣшенія силъ на континентѣ, то европейскія державы стали наперерывъ домогаться сближенія съ нею, вслѣдствіе чего при петербургскомъ дворѣ естественно возникло состязаніе между дипломатическими представителями различныхъ державъ. Поэтому понятно, что въ назначеніи маркиза де-ла-Шетарди англійскій кабинетъ усмотрѣлъ опасность французской интриги въ самомъ Петербургѣ.

Франція же дѣйствительно стремилась достигнуть въ Петербургѣ вліянія путемъ поддержки переворота, послѣдствіемъ котораго было вступленіе на русскій престолъ императрицы Елизаветы. Способствуя этому перевороту, французская дипломатія, какъ извѣстно, разсчитывала на то, что съ паденіемъ нѣмецкой династіи падетъ и вліяніе Австріи при петербургскомъ дворѣ. И вотъ съ этихъ поръ лондонскій дворъ установилъ постоянныя дипломатическія сношенія съ Россіею чрезъ своихъ пословъ, которымъ поручалъ добиваться соглашенія съ петербургскимъ кабинетомъ.

Этимъ былъ положенъ конецъ отчужденію, существовавшему между Англіей и Россіей со временъ распри Петра Великаго съ королемъ Георгомъ I. Къ 1739 году въ Лондонѣ было признано, что безопасность Англіи зависитъ отъ уравновѣшенія силъ, чему противодѣйствуютъ честолюбіе и интриги Франціи, и что Великобританія ни отъ кого не можетъ ожидать такой пользы, какъ отъ Россіи. Руководствоваться этимъ соображеніемъ предписано было Финчу, назначенному, въ 1740 году, британскимъ чрезвычайнымъ посломъ въ Петербургъ, чтобы онъ постарался убѣдить петербургскій кабинетъ въ опасности какъ для него, такъ и для Англіи, французскихъ интригъ въ Даніи и Швеціи, съ цѣлью соединить ихъ противъ Россіи. Ради противодѣйствія этимъ интригамъ, послу было предписано предложить заключеніе оборонительнаго англо-русскаго союза. Но союза съ Россіей домогался также и прусскій король Фридрихъ, къ досадѣ англійскаго короля, который въ огромныхъ вооруженныхъ силахъ своего племянника видѣлъ постоянную угрозу для Ганновера. Въ разгаръ борьбы между иностранными дипломатами въ Петербургѣ былъ канцлеромъ Бестужевъ, занявшій этотъ постъ въ 1744 г.; съ нимъ-то и приходилось имѣть дѣло соперничествовавшимъ между собою представителямъ Франціи, Австріи, Англіи и Пруссіи.

Здѣсь не мѣсто вдаваться въ подробности дипломатической борьбы,

происходившей до Екатерины II при петербургскомъ дворѣ между представителями державъ, которыя искали сближенія съ Россіей. Достаточно напомнить, что вплоть до восшествія на престолъ этой императрицы, борьба эта велась сторонами съ перемѣннымъ успѣхомъ и въ кратковременное правленіе Петра III склонилась въ пользу Пруссіи. Что касается Екатерины, то она, еще въ бытность великою княгиней, горячо стояла за союзъ съ Англіей и очень дружелюбно относилась къ тогдашнему англійскому послу, сэру Чарльзу Гэнбёри Уильямзу [1]). Быть можетъ, причиною этого дружелюбія было отчасти то, что Уильямзъ привезъ съ собою изъ Варшавы красавца Станислава Понятовскаго, произведшаго, какъ извѣстно, сильное впечатлѣніе на будущую императрицу. Оба прибывшіе, при участіи канцлера Бестужева, незадолго передъ тѣмъ получившаго отъ англійскаго короля денежное пособіе, не замедлили пріобрѣсти большое вліяніе на «малый дворъ», или, вѣрнѣе, на великую княгиню Екатерину, такъ какъ супругъ ея уже и тогда былъ завзятымъ сторонникомъ Пруссіи. Оказавъ содѣйствіе заключенію англо-русскаго договора 1755 года, Екатерина, какъ видно изъ бумагъ графа Бёкингхэмшира, написала Уильямзу (по-французски): «Съ истиннымъ удовольствіемъ поздравляю васъ съ заключеніемъ вашего договора, котораго я всегда горячо желала, находя его полезнымъ и нужнымъ для моего второго отечества, за которое, какъ вы знаете, я съ радостью пролила бы мою кровь. Когда-нибудь (хотя я молю Провидѣніе отдалить это на долгіе годы) я самымъ дѣйствительнымъ образомъ продлю дѣйствіе этого договора и разсчитываю доказать этимъ въ надлежащую пору его британскому величеству мою заботливость о взаимныхъ интересахъ обѣихъ коронъ и признательность за неоднократныя проявленія дружбы, которыми его величеству угодно было почтить меня». Впослѣдствіи, въ 1757 г., когда Уильямзъ навсегда покидалъ Петербургъ, потерпѣвъ въ концѣ концовъ неудачу, она снова писала ему, увѣряя, что сдѣлаетъ все отъ нея зависящее, чтобы вернуть Россію къ тѣсному союзу съ Англіей.

За годъ передъ тѣмъ, т. е. въ 1756 г., какъ оказывается изъ переписки Уильямза, великая княгиня выражала чрезъ него желаніе занять

---

[1]) Этотъ Уильямзъ, свѣтскій повѣса, но очень ловкій человѣкъ, состоялъ въ 1745 г. при саксонскомъ дворѣ и находился въ Варшавѣ съ саксонскимъ курфюрстомъ, причемъ сблизился съ партіей Чарторыйскаго и Понятовскаго. Это явилось сильною помѣхой для французской партіи, которая интриговала въ то время въ пользу признанія принца Конти преемникомъ польскаго престола. Изъ Варшавы Гэнбёри Уильямза перевели въ Петербургъ, гдѣ онъ, благодаря своимъ личнымъ качествамъ, въ полтора мѣсяца добился заключенія англо-русскаго договора 1755 г., который, впрочемъ, въ виду сдѣланныхъ въ немъ оговорокъ, не удовлетворилъ Англію.

денегъ, «съ тѣмъ, чтобы употребить ихъ въ пользу Англіи». При этомъ она говорила англійскому послу, что видитъ опасность французскихъ интригъ въ родѣ такихъ, помощью которыхъ де-ла-Шетарди уже способствовалъ однажды дворцовому перевороту; и что она всѣми силами будетъ убѣждать великаго князя, чтобы онъ противился допущенію вновь въ Петербургъ представителя Франціи (которая съ 1748 по 1756 г.) не имѣла дипломатическихъ сношеній съ Россіею. Она прибавляла, что могла бы сдѣлать и гораздо больше, еслибы у нея были деньги, безъ которыхъ въ Россіи ничего не достигнешь. Англійское правительство, конечно, не замедлило воспользоваться этимъ случаемъ для поддержанія добраго расположенія будущей императрицы: въ августѣ не только прислано было великой княгинѣ 10.000 ф. ст., но и Бестужеву, котораго Англіи нужно было удержать на своей сторонѣ, назначена пенсія.

Прусскій король, съ своей стороны, тоже старался снискать расположеніе «малаго двора» и, притомъ, преимущественно чрезъ посредство того же Уильямза. Готовность послѣдняго способствовать домогательствамъ Фридриха Великаго объясняется полученными имъ изъ Лондона инструкціями. Дѣло въ томъ, что, посылая Уильямза въ Петербургъ для заключенія союза съ Россіей, британское правительство задумало заключить одновременно союзъ и съ прусскимъ королемъ, противъ котораго какъ императрица Елизавета, такъ и ея канцлеръ, Бестужевъ, были настроены крайне враждебно. И вотъ, едва послѣдовала ратификація англо-русскаго договора 1755 года, какъ Уильямзу было сообщено изъ Лондона о предполагающемся договорѣ съ Пруссіей, съ предписаніемъ выпутаться какъ-нибудь изъ затруднительнаго положенія, созданнаго такимъ совпаденіемъ. Ему поручалось указать петербургскому двору на то, что Пруссія безъ Франціи никогда не можетъ быть опасною для Россіи и, что, слѣдовательно, Англія, въ сущности, не отступила отъ своей давней системы, такъ какъ цѣлью ея союза съ Россіей служитъ ихъ совокупное противодѣйствіе Франціи. Въ лицѣ Фридриха, отъ Франціи отдаленъ-де могущественный союзникъ, а это должно-де быть выгодно для Россіи и для союзной ей Австріи.

Такимъ же содѣйствіемъ пользовался Фридрихъ потомъ и со стороны преемника Уильямза, сэра Роберта Кійса (Keith), который, притомъ, и лично проникнутъ былъ глубокимъ уваженіемъ къ прусскому королю. Кійсъ состоялъ ранѣе британскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, но былъ въ 1758 г. переведенъ въ Петербургъ, гдѣ и оставался до прибытія графа Бёкингхэмшира въ сентябрѣ 1762 г. Согласно даннымъ ему изъ Лондона инструкціямъ, Кійсъ открыто предстательствовалъ при петербургскомъ дворѣ за Фридриха II и состоялъ въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ нимъ чрезъ британскаго представителя въ Берлинѣ, Митчеля.

Такимъ образомъ, противники Англіи имѣли основаніе опасаться англо-прусской партіи, домогаться разъединенія которой было, слѣдовательно, въ интересахъ партіи франко-австрійской. Представителемъ Франціи въ Петербургѣ былъ въ 1757 г. Л'Опиталь. Питая увѣренность, что императрица Елизавета устранитъ великаго князя отъ престолонаслѣдія, дипломатъ этотъ не старался сблизиться съ «малымъ дворомъ» и вскорѣ рѣшительно вооружилъ противъ себя великую княгиню Екатерину, сдѣлавъ попытку удалить изъ Петербурга Понятовскаго. Этотъ вліятельнѣйшій изъ приближенныхъ къ великой княгинѣ людей состоялъ въ началѣ при англійскомъ посольствѣ, въ качествѣ друга и секретаря Уильямза, но въ 1757 г. польскій король, курфюрстъ саксонскій Августъ III, назначилъ его своимъ полномочнымъ министромъ при петербургскомъ дворѣ. Когда, по настоянію французскаго короля Людовика XV, польскій король рѣшилъ отозвать Понятовскаго, Екатерина, негодуя на Л'Опиталя за эту мѣру, стала добиваться ея отмѣны и, чрезъ канцлера Бестужева, достигла того, что Станиславъ Понятовскій былъ оставленъ въ Петербургѣ, хотя уже и въ другомъ качествѣ, и пробылъ здѣсь до 1758 г., когда раздоръ между Елизаветой и великою княгиней повлекъ за собою высылку всѣхъ преданныхъ послѣдней людей.

Помимо этого эпизода, Екатерина возмущалась французскими интригами также и потому, что онѣ подкапывались подъ Бестужева, паденіе котораго разстроило бы и ея планы. Бестужева же Франція ненавидѣла за англо-русскіе союзы 1742 и 1755 г.г., а также за униженіе, испытанное ея посломъ де-ла-Шетарди. Видя въ Бестужевѣ руководителя той оппозиціи, которую «малый дворъ» оказывалъ французскому вліянію, Л'Опиталь всѣми силами старался погубить его, въ чемъ ему содѣйствовалъ и австрійскій посолъ Эстергази, чернившій Бестужева передъ Елизаветой. Соединеннымъ усиліямъ ихъ удалось навлечь на него подозрѣніе въ соучастіи въ замыслѣ относительно возведенія на престолъ Екатерины, послѣ чего Бестужевъ попалъ подъ судъ и, послѣ слѣдствія, тянувшагося почти цѣлый годъ, былъ сосланъ въ 1759 г. Паденіе его было торжествомъ французской партіи. Но, въ виду постоянно ухудшавшагося состоянія здоровья императрицы Елизаветы, французское правительство увидѣло наконецъ необходимость попытаться снискать расположеніе великой княгини и въ 1760 г. прислало въ Петербургъ, въ помощь Л'Опиталю, молодого и изящнаго драгунскаго полковника, барона Бретёйля, которымъ, въ случаѣ надобности, предполагалось замѣнить Л'Опиталя. Въ Парижѣ, повидимому, полагали, что Бретёйлю, благодаря его наружности, удастся занять при великой княгинѣ такое же вліятельное положеніе, какое выпало ранѣе на долю Понятовскаго. Ожиданія эти, однако, не оправдались.

Присылка Бретёйля въ Петербургъ совпала по времени съ той порой, когда Францiя начинала уже чувствовать утомленiе отъ Семилѣтней войны. Тогдашнiй французскiй первый министръ, герцогъ Шуазёль, склонялся къ мысли, что было бы хорошо, еслибы удалось побудить Россiю, чтобы она взяла на себя посредничество между Австрiею и Пруссiею, въ видахъ заключенiя между ними мира; вмѣстѣ съ тѣмъ, съ тою же цѣлью начаты были переговоры между Францiей и Англiей. Это собственно и было цѣлью новой французской политики, стремившейся въ послѣднiе годы царствованiя Елизаветы сблизиться съ «малымъ дворомъ». Бретёйлю приходилось исправить промахъ, сдѣланный въ этомъ отношенiи Л'Опиталемъ.

Задача эта была чрезвычайно трудна, такъ какъ Бретёйль являлся представителемъ не только завѣдомой политики своего правительства, но и той, которая крылась въ тайной перепискѣ, въ теченiе нѣсколькихъ лѣтъ веденной Людовикомъ XV, безъ вѣдома его министровъ, съ императрицею Елизаветой. Такую секретную дипломатiю французскiй король велъ съ нѣсколькими европейскими дворами чрезъ особыхъ агентовъ, по виду занимавшихъ подчиненное положенiе при аккредитованныхъ послахъ, но всегда бывшихъ въ состоянiи противодѣйствовать переговорамъ послѣднихъ, соотвѣтственно личнымъ замысламъ короля. Главною цѣлью этихъ замысловъ было сохраненiе Польши, въ которомъ Людовикъ XV былъ заинтересованъ и по личнымъ, и по политическимъ причинамъ. На этотъ счетъ, такъ же, какъ и въ различныхъ другихъ отношенiяхъ, оффицiальныя инструкцiи Бретёйля находились въ противорѣчiи съ предписанiями, полученными имъ отъ короля секретно, и примирить тѣ и другiя было невозможно. Такъ, напр., чтобы прiобрѣсть расположенiе великой княгини, Бретёйлю велѣно было дать ей понять, что французскiй король готовъ употребить впослѣдствiи свое влiянiе на польскаго короля, чтобы достигнуть возвращенiя Понятовскаго въ Петербургъ, что̀ было страстнымъ желанiемъ Екатерины; секретными же инструкцiями ему предписывалось всѣми силами препятствовать возвращенiю этого посланника, противодѣйствовавшаго своимъ влiянiемъ французскимъ интересамъ въ Польшѣ. Кромѣ того, задача Бретёйля затруднялась еще и тѣмъ дурнымъ впечатлѣнiемъ, которое не могла не произвести въ Россiи традицiонная политика Францiи по отношенiю къ Швецiи, Турцiи и Польшѣ. А между тѣмъ, данныя французскому посланцу инструкцiи прямо показываютъ, что въ послѣднiе годы царствованiя императрицы Елизаветы Францiя сильно побаивалась возрастающаго влiянiя Россiи и была очень заинтересована въ установленiи добрыхъ отношенiй съ нею въ тѣхъ видахъ, чтобы держать ее, по возможности, подальше отъ европейскихъ дѣлъ.

II.

Таково было положеніе Франціи по отношенію къ Россіи, когда, на рубежѣ 1761—1762 г., императрица Елизавета скончалась, и на престолъ вступилъ Петръ III. Всѣмъ было извѣстно, что новый императоръ противникъ союза съ Франціей и вообще всего французскаго, а къ прусскому королю питаетъ дружбу. Послѣднее и не замедлило выразиться заключеніемъ мира съ Пруссіею уже весною 1762 г., а черезъ мѣсяцъ послѣдовало и заключеніе съ нею тѣснаго союза. Что̀ касается Англіи, положеніе ея относительно Россіи, передъ которой она до нѣкоторой степени скомпрометтировала себя ранѣе союзомъ съ Фридрихомъ въ 1756 г., могло оказаться шаткимъ. Настроеніе Екатерины относительно Англіи видимо не измѣнилось: какъ, будучи великою княгиней, она не скупилась на всякія обѣщанія передъ Уильямзомъ, такъ и ставъ императрицей, она осыпа̀ла знаками вниманія новаго англійскаго посла, графа Бёкингхэмшира. Однако отъ заключенія съ Англіею союза, которому прежде такъ сочувствовала, она стала теперь сторониться, тогда какъ главною цѣлью миссіи Бёкингхэмшира было именно возобновленіе истекшаго союза, а нѣсколько позднѣе также и противодѣйствіе вліянію Фридриха Великаго, который, по окончаніи Семилѣтней войны, снова проявилъ крайнюю враждебность относительно Англіи. Бёкингхэмшира предполагалось аккредитовать собственно при дворѣ Петра III, но пока онъ готовился къ отъѣзду и находился въ дорогѣ, императора не стало, и на престолъ вступила Екатерина II.

Извѣстіе о переворотѣ сообщено было посломъ Кійсомъ въ Лондонъ за нѣсколько дней до отъѣзда оттуда графа Бёкингхэмшира. Кійсъ подробно описывалъ въ своей депешѣ обстоятельства, при которыхъ послѣдовала кончина Петра III; такимъ образомъ, графъ Бёкингхэмширъ былъ еще до выѣзда въ Петербургъ болѣе или менѣе освѣдомленъ о случившемся. Въ бумагахъ его найдена обстоятельная записка о положеніи дѣлъ въ Россіи въ 1762 г., очевидно составленная для него лицомъ, обладавшимъ болѣе полными свѣдѣніями, чѣмъ какими онъ самъ могъ располагать въ первые дни по прибытіи въ Петербургъ. Европа полна была всякихъ слуховъ о переворотѣ, и графу Бёкингхэмширу, когда онъ, на пути къ своему посту, прибылъ въ Копенгагенъ, совѣтовали лучше переждать тамъ, пока въ Россіи все придетъ въ порядокъ; но онъ рѣшилъ продолжать путь и въ срединѣ сентября прибылъ въ Петербургъ. Характерна слѣдующая подробность, показывающая, какою нелестною репутаціей пользовались тогда за границею русскіе государственные люди: британскому послу дано было 50.000 фунт. ст., съ порученіемъ употребить ихъ согласно послѣдующимъ пред-

писаніямъ, а въ случаѣ особой надобности распорядиться ими по собственному усмотрѣнію, дѣйствуя однако съ осторожностью и безъ особенной щедрости (Предмѣстнику его, Кійсу, дано было для той же цѣли 100.000 ф. ст.).

Императрица уже заявила въ Лондонѣ, чрезъ посла графа Семена Романовича Воронцова, о своихъ вполнѣ дружественныхъ чувствахъ къ Англіи, и потому британское правительство, посылая графа Бёкингхэмшира въ Петербургъ, было увѣрено, что ему удастся достигнуть заключенія договоровъ о союзѣ и о торговлѣ, особенно въ виду недостаточной пока прочности положенія новой государыни.

III.

Графъ Бёкингхэмширъ попалъ въ Петербургъ въ такое время, когда столица была пуста, за отъѣздомъ двора въ Москву.

«Я прибылъ сюда—писалъ онъ лорду Гренвилю отъ 24-го сентября (нов. ст.) 1762 г.—вчера вечеромъ, очень утомленный послѣднею частью моей поѣздки [1]). Дворъ и все, что̀ къ нему принадлежитъ, перебрались въ Москву, гдѣ въ слѣдующее воскресенье назначена коронація. Мнѣ невозможно будетъ поспѣть туда на эту церемонію, такъ какъ еще не прибыли моремъ мои экипажи, вещи и слуги, да и въ Москвѣ еще не приготовлено для меня дома. Говорятъ также, что и дороги въ очень дурномъ состояніи, а лошади до того замучены проѣздомъ массы народа по этому пути, что ѣхать теперь невозможно. Надѣюсь, однако, быть въ Москвѣ спустя два-три дня послѣ коронаціи. Императрица повелѣла оказать послу его величества, при прибытіи въ Кронштадтъ, всевозможные знаки вниманія. Депеши ваши я передалъ г. Кійсу».

Въ дальнѣйшихъ депешахъ, писанныхъ графомъ Бёкингхэмширомъ въ первые дни его пребыванія въ Петербургѣ, онъ знакомитъ британскаго министра иностранныхъ дѣлъ Гренвиля съ нѣсколько затруднительнымъ положеніемъ, въ которомъ онъ очутился вслѣдствіе отсутствія императорскаго двора. По совѣту Кійса, онъ сообщилъ о своемъ пріѣздѣ одному изъ оставшихся въ Петербургѣ сенаторовъ, Неплюеву. Тотъ немедленно прислалъ ему вѣжливѣйшее поздравленіе, извиняясь, однако, въ томъ, что, по случаю нездоровья, не можетъ быть у него лично. По этому поводу британскій посолъ сдѣлалъ въ своей записной книжкѣ

---

[1]) Дальніе переѣзды совершались тогда крайне медленно. Такъ, напр., одинъ изъ посланныхъ изъ Лондона курьеровъ провелъ въ дорогѣ 35 дней. Отъ Берлина до Петербурга онъ ѣхалъ 21 день.

слѣдующую, не лишенную мѣткости отмѣтку: «Когда русскій видитъ себя въ сколько-нибудь непріятномъ или затруднительномъ положеніи, онъ тотчасъ же прикидывается больнымъ и не выходитъ изъ дома». Предполагая, что такъ же поступилъ въ данномъ случаѣ и Неплюевъ, онъ отклонилъ полученное отъ него вскорѣ послѣ этого приглашеніе на обѣдъ по случаю дня рожденія великаго князя, тѣмъ болѣе, что по своей инструкціи посолъ долженъ былъ сдѣлать первый визитъ не кому иному, какъ канцлеру и вице-канцлеру. Фельдмаршалъ Минихъ, въ январѣ 1762 г. возвращенный Петромъ III изъ ссылки и находившійся теперь въ Петербургѣ, далъ знать Кійсу, что если ему будетъ сообщено о пріѣздѣ графа Бёкингхэмшира, то онъ тотчасъ же сдѣлаетъ ему визитъ, что̀ и исполнилъ. «Минихъ, — писалъ Бёкингхэмширъ по поводу этого посѣщенія,—изящнѣйшій старикъ, какого мнѣ только случалось видѣть. Онъ разсказалъ мнѣ, что имѣлъ нѣкогда честь служить Великобританіи и навсегда сохранитъ сердечнѣйшую привязанность къ этой странѣ». Кійсъ, съ своей стороны, упоминая о возвращеніи Миниха изъ ссылки, говоритъ, что онъ вернулся вполнѣ здоровымъ и въ полномъ обладаніи своими умственными способностями, проникнутый глубокою признательностью къ помиловавшему его императору. Въ бумагахъ графа Бёкингхэмшира сохранилось нѣсколько писемъ Миниха къ нему, которыя свидѣтельствуютъ, что между обоими этими лицами установились очень хорошія отношенія.

Недѣли двѣ британскому послу пришлось просидѣть въ Петербургѣ среди различныхъ хлопотъ и ожиданій: то таможенные чиновники затягивали досмотръ его прибывшихъ вещей, то не было надежды достать лошадей на московской дорогѣ, и потому приходилось со дня на день откладывать поѣздку въ Москву, куда графъ Бёкингхэмширъ такъ и не попалъ на коронацію. Онъ тяготился своею дипломатическою бездѣятельностью, просилъ Гренвиля объяснить королю, что замедленіе происходитъ не по его винѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, собиралъ подъ рукою и кое-какія свѣдѣнія, которыя можно было добыть тогда въ опустѣвшемъ Петербургѣ.

«Въ теченіе нѣсколькихъ дней моего пребыванія здѣсь—писалъ онъ Гренвилю отъ 6-го октября (нов. ст.)—я не имѣлъ возможности, за отсутствіемъ двора, собрать какія-либо важныя свѣдѣнія. Могу, однако, сообщить вамъ, и притомъ, на основаніи достовѣрнаго источника, на который, мнѣ кажется, можно вполнѣ положиться, слѣдующій фактъ. Тотчасъ послѣ происшедшаго здѣсь недавно переворота, императрица отправила нарочнаго къ Понятовскому съ воспрещеніемъ ему пріѣзжать въ Россію, причемъ она, однако, увѣряла его въ своемъ неизмѣнномъ вниманіи и дружественномъ расположеніи и сообщала, что даже въ томъ случаѣ, еслибы польскій престолъ оказался вакантнымъ, она употре-

бить всѣ силы, чтобы доставить его Понятовскому, а въ случаѣ невозможности этого,—одному изъ членовъ семьи Чарторыйскихъ. Подробности на этотъ счетъ будутъ переданы вамъ г. Кийсомъ, по его возвращеніи въ Англію. Впослѣдствіи я слышалъ, что польскій король (курфюрстъ саксонскій Августъ III) сильно занемогъ, что̀, говорятъ, и послужило причиною даннаго русской арміи приказанія оставаться въ Польшѣ». Что касается тогдашняго настроенія русскаго общества, то въ той же депешѣ графъ Бёкингхэмширъ передавалъ, что сколько онъ можетъ судить на основаніи дошедшихъ до него пока свѣдѣній, въ народѣ замѣтны неувѣренность и колебаніе, чѣмъ дворъ встревоженъ.

Едва къ 20-му октября удалось, наконецъ, англійскому послу добраться до Москвы, и на слѣдующій же день онъ спѣшитъ подѣлиться своими впечатлѣніями съ теткой, графиней Сёфокъ. «Послѣ девяти дней и стольких же ночей ѣзды по отвратительнѣйшимъ въ мірѣ дорогамъ, покрытымъ едва на столько примерзшимъ снѣгомъ, чтобы можно было проѣхать,—пишетъ онъ,—мы [1]) прибыли вчера въ Москву, гдѣ очутились въ жалкомъ, развалившемся домѣ, лишенномъ всякихъ удобствъ, а изъ движимости снабженномъ только крысами и клопами. Какъ ни отвратительны, сами по себѣ, эти твари, мнѣ жаль даже ихъ, когда подумаю, какія страданія выносятъ онѣ ежечасно отъ суровой погоды. Это въ высшей степени заманчивое зданіе нанято было для меня моимъ пріятелемъ-соотечественникомъ, который, для большей вѣрности, уплатилъ впередъ половину наемной платы. Если удастся найти какой-нибудь другой домъ, я не останусь здѣсь. Я пріѣхалъ въ эту страну не ради удовольствій и собственныхъ прихотей и не затруднился бы жить въ грязной, холодной комнатѣ, когда состою на службѣ у моего государя; но мнѣ немного досадно, что послѣ всѣхъ приготовленій, я не могу имѣть обстановки, подобающей англійскому послу и, тратя все получаемое отъ короля содержаніе да и значительную часть собственнаго моего дохода, не буду имѣть соотвѣтствующей такимъ расходамъ представительности. У австрійскаго посла и у французскаго посланника здѣсь очень хорошіе дома; другіе посланники размѣстились не многимъ лучше моего, но такъ какъ они представители лишь второклассные, то отъ нихъ никто и не ожидаетъ, чтобы они жили на широкую ногу и имѣли много прислуги. Попробую, однако, относиться съ усмѣшкой къ тому, чего не могу исправить, и постараюсь, по крайней мѣрѣ, какъ слѣдуетъ выполнить возложенное на меня порученіе. Мой братъ порядкомъ-таки пріуныль: онъ привыкъ жить веселѣе; но я думаю, что, обжившись и пораздумавъ, онъ будетъ менѣе тяготиться своимъ положеніемъ».

---

[1]) Онъ поѣхалъ въ Москву вмѣстѣ съ Кийсомъ и своимъ братомъ Джорджемъ Гобартомъ, впослѣдствіи третьимъ графомъ Бёкингхэмширскимъ.

Въ тотъ же день отправлена была графомъ Бёкингхэмширомъ депеша и къ Гренвилю, съ сообщеніемъ о первыхъ шагахъ его въ Москвѣ. Такъ какъ оказалось, что канцлеръ Воронцовъ уѣхалъ на нѣсколько дней въ деревню, то британскій посолъ послалъ своего секретаря къ вице-канцлеру, князю Голицыну, и къ церемоніймейстеру. Отъ Голицына явился къ графу Бёкингхэмширу секретарь, передавшій ему поздравленіе съ прибытіемъ, а затѣмъ состоялось и личное свиданіе британскаго посла съ вице-канцлеромъ, которому онъ и вручилъ копіи своихъ вѣрительныхъ граматъ и привѣтственной рѣчи, предназначенной для произнесенія при представленіи посла императрицѣ. Голицынъ выразилъ желаніе, чтобы рѣчь эта была составлена на французскомъ языкѣ, такъ какъ тогда и императрица могла бы отвѣтить на нее по-французски; но Бёкингхэмширъ заявилъ, что ему предписано произнести рѣчь по-англійски. Разставаясь съ нимъ, князь Голицынъ высказалъ британскому дипломату удовольствіе по поводу того, что онъ прибылъ въ такое время, когда петербургскій дворъ питаетъ столь хорошія чувства къ англійскому.

Пріемъ со стороны вице-канцлера былъ несомнѣнно благопріятенъ для англійскаго посла, но аудіенціи у императрицы графъ Бёкингхэмширъ удостоился не ранѣе, какъ черезъ три дня, такъ какъ Екатерина II отбыла временно изъ Москвы для посѣщенія нѣкоторыхъ монастырей.

«Дворъ, — писалъ въ эти дни Бёкингхэмширъ Гренвилю,—несомнѣнно находится въ большомъ смущеніи. Недавно арестовано нѣсколько лицъ, въ томъ числѣ гвардіи полковникъ Измайловъ, и въ войскахъ господствуютъ волненіе и склонность къ бунту; но такъ какъ руководителя у нихъ нѣтъ, то естественно предположить, что безпорядокъ скоро прекратится. Если настроеніе здѣшняго правительства таково, какъ мнѣ передаютъ, то всякому англичанину слѣдуетъ желать, чтобы никакихъ перемѣнъ въ нынѣшнемъ положеніи не послѣдовало. Здоровье великаго князя очень дурно, а императрица, говорятъ, сильно измѣнилась подъ вліяніемъ заботъ и постоянной тревоги, въ которой она въ послѣднее время находилась. Всѣ письма здѣсь вскрываются».

Въ той же депешѣ англійскій посолъ сообщалъ, что представитель Франціи, Бретёйль, еще не ѣздитъ ко двору; «причины этого,—прибавлялъ графъ Бекингхэмширъ,—уже объяснены были вамъ въ письмѣ г. Кійса». Что именно писалъ Кійсъ, этого изъ бумагъ Бёкингхэмшира не видно, но извѣстно, что причиною нѣкоторой отчужденности Бретёйля отъ императрицы въ это время было нѣсколько неловкое положеніе его передъ послѣднею. Дѣло въ томъ, что, слѣдуя секретнымъ инструкціямъ, полученнымъ отъ Людовика XV, помимо министра иностранныхъ дѣлъ, герцога Шуазёля, Бретёйль вошелъ съ императрицею Елизаветой въ переписку, которая едва ли понравилась бы Екатеринѣ, еслибы попала

къ ней въ руки. Поэтому онъ, послѣ кончины Елизаветы, испросилъ себѣ отпускъ, быть можетъ съ цѣлью выждать въ сторонѣ, какой оборотъ приметъ дѣло, а можетъ быть и съ намѣреніемъ помѣстить свои бумаги въ безопасное мѣсто. Наканунѣ отъѣзда, до него дошли кое-какіе слухи о замышлявшемся уже въ Петербургѣ переворотѣ, причемъ къ нему поступило даже заявленіе о желаніи Екатерины получить отъ Франціи ссуду, которая могла бы способствовать осуществленію ея плановъ. Но Бретёйль поступилъ въ этомъ случаѣ весьма неумѣло: онъ колебался, уклонялся отъ исполненія означенной просьбы и, наконецъ, обѣщалъ доставить деньги только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы Екатерина прислала ему письменное доказательство того, что просьба дѣйствительно исходитъ отъ нея. Съ этимъ онъ и уѣхалъ въ іюнѣ изъ Петербурга, почти передъ самымъ переворотомъ, оставивъ вмѣсто себя въ посольствѣ повѣреннаго въ дѣлахъ. На его запоздалое предложеніе денегъ, да еще на такомъ странномъ условіи, Екатерина отвѣтила слѣдующею, не лишенною ѣдкости иносказательною запиской на французскомъ языкѣ:

«Покупка, которую намъ надо было сдѣлать, навѣрное будетъ вскорѣ сдѣлана, но гораздо дешевле, а потому въ другихъ суммахъ надобности нѣтъ». И съ той же минуты она прекратила всякія сношенія съ французскимъ посольствомъ.

Бретёйль, хотя и узналъ о происшедшей въ Ропшѣ катастрофѣ, находясь въ Варшавѣ, однако, съѣздилъ оттуда еще въ Вѣну и явился въ Петербургъ только въ началѣ сентября, чтобы присутствовать при короновании Екатерины II. Явился онъ съ повинною: ему приказано было увѣдомить императрицу, что французское правительство сильно осуждаетъ его образъ дѣйствій, и выразить отъ лица французскаго короля сожалѣніе о томъ, что его представитель такъ явно не съумѣлъ выразить истинныя чувства его величества. Людовикъ XV, дѣйствительно, очень дорожилъ установленіемъ наилучшихъ отношеній къ Россіи, опасаясь, чтобы съ воцареніемъ новой императрицы не возобновилась тѣсная связь между петербугскимъ и вѣнскимъ дворами [1]); онъ еще разъ написалъ Бретёйлю, что «единственною цѣлью его политики относительно Россіи служитъ стремленіе возможно болѣе отдалить ее отъ европейскихъ дѣлъ». Въ этихъ видахъ, Бретёйлю предписывалось способствовать образованію въ Петербургѣ партій, а если будетъ возможно, то войти даже въ сношенія и съ Іоанномъ Антоновичемъ, изыскать надлежащій способъ дѣйствій при новомъ царствованіи и тщательно слѣдить за развитіемъ республиканскихъ стремленій, будто-бы, проявив-

---

[1]) Австро-русскій договоръ былъ въ 1746 г. продленъ на двадцатипятилѣтній срокъ, такъ что съ воцаренія Екатерины II онъ могъ оставаться въ силѣ еще девять лѣтъ.

шихся—какъ тогда ходили слухи—въ средѣ русскаго дворянства. «Для моихъ интересовъ,—прибавлялъ Людовикъ XV въ своей секретной инструкціи Бретёйлю,—выгодно вообще все, что̀ можетъ повергнуть Россію въ хаосъ и принудить ее къ бездѣйствію».

Естественно, что трудность замаскированія такой программы увѣреніями въ дружественныхъ чувствахъ французскаго двора по отношенію къ Россіи могла бы смутить и не такого дипломата, какъ Бретёйль. Отсюда и неувѣренность его первыхъ шаговъ при дворѣ Екатерины II.

Что касается графа Бёкингхэмшира, то 25-го октября (нов. ст.) 1762 г., онъ удостоился, наконецъ, первой частной аудіенціи у императрицы, причемъ, согласно ранѣе выраженному намѣренію, произнесъ свою привѣтственную рѣчь по-англійски. Императрица отвѣтила ему по-русски. «Я просилъ перевода,—пишетъ Бёкингхэмширъ Гренвилю,—и мнѣ сказали, что доставятъ его мнѣ».

Въ тотъ же день у императрицы былъ вечерній пріемъ, сопровождавшійся концертомъ. Британскій посолъ игралъ съ императрицею въ пикетъ, она много разспрашивала его про Англію и вообще обошлась съ нимъ чрезвычайно милостиво.

Изъ секретной депеши графа Бёкингхэмшира къ Гренвилю отъ того же числа оказывается, что первая попытка его затронуть вопросъ объ англо-русскомъ союзѣ не имѣла успѣха. Бесѣдуя съ вице-канцлеромъ княземъ Голицынымъ, онъ упомянулъ о томъ, что ему предписано королемъ ознакомиться съ намѣреніями петербургскаго двора на счетъ возобновленія союзнаго договора 1742 года, со включеніемъ въ него тѣхъ измѣненій, какія могутъ оказаться нужными въ виду измѣнившагося положенія дѣлъ. «Князь,—пишетъ британскій посолъ,—отвѣчалъ мнѣ: «Да, срокъ этого договора, кажется, истекъ». На это я сказалъ, что если петербургскому двору желательно, то я готовъ войти въ обсужденіе проекта новаго торговаго договора, на что̀ онъ немедленно возразилъ: «Да вѣдь, кажется, г. Кійсу данъ проектъ?» Я замѣтилъ, что, сколько я слышалъ, проектъ этотъ настолько противенъ англійскимъ законамъ и интересамъ «Русской Компаніи», что примѣнить его невозможно. На этомъ нашъ разговоръ былъ прерванъ».

Графъ Бёкингхэмширъ нашелъ, что князь Голицынъ отнесся къ вопросу о договорѣ съ большою холодностью, и потому рѣшилъ не настаивать на возобновленіи стараго торговаго трактата, а предложить новый, если не удастся измѣнить старый къ возможной выгодѣ «Русской Компаніи». Компанія же эта (англійская) жаловалась на то, что иностранцамъ воспрещено въ Россіи торговать между собою и дозволяется вести торговлю только съ русскими, тогда какъ русскимъ предоставлена въ Англіи свобода торговать съ любой націей. Находя это крайне стѣснительнымъ, компанія домогалась, чтобы теперь—если ужь

нельзя дать англійскимъ купцамъ права свободно торговать повсемѣстно въ Россіи—имъ, по крайней мѣрѣ, предоставлено было во всѣхъ русскихъ ввозныхъ портахъ и въ мѣстахъ жительства британскихъ торговцевъ право продавать товары кому хотятъ, а если и этого нельзя, то хоть англійскимъ же купцамъ. Кромѣ того, компанія просила допустить транзитную англійскую торговлю съ Персіей, которая была допущена по договору 1734 г., но потомъ воспрещена [1]). Третье ходатайство компаніи касалось отмѣны воспрещенія англійскимъ торговцамъ въ Петербургѣ строить лихтеры; компанія ссылалась при этомъ на то, что русскія суда «строятся дурно и недостаточны числомъ». Наконецъ, четвертое ходатайство относилось до нѣкоторыхъ таможенныхъ льготъ.

Графу Бёкингхэмширу предстояло употребить стараніе къ тому, чтобы добиться, въ предѣлахъ возможнаго, удовлетворенія этихъ нуждъ британской торговли. Въ задачу настоящаго очерка не входитъ, однако, изложеніе переговоровъ, которые онъ велъ по этому поводу; мы остановимся преимущественно на тѣхъ характеристикахъ русскихъ государственныхъ людей того времени, которыя разсѣяны въ различныхъ депешахъ, письмахъ и запискахъ англійскаго посла.

Императрицею Екатериной онъ былъ, на первыхъ порахъ, прямо очарованъ. Такъ, въ ноябрѣ, описывая въ письмѣ къ лэди Сёфокъ одинъ изъ вечеровъ, проведенныхъ имъ во дворцѣ, онъ говоритъ: «Наружность императрицы сильно расположила бы васъ въ ея пользу, но еще болѣе понравилось бы вамъ ея обращеніе. Ея манера отличается мягкостью и

---

[1]) Воспрещеніе это было послѣдствіемъ недовольства русскаго правительства поступками англійскаго капитана Эльтона, бывшаго иниціаторомъ персидской транзитной торговли чрезъ Россію. По словамъ Тука (Tooke, „Russian Empire"), Джонъ Эльтонъ задумалъ доставлять персидскіе товары англичанамъ, чрезъ Петербургъ, изъ первыхъ рукъ и, слѣдовательно, по болѣе дешевымъ цѣнамъ, чѣмъ обходились эти товары при покупкѣ ихъ отъ армянъ, чрезъ Смирну. Заручившись покровительствомъ Надиръ-шаха и получивъ, въ 1742 г., разрѣшеніе отъ русскаго правительства, онъ построилъ въ Казани судно, нагрузилъ его товарами отъ англійской факторіи въ Петербургѣ и отправился съ ними въ Астрахань. Прибыль, полученная имъ отъ распродажи первой партіи товаровъ, подала ему надежду на обогащеніе. Новая торговля пустила корни, но Эльтонъ самъ испортилъ все дѣло своею несообразительностью. Надиръ-шахъ задумалъ осуществить чрезъ Эльтона свои любимые планы. Онъ произвелъ его въ адмиралы, далъ ему вооруженное двадцатью пушками судно подъ персидскимъ флагомъ и приказалъ Эльтону требовать отъ русскихъ судовъ на Каспійскомъ морѣ знаковъ почтенія къ шахскому флагу, какъ первенствующему въ тѣхъ водахъ. Англійская факторія тщетно убѣждала изъ Петербурга Эльтона отказаться отъ службы шаху, обѣщая ему всякія блага отъ британскаго двора; онъ предпочелъ остаться въ Персіи и дѣятельною поддержкою ея замысла господствовать на Каспійскомъ морѣ раздражилъ русскій дворъ, который и воспретилъ англичанамъ вести торговыя сношенія съ Персіей чрезъ Россію.

достоинствомъ, что́ внушаетъ ея собесѣднику чувство непринужденности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, уваженіе. Когда пройдетъ сумятица, являющаяся неизбѣжнымъ послѣдствіемъ переворота, императрица съумѣетъ сдѣлать эту страну великою и могущественною—она обладаетъ всѣми нужными для этого дарованіями».

А въ своихъ частныхъ отмѣткахъ графъ Бёкингхэмширъ записалъ свое впечатлѣніе такъ: «Ея императорское величество ни мала, ни высока ростомъ; видъ у нея величественный, и въ ней чувствуется смѣшеніе достоинства и непринужденности, съ перваго же раза вызывающее въ людяхъ уваженіе къ ней и дающее имъ чувствовать себя съ нею свободно. Отъ природы способная ко всякому умственному и физическому совершенству, она, вслѣдствіе вынужденно замкнутой ранѣе жизни, имѣла досугъ развить свои дарованія въ бо́льшей степени, чѣмъ обыкновенно выпадаетъ на долю государямъ, и пріобрѣла умѣнье не только плѣнять людей въ веселомъ обществѣ, но и находить удовольствіе въ болѣе серьезныхъ дѣлахъ. Періодъ стѣсненій, длившійся для нея нѣсколько лѣтъ, и душевное волненіе, съ постояннымъ напряженіемъ, которымъ она подвергалась со времени своего вступленія на престолъ, лишили свѣжести ея очаровательную внѣшность. Впрочемъ, она никогда не была красавицей. Черты лица ея далеко не такъ тонки и правильны, чтобы могли составить то, что̀ считается истинною красотой; но прекрасный цвѣтъ лица, живые и умные глаза, пріятно очерченный ротъ и роскошные, блестящіе каштановые волоса создаютъ, въ общемъ, такую наружность, къ которой очень немного лѣтъ тому назадъ мужчина не могъ бы отнестись равнодушно, если только онъ не былъ бы человѣкомъ предубѣжденнымъ или безчувственнымъ. Она была, да и теперь остается, тѣмъ, что̀ часто нравится и привязываетъ къ себѣ болѣе, чѣмъ красота. Сложена она чрезвычайно хорошо; шея и руки ея замѣчательно красивы, и всѣ члены сформованы такъ изящно, что къ ней одинаково подходитъ какъ женскій, такъ и мужской костюмъ. Глаза у нея голубые и живость ихъ смягчена томностью взора, въ которомъ много чувствительности, но нѣтъ вялости. Кажется, будто она не обращаетъ на свой костюмъ никакого вниманія, однако, она всегда бываетъ одѣта слишкомъ хорошо для женщины, равнодушной къ своей внѣшности. Всего лучше идетъ ей мужской костюмъ; она надѣваетъ его всегда въ тѣхъ случаяхъ, когда ѣздитъ на конѣ. Трудно повѣрить, какъ искусно ѣздитъ она верхомъ, правя лошадьми—и даже горячими лошадьми—съ ловкостью и смѣлостью грума. Она превосходно танцуетъ, изящно исполняя серьезные и легкіе танцы. По-французски она выражается съ изяществомъ, и меня увѣряютъ, что и по-русски она говоритъ такъ же правильно, какъ и на родномъ ей нѣмецкомъ языкѣ, причемъ обладаетъ и критическимъ знаніемъ обоихъ языковъ. Говоритъ она свободно и

разсуждаетъ точно; нѣкоторыя письма, ею самою сочиненныя, вызывали большія похвалы со стороны ученыхъ тѣхъ національностей, на языкѣ которыхъ они были написаны.

«Въ уединеніи, въ которомъ она жила при покойной императрицѣ, она много и охотно читала. Исторія и интересы европейскихъ державъ близко знакомы ей. Когда она бесѣдовала со мною объ исторіи Англіи, я замѣтилъ, что особенно поражаетъ ее царствованіе Елизаветы. Время покажетъ, куда приведетъ ее желаніе подражать этой королевѣ. Чувствуя себя по части знаній выше большинства окружающихъ ее людей, она считаетъ себя выше всѣхъ вообще и, ясно понимая то, чему научилась, думаетъ, будто владѣетъ и тѣмъ, чего не знаетъ. Находясь на адмиральскомъ суднѣ въ Кронштадтѣ, подъ развѣвавшимся императорскимъ флагомъ, и польщенная неиспытаннымъ величіемъ командованія надъ болѣе чѣмъ двадцатью крупными судами, она заспорила со мною о томъ, какимъ концомъ впередъ ходитъ военное судно; конечно, она не была обязана знать это, но въ данномъ случаѣ сомнѣніе ея оказывалось смѣшнымъ».

«Много значенія—говоритъ далѣе графъ Бёкингхэмширъ—придаютъ ея рѣшимости въ низложеніи ея супруга. Она была вынуждена либо устранить его, либо подчиниться заточенію, которое, какъ она знала, давно уже задумывалось для нея. Люди, хорошо знающіе ее, говорятъ, что она, скорѣе, предпріимчива, чѣмъ храбра, и что ея кажущаяся храбрость вытекаетъ иногда изъ убѣжденія въ малодушіи ея враговъ, а иногда изъ того, что она не видитъ своей опасности. Несомнѣнно, что она смѣлѣе, чѣмъ вообще бываютъ женщины, но мнѣ два раза случилось видѣть ее сильно испуганною безъ причины, именно, однажды, когда она пересаживалась изъ лодки на корабль, а въ другой разъ—когда ей послышался легкій шумъ въ передней при дворѣ. Но когда нужно, она дерзаетъ на все, и присутствіе духа никогда не покидало ее во многихъ критическихъ и опасныхъ положеніяхъ. При всемъ томъ, она обладаетъ всею, свойственною ея полу, нѣжностью. Взглянешь на нее и сразу видишь, что она могла бы любить и что любовь ея составила бы счастье достойнаго ея поклонника».

Далѣе онъ отмѣчаетъ: «Люди, наиболѣе часто бывающіе въ ея обществѣ, увѣряютъ, что ея вниманіе къ дѣламъ невѣроятно велико. Она постоянно думаетъ о благополучіи и процвѣтаніи своихъ подданныхъ и о славѣ своего царствованія; по всѣмъ вѣроятіямъ, ея заботою репутація и могущество Россіи будутъ поставлены на такую ступень, какой никогда еще не достигали, если только она не будетъ слишкомъ увлекаться взятыми издалека и непрактичными теоріями, которыя черезчуръ охотно могутъ внушать ей заинтересованные или невѣжественные люди. Ея слабость—быть слишкомъ систематичною, и это можетъ оказаться уте-

сомъ, о который она, можетъ быть, разобьется. Она охватываетъ слишкомъ много предметовъ сразу и любитъ начинать, направлять и исправлять проекты въ одно и то же время. Проявляя сама неутомимость во всѣхъ своихъ начинаніяхъ, она заставляетъ и своихъ министровъ работать безъ перерыва. Они обсуждаютъ, составляютъ планы, набрасываютъ тысячи проектовъ и ничего не рѣшаютъ. Въ числѣ лицъ, пользующихся ея особеннымъ довѣріемъ, есть люди опытные, но мало или вовсе нѣтъ такихъ, которые обладали бы высшими дарованіями.

«Впрочемъ, одинъ изъ секретарей ея величества [1]) имѣетъ и знанія, и острый умъ, и даже прилежаніе, когда у него оказывается свободное для дѣлъ время послѣ женщинъ и гастрономическихъ утѣхъ, всегда составляющихъ его главную заботу».

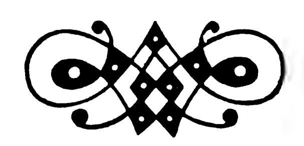
Не желая затрогивать столь щекотливаго предмета, графъ Бёкингхэмширъ, въ бесѣдахъ съ Екатериной, не касался переворота и заключившей его катастрофы. Но императрица нерѣдко сама заговаривала съ нимъ о своемъ покойномъ супругѣ, причемъ указывала на тѣ изъ его недостатковъ, которые были причиною его гибели. Что́ именно говорила ему на этотъ счетъ императрица, того изъ записокъ британскаго

[1]) Тутъ рѣчь идетъ, вѣроятно, о конференцъ-секретарѣ при императрицѣ Елизаветѣ, а потомъ частномъ секретарѣ Петра III, Дм. Вас. Волковѣ. Объ этомъ человѣкѣ, преданномъ интересамъ Австріи, но считавшемся способнымъ продаться кому угодно, графъ Бёкингхэмширъ записалъ въ другомъ мѣстѣ слѣдующее: „Волковъ, имѣющій большія способности отъ рожденія и съ юности пріучившійся къ дѣловымъ занятіямъ, быть можетъ, болѣе всѣхъ освѣдомленъ относительно внутренняго положенія Имперіи. Но замѣчательная распущенность его характера, вѣроятно, всегда будетъ препятствовать ему въ достиженіи того высокаго положенія, на которое онъ вполнѣ могъ бы разсчитывать въ другихъ отношеніяхъ. Едва-ли кто-нибудь сомнѣвается въ томъ, что онъ предалъ покойнаго императора, которому былъ очень многимъ обязанъ. Ни онъ, ни Вильгановъ, не были чужды перевороту за три дня до его совершенія. Они препятствовали принятію всякихъ благоразумныхъ рѣшеній въ Петергофѣ и были вознаграждены за это“. Въ другомъ мѣстѣ своихъ замѣтокъ графъ Бёкингхэмширъ, сообщая о тревогѣ, охватившей Петра III въ Ораніенбаумѣ при полученіи вѣсти объ угрожающей ему опасности и о томъ, какъ онъ старался найти убѣжище въ Кронштадтѣ, говоритъ: „Въ это время Вильгановъ и Волковъ, вмѣсто того, чтобы дать императору единственный спасительный совѣтъ—удалиться въ Нарву—смущали его и тянули время, составляя и исправляя воззваніе, которое они предполагали отправить въ Петербургъ. Еслибы онъ уѣхалъ въ Нарву, къ чему имѣлъ полную возможность въ теченіе, по крайней мѣрѣ, двѣнадцати часовъ, то онъ оставался бы тамъ въ безопасности до тѣхъ поръ, пока на помощь ему не пришла бы армія изъ Ливоніи. Прусскій король успѣлъ бы спасти союзника, который являлся, въ нѣкоторомъ родѣ, мученикомъ за свое восторженное преклоненіе передъ королемъ“.

посла не видно; но несомнѣнно, что онъ, при преклоненіи передъ личными качествами Екатерины II, находилъ въ условіяхъ ея положенія объясненіе перевороту.

«Навлеку ли я на себя подозрѣніе въ пристрастіи—писалъ онъ,—если скажу, что безумство и неосторожность злосчастнаго императора, его несомнѣнное намѣреніе заточить Екатерину, его дальнѣйшій планъ относительно устраненія великаго князя, его неумѣстный походъ противъ Даніи, его низкое заискиваніе передъ прусскимъ королемъ, которое, въ концѣ концовъ, должно было бы оказаться гибельнымъ для Имперіи, и наконецъ оскорбленія, которымъ онъ ежечасно подвергался со стороны оставленной имъ любовницы—что все это въ сильной степени говоритъ въ защиту поведенія Екатерины, по скольку оно касается сверженія его съ престола?»

(Продолженіе слѣдуетъ).

Фотій и графиня А. Орлова-Чесменская.

(По подлиннымъ неизданнымъ письмамъ).

I.

Фотій, архимандритъ Юрьева монастыря, познакомился съ графиней А. А. Орловой-Чесменской въ 1820 году. Это видно изъ письма, въ которомъ Фотій шлетъ графинѣ поздравленіе со днемъ ея рожденія и припоминаетъ годовщину встрѣчи: «Господь съ тобою, чадо дѣвица, радуйся. Со днемъ твоего рожденія тебя поздравляю. Вотъ уже 13 лѣтъ совершилось, какъ Господь сподобилъ меня видѣть лицомъ къ лицу въ первый разъ тебя» (30-го апрѣля 1833 г.). Въ другомъ письмѣ говорится о болѣе точномъ времени встрѣчи, указывается и мѣсто ея. «Уже 14-е лѣто наступаетъ, какъ я тебя узрѣлъ лицемъ къ лицу и Господь рукою моею недостойною благословилъ тебя. 1833 года апрѣля 27-го дня ровно 13 лѣтъ, какъ въ Казанскомъ соборѣ ты узрѣла меня и *я отъ тебя милость пріялъ*» (27-го апрѣля 1833 г. Курсивъ Фотія).

Сначала Фотій преподавалъ Законъ Божій въ духовномъ училищѣ и во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, затѣмъ его назначили игуменомъ въ Деревяницкій монастырь, близъ Новгорода, нынѣ преобразованный въ женскую обитель съ епархіальнымъ училищемъ. Здѣсь онъ получилъ санъ архимандрита и былъ переведенъ въ Сковородскій монастырь. Знакомство его съ графиней произошло до настоятельства. Графиня начала свои пожертвованія съ Деревяницкаго монастыря, потомъ перенесла ихъ, по мѣсту новаго служенія Фотія, на Сковородскій. Однако въ письмахъ Фотій объ этихъ монастыряхъ нигдѣ не обмолвился ни однимъ словомъ, только объ учительствѣ вспоминаетъ вскользь, когда

пишетъ относительно своихъ лѣтъ и трудовъ. «Вотъ уже завтра и день рожденія моего и мнѣ свершится 37 лѣтъ отъ рожденія, и повѣрь мнѣ, что не видалъ почти, мало чувствовалъ, какъ жизни моей 37 лѣтъ прошло.

«Все житіе мое сперва мнѣ по младенчеству не было понятно и чувствительно, потомъ въ ученіи было отъ заботъ не совсѣмъ примѣтно, потомъ въ бытность учительства хлопотливо и весьма заботливо. Въ монашествѣ было уединенно, а въ должности настоятельства весьма было заботливо, хлопотливо, многотрудно и тако 37 лѣтъ житія протекло непримѣтно. Вотъ ужé два года сіе не празднуемъ мы» (6-го іюня 1829 г.).

Настоятелемъ Юрьева монастыря Фотій сдѣлался спустя слишкомъ два года послѣ встрѣчи съ графиней. Это отмѣчено имъ въ письмѣ. «Нынѣ у насъ въ обители праздникъ—воспоминаніе моего введенія въ монастырь настоятелемъ въ 1822 г., 4-го сентября» (4-го сентября 1829 г.).

II.

Переписка Фотія съ графиней начинается съ того года, въ который онъ съ ней познакомился. Онъ писалъ ей ежедневно, за исключеніемъ маленькихъ періодовъ, когда она пріѣзжала на два-три дня въ монастырь. Ежедневныя посланія продолжались вплоть до 1829 г. Въ этотъ годъ графиня пріобрѣла рядомъ съ Юрьевымъ мызу и стала ѣздить въ день своего ангела, на монастырскіе праздники и даже проживала всѣ посты. Поэтому Фотію волей-неволей пришлось сократить число писемъ, но тѣмъ не менѣе, во время пребыванія Орловой на мызѣ, онъ велъ переговоры изъ своей кельи съ графиней на запискахъ.

Съ пріобрѣтеніемъ мызы, какъ-бы заканчивается первая часть писемъ. Фотій беретъ ихъ обратно, выбираетъ нѣкоторыя и составляетъ изъ нихъ повѣствованія поучительнаго, назидательнаго и душеспасительнаго характера. «Теперь я тебѣ дамъ отчетъ въ моихъ занятіяхъ. Въ прошедшіе дни за 1826 г. письма мои собственноручно мною писанныя къ тебѣ всѣ пересмотрѣлъ и 1827 г. также пересмотрѣлъ и означилъ, сколько писемъ дѣльныхъ, къ перепискѣ годныхъ, о духовныхъ матеріяхъ. Изъ числа писемъ 1827 г., я 25 № только означилъ для переписки, а изъ 1828 г.—35 № писемъ, а въ 1826 г., если Господь поможетъ, то означу нынѣ, и мнѣ кажется, въ одну книгу можно всѣ помѣстить изъ 3 годовъ или порознь, какъ тебѣ угодно. Но переписать я сперва прикажу въ монастырѣ и переписанное пересмотрю исправно и тебѣ представлю для совершенной переписки. Прошу письма

1829 и 1830 гг. привезти, а я всѣ тебѣ въ книгахъ у меня находящіяся вручу. Я помню, что 1820, 21, 22, 23, 24, 25 и 1826 гг. были переписаны и у меня; были книги, кои я исправлялъ, но теперь не знаю. А мнѣ избранныя письма весьма желательно имѣть выписанныя изъ всѣхъ годовъ, какъ напр: 1820, 1821, 1822 гг., письма въ общую книгу, одни отборныя переписавъ, а 1823, 1824 и 1825 гг., въ особую, и 1826, 1827 и 1828, въ особую. А ежели однихъ отборныхъ книга велика будетъ изъ трехъ годовъ, то по два года книга быть можетъ. И, вмѣсто трехъ, четыре книги, быть могутъ составлены и вмѣсто письма надпись можно сдѣлать на каждой книгѣ: Посланіе архимандрита Фотія, духовнаго отца къ духовной дщери Г. А. А. О. Ч. 1820, 1821 и проч. А ежели хощешь, то иначе. Я взялъ двухъ писцовъ переписывать отборныя письма 1827 и 1828 г. Очень ты меня утѣшишь много, ежели отборныя письма прикажешь особенно переписать начисто и мнѣ одинъ экземпляръ дать въ переплетѣ. Но сперва привези и я назначу, какія выписывать письма и какія оставить» (1-го ноября 1830 г.).

Въ другомъ письмѣ Фотій говоритъ о тѣхъ же «отборныхъ» письмахъ и выдѣляетъ 1823 г., какъ полный скорбными особенностями въ его жизни. «Перечитывая письма всѣхъ годовъ, нахожу, что въ 1823 г., въ годъ моихъ скорбей, всѣ отборныя посланія лучше всѣхъ, а посему я уже исправляю оныя со всею тщательностью, т. е. почти снова иныя въ иномъ слогѣ и духѣ надписываю и всѣхъ посланій въ семъ году, по статьямъ, въ кои по нѣскольку сложено и совокуплено, 6 числомъ. 1-я статья о дѣвствѣ и чистотѣ, 2-я о дѣвствѣ и чистотѣ, 3-я о соблюденіи обѣтовъ въ соблюденіи дѣвства и чистоты дѣвствуемымъ, 4-я о необходимости терпѣнія скорби всякому и особенно дѣвствующимъ, 5-я о царствіи небесномъ, о чемъ я теперь исправляю со всею тщательностью и 6-я объ ангельскомъ во плоти жительствѣ—о преподобномъ иночествѣ. Сей годъ мнѣ самому лучше всѣхъ годовъ нравится. Вотъ чѣмъ я занятъ и занимаюсь съ радостью» (25-го ноября 1830 г.).

Но гдѣ въ настоящее время подлинники отборныхъ писемъ и неотборныхъ? По крайней мѣрѣ о книгахъ извѣстно, что онѣ были написаны въ нѣсколькихъ экземплярахъ, и ими, при характеристикѣ Фотія и Орловой, въ свое время пользовались: Карновичъ, Миропольскій, Семевскій и др. Можетъ быть, теперешній владѣлецъ не желаетъ предать гласности подлинники, или, вѣрнѣе, они уничтожены самимъ Фотіемъ. Фотій, конечно, продолжалъ писать графинѣ и писалъ, хотя рѣже, до послѣднихъ дней своей жизни, съ 1829 по 1838 годъ. «Пишу на колѣняхъ. Прости, что тако я дошелъ до крайняго истощанія. Божія воля и я, какъ малое больное дитя безъ помощи чужія быть не могу. Я такъ боленъ, какъ никогда не былъ» (Изъ послѣдняго письма 29-го января 1838 года).

Письма, такъ сказать, второй части Фотій не успѣлъ подвергнуть такой же обработкѣ, какъ письма первой части, и они цѣликомъ поступили въ наслѣдство Орловой, которая, придавая имъ большую цѣну и особенное значеніе, разобрала по годамъ и заключила ихъ отдѣльно въ кожанные переплеты съ серебряными застежками. Эти десять томовъ были у меня на рукахъ и оставили въ моей библіотекѣ слѣдъ, въ видѣ точныхъ копій.

Насколько занимательны были письма первой части—я не знаю, но когда графиня стала ѣздить чаще на мызу и проживать въ монастырѣ подолгу, когда Фотій болѣе сблизился съ нею, тогдашнее общество крайне интересовалось отношеніями этихъ личностей, поэтому въ этой части письма навѣрно больше представляютъ интереса.

Графиня тоже отвѣчала письмами и довольно часто, такъ что болѣе продолжительные интервалы времени вызывали у Фотія безпокойство.

«Какъ отъ 26-го апрѣля получилъ письмо, то доселѣ еще не получалъ ни одного твоего письма» (3-го мая 1829 года). «Еще отъ 29-го апрѣля, какъ получилъ письмо, послѣ онаго не получалъ другаго» (9-го мая 1829 года). Ея письма, должно быть, отличались нѣкоторыми тайнами, потому что Фотій писалъ ей: «Еще скажу тебѣ и то, что всѣ твои письма я отселѣ не истребляю, а собираю и буду собирать во едино и хранить, а посему лишнихъ словъ не пиши мірскихъ. Довольно мнѣ, если ты напишешь — отче мой, возлюбленный, или—наставниче, или—пастыре, или—отче святый. Изъ почтенія ко мнѣ, яко истому тебѣ по Бозѣ отцу и подобныя слова по правилу святыхъ, лучше пиши и все тако продолжай, ибо я собирать отселѣ долженъ всѣ твои письма. А что ежели думаешь лишнее и особенное написать, то на особомъ листкѣ особенно можешь прилагать, а не мѣшать все воедино. Вѣдай, что твои письма будутъ зерцало твоей души и нашей общей любви о Господѣ, и нашего житія и нашихъ дѣяній. Ты разумѣешь, что я тебѣ пишу. Хотя пространны, хотя кратки письма, но пиши уже теперь объ особахъ имена, а не знаки, кто чего достоинъ, тотъ то и получитъ. Ты писать умѣешь добре и свято. Пиши отъ души и отъ всей твоей о Господѣ любви» (26-го апрѣля 1832 г.).

Интересъ писемъ графини былъ столь великъ, что находились любопытные, которые вскрывали письма, читали и снова запечатывали. «Скажу нужное: нѣсколько пакетъ разодранъ былъ отъ 16-го числа. Это былъ знакъ, что читано, похищено. Дивился, какъ было можно вынуть и опять вложить письмо пустое. Итакъ прошу обладки класть и крѣпче припечатывать письмо; а я у себя на почтѣ внушу осторожность и узнаемъ, кто, гдѣ, что промышляетъ. А ты между тѣмъ свою мѣру осторожности возьми» (18-го ноября 1835 г.).

Однако Орлова писала такія письма, которыя Фотій сейчасъ же уничтожалъ: «Письмо твое отъ 22-го октября получилъ и лишь прочелъ, предалъ огню, ибо ненужное, нѣтъ нужды держать» (24-го октября 1829 года.

III.

Когда графиня задумывала ѣхать въ монастырь, то спрашивала большею частью у Фотія совѣта и даже разрѣшенія, на чтò онъ никогда не противился; выражалъ радость и удовольствіе, указывалъ удобства и точные сроки пріѣзда. «Ты вопрошаешь меня, будетъ ли мое благословеніе тебѣ на пріѣздъ къ 1-й недѣли св. Великаго поста. Я весьма одобряю твое намѣреніе. Да и нужно первую недѣлю в. поста тебѣ провести въ святой обители. Но жаль, ежели ты еще не успѣла въ своемъ дѣлѣ. Постарайся рѣшеніе имѣть и тѣмъ тебѣ пріятнѣе уже дни В. поста 1-й недѣли вести, чѣмъ у тебя будетъ меньше заботъ, а почему я на волю твою все тебѣ отдаю. Ежели въ дѣлѣ успѣха нѣтъ, а ежели есть, то есть надѣлала уже, то для чего же и медлить. Гдѣ же и лучше дни постные не можно провести, какъ въ не святой обители, хотя слово вѣрно получить въ намѣреніе благое. Смотря по обстоятельствамъ, ты все дѣлай (11-го февраля 1829 г.). Уже не много времени до св. и в. поста, и чаю вскорѣ видѣть тебя тогда, старицу преподобную». Но къ первой недѣлѣ св. Великаго поста, графиня почему-то не пріѣхала, и Фотій начинаетъ безпокоиться, хотя не теряетъ надежды вообще на пріѣздъ ея въ этомъ посту. «Пишу тебѣ мало нынѣ, ибо чаю, что сіе письмо мое едва-ли застанетъ тебя въ С.-П.-Б. Конечно, ты уже поспѣшишь прилетѣть ко св. и в. посту въ свое гнѣздо» (19-го февраля 1829 года).

Однако постъ проходилъ, а графиня медлила пріѣздомъ. Все-таки Фотій надѣялся на конецъ поста и писалъ ей съ легкой укоризной:

«Я думаю, что ты пріѣдешь на богомоленіе къ Вербному воскресенью, т. е. на Вербной, къ Лазареву воскресенію. Такъ ли? Или я ошибся? Увѣдомь меня о твоемъ намѣреніи. Напиши мнѣ, каково твое здравіе, мирна ли ты и спокойна ли ты; что твое дѣло? поранѣе къ празднику можешь пріѣхать и поговѣть и помолиться» (18-го марта 1829 года).

Въ другой пріѣздъ Фотій зазываетъ Орлову, прельщая ее интереснымъ сравненіемъ. «Мало пишу нынѣ тебѣ, ибо я чаю, что вскорѣ ты и сама, голубица моя, чадо мое, прилетишь въ ковчегъ твоего старца Ноя. Конечно онъ и нѣсть праведенъ, яко же Ной, но для тебя ковчегъ его обительный есть яко ковчегъ Ноя для голубицы былъ. Та Ною

нѣкогда излетѣвшая изъ ковчега, вѣтвь радости принесла. Чаю, что и ты мнѣ всегда вѣтвь радованія по силѣ въ устахъ твоихъ чистыхъ принесешь. Не яко вранъ, излетѣвъ хищная птица и не помня благодѣтельности Ноя отца, паки не возвратися. Ты же яко голубица любишь ковчегъ твой и въ немъ твое мѣсто покоя пріятнѣе всего. Живи яко голубица въ чистотѣ и радуй отца твоего недостойнаго Ноя (3-го февраля 1833 г.).

Тотъ пріѣздъ, который становился несомнѣннымъ и былъ точно отмѣченъ извѣстнымъ днемъ, Фотій ознаменовывалъ обыкновенно встрѣчей внѣ стѣнъ монастыря. «Перевозъ для тебя хорошій пріуготовленъ, но я запретилъ тебя въ случаѣ пріѣзда перевозить, а дать мнѣ знать, и я пріѣду на дрожкахъ парныхъ къ мѣсту перевоза и сяду самъ въ судно и пріѣду къ тебѣ и возьму тебя и перевезу и на дрожкахъ пріѣдемъ въ монастырь. И такъ я буду ожидать тебя весь день въ понедѣльникъ 29-го и 30-го апрѣля, и будутъ и перевозчики и всѣ настражѣ и въ готовности тебя стрѣтить на каждый часъ. Въ случаѣ, если ты раньше не напишешь, которой день выѣдешь, то можетъ быть я и не усмотрю, а судно большое будетъ съ перевозчиками у Благовѣщенія тебя дожидать, а я токмо успѣю пріѣхать на дрожкахъ къ тебѣ по шоссе, къ среднему мосту, который еще не потонулъ, а до него все потонуло на версту». (26-го апрѣля 1835 г.).

Насколько радостно встрѣчалъ онъ графиню, настолько сокрушенно провожалъ ее. «Вчера какъ ты отправилась, то я пошелъ на колокольню смотрѣть, гдѣ и какъ путь совершаешь. Но уже нельзя было видѣть коней и экипажа, а лишь я увидѣлъ, что близъ къ Расщепу огонь въ фонаряхъ былъ, то, боясь простуды, ушелъ съ колокольни и послѣ смотрѣлъ сквозь стекла лишь мызы и, какъ ты къ церкви Благовѣщенской стала подъѣзжать, оба фонаря мнѣ въ глаза, и проводивъ глазами уже къ городу, успокоился о твоемъ проѣздѣ и благодарилъ Бога» (20-го сентября 1829 г.).

Въ году 1829 не было еще проложено отъ монастыря къ церкви Благовѣщенія прямой дороги чрезъ болото, затопляемое весною высокою водою. Попадать въ Юрьевъ надо было кругомъ, деревнями. Если Фотій видѣлъ фонари кареты у Расщепа съ колокольни, а потомъ видѣлъ ихъ съ мызы у Благовѣщенія, то на мызу надо было спѣшить, такъ какъ разстояніе между указанной деревней и церковью небольшое, а отъ монастыря до мызы путь порядочный. Такимъ образомъ, Фотій не могъ поспѣть на мызу пѣшкомъ, а его ожидала лошадь. Въ другомъ письмѣ, говоря о суевѣріи, Фотій упоминаетъ и о томъ, насколько онъ не можетъ успокоиться по отсутствіи графини, онъ стоитъ и провожаетъ ее глазами до тѣхъ поръ, пока она не въѣдетъ въ городъ. «Вчера, я 18-го августа, какъ возвращался съ намѣстникомъ въ келью, то вотъ какой

вояжъ намъ былъ: огонь въ фонаряхъ кареты твоей былъ виденъ намъ и казалось, мы уѣхали очень далеко, а ты осталась позади очень, напротиву насъ. Какъ вдругъ очутилось, что ты уже у Благовѣщенія, а мы еще далече были отъ мызы, но успѣли и мы поравняться, понудивъ коней. Пріѣхавъ на Пантелеймоновку [1]), и у дома стояли и смотрѣли, какъ по полю и дорогѣ катилась карета. Мы подъѣхали къ Юрьеву и слѣдили, какъ ты въ Ямщики [2]) въѣхала и, какъ въѣхавъ въ городъ, скрылся огонь, и мы въѣхали во дворъ, гдѣ насъ экономъ ожидаетъ и сказываетъ, что, стоя у вратъ къ пруду, слышалъ свистъ въ рощѣ по аллеѣ и кто-то въ ладоши бьетъ. Намѣстникъ испугался и бѣжать отъ страха, а было уже очень темно. Я сказалъ имъ: вотъ пойду искать то, что чудится, и пошелъ; шелъ же со мною экономъ, а намѣстникъ, устыдившись, пошелъ позади меня. Я пришелъ въ густую аллею, свистнулъ и крикнулъ. Маленькіе псы залаяли, и бѣжитъ человѣкъ ко мнѣ. Это былъ пчельный стражъ. Я спросилъ его: ты свисталъ и въ ладоши щелкалъ теперь за полчаса назадъ тому? Онъ сказалъ: я. Да къ тому же и прибавилъ: и галки крыльями часто хлопали. Вотъ и всѣ суевѣрныя причуды. Я сіе потому ту же минуту вывелъ наружу, что солдатъ караульный—Бабонинъ, утверждалъ эконому сперва, что и часто чудится и такъ дѣлается въ рощѣ по густой аллеѣ, отчего страхъ и робость нашли и на эконома. Вотъ и конецъ суевѣрію» (19-го августа 1829 г.).

IV.

Въ свою очередь и Фотій ѣздилъ къ графинѣ въ Петербургъ, но гораздо рѣже, чѣмъ она въ монастырь. «Теперь тебѣ скажу по секрету, что ежели ты еще пробудешь слаба, то не удивися, ежели я на нѣсколько часовъ явлюся къ тебѣ въ нощи тебя посѣтить. Ты тако прими, дабы никто не узналъ, что я пріѣду и буду у тебя. Ты будто о. Арсенія примешь, и ежели быть, то отъ 8 ч. до 4 ч. въ нощи, и пробывъ день, паки могу уѣхать. Жалѣю о томъ, что заранѣе тебѣ о семъ не сказалъ, ибо я бъ уже исполнилъ и ежелибъ тебя нечаянно не удивилъ и не испугалъ, то бы на 12 число могъ быть у тебя и ежели быть, то съ 15 на 16 въ нощи могу. Знай сіе, что впредь когда ты будешь немощна когда-либо, то я такъ и буду дѣлать. Знай про себя едина» (11-го сентября 1833 г.).

Дѣйствительно, Фотій пробылъ у графини въ Петербургѣ сутки 17-го сентября и 22-го былъ уже снова въ Юрьевѣ. Кромѣ болѣзни графини, иногда толкалъ его на поѣздку какой-нибудь сонъ. «Мнѣ что-то сей нощи

---

[1]) Церковь рядомъ съ мызой.

[2]) Пригородная ямская слобода.

бредилось много: тебя видѣлъ много, митрополита, былъ какъ будто въ Спб. и спѣшилъ пріѣхать во свѣтъ» (18-го марта 1829 г.). Онъ даже давалъ графинѣ совѣты, какимъ образомъ его слѣдуетъ укрывать, когда онъ пріѣдетъ въ столицу. «Вотъ тебѣ тайно объявляю: знай и держи на сердцѣ твоемъ, ежели Богъ дастъ, живъ и здравъ буду, то я до 6-го самъ къ тебѣ прилечу, а можетъ быть около 1-го, день и часъ дня и нощи тебѣ назначу и велю тебѣ выѣхать за заставу, будто прогуляться ты захотѣла, и скажу, гдѣ меня срѣтить. Я сяду къ тебѣ и проѣду и пріѣду къ тебѣ и побывъ нѣсколько часовъ, съ тобою же выѣду, пріобщивъ тебя, и опять въ свое гнѣздо» (19-го сентября 1833 г.).

Очевидно Фотій избѣгалъ оффиціальныхъ отпусковъ, такъ какъ они порождали среди мѣстнаго духовнаго начальства не мало толковъ по поводу отношеній его съ графиней. Онъ предпочиталъ тайныя поѣздки, охотнѣе подвергалъ себя риску, лишь бы только никто не зналъ, что онъ ѣдетъ въ Петербургъ. Это одно, но больше то, что въ царствованіе Александра Павловича Фотій имѣлъ свободный доступъ въ столицу, безъ всякаго разрѣшенія со стороны духовной власти. При Николаѣ Павловичѣ свобода отпала, но Фотій все-таки не хотѣлъ подчиняться ни общимъ правиламъ объ отпускахъ, ни начальству, а продолжалъ разрѣшать самъ себѣ, хотя тайныя, но свободныя отлучки. Тѣмъ не менѣе своевольныя отлучки безпокоили Фотія. Онъ во что бы ни стало старался возстановить права, данныя ему на въѣздъ въ Петербургъ покойнымъ Александромъ I. Хлопоты были большія и неоднократныя и, конечно, чрезъ графиню. «Чадо, ты знаешь, что 1824 г. 1-го августа мнѣ дано отъ императора Александра I на бумагѣ, чрезъ графа Аракчеева, повелѣніе единожды навсегда пріѣзжать въ Спб., когда мнѣ нужно.

«Императоръ сряду меня звалъ лично къ себѣ изъ Новгорода и объявилъ мнѣ то же въ бытность мою у него въ кабинетѣ. Послѣ же смерти его, царя, мнѣ были препятствія всякія, особенно во время безпокойствъ въ концѣ 1825 и 1826 гг. И духовное начальство, не благоволивъ ко мнѣ въ то время, не было довольно таковымъ царскимъ благоволеніемъ. Ты же знала и знаешь, что нужда у меня можетъ быть едина важная, когда я что узнаю важное касательно государства и церкви. Я просилъ подтвержденія у Николая Павловича, позволитъ ли онъ мнѣ пользоваться тѣмъ правомъ не въ примѣръ другимъ, т. е. пріѣзжать въ Спб., когда мнѣ нужно будетъ. Графъ Орловъ Алексѣй Ѳедоровичъ докладывалъ ему и дважды мнѣ объявилъ царскую волю, что я могу пользоваться тѣмъ же правомъ.

«Годъ отъ году на всѣхъ выходятъ разные указы и предписанія и могутъ случиться разныя препоны со стороны духовныхъ, особенно въ важныхъ случаяхъ, то я снова желаю знать, царь Николай Павло-

вичъ дозволитъ ли мнѣ пріѣзжать въ Спб. или въ столицу, т. е. гдѣ онъ пребываетъ, въ случаѣ нужды не моей, а общей, или когда я найду за нужное побывать. Я прошу подтвержденія прежняго позволенія, ибо нужно мнѣ пользоваться симъ правомъ. Ежели я не могу пріѣхать самъ по слабости когда въ столицу или выѣхать куда, то послать вѣрнаго моего. Таковое право данное я содержалъ секретно у себя и содержу и не боявшись всегда пріѣзжалъ будто по монастырскимъ надобностямъ въ столицу или присылать; а не подъ другимъ видомъ.

«Еще остается времени около трехъ лѣтъ, а можетъ быть и болѣ весьма бдѣть и назирать самымъ тонкимъ образомъ и Богу молиться. Я молюся непрестанно и что мнѣ нужно, назираю крѣпко и къ Богу взираю. И такъ я бъ желалъ, чтобъ А. Ѳ. Орловъ доложилъ царю о семъ, могу ли я пользоваться симъ правомъ впредь. Я же напрасно не пріѣду, напрасно царя не буду ничѣмъ затруднять. Ежели пріѣду или пришлю и узнаю, что нѣтъ надобности особой, то сряду и уѣду тихо, мирно и тайно. Я бъ весьма желалъ, чтобъ графъ меня хотя записочкою малою о семъ увѣдомилъ. Не будетъ ли противно царю, когда я буду пріѣзжать или присылать кого-либо отъ себя въ Спб. по случившейся нуждѣ. Кажется, я ничего пустаго и глупаго не сдѣлалъ, и пріѣздъ мой можетъ быть къ графинѣ, дочери Аннѣ, а докладъ быть не можетъ въ случаѣ нужды, чрезъ графа Орлова царю. Можетъ быть и не случится нужды, но надобно имѣть руки развязаны на всякъ случай пріѣхать или прислать. Дай Богъ, чтобъ не было нужды мнѣ особой пріѣхать, но надобно не зѣвать, время лукавое и люди лукавые. Я же царю вѣренъ и не измѣню. Прочти графу сіе. Я останусь цѣлъ и умру съ Богомъ, но долженъ и царю служить, ибо что я могу сдѣлать и узнать единъ изъ духовныхъ, никто не можетъ знать. Но я же и весьма скроменъ. Пріѣхавши, никуда не ѣзжу, какъ живу у митрополита въ его кельяхъ и у дочери, а свиданіе мое съ графомъ Орловымъ и только» (25-го іюля 1834 г.).

Послѣ этого письма Фотій въ третій разъ настоялъ, чтобы Николаю Павловичу доложили объ его желаніи подтвердить волю Александра I бумагой. Однако отвѣта онъ долго не получалъ. Отвѣтъ ему прислала графиня. Онъ былъ въ томъ духѣ, что если еще повторится подобное ходатайство, то Фотія вышлютъ въ одинъ изъ отдаленныхъ монастырей. Надо было видѣть, въ какой степени тогда обозлился Фотій. Тѣмъ не менѣе свое ходатайство онъ не признавалъ причиною гнѣва государя, онъ считалъ себя неповиннымъ, а сваливалъ на стороннихъ людей, что будто бы случилось все это по ихъ проискамъ и кознямъ. Фотій отписался, какъ невинная овца. «Скажу тебѣ, что со смерти Александра I, 1826, 1827, 28, 29 и пр. годы много скорби и притѣсненій я потерпѣлъ» (1-го августа 1834 г.).

V.

Для болѣе тѣснаго сближенія Фотій придумалъ, какъ мы уже говорили, купить неподалеку отъ Юрьева имѣніе, куда графиня могла бы пріѣзжать свободно и жить тамъ внѣ всякихъ пересудовъ, совсѣмъ не такъ, какъ въ монастырѣ. Самымъ подходящимъ и способнымъ для этой цѣли было помѣстье Семевскаго, съ землею и барскимъ домомъ, находящееся въ полуверстѣ отъ монастыря, чрезъ небольшое болото. Вотъ Фотій и посовѣтовалъ графинѣ купить усадьбу Семевскаго. Завязалась процедура пріобрѣтенія. Семевскій хорошо зналъ, насколько важна для графини и Фотія его усадьба, поэтому предъявлялъ самыя тяжелыя условія. «Вижу, что еще дѣло твое впередъ не шагнуло: терпи, Господь устроитъ все во благо вскорѣ» (6-го февраля 1829 г.).

Семевскій поднималъ однако же цѣну на имѣніе и на людей, о чемъ Фотій былъ увѣдомленъ. «За такое вѣроломство я совѣтовалъ бы купчую помедлить совершать, т. е. до лѣта, когда столбы поставятъ отъ Семевскаго. Вотъ какъ низокъ г-нъ Сем...; онъ не забылъ, а все помнитъ, но удивленъ сребролюбіемъ. Не нужно повара, что дѣлать—усердіе было. Но оставимъ все. Конюха очень желалось, но что дѣлать, когда не даетъ, когда жаль сребролюбцу старику, то не покупай ни того, ни другаго, что бы могъ продать» (26-го января 1829 г.).

Семевскій предлагалъ окончить купчую сдѣлку зимою, дабы, подъ благовиднымъ предлогомъ, отказаться отъ постановки знаковъ обмежеванія, Фотій видѣлъ въ этомъ уловку и опасался за то, что послѣ покупки знаки могутъ быть поставлены въ ущербъ покупщика.

Графиня безпокоилась о томъ, что не поставлены межевые знаки, и писала о своемъ безпокойствѣ Фотію. «Ты пишешь, что начинаешь скучать, что ни слова о дѣлѣ твоемъ нѣтъ. Сохрани тебя Боже отъ скуки. Стоитъ ли сіе дѣло скуки. Для чего себя безпокоить и печалить. Все терпи Бога ради и буди въ мирѣ и радости о дѣлѣ святѣ» (14-го февраля 1829 г.).

Наконецъ, покупка совершилась. Семевскій продалъ имѣніе не только съ усадебной землей, но и съ другими земельными угодьями — иначе продать онъ не соглашался. Графинѣ, конечно, нуженъ былъ домъ и домовое хозяйство, въ землѣ же она не имѣла никакой нужды. Поэтому, сообщая о купчей сдѣлкѣ, землю она предлагала принести въ даръ монастырю.

«Поздравляю отъ всего сердца и отъ всея души тебя съ покупкой дома и прочаго и что совершено уже дѣло. Ежели къ тебѣ расположены

и такъ къ тебѣ милы, то вѣрно землю рѣшилъ А. П. [1]) дать монастырю. А посему я уже буду спокоенъ совершенно и насчетъ пчельника и коровника, ибо въ виду семъ, постараюсь на мызѣ сдѣлать пчельникъ, а коровникъ помѣстить во дворѣ. Я весьма буду радъ, когда и прачки и коровницы, т. е. женскій полъ весь перейдетъ на горку, т. е. на мызу, въ тѣ мѣста, гдѣ будетъ подальше отъ монастыря. Весьма будетъ мнѣ праздникъ великій, ежели около Св. Пасхи выйдетъ указъ о дозволеніи принять твой даръ обители. Послѣ сего, ежели ты дозволишь и рапортовать мнѣ обо всемъ, то я буду принимать г. Семевскаго. Ни кій врагъ не можетъ мнѣ рещи въ укоръ, что я въ мірскія вещи и дѣла впутываюсь» (1-го апрѣля 1829 г.).

Отдѣлку и переустройство мызы Фотій взялъ на себя и постарался водворить такой порядокъ, чтобы графиня нашла мызу мирной и уютной. «На мызѣ я уже поправки въ жильяхъ для скотницы, прачекъ и скотинъ приказалъ дѣлать и, бывъ, все самъ осматривалъ» (27-го апрѣля 1829 г.).

Фотій былъ въ восторгѣ, когда получилъ бумагу о прикрѣпленіи земли къ монастырю. «Вчера преосвященный викарій прислалъ указъ Св. Синода о томъ, что земля, дарованная тобою Юрьеву, утверждена за нимъ, а домъ со дворомъ и садомъ послѣ, въ свое время. Указъ я прочелъ и весьма оному обрадовался. Теперь я хозяйничаю во дворѣ, жилье для скотницъ, прачекъ и скотинъ исправляю. Еще изъ Москвы садовники не пріѣхали и не привезли деревъ» (29-го апрѣля 1829 г.).

Затѣмъ Фотій сообщаетъ, что деревья получены и въ тотъ же день посажены. Слѣдовательно, при мызѣ имъ былъ разбитъ и садъ. Вскорѣ послѣ указа Фотій получилъ условія покупки и опечалился. «Скажу тебѣ теперь о землѣ подаренной. Въ условіи вашемъ прежнемъ съ Семевскимъ вовсе не сказано ни слова о землѣ, а токмо сказано, дабы чрезъ два года выселить крестьянъ. Я запрещалъ, сказывая, что по приказанію графини не велѣно давать земли. Но Комовскій [2]) мнѣ 7-го мая письмо прислалъ, что хотя и не сказано въ условіи о землѣ и засѣвѣ на два года, но должно имъ засѣять, т. е. Комовскій ему, Семевскому даритъ еще, а посему я и на полѣ садить не смѣю, да вѣрно уже и сѣна косить не можно и покосы имѣть на сіе 1829 лѣто. А въ домѣ твоемъ уже дѣлаются печи» (8-го мая 1829 г.).

Оказалось, что фактическое владѣніе землей останавливалось изъ-за дарственной записи. «Хотя въ монастырѣ я и получилъ указъ изъ духовной консисторіи о владѣніи земли, но гражданская палата еще

---

[1]) Эти буквы обозначаютъ слова: Ангелъ Правды. Такъ Фотій именовалъ государя Николая Павловича.

[2]) Правитель крестьянскихъ дѣлъ.

*

не дала акта, ибо дѣло остановилось за тѣмъ, что нужно дать тебѣ дарственную запись, такъ называемую или дать вѣрящее письмо на имя чье-либо о совершеніи дарственной записи, въ коей имѣніе съ предположеніемъ пользованія можешь оцѣнить даря, что оное не 25 тысячъ руб. стоющее, ты даришь, дабы пошлины менѣе сошло за дарственную запись. Я теперь не посылаю сего, но всѣ формы вручу лучше по пріѣздѣ восвояси. А безъ дарственной записи не можно сдѣлать акта» (31-го мая 1829 г.).

Въ это время графиня путешествовала съ государыней за границей. Фотій боялся, что продолжительность путешествія можетъ вредно отразиться на совершеніи дарственной, и поэтому проявлялъ не малое безпокойство. «Я съ нетерпѣніемъ ожидаю тебя для полученія дарственной записи на землю, тобою пожертвованную. Отъ 4-го іюня я тебѣ не писалъ, пишу же и не знаю, получишь ли ты письма мои въ свое время, ибо уже аще Господь благословитъ и благоволитъ, то должно вамъ къ іюлю, т. е. въ концѣ іюня, восвояси имѣть возвратъ» (5-го іюня 1829 г.). Объ устройствѣ того дома, въ которомъ должна была остановиться графиня, Фотій чрезвычайно заботился и періодически сообщалъ ей о ходѣ работъ. «Въ домѣ твоемъ все отдѣлывается и уже къ 7-му іюня все будетъ готово, исправно и хорошо» (28-го мая 1829 г.). «Домъ твой почти совсѣмъ отдѣланъ, расписанъ и полы выкрашены и нужное исправлено, весь какъ новый» (19-го іюня 1829 г.). «Сегодня я Василія Власова отпущаю въ домъ съ людьми и далъ ему 2.433 р., а еще токмо 5.000 р. останется додать въ Москвѣ» (8-го октября 1829 г.). «Домъ твой совсѣмъ отдѣланъ и весьма хорошо. Аще живы и здравы будемъ, чаю вскорѣ видѣться и бесѣдовать» (26-го іюня 1829 г.). «Домъ весь снаружи и внутри исправленъ очень хорошо, такъ что ты не узнаешь, такъ измѣнился. Дай, Господи, тебѣ въ путь возвращенія восвояси и намъ тебя видѣть въ утѣшеніе» (9-го іюля 1829 г.). На мызѣ домъ былъ прекрасно отстроенъ, только Фотій соболѣзновалъ, что графинѣ будутъ надоѣдать мухи. «Сдѣлай милость не забудь пологъ для себя и для твоей кровати привезти, дабы мухи не кусали, ибо кутеля не было, а мухи такъ стали кусать, что худой свой я вычистилъ и повѣсилъ. А посему хоть какой-нибудь пологъ худенькій и для меня привези. А для тебя необходимо нужно оный имѣть въ домѣ и повѣсить» (15-го іюля 1829 г.).

Въ маѣ прибыла еще партія деревьевъ изъ Петербурга, и пріѣхали садовники изъ Москвы. Фотій радовался, восторгался и весь день проводилъ на садовомъ участкѣ. Конечно, на открытомъ мѣстѣ, гдѣ не было еще никакой тѣни, сильно палило солнцемъ и, чтобы хотя нѣсколько защититься отъ жары, Фотій придумалъ огражденіе. «Ежели можно,

пришли мнѣ шляпу зеленую и картузъ для лѣта и ходьбы по саду» (20-го мая 1829 г.).

VI.

Сухопутная дорога изъ Новгорода въ Юрьевъ тянется среди полей по западной сторонѣ. У церкви Благовѣщенія, стоящей противъ самаго монастыря, дорога идетъ полукружьемъ, какъ сказано выше, чрезъ деревни, и подходитъ къ Юрьеву съ южной стороны. Конечно, попадать отъ Благовѣщенія въ монастырь по прямой линіи гораздо ближе, но здѣсь лежитъ болотистая низина, наполняемая весеннею водою. Между мызой и монастыремъ лежитъ такая же низина, хотя меньшихъ размѣровъ. Сначала Фотій попросилъ графиню для болѣе удобнаго сообщенія провести дорогу къ мызѣ, затѣмъ сейчасъ же находилъ недурнымъ проложить дорогу; такъ, между прочимъ, за однимъ дѣломъ и къ Благовѣщенію, не смотря на то, что первая оказалась по стоимости въ 6 тысячъ, а пристегнутая до 30 тысячъ. Обѣ дороги строились одновременно и притомъ на экономическихъ основаніяхъ. Работали военные поселяне, подъ присмотромъ бригаднаго генерала Эйлера. Разумѣется, Фотій не менѣе генерала слѣдилъ за ходомъ работъ. «Вчера я былъ на дорогѣ, и уже солдаты сего 21-го августа самую большую насыпь кончаютъ и переходятъ уже на ближайшій проливъ къ дому твоему и обѣщаются къ половинѣ сентября довершить дорогу. Прекраснѣйшая дорога будетъ и весьма широкая» (21-го августа 1829 г.). «Вчера былъ Эйлеръ генералъ, и мы съ нимъ ходили на дорогу. Чудная дорога. Спасибо ему, очень старается» (24-го августа 1829 г.). Но это обѣщаніе не сбылось, и устройствомъ дорога затянулась гораздо дольше. «Дорога чрезъ большой проливъ сдѣлана, кончена и мостъ, и 16 ч. я проѣзжалъ на парѣ, а къ самой мызѣ едва-ли будетъ сдѣлана, ежели погода хороша не будетъ. На будущее лѣто, дастъ Богъ, рано кончимъ дорогу и будетъ лучше» (17-го октября 1829 г.).

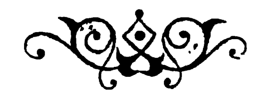
На самомъ дѣлѣ Фотій больше заботился о дорогѣ, ведущей къ Благовѣщенію. Понятно, та дорога была важнѣе, какъ сокращающая сообщеніе съ городомъ. «Дорога наша дѣлается и на большомъ проливѣ совершена. Думаю, что скоро можно будетъ проѣхать, ибо мосты всѣ готовы. Очень желательно мнѣ довершить все хотя до мызы начисто. Тогда и ѣздить будетъ возможно хорошо» (11-го октября 1829 г.). Благовѣщенская дорога съ дорогою къ мызѣ идетъ почти параллельно и затѣмъ послѣднюю оставляетъ позади. Спустя немного Фотій писалъ уже объ окончаніи большой дороги. «Работа кончилась на дорогѣ, и я вчер первый разъ проѣхалъ по новой дорогѣ въ городъ, ибо важенъ и нуженъ

токмо главный ручей, который никогда не высыхаетъ, а первый мало значитъ» (Изъ письма 19-го октября 1829 г.).

Судя по короткимъ отрывкамъ изъ дальнѣйшихъ писемъ въ 1829 г., дорога къ Благовѣщенію не была окончена въ совершенномъ видѣ, а если Фотій проѣзжалъ по ней, то благодаря осени, когда ручьи пересыхаютъ. Обѣ дороги были окончательно готовы въ слѣдующемъ году. Съ того времени только по нимъ можно было ѣздить во всякое время.

А. Слезскинскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Французы въ Польшѣ въ 1806—1808 г.г.

(Изъ воспоминаній генерала Іосифа Шимановскаго) [1].

Когда Наполеонъ, разбивъ прусскую армію подъ Іеной и занявъ Берлинъ, двинулся къ Варшавѣ, я жилъ съ матерью въ моемъ родовомъ имѣніи Grądy, въ четырехъ миляхъ отъ Варшавы. Узнавъ, что французы уже заняли Познань, я сталъ поспѣшно собираться въ путь. Не могу при этомъ не упомянуть объ одной подробности, которая сама по себѣ весьма незначительна, но характеризуетъ патріотизмъ нашего народа и его преданность своимъ помѣщикамъ. Когда я сказалъ старому слугѣ моего покойнаго отца, Казиміру Крупинскому, и деревенскому старостѣ Бальцеру, какъ поступить въ томъ случаѣ, если бы въ наше имѣніе придетъ иноземное войско, то оба они, отойдя со мною въ сторонку, сказали:

— Мы догадываемся, куда ѣдетъ вельможный панъ.

— Куда же?—спросилъ я.

— Къ Напарту (Бонапарту),—отвѣчали они въ одинъ голосъ. Да поможетъ вамъ Господь. Дай Богъ, чтобы французы скорѣе пришли къ намъ и прогнали отъ насъ нѣмцевъ! Поѣзжайте спокойно, мы будемъ заботиться о вашемъ имуществѣ, какъ о своемъ собственномъ.

Взявъ въ Сохачевѣ почтовыхъ лошадей, я отправился въ Познань. Поздно вечеромъ я добрался до Швардцензы (Swarzędź), гдѣ впервые услышалъ окликъ: que vive! (кто идетъ)? Что я почувствовалъ при этомъ, какъ затрепетало мое сердце, трудно описать. Меня привели къ полковнику конныхъ стрѣлковъ, Эксельмансу, который, задавъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, касавшихся прусскаго гарнизона, стоявшаго въ Вар-

---

[1]) Pamiętniki jenerala Iósefa Szymanowskiego; wydal Stanislaw Schnur-Peplowski. We Lwowie.

шавѣ и ея окрестностяхъ, дозволилъ мнѣ ѣхать въ Познань. Прибывъ туда, я тотчасъ явился генералу Домбровскому и вмѣстѣ съ нимъ отправился къ Выбицкому, который весьма обрадовался тому, что онъ могъ послать въ Варшаву съ надежнымъ человѣкомъ напечатанныя въ Познани прокламаціи, призывавшія народъ къ возстанію.

Онъ далъ мнѣ, хорошо не помню, сколько именно экземпляровъ прокламацій, назвавъ поименно тѣхъ лицъ, коимъ я непремѣнно долженъ былъ роздать ихъ. Въ числѣ ихъ были, насколько я помню, Поцѣй, Кохановскій и Шанявскій-Выбицкій и генералъ Домбровскій предупреждали меня, чтобы я не давалъ прокламацій князю Іосифу Понятовскому, которому они не довѣряли, хотя я питалъ къ нему полнѣйшее довѣріе. Взявъ прокламаціи отъ Выбицкаго, я поспѣшилъ съ ними въ Варшаву, гдѣ, исполнивъ данное мнѣ порученіе, я все-таки далъ одинъ экземпляръ и князю Іосифу, въ присутствіи Станислава Потоцкаго, котораго я засталъ въ его кабинетѣ. Исполнивъ это, я тотчасъ уѣхалъ обратно въ Познань. Меня отвели къ полковнику Эксельмансу, командовавшему арьергардомъ третьяго корпуса великой арміи, который находился подъ начальствомъ маршала Даву. Маршалъ былъ красивъ собою, имѣлъ быстрый, проницательный взглядъ; въ немъ было что-то внушительное даже въ тѣ минуты, когда онъ старался кому-нибудь понравиться. Его преданность Наполеону была безгранична, точно такъ же, какъ и его безкорыстіе, коимъ онъ отличался отъ всѣхъ маршаловъ великой арміи. Онъ строго наказывалъ виновныхъ въ мародерствѣ, но за то со своей стороны очень заботился о томъ, чтобы солдаты получали все необходимое, въ особенности съѣстные припасы даже въ тѣхъ мѣстностяхъ и въ такое время, когда доставка провіанта была сопряжена съ величайшей трудностью.

Таковъ былъ генералъ, подъ начальствомъ котораго я началъ свою службу.

Въ штабѣ маршала находилось до двадцати адъютантовъ. Всѣ они оказались прекрасными товарищами, людьми воспитанными и уживчивыми. Хотя штабы маршаловъ, командовавшихъ отдѣльными отрядами, были весьма многочисленны, но по вступленіи въ Польшу ихъ пришлось пополнить офицерами мѣстнаго происхожденія, владѣвшими французскимъ языкомъ. Такъ вскорѣ послѣ меня къ штабу Даву были причислены Кобылянскій, Розтворовскій, Францискъ Потоцкій, Мѣрославскій и два двоюродныхъ брата моихъ Александръ и Игнатій Шимановскіе. Личная канцелярія маршала состояла изъ пяти или шести секретарей. Директоромъ канцеляріи былъ Ленуаръ, человѣкъ дѣльный и способный, но говорившій только на французскомъ языкѣ.

Французы были болѣе или менѣе довольны вступленіемъ въ Польшу; они относились доброжелательно къ полякамъ, но посмѣивались надъ

нашими несбыточными ожиданіями и надеждами. Слова «kleba, niema, woda, zara-zara» (хлѣбъ, нѣтъ, вода, сейчасъ) были на устахъ у всѣхъ французовъ, даже у самого императора, но когда мы шли осенью въ окрестностяхъ Пултуска, утопая по колѣна въ грязи, то французы говорили:

— Что за проклятое болото, а поляки называютъ это отечествомъ!

Маршалъ Даву не только интересовался польскими дѣлами, но, быть можетъ, льстилъ себя надеждою, что онъ будетъ королемъ польскимъ подобно тому, какъ Мюратъ былъ королемъ въ Неаполѣ, а Бернадоттъ въ Швеціи. Эта тайная мысль была, вѣроятно, причиною того, что маршалъ долго относился недоброжелательно къ князю Іосифу Понятовскому, который считался единственнымъ претендентомъ на польскую корону, не хотѣлъ сближаться съ нимъ и охотно слушалъ сплетни, которыя распускали о князѣ нѣкоторые генералы, относившіеся къ нему недоброжелательно. Въ подобныхъ случаяхъ только полковникъ Ромеръ (адъютантъ Даву) и я рѣшались сказать слово въ защиту князя Іосифа.

Однажды пользуясь тѣмъ, что маршалъ снисходительно выслушивалъ меня, я сказалъ ему:

— Вы вѣрите всѣмъ сплетнямъ, которыя вамъ разсказываютъ о князѣ Понятовскомъ. Васъ возстановляютъ противъ него, но настанетъ время, когда, узнавъ заслуги князя, вы этого устыдитесь, такъ какъ это настоящій польскій Баярдъ, рыцарь безъ страха и упрека.

— Это вамъ кажется,—отвѣчалъ Даву—такъ какъ вы расположены къ князю. Что касается меня, то я не вѣрю этому; впрочемъ, увидимъ, быть можетъ, вы и сами измѣните впослѣдствіи свое мнѣніе.

— Увидимъ,—сказалъ я,—но я этого не допускаю.

При всей твердости своего характера маршалъ былъ чувствителенъ къ тѣмъ непріятностямъ и обидамъ, которыя ему наносили.

Такъ напр. третій корпусъ, отличившійся подъ Ауерштадтомъ, въ награду за это первый торжественно вступилъ въ Берлинъ и съ тѣхъ поръ шелъ во главѣ арміи. Поэтому Даву полагалъ, что онъ вступитъ также первымъ въ Варшаву, какъ вдругъ въ окрестностяхъ Блони ему заступилъ неожиданно дорогу Іоахимъ Мюратъ, уполномоченный Наполеономъ быть его намѣстникомъ (lieutenant de l'empereur) въ Варшавѣ. Это еще болѣе усилило нерасположеніе маршала къ Мюрату, котораго онъ давно не терпѣлъ.

Мюратъ занялъ королевскій зàмокъ и расположился въ царскихъ апартаментахъ, а намъ пришлось занять Брюлевскій дворецъ.

На первый пріемъ въ зàмкѣ, на который собрались не только представители знатнѣйшихъ польскихъ фамилій, но и всѣхъ остальныхъ классовъ общества, а въ особенности много военныхъ, Мюратъ явился въ испанскомъ придворномъ костюмѣ и произвелъ на всѣхъ сильное

впечатлѣніе своей театральной манерой держать себя. Дамамъ нашимъ онъ чрезвычайно понравился, такъ какъ былъ любезенъ, уменъ и имѣлъ изящныя манеры, коихъ не доставало моему маршалу. Въ штабѣ Мюрата былъ цвѣтъ французской молодежи, которая была украшеніемъ первыхъ салоновъ Парижа. Все это были дѣйствительно весьма пріятные и любезные молодые люди, въ особенности Флаго (Flahaut), красавецъ собою, пѣвецъ и композиторъ разныхъ французскихъ романсовъ. Такъ какъ пѣвцы были въ то время въ большой модѣ, то въ тѣхъ домахъ, гдѣ адъютанты Мюрата и въ особенности Флаго обѣщали провести вечеръ, можно было всегда встрѣтить большое общество дамъ. Флаго, какъ и прочіе адъютанты Мюрата, былъ поклонникъ любительскихъ спектаклей.

Вскорѣ послѣ того какъ Мюратъ расположился въ Варшавѣ, маршалъ Даву съ большею частью своего корпуса перешелъ Вислу и устроилъ свою главную квартиру въ Яблонномъ, куда я былъ назначенъ комендантомъ съ приказаніемъ разбирать жалобы, то и дѣло возникавшія со стороны крестьянъ противъ солдатъ, вслѣдствіе того что они не понимали другъ друга. Мнѣ часто приходилось выслушивать эти жалобы и разбирать возникавшія недоразумѣнія; я не могу сказать, чтобы солдаты совершали какія-либо злоупотребленія; но все же я поблагодарилъ Бога, когда, простоявъ недолго въ Яблонномъ, мы двинулись къ Пултуску по тому памятному для меня болоту, о которомъ долгое время вспоминали французскіе солдаты. Подъ Пултускомъ мы имѣли довольно жаркое дѣло съ русскими.

Послѣ сраженія подъ Прейсишъ-Эйлау мы остались на мѣстѣ боя и стояли въ снѣгу, не имѣя соломы для подстилки и провіанта. Главная квартира Наполеона находилась въ самомъ Эйлау, не смотря на то, что городъ этотъ былъ на половину сожженъ и разоренъ. Отъ голода и холода армія стала роптать. Громкія проклятія солдатъ производили на меня, не привыкшаго ни къ чему подобному, такое впечатлѣніе, что у меня волосы становились дыбомъ. Крайне встревоженный, я высказалъ свои опасенія по этому поводу адъютанту Ромеру, который отвѣчалъ мнѣ:

— Вы ничего не понимаете. Вы не знаете характера французскихъ солдатъ; вы увидите, какъ при звукѣ трубъ они сразу умолкнутъ и спокойно станутъ подъ ружье.

Когда на третій день старая гвардія, бывшая душою войска, ставъ подъ ружье, закричала: «хлѣба или мы пойдемъ впередъ», то объ этомъ донесли Наполеону, сказавъ, что всѣ убѣжденія офицеровъ не привели ни къ чему.

— Вѣдь вы не младенцы,—сказалъ императоръ,—а не умѣете взяться за дѣло. Подать мнѣ лошадь!

Подъѣхавъ къ своей гвардіи, построенной въ колонны, онъ обратился къ солдатамъ съ слѣдующими словами.

— Что все это значитъ? Почему вы стали подъ ружье безъ моего приказанія?

— Папа, хлѣба!—въ одинъ голосъ закричали гвардейцы.

Императоръ, понимая значеніе этихъ словъ, отвѣтилъ такъ, чтобы всѣ могли слышать его.

— Eh bien. Nie ma! (И такъ. Нѣтъ).

— Vive l'empereur!—откликнулась гвардія съ такимъ восторгомъ, какъ будто ее уже накормили досыта.

Положеніе французовъ было тяжелое настолько, что когда Даву поручилъ мнѣ достать ему лошадей для кареты и проводника, то я былъ поставленъ въ весьма затруднительное положеніе.

Мнѣ трудно было исполнить порученіе маршала въ опустошенной мѣстности, жители которой разбѣжались или попрятались. Пруссаки относились къ французамъ настолько недоброжелательно, что ни въ чемъ не хотѣли помочь имъ. Случалось, что крестьяне, захвативъ мародеровъ или небольшой отрядъ войска, убивали всѣхъ солдатъ и кидали трупы со всей одеждой и оружіемъ въ прорубь.

Между тѣмъ воюющія державы начали переговоры, закончившіеся тильзитскимъ миромъ, который ознаменовался для Польши созданіемъ Варшавскаго герцогства, въ которомъ повелѣно было находиться третьему корпусу французской арміи, подъ командою. Даву Его главная квартира находилась въ Варшавѣ.

— Довольны ли въ Варшавѣ тѣмъ, что сдѣлано для поляковъ?—спросилъ меня однажды маршалъ Даву.

— Нѣтъ, г. маршалъ—отвѣчалъ я, какъ всегда, откровенно.

— Повѣрьте мнѣ,—замѣтилъ Даву,—что императоръ очень хотѣлъ и даже пытался сдѣлать для васъ больше, но это ему не удалось.

— Хотя бы самой малой части страны дали названіе королевства польскаго, то всѣ были бы довольны,—сказалъ я,—но если вы не будете называть насъ поляками и не признаете нашей народности, то мы никогда не будемъ довольны.

— Это только начало,—замѣтилъ на это Даву. Потерпите, быть можетъ, впослѣдствіи что-либо удастся сдѣлать больше,

Когда мы пріѣхали съ нимъ въ Варшаву (16-го августа 1807 г.) и онъ узналъ, что корпусъ Нея, проходя по предмѣстьямъ столицы, грабилъ жителей, то Даву былъ страшно возмущенъ этимъ. Комендантомъ Варшавы былъ въ то время генералъ Гувіонъ. Онъ ожидалъ маршала въ Теперовскомъ дворцѣ на Медовой улицѣ, окруженный всѣмъ своимъ штабомъ, служащими и знатнѣйшими жителями города. Какъ только

мы вошли въ зало, первымъ словомъ маршала былъ страшный выговоръ, данный губернатору.

— Вы,—сказалъ онъ,—ни о чемъ не заботитесь. Вы ничего не дѣлаете. Какъ? городъ грабятъ, а я не слыхалъ ни о судѣ, ни о наказаніи виновныхъ. Это позоръ не только для васъ, но и для всей французской арміи, вы всему виною!

Желая, чтобы маршалъ Даву по своему положенію въ Варшавѣ былъ его достойнымъ представителемъ, Наполеонъ вызвалъ изъ Парижа его супругу и просилъ ее какъ можно скорѣе прибыть въ Польшу. Надобно сказать, что вмѣстѣ съ княземъ Понятовскимъ жила его сестра, пани Тышкевичъ со своей пріятельницей г-жею де-Вобанъ. Обѣ онѣ были прекрасно воспитаны и умѣли соединить старо-польское гостепріимство съ чисто парижской любезностью. Въ этомъ отношеніи польская столица могла съ честью занять мѣсто среди первыхъ столицъ Европы.

По пріѣздѣ супруги маршала Даву г-жа Тышкевичъ очень сошлась съ нею, и благодаря этимъ двумъ дамамъ отношенія между маршаломъ и кн. Понятовскимъ со временемъ уладились. На князя много сплетничали и наговаривали. Такъ напр. однажды кто-то сказалъ маршалу, что князь въ насмѣшку французамъ приказалъ лакею, стоящему у него на запяткахъ, носить на ливреѣ густыя эполеты. Такъ какъ двери изъ залы маршала въ его кабинетъ были открыты, то я отлично слышалъ эту злостную сплетню; вдругъ маршалъ вышелъ весь красный и приказалъ мнѣ тотчасъ поѣхать за княземъ Іосифомъ. Я засталъ его неодѣтымъ; онъ сидѣлъ передъ зеркаломъ и фабрилъ себѣ усы, а возлѣ него стоялъ начальникъ его штаба, генералъ Фишеръ, съ бумагами. Увидавъ меня, князь спросилъ, что мнѣ надо? Я отвѣчалъ, что маршалъ проситъ его къ себѣ; когда же Фишеръ удалился, то я разсказалъ ему все подробно и умолялъ его вооружиться терпѣніемъ, на что̀ онъ сказалъ:

— Вашъ маршалъ такъ надоѣлъ мнѣ, онъ предъявляетъ такія требованія, что я когда-нибудь серьезно повздорю съ нимъ; терпѣніе мое уже истощается.

Я умолялъ его успокоиться и поспѣшить къ маршалу.

Когда я возвратился къ Даву, онъ былъ взбѣшенъ, что Понятовскій долго къ нему не ѣхалъ.

— Чѣмъ занятъ князь?—спросилъ онъ.

— Онъ занимался своимъ туалетомъ и въ то же время слушалъ докладъ своего начальника штаба.

— Когда увидите, что онъ ѣдетъ, предупредите меня,—сказалъ Даву.

Такъ какъ Понятовскій все еще не ѣхалъ, то нетерпѣливый маршалъ выходилъ неоднократно въ залъ, спрашивая, не пріѣхалъ ли князь

и сѣтовалъ на его медленность. Наконецъ я увидѣлъ въѣжавшую во дворъ карету и доложилъ маршалу, который выбѣжалъ съ лорнеткой въ рукахъ и сталъ разсматривать экипажъ князя, ливрею его ординарца и остался ждать его въ пріемной.

Князь вошелъ въ уланскомъ мундирѣ, который онъ обыкновенно носилъ, въ шапкѣ, которая очень шла къ его красивому лицу. Маршалъ началъ дѣлать ему выговоръ за какія-то незначительныя упущенія, допущенныя имъ при сформированіи легіоновъ, на чтò князь отвѣчалъ съ большимъ достоинствомъ; потомъ дошла очередь до генеральскихъ эполетъ, которыя ординарецъ князя носилъ на ливреѣ.

— Вы думаете князь, я не знаю,—сказалъ Даву,—что вы въ насмѣшку надъ французской арміей велите лакею, стоящему у васъ на запяткахъ, носить эполеты, какія носятъ наши генералы.

— Я еще не видалъ, какія эполеты носятъ во французской арміи, когда мои лакеи уже носили тѣ эполеты, какія вы на нихъ видите,—спокойно отвѣчалъ князь,

— Знайте же, ваше сіятельство,—сказалъ Даву,—что я былъ до сихъ поръ снисходителенъ, но что этого болѣе не будетъ!

Услыхавъ эту угрозу, князь отвѣчалъ съ величайшимъ хладнокровіемъ:

— Меня весьма мало интересуетъ ваша снисходительность, г. маршалъ, такъ какъ она не есть доказательство того уваженія, съ какимъ вы обязаны относиться ко мнѣ. Имѣете ли вы что-либо еще приказать?—спросилъ онъ холодно и поклонившись вышелъ.

Хотя я былъ обязанъ проводить князя на лѣстницу, но, видя, что дѣло зашло слишкомъ далеко, я рѣшилъ остаться въ пріемной. Маршалъ долго стоялъ, опустивъ глаза въ землю, затѣмъ сталъ быстрыми шагами ходить по комнатѣ и наконецъ сказалъ мнѣ:

— Вотъ вы сами были свидѣтелемъ его дерзости.

Когда маршалъ, пробывъ нѣкоторое время въ Скерневицахъ, возвратился въ Варшаву, то пани Тышкевичъ, сестра кн. Понятовскаго, постаралась сойтись съ супругою маршала и такъ съумѣла понравиться ей, что когда она пригласила ее на обѣдъ и на балъ въ Лазенки, то г-жа Даву дала ей слово пріѣхать съ мужемъ.

Послѣ роскошнаго обѣда танцовали до упаду, не смотря на то, что былъ Успенскій постъ. Когда въ залѣ сдѣлалось душно, то общество отправилось въ садъ, который былъ роскошно иллюминованъ и гдѣ были раскинуты буфеты съ прохладительными напитками. Въ одномъ изъ нихъ сидѣла красивая дама въ турецкомъ костюмѣ и угощала мороженымъ. Надъ буфетомъ красовалась надпись: «Des Sorbèts à l'Aboukir»; когда супруга указала маршалу на эту надпись, то было замѣтно, что это вниманіе ему пріятно. Надъ другимъ буфетомъ вид-

нѣлась надпись: «Des Gateaux à l'Auerstadt», далѣе надъ третьимъ буфетомъ стояла надпись: «Des bonbons à l'Eléonce et à Josephine» [1]). Изъ него вышли красиво одѣтыя дѣти, которыя предложили маршалу и его супругѣ конфектъ, чѣмъ они были растроганы до слезъ.

Нѣсколько часовъ спустя, когда балъ былъ въ полномъ разгарѣ, я увидѣлъ вошедшаго въ залъ французскаго курьера, который прибылъ къ маршалу изъ Парижа съ важными депешами. Я провелъ его въ особую комнату, гдѣ Даву говорилъ съ нимъ съ полчаса.

Затѣмъ онъ позвалъ меня къ себѣ и сказалъ:

— Отыщите мнѣ поскорѣе князя, а когда я былъ уже у дверей, то онъ прибавилъ: Изъ Варшавы выступятъ только одни французскія войска, поляки останутся тутъ; императоръ предоставляетъ мнѣ вѣрить начальство надъ польскимъ войскомъ, кому я захочу: Домбровскому, Заіончеку, либо князю Іосифу Понятовскому.

Помолчавъ, маршалъ спросилъ:

— Какъ вы думаете, кому изъ нихъ я поручу командованіе?

— Вѣроятно князю Іосифу,—отвѣчалъ я.

— На этотъ разъ вы угадали,—прервалъ меня Даву. Императоръ, предоставляющій мнѣ свободу выбора, кажется, также того желаетъ, а онъ знаетъ людей лучше меня. Позовите ко мнѣ князя, но не предупреждайте его ни о чемъ.

Я поспѣшилъ въ танцовальный залъ и, указывая князю ту комнату, гдѣ его ожидалъ Даву, я успѣлъ намекнуть ему, что ему будетъ поручено командованіе войскомъ.

— Богъ видитъ,—сказалъ онъ,—что меня радуетъ то, что вы говорите, не потому, чтобы меня прельщала власть, ибо я понимаю, какую это налагаетъ на меня вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтственность. Но я увѣренъ, что если бы начальство было поручено Заіончеку или Домбровскому, то они такъ придирались бы ко мнѣ, такъ надоѣдали бы мнѣ, что совсѣмъ бы извели меня, а я не сдѣлаю ни одному изъ нихъ ни малѣйшей непріятности.

Проговоривъ съ маршаломъ съ полчаса, князь возвратился въ зало, гдѣ шли оживленные танцы. На другой день, когда разнесся слухъ, что французское войско выступаетъ въ Германію—какъ полагали, чтобы воевать съ австрійцами, нѣсколько молодыхъ польскихъ офицеровъ выразили желаніе быть причисленными къ штабу маршала Даву.

Не знаю, какъ было въ другихъ штабахъ французскихъ войскъ, но могу сказать, что въ штабѣ нашего третьяго корпуса французы и поляки (а насъ было слишкомъ 20 человѣкъ) жили въ мирѣ и согла-

---

[1]) Двѣ первыя надписи напоминали о сраженіяхъ, въ которыхъ отличился Даву, третья надпись означала имена двухъ дочерей маршала.

сіи; я не припомню, чтобы между нами произошла какая-либо непріятность, какое-либо недоразумѣніе. Ко мнѣ маршалъ такъ привыкъ, что мы ѣхали съ нимъ изъ Варшавы, почти всю дорогу въ одномъ экипажѣ; я былъ ему полезенъ своимъ знаніемъ языковъ: польскаго, французскаго и нѣмецкаго.

Въ Бреславлѣ для маршала было приготовлено помѣщеніе въ зданіи присутственныхъ мѣстъ; тутъ его ожидала почетная стража, а на лѣстницѣ стояли инвалиды и жены или вдовы прусскихъ штабъ-офицеровъ, которые подали ему прошенія о выдачѣ имъ жалованья и пенсій, невыплаченныхъ имъ прусскимъ правительствомъ. Маршалъ остановился на лѣстницѣ и при моей помощи сталъ разспрашивать ихъ и то тому, то другому велѣлъ дать по нѣсколько луидоровъ, такъ что деньги, бывшія при мнѣ, вскорѣ истощились. Какъ только мы вошли въ домъ, мѣстныя власти привѣтствовали маршала и между прочимъ спросили его, сколько денегъ ему нужно для себя.

— Какъ для меня?—воскликнулъ Даву, который для себя никогда ничего не бралъ.

— Для содержанія вашего дома, г. маршалъ,—отвѣчали онѣ.

— Я имѣю дворецкаго, который обязанъ заботиться объ этомъ, это вовсе васъ не касается,—сказалъ маршалъ,—у васъ вѣрно много денегъ, если вы предлагаете ихъ мнѣ, когда я васъ не прошу объ этомъ.

— Скажите пожалуйста,—спросилъ онъ удивленныхъ его отвѣтомъ чиновниковъ, сколько вы платили Мортье, когда онъ у васъ стоялъ?

— Двѣсти талеровъ въ день,—отвѣчали они.

— А генералу Вандому?

— Триста талеровъ въ день.

— Что же вы давали королю Іерониму?

— Онъ требовалъ каждый день четыреста талеровъ.

— Что касается меня, то я не возьму ни денегъ, ни припасовъ, но вижу, что, не смотря на частый проходъ войска, у васъ еще имѣются деньги, если вы предлагаете мнѣ выдавать на содержаніе, а между тѣмъ ваши отставные офицеры и ихъ вдовы не получаютъ жалованья, и вынуждены просить вспомоществованія.

Подозвавъ меня, маршалъ спросилъ, сколько денегъ я роздалъ просителямъ, и когда я отвѣчалъ: 60 талеровъ, то онъ обратился къ властямъ и сказалъ:

— Такъ какъ, судя по вашимъ словамъ, я имѣю право на такіе же поборы, какъ мои предшественники, но я вашихъ денегъ и видѣть не хочу, то дайте 6 тысячъ талеровъ единовременно, я прибавлю къ нимъ еще 6 тысячъ изъ полковыхъ суммъ и назначу особую коммиссію изъ военныхъ и гражданскихъ лицъ для раздачи этихъ денегъ прус-

скимъ офицерамъ и ихъ вдовамъ, не получающимъ пенсій. Что касается моего стола, то прошу васъ объ этомъ не безпокоиться.

Этотъ благородный поступокъ произвелъ на жителей Бреславля сильное впечатлѣніе и когда мы выступили нѣсколько недѣль спустя въ Эрфуртъ, то мѣстныя власти, явясь къ маршалу для прощанья, выразили ему по этому поводу свою благодарность.

Пробывъ короткое время въ Эрфуртѣ, Даву перенесъ свою главную квартиру въ Бамбергъ, гдѣ мы простояли также нѣсколько недѣль.

По пути въ Бамбергъ, намъ пришлось проѣхать чрезъ владѣнія многихъ нѣмецкихъ князей, которые приглашали маршала къ себѣ въ гости. Даву на всѣ приглашенія отвѣчалъ отказомъ; но когда мы прибыли въ Кобургъ, то застали на почтовой станціи самого владѣтельнаго князя, который, не позволивъ намъ выйти изъ экипажа, приказалъ вести насъ къ себѣ во дворецъ. Запыленные, грязные мы отправились прямо въ княжескіе апартаменты, гдѣ гвардія въ полной парадной формѣ отдала маршалу воинскія почести. Княгиня приняла насъ окруженная принцессами, среди которыхъ находилась разведенная супруга в. кн. Константина Павловича—сестра владѣтельнаго герцога Кобургскаго. Дамы были разодѣты и украшены бриліантами съ головы до ногъ, а мы были грязны, не одѣты, и я къ ужасу своему замѣтилъ, что маршалъ даже позабылъ въ экипажѣ свои эполеты. Я подумалъ, что было бы недурно намъ привести себя къ обѣду въ порядокъ. Намъ отвели для этого особыя комнаты. Освѣжившись и пріодѣвшись, мы вернулись въ пріемные покои, гдѣ былъ поданъ изысканный обѣдъ; съ нами вмѣстѣ сѣла за столъ вся княжеская семья. За обѣдомъ подъ звуки оркестра пили за здоровье Наполеона, маршала Даву, герцога Кобургскаго и всей его родни.

Вскорѣ послѣ обѣда мы поѣхали далѣе. . . .

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

своихъ друзей. Но главнымъ центромъ его интересовъ стали комедіи «Женитьба» и «Ревизоръ», а также только-что изданные «Арабески» и «Миргородъ»,—это и составляетъ содержаніе писемъ 1835 года.

Переписка Гоголя въ 1836 году распадается на двѣ части: въ первой половинѣ этого года онъ занятъ хлопотами и приготовленіями по постановкѣ на сцену «Ревизора», а потомъ, разочарованный и огорченный ожесточеніемъ публики противъ этой пьесы, рѣшаетъ ѣхать за границу,—«размыкать ту тоску, которую ежедневно наносятъ соотечественники»; онъ ѣдетъ также затѣмъ, чтобы «глубже обдумать свои обязанности авторскія, свои будущія творенія». Заканчивается первый томъ заграничными письмами 1836—1839 годовъ.

Второй томъ начинается письмами изъ Россіи (1839—1840 гг.); затѣмъ помѣщены письма изъ-за границы 1840—1841 годовъ, со включеніемъ писемъ съ дороги. Въ 1841 году Гоголь усиленно работалъ надъ окончаніемъ 1-го тома «Мертвыхъ душъ» и приготовилъ его къ печати; въ нѣкоторыхъ письмахъ его за этотъ годъ замѣтно проявляется аскетическое настроеніе. Далѣе напечатаны письма изъ Россіи 1841—1842 годовъ. Къ началу осени 1841 г. окончивъ свою работу надъ 1-мъ томомъ «Мертвыхъ душъ», Н. В. для напечатанія его отправляется въ Россію. Цензурныя затрудненія и хлопоты разстроили его окончательно, и онъ снова стремится, по уладженіи ихъ, двинуться въ Римъ, но въ то же время у него созрѣваетъ планъ душевнаго «воспитанія» и путешествія въ Іерусалимъ.

Вслѣдъ за письмами изъ Россіи 1841—1842 гг. помѣщены письма изъ-за границы 1842—48 гг.; изъ нихъ письма до 1844 года напечатаны во 2-мъ томѣ, а письмами 1845 года начинается третій томъ, который и заканчивается письмами первой половины 1847 года.

Продолженіемъ заграничныхъ писемъ 1847 г. начинается четвертый томъ писемъ Гоголя. Далѣе помѣщены письма 1848—1852 гг.

Въ началѣ 1848 г. Гоголь совершаетъ, наконецъ, давно задуманное путешествіе въ Іерусалимъ, но не находитъ въ Святой Землѣ того внутренняго удовлетворенія, котораго онъ жаждалъ. Возвратившись въ Россію, онъ поражаетъ родныхъ и друзей совершившейся въ немъ перемѣной. Въ противоположность оживленной перепискѣ прежнихъ годовъ, теперь сильно бросается въ глаза его апатія. «Ничего не мыслится и не пишется, голова тупа»,—жалуется онъ Шевыреву. Онъ жалуется на «нашедшее на него оцѣпенѣніе» и на наступившее «сумасшедшее время» [1]. Вмѣстѣ съ тѣмъ продолжаются заботы о поправленіи здоровья и возстановленіи творческой силы; надежды снова смѣняются подавленнымъ настроеніемъ духа, и нравственная борьба продолжаетъ подтачивать силы. Незадолго до смерти Н. В. предпринимаетъ второе изданіе своихъ сочиненій, мучится надъ продолженіемъ 2-го тома «Мертвыхъ душъ», по собственному сознанію «вытягивая изъ себя каждое слово клещами», и лишь изрѣдка, ненадолго, отдыхаетъ душою въ обществѣ родныхъ, Данилевскаго, Смирновой. Это и составляетъ содержаніе писемъ 1848—1852 годовъ.

Въ качествѣ дополненія, въ концѣ этого тома помѣщены письма Гоголя, полученныя во время печатанія этого изданія; ii. negarium Гоголя; приложенія—варіанты и добавленія къ нѣкоторымъ письмамъ и алфавитный указатель собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ письмахъ.

Н. И-ш-ъ

[1] Письмо къ Жуковскому отъ 3-го апрѣля 1849 года (стр. 243).

Царь Василій Шуйскій и мѣста погребенія его въ Польшѣ. II томъ. Приложенія къ историческому изслѣдованію. II томъ. Кн. I Варшава 1901 г. Кн. I и II Варшава 1901—1902 г. Дм. Цвѣтаева, ординарнаго профессора Императорскаго Варшавскаго университета.

Проф. Варшавскаго университета Д. В. Цвѣтаевъ приступилъ къ выпуску свѣтъ обширнаго и интереснаго труда, который посвященъ царю Василію Шуйскому и въ частности изслѣдованію вопроса о мѣстахъ временнаго погребенія его въ Польшѣ. Пока напечатаны двѣ книги втораго тома, заключающія въ себѣ документы, рисунки и планы, положенные авторомъ въ основу своего изслѣдованія. Проф. Цвѣтаевъ извлекъ эти документы изъ Императорской Публичной библіотеки, главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ, изъ многихъ варшавскихъ архивовъ и библіотекъ, изъ библіотеки Оссолинскихъ во Львовѣ, музея кн. Чарторыйскихъ въ Краковѣ, библіотеки кн. Барберини въ Римѣ, изъ ватиканскаго архива и архива главнаго управленія доминиканъ въ Римѣ, а также изъ архива нѣмецко-лютеранской общины въ г. Гостынинѣ Варшавской губерніи. Обнародованные проф. Цвѣтаевымъ документы точно опредѣляютъ мѣста временнаго погребенія царя Василія Шуйскаго въ Польшѣ и представляютъ рядъ данныхъ, по которымъ можно судить и заключать о жизни Шуйскихъ въ польскомъ плѣну, разрѣшая, такимъ образомъ, вызывавшій до послѣдняго времени споры вопросъ о мѣстахъ погребенія въ Польшѣ Шуйскаго и внося свѣтъ въ мало изслѣдованный до сихъ поръ вопросъ о жизни Шуйскаго въ польскомъ плѣну. Судя по обнародованнымъ документамъ, появленіе которыхъ въ печати встрѣчено съ интересомъ въ русской и польской исторической литературѣ, изслѣдованіе проф. Цвѣтаева будетъ заключать въ себѣ много новыхъ данныхъ не только о царѣ Василіи Шуйскомъ, но и вообще о русско-польскихъ отношеніяхъ.

А. С.

Издатель **С. Зыковъ**. Редакторъ **Н. Дубровинъ**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXIII-й. МАРТЪ. 1902 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневники В. А. Жуковскаго. Сообщилъ И. А. Бычковъ.
2) Портретъ Михаила Николаевича Капустина. Грав. И. И. Хелмицкій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, № 39.
1902.

III-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го марта 1902 года.

Библіографическій листокъ.

Къ столѣтію Комитета-Министровъ (1802—1902). Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ. Томъ первый.— Комитетъ Министровъ въ царствованіе императора Александра (1802 г. сентября 8—1825 ноября 19). Составилъ С. М. Середонинъ. Изданіе Канцеляріи Комитета Министровъ. СПб. 1902 г.

Въ разсматриваемой нами книгѣ авторъ поставилъ себѣ цѣлью: представить историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ, характеризовать его членовъ, выяснить, что внесено было совмѣстною ихъ работою въ управленіе Россіею, насколько было достигнуто единство во внутренней политикѣ и дать въ доступной всѣмъ формѣ матеріалъ для новѣйшей исторіи Россіи.

Обзоръ дѣятельности Комитета составленъ по журналамъ, меморіямъ и другимъ рукописнымъ книгамъ архива Комитета, и на эти документы сдѣланы ссылки.

Дѣятельность Комитета Министровъ обнимала всѣ отрасли государственнаго управленія; въ царствованіе императоровъ Александра I и Николая I онъ рѣшалъ по 2.000 — 2.500 и, даже иногда, 3.000 дѣлъ въ годъ. Такъ какъ многія изъ этихъ дѣлъ не представляютъ историческаго интереса (напр., очень многочисленныя дѣла по личному составу управленій: назначенія, увольненія, отпуски, награды, производства и пенсіи служащихъ, просьбы о пособіяхъ и проч.),—то о нихъ въ трудѣ г. Середонина только упоминается, а главное вниманіе удѣлено дѣламъ наиболѣе важнымъ.

Трудъ С. М. Середонина состоитъ изъ предисловія, семи главъ и приложеній.

Въ первой главѣ говорится о возникновеніи Комитета Министровъ, его устройствѣ и значеніи. Манифестъ 8-го сентября 1802 г., опредѣливъ отношенія вновь установленныхъ министерствъ къ Сенату, пунктомъ 15-мъ гласилъ: всѣ министры суть члены Совѣта и присутствуютъ въ Сенатѣ; Совѣтъ не иначе приступаетъ къ разсмотрѣнію дѣлъ, какъ въ присутствіи по меньшей мѣрѣ пяти министровъ, въ числѣ которыхъ долженъ находиться и министръ, по части котораго дѣло будетъ трактовано. *Дѣла обыкновенныя трактуются въ Комитетѣ*, составленномъ единственно изъ нихъ; для другихъ же, особую важность въ себѣ содержащихъ, прочіе члены Совѣта будутъ собираться одинъ разъ въ недѣлю. Въ силу этого манифеста вновь назначенные министры и ихъ товарищи собрались 10-го сентября въ 11 час. утра въ домѣ государственнаго канцлера графа А. Р. Воронцова и постановили: Совѣту быть по понедѣльникамъ, а имъ, министрамъ, собираться и *держать* Комитетъ по вторникамъ и пятницамъ въ 6 час. по полудни, испросивъ высочайшее повелѣніе, гдѣ держать Комитетъ; и въ заключеніе они поручили дѣйствительному камергеру Новосильцову просить государя, не угодно ли будетъ ему удостоить Комитетъ Министровъ своимъ присутствіемъ. Чрезъ Новосильцова объявлено было Комитету, что государь просьбу его принялъ съ благоволеніемъ и изволилъ указать гофъ-маршалу приготовить нарочную для засѣданія Комитета комнату во дворцѣ. Члены Комитета собирались въ Зимнемъ дворцѣ въ Большой столовой; государь выходилъ въ Малую столовую, куда приглашались члены, гдѣ и происходили засѣданія Комитета. Слѣдующее засѣданіе 16-го сентября состоялось уже подъ предсѣдательствомъ его величества, и изъ 23 засѣданій 1802 года только на трехъ государь не присутствовалъ. Въ первые три года своего существованія Комитетъ разсматривалъ смѣты государственныхъ доходовъ и расходовъ, обсуждалъ мѣры, которыми бы можно было покрыть дефицитъ, уменьшалъ размѣръ пошлины съ нѣкоторыхъ товаровъ, утверждалъ положенія и штаты департаментовъ и управленій въ министерствахъ, устанавливалъ новое раздѣленіе губерній.

До сентября 1805 г. Комитетъ не имѣлъ ни устава своего, ни какой-либо инструкціи: въ томъ и въ другой не было надобности, потому что Комитетъ почти всегда собирался въ присутствіи государя. Это обстоятельство придавало Комитету исключительное значеніе и, конечно, отразилось на правилахъ, вврученныхъ ему данныхъ. Первыми правилами былъ опредѣленъ кругъ дѣятельности Комитета; въ него поступали дѣла: 1) по которымъ министры представляли государю доклады; 2) которыя государь самъ опредѣляетъ разсмотрѣть въ Комитетѣ и 3) которыя министры внесутъ въ силу сомнѣнія. Тогда же было дано, на время отсутствія государя, Комитету важное право— приводить въ исполненіе свои рѣшенія по дѣламъ, не терпящимъ отлагательства. Дѣла въ Комитетѣ рѣшались по большинству голосовъ; предсѣдательствовалъ одинъ изъ членовъ [1])

---

[1]) Членами Комитета состояли всѣ министры; въ случаѣ отсутствія министра, товарищъ его вступалъ во всѣ права министра; сверхъ того, Комитетъ имѣлъ право приглашать въ свое собраніе военнаго губернатора, оберъ-полиціймейстера и начальниковъ другихъ мѣстъ—для объясненія и совокупнаго соображенія дѣла.

МИХАИЛЪ НИКОЛАЕВИЧЪ

КАПУСТИНЪ.

Корфа [1]).

ахъ лѣто-
горія Же-
нѣтъ ни
), ни уча-
несмотря
ю, къ ко-
ра, среди
ловѣкомъ,
ѣмъ довѣ-
аго деспо-
. 1801 г....
ы скорѣе

я части, ко-
емые листы,—
ы составить пер-
аписана, въ своей
основѣ, барономъ Корфомъ еще въ 1847 году. Несмотря на то, что съ тѣхъ поръ прошло уже слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ, эта неизданная глава „Жизни графа Сперанскаго" сообщаетъ совершенно новыя свѣдѣнія и въ настоящее время.

И. Б.

Дѣятели и участники въ паденіи Сперанскаго.

Неизданная глава изъ «Жизни графа Сперанскаго» барона М. А. Корфа [1]).

(Изъ бумагъ академика А. Ө. Бычкова).

Введеніе.

Повѣсть о паденіи Сперанскаго представляетъ, въ нашихъ лѣтописяхъ, почти такое же явленіе, какъ во Франціи исторія Желѣзной Маски. Уже давно все это было, уже давно нѣтъ ни Сперанскаго, ни того, кто былъ его благомъ и казнію, ни участниковъ и дѣятелей его низверженія, а эта повѣсть, несмотря на всѣ изысканія и усилія, все еще остается загадкою, къ которой не отыскано ключа. Въ кроткое царствованіе Александра, среди утопій либерализма и конституціонныхъ идей, вдругъ, надъ человѣкомъ, взысканнымъ, въ глазахъ цѣлой Россіи, всею любовію и всѣмъ довѣріемъ монарха, возобновляется одна изъ сценъ того мрачнаго деспотизма, который былъ погребенъ—казалось, навѣки—12-го марта 1801 г.... Если, въ отношеніи къ жертвѣ, событіе это отразилось на умы скорѣе

---

[1]) „При переработкѣ „Жизни графа Сперанскаго“ третьей ея части, которою начинается II-й томъ, могли бы быть предпосланы прилагаемые листы,—писалъ баронъ М. А. Корфъ А. Ө. Бычкову.—Они должны бы составить первую главу этой третьей части“. Настоящая глава была написана, въ своей основѣ, барономъ Корфомъ еще въ 1847 году. Несмотря на то, что съ тѣхъ поръ прошло уже слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ, эта неизданная глава „Жизни графа Сперанскаго“ сообщаетъ совершенно новыя свѣдѣнія и въ настоящее время. И. Б.

радостно, нежели прискорбно, то, въ отношеніи къ самому характеру дѣйствія, оно произвело совсѣмъ другое впечатлѣніе: актъ неслыханнаго болѣе десяти лѣтъ самовластія, противный всѣмъ изъясненіямъ, всѣмъ обѣщаніямъ Александра, поразилъ массу общимъ испугомъ; испугались даже и тѣ, которыхъ желанія онъ удовлетворялъ; всякій обратился къ собственной своей личности и, чтобы успокоить себя и нѣкоторымъ образомъ придти къ увѣренности, что ничего подобнаго не можетъ повториться надъ другимъ, всѣ старались убѣдиться, что незлобивую душу государя могло подвигнуть на такое дѣйствіе только что-нибудь совсѣмъ особенное, сокровенное, таинственное,—словомъ, одно самое лишь черное преступленіе противъ его лица и противъ государства. Къ этому должно присоединить, съ одной стороны, придворную интригу, которая, естественно, устремилась поддержать и оправдать, ложными наведеніями, то, что было ею совершено; съ другой—воспріимчивое поле, которое нашли эти наведенія въ общей ненависти всѣхъ сословій къ Сперанскому; наконецъ, послѣдующій образъ дѣйствія самого Александра, который, въ особенныхъ своихъ видахъ, совсѣмъ не недоволенъ былъ ни ложнымъ направленіемъ догадокъ публики, ни тѣмъ, что нити клубка, замотавшись во всѣ стороны, наконецъ совсѣмъ перепутались для искавшихъ прямой его основы. Отсюда тѣ многочисленныя попытки дойти до источника постигшей Сперанскаго опалы, тѣ, столь же многочисленныя, разнообразныя сказанія, въ которыхъ трудно рѣшить, что̀ стояло выше: изобрѣтательность ли клеветы, или податливость легковѣрія. Но при дворѣ, какъ на морѣ, не вѣруютъ ни во что и вмѣстѣ вѣрятъ немножко всему. Донынѣ, однакожъ, еще никто не дошелъ до истиннаго слова загадки, можетъ статься отъ того, что доискивались происшествій и фактовъ тамъ, гдѣ была лишь игра характеровъ, тайны событій—тамъ, гдѣ была одна тайна личностей, наконецъ романической, нѣкоторымъ образомъ сверхъестественной завязки—тамъ, гдѣ были однѣ обыкновенныя дворскія интриги. Прибавимъ, что вообще бумаги современниковъ, дневники, записки и пр., въ историческихъ задачахъ, подобныхъ настоящей, любопытны, по большей части, единственно какъ слухи, догадки, толки того времени; но если слѣдовать имъ слѣпо и безъ критики самой строгой, то они часто могутъ ввести въ важныя погрѣшности. Люди, особенно же люди при дворѣ, рѣдко воскуриваютъ чистый ѳиміамъ истинѣ. Увлеченные—уже не говоря о личной злобѣ, зависти, клеветѣ—самолюбіемъ и тщеславіемъ, они какъ бы совѣстятся не знать тайны тѣхъ происшествій, которыя, въ ихъ эпоху, много занимали собою умы: отъ этого, за неимѣніемъ иногда вѣрныхъ данныхъ, они вдаются въ вымыслы, или по крайней мѣрѣ въ прикрасы, затемняющія правду и ведущія только къ ложнымъ заключеніямъ. Такимъ образомъ самое близкое къ намъ покрыто нерѣдко такимъ же загадоч-

нымъ мракомъ, какъ и событія самой отдаленной древности, и вотъ отъ чего и въ повѣсти о Сперанскомъ многое искажено такъ, что она превратилась почти въ миѳическую легенду. Нашею задачею будетъ собрать все, что сохранилось о ней на бумагѣ, потомъ приложить, къ писанному, преданія и мнѣнія изустныя и, наконецъ, изъ общаго свода этихъ разнородныхъ и большею частію разнорѣчивыхъ источниковъ извлечь тѣ выводы, которые, по простотѣ и естественности своей, представляются наиболѣе близкими къ истинѣ, или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе вѣроятными. Здѣсь, какъ и вездѣ, мы будемъ только скромными подготовителями матеріаловъ для тѣхъ, у кого достало бы нѣкогда духу и дара сдѣлаться истинными историками этой эпохи.

Приступая къ своду означенныхъ матеріаловъ, мы должны прежде всего сказать нѣсколько словъ о составѣ тѣхъ изъ нихъ, которые остались послѣ самого Сперанскаго, а здѣсь начать съ замѣчанія, что ни въ эпоху, непосредственно послѣдовавшую за его паденіемъ, ни позже, когда все уже было исправлено и очищено, онъ, въ частныхъ бесѣдахъ, даже самыхъ короткихъ, никогда не касался своей катастрофы. Подчиненные, естественно, не смѣли давать воли своему любопытству; равные не дѣлали вопросовъ, одни чтобъ не возбудить въ немъ печальныхъ воспоминаній; другіе—чтобъ не пострадать въ своемъ самолюбіи черезъ уклончивый, можетъ быть, съ его стороны отвѣтъ; третьи, которые продолжали до конца питать противъ него оскорбительныя подозрѣнія,—чтобъ не поддаться, въ ихъ понятіи, въ обманъ; друзей же, въ истинномъ смыслѣ слова, у Сперанскаго почти не было: ибо приближенные его были болѣе подвластные клевреты, нежели люди, которые стояли бы съ нимъ въ уровень, не только въ положеніи общественномъ, но и по высотѣ разумѣнія и чувства. Быть можетъ, что онъ распространялся иногда объ этомъ предметѣ въ откровенныхъ бесѣдахъ съ Столыпинымъ [1]); но память бесѣдъ ихъ умерла вмѣстѣ съ самимъ Столыпинымъ, который былъ слишкомъ лѣнивъ и безпеченъ, чтобы что нибудь записывать. Послѣ Магницкаго и Цейера [2]) также ничего не осталось, а Лубяновскій хотя и передалъ намъ цѣлый подробный разсказъ о послѣднемъ свиданіи Александра съ государственнымъ его секретаремъ передъ ихъ разлукою [3]); но, по другимъ, достовѣрнѣйшимъ и болѣе положительнымъ источникамъ, этотъ разсказъ оказался во многомъ противнымъ истинѣ, почему и позволено думать, что Лубяновскій слышалъ его не отъ самого Сперанскаго, или слышалъ не такъ. Въ

---

[1]) Аркадіемъ Алексѣевичемъ († 1825), принадлежавшимъ къ числу ближайшихъ друзей Сперанскаго.

[2]) Франца Ивановича, пріятеля Сперанскаго.

[3]) Ср. Записки Ѳ. П. Лубяновскаго въ „Русскомъ Архивѣ" 1872 г., столбцы 483—486.

Перми, изъясняясь съ купцомъ Поповымъ [1]) весьма откровенно о многихъ обстоятельствахъ своей тревожной жизни, Сперанскій также никогда не останавливался на своей ссылкѣ и, на сдѣланный ему однажды вопросъ, отвѣчалъ совершеннымъ молчаніемъ, такъ что Поповъ самъ долго не могъ простить себѣ своего нескромнаго любопытства. Наконецъ дочь Сперанскаго, повѣренная всѣхъ его размышленій и тайныхъ думъ, никогда не слыхала отъ него никакихъ подробностей объ исторіи его паденія: при малѣйшемъ на то намекѣ ея, онъ тотчасъ прерывалъ разговоръ или обращалъ его къ другому предмету, и ни разу, до самой кончины, дочь не могла навести отца на болѣе обстоятельное изъясненіе о поводѣ и дѣятеляхъ его несчастія. Такое умолчаніе—думаетъ она—происходило отъ постановленнаго имъ себѣ правила никогда не произносить имени врага, съ которымъ потеряна была надежда или возможность примириться. Великая душа его имѣла рѣдкую способность не только прощать, но даже и забывать нанесенныя ему огорченія. Изъ всѣхъ слышанныхъ нами изустныхъ, будто бы, сообщеній Сперанскаго больше другихъ вѣры заслуживаетъ переданное имъ, еще во время его заточенія, одному изъ павшихъ вмѣстѣ съ нимъ, полковнику Воейкову [2]) и заслуживаетъ потому, что оно своимъ содержаніемъ почти отъ слова до слова сходствуетъ съ оставшеюся послѣ Сперанскаго оправдательною запискою, написанною имъ въ Перми (на французскомъ языкѣ). Наконецъ, изъ письменныхъ слѣдовъ, оставленныхъ имъ самимъ для разъясненія этого мрачно таинственнаго событія, должно, сверхъ означенной записки, упомянуть еще о письмѣ, которое онъ отправилъ, въ 1813 году, изъ Перми, къ императору Александру, и объ автобіографіи его, напечатанной, въ 1821 году, по-нѣмецки. Важнѣйшимъ здѣсь представляется письмо; французская записка очень коротка, а автобіографія, вообще тоже очень короткая, содержитъ въ себѣ касательно катастрофы—какъ предназначавшаяся къ печати—только нѣсколько поверхностныхъ намековъ.

О составѣ другихъ нашихъ матеріаловъ, не непосредственно отъ самого Сперанскаго исшедшихъ, мы здѣсь предварительно не упоминаемъ. Они означатся сами собою тамъ, гдѣ будетъ изложено ихъ содержаніе.

---

[1]) Иваномъ Николаевичемъ, въ домѣ котораго Сперанскій жилъ въ Перми и который сообщилъ барону М. А. Корфу записку о пребываніи Сперанскаго въ этомъ городѣ (см. „Жизнь графа Сперанскаго", т. II, стр. 71 и слѣд.).

[2]) Алексѣю Васильевичу († 1825), бывшему правителемъ канцеляріи военнаго министра.

Дѣятели и участники въ катастрофѣ Сперанскаго.

Въ обстановкѣ печальной драмы низверженія Сперанскаго является цѣлая галлерея лицъ, частію бывшихъ прямыми дѣятелями и орудіями этого событія, частію дѣйствовавшихъ только косвенно, посредствомъ общаго своего вліянія, частію, наконецъ, служившихъ лишь непреднамѣренными, даже невольными пружинами въ рукахъ другихъ. Для большей вразумительности послѣдующаго разсказа и въ видѣ введенія къ нему, намъ нужно упомянуть о каждомъ въ нѣсколькихъ особыхъ словахъ.

Темное преданіе, живущее и донынѣ, ставитъ во главѣ паденія Сперанскаго имя великой княгини Екатерины Павловны, въ то время супруги принца Георгія Ольденбургскаго, генералъ-губернатора тверскаго, новгородскаго и ярославскаго. Мы знаемъ, что она точно не любила Сперанскаго, какъ впрочемъ ненавидѣлъ его почти весь дворъ и нерасположена была къ нему и императрица Марія Ѳеодоровна. Не будемъ останавливаться на той, вѣроятно, вымышленной сказкѣ, будто бы великая княгиня желала, чтобы для ея супруга установлено было Сибирское царство, и будто бы Сперанскій, сопротивленіемъ своимъ, разрушилъ это намѣреніе. Начало и поводы ея непріязни и безъ того достаточно объясняются. Женщина съ весьма рѣшительнымъ характеромъ и съ умомъ необыкновеннымъ, но вмѣстѣ и съ необыкновеннымъ властолюбіемъ [1]), великая княгиня была обожаема своимъ братомъ и пользовалась большимъ на него вліяніемъ. Вдругъ между ними сталъ сильный временщикъ, котораго вліяніе превозмогло всѣ прочія. Эта первая причина къ непріязни безпрестанно поддерживалась и оживлялась разными впечатлѣніями внѣшними. Тверь, гдѣ жилъ принцъ, такъ близка къ Москвѣ, а старая московская аристократія такъ была вооружена противъ смѣлаго нововводителя, что вопль ея не могъ не доноситься до великой княгини. Ближайшими его проводниками служили особенно два человѣка, пользовавшіеся ея расположеніемъ: Карамзинъ, котораго мнѣніе о Сперанскомъ и преобразованіяхъ его извѣстно [2]), и Растоп-

---

[1]) Свидѣтельство Ѳ. П. Лубяновскаго.—Mémoires de Stedingk, t. III, p. 97 и 98. «Великая княгиня Екатерина Павловна—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ извѣстный генералъ Ностицъ—чрезвычайно красива въ нѣкоторыхъ частностяхъ; такъ, напримѣръ, безподобны у нея: ротъ, станъ, огненный взглядъ; умъ ея необыкновенно образованъ, живъ и пронзителенъ; но въ образѣ ея изъясненія не довольно женственности, въ ея рѣчахъ—болѣе всего сентенцій и фразъ. Я вижу въ ней, по временамъ, смѣсь Петра Великаго съ Екатериною и Александромъ» (Aus Karls von Nostiz Leben und Briefwechsel, 1848, S. 173 и 174).

[2]) Записка „О древней и новой Россіи“.

чинъ, съ которымъ мы въ этомъ отношеніи сейчасъ познакомимся. Наконецъ, тутъ присоединилось еще одно случайное обстоятельство [1]). При Ольденбургскомъ принцѣ былъ секретаремъ и библіотекаремъ нѣкто Бушманъ, вывезенный имъ изъ Лейпцига—человѣкъ домашній и, такъ сказать, свой у генералъ-губернаторской четы. Великая княгиня обратилась къ Сперанскому съ просьбою исходатайствовать ему чинъ коллежскаго ассесора. Творецъ указа 1809 года отвѣчалъ, что новый законъ полагаетъ неодолимое тому препятствіе. Растопчинъ не упустилъ такого случая, чтобъ еще болѣе раздуть пламя.

— Какъ смѣетъ—говорилъ онъ великой княгинѣ—этотъ дрянной поповичъ отказывать сестрѣ своего государя, когда долженъ бы почитать за милость одно уже то, что она обратилась къ его посредничеству.

Съ тѣхъ поръ, дѣйствительно, непріязнь Екатерины Павловны стала еще прозрачнѣе обнаруживаться, и великая княгиня еще менѣе прежняго таилась въ своихъ чувствахъ.

— Mon frère est une tête et un caractère faible—много разъ говаривала она передъ тогдашнимъ статсъ-секретаремъ Лубяновскимъ, созданіемъ Сперанскаго:—quiconque parvient à mettre la main dessus l'a en son pouvoir. Spéransky est un homme qui écorche l'état et le mène à sa ruine, un malfaiteur enfin, et mon frère ne s'en doute guère [2]).

— Можно ли такого злодѣя при себѣ держать!—нерѣдко восклицалъ и принцъ, для котораго слово умной жены было закономъ.

Еще въ 1810 году, пользуясь проѣздомъ черезъ Тверь одного общаго пріятеля (саратовскаго помѣщика Устинова), Лубяновскій предварялъ черезъ него своего покровителя о тверскихъ злословіяхъ и сплетняхъ, умоляя взять возможныя мѣры осторожности. Но, въ полномъ чаду оказываемой ему милости, твердый при томъ убѣжденіемъ въ чистотѣ своихъ намѣреній и въ безукоризненности своихъ дѣйствій, государственный секретарь ничему не повѣрилъ и въ шуточномъ отвѣтѣ Лубяновскому приписалъ все—преувеличеніямъ робкаго его воображенія. Между тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что нерасположеніе великой княгини не осталось безъ вліянія на судьбы Сперанскаго. Если слова ея и внушенія не имѣли послѣдствій непосредственныхъ съ первой минуты и дѣйствовали на ея брата медленно и постепенно, то они тѣмъ не менѣе достигали своей цѣли и вливались въ общую чашу яда, которую готовили для него дру-

---

[1]) Слышано отъ Х. А. Бека.

[2]) Т. е. Мой братъ человѣкъ слабовольный и слабохарактерный; кому удастся подчинить его своему вліянію, тотъ имъ и руководитъ. Сперанскій разоряетъ государство и ведетъ его къ гибели, словомъ сказать, онъ преступникъ, а братъ мой нисколько того и не подозрѣваетъ.

гіе враги [1]). Кажется, и самъ Сперанскій, наконецъ, но уже поздно, убѣдился, что она была въ главѣ возникшихъ на него гоненій. По крайней мѣрѣ не умѣемъ мы иначе объяснить себѣ одного намека въ знаменитомъ пермскомъ его письмѣ. Исчисливъ тутъ главныхъ враговъ своихъ, указавъ поименно и на Армфельда и на Балашова, онъ писалъ далѣе: «Обращаясь еще разъ къ личнымъ отзывамъ, отъ чего, спросятъ, доходили отъ разныхъ лицъ однѣ вѣсти? Отъ того, что сіи разныя лица составляли одно тѣло, а душою сего тѣла былъ тотъ самый, кто всему казался и теперь кажется посторроннимъ».—При извѣстности лицъ и обстоятельствъ, не колеблясь, думаемъ, Сперанскій разумѣлъ тутъ не инаго кого, какъ именно великую княгиню Екатерину Павловну [2]).

Выше упомянуто имя Растопчина. Публика всегда ставила и его въ числѣ главныхъ дѣятелей низверженія Сперанскаго, и намъ нельзя не распространиться нѣсколько подробнѣе объ этомъ примѣчательномъ

---

[1]) Между многими преданіями о средствахъ, которыя будто бы употребляла великая княгиня къ низверженію Сперанскаго—преданіями, умалчиваемыми нами или потому, что они носятъ на себѣ явный отпечатокъ нелѣпости, или потому, что нѣтъ никакихъ подтвержденій въ ихъ достовѣрности—приводимъ лишь одно, и то потому только, что оно идетъ отъ барона Г. А. Розенкампфа, передавшаго его своему другу, сенатору К. М. Бороздину. По его увѣренію, Сперанскій подалъ Александру планъ о мѣрахъ на случай вторженія французовъ въ Россію; планъ этотъ, будто бы, сообщенъ былъ отъ государя великой княгинѣ, а она, подвергнувъ его самой строгой критикѣ и доказавъ, что приведеніе въ дѣйствіе предложенныхъ мѣръ повело бы къ несомнѣнной гибели Россіи, съ тѣмъ вмѣстѣ покрыла жестокими порицаніями и самого сочинителя этого плана.

[2]) Догадка, сообщенная намъ графомъ Д. Н. Блудовымъ, по современнымъ, будто бы, слухамъ, что тутъ могъ разумѣться тогдашній оберъ-гофмейстеръ Р. А. Кошелевъ, не имѣетъ, положительно, никакого основанія. Во 1-хъ если бъ Сперанскій имѣлъ въ виду Кошелева, то, назвавъ Армфельда и Балашова, конечно, не затруднился бы назвать и его; во 2-хъ, Кошелевъ, хотя, и былъ тогда въ нѣкоторой силѣ, но далеко не въ такой, чтобъ соперничать съ Сперанскимъ, и при томъ тотчасъ послѣ его паденія самъ оставилъ службу; въ 3-хъ, Сперанскій, и тогда и послѣ, состоялъ съ нимъ скорѣе въ дружественныхъ, нежели въ непріязненныхъ отношеніяхъ, и впослѣдствіи, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, такъ даже съ нимъ сблизился, что былъ переписчикомъ его духовнаго завѣщанія. Одинъ изъ самыхъ приближенныхъ, съ весьма давняго времени, къ Кошелеву людей—А. И. Ковальковъ—утверждаетъ, что всегда, и часто, слышалъ отъ него одни лишь самые лучшіе отзывы на счетъ Сперанскаго, и нѣтъ никакого повода заключать, чтобы онъ старался когда-нибудь ему вредить. Съ другой стороны, едва ли болѣе есть основанія и въ другомъ предположеніи: будто бы Сперанскій, въ означенномъ мѣстѣ своего письма, разумѣлъ Растопчина. Если бъ онъ считалъ его во главѣ заговора противъ себя, то за чѣмъ же удержался бы произнести его имя, когда назвалъ и Армфельда и Балашова?

человѣкѣ, начавъ съ его происхожденія, о которомъ находимъ два, совершенно противоположныя показанія. Бантышъ-Каменскій въ своемъ «Словарѣ достопамятныхъ людей Русской земли» (С.-Петербургъ, 1837, т. III, стр. 106) выводитъ родъ Растопчиныхъ отъ потомка, въ прямой линіи, Чингисханова,—Бориса Давыдовича, прозвищемъ Ростопча, выѣхавшаго въ Россію изъ Крымской орды въ началѣ XVI-го столѣтія. Потомки этого Ростопчи—говоритъ Бантышъ-Каменскій—отправляли при нашихъ царяхъ, разныя службы, и одинъ изъ нихъ, Алексѣй, былъ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, стрѣлецкимъ головою, а другой, Никифоръ, участвовалъ, въ чинѣ капитана, въ первыхъ походахъ Петра Великаго; отецъ же графа Ѳедора Васильевича,—того, о которомъ мы говоримъ,—Василій Ѳедоровичъ, дослужась до маіорскаго чина, вышелъ въ отставку. Совсѣмъ другое пишетъ въ Запискахъ своихъ Ф. Ф. Вигель [1]), соглашающійся съ вышесказаннымъ только въ томъ, что Василій Ѳедоровичъ Растопчинъ былъ—отставной маіоръ. По его словамъ, когда сынъ Растопчинъ управлялъ уже, при Павлѣ, коллегіею иностранныхъ дѣлъ, этотъ Василій Ѳедоровичъ часто посѣщалъ тогдашняго московскаго полиціймейстера Алексѣева, Вигелева зятя, и тутъ самому Вигелю не разъ случалось слышать разсказы старика о томъ, какъ онъ выкупился изъ крѣпостнаго состоянія, вступилъ въ службу, и въ небольшихъ чинахъ наживя небольшое состояніе, не щадилъ ничего, чтобъ дать хорошее воспитаніе единственному сыну; за то и сынъ, пользуясь удобною минутою у щедраго Павла, выпросилъ отцу, изъ отставныхъ маіоровъ, прямо чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и Аннинскую ленту. Какъ бы то ни было, т. е. происходилъ ли Ѳедоръ Васильевичъ отъ древняго рода Ростопчей, или былъ сынъ выкупившагося на волю крѣпостнаго человѣка, но извѣстно, что онъ, еще въ званіи пажа, остротою своею и особенно даромъ каррикатурной подражательности, обратилъ на себя вниманіе Екатерины II-й; потомъ, дослужась только до поручика лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, вышелъ въ отставку и долго жилъ за границею; но, наконецъ, благодаря женитьбѣ на родной племянницѣ Анны Степановны Пратасовой [2]), любимицы императрицыной, въ 1792 году пожалованъ былъ въ камеръ-юнкеры. Здѣсь, однако, онъ предпочелъ большому двору дворъ наслѣдника въ Гатчинѣ и этому выбору былъ обязанъ послѣдующимъ быстрымъ своимъ возвышеніемъ. Назначенный тотчасъ по воцареніи Павла, въ генералъ-адъютанты, осыпанный орденами и имѣніями, онъ не далѣе, какъ въ 1798 году былъ уже дѣйстви-

---

[1]) См. Записки Ф. Ф. Вигеля, изданіе „Русскаго Архива", Москва. 189.. часть четвертая, стр. 36.

[2]) Екатеринѣ Петровнѣ Пратасовой.

тельнымъ тайнымъ совѣтникомъ, а въ 1799-мъ опредѣленъ первоприсутствующимъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и главнымъ директоромъ почтъ, съ пожалованіемъ въ графы. Но въ твердомъ и благодарномъ къ своему благодѣтелю Растопчинѣ Паленъ и Зубовы видѣли препятствіе къ исполненію своихъ тайныхъ замысловъ, и ихъ происками онъ былъ ниспровергнутъ за нѣсколько дней до кончины Павла. Первый годъ послѣ того Растопчинъ провелъ въ деревнѣ, а потомъ постоянно жилъ въ Москвѣ. Тутъ онъ скоро сталъ на-ряду съ вельможами, сошедшими съ поприща, которыхъ пребываніемъ древняя столица такъ гордилась. Это было не легко: всѣ они были старики, а онъ едва достигалъ сорока лѣтъ (родился 12-го марта 1763 года); всѣ они были болѣе или менѣе знатнаго происхожденія, а онъ своимъ—если вѣрить Вигелю—хвалиться не могъ; за то бо́льшую часть изъ нихъ превосходилъ умомъ и просвѣщеніемъ. Свободный отъ оковъ этикета и осторожности, которыми стѣсняются люди въ высокихъ должностяхъ, онъ давалъ полную волю своимъ рѣчамъ и извѣстному кипучему острословію. Но пока нѣкоторые считали его почти за шута, онъ прилежно изучалъ московскіе нравы и чрезвычайно забавлялся нелѣпыми толками, сплетнями и пересудами москвичей. Позже, когда правительство наше начало покорствовать Наполеону, Растопчинъ сталъ изливать досаду свою на то въ небольшихъ комедіяхъ и въ горькихъ язвительныхъ шуткахъ, въ которыхъ колко осмѣивалъ иностранцевъ и приверженцевъ ихъ между нами. Александръ увидѣлъ Растопчина, впервые по воцареніи своемъ, при посѣщеніи Москвы, въ концѣ 1809 года, и, разговорясь съ нимъ, былъ увлеченъ силою и ясностью его ума. Послѣдствіемъ было приглашеніе ему пріѣхать въ Петербургъ; здѣсь онъ, въ февралѣ 1810 года, былъ пожалованъ въ оберъ-камергеры, но съ дозволеніемъ оставаться въ Москвѣ, откуда, по сдѣланной привычкѣ, онъ рѣдко отлучался.

Возвращаясь къ мнѣнію, будто бы Растопчинъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей паденія Сперанскаго, мы соглашаемся съ этимъ только въ отношеніи къ наговорамъ, но не видимъ нигдѣ прямаго его участія въ дальнѣйшихъ интригахъ, во всѣхъ тѣхъ дѣйствіяхъ, которыя приписывала ему легковѣрная молва. Роль его здѣсь легче разрѣшается, нежели въ другомъ вопросѣ, который онъ задалъ исторіи—вопросѣ о пожарѣ московскомъ. Въ суетно-праздной жизни старой столицы, ища занять чѣмъ-нибудь безпокойный духъ свой, онъ составлялъ себѣ дѣло изъ порицанія мѣръ правительства и употребляемыхъ имъ лицъ [1]): доносилъ сперва на главнокомандовавшаго въ Москвѣ графа Гудовича; потомъ—на извѣстнаго въ то время иллюмината, доктора Сальватори; наконецъ, между прочимъ, о ненависти Москвы и цѣлой Россіи къ Сперанскому; но доно-

[1]) Де-Сангленъ.

силъ только въ качествѣ частнаго человѣка, въ разговорахъ, въ партикулярныхъ письмахъ, какъ отголосокъ общаго, и безъ того болѣе или менѣе гласнаго мнѣнія, не являясь нигдѣ своимъ лицомъ въ рядахъ дѣйствователей. Не опровергая нисколько, что Растопчинъ, по свойствамъ своего характера и по необычайной дерзости, все себѣ позволявшей [1]), былъ и расположенъ, и способенъ погубить человѣка, которому завидовалъ и котораго потому ненавидѣлъ, мы не имѣемъ, однакожъ, ни уликъ, ни даже указаній, чтобъ онъ позволялъ себѣ, въ отношеніи къ этому человѣку, что-либо иное, кромѣ злобныхъ косвенныхъ наговоровъ, т. е. того, что дѣлали, болѣе или менѣе, всѣ вельможи и значущія лица того времени. Де Сангленъ, о которомъ мы сейчасъ будемъ говорить и черезъ руки котораго шло все дѣло, прямо отрицаетъ всякое въ немъ участіе Растопчина. Самъ Растопчинъ въ своихъ мемуарахъ [2]) пишетъ: «cinq

[1]) Въ доказательство, какъ Растопчинъ умѣлъ вредить своимъ врагамъ, приведемъ два письма его къ Александру о князѣ Смоленскомъ: 1) 19-го сентября 1812 года: Le prince Koutouzoff continue à ne rien faire et à empêcher les autres de faire quelque chose.... Je crains beaucoup que l'inactivité dans les opérations ou l'indifférence criminelle du prince Koutouzoff pour l'avenir ne donnent à Bonaparte les moyens de rester à Moscou". 2) 26-го октября: „Le défunt maréchal Koutouzoff ne demande pas mieux que de ne pas se battre, de commander et de vous tromper". А что онъ умѣлъ, подъ личиною благородной откровенности, быть и дерзкимъ, укажемъ еще на слѣдующее его письмо къ государю отъ 21-го сентября 1812 года: „Il faut, Sire, que vous vous décidiez à vous rendre à l'armée, à y rétablir l'ordre et à relever son courage. Tous ses succès seront votre ouvrage et vous travaillerez au salut de la patrie et à votre propre gloire. Mais si le destin a décidé la chûte de votre empire, vous devez périr avec et combattre au milieu de vos fidèles sujets, décidés à mourir sous vos yeux au champ de l'honneur. Et c'est là que vous devez vaincre ou périr vous-même". (Бумаги графа Растопчина въ Архивѣ военнаго министерства). (Переводъ: 1) 19-го сентября 1812 года: „Князь Кутузовъ попрежнему ничего не дѣлаетъ и мѣшаетъ другимъ что-либо дѣлать. Я весьма опасаюсь, какъ бы бездѣятельностью или преступною незаботливостью князя Кутузова о будущемъ не воспользовался Бонапартъ, чтобы остаться въ Москвѣ". 2) 26-го октября: „Покойникъ-фельдмаршалъ Кутузовъ только того и желаетъ, чтобъ не давать сраженій, предводительствовать арміею и васъ обманывать". 3) 21-го сентября 1812 года: „Вашему величеству слѣдуетъ рѣшиться отправиться въ армію, возстановить въ ней порядокъ и поднять ея духъ. Успѣхомъ своихъ дѣйствій она будетъ обязана вамъ, и вы позаботитесь о спасеніи отечества и о собственной вашей славѣ. Но если судьба предрѣшила паденіе вашей имперіи, вы обязаны погибнуть вмѣстѣ съ нею и должны сражаться посреди вашихъ вѣрноподданныхъ, которые готовы умереть на вашихъ глазахъ на полѣ чести. И тамъ же вы сами должны или побѣдить или погибнуть").—Эти письма Растопчина напечатаны полностью въ „Русскомъ Архивѣ" 1892 года, книга вторая; приводимыя выдержки см. на стр. 539 и 540, 553 и 545—546.

[2]) Отрывокъ изъ Записокъ Растопчина, хранящійся въ Государственномъ архивѣ.

jours après mon arrivée à St.-Pétersbourg le renvoi de M-r Spéransky eut lieu à la grande surprise de tout le monde. Comme il fût victime d'une intrigue obscure et jamais bien dévoilée, sa disparition autorisa à supposer une trahison découverte. La société qu'il s'était formée et la protection ouverte qu'il accordait aux personnes de sa classe, lui valût la haine de la noblesse, qui apprit avec plaisir sa chûte. On l'attribua à la grande duchesse Catherine, princesse d'Oldenbourg, et on me fit donner un rôle dans cette histoire, moi, qui a été un des plus étonnés quand on m'apprit le lendemain son renvoi. Je crois jusqu'à présent que M-r Spéransky a été renvoyé à l'instigation de M-r Balaschof et d'Armfeldt qui en firent le sacrifice à la prétendue opinion publique. Ces deux messieurs, jouissant à cette époque d'un crédit marquant, voulurent le consolider par l'éloignement d'un rival dangereux par ses moyens et par l'habitude que l'empereur avait pris à son travail. Tel est, cependant, l'effet malheureusement réel de le médisance, que M-r Spéransky passa pour un scélérat qui trahissait son maître et sa patrie, et que les gens du peuple substituèrent son nom à celui de Mazeppa, épithète de traître» [1]).—При всемъ томъ, для полноты нашего повѣствованія и, вмѣстѣ, для опроверженія одного нелѣпаго слуха, который, черезъ частое и безотчетное повтореніе его, принялъ въ глазахъ многихъ силу неоспоримаго факта, мы должны коснуться здѣсь, тоже съ нѣкоторою подробностію, исторіи современнаго письма, отъ котораго, очевидно, и родилось общее мнѣніе о прямой прикосновенности Растопчина къ настоящему дѣлу.

Въ мартѣ 1812 года, т. е. въ самое время высылки Сперанскаго изъ

---

[1]) Переводъ: „Спустя пять дней послѣ моего пріѣзда въ Петербургъ произошла, ко всеобщему удивленію, высылка Сперанскаго. Какъ онъ палъ жертвою сокровенной и оставшейся нераскрытою интриги, то удаленіе его возбудило слухъ, будто бы обнаружена какая-то измѣна. Общество, которымъ Сперанскій окружилъ себя, и открытое покровительство, которое онъ оказывалъ людямъ своего сословія, навлекли на него ненависть дворянства, и оно было очень обрадовано вѣстью о его паденіи. Это паденіе молва приписывала принцессѣ Ольденбургской, великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ вздумала дать тутъ нѣкоторую роль и мнѣ, хотя никто, конечно, не удивился болѣе меня случившемуся, когда вѣсть о высылкѣ Сперанскаго дошла до меня на слѣдующій день. Я до сихъ поръ увѣренъ, что причиною ссылки Сперанскаго были внушенія Балашова и Армфельда, принесшихъ его въ жертву мнимому общему мнѣнію. Пользуясь въ то время значительнымъ довѣріемъ при дворѣ, оба эти лица пожелали еще болѣе упрочить свое положеніе низверженіемъ соперника, который и по своимъ дарованіямъ, и по привычкѣ къ нему государя, казался имъ опаснымъ. Таково, однакожъ, было дѣйствіе—довольно, къ несчастію, обыкновенное—клеветы, что Сперанскій прослылъ за злодѣя, измѣнившаго своему монарху и отечеству, и что его имя народъ поставилъ на-ряду съ именемъ Мазепы".

Петербурга, начали распространяться по городу многочисленныя копіи съ слѣдующаго, писаннаго будто бы на имя государя письма:

«Служа отечеству и престолу вашего императорскаго величества [1]) слишкомъ 30 лѣтъ, къ удовольствію престола и монарха, имѣлъ счастіе пользоваться довѣренностію и, при достохвальномъ поведеніи, за старостію и слабостію здоровья, назадъ тому уже болѣе 10-ти лѣтъ, по желанію моему, отставленъ отъ службы. Проживая поднесь въ столицѣ Москвѣ, избранъ нынѣ тамошнимъ дворянствомъ и удостоенъ къ вашему величеству депутатомъ, для представленія вамъ гибельнаго зрѣлища всего государства и собственно особы вашей, умышленнаго и почти уже совсѣмъ совершеннаго толпою, васъ окружающею.

«Государь! Позвольте, по долгу сына отечества, избраннаго и удостоеннаго первѣйшимъ сословіемъ въ вѣрности къ престолу вашему, сказать откровенно, съ болѣзнованіемъ, и открыть вашему величеству бездну, предъ вами раскрытую, въ которую окружающіе желаютъ васъ свергнуть, а кто именно, суть слѣдующіе:

«Осыпанный милостями вашего императорскаго величества и возведенный изъ праха, въ теченіе краткаго времени, секретарь вашъ Сперанскій съ Магницкимъ суть первыя лица, которыя, обольстивъ и склонивъ къ себѣ неистовыхъ умышленниковъ: Г. Р., Н. М., М. Тр., И. Вол., Ѳе. Го., Гу., Вейдемейера, Яблонскаго, Бижевича [2]) и прочихъ, къ нимъ прикосновенныхъ, о коихъ, по важности, лично донесу вашему величеству, продали васъ, съ сообщниками своими, мнимому вашему союзнику, который успѣлъ въ желаніи своемъ, чрезъ посредство ихъ, удалить войска ваши изъ всей Финляндіи и даже изъ самаго Петербурга въ извѣстный вамъ край, чрезъ что открылъ себѣ самый благонадежный и свободный путь къ Петербургу. Уже разбойничья его шайка собрана въ Стральзундѣ, гдѣ производитъ поспѣшную постройку разнаго рода гребныхъ судовъ и прочихъ принадлежностей, по окончаніи ко-

---

[1]) Въ другихъ копіяхъ этого письма, и донынѣ сохраняющихся у разныхъ любителей старины, есть нѣкоторые варіанты противъ приводимой здѣсь; но наша списана съ находящейся въ дѣлѣ Секретнаго Комитета 1807 года, слѣдственно есть актъ, болѣе другихъ оффиціальный.—Въ 1873 году письмо это было издано въ „Чтеніяхъ Импер. Московск. Общества исторіи и древностей россійскихъ“, книга III, отд. V. Смѣсь, стр. 159—162.

[2]) Сколько, по извѣстности тогдашнихъ лицъ, догадываться можно, эти начальныя буквы означали: графъ Румянцовъ, Николай Мордвиновъ, маркизъ Траверсе, Ѳедоръ Голубцовъ, Гудовичъ. Кто разумѣлся подъ буквами И. Вол., разрѣшить трудно. Вейдемейеръ, правитель канцеляріи прежняго Совѣта, былъ тогда сенаторомъ, а Яблонскій и Бижевичъ были малозначущіе канцелярскіе чиновники.

ихъ намѣренъ, ни мало не мѣшкавъ, перебраться чрезъ заливъ моря на твердкую землю. Трофеи его въ Шведской Помераніи развѣваются, куда уже привезена ему богато-убранная карета, въ которой намѣренъ онъ, обще съ своею императрицею, проѣзжать чрезъ Ригу прямо къ Петербургу. Разбойничья орда его, состоящая въ Стральзундѣ и Помераніи въ 120-ти тысячахъ, ожидаетъ ежеминутнаго повелѣнія двинуться на пагубу нашего отечества!

«Государь, внемли гласу справедливости, который происходитъ отъ единаго усердія къ отечеству и особѣ твоей; позволь приблизиться мнѣ къ столицѣ, прервать дѣйствіе, злоумышленное хищными звѣрями, тебя окружающими. Я знаю все подробно, даже гдѣ хранится переписка Наполеона съ обнаженными участниками; или избери орудіемъ къ сему Александра Балашова, который хотя и участвовалъ въономъ дѣлѣ, но принужденно, для узнанія истины, и первый открылъ сіе ужасное дѣло, письмомъ въ Москву отъ 20-го февраля. Изъ документовъ, кои отъ него будутъ отобраны, вы ясно усмотрите, что уже неистовое намѣреніе происходитъ болѣе четырехъ лѣтъ.

«Ухищреніе, коимъ онъ хотѣлъ разстроить государство, озлобить противу васъ народъ, и еще другіе важные случаи, отъ него происходящіе, изъ коихъ одинъ, и самый послѣдній, имѣю желаніе представить вашему величеству нижеслѣдующій: въ верховномъ Совѣтѣ, гдѣ представлена вамъ была выписка о новыхъ налогахъ, противу которой первый вы сдѣлали возраженіе и не соглашались оную утвердить, произнеся: «что народъ вашъ и такъ уже много претерпѣлъ въ прошедшее время, а ежели еще сіе выпустить, то неминуемо должно ожидать народнаго противъ себя озлобленія». На сіе секретарь вашъ Сперанскій первый подалъ голосъ въ опроверженіе, представляя, что время и обстоятельства требуютъ пособія вашему кабинету, для польской арміи, которая должна дѣйствовать обороняя, и что сіе есть единственное средство; а если сего не сдѣлать, то во 1-хъ, нельзя приступить къ дѣлу, а во 2-хъ, и успѣха ожидать невозможно, не имѣя достаточной на то суммы въ наличіи. Усиленная армія въ Польскомъ краѣ, подъ видомъ опасенія и напора на оную Бонапарте, въ дополненіе коей выслана какъ изъ столицы вашей вся гвардія, такъ и изъ Финляндіи всѣ войска, доказываютъ умыселъ занять васъ обороной въ Польшѣ, а чрезъ Курляндію пропустить враговъ во внутренность безъ всякой препоны. Не явенъ ли сей обманъ? Подъ видами патріотизма, онъ хотѣлъ дѣйствовать противъ особы вашей, всѣ сословія озлобить и возбудить народъ произнести великое и страшное требованіе, какое уже случалось въ Италіи и Швейцаріи. Не онъ ли былъ орудіемъ въ прошедшее время, когда ваше величество, бывъ при Тильзитѣ обмануты, заключили миръ, и миръ для Россіи самый невыгодный, бремя и тяжесть

котораго вы уже испытали, отъ котораго финансы ваши опустѣли и способы къ поправленію исчезли [1])? Чиновники, кои въ семъ важномъ дѣлѣ могли бъ для государства быть полезными, чрезъ посредство его, подъ видомъ опасныхъ, оклеветаны предъ вашимъ величествомъ и отдалены. Не удивляйся сему, монархъ! Злато и бриліанты, чрезъ французскаго посланника къ нему доставленные, ослѣпили ему глаза и удалили отъ вѣрности къ отечеству и особѣ твоей!

«Итакъ вашему величеству время заняться къ поправленію монархіи и критическаго ея положенія. Избрать людей къ сему важному дѣлу есть искусство, коимъ одарена была августѣйшая ваша бабка, а по наслѣдству принадлежитъ и вамъ.

«Открытіе всѣхъ сихъ важныхъ происшествій служитъ къ спасенію вашего величества и всего государства отъ ига иновѣрца. Письмо сіе есть послѣднее, и если останется недѣйствительнымъ, тогда сыны отечества необходимостію себѣ поставятъ двинуться въ столицу и настоятельно требовать какъ открытія сего злодѣйства, такъ и перемѣны правленія».

На копіи выставлено было 14 марта 1812 г. и означена подпись: «Графъ Растопчинъ и москвитяне» [2]).

Послѣ уже высылки Сперанскаго, одинъ экземпляръ этого письма схваченъ былъ полиціею у служившаго въ Герольдіи титулярнаго совѣтника Алексѣева [3]), который показалъ, что получилъ его отъ губернскаго секретаря Мылова и раздалъ копіи въ нѣсколько рукъ. Вступившій, за отъѣздомъ Балашова къ арміи, въ управленіе министерствомъ полиціи Вязмитиновъ представилъ перехваченный экземпляръ государю. Возвращая его 13-го мая изъ Вильны, Александръ отвѣчалъ, что «сіе письмо уже дошло до него другимъ путемъ» и что «нужно добраться подробно, кто сочинитель подобныхъ бумагъ?». Въ слѣдствіе того отобрано было полиціею въ Петербургѣ еще десять экземпляровъ и по розыску обнаружено, что къ Алексѣеву письмо дошло уже къ седьмому — все черезъ мелкихъ чиновниковъ—отъ надворнаго совѣтника Коржавина, который не могъ быть допрошенъ, потому что оказался умершимъ скоропостижно еще 28-го марта. Вязмитиновъ, доводя о томъ

---

[1]) Здѣсь клевета доходитъ уже до прямой нелѣпости. Сперанскій приближенъ былъ къ лицу государеву спустя долгое время послѣ Тильзитскаго мира и, при заключеніи его, управлялъ экспедиціею въ совершенно чуждомъ этому дѣлу министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

[2]) На нѣкоторыхъ другихъ копіяхъ подпись: „Графъ Растопчинъ, москвитянинъ". Помѣта числа была тоже различна: на иныхъ экземплярахъ 5-е марта, на другихъ 17-е—самый день высылки Сперанскаго.

[3]) Дѣло Секретнаго Комитета за 1812 годъ, № 5-й.— См. „Жизнь графа Сперанскаго", т. II, стр., 10 въ примѣчаніи.

до свѣдѣнія Секретнаго Комитета 1807 года, писалъ, что до источника этой бумаги добраться еще не успѣли, «можетъ быть потому, что она и въ самой вещи въ Москвѣ, а не здѣсь сочинена», но что между тѣмъ слѣдствіе будетъ продолжаемо неослабно. На этомъ дѣло окончилось, и дальнѣйшихъ донесеній уже не поступало.

Было ли письмо точно отъ Растопчина, или по крайней мѣрѣ составлено при его участіи? Самаго этого вопроса нельзя почти сдѣлать безъ усмѣшки. Если Растопчинъ былъ человѣкъ злобный и дерзкій до наглости, то онъ былъ, однакожъ, и человѣкъ очень умный, очень образованный, съ очень искуснымъ перомъ, а эта бумага, хотя и при нѣкоторомъ подражаніи его тону и манерѣ, представляется, съ перваго взгляда, верхомъ невѣжества, незнанія политическихъ обстоятельствъ, нелѣпости и безграмотства. Сочиненная, вѣроятно, въ низшемъ чиновничьемъ слоѣ, въ томъ сословіи, надъ которымъ разразился указъ 1809-го года объ экзаменахъ, она, однакожъ, служитъ новымъ доказательствомъ, какъ непріязненно настроено было противъ Сперанскаго общее мнѣніе и какую воспріимчивую почву находила въ умахъ всякая противъ него клевета, хотя бы самая нелѣпая. Если Александръ и Комитетъ 1807-го года тотчасъ прозрѣли въ подлогъ, то въ публикѣ, напротивъ, огромное большинство слѣпо повѣрило и тому, что письмо точно отъ Растопчина, и истинѣ его содержанія. Но что еще удивительнѣе: и теперь, когда всѣ дѣйствовавшія лица исчезли, когда обстоятельства измѣнились и страсти умолкли, даже т е п е р ь, между людьми, занимающимися у насъ подобными вопросами, есть еще такіе, которые эту пошлую бумагу продолжаютъ, прямо и не колеблясь, приписывать творцу «Мыслей въ слухъ на Красномъ крыльцѣ».

Еще въ 1846 году одинъ писатель, стяжавшій себѣ нѣкоторую извѣстность историческими своими трудами, впалъ въ ту же явную и странную ошибку. Въ «Словарѣ достопамятныхъ людей Русской земли» Бантышъ-Каменскаго (С.-Петербургъ. 1847), въ біографіи Растопчина, именно сказано: «можетъ быть, Растопчинъ далеко распространялъ усердіе свое, какъ человѣкъ, ошибался; но онъ говорилъ не за себя одного, за древнюю столицу, которая избрала его своимъ представителемъ, уполномочила ходатайствовать у престола въ пользу и защиту отечества» —и тутъ же, въ выноскѣ подъ строкою, означено подъ заглавіемъ: «Письмо къ государю графа Растопчина отъ 17-го марта 1812-го» (т. III, стр. 124).

На вопросъ нашъ г. Бантышу-Каменскому, какое это таинственное письмо, приведенное имъ однимъ з а г л а в і е м ъ, онъ прислалъ намъ копію съ вышеизложенной бумаги [1])!

---

[1]) На счастье исторіи и къ спасенію критическаго таланта г. Бантышъ-Каменскаго отъ явнаго ф і а с к о, самое с о д е р ж а н і е этой бумаги не

Теперь обратимся къ лицамъ, принимавшимъ болѣе непосредственное участіе въ низверженіи Сперанскаго, и, во главѣ ихъ, къ Балашову и Армфельду.

Александръ Дмитріевичъ Балашовъ, во время описываемыхъ нами событій, былъ еще не старъ и почти ровесникъ Сперанскому, потому что родился въ 1770 году [1]). Происходя изъ хорошей дворянской фамиліи, онъ получилъ воспитаніе въ Пажескомъ корпусѣ и вышелъ оттуда первымъ по экзамену; но послѣ отца, умершаго въ 1790 году, остался, съ шестью сестрами, въ большой бѣдности, разстроивъ и послѣдніе остатки скуднаго состоянія игрою. Онъ началъ службу въ Измайловскомъ полку, потомъ продолжалъ ее въ арміи, 29-ти лѣтъ былъ уже генералъ-маіоромъ и ревельскимъ военнымъ губернаторомъ, въ 1804-мъ году назначенъ оберъ-полиціймейстеромъ въ Москву, въ 1807-мъ генералъ-кригсъ коммиссаромъ, въ мартѣ 1808-го оберъ-полиціймейстеромъ въ Петербургъ и, наконецъ, въ февралѣ 1809-го с.-петербургскимъ военнымъ губернаторомъ и генералъ-адъютантомъ; вслѣдъ затѣмъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Въ день учрежденія Государственнаго Совѣта, 1-го января 1810-го года, Балашовъ былъ почтенъ званіемъ его члена, а при преобразованіи въ томъ же году министерствъ и учрежденіи министерства полиціи, 25-го іюля назначенъ министромъ полиціи, съ оставленіемъ вмѣстѣ въ званіи с.-петербургскаго военнаго губернатора. Членомъ Совѣта и министромъ онъ былъ пожалованъ по выбору и представительству Сперанскаго, который не зналъ, что согрѣваетъ такимъ образомъ на груди своей змѣю. Въ этомъ положеніи мы застаемъ теперь Балашова, но въ положеніи шаткомъ, потому что и Александръ, и Сперанскій начинали убѣждаться въ неудачѣ своего выбора, и даже возникало предположеніе замѣстить его бывшимъ нашимъ посломъ въ Парижѣ, графомъ П. А. Толстымъ [2]). Балашову надо было искать сдѣлаться незамѣнимымъ, т. е. необходимымъ. По характеру и образу мыслей, с р е д с т в а никогда его не затрудняли, лишь бы достигнуть своей ц ѣ л и. Мы имѣемъ передъ собою оставленную имъ рукописную автобіографію, подъ заглавіемъ «Записки касательно моей жизни». Тутъ онъ самъ разсказываетъ, какъ въ первой еще молодости, бывъ въ Измайловскомъ полку, обыгралъ въ карты двухъ своихъ товарищей, Скарятина и Маслова, на значительную сумму, для того единственно, какъ говоритъ, чтобы отъучить ихъ отъ страсти къ игрѣ, чего и достигъ, но не прибавляетъ, однакожъ, чтобы возвратилъ имъ потомъ выигранныя съ такимъ б л а г о д ѣ т е л ь н ы м ъ намѣреніемъ

вошло въ текстъ его книги — пропускъ, за который мы обязаны не его сомнѣніямъ—ихъ не было,—а единственно условіямъ тогдашней цензуры.

[1]) Записки Балашова о его жизни.

[2]) Записки Л. И. Голенищева-Кутузова.

деньги. Въ тѣхъ же Запискахъ своихъ Балашовъ пишетъ: «Не бывъ нимало гордъ или тщеславенъ, я врожденную имѣю ненависть къ поступкамъ подлымъ и врагъ раболѣпію, и принудить себя не могу къ тому даже, что хотя не есть подлость, но подобіе подлости имѣетъ».—Писалъ онъ такъ, а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ не только способенъ былъ, но и имѣлъ особенную наклонность, особенное влеченіе ко всякому предательству, ко всякой низости, ко всякому даже вымыслу, который могъ способствовать его видамъ [1]).

Балашовъ, возведенный на одну изъ высшихъ государственныхъ степеней, на степень, гдѣ открывалась равная возможность дѣлать и много добра, и много зла, представляетъ одно изъ самыхъ неприглядныхъ явленій въ исторіи царствованія Александра.

Съ большимъ природнымъ умомъ, съ блестящими дарованіями, съ необыкновенною хитростію и столь же необыкновеннымъ искусствомъ находить расположеніе въ тѣхъ, въ комъ нуждался, онъ, несмотря на то, что былъ взращенъ въ военномъ мундирѣ, имѣлъ въ себѣ многое изъ самаго низкаго подьяческаго типа. Постыдное его лихоимство знала вся Россія. Онъ бралъ немилосердно, гдѣ только можно было; бралъ и какъ оберъ-полиціймейстеръ, и какъ военный губернаторъ, и даже какъ министръ. Страсть къ преступному любостяжанію не охладѣла въ немъ и тогда, когда, черезъ вторый бракъ свой, въ 1808 году, съ дѣвицею Бекетовою, двоюродною сестрою И. И. Дмитріева, онъ сдѣлался обладателемъ огромнаго богатства [2]). Министерство его было не высшимъ, по назначенію своему, блюстительствомъ надъ общественными нравами, а полицейскою конторою, въ которой одною рукою брали, а другую употребляли на шпіонство, вывѣдыванія и клеветы. Съ первой минуты своего образованія, оно было уронено въ общемъ мнѣніи и потеряло всякое довѣріе публики. Самъ Балашовъ, пресмыкаясь, завидуя всякому высшему, пристально вглядываясь въ царскія слабости, стараясь угождать имъ, предательствуя и клевеща, изъ послушныхъ клевретовъ сдѣлался постепенно тайнымъ, но самымъ опаснымъ, самымъ дѣятельнымъ врагомъ неосторожнаго Сперанскаго, не столько изъ властолюбія и уже, конечно, не изъ патріотизма, сколько изъ духа интриги, желанія выслужиться и страха собственнаго обличенія. Нижеслѣдующій разсказъ нашъ, давая обильные матеріалы къ дальнѣйшей его характери-

---

[1]) Показанія Де-Санглена; графа П. В. Голенищева-Кутузова; И. С. Горголи; Бантышъ-Каменскаго; Г. В. Лерхе и многихъ другихъ современниковъ.

[2]) Такимъ же точно мы находимъ Балашова и въ позднѣйшіе годы его жизни, по назначеніи его генералъ-губернаторомъ пяти губерній, снабженнымъ особенною властію. Всѣмъ современникамъ памятно, какія жестокія дани налагалъ тогда на всѣхъ, имѣвшихъ дѣло до генералъ-губернатора, состоявшій при немъ чиновникъ Ѳедотовъ.

стикѣ, укажетъ, вмѣстѣ, и понятіе о немъ императора Александра, и тѣ средства, которыя этотъ полицейскій шпіонъ позволялъ себѣ къ низверженію избраннаго себѣ въ жертву лица, продолжая, по наружности, носить личину дружественнаго къ нему и особенно къ Магницкому расположенія. Примѣчательно, впрочемъ, что въ послѣднемъ отношеніи, т. е. касательно мнимой дружбы къ Сперанскому и Магницкому, Балашовъ стремился обмануть даже и исторію. Самъ, видно, понимая неприглядность своихъ дѣйствій, хитрый интриганъ хотѣлъ скрыть отъ потомства всякое участіе свое въ этомъ дѣлѣ. «Въ мартѣ мѣсяцѣ 1812 года -- сказано въ его мемуарахъ—имѣлъ я очень тяжелое мнѣ порученіе отобрать всѣ бумаги у Сперанскаго и Магницкаго и послать каждаго изъ нихъ, съ полицейскимъ офицеромъ, въ дальнія губерніи подъ надзоръ». Болѣе нѣтъ тутъ ни одного слова ни о Сперанскомъ, ни объ отношеніяхъ къ нему автора... Напечатанное въ разныхъ газетахъ, а потомъ и отдѣльною брошюрою, жизнеописаніе Балашова очень вѣрно—въ отношеніи къ его формуляру, т. е. къ порядку прохожденія имъ службы, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ—плоскій панегирикъ, нигдѣ не вскрывающій оборота медали, такое же безусловное хвалебное слово, какое самъ Балашовъ воспѣлъ себѣ въ своихъ мемуарахъ. Если бъ положиться на эту брошюру, то, кажется, надлежало бы воздвигнуть памятникъ государственнымъ его заслугамъ, тогда какъ, въ существѣ, онъ жилъ и умеръ простымъ квартальнымъ. Въ противуположность этимъ подкупнымъ похваламъ приведемъ двѣ, очень любопытныя и болѣе достовѣрныя бумаги: одну — портретъ Балашова изъ остроумныхъ Записокъ Вигеля, другую—изображеніе его образа дѣйствій какъ министра полиціи, изъ записки, поданной императору Александру, въ позднѣйшее время (1819 г.), графомъ В. П. Кочубеемъ.

«Природа—говоритъ Вигель [1])—дала все А. Д. Балашову въ замѣнъ пріятности наружной, въ которой ему отказала; дала все, что нужно для успѣховъ: хитрость грека, смѣтливость и смѣлость русскаго, терпѣніе и скромность нѣмца. Въ ученомъ смыслѣ, какъ всѣ тогда въ Россіи, получилъ онъ плохое образованіе; но, по мѣрѣ возвышенія въ чинахъ и мѣстахъ, болѣе чувствовалъ потребность въ познаніяхъ; кидался на нихъ съ жадностью и съ быстротою все пожиралъ. Заронись одна благородная искра въ этотъ необыкновенный умъ, воспламени его, и— отечество гордилось бы имъ. Рѣчи Балашова были столь же ясны, какъ его разсудокъ, и столь же холодны, какъ его душа. Жаромъ ея нельзя назвать низкихъ страстей, которыя ее волновали: неутомимой жажды къ деньгамъ и къ грубымъ наслажденіямъ любви. Онъ былъ женатъ, сперва, на одной дѣвицѣ Коновницыной, которая оставила ему дѣтей и

[1]) Записки Вигеля, Москва. 1892, часть третья, стр. 114.

весьма хорошее имущество; потомъ женился, въ другой разъ, на дѣвицѣ Бекетовой, которая была еще гораздо богаче первой жены. Доказательствомъ удивительной его ловкости служитъ то, что онъ успѣвалъ въ своихъ намѣреніяхъ, никогда не придерживаясь ни Сперанскаго, ни Аракчеева; послѣдній почиталъ его даже врагомъ своимъ и старался ему вредить».

«Confié à M-r Balaschoff—писалъ съ своей стороны Кочубей [1])—le ministère de la police s'éloigna bientôt de son but, celui de la surveillance générale et, principalement, légale. M-r Balaschoff crût devoir en faire un ministère d'espionnage. La ville se peupla d'espions; il y en avait de toutes les couleurs: espions étrangers et russes à gages, espions amis, déguisements continuels d'officiers de police, déguisements, à ce que l'on assure, du ministre lui même. Ces agents ne se bornaient point à chercher des nouvelles et à mettre le gouvernement en mesure de prévénir les crimes; ils cherchaient à faire naître le crime et les soupçons. On faisait des confidences aux gens de différentes classes, on se plaignait de votre majesté en critiquant les mesures du gouvernement, en faisant des mensonges pour provoquer ou une confidence réciproque ou des plaintes. Tout cela était arrangé ensuite à la guise de ceux qui dirigeaient ces différentes opérations. Les petites gens, effrayés par ces délations, s'arrangeaient avec des subalternes, tels que Sanglain et autres; les noms des gens plus marquants entraient dans le portefeuille du ministre, qui les en faisait sortir selon son bon plaisir. Ces vérités sont assez généralement connues. J'en ai pour mon compte la certitude. En 1812 j'ai passé par l'épreuve des confidences et des insinuations du ministre dans des visites, qu'il me fît comme pour me consulter sur les affaires de son ministère, vû, disait-il, ma grande expérience. Je n'avais pas de plaintes à faire, je n'avais pas de souhaits, et mes réponses n'étaient pas des efforts de ruse et de finesse; elles découlèrent d'une source pure, puisqu'alors j'ignorais ce qui plus tard était à la connaissance de tout le monde. J'ai passé moi-même aussi par l'essai des petits bulletins des espions. En ayant connu quelquesuns de mon premier ministère (внутреннихъ дѣлъ, оставленнаго имъ въ 1809 году) j'eus la confidence de deux bulletins où l'on rendait compte de ce qui s'était dit tel jour dans mon salon. Heureusement l'on ne faisait parler ni le maître, ni la maîtresse de la maison. Il était commode de se servir de l'expression génerale on; mais ce qu'il y a de plus heureux pour moi c'est que cet on même n'a jamais existé» [2]).

[1]) Архивъ князя Кочубея.

[2]) Переводъ: Ввѣренное Балашову, министерство полиціи вскорѣ отдалилось отъ своей цѣли:—общаго надзора и, главнымъ образомъ, надзора законнаго. Балашовъ счелъ за нужное обратить его въ министерство шпіонства.

*

Графъ Густавъ-Морицъ Армфельдъ—тогда еще баронъ—отецъ министра статсъ-секретаря великаго княжества Финляндскаго [1]) и сынъ генерала шведской службы, былъ лицомъ очень примѣчательнымъ по романическимъ своимъ судьбамъ. Какъ въ жизни большей части высшихъ интригановъ, онѣ прикрыты частію завѣсою какой-то таинственности, которой не снимаютъ и оставленныя имъ послѣ себя записки, оканчивающіяся, впрочемъ, временемъ поступленія его въ нашу службу [2]).

Городъ закишѣлъ шпіонами всякаго рода: тутъ были и иностранные и русскіе шпіоны, состоявшіе на жалованьѣ, шпіоны добровольные; практиковалось постоянное переодѣванье полицейскихъ офицеровъ; увѣряютъ даже, что самъ министръ прибѣгалъ къ переодѣванью. Эти агенты не ограничивались тѣмъ, что собирали извѣстія и доставляли правительству возможность предупреждать преступленія, они старались возбуждать преступленія и подозрѣнія. Они входили въ довѣренность къ лицамъ разныхъ слоевъ общества, выражали неудовольствіе на ваше величество, порицая правительственныя мѣропріятія, прибѣгали къ выдумкамъ, чтобы вызвать откровенность со стороны этихъ лицъ или услышать отъ нихъ жалобы. Всему этому давалось потомъ направленіе сообразно видамъ лицъ, руководившихъ этимъ дѣломъ. Мелкому люду, напуганному такими доносами, приходилось входить въ сдѣлки съ второстепенными агентами министерства полиціи, какъ напр. съ Сангленомъ и проч. О болѣе извѣстныхъ лицахъ свѣдѣнія сообщались министру, который пользовался ими по своему усмотрѣнію. Все это вообще достаточно извѣстно. Я, съ своей стороны, въ этомъ убѣжденъ. Въ 1812 году мнѣ приходилось выслушивать вкрадчивыя признанія и намеки министра, когда онъ меня посѣщалъ яко бы для совѣта со мною по дѣламъ его министерства, въ виду моей, по его словамъ, большой опытности. Мнѣ не на что было жаловаться, нечего было желать, и въ моихъ отвѣтахъ мнѣ не приходилось прибѣгать къ хитростямъ и тонкосплетеніямъ; мои отвѣты были чистосердечны, ибо тогда не зналъ я того, что впослѣдствіи стало всѣмъ извѣстно. Меня коснулись также и сообщенія шпіоновъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ я зналъ, когда раньше (въ 1809 г.) былъ министромъ, и благодаря имъ я имѣлъ въ рукахъ два такихъ сообщенія съ отчетомъ о томъ, что̀ говорилось у меня въ салонѣ въ извѣстный день. Къ счастью, ни хозяинъ дома, ни хозяйка не были выставлены дѣйствующими лицами. Было сочтено удобнымъ говорить вообще, въ третьемъ лицѣ, но, на мое счастье, никакого подобнаго разговора, на самомъ дѣлѣ, вовсе даже не было".

При назначеніи Балашова генералъ-губернаторомъ пяти губерній, вотъ что писалъ Сперанскому Кочубей: „Балашовъ отправился въ прежнемъ своемъ духѣ и правилахъ. Давно потерявшись здѣсь въ общемъ мнѣніи, онъ, кажется, собирается дать себѣ бо̀льшій видъ важности въ провинціяхъ; между тѣмъ передъ отъѣздомъ не оставилъ онъ заняться маленькими интересами своими, какъ-то прогонами, столовыми деньгами и пр. Всего просилъ, и все дали; и какъ не дать, лишь бы избавиться!"

[1]) Графа Александра Густавовича, бывшаго министромъ статсъ-секретаремъ великаго княжества Финляндскаго съ 1842 г. по свою кончину († 1875).

[2]) Real-Encyklopädie. Leipzig. 1833, I Band, S. 409 (русскій переводъ въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ, Спб. 1835, т. III, стр. 156.—Автобіографія его въ Zeitgenossen, Leipzig. 1833, Dritte Reihe, IV Heft, 6 и 7.

Онъ родился въ 1757-мъ году и, начавъ службу прапорщикомъ гвардіи въ Стокгольмѣ, прекрасною своею наружностію, ловкостію, какими-то еще, говорятъ, двусмысленными послугами и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельностью, съ которою противоборствовалъ, въ пользу Густава III, аристократической партіи, успѣлъ пріобрѣсти особенную его милость. Участвовавъ потомъ въ войнѣ противъ Россіи 1788—1790 годовъ, онъ, въ званіи генералъ-адъютанта королевскаго [1]), былъ уполномоченнымъ со стороны Швеціи при заключеніи, 3-го августа 1790 года, извѣстнаго верельскаго мира, и въ день торжества этого мира, 8-го сентября того же года, пожалованъ нашими орденами Андрея и Александра. Густавъ III, на смертномъ одрѣ, назначилъ его стокгольмскимъ генералъ-губернаторомъ и членомъ Совѣта правленія въ малолѣтство преемника своего, Густава IV; но не имѣлъ силы подписать подъ бумагою о томъ болѣе, какъ первую букву своего имени; почему герцогъ Зюдерманландскій, назначенный, прежнимъ завѣщаніемъ, въ единственные правители и опекуны къ малолѣтнему королю, не призналъ новаго акта и бросилъ его въ огонь, а Армфельда, лишивъ и званія генералъ-губернатора, отправилъ въ 1792 году посланникомъ въ Неаполь, почти какъ бы въ ссылку. Потомъ страсть герцога Зюдерманландскаго къ фрейлинѣ Руденскöльдъ, которая предпочла ему Армфельда, возбудила со стороны герцога еще сильнѣйшее гоненіе противъ счастливаго соперника. Дѣвица Руденскöльдъ была заключена въ рабочій домъ, а самъ Армфельдъ спасся отъ явныхъ преслѣдованій и тайныхъ подкупныхъ кинжаловъ шведскаго правительства только черезъ бѣгство изъ Италіи. Бывъ лишенъ въ Швеціи за свой побѣгъ, какъ государственный измѣнникъ, имѣнія, титуловъ и даже дворянства, онъ искалъ убѣжища въ Россіи. Здѣсь императрица Екатерина назначила ему, втайнѣ, пенсію въ 5 тысячъ рублей сер. и позволила жить въ Калугѣ, гдѣ онъ долго укрывался подъ именемъ Христіана Ивановича Брандта [2]). Вступленіе Густава IV въ совершеннолѣтіе положило, наконецъ, предѣлъ его опалѣ. Онъ былъ вызванъ обратно въ Швецію [3]) и, съ возвращеніемъ ему всѣхъ прежнихъ достоинствъ и имѣній, назначенъ шведскимъ посланникомъ въ Вѣну, гдѣ имѣлъ самое сильное вліяніе на тогдашнія мѣры австрійскаго кабинета противъ Наполеона.

---

[1]) Полный его титулъ тогда былъ: баронъ Густавъ-Маврицій Ворентакскій, помѣщикъ Оминскій и Фуякильскій, одинъ изъ 6-ти оберъ-камеръ-юнкеровъ его величества, кавалеръ ордена Слона, арміи генералъ-маіоръ, его величества генералъ-адъютантъ, кавалеръ при кронпринцѣ, Нюландскаго пѣхотнаго полка полковникъ, главный директоръ театровъ и забавъ, одинъ изъ 18-ти членовъ Академіи Шведской и кавалеръ ордена Меча большаго креста.

[2]) Сообщеніе X. А. Бека.

[3]) Фамильныя свѣдѣнія, переданныя намъ сыномъ графа Армфельда.

Въ 1806 году ему было ввѣрено начальство надъ шведскою арміею въ Помераніи, а въ 1807-мъ онъ пожалованъ въ генералы-отъ-инфантеріи, и король предложилъ ему принять въ свое управленіе финляндскую армію, назначенную для операцій противъ Россіи. Благодарность за прежнія благодѣянія нашего правительства не позволила Армфельду согласиться на это предложеніе, и онъ вслѣдствіе того былъ назначенъ главнокомандовавшимъ арміею, сосредоточенною на границахъ норвежскихъ. Но милости къ нему никогда не суждено было долго продолжаться. Извѣстно, какіе жестокіе безпорядки господствовали тогда въ шведскихъ финансахъ и вообще во всѣхъ частяхъ управленія; Армфельдъ не утерпѣлъ обратить на нихъ, со всею искренностію, вниманіе короля, и за это, по лишеніи поста, былъ заточенъ въ зюдерманландскія свои имѣнія, гдѣ оставался празднымъ свидѣтелемъ важныхъ событій 1809 года и той династической — противной всѣмъ его чувствамъ и привязанности къ семейству его благодѣтеля—революціи, которая повлекла за собою изгнаніе Густава IV. По призывѣ его, вслѣдъ затѣмъ, Карломъ XIII въ Стокгольмъ, онъ былъ назначенъ президентомъ военной коллегіи и сохранялъ это званіе до избранія Бернадота въ наслѣдные принцы шведскіе. Тогда, съ минованіемъ послѣдней надежды къ возстановленію на престолѣ шведскомъ рода Густава III, Армфельдъ вышелъ въ отставку и остался жить въ Стокгольмѣ частнымъ человѣкомъ, а, по завоеваніи Финляндіи, гдѣ были у него большія помѣстья, въ іюлѣ 1810 г., пріѣхалъ временно въ Петербургъ [1]); но на предложеніе императора Александра поселиться въ Россіи отвѣчалъ отрицательно, вслѣдствіе чего оффиціальное представленіе его къ нашему двору послѣдовало черезъ шведскаго посланника, причемъ онъ, однако, продолжалъ сохранять прежнюю отъ насъ пенсію. Далѣе, относительно водворенія Армфельда въ Россіи, являются два различныя сказанія. По одному, помѣщенному въ печатныхъ его біографіяхъ, онъ былъ принужденъ искать убѣжища въ Россіи вслѣдствіе новыхъ преслѣдованій, которыя навлекъ на себя любовною связью съ графинею Пиперъ—сестрою извѣстнаго оберъ-гофмаршала графа Ферзена, умерщвленнаго стокгольмскою чернью по подозрѣнію въ отравленіи преждеизбраннаго къ наслѣдію шведскаго престола принца Карла-Августа Голштейнъ-Августенбургскаго.

Другое сказаніе содержится въ одномъ сочиненіи шведскаго писателя Крузенстолпе [2])—впрочемъ почти столько же романѣ, какъ и исторіи, но котораго свидѣтельство въ этомъ отношеніи подтверждено

---

[1]) Mémoires de Stedingk, t. III, pp. 110, 115, 116, 128

[2]) Carl Johann und die Schweden, нѣмецкій переводъ (Berlin. 1845), T. I. S. 144—154, 156.

намъ и сыномъ Армфельда, по фамильнымъ свѣдѣніямъ. Этотъ писатель подробно разсказываетъ, что, послѣ замѣщенія Карла-Августа Бернадотомъ, частный секретарь Армфельда, нѣкто Вальбергъ, продалъ новому наслѣдному принцу секретныя бумаги своего патрона, обличавшія намѣреніе и указывавшія средства къ возвращенію права на скипетръ изгнанному принцу Густаву. Бернадотъ, крайне раздраженный такимъ открытіемъ, хотѣлъ тотчасъ велѣть судить Армфельда, какъ замышлявшаго государственную измѣну; но послѣдній, свѣдавъ о всемъ происшедшемъ, предупредилъ Бернадота принесеніемъ, передъ нашимъ посланникомъ въ Стокгольмѣ, присяги на подданство Россіи, въ качествѣ подданнаго финляндскаго [1]).

Бывъ послѣ этого высланъ изъ шведской столицы, Армфельдъ, на нашей границѣ, нашелъ повелѣніе явиться тотчасъ въ Петербургъ. Здѣсь—продолжаетъ Крузенстолпе — его осыпали милостями и почестями, не столько за участіе его къ возстановленію правъ племянника императрицы Елисаветы Алексѣевны (принца Густава), какъ за подробныя и достовѣрныя свѣдѣнія, привезенныя имъ о Бернадотѣ, что̀, въ ту эпоху, было для Александра дѣломъ первой важности.

Роль, которую долженъ былъ занимать у насъ Армфельдъ, обозначилась тотчасъ по его прибытіи [2]). Тонкій царедворецъ, прошедшій черезъ всѣ бури и невзгоды придворной и политической жизни, съ блестящею наружностію, съ такимъ же даромъ слова и перомъ, и со всѣми формами высшаго общества и дворскими навыками, онъ былъ однимъ изъ самыхъ искусныхъ, самыхъ тонкихъ интригановъ своего времени [3]). Какъ Балашовъ былъ способенъ ко всякой низости изъ любостяжанія, такъ Армфельдъ готовъ былъ на всякое предательство изъ любочестія. Разность между ними, кромѣ этого различія цѣлей, заключалась еще въ

---

[1]) По фамильнымъ свѣдѣніямъ, записка въ пользу принца Густава составлена была однимъ богатымъ сканійскимъ помѣщикомъ, а Армфельдомъ только исправлена и дополнена, и при томъ не послѣ избранія наслѣднымъ принцемъ Бернадота, а еще въ 1809-мъ году, тотчасъ послѣ революціи. Когда же Бернадотъ отказалъ Армфельду въ аудіенціи, на которой онъ хотѣлъ объяснить ему это обстоятельство, сокрытое его врагами, то ему, для избѣжанія грозившихъ ему преслѣдованій, не оставалось уже ничего инаго, какъ перейти въ подданство Россіи.

[2]) Сначала Армфельдъ считался оффиціально (съ 1811-го года) только предсѣдателемъ Финляндской коммиссіи; въ русскую же службу онъ былъ перечисленъ, съ тѣмъ же чиномъ генерала-отъ-инфантеріи и съ назначеніемъ состоять при особѣ государя, только за недѣлю до паденія Сперанскаго, а именно 10-го марта 1812 года. (Свѣдѣнія изъ дѣлъ Инспекторскаго департамента Главнаго Штаба).

[3]) Показанія состоявшихъ при Армфельдѣ или бывшихъ въ близкихъ къ нему отношеніяхъ: вице-президента Финляндскаго сената Гартмана, гофмейстера барона Клинковстрёма и Эренстрёма.

двухъ вещахъ: во-первыхъ, что у Балашова являлось во всей наготѣ нечестія, то у Армфельда облагораживалось внѣшнимъ блескомъ формъ; во-вторыхъ, у Балашова ничего не было завѣтнаго, а Армфельдъ былъ по крайней мѣрѣ твердъ и неподвиженъ въ двухъ политическихъ убѣжденіяхъ: въ охраненіи правъ законности и въ ненависти къ ихъ хищнику — Наполеону. Въ этихъ убѣжденіяхъ онъ дѣйствовалъ всегда прежде, въ нихъ же онъ сосредоточилъ всѣ свои усилія и на вновь открывавшемся ему поприщѣ, гдѣ, впрочемъ, нашелъ совершенно подготовленную къ тому почву, не только въ общемъ расположеніи умовъ, въ которыхъ еще все отзывался позоръ тильзитскихъ уступокъ и уже кипѣла глубокая ненависть къ оскорбителю народнаго самолюбія, но и въ расположеніи тайныхъ помысловъ самого Александра.

Въ Петербургѣ жилъ тогда, за низверженіемъ законнаго своего короля, почти частнымъ человѣкомъ, дюкъ де Серра-Капріола, состоявшій около сорока лѣтъ неаполитанскимъ при дворѣ нашемъ посланникомъ. Со всею подвижностью живаго итальянца онъ соединялъ въ себѣ большую разсудительность, мѣткій и образованный умъ и огромную дѣловую опытность [1]). Очень хорошо постигая, что въ тайныхъ цѣляхъ вѣнскаго и лондонскаго кабинетовъ на престолѣ неаполитанскомъ хищникъ предпочтителенъ государю законному, и видя съ сокрушеніемъ, что этотъ хищникъ—Іоахимъ—признанъ уже и Россіею, дюкъ де Серра-Капріола не усматривалъ инаго средства для спасенія своего монарха, какъ возстановить на тронѣ Франціи домъ Бурбоновъ, и жилъ одною этою мыслію [2]). Домъ его, одинъ изъ самыхъ блестящихъ въ Петербургѣ, былъ средоточіемъ постоянной оппозиціи противъ императора французовъ, и самъ хозяинъ, украшенный первыми русскими орденами, женатый на русской, княжнѣ Вяземской [3]), состоялъ черезъ семейныя, служебныя и придворныя связи въ тѣсныхъ сношеніяхъ со всѣми людьми значущими и сильными той эпохи, одинаковаго съ нимъ образа мыслей.

Сюда, разумѣется, устремился и Армфельдъ, тотчасъ ставшій во главѣ той закулисной, невѣдомой оффиціальному министерству дипломатіи, которой душою былъ Серра-Капріола [4]).

---

[1]) Записки Розенкампфа.

[2]) Mémoires tirés des papiers d'un homme d'état, Paris. 1836, t. XI, pp. 277, 278, 283—286, 287, 294, 295, 303, 304, 349, 350, 368.

[3]) Княжнѣ Аннѣ Александровнѣ Вяземской (р. 1770 † 1840).

[4]) Серра-Капріола не оставилъ послѣ себя Записокъ, или по крайней мѣрѣ онѣ не напечатаны. Но извѣстно, что приведенная нами выше книга: Mémoires tirés des papiers d'un homme d'état (par le vicomte d'Alonville) составлена главнѣйше по бумагамъ и воспоминаніямъ дюка. Это одно изъ самыхъ серьезныхъ, достовѣрныхъ и добросовѣстныхъ сочиненій о той эпохѣ современной исторіи, и достоинство его нисколько не умаляется новѣйшими сочиненіями Тьера и Лефевра.

Посредствомъ агентовъ общества, столь извѣстнаго въ то время подъ именемъ Тугендбунда [1]), а иногда и черезъ купеческихъ коммиссіонеровъ, эта потаенная дипломатія имѣла сношенія со всѣми враждебными Наполеону дворами, и въ Европѣ, гдѣ давно знали пронырливый духъ Армфельда, не сомнѣвались, что онъ состоитъ втайнѣ на жалованьѣ англійскаго кабинета, ничего тогда не щадившаго къ возбужденію Россіи противъ Франціи [2]). Съ другой стороны, въ то же самое время, Сперанскій прокладывалъ хитрому шведу ближайшій доступъ къ лицу Александра. Между бумагами, хранящимися нынѣ въ Государственномъ архивѣ, есть одна французская записка, составленная Сперанскимъ, во время изгнанія, въ Перми, гдѣ онъ касается (въ третьемъ лицѣ) нѣкоторыхъ моментовъ и поводовъ своего паденія. «Mais comment—спрашиваетъ онъ тутъ, говоря объ Армфельдѣ—comment cet intrigant, marqué dans toute l'Europe au coin de la réprobation générale, se trouvait-il en crédit auprès de l'empereur? Quelle monstrueuse association de la franchise et de la loyauté avec l'astuce et la fripponnerie? Demandez-le à ce même M-r Spéransky, qui, toujours occupé des choses, ne comptait pour rien les personnes et croyait qu'il était indifférent pour lui et pour l'état qu'un homme de ce caractère approchât du Souverain! [3])». Дѣйствительно, скучая, среди множества разнородныхъ занятій, дѣлами финляндскими и указавъ на необходимость преобразовать управленіе этихъ дѣлъ, Сперанскій вмѣсто того, чтобъ оберечь государя отъ всякаго общенія съ Армфельдомъ, самъ предложилъ послѣдняго во главу новаго управленія, въ качествѣ богатаго финляндскаго помѣщика, и, такимъ образомъ, при тогдашней важности дѣлъ по новому нашему завоеванію, самъ открылъ ему всѣ средства стать твердою ногою въ близости монарха. Александру полюбились видъ правдодушія, живость, формы и что-то рыцарское въ искусномъ интриганѣ и, увѣривъ себя,

---

[1]) Тайное сообщество, существовавшее въ Пруссіи подъ именемъ Союза добродѣтели (Tugendbund), имѣя начальникомъ своимъ знаменитаго барона Штейна, а сочленами множество извѣстныхъ лицъ и пламенныхъ образованныхъ молодыхъ людей, составляло власть, отъ которой зависѣлъ успѣхъ многихъ дѣлъ. Главною мыслью этого общества было одушевленіе народа ненавистью къ Наполеону, а конечною цѣлью—низверженіе ига французовъ.

[2]) Napoléon et Marie Louise. Souvenirs historiques de M-r le baron de Méneval (домашній секретарь Наполеона), Paris. 1843, t. I, pp. 352 et 353.

[3]) Переводъ: Но какимъ образомъ этотъ интриганъ, къ которому всѣ въ Европѣ относились съ осужденіемъ, пользовался довѣріемъ государя? Какое чудовищное соединеніе откровенности и честности съ коварствомъ и мошенничествомъ? Спросите объ этомъ у самого Сперанскаго, который, постоянно занятый дѣлами, ни во что не ставилъ личностей и полагалъ, что для него и для государства безразлично, если человѣкъ, съ подобнымъ характеромъ, станетъ лицомъ близкимъ къ государю.

въ переходчивомъ своемъ увлеченіи ко всему новому, что Армфельдъ душою предался Россіи [1]), онъ не замедлилъ обратить къ нему и милость свою, и довѣріе [2]).

Тогда, всемѣрно пожиная плоды этой довѣренности, Армфельдъ, въ лихорадочной дѣятельности своего честолюбія, старался охватить, такъ сказать, всѣ части, какія только могъ сдѣлать себѣ доступными. Въ одно и то же время онъ занимался интересами Польши, имѣя тамъ, по порученію Александра, постоянныхъ корреспондентовъ; писалъ для нея проектъ конституціи; склонялъ мысли государя къ прекращенію крѣпостнаго состоянія въ Россіи, подавая къ тому самъ первый примѣръ освобожденіемъ крѣпостныхъ своихъ людей въ старой Финляндіи (Выборгской губерніи); состоялъ въ сношеніяхъ съ извѣстными графомъ Огинскимъ и княземъ Любомирскимъ, которыми представленъ былъ проектъ образованія изъ западныхъ нашихъ губерній отдѣльнаго отъ Россіи княжества Литовскаго; составлялъ планъ для отраженія Наполеона на случай его вторженія, наконецъ, изыскивалъ средства воспособить нашимъ финансамъ къ предстоявшей войнѣ. Находясь въ особой милости и у императрицы Елисаветы Алексѣевны, и у императрицы-матери, Армфельдъ умѣлъ сойтись, посредствомъ вражды своей къ Наполеону, даже съ недоступнымъ графомъ Н. А. Толстымъ и привлечь къ себѣ всѣхъ, немалочисленныхъ тогда въ Петербургѣ, тайныхъ агентовъ Людовика XVIII, которыхъ просьбы и домогательства доводимы были до государя единственно черезъ его посредство. Наконецъ, португальскій посланникъ при нашемъ дворѣ, кавалеръ Наварро д'Андрадъ (впослѣдствіи баронъ de Villa Secca) приблизилъ къ нему своего пріятеля, или, лучше сказать, мужа своей пріятельницы, другаго пресловутаго интригана, извѣстнаго барона Г. А. Розенкампфа, который, вполнѣ оцѣняя непріязнь и презрѣніе къ себѣ Сперанскаго, радостно

---

[1]) Когда, вслѣдъ за паденіемъ Сперанскаго, Армфельдъ сопровождалъ Александра въ армію, между нимъ и оставшимся въ Петербургѣ Розенкампфомъ установилась постоянная частная переписка о разныхъ дѣлахъ того времени. Эта переписка была у насъ въ рукахъ: она любопытна во многихъ отношеніяхъ, хотя и не дала намъ почти никакихъ матеріаловъ собственно къ настоящей нашей работѣ. Но есть одно письмо (отъ 19-го мая 1812 года), доказывающее, какъ обманывался Александръ въ тѣхъ чувствахъ привязанности къ Россіи, которыя онъ приписывалъ Армфельду. „J'ai appris à connaître la Russie,—писалъ послѣдній—tout ce qui est bon, sage et qui tend à un objet général et grand, sans que les petits intérêts et profits y trouvent leur compte, ne rencontre qu'entraves et difficultés, au lieu que l'opposé marche un train de chasse". (Переводъ: Я узналъ Россію: все, что полезно, умно, касается общаго дѣла и направлено къ возвышенной цѣли, и при этомъ не имѣетъ въ виду мелкихъ интересовъ и выгодъ, встрѣчаетъ лишь препятствія и затрудненія, между тѣмъ какъ все противоположное идетъ быстрыми шагами).

[2]) Записки И. И. Дмитріева.—Записки Л. И. Голенищева-Кутузова.

ухватился за эту вѣтвь спасенія и, ставъ въ самые жаркіе союзники и сподвижники Армфельда, былъ тогда же (26-го октября 1811 г.) опредѣленъ къ нему и въ Коммиссію финляндскихъ дѣлъ [1]). Между тѣмъ быстрое возвышеніе, токъ милостей и неограниченное, повидимому, благорасположеніе Александра вскружили голову новому любимцу.

---

[1]) Д'Андрадъ вскорѣ послѣ того оставилъ Россію, но и изъ-за границы велъ постоянную дружественную переписку съ баронессою Розенкампфъ. Эта переписка также была у насъ въ рукахъ. Въ ней собственныя имена дѣйствовавшихъ лицъ замѣнены были условными: такъ Армфельдъ назывался—Lafleur, Сперанскій—Langsam, императоръ Александръ—le bon enfant. Тутъ отражались, какъ въ зеркалѣ, постепенное возвышеніе Армфельда, полагаемыя на него Розенкампфомъ надежды и общая ихъ ненависть къ Сперанскому. Вотъ нѣсколько выписокъ: „Lafleur comble M-r de R. d'amitié, et nous sommes parsuadés que s'il ne tenait qu'à lui M-r de R. aurait déjà obtenu tout ce qu'il désire; mais malheureusement les oukazes passent par des mains d'où rien ne sort. Lafleur l'a déjà remarqué avec étonnement. Il faut croire que son énergie mettra fin à ces longueurs interminables".—„Vous avez raison d'aimer Lafleur, et je suis enchanté d'apprendre qu'il est toujours de mieux en mieux auprès du bon enfant... Je suis charmé d'entendre ce que vous me dites des procédés de Lafleur envers M-r de R. et je me flatte que ce dernier en sera content, quoiqu'il court peut-être risque de perdre par là la confiance de M-r Langsam, ce qui au reste n'est pas une grande perte, car c'est, selon moi, un bien plat personnage et très égoïste par-dessus le marché... J'éprouve une véritable satisfaction en voyant que le brave Lafleur continue à monter et à se bien conduire envers M-r de R... Je savais déjà tout ce que vous me mandez au sujet de M-r Langsam. C'est un grand bonheur que M-r de R. ait tenu à Lafleur et n'ait pas eu assez à se louer de Langsam pour en être intime et par conséquent, quoiqu'innocemment, enveloppé dans sa chûte... Je fais des voeux pour que le bon Lafleur continue à être bien auprès du bon enfant. Quant à Langsam, sa chûte ne m'étonne nullement, et vous vous souviendrez que je me suis toujours défié de ses principes. Dès qu'un parvenu arrive à un certain point d'élévation, s'il est, comme Langsam, dévoré d'ambition, il est capable de tout. C'est fort heureux que l'arrivée de Zafleur ait distrait M-r de R. de ses liaisons, quoique seulement d'office, avec ce malheureux Langsam". (Переводъ: Лафлеръ преисполненъ дружбы къ Р., и мы убѣждены, что, если бы это зависѣло только отъ него, Р. уже получилъ бы все, что онъ желаетъ. Но, къ несчастію, указы проходятъ черезъ такія руки, которыя все задерживаютъ. Лафлеръ уже это замѣтилъ съ удивленіемъ. Надо надѣяться, что его энергія положитъ предѣлъ этимъ безконечнымъ задержкамъ. Вы правы, что любите Лафлера, и мнѣ чрезвычайно пріятно узнать, что его отношенія къ доброму малому (bon enfant) становятся все лучшими. Я въ восторгѣ отъ того, что вы мнѣ сообщаете, что Лафлеръ хорошо относится къ Р., и я льщу себя надеждою, что этотъ послѣдній будетъ имъ доволенъ, хотя, быть можетъ, онъ подвергается опасности потерять довѣріе Лангзама (медлителя), что̀, впрочемъ, не большая потеря, такъ какъ, по-моему, это весьма низкій человѣкъ и сверхъ того эгоистъ. Я чувствую истинное удовлетвореніе, видя, что честный Лафлеръ продолжаетъ возвышаться и по-прежнему хорошо

Подъ вліяніемъ аристократической партіи, а также ненависти своей къ императору французовъ и злобныхъ внушеній Розенкампфа, Армфельдъ видѣлъ въ Сперанскомъ почитателя, можетъ быть—по навѣтамъ его враговъ—даже тайнаго агента Наполеонова, и рѣшился приложить всѣ усилія къ его низверженію. Въ этомъ намѣреніи большую, безъ сомнѣнія, долю должно приписать и необузданному честолюбію Армфельда: онъ не терпѣлъ соперничества и, въ мечтаніяхъ безумной самонадѣянности, увлекался, вѣроятно, надеждою, какъ ни чуждъ былъ Россіи, ея потребностямъ и даже языку, не только попрать Сперанскаго, но и вполнѣ замѣстить его во вліяніи на дѣла [1]). Такъ точно онъ ненавидѣлъ и Балашова, хотя тутъ не было предлога наполеоновской партіи, старался попрать и его, и лишь тогда, когда убѣдился, что безъ помощи министра полиціи трудно достигнуть главной цѣли—низверженія Сперанскаго, вступилъ съ нимъ въ наружный союзъ, хотя въ душѣ своей продолжалъ его ненавидѣть, презирать и даже втайнѣ ему вредить у Александра [2]). По совѣту Балашова [3]) онъ началъ съ передачи государю, въ тонѣ крайняго негодованія, слышанныхъ отъ довѣрчиваго Сперанскаго, при разговорахъ съ нимъ, неосторожныхъ отзывовъ о томъ, что на государя нельзя полагаться, что онъ измѣнчивъ, непостояненъ и пр. Но это входитъ уже въ самую нить событій, которой мы не хотимъ здѣсь предварять.

Теперь, прежде чѣмъ перейти къ тому, черезъ руки котораго—какъ уже упомянуто—шло все дѣло, и именно, къ Де-Санглену, мы еще должны означить роль лицъ, занимавшихъ въ дѣлѣ болѣе подчиненную степень, или привлеченныхъ въ связь съ этимъ дѣломъ современною общею молвою. Въ числѣ ихъ назовемъ графа Н. А. Толстаго, кавалера де-Вернега, Болховскаго, Воейкова и Хитрово.

Роль графа Николая Александровича Толстаго, оберъ-гофмаршала и брата бывшаго посла нашего въ Парижѣ, въ настоящемъ дѣлѣ

относится къ Р. Все, что̀ вы сообщаете мнѣ о г. Лангзамѣ, мнѣ было уже извѣстно. Какое счастье, что Р. держался Лафлера и не на столько восторгался Лангзамомъ, чтобы считаться близкимъ къ нему человѣкомъ и потому, хотя и невинно, быть вовлеченнымъ въ его паденіе. Желаю, чтобы добрый Лафлеръ продолжалъ пользоваться благосклонностью Bon enfant. Что касается Лангзама, то его паденіе меня нисколько не удивляетъ, и вы припомните, что я всегда относился съ недовѣріемъ къ его нравственнымъ правиламъ. Когда выскочка достигаетъ извѣстной степени положенія, если онъ, какъ Лангзамъ, снѣдаемъ честолюбіемъ, то онъ становится способнымъ на все. Какъ хорошо, что пріѣздъ Лафлера отвлекъ Р. отъ его сношеній, хотя только служебныхъ, съ этимъ несчастнымъ Лангзамомъ).

[1]) Показанія Гартмана; Клинковстрёма; Бека.

[2]) Записки де-Санглена.

[3]) Магницкій, въ разсказѣ А. И. Михайловскому-Данилевскому.

была похожа на роль Растопчина. Она заключалась въ наговорахъ и переносахъ, къ которымъ Толстой имѣлъ весьма часто всѣ случаи, находясь неотлучно при государѣ и присвоивъ себѣ право говорить все, что ни вспадало ему на мысль[1]). Въ этомъ смыслѣ сакерментъ—такъ называлъ его Александръ—представлялъ, нѣкоторымъ образомъ, прислужника Армфельда и всей аристократической партіи, находившихъ въ немъ всегда охотное орудіе къ доведенію до свѣдѣнія государя всевозможныхъ жалобъ и клеветъ на ненавистнаго поповича.

Кавалера де-Вернега (chevalier de Vernègues), одного изъ тайныхъ и, впрочемъ, довольно второстепенныхъ агентовъ Людовика XVIII при нашемъ дворѣ[2]), городская молва выдавала за человѣка очень близкаго къ супругѣ графа Толстаго[3]). Онъ являлся въ высшемъ обществѣ душою семейныхъ спектаклей, живыхъ картинъ и пр., былъ въ безпрестанной бѣготнѣ, все подслушивалъ, все передавалъ и кипучую дѣятельность свою скрывалъ подъ личиною самой утонченной свѣтской любезности. Съ Армфельдомъ связывала его общая цѣль: возбужденіе противъ Наполеона и въ пользу Бурбоновъ, и въ этомъ отношеніи де Вернегъ служилъ жаркимъ посредникомъ между Армфельдомъ и Толстымъ, въ домѣ котораго былъ почти безвыходнымъ гостемъ.

Дмитрій Николаевичъ Бологовской (Болховской), племянникъ Балашова, офицеръ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка и нѣкогда участникъ въ событіи 12-го марта 1801 года (послѣ вологодскій военный губернаторъ, а потомъ сенаторъ въ Москвѣ), былъ почти въ тѣхъ же отношеніяхъ къ своему дядѣ, какъ Магницкій къ Сперанскому. Пустой и хвастливый болтунъ, извѣстный своею наклонностію ко лжи, онъ, самъ не зная, въ чемъ дѣло, переносилъ вѣсти, исполнялъ порученія и служилъ, такъ сказать, ширмами, заграждавшими Балашова Сперанскому[4]). Однажды, когда послѣдніе уже совсѣмъ между собою разошлись, Бологовской обѣдалъ гдѣ-то вмѣстѣ съ Магницкимъ и, въ шумѣ винныхъ паровъ, спросилъ[5]):

— Зачѣмъ вашъ Михайло Михайловичъ дѣлаетъ такія глупости?

— Какія?

---

[1]) Свидѣтельства Лёвенштерна; Де-Санглена; Бека; графа А. А. Закревскаго.

[2]) Высшими и, такъ сказать, гласными были: Блакасъ, Полиньякъ и Бріонъ.—Mémoires tirés des papiers d'un homme d'état, t. XI, p. 359.—Михайловскій-Данилевскій. — Де-Сангленъ. — Lefevre, Histoire des cabinets de l'Europe, t. II, p. 145.

[3]) Послѣ смерти графа, когда она уѣхала въ чужіе края, даже—и за тайнаго ея мужа.

[4]) Записки де-Санглена.—Разсказъ И. С. Горголи.

[5]) Разсказъ Ѳ. П. Лубяновскаго.

— Зачѣмъ онъ въ распрѣ съ Балашовымъ? Оба—люди добрые и умные, а между тѣмъ не только не говорятъ, даже и не кланяются другъ съ другомъ, тогда какъ вмѣстѣ могли бы дѣйствовать гораздо успѣшнѣе. Отчего бы имъ не помириться, когда нѣтъ и настоящей причины къ ссорѣ?

Слово за словомъ, Магницкій взялся переговорить объ этомъ съ Сперанскимъ, а Бологовской съ Балашовымъ, и, черезъ ихъ посредство, оба непріятеля изъявили согласіе на примиреніе: одинъ съ незлобивымъ своимъ чистосердечіемъ, другой—съ тѣми же коварными намѣреніями, которыя внушили предательское лобзаніе Іудино. Вопросъ оставался лишь въ томъ, кому первому протянуть руку? Балашовъ, ссылаясь на то, что онъ министръ и генералъ-адъютантъ, уклонился отъ перваго визита. Сперанскій, въ простодушной своей довѣрчивости къ людямъ, всегда его отличавшей, былъ менѣе щекотливъ. Уже назначенъ былъ и день, когда ему пріѣхать къ Балашову, какъ вдругъ, въ самый тотъ день, у него сильно заболѣла голова. Онъ написалъ къ Магницкому, какъ посреднику съ своей стороны, что внезапное нездоровье препятствуетъ ему имѣть удовольствіе явиться на предположенное свиданіе съ Балашовымъ. Магницкій эту записку переслалъ, въ подлинникѣ, по принадлежности, а Балашову только и нужно было, для дальнѣйшихъ своихъ намѣреній, имѣть въ рукахъ собственноручное изъявленіе Сперанскимъ желанія съ нимъ сблизиться. Мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, какое важное значеніе было придано помянутой запискѣ.

Алексѣй Васильевичъ Воейковъ принадлежалъ скорѣе къ числу лицъ, увлеченныхъ въ паденіе Сперанскаго, нежели къ возбудителямъ катастрофы, но публика дала и ему особую роль въ этой таинственной трагедіи. Въ ту эпоху, которую мы теперь описываемъ, полковникъ, флигель-адъютантъ и правитель канцеляріи военнаго министра Барклая-де-Толли, онъ былъ совоспитанникомъ Магницкаго по Московскому благородному пансіону [1]). Сохранивъ тѣсную дружбу съ Магницкимъ и въ жизни, гдѣ совокупныя работы по военному министерству ставили ихъ въ еженедѣльное соприкосновеніе, онъ, черезъ эту связь, вошелъ въ близкія отношенія и съ Сперанскимъ.

Въ началѣ 1812 года Воейковъ былъ сговоренъ съ молодою сиротой Львовою, жившею въ домѣ дяди своего, великаго нашего поэта Державина. Какъ женихъ [2]), онъ бывалъ тамъ безпрестанно и почти ежедневно обѣдалъ; но 16-го марта, въ воскресенье, прощаясь, сказалъ,

---

[1]) Источники: показанія вдовы Воейкова и ея сына.—К. М. Бороздинъ.

[2]) Этотъ разсказъ о Воейковѣ былъ сообщенъ барономъ Корфомъ академику Я. К. Гроту, который помѣстилъ его въ „Русскомъ Архивѣ“ 1871 г., столб. 2121—2124. См. тоже въ Трудахъ Я. К. Грота, т. IV (Спб., 1901), стр. 678—679.

что въ понедѣльникъ не будетъ, потому что приглашенъ къ Магницкому на присланную ему дикую козу, на которую назвался и Сперанскій. Вдругъ, однакожъ, въ этотъ понедѣльникъ онъ нежданно является къ Державинымъ. На немъ не было лица. Въ ночь тайно схватили и увезли и Магницкаго, и Сперанскаго....

Нѣсколько дней спустя, Воейковъ былъ призванъ къ военному министру. Старецъ, очевидно смущенный, объявилъ ему, что имъ, по обстоятельствамъ, нельзя болѣе служить вмѣстѣ, и что государь посылаетъ его, Воейкова, въ армію командовать бригадою. Напрасно Воейковъ домогался узнать причину такой немилости; Барклай уклонился отъ всякаго отвѣта. Уже только гораздо позже первому сдѣлалось извѣстнымъ, что государь спрашивалъ тогда военнаго министра, доволенъ ли онъ своимъ правителемъ канцеляріи?

— Прежде—отвѣчалъ Барклай—я не могъ имъ нахвалиться, но теперь, съ тѣхъ поръ, что онъ женихъ, начинаю замѣчать въ немъ нѣкоторую разсѣянность и небреженіе.

— Ну, такъ и кстати—сказалъ Александръ,—послѣ удаленія друзей его, Сперанскаго и Магницкаго, неловко его здѣсь оставлять: отправимъ его въ армію.

Такъ сохранилось сказаніе объ этомъ событіи въ семействѣ Воейкова (самъ онъ умеръ еще въ 1825 году). Но въ современной публикѣ думали и говорили иначе. Разсказываютъ [1]), будто бы военный министръ, возвратясь однажды отъ государя, всѣ доложенныя бумаги одалъ, по обыкновенію, Воейкову, который, также по обыкновенію, привезъ ихъ къ себѣ на домъ. Случилось, что въ тотъ же самый день заѣхалъ къ нему Магницкій и, не заставъ его, остался ждать. Кабинетъ былъ отпертъ, и Магницкій, какъ старый пріятель, не затруднился туда войти. Здѣсь, увидя на столѣ портфель, онъ, отъ нечего ли дѣлать, или изъ особаго любопытства, заглянулъ въ него и нашелъ бумаги глубочайшей тогдашней тайны, относившіяся къ военнымъ приготовленіямъ и планамъ, о которыхъ ни онъ, Магницкій, ни Сперанскій, не имѣли положительныхъ и полныхъ свѣдѣній. Первымъ порывомъ Магницкаго было, захвативъ эти бумаги, броситься съ ними тотчасъ къ своему патрону. Потомъ, когда послѣдній пробѣжалъ ихъ содержаніе, онѣ были опять немедленно отвезены на свое мѣсто. Воейкова все еще не было дома. Сперанскій, съ своей стороны, вслѣдъ за прочтеніемъ бумагъ, отправился къ государю и съ жаромъ началъ порицать и опровергать вывѣданныя изъ нихъ предположенія. Это будто бы обратилось въ одну изъ главныхъ причинъ къ гнѣву на него, а, вмѣстѣ, и къ

---

[1]) Г. С. Батенковъ, со словъ Сперанскаго, въ разсказѣ К. Г. Рѣпинскому.— П. С. Кайсаровъ.

удаленію Воейкова, какъ не умѣвшаго хранить ввѣренныхъ ему тайнъ, хотя послѣдній вовсе не зналъ, какія и какъ вышли изъ его кабинета.

Справедливъ ли этотъ разсказъ, или нѣтъ, но въ семействѣ Воейкова сохранился одинъ документъ, свидѣтельствующій, что на него точно была распространена въ то время какая-то дурная молва и что въ публикѣ тяготѣли надъ нимъ таинственныя нареканія, которыя и ему самому оставались небезызвѣстными. Участвовавъ потомъ съ отличіемъ въ отечественной войнѣ, онъ приготовилъ письмо къ фельдмаршалу князю Смоленскому, которое 12-го сентября 1812 года, изъ-подъ Тарутина, отправилъ въ проектѣ на предварительный просмотръ къ Державину, и это-то письмо и составляетъ упомянутый документъ. «По несчастному и неожиданному для меня случаю — писалъ Воейковъ—общее мнѣніе обвиняетъ меня безвинно въ важнѣйшихъ преступленіяхъ, чрезъ чтò начальники мои колеблются въ довѣріи ихъ ко мнѣ, подчиненные мои осмѣливаются предпочитать себя предо мною въ усердіи къ службѣ, и наконецъ товарищи мои язвительными намеками раздражаютъ честолюбіе. Тяжело въ таковомъ положеніи быть полезнымъ въ службѣ; но я все преодолѣвалъ для выполненія высочайшей воли, объявленной мнѣ военнымъ министромъ, чтобъ отличіемъ на войнѣ заглушить народную молву, и похвала начальниковъ, заслуженная мною въ пяти жарчайшихъ сраженіяхъ: при Красномъ, двое сутокъ въ Смоленскѣ, двое сутокъ на лѣвомъ флангѣ при Бородинѣ, и во многихъ авангардныхъ дѣлахъ, подаютъ мнѣ смѣлость просить вашу свѣтлость особеннаго на сей предметъ вашего обо мнѣ представленія, или отправить меня курьеромъ въ Петербургъ отъ арміи, дабы я при семъ случаѣ могъ лично всеподданнѣйше просить у государя императора снисхожденія къ моей невинности и возвращеніемъ мнѣ прежняго высочайшаго благоволенія перемѣнить общее обо мнѣ мнѣніе».

Но Державинъ, которому, вѣроятно, ближе были извѣстны обстоятельства, совѣтовалъ удержаться, до времени, этимъ шагомъ. Потомъ Воейковъ, видно, самъ перемѣнилъ свое намѣреніе. Письмо, не бывъ отправлено, осталось только въ проектѣ. Воейковъ, участвовавъ и во всѣхъ послѣдующихъ кампаніяхъ, былъ произведенъ въ генералы и вскорѣ потомъ оставилъ службу.

Наконецъ нѣсколько словъ о Хитрово.

Есть люди, которые какъ бы отъ самой природы предназначены на зло и другимъ, и самимъ себѣ. Таковъ былъ Николай Захаровичъ Хитрово, также флигель-адъютантъ, зять фельдмаршала князя Смоленскаго и братъ бывшаго при Николаѣ I государственнаго контролера [1]). Безъ особеннаго ума или дарованій, но заносчивый, въ высшей степени не-

---

[1]) Алексѣя Захаровича Хитрово.

скромный, болтливый, неосновательный и злобный болѣе изъ легкомыслія, нежели изъ прямаго желанія вредить,—онъ, однакожъ, вредилъ почти всѣмъ, если не самымъ дѣломъ, то по крайней мѣрѣ своимъ языкомъ, имѣя свободный доступъ къ императору Александру, который, по общей чертѣ своего характера, любилъ слушать его переносы и болтовню [1]). Съ врожденною страстію къ занятіямъ полицейскимъ, Хитрово, послѣ неудачной попытки получить полиціймейстерское мѣсто въ Петербургѣ, не нашелъ инаго средства къ удовлетворенію своихъ вкусовъ, какъ броситься въ объятія тайной полиціи, имѣвшей тогда своихъ агентовъ—какъ мы уже знаемъ—во всѣхъ салонахъ. Онъ сдѣлался, по виду, однимъ изъ усердныхъ ея сподвижниковъ, но, кажется, болѣе для того, чтобъ маскировать этимъ тѣсную связь свою съ тогдашнимъ наполеоновскимъ посломъ Коленкуромъ, успѣвшимъ, какъ подозрѣвали, подкупить его въ пользу своихъ интересовъ. Какъ бы то ни было, но, состоя въ то же время и въ короткомъ знакомствѣ съ Сперанскимъ, а особенно съ Магницкимъ, Хитрово нескромно переносилъ слова и вѣсти одного къ другому, а потомъ, при свиданіяхъ съ Александромъ, величаясь своими связями [2]), передавалъ ему все слышанное, особенно всѣ городскія сплетни насчетъ государственнаго секретаря. Въ совокупности съ прочими впечатлѣніями, эти разговоры не могли не производить своего дѣйствія на подозрительную душу Александра, и такимъ образомъ Хитрово сдѣлался также однимъ изъ орудій тогдашней аристократической партіи, къ которой принадлежалъ и по рожденію, и по браку.

Вдругъ, въ самые послѣдніе дни 1810 года, во время бала у Коленкура, Хитрово неожиданно схватили и, при полицейскомъ офицерѣ, отправили въ Вятку.

Это происшествіе было объясняемо чрезвычайно различно. Вотъ истина:

Въ исходѣ 1810 года была у насъ перлюстрована депеша Коленкура къ его двору. Она была писана шифрами, но начальникъ этой части въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, Бекъ [3]), успѣлъ

---

[1]) Показаніе Ѳ. П. Опочинина, который былъ женатъ также на дочери фельдмаршала князя Кутузова.—Дневникъ Л. И. Голенищева-Кутузова.

[2]) Хитрово былъ, между прочимъ, и нестерпимый хвастунъ, хвастая даже и такими вещами, которыхъ никто другой, конечно, не приписалъ бы себѣ въ честь. Такъ, проживая послѣ въ Москвѣ, онъ въ одинъ изъ пріѣздовъ туда Александра, хвасталъ передъ де-Сангленомъ, что государь далъ ему своеручно—пощечину. „C'était donc à distance—отвѣчалъ де-Сангленъ—puisque vous n'avez pas vu l'empereur" (т. е.: но это было издалека, такъ какъ вы не видали государя).—Хитрово засмѣялся.

[3]) Извѣстный Христіанъ Андреевичъ Бекъ, завѣдывавшій въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ дешифровкою депешъ.

разобрать, что Коленкуръ изъявлялъ надежду достать, въ самомъ непродолжительномъ времени, росписаніе состава и дислокаціи нашихъ военныхъ силъ. Нельзя было только прочесть, черезъ кого Коленкуръ надѣется получить это свѣдѣніе. Государь втайнѣ поручилъ Сперанскому дознать у Бека, кого—по работѣ надъ подробностями и приблизительной извѣстности лицъ—онъ съ своей стороны подозрѣвалъ бы въ такомъ предательствѣ. Бекъ не могъ доискаться самаго имени; но, по соображеніямъ своимъ надъ всѣмъ остальнымъ содержаніемъ депеши, равно какъ и нѣсколькихъ другихъ, ей предшествовавшихъ, вы ставилъ столько обстоятельствъ, разлившихъ ясный свѣтъ на лицо измѣнника, что Александръ, не останавливаясь, написалъ противъ пробѣла: «Хитрово».—Вслѣдствіе того Балашову велѣно было тотчасъ приставить къ Хитрово секретный надзоръ, и этотъ надзоръ обнаружилъ какъ близость жены его къ чиновнику французскаго посольства Лажаръ, такъ и личныя его, переходившія за предѣлы простаго знакомства, сношенія съ этимъ посольствомъ [1]). Однажды, при сборахъ его на балъ къ Коленкуру, къ нему явился тогдашній оберъ-полицiймейстеръ П. В. Голенищевъ-Кутузовъ, пересмотрѣлъ и забралъ всѣ его бумаги, а его самого, какъ уже сказано, отправилъ—подъ предлогомъ какого-то порученія—при полицейскомъ офицерѣ въ Вятку [2]). Но главнаго акта обвиненія не было найдено: приготовленныя уже предателемъ и написанныя собственною его рукою по-французски таблицы о силѣ нашей арміи и о ея расположеніи лежали въ эполетномъ футлярѣ, и Кутузовъ, при вскрытіи его, увидѣвъ эполеты, не сталъ искать подъ ними... [3]). Оттого Хитрово не подвергся никакому дальнѣйшему преслѣдованію и впослѣдствіи былъ даже произведенъ въ генералы [4]).

Очевидно, что все это дѣло не имѣло никакого отношенія къ Сперанскому, черезъ котораго дано было только порученіе Беку стараться развѣдать тайный каналъ французскаго посольства. Но Хитрово, и самъ по себѣ, и по женѣ своей, былъ въ родствѣ съ половиною Петербурга. Чтобъ отдалить отъ семьи срамъ предательскаго подозрѣнія на одного изъ ея членовъ, камарилла тотчасъ разгласила, что онъ былъ гнусно оклеветанъ передъ государемъ со стороны ненавидящаго аристократію «поповича». Наконецъ, старались даже дать разумѣть, что Спе-

---

[1]) Разсказъ Ѳ. П. Опочинина.

[2]) Дневникъ Л. И. Голенищева-Кутузова.

[3]) Тотъ же дневникъ, по собственному разсказу жены Хитрово.

[4]) Были люди, которые утверждали, что свѣдѣнія свои Хитрово получилъ отъ Воейкова, и ставили въ связь съ этимъ немилость къ послѣднему. Но, во 1-хъ, правительство, благодаря оплошности Кутузова, совсѣмъ не раскрыло, чтобы въ рукахъ Хитрово были такія свѣдѣнія, а во 2-хъ, онъ былъ удаленъ въ декабрѣ 1810 г., а Воейковъ только въ мартѣ 1812 г.

ранскій самъ былъ то лицо, отъ котораго Коленкуръ ожидалъ обѣщанныхъ свѣдѣній, но что онъ съ намѣреніемъ заставилъ трусливаго Бека вывѣдать будто въ депешѣ, изъ его тайныхъ для всѣхъ шифровъ, такія обстоятельства, которыя навлекли подозрѣнія государя на другаго, и именно на Хитрово. Неотысканіе у послѣдняго предполагаемыхъ свѣдѣній приходилось тутъ очень кстати [1]).

Теперь обратимся къ лицу важнѣйшему—къ де-Санглену. Въ разныхъ современныхъ преданіяхъ, изустныхъ и письменныхъ, вездѣ Сангленъ выставлялся главнымъ дѣятелемъ, или по крайней мѣрѣ главнымъ орудіемъ низверженія Сперанскаго, но безъ объясненія подробностей, въ какомъ-то неопредѣленномъ полусвѣтѣ, тѣмъ болѣе возбуждавшемъ наше любопытство. Прежде чѣмъ приступить къ дальнѣйшимъ изысканіямъ, представлялось необходимымъ дознаться, кто и что̀ такое было это таинственное лицо.

Яковъ Ивановичъ де-Сангленъ (Sanglin), несмотря на иностранные звуки своей фамиліи,—русскій, уроженецъ ревельскій [2]), сынъ—какъ увѣряютъ нѣкоторые [3])—извѣстнаго генерала Александровскихъ временъ, князя Сергѣя Ѳедоровича Голицына, имѣвшаго еще и другихъ незаконныхъ дѣтей, съ данными имъ различными фамиліями. Сперва въ Петербургѣ и Кронштадтѣ морской офицеръ; потомъ въ Москвѣ [4]) учитель нѣмецкаго языка, издатель неудавшагося журнала Аврора и сочинитель русскаго Тристрама Шанди [5]), доставившаго ему нѣкоторую литературную извѣстность; послѣ, кажется, частный приставъ, онъ, наконецъ, по образованіи министерства полиціи и назначеніи Балашова министромъ, былъ опредѣленъ въ правители особенной его канцеляріи, соотвѣтствовавшей бывшему потомъ III-му Отдѣленію Собственной его величества канцеляріи [6]). Мнѣнія насчетъ него чрезвычайно различны. Всѣ соглашаются въ томъ, что онъ человѣкъ очень

---

[1]) Показанія А. З. Хитрово; Бека; князя А. Ѳ. Голицына, по разсказу цесаревича Константина Павловича.

[2]) Де-Сангленъ родился въ 1776 году.

[3]) А. И. Рибопьеръ.

[4]) Записки Л. И. Голенищева-Кутузова.–Записки Вигеля.—Свидѣтельства Г. В. Лерхе; И. С. Горголи; П. И. Аверина; генерала Лёвенштерна; В. Д. Карнильева; К. А. Полевого.—Записки И. И. Дмитріева.

[5]) Жизнь и мнѣнія новаго Тристрама (Москва. 1825).

[6]) Вотъ точныя данныя о службѣ де-Санглена за 1810 и 1811 годы, извлеченныя изъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ: въ 1810 г., іюля 12-го, занимая должность правителя иностраннаго отдѣленія С.-Петербургской конторы адресовъ, онъ былъ пожалованъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени.—21-го іюля 1811 г. перемѣщенъ въ штатъ министерства полиціи, 3-го августа того же года пожалованъ въ коллежскіе совѣтники, а 7-го сентября 1811 г. былъ назначенъ правителемъ особенной канцеляріи министра полиціи.

*

умный, очень образованный, даже ученый, очень острый и тонкій; но, относительно нравственнаго характера, одни выдаютъ его за человѣка честнаго, добраго, правдиваго, только вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько вѣтренаго, какъ говорится въ просторѣчіи «взбалмошнаго» и хвастливаго; другіе, напротивъ, называютъ его прямо мошенникомъ первой руки, человѣкомъ безъ правилъ и безъ убѣжденій, несноснымъ лгуномъ, способнымъ на всякія грязныя наушничества, наконецъ, лютымъ взяточникомъ, который, когда не могъ брать самъ, употреблялъ къ тому свою жену. Таковъ ли онъ былъ, какимъ изображаютъ его первые, или какъ описываютъ послѣдніе, но, по свидѣтельству всѣхъ современниковъ, достовѣрно и не подлежитъ никакому сомнѣнію одно: именно, что въ 1811 году, Александръ, не довольствуясь доносами и надзоромъ министра полиціи, втайнѣ приблизилъ къ лицу своему и его правителя канцеляріи, который, несмотря на маленькій свой чинъ коллежскаго совѣтника, бывалъ у государя наединѣ почти каждый день, оставался, нерѣдко, по нѣскольку часовъ, и составлялъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, контръ-полицію Балашова... При всемъ томъ таково было омерзѣніе, внушенное извѣстными его обязанностями, что, какъ ни страшенъ, какъ ни опасенъ онъ могъ быть для каждаго, очень немногіе хотѣли ему кланяться и даже говорить съ нимъ. Но какимъ же образомъ дано было начало его приближенію къ государю?

Особенная канцелярія министерства полиціи—тотъ же самостоятельный департаментъ—сосредоточивая въ себѣ всѣ важнѣйшія и особливо всѣ секретныя дѣла, была ключемъ къ цѣлому министерству, а де-Сангленъ, при тогдашней скудости въ образованныхъ чиновникахъ, слылъ самымъ лучшимъ въ немъ редакторомъ [1]). Доклады по особенной канцеляріи болѣе другихъ угождали государю своею точностію, сжатостію и ловкостію, и, наконецъ, побудили его обратить вниманіе на ихъ сочинителя. Это не очень нравилось завистливому Балашову, всегда ревниво охранявшему исключительное свое вліяніе; возвращая де-Санглену бумаги къ исполненію, онъ съ видимымъ неудовольствіемъ говаривалъ [2]): «Только ваши доклады и сходятъ; бумаги другихъ департаментовъ безпрестанно велятъ переправлять».—Между тѣмъ, съ теченіемъ времени, послѣдствіе этого различія стало проявляться для государя—бывшаго, какъ извѣстно, очень взыскательнымъ къ редакціи—такъ рѣзко, что онъ велѣлъ, чтобы доклады и всѣхъ прочихъ департаментовъ, до внесенія къ нему, были пересматриваемы и исправляемы тѣмъ же де-Сангленомъ, и чтобы онъ ѣздилъ каждый разъ при Балашовѣ и въ

---

[1]) Показанія Г. В. Лерхе, служившаго тогда въ этой канцеляріи.

[2]) Записки де-Санглена.—Ср. «Русскую Старину» 1883 г., т. XXXVII, стр. 18—19

Царское Село, для неотложныхъ поправокъ въ тѣхъ бумагахъ, которыя не были бы одобрены. Однажды, при такомъ пребываніи въ Царскомъ Селѣ, Балашовъ, выходя отъ государя, сказалъ своему правителю канцеляріи: «Государь желаетъ васъ видѣть; пойдемте въ садъ: мы тамъ его встрѣтимъ».—Такъ и случилось. Поравнявшись съ ними, государь остановился и сталъ разговаривать съ Балашовымъ о погодѣ, о перемѣнахъ, которыя хочетъ сдѣлать во дворцѣ, въ саду и пр., и во все это время смотрѣлъ на Санглена, который стоялъ, почтительно отступивъ на нѣсколько шаговъ. По удаленіи государя, Балашовъ сказалъ съ ироническою улыбкою: «Поздравляю васъ: вы теперь познакомились съ государемъ!»—«Да,—отвѣчалъ де-Сангленъ,—какъ статуя, на которую смотрятъ; но ваше превосходительство забыли про меня сказать, что я, по крайней мѣрѣ, подобно статуѣ Мемноновой, умѣю подавать звуки при появленіи солнца».—Балашовъ кисло улыбнулся. Вскорѣ послѣ того онъ объявилъ де-Санглену, что государь изъявилъ желаніе имѣть его полиціймейстеромъ въ Петербургѣ; но онъ, Балашовъ, отвѣтилъ, что его правитель канцеляріи могъ бы все тутъ испортить своею добротою и религіозностію; почему это мѣсто для него не годится. Поблагодаривъ за такіе л е с т н ы е отзывы и понимая, что ему трудно будетъ оставаться долѣе на службѣ при Балашовѣ, де-Сангленъ съ этой минуты сталъ помышлять о средствахъ освободиться отъ своего министра, какъ вдругъ неожиданный простой случай все перемѣнилъ.

Но прежде чѣмъ описывать этотъ случай, мы должны дать отчетъ въ томъ, какимъ образомъ произошло знакомство собирателя настоящихъ матеріаловъ съ де-Сангленомъ, ограничивавшееся, впрочемъ, всегда только одною перепискою, и какими средствами намъ удалось получить отъ него тѣ свѣдѣнія, которыя онъ намъ сообщилъ. Все это важно для оцѣнки степени ихъ достовѣрности.

Мы знали, что де-Сангленъ уже и въ 1812-мъ году былъ не молодой человѣкъ, а потому считали его давно умершимъ, тѣмъ болѣе, что, послѣ предвѣщавшей ему такую будущность роли при императорѣ Александрѣ, о немъ совсѣмъ болѣе не было слышно. Вдругъ открылось, что онъ еще живъ, и хотя въ глубокой старости, но сохраняя всѣ умственныя силы, живетъ въ Москвѣ, въ давнишней отставкѣ. Мы обратились къ одному испытанному, тридцатилѣтнему другу, жившему также въ Москвѣ [1]): не знаетъ ли онъ этого примѣчательнаго лица? Отвѣтъ былъ, что не только знаетъ, но и состоитъ въ близкой съ нимъ пріязни. Тогда мы отважились на второй вопросъ: не согласится ли де-Сангленъ, по сообщеніи ему, что мы занимаемся составленіемъ подробной біографіи Сперанскаго н е д л я с о в р е м е н н и-

---

[1]) Василію Дмитріевичу Карнильеву.

ковъ, а для отдаленнаго потомства [1]), подѣлиться съ нами запасомъ своихъ воспоминаній? «Отношенія наши—написалъ онъ, въ слѣдствіе того, нашему другу —даютъ вамъ право на полную съ моей стороны откровенность; но вотъ затрудненія: эпоха эта, кажется, слишкомъ еще отъ насъ близка, чтобы раскрыть вполнѣ причины, ее произведшія. Изъ всѣхъ дѣйствовавшихъ лицъ остался въ живыхъ — одинъ я. Императоръ, скрывая отъ всѣхъ сихъ лицъ настоящую причину своего неудовольствія на Сперанскаго, дозволилъ имъ тайное за нимъ наблюденіе, выслушивалъ ихъ донесенія и направлялъ все къ своей цѣли, имъ неизвѣстной, а между тѣмъ полной своей довѣренности удостоилъ меня одного, поставивъ меня между партіями, въ томъ убѣжденіи, что все, дѣлаемое за кулисами, отъ него не скроется. Тайна, повѣренная такимъ образомъ царемъ и соблюденная имъ до гроба, можетъ ли нарушена быть подданнымъ? Прилично ли заклеймить имена людей усопшихъ, игравшихъ роль, которую помрачили вѣроломствомъ? Назвать ли другихъ, которые служили слѣпыми орудіями людямъ, стоявшимъ на первой степени? Все то, что я сказать могу, не нарушая правилъ моихъ и изъ уваженія къ особѣ, желающей узнать эту эпоху, состоять будетъ въ слѣдующемъ».—Затѣмъ, сообщая, въ нѣсколькихъ общихъ чертахъ, болѣе намеки на происшествія, нежели ихъ сущность и связь, и болѣе указаніе той важной роли, которую самъ онъ тутъ игралъ, нежели ея развитіе, де-Сангленъ кончалъ свое письмо такъ: «Болѣе объявлять не смѣю: ибо тайна, возложенная на меня — почему, для чего и какъ? — соблюдена быть должна свято. Развязать уста можетъ единственно высшая власть».

Такой отзывъ не могъ не раздражить еще болѣе любопытства человѣка, посвятившаго нѣсколько лѣтъ своей жизни на изученіе этой эпохи. Отлагая личные свои виды и въ одномъ интересѣ исторической истины, мы сообщили письмо де-Санглена генералъ-адъютанту графу А. Ѳ. Орлову, съ тѣмъ, не найдетъ ли онъ возможнымъ испросить то высочайшее разрѣшеніе, которое первый представлялъ необходимымъ для раскрытія извѣстныхъ ему обстоятельствъ. Письмо и было, дѣйствительно, доложено императору Николаю; но, по предубѣжденіямъ, внушеннымъ, кажется, наиболѣе покойнымъ московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ княземъ Д. В. Голицынымъ, а, можетъ статься, и по другимъ, невѣдомымъ намъ причинамъ, государь издавна не имѣлъ никакой вѣры къ де-Санглену и даже глубоко его презиралъ. Дѣлу не было дано никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій, и мы остались опять при однихъ собственныхъ нашихъ

---

[1]) Тогда, при императорѣ Николаѣ, я, дѣйствительно, такъ и предполагалъ.

средствахъ. Но можно ли было упустить изъ рукъ эту важную нить, по крайней мѣрѣ не истощивъ всѣхъ усилій, всѣхъ способовъ къ ея удержанію? Не упомянувъ, разумѣется, ничего о сказанной попыткѣ, мы снова написали нашему другу, умоляя его извлечь отъ де-Санглена ближайшія свѣдѣнія и для этого поставить ему на видъ и нашу цѣль, и наши правила, и образъ мыслей, и, наконецъ, совершенную безопасность, съ которою онъ можетъ намъ довѣриться въ этомъ, давно забытомъ, дѣлѣ, котораго участниковъ уже никого нѣтъ на свѣтѣ. Если не должно давать полной и безусловной вѣры его показаніямъ—думали мы про себя,—то все же въ высшей степени любопытно будетъ посмотрѣть, въ какомъ видѣ и въ какихъ краскахъ онъ изображаетъ одно изъ таинственнѣйшихъ событій современной нашей исторіи.

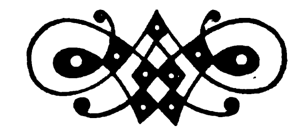
Долго продолжались объясненія между нашимъ повѣреннымъ и де-Сангленомъ; много, со стороны перваго, употреблено было настояній и убѣжденій; наконецъ, усилія наши увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Отступая отъ прежнихъ своихъ отказовъ, увлеченный тщеславіемъ ли, или другими видами, де-Сангленъ вдругъ согласился — все высказать. «По усердію моему къ вамъ (т. е. къ Карнильеву) — написалъ онъ — и уваженію къ извѣстной особѣ, готовъ я, какъ сказано, для потомства открыть все извѣстное, кажется, мнѣ одному [1])»; — и въ слѣдствіе того въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, выслалъ намъ, постепенно цѣлую кипку собственноручныхъ листовъ, описаніе всего дѣла отъ начала его до конца. «Чтобъ познакомить со мною ту особу, которая мнѣ довѣряетъ—говорилъ онъ въ началѣ, какъ бы въ видѣ предисловія— и указать ей, какой должно прилагать вѣсъ моему свидѣтельству, вотъ написанный мною для нея вѣрный портретъ мой: On ne m'aime pas, parce que je suis une espèce d'original; un enthousiaste passionné de toutes les nobles et saintes choses; un rêveur de belles actions, un défenseur d'opprimés; parce que je comprends tous les désintéressements, toutes les démences généreuses; parce que je sympathise avec tous ceux qui luttent et qui souffrent pour une croyance vraie et bienaimée; parce que j'ai le courage de tourner le dos à ceux que je méprise; parce que j'ai l'orgueilleuse manie de dire toujours la vérité, car je pense que personne ne vaut la grimace d'un mensonge; parce que je suis une dupe incorrigible, systhématique et insatiable; j'aime mieux m'égarer, me fourvoyer dans une bonne action hazardeuse, que de me méfier d'elle par une méfiance prudente et aride. Finalement ma suprême niaiserie est

[1]) Мы всецѣло исполнили желаніе де-Санглена и данное ему обѣщаніе. Во всей нашей книгѣ имя его встрѣчается только однажды, тамъ, гдѣ мы говоримъ, что Сперанскій, при возвращеніи 17-го марта изъ дворца, нашелъ его у себя вмѣстѣ съ Балашовымъ. Всѣ прочія его сообщенія нами умолчаны и погребены въ настоящихъ листахъ.

de croire à la bonhomie des autres et de croire au bonheur pas hors de moi, mais bien en moi» [1]). — Затѣмъ, посылая послѣдній листокъ, онъ прибавлялъ: «Отправляю къ вамъ мои записки съ отцовскою нѣжностію и благословеніемъ. За одно ручаюсь вамъ и потомству: въ нихъ строго соблюдена историческая истина; я не щадилъ и самого себя; съ чистою совѣстію предаюсь на судъ исторіи».

Этотъ разсказъ исполненъ остроумія и увлекательнаго интереса и заключаетъ въ себѣ многочисленныя черты къ характеристикѣ императора Александра.

Сообщилъ **И. А. Бычковъ**.

[1]) Переводъ: Меня не любятъ, потому что я въ нѣкоторомъ родѣ оригиналъ; страстный поклонникъ всего благороднаго и святаго; мечтатель о прекрасныхъ поступкахъ; защитникъ угнетенныхъ; потому что я понимаю безкорыстіе, всѣ безумные порывы великодушія; потому что я сочувствую всѣмъ, кто борется и страдаетъ за то, что считаетъ истиною и что онъ любитъ; потому что я имѣю смѣлость отворачиваться отъ тѣхъ, кого презираю; потому что у меня горделивая страсть говорить всегда правду, ибо я думаю, что никто не стоитъ притворства лжи; потому что я неисправимый, систематическій и ненасытный простякъ. Я предпочитаю потеряться и ошибиться въ рискованномъ добромъ дѣлѣ, чѣмъ не довѣрять ему по сухому и осторожному расчету. Наконецъ, верхъ моей глупости—вѣрить простодушію другихъ, вѣрить, что счастье находится не внѣ меня, но во мнѣ самомъ.

Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина.

III [1]).

Общественная жизнь въ Вильнѣ въ 1859 и 1860 гг.—Характеристика семейства Назимовыхъ.—Польская пропаганда въ 1860 г.—Приготовленія къ встрѣчѣ государя.—Оппозиція дворянства.—Устройство иллюминаціи.—Появленіе революціонныхъ брошюръ, стиховъ и проч.—Проповѣди ксендзовъ.—Открытіе благотворительнаго общества S-t Vincent de Paul.—Отношеніе помѣщиковъ къ крестьянамъ.

Конецъ 1858 года, весь 1859 г. и карнавалъ 1860 года прошли для Вильны какъ сказочные сны изъ «Тысячи и одной ночи». Празднествамъ, баламъ и увеселеніямъ не было конца. Каждый день приносилъ съ собою что-нибудь новое. Радушный и гостепріимный домъ Назимовыхъ былъ открытъ для каждаго. По средамъ бывали у нихъ танцовальные вечера, на которыхъ никогда не бывало менѣе трехъ сотъ человѣкъ.

Польскіе магнаты проводили обыкновенно зиму въ Вильнѣ и не отставали въ гостепріимствѣ. Обѣды, вечера, балы, любительскіе спектакли и живыя картины смѣнялись чередою. Супруга генералъ-губернатора, А. А. Назимова, была царицею общества; всѣ наперерывъ старались сдѣлать ей угодное, и дѣйствительно она была вполнѣ достойна любви и уваженія: ни одинъ бѣдный не уходилъ отъ нея безъ утѣшенія и помощи. Будучи домашнимъ секретаремъ ея по благотворительному

---

[1]) См. „Русскую Старину“ февраль 1902 г.

обществу, я ежедневно имѣлъ случай видѣть высокія качества ея доброй по истинѣ христіанской души.

Семейство Назимовыхъ олицетворяло русское широкое гостепріимство; генералъ-губернаторъ стушевывался, оффиціальность его званія не стѣсняла никого; у него не бывалъ только тотъ, кто не могъ по чему-либо быть, или не зналъ. Двери генералъ-губернаторскаго жилища растворены были настежь и разъ на всегда, всѣмъ и каждому, было сказано: «милости просимъ». Почти не проходило ни одного дня безъ того, чтобы нѣсколько постороннихъ лицъ не было приглашено къ обѣду, а приближенные изъ служащихъ обѣдали, когда желали и совершенно запросто. Простота въ обращеніи привлекала всѣхъ, кто только разъ посѣтилъ этотъ гостепріимный домъ.

По субботамъ въ 6 часовъ вечера, съѣзжались обыкновенно русскіе ко всенощной, во время которой В. И. Назимовъ читалъ иногда шестопсалміе, но по большей части дѣлалъ это П. В. Кукольникъ. Въ исходѣ восьмаго часа обыкновенно кончалась всенощная, и всѣ присутствовавшіе отправлялись внизъ пить чай, послѣ котораго общество дѣлилось на группы: дамы занимались работой и чтеніемъ, а мужчины играли на билліардѣ.

По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, въ дворцовой церкви постоянно служилась обѣдня, къ которой пріѣзжали и поляки. По окончаніи богослуженія всѣ, точно также какъ и послѣ всенощной, толпою сходили внизъ, гдѣ подавался чай, кофе и шоколадъ. Въ это время начинались визиты, и въ гостиной Назимовыхъ была чуть не давка отъ множества посѣтителей.

Нужно сказать правду: сердце у Владиміра Ивановича было золотое, не смотря на минутныя вспышки, вызывавшіяся у него желаніемъ добра и правды. Онъ былъ воистину прекрасный семьянинъ, добрѣйшій начальникъ, человѣкъ сердца, желавшій всѣмъ и каждому одно только добро. Довольно упрямый характеромъ, онъ считалъ себя свободнымъ отъ чьего-либо вліянія и въ семьѣ и на службѣ. Но, увы! Это была только одна любимая мечта его, которой на самомъ дѣлѣ никогда не суждено было осуществиться.

Въ домѣ онъ всецѣло находился подъ вліяніемъ жены, что̀ можно отнести къ его высокому достоинству, на службѣ — подъ вліяніемъ многихъ, а это въ начальникѣ величайшій недостатокъ, которымъ нѣкоторые изъ его приближенныхъ и пользовались. Настойчивость въ мелочахъ у Владиміра Ивановича доходила иногда до смѣшнаго. Ежегодно онъ давалъ своей женѣ 2.000 руб. на булавки, какъ онъ выражался, и требовалъ непремѣнно, чтобы по израсходованіи этой суммы ему представлялся подробный отчетъ. Само собою разумѣется, что мелочныя покупки никогда аккуратно не записывались, и вотъ передъ

праздниками Рождества Христова, когда обыкновенно выдавались расходныя деньги, вся семья, вмѣстѣ съ гувернантками, занималась составленіемъ подробнаго отчета, и всегда оказывалась значительная передержка. Она постоянно покрывалась, съ выраженіемъ удовольствія за аккуратное веденіе расходной бухгалтеріи и удивленія, какъ можетъ выходить такая бездна денегъ на булавки, тесемки и тому подобные пустяки.

Въ водоворотѣ такихъ увеселеній, намъ, русскимъ, казалось, что польскій вопросъ канулъ въ вѣчность, или, правильнѣе сказать, мы о немъ совершенно забыли. Русскіе чиновники, которыхъ тогда было очень немного, въ томъ числѣ и я, подъ вліяніемъ высказываемой поляками и въ особенности польками дружбы, стали въ домахъ своихъ говорить по-польски, польскій языкъ введенъ былъ въ число предметовъ преподаванія по учебнымъ заведеніямъ; самое семейство Назимовыхъ стало учиться польскому языку.

Не могу умолчать здѣсь объ одномъ весьма знаменательномъ фактѣ, характеризующемъ тайное подготовленіе къ мятежу, при явныхъ увѣреніяхъ въ любви и преданности законному правительству. Между возвратившимися въ Вильну выходцами изъ-за границы былъ нѣкто А. Ганусевичъ, который, пятнадцати лѣтъ отъ роду, бѣжалъ изъ гимназіи въ Парижъ, гдѣ и пробылъ девять лѣтъ. Для снисканія себѣ пропитанія, онъ изучалъ ремесло переплетчика. По возвращеніи своемъ на родину, онъ нашелъ въ Вильнѣ роднаго своего брата, который служилъ въ городскомъ театрѣ актеромъ; помощи отъ него, при скудости получаемаго содержанія, онъ, само собою разумѣется, получить не могъ, а жить бѣдняку было надо. Я познакомился съ нимъ и пригласилъ его къ себѣ въ домъ давать уроки французскаго языка, при чемъ далъ ему впередъ денегъ на уплату за полученные имъ изъ-за границы инструменты и разный матеріалъ для переплета книгъ. Онъ былъ очень добрый малый и веселаго характера человѣкъ; ходилъ онъ ко мнѣ очень часто и разсказывалъ про свое житье-бытье въ Парижѣ, гдѣ пришлось ему порядкомъ помыкать горя. Однажды, сидя съ нимъ вдвоемъ за чаемъ и разговорившись про веселую жизнь въ Вильнѣ и видимо упрочившуюся дружбу поляковъ къ русскимъ, какъ мнѣ тогда казалось, я сказалъ ему:

— Вотъ что значитъ благость и милосердіе нашего добраго государя. Прошло немного времени, а мы видимъ уже сближеніе русскихъ съ поляками, теперь польскій вопросъ можно считать поконченнымъ...

Послѣднія слова мои подбросили его какъ-бы на воздухъ.

— Напрасно вы такъ думаете, — вскричалъ онъ, вскочивши со стула, — польскій вопросъ не только еще не конченъ, но и не начинался...

Признаюсь откровенно, этотъ отвѣтъ, произнесенный съ порывомъ полнаго убѣжденія, поразилъ меня, но понять смыслъ его я никакъ не могъ въ то время. Только слѣдственныя дѣла 1863 — 1864 годовъ открыли множество фактовъ, которыми участіе въ мятежѣ большей части возвращенныхъ по манифесту 1856 года изъ-за границы было доказано положительно. Выходцы, вернувшіеся изъ Франціи, были, такъ сказать, авангардомъ польской справы, которая въ 1860 году стала явно кричать по Европѣ о необходимости возстановленія Польши въ предѣлахъ 1772 года! Оказалось также, что еще въ 1857 году, въ Вильнѣ существовало отдѣленіе революціоннаго комитета, членъ котораго нѣкто Абихтъ, укравши на почтѣ нѣсколько тысячъ рублей, неизвѣстно куда скрылся. Во время мятежа 1863 года, онъ былъ пойманъ и казненъ въ Варшавѣ, какъ принимавшій самое дѣятельное въ немъ участіе.

Весною 1860 года, В. И. Назимовъ поѣхалъ въ С.-Петербургъ, гдѣ по просьбѣ его, онъ осчастливленъ былъ обѣщаніемъ государя императора посѣтить Вильну въ началѣ осени. Возвратясь изъ поѣздки, генералъ-губернаторъ объявилъ польскому обществу объ ожидавшемъ его счастіи видѣть на балу обожаемаго монарха, но, къ его удивленію, онъ не только не встрѣтилъ въ полякахъ прежняго сочувствія, а напротивъ, ему было даже прямо замѣчено, что ожидаемая крестьянская реформа ставитъ польское дворянство въ критическое положеніе, которое не позволяетъ имъ дѣлать излишніе расходы на пріемъ... По увѣреніямъ нѣкоторыхъ предводителей дворямства, что все обойдется благополучно, генералъ-губернаторъ не обратилъ сначала на заявленіе дворянъ никакого вниманія; но возбудительныя статьи противу Россіи заграничной прессы, недовольные толки ополяченныхъ дворянъ, разъѣзды ихъ по деревнямъ и за границу изъ Вильны—сильно озабочивали добрѣйшаго В. И. Назимова. Между тѣмъ губернское начальство готовилось къ пріему; князь Огинскій, въ домѣ котораго былъ устроенъ первый пріемъ государя, строилъ на свой счетъ особую залу для принятія его величества; но подпольная интрига не дремала. По городу стали носиться тревожные слухи на счетъ прочности залы; припоминалась катастрофа, случившаяся въ Закретскомъ замкѣ предъ пріѣздомъ Александра I въ 1812 году. Поляки относились къ пріѣзду государя несочувственно, и при всѣхъ усиліяхъ на иллюминацію города вмѣсто прежнихъ пятнадцати тысячъ собрано было только 2.500 руб.

Предъ предположеннымъ посѣщеніемъ государя, судя по совершившемуся разъѣзду дворянства, изъ края за границу, Вильна осталась бы почти пустою. Мѣстныя власти окончательно теряли головы, да и было отъ чего,—до высочайшаго пріѣзда оставалось не болѣе 6—7 недѣль. Находясь въ такомъ критическомъ положеніи и видя непріязненныя

выходки польскаго высшаго общества, генералъ-губернаторъ вынужденъ былъ наконецъ написать объ этомъ въ Петербургъ для доклада государю и получилъ отвѣтъ, что, проѣздомъ въ Варшаву, его величество будетъ въ концѣ сентября смотрѣть въ Вильнѣ войска, а на балу у дворянства, не желая его разорять, не будетъ.

Когда положеніе дѣла разъяснилось такимъ образомъ, виленское начальство торопливо принялось за приготовленія къ высочайшему пріему. По составленнымъ на иллюминацію чертежамъ для освѣщенія четырехъ мѣстъ города Вильны: Дворцовой площади, Замковой горы, Каѳедральной площади и зданія городскаго театра, исчислено было до 15 тысячъ руб.; затѣмъ въ общемъ засѣданіи архитекторовъ, городскаго головы, старшаго полиціймейстера и депутатовъ отъ сословій, подъ предсѣдательствомъ губернатора Похвиснева, цыфра расходовъ была сокращена до восьми тысячъ рублей; денегъ же на лицо было только 2.500 руб. Что дѣлать, на что рѣшиться, никто не зналъ. Бывши случайно очевидцемъ доклада губернатора В. И. Назимову, по поводу состоявшагося о высочайшемъ пріемѣ засѣданія и видя затруднительность положенія обоихъ представителей русской власти въ русскомъ краѣ, я попросилъ для просмотра всѣ чертежи и смѣты, обѣщая начальству переговорить съ купцами и дать на другой день рѣшительный отвѣтъ Похвисневу, которому генералъ-губернаторъ поручилъ вести все дѣло. Само собой разумѣется—отказа мнѣ въ томъ не послѣдовало, тѣмъ болѣе, что оба они знали любовь мою къ пиротехникѣ и иллюминаціи. Просмотрѣвъ чертежи и измѣривши мѣстность въ натурѣ, я пришелъ къ полному убѣжденію, что при соблюденіи экономіи въ работахъ, которыя я предполагалъ произвести своими домашними силами, 2.500 руб. будетъ достаточно на все. Мысль, что поляки дерзаютъ поступать такъ гнусно, противу того, кто, въ безграничной любви своей, излилъ на нихъ столько щедротъ, возмущала меня сильно и придала мнѣ еще болѣе энергіи въ этомъ дѣлѣ. Разсказавъ на другой день губернатору свои предположенія, я объявилъ ему, что берусь за 2.500 руб. освѣщать Вильну по даннымъ рисункамъ, во время двухдневнаго пребыванія государя въ городѣ, съ тѣмъ однако же, чтобы мнѣ, въ случаѣ нужды, разрѣшено было на тѣ же деньги съѣздить за границу для необходимыхъ закупокъ и чтобы онѣ выданы были мнѣ въ полное мое распоряженіе. По докладу губернаторомъ моихъ предложеній В. И. Назимовъ далъ мнѣ carte blanche.

Не теряя затѣмъ времени, я тотчасъ же вручилъ купчихѣ Страшунской задатокъ на поставку къ опредѣленному сроку всего количества сала, нужнаго, по моему разсчету, для иллюминаціи, при чемъ заключилъ съ нею на это письменное условіе,—предосторожность, какъ оказалось, не лишняя. Когда узнали жиды, что работы по иллюминаціи

поручены мнѣ, они тотчасъ же возвысили цѣну на простые шкалики съ 15 руб. до 50 р. за тысячу, сало тоже поднялось въ цѣнѣ. Въ виду подобной стачки и желая проучить еврейскую хищность, я рѣшился ѣхать въ Берлинъ за цвѣтными шкаликами; тутъ я имѣлъ двѣ цѣли: во-первыхъ, купить хоть нѣкоторую часть необходимаго для меня стекла изъ остатковъ отъ бывшей тогда въ Берлинѣ иллюминаціи въ честь наслѣднаго принца и, во-вторыхъ, сдѣланною покупкою, размѣръ которой оставался для всѣхъ тайною, сбить цѣну торговцамъ шкаликами. Полный успѣхъ оправдалъ мои соображенія. Въ Берлинѣ я сдѣлалъ заказъ на четыре тысячи цвѣтныхъ шкаликовъ, съ обязательствомъ доставить ихъ черезъ четыре недѣли въ Вильну и, кромѣ того, накупилъ тамъ множество разнородныхъ шкаликовъ, оставшихся отъ иллюминаціи по весьма дешевой цѣнѣ. Изъ Берлина проѣхалъ я въ Варшаву, осмотрѣлъ въ Лазенкахъ приготовляющуюся къ пріѣзду государя иллюминацію и, возвратясь домой съ новыми свѣдѣніями по этой части, распустилъ по городу слухъ, что не нуждаюсь въ простыхъ шкаликахъ по случаю сдѣланной за границею покупки цвѣтныхъ; затѣмъ приступилъ немедленно къ постройкѣ деревянныхъ приспособленій для иллюминаціи. Во время двухнедѣльнаго моего путешествія за границу, жена моя собственноручно склеила 1.200 цвѣтныхъ фонарей изъ французской цвѣтной бумаги семи радужныхъ цвѣтовъ и тридцать штукъ шарообразныхъ въ полтора аршина въ діаметрѣ, бѣлаго, синяго и краснаго цвѣтовъ, предназначавшихся мною для освѣщенія рѣшетки сада на Каѳедральной площади; подъ ея же наблюденіемъ, домашними средствами приготовлено было тридцать тысячъ свѣтиленъ и столько же штукъ проволоки для вставки шкаликовъ на мѣстахъ; кромѣ того сшиты были всѣ флаги. Дѣло остановилось только за стекломъ, то-есть за самымъ главнымъ, между тѣмъ евреи, по возвращеніи моемъ изъ-за границы, хотя каждый день приходили ко мнѣ на дачу, на Поплавахъ, близъ Маркуцъ, гдѣ я жилъ каждое лѣто, и предлагали мнѣ купить у нихъ шкалики, но не спускали ни одной копѣйки—съ объявленной ими по пятидесяти рублей за тысячу цѣны; они были увѣрены, что я не обойдусь безъ нихъ, что въ дѣйствительности и было бы безъ моей настойчивости, но, къ счастью моему, жиды не сумѣли выдержать характеръ. Въ августѣ мѣсяцѣ, когда я получилъ четыре большихъ ящика съ заграничнымъ цвѣтнымъ стекломъ изъ Ковны, жиды стали сговорчивѣй и сбросили по десяти рублей съ тысячи безъ всякаго даже съ моей стороны предложенія. Зная жидовскую натуру, я не входилъ съ ними ни въ какіе переговоры и объявилъ имъ, категорически, что въ дрянныхъ ихъ шкаликахъ не нуждаюсь. Жидки попризадумались; наконецъ, когда объявлено было, что государь императоръ 1-го октября прибудетъ въ Вильну и когда декорація передъ дворцомъ наполнилась цвѣтными

шкаликами и украсилась флагами, жидовскія сердца дрогнули, имъ дѣйствительно показалось, что простые шкалики, которые они заготовили во множествѣ, мнѣ не нужны, и вотъ 28-го сентября утромъ цѣлая вереница сыновъ и дщерей Израиля явилась ко мнѣ на дачу и застала меня за наливкою сала въ запасные цвѣтные шкалики. Начались упрашиванія купить у нихъ стекло, и наконецъ послѣ долгихъ моленій и просьбъ они уступили мнѣ съ первоначальной цѣны болѣе 350 процентовъ! Иллюминація удалась какъ нельзя лучше; вмѣсто предложенныхъ четырехъ пунктовъ, было освѣщено семь и вмѣсто двухъ вечеровъ иллюминація горѣла три. По окончаніи торжества, я представилъ подробный отчетъ губернатору и сто рублей, оставшихся отъ расходовъ денегъ; все цвѣтное стекло сдалъ смотрителю дворца; четыре тысячи налитыхъ саломъ шкаликовъ передалъ въ городскую думу со всѣми принадлежностями къ иллюминаціи. Слава Богу! Все кончилось благополучно, а было чего опасаться... О чемъ и поведу разсказъ.

Лѣто 1860 года прошло довольно сносно, хотя въ воздухѣ начинало попахивать политическою гарью. Толпы гимназистовъ постоянно собирались на Бекешовой горѣ, одной изъ трехъ прилегающихъ къ бывшему ботаническому, а нынѣ генералъ-губернаторскому саду. Сборища эти не предвѣщали ничего добраго, что и подтвердилось впослѣдствіи [1]. На письменное приказаніе генералъ-губернатора, воспрещавшее ходить на гору и прибитое на садовыхъ воротахъ, не обращалось никакого вниманія, даже садовый сторожъ, хотѣвшій однажды не пропустить гимназистовъ, былъ сброшенъ ими съ моста и чуть не поплатился жизнію за исполненіе своихъ обязанностей. Когда деревянные помосты для иллюминаціи передъ дворцомъ были уже устроены, я на другой день утромъ замѣтилъ, что вся прибитая проволока для шкаликовъ, аршина на два отъ земли, была оторвана и неизвѣстно куда исчезла. Чьи это были продѣлки, я терялся въ догадкахъ и сталъ положительно въ тупикъ. Подозрѣвать рабочихъ я не могъ, такъ какъ у меня были наняты старовѣры. Дѣлать было нечего, я велѣлъ возобновить проволоку и поставилъ на ночь караульныхъ. Доискиваясь затѣмъ причины исчезновенія проволоки и видя описанное выше движеніе между гимназистами, которые постоянно вертѣлись около иллюминаціонныхъ пунктовъ, я былъ почти увѣренъ, что злостная шалость была дѣломъ ихъ рукъ, а потому я отправился къ директору гимназіи Фрейману съ просьбою: воспретить ученикамъ подходить близко къ иллюминаціоннымъ декораціямъ, а тѣмъ болѣе портить ихъ, такъ какъ приглашенія моего—не мѣшать работать—они не слушаютъ.

— Помилуйте, какъ можно допустить, чтобы благовоспитанныя дѣти

---

[1]) Коноводы мятежа собирали туда молодежь и затѣмъ, подъ открытымъ небомъ, безопасно вели свои мятежническія бесѣды.

стали дѣлать подобныя вещи,—отвѣтилъ мнѣ съ видимымъ неудовольствіемъ директоръ.

— Какъ вамъ будетъ угодно,—сказалъ я ему, откланиваясь;—только нужнымъ считаю васъ предварить, что, если гимназисты снова не послушаются моего распоряженія, я прикажу отгонять ихъ прочь отъ декорацій наравнѣ съ невоспитанными мальчишками.

Подозрѣніе мое оправдалось на другой же день. Возвращаясь на извозчикѣ, въ часу пятомъ по полудни, изъ крѣпости съ Замковой горы, гдѣ я осматривалъ строившуюся декорацію древняго Литовскаго замка, я замѣтилъ, поровнявшись съ римско-католическимъ каѳедральнымъ костеломъ, двухъ гимназистовъ, отгибавшихъ проволоку на пьедесталѣ поставленномъ на площади декораціоннаго обелиска, въ восемь саженъ вышины. Соскочить съ дрожекъ и обернуть форменную фуражку козырькомъ назадъ, чтобы по кокардѣ не быть издали замѣченнымъ шалунами—было для меня дѣломъ одной секунды. Приказавъ извозчику ѣхать поскорѣе на перерѣзъ линіи могущаго быть бѣгства гимназистовъ и не обращая, повидимому, никакого вниманія на интересовавшій меня обелискъ, быстрыми шагами пошелъ я по діагонами площади отъ колокольни къ Замковой улицѣ и, подойдя затѣмъ на разстояніе четырехъ-пяти саженъ, бросился со всѣхъ ногъ къ обелиску. Одинъ гимназистъ успѣлъ бѣжать; стоявшаго же ко мнѣ спиною я схватилъ за руку, которою онъ отгибалъ еще проволоку.

— Что это вы тутъ дѣлаете?—спросилъ я шалуна.

— Поправляю проволоку,—отвѣтилъ онъ бойко.

— Да развѣ это ваше дѣло? Вы видите, она нарочно пригнута и забѣлена, чтобы дать понять каждому, что отгибать ее не слѣдуетъ. А куда же дѣвалась отогнутая проволока,—спросилъ я пойманнаго, замѣтивъ, что болѣе десятка саженъ ея было уже оторвано отъ декораціи, между тѣмъ на землѣ, кругомъ постройки, не было видно ни одной.

— Почему же я знаю, у меня ихъ нѣтъ, можете обыскать,—отвѣчалъ съ наглою усмѣшкою мальчишка, порываясь удалиться.

— Нѣтъ, позвольте, мой милый, такъ скоро отъ меня вы не отдѣлаетесь,—замѣтилъ я ему, поправляя свою фуражку;—я васъ отведу къ директору и попрошу наказать построже за подобныя шалости, чтобъ и другимъ не было повадно...

— Ужъ не думаете ли вы, что меня высѣкутъ... Польскихъ дворянъ не сѣкутъ,—отвѣтилъ мнѣ малый.

Кровь у меня бросилась въ голову отъ подобнаго нахальства; едва успѣлъ онъ выговорить эту фразу, какъ сильнѣе схвативши его за руку, я потащилъ его къ директору и видно до того ее крѣпко сжалъ, что дерзкій мальчишка упалъ на колѣни, и шляхетская голова слезно попросила пардону. Мнѣ стало его жаль.

— Убирайтесь же прочь отсюда, да скажите всѣмъ вашимъ товарищамъ, что если они осмѣлятся близко подходить къ иллюминаціоннымъ декораціямъ, то имъ будетъ плохо.

Къ сожалѣнію, дѣло этимъ не кончилось.

Въ день пріѣзда государя императора въ Вильну, 1-го октября, пришелъ я, во второмъ часу дня, съ рабочими на Каѳедральную площадь, чтобы развѣсить по забору фонарную гирлянду. Каково же было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что на всемъ протяженіи забора отъ римско-католической каѳедры до Замковой горы не осталось ни одного изъ трехъ тысячъ гвоздей, вбитыхъ мною наканунѣ, по рисунку, въ рѣшетку забора! Всѣ до единаго гвозди были выдернуты или поломаны. Однако медлить было нечего; купивши гвозди, я снова принялся за прибивку цвѣтныхъ фонарей; послѣдній былъ повѣшенъ тогда, когда поданъ былъ сигналъ къ иллюминаціи города. Вотъ какія дѣла совершались уже въ 1860 году, а мы все еще съ полнымъ убѣжденіемъ вѣрили въ польскую къ намъ любовь и дружбу.

Къ концу года общественная жизнь въ Вильнѣ, хотя и текла, повидимому, прежнимъ веселымъ и беззаботнымъ порядкомъ, но политическій горизонтъ, мало, впрочемъ, насъ интересовавшій, все болѣе и болѣе омрачался. Въ разныхъ статьяхъ заграничной прессы проповѣдывалась открытая вражда къ Россіи и высказывались требованія возстановленія Польши ни болѣе ни менѣе какъ въ предѣлахъ 1772 года. Разныя революціонныя брошюры и патріотическіе стихи во множествѣ появились въ рукахъ польской молодежи, въ высшихъ и среднихъ кругахъ польскаго общества велись постоянно политическаго свойства разговоры о Польшѣ, о ея быломъ, о незаконности раздѣла... Короче, подготовлялась почва для будущихъ дѣйствій. Въ одной Вильнѣ продано болѣе двухъ тысячъ экземпляровъ польской патріотической мазурки: «Еще польска не сгинела», въ переводѣ текста на нѣмецкій языкъ; на заглавномъ листѣ пьесы изображены были съ крестообразно положенными древками два знамя, на которыхъ, по пунцовому полю, красовались французскій и польскій одноглавые орлы. На городскомъ театрѣ шли патріотическія польскія пьесы; я самъ усердно хлопоталъ объ изящной постановкѣ «Варвара Радзивиллъ», поэта Одынца, имѣвшей громадный успѣхъ. Польская цѣчь царила всюду; даже русскіе говорили по-польски; польскій языкъ введенъ былъ въ число предметовъ преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ, а польскіе чиновники, имя которымъ легіонъ, вводили польскій языкъ даже и въ оффиціальныхъ сношеніяхъ съ крестьянами; на польскихъ сочиненіяхъ, во множествѣ печатавшихся въ Вильнѣ, въ цензурномъ комитетѣ русскій цензоръ писалъ и подписывалъ разрѣшеніе по-польски. Дѣло польское велось такъ искусно, что всѣ русскіе попали, не замѣчая того, въ панургово стадо. Неволь-

но краснѣешь, вспоминая столь недавнее прошлое. Какъ политическая пропаганда, прикрытая только для видимости нравственною цѣлью, быстро распространялась по краю проповѣдь ксендзовъ о воздержаніи отъ крѣпкихъ напитковъ подъ названіемъ «Общества трезвости», сдѣлавшая громадные успѣхи, особенно въ Ковенской губерніи между жмудинами.

Вотъ наглядное тому доказательство. 4-го декабря 1858 года пріѣхалъ я въ г. Шавли Ковенской губерніи для производства, по порученію генералъ-губернатора, слѣдствія по жалобамъ вольныхъ людей имѣнія Куршаны на помѣщиковъ Гружевскихъ; изъ разговора съ исправникомъ Шабловскимъ, по поводу интересовавшаго всѣхъ «Общества трезвости», я узналъ отъ него, что питейный доходъ въ казну въ теченіе съ небольшимъ пяти мѣсяцевъ со времени начала пропаганды, съ тридцати пяти тысячъ и нѣсколькихъ сотъ рублей въ мѣсяцъ упалъ до пяти сотъ съ небольшимъ рублей. Не даромъ епископъ Волончевскій, при моемъ свиданіи съ нимъ, въ 1863 году выразилъ мнѣ, что, въ виду нравственной цѣли, онъ могъ метать громъ и молнію. Впрочемъ, въ дѣло употреблялась не одна только проповѣдь, а даже и истязанія. Мнѣ разсказали одинъ случай, бывшій тамъ незадолго до моего пріѣзда, что одна шестнадцатилѣтняя крестьянская дѣвушка, выпившая на свадьбѣ родной сестры за ея здоровье рюмку наливки, была высѣчена по распоряженію ксендза, передъ костеломъ, при чемъ выходившій изъ костела народъ переступалъ черезъ нее и плевалъ на нее. Патеръ вѣроятно дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ на основаніи грамоты Ягайлы, разрѣшавшей сѣчь тѣхъ, которые упорствовали въ совращеніи въ католицизмъ [1]).

На подобныя выходки ксендзовъ, въ виду нравственной цѣли, мѣстная администрація, состоявшая исключительно изъ поляковъ, не обращала никакого вниманія, или впослѣдствіи, въ виду ожидавшейся крестьянской реформы, запугивала главное начальство при всякомъ рѣзко выдающемся случаѣ самоуправія, могущемъ возникнуть крестьянскимъ бунтомъ. Дѣло ведено было такъ искусно, что ковенскій губернаторъ Кригеръ, почти наканунѣ вооруженнаго мятежа, подписывалъ бланки, дабы не задерживать выдачу ружей помѣщикамъ, изъ опасенія,

---

[1]) Изъ грамоты Ягайлы, хранящейся въ виленскомъ капитулѣ: „А если противъ сего нашего запрещенія кто-либо изъ русиновъ обоего пола соединится бракомъ съ католикомъ или католичкою, то сочетавшіеся не разлучаются, но тотъ изъ супруговъ, который принадлежитъ къ другой сектѣ, долженъ принять вѣру католическую и дѣйствительно признать покорность католической церкви, къ чему слѣдуетъ принуждать ихъ даже тѣлеснымъ наказаніемъ“.

будто бы, ожидаемаго, нападенія на нихъ крестьянъ, послѣ окончанія обязательной повинности 19-го февраля 1863 года.

Какъ тайное подготовленіе къ мятежу было самовольное открытіе въ Вильнѣ общества «St. Vincente de Paul».

Въ концѣ 1859 года возвратилась въ Вильну изъ Парижа виленская помѣщица Матильда Бучинская, имѣвшая въ Вильнѣ большой каменный домъ, напротивъ костела Малыхъ Бусачекъ [1]).

Въ виду того обстоятельства, что А. А. Назимова, при постоянной заботливости своей о судьбѣ бѣдныхъ, устроила еще въ мартѣ мѣсяцѣ 1857 года Остробрамскую школу рукодѣлія во имя св. Маріи, въ которой на средства частной благотворительности 52 бѣдныя дѣвушки, на полномъ содержаніи, и 18 приходящихъ ученицъ могли учиться разнымъ рукодѣліямъ, хитрая полька, зная недостаточность средствъ этого заведенія, распространила между дамами высшаго польскаго общества мысль объ учрежденіи въ Вильнѣ общества для вспомоществованія бѣднымъ на подобіе парижскаго общества «St. Vincent de Paul».

Мысль эта встрѣчена была весьма сочувственно не только между поляками, но и между русскими, отъ которыхъ политическая цѣль общества, само собою разумѣется, была скрыта; сами Назимовы были заинтересованы этимъ вопросомъ. Принявъ на себя дѣятельную роль въ учрежденіи этого общества, Бучинская обратилась съ просьбою къ римско-католическому епископу Красинскому и представила чрезъ него уставъ общества на утвержденіе начальства. Не получая разрѣшенія, Бучинская, приготовившая уже все необходимое для открытія дѣйствій общества, обратилась сама съ просьбою къ римско-католическому митрополиту Жилинскому въ Петербургъ, въ которой ходатайствовала о скорѣйшемъ утвержденіи выработаннаго ею устава; когда же митрополитъ Жилинскій отвѣтилъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ не можетъ по закону разрѣшить существованіе подобнаго общества, Бучинская съ навербованными ею членами комитета,—въ которомъ и меня пригласили занять мѣсто секретаря, но получили отказъ,—рѣшилась самовольно открыть дѣйствія сказаннаго общества; при чемъ принятъ былъ въ руководство уставъ общества св. Викентія, напечатанный въ Варшавѣ. Въ открытіи общества не только принялъ самое дѣятельное участіе виленскій римско-католическій епископъ Красинскій, но впослѣдствіи жертвовалъ на него деньгами, участвовалъ въ собраніяхъ общества и въ январѣ 1862 года простилъ всѣмъ его членамъ грѣхи.

Во время открытія общества генералъ-губернаторъ находился въ

[1]) Костелъ разобранъ въ 1878 году, а на мѣстѣ костельныхъ строеній открытъ скверъ и устроены торговые лари для продажи разныхъ съѣстныхъ припасовъ, зелени и пр.

*

Петербургѣ; когда Бучинская пріѣхала къ А. А. Назимовой съ извѣстіемъ объ открытіи общества, между ними произошелъ довольно оживленный разговоръ, по поводу высказаннаго самоволія; это случилось во время вечерней репетиціи домашняго спектакля, который готовился сюрпризомъ къ пріѣзду В. И. Назимова. Болѣе часу продолжались между ними оживленные разговоры по этому предмету, и, какъ водится, хитрая полька сумѣла успокоить высказанное ей въ разговорѣ съ добрѣйшею А. А. Назимовою неудовольствіе, къ усиленію котораго отчасти служило и то обстоятельство, что въ виду дѣйствій общества, учрежденная А. А. Назимовой Маріинская школа рукодѣлія неминуемо должна была пострадать отъ уменьшенія средствъ. Скоро обнаружилась неблагонамѣренная цѣль этого общества [1]), которое поддерживало возникшіе въ краѣ безпорядки, и 14-го апрѣля 1861 года графомъ Муравьевымъ сдѣлано было распоряженіе какъ о закрытіи самаго общества, такъ и о высылкѣ его предсѣдательницы Бучинской изъ Вильны на жительство въ имѣніе. Какъ оказалось, распоряженіе это не повело ни къ чему; общество продолжало свои дѣйствія и, признавая отсутствующую Бучинскую по-прежнему своею предсѣдательницею, передало распорядительную власть на совѣщаніяхъ ксендзу Шилейкѣ. Къ этому же времени относится расширеніе благотворительнаго заведенія дворянки Домбровской, за Зеленымъ мостомъ, въ которомъ призрѣвались бѣдные люди обоего пола. Въ 1863 году было также обнаружено, что оттуда роздано было до тридцати тысячъ кружекъ для денежныхъ сборовъ по цѣлому краю; деньги же шли на политику, хотя и собирались подъ благовиднымъ предлогомъ на пособіе бѣднымъ.

Кстати здѣсь будетъ разсказать еще про одинъ случай, наглядно характеризующій тайную подготовку къ вооруженному мятежу.

Въ первой половинѣ 1859 года, въ зданіи № 14 виленской цитадели занятомъ политическою тюрьмою, содержался подъ арестомъ нѣкто Михайловскій, дворянинъ Ковенской губерніи, родственникъ очень богатаго помѣщика Помарнацкаго, котораго красавица жена была очень дружна съ А. А. Назимовой [2]). Этотъ Михайловскій арендовалъ у Помарнацкаго одинъ изъ принадлежащихъ ему въ Ковенской губерніи фольварковъ. Въ этомъ фольваркѣ, по полученнымъ въ генералъ-губернаторскомъ управленіи свѣдѣніямъ, Михайловскій скрывалъ оружіе и порохъ; сначала не хотѣли было вѣрить въ этотъ фактъ,—такъ казался онъ невѣроятенъ, въ то время начальству, но такъ какъ свѣдѣнія были весьма положительныя и шли отъ случайнаго очевидца сокрытія военной кон-

---

[1]) При графѣ М. Н. Муравьевѣ общество это было упразднено.

[2]) Мнѣ всегда казалось, что дружба эта была неискреннею и имѣла основаніемъ желаніе выгородить изъ бѣды своего несчастнаго родича.

трабанды, то, по распоряженію генералъ-губернатора, у Михайловскаго былъ сдѣланъ обыскъ, во время котораго у него отобрали множество книгъ и брошюръ на польскомъ языкѣ самаго революціоннаго содержанія; вмѣстѣ съ тѣмъ найдено было въ одномъ подвалѣ тридцать четыре штуцера, упакованныхъ въ ящики, и восемнадцать пудовъ пороху; входъ въ подвалъ былъ скрытъ и наглухо задѣланъ кирпичемъ. По опросу оказалось, что для тайнаго привоза и сокрытія военной контрабанды Михайловскимъ приняты были всѣ надлежащія мѣры предосторожности. На вопросъ слѣдственной по политическимъ дѣламъ коммиссіи, въ которой я состоялъ постояннымъ членомъ, о цѣли покупки и храненія пороха и оружія, ясневельможный панъ отвѣтилъ: «что, любя страстно охоту, онъ купилъ все у него найденное отъ неизвѣстнаго ему жида за весьма ничтожную цѣну, которая его и соблазнила; равнымъ образомъ, изучая литературу, онъ купилъ у неизвѣстнаго букиниста-еврея и найденныя при обыскѣ книги».

На подобныя объясненія у насъ въ то время смотрѣли очень легко. По очевидно наглымъ отвѣтамъ поляка шла нѣсколько мѣсяцевъ слѣдственная переписка, ничего не разъяснившая; назначенъ былъ судъ, который и приговорилъ Михайловскаго къ выдержанію подъ арестомъ въ теченіе одного года, съ зачетомъ ему въ таковой и времени содержанія во время слѣдствія.

Этотъ эпизодъ какъ нельзя лучше характеризуетъ то направленіе, какое заблаговременно принимали польскіе паны въ виду задуманнаго мятежа, о которомъ, какъ увидимъ ниже, намъ, русскимъ, и во снѣ не снилось, не смотря на всѣ приготовленія къ нему, происходившія передъ нашими глазами. О выходкахъ же ихъ по крестьянской реформѣ нелишнимъ будетъ здѣсь сказать нѣсколько словъ, такъ какъ они разъяснятъ наглядно ту подпольную тактику польской справы, къ которой она имѣетъ обыкновеніе прибѣгать постоянно, чтобы достичь предположенной цѣли. Страннымъ кажется только то, что, несмотря на одинаковость пріемовъ, она остается для большинства постоянно неуловимою.

Лѣтомъ 1856 года, въ Москвѣ, передъ коронаціею государя императора, генералъ-губернаторъ Назимовъ, какъ мы уже говорили, имѣлъ счастье представить его величеству всеподданнѣйшую записку, въ которой онъ доводилъ до высочайшаго свѣдѣнія заявленіе губернскихъ предводителей дворянства ввѣреннаго ему края о готовности тамошняго дворянства идти рука объ руку съ правительствомъ въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, о чемъ еще тогда говорилось шопотомъ. Въ 1858 году, польское дворянство, за выраженное имъ желаніе, осчастливлено было въ Вильнѣ всемилостивѣйшею благодарностію его величества; но, въ то самое время, когда подготовительная работа была въ полномъ ходу и повсюду собирались необходимыя данныя для осуществленія

великой реформы, паны, пользуясь свѣдѣніями, которыя для многихъ, непосвященныхъ въ дѣло, были еще тайною, принялись за практическое устраненіе причинъ, имѣвшихъ возможность вредно подѣйствовать на ожидавшееся уменьшеніе матеріальнаго ихъ благосостоянія по случаю предстоявшаго освобожденія крестьянъ. Примѣровъ можно было бы найти множество въ архивныхъ дѣлахъ главной и мѣстной администраціи края, такъ что можно было бы написать объ этомъ цѣлые томы, но въ настоящее время это не поведетъ ни къ чему; выставлю здѣсь нѣкоторые случаи изъ моей собственной служебной практики, которые достаточно прольютъ свѣтъ на суть дѣла.

Въ былое время, когда экономская дисциплина (плеть), подкрѣпленная безконтрольною панскою властью, свободно и безпощадно разгуливала по холопской спинѣ бѣдняка-крестьянина, не щадя иногда ни пола, ни возраста, лишь изрѣдка поднимались одинокіе голоса утѣсненныхъ пахарей съ жалобою къ правительству на ихъ невыносимое положеніе; но эти жалобы большею частью вели за собою тяжелыя для жалобщиковъ послѣдствія: жестокое наказаніе или ссылка были ихъ удѣломъ. Какова же была ихъ жизнь, если и эта будущность не страшила ихъ и казалась имъ во сто разъ лучше тогдашняго ихъ положенія? Но, вотъ занималась заря новой жизни, въ числѣ другихъ, и для бѣднаго литовца и бѣлорусса-крестьянина. По мощному слову царя Освободителя, закипѣла работа, обѣщавшая своимъ конечнымъ результатомъ живительную свободу тому, кто не зналъ ни будней, ни праздника за тяжелою панщизною.

Еще въ 1857 году правительство сдѣлало нѣкоторыя секретныя распоряженія, направленныя къ ограниченію произвола помѣщичьей власти, но эти распоряженія не помѣшали панамъ, хотя и съ большею противу прежняго осмотрительностью, творить свое дѣло. Зато, съ другой стороны, чуткое сердце простолюдина предугадывало оказанное ему покровительство,—начались протесты, и съ 1858 года жалобы на разныя притѣсненія помѣщичьей власти стали появляться все чаще и чаще. Изъ выставленныхъ примѣровъ пусть судитъ читатель о томъ, что выстрадалъ здѣшній крестьянинъ въ тяжелое прошлое время.

Въ концѣ іюля 1858 года, въ одинъ изъ тѣхъ знойныхъ дней, когда истома виситъ въ раскаленномъ воздухѣ, на тряской перекладной, запыленный съ ногъ до головы, подкатилъ я къ крыльцу господскаго дома въ имѣніи Владыкишкахъ, богатаго польскаго помѣщика Ромера. Смѣнивши въ отведенной мнѣ комнатѣ пыльный дорожный костюмъ на форменный фракъ и отрекомендовавшись радушно принявшимъ меня хозяевамъ, я тотчасъ же отправился собирать свѣдѣнія по поданнымъ двумя крестьянами генералъ-губернатору жалобамъ на смѣщеніе ихъ помѣщикомъ съ усадебъ. Обѣ жалобы подтвердились. Одинъ изъ

крестьянъ, послѣ 25-лѣтняго хозяйствованія, былъ переведенъ съ отличной усадьбы на другой участокъ въ совершенно ветхую избу, на которомъ, какъ оказалось, по осмотру, не было никакихъ хозяйственныхъ построекъ. Причину смѣщенія владѣлецъ пояснилъ лѣнью и нерадѣніемъ послѣ-то двадцатипятилѣтняго имъ хозяйствованія! Другой крестьянинъ былъ смѣщенъ съ усадьбы по случаю отчужденія части земли подъ линію желѣзной дороги. При опросѣ крестьянъ, съ глазу на глазъ, всѣ они одобрили поведеніе жалобщиковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ единогласно жаловались на тягость барщины, и дѣйствительно было, на чтò пожаловаться.

По инвентарю имѣнія, крестьяне обязаны были отбывать со двора по шести дней барщины въ недѣлю, конной и пѣшей поровну, кромѣ того облагались они разными приношеніями въ пользу помѣщика: яйцами, грибами, орѣхами, ягодами, пряжею, а также разными работами во дворѣ; отбывали по очереди ночной караулъ, при разныхъ занятіяхъ во дворѣ, вопреки инвентаря; должны были ежегодно сдѣлать нѣсколько дорогъ съ подводами и, наконецъ, отбыть двору шарварковую (строительную) повинность; кромѣ того помѣщикъ могъ назначать гвалты или общій поголовный сгонъ крестьянъ для спѣшныхъ работъ. Внушивши крестьянамъ строгое повиновеніе владѣльцу и объявивши имъ, что жалобщики должны ожидать рѣшенія поданныхъ жалобъ изъ Вильны отъ генералъ-губернатора, я обѣщалъ имъ замолвить о нихъ слово и предъ помѣщикомъ.

Напутствуемый разными ихъ благопожеланіями, я отправился въ домъ, гдѣ ожидалъ меня роскошный ужинъ въ семьѣ помѣщика. Домъ былъ отлично устроенъ, и, судя по обстановкѣ, въ немъ жилось привольно. Въ одушевленномъ разговорѣ за стаканомъ стараго меду и пива, о которыхъ мы теперь не имѣемъ уже ни малѣйшаго понятія, я объяснилъ радушному хозяину тяжесть инвентарнаго положенія для его крестьянъ, тѣмъ еще большую, что въ сосѣднемъ имѣніи Жижморахъ, по инвентарю, отбывалось только четыре дня въ недѣлю барщины, и посовѣтовалъ ему, безъ вмѣшательства власти, удовлетворить справедливыя жалобы крестьянъ. Само собой разумѣется, мнѣ это было тотчасъ же обѣщано; при чемъ владѣлецъ добавилъ, что полное инвентарное положеніе примѣнялось только къ ослушникамъ. Такимъ образомъ крестьянинъ былъ въ полной кабалѣ у пана, по малѣйшей прихоти котораго и за малѣйшую оплошность труженикъ могъ быть поставленъ въ безвыходное положеніе. Стоило только потребовать работы по инвентарю, и онъ постоянно оказывался лѣнтяемъ или ослушникомъ. Такъ какъ данное мнѣ порученіе было окончено, то на другой день, воскресный, я поѣхалъ обратно въ Вильну и былъ крайне удивленъ, что крестьяне,

вмѣсто того, чтобы идти въ церковь, занимались полевыми работами. Я замѣтилъ имъ это...

— Да что же намъ дѣлать, панычёкъ, случается по праздникамъ отбывать недоимку на панскихъ поляхъ, а сегодня хоть свое успѣемъ припрятать.

Если подобныя вещи встрѣчались у богатыхъ помѣщиковъ, слывшихъ довольно еще снисходительными, то что же бывало у крутыхъ? Невольно чувствуется холодъ при воспоминаніяхъ столь недавняго еще прошлаго, и усердная мольба несется къ престолу Того, Кто вдохнулъ въ доброе сердце царево великое безсмертное дѣло!

Въ самыхъ послѣднихъ числахъ января мѣсяца 1861 года мнѣ дано было генералъ-губернаторомъ порученіе, въ составѣ особой коммиссіи, произвести слѣдствіе въ Виленскомъ уѣздѣ по жалобамъ крестьянъ помѣщика Даукши. Дѣло это тянулось очень долго; по неоднократнымъ крестьянскимъ жалобамъ было произведено два разслѣдованія, но жалобы не прекращались. Послѣднее производилось коммиссіею подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства Ивана Тышкевича. Во избѣжаніе нареканій крестьянъ въ потворствѣ помѣщику, коммиссія помѣстилась не у него въ домѣ, а въ сосѣднемъ помѣстьи уѣзднаго предводителя дворянства, съ которымъ мнѣ пришлось тутъ и познакомиться. Пріѣхавши на мѣсто часу въ двѣнадцатомъ утра, я засталъ графа упражняющимся въ стрѣльбѣ изъ двухствольнаго ружья пулями влетъ въ подбрасываемую ему камердинеромъ его небольшую дощечку. Посмотрѣвши на его ловкость, я отправился въ назначенную мнѣ комнату и занялся разсмотрѣніемъ обстоятельствъ дѣла, что̀ и продлилось до самаго обѣда. Жалобы крестьянъ заключались въ отнятіи у нихъ помѣщикомъ луговъ и земли, въ крайнемъ обремененіи ихъ барщиною и работами, вопреки инвентаря, отчего они пришли въ нищету и, наконецъ, жаловались на жестокое съ ними обращеніе не только владѣльца, но его эконома и ключницы. Въ пять часовъ по полудни двери въ мою комнату распахнулись, и парадный дворецкій именемъ графа пригласилъ меня къ обѣденному столу. Вышедши въ столовую, я нашелъ тамъ цѣлую коммиссію: штабъ-офицера корпуса жандармовъ Зигмонтовскаго, виленскаго уѣзднаго исправника Григорьева, уѣзднаго стряпчаго и мѣстнаго ксендза; письмоводитель предводителя дворянства, молодой человѣкъ, Мокржецкій, распоряжался угощеніемъ. Домъ въ имѣніи Сужанахъ былъ очень старый, не похожій на графское жилище, но столъ былъ отлично сервированъ.

— А гдѣ же графъ?—спросилъ я у дворецкаро послѣ привѣтствія своимъ товарищамъ.

— Графъ кушаетъ постоянно у себя,—отвѣчалъ тотъ.

И, дѣйствительно, въ это время послышался стукъ перемѣщаемыхъ тарелокъ въ сосѣдней комнатѣ.

— Въ такомъ случаѣ и я буду обѣдать у себя, Владиміръ,—крикнулъ я своему человѣку,—съ намѣреніемъ быть услышаннымъ по сосѣдству. Купи мнѣ курицу въ корчмѣ и свари поскорѣе супъ!

Отдавши такое приказаніе, я вышелъ изъ столовой. Не прошло за этою сценою и двухъ минутъ, какъ явился въ мою комнату съ извиненіями гордый графъ.

— Извините меня, пожалуйста, что я обѣдаю отдѣльно.. Болѣзнь моя тому причиною...

— Помилуйте, графъ, назадъ тому часовъ пять, вы цвѣли полнымъ здоровьемъ и въ легкомъ пальто стрѣляли изъ ружья на дворѣ, а по словамъ вашего дворецкаго обѣденная ваша болѣзнь повторяется ежедневно; потому извините меня—обѣдать у васъ не буду.

На столь категорическій отвѣтъ послышались новыя извиненія и приглашенія сіятельнаго графа, съ завѣреніемъ, что онъ будетъ вмѣстѣ обѣдать съ своими гостями. Урокъ былъ достаточно внушителенъ, и я уступилъ; во все время слѣдствія гордый графъ былъ крайне любезенъ съ своими служебными гостями. Вообще этотъ индивидуумъ, надѣленный умомъ, отличался напыщенностью и набожностью, простиравшеюся до ханжества: безъ своего каплана онъ не дѣлалъ никуда шагу.

На другой день утромъ, часовъ въ восемь, я былъ разбуженъ монотоннымъ голосомъ, раздававшимся по временамъ въ сосѣдней съ моею спальнею комнатѣ. Оказалось, что рядомъ была домашняя каплица, устроенная, какъ водится, безъ разрѣшенія правительства, въ которой богомольный графъ прислуживалъ своему фактотуму-ксендзу и повторялъ монотонно слово—аминь. На другой день моего пріѣзда случился новый курьезъ. Разбирая показанія допрошенныхъ коммиссіею лицъ и разныя постановленія по дѣлу, писанныя моею рукою и подписанныя мною, я замѣтилъ, что графъ помѣстилъ свою подпись выше моей. Сдѣлать это ему было очень удобно, такъ какъ, написавши фразу: «показаніе отбирали» и поставивъ двоеточіе, я подписывался по обыкновенію въ слѣдующей строкѣ. Воспользовавшись этимъ, графъ и помѣстилъ свою сіятельную фамилію послѣ двухъ точекъ надъ моею подписью, не объяснясь даже напередъ со мною. Такъ какъ предсѣдательство въ коммиссіи, на основаніи распоряженія генералъ-губернатора, принадлежало мнѣ, то всѣ отобранныя показанія и постановленія того дня я подписалъ уже въ строку. Выше меня подписаться не было никакой возможности. И вотъ вечеромъ того же дня послѣ окончанія засѣданія, является ко мнѣ письмоводитель графа Мокржецкій съ какимъ-то таинственнымъ видомъ.

— Что вамъ угодно?—спросилъ я вошедшаго, подавая ему стулъ.

— Графъ очень оскорбленъ генералъ-губернаторомъ и желалъ бы знать тому причину.

— Я васъ не понимаю, объясните, пожалуйста, въ чемъ дѣло?!.

— Помилуйте, какъ же иначе... Вы командированы генералъ-губернаторомъ по представленію графа къ губернатору, а между тѣмъ вы предсѣдательствуете въ коммиссіи и подписываетесь выше графа!

Вотъ въ чемъ дѣло, подумалъ я, цѣль достигается.

— Прошу васъ передать вашему графу,—отвѣчалъ я посланному,— что генералъ-губернаторъ, давая мнѣ порученіе, не имѣлъ рѣшительно никакого намѣренія оскорбить его, если же онъ думаетъ, что я командированъ по его требованію, то ошибается вдвойнѣ.

— Нѣтъ, это точно такъ,—продолжалъ посланный,—графъ просилъ губернатора замѣстить въ коммиссіи исправника, занятаго по службѣ, кѣмъ-либо другимъ, а пріѣхали вы...

— Ну-съ, что̀ же дальше?

— Значитъ, вы командированы на мѣсто исправника...

— Извините меня, графъ сильно ошибается, предполагая это. Онъ просилъ губернатора командировать своего чиновника на мѣсто исправника; губернаторъ, не имѣя свободнаго лица, вошелъ съ представленіемъ къ генералъ-губернатору, а его высокопревосходительство призналъ нужнымъ поручить производство слѣдствія мнѣ, въ составѣ коммиссіи, при участіи жандармскаго штабъ-офицера, гдѣ графъ только депутатъ; подъ дѣломъ есть предписаніе. Если же онъ полагаетъ, что командированіемъ меня генералъ-губернаторъ хотѣлъ оскорбить его, то, пожалуйста, успокойте графа; я буду подписываться послѣднимъ; моей пустой головѣ отъ мѣста подписи ума не прибудетъ.

Письмоводитель улыбнулся и вышелъ.

По окончаніи слѣдствія и наканунѣ отъѣзда моего въ Вильну тотъ же самый письмоводитель, очень веселый и развитой молодой человѣкъ, приподнесъ мнѣ новый курьезъ, характеризовавшій какъ нельзя болѣе польское чванство. Бесѣдуя со мною о томъ, о семъ, какъ будто бы совершенно случайно онъ спросилъ у меня, буду ли я у графа на парадномъ обѣдѣ, который имѣетъ быть у него въ Вильнѣ по случаю свадьбы брата его графа Іосифа Тышкевича, состоявшаго адъютантомъ при В. И. Назимовѣ.

— Съ графомъ я не знакомъ домами, — отвѣчалъ я, — а потому и на обѣдѣ у него не буду.

— Помилуйте, цѣлый городъ будетъ у его сіятельства. Сдѣлайте по пріѣздѣ визитъ и получите приглашеніе.

— Благодарю васъ за совѣтъ. Если графъ желаетъ вести знакомство со мною, то легко можетъ сдѣлать этотъ визитъ и самъ; вы видите, что даже и здѣсь я отказываюсь отъ его обѣдовъ.

— Графиня такая прелестная особа,—продолжалъ собесѣдникъ,— вы будете приняты радушно... съѣздите къ нимъ съ визитомъ, у нихъ очень весело.

— Позвольте мнѣ, г. Мокржецкій, остаться при своемъ,—отвѣтилъ я ему, не подозрѣвая нисколько, что онъ былъ подосланъ графомъ, какъ это объяснилось совершенно неожиданно для меня на другой день.

Въ Вильну возвратился я вмѣстѣ съ графомъ, который предложилъ мнѣ свой экипажъ. Отказаться было неловко; дорогою онъ просилъ меня заѣхать къ нему для подписанія окончательныхъ бумагъ по дѣлу, въ ожиданіи которыхъ намъ подали чай. Болтая съ графомъ о томъ о семъ, я похвалилъ его квартиру и билліардъ, виднѣвшійся въ сосѣдней комнатѣ. Графъ любезно предложилъ мнѣ посмотрѣть свое жилище, которое онъ незадолго предъ тѣмъ роскошно отдѣлалъ. Не подозрѣвая ничего, я шелъ за нимъ изъ комнаты въ комнату, восхищаясь обстановкою квартиры, и вдругъ очутился предъ молодою красавицею-графинею въ ея роскошномъ будуарѣ. Она сидѣла на оттоманѣ и читала или дѣлала видъ, что читаетъ какую-то книгу. Положеніе мое было крайне неловкое. Одѣтый по-дорожному въ сѣраго цвѣта костюмъ, съ запачканными въ чернилахъ пальцами, я остановился передъ нею, какъ школьникъ, пойманный на шалости. Между тѣмъ, графъ, представивъ меня своей женѣ, куда-то исчезъ. Замѣтивъ мое смущеніе, графиня пригласила меня сѣсть подлѣ нея; машинально опустился я на стулъ, бормоча какое-то извиненіе. Четверть часа, которые я провелъ у ней, были для меня настоящею пыткою. Замѣтивши мое неловкое положеніе, графиня щебетала, какъ птичка, хвалила мою игру въ недавно бывшемъ у Назимовыхъ любительскомъ спектаклѣ, и когда я, при видѣ вошедшаго графа, всталъ, чтобы раскланяться, она, любезно протянувъ мнѣ свою ручку, выразила надежду, что я буду посѣщать ихъ. Затѣмъ мы разстались. Но, увы! этой надеждѣ не пришлось осуществиться. Почти вслѣдъ начались политическіе безпорядки, въ которыхъ сіятельная чета приняла самое дѣятельное участіе, о чемъ и разскажу въ своемъ мѣстѣ. Долженъ сознаться откровенно, что, выходя изъ кабинета молодой графини, я невольно подумалъ: чортъ побери васъ, польки, какъ вы хороши!.. И дѣйствительно въ нихъ-то и таится вся сила польской справы. Воспитаніе польской женщины въ русскомъ направленіи — одна изъ самыхъ существенныхъ мѣръ противодѣйствія польско-ксендзовской политикѣ, но гдѣ намъ возиться съ перевоспитаніемъ полекъ, когда у насъ нѣтъ настойчивой послѣдовательности въ этомъ дѣлѣ и когда намъ нужно серьезно подумать о своемъ перевоспитаніи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

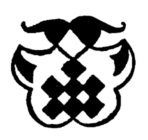
Высочайшее замѣчаніе Государственному Совѣту.

Рескриптъ князю Лопухину.

10 февраля 1822 г. № 7.

Князь Петръ Васильевичъ! При поднесеніи мнѣ журнала Государственнаго Совѣта по предмету разсматриваемаго проекта гражданскаго уложенія, прочитавъ приложенное приономъ особое мнѣніе оберъ-гофмейстера графа Литты относительно 6-й главы о бракахъ, и французскомъ языкѣ писанное, я усмотрѣлъ въ немъ двоякое неприличіе. Первое: невмѣстно, чтобы члены россійскаго верховнаго судилища излагали сужденія свои на иностранномъ языкѣ; о чемъ я поручаю вамъ объявить волю мою, дабы на предъ будущее время желающіе подавать свои мнѣнія не иначе представляли оныя, какъ на россійскомъ языкѣ. Второе: въ означенномъ мнѣніи графа Литты помѣщено язвительное выраженіе, которое должно относиться къ тѣмъ изъ членовъ, кои предложили и приняли новую редакцію приведенной здѣсь главы о бракахъ,—то находя непристойнымъ оставлять мнѣніе такое при дѣлахъ Государственнаго Совѣта, я предоставляю вамъ бумагу сію подавшему ее члену обратно возвратить, съ должнымъ замѣчаніемъ на сей случай.

Пребываю вамъ всегда благосклонный.

Михаилъ Николаевичъ Капустинъ

и его письма къ А. А. Борзенко.

Известный юристъ, выдающійся педагогъ, администраторъ и общественный дѣятель, Михаилъ Николаевичъ Капустинъ родился въ 1828 году, окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ и послѣ защиты магистерской диссертаціи занялъ въ томъ же университетѣ каѳедру международнаго права. Въ 1870 году онъ былъ назначенъ директоромъ Демидовскаго Ярославскаго лицея.

Въ теченіе 13-ти-лѣтняго управленія, онъ успѣлъ поставить Лицей на такую высоту, что всѣ лучшія традиціи послѣдняго соединяются исключительно съ именемъ М. Н. Капустина. Онъ сгруппировалъ около себя лучшія молодыя силы и поставилъ преподаваніе въ Лицеѣ на уровень современныхъ требованій. Отношенія его къ студентамъ были самыя сердечныя. Въ устроенное имъ же попечительство о недостаточныхъ студентахъ онъ внесъ, въ разное время, 2.000 рублей; образовалъ въ Лицеѣ интернатъ, «чтобы поддержать все доброе, охранить отъ искушеній и житейской нужды, продлить молодость и устранить заботы о матеріальной обстановкѣ, подчасъ очень тяжелой». Въ пользу тѣхъ же студентовъ онъ отказывался отъ платы за лекціи по вакантнымъ каѳедрамъ, иногда въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, напримѣръ, по каѳедрѣ энциклопедіи права — 12 лѣтъ. Наконецъ, по его иниціативѣ сталъ издаваться при Лицеѣ «Временникъ», въ которомъ помѣщались труды профессоровъ и выдающіяся сочиненія студентовъ.

Такова была его дѣятельность во время управленія Демидовскимъ Лицеемъ; не менѣе оживленной и плодотворной она оказалась и при его новомъ назначеніи. Въ 1883 г. онъ былъ назначенъ попечителемъ

Дерптскаго, нынѣ Рижскаго учебнаго округа и проявилъ здѣсь съ особеннымъ блескомъ свои способности администратора.

Ставъ затѣмъ, въ 1890 году, попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, онъ и здѣсь оставилъ по себѣ память прекраснаго начальника и руководителя. Всегда ровный и доступный, онъ поощрялъ коллективное обсужденіе вызываемыхъ жизнью вопросовъ, нерѣдко самъ являлся въ такія собранія не какъ попечитель округа, а какъ педагогъ - товарищъ, желающій прислушаться къ различнымъ мнѣніямъ. Самъ высоко держа знамя педагога, онъ и отъ другихъ требовалъ, вопервыхъ, хорошей подготовки и, во-вторыхъ, честнаго, строгаго исполненія своихъ обязанностей. Для первой цѣли онъ учредилъ институтъ сверхштатныхъ преподавателей и кандидатовъ на преподавательскія мѣста. По отношенію къ ученикамъ онъ постоянно стремился къ возможно бо̀льшему облегченію ихъ отъ тягостей излишняго ученія и настаивалъ на переводѣ безъ экзаменовъ.

Несмотря на значительные труды по управленію округомъ, М. Н. Капустинъ принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ С.-Петербургскаго Юридическаго общества и общества вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ, въ которомъ былъ предсѣдателемъ, состоялъ инспекторомъ классовъ, членомъ совѣта и профессоромъ по каѳедрѣ энциклопедіи права въ училищѣ Правовѣдѣнія, предсѣдателемъ совѣта С.-Петербургскаго Маріинскаго института, членомъ совѣта Павловскаго института и съ 1895 г. почетнымъ опекуномъ С.-Петербургскаго присутствія опекунскаго совѣта учрежденій императрицы Маріи.

Кромѣ того М. Н. Капустинъ не разъ исполнялъ довольно сложныя особыя порученія, возлагаемыя на него высочайшей волею. Такъ, въ 1891 г. онъ былъ назначенъ третейскимъ судьею въ спорѣ между Франціею и Голландію по вопросу о Гвіанскихъ владѣніяхъ; въ 1892 г. состоялъ предсѣдателемъ высочайше утвержденной при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ коммиссіи для разсмотрѣнія претензій великобританскаго правительства по поводу задержанія нашими крейсерами канадскихъ промысловыхъ шкунъ за недозволяемый бой морскихъ котиковъ въ русскихъ водахъ Берингова моря. Затѣмъ, участвовалъ въ занятіяхъ коммиссіи, разсматривавшей постановленія парижскаго третейскаго суда по поводу спора между Англіей и Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами; читалъ лекціи по международному праву нынѣ благополучно царствующему Государю Императору и, наконецъ, въ 1894 г. былъ командированъ по высочайшему повелѣнію въ Абасъ-Туманъ для занятія съ недавно въ Бозѣ почившимъ наслѣдникомъ, великимъ княземъ Георгіемъ Александровичемъ.

Отличительную черту въ характерѣ и умственномъ складѣ М. Н. Капустина составляетъ отзывчивость его къ людямъ, дѣятельности кото-

рыхъ онъ придавалъ значеніе. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ въ его квартирѣ въ Москвѣ на Молчановкѣ, въ домѣ его тестя профессора Н. С. Топорова, часто бывалъ извѣстный англійскій писатель Гепфортъ Диксонъ, работавшій въ то время надъ своей книгой о Россіи подъ заглавіемъ «Firee Russia».

Сидя въ уютномъ кабинетѣ М. Н. Капустина, Диксонъ оживленно бесѣдовалъ, при чемъ обращался къ хозяину съ заявленіемъ: «когда машина работаетъ, ей нужно топливо, а мнѣ, когда я говорю, необходима бутылка добраго портвейна». Требуемое вино появлялось, и бесѣда продолжалась далеко за полночь.

Когда М. Н. Капустина назначили въ 1870 году директоромъ Демидовскаго Лицея, то въ обширной директорской квартирѣ находили пріютъ иностранные писатели, пріѣзжавшіе въ Россію для изученія ея быта. Такъ здѣсь жилъ профессоръ Collège de France, славяновѣдъ Луи Леже, описавшій свое пребываніе у М. Н. Капустина въ своей книгѣ «Etudes Slaves». Затѣмъ въ теченіе трехъ лѣтъ прожилъ въ квартирѣ М. Н. Капустина въ Ярославлѣ англичанинъ, корреспондентъ газеты «Times» сэръ Дональдъ Макензи Уаласъ, написавшій здѣсь свое двухтомное сочиненіе о Россіи подъ заглавіемъ «Russia», переведенное на всѣ европейскіе языки и выдержавшее нѣсколько изданій. Сэръ Дональдъ Макензи Уаласъ, вернувшись въ Англію, былъ назначенъ секретаремъ къ вице-королю Индіи лорду Деферину, а въ настоящее время состоитъ однимъ изъ редакторовъ газеты «Times» и живетъ въ Лондонѣ.

Отзывчивость къ людямъ со стороны М. Н. Капустина не ограничивалась лицами выдающимися, но была одинакова и къ тѣмъ, которыя, не выдѣляясь изъ общаго уровня, обнаруживали стремленіе сдѣлать доброе дѣло. Такъ въ Ярославлѣ М. Н. Капустинъ съ большой энергіей оказалъ содѣйствіе престарѣлой дамѣ П. А. Соболевой, задумавшей въ 1876 году учредить въ этомъ городѣ пріютъ для болгарскихъ дѣвочекъ, оставшихся сиротами во время послѣдней русско-турецкой войны. Предсѣдатель Славянскаго благотворительнаго общества въ Москвѣ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ чрезъ своихъ агентовъ въ Болгаріи доставилъ въ Ярославль дѣвочекъ-болгарокъ, которыя были торжественно встрѣчены преосвященнымъ ярославскимъ архіепископомъ Іоанафаномъ и мѣстными властями. Жители Ярославля долго ходили толпами въ «болгарскій пріютъ» посмотрѣть на дѣтей, приносили имъ угощеніе и свой ласковый привѣтъ.

Нѣсколько мѣстныхъ ярославскихъ жителей соединились подъ руководствомъ М. Н. Капустина и учредили исправительный пріютъ для малолѣтнихъ преступниковъ.

Студенты Демидовскаго лицея устраивали любительскіе спектакли, и М. Н. Капустинъ привозилъ имъ для этого изъ Москвы литографи-

рованныя изданія новыхъ пьесъ. Такъ комедія Островскаго «Блажь» [1]) была поставлена на сценѣ Ярославскаго городскаго театра благодаря участію и содѣйствію директора лицея.

М. Н. Капустинъ былъ инціаторъ устройства въ Ярославлѣ въ половинѣ 70-хъ годовъ «народныхъ чтеній съ туманными картинами», которыя тогда только-что начинали вводиться, а въ настоящее время примѣняются почти повсюду.

Дѣятельность М. Н. Капустина, какъ профессора Московскаго университета, слишкомъ хорошо извѣстна изъ воспоминаній о немъ, помѣщенныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1900 годъ, чтобы нужно было на ней останавливаться въ настоящей замѣткѣ.

Отмѣченная здѣсь отличительная черта въ характерѣ М. Н. Капустина, его отзывчивость къ людямъ,—нашла яркое выраженіе въ одной изъ его ежегодныхъ актовыхъ рѣчей, произносимыхъ 30-го августа въ Демидовскомъ лицеѣ, когда онъ, привѣтствуя студентовъ, приводилъ слова поэта:

Здравствуй, племя молодое, незнакомое!..

М. Н. Капустинъ скончался 11-го ноября 1899 г., и теперь настала пора для этого нѣкогда «молодаго и незнакомаго племени» принести свое спасибо человѣку, столь отзывчиво относившемуся къ запросамъ нашей русской дѣйствительности, смыслъ и значеніе которой онъ старался раскрыть тѣмъ иностраннымъ изслѣдователямъ, которые изучали современную Русь...

Письма М. Н. Капустина Александру Александровичу Борзенко.

1.

23-го декабря 1885 г.
Дерптъ.

Еще разъ въ нынѣшнемъ году хочется поблагодарить васъ за дружескія чувства, которыя вы мнѣ выказывали постоянно и которыми я привыкъ дорожить. Ваше послѣднее письмо пришло почти въ тотъ день, когда пріѣхалъ Д. В. Пенскій [2]),—и мы, конечно, много говорили о васъ.

Душевно радуюсь добрымъ перемахамъ въ вашей жизни. Когда сидишь въ теплѣ, то отъ воспоминаній о претерпѣнномъ холодѣ становится еще теплѣе. Помогай вамъ Богъ,—и да представляетъ вамъ бу-

---

[1]) Была напечатана въ „Отечественныхъ Запискахъ“ въ 1881 г. Кн. 3-я.

[2]) Дмитрій Васильевичъ Пенскій сынъ члена редакціонной коммиссіи по выработкѣ Положенія объ освобожденіи крестьянъ 19-го февраля 1861 г.

дущее отраду и спокойствіе. Жена моя, находящаяся теперь въ Даксѣ (Dax, Landes), гдѣ она лѣчится водами, поручаетъ мнѣ передать вамъ ея привѣтъ, на новый годъ; зная, что ее интересуетъ все, что до васъ касается я писалъ ей о вашей новой дѣятельности и о томъ, что вы вспомнили о ней.

О своей дѣятельности писать не стану. Вы знаете изъ газетъ, какую историческую эпоху переживаетъ здѣшній край. Не по силамъ и не по годамъ выпала мнѣ на долю тяжелая работа. Но я исполню обѣщаніе, данное мною государю,—всего себя отдать возлагаемому имъ на меня дѣлу. Вы не повѣрите, какое счастіе слышать изъ его устъ царскую русскую волю,—и на сколько ободряетъ это слово, проникнутое сознаніемъ силы и отвѣтственности. Онъ выслушиваетъ всякую подробность и поражаетъ своимъ яснымъ рѣшеніемъ каждаго вопроса. Вы знаете, что около 2.000 сельскихъ лютеранскихъ училищъ передано въ наше вѣдѣніе. На что не рѣшался императоръ Николай съ своею желѣзною волею и при энергичномъ министрѣ Уваровѣ, то понялъ и не задумаясь приказалъ исполнить намъ Богомъ данный царь». «Да вѣдь это необходимо,—а потому и думать нечего; я васъ прошу представить мнѣ, какъ привести въ исполненіе это дѣло,.а самое дѣло я рѣшилъ». Вотъ какъ совершается исторія.

Не боюсь обвиненій въ неделикатности и просто прошу васъ: помогите собрать сколько возможно денегъ. Въ будущемъ году исполнится 100 лѣтъ городскимъ училищамъ Екатерины. Нужно жить въ этомъ краѣ, чтобы понять все важное значеніе великой императрицы. Ея дѣятельность здѣсь напоминаетъ чудныя мозаическія работы: въ теченіе долгаго времени онѣ закрашивались плохими картинами; но когда царственный художникъ началъ очищать ихъ,—во всей красѣ предстала дивная кисть геніальной царицы. Не даромъ балты[1]) не могутъ произносить равнодушно ея имя. И вотъ чувствуется потребность учредить стипендіи въ русскомъ Екатерининскомъ городскомъ училищѣ въ Ригѣ. Пусть москвичи помогутъ сколько Богъ на душу положитъ. На одну стипендію нужно 500 руб. Припоминаю, какъ въ Ярославлѣ вы собирали на добрыя дѣла: за недостаткомъ денегъ вамъ давали часы,—такъ вы умѣли раздуть огонь искры добра въ сердцахъ. Не откажите и теперь потрудиться для составленія стипендіи для «воспитанія латышей» въ русскомъ училищѣ и слѣдовательно въ любви къ Россіи. Эти стипендіи,—одна изъ звеньевъ той исторической цѣпи, которой окраины Россіи связываются съ Москвою. Дай вамъ Богъ успѣха. Именемъ покойнаго Юр. Ѳед. Самарина прошу васъ послужить русско-латышскому дѣлу.

Будьте благополучны въ новомъ году. Обнимаю, душевно преданный М. Капустинъ.

---

[1]) Т. е. жители балтійскаго края.

2.

2-го января 1886 г.
Ревель.

Въ новомъ году здравствуйте, многоуважаемый Александръ Александровичъ. Искренне благодарю васъ за то, что откликнулись на мою просьбу, но мои желанія гораздо скромнѣе, чѣмъ вы думаете. Я полагалъ просто, что въ теченіе полугода вы можете собрать среди вашихъ знакомыхъ и кліентовъ рублей 200 на стипендію отъ Москвы. По всему вѣроятію, во всей Россіи будутъ учреждаться стипендіи въ память 100-лѣтія Екатерининскаго указа о городскихъ училищахъ; наше право въ этомъ случаѣ одно: при мнѣ нѣмецкія училища стали преобразовывать въ русскія, и слѣдовательно только черезъ сто лѣтъ приведенъ въ исполненіе Екатерининскій указъ.

Что касается училища въ Ригѣ, то оно основано было въ 1789 г. и имѣло характеръ начальнаго; городскимъ стало въ 1874 г. Въ немъ 250 учениковъ, т. е. столько, сколько можетъ вмѣстить домъ.

Едва-ли согласятся въ Москвѣ дать концертъ въ пользу забытой окраины Россіи. Одинъ только покойный Ю. Ѳ. Самаринъ понималъ значеніе этого края и отдавалъ ему свой трудъ и свои матеріальныя средства. Съ тѣхъ поръ Москва узнаетъ о латышско-эстонской окраинѣ только по корреспонденціямъ «Руси».

Такъ вотъ, добрый Александръ Александровичъ, какъ скромны мои желанія и надежды. Стипендія собственно въ Ригѣ требуетъ капиталъ въ 500 рублей (плата за ученіе 25 руб.), а въ прочихъ городахъ 300 рублей и даже 200. Лично для меня дорогъ отзывъ Москвы по поводу какого бы то ни было училища. Обѣщать награду за пожертвованіе я не въ правѣ, да и не въ моихъ это убѣжденіяхъ. Ваши товарищи по профессіи, знакомые и нуждающіеся въ васъ, если захотятъ дать по 3 или по 2 рубля, такъ и наберется 200 или 300 рублей.

Я пріѣхалъ въ Ревель дня на четыре, чтобы отдохнуть въ русскомъ кружкѣ кн. Шаховскаго и ближайшихъ сотрудниковъ; между послѣдними есть сынъ ярославскаго Калачева.

Князь окружилъ себя людьми, такъ или иначе связанными съ Москвой и съ центральной Россіею.

Еще разъ благодарю за отзывчатость къ моей мысли. Желаю успѣха во всѣхъ дѣлахъ вашихъ, крѣпко жму руку. Искренне преданный М. Капустинъ.

3.

18-го января 1886 г.
Дерптъ.

Очень вамъ благодаренъ за участіе къ моей мысли о стипендіи для городскихъ училищъ. Конечно, концертъ далъ бы возможность учре-

дить ихъ нѣсколько и служилъ бы выраженіемъ сочувствія Москвы къ новому направленію правительственной политики въ здѣшнемъ краѣ. Мнѣ Господь судилъ на закатѣ дней поработать русскому дѣлу,—и всякое сочувственное слово изъ Россіи даетъ мнѣ бодрость и силу. Высказанное вами предложеніе я обдумаю и стану дѣйствовать сообразно съ этимъ. Отъ скромныхъ плановъ, съ которыхъ я началъ, приходится перейти къ болѣе широкимъ. Да и дѣло расширяется: 1-го іюля я преобразовывалъ восемь нѣмецкихъ училищъ въ русскія и открылъ два новыхъ. Ничего даже подходящаго еще не бывало. Но не успѣешь открыть русское училище, какъ оно переполняется, и приходится строить новый домъ. Голова кругомъ идетъ.

Обращаясь къ вашему личному вопросу, скажу прежде всего, что вы обратились къ плохому совѣтчику. Я не знаю ничего лучше профессорства, а потому всегда и всякому посовѣтую принять мѣсто профессора. Вы поставлены въ благопріятныя условія; не будучи обязаны писать ради денегъ, вы можете работать спокойно ради науки и студентовъ. Не думаю, чтобы адвокатура доставила вамъ столько нравственнаго удовлетворенія, сколько даетъ научная работа. Въ настоящее время, когда я оторванъ отъ науки, я съ особенной силой чувствую лишеніе и готовъ бы промѣнять мое попечительство на каѳедру. Но можетъ быть вы нашли другой болѣе сильный интересъ. Я такого не знаю, а потому скажу не колеблясь: идите на каѳедру; ничто съ ней не можетъ сравняться. Вы теперь перебродили, улеглись,—а потому стали много сильнѣе прежняго. Успѣхъ дѣла для васъ обезпеченъ.

Я писалъ вамъ изъ Ревеля, гдѣ провелъ первые дни новаго года.

Еще разъ благодарю, крѣпко жму руку, преданный М. Капустинъ.

4.

3-го декабря 1887 г.
Рига.

Въ виду возможнаго преобразованія Дерптскаго юридическаго факультета изъ нѣмецкаго въ русскій, я хотѣлъ бы знать, какими силами могло бы располагать правительство при этой реформѣ.

Поэтому обращаюсь къ вамъ съ вопросомъ: согласились ли бы вы и при какихъ условіяхъ занять каѳедру въ Дерптскомъ университетѣ. Я полагаю, что по вашей спеціальности вы могли бы читать не только гражданское право, но также римское и судопроизводство. Бросьте адвокатуру и возвращатесь на каѳедру; здѣсь ваше настоящее мѣсто.

Буду ожидать отвѣта. Мнѣ пріятно думать, что намъ предстоитъ снова совмѣстная работа.

Искренно преданный и уважающій М. Капустинъ.

*

5.

24-го декабря 1887 г.
Рига.

Благодарю васъ, любезный Александръ Александровичъ, за ваши сочувственныя письма, пожеланія и поздравленія. Поздравляю васъ съ новымъ годомъ, въ теченіе котораго я надѣюсь подвинуть ввѣренное мнѣ дѣло.

Въ предполагаемомъ преобразованіи Дерптскаго юридическаго факультета я разсчитывалъ на ваше содѣйствіе не по всѣмъ поименованнымъ мною каѳедрамъ, но по одной изъ нихъ,—въ которой раньше другихъ окажется надобность. Въ виду того, что въ октябрѣ будущаго года вводится судебная реформа въ прибалтійскихъ губерніяхъ, а въ январѣ 1889 года открываются суды, я полагаю, что придется прежде всего подумать о судопроизводствѣ гражданскомъ. Профессоръ римскаго права старикъ Мейковъ готовъ читать по-русски, но его годы и здоровье не позволятъ ему работать долго.

Я вспоминаю о жизни въ Дерптѣ не безъ удовольствія. Моими лучшими друзьями были иностранцы. Это люди науки, очень пріятные и сближащіеся съ русскими. Я старался и стараюсь увеличить ихъ число,— чтобы лишить университетъ его балтскаго характера.

Если не произойдетъ чего-либо непредвидѣннаго, то приблизительно около 10-го января думаю быть въ Петербургѣ. Надѣюсь, тамъ увидимся и переговоримъ подробнѣе.

Еще разъ будьте благополучны въ новомъ году. Крѣпко жму руку, преданный М. Капустинъ.

6.

14-го мая 1888 г.
Рига.

...Моя война не прекращается и не ослабѣваетъ. Я представлялъ оффиціально о здѣшнемъ положеніи дѣлъ, которое можетъ быть измѣнено только радикальными мѣрами. Учебное вѣдомство пошло въ авангардѣ; но до сихъ поръ le gros de l'armée не подходитъ ему на помощь: и полиція и судъ плетутся медленно и сдѣлали длинный привалъ. Въ Ригѣ я сообщилъ бы вамъ не мало интересныхъ вещей не по гражданскому, а по государственному праву.

Увеличеніе платы со студентовъ Дерптскаго университета съ 20 до 50-ти рублей высочайше утверждено. Новый доходъ министръ предполагаетъ обратить на усиленіе русскаго преподавательскаго персонала.

Будьте благополучны. Крѣпко жму руку. До свиданія! Уважающій я преданный М. Капустинъ.

P. S. Поѣздки въ Петербургъ мнѣ не миновать. На-дняхъ представилъ записки о такихъ важныхъ вопросахъ, что, вѣроятно, министръ захочетъ объясниться лично.

7.

3-го января 1889 г.
Рига.

Благодарю васъ за добрую память и поздравленія. Отъ души желаю вамъ добраго года и успѣховъ во всемъ.

Пасквильную нѣмецкую книгу я читалъ еще лѣтомъ и свою біографію показывалъ Софьѣ Николаевнѣ [1]); мы оба посмѣялись тому, какъ вѣрно изображена она и я. Меня давно уже не сердятъ подобныя выходки «культурныхъ» балтовъ. Авторы подобныхъ книгъ суть коллективныя лица; мои доброжелатели изъ балтовъ даютъ матеріалы какому-нибудь нѣмецкому писакѣ, который выпускаетъ въ свѣтъ свое грязное издѣліе. Сердиться на это не приходится. Въ этомъ нужно видѣть признакъ отчаяннаго положенія балтійскаго дѣла, для защиты котораго прибѣгаютъ къ клеветѣ и брани. Въ сущности это указываетъ на успѣхъ русскаго дѣла. Съ этой точки зрѣнія книга тѣмъ пріятнѣе для насъ, чѣмъ она злѣе. Надѣюсь, что меня обвинятъ еще въ воровствѣ и убійствѣ по мѣрѣ того, какъ русскій языкъ будетъ вводиться въ бо̀льшее число училищъ; уголовный кодексъ еще не весь исчерпанъ. Когда дѣлаешь общественное дѣло, — нужно быть готовымъ на всякія непріятности.

Я прожилъ въ Петербургѣ болѣе двухъ мѣсяцевъ и возвратился сюда въ концѣ декабря, передъ самыми праздниками. Теперь занятъ тѣмъ, чтобы подвинуть русское дѣло и вызвать новую біографію свою въ какой-нибудь нѣмецкой книгѣ.

Я между прочимъ согласился принять на себя званіе предсѣдателя юридической испытательной коммиссіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Работа начнется въ августѣ или въ сентябрѣ. По этому поводу мнѣ придется, вѣроятно, сдѣлать еще поѣздку въ Петербургъ ранѣе марта мѣсяца, который проведу тамъ же. Мартъ посвящу главнымъ образомъ вопросу объ университетѣ. Буду очень радъ, если ваша поѣздка въ столицу совпадетъ съ моимъ пребываніемъ въ ней.

Еще разъ отъ души желаю счастливаго года, преданный М. Капустинъ.

---

[1]) Супруга М. Н. Капустина, урожденная Топорова, профессора-медика въ Московскомъ университетѣ.—Вслѣдствіе болѣзни она жила почти постоянно за границей и скончалась въ 1891 году.

8.

8-го февраля 1891 года. С.-Петербургъ.

Отъ души благодарю васъ, любезный Александръ Александровичъ, за ваше вниманіе по дѣлу о напечатаніи отвѣта Трейланда [1].

Но вышло не то, что я ожидалъ. Я попросилъ С. А. Петровскаго [2]) исключить все, что касается автора письма Трейланда. Я знаю его по дѣятельности въ Дерптскомъ округѣ; да при томъ никакихъ тенденцій онъ провести не можетъ, такъ какъ живетъ въ Ригѣ и завѣдуетъ только училищами города Риги на глазахъ у директора народныхъ училищъ и попечителя. Меня интересовало дѣло, а не Трейландъ, а между тѣмъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» едва-ли не главное мѣсто отведено Трейланду. Появись корреспонденція изъ Риги въ то время, когда я былъ дерптскимъ попечителемъ, я не просилъ бы печатать опроверженіе ея; теперь я просилъ о томъ изъ уваженія къ новому попечителю. Очень сожалѣю, что вмѣсто указанія С. А. Петровскому, какія страницы слѣдовало бы исключить, я не вырѣзалъ этихъ страницъ.

Вопросъ сводится къ тому,—можно ли безграмотнаго инородца начать обучать прямо русскому чтенію. По этому вопросу я велъ переписку съ попечителемъ Кавказскаго учебнаго округа; затѣмъ для опыта давалъ маленькихъ латышей въ обученіе русскимъ учителямъ, не знавшимъ по-латышски. И переписка, и опыты привели къ отрицательному отвѣту. Попробуйте безграмотнаго русскаго, не знающаго ни слова по-французски, обучать читать по-французски. Балты испробовали всѣ пріемы учить латышей по-нѣмецки, и они начинали съ латышской грамоты.

Кто бы ни былъ рижскій корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей», онъ не понимаетъ устройства начальной школы и пріурочиваетъ ее къ гимназіи, съ раздѣленіемъ на классы и проч. Онъ говоритъ о 5-ти русскихъ училищахъ въ округѣ, когда я въ 1883 году нашелъ ихъ до 10-ти и, конечно, не закрылъ ни одного. Самый добросовѣстный корреспондентъ можетъ ошибаться и по невѣрнымъ свѣдѣніямъ даже ска-

---

[1]) Трейландъ считалъ цѣлесообразнымъ сохранить преподаваніе въ народныхъ училищахъ для латышей на латышскомъ языкѣ, который они знаютъ, и не вводить преподаванія на русскомъ языкѣ, котораго латыши не понимаютъ. „Московскія Вѣдомости“, возражая Трейланду, требовали введенія русскаго языка въ народныя училища для латышей. М. Н. Капустинъ, въ званіи попечителя Дерптскаго (нынѣ Рижскаго) учебнаго округа, выступилъ въ защиту системы преподаванія латышамъ на ихъ родномъ языкѣ въ письмѣ отъ 8-го февраля 1891 г. А. Б.

[2]) Бывшаго издателя и редактора „Московскихъ Вѣдомостей“.

зать, будто число учениковъ въ русскихъ школахъ уменьшилось, тогда какъ я чуть не каждый годъ принужденъ былъ дѣлать надстройки въ домахъ училищныхъ,—такъ велико было ихъ число.

Если выберу время, я самъ напишу статью о прибалтійскихъ школахъ. Мнѣ предстоитъ теперь обращать въ русскія (даже) школы Петербургской губерніи, и я уже вошелъ съ ходатайствомъ о введеніи русскаго языка (въ) преподаваніе въ Колпинской учительской семинаріи, въ которой почему-то обучаютъ финновъ по-нѣмецки. Но безъ учителей-финновъ, хорошо знающихъ по-русски, ничего нельзя сдѣлать; до сихъ поръ до 60-ти школъ Петербургской губерніи остаются финскими. Въ Прибалтійскомъ краѣ у меня былъ контингентъ учителей, которыхъ давали двѣ семинаріи,—въ Дерптѣ и Гольдингенѣ. Понятно, что гораздо больше латышей, знающихъ по-русски, чѣмъ русскихъ, знающихъ по-латышски, хотя въ Рижской духовной семинаріи, въ двухъ учительскихъ семинаріяхъ и даже въ гимназіяхъ казенныхъ преподаются мѣстные языки. Къ сожалѣнію, имъ учатся только латыши и эсты. А вы не найдете ни одного барона, который не говорилъ бы по-латышски или по-эстонски. Въ третьемъ году предводитель дворянства баронъ Мейендорфъ на латышскомъ пѣвческомъ празднествѣ произнесъ рѣчь по-латышски; почетный мировой судья графъ Сиверсъ, въ Венденѣ, переводитъ прочимъ судьямъ все, что говорятъ тяжущіеся. А мы всѣ въ нашихъ рѣчахъ и архіерей въ своихъ проповѣдяхъ принуждены останавливаться на каждой точкѣ и ждать, пока сказанное будетъ изложено переводчикомъ по-латышски. Будущее поколѣніе заговоритъ по-русски, но этого можно достигнуть только при помощи учителей, знающихъ по-латышски, то-есть при настоящихъ условіяхъ при помощи латышей, которые прошли курсъ нашей семинаріи, гдѣ кромѣ русскаго языка усвоили себѣ и русское міровоззрѣніе. Тотъ же образъ дѣйствія предстоитъ мнѣ и здѣсь по отношенію къ финской школѣ. Пока у меня не будетъ учителей-финновъ, хорошо владѣющихъ русскимъ языкомъ и проникнутыхъ русскимъ чувствомъ, нельзя ни къ чему приступить.

Извиняюсь за многорѣчіе въ дѣлѣ, васъ мало можетъ быть интересующемъ, но для меня жизненномъ. Защищать кого бы то ни было или обвинять въ ущербъ дѣлу не слѣдуетъ. Также не слѣдуетъ вѣрить слухамъ, исходящимъ отъ всякаго недовольнаго или обманувшагося въ своихъ ожиданіяхъ русскаго. Мнѣ приходилось слышать упреки, что я не давалъ мѣстъ невѣжественнымъ или еще хуже русскимъ, но если бъ я поступалъ иначе, то уронилъ бы русское дѣло, какъ это было когда-то въ Варшавѣ, благодаря собиравшимся тамъ подонкамъ русскаго общества. Едва-ли газета должна служить орудіемъ жалобъ недовольныхъ, которые выступаютъ только съ выраженіемъ своего личнаго чувства.

Еще разъ извиняюсь за многорѣчивость. Д. В. Пенскаго я ожидалъ,

судя по его письму, на прошлой недѣлѣ. Вѣроятно, онъ остался до свадьбы М. М. Катковой.

Крѣпко жму руку, преданный М. Капустинъ.

9.

7-го сентября 1891 г. С.-Петербургъ.

Благодарю васъ, любезный Александръ Александровичъ, за доброе участіе въ моемъ здоровьи. Дѣйствительно, я простудился въ послѣдніе дни, но надѣюсь, это скоро пройдетъ. На будущей недѣлѣ собираюсь начать чтеніе лекцій по энциклопедіи права въ училищѣ Правовѣдѣнія. Думаю, что это мнѣ послужитъ отдыхомъ и освѣженіемъ при моихъ бумажныхъ работахъ. Училище Правовѣдѣнія возложило на меня общее наблюденіе за преподаваніемъ юридическихъ наукъ; преподавателями же состоятъ Пахманъ, Таганцевъ и подобные тузы. Я назначенъ членомъ совѣта училища.

Отъ Топорова сейчасъ получилъ письмо изъ Эмса; онъ останется за границею еще довольно долго; проситъ писать въ Парижъ poste restante.

Еще разъ благодарю за любезное письмо. Уважающій и преданный М. Капустинъ.

10.

21-го апрѣля 1892 г. С.-Петербургъ.

Благодарю васъ, любезный Александръ Александровичъ, за то, что не забываете меня. Я получилъ три ваши брошюры и порадовался, что энергія ваша не ослабѣваетъ. Надѣюсь, что у васъ совершенно изгладилось изъ памяти нападеніе, сдѣланное кѣмъ-то въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Я пожалѣлъ о томъ, что вы приняли этотъ случай горячо къ сердцу. Разъ вступаешь на поприще общественной дѣятельности,— нужно быть готовымъ ко всякаго рода непріятностямъ и уколамъ. Всѣ испытываютъ подобное, а иногда бываетъ и хуже: по поводу общественнаго дѣла забираются въ вашу частную жизнь. Я увѣренъ, что вся бывшая исторія не оставила въ васъ и слѣда горечи. Я не получаю «Русское Обозрѣніе», но если не ошибаюсь, присланныя вами брошюры были напечатаны въ этомъ журналѣ.

О себѣ не имѣю сообщить вамъ ничего новаго. Работаю по-прежнему; но дѣло наше здѣсь такого рода, что трудно замѣтить его ростъ. А рости оно можетъ не внѣшними мѣропріятіями, а оживленіемъ дѣятелей и ихъ сердечнымъ участіемъ къ тому, чему они служатъ.

Боюсь сказать съ увѣренностью, но кажется, здоровье мое улучшилось, по крайней мѣрѣ, я выѣзжаю изъ дому ежедневно, и не только по дѣламъ. На-дняхъ, былъ на пріемѣ у французскаго посла, на экономическомъ обѣдѣ и проч. Недѣли черезъ три собираюсь выѣхать за границу, чтобы 18-го мая, въ годовщину смерти жены, быть въ Парижѣ. Дм. Вас. Пенскій уѣхалъ туда еще на пятой недѣлѣ поста и покинулъ меня въ одиночествѣ.

На-дняхъ видѣлъ здѣсь П. Н. Топорова. Удивительные люди на свѣтѣ. Вы устроили его дѣло скоро и отлично; а онъ все ворчитъ на что-то. Или въ самомъ дѣлѣ, такъ трудно разставаться съ маленькими деньгами, даже въ томъ случаѣ, когда нежданно-негаданно падаютъ съ неба большія суммы? Подите, разберитесь въ человѣческой душѣ!

Что вы думаете дѣлать лѣтомъ? Предпочтете ли знойный край Россіи или чужія страны? По обстоятельствамъ, у меня оказывается недвижимость во Франціи: при жизни жены я началъ строить домъ въ Эксѣ, и теперь онъ приходитъ къ концу. Тамъ же я располагаю провести разрѣшенное мнѣ время вакацій. Думаю въ концѣ іюля пріѣхать въ Москву на конгрессъ; мало имѣю надежды застать васъ тамъ.

Желаю всего лучшаго и прошу вѣрить искреннему уваженію, преданный М. Капустинъ.

11.

28-го августа 1892 г. С.-Петербургъ.

Радуюсь вашему оживленію и стойкой работѣ, любезный Александръ Александровичъ. Откровенно говоря, я не вполнѣ раздѣляю ваши взгляды на литературную собственность: это особый міръ отношеній, который еще сравнительно недавно получилъ имущественный характеръ. Здѣсь входитъ новый элементъ: имя, репутація, слава. Слабое произведеніе знаменитости цѣнится выше хорошаго, вышедшаго изъ-подъ пера неизвѣстнаго писателя. А какъ пріобрѣтается имя и слава? Критики участвуютъ въ увеличеніи цѣнности, и по справедливости на ихъ долю должна бы приходиться значительная часть барышей. Наибольшую матеріальную выгоду приносятъ не наиболѣе художественныя произведенія. Сквозь все юридическое построеніе литературной собственности проходитъ мысль о славѣ, объ имени, о происхожденіи. Стоитъ сказать, что я излагаю мысли такого-то, и я могу воспроизводить чужое. Если бъ у меня былъ геніальный сынъ, я требовалъ бы, чтобы всѣ признавали меня его отцомъ, я требую также, чтобы никто не позорилъ моего отца, хотя бы умершаго. Но трудно юридически мыслить оба отношенія, какъ собственность. Очевидно, что римское право пасуетъ въ этой области.

Вопросъ о нѣмецкомъ вліяніи въ нашей школѣ крайне интересный,

но требующій большаго изученія. Необходимо ознакомиться со всей исторіей нашихъ училищъ и нашей педагогики. Объ этомъ писано много. Насъ учили исключительно нѣмцы; они засѣли въ Россіи давно и сидятъ до сихъ поръ. Замѣчательно, что наши сатирики, начиная съ фонъ-Визина и Грибоѣдова, сражались противъ французскаго вліянія, которое никогда не было глубокимъ; изъ нѣмцевъ только колбасники вызывали насмѣшки на сценѣ. А между тѣмъ они, втихомолку пользуясь то нашею борьбою съ католицизмомъ, то нашимъ страхомъ нигилизма, заняли прочно мѣста и, какъ землевладѣльцы, и какъ чиновники, и какъ педагоги. Въ послѣднихъ книжкахъ «Русской Школы» напечатаны статьи Демкова о задачахъ русской педагогики, изъ которыхъ видно наше раболѣпіе передъ Германіею. Шмидтъ въ своей книгѣ «Исторія учебныхъ заведеній въ Россіи», изданной на счетъ нашего министерства, съ торжествомъ рисуетъ господство Германіи; да и до сихъ поръ въ каждой запискѣ Г—аго по учебнымъ вопросамъ на каждой страницѣ есть ссылка на Германію. Шальная фраза Бисмарка о томъ, что побѣдилъ школьный учитель, сбила насъ еще болѣе съ толку. Подражательныя французскія платья давно износились, а подражательное нѣмецкое воспитаніе все идетъ въ глубь и пускаетъ корни. Я началъ въ Петербургѣ борьбу противъ нѣмецкой школы безъ надежды на успѣхъ. Очень былъ бы радъ дать вамъ матеріалъ, но по его безграничности желалъ бы имѣть вопросы. Въ моей канцеляріи есть не мало бумагъ, мною писанныхъ, которыя рисуютъ положеніе дѣла. Искренно преданный М. Капустинъ.

12.

16-го ноября 1892 г. С.-Петербургъ.

Любезный Александръ Александровичъ, я былъ увѣренъ, что отвѣчалъ на ваше послѣднее письмо, и очень смутился тѣмъ, что, пересматривая свою корреспонденцію, нашелъ его въ числѣ lettres à repondre. Прошу великодушно извинить меня.

Вы желали бы ѣхать въ Чикаго, имѣя оффиціальное положеніе. Если вы не будете просить денегъ, то дѣло легко устроится. Но петербуржцы очень не любятъ уступать кому-либо доступъ къ казенному сундуку. Въ министерствѣ финансовъ выставка поручена Глуховскому. Это—московскій студентъ, котораго я знаю и встрѣчаю у общихъ знакомыхъ Бобриковыхъ. Въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ у меня также знакомые. Если вы пріѣдете сюда, то, вѣроятно, ваше желаніе исполнится, только приступайте къ дѣлу, предпославъ ему заявленіе, что вы денегъ не просите.

Что вы подѣлываете? Я все мечтаю объ Эксѣ, хотя рѣшительнаго шага для переселенія туда еще не сдѣлалъ. Впрочемъ, ни отъ кого не скрываю, что провожу послѣднюю здѣсь зиму, и объявилъ хозяйкѣ дома, въ которомъ живу, что моя плата за квартиру—до 20-го апрѣля—есть последняя. Мой министръ это чуетъ и старается предотвратить, но я въ своемъ рѣшеніи твердъ. Хуже Петербурга трудно себѣ представить что-нибудь. Здѣсь стекаются всѣ мерзости до-петровской и послѣ-петровской Руси, да навезено не мало гадостей изъ Берлина. Я буду считать счастливымъ тотъ день, когда брошу прощальный и презрительный взглядъ на это болото.

Очень бы хотѣлось побывать въ Москвѣ, хотя бы на праздникахъ; но не знаю, удастся ли это.

Здоровье мое такъ себѣ. И то хорошо, что не хуже прежняго. Авось протяну зиму.

Дм. Вас. Пенскаго я не ожидаю сюда. Онъ сидитъ въ Парижѣ. Недавно разыскивалъ брошюру Ціона, но таковой не оказалось; она напечатана въ 3-хъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ посланъ государю, а два остались у автора.

Завтра хоронимъ москвича Галахова.

Буду радъ получить отъ васъ вѣсточку. Крѣпко жму руку, преданный М. Капустинъ.

13.

18-го января 1893 г.

Въ новомъ году здравствуйте, любезный Александръ Александровичъ. Благодарю васъ за то, что вы балуете меня вашими письмами. Они словно дѣлаютъ меня моложе и бодрѣе: ваша энергія передается и мнѣ. Замѣтку о быстроходныхъ судахъ я передамъ нашему главному агенту выставки Н. И. Глуховскому. Онъ собирается въ февралѣ въ Чикаго и безъ ужаса не можетъ вспомнить о переѣздѣ въ Америку, который ему пришлось уже дѣлать одинъ разъ. Сокращеніе пути утѣшитъ его.

Петербургъ устроенъ чудно. Никакого особеннаго дѣла я не дѣлаю, а время уходитъ все безъ остатка. Впрочемъ эти дни я предсѣдательствую, по волѣ государя, въ коммиссіи для разбора англійскихъ жалобъ по поводу нашего захвата Канадскихъ шкунъ, занимавшихся ловлею котиковъ. Членами коммиссіи—делегаты отъ трехъ министерствъ (иностранныхъ дѣлъ, морскаго и государственныхъ имуществъ, по два отъ каждаго), и я имѣю случай наблюдать нашу правительственную машину. Каждое министерство критикуетъ два другія и на нихъ сваливаетъ всю вину. Засѣданія коммиссіи негласныя, да и сама коммиссія дер-

жится въ секретѣ. Вопросъ самъ по себѣ интересный, и я еще не на столько состарился, чтобы равнодушно относиться къ дѣлу и не желать научиться чему-нибудь.

Небеса повидимому милостивѣе къ намъ, чѣмъ къ москвичамъ. Здѣсь наступила почти итальянская зима. Впрочемъ, въ письмахъ изъ Парижа описывается ужасъ холодовъ, особенно чувствительныхъ при отсутствіи хорошихъ печей.

Я теперь печатаю свои лекціи по энциклопедіи для воспитанниковъ училища Правовѣдѣнія. Эта работа мнѣ по душѣ.

Подаю признаки жизни и въ округѣ. Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и въ другихъ газетахъ перепечатанъ былъ мой циркуляръ объ единицахъ, при чемъ по ошибкѣ онъ приписанъ министру. Въ педагогическомъ мірѣ циркуляръ возбудилъ много толковъ,—во всякомъ случаѣ вызвалъ оживленіе, а мнѣ именно это и нужно. Очень ужъ соннымъ стало педагогическое царство; куда ни посмотришь—вездѣ спящія дѣвы.

Не теряю надежды, что нынѣшній учебный годъ будетъ для меня послѣднимъ и что я получу желанную свободу. Право, пора.

Желаю отъ души добраго года. Для себя прошу прежняго расположенія и былъ бы очень радъ принять васъ въ Эксѣ въ своемъ домѣ; тамъ есть для васъ комната, которая вамъ понравится. Крѣпко жму руку, вашъ искренній М. Капустинъ.

14.

3—6-го апрѣля 1893 г. С.-Петербургъ.

Благодарю васъ, любезный Александръ Александровичъ, за добрую память и поздравленіе. Отъ всей души желаю вамъ свѣтлыхъ и радостныхъ дней. Очень желалъ бы, чтобы вашъ путь въ Чикаго лежалъ на Петербургъ въ то время, когда я буду здѣсь. А остаюсь я въ Петербургѣ до конца мая. Затѣмъ уѣду въ Эксъ и Парижъ, а что предприму для себя потомъ, пока не знаю. Недавно въ фельетонѣ «Новаго Времени» наткнулся на вѣрную антитезу. Авторъ говоритъ о томъ, что каждый французъ работаетъ, пока есть силы, и затѣмъ идетъ на отдыхъ въ качествѣ rentier; у насъ же если кому достанется казенная соска, то онъ сосетъ ее до могилы. Съ другой стороны я спрашиваю себя, н ужели каждая почтовая лошадь осуждена околѣть на перегонѣ меж станціями и не смѣетъ стать на конюшню въ старости? Всѣ подобн. мысли приходятъ мнѣ въ голову, когда я думаю о своемъ будущемъ.

Вопросъ о котикахъ меня заинтересовалъ очень. Не далѣе, ка третьяго дня, въ четвергъ, было если не послѣднее, то одно изъ посл нихъ засѣданій. Дѣло въ томъ, что по мѣрѣ того, какъ получаются

пеши и ноты англійскаго правительства, онѣ передаются намъ для составленія отвѣта на нихъ. Завтра англійскій посолъ долженъ уѣхать въ Крымъ, а потому настанетъ перерывъ въ сношеніяхъ и въ нашей работѣ. Думаю, что мы съ достоинствомъ отстаиваемъ права Россіи.

6-го апрѣля. Всѣ эти дни не удосужился взяться за перо, чтобъ окончить начатое письмо къ вамъ. Вы также посвящаете свое время международнымъ вопросамъ. Въ нашъ вѣкъ принципъ всеобщаго для всѣхъ права, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ сторонъ жизни, выдвигается все болѣе и болѣе. Помогай вамъ Богъ! Подъ старость радостно видѣть работу болѣе молодыхъ силъ. Жаль будетъ, если вы покинете Москву, какъ предполагаете. Надѣюсь, что отсутствіе ваше продлится нѐдолго, и что вы снова возьметесь за привычную работу. Такъ какъ вы въ іюлѣ предполагаете быть въ Лондонѣ, а я въ это время буду въ Эксѣ, то не знаю, когда увидимся, развѣ вы пріѣдете до іюня сюда; въ такомъ случаѣ у меня найдется для васъ комната. Мнѣ теперь предстоитъ терять время на антипатичные для меня экзамены. Положеніе незавидное. Округъ представляетъ собой огромный лѣсъ, требующій постоянной работы, превышающей мои силы; а кромѣ того при всякой попыткѣ проникнуть въ лѣсную чащу встрѣчаешь непроходимые завалы. Перешагнуть чрезъ нихъ нѣтъ возможности,—а въ результатѣ оказывается равнодушіе къ дѣлу. Примириться или смириться я не умѣю, а ограничиваться рукоприкладствомъ считаю безсовѣстнымъ.

Еще разъ поздравляю васъ съ праздникомъ и обнимаю, вашъ М. Капустинъ.

15.

12-го сентября 1893 г.

Любезный Александръ Александровичъ, благодарю васъ за добрую память. Въ водоворотѣ американской жизни и новыхъ впечатлѣтій вы не забывали старыхъ друзей и давали о себѣ извѣстія. Не знаю, получили ли вы мое письмо въ Парижѣ, отправленное мною по вашему указанію poste restante. Дмитрій Васильевичъ Пенскій, у котораго я провелъ іюль мѣсяцъ, не могъ мнѣ сообщить ничего объ этомъ.

Радъ очень получать отъ васъ извѣстія. Самое отрадное будетъ о томъ, что вы хотя не надолго пріѣдете въ Петербургъ и доставите удовольствіе видѣть васъ; надѣюсь, что вы остановитесь у меня. Много есть о чемъ поговорить,—о минувшемъ и о настоящемъ.

Вѣроятно, не безъ вашего участія меня избрали членомъ Literary Society. Я получилъ объ этомъ извѣщеніе въ Эксѣ и до сихъ поръ не поблагодарилъ предсѣдателя и не выслалъ 5-ти рублей. Будьте любезны сообщите мнѣ побольше подробностей объ этомъ обществѣ, чтобъ я могъ исполнить долгъ вѣжливости и сдѣлать слѣдующій съ меня взносъ.

Я провелъ лѣто по обыкновенію въ Эксѣ и въ Парижѣ. За границей чувствовалъ себя отлично; но, возвратившись въ Петербургъ въ половинѣ августа, попалъ на ужасную погоду, которая продолжается до сихъ поръ. Не проходитъ одного дня безъ дождя, такъ, что мы рады приближающимся холодамъ.

Дѣло мое идетъ по-прежнему. На далекое будущее разсчитывать мнѣ поздно; но не только по словамъ другихъ, но и по собственному наблюденію я убѣждаюсь въ томъ, что работа моя и въ этомъ округѣ не осталась безплодною: кое-что измѣнилось дѣйствительно къ лучшему. Но учебное дѣло такого рода, что надо долго ждать, пока взойдетъ брошенное сѣмя. Здѣсь больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, нужна увѣренность въ томъ, что останешься на мѣстѣ до времени всхода. А меня очень соблазняетъ мысль объ отдыхѣ и о полной свободѣ. Буду смотрѣть и любоваться на то, какъ другіе дѣлаютъ дѣло.

Помогай вамъ Господь во всемъ. Увидите Уолласа,—передайте ему мой поклонъ. Не теряю надежды еще видѣться съ вами и съ нимъ. Крѣпко жму руку. Вашъ М. Капустинъ.

16.

24-го декабря 1893 г. С.-Петербургъ.

Дорогой Александръ Александровичъ! Благодарю васъ за дружескія извѣщенія о себѣ. Грустно одно: вы отдаляетесь отъ Петербурга, и надежда видѣть васъ блѣднѣетъ все больше и больше.

Поздравляю васъ съ наступившими праздниками и съ новымъ годомъ; душевно желаю вамъ успѣха въ вашимъ предпріятіяхъ. Мнѣ думается, что въ Россіи нѣтъ лучшаго дѣла, какъ воспитаніе народа. Польза грамотности еще подлежитъ спору; но очеловѣченіе народа, сохраненіе въ немъ идеаловъ во всѣхъ областяхъ духа только одно можетъ укрѣпить цивилизацію противъ волны отрицанія и кровожадности звѣриной. Сколько добра можно сдѣлать на этомъ поприщѣ, — доказалъ С. А. Рачинскій своимъ примѣромъ. Вопросъ поднятъ во Франціи; «Temps» говоритъ о немъ ежедневно. Нужно только избѣгать односторонности: Рачинскій все сосредоточилъ на одной религіи.

Трепаться по разнымъ засѣданіямъ, актамъ и проч. приходится много, а настоящей работы дѣлается мало. Здоровье мое настолько [порядочно], что я выѣзжаю каждый день. Думаю, что это послѣдняя зи[ма], которую я провожу въ Петербургѣ. На-дняхъ видѣлъ Вышнеградс[каго] молодымъ и бодрымъ; онъ объясняетъ это тѣмъ, что бросилъ портф[ель] министра и даже не читаетъ газетъ, чтобы не смутить своего душевн[аго] спокойствія. Это хорошій примѣръ для многихъ, въ томъ числѣ и меня.

Благодарю за присылку членскаго билета A. R. L. Society. Пишу благодарственное письмо Казалету [1]). Отъ души желаю успѣха обществу, хотя и сомнѣваюсь, чтобъ интересъ къ нему продержался долго. Нашъ русскій языкъ для иностранцевъ неодолимъ, а знакомство съ Россіею они ограничиваютъ ея военными силами; смыслъ нашей жизни останется для нихъ еще долго загадкою. Но нельзя не привѣтствовать всякую попытку къ сближенію и къ совмѣстной работѣ.

Еще разъ благодарю за память. Вѣрьте, что я съ сердечнымъ участіемъ отношусь ко всему, что̀ васъ касается, всегда преданный М. Капустинъ.

17.

25-го декабря 1894 года. Абастуманъ.

Дорогой Александръ Александровичъ! Большое вамъ спасибо за письмо ваше. Повидимому, Одесса ближе къ Абастуману, чѣмъ Петербургъ, но письма изъ Петербурга получаются черезъ 8 дней, ваше же я получилъ на 11-й. По этому разсчету вы получите настоящія строки, когда уже привыкнете къ новому году. Прошу принять мои поздравленія и сердечныя пожеланія въ этомъ будущемъ, всегда неизвѣстномъ и своевольномъ. Надѣюсь, что не ошибусь, если буду считать извѣстнымъ ваше доброе расположеніе ко мнѣ. Я здѣсь съ 24-го ноября преподаю великому князю. Читаю ему лекціи ежедневно и нахожу въ немъ постоянно новыя привлекательныя черты характера; его доброта и привѣтливость безграничны. Кажется, онъ только и думаетъ о томъ, чтобы сдѣлать другимъ пріятное. Сто̀итъ только посмотрѣть на его глаза, чтобъ убѣдиться въ его прекрасной душѣ: это свѣтлые ласкающіе глаза, унаслѣдованные имъ отъ отца. Здоровье его видимо улучшается. Онъ доволенъ и веселъ, каждый день или ѣздитъ на охоту, или катается, или дѣлаетъ прогулки пѣшкомъ. Насъ здѣсь состоящихъ при великомъ князѣ семеро: ожидается на-дняхъ восьмой, В. О. Ключевскій, пятеро—моряки. Мы собираемся у великаго князя въ 11 часовъ за завтракомъ, въ 3 часа за предобѣденнымъ чаемъ, въ 6 часовъ за обѣдомъ. Два раза въ недѣлю сходимся вечеромъ у женатыхъ моряковъ (ихъ здѣсь двое), гдѣ происходитъ бесѣда и чтеніе въ присутствіи великаго князя.

Абастуманъ—ущелье, въ которое солнце проникаетъ часовъ на пять въ день. Но зато—солнце южное, теплое, неаполитанское (Абастуманъ подъ однимъ градусомъ съ Неаполемъ). Если бы вмѣсто пяти часовъ

---

[1]) Казалетъ учредилъ въ Лондонѣ въ 1893 году „Англо-русское литературное общество“. Мать Э. А. Казалета русская, баронесса Бодс, а отецъ англичанинъ.

солнце приходило на 15, то Абастуманъ былъ бы очаровательною station d'hiver. Но теперь приходится 19 часовъ спасаться отъ холода (который доходилъ уже до 12 градусовъ) въ картонныхъ домахъ, построенныхъ въ разсчетѣ на лѣто. Ущелье тянется версты на четыре. Это пространство застроено дачами, въ числѣ которыхъ два дворца великаго князя наслѣдника и великаго князя Александра Михаиловича. Я здѣсь останусь навѣрное до половины февраля. Что будетъ далѣе, т. е. гдѣ будетъ находиться великій князь, пока не рѣшено.

Благодарю за извѣщеніе о вашихъ новыхъ работахъ и за выражаемую готовность отозваться на просьбу о помощи и содѣйствіи. Крѣпко жму руку. Преданный М. Капустинъ.

18.

6-го іюня 1895. Петербургъ.

Любезный Александръ Александровичъ! Давно не писалъ вамъ; все ожидалъ, не могу ли сообщить вамъ что-нибудь новое о себѣ, но новаго ничего не оказывается. Живу попрежнему, да въ мои годы горизонты будущаго не могутъ быть широки. Чувствую усталость и потребность отдохнуть и съ этою цѣлью уѣзжаю за границу, гдѣ проведу два мѣсяца и буду пить воды въ Контрксевилѣ; туда направилъ меня Захарьинъ.

Вы спрашиваете меня, какое лучшее назначеніе могло бы дать дворянство своимъ средствамъ въ дѣлѣ воспитанія? Я противъ учрежденія стипендій, такъ какъ въ нашихъ пансіонахъ воспитательный элементъ отсутствуетъ, да онъ и невозможенъ при господствѣ «разночинца». Думаю, что московское дворянство поступило очень умно, устроивши свой пансіонъ-пріютъ, а теперь выговоривши себѣ право помѣщать своихъ дѣтей въ одну изъ гимназій, съ исключеніемъ лицъ прочихъ сословій. Посмотрите, какъ всѣ стремятся въ Лицей и въ училище Правовѣдѣнія, и это объясняется не правами, а составомъ учащихся. Боже меня избави затруднять образованіе низшихъ классовъ. Я самъ учредилъ на моемъ вѣку 10 стипендій, но изъ нихъ только одну въ реальномъ училищѣ; всѣ прочія въ низшихъ училищахъ для народа. Зачѣмъ ему университетское образованіе? На одного Ломоносова приходятся сотни тысячъ чиновниковъ, дѣлающихъ дѣло кое-какъ, подобно барщинѣ. Это новые крѣпостные, только во фракахъ и погоняемые къ работѣ нуждою и привычками болѣе льготной жизни. Семинаристы, двинувшіеся впередъ, благодаря латинскому и греческому языкамъ, едва-ли въ состояніи внести элементъ порядочности, мы ихъ знаемъ по Ярославлю. Поэтому дворянству слѣдуетъ позаботиться именно о воспитаніи и поддержать въ своихъ дѣтяхъ культъ всего высокаго и прекраснаго.

Вотъ вамъ искренній отвѣтъ на вопросъ о воспитанія. Я стою близко къ этому дѣлу и скорблю о немъ всею душою.

Говорю вамъ, что думаю и говорю для васъ; не придавайте моимъ письмамъ значенія статей; они никого не могутъ интересовать, кромѣ васъ; лучшаго или инаго я не имѣю въ виду. Крѣпко жму вамъ руку, душевно преданный М. Капустинъ.

19.

23-го (11-го) іюля 1896. Эксъ въ Савойѣ.

Любезный Александръ Александровичъ, пишу къ вамъ изъ города, съ которымъ для меня соединяется воспоминаніе о вашемъ пріѣздѣ для свиданія со мною. Я цѣню это выраженіе добраго чувства; думаю, что старое дерево съ привязанностью смотритъ на растущіе вкругъ него свѣжіе и сильные побѣги молодыхъ деревьевъ.

Я почти машинально пріѣзжаю сюда каждый годъ, не отдавая себѣ отчета, необходимо ли это для моего здоровья. Впрочемъ на сей разъ мои связи съ Эксомъ значительно ослабли: мнѣ удалось наконецъ, хотя и съ большимъ убыткомъ, продать свой здѣшній домъ. Не пристало намъ, русскимъ, владѣть недвижимостью за границею, да и не выгодно. Думаю купить маленькую усадьбу въ Финляндіи, чтобъ имѣть прибѣжище на лѣто.

Вы строите новые планы въ будущемъ, а я приближаюсь все больше къ тому положенію, въ которомъ, по выраженію Шербулье, on est condamné aux galères du repos. Иной разъ пробуждается энергія, но эта вспышка скоро гаснетъ, особенно если встрѣтится крупное препятствіе. Мое дѣло теперь—не самому работать, а одушевлять другихъ къ работѣ. Въ этомъ отношеніи я не могу пожаловаться, такъ какъ мнѣ удалось значительно оживить педагогическій персоналъ моего округа. Vivos voco,—и на этотъ призывъ слышится откликъ.

Радуюсь успѣхамъ созданной вами библіотеки и сочувствію. Только напрасно вы помѣщаете туда мои письма, едва-ли они могутъ имѣть какой-нибудь интересъ,—даже для моего біографа, если такой найдется послѣ моей смерти.

Съ уменьшеніемъ силъ, дѣла у меня прибавляется. Кромѣ учебнаго округа и училища Правовѣдѣнія, я согласился принять на себя завѣдываніе двумя институтами,—Маріинскимъ и Павловскимъ. Опять должна проснуться во мнѣ энергія; дѣло новое для меня и увлекательное,—нельзя не отдаться ему всѣми остающимися еще во мнѣ способностями и силами.

Завтра выѣзжаю въ Парижъ къ Дм. Вас. Пенскому. Думаю затѣмъ

недѣли двѣ пробыть въ Англіи, а послѣдній мѣсяцъ моего отпуска провести въ Эмсѣ, гдѣ хочу полѣчиться. Въ Петербургъ возвращусь около 1-го нашего сентября.

Благодарю за письмо, желаю всего лучшаго, дружески жму руку, преданный М. Капустинъ.

20.

27-го (15-го) августа 1896. Bad-Ems

ЛюбезныйАлександръ Александровичъ. Какъ видите, я уже на послѣдней станціи своей заграничной поѣздки и почти наканунѣ возвращенія въ Петербургъ. Не знаю, какое улучшеніе здоровья я привезу съ собою. Если адъ вымощенъ добрыми намѣреніями, что̀ не доказано, то мостовая на землѣ несомнѣнно состоитъ изъ надеждъ и утѣшеній. По этой мостовой и я хожу теперь, подъ неперестающимъ въ теченіе 10-ти дней дождемъ, при 8° тепла, согрѣваясь не очень горячею водою Крэнхенъ.

Когда я бываю за границею, то испытываю чувство зависти при видѣ здѣшняго культурнаго благоустройства, а еще болѣе прочныхъ нравственныхъ устоевъ. Здѣсь не боятся круглый годъ ѣсть не только коровье масло, но и самого быка; но боятся сдѣлать гадость, хотя бъ она была скрыта для всѣхъ постороннихъ глазъ. Здѣсь привыкли разсчитывать на свои силы, а не на милости и подачки со стороны; можетъ быть, иная щука и съѣстъ карася, но это не возводится въ правила жизни. Я впрочемъ никогда не кончилъ бы, еслибы продолжалъ сравненія. Теперь же мнѣ приходитъ въ голову такое размышленіе.

Мы съ вами въ порядочной мѣрѣ культурные люди, и по независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ обязаны этимъ труду нашихъ бывшихъ крѣпостныхъ, которымъ платилось за наше воспитаніе. Но не зависитъ ли отъ насъ отблагодарить за добро, намъ сдѣланное. Научили ли мы темный народъ, что страшны не мясо по средамъ и пятницамъ, даже и не чортъ, а наша совѣсть, которая требуетъ насъ къ отчету? Доказали ли мы ему, что надо уважать и любить каждаго, хотя бы то былъ и карась, и что подлость слѣдуетъ считать подлостью, а не молодечествомъ; непойманный воръ не лучше, а пожалуй и хуже пойманнаго. Помогли ли мы ему въ нуждѣ и невѣжествѣ и вывели ли на широкую дорогу труда?

Я откровенно сознаю, что не уплатилъ моего долга, и развѣ изрѣдка вношу по немъ минимальные проценты; пользуюсь же своею культурою очень широко. Вотъ и теперь былъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ, и чувствовалъ себя хорошо, пользуясь всѣми удобствами, какія завела у себя

и для себя европейская буржуазія. Все это хорошо, но не заглушаетъ упрека совѣсти.

Желаю вамъ успѣха и благополучія въ вашей поѣздкѣ вокругъ свѣта, хотя и не понимаю ея. Что вынесете вы изъ посѣщенія Азіи, кромѣ впечатлѣній мѣстностей; что привезете вы съ собою пригоднаго для русской жизни? Едва-ли много. Если искать только новаго и невидѣннаго, то лучше ѣхать съ Андрэ къ сѣверному полюсу. Меня никогда не манила чужая Азія,—по Сибири же я проѣхалъ бы съ удовольствіемъ, посмотрѣлъ бы на переселенцевъ и можетъ быть принесъ бы имъ пользу добрымъ указаніемъ.

Казалета я не видѣлъ. Онъ нездоровъ и не только не былъ въ засѣданіи Р. Л. Общества, но не принималъ у себя.

Впрочемъ пора кончить. Отъ души желаю всего лучшаго и благодарю за письмо, полученное мною въ Парижѣ. Д. Д. Пенскій шлетъ привѣтъ. Преданный М. Капустинъ.

21.

10-го января 1897. С.-Петербургъ.

Любезный Александръ Александровичъ, благодарю отъ души за добрую память и новогодній привѣтъ. Сердечно желаю, чтобъ и для васъ наступившій годъ былъ благополучнымъ и радостнымъ. Хотя я продолжаю не понимать вашего путешествія на востокъ;—но—разъ, вы рѣшились на него,—да хранитъ васъ Господь отъ всякихъ бѣдъ.

Еще гр. Уваровъ доказывалъ, что чѣмъ ближе къ намъ исторія, тѣмъ менѣе она достовѣрна. Въ интересахъ точности могу сказать, что я дѣйствительно въ теченіе двухъ дней выходилъ къ студенческой толпѣ, убѣждая ее успокоиться. Но это была толпа цивилизованная, крайне вѣжливая и почтительная. Я даже слышалъ отъ нея похвальное слово моимъ заслугамъ. Думаю, что своимъ спокойнымъ тономъ я успѣлъ утишить страсти,—во всякомъ случаѣ не дать имъ разыграться. Дѣло обошлось безъ арестовъ, безъ увольненій,—и то хорошо. Но въ Уставѣ 1884 г. есть много нездороваго, что будетъ сказываться постоянно.

О себѣ сказать почти ничего не могу. Я дожилъ до того предѣла, когда все по величинѣ кажется среднимъ, а по цвѣту сѣренькимъ. Смерть вырываетъ кругомъ людей близкихъ, и на смѣну имъ приходятъ все маленькіе люди. Количество лежащихъ на мнѣ работъ достигло крайнихъ предѣловъ,—и долженъ наступить кризисъ. Я управляю округомъ и двумя институтами, читаю лекціи въ училищѣ Правовѣдѣнія, предсѣдательствую въ административномъ отдѣлѣ юридическаго общества и въ обществѣ переселенцевъ, присутствую въ опекунскомъ совѣтѣ и

*

проч. Для всего этого мало 24-хъ часовъ въ сутки, и этимъ объясняется, почему я такъ рѣдко пишу вамъ.

Купилъ себѣ дачу въ Финляндіи и устроиваю ее для лѣтняго пребыванія. Мѣстность прекрасная и народъ культурный.

Жаль мнѣ Бор. Алексѣев. Лопухина [1]). Онъ умеръ внезапно отъ удара.

Русская журналистика изъ рукъ вонъ плоха. Она способна своими пріемами опошлить всѣ дорогія наши убѣжденія; одни журналисты бьютъ себя въ грудь и увѣряютъ, что только ими и держится Россія; другіе фиглярствуютъ и призываютъ только къ веселью. Пожалуй, послѣдніе лучше, потому что въ нихъ менѣе желчи.

Однако я затронулъ вопросъ очень широкій. Богъ съ нимъ! Еще разъ желаю всего лучшаго. Крѣпко жму руку, вашъ М. Капустинъ.

22.

25-го января 1898 г. С.-Петербургъ.

Давно собираюсь писать вамъ, дорогой Александръ Александровичъ, и поблагодарить за постоянное доброе вниманіе и память. Отъ души желаю вамъ радостнаго наступившаго года, а также прежней энергіи.

Къ сожалѣнію, у меня ея почти вовсе нѣтъ,—а разъ потерявши интересъ къ дѣлу, я считалъ не честнымъ держать его въ своихъ некрѣпкихъ рукахъ. Мнѣ стукнуло 11-го января 70 лѣтъ, а 12-го, въ Татьянинъ день, я исполнилъ свой долгъ, т. е. подалъ прошеніе объ увольненіи отъ должности попечителя, на 49 году своей учебной службы.

Если я останусь жить въ Петербургѣ, то въ занятіяхъ недостатка не будетъ; кромѣ лекцій въ училищѣ Правовѣдѣнія, у меня есть два института и надо воспитывать мою дѣвочку, которой уже 5-й годъ. Если же для жизни въ Петербургѣ у меня не достанетъ средствъ, то уѣду за границу и поселюсь въ скромномъ и дешевомъ мѣстѣ, гдѣ буду отдыхать......

Еще разъ желаю всего лучшаго въ будущемъ и благодарю за прошлое. Крѣпко жму вамъ руку, вашъ М. Капустинъ.

---

[1]) Борисъ Алексѣевичъ Лопухинъ былъ членомъ консультаціи при министерствѣ юстиціи. Будучи студентомъ Московскаго университета, онъ сблизился съ М. Н. Капустинымъ, какъ своимъ профессоромъ. А. Б.

23.

17-го мая 1898. С.-Петербургъ.

Отъ души благодарю васъ за ваше любезное дружеское приглашеніе провести лѣто съ вами въ Одессѣ. Не нужно никакого усилія воображенія, чтобы представить себѣ то удовольствіе, которое доставило бы мнѣ лѣтнее пребываніе у васъ. Но увы! я дошелъ до такой степени физическаго разрушенія, что обязанъ везти свое бренное тѣло куда-нибудь въ починку. Думаю направиться въ Nauheim, не найду ли тамъ Силоамскую купель для своихъ недуговъ?

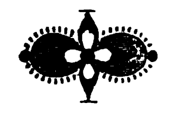
Вы не повѣрите, какую усталость чувствую я постоянно; кажется, я былъ бы способенъ цѣлый день лежать на диванѣ. Слава Богу, остается не болѣе двухъ недѣль моей службы въ должности попечителя,—и я съ нетерпѣніемъ жду того дня, когда покину Петербургъ и забуду о гимназистахъ и объ экзаменахъ. Думаю, что слово «маяться» сочинено учащимися и происходитъ отъ «май», когда бываютъ экзамены...

Вѣроятно, скоро прійдется прекратить лекціи и въ училищѣ Правовѣдѣнія, и я на старости останусь только съ институтками.

На наши дѣла по народному просвѣщенію я смотрю уже почти только въ качествѣ наблюдателя. Трудныя задачи предстоятъ новому министру. Все такъ связано одно съ другимъ, что частичныя поправки не помогутъ, а надо, благословясь, ломать все разомъ и строить по новымъ чертежамъ.

Еще разъ прошу принять выраженіе моей благодарности за дружбу. Крѣпко жму руку, душевно преданный М. Капустинъ.

Сообщилъ **А. А. Борзенко.**

Порядокъ молебствія по поводу изгнанія непріятеля изъ предѣловъ Россіи въ 1812 году.

Отношеніе статсъ-секретаря Н. Н. Муравьева митрополиту Серафиму.

22-го декабря 1825 года за № 1497.

Я имѣлъ счастіе всеподданнѣйше докладывать государю императору о моихъ съ вами объясненіяхъ во исполненіе высочайшей его величества воли: и вслѣдствіе того его императорское величество высочайше соизволяетъ, дабы во время установленнаго ежегоднаго въ 25-й день декабря молебствованія въ воспоминаніе избавленія Россіи отъ нашествія галловъ и съ ними двадесяти народовъ, какъ въ наступающій 25 день сего мѣсяца, такъ и на всегда впредь въ оный день, былъ наблюдаемъ слѣдующій порядокъ: первое, въ молитвѣ, съ колѣнопреклоненіемъ во время онаго молебствія читаемой, слова: «Благочестивѣйшаго же царя нашего Александра Павловича вѣнчалъ еси оружіемъ благоволенія твоего», оставить въ ней навсегда, подобно тому, какъ сохраняется имя императора Петра I-го въ учрежденномъ на всегдашнія времена молебствованіи за побѣду подъ Полтавою, вмѣстивъ въ періодъ сей молитвы, начинающійся: «Утверди Благословеніе Твое на благочестивѣйшемъ самодержавнѣйшемъ великомъ государѣ нашемъ императорѣ»,—высочайшее имя его императорскаго величества Николая Павловича, вмѣсто находившагося въ немъ имени императора Александра Павловича; второе, послѣ оной молитвы и по возглашеніи многолѣтія царствующему императорскому дому возглашать вѣчную память въ бозѣ почивающему государю императору Александру Первому; а потомъ уже многая лѣта христолюбивому всероссійскому побѣдоносному воинству.

Поспѣшая сообщить вашему высокопреосвященству таковую его императорскаго величества высочайшую волю, для надлежащаго по ней съ вашей стороны исполненія, имѣю честь быть и проч.

А. А. Кавелинъ, какъ воспитатель императора Александра II.

Время, о которомъ мнѣ приходится говорить, уже давно миновало, осталось въ живыхъ очень мало свидѣтелей, да и тѣ немногіе старики, которые доживаютъ свой вѣкъ, въ ту пору были еще въ дѣтскомъ возрастѣ. Славное царствованіе въ бозѣ почивающаго «Царя-Освободителя», столь обильное великими реформами, также миновало и сдѣлалось достояніемъ исторіи. Изъ числа нѣсколькихъ свидѣтелей событій 30-хъ и 40-хъ годовъ, относящихся къ юношеству императора Александра Николаевича, остались въ живыхъ мой старшій братъ и я. Какъ сыновьямъ воспитателя покойнаго государя, намъ должно быть болѣе всѣхъ извѣстно, въ какихъ отношеніяхъ находился нашъ отецъ къ своему августѣйшему питомцу, хотя бы по той простой причинѣ, что мы постоянно слышали разговоры отца про прекрасныя качества и способности его возлюбленнаго воспитанника.

Съ 1834 года А. А. Кавелинъ съ семействомъ занималъ помѣщеніе въ Зимнемъ дворцѣ и всякій день по нѣсколько часовъ находился при особѣ наслѣдника цесаревича. Между тѣмъ въ послѣднія 20—25 лѣтъ въ печати стали появляться сообщенія, будто воспитателемъ императора Александра II-го былъ нашъ знаменитый поэтъ Жуковскій, а по другимъ версіямъ—В. И. Назимовъ.

Въ дѣйствительности воспитателями императора Александра II состояли: первоначально генералъ Мердеръ, а со времени его болѣзни, съ 1833 года, и послѣ его смерти,—мой покойный отецъ генералъ-адъютантъ Александръ Александровичъ Кавелинъ, ближайшими помощниками коего были флигель-адъютантъ полковникъ В. И. Назимовъ и спеціально для фронтоваго образованія генералъ Юрьевичъ. В. А. Жу-

ковскій, будучи преподавателемъ русской словесности, исполнялъ одновременно обязанности инспектора классовъ, т. е. наблюдалъ за точнымъ выполненіемъ образовательной программы, утвержденной лично императоромъ Николаемъ I. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такая крупная личность, какъ В. А. Жуковскій, будучи въ близкихъ отношеніяхъ съ наслѣдникомъ, долженъ былъ имѣть и несомнѣнно имѣлъ большое вліяніе на образъ мыслей августѣйшаго ученика. Заслугъ В. А. Жуковскаго никто не отрицаетъ, но изъ этого не слѣдуетъ, что онъ долженъ считаться воспитателемъ наслѣдника, такъ какъ таковымъ былъ А. А. Кавелинъ. Въ подтвержденіе справедливости нашихъ словъ приводимъ нижеслѣдующій рескриптъ императора Николая моему отцу отъ 6-го декабря 1841 года:

«Александръ Александровичъ! Въ продолженіе двадцати-трехъ лѣтней службы вашей при мнѣ, ознакомясь близко съ отличающими васъ превосходными качествами, я, съ полною увѣренностію въ неизмѣнности вашихъ правилъ, поручилъ вамъ нравственное образованіе вселюбезнѣйшаго моего сына, великаго князя Александра Николаевича, опредѣливъ васъ къ особѣ его императорскаго высочества въ качествѣ его воспитателя. Довѣренность мою въ этомъ драгоцѣнномъ для сердца моего отношеніи вы оправдали совершенно. Бывъ постояннымъ свидѣтелемъ всѣхъ вашихъ дѣйствій, я еще болѣе убѣдился въ непоколебимости вашихъ уваженія достойныхъ правилъ.

«Это убѣжденіе рѣшило меня избрать васъ предсѣдателемъ учрежденной въ Вильнѣ слѣдственной коммиссіи надъ лицами, обвиняемыми въ преступныхъ намѣреніяхъ противу правительства. Этимъ выборомъ я имѣлъ въ виду положить конецъ, сколь можно скорый и справедливый, многолѣтнимъ изысканіямъ надъ сими преступниками, а съ другой стороны явить краю, которому лица сіи принадлежатъ, новое доказательство, сколь мнѣ близки его спокойствіе и благоденствіе. При всей трудности и многосложности этого порученія, вы успѣли окончить его скорѣе, нежели ожидать было можно, и при томъ со всею желаемою полнотою, ясностью и отчетливостію. Разсмотрѣвъ во всей подробности донесенія ваши, я поручилъ военному министру передать вамъ повелѣнія мои на счетъ закрытія коммиссіи и по нѣкоторымъ, до изысканій ея относящимся предметамъ, а между тѣмъ исполняю долгъ, самый для меня пріятный, изъявляя вамъ совершенную мою признательность и благодарность за достохвальный и добросовѣстный трудъ вашъ».

Александръ Александровичъ Кавелинъ родился 9-го іюня 1793 года. Отецъ его, небогатый тульскій помѣщикъ, состоялъ на службѣ совѣтникомъ казенной палаты. Получивъ воспитаніе въ Пажескомъ корпусѣ, А. А. Кавелинъ въ 1808 году состоялъ камеръ-пажемъ при вдовствующей императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ; въ 1810 году онъ былъ

произведенъ въ офицеры подпоручикомъ въ л.-гв. Измайловскій полкъ; въ 1812 году въ сраженіи при Бородинѣ раненъ въ ногу картечью и въ руку пулею. Въ 1818 году въ чинѣ капитана онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ великому князю Николаю Павловичу и въ 1827 году произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ въ свиту его величества. Во время похода въ Турцію въ 1828 г. состоялъ комендантомъ императорской главной квартиры и принималъ участіе въ главныхъ сраженіяхъ. Въ 1830 году А. А. назначенъ директоромъ Пажескаго корпуса и вслѣдъ затѣмъ генералъ-адъютантомъ е. и. величества; 5-го мая 1834 года послѣдовало высочайшее повелѣніе о назначеніи А. А. Кавелина состоять при его высочествѣ наслѣдникѣ цесаревичѣ въ качествѣ его воспитателя. Въ 1841 году А. А. Кавелинъ былъ назначенъ сенаторомъ и членомъ Государственнаго Совѣта, въ 1842 году с.-петербургскимъ военнымъ генералъ губернаторомъ и въ 1843 г. произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи. Вслѣдствіе сильнаго нервнаго разстройства и тяжкой болѣзни, А. А. принужденъ былъ въ 1846 г. оставить занятія и подвергнуться серьезному и продолжительному лѣченію. Послѣ почти двухъ-лѣтняго пребыванія за границею Александръ Александровичъ поправился и, вернувшись въ Петербургъ, состоялъ генералъ-адъютантомъ и членомъ Государственнаго Совѣта, но не долго, такъ какъ въ 1850 году болѣзненные припадки повторились, и доктора нашли необходимымъ удалить его отъ всѣхъ близкихъ. Александръ Александровичъ скончался 4-го ноября 1850 года, 57-ми лѣтъ отъ роду [1]).

Для того чтобы дать понятіе о нравственныхъ качествахъ Александра Александровича, привожу нѣкоторые изъ совѣтовъ, оставленныхъ имъ своимъ дѣтямъ, написанныхъ въ Дармштатѣ въ апрѣлѣ 1840 г., за нѣсколько мѣсяцевъ до окончанія его служебной дѣятельности при наслѣдникѣ цесаревичѣ въ качествѣ его воспитателя. Эти совѣты весьма важны въ виду, къ сожалѣнію, довольно распространеннаго, но совершенно ошибочнаго мнѣнія о ненормальности умственныхъ способностей Александра Александровича въ то будто-бы время, когда онъ состоялъ при его высочествѣ [2]).

---

[1]) Скоро послѣ смерти А. А. появился въ „Русскомъ Инвалидѣ" некрологъ его, написанный съ не совсѣмъ вѣрною передачею словъ Ал. Ал. въ его совѣтахъ и признаніяхъ своимъ дѣтямъ, вѣроятно вслѣдствіе строгихъ въ то время цензурныхъ правилъ.

[2]) Въ первый разъ болѣзненные симптомы появились у Ал. Ал. лишь въ 1846 г., т. е. послѣ того какъ Александръ Александровичъ уже четыре года исполнялъ обязанности с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора.

«Моимъ дѣтямъ».

«Я совершенно убѣдился, что безъ религіознаго чувства человѣкъ не можетъ быть истинно счастливъ, какъ бы онъ ни былъ высокопоставленъ обстоятельствами, какую бы славу и богатство онъ ни пріобрѣлъ. Религіозное чувство оживляетъ душу, поощряя ее къ добру, даетъ вамъ неоцѣненное сокровище—чистую совѣсть, и будетъ для васъ самой вѣрной опорой въ жизни и утѣшеніемъ.

«Совѣтую вамъ посвятить себя на служеніе царю и отечеству, вѣрой и правдой, по своимъ способностямъ, которыя должны сами тщательно испытать, не увлекаясь пустымъ тщеславіемъ или блестящими поприщами. Стократъ лучше быть болѣе полезнымъ, нежели болѣе извѣстнымъ.

«Я всегда смотрѣлъ съ презрѣніемъ на тѣхъ государственныхъ людей, которые занимаютъ мѣста выше своихъ способностей, и особенно когда они достигаютъ ихъ подлостями и интригами, и потому всегда боялся занимать мѣсто выше своего достоинства; но Богу угодно было меня испытать этимъ. По не заслуженной довѣренности ко мнѣ государя императора, я былъ избранъ имъ, послѣ смерти моего предмѣстника, въ важнѣйшее званіе воспитателя наслѣдника престола великаго царства Русскаго, былъ избранъ, не чувствуя въ себѣ способностей, необходимыхъ для такого великаго званія; но совѣсть моя чиста. Въ 1822 году, по первому мнѣ предложенію, я рѣшился отказаться отъ него, написавъ мою «исповѣдь» отцу предлагаемаго мнѣ воспитанника, какъ я бы высказался и предъ самимъ Богомъ; по второму сдѣланному мнѣ предложенію въ концѣ 1832 года, за болѣзнію генерала Мердера, я не могъ отказаться принять это предложеніе—на время. Послѣ смерти Мердера я опять писалъ государю вторую подобную первой «исповѣдь», но не устоялъ противъ убѣдительныхъ просьбъ государя, моего личнаго благодѣтеля. Я принялъ скрѣпя сердце обязанность воспитателя наслѣдника. Добрый и превосходный характеръ его и самыя пріятныя сношенія—касательно воспитанія—съ высокимъ родителемъ его облегчили мнѣ ходъ моего служенія; но, не смотря на то, я страдалъ много и часто въ глубинѣ души моей отъ являвшихся не рѣдко случаевъ, доказывавшихъ мнѣ, что я былъ правъ, когда увѣрялъ государя, что не имѣю нужныхъ способностей для моего званія. Жизнь и царствованіе наслѣдника, если оное ему Богъ назначилъ, рѣшатъ это дѣло. Я получалъ много разнаго рода наградъ, но радость получать ихъ всегда уступала во мнѣ горести самосознанія недостатковъ моихъ,—уступала по искреннему душевному и совсѣмъ не принужденному чувству. Если бы кому изъ васъ случилось быть близкимъ къ царю, Боже васъ избави, — интригами или лестью снискивать его милости; ревностной службой и правдой—дѣло другое,

ибо поступками подлыми, не смотря на ваши почести, вы заслужите общее презрѣніе; а чтò всего хуже,—ваше собственное...

«Съ начальниками своими будьте учтивы и почтительны, хотя бы вамъ и случилось встрѣчать такихъ, которые бы не совсѣмъ заслуживали это, но учтивость не должна доходить до низости и подлости. Хорошій начальникъ до нихъ не охотникъ, а дурному совѣтую вамъ отказать въ этомъ, если бы онъ и желалъ того,—отказать, хотя бы это и сопряжено было съ потерею вашихъ выгодъ. Въ обхожденіи съ прочими, совѣтую вамъ искать и умѣть сохранять друзей, но друзьями избирать людей достойныхъ, а не увлекаться фальшивымъ блескомъ знатности и суетности.

«Подчиненныхъ слѣдуетъ любить, заботиться о ихъ пользахъ, исправлять ихъ безъ злости, но однако же съ твердостію».

Чувство справедливости и безпристрастія побуждають меня, сына Александра Александровича, откровенно сознаться, что, не смотря на его высокія нравственныя качества, признаваемыя всѣми его лично знавшими, не смотря на его необыкновенную доброту, онъ, какъ и всѣ люди, имѣлъ недостатки, которые главнымъ образомъ состояли въ нетерпѣливости, раздражительности и рѣзкости въ выраженіяхъ. Недостатки эти, а въ особенности довѣренность къ нему императора и замѣчательно быстрая его служебная карьера создали ему множество враговъ и недоброжелателей, въ особенности между его сверстниками по службѣ. Дошло до того, что нѣсколько лѣтъ послѣ смерти А. А. Кавелина, извѣстный эмигрантъ А. И. Герценъ въ издаваемомъ имъ въ Лондонѣ журналѣ «Колоколъ», не стѣсняясь, сталъ распространять про бывшаго воспитателя императора Александра Николаевича самыя невѣроятныя нелѣпости, и легковѣрная публика повѣрила Герцену, да по всей вѣроятности и теперь продолжаетъ вѣрить. Императоръ Николай I высоко оцѣнилъ воспитательную дѣятельность А. А. Кавелина, и всѣ мы, оставшіеся въ живыхъ сыновья и дочери Александра Александровича, и по сіе время продолжаемъ пользоваться милостію императора Николая Павловича, назначившаго вдовѣ и дѣтямъ А. А. Кавелина пожизненныя пенсіи.

У одного изъ моихъ братьевъ хранятся портреты наслѣдника цесаревича Александра Николаевича, пожалованные имъ моему отцу въ разное время; на одномъ изъ нихъ сдѣлана карандашомъ слѣдующая собственноручная надпись его высочества: «Другу моему и бывшему наставнику Александру Александровичу Кавелину въ знакъ памяти и искренней признательности.

Александръ».

Петергофъ 9-го іюня 1841 года [1]).

---

[1]) День рожденія моего отца.

Вообще императоръ Александръ II искренно и горячо любилъ не только Александра Александровича, но и все его семейство.

Въ 1870 годахъ, во время служенія моего въ Москвѣ въ должности завѣдующаго Московскимъ отдѣленіемъ контроля и кассы министерства императорскаго двора, по болѣзни управляющаго императорскими театрами г-на Пельта, и послѣ смерти его, мнѣ было поручено управленіе императорскими московскими театрами. Въ то время почти ежегодно проѣздомъ черезъ Москву, императоръ Александръ II посѣщалъ московскіе—Большой и Малый театры. Исполняя обязанности директора, я всякій разъ имѣлъ счастіе лично встрѣчать его величество при входѣ его въ ложу. Часто случалось, что государя сопровождали иностранные принцы, и въ такихъ случаяхъ его величество представлялъ меня этимъ принцамъ, произнося всегда слѣдующія слова: «Le directeur des théâtres Kaveline, ex-Garde-à-cheval, le fils de mon précepteur» (директоръ театровъ Кавелинъ, бывшій конногвардеецъ, сынъ моего воспитателя).

Въ заключеніе упоминаю еще объ одномъ фактѣ, случайномъ, но довольно замѣчательномъ. Послѣ мученической кончины въ Бозѣ почивающаго императора Александра Николаевича въ день печальной церемоніи перевезенія тѣла усопшаго государя изъ Зимняго дворца въ Петропавловскій соборъ, въ суетѣ забыли прикрѣпить саблю къ крышкѣ гроба; въ послѣднюю минуту принесли первую попавшуюся подъ руки саблю, и сабля эта—въ золотой оправѣ—оказалась именно та, которая была подарена государю моимъ отцомъ А. А. Кавелинымъ. Замѣчательно то, что эта же сабля, проводившая государя до могилы, была завѣщана имъ (какъ послѣ того оказалось) старшему брату моему Александру Александровичу Кавелину [1]), у котораго она и теперь хранится вмѣстѣ съ портретомъ государя, также завѣщаннымъ брату.

Послѣ всего сказаннаго можно ли сомнѣваться въ томъ, что воспитателемъ покойнаго императора Александра II былъ дѣйствительно Александръ Александровичъ Кавелинъ?

П. Кавелинъ.

---

[1]) Братъ мой Александръ Александровичъ Кавелинъ въ 1854 году, въ чинѣ прапорщика л.-гв. Измайловскаго полка, назначенъ былъ состоять ординарцемъ при наслѣдникѣ. Съ 1855 года состоялъ флигель-адъютантомъ и съ производствомъ въ генералъ-маіоры былъ назначенъ въ свиту его императорскаго величества. Онъ былъ таврическимъ и затѣмъ смоленскимъ губернаторомъ, а въ настоящее время въ отставкѣ, въ чинѣ генералъ-лейтенанта.

Петербургъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка.

(По бумагамъ графа Франца-Габріэля де-Брэ) [1].

I.

Избраніе императора Павла I гросмейстеромъ Мальтійскаго ордена.—Столкновеніе его съ Баваріею.—Присылка баварскихъ депутатовъ.—Путешествіе ихъ до Петербурга.

Въ 1798 г. императоръ Павелъ I, какъ извѣстно, былъ избранъ гроссмейстеромъ Мальтійскаго ордена. За пять лѣтъ до этого событія, т. е. въ 1793 г., наслѣдникъ баварскаго престола, герцогъ Цвейбрюкенскій, Максимиліанъ Іосифъ (впослѣдствіи курфюрстъ и король Максимиліанъ I) началъ тяжбу съ орденомъ Іоаннитовъ, съ цѣлью отобрать принадлежавшія ему баварскія земли. Въ 1795 г. посѣтивъ свою будущую столицу, онъ составилъ «актъ», въ силу котораго всѣ земли, принадлежавшія баварскому великому пріорству Мальтійскаго ордена, подлежали немедлен-

[1]) Рыцарь Мальтійскаго ордена, графъ Францъ-Габріэль де-Брэ (р. 1765 † 1832 г.), впослѣдствіи извѣстный баварскій дипломатъ, сталкивался во время своей продолжительной и разнообразной дипломатической карьеры съ извѣстнѣйшими людьми своего времени и былъ свидѣтелемъ и участникомъ событій, которыя волновали этихъ людей. Человѣкъ разносторонне образованный, одаренный проницательнымъ умомъ и наблюдательностью, онъ прекрасно владѣлъ перомъ и усвоилъ себѣ привычку заносить въ свою записную книжку замѣтки и впечатлѣнія по поводу имъ пережитаго. Такимъ образомъ, помимо обширнаго собранія документовъ и писемъ, прошедшихъ чрезъ его руки, которыя хранились имъ въ замѣчательномъ порядкѣ, де-Брэ оставилъ нѣсколько дневниковъ, которые не только не утратили своего значенія по прошествіи ста лѣтъ послѣ того, какъ они были написаны, но

ной конфискаціи. Этотъ актъ былъ приведенъ въ началѣ 1799 г. въ исполненіе, не взирая на то, что обстоятельства съ теченіемъ времени измѣнились и что орденъ получилъ (11-го ноября 1798 г.) могущественнаго покровителя въ лицѣ своего новаго гроссмейстера, русскаго императора Павла I. Гнѣвъ императора по поводу нарушенія правъ, которыя онъ считалъ своими собственными, не имѣлъ границъ. Баварскій посланникъ въ Петербургѣ, баронъ Поршъ, былъ посаженъ въ «кибитку» и высланъ за границу; ко всѣмъ дружественнымъ дворамъ былъ посланъ гнѣвный протестъ, и русскимъ войскамъ, двинутымъ къ Рейну, для борьбы съ французами, было приказано относиться къ Баваріи какъ къ странѣ непріятельской. Встревоженному курфюрсту ничего не оставалось, какъ пойти на уступку, возвратить конфискованныя земли, успокоить гнѣвъ русскаго царя обѣщаніемъ, что Баварія приметъ участіе въ войнѣ съ Франціей, и послать въ Петербургъ депутацію мальтійскихъ рыцарей съ изъявленіемъ ихъ преданности и почтенія гроссмейстеру ордена, котораго всѣ чрезвычайно боялись. Въ числѣ этихъ депутатовъ находился рыцарь Мальтійскаго ордена и будущій дипломатическій дѣятель Баваріи графъ Францискъ де-Брэ.

Путешествіе въ далекую русскую столицу было сопряжено въ исходѣ XVIII вѣка съ такими же трудностями и съ такимъ же страхомъ, съ какимъ Дидро описывалъ свою поѣздку на берега Невы, совершенную имъ въ 1773 г. Она представлялась еще страшнѣе съ тѣхъ поръ, какъ на престолѣ сѣверной Семирамиды (Екатерины II) возсѣдалъ ея сынъ, «самый своенравный и грозный царь нашего времени». Даже въ самомъ

въ нѣкоторомъ отношеніи представляютъ нынѣ еще большій интересъ. Все сколько-нибудь любопытное изъ замѣтокъ этого умнаго и высоко образованнаго дипломата сгруппировано въ связномъ разсказѣ въ появившейся въ Лейпцигѣ книгѣ: „Изъ жизни дипломата старой школы" (Aus dem Leben eines Diplomaten alter Schule. Aufzeichnungen und Denkwürdigkeiten des Grafen François Gabriel de Bray. Leipzig. 1901), въ которой встрѣчаются главы, представляющія высокій интересъ для русскихъ читателей. Де-Брэ былъ два раза при петербургскомъ дворѣ, впервые въ царствованіе Павла I въ 1799—1800 гг., въ качествѣ депутата отъ Мальтійскаго ордена и вторично въ качествѣ баварскаго посланника, передъ отечественной войною (1808—1812 гг.). Всегда столь проницательный дипломатъ, на этотъ разъ не былъ безошибоченъ въ своихъ выводахъ и заключеніяхъ, ибо упорно не вѣрилъ въ возможность и даже близость войны Россіи съ Наполеономъ.

Въ бумагахъ де-Брэ сохранилась между прочимъ копія съ крайне любопытнаго донесенія бывшаго много лѣтъ повѣреннымъ въ дѣлахъ Баваріи при петербургскомъ дворѣ г. Ольри (Olry), въ которомъ сообщаются разныя подробности, сопровождавшія возвращеніе въ Россію императора Александра I послѣ продолжительнаго отсутствія, вызваннаго вмѣшательствомъ Россіи въ европейскія дѣла въ 1805 г. **В. Т.**

благопріятномъ случаѣ путешественникъ долженъ былъ готовиться къ всевозможнымъ случайностямъ, неслыханнымъ въ ту пору въ цивилизованномъ мірѣ. Сверхъ того предстояло утомительное, многонедѣльное путешествіе на лошадяхъ по мѣстности, которая считалась въ то время въ западной и въ южной Европѣ страною варварской, вообще мало кому извѣстной. Съ названіемъ Восточная Пруссія, Литва, Курляндія, Лифляндія и Ингерманландія связывались весьма смутныя представленія.

По причинѣ дурныхъ дорогъ, медленной ѣзды и истощенныхъ лошадей, путешествіе было сопряжено съ самаго начала со всевозможными затрудненіями, описанію которыхъ посвящены многія страницы дневника, начатаго графомъ де-Брэ съ самаго выѣзда его изъ Мюнхена въ исходѣ іюля 1799 г.

Дорога отъ Кенигсберга до Мемеля сухимъ путемъ пользовалась, вслѣдствіе плохаго состоянія дорогъ, такою дурною славою, что путешественники совершали ее обыкновенно моремъ. Но такъ какъ де-Брэ и его спутники были связаны экипажами, то имъ пришлось ѣхать сухимъ путемъ; эта часть поѣздки была самая утомительная. Въ экипажъ приходилось припрягать до двѣнадцати лошадей, такъ какъ прибрежная полоса Восточной Пруссіи была дотого песчана, что мѣстами встрѣчались цѣлыя горы песку.

«Я никогда не могъ представить себѣ, записалъ де-Брэ, что въ цивилизованной странѣ могли быть такія отвратительныя дороги, какъ въ окрестностяхъ Кенигсберга; это самая скверная часть на всемъ пути до Курляндіи и Петербурга. Иной разъ намъ случалось ѣхать четыре мили цѣлыхъ девять часовъ».

«За Мемелемъ дорога стала еще хуже. До близъ лежащей деревни Ниммерштадта, до которой было отъ Мемеля всего три мили, пришлось ѣхать восемь часовъ».

Курляндія находилась не особенно давно подъ русскимъ владычествомъ и производила такое же впечатлѣніе, какъ во времена управленія ею герцогами. (Послѣдній герцогъ Петръ Биронъ отказался отъ престола 25-го марта 1795 г.). Впечатлѣніе это было весьма благопріятное и не имѣло ничего общаго съ тѣмъ, какое производила въ то время сосѣдняя Германія. Дороги были хороши, обработка полей и жилища, мимо которыхъ приходилось проѣзжать, свидѣтельствовали объ извѣстномъ достаткѣ, постоялые дворы (круги) были благоустроены, такъ какъ Курляндія составляла въ теченіе долгихъ лѣтъ главную артерію, по которой происходили сношенія Берлина съ Петербургомъ и по которой перевозилось огромное количество клади и грузовъ между Кенигсбергомъ и Ригою.

«Содержатели постоялыхъ дворовъ чистоплотны и вѣжливы», гово-

ритъ де-Брэ; подобнаго же рода отзывы встрѣчаются и въ дальнѣйшихъ помѣтахъ его дневника.

Вслѣдствіе неблагопріятной погоды и проливныхъ дождей, въ конецъ испортившихъ дороги, путешественники прибыли въ Митаву только въ исходѣ августа. Они явились къ губернатору, барону Дризену, служившему сначала въ прусской службѣ, а затѣмъ перешедшему на службу Россіи, и были имъ представлены проживавшему въ Митавѣ на иждивеніи русскаго правительства, королю Людовику XVIII, сынъ котораго, герцогъ Ангулемскій только-что передъ тѣмъ женился (10-го іюня 1799 г.) на несчастной дочери Людовика XVI.

«Окрестности Митавы болотисты и некрасивы, пишетъ де-Брэ, отель de-Russie, въ которомъ мы остановились, весьма посредственный. Представившись королю, живущему въ старинномъ герцогскомъ за́мкѣ, мы осмотрѣли городъ, который показался намъ весьма нечистымъ и состоялъ по преимуществу изъ деревянныхъ домовъ. Сколько-нибудь сносныхъ зданій весьма мало».

Переѣхавъ черезъ Двину по плавучему мосту, де-Брэ прибылъ въ Ригу, въ которой насчитывали въ то время всего 30.000 жителей. Желая какъ можно скорѣе быть въ Петербургѣ, путешественники поспѣшили размѣнять свои дукаты на рубли и, устроивъ кое-какія другія дѣла, отправились далѣе въ Дерптъ. Миновавъ Нарву, они уже болѣе не слышали нѣмецкой рѣчи и должны были пользоваться услугами курьера, служившаго имъ переводчикомъ.

На послѣдней станціи, не доѣзжая Стрѣльны, де-Брэ пришелъ въ совершенное отчаяніе. Хотя въ ихъ два экипажа было впряжено 25 лошадей, но все-таки имъ пришлось ѣхать 21 версту до Стрѣльны цѣлыхъ десять часовъ; грязь была дотого невылазная, а число ямъ и ухабовъ было такъ велико, что они опасались ежеминутно за свою жизнь и имъ пришлось даже идти часть дороги пѣшкомъ.

«Прибывъ въ Стрѣльну, мы почувствовали, что избавились наконецъ отъ страшной муки»,—пишетъ де-Брэ,—и на слѣдующее утро покатили уже по прекрасной дорогѣ, встрѣчая по пути роскошные загородные дома и красивые сады. Черезъ два часа по выѣздѣ изъ Стрѣльны подъѣхали къ «очень красивымъ Нарвскимъ воротамъ», гдѣ были осмотрѣны паспорта, а въ пятомъ часу дорожный экипажъ остановился передъ гостиницей, въ которой путешественники остановились.

Видѣвъ большіе города Западной Европы, де-Брэ не могъ, разумѣется, особенно восторгаться Петербургомъ, конца XVIII вѣка, который еще былъ далеко не отстроенъ, такъ что персидскій принцъ, посѣтившій берега Невы, выразился наивно, что этотъ городъ будетъ, вѣроятно, очень красивъ, когда его «перестройка» будетъ окончена.

Императоръ Павелъ, желая противупоставить преграду революціон-

ному потоку, стремившемуся изъ Франціи, и оградить существовавшія правовыя и имущественныя отношенія отъ посягательствъ парижской директоріи и ея генераловъ, вступилъ въ 1798 г. съ Австріей и Англіей въ союзъ противъ Французской республики и, принявъ званіе гроссмейстера Мальтійскаго ордена, сталъ на защиту его интересовъ; привлечь къ созданной имъ коалиціи Пруссію русскому монарху не удалось, и связанныя съ нею надежды не осуществились. Хотя славный походъ Суворова въ Италію и увѣнчался блистательнымъ успѣхомъ, но Павлу не удалось упрочить свои отношенія къ кабинетамъ Вѣнскому и Лондонскому, созданныя второй коалиціей. Тогда какъ царь стремился исключительно къ достиженію идеальной цѣли: возстановленія существовавшаго въ Европѣ порядка и униженія революціонной Франціи, императоръ Францъ и его министръ Тугутъ объявили войну революціи главнымъ образомъ съ цѣлью возстановить австрійское владычество въ верхней Италіи. Тугутъ съумѣлъ внушить русскому министру, что цѣль, которую они преслѣдовали, можетъ быть достигнута скорѣе всего, если театръ военныхъ дѣйствій будетъ перенесенъ въ Швейцарію и оттуда будетъ произведено нападеніе на восточныя провинціи Франціи. Суворовъ къ величайшему его неудовольствію, былъ принужденъ оставить верхнюю Италію, гдѣ имъ были одержаны столь блестящія побѣды, и перейти Альпы. Главныя силы австрійской арміи отступили въ Швабію, и Суворовъ, которому не было дано достаточно сильнаго подкрѣпленія, очутился лицомъ къ лицу съ несравненно болѣе сильной французской арміей, съ которой онъ долго не могъ справиться. Раздраженный болѣе чѣмъ двусмысленнымъ поведеніемъ своего союзника, помышлявшаго только о завоеваніяхъ въ Италіи, царь рѣшилъ разорвать союзъ съ Австріей, продолжать войну совмѣстно съ Англіей, Пруссіей, Даніей и Швеціей, и ограничить «честолюбивые виды Австріи». Но и этотъ планъ не былъ приведенъ во исполненіе, такъ какъ убѣдить Пруссію отказаться отъ ея нейтралитета не было никакой возможности; въ добавокъ попытка англо-русскаго флота произвести десантъ въ Голландіи (въ августѣ 1799 г.) окончилась неудачею, Англія же возбудила сильное неудовольствіе русскаго монарха совѣтомъ войти въ соглашеніе съ Австріей. Озлобленіе императора противъ его бывшаго союзника достигло высшей степени, когда Тугутъ, въ нотѣ, врученной петербургскому кабинету въ началѣ декабря 1799 г., перечислилъ всѣ италіанскія земли, которыя Австрія желала получить въ видѣ вознагражденія, и когда въ то же время стало извѣстно, что генералъ Фрелихъ (Fröhlich) занялъ исключительно своими войсками крѣпость Анкону, взятую имъ вмѣстѣ съ русскимъ генераломъ Войновичемъ, и спустилъ русскій флагъ, поднятый въ Анконской гавани рядомъ съ австрійскимъ.

Совѣтники Павла, желавшіе отстранить Россію отъ всякаго участія въ европейскихъ дѣлахъ, съумѣли повернуть дѣло такъ, что къ причинамъ политическаго свойства, побудившимъ императора измѣнить первоначальные его планы, присоединились личныя соображенія, возымѣвшія самое пагубное вліяніе на дальнѣйшій ходъ дѣлъ.

Графъ де-Брэ старался уяснить себѣ эти въ высшей степени запутанныя обстоятельства и по возвращеніи въ Мюнхенъ, и поступленіи въ Баваріи въ министерство иностранныхъ дѣлъ, онъ изложилъ сдѣланныя имъ въ Россіи наблюденія и выведенныя изъ нихъ заключенія въ особой запискѣ, которая была представлена курфюрсту въ 1800 г. [1]). Впечатлѣніе, произведенное этой запиской, было необычайное. Выдержки и копіи съ нея ходили по рукамъ при разныхъ европейскихъ дворахъ и возбудили столь живые толки, что въ Петербургѣ всячески старались доискаться, кто былъ ея авторомъ. Эти розыски, которые могли внушить, опасенія за будущую судьбу де-Брэ, прекратились только въ 1801 г., со смертью Павла Петровича. Какъ великъ былъ интересъ, возбужденный запискою де-Брэ, и какое ей придавалось значеніе, видно изъ того, что о ней говорили въ Россіи еще десятки лѣтъ спустя.

II.

Политическое положеніе Россіи при императорѣ Павлѣ I.—Характеристика императора Павла I и его отношенія къ европейскимъ государствамъ.— Настойчивость характера императора Павла I.—Первые шаги его царствованія.—Графъ Кутайсовъ.—Актриса Шевалье.—Куракины.—Нелидова и княгиня Лопухина.—День императора Павла.—Строгости въ Петербургѣ.— Графы Ростопчинъ и Панинъ.—Генералъ-прокуроръ Обольяниновъ.—Министръ торговли кн. Гагаринъ.—Обергофмаршалъ Нарышкинъ.—Послы: Серра Капріола.—Витвортъ.—Штедингъ.—Бломъ и Розенкранцъ.

1.

Вотъ эта любопытная записка.

«Императоръ Павелъ I, поглощенный мыслію о возстановленіи французской монархіи, убѣжденный въ правотѣ своего дѣла, озлобленный противъ всего того, что помѣшало этому законному предпріятію, и поддерживаемый сознаніемъ своего могущества, былъ убѣжденъ, что онъ въ состояніи низвергнуть всѣ препятствія и поднять всю Европу противъ Франціи. Онъ дѣйствовалъ то угрозами, то обѣщаньями, полагая, что ему удастся заинтересовать всѣ кабинеты въ его намѣре-

---

[1]) Записка эта озаглавлена: „Mémoire Sur la Russie, composé par M. le chevalier de Bray a Münich en Avril 1800. (Записка о Россіи, составленная г. кавалеромъ де-Брэ въ Мюнхенѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1800 г.).

ніяхъ. Но тонъ, принятый имъ, и угрозы, кои онъ позволялъ себѣ, отнюдь не могли привести къ подобному результату. Пруссія, на которую онъ особенно разсчитывалъ и которую, основываясь на ошибочныхъ донесеніяхъ, онъ считалъ готовой примкнуть къ коалиціи, оказалась глуха ко всѣмъ сдѣланнымъ ей предложеніямъ. Всѣ старанія Репнина и Гренвилля ни привели ни къ чему, и англо-русскому договору, заключенному въ томъ разсчетѣ, что къ нему присоединится Пруссія, былъ нанесенъ этимъ ударъ, который весьма пагубно отразился на послѣдствіяхъ. Императоръ, раздраженный тѣмъ, что большая часть сѣверныхъ кабинетовъ противодѣйствовала его намѣреніямъ, позволилъ себѣ высказать такія угрозы, которыя по существу своему должны были еще болѣе утвердить Пруссію и ея сторонниковъ въ правильности ихъ политики и въ необходимости соблюдать нейтралитетъ. Пруссія не боялась минутнаго гнѣва русскаго царя; Саксонія и прочія сѣверо-германскія государства сгруппировались рѣшительнѣе, чѣмъ когда-либо, вокругъ Берлинскаго кабинета, и при проѣздѣ моемъ въ октябрѣ мѣсяцѣ 1799 г., чрезъ прусскую столицу, графъ Гаугвицъ говорилъ мнѣ съ увѣренностью о томъ, какое именно рѣшеніе императоръ долженъ будетъ принять въ концѣ концовъ. Предложенія, сдѣланныя Павлу I королемъ шведскимъ, по его собственной инищіативѣ, въ значительной степени склонили императора къ принятію того геройскаго рѣшенія, которое съиграло въ руку Франціи. Король, человѣкъ восторженный, горѣвшій жаждою дѣтельности и подстрекаемый къ тому идеями, унаслѣдованными имъ отъ отца, предложилъ Россіи заключить договоръ, коимъ онъ обязывался выставить 8.000 человѣкъ въ томъ случаѣ, если бы субсидія, полученная отъ Англіи, дала возможность исполнить это. Баронъ Толь, посланный королемъ въ Петербургъ, началъ переговоры касательно этого предложенія, сдѣланнаго королемъ самостоятельно безъ предварительнаго совѣщанія съ министрами, которые держались совершенно иныхъ взглядовъ и съумѣли повернуть дѣло такъ, что намѣренія, высказанныя ихъ монархомъ, незамѣтнымъ образомъ измѣнились; королю успѣли доказать, что Швеція можетъ только потерять, ставъ во враждебныя отношенія къ Франціи, и что отношенія, существующія между Англіей и Швеціей, не таковы, чтобы можно было разсчитывать на прочный союзъ между этими государствами. Какъ разъ въ то время въ англійскихъ портахъ было задержано до 800 шведскихъ кораблей, и можно было думать, что Англія поставила себѣ цѣлью уничтожить шведскую торговлю.

Результатомъ этого разногласія во взглядахъ между королемъ шведскимъ и его министрами было то, что баронъ Толь, передавъ Павлу предложеніе своего монарха примкнуть къ коалиціи, предъявилъ столь многообразныя требованія относительно продовольствія шведскихъ войскъ

и времени посадки ихъ на суда, что ихъ не было никакой возможности согласовать съ проектомъ высадки войскъ въ Голландіи. Это обстоятельство избавило Швецію отъ необходимости объявить войну Франціи, и она ограничилась тѣмъ, что дала на Регенсбургскомъ сеймѣ чрезъ своего посланника самыя странныя объясненія своему образу дѣйствій. Франція, у которой и безъ того было довольно много враговъ, сдѣлала видъ, что она не обращаетъ вниманія на заявленія, сдѣланныя Швеціей, не понимаетъ, чѣмъ они были вызваны, и считаетъ ихъ лишь деклараціей, которую государственные чины обязаны были сдѣлать по конституціи. Шведскій уполномоченный въ дѣлахъ остался въ Парижѣ, а баронъ Толь вернулся въ Швецію, ничего не сдѣлавъ. Эти подробности были сообщены мнѣ самимъ шведскимъ посланникомъ въ С.-Петербургѣ. Между тѣмъ эти шаги произвели сильное впечатлѣніе на русскаго императора, и этотъ монархъ считалъ себя въ правѣ требовать отъ остальныхъ государствъ то, что одно государство добровольно предлагало ему.

Русскій дворъ настаивалъ на томъ, чтобы Данія предоставила ему транспорныя суда для перевозки войскъ, которыя предполагали высадить въ Голландіи. Данія же медлила рѣшительнымъ отвѣтомъ. Она хотѣла заключить предварительно съ Россіей союзъ противъ Франціи и предоставить свои суда въ ея распоряженіе уже послѣ того, какъ въ Германію было бы послано русское войско для прикрытія ея границъ и защиты ихъ отъ французовъ, которые находились въ Гренингенѣ, въ разстояніи всего двухдневнаго перехода отъ Датской территоріи. Время тянулось въ переговорахъ, и надобно приписать только личному уваженію императора къ датскому посланнику барону Бломэ то обстоятельство, что баронъ не получилъ приказанія выѣхать изъ Россіи. Въ концѣ концовъ императоромъ были приняты рѣшенія, почти противуположныя его первоначальнымъ намѣреніямъ.

Единственный дворъ, принявшій предложеніе Россіи, былъ Мюнхенскій. Не имѣя ни въ комъ поддержки, тѣснимый обоими императорскими дворами и покинутый Пруссіей (которая сама совѣтовала Баваріи примкнуть къ коалиціи), ему ничего не оставалось, какъ преувеличивать значеніе своихъ силъ въ такой степени, что и врагамъ и друзьямъ одинаково казалось желательнымъ заручиться его поддержкой. Выработанный въ этомъ смыслѣ планъ былъ съ большою ловкостью и успѣхомъ приведенъ въ исполненіе министрами его высочества.

Послѣ того какъ ближайшимъ послѣдствіемъ побѣдъ, одержанныхъ русско-австрійскими войсками, оказалось завоеваніе Піемонта, между союзниками появились первые признаки несогласія. Особенно достойно вниманія то обстоятельство, что императоръ Павелъ, возвѣстившій всему міру, что онъ со всѣми своими силами идетъ воевать противъ незаконнаго

правительства и намѣренъ защищать законныя права всѣхъ и каждаго, никакъ не могъ добиться того, чтобы Австрія со своей стороны подобнымъ же образомъ громогласно объяснила цѣль начатой ею войны; она не сдѣлала этого даже тогда, когда его войска начали дѣйствовать совмѣстно съ арміей Священной Римской имперіи. Австрія умѣла хранить свои намѣренія въ тайнѣ и обнаружила свои заднія мысли лишь настолько, насколько успѣхи, достигнутые ея союзникомъ, внушали ей довѣріе. Первымъ камнемъ преткновенія оказалось занятіе Піемонта. Король Сардинскій, которому императоръ Павелъ предложилъ возвратиться въ его владѣнія, былъ задержанъ въ Тосканѣ и не могъ продолжать своего путешествія. Вскорѣ послѣ этого столкновенія несогласіе въ политическихъ взглядахъ отразилось и на военныхъ дѣйствіяхъ.

Было рѣшено, что русская армія, подъ предводительствомъ Суворова, сосредоточится въ Швейцаріи и что эрцгерцогъ (Карлъ) двинется туда же только тогда, когда русскіе тамъ утвердятся, а затѣмъ отправится въ Германію, гдѣ австрійское войско должно было осадить Майнцъ и Эренбрейтенштейнъ.

Между тѣмъ, Массена угадалъ этотъ планъ, выработанный совмѣстно съ Англіей. Не желая дать сосредоточеннымъ противъ него войскамъ время атаковать его, онъ отбросилъ 5-го сентября эрцгерцога, а 25-го сентября Корсакова.

Эрцгерцогъ настаивалъ на выполненіи обѣими арміями одного общаго наступательнаго плана и даже хотѣлъ выждать Суворова, но графъ Францъ Дитрихштейнъ, посланный австрійскимъ дворомъ въ главную квартиру, въ іюлѣ мѣсяцѣ, оспаривалъ этотъ планъ и грубо замѣтилъ эрцгерцогу, въ присутствіи собравшагося военнаго совѣта, что «его дѣло не совѣтовать, а повиноваться». Это слишкомъ поспѣшное отозваніе австрійскихъ войскъ изъ Швейцаріи подало Россіи поводъ къ жалобамъ, но Австрія со своей стороны имѣла поводъ жаловаться на русскихъ за то, что, не смотря на требованіе эрцгерцога, Корсаковъ отказался дѣйствовать съ нимъ совмѣстно, говоря, что онъ обязанъ исполнять только приказаніе фельдмаршала Суворова, а таковыхъ онъ еще не получалъ. Эрцгерцогъ въ отчаяніи двинулся въ Швабію, гдѣ французы уже зашли довольно далеко. Онъ отбросилъ непріятеля и одержалъ надъ нимъ значительную побѣду, когда рѣшительное пораженіе, понесенное Корсаковымъ, заставило его двинуться въ лѣсные кантоны Швейцаріи. Въ это время подоспѣлъ Суворовъ, но, не смотря на всю выказанную имъ храбрость, ему ничего не оставалось, какъ отступить къ Граубиндену. Полученное отъ него обстоятельное донесеніе, полное самыхъ тяжкихъ обвиненій противъ Тугута и генерала Меласа, было опубликовано по повелѣнію императора Павла, въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Это донесеніе русскаго генерала, въ которомъ говори-

лось между прочимъ: «Тугутъ обманулъ меня» и «препятствія, противопоставленныя мнѣ непріятелемъ и природою, были не самыя главныя», подало графу Кобенцелю поводъ къ энергичнымъ жалобамъ, которыя были оставлены императоромъ безъ вниманія.

Впрочемъ, императоръ Павелъ еще ранѣе выражалъ свое нерасположеніе къ Вѣнскому двору. Когда графъ Дитрихштейнъ пріѣхалъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ эрцгерцогомъ (Іосифомъ) [1]), то императоръ отказался принять перваго изъ нихъ въ Гатчинѣ; не смотря на всѣ представленія эрцгерцога, графъ былъ допущенъ къ императору только тогда, когда до него дошла очередь.

Императоръ обвинялъ Дитрихштейна главнымъ образомъ за его образъ дѣйствій въ Швейцаріи и кромѣ того считалъ его креатурою Тугута, которому онъ (императоръ) все болѣе и болѣе не довѣрялъ. При полученіи извѣстія о томъ, что графъ Дитрихштейнъ; маркизъ де-Галло и принцъ Фердинандъ [2]) Виртембергскій предполагали пріѣхать въ Россію, онъ воскликнулъ: «Слѣдовательно, мой дворецъ будетъ запятнанъ политикой».

Императоръ относился подозрительно къ маркизу де-Галло и къ графу Кобенцелю потому, что они вели переговоры при заключеніи мира въ Кампо-Форміо, къ тому же онъ подозрѣвалъ ихъ въ соучастіи въ тайныхъ проискахъ. Герцогъ Серра-Капріола отчасти также былъ причиною, что маркизъ де-Галло, къ которому императоръ относился вначалѣ весьма милостиво, лишился высочайшаго благоволенія, такъ какъ ему хотѣлось, чтобы его дворъ назначилъ другаго посланника.

Графъ Дитрихштейнъ и его супруга, рожденная Шувалова, уѣхали изъ Петербурга, пробывъ въ немъ всего три дня, а эрцгерцогъ (Іосифъ), принцъ Фердинандъ, князь Ауерспергъ и графъ Кобенцель, оставшіеся тамъ долѣе, испытывали на себѣ все время дурное расположеніе духа императора. Съ эрцгерцогомъ императоръ не сказалъ ни слова во все время его пребыванія въ Гатчинѣ и въ своемъ озлобленіи хотѣлъ даже подвергнуть его домашнему аресту.

Что касается графа Кобенцеля, то онъ утратилъ, со времени своего возвращенія въ Петербургъ, всякое значеніе. Отвратительная болѣзнь, которой онъ страдалъ, еще болѣе обезобразила его лицо, и наружность его была столь же отталкивающая, какъ и его вѣроломный характеръ. Когда Кобенцель, какъ представитель эрцгерцога, долженъ былъ за него быть обвѣнчанъ съ великой княжной Александрой Павловной, то онъ внушилъ ей и императрицѣ, ея матери, столь сильное отвращеніе,

---

[1]) Эрцгерцогъ, палатинъ венгерскій Іосифъ, былъ обрученъ съ дочерью императора Павла, великой княжною Александрой Павловной († 1801 г.).

[2]) Принцъ Фердинандъ Виртембергскій († 1834) былъ младшій братъ короля Виртембергскаго.

что онѣ заявили, что великая княжна не желаетъ пить съ нимъ по православному обряду изъ одной чаши. Заочное вѣнчаніе было отмѣнено, и эрцгерцогу пришлось пріѣхать для совершенія обряда лично. Императоръ пересталъ говорить съ посланникомъ съ самаго его пріѣзда въ Гатчину; съ этого момента неблагосклонное отношеніе къ нему Павла все увеличивалось. Императоръ относился къ нему въ высшей степени холодно все время, пока эрцгерцогъ былъ въ Россіи, и не стѣсняясь дѣлалъ колкія замѣчанія о вѣнскомъ дворѣ, его политикѣ и уполномоченныхъ.

— Съ тѣхъ поръ,—сказалъ онъ однажды,—какъ мои генералы вступили въ Италію и ѣли тамъ пармезанъ, они достаточно заплатили за него.

Графу Кобенцелю, не смотря на все его низкопоклонство, не удалось заставить императора измѣнить о немъ мнѣніе и относиться къ нему доброжелательнѣе. Напротивъ того, раздраженіе монарха все увеличивалось, и 29-го сентября 1799 года онъ обнародовалъ манифестъ, въ которомъ угрожалъ отозвать свои войска. Этотъ актъ былъ первымъ проявленіемъ того новаго направленія его воли, которое не замедлило выразиться яснѣе.

На планы императора также имѣлъ значительное вліяніе неудачный исходъ экспедиціи въ Голландію [1]). Онъ относился къ ней все время несочувственно, но всѣ его возраженія съ успѣхомъ были оспариваемы капитаномъ Попгамомъ[2]) (Popham), человѣкомъ ловкимъ и краснорѣчивымъ, такъ что онъ (императоръ) согласился наконецъ примкнуть къ конвеціи, предложенной Витвортомъ.

— Хорошо, я согласенъ,—сказалъ императоръ,—но я не сочувствую этому дѣлу.

Наказаніе, коему подвергся генералъ Германъ [3]), смѣщеніе Корсакова и другіе признаки страшнаго гнѣва монарха давали поводъ предполагать, что съ нимъ нельзя было вести переговоры, такъ какъ онъ видѣлъ, что его чистыя и честныя намѣренія не согласовались съ планами его союзниковъ и парализовались ходомъ военныхъ дѣйствій.

8-го ноября фельдмаршалу Суворову было послано наконецъ повелѣніе возвратиться въ Россію; это случилось одновременно съ пріѣздомъ

---

[1]) Англо-русскія войска (17.000 русскихъ и 26.000 англичанъ), высадившіяся въ августѣ мѣсяцѣ 1791 г. на берегу Сѣверной Голландіи подъ командою герцога Іоркскаго, были разбиты генераломъ Брюномъ близъ Бергена и должны были очистить Нидерланды на основаніи заключенной съ нимъ капитуляціи.

[2]) Чиновникъ, состоявшій при англійскомъ посольствѣ въ Петербургѣ.

[3]) Онъ командовалъ посланной въ Голландію русской экспедиціей, былъ взятъ въ плѣнъ близъ Бергена и лишенъ за это чиновъ.

изъ Баваріи депутаціи, прибывшей въ Гатчину при столь неблагопріятныхъ обстоятельствахъ.

Приказаніе, посланное Суворову, вызвало среди лицъ, сочувствовавшихъ коалиціи, живѣйшее волненіе и безпокойство. Витвортъ передалъ императору по этому поводу энергично и убѣдительно написанную записку, принадлежавшую перу Мезоннева, бывшаго посланникомъ Мальтійскаго ордена въ Берлинѣ и другомъ Витворта, въ которой онъ коснулся по моей просьбѣ, на сколько было возможно, интересовъ Баваріи. Подобнаго же рода записка была вручена мною министру графу Панину, который изложилъ могущія быть послѣдствія отъ этой мѣры въ написанной имъ образцовой запискѣ. Можетъ ли Россія (писалъ онъ) покинуть союзниковъ, коихъ она сама искала, и оставить на произволъ судьбы соратниковъ, которые никогда не рѣшились бы начать войну, если бы Россія не склонила ихъ къ тому? Отступить послѣ того, какъ были даны столь ясныя заявленія, было бы равносильно внушить Франціи снова самоувѣренность, придать ей новыя силы и какъ бы дать ей армію для борьбы съ коалиціей и тѣми принципами, коихъ она является защитницей; это значило бы пошатнуть свое собственное политическое значеніе и предоставить австрійскому и англійскому кабинетамъ полную свободу для осуществленія ихъ честолюбивыхъ плановъ.

Написанную въ этомъ смыслѣ записку графъ Панинъ препроводилъ графу Ростопчину въ Гатчину. Ростопчинъ спросилъ Панина, хорошо ли онъ обдумалъ содержаніе записки и дѣйствительно ли онъ желаетъ, чтобы она была представлена императору.

— Да,—отвѣчалъ графъ Панинъ,—я убѣдительно прошу васъ о томъ именемъ моего отечества; прошу васъ также приложить къ ней сіе мое разъясненіе.

Записка графа Панина, дѣйствительно, была представлена императору, который и безъ того былъ уже поколебленъ продолжительной и пространной бесѣдою съ принцемъ Фердинандомъ, за день до его отъѣзда: онъ отмѣнилъ повелѣніе объ отозваніи русскихъ войскъ.

Принцъ Фердинандъ, котораго поддерживала при этихъ переговорахъ императрица, старался главнымъ образомъ разъяснить сущность обвиненій, предъявленныхъ Австріи, и склонить императора къ тому, чтобы онъ снова принялъ участіе въ общемъ дѣлѣ.

Принявъ это рѣшеніе, императоръ руководствовался исключительно чувствомъ. Но окружающіе съумѣли снова возбудить опасенія монарха, выставить тысячу причинъ противъ коалиціи, которой они никогда не сочувствовали, и такимъ образомъ достигли того, что императоръ подтвердилъ вновь свое первое повелѣніе.

Панинъ былъ въ отчаяніи, но старался по возможности скрывать свои мысли. Между тѣмъ, какъ графъ Ростопчинъ и его друзья съ

гордостью говорили о рѣшеніи, принятомъ императоромъ, какъ о вопросѣ, не подлежащемъ измѣненію, Панинъ никому не говорилъ о немъ, и только двѣ недѣли спустя, когда дѣлать было уже нечего, онъ заявилъ объ этомъ оффиціально нѣкоторымъ членамъ дипломатическаго корпуса.

Бывъ своевременно освѣдомленъ объ истинномъ положеніи дѣлъ, я извѣстилъ о томъ ваше королевское высочество. Впослѣдствіи, 15-го января 1800 г., мною была составлена записка, въ которой я разъяснилъ этотъ новый планъ и его значеніе для Баваріи. Въ этой запискѣ я обсуждалъ возможность заключить съ Англіей договоръ о субсидіи и условія, на которыхъ баварская армія могла бы дѣйствовать совмѣстно съ Австріей. Графъ Панинъ высказывалъ намъ со своей стороны все время величайшее доброжелательство, но, не смотря на наилучшія намѣренія министра, ничего нельзя было сдѣлать, такъ какъ графъ Панинъ, пользуясь вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ, не имѣетъ рѣшительно никакого вліянія и никогда не имѣлъ возможности говорить съ глаза на глазъ съ монархомъ.

Поэтому на Россію надобно смотрѣть, какъ на державу, которая непричастна къ войнѣ, ею же самой возбужденной, и которая слѣдитъ болѣе зорко, чѣмъ когда-либо, за той державой, которая подстрекнула ее къ этой войнѣ (Австрія).

Подобное положеніе было слишкомъ выгодно для Баваріи, чтобы имъ не воспользоваться. Поэтому гарантіи, обезпеченныя Гатчинскимъ договоромъ, были приняты за основаніе дальнѣйшихъ дѣйствій, и всѣ наши шаги были направлены къ тому, чтобы обезпечить Баварію отъ всякихъ поползновеній со стороны Австріи. Обстоятельства приняли такой оборотъ, что Россія настойчиво предлагала защитить насъ отъ несправедливыхъ требованій Австріи и вошла по этому поводу въ соглашеніе съ Берлинскимъ кабинетомъ. Теперь весьма важно не озлоблять умы и не давать новой пищи возгорѣвшемуся пламени.

Императоръ предлагалъ по-прежнему Баваріи самыя успокоительныя гарантіи и вошелъ въ соглашеніе съ Пруссіей касательно утвержденія договора по этому вопросу. 8-го января къ графу Кобенцелю прибылъ отъ его двора курьеръ съ депешами, въ коихъ былъ затронутъ вопросъ о вознагражденіи, требуемомъ Австріей въ Италіи. Вѣнскій кабинетъ желалъ получить Миланскую область, всю Венецію, три римскія легатства и смежные съ Граубинденскимъ кантономъ итальянскіе округи (baillages); затѣмъ онъ предлагалъ уступить королю Сардинскому Пьемонтъ съ тѣмъ, чтобы онъ возвратилъ австрійскому дому Тортонскую и Наварскую области. Австрія обѣщала не увеличивать своихъ владѣній въ Германіи, возвратить полную независимость Швейцаріи и выставить новыя войска для продолженія войны съ Франціей.

Въ то время какъ прибылъ этотъ курьеръ, Кобенцель жилъ въ Гат-

чинѣ. Онъ написалъ находившемуся тамъ же графу Ростопчину и просилъ у него свиданія для переговоровъ по важному дѣлу. Ростопчинъ предложилъ графу Кобенцелю обратиться къ находившемуся въ Петербургѣ графу Панину, «особо уполномоченному для переговоровъ съ иностранными министрами», и Кобенцелю пришлось ѣхать за 40 верстъ въ Петербургъ, чтобы переговорить съ Панинымъ и затѣмъ возвратиться въ Гатчину, гдѣ Ростопчинъ всего нѣсколько дней передъ тѣмъ принималъ шведскаго посланника.

Предложенія Австріи чрезвычайно не понравились императору и еще болѣе отдалили его отъ вѣнскаго двора. Онъ объявилъ, что отзоветъ свои войска на границу, чтобы защищать свои собственныя владѣнія и своихъ друзей.

Австріи пришлось убѣдиться въ томъ, что всѣ ея планы и попытки къ примиренію не привели ни къ чему. Затѣмъ случились извѣстныя событія въ Анконѣ [1]), которыя окончательно уронили во мнѣніи императора Кобенцеля. Послѣ того какъ ему было приказано не появляться болѣе при дворѣ, онъ сидѣлъ безвыходно дома и былъ всѣми оставленъ. Нѣкоторыя лица, продолжавшія бывать у него, были высланы изъ столицы, и наконецъ иностраннымъ посланникамъ было объявлено, по повелѣнію императора, что всякое сношеніе съ Кобенцелемъ воспрещается. Такимъ образомъ съ посланникомъ первой европейской державы обращались, какъ съ зачумленнымъ, и ему было даже воспрещено сообщаться со своими коллегами.

Уѣхавъ изъ Гатчины, императоръ ни съ кѣмъ болѣе не говорилъ, онъ сталъ относиться подозрительно даже къ Витворту, къ которому онъ былъ до тѣхъ поръ весьма благосклоненъ. Этотъ посланникъ старался примирить умы и интересы и говорилъ въ пользу Австріи, но этимъ повредилъ своему собственному дѣлу. Императоръ дѣлалъ ему умышленно всевозможныя непріятности и выслалъ подъ самымъ не-

---

[1]) Анкона, принадлежавшая къ церковнымъ владѣніямъ папы, была взята въ 1797 г. французскимъ маршаломъ Викторомъ и объявлена независимой республикой, но ея самостоятельное существованіе продолжалось недолго. Въ 1799 г. она была осаждена неаполитанцами, русскими, англичанами и австрійцами. Комендантъ Анконы, генералъ Монье съ незначительнымъ гарнизономъ (1.600 чел.), послѣ геройской защиты, продолжавшейся 105 дней, былъ вынужденъ сдаться, за отсутствіемъ съѣстныхъ припасовъ и боевыхъ снарядовъ. Австрійцы отнеслись къ нему великодушно и разрѣшили гарнизону, за выказанное имъ геройство, выйти изъ крѣпости со всѣми воинскими почестями и возвратиться во Францію любымъ путемъ на средства Австріи. При капитуляціи крѣпости, австрійскій генералъ Фрёлихъ, вслѣдствіе разногласія во мнѣніи, возникшаго между нимъ и русскимъ адмираломъ Ушаковымъ, позволилъ себѣ удалить знамя, водруженное адмираломъ на этой крѣпости, и допустилъ въ капитуляціи обидную для Россіи статью. В. Т.

справедливымъ предлогомъ г-жу Жеребцову, съ которой Витвортъ давно уже былъ очень близокъ, и которую императоръ до тѣхъ поръ терпѣлъ изъ уваженія къ Витворту, не смотря на свою ненависть къ ея брату князю Зубову. Витворту пришлось пострадать за то, что онъ посѣтилъ графа Кобенцеля.

— Этотъ человѣкъ—сказалъ императоръ,—котораго я считалъ своимъ другомъ, сдѣлается моимъ врагомъ, если его дворъ прикажетъ ему это.

Клеветы, распущенныя противъ Австріи и переданныя великимъ княземъ Константиномъ, по возвращеніи его (изъ италіанской арміи Суворова), и нѣкоторыя домашнія непріятности, о коихъ будетъ рѣчь далѣе, дотого озлобили императора, что къ нему почти нельзя было подступиться; чуть не каждый день ознаменовывался проявленіемъ его крайней жестокости.

Надъ Петербургомъ тяготѣлъ настоящій ужасъ, всѣ боялись бывать другъ у друга, говорить другъ съ другомъ, такъ какъ все могло быть превратно истолковано. Всѣ должны были обречь себя на полнѣйшее бездѣйствіе. Особенно тягостно было подобное положеніе дѣлъ для дипломатическаго корпуса. Хотя въ общемъ составъ его былъ удачный, но все же среди его членовъ существовало различіе во взглядахъ и мнѣніяхъ. Герцогъ Серра Капріола выказывалъ сильную ненависть къ Австріи и ея притязаніямъ, старался обратить все вниманіе Россіи на Италію и говорилъ во всеуслышаніе, что онъ не столько боится для своего отечества французскаго владычества (само собою разумѣется, временнаго), сколько политическаго униженія, на которое его всегда стремится обречь Австрія, и что если бы пришлось выбирать между Тугутомъ и Бонапартомъ, то въ выборѣ нельзя было бы сомнѣваться. Затѣмъ онъ сказалъ, что зеленые мундиры (т. е. русскіе) должны остаться въ Италіи для того, чтобы ограничить деспотизмъ Австріи. Точно также онъ старался какъ можно ярче оттѣнить разницу между поведеніемъ неаполитанцевъ и образомъ дѣйствій австрійцевъ въ Анконѣ и пояснить прокламаціи генераловъ Назелли и Фрёлиха. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пояснялъ планъ нападенія на Мальту и указывалъ на нецѣлесообразность, съ политической точки зрѣнія, отказаться отъ плана совмѣстнаго дѣйствія Россіи, Неаполя и Англіи, въ интересахъ Мальты. Серра Капріола имѣлъ удовольствіе достигнуть цѣли и добиться того, что въ Италіи и въ Средиземномъ морѣ былъ оставленъ корпусъ русскихъ войскъ.

Нѣсколько времени спустя тотъ же министръ принесъ императору, какъ гроссмейстеру Мальтійскаго ордена, присягу на вѣрность отъ провинціи Капуи, Барлетти и Мессины. Эта предупредительность неаполитанскаго короля не мало содѣйствовала упроченію императора, весьма чувствительнаго въ этомъ отношеніи, въ благопріятныхъ чувствахъ къ королю неаполитанскому; съ другой стороны, этотъ послан-

никъ жаловался на Англію и ея морской деспотизмъ и побудилъ сардинскаго посланника приписать Австріи всѣ невзгоды, постигшія его страну.

Само собою разумѣется, что таковое положеніе дѣлъ должно было оказать самое пагубное вліяніе на взаимныя отношенія союзныхъ державъ. Австрія, умудренная опытомъ относительно того, что совмѣстныя военныя дѣйствія съ Россіей сопряжены съ большими неудобствами, рѣшилась измѣнить свои планы только послѣ большаго колебанія. Она выказала Россіи большое уваженіе, можно даже сказать, почтеніе (respekt), но, стараясь снискать расположеніе императора Павла и удержать его разными мелочами, не сдѣлала ни одного шага, который соотвѣтствовалъ бы этому намѣренію. Далѣе, дѣлая видъ, что она проситъ Россію оставить ея войска за границею, Австрія дала въ то же время Англіи тѣ объясненія, въ коихъ она отказала Россіи, руководствуясь въ этомъ случаѣ соображеніемъ, что этимъ объясненіемъ она точно также не связывала себя ничѣмъ, какъ и Англія. Австрія старалась привлечь эту державу на свою сторону всевозможными обманчивыми обѣщаніями и въ то же время употребляла всевозможныя средства, чтобы удалить русскихъ отъ театра военныхъ дѣйствій, гдѣ они были бы неудобными свидѣтелями или нежеланными сотоварищами. Разсмотрѣвъ поближе прокламаціи генераловъ Фрёлиха и Меласа, мы увидимъ, что въ нихъ не упоминается о русскихъ и что вся слава и всѣ лавры приписываются исключительно австрійской арміи. Почти невѣроятно, что генералъ Фрёлихъ допустилъ въ капитуляціи (Анконы) обидную для Россіи статью, но разумѣется еще болѣе невѣроятно, что онъ приказалъ удалить знамя, водруженное адмираломъ Ушаковымъ на укрѣпленіяхъ этой гавани. Трудно допустить, что генералъ могъ сдѣлать столь неприличный и неумѣстный поступокъ самовольно. Все сказанное по этому поводу графомъ Панинымъ не только графу Кобенцелю, но и всѣмъ членамъ дипломатическаго корпуса доказываетъ, какъ сильно императоръ былъ этимъ раздраженъ.

Тѣмъ не менѣе вѣнскій дворъ продолжалъ свою систему мнимаго подчиненія, а на самомъ дѣлѣ противодѣйствія Россіи, и предлагалъ ей всевозможныя вознагражденія, не уступая однако ни въ одномъ существенномъ пунктѣ. Не смотря на то, что Кобенцель сдѣлался для императора предметомъ ненависти и презрѣнія, онъ остался на своемъ посту. Монархъ наносилъ этому посланнику ежедневно оскорбленія, но терпѣніе г. Тугута отъ этого не истощилось: посланника обрекли повидимому быть козлищемъ отпущенія. Графъ Кобенцель неоднократно просилъ отозвать его, но не могъ этого добиться. Его правительство хотѣло, чтобы онъ уѣхалъ по своей собственной инициативѣ, чтобы такимъ образомъ не быть вынужденнымъ уплатить его долги, и русскій послан-

никъ г. Колычевъ доносилъ, что г. Тугутъ никогда не заикался о замѣщеніи Кобенцеля въ Петербургѣ. Тщетно задаешь себѣ вопросъ, съ какою цѣлью, вѣнскій дворъ оставлялъ на своемъ посту человѣка, котораго постигла при петербургскомъ дворѣ гражданская смерть, и трудно понять, какіе переговоры могутъ вестись при посредствѣ человѣка, не имѣющаго голоса.

Между тѣмъ Австрія не только игнорировала это оскорбленіе, но не высказала ни малѣйшей жалобы и по поводу отозванія графа Разумовскаго, котораго она желала сохранить и котораго ей было обѣщано оставить. Съ другой стороны, Англія, недовольная Россіей и озабоченная тѣмъ, что ей придется составлять планъ новой кампаніи совмѣстно съ такимъ непостояннымъ и раздражительнымъ монархомъ, все еще желала произвести высадку въ Голландію и хотѣла, чтобы съ этой цѣлью были употреблены находившіяся тамъ войска. Что касается плановъ Дюмурье [1]) и его грандіозныхъ замысловъ, касательно экспедиціи въ Нормандію и Голландію, то я имѣю полное основаніе думать, что Англія не принимаетъ въ этихъ планахъ ни малѣйшаго участія.

Витвортъ принялъ извѣстіе о пріѣздѣ Дюмурье такъ холодно, что изъ этого можно было понять, что ему не велѣно поддерживать его предложенія и планы. Дюмурье живетъ въ гостиницѣ совершенно замкнуто и лишенъ почти всего необходимаго. Его присутствіе въ Петербургѣ составляло для всѣхъ лицъ, его знавшихъ, предметъ удивленія. Ему докучаютъ посланцы изъ Митавы, которые считаютъ его подходящимъ орудіемъ для своихъ цѣлей и проклинаютъ его за измѣну политическимъ взглядамъ и за то, что онъ прикидывается кающимся грѣшникомъ. Говорятъ, будто Дюмурье подъ впечатлѣніемъ необузданныхъ проявленій деспотизма, коихъ онъ бываетъ ежедневно свидѣтелемъ, сдѣлался снова республиканцемъ; съ императоромъ онъ говорилъ только однажды на парадѣ.

Павелъ I все еще поддерживаетъ сношенія съ французскимъ дворомъ, имѣющимъ резиденцію въ Митавѣ, но его отношенія къ нему приняли какой-то чисто дѣтскій характеръ и ограничиваются обмѣномъ орденовъ и тому подобныхъ бездѣлокъ и даютъ поводъ расточать похвалы, сочиняемыя по поводу интимныхъ отношеній, существующихъ между королемъ и его покровителемъ. Въ сущности король

---

[1]) Генералъ Дюмурье (р. 1739 † 1823 г. въ Англіи), измѣнившій республикѣ 4-го апрѣля 1793 г. и бѣжавшій въ австрійскій лагерь, прибылъ лѣтомъ 1799 г. въ Митаву къ Людовику XVIII, избралъ вмѣстѣ съ нимъ мѣсто для высадки войскъ и взялся уговорить императора Павла къ принятію и выполненію этого плана. Принятый благосклонно онъ былъ вынужденъ впослѣдствіи оставить Петербургъ, получивъ денежный подарокъ.

находится въ полной зависимости и ему приходится расплачиваться за оказываемое ему вспомоществованіе, всевозможными униженіями и съ досадою видѣть, что самые вѣрные и преданные ему люди высылаются одинъ за другимъ: Павелъ I любитъ и охраняетъ монархію, но не любитъ ея монарха. Всѣ преданные ему люди испытали на себѣ одинъ за другимъ немилость императора: герцогъ Брольи высланъ въ Ригу, графъ де-Сенъ Пріестъ лишился своей должности, графъ Шуазель-Гуфье также потерялъ свое мѣсто въ Петербургѣ и высланъ точно такъ же, какъ маркизъ Ламбертъ. Къ этимъ враждебнымъ шагамъ побудилъ императора графъ Ростопчинъ, извѣстный врагъ коалиціи и ревностный гонитель всѣхъ поступившихъ на русскую службу иностранцевъ; онъ непрестанно повторялъ государю, что Россіи нѣтъ нужды до остальнаго міра, что она можетъ во всякое время перейти къ такому политическому плану и играть такую роль, какую она считаетъ наиболѣе цѣлесообразной. Кромѣ того онъ внушаетъ императору, что войска его величества подвергаются величайшимъ непріятностямъ и потерямъ, которыя по всей вѣроятности умышленно подготовлены его завистливыми союзниками. Рѣчи, которыя держалъ великій князь Константинъ Павловичъ по возвращеніи своемъ, утвердили монарха въ этихъ взглядахъ и увеличили его антипатію къ Австріи. Хотя Австрія дѣлала видъ, что она предполагаетъ начать новую кампанію, и хотя фельдмаршалъ предложилъ для этого подходящій планъ, но все же было рѣшено отказаться отъ коалиціи и о рѣшеніи этомъ было доведено до свѣдѣнія вашего королевскаго величества, двумя письмами императора. Немного позже былъ посланъ курьеръ въ Англію, съ приказаніемъ находившемуся тамъ флоту возвратиться въ Россію. Таково было положеніе дѣлъ въ то время какъ я оставилъ Россію 19-го февраля 1800 г.»

2.

Въ Россіи не существуетъ болѣе настоящей правительственной системы. Русская политика есть не что иное, какъ выраженіе воли ея монарха, а этой волею руководятъ страсти, которыя слишкомъ сильны, чтобы съ ними возможно было считаться. Между тѣмъ намѣренія императора не измѣнились. Пожалуй, не было еще на свѣтѣ человѣка, коимъ столь всецѣло овладѣла бы одна мысль, одно чувство, какъ императоромъ Павломъ.

Тѣмъ удивительнѣе, что подобная стойкость во взглядахъ идетъ рука объ руку съ такою удивительной измѣнчивостью относительно тѣхъ средствъ, коими достигаются эти цѣли.

Мелочная честность, искреннее желаніе предоставить каждому возможность пользоваться своими правами, глубоко укоренившаяся наклон-

ность къ деспотизму, извѣстное рыцарство, которое ведетъ къ самымъ великодушнымъ и самымъ двухсмысленнымъ поступкамъ — таковы побужденія, руководящія Павломъ I въ его отношеніяхъ къ прочимъ державамъ. Онъ сталъ во главѣ коалиціи, движимый не заботою объ интересамъ государства, а единственно повинуясь чувствамъ справедливости.

Въ началѣ своего царствованія онъ слѣдовалъ противуположному направленію потому, что во главѣ министерства стоялъ Безбородко, глубоко проникнутый принципами Екатерины II, которая незадолго до своей кончины возстановила (противъ Франціи) всѣ прочія державы, но сама не хотѣла ничего предпринять. Такъ какъ императрица, въ послѣднее время своей жизни, выказала желаніе измѣнить свои мѣропріятія, то императоръ рѣшилъ ни въ чемъ не поступать согласно принятому ею направленію. Изъ уваженія къ старику канцлеру Павелъ оставилъ его у дѣлъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что князь Безбородко былъ бы отставленъ, если бы онъ прожилъ долѣе года. Еще при жизни канцлера вслѣдствіе завоеванія Наполеономъ Мальты въ умѣ императора зародились тѣ мысли, которыя онъ осуществилъ впослѣдствіи. Онъ хотѣлъ возстановить въ Европѣ прежній порядокъ и надѣялся устроить все по своему желанію. Онъ былъ введенъ въ заблужденіе ложною мыслью, что ему достаточно будетъ заявить, что «его дѣйствіями руководятъ не личныя соображенія и не честолюбіе» для того, чтобы прочія державы рѣшили дѣйствовать въ томъ же духѣ. Онъ въ этомъ жестоко ошибся.

Австрія скрывала свои намѣренія потому, что онъ (императоръ) и его вліяніе были ей нужны для того, чтобы привлечь на свою сторону общественное мнѣніе и положить конецъ страху, обуявшему Европу подъ вліяніемъ побѣдъ, одержанныхъ Франціей въ 1796 и 1797 г.г. и собственныхъ ея успѣховъ въ 1798 и 1799 г.г.

Императоръ Павелъ примкнулъ къ коалиціи съ самыми чистыми намѣреніями и не имѣлъ задней мысли, говоря, что хочетъ ниспровергнуть безбожное французское правительство. Онъ дѣйствительно не хотѣлъ ничего для себя, а хотѣлъ только возвратить все тѣмъ, кои лишились законной собственности. Но тотъ, кому были мало-мальски извѣстны цѣли, которыя преслѣдовались союзниками императора Павла, тотъ долженъ былъ предвидѣть, что эти цѣли будутъ въ противорѣчіи съ планами русскаго государя. Чѣмъ болѣе ускорялся ходъ дѣлъ, чѣмъ яснѣе обнаруживалась политика союзниковъ императора, тѣмъ яснѣе выказалось несоотвѣтствіе, существовавшее между его честными намѣреніями и тѣми цѣлями, какія преслѣдовались союзными державами. Вслѣдствіе этого императоръ возненавидѣлъ политику; всѣ рѣчи, которыя онъ произносилъ въ то время, дышали нападками на политику и ея агентовъ. Онъ замкнулся въ самомъ себѣ и сталъ презирать всѣхъ тѣхъ, коихъ онъ

считалъ пропитанными принципами, не согласными съ его собственными взглядами.

Если бы Павелъ I лучше зналъ людей и болѣе понималъ свое время, то онъ не впалъ бы въ ошибку и не думалъ бы, что единственною заботою этихъ людей было защищать справедливость. Онъ не подумалъ бы дѣлать при помощи другихъ державъ абсолютное добро, но удовольствовался бы достиженіемъ этого добра въ предѣлахъ возможнаго. При его взглядахъ на вещи, онъ самъ былъ виноватъ, что его благородныя намѣренія не только остались невыполненными, но даже принесли вредъ. Онъ озадачилъ людей и далъ поводъ возгорѣться тѣмъ именно страстямъ, которыя онъ хотѣлъ подавить. Наконецъ онъ лишилъ Россію ея вліянія и ея политическаго значенія, придавъ своей политикѣ характеръ неустойчивости и необузданной страстности, коими онъ самъ отличался.

Въ самомъ дѣлѣ—можно ли полагаться на союзы, которые могутъ быть нарушены по прихоти, и можно ли ставить успѣхъ обширныхъ предпріятій въ зависимость отъ случайныхъ поступковъ союзника? Англія и Австрія доказали, что они цѣнятъ содѣйствіе такого союзника не особенно высоко. Онѣ ограничились дружественными и почтительными заявленіями, но не сдѣлали шага къ возстановленію прежнихъ отношеній.

Императоръ началъ между тѣмъ переговоры съ разными другими державами и заключилъ договоры съ Баваріей, Швеціей и Португаліей въ то время, какъ онъ уже собирался отозвать свои войска. Всѣ эти договоры обязывали обѣ стороны оказывать другъ другу взаимную поддержку въ случаѣ нападенія на которую-нибудь изъ нихъ. Всѣ они отмѣчены печатью той высшей справедливости и честности, которыя составляли отличительную черту самого императора. Этими свойствами его характера можно было бы воспользоваться во всѣхъ случаяхъ, когда какому-либо государству угрожала бы опасность со стороны сосѣдней державы, которая могла напасть на него или угрожать его существованію. Для великихъ державъ императоръ представляетъ собою крайне стѣснительнаго и докучливаго союзника, но для маленькихъ государствъ онъ можетъ быть весьма полезнымъ покровителемъ. Союзъ съ нимъ можетъ быть тяжелъ и стѣснителенъ, но его вражда можетъ быть въ высокой степени опасна. Это объясняется тѣмъ, что, при совмѣстныхъ предпріятіяхъ, малѣйшее разногласіе во мнѣніи, малѣйшее постороннее обстоятельство можетъ послужить поводомъ къ разрыву.

Поэтому Австрія боится императора не только какъ союзника, но и какъ противника. Эта держава знаетъ, что онъ не пропуститъ ничего, что̀ могло бы угрожать его безопасности. Я склоненъ думать поэтому, что при жизни этого монарха Австрія откажется отъ расширенія своихъ владѣній на востокъ, югъ и сѣверъ. Ужъ если небольшія пріобрѣтенія

и поползновенія Австріи, направленныя къ югу, могли такъ сильно возстановить императора Павла I противъ этой державы, какъ это случилось въ настоящее время, то всякіе шаги, которые непосредственно противорѣчили бы принятымъ имъ на себя обязательствамъ, привели бы его несомнѣнно въ крайнее раздраженіе. Его поступку съ австрійскимъ посланникомъ нѣтъ подобнаго въ лѣтописяхъ дипломатіи, но онъ относится и къ Англіи съ такой суровостью, которая показываетъ, что онъ ничего не принимаетъ въ соображеніе, если считаетъ задѣтыми тѣ принципы, которые особенно близки его сердцу.

Русскій императоръ относится въ настоящее время особенно враждебно къ Франціи потому, что онъ считаетъ правительство этой страны незаконнымъ; но поводомъ къ войнѣ съ Франціей для него можетъ быть только одно обстоятельство—Мальта. Съ Испаніей онъ находится также во враждеждебныхъ отношеніяхъ, хотя объявленіе войны, послѣдовавшее между этими государствами, не привело ни къ какимъ послѣдствіямъ; его отношенія къ Австріи отмѣчены взаимной ненавистью, которая едва-ли можетъ уступить мѣсто другимъ чувствамъ, такъ какъ она дѣйствительно зависитъ отъ глубокаго различія во взглядахъ. Отношенія императора къ Англіи холодны, къ Даніи отмѣчены равнодушіемъ. Королю сардинскому Павелъ I покровительствуетъ потому, что онъ несчастенъ; Неаполь—единственная держава, близкая его сердцу, главнымъ образомъ потому, что неаполитанскій посланникъ высказываетъ величайшее недружелюбіе къ Австріи; съ Портою императоръ заключилъ союзъ потому, что подобное отношеніе къ этой странѣ занимаетъ его. Отношешенія императора къ Пруссіи одни только и соотвѣтствуютъ политическимъ традиціямъ. Они направляются графомъ Панинымъ, который привыкъ дѣйствовать методически, съ любовью къ порядку и придаетъ такое значеніе доброму согласію съ Пруссіей какое придавалъ этому его дядя.

Если все вышесказанное справедливо, то изъ этого можетъ быть выведено то заключеніе, что отношенія Россіи къ прочимъ державамъ походятъ на отношенія частныхъ людей между собою. Этими отношеніями руководятъ не разсчеты и соображенія, а чувства и страсти. Императоръ имѣетъ извѣстныя желанія, но не преслѣдуетъ никакихъ плановъ; о выполненіи какихъ-либо намѣреній, для осуществленія которыхъ требуется обдуманность и подготовка, не можетъ быть и рѣчи. Тѣмъ не менѣе для Баваріи чрезвычайно важно заручиться его покровительствомъ и дружбою. Баварія не можетъ пріобрѣсти лучшаго защитника противъ какихъ бы то ни было враждебныхъ поползновеній со стороны Австріи. Но надобно остерегаться, чтобы еще болѣе не возстановить Павла I противъ Австріи. Если бы между ними дѣло дошло до войны, то Австрія не обратитъ болѣе никакого вниманія на Россію, а тѣмъ

болѣе на насъ, между тѣмъ боязнь войны съ такимъ фанатическимъ монархомъ можетъ побудить Вѣнскій дворъ щадить насъ постолько, поскольку Россія интересуется Баваріей.

Однимъ изъ самыхъ важныхъ средствъ для достиженія этой цѣли было бы избрать искуснаго посланника, честнаго и прямодушнаго въ личныхъ сношеніяхъ и при веденіи переговоровъ.

3.

Изъ всего вышесказаннаго вытекаетъ, что въ Россіи есть только одна движущая сила, только одна воля въ лицѣ императора. Его воля и его желанія являются для Петербурга руководящимъ принципомъ всѣхъ желаній и чувствъ. Одаренный отъ природы большимъ умомъ, благороднымъ и даже чувствительнымъ сердцемъ, онъ находился въ теченіе тридцати лѣтъ подъ постояннымъ гнетомъ и принужденіемъ и долженъ былъ постоянно скрывать свои мысли и чувства. Когда онъ вступилъ на престолъ, все то, что ему приходилось скрывать, вылилось наружу съ ужасающей силою.

Смерть отца произвела на него глубокое впечатлѣніе; покойная государыня держала его положительно въ страхѣ. Онъ былъ удрученъ мыслію, что никогда не достигнетъ престола, и считалъ свое происхожденіе загадочнымъ. Онъ неоднократно высказывалъ это своимъ близкимъ друзьямъ и однажды сказалъ графинѣ Розенбергъ, съ которой онъ познакомился въ путешествіи и къ которой благоволилъ:

— Мнѣ никогда не дадутъ вступить на престолъ, и я на это и не разсчитываю. Но если судьбѣ будетъ угодно, чтобы я сдѣлался императоромъ, то не удивляйтесь тому, что вы тогда увидите. Вы знаете мое сердце, но вы не знаете этихъ людей (русскихъ),—а я знаю ихъ и знаю, какъ съ ними надобно обращаться.

Эти слова были переданы мнѣ г. Гаугвицемъ, который слышалъ ихъ изъ устъ самой графини.

Тотчасъ по вступленіи на престолъ, императоръ Павелъ засвидѣтельствовалъ свое отвращеніе къ событію 1762 г. и рѣшилъ предупредить злополучныя послѣдствія, вызванныя извѣстнымъ актомъ Петра Великаго, коимъ онъ поставилъ престолонаслѣдіе въ зависимость отъ рѣшенія и выбора царствующаго монарха. Павелъ, имѣвшій поводъ опасаться для себя повторенія событія 1762 г., издалъ законъ, коимъ женщины устраняются отъ престола, и онъ переходитъ разъ навсегда къ старшему въ родѣ мужскаго пола.

Императоръ выказалъ большую признательность къ людямъ, которые были преданы ему въ то время, когда онъ былъ великимъ княземъ. Куракины заняли высшія должности, и Ростопчинъ, получившій съ

самаго начала повышеніе, будетъ играть очень важную роль. Кромѣ того вступленіе на престолъ было ознаменовано различными актами правосудія. Король польскій былъ приглашенъ въ Петербургъ; ему отведено помѣщеніе въ Мраморномъ дворцѣ, и ему оказывали всевозможное вниманіе. На его похоронахъ императоръ лично командовалъ тринадцатью тысячами солдатъ, которые сопровождали его тѣло. Костюшко былъ освобожденъ изъ заключенія и осыпанъ милостями, которыя онъ могъ бы принять съ бо̀льшею благодарностью, чѣмъ онъ выказалъ по этому случаю. Чувство справедливости въ императорѣ такъ велико, что Польша получила бы снова свою независимость, если бы это зависѣло единственно отъ него. Князь Безбородко [1]) былъ назначенъ имъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и осыпанъ почестями и одаренъ помѣстьями.

Нѣсколько времени спустя, необычайная вспыльчивость, которая всегда была свойственна императору, но которую онъ до тѣхъ поръ болѣе или менѣе сдерживалъ, проявилась съ такою страшной силою, что Куракины начали опасаться за свою участь. Они пытались образовать партію и поставить во главѣ ея императрицу и дѣйствовали съ этой цѣлью чрезъ фрейлину Нелидову. Этотъ планъ былъ разстроенъ графомъ Кутайсовымъ, турецкимъ невольникомъ, взятымъ въ плѣнъ подъ Очаковомъ, который состоялъ при императорѣ. Павелъ, давъ ему образованіе, сдѣлалъ его своимъ камердинеромъ, а затѣмъ своимъ довѣреннымъ человѣкомъ.

Исторія Кутайсова извѣстна—она служитъ примѣромъ неслыханнаго счастья и быстраго повышенія, какое возможно только при неограниченномъ образѣ правленія. Кутайсовъ обладаетъ ловкостью и пронырствомъ своихъ соотечественниковъ и какъ нельзя лучше изучилъ характеръ своего монарха. Онъ не золъ и не мстителенъ, но лишенъ всякихъ нравственныхъ основъ, которыя дали бы ему возможность вести себя соотвѣтственно его положенію и достоинству его монарха. Кутайсовъ—убѣжденный противникъ коалиціи противъ Франціи и сходится въ этомъ случаѣ съ графомъ Ростопчинымъ, вліяніе котораго опирается на его (Кутайсова) вліяніе. Поэтому можно себѣ представить, какъ сильна эта партія и какъ обширны средства, коими она можетъ вліять на императора. Причины, вслѣдствіе которыхъ въ политической системѣ этого монарха наступила внезапно перемѣна, истолковывались различно. Несомнѣнно, что событія, совершившіяся въ Пьемонтѣ, разногласіе во взглядахъ относительно вывода войскъ изъ Швейцаріи и упорство, съ

---

[1]) Безбородко, тотчасъ по смерти Екатерины, передалъ Павлу всѣ документы, касавшіеся устраненія его отъ престола.

*

какимъ Пруссія настаивала на своемъ нейтралитетѣ, постепенно раздражили императора и что 12-го сентября, при обнародованіи извѣстнаго манифеста къ подданнымъ, онъ уже имѣлъ намѣреніе отклониться отъ участія въ коалиціи. Но надобно полагать, что на охлажденіе, происшедшее между императоромъ и его союзниками, повліяли и другія причины и между прочимъ нѣкоторыя вліятельныя лица, которыя довели этотъ новый взглядъ до тѣхъ размѣровъ, какихъ онъ достигъ нынѣ. Лица, хорошо знающія Россію и русскихъ, утверждаютъ съ полнымъ основаніемъ, что въ этомъ смыслѣ дѣйствовалъ Кутайсовъ, по наущенію французской актрисы, г-жи Шевалье. Эта дама сдѣлалась въ Петербургѣ весьма важной особой. Какъ возлюбленная Кутайсова, она окружена цѣлымъ сонмомъ людей пронырливыхъ и честолюбивыхъ, въ числѣ коихъ есть лица высшаго общества, не стыдящіеся искать ея покровительства и дѣлать ей самыя постыдныя предложенія. Такъ напр. оберкамергеръ, графъ Шереметевъ, платитъ всегда за ложу на ея бенефисъ три тысячи рублей. Деньги и подарки сыпятся на эту особу, которой императоръ дѣлалъ также неоднократно богатыя подношенія, хотя не требовалъ за это ничего; всѣ дѣлаемыя по этому поводу предположенія лишены всякаго основанія.

Вначалѣ императрица старалась устранить госпожу Шевалье; но, благодаря Кутайсову, съ которымъ сошлась эта особа, она находится нынѣ въ совершенной безопасности. Императоръ предназначилъ даже одну ложу въ Эрмитажѣ для ея личнаго употребленія и освободилъ ее отъ обязательства выступать публично.

Г-жа Шевалье хороша собою и привѣтлива въ обхожденіи; она жила прежде въ Ліонѣ и Гамбургѣ и вышла замужъ за величайшаго негодяя—бывшаго нѣкогда довѣреннымъ лицомъ Колло д' Ербуа и его сообщниковъ, во время извѣстныхъ событій въ Ліонѣ. Этотъ гнусный человѣкъ способенъ на всякое постыдное дѣло; онъ имѣетъ большое вліяніе на свою жену, которая сдѣлалась въ его рукахъ опаснымъ оружіемъ. Гаугвицъ, близко знакомый съ этой госпожею, разсказывалъ мнѣ о ней много интимныхъ подробностей, между прочимъ, что, во время послѣдняго путешествія покойнаго короля прусскаго, Шевалье пріѣхалъ въ Пирмонтъ и всячески старался сблизить свою жену съ королемъ или съ Гаугвицомъ. Но послѣдній, узнавъ о сношеніяхъ супружеской четы съ парижскими демократами, выслалъ ихъ отдуда. И эти люди раздаютъ въ настоящее время въ Петербургѣ милости, и имъ извѣстны всѣ государственныя тайны! Шевалье, бывшій нѣкогда плохенькимъ плясуномъ, сдѣлался тутъ балетмейстеромъ; императоръ пожаловалъ ему чинъ коллежскаго асессора, и дерзость этого человѣка дошла дотого, что онъ выразилъ надежду получить Мальтійскій крестъ.

Почемъ знать, быть можетъ, онъ и получитъ его—имѣетъ же его Кутайсовъ.

Принявъ во вниманіе, что Шевалье имѣетъ вліяніе на свою жену, она на Кутайсова, а этотъ послѣдній въ свою очередь на императора, можно вывести извѣстныя заключенія. Кутайсовъ посѣщаетъ каждый вечеръ г-жу Шевалье и отъ нея отправляется во дворецъ, гдѣ онъ занимаетъ покои, въ которыхъ помѣщались нѣкогда фавориты императрицы Екатерины. Одна изъ этихъ комнатъ приходится подъ покоями императора и соединена съ ними потайною лѣстницею. Монархъ и слуга могутъ видѣться такъ часто, какъ они того пожелаютъ.

О Куракиныхъ и объ ихъ прежнихъ планахъ можно сказать слѣдующее. Одинъ изъ нихъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, другой генералъ-прокуроръ—оба они лишились своихъ мѣстъ; а фрейлина Нелидова удалена отъ двора; императрица утратила свое вліяніе на императора и его довѣріе. Вслѣдствіе этого, благоволеніе, коимъ пользуется Кутайсовъ, достигло высшей степени; онъ сдѣлался самымъ близкимъ, довѣреннымъ лицомъ императора, находится при немъ непрестанно, занимаетъ должность обершталмейстера, имѣетъ Мальтійскій крестъ, ордена Анненскій и Александра Невскаго. Императрица играетъ съ тѣхъ поръ второстепенную роль. Изъ любви къ своему брату, принцу Фердинанду [1]), она сдѣлалась сторонницей Австріи, а это самая плохая рекомендація въ глазахъ императора. Прежде императоръ былъ образцовымъ мужемъ и отцомъ, и доводилъ проявленія своей нѣжности по отношенію къ женѣ и дѣтямъ до аффектаціи. Но, повѣривъ наговору, будто противъ него былъ составленъ заговоръ, онъ потерялъ довѣріе, которое имъ уже не удастся вернуть. Люди, отвлекшіе его отъ императрицы, съумѣли кромѣ того связать его другими узами.

Привязанность императора къ дѣвицѣ Нелидовой была чисто платоническаго свойства и основана на извѣстномъ сродствѣ душъ. Эта особа очень дурна собою, но умна и образована.

Кутайсовъ рѣшилъ, что императоръ только тогда освободится отъ вліянія императрицы, которое онъ считалъ для себя опаснымъ, если онъ сойдется съ какою-либо особою, которая будетъ имѣть на него вліяніе. Онъ намѣтилъ княжну Лопухину, дочь Лопухина, заступившаго мѣсто князя Куракина. Эта молодая особа была фрейлиной императрицы и довольно хороша собою; у нея очень красивые черные глаза, извѣстное обаяніе молодости, при этомъ не особенно много ума, но, какъ говорили, страстный темпераментъ. Она довольно долго противилась ухаживанію

---

[1]) Герцогъ Фердинандъ Виртембергскій († 1834 г.) перешелъ при Павлѣ I изъ прусской въ русскую военную службу одновременно со своимъ братомъ, впослѣдствіи королемъ Фридрихомъ I.

императора, которое льстило ея тщеславію, но всѣ его признанія въ любви не могли побороть въ ней чувства собственнаго достоинства. Расположеніе къ ней императора возростало съ каждымъ днемъ, и когда Кутайсову угрожало однажды лишиться милости, то онъ ловко съумѣлъ завести рѣчь объ этомъ дѣлѣ и отвратить собиравшіяся надъ нимъ грозныя тучи. Съ этой поры фаворитъ старался непрестанно удовлетворить желаніе императора. Онъ съумѣлъ заручиться содѣйствіемъ отца Лопухиной, который, какъ низкій царедворецъ, какъ человѣкъ пресмыкающійся, употребилъ все свое вліяніе на то, чтобы устроить судьбу своей собственной дочери..... Императоръ пожаловалъ ей большой крестъ Мальтійскаго ордена и предоставилъ ей первое мѣсто среди принцевъ крови. Хотя она была осыпана милостями, но все-таки ей не удалось оградить отца отъ немилости императора. Лопухинъ, назначенный на мѣсто Куракина генералъ-прокуроромъ, лишился должности, которая была передана Беклешову, но и ему пришлось уступить, въ февралѣ мѣсяцѣ 1800 г., мѣсто Обольяниннову. Это четвертый генералъ-прокуроръ со времени восшествія на престолъ Павла I.

Безмѣрный въ любви и ненависти, императоръ пришелъ въ такое возбужденное состояніе, которое затрудняетъ всякое сношеніе съ нимъ, что̀ сильно вліяетъ на дѣла внѣшней политики. Это состояніе продолжается непрерывно съ декабря мѣсяца.

Онъ до такой степени проникнутъ сознаніемъ своей власти, что устраняетъ со своего пути все то, что хотя сколько-нибудь ограничиваетъ власть. Сообразно съ этимъ онъ пріумножаетъ число церемоній и празднествъ, которыя даютъ ему случай появляться передъ публикой окруженнымъ всѣмъ блескомъ царственнаго величія, съ короною на головѣ, во главѣ блестящей и раболѣпно преданной ему свиты. То и дѣло издаются новыя предписанія о томъ, какимъ образомъ петербургская публика должна держать себя при появленіи императора и членовъ его семейства. Когда онъ появляется на улицахъ столицы и своей резиденціи, то всѣ застываютъ на мѣстѣ, разумѣется, исключая тѣхъ лицъ, которыя (не смотря на вѣтеръ и дождь) должны выходить изъ своихъ экипажей, чтобы привѣтствовать царя. Его сопровождаютъ всюду и во всякое время полицейскіе, которые арестовываютъ всякаго, не исполняющаго съ должной быстротою и точностью предписанные знаки почтенія. Чинъ, возрастъ и полъ не дѣлаютъ въ этомъ отношеніи никакого различія. Малѣйшее уклоненіе считается оскорбленіемъ его царскаго достоинства и даже признакомъ заговора. Такъ напр., когда недавно случилось, что караульный офицеръ не успѣлъ во̀-время вызвать караулъ, то это было сочтено императоромъ за доказательство заговора, и великій князь, къ полку котораго принадлежали стоявшіе въ караулѣ солдаты, долженъ былъ выслушать самый жестокій выговоръ.

Съ тѣхъ поръ на тѣ улицы, гдѣ императоръ чаще всего проѣзжаетъ, посылаются въ караулъ люди, обладающіе самымъ сильнымъ голосомъ, которые по данному знаку кричатъ во все горло, что ѣдетъ императоръ. Другой разъ одинъ гвардейскій полкъ едва не былъ высланъ изъ Петербурга за то, что два офицера этого полка по болѣзни не явились на службу, а императоръ заподозрѣлъ въ этомъ какіе-то тайные замыслы. По этому поводу между императоромъ и великимъ княземъ Александромъ произошло столь горячее объясненіе, что послѣдній отъ волненія заболѣлъ лихорадкою, отъ которой пролежалъ три дня въ постели. Въ то время когда я былъ еще въ Петербургѣ, императоръ разжаловалъ князя Голицына и прогналъ съ вахтъ-парада весь Конногвардейскій полкъ за то, что брюки у одного солдата были желтоватѣе и сабля нѣсколько болѣе изогнута, чѣмъ у остальныхъ. Случается, что императоръ появляется гдѣ-нибудь съ быстротою молніи въ простыхъ саняхъ, и караульный офицеръ, не узнавъ его и не успѣвъ вызвать караулъ, увольняется отъ службы или подвергается наказанію. Эти несчастные стоятъ иногда весь день, вытаращивъ глаза, чтобы не быть застигнутымъ врасплохъ. На парадѣ императоръ выказываетъ величайшую строгость. До тѣхъ поръ пока онъ не заболѣлъ въ Гатчинѣ, парадъ бывалъ ежедневно, не смотря ни на какую погоду и даже въ сильнѣйшій морозъ. Нерѣдко случается, что онъ ударяетъ офицеровъ палкою и лишаетъ ихъ чиновъ. Въ Гатчинѣ онъ приказалъ однажды великому князю Константину Павловичу дать двумъ гренадерамъ, вызвавшимъ его неудовольствіе, двадцать пять ударовъ розгою. Онъ входитъ во всѣ мелочи военной и полицейской службы, встаетъ въ шесть часовъ утра и тотчасъ принимаетъ генералъ-губернатора Палена, который докладываетъ ему обо всѣхъ прибывшихъ и выбывшихъ изъ столицы, обо всѣхъ возбудившихъ подозрѣніе, недовѣріе или неудовольствіе монарха, а также обо всѣхъ общественныхъ происшествіяхъ. Въ семь часовъ появляется графъ Ростопчинъ съ докладомъ по дѣламъ внѣшней политики; онъ подаетъ къ подписи бумаги и получаетъ приказанія относительно другихъ текущихъ дѣлъ. Въ девять часовъ императоръ отправляется на парадъ и для занятія военными дѣлами. Затѣмъ онъ совершаетъ прогулку (обыкновенно въ сопровожденіи Кутайсова). Послѣ обѣда онъ вторично совершаетъ прогулку; въ шесть часовъ навѣщаетъ императрицу, въ семь часовъ отправляется въ театръ и въ десять удаляется въ свои апартаменты. Онъ непрестанно занятъ мелочами военной службы; въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» ежедневно помѣщается длинный списокъ уволенныхъ и принятыхъ на службу офицеровъ. Говорятъ, будто во всей арміи произведено шестнадцать тысячъ таковыхъ перемѣщеній. Постоянно возбужденное состояніе, въ какомъ находится императоръ, довело его до того, что всѣ кажутся ему подозрительны,

самыя невинныя и естественныя общественныя собранія возбуждаютъ въ немъ подозрѣніе и участвующія въ нихъ нерѣдко наказываются лишеніемъ его милости. Однажды, увидавъ чрезвычайно большое число экипажей, стоявшихъ у одного англійскаго магазина, онъ приказалъ графу Палену имѣть наблюденіе за таковыми «сборищами», кои могутъ быть опасны для спокойствія государства. Вслѣдствіе этого нѣкогда столь блестящій и оживленный Петербургъ производитъ впечатлѣніе города, окаменѣвшаго отъ ужаса. Ежедневно узнаютъ, что тотъ-то смѣщенъ, такой-то арестованъ, третій высланъ, и все это по неизвѣстнымъ причинамъ. Все имѣющее какое-либо отношеніе къ лицамъ, кои непріятны императору, устраняется. Такая участь постигла напр. княгиню X., которая была близка графу Кобенцелю; тотъ, кто близокъ къ этому посланнику, можетъ быть увѣренъ, что онъ подвергнется немилости.

По вышеприведенному безусловно вѣрному описанію можно себѣ представить, какъ тягостна внутренняя жизнь двора. Братья и сестры едва осмѣливаются посѣщать другъ друга и говорить между собою— тѣмъ менѣе осмѣливается кто-либо писать, ибо въ Петербургѣ нѣтъ того письма, которое осталось бы не прочитаннымъ и нерѣдко ложно истолкованнымъ. Даже великія княжны подвержены подобнаго рода инквизиціи. Мнѣ пришлось, съ величайшей предосторожностью, передать великой княгинѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ (супругѣ великаго князя Александра) письмо, данное мнѣ ея матерью, наслѣдной принцессою Баденской, и великая княгиня никогда не посмѣла упомянуть о немъ.

Удивительно, что, не смотря на всѣ вышеприведенныя обстоятельства, императоръ бываетъ иной разъ сравнительно въ хорошемъ настроеніи духа. Онъ отпускаетъ иногда остроты и предается въ иныхъ случаяхъ такой веселости, какая свойственна только людямъ, не питающимъ никакой злобы. Можно подумать, что онъ былъ когда-то очень счастливъ. Ему хорошо извѣстно, что его дѣти, а именно дочери, получили такое тщательное образованіе, которое дѣлаетъ величайшую честь императрицѣ. Нынѣ бывшей между ними дружбы болѣе не существуетъ.

Въ обращеніи императора и въ его манерахъ, когда онъ появляется въ обществѣ, замѣтна всегда какая-то напыщенность. По его мнѣнію, императоръ никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не долженъ вести себя такъ, какъ прочіе люди. Когда онъ говоритъ публично, то въ его разговорѣ всегда чувствуется что-то напускное (apprêt); съ людьми, коихъ онъ видитъ впервые, онъ бываетъ въ высшей степени любезенъ, подъ часъ даже слишкомъ откровененъ. Иностранцамъ, кои не имѣли ни малѣйшаго повода вести съ нимъ бесѣду о политикѣ, онъ

открывалъ важнѣйшія свои намѣренія, чѣмъ нерѣдко были вызваны весьма прискорбныя недоразумѣнія.

При дворѣ соблюдается строгій этикетъ: все совершается, по непремѣнному желанію императора, въ высшей степени торжественно. Во время баловъ и собраній приходится быть насторожѣ и особенно внимательно слѣдить за тѣмъ, чтобы не оборачиваться къ нему спиною. Онъ прогналъ двухъ камергеровъ принца Виртембергскаго за то, что принцъ Фердинандъ, только что пригласившій одну даму на танцы, и не замѣтившій, что императоръ вошелъ въ зало, повернулся къ нему спиною.

Среди окружающихъ императора лицъ нѣтъ ни одного дѣйствительно умнаго человѣка. Изъ людей же, обязанныхъ своимъ положеніемъ личному расположенію императора и которые относятся враждебно къ великому князю, есть люди столь самостоятельные, какъ Кутайсовъ и Ростопчинъ.

О послѣднемъ нѣтъ надобности распространяться, такъ какъ г. Зульцеръ въ своей запискѣ о Россіи охарактеризовалъ его какъ нельзя лучше и при томъ вполнѣ вѣрно. Прибавлю только, что графъ Ростопчинъ вмѣстѣ со своими пріятелями Головкинымъ и Гурьевымъ являются рѣшительными противниками коалиціи и совмѣстныхъ дѣйствій съ Австріей. У Ростопчина нѣтъ политическихъ свѣдѣній, но онъ ведетъ дѣла съ какимъ-то озлобленіемъ и рѣшительностью, которыя нравятся императору. Онъ исходитъ изъ того положенія, что Россіи нѣтъ никакой надобности вмѣшиваться въ дѣла Европы и что ей достаточно одного—внушать своимъ сосѣдамъ страхъ, При томъ онъ нисколько не считаетъ себя связаннымъ договорами, имъ подписанными, и тѣми обязательствами, которыя онъ принялъ на себя, и поэтому онъ не считаетъ ихъ заслуживающими ни малѣйшаго вниманія. Единственно, чѣмъ онъ интересуется—это поддержаніемъ своего вліянія и увеличеніемъ своего состоянія.

Чѣмъ далѣе, тѣмъ труднѣе будетъ ему удержать свое положеніе возлѣ такого вулкана, каковъ императоръ. Я полагаю поэтому, что Ростопчинъ только выжидаетъ случая съ честью удалиться отъ дѣла, чтобы не испытать грозы, которая рано или поздно должна разразиться [1]).

Въ противуположность Ростопчину графъ Панинъ—человѣкъ съ опредѣленными взглядами, при томъ человѣкъ честный и чувствительный, скрывающій за нѣкоторой холодностью весьма привѣтливый характеръ. Этотъ государственный человѣкъ видитъ съ прискорбіемъ, что

[1]) Въ мартѣ мѣсяцѣ 1801 г., за нѣсколько дней до кончины Павла, Ростопчинъ впалъ въ немилость и былъ посланъ въ свои помѣстья. Прим. издат.

Россія легко можетъ утратить свое значеніе и свое политическое вліяніе вслѣдствіе того, что она не исполняетъ своихъ обязательствъ, жертвуетъ самыми преданными ей союзниками и дѣйствуетъ судорожно и скачками въ то время, когда событія требуютъ извѣстной системы и послѣдовательности. Графъ Панинъ—сторонникъ коалиціи и тѣснаго союза съ Пруссіей. Такъ какъ онъ неутомимый работникъ и обладаетъ обширными познаніями, при томъ отличается безупречной честностью и пользуется у всѣхъ большимъ уваженіемъ, то онъ имѣетъ, если можно такъ выразиться, пассивное вліяніе, которое обнаруживается въ дѣлахъ его вѣдомства. Съ императоромъ онъ не приходитъ въ соприкосновеніе; всѣ дѣла идутъ чрезъ посредство Ростопчина.

Вновь назначенный на мѣсто Беклешова генералъ-прокуроръ Обольяниновъ мнѣ незнакомъ. Это выскочка, о которомъ говорятъ, что онъ имѣетъ нѣкоторыя заслуги и достоинства.... Князь Гагаринъ, министръ торговли, обладаетъ здравымъ сужденіемъ и основательными познаніями; онъ составилъ новый таможенный уставъ, коимъ замѣненъ досёлѣ дѣйствовавшій нецѣлесообразный уставъ, въ которомъ вовсе не принимались во вниманіе интересы Россіи.

Во внутренней жизни двора довольно вліятельнымъ лицомъ является обергофмаршалъ Нарышкинъ. Императоръ привыкъ къ нему, и Нарышкинъ можетъ видѣть его во всякое время; онъ дотого уступчивъ, что у него не можетъ быть никакихъ столкновеній съ императоромъ. Послѣднее время императоръ неоднократно отличалъ графа Строганова, который не будетъ никогда ничѣмъ инымъ, какъ царедворцемъ. Нѣкоторымъ вліяніемъ пользуются также Кошелевы и Кутузовы, и нѣкоторыя другія фамиліи, которыя могутъ имѣть вліяніе вслѣдствіе того, что эти семьи многочисленны и имѣютъ обширныя связи.

Изъ всѣхъ здѣшнихъ представителей иностранныхъ дворовъ ни одинъ не пользуется сколько-нибудь значительнымъ вліяніемъ. Въ переговорахъ, веденныхъ въ Петербургѣ, болѣе всего посчастливилось неаполитанскому посланнику герцогу Серра Капріола. Это человѣкъ ловкій и услужливый; онъ хорошо знаетъ почву, на которой ему приходится дѣйствовать, и пріобрѣлъ своимъ бракомъ съ княгиней Вяземской связи, коими онъ умѣетъ пользоваться. При этомъ его домъ всѣми посѣщается; кстати сказать, это единственный домъ, куда съѣзжаются иностранцы. Витвортъ, преемникъ Фицгерберта и лорда Мальмсбюри, пользовался у императора большимъ вліяніемъ, но утратилъ его со времени экспедиціи въ Голландію и вслѣдствіе общаго хода политическихъ дѣлъ. Съ людьми, умѣющими внушать ему довѣріе, онъ какъ нельзя болѣе любезенъ и предупредителенъ. Когда его постигла немилость почти въ такой же степени, какъ Кобенцеля, то онъ уѣхалъ изъ Россіи,

при чемъ ни онъ, ни капитанъ Попгамъ даже не откланялись. Съ тѣхъ поръ Англія не имѣетъ дипломатическаго представителя въ Петербургѣ.

Шведскій посланникъ баронъ Штедингъ человѣкъ обходительный; не смотря на свое затруднительное денежное положеніе, онъ отлично умѣетъ вести домъ и пользуется прекрасной репутаціей, но не имѣетъ рѣшительно никакого вліянія

Датскій посланникъ баронъ Бломъ съумѣлъ довольно хорошо поставить себя съ императоромъ; но возмущенный всѣмъ тѣмъ, что̀ происходитъ въ Петербургѣ, онъ пожелалъ быть отозваннымъ, что̀ скоро и состоится. Его племянникъ Отто фонъ-Бломъ замѣститъ его въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ; посланникъ окончательно оставляетъ дипломатическое поприще. Это человѣкъ осторожный, весьма обходительный, пріятнаго характера; проживъ много лѣтъ посланникомъ въ Парижѣ, онъ отличается свойственной французамъ изысканной вѣжливостью. Его преемникомъ будетъ теперешній посланникъ въ Берлинѣ баронъ Розенкранцъ, который принялъ назначеніе въ Петербургъ только временно и на весьма выгодныхъ условіяхъ: онъ любезенъ, обходителенъ, дѣятеленъ и обладаетъ всѣми необходимыми въ его положеніи качествами.

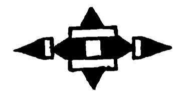
О графѣ Кобенцелѣ мнѣ нечего болѣе сказать, точно такъ же, какъ и о португальскомъ посланникѣ, кавалерѣ Герта, съ которымъ императоръ ни разу еще не говорилъ со вступленія своего на престолъ. Въ общемъ составъ дипломатическаго корпуса хорошъ; но съ теченіемъ времени пребываніе въ Петербургѣ становится дипломатамъ невыносимымъ; быть можетъ, имъ придется даже принять совмѣстно какое-нибудь рѣшеніе, чтобы измѣнить существующій нынѣ порядокъ или даже прекратить его. Рѣзкое обращеніе съ чинами дипломатическаго корпуса и постоянное нарушеніе первѣйшихъ правилъ народнаго права доходитъ дотого, что ихъ курьерамъ отказываютъ въ выдачѣ паспортовъ, имъ самимъ воспрещаютъ сношенія съ ихъ коллегами, которые находятся на дурномъ счету у императора, или же ихъ высылаютъ какъ заговорщиковъ за границу. Къ этому надобно прибавить, что посланникамъ оказываютъ при дворѣ полное невниманіе; въ теченіе всей зимы императоръ ни разу не показывался на пріемахъ, какъ это вездѣ принято; наконецъ, дипломаты не могутъ имѣть никакихъ сношеній съ русскими, двери которыхъ постоянно заперты.

Такъ какъ императоръ удалился въ Павловскъ, то дипломатическій корпусъ будетъ избавленъ это лѣто отъ стѣсненія, коему онъ подвергался въ прошедшемъ году, когда представители иностранныхъ державъ были вынуждены совершать ежеминутно, въ полной парадной формѣ, дальнія поѣздки и присутствовать при церемоніяхъ, повторяв-

шихся безконечно. Уединеніе, на которое обрекаетъ себя нынѣ императоръ, избавляетъ дипломатическій корпусъ отъ этого безпокойства. Какъ долго все это продолжится, этого никто не можетъ предсказать».

Двѣнадцать мѣсяцевъ спустя послѣ подачи этой записки, въ Мюнхенѣ было получено извѣстіе о кончинѣ Павла I.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письма С. П. Шевырева къ П. Я. Чаадаеву и Ѳ. И. Іордана къ А. А. Иванову.

(О кончинѣ Н. В. Гоголя) [1]).

1.

С. П. Шевыревъ къ П. Я. Чаадаеву.

Марта 28-го пятница (1852).

Милостивый Государь Петръ Яковлевичъ!

Въ понедѣльникъ на второй день Пасхи, минетъ сороковой день по кончинѣ Н. В. Гоголя. Въ Даниловѣ (монастырѣ), въ десять съ половиной часовъ утра, начнется заупокойная обѣдня и потомъ панихида по душѣ усопшаго, а потомъ предложена будетъ трапеза сорока бѣднымъ, монашествующей братіи и намъ, участникамъ поминовенія, въ кельѣ архимандрита. Издержка каждаго участника десять р. сер.

---

[1]) Недавно мы получили отъ Е. С. Некрасовой нѣсколько писемъ разныхъ лицъ, касающихся послѣднихъ дней и кончины Н. В. Гоголя (она извлекла ихъ, въ свою очередь, изъ бумагъ Румянцовскаго музея). Всѣмъ извѣстенъ характѐръ отношеній Шевырева къ Гоголю; чтò касается Чаадаева, то мы не нашли до сихъ поръ какихъ-либо указаній на ихъ личныя отношенія, но извѣстно замѣчательное письмо П. Я. Чаадаева къ князю П. А. Вяземскому по поводу статьи послѣдняго: „Языковъ и Гоголь“, напечатанной въ „Московскомъ Благородномъ Пансіонѣ“ Сушкова (2 отдѣлъ, прилож., стр. 26). Отношенія Гоголя къ А. А. Иванову подробно разобраны въ статьѣ Е. С. Некрасовой въ „Вѣстникѣ Европы“ („Гоголь и Ивановъ“, 1883, XII). Объ отношеніяхъ же Іордана къ Гоголю можно найти любопытныя подробности въ печатавшихся въ 1891 г. въ „Русской Старинѣ“ воспоминаніяхъ самого Іордана, а также въ книгѣ П. А. Кулиша „Записки о жизни Гоголя“. Наконецъ, всѣ вышеуказанныя данныя читатель можетъ найти и въ нашей книгѣ „Матеріалы для біографіи Гоголя“.

В. Шенрокъ.

Вы, конечно, примете участіе въ этомъ поминовеніи; потому я счелъ долгомъ увѣдомить васъ объ этомъ. Отрадно будетъ услышать воскресную пѣсню вмѣстѣ съ заупокойной на могилѣ того, кто такъ любилъ и такъ глубоко чувствовалъ праздникъ воскресенія. Мнѣ хочется за трапезой прочесть его «Свѣтлое Воскресенье».

Желаю вамъ встрѣтить праздникъ въ радости духовной и въ полномъ здоровьи, прошу васъ принять заранѣе и сердечное поздравленіе мое и чувство полнаго къ вамъ уваженія и преданности. С. Шевыревъ.

2.

Ѳ. И. Іорданъ—А. А. Иванову.

19-го марта 1852 года.

Христосъ воскресе! Поздравляю всѣхъ.

Въ предыдущемъ письмѣ, я только-что получилъ извѣстіе изъ Сѣверной Памелы (Пальмиры?) о неожиданной, прискорбной и бѣдственной для нашей литературы, потерѣ Николая Васильевича Гоголя, который столько лѣтъ былъ нашимъ другомъ, другомъ счастливыхъ дней Рима и благодѣтелемъ въ предпринятыхъ нами трудныхъ работахъ... [1]). Никто не предполагалъ столь раннее несчастіе. Во время масляной недѣли, онъ говѣлъ и пріобщился Святыхъ Тайнъ. Подѣйствовала ли на него святость сей великой тайны, или, какъ другіе предполагаютъ, что онъ простудился, только духовная и тѣлесная боль явно оказалась опасною въ виду своихъ пріятелей. Средствъ земныхъ онъ не искалъ и отказался отъ всѣхъ пособій лучшихъ врачей первопрестольной матушки, снова пріобщился святыхъ тайнъ и долгое время питалъ себя одною просфорою, пока настал͏ъ роковой день 21-го февраля, въ который день добрая и святая душа его отлетѣла въ вѣчность.

Московскій университетъ немедленно взялъ на свой счетъ отдать послѣдній долгъ безсмертному нашему другу. Назначено четыремъ профессорамъ безсмѣнно дежурить каждому, въ свою очередь, у гроба отшедшаго. Ими же на рукахъ перенесено было тѣло во гробѣ въ университетскую церковь, гдѣ равномѣрно продолжалось дежурство. Стеченіе народа въ продолженіе двухъ дней было невѣроятное. Рихтеръ [2]), который живетъ возлѣ университета, — писалъ мнѣ,—что два дня не было проѣзду по Никитской улицѣ. Онъ лежалъ въ сюртукѣ,—вѣрно, по собственной волѣ,—съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ, который при

[1]) Не дописано. Здѣсь, очевидно, разумѣются картины—Иванова: Явленіе Христа народу и Іордана—Преображеніе Господне (гравюра); послѣдняя была окончена въ 1850 году.

[2]) Художникъ, жившій прежде въ Римѣ, въ одно время съ Гоголемъ.

закрытіи гроба былъ снятъ и принесъ весьма много денегъ отъ продажи листьевъ сего вѣнка. Каждый жаждалъ обогатить себя симъ памятникомъ, который украшалъ во истину въ Бозѣ почившаго. Въ день похоронъ все, что только имѣло какой-нибудь мундиръ, у каждаго онъ былъ на плечахъ; начиная съ генералъ-губернатора, каждый старался почтить внѣшнимъ знакомъ, отдавая тѣмъ послѣдній долгъ нововвратному. Ужасное стеченіе народа всѣхъ сословій и безсмѣтное число экипажей слѣдовало за гробомъ, который на рукахъ былъ несенъ профессорами и всѣмъ почетнымъ сословіемъ до могилы въ монастырь, гдѣ его положили возлѣ почившаго нѣскольк(ими) годами раньше Н. М. Языкова.

День 24-го февраля былъ день воскресный, и святая Москва, которая съ строгостью исполняетъ и святитъ день субботній, въ который день совершались его похороны [1]... и по сему случаю, вся Москва празднуя какъ день воскресный, вся пустилась отдать послѣдній долгъ тому, который ихъ (sic) веселилъ и въ то же время выказывалъ пороки многихъ. Имя его и сочиненія были всѣмъ извѣстны, и это умножило стеченіе народа до невѣроятности. Мнѣ пишутъ, что подобныхъ похоронъ не запомнятъ и старики.

За два дня (до) своей смерти, ночью топился у него камелекъ, и онъ все рвалъ и жегъ, и что-то онъ сжегъ, которое, ему казалось, сдѣлано ошибочно. Онъ замѣтилъ слугѣ: «жаль, что я это сжегъ; оно могло бы послужить пользою (sic) по моей кончинѣ», на что лакей съ обыкновенною простотою добраго прислужника отвѣчалъ: «Ничего, баринъ! авось поправитесь,—тогда еще лучше напишете». «Мертвыхъ Душъ» второй части не находятъ. Одни говорятъ, что (онъ) и это сжегъ; другіе же говорятъ, что онѣ въ Петербургѣ. Время покажетъ. Ничего не оставилъ!.. За нѣсколько дней до кончины онъ отослалъ къ сестрѣ 500 р. Родныхъ никого не оказалось, ни во время болѣзни, ниже при похоронахъ, такъ что онъ скончался въ Москвѣ, какъ нашъ братъ [2]) умираетъ въ Римѣ. Истинный талантъ сродняетъ впрочемъ со всею вселенною, и я увѣренъ, каждый уголокъ, гдѣ бы онъ ни былъ, узнавъ о смерти Николая Васильевича, вздохнетъ и пожелаетъ отъ души царствія небеснаго, кромѣ п.... Булгарина, который еще въ день смерти ругалъ его произведенія. Дай Богъ, чтобы Булгаринъ могъ встрѣтить подобное соучастіе.

Вчера я встрѣтилъ его портретъ, литографированный съ Моллера, чрезвычайно похожій. Явился и другой, когда онъ лежитъ въ гробу

---

[1]) Не оконченa фраза.

[2]) Т. е. одинокій русскій художникъ, проживающій въ Римѣ, для усовершенствованія въ живописи.

съ лавровымъ вѣнкомъ (вѣрно, съ рисунка Скотти); снята была также маска. Вообще говорятъ, что онъ простудился и померъ отъ внутренняго воспаленія. Отъ роду ему было 44 года. Вѣчный покой и вѣчная память, добрая и великая душа, и тысяча признательностей за пособіе, оказанное мнѣ въ трудные дни моихъ занятій надъ «Преображеніемъ»!

Были письма отъ В. А. Жуковскаго, который пораженъ и скорбитъ душевно отъ плачевнаго извѣстія. Я увѣренъ, и ваша слеза горячая, слеза искренней дружбы и признательности льется надъ другомъ, къ которому вы такъ искренно были привязаны съ перваго дня вашего свиданія и знакомства. Миръ, миръ праху его! [1]).

3.

Ѳ. И. Іорданъ—А. А. Иванову [2]).

С.-Петербургъ. 4-го мая 1852 г.

Любезный Александръ Андрее́вичъ, на-дняхъ получилъ ваше письмо, содержащее копію письма къ В. А. Жуковскому [3]), и весьма благодаренъ за живое участіе, которое принимаете къ улучшенію моей участи, весьма незавидной и точно неблагодарной, припоминая В. А. Жуковскому желаніе насчетъ его портрета [4]); равномѣрно благодарю и за будущее знакомство съ извѣстнымъ меценатомъ изящнаго, съ г. Солдатенковымъ (Кузьма Терентьевичъ).

Вотъ отвѣтъ вамъ на ваши любезныя строки:

Теперь же обращусь съ моими вѣстями, а именно, что почтеннѣйшій и всѣми любимый Василій Андреевичъ Жуковскій пережилъ своего и нашего друга Н. В. Гоголя однимъ мѣсяцемъ и нѣсколькими днями равномѣрно переселился въ вѣчность въ Баденѣ, послѣ одиннадцатидневной водяной болѣзни; слѣдовательно, съ его вещами долго нужно ждать, пока приступятъ къ дѣлу. Кромѣ того, друзья не оставили втуне память покойнаго: ежедневно выходятъ новыя его изображенія, какъ и статейки въ журналахъ, и гравюра теперь будетъ уже запоздалое дѣло. Къ несчастію, еще м.... Булгаринъ не оставляетъ (въ покоѣ?) даже и по смерти безсмерт-

---

[1]) Далѣе идутъ сообщенія новостей, касающіяся Академіи, художниковъ и затѣмъ личныхъ денежныхъ и другихъ дѣлъ обоихъ переписывающихся пріятелей.

[2]) Это письмо представляетъ отвѣтъ на письмо А. А. Иванова къ Ѳ. И. Іордану, напечатанное въ книгѣ Боткина „А. А. Ивановъ. Его жизнь и переписка“, стр. 273.

[3]) См. это письмо тамъ же, стр. 273—274.

[4]) Т. е. находящагося у него портрета Гоголя, снятаго Ивановымъ.

наго Н. В. Гоголя, которое (sic) все-таки дѣлаетъ его сочиненію весьма много вреда. Однимъ словомъ, о семъ слѣдовало думать ранѣе; теперь врядъ ли найду хотя малую подписку, а заказа трудно дождаться, особенно съ вѣрными деньгами.

Кромѣ того, бывшій министръ С. С. Уваровъ желаетъ, чтобы я непремѣнно занялся бы (sic) портретомъ В. А. Жуковскаго съ Кипренскаго. Надѣюсь, что и отъ сего заказа уклонюсь, ибо глаза и желаніе къ нашему художеству здѣсь [1]) совершенно исчезаютъ и, кромѣ скуки и мысли о вашемъ счастливомъ гнѣздышкѣ изящнаго [2]), все одна пустошь лежитъ въ головѣ. Когда пріѣдете, то сами увидите на дѣлѣ. Все, все исчезло съ Римомъ, и не забывайте то блажество, коего и теперь вы есть соучастникъ. Будете же здѣсь, давши мнѣ руку, скажите: «такъ точно! это сущая правда!»

У меня вездѣ о васъ спрашиваютъ, когда кончите картину и когда пріѣдете. Отвѣтъ всѣмъ одинъ и тотъ же, что вы лучше знаете ваши дѣла и что окончаніе и пріѣздъ совершится, когда вы заблагоразсудите сами и, приводя себя въ примѣръ, говорю, что никогда не прощу себѣ глупости, повѣривъ лживому обѣщанію, разстаться со страною, родиною моихъ занятій. Это было говорено, какъ у П. А. Плетнева, такъ и у А. О. Смирновой, урожденной Россетъ, которая васъ любитъ и весьма интересуется вашими успѣхами. Не худо, если бы вы къ ней писали: прелюбезная дама. Что̀ за дочери! просто англичаночки [3])! Здѣсь же былъ и нашъ общій другъ А. Н. Поповъ, который вамъ кланяется. Она (Смирнова) предполагаетъ, что вы не забыли, что Іоаннъ въ маломъ размѣрѣ есть ея принадлежность, если картина только не будетъ слишкомъ дорога. Я восхищался ея альбомомъ, вашею акварелью «Покупка подарка», «Бариномъ», «Альбанеске съ ея матерью и сыномъ»—прелестная вещичка!

Дай Богъ, чтобы вы свободное время употребили на составленіе композицій, которое будетъ огромное сокровище для нашей степи—изящной школы.

У насъ сегодня уже ваше 17-е мая—все черно, и ни одного еще зеленаго листочка: che allegria d'accidente!

Меня третьяго дня какъ-то посѣтилъ Великановъ и сказалъ, будто молодой Волконскій (Григорій Петровичъ) беретъ меня съ собой въ Римъ. Боже мой, какъ я обрадовался! Пускаюсь къ нему раннимъ утромъ—

---

[1]) Т. е. въ Россіи, въ Петербургѣ.

[2]) Въ Италіи, въ Римѣ.

[3]) Дочери Смирновой: Ольга Николаевна, Софья Николаевна, впослѣдствіи по мужу Трубецкая и Надежда Николаевна, впослѣдствіи по мужу Соренъ.

и что же нахожу? Все вздоръ! Онъ только-что проболтался и въ концѣ сказалъ тревожно, что денегъ не имѣется. Я все брежу Римомъ и увѣренъ, что все-таки усну на monte Testaccio; sara quello che sara, ma morte deva trovare a Roma al Gigetta del Falcone la mia remembranza [1]).

Денегъ отъ Ѳ. А. Моллера [2]) не могу получить. Къ вамъ ѣдетъ Бруни и съ нимъ Ѳ. А. Братъ его получитъ мое письмо; можетъ быть, и разсердится, но поступлено со мною съ ихъ стороны весьма плохо, безсовѣстно!

Будьте здоровы и счастливы! Братцу [3]) поклонъ и съ искреннею любовью и почтеніемъ вашъ сотоварищъ Іорданъ.

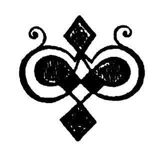
О племянницѣ non si sente nulla Ricordate quello, che vi dico: lasciate la in pace, altro non vale [4]).

Смерть Жуковскаго не произвела даже десятой доли сожалѣнія въ сравненіи съ нашимъ Н. В. Гоголемъ. Говорятъ, будто вторая часть существуетъ. Впрочемъ, все сіе весьма трудно [5]), ибо онъ все сжегъ.

Ахъ, какъ скучно, скучно, скучно! Какъ бы къ вамъ попять по утрамъ certosa [6]), вечеромъ за Porta Via [7]) посмотрѣть вашъ красивый народъ, полюбоваться вашею зеленью и небомъ. Что за дубина былъ я, что вѣрилъ всему, и теперь сижу, какъ ракъ на мели.

Sir Giovanni fa un inglesino, Fedoroff fa Шаповаловъ [8]).

Сообщилъ **В. Шенрокъ.**

[1]) Все-таки я усну на горѣ Тестаччіо; пусть будетъ, что будетъ, но смерть я долженъ встрѣтить въ Римѣ.

[2]) Живописецъ, который нарисовалъ самый лучшій портретъ Гоголя.

[3]) Братъ А. А. Иванова—Сергѣй Ивановичъ, архитекторъ.

[4]) О племянницѣ ничего не слыхать. Припомните то, что я вамъ говорю: оставьте ее въ покоѣ; ничего другаго она не заслуживаетъ.

[5]) Здѣсь пропущено одно слово.

[6]) Воды картезіанскаго монастыря.

[7]) За заставой.

[8]) Г-нъ Ивановъ рисуетъ англичанина, Ѳедорова-Шаповалова.

Письмо декабриста маіора Владиміра Өедосеевича Раевскаго
къ сестрѣ его
Вѣрѣ Өедосеевнѣ Поповой.

Съ примѣчаніями В. В. Раевскаго.

21-го мая 1868 года.

Безцѣнный и добрый другъ мой, Вѣра Өедосеевна [1]). Можешь ли ты сомнѣваться въ моей любви къ тебѣ? Возвратясь на родину [2]), я жилъ у тебя и только по необходимости выѣзжалъ къ другимъ; у васъ время шло такъ, что я съ болью сердечной, какъ бы со страхомъ проснулся, понимая, что я долженъ разстаться съ вами,—конечно, уже навсегда... Ты видѣла мои слезы, а я не помню отъ дѣтства, чтобы я плакалъ; не только домъ вашъ, но каждая вещь въ домѣ вашемъ — и теперь передъ глазами моими. Въ саду вашемъ я помню каждое дерево, а тебя, мужа твоего [3]), милую, очаровательную Анету [4])... тутъ уже нѣтъ выраженій, чтобы передать чувство, для котораго слова: дружба, любовь — еще недоста-

---

[1]) Вѣра Өедосеевна Попова, сестра Владиміра Өедосеевича, будучи бездѣтной, воспитала сына его—Вадима—отца автора этихъ примѣчаній. Вадимъ Владиміровичъ скончался 27-го іюля 1882 г., а Вѣра Өедосеевна—28-го іюня 1891 года, 80-ти съ лишнимъ лѣтъ отъ роду, въ своемъ имѣніи Дмитревское при сл. Морквино Курской губерніи, Новооскольскаго уѣзда.

[2]) Въ Курскую губернію.

[3]) Іосафъ Александровичъ Поповъ, новооскольскій уѣздный предводитель дворянства. Скончался въ 1875 году, 57 л. отъ роду.

[4]) Анна Васильевна Мухортова (теперь Гаевская)—племянница І. А. Попова, воспитанница Вѣры Өедосеевны.

*

точны. Я оставилъ у тебя Юлія [1]), я ввѣрилъ тебѣ Вадима [2])—и былъ бы счастливъ, если бы могъ кончить жизнь у васъ. Но видно не мнѣ назначена жизнь, которую называютъ счастливою. Я не роптал, считаю дѣтствомъ и слабостью жаловаться на судьбу, — но иногда дѣлаю запросъ: чѣмъ заслужилъ я, какая вина лежитъ на мнѣ, почему исключительно на мнѣ лежитъ такой гнетъ?—«Ты родился слишкомъ рано»,—и вотъ отвѣтъ, который я дѣлаю на всѣ эти вопросы самому себѣ.

Сорокъ лѣтъ, какъ я въ Сибири, при самой усиленной трудовой жизни. Въ послѣдніе годы, ты знаешь хорошо, я переносилъ нравственно и физически ударъ за ударомъ. Я буду въ этомъ письмѣ говорить съ тобою откровенно.

Вы не знаете моего дѣтства, кромѣ Бердяевой [3]), вы почти не видали и не знали меня. Я ласкалъ, цѣловалъ васъ, когда вы были еще младенцами. Жизнь мою ты знала только по разсказамъ. Но внутренняя, настоящая моя жизнь впослѣдствіи разъяснилась моимъ крѣпостнымъ заключеніемъ. Любилъ ли меня отецъ наравнѣ съ братьями Александромъ и Андреемъ,—я не хотѣлъ знать, но что онъ вѣрилъ мнѣ болѣе другихъ братьевъ, надѣялся на меня одного,—я это зналъ. Онъ хорошо понималъ меня и въ письмахъ своихъ, вмѣсто эпиграфа, начиналъ: «не будь гордъ, гордымъ Богъ противенъ»; въ моихъ отвѣтахъ я начиналъ: «униженіе паче гордости»... Я воспитывался съ братьями вмѣстѣ, братья не были дружны между собою, но оба они искренно любили меня; и когда мать наша [4]) посылала намъ деньги на конфекты въ пансіонъ, и всегда мнѣ менѣе, нежели каждому изъ нихъ,—они дѣлились со мною поровну и какъ бы стыдились за мать. Я не просилъ никогда у отца [5]) денегъ, даже выигранныя мною въ карты въ Хворостянкѣ [6]) отдавалъ ему. Насколько любилъ я сестеръ моихъ—и На-

---

[1]) Сынъ Владиміра Ѳедосеевича, нынѣ умершій. Владиміръ Ѳедосеевичъ былъ женатъ на окрестившейся бурятке Иркутской губ.

[2]) Вадимъ — сынъ Владиміра Ѳедосеевича, отецъ автора этихъ примѣчаній.

[3]) Надежда Ѳедосеевна Бердяева—старшая сестра Владиміра Ѳедосеевича; нѣкогда богачка, блиставшая въ петербургскомъ свѣтѣ. Разорившись окончательно, проживала около десяти лѣтъ въ Дмитревскомъ у сестры Вѣры Ѳедосеевны, до кончины ея. Скончалась въ пріютѣ для престарѣлыхъ дворянъ въ г. Курскѣ, въ началѣ 90-хъ годовъ, имѣя около 100 лѣтъ отъ роду.

[4]) Александра Андреевна, урожденная княжна Фенина.

[5]) Маіоръ Ѳедосей Михайловичъ Раевскій—одинъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ Курской губ., бывшій предводитель дворянства.

[6]) Главное гнѣздо Раевскихъ—Старооскольскаго уѣзда. Затѣмъ, принадлежало одной изъ сестеръ—Любови Ѳедосеевнѣ (въ замуж. Веригиной). Теперь принадлежитъ Александрѣ Михайловнѣ Челищевой.

талья, и Александра[1]) очень хорошо знали,—когда въ Петербургѣ съ Петербургской стороны въ Смольный монастырь, зимою, въ 30 градусовъ мороза, въ легкой шинелькѣ сверхъ мундира, въ киверѣ и въ холодныхъ сапогахъ, я ходилъ пѣшкомъ, чтобы только повидаться, поцѣловаться съ ними... Оба брата вступили въ службу раньше меня, но въ одиннадцати сраженіяхъ я получилъ два чина за отличіе и обогналъ ихъ, а двадцати пяти лѣтъ я уже былъ маіоромъ и имѣлъ два военныхъ ордена. 1822 года 6-го февраля я былъ арестованъ. Этимъ арестомъ кончилась моя свѣтлая, общественная жизнь,—началась новая, можно сказать, подземная, тюремная. Шесть лѣтъ продолжалась она. Меня перевозили изъ крѣпости въ крѣпость: сначала въ Тираспольскую, потомъ въ Петропавловскую, наконецъ, въ крѣпость Замосцъ. Здѣсь рѣшилась моя будущность—спокойно я выслушалъ мою конфирмацію передъ польскою бригадою, скинулъ мой военный мундиръ и какъ поселенецъ отправленъ въ Сибирь подъ строгимъ надзоромъ, на почтовыхъ. Въ Иркутскѣ уже знали и ожидали моего пріѣзда. Я былъ встрѣченъ съ любопытствомъ, вниманіемъ и, со стороны начальниковъ, очень вѣжливо.

Ты видишь, что жизнь моя состояла изъ трехъ переходовъ: съ 17-ти лѣтъ я встрѣтилъ безпощадную кровавую войну. И чтобы не описывать подробностей, я вотъ какъ стихами высказалъ (въ моемъ посланіи къ Сашѣ)[2]) это роковое вступленіе въ жизнь:

Среди моленій и проклятій,
Средь скопища пирующихъ рабовъ,
Подъ гулами убійственныхъ громовъ
И стонами въ крови лежащихъ братій,
Я встрѣтилъ жизнь, взошла заря моя...

Я изъ-за границы возвратился на родину уже съ другими, новыми понятіями. Сотни тысячъ русскихъ своею смертью искупили свободу цѣлой Европы. Армія, избалованная побѣдами и славою, вмѣсто обѣщанныхъ наградъ и льготъ, подчинилась неслыханному угнетенію. Военныя поселенія, начальники такіе, какъ Ротъ, Шварцъ, Желтухинъ и десятки другихъ—забивали солдатъ подъ палками; крѣпостной гнетъ крестьянъ продолжался, боевыхъ офицеровъ вытѣсняли изъ службы; возстановленіе всегда враждебной намъ Польши, усиленное взысканіе недоимокъ, увеличившихся войною, строгость цензуры, новые наборы рекрутъ и проч. и проч.—производили глухой ропотъ... Власть Аракчеева, ссылка Сперанскаго, неуваженіе знаменитыхъ генераловъ и такихъ сановниковъ, какъ Мордвиновъ, Трощинскій—сильно встревожили, волновали людей, которые ожидали обновленія, улучшеній, благоден-

[1]) Наталья и Александра—сестры Владиміра Ѳедосеевича.
[2]) Дочь Владиміра Ѳедосеевича.

ствія, исцѣленія тяжелыхъ ранъ своего отечества... И вотъ причины, которыя заставили насъ высказаться такъ рѣшительно и безбоязненно: дѣло шло о будущности Россіи, объ оживленіи, спасеніи въ настоящемъ. И братъ твой прежде другихъ (по неясному подозрѣнію только)—былъ арестованъ и заключенъ въ крѣпость Тираспольскую. Тайна оставалась тайною, и только 14-го декабря 1825 г. она объяснилась на Сенатской площади. Изъ Тирасполя я былъ отправленъ въ крѣп. Петропавловскую, по рѣшеніи дѣла протестовалъ, меня отправили въ Царство Польское въ крѣп. Замосць, а 1827 года октября 25-го участь моя была рѣшена,—черезъ мѣсяцъ на почтовыхъ меня отправили въ Сибирь на поселеніе. Послѣ шестилѣтняго крѣпостнаго заключенія, я, наконецъ, дышалъ свѣжимъ воздухомъ, видѣлъ людей, могъ говорить съ ними, мнѣ дозволяли обѣдать на постоялыхъ дворахъ, ночевать не въ тюрьмѣ, не подъ замкомъ; чиновники и офицеры, которые назначались губернаторами тѣхъ губерній, черезъ которыя я проѣзжалъ, обходились со мною не только вѣжливо, но съ непритворнымъ уваженіемъ. Я потерялъ чины, ордена, меня лишили наслѣдственнаго имѣнія, но умственныя мои силы, физическая крѣпость, мое имя—оставались при мнѣ.

Послѣ жизни военной и тюремной, (съ) 1827 или, вѣрнѣе, 1828 года, начинается жизнь ссыльная. Вотъ уже 40 лѣтъ, какъ я въ Сибири...

По пріѣздѣ въ Сибирь я надѣялся, я даже увѣренъ былъ, что сестры мои, которымъ досталось все наслѣдство мое, позаботятся успокоить, обезпечить меня,—тѣмъ болѣе, что правительство не воспрещало присылать деньги ссыльнымъ всѣхъ разрядовъ. Я зналъ, что дѣла ваши дурны, что Петръ [1]) по довѣренности вашей расточаетъ наслѣдство (это я уже (видѣлъ) изъ письма дяди Гавріила Михайловича) [2]); вотъ почему я просилъ великаго князя Константина Павловича наложить запрещеніе на мое наслѣдство.

Изъ Сибири я писалъ къ бывшему курскому губернатору Муравьеву о томъ же и имѣю отвѣтъ. Однимъ словомъ, и въ крѣпости, и въ ссылкѣ, я хлопоталъ, заботился о сохраненіи общаго наслѣдства.

Но вышло не такъ. И сестры какъ бы судомъ семейнымъ осудили меня на нищету. Александра Ѳедосеевна на письма мои отвѣчала очень уклончиво, вовсе неудовлетворительно. Я понялъ, что ссылка моя отдѣлила сестеръ моихъ рѣзко отъ меня, предоставила имъ право не признавать меня своимъ роднымъ братомъ... Я прекратилъ переписку; восемь лѣтъ я не писалъ никому изъ васъ. Но подрастающія дѣти были причиною какъ бы новой связи, сближенія моего съ вами.

---

[1]) Петръ Ѳедосеевичъ—братъ Владиміра Ѳедосеевича, извѣстный своими безшабашными выходками и скандалами.

[2]) Братъ отца Владиміра Ѳедосеевича.

Спрашиваю тебя—обезславила ли моя ссылка васъ и родовое имя наше? Краснѣешь ли ты, называя меня своимъ братомъ? Унизилъ ли я себя приговоромъ суда?[1] Согнула ли, испортила ли меня 30-ти-лѣтняя пытка—ты видѣла меня? За что же такія холодныя, какъ бы отталкивающія отношенія сестеръ моихъ ко мнѣ? Кому или чему приписать ихъ отказъ въ помощи мнѣ?..

35 лѣтъ ни словомъ, ни намекомъ не напоминалъ вамъ о семейномъ судѣ вашемъ. Я не нуждался. Усиленными трудами я держалъ семейство мое въ довольствѣ, далъ воспитаніе, какое слѣдовало и возможно было дать въ Сибири. Ты видѣла и дочь мою Александру, и сыновей. Я выдалъ двухъ дочерей замужъ. Мужъ Вѣры [2]) года черезъ два будетъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, имѣетъ два ордена на шеѣ. Всѣ уважаютъ его какъ самаго честнаго, прямодушнаго, дѣловаго и благороднаго человѣка. Еще я считался въ ссылкѣ, когда онѣ обѣ, т. е. Саша и Вѣра—выходили замужъ, когда Юлій произведенъ былъ въ офицеры. Четыре генералъ-губернатора входили съ представленіемъ обо мнѣ государю, о дозволеніи вступить мнѣ по гражданской части въ службу. На всѣ эти представленія—отказъ.

Что жь было причиной такой немилости? Государь считалъ меня виновнѣе другихъ, но доказательствъ не было. Второе общество составилось, когда я былъ въ крѣпостномъ заключеніи.

По водвореніи моемъ Иркутскаго округа въ с. Олонкахъ (въ) 1828 г., первоначально, по просьбѣ крестьянъ, взялъ небольшой подрядъ на перевозку вина изъ винокуреннаго завода, по одобрительному свидѣтельству, или поручительству крестьянъ. Черезъ полтора года новый откупщикъ безъ одобрительнаго свидѣтельства ввѣрилъ мнѣ всю перевозку, съ жалованьемъ 3.000 р. въ годъ. Восемь лѣтъ постоянно я занимался пріемкою вина и доставкою его во всѣ мѣста Иркутской губерніи, Забайкальской и Якутской областей. Кромѣ 3.000 р. жалованья, я получалъ до двухъ тысячъ награжденія. Купилъ мельницу, домъ въ г. Иркутскѣ, отстроился въ Олонкахъ, купилъ 30 десятинъ пашни. Когда откупъ Пономарева кончился, а я сильно заболѣлъ затвердѣніемъ печени, я оставилъ должность, или званіе довѣреннаго по откупу и занялся хлѣбопашествомъ и торговлею хлѣбомъ. Торговля эта давала мнѣ отъ 4—5 тысячъ дохода. Девять лѣтъ я занимался покупкою и продажею хлѣба, но съ пріѣздомъ новаго генералъ-губернатора Муравьева, вмѣсто покупки хлѣба въ казну, начался безбожный насильственный налогъ. Крестья-

---

[1]) Въ „Русскомъ Архивѣ", въ статьѣ о Пушкинѣ Ивана Петровича Липранди въ №№ 8, 9 и 10, 1867 г., сказано о заключеніи и судѣ моемъ въ крѣп. Тираспольской.

[2]) Дочь Владиміра Ѳедосеевича, въ замужествѣ Ефимова, теперь умершая.

намъ выдавались произвольно цѣны за хлѣбъ, не окупавшія труда. Я долженъ былъ бросить и хлѣбопашество, и торговлю хлѣбомъ. Нечего было дѣлать. Я взялъ на себя наемъ рабочихъ людей на бирюсинскіе золотые промыслы, до 2.000 чел. и получалъ до 3.000 р. сер. въ годъ. Но я долженъ былъ съ ноября мѣсяца по мартъ ѣздить по округамъ и деревнямъ, заключать контракты, выдавать билеты и въ это время, проѣзжая нѣсколько тысячъ верстъ, останавливаться на квартирахъ въ деревняхъ, разсчитывать каждаго особо и лично, а въ іюнѣ мѣсяцѣ ѣхать на промыслы, тайгою, для разсчета съ управляющими: 250 верстъ верхомъ и обратно,—а всего 500 верстъ.

Новый откупщикъ предложилъ мнѣ взять на себя пріемку вина и поставку этого вина, отъ 700 до 800 тысячъ ведеръ, во всѣ города и дистанціи Восточной Сибири. Я согласился и при двухъ откупщикахъ занимался этимъ дѣломъ по довѣренности, какъ довѣренный, 12 лѣтъ, получая до 2.500 р. сер. Мельница безъ собственнаго присмотра не обезпечивала домашняго содержанія въ Олонкахъ. По окончаніи откупа, у меня осталось за всѣми разсчетами до пяти тысячъ рублей серебромъ. Я взялъ подрядъ на поставку вина въ города Иркутскъ и Нижнеудинскъ, 164 тысячи ведеръ, и, между прочимъ, складъ вина и нѣсколько питейныхъ домовъ.

Съ 1863 года начинаются всѣ самыя жестокія испытанія въ моей,— и безъ того, какъ ты видишь, не свѣтлой жизни: самымъ безсовѣстнымъ, притязательнымъ постановленіемъ казна удержала у меня залога 3.000 р. сер. Я жаловался министру, но никакого удовлетворенія не получилъ. Юлій, получивши мои деньги 1.200 р., въ самую нужную пору для моихъ дѣлъ, проигралъ въ карты. Убійцы не докончили убійства, но истязали меня жестоко [1]); отъ моей неосторожности у меня обгорѣла половина тѣла, и 8 недѣль я лежалъ безъ движенія; складъ вина пошелъ въ убытокъ. Я долженъ былъ бросить; жена больная, неудачная служба и отставка старшихъ сыновей, которые теперь дома въ Олонкахъ. А въ этомъ году и послѣднее подспорье въ тяжелой жизни—сгорѣла мельница. Я вошелъ въ долги и не вижу выхода изъ моего настоящаго положенія,—а мнѣ уже 73 года.

Слѣдуетъ вопросъ: чѣмъ же я жилъ? Я продавалъ все, что можно было продать, я заложилъ мельницу и домъ въ заводѣ; Миша [2]) изъ небольшаго жалованья помогаетъ мнѣ, а самъ уже вошелъ въ долги. Зять мой Ефимовъ изъ ограниченнаго жалованья выслалъ мнѣ на уплату

---

[1]) Въ одну изъ дальнихъ поѣздокъ Владиміра Ѳедосеевича на него напали разбойники и сильно изранили.

[2]) Старшій сынъ Владиміра Ѳедосеевича—впослѣдствіи казачій полковникъ, извѣстный своимъ удальствомъ и беззавѣтной храбростью; имѣлъ шашку „за храбрость“ при усмиреніи польскаго мятежа; нынѣ умершій.

долга 1.000 р., тогда какъ у него 3 сына (для которыхъ онъ нанимаетъ учителей) и жена, и жизнь въ городѣ. Саша замужемъ и слишкомъ далеко отъ насъ. Сверхъ того, Сонечка [1]) уже невѣста на рукахъ и въ деревнѣ.

Изъ всего, что я написалъ, ты видишь, въ какомъ я положеніи. Ни подъ ядрами, ни въ заточеніи, ни лишеніе правъ и состоянія, ни ссылка, ни ожиданіе смерти подъ ножомъ убійцъ—не имѣли на меня (?) такой тягостной душевной боли,—какъ отказъ сестеръ помочь мнѣ. Для меня было тѣмъ больнѣе, что я видѣлъ моихъ товарищей въ ссылкѣ, которымъ не сестры родныя, а родственники и друзья высылали деньги. Я спрашиваю сестеръ: кому принадлежало наслѣдство отца и матери, еслибъ я не былъ сосланъ?.. Слѣдственно на несчастіи моемъ основалось ваше состояніе. Я не просилъ ни раздѣла, ни отдѣленія мнѣ участка, чтобы послѣдніе дни жизни провести спокойно,—нѣтъ, я просилъ всего 3.000 рублей и, получивши ихъ, черезъ три года я навѣрное былъ бы въ состояніи возвратить эти деньги. Я жилъ и живу уже 40 лѣтъ безъ доходовъ наслѣдства отцовскаго, я привыкъ къ дѣлу, я умѣлъ составить состояніе, а съ 3.000 рублей я бы могъ уплатить долгъ и пустить въ оборотъ остальныя деньги. А безъ денегъ, что можно начать? Что сдѣлать?

Ты, любезный другъ мой, все имѣніе завѣщала сыну моему [2]). Конечно, и люди, и я, и самъ Богъ видятъ и свидѣтельствуютъ о твоемъ благородномъ материнскомъ попеченіи о немъ. Веригина имѣетъ деньги на поѣздку въ Парижъ и отказываетъ мнѣ въ такой незначительной помощи. О Бердяевой мнѣ и говорить больно: она, послѣ 40-лѣтней разлуки, не хотѣла видѣться со мною. Я ли виноватъ, что въ «Будущности» огласили ихъ поступокъ со мною? Неужели онѣ думаютъ, что это тайна. Не одинъ разъ мнѣ предлагали подать прошеніе прямо на имя государя, такъ какъ это дѣло—дѣло совѣсти, не юридиціи. Начинать дѣло, безславить имя моего отца, при моихъ правилахъ,—очень тяжело. Вамъ, конечно, непонятно, что моя просьба, если не будетъ совершенно уважена,—не останется безъ послѣдствій,—конечно, непріятныхъ уже не для меня.

Безцѣнный, добрый другъ мой, я высказалъ все,—мнѣ остается только повторить мою убѣдительную просьбу—не откладывать присылкою тобою обѣщанныхъ денегъ и убѣдить Веригину не отказывать. Чѣмъ скорѣе я получу, тѣмъ болѣе буду благодаренъ. Если домъ мой опишутъ, для меня мѣста будетъ достаточно на кладбищѣ... но больная жена,

---

[1]) Софія Владиміровна, въ замужествѣ Дьяченко—дочь Владиміра Ѳедосеевича; нынѣ умершая въ г. Красноярскѣ.

[2]) Вадиму.

но Соничка... я и то съ нѣкотораго времени ложусь спать и просыпаюсь какъ осужденный. Ты бы не узнала своего брата—онъ постарѣлъ... Къ тебѣ, къ Вадиму я писалъ довольно часто, не понимаю, отчего вы получали не всѣ мои письма, да и отъ Вадима нѣтъ отвѣта на мои письма. Одно замѣчу тебѣ: напрасно Іоасафъ Александровичъ купилъ эту роковую Александрету [1])—не принесетъ она счастья своему владѣтелю...

Прощай, мой милый другъ. Благодарю тебя за посылку отличнаго бѣлья и за твои заботы о Сонѣ,—да, ея положеніе при такихъ обстоятельствахъ меня очень печалитъ. Искренне любящій тебя и признательный братъ Влад. Раевскій.

21-го мая 1868 г.

P. S. Сейчасъ пріѣхали съ почты, но ни отъ тебя, ни отъ Вадима нѣтъ писемъ. Поступилъ ли Вадимъ въ университетъ? Какъ онъ выдержалъ экзаменъ? Очень грустно писать такія письма, какъ это, но что жь дѣлать?.. Не роскошная жизнь, не карты и безразсчетность уронили дѣла мои, и поправить ихъ зависѣло отъ скорой помощи, на которую разсчитывалъ я. Здѣсь въ Сибири нерѣдко можно получить рубль на рубль, а 50 к. на рубль всегда. И милліонеры падаютъ, но мнѣ тяжелѣе, потому что оказанная помощь привела бы все въ настоящій порядокъ.

Іоасафъ Александровичъ, вѣроятно, полагаетъ мое положеніе не настолько стѣсненнымъ и безвыходнымъ. Онъ не жилъ такою тяжкой, трудовой и ссыльной жизнью! Прощай, другъ мой.

Сообщилъ **В. В. Раевскій.**

---

[1]) Имѣніе Новооскольскаго уѣзда, принадлежавшее раньше Александрѣ Θедосеевнѣ; неизвѣстно, почему это имѣніе считалъ Владиміръ Θедосеевичъ „роковымъ".

Наслѣдіе Петра Великаго[1].

IV [1]).

Когда Курляндскій сеймъ открылся, кандидатура Меншикова была выставлена однимъ изъ депутатовъ, пространно распространявшимся на счетъ средствъ, которыми располагаетъ этотъ кандидатъ какъ для того, чтобы поддержать свои притязанія, такъ и для того, чтобы защитить свои интересы и интересы Курляндіи противъ ея недруговъ. Морицъ одержалъ верхъ, но горнизонтъ, въ особенности, со стороны Петербурга, оставался покрытымъ зловѣщими тучами. Вскорѣ одинъ за другимъ въ Митаву стали пріѣзжать курьеры, возвѣщавшіе то о скоромъ прибытіи неудачнаго кандидата, то о вторженіи на курляндскую территорію двѣнадцати тысячъ русскихъ. 8-го іюля Долгорукій былъ въ Митавѣ и сообщилъ сеймовому маршалу о неудовольствіи императрицы. Она не признавала сейма, засѣдавшаго незаконно, безъ согласія короля польскаго, и требовала созыва новаго сейма.

«Но польскій король не признаетъ и его!.—«Это дѣло императрицы».

Меншиковъ ожидалъ въ Ригѣ результатовъ этого перваго требованія. Вдовствующая герцогиня, съ своей стороны, тоже отправилась въ Ригу и со слезами отстаивала интересы Морица. Но фаворитъ оставался непоколебимымъ. Россія не желаетъ этого герцога, и царевна не можетъ выйти замужъ за незаконнорожденнаго. 10-го іюля онъ былъ въ Митавѣ и приказалъ занять ночью городъ отрядомъ русскихъ войскъ. На слѣдующій день произошло пресловутое свиданіе обоихъ соперниковъ, подавшее поводъ къ фантастическимъ разсказамъ; подробности этого сви-

---

[1]) См. „Русскую Старину“, февраль 1902 г.

данія остаются неопредѣленными. Крайне бурное по началу, оно, повидимому, приняло затѣмъ совершенно мирный оборотъ.

— Кто ваши отецъ и мать?—грубо спросилъ Меншиковъ.

— А ваши?—въ свою очередь, спросилъ сынъ Авроры Кенигсмаркъ.

Этотъ вопросъ и отвѣтъ сохранены графомъ Рабютэнъ, поддерживавшимъ въ то время постоянную переписку съ Морицемъ и имѣвшимъ въ своемъ распоряженіи подробный журналъ событій, разыгравшихся въ Митавѣ въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ. Морицъ, съ своей стороны, никогда ни слова не проронилъ о вызовѣ, «который онъ будто-бы бросилъ» Меншикову, предложивъ ему порѣшить вопросъ тотчасъ же, оружіемъ по его, Меншикова, выбору. Когда фаворитъ заговорилъ о томъ, что онъ палочными ударами докажетъ курляндцамъ, что онъ — господинъ, будущій герой Фонтенуа, «чтобы избѣгнуть лично этой демонстраціи», если вѣрить ему,—придумалъ менѣе геройское средство и предложилъ страшному сопернику поединокъ—на сто тысячъ рублей. Тотъ изъ двухъ, который останется курляндскимъ герцогомъ и которому удастся добиться признанія себя таковымъ со стороны польскаго короля, заплатитъ эту сумму другому. Послѣ этого разговоръ сразу сталъ дружескимъ, такъ какъ Меншиковъ согласился на предложенное средство и наивно попросилъ у Морица рекомендательнаго письма къ королю польскому. Подобная просьба показалась Морицу столь забавной, что онъ немедленно исполнилъ ее. Въ этомъ письмѣ встрѣчается слѣдующая двусмысленная фраза: «Онъ (Меншиковъ) желаетъ, государь, чтобы я рекомендовалъ вашему вниманію его интересы и, такъ какъ я желалъ бы доказать ему, какъ близко они касаются меня, то и умоляю ваше величество обратить на нихъ особое вниманіе».

Со странной развязкой, которую получили столь важные переговоры, преданіе связываетъ различные драматическіе эпизоды на тему о борьбѣ обоихъ соперниковъ. Такъ, разсказывали объ осадѣ, которую Морицъ, при содѣйствіи особой охраны вдовствующей герцогини, выдержалъ будто-бы со стороны драгунъ Меншикова. Къ этому припутали дочь какого-то митавскаго бюргера, яко-бы очутившуюся въ этотъ критическій моментъ возлѣ Морица и помогшую ему выйти изъ этого дѣла цѣлымъ и невредимымъ. Смятеніе, слезы, переодѣваніе въ платье красавца-офицера, побѣгъ въ такомъ видѣ черезъ окно, радость осаждавшихъ, которые, овладѣвъ бѣглянкой, думали, что захватили самого героя, гнѣвъ, затѣмъ умиленіе начальника осаждавшихъ, удерживающаго плѣнницу и впослѣдствіи дѣлающаго ее своею женою;—все это, по заключенію автора, вѣроятно, чистый вымыселъ, потому что, если бы Морицъ былъ замѣшанъ въ подобное приключеніе, то не преминулъ бы разсказать о немъ своимъ друзьямъ. Онъ же,—пишетъ Валишевскій,—ограничился тѣмъ, что сообщалъ имъ, что въ ночь съ 11-го на 12-ое

іюля онъ ожидалъ, что его атакуютъ, и поэтому былъ насторожѣ, проводя время за виномъ и картами. Но ничего не нарушило этого веселаго бодрствованія, а на слѣдующее утро Меншиковъ покинулъ Митаву съ tanto di naso, какъ писалъ Морицъ графу Фризену, нарисовавъ на поляхъ письма большой носъ. «Мое положеніе,—прибавлялъ онъ,—съ каждымъ днемъ становится все болѣе удивительнымъ». Свое безразличное отношеніе къ этому онъ выразилъ крѣпкимъ словцомъ.

Въ это время Меншиковъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи лишь нѣсколько сотенъ драгунъ,—силы, которыя онъ, вполнѣ разумно, нашелъ недостаточными для того, чтобы вступить въ борьбу съ рѣшительнымъ человѣкомъ, какимъ представлялся ему его соперникъ. Онъ ограничился тѣмъ, что обрушился на курляндцевъ, говоря, что сошлетъ въ Сибирь сеймоваго маршала, канцлера и съ дюжину депутатовъ и что вернется съ двадцатью тысячами человѣкъ, если только въ теченіе десяти дней они не созовутъ новаго сейма, и онъ не будетъ выбранъ. Какъ-то онъ схватилъ за шиворотъ секретаря Бестужева, приказалъ опечатать всѣ бумаги Анны Іоанновны и распорядился высѣчь нѣкоторыхъ изъ ея слугъ. Но, не смотря на всѣ угрозы и грубости, Морицъ и не собирался оставлять поле борьбы, и Меншиковъ рѣшилъ возвратиться въ Петербургъ, куда за нимъ послѣдовала и герцогиня Курляндская, чтобы предъявить тамъ и свои жалобы, и свои просьбы. Курляндцы жаловались, съ своей стороны, Польша протестовала, самъ Верховный Совѣтъ, нашелъ, что Меншиковъ зашелъ слишкомъ далеко. Въ августѣ Бестужеву было сообщено, что императрица оставила намѣреніе заставить выбрать фаворита, но что онъ долженъ выдвинуть другихъ русскихъ кандидатовъ. Если же польскій король не признаетъ ихъ, то предоставить выборъ курляндцамъ, устранивъ однако Морица. Послѣдній, тѣмъ не менѣе, оставался хозяиномъ положенія, въ ожиданіи новой грозы, которая на этотъ разъ разразилась со стороны Польши.

V.

Въ Петербургѣ къ концу года шансы Морица, повидимому, улучшились. Помимо Лефорта у него оказался тамъ другой защитникъ, менѣе юркій, но за то болѣе ловкій, хотя и скромный, французскій полковникъ де-Фантенэ, исподволь подготовлявшій комбинацію, которая могла бы примирить интересы большинства, если не всѣхъ соискателей. Въ настоящее время она можетъ казаться достаточно фантастичной, но въ октябрѣ 1726 г. Маньянъ, агентъ по французскимъ дѣламъ, остав-

ленный въ Петербургѣ Кампредономъ, считалъ ее близкой къ осуществленію. Петръ,—оттѣняетъ авторъ,—отодвинулъ здѣсь границы дѣйствительнаго и возможнаго... Рѣчь шла ни о чемъ иномъ, какъ о раздѣлѣ Литвы между Потѣемъ, Меншиковымъ и графомъ Саксонскимъ, который такимъ путемъ округлилъ бы свои курляндскія владѣнія. Августъ же оцѣнилъ бы эту сдѣлку, какъ отецъ, а не какъ польскій король, и потому не отказалъ бы ей въ своемъ содѣйствіи. Извѣстно,—оговаривается Валишевскій, — что въ общемъ компромиссы, подвергавшіе опасности цѣлость территоріи Рѣчи Посполитой, не встрѣчали въ немъ противника.

Но Лефортъ, съ своей стороны, не покидалъ мысли подмѣнить Анну Іоанновну Елисаветой Петровной и такимъ образомъ противодѣйствовалъ планамъ вдовствующей герцогини. Онъ склонилъ одну приближенную красавицы-царевны передавать ей мельчайшія свѣдѣнія «о всѣхъ достоинствахъ избранника курляндцевъ, вплоть до самыхъ интимныхъ». А такъ какъ Екатерина не знала, на чтò рѣшиться, самъ Меншиковъ примыкалъ, повидимому, къ комбинаціи Фантенэ, то Морицъ далъ убѣдить себя, что, женясь на Елисаветѣ Петровнѣ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ получитъ Курляндію, въ силу формальнаго договора между императрицей и польскимъ королемъ, такъ какъ и эта комбинація должна была быть осуществлена за счетъ Рѣчи Посполитой. «Это было дѣло рѣшенное», писалъ онъ позднѣе, объясняя, какимъ образомъ онъ узналъ о крушеніи своихъ надеждъ; — курьеръ, пріѣхавшій ко мнѣ изъ Петербурга, былъ посланъ мною къ королю, который принялъ его въ Бѣлостокѣ, у Браницкихъ. По случаю полученія этого пріятнаго извѣстія, выпили, и король, постоянно совѣтующій всѣмъ молчать, былъ столь милостивъ, что довѣрилъ его этой кобылѣ, разсказывавшей объ этомъ первому встрѣчному. Ему стали говорить о конфедераціяхъ, имъ овладѣлъ страхъ. Остальное вы знаете!»

Авторъ склоненъ думать, что Морицъ преувеличивалъ свои шансы на успѣхъ. Какъ бы то ни было,—пишетъ онъ,—11-го октября 1726 г. саксонскими министрами было принято рѣшеніе не поддерживать болѣе дѣла, грозившаго возмутить всю Польшу. Тщетно г-жа Потѣй убѣждала Флемминга по-французски, въ то время какъ ея мужъ говорилъ ему по-латыни. Уступая настояніямъ польскаго сейма, собравшагося въ Гроднѣ въ сентябрѣ 1726 года, король подписалъ декретъ объ отозваніи Морица, а 9-го ноября сеймъ, не смотря на все противодѣйствіе посланнаго Россіей на сеймъ Ягужинскаго, постановилъ рѣшеніе о присоединеніи Курляндіи, послѣ смерти Фердинанда, къ Рѣчи Посполитой, кассировалъ избраніе графа Саксонскаго, объявивъ его врагомъ отечества и назначилъ коммиссію для урегулированія вопросовъ, касающихся Курляндіи. Подиимался вопросъ даже о томъ, чтобы послать депутацію къ французскому посланнику съ цѣлью добиться,

чтобы отъ Морица отняли командованіе полкомъ, какъ отъ человѣка, признаннаго утратившимъ честь.

Тѣмъ не менѣе, Морицъ не сразу покинулъ Митаву. Безъ денегъ, вынужденный, по свидѣтельству графа Кранхейма, шведа по происхожденію, приставленнаго къ нему его матерью, проводить большую часть дня въ постели, слушая чтеніе Донъ-Кихота, онъ ждалъ возврата счастья. И онъ не былъ совершенно не правъ. Задѣвъ щепетильность Россіи и Пруссіи, постановленія гродненскаго сейма создавали для графа Саксонскаго возможность на новыя надежды. Въ концѣ 1726 года изъ Петербурга, для выясненія положенія дѣла, былъ посланъ въ Митаву Девьеръ. Онъ видѣлъ Морица и уже не говорилъ съ нимъ объ уничтоженіи его избранія. Онъ донесъ императрицѣ, что нѣсколько разъ, когда произносили ея имя, у графа навертывались на глаза слезы, и, повидимому, это трогало Екатерину. Новыя инструкціи предписывали Девьеру оставить все въ прежнемъ положеніи. Въ январѣ мѣсяцѣ неутомимый Лефортъ выдвинулъ впередъ новую комбинацію— женить Морица на Софіи Скавронской. Такимъ путемъ Морицъ получилъ бы увѣренность, что онъ тронетъ сердце царицы и достигнетъ цѣли своего честолюбія.

Но Морицъ съ пренебреженіемъ отвергъ это предложеніе, предпочитая женитьбу на герцогинѣ Курляндской.

Однако, мѣсяцъ спустя онъ самъ повредилъ себѣ въ этомъ отношеніи. По крайней мѣрѣ, похожденіе, которое его біографы относятъ къ этому времени, представляется правдоподобнымъ, принимая во вниманіе обстоятельства и характеръ героя. Герцогиня отвела ему помѣщеніе у себя во дворцѣ, гдѣ его посѣщала иногда самая обворожительная изъ фрейлинъ Анны Іоанновны. Однажды ночью онъ провожалъ красавицу, которую разговоръ съ нимъ продержалъ у него до поздняго часа. Такъ какъ дворъ дворца былъ покрытъ снѣгомъ, то онъ переносилъ ее черезъ дворъ на рукахъ и вдругъ наткнулся на какую-то старуху съ фонаремъ. Старухѣ представилось, что она видитъ привидѣніе о двухъ головахъ, и отъ ужаса она закричала и уронила на землю свой фонарь. Морицъ хотѣлъ погасить фонарь ударомъ ноги, но при этомъ потерялъ равновѣсіе и упалъ со своею ношею на злосчастную полуношницу. Отъ этого та стала кричать еще сильнѣе, и послѣднее обстоятельство подняло тревогу во дворцѣ. Такимъ образомъ герцогиня узнала о происшедшемъ и, разгнѣванная, написала объ этомъ въ Петербургъ. Вскорѣ Морицъ получилъ черезъ Лефорта извѣстіе, что его дѣла приняли тамъ неблагопріятный оборотъ. Правда, что въ то же время (февраль, 1727 г.) Курляндскій сеймъ подтвердилъ свой первый выборъ. Морицъ уже поздравлялъ себя, что восторжествовалъ въ борьбѣ съ чудовищемъ, имѣющимъ «столько головъ, еще болѣе ртовъ,

мало ушей и неимѣющимъ рукъ», а баронъ Медемъ по порученію своихъ соотечественниковъ отправился въ Варшаву, чтобы отстоять тамъ сдѣланный ими выборъ. Но было уже поздно: поляки порѣшили дѣло, и посланецъ курляндцевъ былъ арестованъ въ дорогѣ. Въ апрѣлѣ 1727 года Морицъ отправился въ Дрезденъ, въ сопровожденіи только двухъ лицъ, а оттуда поѣхалъ въ Парижъ, ища поддержки и денегъ. Онъ безуспѣшно велъ переговоры о займѣ въ Англіи, въ концѣ-концовъ, вступилъ въ сношенія съ парижскимъ евреемъ Леманомъ, одолжившимъ ему 20.000 экю, вернулся въ Саксонію, гдѣ его отецъ отказался разговаривать съ нимъ о Курляндіи; потихоньку покинувъ Дрезденъ, чтобы черезъ Польшу пробраться въ Митаву, Морицъ узналъ по дорогѣ о смерти Екатерины, отнимавшей у него всякую надежду на успѣхъ.

Между тѣмъ Меншиковъ снова становился могущественнымъ. Въ Митавѣ Морицъ нашелъ генерала Ласси, командовавшаго двумя полками русской пѣхоты и двумя полками кавалеріи и предложившаго ему убраться, если онъ не желаетъ совершить путешествіе въ мѣста отдаленныя. Морицъ засѣлъ на островкѣ мѣстнаго озера, который и по нынѣ называется его именемъ, и попытался вести переговоры. Но у него было только около трехсотъ человѣкъ — по большей части новички, привезенные моремъ изъ Нидерландовъ,—Ласси же ничего не хотѣлъ слышать. Поэтому 19-го августа низвергнутый герцогъ рѣшился покинуть свой лагерь и, перебравшись черезъ озеро въ рыбацкой лодкѣ, добрался до ближайшаго порта, а его маленькая армія сдалась на капитуляцію. Плѣнники встрѣтили хорошее обращеніе со стороны русскихъ, а затѣмъ были переданы ими полякамъ, отпустившимъ офицеровъ, а солдатъ сохранившимъ для своей арміи. Гардеробъ Морица былъ возвращенъ ему благодаря подарку, данному польскому коммиссару Красинскому. Камендинеръ Морица, Бове, спасъ въ шкатулкѣ актъ избранія. Но серебряная посуда г-жи Бѣлинской исчезла.

VI.

Тѣмъ не менѣе, Морицъ, укрывшись въ Данцигѣ, не сдавался. Онъ требовалъ отъ Ласси возврата своихъ вещей, утверждая, что ихъ было взято у него на 76.000 экю. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ генерала доставить Меншикову записку съ условіями соглашенія: 40.000 экю взамѣнъ отказа фаворита отъ притязаній на Курляндію. Но посланіе прибыло въ Петербургъ въ моментъ катастрофы, на этотъ разъ окончательно разрушившей счастье фаворита, а вслѣдъ за Ласси яви-

лись польскіе коммисары съ епископомъ Христофоромъ Шембекомъ во главѣ и съ тысячью литовскихъ драгунъ. Среди сумятицы, вызванной въ Петербургѣ кончиною Екатерины, русскій генералъ, хотя и располагалъ большими силами, не рѣшился противодѣйствовать этой коммиссіи, представлявшей собою право. Она снова созвала курляндскій сеймъ и въ декабрѣ 1727 года заставила его ратификовать постановленія, принятыя польскимъ сеймомъ въ Гроднѣ.

Не смотря на все это, положеніе Россіи фактически оставалось неприкосновеннымъ: Анна Іоанновна неизмѣнно пребывала въ Митавѣ, а полки Ласси каждое мгновеніе были готовы проявить свое превосходство, обусловленное ихъ численностью и дисциплиною. Поэтому русское правительство сохраняло средство говорить властнымъ образомъ и въ ближайшемъ будущемъ не могло упустить случая воспользоваться этимъ. Но Морицъ упорно не хотѣлъ примириться съ этимъ и вскорѣ послалъ въ Петербургъ новаго агента Бакона, указывавшаго тамъ на Морица какъ на единственнаго человѣка, способнаго помѣшать присоединенію Курляндіи къ Польшѣ. Морицъ былъ бы ея вассаломъ, выплачивалъ бы 40.000 руб. дани и содержалъ-бы столько войскъ, сколько Россіи было бы угодно.

«Бакона,—пишетъ Валишевскій,—выслушали разсѣянно и, въ концѣ-концовъ, въ январѣ 1728 года, отпустили обратно. Не одна Польша относилась враждебно къ предмету его миссіи. Тревожилась этимъ и Австрія, проводя мысль, что Морицъ — человѣкъ, способный открыть Англіи одинъ изъ курляндскихъ портовъ. Но за спиною уѣзжавшаго Бакона Лефортъ засуетился особенно усиленно, отправляя въ Дрезденъ одно посланіе за другимъ, съ увѣреніями, что Бакона отослали только для того, чтобы онъ скорѣе привезъ Морица. По его словамъ, въ высшихъ сферахъ возвращались къ мысли избрать его мужемъ для Елизаветы Петровны... И утвержденіе это не было безусловно ложнымъ. Въ это время испанскій посолъ, герцогъ Лирія, близко слѣдившій за придворными интригами, тоже думалъ, что у Морица имѣются данныя на успѣхъ. Наслѣдникъ Екатерины, Петръ II, проявлялъ къ царевнѣ нѣжность, которая безпокоила очень многихъ. Олигархическая партія видѣла въ этомъ угрозу для своихъ честолюбивыхъ замысловъ и для своего желанія держать въ опекѣ новаго императора. Новый министръ Австріи, Вратиславъ, опасался, что осуществленіе предположеннаго брака обратило бы Россію въ ея прежнее состояніе варварства и помѣшало бы ей вмѣшиваться въ дѣла Европы, проще говоря, послать тридцать тысячъ войска на помощь своимъ союзникамъ. Тѣ и другіе были озабочены лишь тѣмъ, чтобы такъ повернуть дѣло, чтобы царевна, выйдя замужъ, покинула свое отечество, и въ это время Петербургъ

увидѣлъ настоящій конкурсъ претендентовъ. Однако, въ началѣ 1729 года выяснилось, что царевна никого не желаетъ.

На этотъ разъ Морицъ покорился обстоятельствамъ и возвратился во Францію, гдѣ его ждала блестящая карьера полководца. Тѣмъ не менѣе, онъ еще не сказалъ вѣчнаго прости ни Курляндіи, ни Россіи, и Валишевскій приводитъ эпилогъ похожденій Морица, касающихся Россіи.

«Прошло десять лѣтъ. Безвѣстный авантюристъ занялъ въ Митавѣ мѣсто, котораго такъ страстно желалъ Морицъ. Казалось, съ этой стороны, все окончательно разрушало его прежніе честолюбивые планы, какъ вдругъ въ 1741 году паденіе Бирона и восшествіе на престолъ Елизаветы Петровны ниспровергнуло все, опять поставивъ на очередь судьбу злосчастнаго герцогства. И тотчасъ же, въ промежуткѣ между двумя побѣдами, Морицъ снова ухватился за свою прежнюю мечту. 12-го іюля 1741 года онъ писалъ изъ Парижа графу Брюлю: «Я нисколько не обманываюсь на этотъ счетъ; тѣмъ не менѣе, если бы вамъ удалось затянуть дѣло, быть можетъ, счастье и всеобщая суматица могли бы въ чемъ-либо помочь мнѣ. Мнѣ больше не на что надѣяться со стороны русскихъ, и поэтому нечѣмъ рисковать». Какъ и въ началѣ своего неудавшагося предпріятія, онъ все еще воображалъ, что кратчайшій путь изъ Парижа въ Митаву идетъ черезъ Варшаву. Однако, вскорѣ извѣстія, приходившія изъ далекой Московіи, гдѣ Елизавета короновала себя на царство, указали ему на другую дорогу и даже на другую цѣль. Исходя изъ положенія, что Елисавета Петровна была не замужемъ, ея довѣренные люди того времени, Шетарди, въ высшей степени предпріимчивый посланникъ Франціи, и Лестокъ, самый смѣлый изъ интригановъ, оба состоявшіе въ перепискѣ съ графомъ Саксонскимъ, начали рисовать ему самыя блестящія перспективы. Онъ поддался искушенію. Побѣдитель при Прагѣ (1741), побѣдитель при Эгрѣ (1742), онъ взялъ отпускъ и, пока французская армія очищала столицу Богеміи, углубился въ негостепріимныя равнины Россіи. Наконецъ, 11-го іюня 1742 года онъ видитъ Елисавету Петровну, которая въ тотъ же день приглашаетъ его протанцовать съ нею кадриль. Два дня спустя, Шетарди даетъ большой обѣдъ въ честь знаменитаго путешественника. Императрица пріѣзжаетъ на него послѣ верховой прогулки. Она была въ мужскомъ костюмѣ, что́ служило доказательствомъ, что она желаетъ понравиться. Она обращается съ Морицемъ съ очаровательной простотою и до поздняго вечера остается въ его обществѣ. 18-го іюня у Воронцова завтракъ «по-русски», продолжающійся девять часовъ. Вставъ изъ-за стола, гости садятся на лошадей, чтобы сопровождать царицу, галопирующую по освѣщеннымъ улицамъ Москвы. Гроза вынуждаетъ жизнерадостную кавалькаду укрыться въ Кремлѣ, гдѣ Елисавета Петровна

лично показываетъ Морицу все относящееся къ обряду коронованія. Послѣ этого снова садятся на лошадей, и императрица какъ-бы случайно спрашиваетъ Шетарди, не предложитъ ли онъ ей поужинать. Посолъ былъ заранѣе предупрежденъ. Когда подъѣхали къ его дому, въ часъ ночи, все оказалось залито огнями, а на площади, для собравшагося толпами народа, были пущены фонтаны изъ бѣлаго и краснаго вина. Два великолѣпно сервированные стола, на двадцать и тридцать кувертовъ, ожидали ужинающихъ. Елисавета Петровна перемѣнила костюмъ—она вся промокла, и—писалъ саксонскій посланникъ Петцольдъ, «было около шести часовъ утра, когда ея величество, стыдя солнце своей красотою, отбыли удовлетворенными».

Но этимъ все и кончилось. Морицъ не замедлилъ замѣтить, что ему нечего дѣлать въ Россіи, и вскорѣ уѣхалъ изъ Москвы. Въ непродолжительномъ времени, вслѣдъ за нимъ, послѣдовалъ и Шетарди.

VII.

Когда скончалась мать Петра Алексѣевича, урожденная принцесса Шарлотта Вольфенбютельская, ему было только три года. Ея мѣсто заняли двѣ простыя женщины, грубыя и необразованныя, одна—вдова портнаго, другая—вдова кабатчика. Нѣмецъ, учитель танцевъ по профессіи, научилъ его читать и писать, а такъ какъ когда-то онъ служилъ матросомъ, то проявилъ притязаніе давать ему уроки мореходства. Въ 1719 году, послѣ смерти его отца, Алексѣя Петровича, къ нему были приставлены два болѣе серьезныхъ наставника, русскій—Мавринъ и венгерецъ—Заикинъ [1]). Но Петръ Великій лично не интересовался успѣхами внука, оказавшимися крайне недостаточными. Когда однажды Заикинъ попросилъ царя присутствовать на одномъ экзаменѣ его воспитанника, тотъ гнѣвно отказалъ ему.

При восшествіи Петра Алексѣевича на престолъ, ему шелъ двѣнадцатый годъ; «онъ обѣщалъ ни въ чемъ не походить на своего дѣда. Физически и нравственно онъ скорѣе напоминалъ свою мать. Нѣжная душа Шарлотты какъ будто перешла въ его широко раскрытые глаза и въ его пріятное лицо, а ея грація—въ изящный обликъ юнаго государя. Иностранные дипломаты наперерывъ восхваляли его привѣтливыя манеры, а публикѣ доставляло удовольствіе приписывать ему черты

---

[1]) Валишевскій пишетъ Заикинъ (Zaikine), оговариваясь, что не могъ установить его настоящей фамиліи, которая, по его мнѣнію, руссифицирована. Соловьевъ въ своей исторіи пишетъ Зейкинъ.

*

великодушія, доброты, снисходительности, которыя сдѣлали бы изъ него образцоваго государя. Указывали на письмо, которое онъ будто-бы написалъ своей сестрѣ, и въ которомъ говорилъ, что рѣшилъ подражать императору Веспасіану, который никогда не хотѣлъ, чтобы кто-либо ушелъ отъ него съ грустнымъ лицомъ.

Нравственный обликъ ребенка одиннадцати лѣтъ нельзя очертить опредѣленно. Въ немъ нѣтъ ничего установившагося. Возможно, что сынъ Алексѣя носилъ въ себѣ зародыши всѣхъ качествъ, которыя ему вмѣняли въ честь; развить ихъ—было дѣломъ воспитанія, но, къ несчастью, едва намѣченныя занятія Мавриныхъ и Заикиныхъ были прерваны, уступая мѣсто всѣмъ увлеченіямъ, соблазнамъ и опасностямъ, которыя заключаетъ въ себѣ неограниченная власть. Правда, ребенокъ началъ съ того, что послушно отнесся къ положенію, которое создали ему обстоятельства. Онъ усвоилъ привычку называть Меншикова «папа» и продолжалъ такъ. Онъ допустилъ даже увезти себя изъ императорскаго дворца, гдѣ, какъ опасался фаворитъ, онъ не имѣлъ бы возможности достаточно близко наблюдать за нимъ. Подъ предлогомъ, что тѣло покойной императрицы должно оставаться тамъ выставленнымъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, будущій тесть помѣстилъ своего будущаго зятя въ своемъ собственномъ домѣ на Васильевскомъ островѣ. Онъ уволилъ его обоихъ наставниковъ, которыхъ онъ съ полнымъ основаніемъ признавалъ неудовлетворительными, и далъ доказательство если не предусмотрительной заботливости о своихъ собственныхъ интересахъ, то вѣрнаго взгляда, замѣнивъ ихъ Остерманомъ. Уже достигшій положенія вице-канцлера и проявляя на этомъ посту выдающіяся качества, ловкій вестфалецъ, въ которомъ Петръ Великій призналъ дипломатическія дарованія, теперь выказывалъ себя очень хорошимъ педагогомъ. Планъ занятій, написанный имъ по-нѣмецки и позднѣе изданный въ русскомъ переводѣ будущимъ преподавателемъ Екатерины II, Ададуровымъ, обрисовываетъ его въ этомъ отношеніи въ крайне выгодномъ свѣтѣ. Уроки непродолжительные и которые разнообразились съ большимъ умомъ, очень широкая метода, отдававшая предпочтеніе бесѣдамъ запросто между ученикомъ и профессоромъ,—составляютъ основу предложенной имъ системы обученія.

Сначала это понравилась ребенку, и онъ проявилъ влеченіе и къ самому учителю. Утромъ, вставая, онъ въ рубашкѣ бѣгалъ къ нему. И, первое время, Меншиковъ, съ своей стороны, могъ быть только доволенъ маленькимъ императоромъ. 12-го мая, въ домѣ на Васильевскомъ островѣ былъ большой пріемъ, куда дворъ былъ приглашенъ привѣтствовать государя въ помѣщеніи, только-что занятомъ имъ. Выйдя въ собраніе, Петръ II съ рѣшительнымъ видомъ выступилъ на середину и сказалъ громкимъ голосомъ, что въ этотъ день онъ хочетъ уничто-

жить фельдмаршала. Общее смятеніе! Обыкновенно такъ называли Меншикова. Но тотчасъ же, доброй улыбкой, освѣтившей его лицо, маленькій императоръ далъ понять, что не было основаній волноваться такъ. Затѣмъ онъ торжественно вынулъ изъ кармана и передалъ своему будущему тестю грамоту, назначавшую его генералиссимусомъ: Меншиковъ тщетно добивался этого званія отъ Екатерины.

Въ первыхъ числахъ іюля Меншиковъ заболѣлъ и проболѣлъ нѣсколько недѣль. Эта болѣзнь имѣла громадное значеніе и для него, и для Петра, а слѣдовательно, и для будущности всей Россіи: за это время императоръ усвоилъ привычку къ самостоятельности. «Ускользнувъ въ теченіе этихъ недѣль отъ зоркаго надзора со стороны своего будущаго тестя, онъ прежде всего склонился къ Остерману, который, менѣе суровый и грубый и, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе податливый и болѣе снисходительный, во всѣхъ отношеніяхъ болѣе подходилъ для него. Но тотчасъ же явились и другія вліянія. Общество наставника было поучительно и пріятно, но общество Наталіи Алексѣевны было еще болѣе привлекательно. Всѣ современники, русскіе и иностранцы, единодушно восхваляли если не красоту, то во всякомъ случаѣ ея неотразимую очаровательность. Она была мало красива, сильно тронута вѣтряной оспой и сильно курноса. Но, лишь на годъ старше своего брата, она выказывала необычайно развитой умъ, открытый самымъ возвышеннымъ идеямъ, характеръ доступный благороднѣйшимъ чувствамъ. Она давала юному государю превосходные совѣты, склоняя его работать и избѣгать дурнаго общества, и сначала онъ, повидимому, слушалъ ее. Сохранилось сочиненіе, въ которомъ онъ старался изобразить хорошимъ стилемъ свои впечатлѣнія минуты. Въ этомъ сочиненіи теорія просвѣщеннаго деспотизма, изложенная на дурномъ латинскомъ языкѣ, соединялась съ изъявленіемъ нѣжной признательности къ любимой сестрѣ, помогающей автору воспитывать въ себѣ хорошаго императора. Но, вмѣстѣ съ сестрою, появлялась на Васильевскомъ островѣ также тетка, красивая и жизнерадостная Елисавета, не говорившая ни о работѣ, ни о добродѣтеляхъ. Въ семнадцать лѣтъ, съ своими рыжими волосами, со стройной тальей и сильно развитою грудью, она вся дышала удовольствіемъ, пылкостью чувствъ и нѣгою страсти. Она начала съ того, что стала прививать племяннику наклонность къ физическимъ упражненіямъ, въ которыхъ отличалась сама, безстрашная наѣздница, неутомимая охотница. Съ наступленіемъ лѣта она ежедневно увлекала его для верховыхъ поѣздокъ или охотничьихъ экскурсій — и, тогда, прощайте, учебныя тетрадки! Остерманъ ничему не мѣшалъ; послѣдовательность въ мысляхъ была однимъ изъ его качествъ, а однажды онъ уже предлагалъ соединить обѣ вѣтви наслѣдниковъ Петра Великаго путемъ брака Елисаветы Петровны съ Петромъ Алексѣевичемъ. Воспи-

танникъ вскорѣ повелъ себя такъ, что долженъ былъ поощрять надежды профессора. Сынъ Алексѣя проявилъ очень преждевременную зрѣлость, и скоро уже не пушной или пернатый звѣрь сталъ главнымъ образомъ интересовать его на охотахъ, которыя онъ предпринималъ въ обществѣ съ Елисаветой. Возвратившись съ охоты, Петръ вздыхалъ возлѣ тетки и сочинялъ въ ея честь плохіе стихи, но съ наступленіемъ ночи отправлялся съ Иваномъ Долгорукимъ отдаваться болѣе доступнымъ удовольствіямъ, мысль о которыхъ и жажду которыхъ пробуждалъ въ немъ его романъ. Эти экскурсіи приняли правильный характеръ, и, благодаря имъ, этотъ сотоварищъ, неблагоразумно избранный Меншиковымъ, завоевывалъ данныя, чтобы замѣтить его на посту фаворита. Въ то же время молодой Александръ Меншиковъ, тоже приставленный къ особѣ государя со званіемъ оберъ-камергера и съ чиномъ генералъ-лейтенанта—въ тринадцать лѣтъ — подавалъ поводъ къ неблагосклоннымъ разговорамъ, въ которыхъ оживляли воспоминаніе о первомъ герцогѣ Линь. Обратили вниманіе и на то обстоятельство, что съ лентой св. Андрея онъ одѣвалъ ленту св. Екатерины, которая до тѣхъ поръ предназначалась только для женщинъ.

А Марія Меншикова? задаетъ вопросъ авторъ о нареченной невѣстѣ царя.—Она стушевывалась среди этой новой жизни. Надѣленная нѣсколько холодной красотой, лишенная вызывающихъ манеръ и соблазнительныхъ чаръ, которыя ея женихъ цѣнилъ у другихъ, въ подлинникѣ «у Елисаветы», она никогда не нравилась ему, а теперь стала внушать ему чувства, близкія къ пренебреженію, даже къ отвращенію. Онъ сравнивалъ ее съ мраморной статуей. Разсказывали даже, будто однажды онъ опустился на колѣни передъ своей сестрой Наталіей, предлагая ей отдать свои часы, лишь бы она освободила его отъ невѣсты. Настолько же скромная, какъ и гордая, она гнушалась, съ своей стороны, бороться противъ немилости, которую женскій и мужской персоналъ, окружавшій Петра, старался одѣлать окончательной.

Когда Меншиковъ снова явился на сценѣ, онъ произвелъ на весь этотъ міръ впечатлѣніе какой-то помѣхи. Его появленіе въ комнатѣ служило сигналомъ къ всеобщему бѣгству. Петръ скрывался черезъ другую дверь, Наталья спасалась черезъ окно. Его называли «Голіафомъ», «Левіаѳаномъ». Наталія, надѣленная талантомъ къ подражательности и каррикатурѣ, возбуждала взрывы хохота, воспроизводя его жесты. Онъ принесъ съ собою свои прежнія деспотическія замашки, которыя теперь представлялись уже невыносимыми. То, что составляло силу его власти, долгая привычка, престижъ положенія, которое, казалось, составляло неразрывное цѣлое съ существованіемъ государства, кажущаяся невозможность разрушить первое, не повергая въ бездну втораго,—все это исчезло какъ дымъ въ продолженіе роковой болѣзни фа-

ворита, послѣ которой онъ представлялся какъ-бы выходцемъ съ того свѣта. Государство просуществовало безъ него. Такъ почему же онъ претендовалъ занимать въ немъ такъ много мѣста? Зависть и соперничество, укрощенныя или успокоенныя, снова заговорили.

Результатомъ, какъ извѣстно, явились паденіе и ссылка Меншикова.

Отдѣлавшись отъ генералиссимуса, Петръ сталъ проявлять все бóльшую наклонность удалиться съ прямаго пути знанія и добродѣтели, на которомъ его сестра и наставникъ пытались удержать его. Ссылаясь на государственныя заботы, поглощающія его, онъ совершенно отказался отъ учебныхъ занятій, но и Верховный Совѣтъ, предсѣдательствовать въ которомъ онъ рѣшилъ съ того времени лично, тоже не видѣлъ его. Въ декабрѣ 1727 года Лефортъ, набрасывая его портретъ, сообщалъ слѣдующія свѣдѣнія относительно препровожденія имъ времени: «У него нѣтъ другаго занятія, какъ днемъ и ночью быть на улицѣ съ Елисаветой и своей сестрою, посѣщать камергера (Ивана Долгорукаго), пажей, поваровъ и Богъ знаетъ кого еще...

«Кто бы могъ повѣрить, что эти безразсудные (Долгорукіе) вселяютъ въ него чувства послѣдняго изъ русскихъ. Мнѣ извѣстна комната, смежная съ билліардной, въ которой помощникъ гувернера устраиваетъ для него развлеченія... Ложатся спать лишь въ семь часовъ утра».

Въ то же время характеръ Петра II сталъ выступать въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ прежде. Онъ становился раздражительнымъ противникомъ малѣйшаго принужденія. Въ день свадьбы Сапѣги съ Софіей Скавронской, онъ неожиданно вышелъ изъ-за стола, среди пиршества. Онъ сердился на сестру, какъ только та осмѣливалась обратиться къ нему съ малѣйшими увѣщаніями. Онъ принимался пить.

Всѣ надежды Остермана сосредоточивались на предстоявшемъ въ Москвѣ, во время коронаціи, свиданіи Петра Алексѣевича съ бабушкой. Онъ надѣялся, что она благодѣтельно повліяетъ на внука. Дѣйствительно, царица Евдокія увѣщевала его бросить усвоенный имъ образъ жизни, совѣтовала поскорѣе жениться, хотя бы на иностранкѣ. Однако Петръ Алексѣевичъ, ничего не отвѣтивъ ей на это, поскорѣе прервалъ разговоръ, и все осталось по-прежнему, или вѣрнѣе, онъ все болѣе и болѣе сталъ отдаваться удовольствіямъ и охотѣ, не желая и слышать послѣ коронаціи о возвращеніи въ Петербургъ. По словамъ Лефорта, въ мартѣ 1728 года по Москвѣ были расклеены афиши, грозившія, что всякій, кто осмѣлится говорить о возвращеніи въ Петербургъ, будетъ нещадно битъ кнутомъ. «А между тѣмъ, утвержденіе правительственнаго центра въ Москвѣ, — пишетъ Валишевскій,—само по себѣ грозило бы неприкосновенности и будущности великаго наслѣдія, для управленія которымъ Петръ I назначилъ мѣсто на берегахъ Невы».

Для характеристики современнаго положенія Россіи авторъ приво-

дить отзывы трехъ дипломатовъ: саксонца Лефорта, испанца Лирія и француза Маньяна.

«Какъ только я подумаю,—писалъ Лефортъ въ 1728 году,—какъ это государство управляется въ настоящее время, все представляется мнѣ какимъ-то сномъ въ сравненіи съ царствованіемъ дѣда. Человѣческій умъ не можетъ постигнуть, какъ такая громадная машина оказывается въ состояніи продолжать дѣйствовать безъ поддержки и рабочей силы. Каждый стремится сбросить съ себя бремя, никто не желаетъ взять на себя что бы то ни было. Можно было бы сравнить (это государство) съ плавающимъ кораблемъ, которому грозитъ буря, а капитанъ и экипажъ котораго напились пьяны или заснули. Огромная машина носится по волѣ корыстолюбія, безъ всякихъ заботъ о будущемъ, и кажется, точно экипажъ только ожидаетъ сильной бури, чтобы воспользоваться караблемъ какъ добычей»...

«Все идетъ скверно, — доносилъ Лирія въ ноябрѣ 1728 года, — императоръ не занимается дѣлами и не думаетъ заниматься ими. Никому не платятъ, и Богъ вѣсть, до чего дойдутъ финансы его величества. Каждый воруетъ на сколько можетъ. Всѣ члены Верховнаго Совѣта больны, и вотъ почему этотъ трибуналъ, составляющій душу правительства, совершенно не собирается. Всѣ подвѣдомственныя учрежденія тоже остановили свои дѣйствія. Жалобы — безчисленны. Всякій дѣлаетъ то, что ему придетъ въ голову. Никто не думаетъ о томъ, какъ помочь дѣлу, за исключеніемъ барона Остермана, который одинъ не можетъ все сдѣлать. Мнѣ кажется, что все здѣсь созрѣло для какого-нибудь потрясенія».

«Никакой принципъ чести, дружбы или признательности не является руководителемъ (для русской націи), — писалъ Маньянъ въ ноябрѣ 1729 года,—а дѣйствуютъ исключительно: съ одной стороны — полная грубость, а съ другой—духъ низменныхъ интересовъ. Можно было бы даже сказать, что эта грубость, повидимому, еще возростаетъ по мѣрѣ того, какъ она встрѣчаетъ болѣе снисходительности въ настоящее царствованіе».

Приведя отзывы упомянутыхъ дипломатовъ, Валишевскій отмѣчаетъ, что авторъ однихъ мемуаровъ объ этой эпохѣ, въ общемъ мало хвалебныхъ, Манштейнъ, не только расходится съ массою другихъ свидѣтельствъ объ этомъ времени, но воспѣваетъ прямой панегирикъ ему. Позднѣе Вейдемейеръ, Соловьевъ писали въ томъ же духѣ. Признавалось, что Лефортъ, Маньянъ и Лирія были лишь поверхностными наблюдателями; что они ограничивались впечатлѣніями придворной жизни, что они «не ходили въ народъ»; что если двору, изгнанному изъ Петербурга, приходилось жаловаться на олигархическое правительство, то у народа было полнѣйшее основаніе цѣнить всѣ его благодѣянія: онъ

не поставлялъ рекрутъ для арміи, находившейся на мирномъ положеніи и потому обходившейся безъ нихъ, и платилъ менѣе налоговъ, потому что новое правительство имѣло менѣе потребностей, чѣмъ правительство Петра Великаго, и потому предъявляло менѣе требованій.

«Таковъ тезисъ,—пишетъ Валишевскій.—Что касается свидѣтельства Манштейна, то у него слабое основаніе. Родившись въ 1711 году, авторъ мемуаровъ въ 1727 — 1729 годахъ не могъ быть очень дальновиднымъ. Сверхъ того, онъ не находился въ Россіи, куда прибылъ лишь въ 1736 году. Противъ того, что правительство Петра II,—пока таковое существовало и, въ особенности, послѣ того, какъ оно фактически перестало существовать—могло встрѣчать симпатіи въ народной средѣ, противъ этого я не хочу спорить. Народъ всюду—ребенокъ, а самое вѣрное, если не самое добросовѣстное средство удовлетворять дѣтей—это не требовать отъ нихъ никакихъ усилій, не налагать на нихъ никакого принужденія, предоставляя ихъ фантазіи и ихъ естественной лѣности. Позднѣе имъ придется раскаяваться въ этомъ, но въ данный моментъ они будутъ чувствовать себя совершенно счастливыми. Вотъ подобнаго рода блаженство верховникамъ и удалось создать для простаго народа. Такъ какъ ничего не дѣлали, то ничего и не требовали ни отъ кого. Въ 1729 году Верховный Совѣтъ рѣшилъ воспретить взиманіе подушной въ періодъ земледѣльческихъ работъ. Это было прекрасно, по скольку можно было обходиться безъ денегъ. Нѣкоторое время обходились безъ нихъ; машина, не дѣйствовавшая болѣе, не требовала смазки, такъ какъ олигархія приближалась здѣсь къ анархіи, въ подлинномъ смыслѣ слова, которымъ такъ злоупотребляли въ другихъ мѣстахъ. Нѣтъ режима менѣе разорительнаго, какъ бы мало онъ ни продолжался. Эта продолжительность имѣетъ различныя границы. Организмы низшаго порядка легко переносятъ лишеніе нѣкоторыхъ элементовъ жизни и даже нѣкоторыхъ органовъ, отсутствіе которыхъ на высшихъ ступеняхъ лѣстницы живыхъ существъ становится причиною смерти. Моллюскъ довольствуется малымъ, и ампутаціи отнюдь не убиваютъ его.

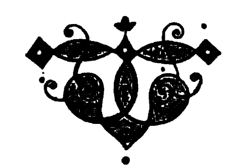
«Такимъ-то образомъ разрѣшалась временно загадка, занимавшая дипломатическій корпусъ въ Россіи съ 1727 по 1729 годъ: сохраненіе жизни государствомъ, не имѣвшимъ болѣе ничего для того, чтобы жить, ни сердца, ни желудка. Но подобное положеніе не могло продолжаться долго. Страна, въ ея цѣломъ, не достаточно усвоила себѣ элементы гражданственности, только-что созданные Петромъ I, чтобы они немедленно сдѣлались необходимыми ей. Однако, она не могла существовать безъ всего безконечное время; а такъ какъ возвратъ къ патріархальнымъ формамъ прошлаго представлялся неосуществимымъ

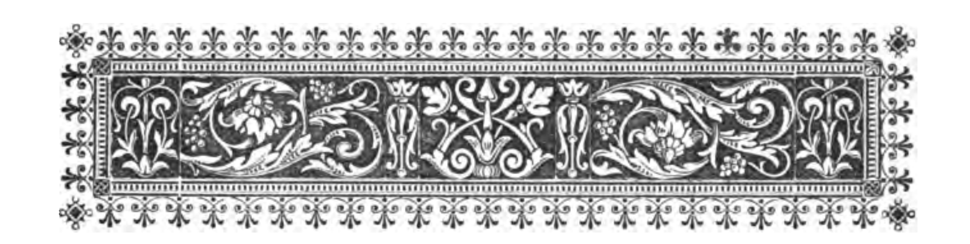
то неизбѣжно наступило бы удушеніе, если бы катастрофа, которую единогласно предусматривали Лефортъ, Лирія и Маньянъ, не была бы предотвращена другою катастрофою, которую они не предвидѣли».

Эта послѣдняя катастрофа—ранняя смерть Петра II.

П.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Польша въ 1814 — 1831 гг.

(Изъ воспоминаній генерала Клементія Колачковскаго) [1].

I.

Организація польскаго войска.—Польскіе генералы и офицеры.—Составъ корпуса инженеровъ.—Образованіе тайнаго общества „Польскихъ друзей“.

Въ 1814—1815 г.г. всѣ были заняты организаціей будущаго польскаго войска; съ этой цѣлью подъ предсѣдательствомъ великаго князя Константина Павловича была учреждена военная коммиссія, въ составъ которой вошли также генералы, сражавшіеся въ рядахъ польскаго войска въ 1791 и 1792 г.г., а именно: генералъ Віельгорскій, генералъ Вавржецкій, принявшій начальство послѣ Костюшки, и генералъ Сѣраковскій. Изъ нихъ первый служилъ въ италіанскихъ легіонахъ и отличился при оборонѣ Мантуи, но онъ уже былъ очень старъ и слабъ ногами. Вавржецкій съ 1794 по 1814 г., т. е. цѣлыхъ двадцать лѣтъ, былъ не у дѣлъ, но все еще былъ очень бодръ. Сѣраковскій зарабатывалъ въ это время средства къ жизни, занимаясь воспитаніемъ дѣтей въ богатыхъ домахъ и управляя имѣніями польскихъ магнатовъ. Онъ ничему не научился за это время, но ничего и не позабылъ. Его необычайная полнота, вошедшая въ поговорку, была ему чрезвычайно въ тягость и не позволяла ему быть дѣятельнымъ. Генералъ представлялъ изъ себя безформенную массу жира, вѣроятно совершенно неспособную мыслить, и ко-

[1]) Wspomnienia jenerała Klemensa Kołaczkowskiego. W. Krakowie. 1900.

торой трудно было сдвинуться съ мѣста; но эта масса занималась постоянно математическими выкладками и любила вести разговоръ объ этомъ предметѣ. Впрочемъ, въ изученіи математики Сѣраковскій никогда не пошелъ далѣе алгебры Снядецкаго и геометріи Гулліера. Кромѣ этихъ генераловъ стараго закала въ коммиссію были назначены генералы Домбровскій, Заіончекъ и, если не ошибаюсь, Княжевичъ. Это было почтенное собраніе польскихъ ветерановъ, какихъ Польша уже болѣе не увидитъ. Не доставало только Костюшки.

Великій князь Константинъ Павловичъ, находившійся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ коммиссіей, дѣятельно занялся организаціей польскаго войска.

Наконецъ было сформировано двѣ пѣхотныя дивизіи по 6 полковъ въ каждой, 1 полкъ л.-гв. гренадеръ, двѣ кавалерійскія дивизіи по 4 полка въ каждой и 1 л.-гв. егерскій полкъ.

Артиллерія и инженерный корпусъ были подчинены генералу Сѣраковскому; его помощникомъ по артиллеріи былъ назначенъ генералъ Редель, а по инженерному вѣдомству генералъ Малле (Mallet). Генералъ-квартирмейстеромъ былъ генералъ Маврикій Гауке, прославившійся при оборонѣ Замостья.

Я отправился къ этому послѣднему и заявилъ ему о своемъ желаніи служить подъ его начальствомъ, но когда о томъ былъ спрошенъ генералъ Малле, то онъ сказалъ, что я обѣщалъ остаться въ его корпусѣ, что было совершенно невѣрно; такъ какъ я не могъ, какъ подчиненный, указать, что это неправда, то и остался въ инженерномъ корпусѣ.

Мое нежеланіе оставаться въ этомъ корпусѣ зависѣло отъ его личнаго состава. Съ переходомъ Прондзинскаго въ квартирмейстерскую часть, въ немъ не осталось ни одного офицера, съ которымъ я могъ бы работать по-пріятельски. Многіе изъ инженеровъ носили нѣмецкія фамиліи и были нѣмцами въ душѣ. Всѣ они знали свое ремесло практически, но совершенно не обладали теоретической подготовкой; къ тому же все это были люди весьма неблаговоспитанные, съ которыми нельзя было имѣть никакихъ отношеній помимо службы; за исключеніемъ Минтера это были простые техники. Изъ инженеровъ-поляковъ не было ни одного человѣка, на котораго я могъ бы положиться; почти всѣ они, за исключеніемъ подполковника Менцишевскаго, служившаго ранѣе въ австрійской арміи въ чинѣ капитана и воевавшаго противъ насъ въ 1809 г., не были ни учеными, ни практиками и не выказывали ни малѣйшаго желанія усовершенствоваться въ инженерномъ дѣлѣ; при томъ, какъ всѣ малообразованные люди, они были высокомѣрны и задорны. Мнѣ нравился одинъ только поручикъ Вильсонъ, но такъ какъ онъ былъ страстный игрокъ, то я отъ него сторонился.

Нельзя сказать ничего лестнаго и о нашемъ начальствѣ. Малле хотя

и служилъ прежде инженеромъ во французскомъ войскѣ, но былъ весьма мало свѣдущъ въ своемъ дѣлѣ; отъ него ничему нельзя было научиться; при этомъ онъ завидовалъ всякому мало-мальски талантливому человѣку, былъ скрытенъ, никогда не держалъ своихъ обѣщаній, былъ низкопоклоненъ передъ начальствомъ и въ высшей степени эгоистиченъ; единственнымъ его качествомъ было то, что онъ не былъ жаденъ къ деньгамъ. Только тотъ офицеръ былъ у него на хорошемъ счету, который цѣлый день вычерчивалъ его нелѣпые планы и воскурялъ ему ѳиміамъ.

Теоретическія знанія Малле были невелики; онъ не кончилъ политехнической школы и только пріобрѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія на практикѣ при осадѣ крѣпостей. Онъ не имѣлъ никакихъ убѣжденій и могъ въ одинъ и тотъ же вечеръ пѣть съ революціонерами ça ira [1]), а съ монархистами: God save the king [2]). «Съ волками жить, по-волчьи выть, другъ мой», говаривалъ онъ. Впрочемъ, Малле былъ человѣкъ довольно уживчивый, привѣтливый и снисходительный по отношенію къ подчиненнымъ. Нельзя было ненавидѣть такого человѣка, но и любить его было не за что.

Его помощникомъ былъ подполковникъ Салацкій, инженерный офицеръ, участвовавшій въ войнахъ 1792 и 1794 г.г.; не будучи ученымъ, онъ однако прекрасно зналъ военное дѣло. Его манеры и обхожденіе изобличали придворнаго, временъ Станислава Августа, который привыкъ возлагать всѣ свои надежды на протекціи и интриги. Послѣ раздѣла Польши онъ отправился въ Пулавы подъ покровительство князя Адама Чарторыйскаго, бывшаго начальникомъ кадетскаго корпуса, получилъ въ управленіе часть Пулавскихъ земель и нажилъ себѣ порядочное состояніе. Въ 1809 г., я засталъ его еще въ Пулавахъ, а по окончаніи войны онъ поступилъ снова на службу въ чинѣ капитана. Всѣмъ извѣстна его трагическая кончина въ ночь на 15-ое августа 1831 г.

Начальникомъ инженеровъ въ Замостьи былъ подполковникъ Леонардъ Іодко (Jodko). Онъ началъ службу въ литовскомъ инженерномъ корпусѣ; по образованію стоялъ немногимъ выше Салацкаго, но былъ болѣе опытенъ по службѣ; за то не имѣлъ внѣшняго лоска· Это былъ простой, добродушный литовецъ, хорошій товарищъ, вѣчно веселый, въ особенности за пріятельской бесѣдой и рюмкою вина.

Подполковникъ Гутковскій, бывшій директоромъ втораго кадетскаго корпуса въ Варшавѣ, по расформированіи этого корпуса, былъ назначенъ начальникомъ инженеровъ въ Люблинъ. Этотъ офицеръ, никогда не видавшій въ глаза непріятеля, имѣлъ такую уморительную наруж-

---

[1]) Революціонный гимнъ.
[2]) Англійскій національный гимнъ.

ность, что онъ былъ посмѣшищемъ всей арміи. Онъ обладалъ довольно большими, но поверхностными знаніями, много, даже слишкомъ много писалъ и переводилъ, наполняя журналы и газеты своими статьями, но никогда не достигъ извѣстности. Гутковскій былъ членомъ «Общества любителей наукъ» въ Варшавѣ, но къ дѣйствительной службѣ совершенно былъ непригоденъ.

Подполковникъ Ронже (Ronget), по происхожденію французъ, бывшій до 1812 г. начальникомъ аппликаціонной школы, стоялъ немногимъ выше Гутковскаго по знанію военнаго дѣла, но прекрасно чертилъ и поэтому былъ назначенъ завѣдующимъ топографическимъ отдѣломъ. Къ строевой службѣ онъ былъ совершенно негоденъ, будучи тугъ на ухо. Это былъ человѣкъ добрый и обходительный. Четвертымъ штабъ-офицеромъ былъ подполковникъ Вильгельмъ Минтеръ, завѣдывавшій въ Варшавѣ постройкою военныхъ зданій. Минтеръ былъ уроженецъ Берлина, гдѣ онъ прошелъ курсъ строительнаго искусства. Послѣ занятія Варшавы пруссаками, онъ былъ приглашенъ княземъ Понятовскимъ въ его имѣніе архитекторомъ, а въ 1810 г. поступилъ въ корпусъ инженеровъ въ чинѣ капитана. Это былъ человѣкъ знающій и опытный въ своемъ дѣлѣ. Минтеромъ построены въ Варшавѣ по его проектамъ великолѣпныя казармы, подобныхъ которымъ нѣтъ ни въ одной столицѣ кромѣ Петербурга, и перестроены почти всѣ казенныя войсковыя зданія. Но онъ не обладалъ ни способностями, ни спеціальными знаніями, необходимыми военному инженеру, за то подъ его руководствомъ многіе молодые офицеры пріобрѣли основательныя познанія въ гражданской архитектурѣ.

Подполковникъ Филиппъ Менцишевскій, состоявшій ранѣе въ австрійской службѣ и получившій образованіе въ извѣстной инженерной академіи въ Вѣнѣ, одинъ изъ всѣхъ вышепоименованныхъ лицъ обладалъ знаніями военнаго инженера. Онъ прекрасно зналъ не только высшую математику, но пріобрѣлъ на австрійской службѣ умѣнье поддерживать тотъ образцовый порядокъ въ военной службѣ и въ администраціи, какимъ отличается австрійская армія.

Въ 1810 г. онъ поступилъ инженеръ-капитаномъ въ польскія войска и работалъ надъ укрѣпленіемъ Замостья; въ 1813 г. участвовалъ въ оборонѣ Модлина и послѣ капитуляціи этой крѣпости возвратился въ свой родной городъ, Краковъ, гдѣ преподавалъ высшую математикувъ тамошней академіи. Поступивъ въ 1815 г. снова на службу въ польское войско, онъ былъ назначенъ состоять начальникомъ штаба при генералѣ Сѣраковскомъ; въ этой должности онъ былъ еще въ 1830 г., когда вспыхнуло возстаніе, жертвою котораго онъ палъ, будучи убитъ 29-го ноября однимъ изъ подпрапорщиковъ. Менцишевскаго не любили въ инженерномъ корпусѣ, такъ какъ, будучи самъ дѣятеленъ и строго исполнителенъ по

службѣ, онъ требовалъ того же и отъ подчиненныхъ. Это и было главною причиною его смерти.

Таковъ былъ въ то время составъ инженернаго корпуса.

Я ежедневно занимался служебными дѣлами въ инженерномъ управленіи, а въ свободное время бралъ частныя работы и занимался чтеніемъ и музыкой. Въ то время въ музыкальномъ мірѣ пользовался большою извѣстностью англичанинъ Фильдъ, жившій постоянно въ Петербургѣ; концертами его я сильно увлекался. Я познакомился также въ одной польской семьѣ съ молодымъ Скибицкимъ, который мастерски исполнялъ сочиненія Фильда. Вечера я проводилъ по большей части самымъ пріятнымъ образомъ въ домѣ маршала двора Бронца (Broniec), у котораго собиралось русское общество. У него бывали Моренгеймъ, личный секретарь великаго князя, адъютанты его высочества Феншъ, Тимирязевъ, кн. Александръ Голицынъ, Шахматовъ и Ильинскій, бывшій чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ, графъ Ланской и многіе другіе.

Графъ Ильинскій былъ младшій сынъ сенатора, графа Ильинскаго, который пользовался особымъ благоволеніемъ императора Павла I и Александра I и славился на Волыни своей гордостью и чудачествомъ; но онъ имѣлъ и свои прекрасныя стороны. Воспользовавшись своимъ вліяніемъ на императора Павла, онъ смягчилъ его гнѣвъ противъ поляковъ и болѣе, чѣмъ кто-либо иной, убѣдилъ государя возвратить свободу Костюшкѣ, Мостовскому, Нѣмцевичу и многимъ другимъ политическимъ плѣннымъ, приведеннымъ въ Петербургъ послѣ злополучнаго возстанія 1794 г. Поэтому, не смотря на свою гордост ьи смѣшную наружность, онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Его сынъ, Александръ, хотя былъ человѣкъ весьма способный, но былъ еще смѣшнѣе отца.

Вацлавъ Гутаковскій, сынъ первоприсутствующаго въ сенатѣ герцогства Варшавскаго, также часто бывалъ въ семействѣ Бронца и старался снискать расположеніе сестеръ Жанеты и Жози (Жозефины) Грудзинскихъ. Онъ не зналъ, которой изъ нихъ отдать предпочтеніе; онѣ обѣ были замѣчательно хороши собою. Наконецъ, послѣ долгаго ухаживанія, которое навсегда оставило глубокій слѣдъ въ сердцѣ Жанеты, онъ сталъ замѣтно отдавать предпочтеніе Жозѣ Грудзинской.

Конгрессъ, собравшійся въ Вѣнѣ 1-го ноября 1814 г., долго не могъ распутать сложныя отношенія, возникшія въ Европѣ, какъ вдругъ вѣсть о высадкѣ на югѣ Франціи ихъ общаго врага (Наполеона), подобно раскату грома, раздавшемуся среди яснаго неба, заставила всѣхъ участвовавшихъ на конгрессѣ монарховъ сплотиться тѣснѣе. Они вскорѣ пришли къ соглашенію относительно герцогства Варшавскаго, которое было подѣлено между Россіей и Пруссіей. Король саксонскій освободилъ насъ отъ данной ему присяги. Отнынѣ, организація страны, получившей, подъ скипетромъ императора Александра I, названіе царства Польскаго, могла совершаться

безпрепятственно точно такъ же, какъ и организація ея арміи. Достопамятно письмо, написанное въ то время императоромъ Александромъ сенатору Островскому, въ которомъ онъ извѣщалъ о дарованіи полякамъ конституціи на самыхъ либеральныхъ началахъ, обѣщая соблюдать ихъ народныя установленія и призывая поляковъ охранять дарованныя имъ этой конституціей права, если внѣшніе враги попытаются нарушить ихъ.

По полученіи извѣстія о бѣгствѣ Наполеона съ о. Эльбы, въ Вѣнѣ прекратилось веселье, прекратились танцы, по поводу которыхъ принцъ де Линь сказалъ остроумно: le congrès danse, mais ne marche plus. (конгрессъ танцуетъ, но не подвигается впередъ). Вмѣсто этого раздалось бряцаніе оружія, поднятаго противъ нарушителя европейскаго спокойствія. Его голова была оцѣнена. На границѣ Франціи былъ сосредоточенъ милліонъ солдатъ, а между тѣмъ въ Польшѣ не замѣчалось ни малѣйшаго движенія. Было ли тому причиною, что жители, утомленные продолжительными войнами, жаждали покоя, или же, глядя на политическія событія безпристрастно, они считали предпріятіе Наполеона безнадежнымъ и не предвѣщавшимъ хорошаго конца. Только среди военной молодежи можно было подмѣтить нѣкоторое волненіе и сильное желаніе, чтобы военныя дѣйствія возобновились. Но такъ какъ организація польскаго войска еще не была окончена, то тогдашнее правительство герцогства Варшавскаго не видѣло причины сдерживать эти отдѣльныя проявленія воинственнаго пыла арміи.

Наконецъ до насъ стали доходить съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемыя вѣсти съ театра военныхъ дѣйствій. Полученное прежде всего извѣстіе о побѣдѣ, одержанной Наполеономъ 16-го іюня подъ Линьи надъ арміей генерала Блюхера, возбудило несбыточныя надежды всей военной молодежи, къ числу которой принадлежалъ и я; мы ожидали съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ новыхъ извѣстій о дальнѣйшихъ успѣхахъ французовъ. Пространство между Рейномъ и Вислою казалось ничтожнымъ для нашей окрыленной фантазіи. Можно себѣ представить, какое нами овладѣло уныніе, когда 18-го іюня въ Варшавѣ было получено извѣстіе о сраженіи при Ватерлоо и о страшномъ разгромѣ французской арміи. Всѣ наши мечты должны были поблекнуть передъ печальной дѣйствительностью. Отнынѣ наша судьба зависѣла всецѣло отъ императора Александра.

Въ началѣ ноября 1815 г. мнѣ было приказано отправиться въ Калишъ съ поручикомъ Близинскимъ, представить рапортъ о состояніи всѣхъ воинскихъ зданій Калишскаго воеводства, осмотрѣть въ окрестностяхъ Калиша всѣ монастыри и зàмки, и выяснить, для какихъ цѣлей они могли бы служить. Порученіе было не легкое и требовало усиленной работы.

Прежде всего я занялся самимъ Калишемъ, гдѣ мое особенное вниманіе обратили казармы кадетскаго корпуса, начальникомъ котораго былъ полковникъ Регульскій, служившій нѣкогда въ италіанскихъ легіонахъ и извѣстный своею храбростью. Это былъ человѣкъ образованный, но чрезвычайно гордый и надменный. Ко мнѣ онъ относился весьма любезно и деликатно. Его жена, которая была молода и хороша собою, была всегдашнимъ предметомъ его ревности; онъ никогда не спускалъ съ нея глазъ и невольно разыгрывалъ по отношенію ко мнѣ роль Бартоло къ Розинѣ (въ «Севильскомъ цирюльникѣ»).

Сдѣлавъ планы и чертежи военныхъ зданій Калишскаго воеводства, я въ исходѣ марта возвратился въ Варшаву и помѣстился вмѣстѣ съ моимъ пріятелемъ Прондзинскимъ.

Въ это время Игнатій Прондзинскій, Густавъ Малаховскій и я, всѣ трое молодые люди, изъ коихъ младшему, Густаву Малаховскому, было всего 20 лѣтъ, задумали составить кружокъ, который объединилъ бы всѣхъ поляковъ, желающихъ охранять свободу и народность, угнетенныя, какъ намъ тогда казалось, русскимъ владычествомъ. Эта мысль, возникшая въ нашихъ молодыхъ и горячихъ головахъ, сильно занимала насъ въ то время. Связавъ себя, какъ нѣкогда швейцарцы на горѣ Рютли, взаимной клятвой, мы рѣшили образовать тайное общество для развитія нашей идеи, выработали уставъ, въ силу котораго: во-первыхъ, всякій новый членъ, вступавшій въ общество по рекомендаціи кого-либо изъ его членовъ, принимался столь таинственнымъ образомъ, что онъ не могъ видѣть, кто его принимаетъ; во-вторыхъ, онъ не давалъ никакой клятвы, кромѣ честнаго слова, что онъ будетъ охранять польскую народность, старо-польскую честь и языкъ всѣми отъ него зависящими средствами; въ третьихъ, что онъ будетъ принимать въ наше общество своихъ друзей и знакомыхъ, достойныхъ носить польское имя такимъ же образомъ, какъ онъ самъ былъ принятъ. Было рѣшено не писать устава на бумагѣ, чтобы это общество не оставило по себѣ никакого слѣда. Нашимъ намѣреніемъ было дать понять принятымъ нами лицамъ, что наше общество существуетъ давно и что его цѣль и средства, коими оно располагаетъ, извѣстны только высшимъ членамъ. Нашъ кружокъ былъ названъ обществомъ «Польскихъ друзей». Въ знакъ принадлежности къ этому обществу мы заказали серебряныя кольца съ эмалевымъ ободкомъ малиноваго цвѣта, подъ которымъ были изображены двѣ буквы: P. P. («Przyjàciół polskich»). Этотъ въ сущности вполнѣ невинный кружокъ былъ первымъ изъ тѣхъ многочисленныхъ обществъ, которыя въ теченіе трехъ лѣтъ покрыли таинственной сѣтью всю Польшу, и къ которымъ присоединилась молодежь со всей Польши, Литвы, Волыни, Подольской губерніи и Украйны до самаго Кіева. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль нами были приняты, съ соблюденіемъ вышеописан-

ныхъ формальностей, капитанъ квартирмейстерской части Кошъ, подполковникъ квартирмейстерской части Бояновичъ, маіоръ Плончинскій, гг. Собанскій, Домжальскій, Менцинскій, Жарекъ и нѣкоторые другіе.

При пріемѣ этихъ членовъ мы позволяли себѣ иногда разныя шалости, свойственныя молодости. Такъ напр. употребляли потайной фонарь, который едва освѣщалъ лицо вновь вступавшаго; его окружали свидѣтели съ обнаженными саблями, закутанные въ плащи и стоявшіе въ самыхъ причудливыхъ позахъ; я помню, что Менцинскаго носили на старыхъ носилкахъ въ квартиру Коша и, не спуская его съ носилокъ, заставили его выслушать рѣчь, которая растрогала его до слезъ и т. д.

По мѣрѣ того какъ организація польскаго войска подвигалась впередъ, великій князь Константинъ Павловичъ выказывалъ все большую строгость и все менѣе стѣснялся въ проявленіяхъ своего характера. Забывая о томъ, что предъ нимъ находились ветераны италіанскихъ и испанскихъ легіоновъ, которые по призыву отечества сами поспѣшили стать въ ряды войска, онъ сталъ обращаться съ офицерами и съ солдатами какъ съ крѣпостными и рекрутами. Отъ людей, покрытыхъ шрамами, полученными въ бояхъ, онъ требовалъ величайшей аккуратности въ головномъ уборѣ и въ движеніяхъ. Малѣйшее упущеніе въ этомъ отношеніи подавало поводъ къ неистовому проявленію его гнѣва. Не приходило смотра или ученья, на которомъ онъ своими насмѣшками не обидѣлъ бы кого-либо изъ офицеровъ въ строю и не оскорбилъ бы нашей народной чести. Всѣми овладѣло недовольство и даже отчаяніе. Офицеры, которые не могли долѣе переносить такого обращенія, стали подавать въ отставку.

Наскучивъ строгостями, великій князь искалъ отдохновенія въ лучшемъ обществѣ. Онъ началъ бывать въ зàмкѣ у маршала Бронца и за столомъ чая, въ обществѣ дѣвицъ Грудзинскихъ, казался совсѣмъ инымъ человѣкомъ. Онъ былъ чрезвычайно любезенъ и деликатенъ съ дамами, на балахъ ухаживалъ за ними, подавалъ шаль дамамъ, съ которыми онъ танцовалъ и т. п.

И тогда уже замѣчали его склонность къ старшей Грудзинской, Жанеттѣ, которая принимала его ухаживанье съ чувствомъ большаго достоинства. Любовь, которую великій князь такъ блестяще доказалъ ей впослѣдствіи, зародилась въ немъ повидимому именно въ это время.

II.

Проведеніе демаркаціонной линіи между Польшею и Краковскою республикою.—Краковское общество.—Женитьба великаго князя Константина Павловича на Жанеттѣ Грудзинской.—Прибытіе въ Варшаву великаго князя Николая Павловича съ супругою.—Тайныя общества въ Польшѣ.—Подполковникъ Радонскій и капитанъ Курскій.—Императоръ Александръ I въ Варшавѣ въ 1823 году.

23-го іюня 1816 г. я былъ назначенъ завѣдующимъ работами по проведенію демаркаціонной линіи Краковской республики, подъ главнымъ начальствомъ генералъ лейтенанта д'Овре (d'Oeuvray), уполномоченнаго по разграниченію царства Польскаго.

Я отправился въ Краковъ и по пути остановился на день въ Конскомъ, имѣніи Станислава Малаховскаго, гдѣ я встрѣтилъ моихъ двоюродныхъ сестеръ, Жанетту и Антонину Грудзинскихъ, изъ коихъ первая была въ какомъ-то нервно-возбужденномъ состояніи, въ то время для меня совершенно непонятномъ, но причину котораго я узналъ довольно скоро.

Супруга Малаховскаго дала мнѣ рекомендательное письмо къ своей сестрѣ генеральшѣ Менцинской, жившей въ Краковѣ.

Пріѣхавъ въ этотъ старинный городъ, ставшій столицею крохотной краковской республики, мы застали тамъ уполномоченныхъ отъ трехъ союзныхъ державъ, пріѣхавшихъ для организаціи управленія республикою; то были графъ Шверцъ-Шперкъ,—австрійскій дипломатъ школы Кауница, баронъ Рейбницъ—представитель Пруссіи, и Міанжинскій, со стороны Польши или, лучше сказать, со стороны Россіи.

Изъ чиновъ, назначенныхъ союзными дворами для проведенія демаркаціонной линіи, наименѣе удачнымъ оказался выборъ Пруссіи: присланные ею Боссгампъ (Bosshamp, братъ бывшаго польскаго посланника въ Константинополѣ временъ Станислава Августа), графъ Метрихъ и два кондуктора распѣвали цѣлые дни Wir sind Preussen (мы пруссаки) или Heil dir im Siegeskrantz (прусскій національный гимнъ) и подавали намъ поводъ ко всевозможнымъ насмѣшкамъ и карикатурамъ.

Отдавъ мое рекомендательное письмо г-жѣ Менцинской, которая ввела меня въ краковское общество, и сдѣлавъ оффиціальные визиты коммиссарамъ трехъ державъ, президенту краковской республики и сенаторамъ, мы приступили къ работѣ.

Пограничная линія проходила по лѣсной и скалистой мѣстности, гдѣ намъ приходилось терпѣть всевозможныя лишенія. Мы могли отдохнуть только въ двухъ домахъ: въ имѣніи графа Іосифа Водзицкаго и у вдовы его брата Іакова Водзицкаго. Остальное время приходилось до-

вольствоваться хлѣбомъ и овощами, все прочее надобно было привозить изъ Кракова.

Краковское общество состояло въ то время изъ лицъ весьма образованныхъ, въ этомъ отношеніи все преимущество было на сторонѣ дамъ. Упомяну нѣсколько домовъ, которые я посѣщалъ и гдѣ проводилъ время съ такимъ удовольствіемъ, что я до сихъ поръ вспоминаю о нихъ съ признательностью.

Назову прежде всего семейство предсѣдательствующаго сенатора Станислава Водзицкаго, пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ. Это былъ человѣкъ разносторонне образованный и много знающій въ ботаникѣ. Въ его имѣніи «Медвѣдь» былъ ботаническій садъ, за которымъ онъ ухаживалъ собственноручно. Его братъ былъ другомъ Костюшки и, командуя бригадою, былъ убитъ подъ Щекоцинами. Патріотическія чувства Водзицкаго ни для кого не были тайною, и всѣ сосѣди относились къ нему съ глубокимъ уваженіемъ. Своимъ человѣколюбіемъ, вѣжливостью, правдивостью и гостепріимствомъ онъ снискалъ всеобщую любовь.

Мое пребываніе съ товарищами въ его домѣ составляетъ одно изъ пріятнѣйшихъ воспоминаній моей жизни. Семейство Станислава Водзицкаго было многочисленно. Его жена, женщина въ то время еще очень красивая, вела домъ безукоризненно; ее окружали двое сыновей и пять дочерей красавицъ. Изъ нихъ старшая, Екатерина, вышедшая впослѣдствіи замужъ за Конарскаго, обладала прекрасными качествами; доброта и привѣтливость, которыми дышало ее лицо, влекли къ ней съ перваго взгляда.

Вторая сестра, Анна, отличалась отъ старшей легкомысліемъ и кокетствомъ. Она была занята только свѣтомъ и забавами, была остроумна. Отсутствіе строгаго надзора со стороны матери, непонятное ослѣпленіе къ ней родителей, чтеніе безъ разбора всякихъ книгъ окончательно вскружили эту пустую головку. Мнѣ жаль было видѣть, что эта молодая дѣвушка находилась на краю пропасти. Я постарался сблизиться съ нею и успѣлъ снискать ея довѣріе, откровенно высказавъ ей свое мнѣніе. Мои слова произвели не нее сильное впечатлѣніе; вскорѣ всѣ замѣтили огромную перемѣну въ ея манерахъ, туалетѣ, въ обращеніи съ мужчинами. Родители, домашніе, подруги, сестры не знали, чему приписать эту перемѣну; это было дѣломъ молодаго 20 лѣтняго капитана, который не имѣлъ иной цѣли, какъ спасти молодую дѣвушку отъ сѣтей, разставленныхъ ей льстецами и мнимыми друзьями. Чего бы не могла сдѣлать любовь съ этой прекрасной душою! Но мое сердце принадлежало въ то время другой. Два года спустя Анна Водзицкая вышла замужъ за Дзялинскаго и была прекрасной матерью и женою.

Третья сестра, Юлія, впослѣдствіи пани Бѣльска, почему-то прич-

слила меня къ числу своихъ поклонниковъ, въ чемъ я постарался однако разубѣдить ее.

Четвертая, Елена, была такъ же хороша собою, какъ мать, но не обладала тѣми качествами, которыя привязываютъ сердца; она была холодна, горда и слишкомъ увѣрена въ томъ впечатлѣніи, какое она производила на всѣхъ. Въ 1818 г. сынъ одного богатаго шотландскаго лорда, проѣзжая чрезъ Краковъ, былъ пораженъ ея красотою, безъ памяти влюбился въ нее и просилъ ея руки. Но родители не согласились на этотъ бракъ. Она вышла впослѣдствіи за мужъ за Нѣмоевскаго.

Я часто посѣщалъ семейство графа Іосифа Водзицкаго; графъ, мужчина лѣтъ 40, много путешествовалъ, ѣздилъ во Францію въ своемъ собственномъ экипажѣ и даже поразилъ своею скупостью довольно разсчетливыхъ французовъ. Впрочемъ, не смотря на свою скупость, онъ былъ гостепріименъ, и жители Кракова, въ особенности простые люди, любили его за его всегдашнюю готовность ходатайствовать за тѣхъ, кто обращался къ нему съ какою-либо просьбою. Его жена, рожденная Яблоновская, щедро помогала всѣмъ неимущимъ г. Кракова.

Такимъ образомъ я провелъ зиму 1816—1817 г. очень пріятно.

Среди лѣта пріѣхалъ на нѣсколько дней въ Краковъ, генералъ Домбровскій, которому мы представлялись. Генералъ любезно поздоровался со мною, вспоминалъ кампанію 1812 года, пребываніе въ Парижѣ и разныя другія событія.

Въ томъ же году посѣтилъ Галицію императоръ Францъ I со своей супругой и многочисленной свитою. Офицеры поляки, работавшіе надъ проведеніемъ демаркаціонной линіи, представлялись ему въ Величкѣ и сопровождали его при осмотрѣ знаменитыхъ соляныхъ копей. Трудно себѣ представить что-либо великолѣпнѣе освѣщенія подземныхъ проходовъ и улицъ. Особенно поразили императора въ копяхъ подземныя конюшни, соленое озеро, надъ которымъ возвышается сооруженіе изъ соляныхъ кристалловъ вышиною въ 80 саженей, огромныя залы и т. д. Съ парома, находящагося на соляномъ озерѣ, былъ пущенъ прекрасный фейерверкъ, который не взлетѣлъ даже до свода пещеры. Императоръ, во время данной намъ аудіенціи, былъ чрезвычайно сосредоточенъ, разговаривалъ мало, постукивалъ пальцами и барабанилъ свой излюбленный маршъ. О краковской конституціи онъ освѣдомился на австрійскомъ діалектѣ: Ist der Freistoot schon konschtituirt? (Окончена ли организація вольнаго города?). Императрица, похожая болѣе на добродушную нѣмецкую хозяйку, нежели на монархиню, пустилась съ нами, молодыми офицерами, въ разговоръ и съ любопытствомъ разспрашивала насъ о краковскомъ обществѣ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1819 г., получивъ отпускъ, я ѣздилъ въ Варшаву, гдѣ былъ представленъ на вечерѣ въ домѣ сенатора Бронца (Broniec)

великому князю, склонность котораго къ моей кузинѣ, Жанеттѣ Грудзинской уже не для кого не была тайною. Но въ то время еще никто не предвидѣлъ, чѣмъ это могло кончиться.

12-го (24-го) мая 1820 г. Жанетта Грудзинская была обвѣнчана съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, отказавшимся отъ предстола и предпочевшимъ семейное счастье коронѣ могущественнаго государства.

Для многихъ современниковъ до сихъ поръ осталось загадкою, чѣмъ Жанетта Грудзинская привлекла къ себѣ сердце дотолѣ недоступное нѣжнымъ чувствамъ; но она пользовалась въ теченіе десятилѣтняго счастливаго супружества всегдашней любовью, уваженіемъ и преданностью своего мужа. Правда, въ первые годы ей пришлось перенести испытанія, которыхъ она, быть можетъ, не ожидала, но, переживъ тяжелое время она пользовалась затѣмъ полнымъ семейнымъ счастьемъ. Только по смерти императора Александра, когда всѣ узнали объ отреченіи Константина Павловича въ пользу младшаго брата, стало ясно, какую жертву онъ долженъ былъ принести, чтобы получить отъ императора и отъ вдовствующей императрицы разрѣшеніе на бракъ. Нѣсколько недѣль спустя послѣ брака, который былъ совершенъ, съ соблюденіемъ всѣхъ положенныхъ обрядностей въ католической и православной церкви, супруга великаго князя получила титулъ княгини Ловичъ и обширныя помѣстья, связанныя съ этимъ титуломъ.

13-го (25-го) августа 1820 г. генералъ Гауке предложилъ мнѣ читать лекціи фортификаціи и топографіи въ открывавшейся аппликаціонной школѣ, на что я изъявилъ согласіе.

Въ Варшавѣ находился въ это время императоръ Александръ. Явившись прежде всего по начальству, я представился затѣмъ въ Брюлевскомъ дворцѣ великому князю, а императору Александру въ Королевскомъ замкѣ. Выйдя изъ замка, я зашелъ къ Бронцамъ, желая повидать ихъ и Антонину Грудзинскую. Я засталъ все семейство въ крайнемъ смущеніи. Скоро слуга доложилъ о пріѣздѣ княгини Ловичъ. Я разсчитывалъ увидѣть ее, упоенную счастьемъ. Но я жестоко ошибся. Она вошла блѣдная, съ померкшимъ взглядомъ, сильно измѣнившаяся. Она вошла, опираясь на руку Бронца,—узнала меня, остановилась и, глубоко вздохнувъ, сказала мнѣ:

— Клементій, я вспоминаю то, что ты говорилъ мнѣ годъ тому назадъ; я была бы теперь счастлива, если бы я обратила вниманіе на твои слова.

Едва успѣла она произнести эти слова, которыя я выслушалъ съ изумленіемъ, какъ появился великій князь и съ встревоженнымъ лицомъ увелъ ее въ зало. Я старался собрать свои мысли и объяснить себѣ значеніе этихъ словъ. Это былъ неожиданный для меня отвѣтъ

на жалобы, которыя я высказывалъ ей годъ передъ тѣмъ по поводу суроваго обращенія великаго князя съ польскими офицерами и солдатами. Я не подозрѣвалъ въ то время, какъ скоро измѣнится судьба Жанетты Грудзинской; вѣроятно, ей было тогда очень непріятно выслушивать мои жалобы.

Въ первые дни послѣ брака, великаго князя часто видѣли съ супругою, съ которой онъ гулялъ или отдавалъ визиты. Они оба сіяли радостью и счастьемъ. Онъ былъ полонъ любви и предупредительности, и казалось, былъ готовъ устранить изъ подъ ногъ молодой жены каждую пылинку. Но вскорѣ наступила перемѣна. Княгиня Ловичъ замѣтно поблѣднѣла, сдѣлалась печальна; вѣроятно, нервность, которую я давно въ ней замѣчалъ, начала развиваться. Не смотря на все усиліе скрыть волновавшія ее чувства, окружающіе съ грустью видѣли, какъ она измѣнилась. Лицо великаго князя также омрачилось, и онъ попрежнему сталъ строгъ и требователенъ на парадахъ и ученіяхъ.

Вскорѣ всѣ узнали причину происшедшей перемѣны.

Императоръ Александръ, хорошо знавшій характеръ своего брата, давая ему разрѣшеніе вступить въ бракъ, потребовалъ, чтобы изъ Бельведера была удалена прежняя его привязанность г-жа Фредеричъ.

Нашелся человѣкъ, адъютантъ великаго князя, полковникъ Вейсъ, не постыдившійся просить ея руки. Они обвѣнчались за нѣсколько недѣль до женитьбы великаго князя. Г-жа Вейсъ выѣхала изъ Бельведера, но осталась въ Варшавѣ.

Нѣсколько дней спустя послѣ свадьбы, великій князь нашелъ вполнѣ естественнымъ представить своей супругѣ жену своего адъютанта. Княгиня Ловичъ, стараясь скрыть, насколько это знакомство было ей непріятно, исполнила желаніе супруга и приняла г-жу Вейсъ, полагая, что тѣмъ дѣло кончится. Но великій князь пожелалъ отдать визитъ г-жѣ Вейсъ и, не смотря на всѣ возраженія, настоялъ на своемъ.

Г-жа Вейсъ, ободренная этой уступчивостью, стала чаще и чаще появляться въ Бельведерѣ. Положеніе княгини Ловичъ сдѣлалось невыносимо. Въ это время въ Варшаву пріѣхалъ императоръ Александръ. Пораженный убитымъ видомъ княгини Ловичъ и узнавъ все подробно, онъ приказалъ г-жѣ Вейсъ въ три дня выѣхать изъ Варшавы и остался глухъ ко всѣмъ возраженіямъ великаго князя, ссылавшагося на конституцію царства Польскаго. Впослѣдствіи великій князь сознадъ свою вину и сдѣлался наилучшимъ супругомъ, какимъ мы его видѣли въ теченіе 10 лѣтъ съ 1820 по 1830 годъ.

Въ первыхъ числахъ сентября 1821 г., пріѣхалъ въ Варшаву и остановился въ Лазенкахъ великій князь Николай Павловичъ со своей молодой супругою. Начались представленія всѣхъ высшихъ должностныхъ лицъ и офицеровъ всѣхъ родовъ оружія. Я былъ представленъ

въ числѣ прочихъ великимъ княземъ; княгиня Ловичъ представляла дамъ. Великая княгиня Александра Θеодоровна была въ то время въ расцвѣтѣ молодости и красоты. Сходство ея съ матерью, королевою Луизою, было поразительное.

Нѣсколько дней спустя, праздновался день рожденія вдовствующей императрицы Маріи Θеодоровны. Варшава была роскошно иллюминована, а въ лагерѣ сожженъ по этому поводу блистательный фейерверкъ.

Въ тотъ вечеръ я находился въ лагерѣ, подъ Бураковымъ, передъ фронтомъ второй пѣхотной дивизіи, чтобы полюбоваться фейерверкомъ, какъ вдругъ я завидѣлъ издалека придворные экипажи. Въ первомъ изъ нихъ сидѣли великая княгиня Александра Θеодоровна съ княгиней Ловичъ, а впереди великій князь Константинъ Павловичъ; въ второмъ экипажѣ ѣхали великіе князья Николай и Михаилъ. Константинъ Павловичъ узналъ меня издали и подозвалъ къ себѣ. Когда я подошелъ къ экипажу, онъ вторично представилъ меня великой княгинѣ, какъ двоюроднаго брата своей супруги, и сказалъ, что даетъ мнѣ отпускъ на нѣсколько дней, чтобы я ѣхалъ на свадьбу Антонины Грудзинской, которая была назначена 16-го (28-го) сентября, въ герцогствѣ Познанскомъ.

Это былъ первый случай благосклонности ко мнѣ великаго князя.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1821 г. пріѣхалъ въ Варшаву изъ Познани генералъ Уминскій, подъ начальствомъ коего я служилъ въ 1813 г. Онъ былъ посланъ «Обществомъ косиньеровъ», возникшимъ въ герцогствѣ Познанскомъ, съ цѣлью войти въ сношеніе съ польскими масонами, во главѣ которыхъ стояли въ Варшавскомъ герцогствѣ маіоры Лукасинскій и Махноцкій. Цѣль, которую преслѣдовали оба эти общества, заключалась въ томъ, чтобы вернуть Польшѣ всѣ отнятыя у нея земли, произведя общее возстаніе. Генералъ Уминскій, встрѣтившись со мною нѣсколько разъ, пригласилъ меня отобѣдать съ нимъ наединѣ, но, понявъ вѣроятно изъ разговора, что ему не удастся склонить меня къ поступленію въ какое бы то ни было общество, онъ не упомянулъ ни слова о возложенномъ на него порученіи. Нашъ разговоръ вертѣлся исключительно на воспоминаніяхъ о кампаніи 1813 г.

1-го мая 1821 г., въ Бѣлянской рощѣ, въ полмилѣ отъ Варшавы собрались генералъ Уминскій, референдарій Вержбиловичъ, подполковники: Доброгойскій, Казаковскій, Прондзинскій, маіоръ Лукасинскій, Адольфъ Цихоцкій, журналистъ Теодоръ Моравскій и Людвигъ Собанскій изъ Волыни. Кромѣ этихъ господъ тутъ были: подполковникъ Оборскій, адвокатъ Шведеръ, Бруно Кицинскій и бывшій гвардейскій офицеръ Гордонъ. Послѣ того какъ генералъ Уминскій сообщилъ всѣмъ собравшимся цѣль, съ которою онъ былъ посланъ, всѣ поклялись въ томъ, что они будутъ служить Польшѣ и общему дѣлу.

Не бывъ посвященъ въ ихъ тайные замыслы, я не могу сообщить никакихъ подробностей о тайныхъ обществахъ, покрывшихъ съ тѣхъ поръ сѣтью царство Польское, Литву, Волынскую и Подольскую губерніи, кромѣ того, чтò уже извѣстно изъ документовъ, обнародованныхъ по случаю процесса Лукасинскаго въ 1824 г. и по дѣлу декабристовъ.

Въ концѣ 1821 г. въ Варшаву былъ привезенъ отставной подполковникъ 10-го уланскаго полка Онуфрій Радонскій, другъ и пріятель генерала Уминскаго, который рѣшился побывать у братьевъ Нѣмоевскихъ въ Калишѣ, хотя не имѣлъ для проѣзда надлежащаго паспорта.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ русской полиціей за границей, оказалось, что Радонскій принадлежитъ къ обществу италіанскихъ угольщиковъ, и это обстоятельство послужило поводомъ къ его арестованію. Дѣйствительно, Радонскій былъ карбонаріемъ и былъ посланъ Уминскимъ въ царство Польское съ цѣлью подготовить возстаніе. Великій князь допросилъ его лично, обошелся съ нимъ хорошо, но, дабы не терять его изъ вида, приказалъ запереть его въ Брюлевскомъ дворцѣ, гдѣ, впрочемъ, онъ пользовался всевозможными удобствами. Онъ провелъ въ заключеніи около шести недѣль, а затѣмъ былъ высланъ за границу и переданъ въ руки прусскихъ жандармовъ.

Въ началѣ 1822 г. былъ арестованъ на границѣ капитанъ Курскій, возвращавшійся въ Парижъ, и это навело на слѣдъ тайныхъ обществъ, существовавшихъ въ царствѣ Польскомъ. Поводомъ къ арестованію Курскаго былъ доносъ, полученный изъ Парижа. При немъ было найдено письмо къ чиновнику Добрыцкому въ Калишѣ, которое онъ не успѣлъ передать по адресу.

Полковникъ Шнейдеръ, судившійся за двоеженство, желая избѣгнуть строгаго наказанія, все открылъ и назвалъ нѣсколько фамилій.

По этому поводу были допрошены маіоръ Лукасинскій, подполковникъ Доброгойскій, Добржицкій, Махницкій, подполковникъ Прондзинскій, Шредеръ, Цихоцкій и Котуцкій. Теодоръ Моравскій, одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ общества, успѣлъ бѣжать за границу. Уминскій былъ арестованъ прусскимъ правительствомъ позднѣе, въ началѣ 1826 г., одновременно съ Матвѣемъ Мельжинскимъ и моимъ зятемъ Іосифомъ Крыжановскимъ.

Изо всѣхъ скомпрометтированныхъ лицъ меня особенно тревожила участь Прондзинскаго, съ которымъ я былъ друженъ съ дѣтства; хотя онъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ прочими лицами, но мнѣ удалось, впрочемъ съ большимъ трудомъ, добиться его освобожденія.

Я отлично видѣлъ, въ чемъ дѣло, и боялся, какъ бы послѣдствія тайнаго общества, возникшаго въ 1816 г., не коснулись меня. Хотя мы видѣлись съ Прондзинскимъ, и онъ по-прежнему относился ко мнѣ съ

довѣріемъ, но, не желая компрометтировать меня, онъ не сообщалъ мнѣ главныхъ вопросовъ, которые были предложены ему при допросѣ. Для того чтобы не возбуждать подозрѣнія, мы видѣлись съ нимъ съ соблюденіемъ всевозможныхъ предосторожностей. Я бывалъ въ это время очень мало въ обществѣ, погрузившись всецѣло въ свои занятія.

Въ началѣ 1823 г. пріѣхалъ въ Варшаву императоръ Александръ. 21-го января онъ посѣтилъ, въ сопровожденіи великаго князя, нашу апликаціонную школу. Императору было въ ту пору 46 лѣтъ. Тотъ, кто видѣлъ его первый разъ вблизи, не могъ не быть очарованъ его прелестнымъ, серьезнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ привѣтливымъ лицомъ и не могъ не поддаться очарованію, которое онъ производилъ на всѣхъ съ перваго взгляда. Но, присмотрѣвшись внимательнѣе къ выраженію его лица, можно было подмѣтить нѣчто неискреннее въ его глазахъ и что-то холодное въ его улыбкѣ. Ни одинъ монархъ не игралъ такъ искусно своей роли, не былъ болѣе любезенъ и обворожителенъ съ женщинами; поэтому онъ былъ постоянно окруженъ особами прекраснаго пола. Онъ такъ хорошо владѣлъ собою, что никто изъ окружающихъ не могъ похвастать тѣмъ, что можетъ проникнуть его мысли.

Внутреннее волненіе или неудовольствіе выражалось у него только подергиваніемъ бровей, но выраженіе его лица оставалось неизмѣнно привѣтливымъ. Онъ умѣлъ сдержать проявленіе своей немилости, и она, подобно грому, поражала человѣка иногда совершенно для него неожиданно. Интересуясь только политикой и войскомъ, императоръ довѣрилъ внутреннее управленіе своей обширной монархіи Аракчееву.

И въ то время какъ на конгрессахъ вся Европа воскуряла еиміамъ монарху и онъ вмѣстѣ со своими союзниками рѣшалъ судьбы народовъ и старался утвердить политику на христіанскихъ началахъ, Россія, страдавшая подъ желѣзной рукою Аракчеева, не извлекла ни малѣйшей выгоды изъ столькихъ жертвъ, принесенныхъ ею для освобожденія народовъ отъ ига Наполеона.

У насъ въ первое время императоръ привлекъ къ себѣ всѣхъ. Его дружескія отношенія къ князю Адаму Чарторыйскому, котораго онъ постоянно убаюкивалъ обѣщаніемъ возстановить Польшу, расположеніе, которое онъ выказывалъ къ полякамъ, чѣмъ онъ какъ будто хотѣлъ вознаградить ихъ за потерю независимости; его ласковое обращеніе съ литовцами по возвращеніи въ Вильно въ 1812 году; пріемъ, оказанный остаткамъ нашихъ войскъ въ Парижѣ въ 1814 г., и надежды, поданныя намъ таинственными словами: вольность, свобода, конституція, соединеніе подъ однимъ скипетромъ всѣхъ разрозненныхъ частей Польши; наконецъ, высказанное императоромъ не разъ сожалѣніе по поводу оказанной намъ несправедливости,—все это влекло къ нему наши

сердца. Въ этомъ не малую роль играли женщины, всегда болѣе легковѣрныя и которымъ онъ такъ хорошо умѣлъ льстить.

Въ то время какъ Наполеонъ не предоставлялъ женщинамъ никакого участія въ управленіи государствомъ, императоръ Александръ, напротивъ того, умѣлъ втянуть ихъ въ свои интересы, спрашивалъ ихъ мнѣнія и даже совѣтовался съ ними о томъ, какъ сдѣлать людей счастливыми. Черезъ женщинъ онъ зналъ многое, чего не говорилъ ему даже родной братъ.

Въ Варшавѣ Александръ I держалъ себя какъ конституціонный монархъ съ самымъ либеральнымъ образомъ мыслей и высказывалъ сожалѣніе о томъ, что Россія еще не созрѣла для конституціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ надежду, что это будетъ возможно со временемъ.

— Настанетъ время,—говорилъ онъ,—когда весь свѣтъ узнаетъ о томъ, что̀ я хочу сдѣлать для васъ и для Россіи, когда ваши надежды сбудутся; но вы должны потерпѣть, а главное должны во всемъ положиться на меня.

Эти и тому подобныя слова, сказанныя имъ въ откровенной бесѣдѣ, во время утреннихъ визитовъ къ варшавскимъ дамамъ, брошенныя какъ бы мимоходомъ и пересыпанныя любезностями, ни къ чему не обязывали, но производили должное впечатлѣніе. Поляки ждали, тѣшились несбыточными надеждами, но сеймъ проходилъ за сеймомъ, а императоръ ничего не сдѣлалъ для успокоенія нашихъ умовъ, какъ только назначилъ великаго князя Константина Павловича командиромъ Литовскаго корпуса и далъ корпусу желтые лацкана; впрочемъ, школамъ и университету была дана нѣкоторая свобода, и кураторомъ университета былъ назначенъ князь Адамъ Чарторыйскій. Но ни въ администраціи страны, ни въ сборѣ податей, ни въ рекрутскомъ наборѣ не произошло никакихъ перемѣнъ; злоупотребленія чиновниковъ остались все тѣ же, даже не была облегчена участь крестьянъ въ присоединенныхъ губерніяхъ.

Всѣ тѣ, которые смотрѣли на дѣло трезво, ясно видѣли, что наша конституція, не обезпеченная никакимъ договоромъ, зависѣла единственно отъ воли монарха и что малѣйшее уклоненіе съ нашей стороны могло послужить предлогомъ къ ея ограниченію и даже къ упраздненію. Они видѣли, что императора окружали люди, не сочувствовавшіе этой конституціи, что Поццо-ди-Борго, Карамзинъ, Новосильцевъ и многіе другіе, старавшіеся сдѣлать ее мертвою буквою, только не могли помѣшать ея обнародованію; они отлично понимали, что съ перемѣною царствованія легко могла измѣниться и система. Эти люди совѣтовали намъ не поддаваться обманчивымъ надеждамъ, не считать конституцію нашимъ неотъемлемымъ достояніемъ и только заботаться о

томъ, чтобы поднять матеріальное положеніе страны, увеличить число школъ и предоставить времени упрочить нашу конституцію.

У насъ поняли истинныя намѣренія Александра только тогда, когда монархи начали совѣщаться о свободѣ народовъ и когда Александръ принялъ участіе въ усмиреніи грековъ.

Но возвратимся къ посѣщенію императоромъ школы.

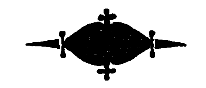
Императоръ приказалъ представить себѣ профессоровъ и учениковъ; пройдя аудиторіи и войдя въ рисовальный классъ, онъ встрѣтился въ дверяхъ съ подполковникомъ Коріотомъ, который несъ въ рукѣ подобно потиру модель гиперболоида, который онъ показалъ царю. Императоръ, удивленный этимъ страннымъ явленіемъ, остановился. Тогда Коріотъ на ломанномъ французскомъ нарѣчіи сталъ объяснять ему особыя свойства этой кривой поверхности. Императоръ слушалъ внимательно. Великій князь, еще менѣе насъ ожидавшій подобную сцену, видя, что она занимаетъ царя, началъ мнѣ подмигивать и потихонько посмѣиваться надъ Коріотомъ. Но императоръ, даже не улыбнувшись, спокойно выслушалъ все до конца и сказалъ, обратясь къ великому князю: «въ наше время насъ этому не учили». Услыхавъ эти слова, Коріотъ былъ на девятомъ небѣ!

Когда лекція была окончена, я представилъ императору рисунки учениковъ, объясняя цѣль каждаго изъ нихъ. Императоръ цѣлый часъ слушалъ съ величайшимъ вниманіемъ мои объясненія; мнѣ пришлось говорить довольно громко, такъ какъ императоръ былъ глухъ на лѣвое ухо.

Наконецъ, осмотръ школы окончился, императоръ поблагодарилъ всѣхъ насъ и весьма любезно со всѣми простился.

На другой день въ дневномъ приказѣ была высказана высочайшая благодарность корпусному командиру, начальнику школы и мнѣ за найденный въ ней порядокъ. Коріотъ не могъ простить императору, что онъ не упомянулъ о гиперболоидѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

„Страшная Месть“ Гоголя и повѣсть Тика „Пьетро Апоне“.

Н. С. Тихонравовъ указалъ (10-ое изд. сочиненій Гоголя, I, стр. 527 и слѣд.) «несомнѣнную», по его убѣжденію, связь между разсказомъ Тика «Чары любви» и второй редакціей «Вечера наканунѣ Ивана Купала». Къ тому же «романтическому» (тамъ же, стр. 535) періоду дѣятельности Гоголя относится и его «Страшная Месть», для которой, какъ извѣстно, не могутъ до сихъ поръ найти удовлетворительныхъ параллелей въ малорусскихъ народныхъ преданіяхъ. Да и при первомъ чтеніи кажется, что фантастика повѣсти (отдѣленіе души отъ тѣла во время сна, обстановка колдовства страшнаго отца Катерины и пр.) имѣетъ болѣе тѣсную связь съ фантастикой нѣмецкихъ романтиковъ, чѣмъ съ здоровыми и конкретными ббразами преданій народныхъ.

Въ «Московскомъ Вѣстникѣ» Погодина [1]) за 1828 годъ (часть VII и VIII, стр. 407—445 и стр. 6—54) напечатана «волшебная» повѣсть Тика: «Пьетро Апоне», содержаніе которой вкратцѣ можетъ быть передано такъ:

Въ Падуѣ внезапно умираетъ первая красавица города, молодая, всѣми любимая дочь падуанскаго подесты Амброзіо—Крешенція. Весь городъ опечаленъ ея смертью. Родители и друзья провожаютъ тѣло въ фамильный склепъ. Въ это время въ Падую пріѣзжаетъ молодой человѣкъ, видитъ похороны, узнаетъ въ усопшей свою невѣсту, поворачиваетъ коня и скачетъ, куда глаза глядятъ.—Печальное шествіе встрѣчается съ веселой процессіей студентовъ, несущихъ въ креслѣ своего профессора, знаменитаго ученаго Пьетро Апоне. Впереди толпы, кривляясь, прыгаетъ шутъ. Старикъ - профессоръ извиняется передъ родителями умершей, что невольно нарушилъ ихъ печальное настроеніе. Мать сѣтуетъ, что его отсутствіе помѣшало ему спасти ихъ

---

[1]) См. исторію возникновенія этого журнала у Н. П. Барсукова, Жизнь и труды Погодина, т. II гл. VIII и слѣд. Ср. Весинъ, Очерки исторіи русской журналистики. Спб. 1881 стр. 15 и слѣд.

общую любимицу, но профессоръ утѣшаетъ ее, и она нѣсколько успокаивается. Гробъ помѣщаютъ въ соборѣ.

Между тѣмъ ночь застаетъ жениха Крешенціи въ лѣсу; онъ ищетъ пріюта и наталкивается на избушку. Въ ней живетъ старая колдунья съ дѣвушкой, тоже Крешенціей, которую старуха называетъ дочерью и въ которой Антоніо Кавальканти — такъ называется женихъ умершей—съ изумленіемъ узнаетъ свою невѣсту. Онъ повѣряетъ старухѣ постигшее его горе, а та, потягивая изъ бутылки и безъ умолку болтая, разсказываетъ ему семейную драму его рода, затѣмъ напивается и засыпаетъ. Дѣвушка сообщаетъ ему, что онъ попалъ въ разбойничій притонъ. Они собираются бѣжать, но въ это время являются разбойники. Убивъ двоихъ изъ нихъ (въ одномъ онъ узналъ убійцу своего отца), Антоніо спасается бѣгствомъ; дѣвушка остается въ рукахъ разбойниковъ. Въ эту же ночь Апоне съ помощью шута своего Березинта, колдовствомъ и заклинаніями вызываетъ умершую Крешенцію и запираетъ ее въ потаенной комнатѣ. — На слѣдующій день Антоніо съ отцомъ Крешенціи тщетно разыскиваетъ таинственную избушку: ея нигдѣ не оказывается. Амброзіо уѣзжаетъ въ Римъ, Антоніо поступаетъ въ ученики къ Апоне. Совершенно случайно онъ узнаетъ, что благочестивый Апоне занимается алхиміей. Затѣмъ Антоніо проникаетъ и въ потаенную комнату, гдѣ его учитель, какъ оказывается, держалъ Крешенцію. Она говоритъ ему, что гнусный Апоне своими нечистыми чарами поддерживаетъ въ ней какое-то подобіе жизни, склоняя ее къ любовной связи, а затѣмъ проситъ своего жениха провести ее какъ-нибудь въ церковь во время совершенія таинства Евхаристіи: она надѣется, что тогда умретъ спокойно. Антоніо обѣщаетъ.

Въ соборѣ чествуютъ Апоне по случаю полученія имъ отъ папы кардинальскаго сана. Антоніо приводитъ туда Крешенцію (которая послѣ этого окончательно умираетъ) и обличаетъ колдуна. Колдуну едва удается спастись отъ разъяренной толпы, и на другое утро его находятъ съ перерѣзаннымъ горломъ. Антоніо отправляется на родину, во Флоренцію, и на пути едва не погибаетъ отъ козней воскресшаго Апоне и Березинта, который оказывается самимъ чортомъ. Изъ Флоренціи онъ приходитъ въ Римъ. Здѣсь бывшій его товарищъ, вмѣстѣ учившійся съ нимъ у Апоне, знакомитъ его съ молодымъ, очень скромнымъ, по его словамъ, и благочестивымъ ученымъ, Касталіо, умѣющимъ предсказывать будущее. Въ надеждѣ узнать отъ него что-нибудь о таинственной старухѣ и дѣвушкѣ, такъ похожей на его невѣсту, Антоніо приходитъ къ нему вмѣстѣ съ подестой. Касталіо сообщаетъ ему адресъ старухи. Въ это время неожиданно является Березинтъ, обличаетъ мнимаго Касталіо, который оказывается все тѣмъ же Апоне, и уноситъ его душу въ пекло; домъ Касталіо сгораетъ. Антоніо отыскиваетъ дѣвушку, въ

которой подеста признаетъ свою вторую похищенную у него дочь Цецилію, и женится на ней.

Переводъ одѣланъ какимъ-то Z и не отличается особой легкостью и достоинствами. За повѣстью слѣдуетъ небольшой (всего въ двѣ страницы) неблагопріятный разборъ ея, подписанный NN, очевидно, какимъ-то членомъ редакціи, можетъ быть самимъ М. П. Погодинымъ, который такимъ образомъ подписывался въ «Телескопѣ» за 1831 г.[1]). Авторъ разбора между прочимъ говоритъ, «хорошаго здѣсь—нѣсколько сценъ, напр. заклинаніе, встрѣча Антоніо съ монахами, которые ему кажутся то въ своемъ образѣ; то въ образѣ (эта подробность въ нашемъ изложеніи опущена), убійцъ, состояніе Крешенціи послѣ оживленія»; за тѣмъ рецензентъ отмѣчаетъ преувеличенную оцѣнку нѣмецкой критики.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что ученики выпускного класса, а въ особенности Гоголь, завѣдывавшій, какъ извѣстно, частной его библіотекой, имѣли полную возможность весною 1828 года прочитать эту повѣсть. Едва-ли она особенно понравилась Гоголю, но нѣкоторыя фантастическія подробности, и въ особенности тѣ, которыя похвалилъ NN, должны были произвести на него впечатлѣніе[2]). Сюжетъ «Страшной мести» съ повѣстью Тика не имѣетъ ничего общаго, но именно картины, отмѣченныя рецензентомъ, совпадаютъ съ отдѣльными мѣстами «Страшной Мести» до такой степени, что объяснить это совпаденіе случайностью едва-ли возможно.

Пусть читатели судятъ сами.

„Страшная Месть“.	Пьетро Апоне.
Колдунъ	Колдунъ.
«Какъ вдругъ закричали, перепугавшись, игравшія на землѣ дѣти, а вслѣдъ за ними попятился народъ, и всѣ показывали со страхомъ пальцами на стоявшаго посреди нихъ казака. Кто онъ таковъ, никто не зналъ, но уже онъ протанцовалъ на славу казачка и уже успѣлъ насмѣшить обступившую его	Послѣ обличеній Антоніо въ соборѣ Піетро всталъ, какъ бѣшеный, билъ кулаками окружающихъ и, казалось, превращался въ исполина. Онъ подошелъ къ мертвой Крешенціи, ... посмотрѣлъ на нее еще разъ, и потомъ съ дикимъ воплемъ и сверкающими взорами бросился въ

[1]) Извѣстно, что Гоголь въ ранней молодости относился къ Погодину съ съ большимъ почтеніемъ: въ 1829 г. онъ отправилъ ему, одному изъ немногихъ, экземпляръ „Ганса Кюхельгартена“.

[2]) См. Опытъ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей В. С. Карцева и М. Н. Мазаева. Спб. 1891, стр. 151.

толпу. Когда же осаулъ поднялъ иконы, вдругъ все лицо казака перемѣнилось: носъ выросъ и наклонился на сторону, вмѣсто карихъ запрыгали зеленыя очи, губы засинѣли, подбородокъ задрожалъ и заострился, какъ копье, изо рта выбѣжалъ клыкъ, изъ-за головы поднялся горбъ, и сталъ казакъ старикъ" [1]).

толпу. Новый страхъ овладѣлъ народомъ; чудовищу дали дорогу; все бѣжало прочь. (28, VIII, 29).

Колдунъ превращается въ молодаго казака Копряна.

„Гость началъ разсказывать между тѣмъ, какъ панъ Данило, въ часъ откровенной бесѣды, сказалъ ему: „Гляди, братъ, когда волею Божіей не будетъ меня на свѣтѣ, возьми къ себѣ жену, и пусть будетъ она твоею женою... Страшно вонзила въ него очи Катерина. — А! вскрикнула она: это онъ, это отецъ"!

Колдунъ превращается въ молодаго ученаго Касталіо.

Когда Березинъ разоблачилъ обманъ, „мнимый Касталіо, какъ безчувственный, упалъ въ кресла; сильно дрожали всѣ члены его тѣла, всѣ мускулы лица, такъ что нельзя было узнать ни одной прежней черты его; нѣсколько времени въ изумленіи смотрѣли на него молодые люди и, наконецъ, къ ихъ ужасу показалось имъ, что въ смятенной физіогноміи Касталіо дѣйствительно открывается лицо старика Апоне" и т. д. (28, VIII, 50).

„А Іуда Петро чтобы не могъ подняться изъ земли, чтобы рвался грызть и себѣ, но грызъ бы самого себя" и т. д.

Колдунья говоритъ Антоніо:

„Жизнь мудреная, глупая, страшная сказка. Какой человѣкъ скажетъ: не дойду до этого. Адская сила не дремлетъ, посылаетъ горе за горемъ, страсть за страстью, бѣшенство за бѣшенствомъ:

---

[1]) Срав. въ главѣ IV: „ . . . . И лицо стало перемѣняться: носъ вытянулся и повиснулъ надъ губами, ротъ въ минуту раздался до ушей; зубъ выглянулъ изо рта, нагнулся на сторону, и сталъ предъ нимъ (паномъ Данилой) тотъ самый колдунъ, который показался на свадьбѣ у осаула".

они находятъ, находятъ, медленно,странно,приступаютъ ближе, ближе, и вдругъ домъ полонъ всѣхъ ужасовъ, и человѣкъ грызетъ свои кости въ отчаяніи" (28, VII, 430).

Сцена.

„Колдунъ сталъ прохаживаться вокругъ стола, знаки стали быстро перемѣняться на стѣнѣ, а нетопыри залетали сильнѣе внизъ и вверхъ, взадъ и впередъ. Голубой свѣтъ становился рѣже, рѣже, и совсѣмъ какъ будто потухъ. И свѣтлица освѣтилась уже тонкимъ розовымъ свѣтомъ. Казалось, съ тихимъ звономъ разливался дивный свѣтъ по всѣмъ угламъ, и вдругъ пропалъ, и настала тьма. . . . .

И опять съ чуднымъ звономъ освѣтилась вся свѣтлица розовымъ свѣтомъ . . . .

Звуки стали сильнѣе и гуще, тонкій розовый свѣтъ становился ярче, и что-то бѣлое, какъ будто облако, вѣяло посреди хаты, и чудится пану Даниле, что облако то не облако, что то стоитъ женщина; только изъ чего она? Отчего же она стоитъ и земли не трогаетъ и не опершись ни на что, и сквозь нее просвѣчиваетъ розовый свѣтъ и мелькаютъ на стѣнѣ значки. Вотъ она какъ-то пошевелила прозрачною головою своею; тихо свѣтятся ея блѣдно-голубыя очи; волосы вьются и падаютъ по плечамъ ея,

Заклинанія.

„Принесенъ былъ ладанъ, загорѣлся огонь на алтарѣ, а магикъ осторожно, почти съ трепетомъ, вынулъ большую книгу изъ самаго потаеннаго ящика. . . . . . .

Онъ читалъ, сперва тихо, потомъ все громче и внимательнѣе, сперва мѣрными шагами ходя взадъ и впередъ, потомъ обходя кругъ. Черезъ нѣсколько времени остановился онъ и сказалъ: „Поди, посмотри, каково на небѣ".—„Густая тьма, сказалъ, воротившись, Березинтъ, закрыла небо". . . . .

Онъ сталъ на колѣна и, тихо произнося заклинанія, часто падалъ ницъ на землю; лицо его разгорѣлось, глаза сверкали. . . . .

Старикъ приподнялся съ земли; лицо его было блѣдно, какъ смерть, и безобразно; старикъ продолжалъ читать, заклинать . . . .

Вдругъ послышались голоса. . . . . . раздавалось пѣніе, раздавались смѣшанные звуки чудныхъ инструментовъ, оживились всѣ сосуды... и изъ стѣнъ всѣхъ комнатъ посыпались существа всякаго рода: звѣри, чудовища и страшныя

будто свѣтло-сѣрый туманъ; губы блѣдно алѣютъ, будто сквозь бѣло-прозрачное утреннее небо, льется едва примѣтный алый свѣтъ зари; брови слабо темнѣютъ...

— Ахъ, это Катерина!" и т. д.

лица въ странномъ смѣшеніи . . . .

Въ совершенномъ изнуреніи поднялся Піетро, ... по его мановенію исчезли всѣ чудовища. . . . Слуга его возвратился и сказалъ: все тихо и покойно, но легкіе призраки пронеслись предо мной и исчезли въ темномъ небѣ; я не сводилъ глазъ съ собора, и раздался сильный звукъ, какъ будто бы лопнули всѣ струны какой-нибудь арфы . . . . отворились церковныя врата, сладко запѣли флейты, и тихій свѣтъ полился изъ внутренности церкви. Немедленно въ этомъ сіяніи показался женскій образъ, блѣдный, но блестящій, украшенный вѣнками изъ цвѣтовъ: она вышла изъ вратъ, лучами устилался путь ея, и съ поднятою главою, съ сложенными руками приближается она къ нашему дому . . . .

Піетро вышелъ въ переднюю, и ему навстрѣчу вошла блѣдная Крешенція, въ своей погребальной одеждѣ . . . .

Онъ ввелъ ее въ самую дальнюю комнату, богато украшенную золотомъ и пурпуромъ, шелкомъ и бархатомъ . . . . . »
(28, VII, 441—44).

«Багряный свѣтъ», напоминающій розовый свѣтъ «Страшной Мести», встрѣчается значительно ниже, при описаніи комнаты, въ которой была скрыта Крешенція (28, VIII, 16).

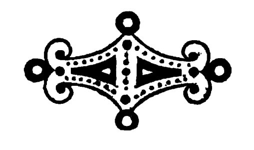
Наружность Катерины обрисована такими же неопредѣленными чертами, какъ и наружность Крешенціи въ гробу, въ которой указана только

противоположность бѣлизны ея лица и черныхъ кудрей. Ея полужизнь во снѣ нѣсколько напоминаетъ искусственную полужизнь Крешенціи, которая тоже является результатомъ чаръ колдуна и т. д.

Конечно, сходство во всѣхъ этихъ и другихъ подобныхъ мѣстахъ далеко не поразительно, но, какъ мы полагаемъ, и не случайно. Едва-ли можно думать, что Гоголь вновь перечиталъ «Пьетро Апоне», работая надъ «Страшной Местью», но воспоминанія его были достаточно ярки, чтобъ оказать вліяніе на его творчество въ томъ же родѣ, какъ и «Чары Любви» того же Тика на передѣлку его «Басаврюка».

По характеру своего таланта Гоголь не имѣетъ почти ничего общаго съ раскидавшимся, вѣчно иронизировавшимъ, лишеннымъ чувства мѣры и пластичности Людвигомъ Тикомъ. Но время было такое, что крайности романтизма пользовались большимъ успѣхомъ, и какъ редакція «Московскаго Вѣстника», такъ и начинающій писатель считали не лишнимъ послужить современной модѣ.

А. К. и Ю. Ф.

Назначеніе статскаго совѣтника Ключарева сенаторомъ.

Указъ Правительствующему Сенату.

28-го іюня 1816 г. № 114.

Вознаграждая потерпѣнное бывшимъ московскимъ почтъ-директоромъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Ключаревымъ удаленіе отъ должности, произведенное по обстоятельствамъ 1812 года тогдашнимъ московскимъ мѣстнымъ начальствомъ, всемилостивѣйше жалуемъ его, Ключарева, въ тайные совѣтники и, облекая званіемъ сенатора, повелѣваемъ присутствовать ему въ Правительствующемъ Сенатѣ.

Ходатайство графа М. М. Сперанскаго за сына своего учителя.

Письмо графа М. М. Сперанскаго къ директору департамента министерства юстиціи И. Ѳ. Журавлеву [1].

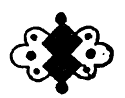
20-го августа 1823 г.

Позвольте мнѣ вашему превосходительству представить вручителя сего г-на Пѣвницкаго. Онъ сынъ стараго моего учителя, а вы знаете, какъ старые учители взыскательны; я и теперь еще его боюсь и считаю себя обязаннымъ угождать ему изъ страха и изъ благодарности. Г-нъ Пѣвницкій доискивается мѣста губернскаго стряпчаго; мнѣ кажется, онъ его достоинъ. Весьма много обяжете, пособивъ ему въ семъ исканіи (sic).

Примите свидѣтельство совершеннаго почитанія. Сперанскій.

Пѣвницкій былъ опредѣленъ стяпчимъ во Владимірскую губернію.

Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.

---

[1]) Подлинникъ въ Имп. публичной библіотекѣ.

Графъ Джонъ Бёкингхэмширъ
при дворѣ Екатерины II.
(1762—1765 г.г.).

IV [1]).

Въ отмѣткахъ, которыя графъ Бёкингхэмширъ дѣлалъ для себя, не заботясь о систематическомъ изложеніи, въ разное время и даже безъ обозначенія чиселъ, встрѣчается немало характеристикъ также и лицъ, окружавшихъ императрицу. Нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ отмѣчаетъ нѣсколькими штрихами, наскоро, о другихъ говоритъ съ большею обстоятельностью, но въ обоихъ случаяхъ въ наблюденіяхъ его попадаются порою черты, не лишенныя интереса.

О Павлѣ Петровичѣ мы находимъ у него слѣдующую отмѣтку: «Черты лица великаго князя не имѣютъ ни правильности, ни красоты, но общее выраженіе его замѣчательно интеллигентное. На видъ онъ изященъ и танцуетъ онъ, для своихъ лѣтъ, граціозно. Вслѣдствіе неразумной заботливости императрицы Елизаветы, при жизни которой ему никогда не давали подышать открытымъ воздухомъ, онъ очень тщедушенъ, но силы его съ каждымъ днемъ прибываютъ. Онъ обладаетъ живою понятливостью и прекрасною памятью, но не имѣетъ выдержки въ учебныхъ занятіяхъ; тѣмъ не менѣе, онъ болѣе свѣдущъ, чѣмъ обыкновенно бываютъ въ его годы принцы; а такъ какъ мать не дѣлаетъ ему особенной поблажки, учителя же его способны и старательны, то онъ можетъ достигнуть значительныхъ успѣховъ. Говорятъ, онъ очень похожъ по манерѣ, а отчасти и по наклонностямъ, на по-

[1] См. „Русскую Старину" февраль 1902 г.

койнаго императора, особенно же тѣмъ, что очень пугливъ». Въ депешѣ изъ Москвы, тотчасъ послѣ перваго представленія своего великому князю, въ январѣ 1763 г., британскій посолъ написалъ: «Сегодня утромъ я имѣлъ аудіенцію у великаго князя. Привѣтствіе мое ему я произнесъ по-французски, и онъ отвѣтилъ мнѣ на томъ же языкѣ. Я съ удовольствіемъ увидѣлъ, какъ хорошо онъ поправился послѣ недавней болѣзни. Его рѣчь и манера пріятны и привлекательны, и держитъ онъ себя необыкновенно для своихъ юныхъ лѣтъ».

Вотъ что̀ записано у графа Бёкингхэмшира о братьяхъ Орловыхъ, четверо изъ которыхъ, какъ извѣстно, принимали дѣятельное участіе въ переворотѣ, открывшемъ для Екатерины доступъ къ престолу:

«Орловыхъ пятеро, но старшій изъ нихъ (Иванъ Григорьевичъ) уклоняется отъ занятія видной роли, а младшій (Өедоръ), которому не больше девятнадцати лѣтъ отъ роду, находится за границей. Старшій изъ остальныхъ трехъ братьевъ, Григорій, состоитъ любимцемъ своей императрицы и первымъ человѣкомъ въ русскомъ царствѣ, насколько онъ поставленъ въ это положеніе сдѣланнымъ ему императрицею отличіемъ. Она отъ души желаетъ видѣть его великимъ, чтобы личное пристрастіе ея къ нему могло быть оправдано одобреніемъ публики. Онъ не располагаетъ преимуществами хорошаго воспитанія, но, если оставить это безъ вниманія, не роняетъ себя въ разговорѣ объ обыденныхъ предметахъ. Судя по тому, что̀ было случайно высказано имъ въ частномъ разговорѣ со мною, онъ считаетъ искусства, науки и производство изящныхъ вещей вреднымъ для большой и могущественной страны, находя, что они разслабляютъ умъ и тѣло людей; онъ считаетъ за лучшее оказывать содѣйствіе только земледѣлію и производству предметовъ необходимости, которые могли бы быть вывозимы въ необработанномъ видѣ. Англичанъ онъ любитъ, такъ какъ считаетъ ихъ народомъ откровеннымъ и мужественнымъ, особенно на основаніи слышанныхъ имъ разсказовъ о циркѣ Браутона, представленія котораго вполнѣ соотвѣтствуютъ вкусамъ его семьи. Разъ онъ предлагалъ взять на себя устройство кулачнаго состязанія въ Москвѣ, на которомъ намѣревалась было присутствовать и императрица, пока ей не сказали, какъ серьезно относятся къ боксу англичане.

«Въ началѣ возвышенія Григорія Орлова, императрица говорила, что сама воспитаетъ и обучитъ его [1]). Она успѣла научить его думать

---

[1]) Въ одной изъ своихъ начальныхъ депешъ графъ Бёкингхэмширъ, говоря объ этомъ любимцѣ Екатерины II, замѣчалъ: „Полагаютъ, что онъ не вмѣшивается въ государственныя дѣла, но ея императорскому величеству доставляетъ удовольствіе всякій оказываемый ему знакъ вниманія. Не стану рѣшать, чѣмъ вызывается оказываемое ему предпочтеніе: благодарностью или склонностью, но очевидно, что она хочетъ видѣть его отличеннымъ“.

и разсуждать, но думать неправильно и разсуждать невѣрно, такъ какъ природа снабдила его лишь тѣмъ свѣтомъ, который слѣпитъ, но не указываетъ пути. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что она находитъ теперь, что было бы лучше оставить его такимъ, какимъ она застала его и считала тогда достаточнымъ для оправданія оказаннаго ему предпочтенія. Въ послѣднее время онъ принялъ ужасно надутый и грубый видъ, что̀ вовсе несвойственно его характеру. Онъ одѣвается небрежно, куритъ, часто ѣздитъ на охоту и не на столько пренебрегаетъ встрѣчными красавицами, на сколько слѣдовало бы изъ политики и изъ благодарности. Говорятъ, но ложно, будто особа, которой онъ долженъ бы посвящать всю свою внимательность, не обращаетъ вниманія на преходящія невѣрности. Одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя, не будучи хорошенькими, нравятся своею молодостью и Богъ вѣсть чѣмъ еще, была нѣкоторое время отличаема графомъ Орловымъ, и все-таки ее часто допускали къ участію въ частныхъ загородныхъ поѣздкахъ. Такъ какъ эта дама постоянно бывала въ моемъ домѣ и называла себя моею пріятельницей, то я заговорилъ съ нею въ шутку объ этомъ предметѣ. Она отвѣчала, что, какъ мнѣ должно быть извѣстно, она питаетъ страсть къ другому мужчинѣ и что благоразуміе должно побуждать ее къ расхолаживанію Орлова, что̀ она и дѣлаетъ въ возможно пристойной формѣ; по ея словамъ, недавно, на дачѣ, Орловъ пытался взять ее силою; въ это время въ комнату вошла императрица и, увидѣвъ нѣкоторое смущеніе дамы, подошла къ ней сзади и шепнула ей черезъ плечо: «Не смущайтесь, я увѣрена въ вашей скромности и внимательности ко мнѣ. Не бойтесь, что причините мнѣ непріятность; напротивъ, я считаю себя обязанною вамъ за ваше поведеніе».

«Графъ Орловъ состоитъ однимъ изъ трехъ флигель-адъютантовъ императрицы. Во время дежурства они командуютъ всѣми войсками въ окрестности. Онъ капитанъ Кавалергардскаго и полковникъ Конно-Гвардейскаго полковъ, стоитъ во главѣ коммиссіи по устройству дѣлъ колонистовъ, состоитъ кавалеромъ всѣхъ орденовъ и камергеромъ.

«Въ годовщину своего восшествія на престолъ, императрица сказала мнѣ, что наканунѣ, вечеромъ, она обдумывала, въ которой изъ своихъ должностей слѣдуетъ графу Орлову выступить на этомъ празднествѣ, и рѣшила, что появленіе его въ качествѣ ея адъютанта наиболѣе отличитъ его, такъ какъ поставитъ его во главѣ всего торжества.

«Слѣдующій братъ, Алексѣй, — великанъ ростомъ и силой (самый меньшій изъ этихъ трехъ братьевъ имѣетъ ростъ въ шесть футовъ). Онъ говоритъ по-нѣмецки, но не знаетъ по-французски, и—можетъ быть потому, что сознаетъ свое менѣе важное значеніе—болѣе общителенъ и доступенъ, чѣмъ старшій братъ. Относительно того, который изъ нихъ обоихъ выше по уму, мнѣнія расходятся, но спорить объ

этомъ значитъ спорить о пустякахъ: обоихъ надо считать за молодыхъ офицеровъ, получившихъ воспитаніе какъ-бы въ Ковентъ-Гарденѣ, кофейняхъ, трактирахъ и за билліардомъ. Храбрые до крайности, они всегда считались, скорѣе, людьми смирными, чѣмъ склонными къ ссорамъ. При своемъ неожиданномъ возвышеніи, они не забыли своихъ старыхъ знакомствъ и вообще обладаютъ большою долей того безпринципнаго добродушія, которое располагаетъ людей оказывать другимъ небольшія услуги безъ ущерба и хлопотъ для себя, и хотя они способны на самыя отчаянныя затѣи, когда дѣло идетъ о чемъ-нибудь очень важномъ, однако, отнюдь не станутъ творить зла ради самого зла. Они ничуть не мстительны и не стремятся вредить даже тѣмъ, кого не безъ причины считаютъ своими врагами. Въ продолженіе опалы генерала Чернышева, они были самыми горячими ходатаями за него, хотя не могли сомнѣваться въ его враждебности къ нимъ. Однако, всякій, кто попытался бы добиваться привязанности императрицы, подвергся бы большой опасности, еслибы не сталъ дѣйствовать съ величайшею осмотрительностью; ему надо было бы озаботиться тѣмъ, чтобы минута одержаннаго имъ успѣха совпала съ минутой на столько сильной опалы Орловыхъ, при которой они были бы уже не въ силахъ коснуться его. Не очень давно нѣкій молодой человѣкъ хорошаго круга, внѣшностью и манерой своей сильно располагавшій въ свою пользу, обратилъ на себя особенное вниманіе императрицы. Нѣкоторые изъ друзей Панина, бывшіе также и его друзьями, поощряли его добиваться цѣли. На первыхъ порахъ онъ послѣдовалъ было ихъ совѣту, но вскорѣ пренебрегъ блестящею участью, которая, казалось, открывалась передъ нимъ. Было довольно естественно предположить, что такая непослѣдовательность въ его поступкахъ вызвана была его любовью къ одной дамѣ, съ которою онъ жилъ въ тѣсной связи еще съ той поры, когда, при отсутствіи корыстныхъ видовъ, любовь и обладаніе составляютъ все на свѣтѣ; но потомъ онъ сознался по секрету близкому родственнику, что онъ побоялся угрозъ, высказанныхъ Орловыми по адресу всякаго, кто вздумаетъ замѣстить ихъ брата, и не имѣлъ достаточно честолюбія, чтобы рискнуть жизнью въ своей попыткѣ.

«Самый младшій изъ находящихся въ Россіи братьевъ, Өедоръ, составляетъ гордость и украшеніе семьи. Еслибы какая-нибудь путешественница захотѣла описать его наружность, она сказала бы, что въ немъ черты Аполлона Бельведерскаго сочетались съ мускулами Геркулеса Фарнезе. Рѣчь его легка и свободна, манеры пріятны. Въ настоящее время онъ можетъ лишь мало разговаривать съ иностранцами, потому, что съ трудомъ объясняется по-французски. Императрица дала ему должность, и онъ, говорятъ, проявляетъ усердіе и умъ. Въ то время когда для братьевъ его сказались послѣдствія ихъ личныхъ достоинствъ

и услугъ, онъ былъ еще слишкомъ молодъ, чтобы чему-нибудь научиться; но со временемъ онъ можетъ оказаться годнымъ для высшихъ должностей и затѣмъ оказать, въ пору упадка, поддержку братьямъ, счастливыя начинанія которыхъ возвели его наверхъ».

Изъ числа другихъ лицъ, очерченныхъ графомъ Бёкингхэмширомъ, остановимся на личности канцлера, Михаила Илларіоновича Воронцова, начало видной служебной карьеры котораго относится, какъ извѣстно, къ царствованію императрицы Елизаветы. Состоя при ней камергеромъ, онъ былъ однимъ изъ главныхъ участниковъ заговора, послѣдствіемъ котораго было ея вступленіе на престолъ. Въ 1744 г., по назначеніи канцлеромъ Бестужева, служившаго, при Аннѣ Іоанновнѣ, посланникомъ въ Гамбургѣ, а потомъ въ Копенгагенѣ, Воронцовъ получилъ должность вице-канцлера и, говорятъ, пользовался у Елизаветы бо̀льшимъ довѣріемъ, чѣмъ Бестужевъ, мѣсто котораго и занялъ въ 1758 г. Постъ канцлера онъ сохранялъ и въ царствованіе Петра III. Такъ какъ при Елизаветѣ онъ держался въ сторонѣ отъ придворныхъ интригъ, то сохранилъ также и расположеніе Екатерины, которая, впрочемъ, не особенно довѣряла ему, хотя и оставила его, по восшествіи своемъ на престолъ, канцлеромъ.

«Канцлеръ—говоритъ посолъ—отличается непринужденнымъ обращеніемъ и пріятною манерой, свойственной людямъ знатнаго происхожденія; онъ человѣкъ слабый, боязливый, честный лишь наполовину и, какъ министръ, полонъ предубѣжденій, малодѣятеленъ и медлителенъ. Его тѣлесное и душевное состояніе одинаково неблагопріятны, чему, быть можетъ, не мало способствуетъ безпорядокъ въ его домашнихъ дѣлахъ, происходящій отнюдь не отъ того, что онъ много тратитъ, а отъ того, что по лѣни и невниманію онъ даетъ сильно обворовывать себя. Жена его, по внѣшности, держитъ себя съ сердечною непринужденностью хозяйки хорошо поставленнаго дома, но, въ сущности, очень лукава и въ прежнее время достигала большихъ успѣховъ своими хитростями. Какъ она, такъ и ея дочь, графиня (Строганова) предаются излишествамъ: первая любитъ игру, а вторая мужчинъ» [1]).

---

[1]) На хитрость жены канцлера мы встрѣчаемъ указаніе также и въ одной изъ депешъ британскаго посла Кійса къ Гренвилю (отъ 12-го іюля нов. ст. 1762 г.). Сообщая о представленіи Воронцова съ женою ко двору вскорѣ послѣ совершившагося переворота, посолъ передаетъ, между прочимъ, слѣдующую подробность: „Жена канцлера не была при дворѣ съ воскресенья (такъ какъ до самаго конца оставалась въ сношеніяхъ съ императоромъ и даже была съ нимъ въ Кронштадтѣ); цѣлуя руку императрицы, она сняла съ себя ленту св. Екатерины и, подавая ее ея величеству, сказала, что никогда не просила этого знака отличія и теперь кладетъ ее къ стопамъ императрицы. Императрица, однако, съ величайшею любезностью взяла ленту и собственноручно снова возложила ее на графиню Воронцову“.

Постоянно испытывая денежныя затрудненія, графъ Воронцовъ не затруднялся прибѣгать порою къ щедрости англійскаго короля. Въ депешѣ графа Бёкингхэмшира, отъ 19-го января 1763 г., мы находимъ, между прочимъ, слѣдующія характерныя строки: «Канцлеръ проситъ меня повергнуть его чувства къ стопамъ его величества и его увѣреніе въ глубокой признательности королю за милостивый (какъ онъ слышалъ) отзывъ о немъ, а также и за милостивый пріемъ, оказанный его величествомъ племяннику канцлера [1]). Въ субботу вечеромъ онъ вручилъ мнѣ нѣсколько бумагъ, заключающихъ въ себѣ, по его словамъ, вѣдомость объ убыткахъ, причиненныхъ русскимъ англійскими каперскими судами, причемъ прибавилъ, что и самъ онъ понесъ значительныя потери, въ видѣ различныхъ, посланныхъ ему изъ Франціи цѣнныхъ вещей. Онъ замѣтилъ, впрочемъ, что упоминаетъ объ этомъ не съ цѣлью просить вознагражденія, а только желалъ бы, чтобы объ этомъ было представлено на милостивое усмотрѣніе его величества. Онъ намекнулъ также на свои большіе долги и на то, что состояніе здоровья препятствуетъ ему справляться съ трудностями служебныхъ занятій. Я сказалъ ему, что доведу до свѣдѣнія его величества то, что̀ имъ сказано. Просматривая врученныя мнѣ имъ бумаги, я нахожу, что просимая имъ сумма не превышаетъ тысячи пятисотъ фунт. стерл., хотя онъ опредѣлялъ ее мнѣ въ двѣ тысячи. Если его величеству будетъ угодно повелѣть произвести эту уплату, то, судя по тону, въ которомъ говорилъ проситель, я полагаю, что уплата эта будетъ сочтена за большое одолженіе». Нѣсколько далѣе, британскій посолъ говоритъ въ той же депешѣ: «Въ случаѣ заключенія торговаго договора на условіяхъ, угодныхъ его величеству, я полагалъ бы умѣстнымъ сдѣлать подарки графу Орлову (любимцу императрицы), Бестужеву, Панину и вице-канцлеру. Благоволите увѣдомить меня о волѣ его величества на этотъ счетъ. Я долженъ прибавить, что расходъ этого рода, быть можетъ, и не безусловно необходимъ, хотя здѣсь слишкомъ привыкли къ подаркамъ».

Графъ Бёкингхэмширъ даетъ попутно небольшую характеристику и сотрудника графа Воронцова, вице-канцлера Александра Михайловича Голицына. Извѣстно, что Голицынъ состоялъ русскимъ посломъ въ Лондонѣ въ послѣдніе годы царствованія Георга II и уже получилъ было вѣрительныя граматы, которыми русское правительство аккредитовало его при дворѣ Георга II, какъ въ февралѣ 1762 г. онъ вызванъ былъ въ Петербургъ, на должность вице-канцлера. Постъ этотъ онъ занималъ до 1775 г., имѣя вообще мало значенія, а подъ конецъ обратившись даже просто въ орудіе въ рукахъ Екатерины и графа Панина.

[1]) Послу въ Лондонѣ, Семену Романовичу Воронцову.

Голицынъ былъ ненавистникомъ Пруссіи и желалъ союза съ Франціею, правительство которой и разсчитывало поэтому на его содѣйствіе въ заключеніи франко-русскаго союза, въ связи съ союзомъ съ Австріей, хотя и знало, что вице-канцлеръ никакого значенія не имѣетъ.

«Русскія дамы — пишетъ графъ Бёкингхэмширъ—слѣдуя примѣру англійскихъ, считаютъ вице-канцлера красивымъ господиномъ; но дома онъ не проявилъ такой политической галантности, какъ въ Лондонѣ, гдѣ, смѣшивая дѣло съ удовольствіями, онъ одновременно пріобрѣталъ и свѣдѣнія, и значеніе. Теперь у него нѣтъ ни свѣдѣній, ни значенія. Когда онъ былъ посломъ въ Англіи, его очень отличала жена ганноверскаго посланника, доставлявшая ему возможность снабжать русскій дворъ самыми достовѣрными свѣдѣніями. Вслѣдствіе этого, его сочли дома за человѣка, одареннаго великими способностями, и назначили вице-канцлеромъ, хотя въ то время никто въ Россіи и не подозрѣвалъ характера тѣхъ дарованій, которыя доставили ему такой знакъ одобренія».

Никиту Ивановича Панина, назначеннаго въ 1760 г. воспитателемъ великаго князя Павла Петровича, а ранѣе занимавшаго посольскіе посты въ Копенгагенѣ и Стокгольмѣ, графъ Бёкингхэмширъ засталъ въ Петербургѣ въ возрастѣ лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ званіемъ перваго члена коллегіи иностранныхъ дѣлъ. О немъ британскій посолъ сдѣлалъ для себя слѣдующую отмѣтку: «Панинъ рано сталъ заниматься дѣлами и, вслѣдствіе привычки, пріобрѣлъ до нѣкоторой степени прилежаніе. Проведя нѣсколько лѣтъ въ Швеціи, онъ особенно хорошо знакомъ съ дѣлами сѣвера. Система, которую онъ усвоилъ и отказаться отъ которой никогда не заставитъ его ничто, кромѣ невозможности выполнить ее вслѣдствіе несочувствія къ ней другихъ державъ, заключается въ томъ, чтобы, для отпора союзу между австрійскимъ и бурбонскимъ домами, создать тѣсный союзъ Россіи, Англіи, Голландіи и Пруссіи, а ради еще бо́льшаго усиленія этой лиги, держать Швецію въ состояніи бездѣятельности и побудить Данію къ расторженію ея связей съ Франціей. Перваго онъ думаетъ достигнуть путемъ постояннаго поддержанія вражды между соперничествующими партіями, а второго посредствомъ отказа отъ притязанія на герцогство Голштинское, къ чему онъ разсчитываетъ склонить великаго князя по достиженіи имъ совершеннолѣтія [1]).

«Его героемъ—говоритъ далѣе графъ Бёкингхэмширъ—является прусскій король, хотя онъ не настолько ослѣпленъ пристрастіемъ, чтобы не видѣть многихъ недостатковъ, омрачающихъ личность этого госу-

[1]) Это было причиною продолжительной распри между герцогами Голштейнъ-Готорпскими и датскою королевскою фамиліей, которая принадлежала къ старшей вѣтви Голштинскаго дома.

даря. Его считаютъ человѣкомъ честнымъ и чистымъ. Сознавая, что за нимъ установилась хорошая репутація, и дорожа ею, онъ не рѣшится свернуть съ той дороги, идя которою онъ заслужилъ доброе имя. Для блага Россіи и спокойствія и благополучія государыни, было бы очень желательно, чтобы Панинъ и Орловъ жили въ дружбѣ между собою, если бы только дружба эта не была несовмѣстима съ мыслью о бракѣ, которую, говорятъ, все еще питаетъ этотъ молодой человѣкъ [1])—мыслью, способствовать которой Панинъ никакъ не можетъ безъ вреда для своей репутаціи, не рискуя своею популярностью и не отклоняясь отъ обязанностей лежащаго на немъ долга, который, по мнѣнію встревоженной націи, только имъ однимъ можетъ быть исполненъ надлежащимъ образомъ. По натурѣ онъ лѣнивъ и чувственъ. Задушевною его любимицей является княгиня Дашкова. Онъ говоритъ о ней съ нѣжностью, видится съ нею почти въ каждую свободную минуту и передаетъ ей важнѣйшія тайны съ такимъ безпредѣльнымъ довѣріемъ, какое едва-ли слѣдовало бы министру оказывать кому-либо. Императрица, узнавъ объ этомъ и справедливо встревожившись тѣмъ, что подобныя свѣдѣнія сообщаются особѣ, которая, вслѣдствіе своего безпокойнаго, пронырливаго характера и ненасытнаго честолюбія, обратилась изъ ея закадычнаго друга въ самаго закоренѣлаго врага, заставила Панина дать обѣщаніе, что онъ никогда не будетъ говорить съ княгиней Дашковой о государственныхъ дѣлахъ. Онъ далъ слово, но въ этомъ случаѣ нарушилъ его. Въ виду полученнаго объ этомъ свѣдѣнія, а также нѣкоего извѣщенія о томъ, что княгиня прибѣгаетъ ко всевозможнымъ ухищреніямъ, чтобы возстановить какъ Панина, такъ и многихъ другихъ противъ нея лично и противъ ея управленія [2]), императрица рѣшила выслать ее изъ Петербурга».

Уже по этимъ немногимъ словамъ, брошеннымъ мимоходомъ о будущей президентшѣ Академіи, достаточно видно, что княгиня Дашкова не пользовалась сочувствіемъ графа Бёкингхэмшира. Очеркъ, посвященный имъ княгинѣ особо, подтверждаетъ это. «Княгиня Дашкова — записалъ онъ—замѣчательно хорошо сложена и производитъ пріятное впечатлѣніе; имя этой дамы—какъ она того и желаетъ—безспорно будетъ упоминаться въ исторіи. Когда въ ней бурныя страсти на нѣсколько минутъ засыпаютъ, лицо ея нравится, и манера становится способною возбудить тѣ чувства, которыя едва-ли когда-либо были извѣ-

---

[1]) Т. е. о бракѣ съ императрицей, которому противились канцлеръ Воронцовъ, Панинъ и Разумовскій.

[2]) Княгиня Дашкова, въ своихъ „Запискахъ", приписываетъ эти обвиненія клеветѣ со стороны Орловыхъ, съ которыми у нея установились непріязненныя отношенія со времени смерти Петра III, въ виду, будто бы, несочувствія Дашковой заговору.

даны ею самою. Но хотя лицо ея красиво и черты не имѣютъ ни малѣйшей неправильности, однако, характеръ его вообще таковъ, какой пожелалъ бы схватить искусный художникъ, желая написать одну изъ тѣхъ знаменитыхъ дамъ, изображеніями утонченной жестокости которыхъ полны трагическіе иллюстрированные журналы. При ея черствости и превосходящей всякое описаніе смѣлости, первою ея мыслью было бы освободить, при помощи самыхъ отчаянныхъ средствъ, человѣчество, а второю — обратить его въ рабовъ. Если бы когда-либо обсуждалась участь покойнаго императора, ея голосъ неоспоримо осудилъ бы его; если бы не нашлось руки для выполненія приговора, она взялась бы за это. Въ одномъ только случаѣ она отдала долгъ человѣческому чувству, именно, когда пролила слезу по случаю потери ея въ высшей степени милаго мужа. Это былъ человѣкъ, котораго по всей справедливости любили и сожалѣли государыня и всѣ знавшіе его. Особенно отличали его дамы; до женитьбы онъ былъ чрезвычайно близокъ съ двумя старшими сестрами своей жены [1]). Она хитростью заставила его жениться на ней, чего онъ вовсе не имѣлъ въ виду дѣлать: для этого она подстроила такъ, чтобы дядя ея, канцлеръ Воронцовъ, засталъ ихъ обоихъ вмѣстѣ. Какъ только онъ вошелъ, она заявила ему, что князь только-что сдѣлалъ ей предложеніе; молодой человѣкъ, растерявшись или побоявшись канцлера, не рѣшился противорѣчить ей.

«Княгиня много читала, обладаетъ странною подвижностью тѣла и ума и съ большою легкостью схватываетъ мысли».

Въ своихъ замѣткахъ графъ Бёкингхэмширъ удѣлилъ мѣсто и Бестужеву (Алексѣю Петровичу), бывшему канцлеру, возвращенному изъ постигшей его въ 1759 г. ссылки Екатериною, вскорѣ по ея воцареніи. Старикъ этотъ, въ годъ возвращенія въ Петербургъ уже перешагнувшій семидесятилѣтній возрастъ, не пользовался при новой императрицѣ замѣтнымъ вліяніемъ; тѣмъ не менѣе, иностранные дипломаты не пренебрегали связями съ нимъ. Британскій посолъ охотно поддерживалъ съ нимъ сношенія, хотя, конечно, не могъ не знать, какъ неодобрительно отзывались о нравственныхъ качествахъ Бестужева почти всѣ писавшіе о немъ иностранцы. Личность его онъ очерчиваетъ лишь бѣгло, въ общихъ словахъ. «Имя Бестужева—пишетъ онъ—слишкомъ хорошо извѣстно въ политическомъ мірѣ, чтобы стоило останавливаться на описаніи его характера. Въ началѣ онъ обладалъ довольно живымъ темпераментомъ, а благодаря продолжительному опыту пріобрѣлъ общее

---

[1]) Дочерьми Романа Ларіоновича Воронцова, брата канцлера,—Маріей (впослѣдствіи графиня Бутурлина) и Елизаветой, бывшей сожительницею Петра III, по смерти котораго она была выслана на житье въ отцовское имѣніе, вмѣстѣ съ отцомъ. Потомъ она вышла замужъ за Полянскаго.

знакомство съ европейскими дѣлами. Хотя онъ до крайности распутенъ, безстыденъ, лживъ и корыстолюбивъ, однако преобладающею его страстью является стремленіе передать свое имя потомству. Это побуждаетъ его рисковать въ послѣдніе дни жизни навлеченіемъ на себя новой опалы и тратить остатки своего существованія на слабую борьбу, съ цѣлью пріобрѣсть положеніе, котораго онъ, за физическою и умственною дряхлостью, занимать не можетъ. Онъ всегда былъ креатурою австрійскаго дома, и система его заключалась въ противодѣйствіи Франціи, а такъ какъ паденіе его было вызвано именно французскимъ дворомъ, то его первоначальное нерасположеніе къ этой державѣ обратилось въ закоренѣлую вражду. Несмотря на послѣдній политическій переворотъ и на тѣ измѣненія въ отношеніяхъ между европейскими державами, которыя совершенно измѣняютъ ихъ взгляды, онъ держится своихъ старыхъ понятій съ такимъ же упорствомъ и нежеланіемъ убѣдиться, какимъ въ недавнее время отличались и болѣе его способныя головы. Онъ считался и самъ всегда выдаетъ себя за приверженца Англіи, но когда онъ увидѣлъ, что ея виды уже не угодливы по отношенію къ австрійскому дому, это единство его интересовъ съ нашими тотчасъ прекратилось, всѣ прежнія заявленія были имъ забыты, и пресѣклись всѣ обязательства, которыя лежали на немъ вслѣдствіе щедрости Англіи».

Графъ Бёкингхэмширъ самъ не чуждался дѣловыхъ сношеній съ Бестужевымъ, на что̀ указываютъ многія мѣста посылавшихся имъ въ Лондонъ депешъ. Но уже на второй годъ послѣ своего прибытія въ Петербургъ, онъ увидѣлъ, что отъ Бестужева англійское правительство едва-ли можетъ ожидать полезныхъ услугъ въ дѣлѣ о заключеніи если не союзнаго, то хоть одного торговаго договора. Мнѣніе это было высказано имъ въ февральской депешѣ 1763 г. по слѣдующему поводу. Находясь въ сношеніяхъ съ Бестужевымъ, британскій посолъ, въ отвѣтъ на одно изъ предложеній послѣдняго, обратился къ нему въ декабрѣ 1762 г. съ нотою, въ которой говорилъ, что такъ какъ императрица пожелала отложить обсужденіе вопроса о союзномъ договорѣ впредь до заключенія общаго европейскаго мира, то въ данную минуту было бы, повидимому, неумѣстно вновь затрогивать этотъ вопросъ. Что же касается договора торговаго, то Англія, по словамъ посла, была бы очень обязана Бестужеву, еслибы онъ постарался ускорить его заключеніе на основѣ тѣхъ предложеній, которыя были представлены ему нѣсколько дней тому назадъ. На сдѣланное имъ сообщеніе о томъ въ Лондонѣ, графъ Бёкингхэмширъ получилъ отъ сентъ-джемскаго кабинета депешу съ извѣщеніемъ, что король удивленъ тѣмъ, что онъ самъ отказался, на основаніи словъ императрицы, отъ немедленныхъ переговоровъ о возобновленіи оборонительнаго союза 1742 г., когда

это было ему предложено изъ такого несомнѣннаго источника. Король желалъ, чтобы это упущеніе было возможно скорѣе исправлено и чтобы графъ Бёкингхэмширъ при первомъ случаѣ извѣстилъ Бестужева о желаніи короля немедленно вступить въ союзъ съ императрицей и въ этихъ видахъ возобновить оборонительный договоръ 1742 г., срокъ котораго истекъ въ 1759 году. Вмѣстѣ съ тѣмъ, британскому послу предписывалось побудить Бестужева къ тому, чтобы онъ добылъ точный проектъ условій, на которыхъ императрица согласится уладить это дѣло.

Графъ Бёкингхэмширъ, по полученіи этой вѣсти, поспѣшилъ оправдать свой поступокъ, вызвавшій неодобреніе со стороны короля. 23-го февраля 1763 года, онъ послалъ изъ Москвы лорду Гэлифаксу въ Лондонѣ слѣдующую конфиденціальную депешу: «Такъ какъ выраженное его величествомъ неодобреніе посланной мною г. Бестужеву ноты ставитъ меня въ крайне непріятное положеніе, то надѣюсь, что мнѣ извинятъ попытку до нѣкоторой степени оправдать свои дѣйствія. По тому, какимъ образомъ доставлено было мнѣ отъ г. Бестужева извѣстіе, мнѣ показалось, что ему неизвѣстно объ отказѣ ея величества возобновить теперь же союзный договоръ, а потому я естественно заключилъ, что онъ вовсе не былъ уполномоченъ императрицею дѣлать предложеніе на этотъ счетъ. Я не предполагалъ, да и не могъ предполагать, чтобы императрица стала 2-го декабря предлагать то, что̀ было формально отвергнуто ея министрами 22-го ноября. Я приписалъ поступокъ Бестужева единственно разсчетамъ его на собственную выгоду, т. е. на полученіе новыхъ милостей, уже такъ часто получавшихся имъ отъ Англіи; изъ депеши же моей, при которой я препроводилъ въ Лондонъ копію означенной моей ноты, можно видѣть, что я сомнѣвался въ его способности быть существенно полезнымъ для насъ. Изъ того, что̀ я писалъ въ моей депешѣ отъ 20-го февраля, также видно, по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя онъ желалъ получить отъ меня, что собственныя его свѣдѣнія не особенно полны, а необыкновенная сдержанность его въ отношеніяхъ со мною при постороннихъ, а также его всегдашняя таинственность убѣждаютъ меня еще и въ томъ, что императрица ничего не знаетъ о нашей съ нимъ перепискѣ». Поясняя затѣмъ, что при написаніи ноты къ Бестужеву онъ не сомнѣвался, что императрица никогда не узнаетъ ея содержанія, графъ Бёкингхэмширъ прибавляетъ: «Достовѣрно, что лицо, передавшее Бестужеву эту ноту, видѣло, какъ онъ, прочитавши, тотчасъ же сжегъ ее». Затѣмъ онъ пишетъ: «Изъ вашей депеши я вижу, что вы считаете г. Бестужева дѣйствующимъ и вліятельнымъ министромъ и что, съ этой точки зрѣнія, его величество повелѣваетъ мнѣ обращаться чрезъ него къ императрицѣ. Но изъ сказаннаго выше вы усмотрите, что къ этому я прибѣгнуть не могу. Тѣмъ не менѣе, чтобы ни на ми-

нуту не откладывать исполненія, по мѣрѣ моихъ силъ, повелѣній его величества, я немедленно извѣстилъ г. Бестужева письменно, что, въ силу полученныхъ отъ моего двора новыхъ инструкцій, я ходатайствую о возобновленіи договора о союзѣ и прошу его всѣми силами способствовать мнѣ въ переговорахъ по этому поводу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я настоятельно попросилъ его сообщить мнѣ, не было ли говорено ему императрицей чего-либо объ этомъ предметѣ. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что посланное имъ мнѣ сообщеніе исходило лично отъ него и что по вопросу о союзномъ договорѣ у него не бывало разговоровъ съ императрицею ни тогда, ни послѣ того».

V.

Сопоставленіе между собою отзывовъ графа Бёкингхэмшира о различныхъ лицахъ, съ которыми ему приходилось видѣться при дворѣ Екатерины II, показываетъ, что онъ былъ вообще невысокаго мнѣнія о тогдашнихъ русскихъ государственныхъ дѣятеляхъ. Уже спустя два мѣсяца со времени своего прибытія въ Петербургъ, онъ писалъ лорду Гэлифаксу, занимавшему тогда постъ хранителя печати (Lord Privy Seal), что чѣмъ больше онъ знакомится съ этими людьми, тѣмъ менѣе пригодными кажутся они ему для управленія дѣлами такого большого государства, какъ Россія.

«Канцлеръ — сообщалъ онъ — съ вида и по обращенію человѣкъ высокаго рода, но если у него и были когда-либо дарованія, то они сильно понижены, а по физической и умственной разслабленности онъ неспособенъ къ такому напряженному труду, какого требуетъ его положеніе... Вице-канцлеръ такъ долго жилъ въ Англіи, что мнѣ ненужно говорить вамъ что-либо объ его характерѣ, способностяхъ или связяхъ. Бестужевъ старъ, а на видъ еще старше своихъ лѣтъ. Если онъ еще способенъ работать, то долго продлиться это не можетъ; говорятъ, будто совѣты его много значатъ, а по его поведенію со мною видно, что ему хотѣлось бы, чтобы и я такъ думалъ. Панинъ, который, кажется, изъ всѣхъ русскихъ наиболѣе пригоденъ для занятія перваго мѣста, вѣроятно, раздѣляетъ съ Бестужевымъ довѣріе императрицы. Но по всѣмъ моимъ наблюденіямъ и по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя я могъ получить, значительно выше всѣхъ въ этой странѣ сама императрица. Связанная взятыми на себя въ послѣднее время обязательствами, сознавая трудность своего положенія и боясь опасностей, которыми она навѣрное считала себя до сихъ поръ окруженною, она не можетъ пока рѣшиться

на самостоятельныя дѣйствія и освободиться отъ тѣхъ изъ окружающихъ ее лицъ, къ характеру и способностямъ которыхъ она должна относиться съ презрѣніемъ». Въ связи съ этою послѣднею мыслью, высказанною въ оффиціальной депешѣ, мы находимъ въ частныхъ отмѣткахъ посла слѣдующія строки: «еслибы императрица не боялась, а также и не любила, еслибы она не думала, что для ея безопасности необходимо, чтобы Орловы находились въ зависимости отъ ея милости, а вмѣстѣ съ тѣмъ, если бы она не опасалась ихъ рѣшимости въ случаѣ немилости, то она, будучи окружена все своими же креатурами, быть можетъ, сбросила бы иго, тяжесть котораго она по временамъ чувствуетъ».

Въ перепискѣ съ леди Сёфокъ, англійскій дипломатъ дѣлился со своею теткой преимущественно впечатлѣніями своей свѣтской жизни въ высшемъ петербургскомъ кругу. Онъ и самъ, конечно, бывалъ на придворныхъ балахъ и празднествахъ, устраивавшихся въ ту пору очень часто, и у себя принималъ высокихъ гостей, не скупясь на расходы. Въ февралѣ 1763 г., онъ описалъ теткѣ маскированный балъ на полтораста человѣкъ, бывшій въ его домѣ и удостоившійся посѣщенія императрицы.

«Не зная навѣрное — сообщалъ онъ, — сумѣетъ ли моя прислуга устроить все, какъ слѣдуетъ къ этому собранію, я не хотѣлъ писать ея величеству приглашеніе прямо, а позаботился устроить такъ, чтобы пригласительные билеты попались ей на глаза. Къ ужину сѣло за столъ сто шесть персонъ, а было бы мѣста и для бо́льшаго числа лицъ. Сколько я слышу, все общество осталось довольно вечеромъ; я же могу только сказать, что по-моему все могло бы быть устроено лучше. Прислуга моя оказалась далеко не настолько расторопною, какъ я бы желалъ, и если бы я самъ не былъ отчасти метрдотелемъ, слуги, пожалуй, напутали бы еще больше. Этого я и ожидалъ, въ виду спѣшности, съ которою мнѣ пришлось набирать совершенно новый персоналъ прислуги. Я увѣренъ, что здѣсь самое дорогое для кармана мѣсто въ Европѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такое, гдѣ для того, чтобы жить на сколько-нибудь приличную ногу, необходима самая яркая показная сторона. У всѣхъ русскихъ есть даровые собственные слуги и даровая провизія, за исключеніемъ винъ: никто изъ не бывавшихъ здѣсь не можетъ представить себѣ, сколько мясныхъ блюдъ и дичи подается у нихъ на столъ, а такое же изобиліе они надѣются встрѣтить и въ домахъ иностранцевъ, не принимая въ соображеніе разницы положенія. У насъ теперь всякій вечеръ маскарады [1]—то при дворѣ, то въ какомъ-нибудь частномъ домѣ; въ 10 часовъ подаютъ горячій ужинъ изъ трехъ блюдъ и десерта;

[1]) Письмо писано на масляницѣ.

потомъ слѣдуютъ менуэты, кадрили, мазурки, пока всѣ не перестанутъ танцовать, вслѣдствіе физической невозможности продолжать танцы. Мало кто остается сидѣть, такъ какъ всякій, кому не стукнуло семидесяти лѣтъ, водитъ полонезъ. Всѣ придворныя дамы заморены до-смерти и изъ четырнадцати фрейлинъ тринадцать уже захромали. Черезъ двѣ недѣли веселье смѣнится сильнѣйшею набожностью. У русскихъ, кто строго соблюдаетъ посты, да крестится по двадцати разъ въ день, тотъ и добрый христіанинъ».

Но если графъ Бёкингхэмширъ писалъ теткѣ на такія темы лишь съ цѣлью развлечь ее свѣтскими новостями, то лорду Гэлифаксу онъ сообщалъ о придворныхъ празднествахъ въ болѣе тонкихъ видахъ. Описавъ ему вечеръ, данный во дворцѣ 9-го февраля, онъ (какъ самъ извѣстилъ его позже) разсчитывалъ на то, что письмо его будетъ вскрыто и произведетъ пріятное впечатлѣніе при дворѣ [1]). Депешу свою отъ 10-го февраля онъ заключилъ слѣдующими словами: «Въ заключеніе, не могу не сообщить вамъ о вечерѣ, на которомъ я присутствовалъ вчера. Во дворцѣ, въ присутствіи императрицы, давали русскую трагедію, исполненную въ великолѣпномъ залѣ, гдѣ для этой цѣли устроена была сцена со всѣми нужными декораціями. Сюжетъ пьесы заимствованъ изъ русской исторіи и, сколько я могу судить по прочитанному мною неправильному французскому переводу, мысль и разговоры въ пьесѣ сдѣлали бы честь любому автору въ любой странѣ. Графиня Брюсъ [2]) съиграла главную роль съ такимъ умомъ и съ такою непринужденностью, какіе рѣдко встрѣчаются даже между настоящими актрисами. Двѣ другія роли были изумительно хорошо исполнены графомъ Орловымъ и сыномъ покойнаго маршала Шувалова. Внѣшность Орлова

---

[1]) Онъ нѣсколько разъ указывалъ на то, что всѣ его письма, какъ ему достовѣрно извѣстно, перлюстрируются. Изъ разговоровъ съ императрицею ему случалось убѣждаться, что она была знакома съ содержаніемъ его депешъ.

[2]) Объ этой графинѣ Брюсъ графъ Бёкингхэмширъ оставилъ въ своихъ запискахъ слѣдующій отзывъ: „Хотя графинѣ Брюсъ больше тридцати лѣтъ, однако, она является первымъ украшеніемъ петербургскаго общества. Она хорошо одѣвается, порядочно танцуетъ, бѣгло и изящно говоритъ по-французски, прочла съ дюжину драматическихъ произведеній и столько же брошюръ и питаетъ понятное пристрастіе къ націи, которой обязана всѣми своими пріобрѣтенными совершенствами. Она не сторонится отъ ухаживаній, но скромна въ выборѣ лицъ, къ которымъ благоволитъ; привязанности ея всегда подчинены разсудку, и она внимательно слѣдитъ за привязанностями своей повелительницы, причемъ останавливаетъ свое вниманіе на людяхъ, состоящихъ въ такой связи съ временщикомъ даннаго часа, которая неизбѣжно вводитъ ее въ кругъ сокрытѣйшихъ тайнъ и въ свѣтское общество. Такъ, когда Понятовскій былъ въ Россіи, она отличала Чарторыйскаго, а теперь отличаетъ Алексѣя Григорьевича Орлова“.

поразительна [1]). Послѣ трагедіи исполненъ былъ фрейлинами и нѣсколькими дѣвицами изъ высшаго дворянства балетъ. Я думаю, столькихъ изящныхъ женщинъ никогда еще не бывало на сценѣ, и долженъ прибавить, что столько ихъ найдется не во многихъ странахъ. Особенно отличились дочь канцлера графиня Строганова, графиня Нарышкина и молодая лэди, дочь бывшаго въ Англіи полковника Сиверса, да еще дочь оберъ-гофмаршала. Оркестръ состоялъ изъ дворянъ. Изящество и великолѣпіе всего этого вмѣстѣ были таковы, что отзывъ о нихъ, который могъ бы показаться умышленно преувеличеннымъ, будетъ только справедливъ. Если принять во вниманіе, какъ немного лѣтъ прошло со времени введенія въ этой странѣ благородныхъ искусствъ и какъ мало они съ тѣхъ поръ культивировались, то покажется необычайнымъ, что въ какихъ-нибудь нѣсколько недѣль могъ быть задуманъ и исполненъ такой спектакль. За два дня передъ тѣмъ, на той же сценѣ дана была «Zaïre» Вольтера; исполнители, особенно же молодая особа, игравшая заглавную роль, вполнѣ заслужили рукоплесканія».

Отмѣтимъ кстати общій отзывъ графа Бёкингэмшира о томъ слоѣ русскаго общества, въ которомъ ему довелось вращаться. Отзывъ этотъ— правда, довольно поверхностный—мы находимъ въ одномъ изъ его писемъ, отправленныхъ имъ къ лэди Сёфокъ по окончаніи описанныхъ выше масляничныхъ развлеченій. «Масляница кончилась—пишетъ онъ. Дѣвы, жены и вдовы въ трaурѣ. На смѣну оживленнымъ танцамъ, красивымъ туалетамъ, веселымъ пиршествамъ и галантнымъ офицерамъ явились грибы, соленые огурцы, молитвы и священники. На первой недѣлѣ поста правовѣрные русскіе воздерживаются отъ всего земного, къ чему тянетъ врожденная человѣку чувственность. Всѣхъ больше страдаютъ женщины: имъ нельзя носить никакихъ украшеній, нельзя надѣвать ничего такого, чтò хотя бы слабо напоминало красный цвѣтъ; всѣ розы ихъ должны увянуть. Для поддержанія жизни имъ оставлены только вѣра, надежда и размышленіе—вѣра въ вѣрность ихъ обожателей, надежда—на то, что прежнія очарованія вернутся, а разсужденіе—о минувшихъ удовольствіяхъ. Я не далъ общему потоку вполнѣ увлечь меня, но за компанію спустился къ его краю. Чтобы дать вамъ въ нѣсколькихъ ясныхъ словахъ правильное понятіе о томъ, чтò прошло, скажу вамъ: императрица, путемъ великолѣпія, затратъ и собственнымъ примѣромъ старалась научить своихъ подданныхъ развле-

---

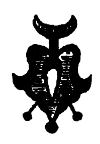
[1]) Хитрый дипломатъ недаромъ похвалилъ здѣсь Орлова: онъ самъ же писалъ въ одной изъ своихъ депешъ: „пристрастіе императрицы къ графу Орлову и отличіе, которое она ему оказываетъ, возрастаютъ съ каждымъ днемъ. Онъ не злоупотребляетъ пока этимъ, но робкое поклоненіе, всегда оказываемое русскими фаворитамъ, можетъ побудить его къ тому".

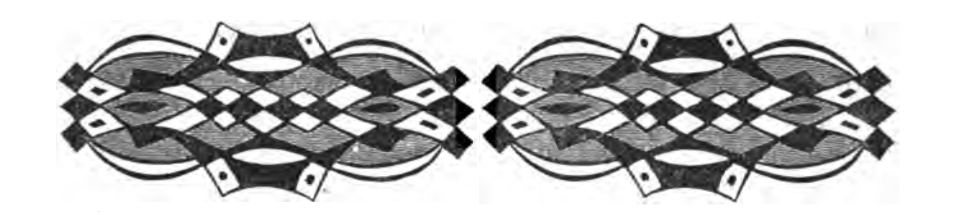
*

каться. Они вначалѣ немножко неуклюжи и на путь утонченныхъ удовольствій вступаютъ съ такою же осторожностію, съ какой лѣсные олени выходятъ на неизвѣданное еще пастбище; но потомъ они начнутъ пастись. Я употребляю всѣ зависящія отъ меня средства, чтобы жить съ русскими въ ладу; долго живущіе здѣсь иностранцы говорятъ, будто это невозможно. Однако, я достигъ такого успѣха, что нѣсколько дней тому назадъ я и мой братъ оказались единственными изъ иностранцевъ, приглашенныхъ на очень пріятный балъ и ужинъ. Впрочемъ, не стану особенно кичиться этимъ однимъ случаемъ; но къ чему бы онъ ни повелъ, я, въ силу моего положенія здѣсь, въ нѣкоторомъ родѣ обязанъ дѣлать попытки, а дѣлать ихъ, право, доставляетъ развлеченіе. Виды мои при этомъ вовсе не сложны: я стараюсь только убѣдить русскихъ, что понятія объ обществѣ у англичанъ, по меньшей мѣрѣ, такъ же хороши, какъ у французовъ; мнѣ хочется нѣсколько ознакомиться съ ихъ обычаями и мнѣніями, да и самому проводить время пріятно. Въ посту мнѣ придется мало видѣться съ ними, а на первой недѣлѣ и вовсе не видѣться, потому что они буквально обязаны запереться со своими священниками и ничего не ѣсть, кромѣ растительной пищи. Сперва удовольствія, а теперь покаяніе безусловно положили конецъ всякимъ дѣламъ, но я надѣюсь, что на будущей недѣлѣ переговоры наши возобновятся».

Если въ этомъ письмѣ англійскій дипломатъ не сгустилъ преднамѣренно красокъ, съ умысломъ позабавить свою тетушку, то набросанная имъ картинка говѣющей знати екатерининскаго времени можетъ быть принята къ свѣдѣнію, въ смыслѣ бѣглой характеристики одной изъ сторонъ придворнаго быта XVIII столѣтія.

А. П. Рѣдкинъ.

Письма Е. П. Ковалевскаго Ник. Ив. Любимову [1].

1.

26-го декабря 1853. Цетинье.

Князь (Черногорскій) очень заботится о томъ, что не получилъ своего пансіона въ теченіе года (послѣднюю треть, какъ помните, я отвезъ ему въ прошломъ февралѣ). Если я хорошо понимаю, то этотъ пансіонъ пожертвованъ ему или въ первый разъ, на войну съ туркою или къ этотъ разъ на покупку хлѣба. Я не высказалъ ему ничего положительнаго въ ожиданіи отвѣта на его просьбу, которую онъ послалъ еще до пріѣзда моего, тѣмъ болѣе, что въ бумагѣ посольства вѣнскаго [2]) положительно сказано, что деньги пожертвованы государемъ императоромъ. Во всякомъ случаѣ потрудитесь мнѣ разъяснить это обстоятельство. Я нашелъ здѣсь настоящую кутерьму, но теперь все улаживается, и министерство ни сколько не должно озабочиваться этимъ, потому что это никакъ не помѣшаетъ дѣлу.

---

[1]) Егоръ Петровичъ Ковалевскій извѣстный путешественникъ и писатель. Онъ родился 1811 году, окончилъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ и въ 1829 году поступилъ на службу въ горный департаментъ, въ 1830 году онъ переименованъ былъ въ горные инженеры и служилъ на алтайскихъ и уральскихъ заводахъ. Въ 1837 году, по просьбѣ владыки Петра, Ковалевскій была отправленъ въ Черногорію для отысканія и разработки золотоносныхъ пластовъ. Въ началѣ 1853 года, при нападеніи Омера-паши на черногорцевъ, Ковалевскій былъ отправленъ въ Черногорію коммиссаромъ и посредникомъ. Къ этому времени и относятся помѣщаемыя нами письма.

Николай Ивановичъ Любимовъ былъ въ то время членомъ совѣта министерства иностранныхъ дѣлъ и директоромъ азіатскаго департамента того же министерства. Ред.

[2]) Въ то время посланникомъ въ Вѣнѣ былъ Петръ Казиміровичъ баронъ Мейендорфъ.

Изъ донесенія моего увидите, что я отправляюсь, вамъ извѣстно куда, а потому вы не ожидайте отъ меня извѣстій ранѣе двухъ недѣль, если благополучно совершу поѣздку. Донесенія отправлю со Ступинымъ и тогда напишу о многомъ другомъ. Въ горахъ наступили мятели, и это будетъ благопріятствовать поѣздкѣ. Въ Цетинье приходилъ русскій полковникъ Милашевичъ и, вообразите, съ женою, которые шли по полямъ въ снѣгу нѣсколько часовъ: охота пуще неволи.

Прощайте, будьте счастливы и сохраните добрую память объ искренно вамъ преданномъ покорномъ слугѣ Е. Ковалевскомъ.

2.

12-го (24-го) января 1854. Каттаро.

Отправивъ Ступина курьеромъ, какъ это было условлено еще въ Петербургѣ, я остаюсь одинъ и почти больной; надѣюсь, что вы будете такъ добры и замѣните его, если баронъ Мейендорфъ не подумаетъ объ этомъ. Въ Тріестѣ я нашелъ пятерыхъ, говорятъ, столько же въ Аѳинахъ и въ Одессѣ чиновниковъ консульства, ничего не дѣлающихъ. Курьерскую дачу я выдалъ Ступину до Вѣны. Деньги князю-правителю я выдалъ всѣ, чтобы не возбудить его подозрѣній, но я наблюдаю за расходомъ ихъ. Нельзя не сознаться, что князь плохъ, но гдѣ же взять лучшаго! Само собой, что мы съ нимъ ладимъ, но не думаю, чтобы онъ, подозрительный по преимуществу, смотрѣлъ безъ зависти на мое вліяніе, хотя я всячески стараюсь скрыть его; надѣюсь однако, что при настоящихъ обстоятельствахъ онъ будетъ полезенъ. Газеты и письма нынче очень воинственны: вотъ почему я дѣйствовалъ нѣсколько рѣшительнѣе: вы бы много обязали меня, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, если бы увѣдомили хоть словомъ, какъ приняты мои предположенія. Вы сами знаете, что мы должны дѣйствовать здѣсь, какъ въ потемкахъ, ощупью. Къ Льву Григорьевичу [1]) я рѣшился писать нѣсколько откровеннѣй, чѣмъ въ донесеніи, увѣренъ, что онъ сдѣлаетъ такое употребленіе изъ письма, какое сочтетъ нужнымъ.

Въ Черногоріи, особенно въ нахіи Бѣлонкевичъ большой голодъ; проклятые турки заперли ихъ съ трехъ сторонъ и не пропускаютъ хлѣба со своихъ границъ, и въ Каттаро также ничего нѣтъ, да и далеко отъ сѣверныхъ границъ Черногоріи.

Поправившись, я поѣду въ пограничныя православныя племена Албаніи. Ради Христа не держите меня безъ дѣла; если я еще держусь на свѣтѣ, то постоянною нравственною дѣятельностью.

---

[1]) Сенявину, товарищу министра иностранныхъ дѣлъ.

Прощайте, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ. Будьте счастливы; будьте добры пишите! Не забывайте искренно и всегда вамъ преданнаго Е. Ковалевскаго.

3.

25-го января (6-го февраля) 1854. Каттаро.

Искренно васъ благодарю, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, за письмо ваше отъ 8-го генваря. Оно душевно меня обрадовало и оживило, и здѣсь духъ не хуже. Только бы средства, да воля. Ожиданіе всѣхъ истомило. Съ нетерпѣніемъ жду извѣстій впослѣдствіе своихъ предположеній, посланныхъ со Ступинымъ, которымъ я конечно доволенъ. Князь, пользуясь моимъ здѣсь пребываніемъ, отлучился къ невѣстѣ въ Тріестъ и еще не бывалъ. Я недавно пріѣхалъ изъ разъѣздовъ и потому на прошлой недѣлѣ ничего не писалъ. Стратиміровичъ ѣдетъ въ Корфу и посылаетъ другаго въ Салоники. Увидимъ, что изъ всего этого будетъ.

Съ этой же почтой я имѣлъ честь получить депешу отъ Льва Григорьевича [1]), прочелъ и принялъ къ свѣдѣнію и надлежащему, когда нужно будетъ, исполненію. Промежутокъ между приходомъ и уходомъ парохода едва нѣсколько часовъ и то ночи, а потому я не могъ бы отвѣчать о полученіи этой депеши, еслибы и хотѣлъ. Дѣло Васовичей имѣло очень хорошее вліяніе на сосѣдей.

Еще разъ благодарю душевно за память, прошу не забывать и на предь преданнаго вамъ искренно и душевно Е. Ковалевскаго.

Всякій разъ по возвращеніи на мѣсто я хвораю: слѣдствіе ли это утомленія или сидячей жизни. Эй, скорѣе къ дѣлу, а то пропаду.

4.

Черезъ три дня. Каттаро.

Я было совсѣмъ изготовился въ дальнѣйшій путь, какъ получилъ предписаніе нашего посланника ѣхать въ Вѣну, по случаю изъявленнаго неудовольствія австрійскаго правительства за васовичевское дѣло, а потому вмѣсто даннаго пути, отправился въ Каттару, къ приходу парохода, гдѣ нашелъ инструкціи министерства и жду новое предписаніе посланника. Не имѣя времени написать донесеніе канцлеру, я выразилъ въ письмѣ къ Льву Григорьевичу всѣ затрудненія, въ которыя меня

[1]) Сенявина, товарища министра иностранныхъ дѣлъ.

поставили эти противорѣчія. Такое мое положеніе ни на что не похоже; къ этому надо прибавить, что австрійцы всячески меня выживають изъ Черногоріи. Все это конечно ничего, если бы можно было дѣйствовать, а иначе я не знаю, что и будетъ? Ради Бога подумайте объ этомъ.

Жаль, что между приходомъ и отходомъ парохода только ночь, и я рѣшительно не имѣю времени написать вамъ больше: какъ обрадовали меня инструкціи министерства, такъ опечалило письмо барона Мейендорфа. Искренно вамъ преданный и покорный слуга Е. Ковалевскій.

5.

24-го февраля (8-го марта) 1854 г. Цетинье.

Вамъ конечно давно уже извѣстно донесеніе мое о Васовичевскомъ дѣлѣ; я не сопровождаю его никакимъ письмомъ и вполнѣ вѣрую въ министерство. Оно знаетъ мой образъ мыслей и дѣйствій, знаетъ, что я никогда не нарушу долга чести и справедливости, и потому покойный отправляюсь я внутрь Черногоріи, проскучавъ довольно долго въ нетерпимомъ мною Каттарѣ, въ угоду австрійцамъ. Простите, что я нѣсколько времени не отвѣчалъ на ваше письмо, но я ожидалъ все курьера въ отвѣтъ на свои предположенія и на нѣкоторые вопросы изъ Вѣны, съ которыми хотѣлъ многое, многое написать.

Здѣсь мы имѣемъ свѣдѣнія вѣрнѣе, чѣмъ вы, о возстаніи въ Эпирѣ, особенно тѣ изъ насъ, которыхъ это занимаетъ. Весьма замѣчательный фактъ, впрочемъ естественный, какъ тамъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ: двѣ тысячи турокъ присоединилось къ инсургентамъ; число послѣднихъ теперь около 11 т., жаль, что нѣтъ единства въ дѣлѣ, но оно, должно полагать, скоро послѣдуетъ, потому что нѣкоторые люди уже замѣтно выставляются изъ массы своими дарованіями и храбростію.

Скажите пожалуйста, неужели же вы забудете меня въ своихъ представленіяхъ къ Святой? Неужели.... но это было бы уже слишкомъ, и я не хочу возмущать себя этой мыслію, чтобы совсѣмъ не потерять куража, и то мнѣ иногда очень плохо приходится....

Прощайте, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ! Искренно благодарю васъ за память и остаюсь преданнымъ и покорнымъ слугой Е. Ковалевскій.

P. S. Писано до пріѣзда курьера.

6.

24-го апрѣля (6-го мая) 1854 г. Цетинье.

Нѣсколько недѣль не доносилъ я министерству, не потому что нечего было, а потому, что не зналъ, какъ доносить. Положеніе мое сдѣ-

лалось невыносимо: едва подымутся черногорцы, меня вызывають, какъ увидите вы изъ донесенія, и я подвергаюсь Богъ знаетъ какой отвѣтственности, оставаясь здѣсь, точно какъ будто я для своего удовольствія здѣсь живу,—хорошо удовольствіе! По своему обыкновенію я отдалъ бы имъ себя безусловно и всего дѣлу; но какая возможность дѣйствовать! Вы дайте инструкціи начинать. Изъ Вѣны я получилъ, чтобы не двигался съ мѣста подъ отвѣтственностію. Конечно, и вы и въ Вѣнѣ совершенно правы, но за что же я отвѣчаю? Спрашиваю я тысячу разъ,—отвѣта нѣтъ. Черногорцы было пошли [1]).... но вамъ конечно все извѣстно. Отправьте меня въ армію, потому что сидѣть въ такую минуту я не могу; наконецъ, вамъ извѣстенъ образъ моихъ мыслей, и потому при нынѣшнемъ требованіи оставаться я не могу. Будьте добры, почтенный Николай Ивановичъ, доложите Льву Григорьевичу: нельзя же бросать человѣка между двухъ огней. А тутъ еще обѣщаютъ австрійцы окружить насъ, ничего не пропускать и выморить голодною смертью. Какъ видите, придумано очень хитро, а главное человѣколюбиво.

Будьте счастливы и хоть что-нибудь напишите. Искренно и всегда преданный вамъ Е. Ковалевскій.

7.

9-го (21-го) іюля 1854 г. Вѣна.

Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ прошло, какъ отъ васъ нѣтъ ни строчки: видно, вы сердиты на меня, неужели мало бѣдъ на меня обрушилось? Неужели, вы думаете, легко мнѣ было оставить дѣло, къ которому такъ давно, такъ постоянно стремился и у цѣли котораго находился? Неужели вы думаете, не болѣло мое сердце покинуть Черногорію на жертву австрійскихъ интригъ? Вѣдь я зналъ хорошо и Черногорію и Даніила, это вѣдь не Сербія, куда русскимъ и носа нельзя ткнуть безъ предварительныхъ сообщеній.

Князь Г. (Горчаковъ?) задержалъ меня нѣсколько дней здѣсь, какъ кажется, вмѣсто пугала, которымъ грозится Австріи, но выпустить меня онъ не рѣшится, и я дня черезъ три ѣду на Дунай, гдѣ первое мое дѣло будетъ проситься въ какой-нибудь полкъ волонтеромъ.

Здѣсь дѣло мѣняется каждый день. Князь живетъ въ томъ отелѣ, гдѣ и я, и по старой памяти онъ хорошъ со мной, а потому я часто вижусь съ нимъ. Онъ близко принимаетъ вещи къ сердцу и потому настоящій мученикъ. По моему мнѣнію, онъ можетъ протянуть это агоническое положеніе, но удержать Австрію отъ разрыва едва-ли возможно,

---

[1]) Точки въ подлинникѣ.

и въ одинъ прекрасный день, когда въ Вѣнѣ будетъ все покойно, Гесъ пошлетъ сказать Горчакову (Дунайскому), чтобы онъ въ 24 часа очистилъ Молдавію, неисполненіе чего сочтетъ объявленіемъ войны. Австрійское правительство на все способно и можетъ быть уже бы это и сдѣлало, еслибы твердо положилось на свое разноплеменное войско.

Прощайте, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ! Пишите ко мнѣ ради Аллаха,—иначе будетъ значить, что вы точно сердитесь, на имя Хилчинскаго полагаю всего лучше. Будьте счастливы и сохраните добрую память на преданнаго вамъ искренно и покорнаго слугу Е. Ковалевскаго.

Будьте добры переслать это письмо хоть въ домъ къ брату, котораго впрочемъ нѣтъ въ Петербургѣ.

8.

6-го сентября 1854 г. Кишеневъ.

Искренно и премного благодарю васъ, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, за письмо ваше, которое я получилъ на пути изъ Фокшанъ въ Яссы. Вчера пришли мы въ Кишеневъ. Князь Горчаковъ (Мих. Дмитр.) заѣхалъ смотрѣть Хотинскія укрѣпленія и будетъ сюда послѣ завтра. И такъ мы въ предѣлахъ Россіи, вся надежда на промыслъ Божій, на мудрость государя, но грустно!..... [1]). Вчера пріѣхалъ курьеръ и сообщилъ, что 106 вымпеловъ показались у Евпаторіи и что слышна канонада. Да поможетъ намъ Господь! Если будутъ отсюда посылать подкрѣпленіе, то отпрошусь и я. Бездѣйствіе губитъ меня; я ослабъ и душою и тѣломъ; головою бросился бы куда ни попало. Если намъ суждено ничего не дѣлать всю зиму, то окажите мнѣ милость: упросите Льва Григорьевича взять меня отсюда. Спѣшу однако прибавить, для избѣжанія всякаго недоумѣнія, что я не могу нахвалиться вниманіемъ ко мнѣ нашего благороднаго начальника князя Горчакова и людей, окружающихъ его, но жить безъ всякаго дѣла, право, грустно; въ Петербургѣ все еще найдется дѣло.

Вамъ вѣроятно извѣстно, что я имѣю агентовъ въ Босніи, Герцоговинѣ, Албаніи и Софійской Палестинѣ, которые путями отдѣльными писали ко мнѣ и въ Вѣну. Письма ихъ конечно я отдавалъ нашему посланнику, передъ отъѣздомъ моимъ изъ Вѣны. По совѣту князя я далъ знать, чтобы не писали ко мнѣ; но изъ Скутари и Софіи все еще пишутъ, и князь А. М. (Горчаковъ), по прочтеніи, доставляетъ мнѣ письма; послѣднія очень любопытны, относительно бѣдствій въ краѣ;

[1]) Точки въ подлинникѣ.

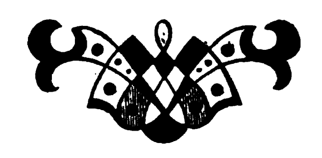
полагаю, что онъ сообщитъ вамъ. По мѣрѣ отступленія нашего, холера овладѣваетъ мѣстами, нами оставляемыми; но въ нашей арміи состояніе здоровья самое удовлетворительное, слава Богу и заботливости начальства.

Душевно поздравляю васъ съ новорожденнымъ: давай Богъ вамъ всякаго благополучія и почтеннѣйшей супругѣ вашей здоровья. Искренно отъ души вамъ преданный и многоуважающій васъ Е. Ковалевскій.

Князь Горчаковъ (М. Д.), узнавъ о высадкѣ, пріѣхалъ сюда; отправляется одна дивизія и то въ Одессу, а одесскія войска, вѣроятно, пойдутъ къ Севастополю.

Если нуженъ предлогъ для моего вытребованія отсюда, то нельзя ли сказать для изготовленія китайской миссіи или чего другаго; впрочемъ, вы сами знаете, какъ это сдѣлать, была бы милость.

Сообщ. **Марія Богд. Аничкова.**

Жалоба Г. Р. Державина на крестьянъ.

Письмо его къ оренбургскому военному губернатору, князю Г. С. Волконскому.

2-го января 1805 года.

Милостивый государь мой, князь Григорій Семеновичъ!

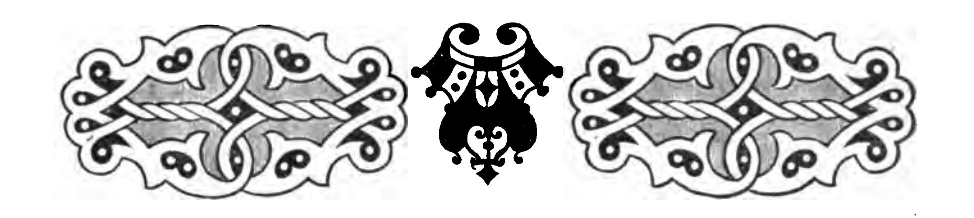
Находящійся при Оренбургскихъ деревняхъ моихъ управитель Мальцовъ извѣстилъ меня, что нѣкоторые крестьяне, не хотя производить положенныхъ въ недѣлѣ трехдневныхъ господскихъ работъ, учиня утечку, явились съ просьбою на него въ Бузулуцкій нижній земскій судъ, который, не истребовавъ на сіе надлежащаго свѣдѣнія отъ того моего управителя и безъ всякаго слѣдствія, далъ письменный приказъ въ томъ, чтобъ онъ тѣмъ крестьянамъ за побѣгъ никакого наказанія и притѣсненія не чинилъ подъ опасеніемъ взысканія по законамъ, каковымъ средствомъ сей судъ и болѣе удалилъ оныхъ крестьянъ отъ должнаго повиновенія. А какъ власть нижняго земскаго суда до того не простирается, чтобъ ему самому безъ вышняго начальства уничтожать право владѣльцевъ, ибо обуздывать жестокость предоставлено главному въ губерніи, каковымъ нижняго земскаго суда поступкомъ легко и другіе крестьяне могутъ придти въ непослушаніе.

О таковомъ случаѣ вашего сіятельства, милостиваго государя моего, покорнѣйше прошу означенному нижнему земскому суду воспретить, дабы оный впредь отъ подобныхъ и несоотвѣтственныхъ должности его предписаній удержался, о чемъ я на сей же почтѣ писалъ къ его превосходительству гражданскому губернатору Алексѣю Александровичу (Врасскому) и при томъ письмѣ приложилъ въ оригиналѣ данный изъ земскаго суда управителю моему приказъ.

Изъ поданнаго въ нижній земскій судъ крестьяниномъ Михаиломъ Григорьевымъ прошенія видно, что со вступленія Мальцова въ управленіе имѣніемъ Державина, т. е. съ марта 1804 года, причинялъ онъ крестьянамъ «несносныя» притѣсненія и угнетенія, какъ-то: не допустилъ снять засѣянный крестьянами для себя хлѣбъ; крестьянъ Евсѣя и Өедора Алексѣевыхъ и Якова Васильева за незначительныя упущенія (не вставку рамъ и навѣску дверей въ господскомъ домѣ) билъ жестоко палками, а семейства ихъ держалъ въ ножныхъ кандалахъ; больнаго 60-лѣтняго старика Никиту Өедорова заставилъ сушить въ ригѣ хлѣбъ, гдѣ старикъ и умеръ; крестьянина Леонтьева съ сыномъ за нечаянный выстрѣлъ на пчельникѣ изъ ружья холостымъ зарядомъ держалъ два мѣсяца въ заклепанныхъ кандалахъ и наказывалъ палками.

Вслѣдствіе такого рода жестокостей многіе крестьяне разбѣжались.

Россія и Англія въ Афганистанѣ.

(Изъ записокъ фельдмаршала лорда Робертса) [1].

I.

Поступательное движеніе Россіи и Англіи въ Азіи.—Отношеніе Англіи къ Афганистану.—Сношеніе эмира съ генераломъ Романовскимъ.—Посольство генерала Столѣтова.—Безпокойство Англіи по поводу движенія Россіи въ глубь Азіи.—Мѣры, противъ этого предпринятыя.—Англо-афганская война 1878 г.—Гандамскій мирный договоръ.

Менѣе чѣмъ 200 лѣтъ назадъ Россія была отдѣлена въ Азіи отъ нашихъ владѣній болѣе чѣмъ на 4.000 англійскихъ миль. Самые передовые русскіе посты находились въ Оренбургѣ и Петропавловскѣ, между тѣмъ какъ Англія утвердилась, впрочемъ далеко непрочно, на южномъ берегу Индіи. Изъ европейцевъ единственными нашими соперниками въ Индіи были французы; въ то время су-

---

[1]) Forty one years in India from Subaltern to commanderin chief, by Field-Marchal Lord Roberts of Kandahar. London 1898—1902. (Сорокъ одинъ годъ въ Индіи отъ подпоручика до главнокомандующаго).

Афганистану, въ силу занимаемаго имъ географическаго положенія, суждено было пріобрѣсти совершенно исключительное значеніе въ глазахъ двухъ великихъ державъ, владѣнія которыхъ раздѣляются имъ въ Азіи. По мѣрѣ того какъ Великобританія расширяла свои владѣнія къ сѣверу отъ Индіи, а Россія, въ своемъ поступательномъ движеніи въ Средней Азіи, пріобрѣтала все большее и большее вліяніе на среднеазіатскія государства,—вопросъ объ ихъ отношеніяхъ къ Афганистану пріобрѣталъ для обѣихъ державъ чрезвычайную важность, и ходъ событій побудилъ ихъ одновременно добиваться дружбы афганскаго эмира.

ществовало также маловѣроятія, что Россія двинется къ Оксусу (Аму-Дарьѣ), какъ и то, что Англія пойдетъ къ Инду.

«Тридцать лѣтъ спустя Россія начала поглощать дикія орды, кочевавшія въ Киргизскихъ степяхъ; это заняло ее цѣлыхъ сто лѣтъ, въ теченіе которыхъ Англія со своей стороны не оставалась праздною. Нами была завоевана, или, лучше сказать, намъ была уступлена Бенгалія; Мадрасъ сдѣлался индо-британскимъ президентствомъ, Бомбей пріобрѣлъ весьма важное значеніе какъ столица президентства, и въ результатѣ въ началѣ XIX столѣтія разстояніе между Россіей и англійскими владѣніями сократилось не менѣе какъ на 2.000 миль.

«Мы подвигались впередъ быстрѣе. Въ то время какъ Россія должна

Опасность столкновенія съ Россіей заставила англичанъ обратить самое настойчивое вниманіе на это азіатское государство, тѣмъ болѣе, что, при дружескихъ отношеніяхъ къ афганскому эмиру, индійскому правительству было бы легче справиться съ мелкими пограничными независимыми племенами, въ родѣ афридіевъ и вазирисовъ, которые то и дѣло причиняли ему рядъ безпокойствъ.

Горячимъ и настойчивымъ сторонникомъ идеи сближенія съ Афганистаномъ былъ отецъ извѣстнаго фельдмаршала Робертса, который много лѣтъ служилъ въ рядахъ индійской арміи и командовалъ въ первую Афганскую войну бригадой. Онъ находился въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ афганскимъ эмиромъ Достъ-Магомедомъ и другими вліятельными сановниками Кабула, съ которыми много лѣтъ спустя онъ поддерживалъ дѣятельную переписку. Имѣя самыя точныя свѣдѣнія объ этой своеобразной странѣ и объ ея еще болѣе своеобразныхъ жителяхъ, онъ представилъ въ свое время вице-королямъ Индіи рядъ мемуаровъ, въ которыхъ доказывалъ необходимость сблизиться съ эмиромъ, тогда какъ индійское правительство держалось совершенно противуположнаго взгляда, опасаясь, чтобы это сближеніе не обошлось Англіи слишкомъ дорого.

Различныя перипетіи отношеній, возникшихъ на этой почвѣ между Афганистаномъ и индійскимъ правительствомъ, и попытки, которыя дѣлались со стороны Россіи для сближенія съ афганскими эмирами, подробно описаны въ запискахъ фельдмаршала лорда Робертса, который, будучи выпущенъ въ офицеры въ 1852 г. подпоручикомъ въ бенгальскую конную артиллерію, а затѣмъ какъ выдающійся офицеръ переведенъ вскорѣ въ генеральный штабъ, прослужилъ въ Индіи 41 годъ и съ первыхъ же шаговъ своей служебной карьеры познакомился съ сѣверной границей Индіи и съ афганскими дѣлами, коимъ онъ отводитъ видное мѣсто въ своихъ обширныхъ запискахъ, имѣвшихъ въ Англіи такой выдающійся успѣхъ, что, не смотря на спеціальный характеръ ихъ содержанія, онѣ выдержали въ первый же годъ своего появленія 32 изданія. Этотъ успѣхъ, помимо личности автора, объясняется живостью изложенія и необыкновенной искренностью, которой проникнуты записки; онѣ даютъ весьма живую картину современнаго состоянія Британской Индіи и ея арміи и выясняютъ какъ задачи англичанъ въ Афганистанѣ, такъ и то громадное значеніе, которое придется на долю этого азіатскаго государства въ случаѣ столкновенія Англіи съ Россіей въ Азіи, гдѣ разстояніе между ними сокращается весьма быстро.

была пройти безплодную степь. Подъ наше владычество подпали сѣверозападныя провинціи Индіи, Карнатика, Пешаваръ, Синдъ и Пенджабъ, и въ 1850 г. наши владѣнія простирались уже до подошвы горъ по ту сторону Инда.

«Тѣмъ временемъ Россія, преодолѣвъ всѣ трудности, какія представились ей въ пустынѣ, утвердилась въ Аральскѣ, близъ слiянія Сыръ-Дарьи съ водами Аральскаго озера, такъ что въ теченіе пятидесяти лѣтъ разстояніе между передовыми постами обѣихъ державъ въ ихъ поступательномъ движеніи въ Азіи сократилось на 1.000 миль.

«Персія, послѣ нѣсколькихъ побѣдоносныхъ войнъ со стороны Россіи, была предоставлена нами на произволъ судьбы, въ убѣжденіи, что мы не могли долѣе ограждать ее отъ русскихъ; она находилась фактически въ полной зависимости отъ Россіи, которая убѣдила ее въ 1837 г. въ необходимости осадить Гератъ. Въ то же время русскій посланникъ въ Тегеранѣ отправилъ въ Кабулъ капитана Витквича съ письмами отъ него и отъ царя къ эмиру, надѣясь, что ему удастся склонить Достъ-Магомедъ-хана присоединиться къ союзу Россіи и Персія противъ Англіи.

«Но Виткевича, пріѣхавшаго въ Кабулъ въ исходѣ 1837 г., предупредилъ великобританскій коммиссаръ, капитанъ Александръ Бурнесъ, посланный три мѣсяца передъ тѣмъ къ эмиру (генералъ-губернаторомъ Индіи) лордомъ Аукленд омъ, яко бы съ порученіемъ улучшить торговыя сношенія Англіи съ афганцами, но въ дѣйствительности съ цѣлью не допустить ихъ присоединиться къ союзу, заключенному Россіей и Персіей».

Бурнесъ былъ весьма радушно принятъ Достъ-Магомедомъ, который надѣялся вернуть съ помощью индійскаго, правительства Пешаварскій округъ, отнятый у него сейхами. Соотвѣтственно этому, пріемъ, оказанный Виткевичу, обѣщалъ весьма мало хорошаго, и онъ не могъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль добиться свиданія съ эмиромъ.

Надежды Достъ-Магомеда однако не оправдались. Мы отказали ему въ своемъ содѣйствіи къ возвращенію Пешавара и не обѣщали поддерживать его въ томъ случаѣ, если бы отказъ присоединиться къ русско-персидскому соглашенію навлекъ на него непріязнь этихъ державъ.

Виткевичъ, долго и терпѣливо выжидавшій пріема, сдѣлался тогда предметомъ благосклоннаго вниманія со стороны эмира.

Бурнесъ оставался въ Кабулѣ до весны 1838 г. и, возвратившись въ Индію, донесъ, что Достъ-Магомедъ душою и тѣломъ примкнулъ къ русско-персидскому союзу.

Поступательное движеніе Россіи въ Средней Азіи нѣсколько пріостановилось во время Крымской войны, которая, помѣшавъ планамъ Россіи въ Европѣ, заставила ее, повидимому, обратить все свое вниманіе на востокъ. Пройдя огромную пустыню, Россія очутилась среди

плодоносной и заселенной страны, отдѣльныя области которой подпали подъ ея владычество такъ же быстро, какъ государства Индіи подъ нашу власть; въ 1864 г., наконецъ, былъ взятъ Чимкентъ, далѣе котораго, по увѣренію князя Горчакова, Россія не намѣрена была идти.

Однако, не смотря на это увѣреніе, въ іюнѣ слѣдующаго года былъ взятъ Ташкентъ. Въ 1866 г. русскіе взяли приступомъ Ходжентъ, въ октябрѣ того же года палъ Джизакъ, а весною 1867 г. былъ захваченъ и занятъ русскими войсками фортъ Яни-Курганъ.

Незавоеванною осталась только одна Бухара, когда же всѣ попытки эмира заручиться помощью Афганистана и снискать сочувствіе индійскаго правительства оказались тщетны, то онъ былъ вынужденъ домогаться мира.

Какъ важны ни были всѣ эти пріобрѣтенія Россіи, Англія обращала на нихъ мало вниманія, отчасти потому, что относительно Средней Азіи она рѣшила слѣдовать политикѣ невмѣшательства, отчасти потому, что въ Англіи всѣ были поглощены дѣлами европейской политики. Такъ продолжалось до 1868 г., когда совершилось занятіе Россіей Самарканда, которое не только чрезвычайно взволновало, но прямо поразило правящія сферы Англіи».

Хотя индійское правительство и поставило себѣ за правило слѣдовать политикѣ «невмѣшательства», но, въ виду поразительно быстрыхъ успѣховъ русскаго оружія въ Средней Азіи, въ Англіи уже въ пятидесятыхъ годахъ замѣтно усилилось стремленіе къ сближенію съ Афганистаномъ; но нѣкоторое время никакихъ опредѣленныхъ шаговъ въ этомъ направленіи не было сдѣлано, такъ какъ въ Индіи преобладало мнѣніе, что сдѣлать первый шагъ было бы несовмѣстно съ достоинствомъ Великобританіи. Высказывалось опасеніе, что высокомѣрный повелитель магометанъ сочтетъ всякое предложеніе со стороны Англіи за признакъ, что въ немъ нуждаются, и постарается воспользоваться этимъ въ своихъ видахъ. Однако первое мнѣніе въ концѣ концовъ восторжествовало; и уже въ мартѣ 1855 г. индійское правительство заключило съ афганскимъ эмиромъ нѣкотораго рода оборонительно-наступательный союзъ, который принесъ вскорѣ англичанамъ самые неожиданные и неисчислимые по своему значенію плоды, когда нѣсколько мѣсяцевъ спустя вспыхнуло извѣстное возстаніе сипаевъ, поставившее на карту вопросъ о владычествѣ англичанъ въ Индіи.

Афганскій эмиръ Достъ-Магомедъ оказался надежнымъ союзникомъ: онъ честно выполнилъ принятыя имъ на себя обязательства. Если бы онъ не былъ во время этого возстанія за англичанъ, то, по словамъ Робертса, они навѣрно потеряли бы Пенджабъ, никогда не могли бы взять обратно Дели и не могли бы удержать за собою ни пяди земли къ сѣверу отъ Бенгаліи.

Достъ-Магомедъ скончался въ 1863 г. Осенью того же года на сѣверной границѣ Индіи начались волненія; среди пограничныхъ племенъ появились эмиссары изъ Кабула, которые волновали народъ; индійское правительство опасалось, что оно будетъ вовлечено въ войну, которая неизбѣжно повлекла бы за собою для англичанъ самыя серьезныя осложненія не только на границѣ, но и въ Афганистанѣ, гдѣ происходила въ это время ожесточенная междоусобная война между Ширъ-Али—сыномъ Достъ-Магомеда, которому онъ оставилъ престолъ, и его старшими братьями Афзалемъ и Азимомъ, и ихъ сыновьями.

Въ 1866 г. Ширъ-Али былъ разбитъ близъ Газни своимъ племянникомъ Абдуррахманомъ, который освободилъ своего отца Афзаля изъ тюрьмы, въ которую тотъ былъ заключенъ, и провозгласилъ его властителемъ Афганистана.

Новый эмиръ тотчасъ сталъ искать сближенія и покровительства индійскаго правительства, которое, признавъ его законнымъ правителемъ Афганистана, тѣмъ не менѣе отвѣчало на всѣ его заискиванія, что «правительство намѣрено держаться строгаго нейтралитета между враждующими сторонами и не будетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Афганистана».

Неудовлетворенные этимъ отвѣтомъ, Афзаль и Азимъ послали копію съ него ташкентскому губернатору Романовскому, которому новый эмиръ писалъ между прочимъ, что «онъ не довѣряетъ дружбѣ англичанъ и чувствуетъ отвращеніе къ великобританскому правительству за его неблагодарность и за дурные поступки по отношенію къ его брату Азиму; русскихъ же считаетъ своими истинными и единственными друзьями, надѣется въ непродолжительномъ времени отправить своего посла въ русскій лагерь и готовъ сдѣлать все возможное, чтобы оказать покровительство и поощреніе руской торговлѣ».

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1867 г. Афзаль-ханъ скончался, и въ Афганистанѣ тотчасъ возгорѣлась снова междоусобная война, длившаяся болѣе года; и только 8-го сентября 1868 г. Ширъ-Али вступилъ послѣ 14-ти мѣсячнаго отсутствія въ Кабулъ—побѣдителемъ.

Вице-король, поздравляя его съ этимъ радостнымъ для него событіемъ, извѣщалъ, что Англія рѣшила оставить политику невмѣшательства и что онъ со своей стороны готовъ не только поддержать узы дружбы, существовавшія между Достъ-Магомедомъ и великобританскимъ правительствомъ, но и упрочить ихъ по мѣрѣ возможности; а какъ существенное доказательство своего доброжелательства онъ препроводилъ Ширъ-Али 60 тыс. ф. ст., которые дали ему возможность окончательно утвердиться на престолѣ.

Перемѣна въ англійской политикѣ была вызвана запиской, поданной великобританскому правительству сэромъ Раулинсономъ (Rawlinson) 29-го

іюля 1868 г., въ которой онъ указывалъ на то, что Россія, не смотря на всѣ ея увѣренія, подвигалась быстрыми шагами къ Афганистану, и что сношенія между этими государствами значительно облегчатся съ осуществленіемъ возникшаго въ то время (въ Россіи) проекта связать Туркестанъ прямымъ путемъ съ Кавказомъ и Петербургомъ черезъ Каспійское море.

«Съ оккупаціей Бухары Россія получитъ, говоритъ Раулинсонъ, предлогъ вмѣшиваться въ политику Афганистана. И если она займетъ когда-нибудь такое положеніе, которое въ силу значительныхъ военныхъ силъ, сосредоточенныхъ на Аму-Дарьѣ, или въ силу ея преобладающаго политическаго вліянія въ Афганистанѣ, дастъ ей въ глазахъ туземцевъ право соперничать съ нами и оспаривать наше первенствующее положеніе въ Азіи,—то это произведетъ на нихъ ошеломляющее впечатлѣніе».

Таковы были опасенія, вызванныя въ представителѣ англійскаго правительства быстрыми успѣхами русскаго оружія въ Средней Азіи.

«Имѣя подобную перспективу въ будущемъ, имѣемъ ли мы право», спрашивалъ сэръ Раулинсонъ, «держаться по-прежнему политики невмѣшательства? Имѣемъ ли мы право допустить, чтобы Россія безпрепятственно проложила себѣ путь въ Кабулъ и утвердилась въ немъ въ качествѣ дружественной державы, готовая поддержать афганцевъ противъ Англіи?»

Изъ этихъ вопросовъ Раулинсонъ выводилъ заключеніе, что дозволить анархіи царствовать въ Афганистанѣ было бы несогласно съ интересами Англіи, что индійскому правительству слѣдовало «позаботиться о томъ, чтобы имѣть на сѣверо-западной границѣ сильную и дружественную державу», и такъ какъ «удачное правленіе Достъ-Магамеда было въ значительной степени обязано поддержкѣ, оказанной ему англичанами, то если бы они помогли сыну въ такой же степени, какъ отцу, Ширъ-Али могъ бы окончательно одержать побѣду надъ своими мятежными братьями и племянниками и упрочиться на престолѣ».

Хотя индійское правительство не вполнѣ раздѣляло взгляды, высказанные въ этой запискѣ, тѣмъ не менѣе оно сочло долгомъ поддержать Ширъ-Али деньгами, и вице-король пригласилъ его на свиданіе на британской территоріи для рѣшенія вопроса, въ какомъ видѣ ему могла быть оказана дальнѣйшая поддержка.

Свиданіе состоялось въ Умбаллѣ и было обставлено весьма торжественно. Ширъ-Али былъ принятъ вице-королемъ, не какъ вассалъ, а какъ вполнѣ независимый монархъ, получилъ отъ него еще 60.000 ф. ст., много оружія и боевыхъ снарядовъ. Саидъ Нуръ-Магомедъ, министръ, сопровождавшій эмира, вообще довольно враждебный европейцамъ, допускалъ, что «можетъ настать день, когда въ Афганистанѣ

появятся русскіе, и тогда эмиръ будетъ радъ, если въ Кабулѣ будутъ не только великобританскіе агенты, но если у него будутъ оружіе и войско для того, чтобы заставить русскихъ удалиться».

Ширъ-Али былъ доволенъ оказаннымъ ему пріемомъ, хотя ему не удалось добиться отъ индійскаго правительства всего, что̀ онъ желалъ. Впрочемъ, Англія приняла по его просьбѣ участіе въ улаженіи пограничнаго спора, возникшаго въ это время между Персіей и Афганистаномъ, для рѣшенія котораго была послана въ Сеистанъ коммиссія; но ея рѣшеніе не удовлетворило ни персидскаго шаха, ни эмира (хотя впослѣдствіи оно было принято обоими), и послѣдній послалъ своего довѣреннаго министра Сеидъ-Нуръ-Магомеда въ Бомбей съ приказаніемъ протестовать противъ этого рѣшенія. Тогда вице-король обѣщалъ дать эмиру пять лакъ [1]) рупій въ вознагражденіе за уступку территоріи, принадлежавшей нѣкогда Афганистану.

Другой вопросъ, о которомъ Сеиду было приказано объясниться съ индійскимъ правительствомъ, касался неудовольствія эмира противъ Англіи, вызваннаго только-что состоявшимся между Россіей и Англіей соглашеніемъ относительно сѣверной границы Афганистана.

«Еще весною 1870 г. (вскорѣ послѣ взятія русскими Самарканда) между лордомъ Кларендономъ, статсъ-секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ, и русскимъ посланникомъ барономъ Брунновымъ происходили совѣщанія съ цѣлью опредѣлить нейтральную зону, которая должна была составлять границу между англійскими и русскими владѣніями въ Средней Азіи. Россія въ теченіе трехъ лѣтъ настойчиво старалась поставить Афганистанъ внѣ сферы британскаго вліянія; а индійское правительство не менѣе настойчиво указывало на то, какъ опасно было бы заключить соглашеніе, придерживаясь этого принципа; лишь 31-го января 1873 г. была, наконецъ, опредѣлена граница, которую ни Англія, ни Россія не должны были переступать».

Шесть мѣсяцевъ спустя была предпринята русскими экспедиція въ Хиву подъ предлогомъ наказанія хивинцевъ за производимые ими разбои и освобожденія 50 человѣкъ русскихъ плѣнныхъ. При этомъ русское правительство заявило, что экспедиція не будетъ имѣть послѣдствіемъ продолжительную оккупацію ханства. Графъ Шуваловъ, посланный въ Англію съ цѣлью объяснить великобританскому правительству цѣль экспедиціи, заявилъ, что онъ можетъ дать по этому поводу великобританскому народу самыя положительныя обѣщанія, какъ доказательство дружественныхъ и миролюбивыхъ намѣреній его монарха, но, не смотря на эти увѣренія, русскіе не оставили Хивы, и она стала съ тѣхъ поръ русскимъ владѣніемъ.

---

[1]) Остъ-индское обозначеніе числа 100.000 (500 т. рупій).

*

«Такимъ образомъ, Россія, въ двадцать съ небольшимъ лѣтъ, приблизилась къ Индіи на 600 миль, и между передовыми постами этой державы и Великобританіи осталось не болѣе 400 миль.

«Южная граница Россіи фактически сдѣлалась почти сопредѣльна съ сѣверной границей Афганистана. Это легко могло возбудить опасенія афганскаго эмира и дать ему почувствовать, что Россія сдѣлалась опаснымъ сосѣдомъ и что неприкосновенность его владѣній могла быть поддержана только при помощи одной изъ великихъ державъ, подъ выстрѣлами которыхъ онъ очутился».

Поэтому Ширъ-Али, не смотря на отказъ, который онъ получалъ со стороны Англіи, всякій разъ когда онъ искалъ у нея помощи и поддержки, былъ еще въ 1873 г. готовъ вступить въ дружескія отношенія съ этой державою, подъ условіемъ, чтобы Англія признала наслѣдникомъ престола его любимаго сына, и обѣщала бы ему свою помощь въ случаѣ нападенія со стороны Россіи. Но «нашъ отказъ»,—говоритъ сэръ Робертсъ,—«согласиться на эти условія, непріятное для него рѣшеніе вопроса о Сеистанской границѣ» и неудовольствіе, вызванное въ немъ вышеупомянутыми переговорами съ Россіей относительно сѣверной границы Афганистана, сдѣлали Шира-Али изъ нашего друга врагомъ, и онъ рѣшилъ, подобно тому, какъ его отецъ 40 лѣтъ передъ тѣмъ, предоставить свою судьбу въ руки Россіи».

Годъ или два спустя послѣ этихъ событій Робертсъ составилъ по порученію главнокомандующаго великобританскими войсками въ Индіи, лорда Непира, записку о военномъ положеніи англичанъ въ Индіи и о мѣрахъ, которыя необходимо было бы принять въ случаѣ, если бы Россія выказала намѣреніе продолжать свое поступательное движеніе къ югу отъ Аму-Дарьи.

Лѣтомъ 1876 г. обсуждался вопросъ о политикѣ, которой Англіи надлежало держаться на границѣ, о томъ, какъ опасно было продолжать политику невмѣшательства, и указывалось на необходимость войти въ болѣе тѣсныя сношенія съ афганистанскимъ эмиромъ или съ хелатскимъ ханомъ.

Былъ также возбужденъ вопросъ о необходимости имѣть въ Афганистанѣ великобританскихъ агентовъ и склонить эмира допустить въ Кабулъ англійское посольство. Новый вице-король, прибывшій въ Индію въ 1876 году, лордъ Литтонъ получилъ особыя инструкціи относительно того образа дѣйствій, какого великобританское правительство считало нужнымъ держаться впредь въ виду дѣйствій Россіи въ Средней Азіи и полной невозможности знать, что происходило въ Афганистанѣ.

Лордъ Литтонъ рѣшилъ немедленно выяснить вопросъ о посольствѣ и извѣстилъ эмира собственноручнымъ письмомъ, что въ Афганистанъ

будетъ отправленъ посолъ для совмѣстнаго обсужденія съ эмиромъ нѣкоторыхъ важныхъ вопросовъ.

Отвѣтъ эмира былъ самый неблагопріятный; тогда ему было послано вторичное письмо, въ коемъ вице-король увѣдомлялъ его, что если, взвѣсивъ всѣ представленныя ему соображенія, онъ все-таки откажется принять посланнаго, то отвѣтственность за могущія изъ этого произойти послѣдствія падетъ всецѣло на афганистанское правительство, которое встанетъ этимъ въ непріязненныя отношенія къ державѣ, которая была какъ нельзя болѣе расположена относиться къ нему дружественно.

«Это письмо вызвало въ Кабулѣ серьезное волненіе, которое дошло до того, что былъ поднятъ вопросъ о необходимости объявить религіозную войну; дѣло осложнилось тѣмъ, что эмиру были сдѣланы въ это время нѣкоторыя предложенія со стороны туркестанскаго генералъ-губернатора, генерала Кауфмана».

Отвѣтъ Ширъ-Али былъ полученъ только по прошествіи шести недѣль. Обходя молчаніемъ предложеніе вице-короля относительно посольства, эмиръ предлагалъ со своей стороны послать для переговоровъ съ британскимъ правительствомъ довѣренное лицо, или же просилъ вызвать находившагося въ Кабулѣ великобританскаго агента, для обсужденія необходимыхъ вопросовъ съ вице-королемъ.

Послѣднее предложеніе было принято; вице-король поручилъ прибывшему къ нему изъ Кабула агенту сообщить эмиру условія, на которыхъ могло бы состояться заключеніе союза между нимъ и великобританскимъ правительствомъ.

Однимъ изъ главныхъ условій этого соглашенія было, чтобы эмиръ обязался уклоняться отъ всякихъ сношеній съ Россіей и, въ случаѣ какихъ-либо недоразумѣній, предоставлялъ ея агентамъ сноситься непосредственно съ англичанами, и, кромѣ того, чтобы великобританскимъ агентамъ было разрѣшено жить въ Гератѣ и въ другихъ пограничныхъ пунктахъ.

Для обсужденія предложеній, сдѣланныхъ вице-королемъ, въ январѣ мѣсяцѣ 1877 г., съѣхались въ Пешаварѣ Саидъ-Нуръ-Магомедъ и сэръ Левисъ Пелли. Но переговоры не только не повели къ сближенію, а напротивъ окончились разрывомъ между Афганистаномъ и Великобританіей вслѣдствіе рѣшительнаго отказа со стороны эмира разрѣшить англійскимъ офицерамъ жить въ какой бы то ни было части Афганистана При этомъ дѣло весьма осложнилось внезапной смертью Саида-Нуръ-Магомеда.

«Ширъ-Али, узнавъ о смерти своего сановника, пользовавшагося его величайшимъ довѣріемъ, и о неудачѣ переговоровъ, пришелъ въ бѣшенство и выразилъ свой гнѣвъ угрозами и поношеніемъ великобританскаго

правительства, и заявилъ, что съ нимъ нѣтъ никакой возможности придти къ соглашенію, и что ему ничего не остается, какъ объявить войну».

«Въ это самое время, въ 1877 г., Россія объявила войну Турціи, которая продолжалась болѣе года. Такъ какъ можно было предположить, что великобританское правительство будетъ принуждено въ концѣ концовъ принять въ ней участіе, то оно сочло нужнымъ получить подкрѣпленіе изъ Индіи, и изъ Бомбея былъ отправленъ въ Мальту отрядъ изъ 51.000 туземныхъ солдатъ.

Россія отвѣтила на этотъ шагъ съ нашей стороны усиленіемъ своей дѣятельности въ Средней Азіи, и въ іюнѣ мѣсяцѣ 1878 г. маіоръ Каваньяри, англійскій уполномоченный въ Пешаварѣ, донесъ, что въ Кабулъ ожидается русскій посланный въ такомъ же званіи, какъ ташкентскій генералъ-губернаторъ, и что генералъ Кауфманъ писалъ эмиру, что посланный долженъ быть принятъ какъ посланникъ самого царя. Нѣсколько дней спустя было получено извѣстіе о мобилизаціи русскихъ войскъ и о намѣреніи разставить посты Россіи на переправахъ черезъ Аму-Дарью.

«Эмиръ; созвалъ, какъ говорили, на совѣтъ своихъ главныхъ вождей для того, чтобы обсудить вопросъ, что было выгоднѣе для Афганистана при данныхъ обстоятельствахъ: держать ли сторону Россіи или Англіи; очевидно, вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу первой державы, ибо посланному въ Афганистанъ генералу Столѣтову и его спутникамъ по вступленіи ихъ на афганскую территорію былъ оказанъ самый восторженный пріемъ.

«За пять миль отъ столицы Столѣтова и его спутниковъ привѣтствовалъ афганскій министръ иностранныхъ дѣлъ. Они были посажены на слоновъ, покрытыхъ богатѣйшими чепраками, и отправились далѣе, конвоируемые значительнымъ отрядомъ войскъ въ Бала-Гиссаръ, гдѣ торжественно были приняты на слѣдующее утро Ширъ-Али и важнѣйшими сановниками государства.

«Наканунѣ того дня, когда посольство вступило въ Кабулъ, Столѣтовъ получилъ отъ генерала Кауфмана депешу, въ которой генералъ-губернаторъ сообщалъ ему главныя статьи Берлинскаго договора, сдѣлавъ на депешѣ слѣдующую собственноручную приписку: «Если это извѣстіе справедливо, то конечно это очень грустно»; впрочемъ, онъ прибавлялъ, что такъ какъ «конгрессъ кончился, то посланнику, въ переговорахъ съ эмиромъ, слѣдовало уклоняться отъ какихъ-либо мѣръ, не соотвѣтствующихъ рѣшеніямъ конгресса, и отъ какихъ-либо рѣшительныхъ обѣщаній и вообще не заходить такъ далеко, какъ слѣдовало бы въ томъ случаѣ, если бы мы шли на разрывъ съ Англіей». Очевидно, эти инструкціи существенно измѣнили характеръ переговоровъ, которые Столѣтовъ

долженъ былъ вести съ Ширъ-Али; ибо хотя русскіе и отрицаютъ, что съ ихъ стороны существовало намѣреніе заключить съ афганскимъ эмиромъ наступательный и оборонительный союзъ, но по тону депеши Кауфмана можно заключить, что инструкціи, данныя посланнику, были настолько растяжимы, что онъ могъ бы заключить подобный союзъ, если бы обстоятельства сдѣлали его желательнымъ, т. е. если бы Берлинскій конгрессъ не привелъ къ заключенію мира».

Увѣдомляя статсъ-секретаря о происходившемъ въ Кабулѣ, вице-король просилъ подробныхъ инструкцій относительно того, слѣдовало ли индійскому правительству смотрѣть на эти дѣйствія со стороны Россіи и Афганистана какъ на частное дѣло между нею и эмиромъ, или же, принимая во вниманіе рѣшительныя обѣщанія Россіи, къ нимъ слѣдовало отнестись какъ государственному вопросу. «Въ первомъ случаѣ, писалъ вице-король, я предлагаю, съ вашего согласія, настаивать на томъ, чтобы былъ оказанъ подобающій пріемъ великобританскому посольству, которое должно быть послано въ Афганистанъ немедленно».

Предложеніе лорда Литтона было одобрено, и онъ немедленно сообщилъ эмиру собственноручнымъ письмомъ, что «вслѣдствіе полученныхъ имъ извѣстій о событіяхъ въ Кабулѣ и странахъ сосѣднихъ съ Афганистаномъ» въ самомъ непродолжительномъ времени въ Кабулъ будетъ послано посольство для обсужденія важныхъ вопросовъ, затрогивающихъ интересы Индіи и Афганистана.

Вмѣстѣ съ тѣмъ маіору Каваньяри было поручено сообщить кабульскимъ властямъ, что посольство имѣетъ самыя миролюбивыя цѣли и что отказъ обезпечить ему свободный и безопасный проѣздъ, какъ это было сдѣлано по отношенію къ русскому посланнику, будетъ признанъ дѣйствіемъ враждебнымъ.

Письмо вице-короля было получено въ Кабулѣ 17-го августа нов. ст., въ день кончины любимаго сына эмира, Абдулла Джана. «Этимъ прискорбнымъ событіемъ воспользовались для того, чтобы замедлить отвѣтомъ, но переговоры съ Россіей отъ этого ни мало не замедлились. Когда они были окончены, Столѣтовъ спросилъ Ширъ-Али, намѣренъ ли онъ принять англійское посольство; эмиръ просилъ генерала посовѣтовать ему, какъ поступить въ этомъ случаѣ. Столѣтовъ отвѣчалъ нѣсколько уклончиво, но тѣмъ не менѣе далъ понять Ширъ-Али, что одновременное присутствіе посольствъ двухъ странъ, находящихся между собою чуть не во враждебныхъ отношеніяхъ, было бы не совсѣмъ умѣстно. Тогда его степенство положилъ не разрѣшать британскому посольству въѣздъ въ Афганистанъ. Рѣшеніе это, однако, не было сообщено вице-королю, и посольство выѣхало 21-го сентября изъ Пешавара и стало лагеремъ въ Джамрудѣ, въ трехъ миляхъ отъ Хайбергскаго прохода.

Вслѣдствіе крайне враждебнаго отношенія эмира и весьма неудовле-

творительнаго отвѣта, полученнаго отъ Магомедъ-хана, командовавшаго афганскими войсками въ Хайберскомъ проходѣ, на письмо, посланное ему нѣсколько дней передъ тѣмъ, сэръ Невилль Чемберлэнъ, ѣхавшій во главѣ посольства, предполагалъ, что дальнѣйшее движеніе его встрѣтитъ препятствіе и для того чтобы «умалить насколько возможно оскорбленіе, которое могло быть нанесено правительству», онъ послалъ маіора Каваньяри впередъ съ нѣсколькими солдатами въ Али-Масджидъ, фортъ, лежащій въ десяти миляхъ по ту сторону прохода, чтобы просить о разрѣшеніи посольству ѣхать далѣе.

Въ разстояніи одной мили отъ форта, Каваньяри встрѣтилъ отрядъ афридіевъ, которые предостерегали его, что по ту сторону прохода дорога была занята афганцами, и что если онъ поѣдетъ далѣе, то въ него будутъ стрѣлять. Каваньяри остановился и сталъ было писать письмо Магомеду, въ которомъ увѣдомлялъ его, что онъ и его товарищи намѣрены ѣхать далѣе до тѣхъ поръ, пока въ нихъ не станутъ стрѣлять, и что отвѣтственность за это падетъ на представителей эмира, но въ это время ему подали письмо отъ Магомеда, въ коемъ онъ сообщалъ, что ѣдетъ къ нему на встрѣчу и готовъ выслушать все, что онъ имѣетъ сообщить ему.

Свиданіе произошло близъ водяной мельницы на правомъ берегу рѣки, протекающей ниже Али-Масджида. «Мнѣ случалось впослѣдствіи не разъ проѣзжать въ этомъ мѣстѣ, пишетъ Робертсъ, и я представлялъ себѣ мысленно встрѣчу великобританскаго дипломата и афганскаго генерала. Эта встрѣча имѣла чрезвычайно важное значеніе, ибо отъ нея зависѣла война или миръ».

Магомедъ держалъ себя въ высшей степени вѣжливо, но далъ ясно понять, что онъ не позволитъ посольству ѣхать далѣе, объясняя, что онъ только караульный и дѣйствуетъ согласно съ инструкціями, полученными изъ Кабула, и что онъ долженъ препятствовать вступленію посольства на афганскую территорію, опираясь на имѣющіяся въ его распоряженіи войска. Онъ говорилъ довольно горячо и сказалъ между прочимъ, что онъ до сихъ поръ не стрѣлялъ по немъ и его свитѣ согласно приказанію эмира, только въ виду существовавшихъ между нимъ и Каваньяри личныхъ дружественныхъ отношеній.

Спутники Магомеда держали себя менѣе почтительно, нежели ихъ начальникъ, и ихъ поведеніе показало Каваньяри, что продолжать разговоръ было бы неблагоразумно; поэтому онъ простился съ афганскимъ генераломъ и возвратился въ Джамрудъ.

«Донося статсъ-секретарю о происшедшемъ, индійское правительство выражало сожалѣніе по поводу того, что сдѣланная имъ послѣдняя попытка прійти къ какому-либо соглашенію съ кабульскимъ эмиромъ была отвержена столь оскорбительнымъ образомъ; вице-король заключилъ свою

депешу слѣдующими словами: «Отказъ со стороны Ширъ-Али пропустить сэра Невилля Чемберлэна черезъ свою границу въ то время, когда уполномоченный Россіи еще находится въ его столицѣ, доказалъ безполезность дѣйствовать дипломатическимъ путемъ и лишилъ эмира всякаго права на нашу дальнѣйшую снисходительность».

«Такъ долго ожидаемый отвѣтъ эмира на письмо вице-короля отъ 14-го августа нов. ст.(въ которомъ онъ потребовалъ объясненій по поводу оскорбленія, нанесеннаго посольству) былъ полученъ въ Симлѣ 19-го октября нов. ст. Онъ былъ написанъ въ крайне невѣжливомъ тонѣ; эмиръ не извинялся въ немъ за оскорбленіе, нанесенное публично великобританскому правительству, и не высказывалъ желанія установить болѣе дружественныя отношенія».

Отвѣтъ этотъ былъ немедленно сообщенъ статсъ-секретарю; вмѣстѣ съ тѣмъ правительствомъ Индіи было предложено принять слѣдующія мѣры:

Немедленно обнародовать манифестъ, въ которомъ было бы изложено нанесенное ему оскорбленіе, были бы высказаны дружескія чувства къ афганскому народу, нежеланіе вмѣшиваться въ его внутреннія дѣла, и вся отвѣтственность за дальнѣйшія событія была бы возложена на эмира и вмѣстѣ съ тѣмъ двинуть войска къ Афганистану.

Статсъ-секретарь отвѣчалъ 25-го октября нов. ст., что онъ не считалъ обстоятельства достаточно серьезными, чтобы принять крайнія мѣры, предложенныя индійскимъ правительствомъ, и что прежде, чѣмъ переступить границу Афганистана, надлежало послать эмиру письмо, потребовать, чтобы онъ извинился и допустилъ посольство въ предѣлы Афганистана, назначивъ довольно продолжительный срокъ для полученія отвѣта, а между тѣмъ сосредоточивать войска и двинуть ихъ къ тѣмъ пунктамъ, гдѣ они должны бы были, въ случаѣ объявленія войны, перейти границу.

«Все это было выполнено въ точности; 30-го октября нов. ст. Ширу-Али былъ посланъ ультиматумъ, коимъ онъ увѣдомлялся, что если отъ него не будетъ получено въ требуемомъ смыслѣ отвѣта не позже 30-го ноября, то великобританское правительство отнесется къ нему, какъ врагу».

20-го ноября отвѣта еще не было получено; на слѣдующій день войскамъ было приказано выступить.

Началась вторая афганская война, во время которой Робертсъ командовалъ одной изъ трехъ колоннъ, вторгнувшихся въ Афганистанъ, и нанесъ афганцамъ чувствительное пораженіе при Пейверъ-Коталѣ. Война эта окончилась, какъ извѣстно, полнымъ пораженіемъ афганской арміи. Когда это извѣстіе было получено въ Кабулѣ, то «Ширъ-Али съ членами русскаго посольства, находившимися въ то время въ Кабулѣ,

уѣхали въ Туркестанъ, а его сынъ, Якубъ-ханъ, былъ освобожденъ изъ тюрьмы и принялъ въ руки бразды правленія».

«Въ это время сэръ Самуэль Броунъ, находившійся тогда въ Джалалабадѣ, получилъ отъ эмира письмо, коимъ онъ извѣщалъ его о своемъ намѣреніи отправиться въ Петербургъ съ цѣлью изложить дѣло царю и просить помощи Россіи

«Исчезновеніе Ширъ-Али и переходъ власти въ руки Якубъ-хана побудили вице-короля войти чрезъ маіора Каваньяри въ сношенія съ Якубъ-ханомъ и разъяснить ему, что индійское правительство находилось во враждѣ только съ Ширъ-Али и что онъ могъ разсчитывать на дружеское расположеніе великобританскаго правительства къ нему лично и что непріятельскія дѣйствія прекратятся, если онъ самъ не возобновитъ ихъ».

Между тѣмъ, сосѣднія племена, оказавшія во время войны помощь англійскимъ войскамъ, были приглашены Робертсомъ на дурбаръ и имъ было объявлено, что они будутъ отнынѣ подъ покровительствомъ Великобританіи, что ни одному изъ афганскихъ эмировъ не будетъ позволено впредь тиранить ихъ, что до тѣхъ поръ пока они будутъ жить мирно, ихъ религія и обычаи останутся неприкосновенны.

21-го февраля нов. ст. 1879 г. скончался Ширъ-Али въ афганскомъ Туркестанѣ, и Якубъ-ханъ, сообщая это извѣстіе вице-королю, писалъ, что онъ желалъ бы, чтобы дѣла приняли такой оборотъ, чтобы «дружба между даннымъ ему Богомъ государствомъ и великобританскимъ правительствомъ упрочилась и была непоколебима».

Лордъ Литтонъ отвѣчалъ полною готовностью начать переговоры для заключенія мира и возстановленія дружественныхъ отношеній между обоими государствами подъ условіемъ, что эмиромъ будутъ выполнены требованія англійскаго правительства; что онъ откажется между прочимъ отъ своихъ верховныхъ правъ надъ независимыми племенами, населяющими территорію, смежную съ главною дорогою, ведущею въ Индію, сдѣлаетъ нѣкоторыя территоріальныя уступки, будетъ сообразоваться съ совѣтомъ и желаніями великобританскаго правительства при сношеніяхъ съ иноземными державами, и что великобританскимъ офицерамъ будетъ дозволено жить въ извѣстныхъ пунктахъ Афганистана».

«Отвѣтъ Якубъ-хана былъ не вполнѣ удовлетворительный, но для окончательнаго рѣшенія спорныхъ вопросовъ, онъ разрѣшилъ Каваньяри прибыть въ Кабулъ и, прося не требовать отъ него никакихъ территоріальныхъ уступокъ, обѣщалъ строго согласовать свой дальнѣйшій образъ дѣйствій съ тѣми дружескими чувствами, которыя онъ питалъ къ Англіи».

Но едва было получено отъ него 29-го марта нов. ст. письмо съ этими увѣреніями, «какъ была перехвачена прокламація, въ коей эмиръ совѣто-

валъ одному изъ сосѣднихъ племенъ не бояться невѣрныхъ, противъ которыхъ онъ намѣренъ двинуть насмѣтныя силы» и коихъ онъ «совѣтовалъ убивать по мѣрѣ возможности. Это былъ чисто-азіатской комментарій къ его дружественнымъ увѣреніямъ».

Не смотря на это явное доказательство измѣны, было рѣшено не прекращать переговоровъ съ Якубъ-ханомъ, и лордъ Литтонъ собственноручно извѣстилъ его, что въ Кабулъ будетъ посланъ Каваньяри для личнаго съ нимъ совѣщанія по поводу разныхъ вопросовъ, возникшихъ между обоими государствами.

«Я лично былъ убѣжденъ,—пишетъ Робертсъ,—что время переговоровъ еще не настало, что афганцы еще не достаточно прониклись мыслію о томъ, что они потерпѣли пораженіе и поэтому не могли быть увѣрены въ томъ, что мы будемъ въ состояніи наказать ихъ за измѣну и вѣроломство, и что миръ, заключенный въ то время, когда они не понесли еще рѣшительнаго пораженія, будетъ непроченъ и создастъ много хлопотъ въ будущемъ».

Хотя эти соображенія были имъ высказаны и найдены лордомъ Литтономъ справедливыми, но онъ не могъ руководствоваться ими, такъ какъ «общественное мнѣніе Англіи было противъ продолженія войны; и если бы только эмиръ не предпринялъ никакихъ явно враждебныхъ дѣйствій, то миръ долженъ былъ быть заключенъ».

Полковникъ Коллэ (Colley), личный секретарь лорда Литтона, съ которымъ говорилъ по этому поводу Робертсъ, высказалъ между прочимъ, что договоръ, который Каваньяри надѣялся заключить съ Якубъ-ханомъ, имѣлъ цѣлью расширить границу Индіи и обезпечить Англіи преобладающее вліяніе въ Кабулѣ,—два пункта, коими, по его словамъ, вице-король особенно дорожилъ и которые играли главную роль въ его политической программѣ. Лордъ Литтонъ предвидѣлъ, что какова бы ни была въ будущемъ политика двухъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ европейскихъ державъ, соприкосновеніе въ Азіи границъ Великобританіи и Россіи составляло только вопросъ времени, и онъ стремился къ тому, чтобы пограничная линія была намѣчена англичанами, а не находилась въ зависимости отъ требованій минуты или отъ требованій Россіи.

«Бухтіаръ-ханъ, посланный къ эмиру съ письмами вице-короля и Каваньяри, прибылъ въ Кабулъ въ тотъ моментъ, когда афганскія власти, сопровождавшія Ширъ-Али въ его бѣгствѣ, возвратились въ этотъ городъ изъ Туркестана. Эмиръ совѣщался съ ними о томъ, какой пріемъ оказать великобританскому посланнику; но въ Кабулѣ была вліятельная военная партія, которая была противъ войны, и эмиру сильно совѣтовали оставить союзъ съ Англіей и довѣриться Россіи».

Услыхавъ это, Бухтіаръ-ханъ, опасаясь, что положеніе посольства

въ Кабулѣ будетъ не безопасно и что Якубъ-ханъ даже при желаніи не будетъ въ состояніи защищать его отъ оскорбленій, предложилъ, чтобы самъ эмиръ отправился для переговоровъ въ англійскій лагерь

8-го мая нов. ст. эмиръ прибылъ въ Гандамакъ въ лагерь сэра Самуэля Броуна, а 26-го числа, благодаря такту и дипломатической ловкости Каваньяри, былъ заключенъ гандамакскій договоръ, коимъ окончился первый фазисъ второй афганской войны.

Въ силу этого договора, Якубъ-ханъ уступилъ англичанамъ земли, которыя они требовали, обязался руководствоваться во внѣшней политикѣ совѣтами Великобританіи, которая со своей стороны обѣщала оказать ему помощь, въ случаѣ нападенія извнѣ; въ Кабулѣ долженъ былъ находиться впредь англійскій представитель, съ подобающей свитою, а эмиръ со своей стороны могъ при желаніи имѣть представителя при дворѣ индійскаго вице-короля; англичанамъ предоставлялось право свободной торговли во владѣніяхъ эмира и право провести на свой счетъ телеграфъ изъ Индіи въ Кабулъ; кромѣ того, Англія обязывалась выдавать эмиру и его преемникамъ ежегодно субсидію въ 6 лакъ рупій».

Мрачное предчувствіе Робертса, основанное на его знакомствѣ съ характеромъ афганцевъ, и его убѣжденіе въ преждевременности какихъ бы то ни было переговоровъ съ афганцами, которые еще не позабыли уничтоженія ими англійской арміи въ Ягдалакскомъ проходѣ въ 1842 г. и считали себя въ состояніи препятствовать ихъ движенію въ Кабулъ, и о необходимости внушить имъ предварительно уваженіе вооруженной силой,—оправдались самымъ трагическимъ образомъ шесть мѣсяцевъ спустя послѣ того, какъ онъ разставался съ грустнымъ чувствомъ съ Каваньяри, когда тотъ отправился въ свою миссію въ Кабулъ.

Въ первыхъ числахъ сентября нов. ст. 1879 г. цивилизованный міръ былъ потрясенъ извѣстіемъ объ убійствѣ въ Кабулѣ Каваньяри и его спутниковъ.

В. В. Тимощукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1902 г.

ТОМЪ СТО ДЕВЯТЫЙ.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ.

Записки и Воспоминанія.

СТРАН.

Портреты.

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

СТРАН.

Библіографическій листокъ.

Приложенія.

Комитета по очереди старшинства въ чинѣ, каждый въ четырехъ засѣданіяхъ. Журналы засѣданій сначала составлялъ кто-либо изъ товарищей министра, а съ 1805 года—статсъ-секретарь. Засѣданіе открывалось чтеніемъ и утвержденіемъ журнала предъидущаго собранія; затѣмъ предлагался перечень дѣлъ, назначенныхъ къ сужденію; общее рѣшеніе и отдѣльныя мнѣнія, если были такія, записывались въ журналъ, который, по утвержденіи его, представлялся государю, который, читая журналъ засѣданія—читалъ какъ-бы совмѣстный докладъ всѣхъ министровъ.

Война 1812 г. и отъѣздъ государя изъ столицы расширили предѣлы власти и кругъ дѣятельности Комитета; на это время Комитетъ Министровъ былъ учрежденъ «съ особенною властію по всѣмъ вообще дѣламъ государственнаго управленія»; назначенъ былъ особый предсѣдатель Комитета — генералъ - фельдмаршалъ графъ Н. И. Салтыковъ; членами, кромѣ министровъ, были назначены: главнокомандующій въ столицѣ гр. Вязьмитиновъ и предсѣдатели департаментовъ Государственнаго Совѣта, и усилена была Канцелярія Комитета. Въ отсутствіе государя, Комитетъ, главнымъ образомъ, былъ занятъ дѣлами, вызванными обстоятельствами: укомплектованіе арміи рекрутами, одеждою, обувью, провіантомъ составляли не легкую обязанность въ то время при крайнемъ недостаткѣ свободныхъ средствъ въ государственномъ казначействѣ; пострадавшія отъ нашествія непріятеля губерніи требовали самаго внимательнаго попеченія и денежной помощи; къ неизбѣжному злу всякой войны—распространенію злокачественныхъ заразныхъ болѣзней, присоединилась еще чума, - вотъ при какихъ условіяхъ пришлось дѣйствовать Комитету.

Въ 1813 г. Н. И. Салтыковъ просилъ государя о позволеніи Комитету Министровъ образовать изъ своихъ членовъ особый Комитетъ со включеніемъ туда и сибирскаго генералъ-губернатора. Государь не только согласился на это, но рескриптомъ на имя графа Салтыкова обобщилъ эту мѣру: «но какъ случиться могутъ дѣла подобнаго рода и кромѣ сибирскихъ, то я считаю полезнымъ постановить на будущее время, чтобъ для разсмотрѣнія дѣлъ, требующихъ особаго времени, всегда составлены были Комитеты таковые... Комитетамъ симъ имѣть особо положенные часы для засѣданія и, окончивъ каждое дѣло, представлять съ мнѣніемъ своимъ и въ общее присутствіе Комитета Министровъ». Такимъ путемъ при Комитетѣ Министровъ начали образовываться особые Комитеты, членами которыхъ въ большинствѣ были министры: т. е. часть предварительной работы изъ общаго присутствія переносилась въ частныя; этимъ облегчался ходъ занятій Комитета Министровъ, и расширились предѣлы его дѣятельности и его компетенціи.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи С. М. Середонинъ выясняетъ отношенія Комитета Министровъ къ Государственному Совѣту и къ Сенату. Отношенія его къ Сенату въ дѣйствительности не соотвѣтствовали тому положенію вещей, которое опредѣлено было закономъ. Обширная фактическая власть Комитета часто нарушала значеніе и компетенцію Сената.

Во второй главѣ разсматривается дѣятельность Комитета Министровъ въ отношеніи народнаго здравія, продовольствія и переселенія. Дѣла высшей полиціи предоставлялись Комитету Министровъ только на время отсутствія государя изъ Россіи, и то, что̀ относится до сохраненія тишины и порядка, изъято было послѣ 1814 г. совсѣмъ изъ вѣдѣнія Комитета; охрана же населенія отъ эпидемій и продовольственное дѣло во все время царствованія императора Александра I были въ вѣдѣніи Комитета Министровъ, при чемъ на немъ лежала обязанность принимать мѣры и распоряжаться не только тогда, когда начинался голодъ или проникала въ государство чума, но и въ то время, когда не было никакой опасности.

Третья глава отведена дѣятельности Комитета Министровъ въ вопросахъ сословныхъ. Задачею его въ этомъ отношеніи было не созданіе новыхъ отношеній и даже не видоизмѣненіе старыхъ, а по мѣрѣ возможности—урегулированіе и упорядоченіе отношеній дѣйствующихъ: Комитетъ старался вдвинуть въ рамки закона замѣчаемыя отклоненія во взаимныхъ отношеніяхъ сословій или въ отношеніяхъ ихъ къ государству.

Отношенія Комитета Министровъ къ центральному и мѣстному управленіямъ разобраны авторомъ въ *четвертой* главѣ, а въ слѣдующей онъ разсматриваетъ отношенія къ государственному хозяйству.

Разсмотрѣвъ въ *шестой* главѣ участіе Комитета Министровъ въ разрѣшеніи дѣлъ военныхъ, С. М. Середонинъ въ *седьмой*, послѣдней главѣ своего труда останавливается на дѣятельности Комитета въ отношеніи къ просвѣщенію и Церкви.

Таково, въ краткомъ изложеніи, содержаніе интересной и весьма важной книги С. М. Середонина.

Н. И-ш-ъ

Издатель **С. Зыковъ**. Редакторъ **Н. Дубровинъ**.

